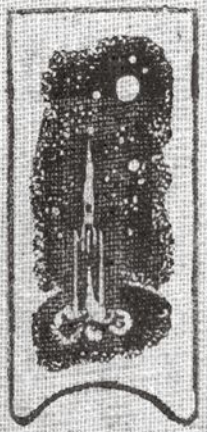


ИВАН ЕФРЕМОВ

ИВАН ЕФРЕМОВ

ИВАН ЕФРЕМОВ

СБОРНИК
научно-фантастических
произведений

...Но цель — не самый полет, а добыча нового знания, открывание новых миров, из которых когда-нибудь мы сделаем такие же прекрасные планеты, как наша Земля...

...Боевой огонь возмущения зажегся в угнетенном Баурджеде. Он должен был... сражаться с этой губящей... силой... Сыны Кемт и рабы — негры, ливийцы, азиаты — сражались во имя жизни... против неслыханной силы Великой Дуги...

...Пандион мечтал о творениях, которые не угнетали и не давили бы человека, а, наоборот, возвышали. Он чувствовал, что настоящее искусство — в радостном слиянии с жизнью...

...В этих глазах был свет безмерного мужества разума,... неведомое существо было близким человеку, понятным и не чуждым. Великое братство по духу и мысли с людьми Земли безотчетно сказывалось в облике гостя нашей планеты...

ИВАН ЕФРЕМОВ

Серия
научной фантастики

«Икар»

Кишинев

«Штиинца» 1986

84Р7-4
Е92

Текст печатается по изданию:

Иван Ефремов
Сочинения в трех томах,
т. 1, 2, 3, ч. II.— М. «Молодая гвардия», 1975, 1976.

Художник
М. Г. Хазан

Составитель
А. И. Степин

4702010200—40
Е——————170—86
М755(12)—86

© Составление и художественное оформление.
Издательство «Штиинца», 1986

ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ
21—221

ПУТЕШЕСТВИЕ БАУРДЖЕДА
223—287

НА КРАЮ ОЙКУМЕНЫ
289—453

РАССКАЗЫ
455—572

СТРАНИЦЫ ТВОРЧЕСТВА ИВАНА ЕФРЕМОВА

1

1957 год положил начало новому этапу в развитии научно-фантастической литературы и оказался для нее решающим рубежом. Конечно, это только случайность, что роман Ефремова «Туманность Андромеды» вышел в свет в том же году, когда был запущен первый искусственный спутник. Но в таком совпадении есть и какая-то закономерность. Ведь мировая наука давно уже начала готовиться к штурму космоса, а писатели-фантасты еще раньше приняли на вооружение идеи Циолковского.

За короткий промежуток времени в сознании людей произошли удивительные перемены. Раздвинулись границы мышления. Сложнейшие астрономические понятия из специальных научных трудов перешли на страницы газет.

Русское слово «спутник» стало международным, воплотив в себе все лучшее и передовое, что было создано страной социализма.

С тех пор «Туманности Андромеды» суждено было обойти в переводах на сорок с лишним языков весь земной шар, выдержать не одну сотню изданий, остаться в истории литературы как классическое произведение советской научной фантастики о всепланетном коммунистическом обществе.

Прочитав в журнале «Техника — молодежи» сокращенный вариант романа, покоренные силой мысли и воображения автора, мы захотели во что бы то ни стало познакомиться с Иваном Антоновичем, чьи «Рассказы о необыкновенном» и «Звездные Корабли» еще раньше произвели на нас большое впечатление.

И вот мы в Москве, в его тесной, сплошь заставленной книжными стеллажами квартире в Спасоглинищевском переулке. Навстречу нам выходит высокий, широкоплечий, моложавый для пятидесяти лет человек с миндалевидными голубыми глазами. Чуть тронутые сединой волосы стрижены ежиком. Его огромная сильная ладонь, протянутая для рукопожатия, способна еще, как он сам говорил, разогнуть подкову. Хотя он без бороды и усов и облачен не в доспехи, а в черный морской китель, не скрывающий могучего торса, Ефремов представляется нам с первого взгляда едва ли не былинным богатырем, и такое впечатление еще усиливается его мягким рокочущим басом.

Поначалу, как это бывает при первой встрече, разговор не очень клеился, пока не обнаружились наши общие пристрастия к литературе романтической мечты, к морским и экзотическим приключениям, и особенно к научной фантастике. Писатель заговорил о ее удивительных судьбах, о покоряющей воображение способности соединять прошлое с настоящим и настоящее с будущим.

— К сожалению,— заметил Ефремов,— у нас пока еще недооценивают фантастику, но она может и должна воздействовать на воспитание молодежи в нужном нам направлении. К этому я и стремился, изображая в своем романе Землю, освобожденную от всяческих скверн, объединенное человечество Эры Великого Кольца...

В первой же затянувшейся за полночь беседе раскрылась его необыкновенно многогранная личность, покорил его глубокий ищущий ум, свободно преодолевающий пространственно-временные барьеры, которыми разделены отделенные друг от друга безмерными межзвездными расстояниями очаги высокого Разума в космосе, в существовании которых писатель не сомневался. И вместе с тем поражала его озорная, почти мальчишеская увлеченность всем необычным, загадочным, таящим в себе прик-

лючения, отвагу, преодоление невероятных преград как в литературе, так и в реальной жизни.

Но мы тогда еще не знали, что этот с виду такой могучий человек, возглавлявший в пустыне Гоби палеонтологическую экспедицию «за костями драконов», перенес в полевых условиях, буквально на ходу, инфаркт миокарда и был уже неизлечимо болен.

Как странно и порою несправедливо складываются людские судьбы! Ему, влюбленному в древнюю Элладу, мечтавшему о путешествиях по Африке и по Индии, получавшему десятки приглашений на международные научные конгрессы чуть ли не во все страны мира, предстояло прожить оставшиеся годы в четырех стенах своего кабинета или в лучшем случае на подмосковной даче.

Спустя несколько лет, когда мы уже настолько сблизились, что смогли с его помощью собрать материалы для монографии о жизни и творчестве Ивана Ефремова (книга «Через горы времени», изданная «Советским писателем» в 1963 году) и постоянно обменивались письмами, в одном из них, от 6 марта 1967 года, он впервые признался:

«У меня ощущение, что я как хороший броненосец, с большой силой машин, запасом плавучести и т. д., но получивший пробоину, которую никак не могут заделать... И вот медленно, но верно заполняется водой один отсек за другим и корабль садится все глубже в воду. Он еще идет, но скорости набрать нельзя — выдавятся переборки, и сразу пойдешь ко дну. Поэтому броненосец идет медленно, почти с торжественной обреченностью, погружаясь, но с виду все такой же тяжелый и сильный. А в рубке управления мечется, пытаясь что-то сделать, капитан (моя жена) и экипаж из моих друзей, готовых сделать, что возможно, кроме главного — пробоина незаделываемая. Так и у меня — с каждой новой кардиограммой смотришь, как поднимаются одни зубцы, опускаются другие, расползаются вширь, осложняясь дополнительными, третьи. Эту картину я отчетливо вижу и сам. Это не паника, не внезапный припадок слабости или меланхолии, просто облеклось в поэтический образ мое заболевание. И не говорите ничего никому, ведь сколько осталось плавучести — величина неопределенная, зависящая от общей жизненности организма, и, может быть, и не так уж скоро, кое-что, во всяком случае, успею сделать — это я как-то внутренним чутьем понимаю, хоть и не исключаю возможности внезапного поворота событий,— но ведь это уже опасение кирпича на голову и потому не принимается во внимание. Меня всегда привлекал один эпизод из Цусимского боя. Когда броненосец «Сысой Великий», подбитый, с испорченными машинами, спасаясь от японцев, встретил крейсер «Владимир Мономах» и поднял сигнал: «Тону, прошу принять команду на борт». И на мачтах крейсера взвились флаги ответного сигнала: «Сам через час пойду ко дну». Мой броненосец пока не отвечает этим сигналом людям, введенным в заблуждение моей всегдашней бодростью, но дело к тому пошло за последний год довольно быстро».

Поражает мужественная оценка писателем своего физического состояния. Но ведь он был не только писателем, но и крупнейшим ученым биологического профиля. Необходимость соизмерять свои силы с трезвым сознанием неизлечимости недуга, предопределившего в недалеком будущем роковой исход, заставляла его рассчитывать свое время не только по часам, но и по минутам. Каждая очередная книга, которую он доводил до конца, казалась ему последним сказанным словом. Однако строго регламентированный режим и неусыпные заботы жены, Т. И. Ефремовой, продлили Ивану Антоновичу творческую жизнь еще на пятилетие со времени получения цитированного письма и позволили ему выполнить за эти годы поистине гигантскую работу — написать еще два романа, не

считая многочисленных статей, отзывов, интервью и огромнейшей переписки с учеными, литераторами и читателями.

Тем самым как бы подтвердилась на его личном примере одна из любимых идей писателя о почти безграничных возможностях организма, подчиненных самовнушению и сильной воле, что ярче всего воплотилось в образе доктора Гирина из романа «Лезвие бритвы».

5 октября 1972 года Ивана Антоновича не стало.

На протяжении многих лет — после появления «Туманности Андромеды» — он был признанным главой научно-социологического направления в советской фантастике и оказывал заметное влияние не только на советскую, но и мировую научно-фантастическую литературу. Вдохновляющим примером служит жизнеутверждающий пафос его творчества и глубокая убежденность в высоком назначении Человека, который сумеет преодолеть на своем пути все предвидимые и непредусмотренные трудности и построить общечеловеческий дом по законам всеобщей Справедливости, Разума и Красоты.

2

В 1944 году в журнале «Новый мир» появился цикл «Рассказов о необыкновенном», подписанных неизвестным в литературе именем И. Ефремов.

Читатели и критика встретили вполне доброжелательно произведения «молодого автора».

Одним из первых обратил на них внимание А. Н. Толстой. Тяжко больной, находясь уже на пороге смерти, Алексей Николаевич продолжал живо интересоваться всем, что происходило в советской литературе. Он пригласил Ефремова к себе в кремлевскую больницу и с места в карьер обратился с вопросом: «Рассказывайте, как вы стали писателем! Как вы успели выработать такой изящный и холодный стиль?»

«Начинающему автору» исполнилось к тому времени тридцать семь лет. Доктор биологических наук, видный палеонтолог и геолог, Иван Антонович Ефремов был участником и руководителем многих экспедиций Академии наук на Севере, в Закавказье, на Урале и в Восточной Сибири. Его перу принадлежало уже около полусотни опубликованных научных трудов. Ученому постоянно приходилось вести полевые дневники, описывать ископаемые, условия залегания пластов, окружающий ландшафт, минералы с их бесконечным разнообразием красок и оттенков.

Профессия геолога и палеонтолога требует точных наблюдений и умения фиксировать все, что видит глаз... Отсюда и поразивший А. Н. Толстого «изящный и холодный стиль».

Но главное, в чем выразилось подлинное новаторство автора «Рассказов о необыкновенном»,— соединение строжайшей логики научного поиска с раскованностью художественного воображения — было понято позднее, с дальнейшим прогрессом науки и популяризацией ее достижений.

В самом деле, «приключения мысли», определяющие движение сюжета, Ефремов впервые в нашей литературе раскрыл в природоведческом плане.

В наши дни новеллы о необычайных наблюдениях, открытиях и находках в различных отраслях науки стали самостоятельным и весьма популярным ответвлением научно-художественного жанра.

Ефремов выступил как новатор и в историко-фантастической дилогии «Великая Дуга», состоящей из повестей «Путешествие Баурджеда» (1953) и «На краю Ойкумены» (1949).

Дело не только в том, что в те годы в советской литературе почти не

было оригинальных произведений, посвященных великим цивилизациям древности. Разрабатывая эту тему, Ефремов воздействует на воображение читателей совершенно необычным подходом к изображению интеллектуального облика своих героев, которые в борьбе с жестокой природой и социальной несправедливостью приходят к целостному восприятию окружающего мира, к осознанию могущества, заложенного в дружбе и солидарности людей разных народов.

«Великая Дуга» отмечена обычным в творчестве Ефремова сочетанием строгих научных данных с богатейшей фантазией. Точное воссоздание исторического, географического и этнографического колорита и... явно модернизированные образы героев. Но в этой сознательной модернизации, пожалуй, и заключается глубинный смысл произведения. Идеи интернационализма, истоки которого Ефремов находит в далекой древности, делают его историческую дилогию вполне современной. Символика исканий на Великой Дуге древнего мира воспринимается как своеобразный пролог коммунистической утопии Великого Кольца грядущих времен в романе «Туманность Андромеды».

Этот роман, принесший Ефремову мировое признание, был не только новым словом в научно-фантастической литературе, но и открыл для советской, шире говоря — социалистической фантастики новые, неизведанные пути.

Ефремов-писатель как бы дополняет и продолжает Ефремова-ученого.

Способность легко и непринужденно подниматься от частного к общему, от отдельного факта к множеству причин и следствий, от разрозненных наблюдений к еще не познанной, но уже наметившейся в воображении картине целого — характерная черта Ефремова, выделяющая его среди писателей-фантастов современности.

Пафос безграничного познания, радость постижения окружающей природы и всего материального мира — основа основ его литературного творчества. И в большом и в малом он старается уловить действие определенных закономерностей, за хаосом фактов — железную логику причинности. Иначе говоря, материалистическая диалектика подчиняет себе работу мысли ученого и писателя, в каком бы направлении она ни велась.

Своеобразие Ефремова — мыслителя и художника, в том, что он в состоянии охватить исторический процесс в его всеобъемлющем комплексе. От далекого прошлого Земли и предыстории человечества он свободно переходит к временам грядущим, опираясь на познанные закономерности исторического и научного прогресса.

Космическое видение мира выражается у него и в «формулах», и в образах. В «формулах» сжатых и точных, в образах высокопоэтических, созданных могучим воображением.

Все это и позволяло Ефремову оставаться на протяжении тридцати с лишним лет на вахте впередсмотрящего советской научно-фантастической литературы.

3

Ранние впечатления не только формируют характер, но и накладывают отпечаток на всю последующую жизнь творческой личности. Об этом неоднократно напоминает Ефремов в многочисленных интервью с журналистами.

«Я помню свое детство,— рассказывает он,— свою юность, когда меня увлекали волшебные контуры дальних стран, когда я бредил тайнами Африки, дебрями Амазонки, когда, засыпая, сразу же оказывался на берегах экзотической реки. И исполинские крокодилы плыли, разрезая

желтые воды, и трубили слоны, и величественные львы поворачивали головы на восход. Я засыпал и просыпался в мире, полном непознанного. Тогда никто еще не проник в глубины океанов, тогда я даже думать не смел о том, чтобы увидеть Землю со стороны, полететь на Луну или к другим планетам».

Мальчику было шесть лет — И. А. Ефремов родился 22 апреля 1907 года в деревне Вырице, под Петербургом,— когда ему под руку попался роман «Восемьдесят тысяч верст под водой». Рано пристрастившийся к чтению мальчуган с жадностью проглотил книгу, а потом перечел еще раз и еще — и надолго отдал свое сердце капитану Немо. Несколько позже он раздобыл другой роман Жюля Верна — «Путешествие к центру Земли» — и заинтересовался минералами.

Буйное воображение в сочетании с острой памятью еще в детские годы создавало своего рода щит, который прикрывал его от пагубного воздействия мещанской среды. Он жил в своем собственном мире, сотканном из ярких образных представлений, навеянных прочитанными книгами и дополненных неуемной фантазией.

Позже, двенадцатилетним подростком, заброшенный ветрами гражданской войны в Херсон, Ефремов становится воспитанником 2-й роты автобазы 6-й армии. С красноармейцами роты совершает он большие, утомительные переходы. Но суровая романтика революции не заслонила от Ефремова его книжных пристрастий. Именно в это время он знакомится с сочинениями Райдера Хаггарда, которого всю жизнь продолжал почитать как одного из своих любимейших писателей. Устойчивый интерес Ефремова к Африке, который проходит через все его творчество, зародился еще при первом чтении таких пленительно-таинственных романов Хаггарда, как «Она», «Аллан Кватермен», «Копи царя Соломона».

Романтическому мировосприятию Ефремова способствовало и увлечение морем, когда в студенческие годы, будучи учеником знаменитого палеонтолога П. П. Сушкина, он чуть было не отдал предпочтение профессии моряка. Ведь знакомство со старым парусным капитаном, автором морских рассказов Д. А. Лухмановым обещало пытливому юноше открытия «неведомых земель». И хотя в конце концов пересилила наука, Ефремов на всю жизнь полюбил беспредельные океанские просторы. Став через несколько лет палеонтологом, он никогда не забывал навыки, полученные на кавасаки — моторном боте, на котором ходил старшим матросом.

Первую самостоятельную палеонтологическую экспедицию Ефремов проводит в 1926-м — на горе Богдо в Астраханской губернии. Затем с 1929 года он принимает участие в геологических поисках. Чтобы чувствовать себя во всеоружии и в этой новой профессии, он поступает экстерном на геологический факультет Горного института. Через три года молодой палеонтолог получает диплом горного инженера. Практический опыт разведчика земных недр, сложные геологические процессы и закономерности, постигнутые Ефремовым, открыли перед ним новые горизонты. Но это не значит, конечно, что он забросил свою основную специальность. Крупные открытия, которые позднее были сделаны им в палеонтологии, явились результатом смелого вторжения в пограничную область между двумя отраслями естествознания, совмещения обеих сторон палеонтологии — биологической и геологической, которые раньше механически отделялись одна от другой.

Высшим научным достижением Ефремова был капитальный труд «Тафономия и геологическая летопись» (1950), отмеченный Государственной премией и получивший вскоре всеобщее признание.

Тафономия — производное от греческих слов: тафо — захороняю,

номос — закон. В энциклопедических словарях тафономия определяется как разработанная советским ученым И. А. Ефремовым новая отрасль палеонтологии, изучающая процессы образования местонахождений остатков ископаемых животных и растений в слоях земной коры. Но можно сказать и шире: тафономия — это учение о закономерностях формирования геологической летописи.

Еще до того, как был опубликован этот труд, Ефремову блестяще удалось применить положения тафономии на практике. В 1946—1949 годах он возглавил три последовательные палеонтологические экспедиции в Монгольскую Народную Республику, где в пустыне Гоби на основе теоретических предположений Ефремова были открыты едва ли не самые богатые в мире скопления костей динозавров, а также млекопитающих кайнозойской эры, причем многие из них относятся к ранее неизвестным видам.

Можно понять законную гордость ученого, когда он несколько лет спустя заявил: «Появление тафономии впервые именно в нашей стране не случайно и отражает общее стремление советской науки к всестороннему охвату изучаемых проблем».

Характерно, что с годами основные положения тафономии получают дальнейшую разработку и все большее применение в практической деятельности палеонтологов и геологов не только у нас, но и за рубежом.

В 1956 году вышла в свет художественно-документальная очерковая книга «Дорога ветров», написанная на материале путевых дневников, которые велись Ефремовым в годы монгольских палеонтологических экспедиций. В творчестве писателя эта книга занимает промежуточное положение, находясь как бы «на стыке» науки и литературы, и по художественным приемам, поэтике она ближе всего к «Рассказам о необыкновенном».

«Дорога ветров» — книга глубоко поучительная. Она не только прививает навыки научного мышления и материалистические представления о мире, но и проникнута поэзией науки, романтикой исследовательской деятельности.

Ефремов обработал и опубликовал свои монгольские дневники, будучи уже вполне сложившимся, широко известным писателем.

Отступив от хронологического принципа, мы рассматриваем здесь «Дорогу ветров» как автобиографическое произведение, в котором особенно отчетливо раскрывается симбиоз и вместе с тем внутренние борения ученого и писателя. В самом деле, в год выхода «Дороги ветров» Ефремов уже работал над «Туманностью Андромеды». Литература в его кипучей деятельности начинает занимать доминирующее место. Впрочем, немаловажную роль здесь сыграло и здоровье, основательно подорванное в экспедициях. Работать же вполсилы он просто не умел. И вот наступил день, когда профессор И. А. Ефремов покинул пост заведующего лабораторией низших позвоночных Института палеонтологии Академии наук СССР, чтобы посвятить большую часть времени осуществлению многочисленных литературных замыслов.

4

Что же заставило ученого, находящегося в расцвете творческих сил и завоевавшего в своей области громкое имя, так упорно пробовать себя в литературе?

Конечно, в этом смысле он не был единственным. Приобщение ученого к художественной фантастике имеет давнюю традицию. Достаточно вспомнить французского астронома Камиля Фламмариона, таких рус-

ских ученых, как шлиссельбуржец Н. А. Морозов, К. Э. Циолковский, академик В. А. Обручев. К середине нашего века подобные «набеги» крупнейших ученых в мир фантастики (Норберт Винер, Джон Пирс, Лео Сциллард, Отто Фриш, Фред Хойл и др.) стали распространенным явлением. Очевидно, фантастика позволяет ставить мысленные эксперименты, невозможные в лабораторных условиях, открывает простор ищущему уму своими, пока еще необоснованными, обгоняющими время допусками.

Естественные науки, бесспорно, помогли Ефремову представить целостную картину материального мира, находящегося в непрерывном движении и развитии. Но заданные рамки специальных исследований сдерживали его воображение, склонное к широким обобщениям и дерзким гипотезам.

К тому времени у Ефремова сложилось и собственное отношение к роли и назначению художественной литературы. Высоко ценя лучшие образцы приключенческой литературы за ее динамичность и влияние на умы и сердца молодых читателей, Ефремов в то же время видел ее слабости, проявляющиеся в том, что приключения нередко становились самоцелью и превращались в бездумное развлекательство.

А если перенести акцент с романтики приключений на романтику творческого поиска? Это не только изменит традиционную форму приключенческого повествования, но и наполнит его новым содержанием. Обычную интригу вытеснит научный и логический анализ. Действие, правда, будет развертываться в замедленном темпе, но сюжет не потеряет своей остроты. Обычные приключения заменятся приключениями мысли — от зарождения гипотезы до ее превращения в теорию, подкрепленную многочисленными доказательствами, что само по себе определяет сюжетную напряженность.

Ученый сталкивается с непонятным явлением природы. Для решения сложной проблемы мобилизуются самые разнообразные средства, привлекаются сведения из нескольких областей знания. Исследователь сопоставляет разрозненные факты, строит неожиданные предположения, демонстрируя не только силу логики, но и незаурядную способность к ассоциативному мышлению. В конечном счете победу торжествует аналитический ум ученого.

Почти во всех этих рассказах Ефремов остается фантастом. Однако его фантастические идеи так тщательно обоснованы, что принимают очертания научных гипотез и позднее нередко получают подтверждение, о чем подробно пишет сам автор в предисловии к своим рассказам.

Но среди них есть и такие, в которых развитие действия обусловлено не фантастическим допуском, а необыкновенными результатами созидательной деятельности людей, необыкновенными проявлениями воли и мужества, энергии и находчивости («Обсерватория Нур-и-Дешт», «Эллинский Секрет», «Катти Сарк» и др.).

Герой Ефремова — человек мысли и действия — образ в значительной степени автобиографический, во всяком случае психологически близкий автору, можно сказать, его alter ego. Да и сам писатель этого не скрывает. «В общем,— говорит Ефремов,— почти в каждый рассказ вкраплены воспоминания об эпизодах моей собственной путешественнической или морской жизни».

Если бы Ефремов не пошел дальше и не обратился к человеку как творческой индивидуальности, его художественное развитие могло бы приостановиться раньше, чем исчерпался бы запас сюжетов. Но Ефремов не остановился на достигнутом. Требовали своего воплощения новые, куда более широкие замыслы, охватывающие целые исторические эпохи и судьбы всего человечества. Естественно, что и многочисленные герои

последующих произведений, посвященных далекому прошлому и далекому будущему, должны были предстать перед читателем в ином качественном выражении.

Что же касается «Рассказов о необыкновенном» в целом, то они остаются прекрасным началом творческих свершений писателя, сохраняя в истории советской литературы новаторское значение как новый тип приключенческого повествования, в котором научная идея, движение мысли, любование работой ума не только поэтизируются сами по себе, но и определяют поэтику произведения.

5

Обращение Ефремова к исторической теме было подготовлено его профессиональным интересом и к далекому прошлому Земли, и к истокам человеческой цивилизации. Читателям, полюбившим Ефремова как фантаста, могло показаться странным и неожиданным появление «Великой Дуги».

Но, по существу, Ефремов остается фантастом и в исторических повестях, поскольку художественный домысел преобладает над зарегистрированными фактами, относящимися к такому-то периоду древнего египетского царства или Эллады эпохи формирования классического античного общества. Реконструкция воображаемой картины, намеченной археологами и историками древнего мира, сближает исторические повести Ефремова с произведениями научной фантастики. Но как бы ни был велик в данном случае авторский домысел, он не вступает в противоречие с научной достоверностью.

Ефремов познает историю в движении, стараясь найти даже в очень далеком прошлом те звенья, которые связывают цепь времен. Ненависть к деспотии, к любым формам самовластия и подавления личности пронизывает все творчество Ефремова, начиная от его исторических повестей и кончая романами о далеком будущем. В дилогии «Великая Дуга» символом тирании, превращающей каждого простого человека в песчинку, становится мертвящая власть фараона. Сочиняя «Путешествие Баурджеда» и «На краю Ойкумены», писатель думал не только о давнем прошлом, но и о настоящем и будущем Африки, думал не только об исторических судьбах народов Черного материка, но и о судьбах других народов.

Все герои Ефремова, независимо от того, когда они живут и действуют, всегда обгоняют свое время. Наделенные ищущим пытливым умом, они устремляются к новому и неизведанному, и в этом вечном поиске писатель видит назначение человека.

Таковы Баурджед, казначей фараона Джедефры и его кормчий Уахеиеб, принесшие современникам новые знания и расширившие их представления о мире. Семилетнее плавание Баурджеда к полулегендарной стране Пунт (по-видимому, на побережье Аденского залива) и еще южнее — к берегам реки Замбези — разрушило укоренившееся представление, что вся Земля ограничивается страной Та-Кем — «Большим домом» фараона. Но эти знания вступают в противоречие с идеей безраздельного владычества фараона над всем миром и наносят удар культу единовластия, который на протяжении многих столетий составлял основу политической и религиозной идеологии древнего египетского царства.

Потому так холодно и подозрительно встретил преемник Джедефры фараон Хафра некстати вернувшегося Баурджеда и, выслушав его рассказ о дальних странах, приказал уничтожить путевые записи, отправить его спутников на далекие окраины Та-Кем, а самому Баурджеду забыть навсегда все, что он видел. Но, несмотря на приказ фараона, «песня-

сказание, порожденная душой народа, свободной в своей любви и ненависти, неподкупной в оценке совершившегося, прославляла его», Баурджеда, первого египтянина, достигшего Великой Дуги.

В отличие от Баурджеда молодой эллин Пандион, герой повести «На краю Ойкумены», расширяет не географические представления о мире, а постигает его эстетическую сущность глазами гениального скульптора, намного опередившего свое время.

«На краю Ойкумены» — книга о воспитании характера. В центре ее человек, жадно ищущий и чутко воспринимающий все новое, что приносит ему жизнь.

Перед читателем проходит пестрая географическая панорама. Уголок Древней Греции, остров Крит, Средиземное море и вся Африка, начиная от рабовладельческого Египта и кончая экваториальными дебрями, где живут свободолюбивые негритянские племена.

Проведя Пандиона через многочисленные испытания, сталкивая его с разными людьми, знакомя с жизнью, культурой и искусством других народов, автор показывает молодого художника в непрерывном развитии. Каждая новая встреча обогащает его внутренний мир, способствует духовному росту.

Если в «Путешествии Баурджеда» истинное знание преодолевает границы царства, религиозные догматы, сопротивление косности и невежества, то в «На краю Ойкумены» высокое искусство побеждает и пространство и время, сохраняя для грядущих поколений свою нетленную ценность.

Хотя в суровом и еще примитивном искусстве Греции гомеровского периода преобладали плоскостные геометрические формы, Пандион предвосхитил в своих исканиях и мастерстве искусство Эллады эпохи полного расцвета. Ефремов и здесь воспользовался правом художника наделить своего героя чертами психологии и сознания людей более поздней эпохи. Таким образом, и тема искусства раскрывается в исторической перспективе.

Ничего нет горше одиночества человека, оторванного от родины! Раб фараона Пандион понял свою беспомощность перед лицом деспотической власти. В мучительных испытаниях и непрерывной борьбе с превратностями судьбы он ищет и находит друзей. Ими становятся могучий негр Кидого и суровый этрусский воин Кави. Они втроем возглавляют мятеж рабов и после кровопролитных схваток с египетской стражей уходят в пустыню.

Тема бескорыстной братской дружбы представителей разных народов, объединенных стремлением к свободе, бережно и любовно проносится Ефремовым через всю книгу, как бы предвосхищая интернационалистское сознание передовых людей нашей эпохи. Здесь, несомненно, улавливается и перекличка с прогрессивными идеями братства восставших рабов многих национальностей в почитаемом Ефремовым романе гарибальдийца Раффаэлло Джованьоли «Спартак».

Переплетение этих двух тем — облагораживающее воздействие красоты и нерушимой дружбы — получает символическое выражение в прекрасном произведении искусства. На плоском обломке берилла, когда-то привезенного Баурджедом из дальних странствий, рукою Пандиона вырезана гемма: три обнявшиеся мужские фигуры — эллин, негр и этруск...

В одном из писем к авторам этой статьи И. А. Ефремов так раскрывает замысел своей дилогии: «Мне хотелось рассказать о культуре Эллады и Древнего Египта и вместе с тем об искусстве этих стран, ибо культура неотделима от искусства, которое в древности играло, пожалуй, большую роль в жизни общества, чем теперь. Египет и Эллада даны в

противопоставлении. Египет — страна замкнутая, косная, стонущая под бременем деспотической власти. Эллада — страна открытая, жизнелюбивая, с широким кругозором. Ни один народ в мире не выразил себя так полно и свободно в своем искусстве, как древние греки. Это — первая в истории человечества культура, для которой в период ее расцвета характерно увлечение эмоциональной жизнью человека — гораздо больше в сторону Эроса, чем религии, что резко отличает ее от древнеегипетской религиозной культуры. Эллада пленяет свежестью и полнотой чувств, и отношение к ней не может измениться».

Устойчивый интерес к эллинской культуре сопровождает писателя на протяжении всей его творческой жизни. Тема античного искусства впервые была затронута в рассказе «Эллинский Секрет» и получила дальнейшее развитие в повести «На краю Ойкумены», затем, как великая унаследованная традиция далекого прошлого, предстала в новом качестве в романах «Туманность Андромеды» и «Таис Афинская»[1].

6

Наибольшую славу Ефремову принесли научно-фантастические романы и повести, в которых писатель с огромной силой убежденности утверждает материалистическую идею о единстве в разных уголках мирового пространства великого процесса эволюции, становления высшей формы материи и творческой работы разума.

Еще задолго до запуска первого искусственного спутника и вывода на околоземную орбиту космического корабля с человеком на борту, Юрием Гагариным, задолго до того, как нога человека ступила на поверхность Луны, а в атмосферу Венеры и Марса проникли автоматические станции-лаборатории, Ефремов опубликовал повесть «Звездные Корабли» (1948), написанную в 1944 году.

Уже ставшее привычным в наши дни космическое видение мира, окончательно перечеркнувшее геоцентрические представления, тогда, более четырех десятилетий назад, в интерпретации Ефремова поразило воображение даже искушенных читателей. Мало того, что ему удалось показать в действии взаимозависимость разнообразных наук, казалось бы, не имеющих между собой никаких точек соприкосновения, писатель с убеждающей силой логики обосновал гипотетическую возможность посещения Земли представителями развитых цивилизаций других звездных систем. При этом Ефремов доказывал, что пришельцы из космоса неминуемо должны быть человекоподобными: «Формы человека, его облик как мыслящего животного не случаен, он наиболее соответствует организму, обладающему огромным мыслящим мозгом. Между враждебными жизни силами космоса есть лишь узкие коридоры, которые использует жизнь, и эти коридоры строго определяют ее облик. Поэтому всякое другое мыслящее существо должно обладать многими чертами строения, сходными с человеческими, особенно в черепе»[2].

Едва намеченная в «Звездных Кораблях» мысль о том, что глубокое проникновение в космос, влекущее за собой контакты инопланетного разума, возможно только на высшем уровне социальной организации, соответствующей нашим представлениям о коммунизме,— эта мысль получила широкое истолкование в романе «Туманность Андромеды» и примыкающей к нему повести «Сердце Змеи» (1958).

[1] При жизни писателя был опубликован сокращенный вариант в журнале «Молодая гвардия» (1972, № 7—11).

[2] Те же идеи развиваются Ефремовым в статье «Космос и палеонтология (альманах «Н. Ф.», вып. 12. М., 1972).

В отличие от многих писателей-фантастов, полагающих, что формы высокоразумной жизни в разных уголках вселенной могут быть исключительно многообразными, вплоть до «мыслящих растений» или даже «разумной плесени», Ефремов последовательно отстаивал антропоморфическую гипотезу.

Непредвиденная встреча в глубинах космоса экипажей двух звездолетов — земного и с планеты Тау Змееносца — выявляет не только физиологическое сходство землян и «голубых людей», что облегчает взаимопонимание, но и близость уровней социального и научно-технического прогресса, достигнутого обитателями обеих планет. Более того, всякого рода опасения, что встреча может привести к враждебному столкновению, оказываются несостоятельными. Любая цивилизация, доросшая технически до расселения в космосе, не может не стоять на высшей ступени нравственного, а следовательно, и социального развития!

В «Сердце Змеи» Ефремов выступает как психолог, передающий сложную гамму мыслей, чувств и переживаний людей, готовящихся к первой встрече с разумными существами другой звездной семьи. При этом самый образ мышления его героев находится в соответствии с временем действия, то есть отражает высочайший уровень общественной структуры и научных знаний эпохи расцвета мирового коммунизма.

Космическое мировосприятие составляет идейную основу и такого романа, как «Туманность Андромеды».

«Наши полеты в безмерные глубины пространства,— с горечью говорит командир звездолета Эрг Ноор,— это пока еще топтание на крошечном пятнышке диаметром в полсотни световых лет!»

И действительно, звездолеты на фотонных или ионных двигателях никогда не преодолеют барьера световой скорости, и, следовательно, путешествие даже к ближайшим звездным системам растянется на долгие годы. Непреодолимые пространства — главное препятствие для познания вселенной и установления непосредственных контактов с цивилизациями обитаемых планет.

Но писатель не может и не хочет согласиться с пределом, поставленным физическими законами. Если невозможны прямые контакты, то на помощь должны прийти радиоволны. Так возникает грандиозная идея Великого Кольца Миров, в которое включаются одна за другой внеземные цивилизации, достигшие космического уровня прогресса. Не сомневаясь в том, что Великое Кольцо существует в действительности, Ефремов оценивает установление связи людей Земли с братьями по мысли как стремительный рывок вперед, позволивший человечеству почувствовать себя еще более могущественным перед силами природы. И вот что поразительно: придуманный писателем фантастический термин Великое Кольцо вошел в арсенал современных научных представлений на правах гипотезы.

Но и на этом не успокаивается ищущая мысль. Ведь и радиоволны подчинены все тому же «роковому» пределу — 300 тысяч километров в секунду. И тогда возникает идея «совершить еще одну из величайших научных революций — окончательно победить время, научиться преодолевать любое пространство в любой промежуток времени, наступить ногой властелина на непреодолимые просторы космоса». Персонажи из «Туманности Андромеды»: гениальный физик Рен Боз разрабатывает теорию «нуль-пространства», а экспериментатор Мвен Мас ставит свой знаменитый Тибетский опыт, в результате которого был достигнут «репагулюм» — переход пространства в антипространство: на какую-то долю секунды был как бы переброшен мост протяженностью в двести девяносто световых лет к планете звезды Эпсилон Тукана.

Развитием этого принципа становятся пульсационные звездолеты в «Сердце Змеи».

Таким образом, Ефремов по-своему истолковывает важнейшие проблемы, давно уже занимающие воображение писателей-фантастов. Отталкиваясь от новейших научных гипотез и пытаясь предусмотреть, к чему может привести их безграничное развитие в будущем, он намечает далекие перспективы астронавтики, кибернетики, биохимии, медицины, с убеждающей силой показывая победу человеческого разума над косными силами мироздания, и прежде всего — над временем и пространством.

Но Ефремов не был бы в своей области новатором, если бы не подчинил замысел «Туманности Андромеды» научно-материалистическим философским представлениям о законах природы и общества. Величайшие завоевания науки и техники будущего поставлены писателем в прямую зависимость от социального прогресса. Ефремов впервые попытался нарисовать широкую и разностороннюю панораму высокоразвитого коммунистического общества, объединившего все человечество. И в этом его главная заслуга.

По охвату материала «Туманность Андромеды» — произведение почти энциклопедическое. Автор, создавая облик грядущего мира, старается проникнуть во все сферы общественной жизни — человеческих отношений, науки, техники, философии, педагогики, психологии, морали, искусства. Синтетический замысел и стремление раскрыть явления во всеобъемлющем комплексе определяют композицию, художественные приемы, язык и стиль романа.

Подавляющее большинство писателей-фантастов показывают грядущее глазами своего современника. Ефремов выбрал иной путь, гораздо более трудный. Он поставил своей задачей взглянуть на мир завтрашнего дня не извне, а изнутри, из будущего смотреть в прошлое, стать современником людей, о которых он пишет. Поэтому его героям, живущим спустя, по крайней мере, полтысячелетия после нас, нет надобности удивляться достижениям созданной ими техники и победам в космосе. Вместе с новыми масштабами мысли меняется отношение и к земным делам, и к задачам освоения вселенной.

Художественный прием «показа изнутри» поначалу затрудняет восприятие. Но постепенно осваиваешься с законами этого необычного мира и начинаешь верить в него, подходить к нему с теми мерками, которые установлены самим автором, продумавшим все причины и следствия, вытекающие из его фантастических допущений.

Но каковы же они, герои «Туманности Андромеды», наши далекие потомки — люди Эры Великого Кольца?

В одном из интервью Ефремов подробно излагает свои взгляды на человека будущего и на трудности его изображения: «Когда я пишу своих героев, я убежден, что эти люди — продукт совершенно другого общества. Их горе не наше горе, их радости не наши радости. Следовательно, они могут в чем-то показаться непонятными, странными, даже неестественными. ...В данном случае я говорю о принципе, о подходе, о специфике. Если герои в чем-то кажутся искусственными, схематическими, абстрактными, в этом, наверное, сказались недостатки писательского мастерства. Но принцип правилен. Надо на эту высокую гору лезть, пытаться создать правдивый, высокохудожественный образ человека далекого будущего, а не подлаживаться, не приспосабливаться, не переносить искусственно человека нынешнего в то далекое время».

Исходя из известной формулы Маркса — коммунизм равен гума-

низму,— Ефремов выводит целую галерею образов людей, действительно высокогуманных, органически сочетающих свои личные интересы с интересами общества, достигших полной гармонии в духовном и физическом развитии.

По мысли Ефремова, идеально поставленное коллективное воспитание — единственно правильный путь формирования нового человека. Поэтому так много внимания уделяется системе воспитания и обучения подрастающего поколения от школы первого цикла до «подвигов Геркулеса» — труднейшего экзамена на право вступить в жизнь полноценным ее строителем и творцом.

Когда труд перестает быть необходимостью и становится естественной потребностью, доставляющей радость и наслаждение, человек вырывается из плена узкой профессионализации. В Эру Великого Кольца за долголетнюю жизнь каждый успевал получить высшее образование по нескольким специальностям, меняя род работы в соответствии с внутренней потребностью.

Несмотря на изобилие материальных благ, люди не мыслят нормальной жизнедеятельности вне разностороннего созидательного труда. «Мечты о тихой бездеятельности рая,— говорит психолог Эвда Наль,— не оправдались историей, ибо они противны природе человека-борца».

Эта мысль, проходящая красной нитью через весь роман, полемически заострена против утопических, антинаучных представлений о высшей фазе коммунизма как о «машинном рае», где на долю человека оставлена скучнейшая обязанность — вовремя нажимать кнопки механизмов и переводить рычаги управления.

Изображенное Ефремовым общество могло бы полностью отказаться от применения простого физического труда. Однако автор не перестает настаивать на его биологической необходимости. Ведь физическая работа дает не только разрядку от интеллектуального напряжения, но в соединении со спортом способствует закалке организма и приносит удовлетворение в непосредственной борьбе с различными испытаниями.

Эра Великого Кольца — это одновременно и эра Прекрасного, в полной мере постигнутого человечеством.

Преодолено отставание искусства от стремительного роста знаний и техники. Наполнение мира Красотой, эстетизация всех сфер жизни становится внутренней потребностью каждого члена общества. Искусство в тесном союзе с наукой участвует в преобразовании человека и окружающего мира.

«Развивать эмоциональную сторону человека стало важнейшим долгом искусства. Только оно владеет силой настройки человеческой психики, ее подготовки к восприятию самых сложных впечатлений».

Мы наметили некоторые вехи, могущие облегчить понимание этого сложного социально-философского романа. С 1957 года, то есть года выхода в свет, «Туманность Андромеды» обросла огромной критической литературой и подробными комментариями, которые, в частности, попытались дать и авторы этих строк в книге «Через горы времени».

«Туманность Андромеды» вызвала многочисленные отклики и в зарубежной печати. Даже буржуазная пресса не обошла вниманием «утопический роман» советского писателя, отметив его гуманную направленность и «прозорливое предвидение лучшего будущего». Изданная в 1970 году во Франции десятитомная серия «Шедевры мировой фантастики» открывается «Туманностью Андромеды».

В творчестве Ефремова впервые в советской фантастике литература как человековедение становится «человечествоведением». И в этом плане,

учитывая масштабность мысли и нарисованных автором картин всепланетного охвата, пронизанных к тому же космическим видением мира, особенно важен идейный подход к представлениям писателя о будущем.

«Туманность Андромеды» полемически заострена и против социального пессимизма фантастики Герберта Уэллса, в частности «Машины времени», где рисуется «затухание» и обмельчание человечества[1], и против буржуазных социологических концепций, получающих отражение в фантастической литературе современного Запада.

В некоторых случаях Ефремов сам называет произведения, вызвавшие у него внутренний протест. Известно, например, что повесть «Сердце Змеи» написана как контроверза «Первому контакту» Мюррея Лейнстера.

Материалист по глубокому убеждению, диалектик по методу мышления, Ефремов решительно осуждал беспочвенные социологические построения западных фантастов, нередко основанные на скоротечных, лопающихся, как воздушные шарики, футурологических теориях («национальный социализм», гибридное «конвергентное» общество, «постиндустриальное» общество и т. п.), всегда противопоставляемых марксистско-ленинскому учению о поступательном ходе общественного развития.

С этой точки зрения «Туманность Андромеды» не только выдержала испытание временем как выдающееся произведение научной фантастики, но и в нынешней борьбе идеологий остается испытанным, действенным оружием.

Как мы не раз говорили, с появлением «Туманности Андромеды» четко обозначился качественно новый этап в истории развития советской научно-фантастической литературы. Покоряющее воздействие этого романа само по себе отбросило прочь бескрылую фантастику «ближнего прицела», по существу подменявшую собой задачи популяризации достижений науки и техники.

Под влиянием творчества Ефремова образовалось новое социологическое направление в советской и, шире говоря, социалистической научно-фантастической литературе, направление, которое без всяких натяжек можно назвать «школой Ефремова».

Ведь именно Иван Ефремов, развивая идеи Циолковского, поднял научную фантастику нашей страны на уровень современного космического мышления, показав Землю лишь как один из множества островов Разума в беспредельном океане вселенной.

Ведь именно Иван Ефремов попытался смоделировать и людей и общество будущего, отодвинутых от нашей эпохи на много столетий вперед, тем самым наметив жизнеутверждающую перспективу подлинно гармонических отношений человека с человеком и человека с природой.

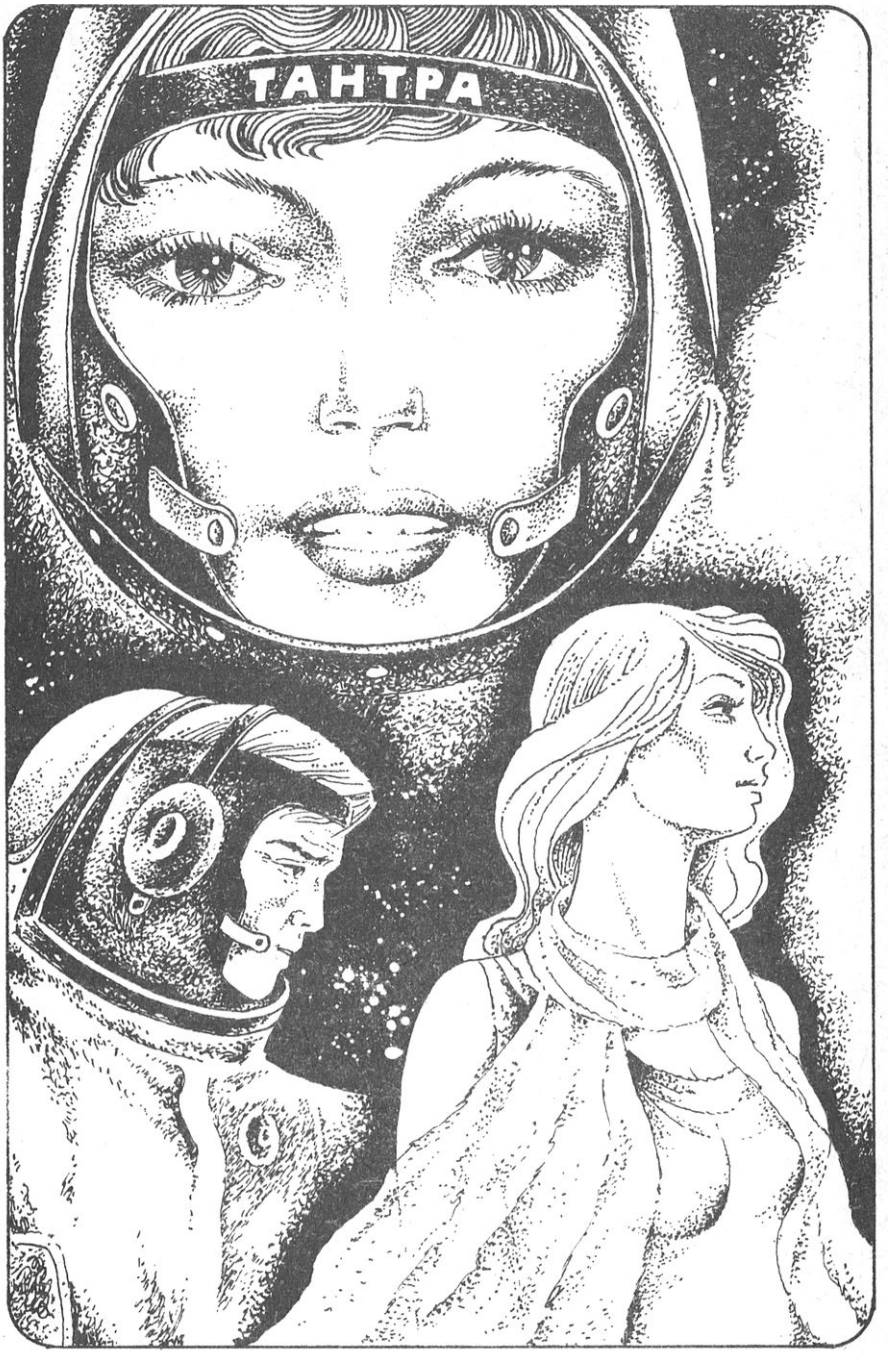
Ведь именно Иван Ефремов, в личности которого как бы соединились черты Пандиона, Гирина[2] и Дар Ветра, выковал в своих произведениях непрерывную временную цепь прошлого, настоящего и будущего.

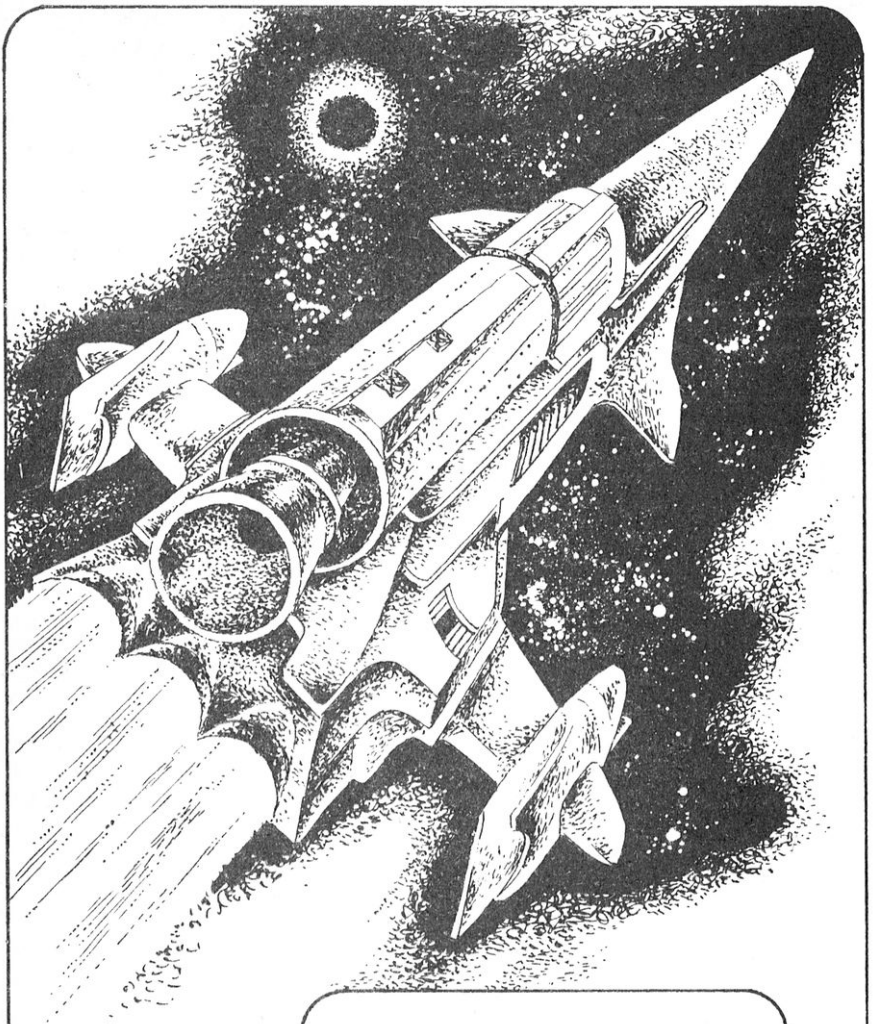
Евгений Брандис, *Владимир Дмитревский*

---

[1] См. в этом сборнике выдержки из статьи И. Ефремова «На пути к роману «Туманность Андромеды».

[2] Наделенный автобиографическими чертами главный герой романа «Лезвие бритвы».


ТАНТРА



ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ

I

Глава первая

ЖЕЛЕЗНАЯ ЗВЕЗДА

В тусклом свете, отражавшемся от потолка, шкалы приборов казались галереей портретов. Круглые были лукавы, поперечно овальные расплывались в наглом самодовольстве, квадратные застыли в тупой уверенности. Мерцавшие внутри них синие, голубые, оранжевые, зеленые огоньки подчеркивали впечатление.

В центре выгнутого пульта выделялся широкий и багряный циферблат. Перед ним в неудобной позе склонилась девушка. Она забыла про стоявшее рядом кресло и приблизила голову к стеклу. Красный отблеск сделал старше и суровее юное лицо, очертил резкие тени вокруг выступавших полноватых губ, заострил чуть вздернутый нос. Широкие нахмуренные брови стали глубоко черными, придав глазам мрачное, обреченное выражение.

Тонкое пение счетчиков прервалось негромким металлическим лязгом. Девушка вздрогнула, выпрямилась и заломила тонкие руки, выгибая уставшую спину.

Позади щелкнула дверь, возникла крупная тень, превратилась в человека с отрывистыми и точными движениями. Вспыхнул золотистый свет, и густые темно-рыжие волосы девушки словно заискрились. Ее глаза тоже загорелись, с тревогой и любовью обратившись к вошедшему.

— Неужели вы не уснули? Сто часов без сна!..

— Плохой пример? — не улыбаясь, но весело спросил вошедший. В его голосе проскальзывали высокие металлические ноты, будто склепывавшие речь.

— Все другие спят,— несмело произнесла девушка,— и... ничего не знают,— добавила она вполголоса.

— Не бойтесь говорить. Товарищи спят, и сейчас нас только двое бодрствующих в космосе, и до Земли пятьдесят биллионов[1] километров— всего полтора парсека![2]

— И анамезона[3] только на один разгон! — Ужас и восторг звучали в возгласе девушки.

Двумя стремительными шагами начальник тридцать седьмой звездной экспедиции Эрг Ноор достиг багряного циферблата.

---

[1] *Биллион* — здесь биллион в европейском смысле этого слова, то есть миллион миллионов $=10^{12}$.

[2] *Парсек* — единица измерения астрономических расстояний, равная 3,26 светового года, или около 32×10^{12} км.

[3] *Анамезон* — вещество с разрушенными мезонными связями ядер атомов, обладающее близкой к световой скоростью истечения (фантастическое).

— Пятый круг!

— Да, вошли в пятый. И... ничего.— Девушка бросила красноречивый взгляд на звуковой рупор автомата-приемника.

— Видите, спать нельзя. Надо продумать все варианты, все возможности. К концу пятого круга должно быть решение.

— Но это еще сто десять часов...

— Хорошо, посплю здесь, в кресле, когда кончится действие спорамина[1]. Я принял его сутки назад.

Девушка что-то сосредоточенно соображала и наконец решилась:

— Может быть, уменьшить радиус круга? Вдруг у них авария передатчика?

— Нельзя! Уменьшить радиус, не сбавляя скорости,— мгновенное разрушение корабля. Убавить скорость и... потом без анамезона... полтора парсека со скоростью древнейших лунных ракет? Через сто тысяч лет приблизимся к нашей солнечной системе.

— Понимаю... Но не могли они...

— Не могли. В незапамятные времена люди могли совершить небрежность или обманывать друг друга и себя. Но не теперь!

— Я не о том,— обида прозвучала в резком ответе девушки.— Я хотела сказать, что «Альграб», может быть, тоже ищет нас, уклонившись от курса.

— Так сильно уклониться он не мог. Не мог не отправиться в рассчитанное и назначенное время. Если бы случилось невероятное и вышли из строя оба передатчика, то звездолет, без сомнения, стал бы пересекать круг диаметрально, и мы услышали бы его на планетарном приеме. Ошибиться нельзя — вот она, условная планета!

Эрг Ноор указал на зеркальные экраны в глубоких нишах со всех четырех сторон поста управления. В глубочайшей черноте горели бесчисленные звезды. На левом переднем экране быстро пролетел маленький серый диск, едва освещенный своим светилом, очень удаленным отсюда, от края системы Б-7336-С+87-А.

— Наши бомбовые маяки[2] работают отчетливо, хотя мы сбросили их четыре независимых года[3] назад.— Эрг Ноор указал на четкую полосу света вдоль длинного стекла в левой стене.— «Альграб» должен быть здесь три месяца тому назад. Это значит,— Ноор поколебался, как бы не решаясь произнести приговор,— «Альграб» погиб!

— А если не погиб, а поврежден метеоритом и не может развивать скорость?..— возразила рыжеволосая девушка.

— Не может развивать скорость! — повторил Эрг Ноор.— Да разве это не то же самое, если между кораблем и целью встанут тысячелетия пути? Только хуже — смерть придет не сразу, пройдут годы обреченной безнадежности. Может быть, они позовут — тогда узнаем... лет через шесть... на Земле.

Стремительным движением Эрг Ноор вытянул складное кресло из-под стола электронной расчетной машины. Это была малая модель «МНУ-11». До сих пор из-за большого веса, размеров и хрупкости нельзя было уста-

---

[1] *Спорамин* — лекарство, выключающее сон (фантастическое).

[2] *Бомбовые маяки* — автоматические станции-роботы для подачи мощных сигналов, пробивающих планетную атмосферу. Сбрасываются со звездолетов (фантастическое).

[3] *Независимый год* — год времени по земному счету, независимый от скорости звездолета.

навливать на звездолетах электронную машину-мозг типа «ИТУ» для всесторонних операций и полностью поручить ему управление звездолетом. В посту управления требовалось присутствие дежурного навигатора, тем более что точная ориентировка курса корабля на столь далекие расстояния была невозможна.

Руки начальника экспедиции замелькали с быстротой пианиста над рукоятками и кнопками расчетной машины. Бледное, с резкими чертами лицо застыло в каменной неподвижности, высокий лоб, упрямо наклоненный над пультом, казалось, бросал вызов силам стихийной судьбы, угрожавшим живому мирку, забравшемуся в запретные глубины пространства.

Низа Крит, юный астронавигатор, впервые попавшая в звездную экспедицию, затихла, не дыша наблюдая за ушедшим в себя Ноором. Какой он спокойный, полный энергии и ума, любимый человек!.. Любимый давно уже, все пять лет. Нет смысла скрывать от него... И он знает, Низа чувствует это... Сейчас, когда случилось это несчастье, ей выпала радость дежурить вместе с ним. Три месяца наедине, пока остальной экипаж звездолета погружен в сладкий гипнотический сон. Еще осталось тринадцать дней, потом заснут они — на полгода, пока не пройдут еще две смены дежурных: навигаторов, астрономов и механиков. Другие — биологи, геологи, чья работа начинается только на месте прибытия,— могут спать и дольше, тогда как астрономы — о, у них самый напряженный труд!

Эрг Ноор поднялся, и мысли Низы оборвались.

— Я пойду в кабину звездных карт. Ваш отдых через...— он взглянул на циферблат зависимых часов,— девять часов. Успею выспаться, перед тем как сменить вас.

— Я не устала, я буду здесь сколько понадобится, только бы вы смогли отдохнуть!

Эрг Ноор нахмурился, желая возразить, но уступил нежности слов и золотисто-карих глаз, доверчиво обращенных к нему, улыбнулся и молча вышел.

Низа уселась в кресло, привычным взглядом окинула приборы и глубоко задумалась.

Над ней чернели отражательные экраны, через которые центральный пост управления совершал обзор бездны, окружавшей корабль. Разноцветные огоньки звезд казались иглами света, пронзавшими глаз насквозь.

Звездолет обгонял планету, и ее тяготение заставляло корабль качаться вдоль изменчивого напряжения поля гравитации. И недобрые величественные звезды в отражательных экранах совершали дикие скачки. Рисунки созвездий сменялись с незапоминаемой быстротой.

Планета К2-2Н-88, далекая от своего светила, холодная, безжизненная, была известна как удобное место для рандеву звездолетов... для встречи, которая не состоялась. Пятый круг... И Низа представила себе свой корабль, несущийся с уменьшенной скоростью по чудовищному кругу, радиусом в миллиард километров, беспрерывно обгоняя ползущую как черепаха планету. Через сто десять часов корабль закончит пятый круг... И что тогда? Могучий ум Эрга Ноора сейчас собрал все силы в поисках наилучшего выхода. Начальник экспедиции и командир корабля ошибаться не может — иначе звездолет первого класса «Тантра» с экипажем из лучших ученых никогда не вернется из бездны пространства! Но Эрг Ноор не ошибется...

Низа Крит вдруг почувствовала отвратительное, дурнотное состоя-

ние, которое означало, что звездолет отклонился от курса на ничтожную долю радиуса, допустимую только на уменьшенной скорости, иначе его хрупкого живого груза не осталось бы в живых. Едва рассеялся серый туман в глазах девушки, как дурнота наступила снова,— корабль вернулся на курс. Это неимоверно чувствительные локаторы нащупали в черной бездне впереди метеорит — главную опасность звездолетов. Электронные машины, управляющие кораблем (ибо только они могут проделывать все манипуляции с необходимой быстротой — человеческие нервы не годятся для космических скоростей), в миллионную долю секунды отклонили «Тантру» и, когда опасность миновала, столь же быстро вернули на прежний курс.

«Что же помешало таким же машинам спасти «Альграб»? — подумала пришедшая в себя Низа.— Он наверняка поврежден встречей с метеоритом. Эрг Ноор говорил, что до сих пор каждый десятый звездолет гибнет от метеоритов, несмотря на изобретение столь чувствительных локаторов, как прибор Волла Хода, и защитные энергетические покрывала, отбрасывающие мелкие частицы». Гибель «Альграба» поставила их самих в рискованное положение, когда казалось, что все хорошо продумано и предусмотрено. Девушка стала вспоминать все случившееся с момента отлета.

Тридцать седьмая звездная экспедиция была направлена на планетную систему близкой звезды в созвездии Змееносца, единственная населенная планета которой — Зирда давно говорила с Землей и другими мирами по Великому Кольцу. Внезапно она замолчала. Более семидесяти лет не поступало ни одного сообщения. Долг Земли как ближайшей к Зирде планеты Кольца, был выяснить, что случилось. Поэтому корабль экспедиции взял много приборов и нескольких выдающихся ученых, нервная система которых после многочисленных испытаний оказалась способной вынести годы заключения в звездолете. Запас горючего для двигателей — анамезона, то есть вещества с разрушенными мезонными связями ядер, обладавшего световой скоростью истечения, был взят в обрез не из-за веса анамезона, а вследствие огромного объема контейнеров хранения. Запас анамезона рассчитывали пополнить на Зирде. На случай, если с планетой произошло бы что-либо серьезное, звездолет второго класса «Альграб» должен был встретить «Тантру» у орбиты планеты К2-2Н-88.

Низа чутким ухом уловила изменившийся тон настройки поля искусственного тяготения. Диски трех приборов справа замигали неровно, включился электронный щуп правого борта. На засветившемся экране появился угловатый блестящий кусок. Он двигался, как снаряд, прямо на «Тантру» и, следовательно, находился далеко. Это был гигантский обломок вещества, какие встречались необычайно редко в космическом пространстве, и Низа поспешила определить его объем, массу, скорость и направление полета. Только когда щелкнула автоматическая катушка журнала наблюдений, Низа вернулась к своим воспоминаниям.

Самым острым из них было мрачное кроваво-красное солнце, выраставшее в поле зрения экранов в последние месяцы четвертого года пути. Четвертого для всех обитателей звездолета, несшегося со скоростью $^5/_6$ абсолютной единицы — скорости света. На Земле прошло уже около семи лет, называвшихся независимыми.

Фильтры экранов, щадя человеческие глаза, изменяли цвет и силу лучей любого светила. Оно становилось таким, каким виделось сквозь толстую земную атмосферу с ее озонным и водяным защитными экранами. Неописуемый призрачно-фиолетовый свет высокотемпературных светил

казался голубым или белел, угрюмые серо-розовые звезды становились веселыми, золотисто-желтыми наподобие нашего Солнца. Здесь горящее победным ярко-алым огнем светило принимало глубокий кровавый тон, в котором земной наблюдатель привык видеть звезды спектрального класса[1] М5. Планета находилась гораздо ближе к своему солнцу, чем наша Земля — к своему. По мере приближения к Зирде ее светило стало огромным алым диском, посылавшим массу тепловых лучей.

За два месяца до подхода к Зирде «Тантра» начала попытки связаться с внешней станцией планеты. Здесь была только одна станция на небольшом, лишенном атмосферы природном спутнике, находившемся ближе к Зирде, чем Луна к Земле.

Звездолет продолжал звать и тогда, когда до планеты осталось тридцать миллионов километров и чудовищная скорость «Тантры» замедлилась до трех тысяч километров в секунду. Дежурила Низа, но и весь экипаж бодрствовал, сидя в ожидании перед экранами в центральном посту управления.

Низа звала, увеличивая мощность передачи и бросая вперед веерные лучи.

Наконец они увидели крохотную блестящую точку спутника. Звездолет стал описывать орбиту вокруг планеты, постепенно приближаясь к ней по спирали и уравнивая свою скорость со скоростью спутника. «Тантра» и спутник как бы сцепились невидимым канатом, и звездолет повис над быстро бегущей по своей орбите маленькой планеткой. Электронные стереотелескопы корабля теперь прощупывали поверхность спутника. И внезапно перед экипажем «Тантры» появилось незабываемое зрелище.

Огромное плоское стеклянное здание горело в отблесках кровавого солнца. Прямо под крышей находилось нечто вроде большого зала собраний. Там застыло в неподвижности множество существ, не похожих на землян, но, несомненно, людей. Астроном экспедиции Пур Хисс, новичок в космосе, заменивший перед самым отъездом испытанного работника, волнуясь, продолжал углублять фокус инструмента. Ряды смутно видимых под стеклом людей оставались совершенно неподвижными. Пур Хисс повысил увеличение. Стало видно возвышение, обрамленное пультами приборов, с длинным столом, на котором, скрестив ноги, перед аудиторией сидел человек с безумным, устремленным вдаль взором пугающих глаз.

— Они мертвы, заморожены! — воскликнул Эрг Ноор.

Звездолет продолжал висеть над спутником Зирды, и четырнадцать пар глаз, не отрываясь, следили за стеклянной могилой — это действительно была могила. Сколько лет сидят здесь эти мертвецы? Семьдесят лет назад замолчала планета, если прибавить шесть лет полета лучей — три четверти века...

Все взгляды обратились к начальнику. Эрг Ноор, бледный, всматривался в палевую дымку атмосферы планеты. Сквозь нее тускло просвечивали едва заметные штрихи гор, отблески морей, но ничто не давало ответа, за которым они явились сюда.

---

[1] *Спектральный класс (звезды)* — специальные классы звезд обозначаются буквенно в таком порядке O, B, A, F, G, K, M — от очень горячих голубых звезд с поверхностной температурой 100000° до красных с температурой в 3000°. Каждый класс имеет десять нисходящих степеней, обозначающихся цифрой, например А7. Особые классы звезд N, P, R, S — с повышенным содержанием углерода, циана, титана, циркония в своих спектрах.

— Станция погибла и не восстановлена за семьдесят пять лет! Это означает катастрофу на планете. Надо спускаться, пробивать атмосферу, может быть, сесть. Здесь собрались все — я спрашиваю мнения Совета...

Возражать стал только астроном Пур Хисс. Низа с негодованием рассматривала его большой хищный нос и низко посаженные некрасивые уши.

— Если на планете катастрофа, то никаких шансов на получение анамезона у нас нет. Облет планеты на небольшой высоте и тем более приземление уменьшат наш резерв планетарного горючего[1]. Кроме того, неизвестно, что случилось. Могут быть мощные излучения, которые погубят нас.

Остальные члены экспедиции поддержали начальника.

— Никакие планетные излучения не опасны кораблю с космической защитой. Выяснить, что случилось,— разве не за этим мы посланы сюда? Что ответит Земля Великому Кольцу? Установить факт — еще очень мало, надо объяснить его. Простите мне эти ученические рассуждения! — говорил Эрг Ноор, и обычные металлические нотки в его голосе зазвенели насмешкой.— Вряд ли мы сможем уклониться от своего прямого долга...

— Температура верхних слоев атмосферы нормальна! — радостно воскликнула Низа.

Эрг Ноор улыбнулся и стал снижаться осторожно, виток за витком, замедляя спиральный бег звездолета, приближавшегося к поверхности планеты. Зирда была немного меньше Земли, и на низком облете не требовалось очень большой скорости. Астрономы и геолог сверяли карты планеты с тем, что наблюдали оптические приборы «Тантры». Материки сохранили в точности прежние очертания, моря спокойно блестели в красном солнце. Не изменили свои формы и горные хребты, известные по прежним снимкам,— только планета молчала.

Тридцать пять часов люди не покидали своих наблюдательных постов.

Состав атмосферы, излучение красного светила — все совпадало с прежними данными о Зирде. Эрг Ноор раскрыл справочник по Зирде и отыскал столбец данных по ее стратосфере. Ионизация оказалась выше обычной. Смутная и тревожная догадка начала созревать в уме Ноора.

На шестом витке спусковой спирали стали видны очертания больших городов. По-прежнему ни одного сигнала не прозвучало в приемниках звездолета.

Низа Крит сменилась, чтобы поесть, и, кажется, задремала. Ей показалось, что она спала всего несколько минут. Звездолет шел над ночной стороной Зирды не быстрее обычного земного спиролета. Здесь, внизу, должны были расстилаться города, заводы, порты. Ни единого огонька не мелькнуло в кромешной тьме внизу, как ни выслеживали их в мощные оптические стереотелескопы. Сотрясающий гром рассекаемой звездолетом атмосферы должен был слышаться за десятки километров.

Прошел час. Не вспыхнуло ни одного огня. Томительное ожидание становилось невыносимым. Ноор включил предупредительные сирены. Ужасный вой понесся над черной бездной внизу, и люди Земли надеялись, что он, слившись с грохотом воздуха, будет услышан загадочно молчавшими обитателями Зирды.

Крыло огненного света смахнуло зловещую тьму. «Тантра» вышла на освещенную сторону планеты. Внизу продолжала расстилаться бархатис-

---

[1] *Планетарное горючее* — горючее, используемое в двигателях планетолетов в посадочных и взлетных двигателях звездолетов (фантастическое).

тая чернота. Быстро увеличенные снимки показали, что это сплошной ковер цветов, похожих на бархатно-черные маки Земли. Заросли черных маков протянулись на тысячи километров, заменив собою все — леса, кустарники, тростники, травы. Как ребра громадных скелетов, виднелись среди черного ковра улицы городов, красными ранами ржавели железные конструкции. Нигде ни живого существа, ни деревца — только одни-единственные черные маки!

«Тантра» сбросила бомбовую наблюдательную станцию и снова вошла в ночь. Спустя шесть часов станция-робот доложила состав воздуха, температуру, давление и прочие условия на поверхности почвы. Все было нормальным для планеты, за исключением повышенной радиоактивности.

— Чудовищная трагедия! — сдавленно пробормотал биолог экспедиции Эон Тал, записывая последние данные станции.— Они убили сами себя и всю свою планету!

— Неужели? — скрывая навертывающиеся слезы, спросила Низа.— Так ужасно! Ведь ионизация вовсе не так сильна.

— Прошло уже порядочно лет,— сурово ответил биолог. Его горбоносое лицо черкеса, мужественное, несмотря на молодость, сделалось грозным.— Такой радиоактивный распад тем и опасен, что накапливается незаметно. Столетия общее количество излучения могло увеличиваться кор за кором [1], как мы называем биодозы облучения[2], а потом сразу качественный скачок! Разваливающаяся наследственность, прекращение воспроизведения потомства плюс лучевые эпидемии... Это случается не в первый раз — Кольцу известны подобные катастрофы...

— Например, так называемая «Планета лилового солнца»,— раздался позади голос Эрга Ноора.

— Трагично, что ее странное солнце обеспечивало обитателям очень высокую энергетику,— заметил угрюмый Пур Хисс,— при светимости в семьдесят восемь наших солнц и спектральном классе А нуль.

— Где эта планета? — осведомился биолог Эон Тал.— Не та ли, которую Совет собирается заселять?

— Та самая. В память ее назван был погибший теперь «Альграб».

— Звезда Альграб, иначе Дельта Ворона! — воскликнул биолог.— Но до нее очень далеко!

— Сорок шесть парсек. Но мы строим все более дальние звездолеты...

Биолог кивнул головой и пробормотал, что вряд ли следовало называть звездолет именем погибшей планеты.

— Но звезда не погибла, да и планета цела. Не пройдет и века, как мы засеем и заселим ее,— уверенно ответил Эрг Ноор.

Он решился на трудный маневр — изменить орбитальный путь звездолета с широтного на меридиональный, вдоль оси вращения Зирды. Как уйти от планеты, не выяснив, все ли погибли? Может быть, оставшиеся в живых не могут призвать на помощь звездолет из-за разрушения энергостанций и порчи приборов?

Не впервые видела Низа Эрга Ноора за пультом управления в момент ответственного маневра. С непроницаемо-твердым лицом, с резкими, всегда точными движениями, он казался ей легендарным героем.

И снова «Тантра» совершала безнадежный путь вокруг Зирды, на этот раз от полюса к полюсу. Кое-где, особенно в средних широтах, появились широкие зоны обнаженной почвы. Там в воздухе висел желтый туман,

---

[1] *Кор* — единица суммарного облучения организма (фантастическое).

[2] *Биодозы* — дозы облучения, вредные для живого организма.

сквозь который просвечивали рябью гигантские гряды развеваемых ветром красных песков.

А дальше опять простирались траурные бархатные покрывала черных маков — единственных растений, устоявших против радиоактивности или давших под ее влиянием жизнеспособную мутацию.

Все стало ясно. Искать где-то в мертвых развалинах анамезонное горючее, запасенное для гостей из иных миров по рекомендации Великого Кольца (Зирда не имела еще звездолетов, а только планетолеты), было не только безнадежно, но и опасно. «Тантра» принялась медленно раскручивать спираль полета в обратную сторону от планеты. Набрав скорость в семнадцать километров в секунду на ионно-триггерных[1] или планетарных моторах, употреблявшихся для полетов между планетами, взлетов и посадок, звездолет ушел от умершей планеты. «Тантра» взяла курс на необитаемую, известную только под условным шифром систему, где были сброшены бомбовые маяки и где должен был ожидать «Альграб». Включились анамезонные двигатели. Их сила за пятьдесят два часа разогнала звездолет до его нормальной скорости в девятьсот миллионов километров в час. До места встречи осталось пятнадцать месяцев пути, или одиннадцать по зависимому времени корабля. Весь экипаж, за исключением дежурных, мог погружаться в сон. Но еще месяц шло общее обсуждение, расчеты и подготовка доклада Совету. Из данных справочников по Зирде извлекли упоминания о рискованных опытах с частично распадавшимся атомными горючими. Нашли выступления видных ученых погибшей планеты, предупреждавших о появлении признаков вредного влияния на жизнь и настаивавших на прекращении опытов. Сто восемнадцать лет назад по Великому Кольцу было послано краткое предупреждение, достаточное для людей разума, но, видимо, не принятое всерьез правительством Зирды.

Не оставалось сомнения, что Зирда погибла от накопления вредной радиации после многочисленных неосторожных опытов и опрометчивого применения опасных видов ядерной энергии вместо мудрого изыскания других, менее вредных.

Давно уже разрешилась загадка, дважды экипаж звездолета сменял трехмесячный сон на столь же длительную нормальную жизнь. А сейчас уже много суток «Тантра» описывает круги вокруг серой планеты, и с каждым часом уменьшается надежда на встречу с «Альграбом». Подходит что-то грозное...

Эрг Ноор остановился на пороге, глядя на задумавшуюся Низу. Ее склоненная голова с копной густых волос походила на пушистый золотой цветок... Задорный мальчишеский профиль, косовато посажённые глаза, часто щурившиеся от сдерживаемого смеха, а сейчас широко раскрытые, пытающие неизвестное с тревогой и мужеством! Девочка сама не отдает себе отчета, какой большой внутренней поддержкой она со своей беззаветной любовью стала для него. Ему, который, несмотря на долгие годы испытаний, закаливших волю и чувства, все же устает быть начальником, готовым в любую минуту принять на себя любую ответственность за людей, корабль, успех экспедиции. Там, на Земле, давно уже не осталось столь единоличной ответственности — всегда принимает решение та группа людей, которая и призвана выполнять работу. А если случается что-либо особенное, мгновенно можно по-

[1] *Ионно-триггерные моторы* — двигатели, в которых реактивный поток осуществляется триггерной (то есть каскадной) реакцией ионизированного вещества (фантастическое).

лучить любой совет, самую сложную консультацию. Здесь советов получать негде и командиры звездолетов пользуются особыми правами. Было бы легче, если бы такая ответственность длилась два-три года, а не десять — пятнадцать лет — средний срок звездной экспедиции!

Он шагнул в центральный пост.

Низа вскочила навстречу Эргу Ноору.

— Я подобрал все нужные материалы и карты,— сказал он,— зададим работу машине!

Начальник экспедиции вытянулся в кресле и медленно переворачивал металлические листки, называя цифры координат, напряжение магнитных, электрических и гравитационных полей[1], мощность потоков космических частиц, скорость и плотность метеорных струй. Низа, побледнев от напряжения, нажимала кнопки и поворачивала выключатели расчетной машины. Эрг Ноор получил серию ответов, нахмурился и задумался.

— На нашем пути есть сильное поле тяготения — область скопления темного вещества в Скорпионе, около звезды 6555-ЦР+11-ПКУ,— заговорил Ноор.— Чтобы избежать траты горючего, следует отклониться сюда, к Змее. В старину летали безмоторным полетом, используя гравитационные поля в качестве ускорителей, по их краям...

— Можем ли мы применить этот способ? — спросила Низа.

— Нет, для этого наши звездолеты слишком быстры. Скорость в пять шестых абсолютной единицы, или двести пятьдесят тысяч километров в секунду, увеличила бы в земном поле тяготения наш вес в двенадцать тысяч раз — следовательно, превратила бы всю экспедицию в пыль. Мы можем лететь так только в пространстве космоса, вдали от больших скоплений материи. Как только звездолет начинает входить в гравитационное поле, так приходится снижать скорость тем сильнее, чем сильнее поле.

— Следовательно, тут противоречие,— Низа по-детски подперла рукой голову,— чем сильнее поле тяготения, тем медленнее надо лететь!

— Это верно лишь для громадных субсветовых[2] скоростей, когда звездолет сам становится подобным световому лучу и может двигаться только по прямой или по так называемой кривой равных напряжений.

— Если я правильно поняла, вам надо нацелить наш «луч» — «Тантру» — прямо на солнечную систему.

— В этом вся огромная трудность звездоплавания. Точный прицел на ту или другую звезду практически невозможен, хотя мы применяем все мыслимые исправления расчетов. Приходится все время пути исчислять накапливающуюся ошибку, меняя курс корабля, почему и невозможно полностью автоматизированное управление. А теперь у нас опасное положение. Остановка или хотя бы сильное замедление полета для нас после разгона будут равны смерти, так как снова набрать скорость будет уже нечем. Вот опасность, смотрите: область 344+2У совсем не исследована. Здесь нет звезд, известно только гравитационное поле — вот его край. С окончательным решением подождем астрономов — после пятого круга мы разбудим всех, а пока...— начальник экспедиции потер виски и зевнул.

— Действие спорамина кончается,— воскликнула Низа,— вы можете отдохнуть!

---

[1] *Гравитационное поле* — поле тяготения вокруг большой массы вещества.

[2] *Субсветовая скорость* — скорость, приближающаяся к скорости света, то есть 300 тысяч км/сек.

— Хорошо, я устроюсь здесь, в этом кресле. Вдруг случится чудо — хоть бы один звук!

В тоне Эрга Ноора мелькнуло что-то заставившее сердце Низы забиться от нежности. Захотелось прижать к себе эту упрямую голову, гладить темные волосы с преждевременной проседью...

Низа встала, тщательно сложила справочные листы и потушила свет, оставив только слабое зеленое освещение вдоль панелей с приборами и часами. Звездолет шел совершенно спокойно в полнейшей пустоте пространства, огибая свой исполинский круг. Рыжеволосый астронавигатор неслышно заняла свое место у «мозга» громадного корабля. Привычно тихо пели приборы, настроенные на определенную мелодию,— малейший непорядок отозвался бы фальшивой нотой. Но тихая мелодия лилась в заданной тональности. Изредка повторялись негромкие удары, похожие на звуки гонга,— это включался вспомогательный планетарный мотор, направлявший курс «Тантры» по кривой. Грозные анамезонные двигатели молчали. Покой долгой ночи царил в сонном звездолете, как будто не было серьезной опасности, нависшей над кораблем и его обитателями. Вот-вот в рупоре приемника зазвучат долгожданные позывные и два корабля начнут тормозить свой неимоверно быстрый полет, сблизятся на параллельных курсах и наконец, точно уравняв свои скорости, как бы улягутся рядом. Широкая трубчатая галерея соединит оба корабельных мирка, и «Тантра» вновь обретет свою исполинскую силу.

В глубине души Низа была спокойна: она верила в своего начальника. Пять лет путешествия не были ни долги, ни томительны. Особенно после того, как пришла к Низе любовь... Но и ранее захватывающе интересные наблюдения, электронные записи книг, музыки и фильмов давали возможность непрерывно пополнять свои знания и не так чувствовать утрату своей прекрасной Земли, пропавшей, как песчинка, в глубинах бесконечной тьмы. Спутники были людьми огромных познаний, а когда нервы утомлялись впечатлениями или долгой напряженной работой... что ж, в продолжительном сне, поддерживаемом настройкой на гипнотические колебания, большие куски времени проваливались в небытие, пролетая мгновенно. И рядом с любимым Низа была счастлива. Ее тревожило только сознание, что другим было труднее и особенно ему, Эргу Ноору. Если бы только она могла!.. Нет, что может молодой, совсем еще невежественный астронавигатор рядом с такими людьми! Но, может быть, помогала ее нежность, всегдашнее напряжение доброй воли, горячее желание отдать все, чтобы облегчить этот тяжкий труд.

Начальник экспедиции проснулся и поднял отяжелевшую голову. Ровная мелодия звучала по-прежнему, все так же прерываемая редкими ударами планетарного двигателя. Низа Крит находилась у приборов, слегка сгорбившись, с тенями усталости на юном лице. Эрг Ноор бросил взгляд на зависимые часы[1] звездолетного времени и одним упругим рывком поднялся из глубокого кресла.

— Я проспал четырнадцать часов! И вы, Низа, не разбудили меня! Это...— Он осекся, встретившись с ее радостной улыбкой.— Сейчас же на отдых!

[1] *Зависимые часы* — часы, показывающие время звездолета, то есть время, зависимое от скорости корабля (фантастическое). По теории относительности, при больших (субсветовых) скоростях движения время движущегося предмета сокращается по сравнению с временем наблюдателя, неподвижного относительно звездолета.

— Можно, я посплю здесь, как и вы? — попросила девушка. Получив разрешение, она быстро сбегала за едой, умылась и устроилась в кресле.

Эрг Ноор, освеженный волновым душем, занял ее место у приборов. Проверив показания индикаторов ОЭС — охраны электронных связей, он начал расхаживать стремительными шагами. Блестящие, обведенные темными кругами карие глаза украдкой следили за ним.

— Почему не спите? — повелительно спросил он астронавигатора.

Та тряхнула коротко остриженными рыжими кудрями — женщины во внеземных экспедициях не носили длинных волос.

— Я думаю...— нерешительно начала она,— и сейчас, на грани опасности, преклоняюсь перед могуществом и величием человека, проникнувшего далеко в глубины пространств. Вам здесь многое привычно, а я первый раз в космосе. Подумать только — я участник грандиозного пути через звезды к новым мирам!

Эрг Ноор слабо улыбнулся и потер лоб.

— Я должен вас разочаровать — вернее, показать истинный масштаб нашего могущества. Вот,— он остановился у проектора, и на задней стенке рубки появилась светящаяся спираль Галактики.

Эрг Ноор показал на едва заметную среди окружавшего мрака разлохмаченную краевую ветвь спирали из редких звезд, казавшихся тусклой пылью.

— Вот пустынная область Галактики, бедная светом и жизнью окраина, где находится наша солнечная система и мы сейчас. Но и эта ветвь, видите, простирается от Лебедя до Киля Корабля и, вдобавок к общей удаленности от центральных зон, содержит затемняющее облако, здесь... Чтобы пройти вдоль этой ветви, нашей «Тантре» понадобится около сорока тысяч независимых лет. Черный прогал пустого пространства, отделяющий нашу ветвь от соседней, мы пересекли бы за четыре тысячи лет. Видите, наши полеты в безмерные глубины пространства — это пока еще топтание на крохотном пятнышке диаметром в полсотни световых лет! Как мало знали бы мы о мире, если бы не могущество Кольца! Сообщения, мысли, образцы, посланные из непобедимого для человеческой короткой жизни пространства, рано или поздно достигают нас, и мы познаем все более отдаленные миры. Все больше накапливается знаний, и эта работа идет непрерывно!

Низа притихла.

— Первые межзвездные полеты...— задумчиво продолжал Эрг Ноор.— Небольшие корабли, не обладавшие ни скоростью, ни мощными защитными устройствами. Да и жили наши предки вдвое меньше нас — вот когда было истинное величие человека!

Низа упрямо вскинула голову, как обычно, когда высказывала свое несогласие.

— Потом, когда найдут иные способы побеждать пространство, а не ломиться напрямик сквозь него, скажут про вас — вот герои, завоевавшие космос такими первобытными средствами!

Начальник экспедиции весело улыбнулся и протянул руку к девушке.

— И про вас, Низа!

Та вспыхнула.

— Я горжусь тем, что здесь, вместе с вами! И готова отдать все, чтобы снова и снова побывать в космосе.

— Да, я знаю,— задумчиво сказал Эрг Ноор.— Но не все так думают!..

Девушка женским чутьем поняла мысли начальника. В его каюте есть два стереопортрета в чудесном фиолетово-золотистом цвете. На обоих — она, красавица Веда Конг, историк древнего мира, с прозрачным взглядом голубых, как земное небо, глаз под крылатым взмахом длинных бровей. Загорелая, ослепительно улыбающаяся, поднявшая руки к пепельным волосам. И хохочущая на медной корабельной пушке — памятнике незапамятной древности.

Эрг Ноор, утратив стремительность, медленно сел напротив астронавигатора.

— Если бы вы знали, Низа, как грубо судьба погубила мою мечту там, на Зирде! — вдруг глухо сказал он и осторожно положил пальцы на рукоятку пуска анамезонных двигателей, как будто собираясь предельно ускорить стремительный бег звездолета.

— Если бы Зирда не погибла и мы могли получить горючее,— продолжал он в ответ на немой вопрос собеседницы,— я повел бы экспедицию дальше. Так было условлено с Советом. Зирда сообщила бы на Землю, что требовалось, а «Тантра» ушла б с теми, кто захотел... Оставшихся взял бы «Альграб», который после дежурства здесь был бы вызван к Зирде.

— Но кто бы остался на Зирде? — возмущенно воскликнула девушка.— Разве Пур Хисс? Но он большой ученый, неужели и его не повлекло бы знание?

— А вы, Низа?

— Я? Конечно!

— Но... куда? — вдруг твердо спросил Эрг Ноор, пристально глядя на девушку.

— Куда угодно, хоть...— она показала на черную бездну между двумя рукавами звездной спирали Галактики, возвратив Ноору такой же пристальный взгляд и слегка приоткрыв губы.

— О, не так далеко! Вы знаете, Низа, милый астронавигатор, что около восьмидесяти пяти лет назад была тридцать четвертая звездная экспедиция, прозванная «Ступенчатой». Три звездолета, снабжая друг друга горючим, отдалялись все дальше от Земли в направлении созвездия Лиры. Те два, что не несли экипажа исследователей, отдали анамезон и возвратились обратно. Так восходили на высочайшие горы спортсмены-альпинисты. Наконец третий, «Парус»...

— Тот, невернувшийся!..— взволнованно шепнула Низа.

— Да, «Парус» не вернулся. Но он дошел до цели и погиб на обратном пути, успев послать сообщение. Целью была большая планетарная система голубой звезды Веги или Альфы Лиры. Сколько человеческих глаз в бесчисленных поколениях любовались этой яркой синей звездой северного неба! Вега отстоит на восемь парсек, или на тридцать один год пути по независимому времени, и люди еще не отдалялись от нашего Солнца на такие расстояния. Как бы то ни было, «Парус» достиг цели... Причина его гибели неизвестна — метеорит или крупная неисправность. Возможно, что он сейчас еще несется в пространстве и герои, которых мы считаем мертвыми, еще живут...

— Как ужасно!

— Такова судьба каждого звездолета, который не может идти с субсветовой скоростью. Между ним и родной планетой сразу встают тысячелетия пути.

— Что сообщил «Парус»? — быстро спросила девушка.

— Очень немногое. Сообщение прерывалось и потом совсем замолкло. Я помню его дословно: «Я Парус, я Парус, иду от Веги двадцать

шесть лет... достаточно... буду ждать... четыре планеты Веги... ничего нет прекраснее... какое счастье!..»

— Но они звали на помощь, где-то хотели ждать!

— Конечно, на помощь, иначе звездолет не стал бы расходовать чудовищную энергию на посылку сообщения. Что же было делать — больше ни слова от «Паруса» не поступило.

— Двадцать шесть независимых лет обратного пути. До солнца осталось около пяти лет... Корабль был где-то в нашем районе или еще ближе к Земле.

— Вряд ли... Разве в том случае, если превысил нормальную скорость и шел близко к квантовому пределу[1]. Но это очень опасно!

Эрг Ноор коротко пояснил расчетные основания разрушительного скачка в состоянии материи по приближении к скорости света, но заметил, что девушка слушает невнимательно.

— Я поняла вас! — воскликнула она, едва начальник экспедиции закончил свои объяснения.— Я поняла бы сразу, но гибель звездолета мне заслонила смысл... Это всегда так ужасно, и с этим невозможно примириться!

— Теперь до вас дошло основное в сообщении,— хмуро сказал Эрг Ноор.— Они открыли какие-то особенно прекрасные миры. И я давно уже мечтаю повторить путь «Паруса» — с новыми усовершенствованиями это теперь возможно и с одним кораблем. С юности я живу мечтой о Веге — синем солнце с прекрасными планетами!

— Увидеть такие миры...— прерывающимся голосом произнесла Низа.— Но чтобы вернуться, надо шестьдесят земных, или сорок зависимых, лет... Тогда это... полжизни.

— Да, большие достижения требуют больших жертв. Но для меня это даже не жертва. Моя жизнь на Земле была лишь короткими перерывами звездных путей. Ведь я родился на звездолете!

— Как это могло случиться? — поразилась девушка.

— Тридцать пятая звездная состояла из четырех кораблей. На одном из них моя мать была астрономом. Я родился на полпути к двойной звезде МН19026+7АЛ и тем самым дважды нарушил законы. Дважды потому, что рос и воспитывался у родителей на звездолете, а не в школе. Что было делать! Когда экспедиция вернулась на Землю, мне было уже восемнадцать лет. В подвиги Геркулеса — совершеннолетия — мне засчитали то, что я обучился искусству вести звездолет и стал астронавигатором.

— Но я все-таки не понимаю...— начала Низа.

— Мою мать? Станете старше — поймете! Тогда сыворотка АТ — Анти-Тья еще не могла долго сохраняться. Врачи не знали этого... Как бы то ни было, меня приносили сюда, в такой же пост управления, и я таращил свои полубессмысленные глазенки на экраны, следя за качающимися в них звездами. Мы летели в направлении Теты Волка, где оказалась близкая к Солнцу двойная звезда. Два карлика — синий и оранжевый, скрытые темным облаком. Первым сознательным впечатлением было небо безжизненной планеты, которое я наблюдал из-под стеклянного купола временной станции. На планетах двойных звезд обычно не бывает жизни из-за неправильности их орбит. Экспедиция совершила высадку и в течение семи месяцев вела горные исследования. Там, насколько пом-

---

[1] *Квантовый предел* — предел скорости, близкий к скорости света, при котором не может существовать никакое объемное тело, так как масса становится равной бесконечности, а время — нулю.

ню, оказалось чудовищное богатство платины, осмия и иридия. Невероятно тяжелые кубики иридия стали моими игрушками. И это небо, первое мое небо, черное, с чистыми огоньками немигающих звезд и двумя солнцами невообразимой красоты — ярко-оранжевым и густо-синим. Помню, что иногда потоки их лучей перекрещивались, и тогда на нашу планету лился такой могучий и веселый зеленый свет, что я кричал и пел от восторга!..— Эрг Ноор закончил: — Довольно, я увлекся воспоминаниями, а вам давно пора отдыхать.

— Продолжайте, я никогда не слышала ничего интереснее,— взмолилась Низа, но начальник оказался непреклонен.

Он принес пульсирующий гипнотизатор, и от повелительных ли глаз или от снотворного прибора девушка уснула так крепко, что очнулась накануне поворота на шестой круг. Уже по холодному лицу начальника Низа поняла, что «Альграб» так и не появился.

— Вы проснулись в нужное время! — объявил он, едва Низа вернулась, приведя себя в порядок после электрического и волнового купания.— Включайте музыку и свет пробуждения. Всем!

Низа быстро нажала ряд кнопок, и во всех каютах звездолета, где спали члены экспедиции, стали перемежаться вспышки света и раздалась особая, постепенно усиливающаяся музыка низких вибрирующих аккордов. Началось постепенное, осторожное пробуждение заторможенной нервной системы и возвращение ее к нормальной деятельности. Спустя пять часов в центральном посту управления звездолета собрались все окончательно пришедшие в себя участники экспедиции, подкрепленные едой и нервными стимуляторами.

Известие о гибели вспомогательного звездолета каждый принял поразному. Как и ожидал Эрг Ноор, экспедиция оказалась на высоте положения. Ни слова отчаяния, ни взгляда испуга. Пур Хисс, проявивший себя не слишком храбрым на Зирде, не дрогнув встретил сообщение. Молодая Лума Ласви — врач экспедиции — только чуть побледнела и украдкой облизнула пересохшие губы.

— Вспомним о погибших товарищах! — сказал начальник, включая экран проектора, на котором появился «Альграб», снятый перед отлетом «Тантры».

Все встали. Медленно сменялись на экране фотографии то серьезных, то улыбающихся людей — семи человек экипажа «Альграба». Эрг Ноор называл каждого по имени, и путешественники отдавали прощальное приветствие погибшему. Таков был обычай астролетчиков. Звездолеты, отправлявшиеся совместно, всегда имели комплекты фотографий всех людей экспедиции. Исчезнувшие корабли могли долго скитаться в космическом пространстве, и их экипажи еще долго могли оставаться в живых. Это не имело значения — корабль никогда не возвращался. Разыскать его, подать помощь не было никакой реальной возможности. Конструкция машин кораблей достигла уже такого совершенства, что мелкие поломки почти никогда не случались или легко подвергались исправлению. Серьезная авария машин еще ни разу не была ликвидирована в космосе. Иногда корабли успевали, как «Парус», подать последнее сообщение. Но большая часть сообщений не достигала цели: точно ориентировать их было невероятно трудно. Передачи Великого Кольца за тысячелетия разведали точные направления и могли, кроме того, варьировать их, передавая с планеты на планету. Звездолеты обычно находились в неизученных областях, где направления передачи могли быть лишь случайно угаданы.

Среди астролетчиков господствовало убеждение, что в космосе существуют, кроме всего, какие-то нейтральные поля, или нуль-области, в которых все излучения и сообщения тонут, как камни в воде. Но астрофизики до сих пор считали нуль-поля досужей выдумкой склонных к чудовищным фантазиям путешественников космоса.

После печального обряда и совещания, не занявшего много времени, Эрг Ноор включил анамезонные двигатели. Через двое суток они замолчали, и звездолет стал приближаться к родной планете на двадцать один миллиард километров в сутки. До Солнца осталось приблизительно шесть земных (независимых) лет пути. В центральном посту и библиотеке-лаборатории закипела работа: вычислялся и прокладывался новый курс.

Надо было пролететь все шесть лет, расходуя анамезон только на исправление курса корабля. Иными словами, следовало вести звездолет, тщательно сберегая ускорение. Всех тревожила неисследованная область 344+2У между Солнцем и «Тантрой», обойти которую никак не удавалось: по сторонам ее до Солнца встречались зоны свободных метеоритов, кроме того, при повороте корабль лишался ускорения.

Спустя два месяца вычисленная линия полета была готова. «Тантра» стала описывать пологую кривую равного напряжения.

Великолепный корабль был в полной исправности, скорость полета держалась в вычисленных пределах. Теперь только время — около четырех зависимых лет полета — лежало между звездолетом и родиной.

Эрг Ноор и Низа, отдежурившие свой срок и усталые, погрузились в долгий сон. Вместе с ними ушли во временное небытие два астронома, геолог, биолог, врач и четыре инженера.

В дежурство вступила следующая очередь — опытный астронавигатор Пел Лин, проделывавший свою вторую экспедицию, астроном Ингрид Дитра и добровольно присоединившийся к ним электронный инженер Кэй Бэр. Ингрид, с разрешения Пела Лина, часто удалялась в библиотеку рядом с постом управления. Вместе с Кэй Бэром, своим давним другом, она писала монументальную симфонию «Гибель планеты», вдохновленная трагической Зирдой. Пел Лин, устав от музыки приборов и созерцания черных провалов космоса, усаживал за пульт Ингрид, а сам с увлечением принимался за расшифровку таинственных надписей, доставленных с загадочно покинутой обитателями планеты в системе ближайших звезд Центавра. Он верил в успех своего невозможного предприятия.

Еще два раза сменялись дежурные, звездолет приблизился к Земле почти на десять тысяч миллиардов километров, а анамезонные моторы включались всего на несколько часов.

Подходило к концу дежурство группы Пела Лина, четвертого с тех пор, как «Тантра» ушла с места несостоявшейся встречи с «Альграбом».

Астроном Ингрид Дитра, закончив вычисления, повернулась к Пелу Лину, меланхолически следившему за непрерывным трепетанием красных стрелок измерителей напряжения гравитации на голубых градуированных дужках. Обычное замедление психических реакций, которого не избегали самые крепкие люди, сказывалось во второй половине дежурства. Звездолет месяцы и годы шел под автоматическим управлением по заданному курсу. Если внезапно случалось какое-нибудь из ряда вон выходящее происшествие, непосильное для суждения управляющего звездолетом автомата, то обычно оно вело к гибели корабля, ибо не спасало и вмешательство людей. Человеческий мозг, как бы хорошо тренирован он ни был, не мог реагировать с потребной скоростью.

— По-моему, мы давно углубились в неизученный район 344+2У.

Начальник хотел дежурить здесь сам,— обратилась Ингрид к астронавигатору.

Пел Лин взглянул на счетчик дней.

— Два дня еще, и нам все равно сменяться. Пока не предвидится ничего, что стоило бы внимания. Доведем дежурство до конца?

Ингрид согласно кивнула. Из кормовых помещений вышел Кэй Бэр и занял свое обычное кресло около стойки механизмов равновесия. Пел Лин зевнул и поднялся.

— Я посплю несколько часов,— обратился он к Ингрид.

Та послушно перешла от своего стола вперед к пульту управления.

«Тантра» шла, не раскачиваясь, в абсолютной пустоте. Ни одного, даже далекого, метеорита не обнаруживалось сверхчувствительными приборами Волла Хода. Курс звездолета лежал сейчас немного в сторону от Солнца — примерно на полтора года полета. Экраны переднего обзора чернели поразительной пустотой — казалось, звездолет направлялся в самое сердце тьмы. Только из боковых телескопов по-прежнему вонзались в экраны иглы света бесчисленных звезд.

Странное тревожное ощущение пробежало по нервам астронома. Ингрид вернулась к своим машинам и телескопам, снова и снова проверяя их показания и картируя неизвестный район. Все было спокойно, а между тем Ингрид не могла оторвать глаз от зловещей тьмы перед носом корабля. Кэй Бэр заметил ее беспокойство и долго прислушивался и приглядывался к приборам.

— Не нахожу ничего,— наконец заметил он.— Что тебе показалось?

— Сама не знаю, тревожит эта необычайная тьма впереди. Мне кажется, что наш корабль идет прямиком в темную туманность.

— Темное облако должно быть здесь,— подтвердил Кэй Бэр,— но мы только «чиркнем» по его краю. Так и вычислено! Напряжение поля тяготения возрастает равномерно и слабо. На пути через этот район мы обязательно должны приблизиться к какому-то гравитационному центру. Не все ли равно — темному или светящему?

— Все это так,— более спокойно сказала Ингрид.

— Тогда о чем ты тревожишься? Мы идем по заданному курсу даже быстрее намеченного. Если ничего не изменится, то мы дойдем до Тритона даже с нашей нехваткой горючего.

Ингрид почувствовала, как радость загорается в ней при одной мысли о Тритоне, спутнике Нептуна, и станции звездолетов, построенной на нем на внешней окраине солнечной системы. Попасть на Тритон значило вернуться домой...

— Я думал, мы с тобой займемся музыкой, но Лин ушел отдыхать. Он будет спать часов шесть-семь, а я пока подумаю один над оркестровкой финала второй части — знаешь, где у нас никак не удается интегральное вступление угрозы. Вот это...— Кэй пропел несколько нот.

— Ди-и, ди-и, да-ра-ра,— внезапно откликнулись, казалось, сами стены поста управления.

Ингрид вздрогнула и оглянулась, но через мгновение сообразила. Напряжение поля тяготения возросло, и приборы откликнулись изменением мелодии аппарата искусственной гравитации.

— Забавное совпадение! — слегка виновато рассмеялась она.

— Пришло усиление гравитации, как и нужно для темного облака. Теперь ты можешь быть совершенно спокойна, и пусть себе Лин спит.

С этими словами Кэй Бэр вышел из поста управления. В ярко освещенной библиотеке он уселся за маленький электронный скрипко-рояль и

весь ушел в работу. Вероятно, прошло несколько часов, когда герметическая дверь библиотеки распахнулась и появилась Ингрид.

— Кэй, милый, разбуди Лина.

— Что случилось?

— Напряжение поля тяготения нарастает больше, чем должно быть по расчетам.

— А впереди?

— По-прежнему тьма! — Ингрид скрылась.

Кэй Бэр разбудил астронавигатора. Тот вскочил и ринулся в центральный пост к приборам.

— Ничего угрожающего нет. Только откуда здесь такое поле тяготения? Для темного облака оно слишком мощно, а звезды здесь нет...— Лин подумал и нажал кнопку пробуждения каюты начальника экспедиции, еще подумал и включил каюту Низы Крит.

— Если ничего не произойдет, тогда они попросту сменят нас,— пояснил он встревоженной Ингрид.

— А если произойдет? Эрг Ноор сможет прийти к нормали только через пять часов. Что делать?

— Ждать,— спокойно ответил астронавигатор.— Что может случиться за пять часов здесь, так далеко от всех звездных систем?..

Тональность звучания приборов непрерывно понижалась, без отсчетов говоря об изменении обстановки полета. Напряженное ожидание потянулось медленно. Два часа прошли, точно целая смена. Пел Лин внешне оставался спокоен, но волнение Ингрид уже захватило Кэй Бэра. Он часто оглядывался на дверь рубки управления, ожидая, как всегда, стремительного появления Эрга Ноора, хотя и знал, что пробуждение от долговременного сна идет медленно.

Продолжительный звонок заставил всех вздрогнуть. Ингрид уцепилась за Кэй Бэра.

— «Тантра» в опасности! Напряжение поля стало в два раза выше расчетного!

Астронавигатор побледнел. Подошло неожиданное — оно требовало немедленного решения. Судьба звездолета находилась в его руках. Неуклонно увеличивавшееся тяготение требовало замедления хода корабля не только из-за возрастания тяжести в корабле, но и потому, что, очевидно, прямо по курсу находилось большое скопление плотной материи. Но после замедления набирать новое ускорение было нечем! Пел Лин стиснул зубы и повернул рукоятку включения ионных планетарных двигателей-тормозов. Звонкие удары вплелись в мелодию приборов, заглушая тревожный звон аппарата, вычислявшего соотношение силы тяготения и скорости. Звонок выключился, и стрелки подтвердили успех — скорость снова стала безопасной, придя к норме с возраставшей гравитацией. Но едва Пел Лин выключил торможение, как звон раздался снова — грозная сила тяготения требовала замедления хода. Стало очевидно, что звездолет шел прямо к могучему центру тяготения.

Астронавигатор не решился изменить курс — произведение большого труда и величайшей точности. Пользуясь планетарными двигателями, он тормозил звездолет, хотя уже становилась очевидной ошибка курса, проложенного через неведомую массу материи.

— Поле тяготения велико,— вполголоса заметила Ингрид.— Может быть...

— Надо еще замедлить ход, чтобы повернуть! — воскликнул астронавигатор.— Но чем же потом ускорить полет?..— Губительная нерешительность прозвучала в его словах.

— Мы уже пронизали внешнюю вихревую зону[1],— отозвалась Ингрид,— идет непрерывное и быстрое нарастание гравитации.

Посыпались частые звенящие удары — планетарные моторы заработали автоматически, когда управлявшая кораблем электронная машина почувствовала впереди огромное скопление материи. «Тантра» принялась раскачиваться. Как ни замедлял свой ход звездолет, но люди в посту управления начали терять сознание. Ингрид упала на колени, Пел Лин в своем кресле старался поднять налившуюся свинцом голову, Кэй Бэр ощутил бессмысленный, животный страх и детскую беспомощность.

Удары двигателей зачастили и перешли в непрерывный гром. Электронный «мозг» корабля вел борьбу вместо своих полубесчувственных хозяев, по-своему могучий,но недалекий, так как не мог предвидеть сложных последствий и придумать выход из исключительных случаев.

Раскачивание «Тантры» ослабело. Стерженьки, показывавшие запасы планетарных ионных зарядов, быстро поползли вниз. Очнувшийся Пел Лин сообразил, что тяготение возрастает слишком стремительно,— надо немедля принимать экстренные меры для остановки корабля, а затем резкого изменения курса.

Пел Лин передвинул рукоятку анамезонных двигателей. Четыре высоких цилиндра из нитрида бора, видимые в специальную прорезь пульта, засветились изнутри. Яркое зеленое пламя забилось в них бешеной молнией, заструилось и закрутилось четырьмя плотными спиралями. Там, в носовой части корабля, сильное магнитное поле облекло стенки моторных сопл, спасая их от немедленного разрушения.

Астронавигатор передвинул рукоять дальше. Сквозь зеленую вихревую стенку стал виден направляющий луч — сероватый поток К-частиц[2]. Еще движение, и вдоль серого луча прорезалась ослепительная фиолетовая молния — сигнал, что анамезон начал свое стремительное истечение. Весь корпус звездолета откликнулся почти неслышной, трудноперенosимой высокочастотной вибрацией...

Эрг Ноор, приняв необходимую дозу пищи, лежал в полусне под невыразимо приятным электромассажем нервной системы. Медленно отходила пелена забытья, еще окутывавшая мозг и тело. Пробуждающая мелодия звучала мажорнее в нарастающей частоте ритма...

Внезапно что-то недоброе вторглось извне, прервало радость пробуждения от девяностодневного сна. Эрг Ноор осознал себя начальником экспедиции и принялся отчаянно бороться, пытаясь вернуть нормальное сознание. Наконец он сообразил, что звездолет экстренно тормозится анамезонными двигателями,— следовательно, что-то случилось. Он попытался встать. Но тело еще не слушалось, ноги подогнулись, и он мешком упал на пол своей каюты. Все же ему удалось проползти до двери, открыть ее. В коридоре Эрг Ноор поднялся на четвереньки и ввалился в центральный пост.

Уставившиеся на экраны и циферблаты люди испуганно оглянулись и подскочили к начальнику. Тот, не в силах встать, выговорил:

— Экраны, передние... переключите на инфракрасную... остановите... моторы!

Боразоновые цилиндры погасли одновременно с умолкшей вибрацией

---

[1] *Внешняя вихревая зона* — зона контакта гравитационных полей двух звездных систем, в которой возникают возмущения и завихрения.

[2] *К-частицы* — частицы ядра атома из обломков кольцевого мезонного облака (фантастическое).

корпуса. На правом переднем экране появилась огромная звезда, светившая тусклым красно-коричневым светом. На мгновение все оцепенели, не сводя глаз с громадного диска, возникшего из тьмы прямо перед носом корабля.

— О глупец! — горестно воскликнул Пел Лин.— Я был убежден, что мы около темного облака! А это...

— Железная звезда! — с ужасом воскликнула Ингрид Дитра.

Эрг Ноор, придерживаясь за спинку кресла, встал с пола. Его обычно бледное лицо приняло синеватый оттенок, но глаза загорелись всегдашним острым огнем.

— Да, это железная звезда,— медленно сказал он,— ужас астролетчиков!

Никто не подозревал ее в этом районе, и взоры всех дежурных обратились к нему с надеждой.

— Я думал только об облаке,— тихо и виновато сказал Пел Лин.

— Темное облако с такой силой гравитации должно внутри состоять из твердых, сравнительно крупных частиц, и «Тантра» уже погибла бы. Избежать столкновения в таком рое невозможно,— твердо и тихо сказал начальник.

— Но резкие изменения напряжения поля, какие-то завихрения? Разве это не прямое указание на облако?

— Или на то, что у звезды есть планета.

Начальник ободряюще кивнул головой и сам нажал кнопки пробуждения.

— Быстрее сводку наблюдений! Вычислим изограв!

Звездолет опять покачнулся. В экране с колоссальной быстротой мелькнуло что-то невероятно огромное, пронеслось назад и исчезло.

— Вот и ответ... Обогнали планету. Скорее, скорее за работу! — Взгляд начальника упал на счетчики горючего. Он крепче впился в спинку кресла, хотел что-то сказать и умолк.

Глава вторая

ЭПСИЛОН ТУКАНА

Тихий стеклянный звон возник на столе в сопровождении оранжевых и голубых огоньков. По прозрачной перегородке заискрились разноцветные блики. Заведующий внешними станциями Великого Кольца Дар Ветер продолжал следить за светом Спиральной Дороги. Ее гигантская дуга горбилась в высоте, прочерчивая по краю моря матово-желтую полосу отражения. Не отрывая от нее взгляда, Дар Ветер вытянул руку и переставил рычажок на Р — размышление не окончилось. Сегодня в жизни этого человека происходила крупная перемена. Утром из жилого пояса южного полушария прибыл его преемник Мвен Мас, выбранный Советом Звездоплавания. Последнюю передачу по Кольцу они проведут вместе, потом... Вот это «потом» и оставалось еще не решенным. Шесть лет он выдерживал требовавшую неимоверного напряжения работу, для которой подбирались люди выдающихся способностей, отличавшиеся великолепной памятью и широтой, энциклопедичностью познаний. Когда со зловещим упорством стали повторяться приступы равнодушия к работе и

жизни — одного из самых тяжелых заболеваний человека,— Эвда Наль, знаменитый психиатр, исследовала его. Испытанный старый способ — музыка грустных аккордов в пронизанной успокоительными волнами комнате голубых снов — не помог. Осталось лишь переменить род деятельности и лечиться физическим трудом там, где нужна была еще повседневная и ежечасная мускульная работа. Его милый друг — историк Веда Конг вчера предложила работать у нее раскопщиком. На археологических раскопках машины не могли проделывать всю работу — конечный этап выполнялся человеческими руками. В добровольцах недостатка не было, но Веда обещала ему долгую поездку в область древних степей, в близости с природой.

Если бы Веда Конг!.. Впрочем, она знает все до конца. Веда любит Эрга Ноора, члена Совета Звездоплавания, начальника тридцать седьмой звездной экспедиции. Эрг Ноор должен был дать знать о себе с планеты Зирда. Но если нет никакого сообщения, а все расчеты межзвездных полетов исключительно точны, не годится думать о завоевании любви Веды! Вектор дружбы — вот все самое большое, что связывает ее с ним. И все же он поедет работать у нее!

Дар Ветер передвинул рычаг, нажал кнопку, и комната залилась ярким светом. Хрустальное окно составляло стену развернутого на простор помещения, вознесенного над землей и морем. Поворотом другого рычажка Дар Ветер наклонил эту стену на себя, и помещение открылось звездному небу, отрезав металлической рамой огни дорог, строений и маяки морского побережья внизу.

Циферблат галактических часов с тремя концентрическими кольцами делений приковал внимание Дар Ветра. Передача информации по Великому Кольцу шла по галактическому времени, каждую стотысячную галактической секунды, или раз в восемь дней, сорок пять раз в год по земному счету времени. Один оборот Галактики вокруг оси составлял галактические сутки.

Очередная и последняя для него передача наступала в девять часов утра по времени Тибетской обсерватории — следовательно, в два часа ночи здесь, на Средиземноморской обсерватории Совета. Осталось немногим больше двух часов.

Прибор на столе зазвонил и замигал снова. За перегородкой показался человек в светлой, отливавшей шелковистым блеском одежде.

— Мы приготовились к передаче и приему,— коротко бросил он, не выказывая никаких внешних знаков почтительности, хотя во взгляде скрывалось восхищение начальником.

Дар Ветер молчал, молчал и помощник, стоя в свободной позе, с гордой осанкой.

— В кубическом зале? — наконец спросил Дар Ветер и, получив утвердительный ответ, осведомился, где Мвен Мас.

— У аппарата утренней свежести. Принимает настройку после дороги. К тому же, мне кажется, он взволнован...

— Я бы волновался на его месте тоже,— задумчиво произнес Дар Ветер.— Так было шесть лет назад...

Помощник порозовел от усилий оставаться бесстрастным. Он с юношеским пылом сочувствовал своему начальнику, быть может сознавая, что сам когда-то пройдет через радости и горе большой работы и великой ответственности. Заведующий внешними станциями ничем не выразил своих переживаний — считалось неприличным обнаруживать их в его годы.

— Когда Мвен Мас появится, сразу ведите его ко мне.

Помощник удалился. Дар Ветер подошел к углу, где прозрачная перегородка была зачернена от потолка до пола, и широким жестом раскрыл две створки, заделанные в панели цветного дерева. Вспыхнул свет, исходивший откуда-то из глубины похожего на зеркало экрана.

Заведующий внешними станциями с помощью отдельной клеммы включил вектор дружбы — прямое соединение, проводившееся между связанными глубокой дружбой людьми, чтобы общаться между собой в любой момент. Вектор дружбы соединял несколько мест постоянного пребывания человека — жилище, место работы, излюбленный уголок отдыха.

Экран засветился, в глубине его обозначились знакомые сочетания высоких панелей с бесчисленными столбцами закодированных обозначений электронных фильмов, заменивших архаические фотокопии книг. Когда человечество перешло на единый алфавит, названный линейным по отсутствию сложных знаков, фильмование даже старых книг стало еще более простым и доступным автоматическим машинам. Синие, зеленые, красные полосы — знаки центральных фильмотек, где хранились научные исследования, давно уже издававшиеся всего в десятке экземпляров. Стоило набрать условный ряд знаков, и хранилище-фильмотека автоматически передавало полный текст книги-фильма. Эта машина и была личной библиотекой Веды. Легкий щелчок — изображение угасло и вновь засветилось, показав другую комнату, также пустую. Со вторым щелчком прибор перенес изображение в зал со слабо освещенными столиками-пультами. Сидевшая у ближайшего стола женщина подняла голову, и Дар Ветер узнал милое узкое лицо с большими серыми глазами. Белозубая улыбка крупного, смело очерченного рта приподнимала щеки холмиками по сторонам чуть вздернутого носа с детски закругленным кончиком, и от этого лицо становилось еще мягче и приветливее.

— Веда, осталось два часа. Надо переодеться, а мне хотелось, чтобы вы пришли в обсерваторию пораньше.

Женщина на экране подняла руки к густым светло-пепельным волосам.

— Повинуюсь, мой Ветер,— тихо рассмеялась она,— иду домой.

Ухо Дар Ветра не обманула веселость тона.

— Храбрая Веда, успокойтесь. Каждый, кто выступает по Великому Кольцу, когда-нибудь выступал впервые...

— Не тратьте слов, чтобы развлечь меня,— упрямо подняла голову Веда Конг,— я скоро буду.

Экран погас. Дар Ветер прикрыл створки и повернулся, чтобы встретить своего заместителя. Мвен Мас вошел широкими шагами. Черты лица и темно-коричневый цвет гладкой блестящей кожи указывали на его происхождение от негритянских предков. Белый плащ спадал тяжелыми складками с могучих плеч. Мвен Мас сжал обе ладони Дар Ветра в своих крепких худых руках. Оба начальника внешних станций — бывший и будущий — были очень высокими. Ветер, чья родословная шла от русского народа, казался шире и массивнее более стройного африканца.

— Мне кажется, сегодня должно произойти нечто важное,— начал Мвен Мас с той доверчивой прямотой, которая отличала людей эры Великого Кольца.

Дар Ветер пожал плечами.

— Важное произойдет для всех трех. Я отдам мою работу, вы ее возьмете, а Веда Конг впервые будет говорить со вселенной.

— Она очень красива? — полувопросом, полуутверждением откликнулся Мвен Мас.

— Увидите. Впрочем, в сегодняшней передаче нет ничего особенного. Веда прочтет лекцию по нашей истории для планеты КРЗ 664456+БШ 3252.

Мвен Мас проделал в уме поразительно быстрое вычисление.

— Созвездие Единорога, звезда Росс 614 — планетная система известна с незапамятных времен, но они ничем себя не проявляли. Я люблю старинные названия и слова,— с чуть заметной ноткой извинения добавил он.

Дар Ветер подумал, что Совет умеет выбирать людей. Вслух он сказал:

— Тогда вам будет хорошо с Юнием Антом — заведующим электронными запоминающими машинами. Он величает себя заведующим лампами памяти. Не от лампы — убогого светильника древности, а от первых электронных приборов, неуклюжих, в стеклянных колпаках, с выкачанным воздухом, напоминавших тогдашние электрические светильники.

Мвен Мас рассмеялся так задушевно и открыто, что Дар Ветер почувствовал, как растет его симпатия к этому человеку.

— Лампы памяти! Наши памятные сети — коридоры в километры длиной, составленные из миллиардов элементов-клеточек! Но,— спохватился он,— я даю волю своим чувствам, а не уяснил необходимого. Когда заговорила Росс 614?

— Пятьдесят два года назад. С тех пор они овладели языком Великого Кольца. До них всего четыре парсека. Лекцию Веды они получат через тринадцать лет.

— А потом?

— После лекции — прием. Через наших старых друзей мы получим какие-нибудь новости по Кольцу.

— Через шестьдесят один Лебедя?

— Ну конечно. Или иногда через сто семь Змееносца, пользуясь вашей старинной терминологией.

Вошел человек в той же серебристой одежде Совета Звездоплавания, как и помощник Дар Ветра. Невысокий, живой и горбоносый, он располагал к себе острым, внимательным взглядом темных, как вишни, глаз. Вошедший потер ладонью свою круглую гладкую голову.

— Я Юний Ант,— назвал он себя высоким резким голосом, очевидно адресуясь к Мвену Масу.

Тот почтительно приветствовал его. Заведующие памятными машинами превосходили всех ученостью. Они решали, что из полученных сообщений следует увековечить в памятных машинах, что направить в линии общей информации или дворцы творчества.

— Еще один из бревианов,— проворчал Юний Ант, пожимая руку новому знакомцу.

— Что такое? — не понял Мвен Мас.

— Моя выдумка. На латинском языке. Так я прозвал всех недолго живущих — работников внешних станций, летчиков межзвездного флота, техников заводов звездолетных двигателей. Ну и нас с вами. Мы тоже не живем больше половины нормальной продолжительности жизни. Что делать, зато интересно! Где Веда?

— Хотела быть пораньше...— начал Дар Ветер.

Его слова были заглушены тревожными музыкальными аккордами, раздавшимися вслед за звонким щелчком на циферблате часов Галактики.

— Предупредительный по всей Земле. Всем энергостанциям, всем заводам, сетевому транспорту и радиостанциям. Через полчаса прекратить отпуск энергии и накопить ее в емкостных конденсаторах достаточно, чтобы пробить атмосферу каналом направленного излучения. Переда-

ча возьмет сорок три процента земной энергии. Прием — лишь на поддержание канала, восемь процентов,— пояснил Дар Ветер.

— Именно так я себе и представлял это,— кивал головой Мвен Мас. Вдруг его сосредоточенный взгляд загорелся восхищением. Дар Ветер оглянулся. Не замеченная ими, у светящейся прозрачной колонны стояла Веда Конг. Для выступления она надела лучший из нарядов, наиболее красивший женщину и изобретенный тысячи лет назад, в эпоху критской культуры.

Тяжелый узел пепельных волос, высоко подобранных на затылке, не отягощал сильной стройной шеи. Гладкая кожа обнаженных плеч слегка поблескивала под мягким светом ламп. Низко открытая грудь поддерживалась корсажем из голубой ткани. Широкая и короткая юбка, расшитая по серебряному полю голубыми цветами, открывала голые загорелые ноги в туфельках вишневого цвета. Крупные, нарочито грубо заделанные в золотую цепь вишневые камни — фаанты с Венеры — горели на нежной коже в тон пылавшим от волнения щекам и маленьким ушам.

Мвен Мас, впервые видевший ученого-историка, рассматривал ее с нескрываемым восхищением.

Веда подняла встревоженные глаза на Дар Ветра.

— Хорошо,— ответил он на немой вопрос своего прекрасного друга.

— Я много раз выступала, но не так,— заговорила Веда Конг.

— Совет следует обычаю. Сообщения для разных планет всегда читали красивые женщины. Это дает представление о чувстве прекрасного обитателей нашего мира, вообще говорит о многом,— продолжал Дар Ветер.

— Совет не ошибся выбором! — воскликнул Мвен Мас.

Веда проницательно посмотрела на африканца.

— Вы одиноки? — тихо спросила она. Мвен Мас утвердительно кивнул головой.

— Вот поэтому вы и восхищаетесь... Вы хотели поговорить со мной,— повернулась она к Дар Ветру.

Друзья вышли на широкую кольцевую террасу, и Веда с наслаждением подставила лицо свежему морскому ветру.

Заведующий внешними станциями рассказал о своих колебаниях в выборе новой работы: тридцать восьмая звездная экспедиция, или антарктические подводные рудники, или археология.

— О нет, только не звездная! — воскликнула Веда, и Дар Ветер ощутил свою бестактность. Увлеченный переживаниями, он нечаянно задел больное место в душе Веды.

Ему на помощь пришла мелодия тревожных аккордов, донесшаяся на балкон.

— Пора, полчаса до включения в Кольцо! — Дар Ветер осторожно взял Веду Конг за руку. В сопровождении остальных они спустились по движущейся лестнице в глубокое подземелье — высеченную в скале кубическую комнату.

Здесь не было ничего, кроме приборов. Матовые панели черных стен казались бархатными. Их прорезали четкие линии хрустальных полос. Золотистые, зеленые, голубые и оранжевые огоньки слабо освещали шкалы, знаки, цифры. Изумрудные острия стрелок дрожали у черных полукружий, словно все эти широкие стены находились в напряженном, трепетном ожидании.

Несколько кресел, большой стол черного дерева, частично вдвинутый в огромный,мерцающий жемчужным отблеском полусферический экран, обведенный массивной золотой рамой.

Дар Ветер знаком подозвал к себе Мвена Маса, указав другим на высокие черные кресла. Мвен Мас приблизился, ступая осторожно, на носках, как некогда ходили его предки в спаленных солнцем саванах, подкрадываясь к огромным и свирепым зверям. Мвен Мас затаил дыхание. Отсюда, из неприступного каменного погреба, сейчас раскроется окно в бесконечные просторы космоса, и люди соединятся мыслями и знаниями со своими братьями на других мирах. Представители земного человечества перед вселенной — сейчас они, пять человек. Но с завтрашнего дня ему, Мвену Масу, придется руководить этой связью. Ему будут вверены все рычаги величайшей силы. Легкий озноб пробежал по спине африканца. Пожалуй, он только сейчас понял, какое бремя ответственности он взвалил на себя, дав согласие Совету. И когда он взглянул на Дар Ветра, неторопливо действовавшего рукоятками управления, то в его взоре мелькнуло выражение, похожее на восторг, светившийся в глазах молодого помощника Дар Ветра.

Раздался тяжелый, грозный звон, будто зазвучала массивная медь. Дар Ветер быстро повернулся и передвинул длинный рычаг. Звон умолк, и Веда Конг увидела, что узкая панель на правой стене осветилась на всю высоту комнаты. Стена как будто провалилась, исчезла в беспредельной дали. Открылся призрачный контур пирамидальной горной вершины, увенчанной исполинским каменным кругом. Ниже этой колоссальной шапки сплавленного камня кое-где виднелись пятна чистейшего горного снега.

Мвен Мас узнал вторую из высочайших гор Африки — Кению.

Снова тяжкий медный удар потряс подземную комнату, заставляя находившихся там людей настораживаться и напрягать все внимание.

Дар Ветер взял руку Мвена Маса и положил ее на горевшую гранатовым глазом круглую рукоятку. Мвен Мас послушно передвинул ее до упора. Теперь вся сила Земли, вся энергия, получаемая с тысячи семисот шестидесяти могучих электростанций, перебросилась на экватор, к горе пятикилометровой высоты. Над ее вершиной заклубилось разноцветное сияние, сгустилось в шар и вдруг устремилось вверх, точно копье в вертикальном полете, пронизывающее глубины неба. Над сиянием встала тонкая колонна, похожая на вихревой столб — смерч. По столбу струилась вверх, спирально завиваясь по его поверхности, ослепительно светящаяся голубая дымка.

Направленное излучение пронизывало земную атмосферу, образуя постоянный канал для приема и передачи на внешние станции, служивший вместо провода. Там, на высоте тридцати шести тысяч километров над Землей, висел суточный спутник — большая станция, обращавшаяся вокруг планеты за сутки в плоскости экватора и оттого как бы неподвижно стоявшая над горой Кения в Восточной Африке — точкой, выбранной для постоянного сообщения с внешними станциями. Другой большой спутник вращался на высоте пятидесяти семи тысяч километров через полюсы по меридиану и сообщался с Тибетской приемопередающей обсерваторией. Там условия образования передаточного канала были лучшими, но зато отсутствовало постоянное сообщение. Эти два больших спутника соединялись еще с несколькими автоматическими внешними станциями, располагавшимися вокруг всей Земли.

Узкая панель справа погасла — канал включился в приемную станцию спутника. Теперь засветился жемчужный, оправленный в золото экран. В центре его появилась причудливо увеличенная фигура, стала яснее, улыбнулась громадным ртом. Гур Ган, один из наблюдателей суточного спутника, вырос на экране сказочным исполином. Он весело кивнул

и, вытянув трехметровую руку, включил все окружение внешних станций нашей планеты. Оно сомкнулось воедино посланной с Земли силой. Во все стороны вселенной устремились чувствительные глаза приемников. Тусклая красная звезда в созвездии Единорога, с планет которой недавно раздался призыв, лучше фиксировалась со спутника 57, и Гур Ган соединился с ним. Только три четверти часа мог продолжаться невидимый контакт Земли и другой звезды. Нельзя было терять ни минуты этого драгоценного времени.

По знаку Дар Ветра Веда Конг встала на отливавший синим блеском круг металла перед экраном. Невидимые лучи падали мощным каскадом сверху и заметно углубили оттенок загорелой кожи девушки. Беззвучно заработали электронные машины, переводившие речь Веды на язык Великого Кольца. Через тринадцать лет приемники планеты темно-красной звезды запишут посылаемые колебания общеизвестными символами, и, если там говорят, электронные переводные машины обратят символы в звук живой чужой речи.

«Жаль только,— думал Дар Ветер,— что те, далекие, не услышат звучного, мягкого голоса женщины Земли, не поймут его выразительности. Кто знает, как устроены их уши? Могут быть разные типы слуха. Только зрение, повсюду использующее проницающую атмосферу часть электромагнитных колебаний, почти одинаково во всей вселенной, и они увидят очаровательную, горящую волнением Веду».

Дар Ветер, не сводя глаз с полуприкрытого прядью волос маленького уха Веды, стал прислушиваться к ее лекции.

Веда Конг сжато и ясно рассказывала про основные вехи истории человечества. О древних эпохах существования человечества, о разобщенности больших и малых народов, сталкивавшихся в экономической и идейной вражде, разделявшей их страны, она говорила очень коротко. Эти эпохи получили собирательное название ЭРМ — эры Разобщенного Мира. Но не перечисление истребительных войн, ужасных страданий или якобы великих правителей, наполнявшее древние исторические книги, оставшиеся от Античных веков, Темных веков, или веков Капитализма, интересовало людей эры Великого Кольца. Гораздо важнее была противоречивая история развития производительных сил вместе с формированием идей, искусства, знания, духовной борьбы за настоящего человека и человечество. Развитие потребности созидания новых представлений о мире и общественных отношениях, долге, правах и счастье человека, из которых выросло и расцвело на всей планете могучее дерево коммунистического общества.

В последний век ЭРМ, так называемый век Расщепления, люди наконец поняли, что все их бедствия происходят от стихийно сложившегося еще с диких времен устройства общества, поняли, что вся сила, все будущее человечества — в труде, в соединенных усилиях миллионов свободных от угнетения людей, в науке и переустройстве жизни на научных основах. Были поняты основные законы общественного развития, диалектически противоречивый ход истории, необходимость воспитания строгой общественной дисциплины, тем более важной, чем больше увеличивалось население планеты.

Борьба старых и новых идей обострилась в век Расщепления и привела к тому, что весь мир раскололся на два лагеря — старых — капиталистических и новых — социалистических — государств с различными экономическими устройствами. Открытие к тому времени первых видов атомной энергии и упорство защитников старого мира едва не привело к крупнейшей катастрофе все человечество.

Но новое общественное устройство не могло не победить, хотя эта победа задержалась из-за отсталости воспитания общественного сознания. Переустройство мира на коммунистических основах немыслимо без коренного изменения экономики, без исчезновения нищеты, голода и тяжелого, изнурительного труда. Но изменение экономики потребовало очень сложного управления производством и распределением и было невозможно без воспитания общественного сознания каждого человека.

Коммунистическое общество не сразу охватило все народы и страны. Искоренение вражды и особенно лжи, накопившейся от враждебной пропаганды во время идейной борьбы века Расщепления, потребовало гигантских усилий. Немало совершилось ошибок и на пути развития новых человеческих отношений. Кое-где случались восстания, поднимавшиеся отсталыми приверженцами старого, которые по невежеству пытались найти в воскрешении прошлого легкие выходы из трудностей, стоявших перед человечеством.

Но неизбежно и неуклонно новое устройство жизни распространилось на всю Землю, и самые различные народы и расы стали единой, дружной и мудрой семьей.

Так началась ЭМВ — эра Мирового Воссоединения, состоявшая из веков Союза Стран, Разных Языков, Борьбы за Энергию и Общего Языка.

Общественное развитие все ускорялось, и каждая новая эпоха проходила быстрее предыдущей. Власть человека над природой стала расти гигантскими шагами.

В древних утопических фантазиях о прекрасном будущем люди мечтали о постепенном освобождении человека от труда. Писатели обещали, что за короткий труд — два-три часа на общее благо — человечество сможет обеспечить себя всем необходимым, а в остальное время предаваться счастливому ничегонеделанию.

Эти представления возникли из отвращения к тяжелому и вынужденному труду древности.

Скоро люди поняли, что труд — счастье, так же как и непрестанная борьба с природой, преодоление препятствий, решение новых и новых задач развития науки и экономики. Труд в полную меру сил, только творческий, соответствующий врожденным способностям и вкусам, многообразный и время от времени переменяющийся,— вот что нужно человеку. Развитие кибернетики — техники автоматического управления, широкое образование и интеллигентность, отличное физическое воспитание каждого человека позволили менять профессии, быстро овладевать другими и без конца разнообразить трудовую деятельность, находя в ней все большее удовлетворение. Все шире развивавшаяся наука охватила всю человеческую жизнь, и творческие радости открывателя новых тайн природы стали доступны огромному числу людей. Искусство взяло на себя очень большую долю в деле общественного воспитания и устройства жизни. Пришла самая великолепная во всей истории человечества ЭОТ— эра Общего Труда с ее веками Упрощения Вещей, Переустройства, Первого Изобилия и Космоса.

Изобретение уплотнения электричества, приведшее к созданию аккумуляторов огромной емкости и компактных, но мощных электромоторов, было крупнейшей технической революцией нового времени. Еще раньше научились с помощью полупроводников вязать сложнейшие сети слабых токов и создавать самоуправляющиеся кибернетические машины. Техника стала тончайшей, ювелирной, высоким искусством и вместе с тем подчинила себе мощности космического масштаба.

Но требование дать каждому все вызвало необходимость суще-

ственно упростить обиход человека. Человек перестал быть рабом вещей, а разработка детальных стандартов позволила создавать любые вещи и машины из сравнительно немногих основных конструктивных элементов подобно тому, как все великое разнообразие живых организмов строится из небольшого разнообразия клеток, клетка — из белков, белки — из протеинов и т. д. Одно только прекращение невероятной расточительности питания прежних веков обеспечило пищей миллиарды людей.

Все силы общества, расходовавшиеся в древности на создание военных машин, содержание не занятых полезным трудом огромных армий, политическую пропаганду и показную мишуру, были брошены на устройство жизни и развитие научных знаний.

По знаку Веды Конг Дар Ветер нажал кнопку, и рядом с прекрасным историком вырос большой глобус.

— Мы начали,— продолжала Веда,— с полного перераспределения жилых и промышленных зон планеты...

Коричневые полосы на глобусе вдоль тридцатых градусов широты в северном и южном полушариях означали непрерывную цепь городских поселений, сосредоточенных у берегов теплых морей, в зоне мягкого климата, без зимы. Человечество перестало расходовать колоссальную энергию на обогревание жилищ в зимние периоды, на изготовление громоздкой одежды. Наиболее плотное население сосредоточилось у колыбели человеческой культуры — Средиземного моря. Субтропический пояс расширился втрое после растопления полярных шапок.

На севере от северного жилого пояса простирается гигантская зона лугов и степей, где пасутся бесчисленные стада домашних животных.

К югу (в северном полушарии) и к северу (в южном) были пояса сухих и жарких пустынь, ныне превращенные в сады. Здесь прежде находились поля термоэлектрических станций, собиравших солнечную энергию.

В зоне тропиков сосредоточено производство растительного питания и древесины, в тысячи раз более выгодное, чем в холодных климатических зонах. Давно уже, после открытия искусственного получения углеводов — сахаров — из солнечного света и углекислоты, мы перестали возделывать сахароносные растения. Дешевое промышленное произведение полноценных питательных белков нам еще не под силу, поэтому мы разводим богатые белком культурные растения и грибки на суше и колоссальные поля водорослей в океанах. Простой способ искусственного производства пищевых жиров получен нами через информацию Великого Кольца; любые витамины и гормоны мы делаем в любом количестве из каменного угля. Сельское хозяйство нового мира освободилось от необходимости добывать все без исключения питательные продукты, как это было в старину. Пределов производства сахаров, жиров и витаминов для нас практически нет. Для производства одних лишь белков имеются гигантские площади суши и моря. Человечество давно освободилось от страха голода, десятки тысячелетий господствовавшего над людьми.

Одна из главных радостей человека — стремление путешествовать, передвигаться с места на место — унаследована от наших предков — бродячих охотников, собирателей скудной пищи. Теперь всю планету обвивает Спиральная Дорога, исполинскими мостами соединяющая через проливы все материки.— Веда провела пальцем по серебристой нити и повернула глобус.— По Спиральной Дороге беспрерывно движутся электропоезда. Сотни тысяч людей могут очень быстро перенестись из жилой зоны в степную, полевую, горную, где нет постоянных городов, а лишь временные лагеря мастеров животноводства, посевов, лесной и гор-

ной промышленности. Полная автоматизация всех заводов и энергостанций сделала ненужным строительство при них городов или больших селений — там находятся лишь дома для немногих дежурных: наблюдателей, механиков и монтеров.

Планомерная организация жизни наконец прекратила убийственную гонку скорости — строительство все более и более быстрых транспортных машин. По Спиральной Дороге поезда проходят двести километров в час. Только в случае какого-либо несчастья пользуются скоростными кораблями, мчащимися тысячи километров в час.

Несколько сот лет назад мы сильно улучшили лик нашей планеты. Еще в век Расщепления совершилось открытие внутриатомной энергии. Тогда же научились освобождать некую ничтожную долю ее и превращать в тепловую вспышку, убийственные свойства которой были немедленно использованы в качестве военного оружия. Накопились большие запасы ужасных бомб, которые потом, при наступлении коммунизма, пытались использовать для производства энергии. Губительное влияние излучения на жизнь заставило отказаться от старой ядерной энергетики. Астрономы открыли путем изучения физики далеких звезд два новых пути получения внутриатомной энергии — Ку и Ф, гораздо более действенные и не оставляющие опасных продуктов распада.

Оба эти способа используются нами и теперь, хотя для звездолетных двигателей применяется еще один вид ядерной энергии — анамезонный, ставший известным при наблюдении больших звезд Галактики через Великое Кольцо.

Все накопленные издавна запасы старых термоядерных материалов — радиоактивных изотопов урана, тория, водорода, кобальта, лития — было решено уничтожить, как только додумались до способа выбросить продукты их распада за пределы земной атмосферы. Тогда в век Переустройства были сделаны искусственные солнца, «подвешенные» над полярными областями. Мы сильно уменьшили ледяные шапки, образовавшиеся на полюсах Земли в четвертичную эпоху оледенения, и изменили климат всей планеты. Вода в океанах поднялась на семь метров, в атмосферной циркуляции резко сократились полярные фронты и ослабли кольца пассатных ветров, высушивавшие зоны пустынь на границе тропиков. Почти прекратились и ураганные ветры, вообще всякие бурные нарушения погоды.

До шестидесятых параллелей дошли теплые степи, а луга и леса умеренного пояса пересекли семидесятую широту.

Антарктический материк, на три четверти освобожденный ото льда, оказался рудной сокровищницей человечества — там сохранились нетронутыми горные богатства, на всех других материках сильно выработанные после безрассудного распыления металлов в повсеместных и сокрушительных войнах прошлого. Через Антарктиду же удалось замкнуть Спиральную Дорогу.

Еще до этого капитального изменения климата были прорыты огромные каналы и прорезаны горные хребты для уравновешивания циркуляции водных и воздушных масс планеты. Бечные диэлектрические насосы помогли обводнить даже высокогорные пустыни Азии.

Возможности производства продуктов питания выросли во много раз, новые земли стали удобными для жизни. Теплые внутренние моря стали использоваться для выращивания богатых белком водорослей.

Старые, опасные и хрупкие планетолеты все же дали возможность достигнуть ближайших планет нашей системы. Землю охватил пояс искусственных спутников, с которых люди вплотную ознакомились с

космосом. И тут четыреста восемь лет назад случилось событие настолько важное, что ознаменовало новую эру в существовании человечества — ЭВК, эру Великого Кольца.

Давно мысль людей билась над передачей на дальнее расстояние изображений, звуков, энергии. Сотни тысяч талантливейших ученых работали в особой организации, называющейся и до сих пор Академией Направленных Излучений, пока не добились возможности дальних направленных передач энергии без каких-либо проводников. Это стало возможным, когда нашли обходный путь закона — поток энергии пропорционален синусу угла расхождения лучей. Тогда параллельные пучки излучений обеспечили постоянное сообщение с искусственными спутниками, а следовательно, и со всем космосом. Защищающий жизнь экран ионизированной атмосферы служил вечным препятствием к передачам и приемам из пространства. Давно-давно, еще в конце эры Разобщенного Мира, наши ученые установили, что потоки мощных радиоизлучений изливаются на Землю из космоса. Вместе с общим излучением созвездий и галактик до нас доходили призывы из космоса и передачи по Великому Кольцу, искаженные и полупогасшие в атмосфере. Мы тогда не понимали их, хотя уже научились улавливать эти таинственные сигналы, считая их за излучения мертвой материи.

Ученый Кам Амат, индиец по происхождению, догадался провести на искусственных спутниках опыты с приемниками изображений, с бесконечным терпением десятки лет осваивая все новые комбинации диапазонов.

Кам Амат уловил передачу с планетной системы двойной звезды, называвшейся издавна 61 Лебедя. На экране появился не похожий на нас, но, несомненно, человек и указал на надпись, сделанную символами Великого Кольца. Надпись сумели прочесть только через девяносто лет, и она украшает на нашем земном языке памятник Каму Амату: «Привет вам, братья, вступившие в нашу семью! Разделенные пространством и временем, мы соединились разумом в кольце великой силы».

Язык символов, чертежей и карт Великого Кольца оказался легко постигаемым на достигнутом человечеством уровне развития. Через двести лет мы могли уже переговариваться при помощи переводных машин с планетными системами ближайших звезд, получать и передавать целые картины разнообразной жизни разных миров. Только недавно мы приняли весть с четырнадцати планет большого центра жизни Денеба в Лебеде — колоссальной звезды светимостью в четыре тысячи восемьсот солнц, находящейся от нас на расстоянии в сто двадцать два парсека. Развитие мысли там шло иным путем, но достигло нашего уровня.

А с древних миров — шаровых скоплений нашей Галактики и колоссальной обитаемой области вокруг галактического центра — идут из безмерной дали странные картины и зрелища, еще не понятые, не расшифрованные нами. Записанные памятными машинами, они передаются в Академию Пределов Знания — так называется научная организация, работающая над проблемами, едва-едва намечающимися нашей наукой. Мы пытаемся понять далеко ушедшую от нас за миллионы лет мысль, немногим отличающуюся от нашей благодаря единству путей исторического развития жизни от низших органических форм к высшим, мыслящим существам.

Веда Конг отвернулась от экрана, в который смотрела словно загипнотизированная, и бросила вопросительный взгляд на Дар Ветра. Тот улыбнулся и одобрительно кивнул головой. Веда гордо подняла лицо, протянула вперед руки и обратилась к тем невидимым и неведомым, которые

через тринадцать лет получат ее слова и увидят ее облик:

— Такова наша история, трудная, сложная и долгая дорога восхождения к высотам знания. Мы зовем вас — сливайтесь с нами в Великом Кольце, чтобы нести во все концы необъятной вселенной могучую силу разума, побеждая косную неживую материю!

Голос Веды торжествующе зазвенел, обретя силу всех поколений земных людей, ныне поднявшихся так, что их помыслы обращались уже за пределы собственной Галактики к другим звездным островам вселенной.

Протяжный медный звон — это Дар Ветер передвинул рукоятку и выключил передающий поток энергии. Экран погас. На прозрачной панели справа остался светящийся столб несущего канала.

Веда, усталая и тихая, утонула в глубине большого кресла и не сводила своих внимательных глаз с Дар Ветра. Дар Ветер усадил за стол управления Мвена Маса, а сам склонился над его плечом. В полной тишине лишь иногда чуть слышно пощелкивали стопоры рукояток. Внезапно экран в золотой оправе исчез, и невероятная глубина раскрылась на его месте. Веда Конг, впервые видевшая это чудо, громко вздохнула. Действительно, даже хорошо знавшему путь сложной интерференции световых волн, каким достигалась такая широта и глубина обзора, зрелище всегда казалось поразительным.

Темная поверхность чужой планеты приближалась издалека, вырастая с каждой секундой. Это была чрезвычайно редкая система двойной звезды, где два солнца уравновешивали себя таким образом, что орбита их планеты оказалась правильной и на ней могла возникнуть жизнь. Оба солнца — оранжевое и алое, меньшие, чем наше, освещали казавшиеся красными льды застывшего моря. На краю плоских черных гор в загадочных фиолетовых отблесках виднелось гигантское приземистое здание. Луч зрения уперся в площадку на его крыше, как бы пронизал ее, и все увидели серокожего человека с круглыми, как у совы, глазами, обведенными кольцами серебристого пуха. Его рост был велик, но тело очень тонко, с длинными, словно щупальца, конечностями. Человек нелепо боднул головой, будто отдал поспешный поклон, и, устремив на экран свои бесстрастные, точно объективы, глаза, открыл безгубый рот, прикрытый похожим на нос клапаном мягкой кожи. Тотчас зазвучал мелодичный и нежный голос переводящей машины:

— Заф Фтет, заведующий внешней информацией шестьдесят один Лебедя. Сегодня мы передаем для желтой звезды СТЛ 3388+04ЖФ... Передаем для...

Дар Ветер и Юний Ант переглянулись, а Мвен Мас на секунду сжал запястье Дар Ветра. Это были галактические позывные Земли, вернее солнечной планетной системы. Когда-то она считалась наблюдателями иных миров единым большим спутником, обращавшимся вокруг Солнца за пятьдесят девять земных лет. Один раз за этот период случается совместное противостояние Юпитера и Сатурна, сдвигающего Солнце заметно для астрономов ближних звезд. В ту же ошибку впадали и наши астрономы в отношении многих планетных систем, присутствие которых у разных звезд было открыто еще в давние времена.

Юний Ант более поспешно, чем в начале передачи, проверил настройку памятной машины и показания бдительных часовых исправности — приборов ОЭС.

Бесстрастный голос электронного переводчика продолжал:

— Мы приняли вполне хорошую передачу от звезды...— снова посыпался ряд цифр и отрывистых звуков,— случайно, не во время пере-

дач Великого Кольца. Они не расшифровали языка Кольца и тратят напрасно энергию, передавая в часы молчания. Мы отвечали им и в периоды их собственных передач — результаты станут известны приблизительно через три десятых секунды...— Голос замолк. Сигнальные приборы продолжали гореть, за исключением угасшего зеленого глазка.

— Это еще не выясненные перерывы в передаче, может быть, прохождение легендарного нейтрального поля астролетчиков между нами,— пояснил Веде Юний Ант.

— Три десятых галактической секунды — это ждать около шестисот лет,— хмуро буркнул Дар Ветер.— Интересно, зачем это нам?

— Насколько я понял, звезда, с которой они связались,— Эпсилон Тукана созвездия южного неба,— откликнулся Мвен Мас,— отстоящая на девяносто парсек, что близко к пределу нашей постоянной связи. Дальше Денеба мы ее еще не установили.

— Но мы принимаем и центр Галактики и шаровые скопления?— спросила Веда Конг.

— Нерегулярно, случайным приемом или через памятные машины других членов Кольца, образующих протянутую в пространство Галактики цепь,— ответил Мвен Мас.

— Сообщения, посланные тысячи и тысячи тысяч лет назад, не теряются в пространстве и в конце концов достигают нас,— добавил Юний Ант.

— Но это значит, что мы судим о жизни и познаниях людей иных, очень далеких миров с опозданием, например, для зоны центра Галактики на двадцать тысяч лет?

— Да, безразлично, передается ли это памятными записями близких миров или улавливается нашими станциями, мы видим дальние миры такими, какими они были в очень древние времена. Видим давным-давно умерших и забытых в своем мире людей.

— Неужели мы, достигшие столь большой власти над природой, здесь бессильны?— ребячески возмутилась Веда.— Неужели нельзя достигнуть дальних миров другим путем, иным, чем волновой, или фотонный, луч[1], орудием?

— Как я понимаю вас, Веда!— воскликнул Мвен Мас.

— В Академии Пределов Знания занимаются проектами преодоления пространства, времени, тяготения — глубинами основ космоса,— вмешался Дар Ветер,— только они не дошли до стадии опытов и не смогли...

Внезапно зеленый глаз вспыхнул, и Веда вновь ощутила головокружение от углубившегося в бездну пространства экрана.

Резко ограниченные края изображения показывали, что это запись памятной машины, а не непосредственно уловленная передача.

Сначала показалась поверхность планеты, видимая, конечно, с внешней станции-спутника. Громадное бледно-фиолетовое, призрачное от неимоверного накала солнце заливало пронизывающими лучами синий облачный покров ее атмосферы.

— Так и есть — Эпсилон Тукана, высокотемпературная звезда класса В9,— светимость семьдесят восемь наших солнц,— прошептал Мвен Мас.

Дар Ветер и Юний Ант утвердительно кивнули.

---

[1] *Волновой, или фотонный, луч* — луч света, обладающий одновременно волновыми свойствами и свойствами потока частиц (фотонов). В технике будущего оба эти свойства луча разделяются и как бы концентрируются (фантастическое).

Зрелище изменилось, как бы сузившись и спустившись почти на самую почву неведомого мира.

Высоко поднимались округлые купола гор, казавшихся отлитыми из меди. Неизвестная порода, или металл зернистого строения, рдела огнем под удивительно белым сверкающим светом голубого солнца. Даже в несовершенной передаче приборов неведомый мир блистал торжественно, с каким-то победным великолепием.

Отблески лучей окаймляли контуры медных гор серебристо-розовой короной, отражавшейся широкой дорогой на медленных волнах фиолетового моря. Вода цвета густого аметиста казалась тяжелой и вспыхивала изнутри красными огнями, как скоплениями живых маленьких глаз. Волны лизали массивное подножие исполинской статуи, стоявшей далеко от берега в гордом одиночестве. Женщина, изваянная из темно-красного камня, запрокинула голову и, словно в экстазе, тянулась простертыми руками к пламенной глубине неба. Она вполне могла бы быть дочерью Земли — полное сходство с нашими людьми потрясало не меньше, чем поразительная красота изваяния. В ее теле, точно исполнившаяся мечта скульпторов Земли, сочеталась могучая сила и одухотворенность каждой линии лица и тела. Полированный красный камень статуи источал из себя пламя неведомой и оттого таинственной и влекущей жизни.

Пять людей Земли безмолвно смотрели на изумительный новый мир. Только из широкой груди Мвена Маса вырвался долгий вздох — при первом же взгляде на статую каждый нерв его напрягся в радостном ожидании.

Против статуи, на берегу, резные серебряные башни отмечали начало широкой белой лестницы, взброшенной свободно над чащей стройных деревьев с бирюзовой листвой.

— Они должны звенеть!— шепнул Дар Ветер в ухо Веды, указывая на башни, и она согласно наклонила голову.

Передаточный аппарат новой планеты продолжал последовательно и беззвучно развертывать новые картины.

На секунду мелькнули белые стены с широкими выступами, прорезанные порталом из голубого камня, и экран раскрылся в высоком помещении, залитом сильным светом. Матово-жемчужная окраска изборожденных желобками стен сообщала необыкновенную четкость всему находившемуся в зале. Внимание приковывала группа людей, стоявших перед полированной изумрудной панелью.

Пламенный красный цвет их кожи соответствовал оттенку статуи в море. В нем не было ничего необычайного для Земли — некоторые племена индейцев Центральной Америки, судя по сохранившимся от древности цветным снимкам, обладали почти такой же, менее глубокого тона, кожей.

В зале находились две женщины и двое мужчин. Обе пары носили разные одежды. Стоявшие ближе к зеленой панели отличались золотистыми короткими одеяниями, похожими на изящные комбинезоны, снабженные несколькими застежками. У других двух были окутывавшие их с головы до пят одинаковые плащи такого же жемчужного оттенка, как и стены.

Стоявшие у панели проделывали плавные движения, прикасаясь к косым струнам, натянутым у ее левого края. Стена полированного изумруда или стекла становилась прозрачной. В такт их движениям в кристалле плыли, сменяя друг друга, четкие изображения. Они исчезали и возникали быстро, так что даже тренированным наблюдателям — Юнию Анту и Дар Ветру — было трудно полностью понять их смысл.

В чередовании медных гор, фиолетового океана и бирюзовых лесов улавливалась история планеты. Цепь животных и растительных форм, иногда чудовищно непонятных, иногда прекрасных, проходила призраками прошлого. Многие животные и растения казались похожими на тех, чьи остатки сохранила летопись пластов земной коры. Долго тянулась восходящая лестница форм жизни — совершенствующейся живой материи. Бесконечно долгий путь развития ощущался еще более длинным, трудным и мучительным, чем известная каждому жителю Земли его собственная родословная.

В призрачном сиянии прибора замелькали новые картины: огни больших костров, нагромождения каменных глыб на равнинах, битвы со свирепыми зверями, торжественные обряды похорон и религиозных служб. Во всю панель выросла фигура мужчины, прикрытого плащом из пестрой шкуры. Опираясь одной рукой на копье и подняв другую к звездам широким обнимающим жестом, он наступил ногой на шею поверженного чудовища с жесткой гривой вдоль спины и оскаленными длинными клыками. На заднем плане стояла цепь женщин и мужчин, попарно взявшихся за руки и, казалось, что-то распевавших.

Изображение исчезло, на месте живых видений возникла темная поверхность полированного камня.

Тогда двое в золотистых одеждах отступили направо, а их место заняла вторая пара. Неуловимо быстрым движением плащи были отброшены, и на жемчужном фоне стен живым пламенем возникли темно-красные тела. Мужчина протянул обе руки к женщине, она ответила ему улыбкой такой гордой и ослепительной радости, что жители Земли отозвались невольными улыбками. А там, в жемчужном зале неимоверно далекого мира, двое начали медленный танец. Вероятно, это не был танец ради танца, а скорее ритмическое позирование. Танцующие, очевидно, ставили себе целью показать совершенство, красоту линий и пластическую гибкость своих тел. Но в ритмической смене движений угадывалась величавая и в то же время грустная музыка, как будто воспоминание о великой лестнице безыменных и неисчислимых жертв развития жизни, приведшего к столь прекрасному мыслящему существу — человеку.

Мвену Масу показалось, что он слышит мелодию — веер высоких чистых нот, опирающийся на гулкий и мерный ритм низких звуков. Веда Конг стиснула руку Дар Ветру, и тот не обратил на это внимания. Юний Ант смотрел, не шевелясь и не дыша, а на его огромном лбу проступили капельки пота.

Люди Тукана были так похожи на людей Земли, что постепенно утрачивалось впечатление иного мира. Но красные люди обладали такой отточенной красотой тела, какая не была еще достигнута всеми на Земле и жила в мечтах и творениях художников, воплощаясь в небольшом числе необычайно красивых людей.

«Чем труднее и дольше был путь слепой животной эволюции до мыслящего существа, тем целесообразнее и разработаннее высшие формы жизни и, следовательно, тем прекраснее,— думал Дар Ветер.— Давно уже люди Земли поняли, что красота — это инстинктивно воспринимаемая целесообразность строения, приспособления к определенному назначению. Чем разнообразнее назначение, тем красивее форма,— эти красные люди, вероятно, более разносторонни и ловки, чем мы. Может быть, их цивилизация шла больше за счет развития самого человека, его духовного и физического могущества, и меньше за счет техники? Наша культура долго оставалась насквозь технической и только с приходом коммунистического общества окончательно встала на путь совершенствования

самого человека, а не только его машин, домов, еды и развлечений».

Танец прекратился. Юная краснокожая женщина вышла на середину зала, и луч зрения прибора сосредоточился на ней одной. Ее раскинутые руки и лицо поднялись к потолку зала.

Невольно глаза людей Земли последовали за ее взглядом. Потолка не было совсем, или по очень искусно созданной оптической иллюзии там находилось звездное небо с настолько яркими и крупными звездами, что, вероятно, это было лишь изображение. Сочетание чуждых созвездий не вызывало никаких знакомых ассоциаций. Девушка взмахнула рукой, и на указательном пальце ее левой руки появился синий шарик. Из него ударил серебристый луч, ставший громадной указкой. Круглое светящееся пятнышко на конце луча останавливалось то на одной, то на другой звезде потолка. И тотчас изумрудная панель показывала неподвижное изображение, данное очень широким планом. Медленно перемещался указательный луч, и так же медленно возникали видения пустынных или населенных жизнью планет. С тягостной безотрадностью горели каменистые или песчаные пространства под красными, голубыми, фиолетовыми, желтыми солнцами. Иногда лучи странного свинцово-серого светила вызывали к жизни на своих планетах плоские купола и спирали, насыщенные электричеством и плававшие, подобно медузам, в густой оранжевой атмосфере или океане. В мире красного солнца росли невообразимой высоты деревья со скользкой черной корой, тянувшие к небу, словно в отчаянии, миллиарды кривых ветвей. Другие планеты были сплошь залиты темной водой. Громадные живые острова, то ли животные, то ли растительные, плавали повсюду, колыхая в спокойной глади бесчисленные мохнатые щупальца.

— У них нет поблизости планет с высшими формами жизни,— вдруг сказал Юний Ант, неотрывно следивший за картой незнакомого звездного неба.

— Нет,— возразил Дар Ветер,— с одной стороны у них лежит плоская звездная система, одно из позднейших образований Галактики. Но мы знаем, что плоские и сферические системы, новые и древние, нередко чередуются. И действительно, со стороны Эридана у них есть система с мыслящей жизнью, входящая в Кольцо.

— ВВР 4955+МО 3529... и так далее,— вставил Мвен Мас.— Но почему же они не знают о ней?

— Система вошла в Великое Колько двести семьдесят пять лет назад, а это сообщение отправлено раньше,— ответил Дар Ветер.

Краснокожая девушка далекого мира стряхнула с пальца синий шарик и повернулась лицом к зрителям с раскрытыми руками, будто готовясь обнять кого-то, незримо стоящего перед ней. Она слегка откинула голову и плечи назад — так сделала бы и женщина Земли в страстном призыве. Губы полураскрытого рта шевелились, повторяя неслышные слова. Так она замерла, зовущая, бросая в ледяной мрак межзвездных пространств свою горячую человеческую мольбу о товарищах — людях других миров.

И снова ее блистающая красота заставила оцепенеть наблюдателей Земли. В ней не было чеканной бронзовой суровости земных краснокожих людей. Круглое лицо с небольшим носом и огромными, широко расставленными синими глазами, с маленьким ртом скорее напоминало северные народности Земли. Густые волнистые черные волосы не были жесткими. В каждой линии лица и тела сквозила веселая и легкая уверенность, бессознательно воспринимавшаяся как ощущение большой силы.

— Неужели они ничего не знают о Великом Кольце? — почти просто-

нала Веда Конг, склоняясь перед прекрасной сестрой из космоса.

— Теперь, наверное, знают,— отозвался Дар Ветер,— ведь то, что мы видим, произошло триста лет назад.

— Восемьдесят восемь парсек,— пророкотал низкий голос Мвена Маса,— восемьдесят восемь. Все, кого мы видели, давно уже мертвы.

И, словно подтверждая его слова, видение чудесного мира погасло, потух и зеленый указатель связи. Передача по Великому Кольцу окончилась.

С минуту все находились в оцепенении. Первым опомнился Дар Ветер. Досадливо закусив губу, он поспешно передвинул гранатовую рукоятку. Выключение столба направленной энергии отозвалось густым медным гулом, предупреждающим инженеров энергостанций о том, что необходимо снова разлить могучий поток по его обычным каналам. Только проделав все операции с приборами, заведующий внешними станциями обернулся к своим товарищам.

Юний Ант, высоко подняв брови, перебирал исчерканные листочки.

— Часть мемонограммы (памятной записи) со звездной картой на потолке надо сейчас же отправить в Институт Южного Неба! — обратился он к молодому помощнику Дар Ветра.

Тот посмотрел на Юния Анта удивленно, как будто проснувшись от необычайного сна.

Суровый ученый затаил усмешку — разве видение не было в самом деле грезой о прекрасном мире, посланной в пространство три века назад? Грезой, которую так осязаемо увидят сейчас миллиарды людей на Земле и на станциях Луны, Марса и Венеры.

— Вы были правы, Мвен Мас,— улыбнулся Дар Ветер,— объявив еще до передачи, что сегодня случится необыкновенное. Впервые за четыреста лет существования для нас Великого Кольца из глубин вселенной явилась планета с братьями не только по разуму, но и по телу. Я весь наполнен радостью открытия! Хорошо началась ваша деятельность! Древние люди сочли бы это счастливым предзнаменованием, или, как скажут наши психологи, случилось совпадение обстоятельств, благоприятствующее уверенности и подъему в дальнейшей работе.

Дар Ветер спохватился, нервная реакция сделала его многословным. Излишества речи в эру Великого Кольца считались одним из самых позорных недостатков человека, и заведующий внешними станциями умолк, не закончив фразы.

— Да, да! — рассеянно отозвался Мвен Мас.

Юний Ант уловил нотку отрешенности в его голосе, замедленных движениях и насторожился. Веда Конг тихо провела пальцем по кисти Дар Ветра и кивнула на африканца.

«Может быть, он чересчур впечатлителен?» — мелькнуло в уме Дар Ветра, и он пристально посмотрел на своего преемника.

Но Мвен Мас, почувствовав скрытое недоумение собеседников, выпрямился и стал прежним внимательным знатоком своего дела. Движущаяся лестница перенесла их наверх, к широким окнам и звездному небу, снова ставшему столь же далеким, как и во все тридцать тысячелетий существования человека,— вернее, его вида, называвшегося Гомо сапиенс — Человеком мудрым.

Мвен Мас и Дар Ветер должны были остаться.

Веда Конг шепнула Дар Ветру, что никогда не забудет этой ночи.

— Я сама показалась себе такой жалкой! — заключила она, улыбаясь наперекор своим грустным словам.

Дар Ветер понял, что она имеет в виду, и отрицательно покачал головой.

— А я уверен, что если бы красная женщина увидела вас, Веда, то она гордилась бы своей сестрой. Право, наша Земля не хуже их мира!— Лицо Дар Ветра засветилось любовью.

— Ну, это вашими глазами, милый друг,— улыбнулась Веда.— Вы спросите Мвена Маса!..— Она шутя прикрыла глаза ладонью и скрылась за выступом стены.

Когда Мвен Мас наконец остался один, наступило утро. В прохладном неподвижном воздухе разлился сероватый свет, море и небо приняли одинаковую хрустальную прозрачность: серебристую у моря, с розовым оттенком у неба.

Мвен Мас долго стоял на балконе обсерватории, вглядываясь в полузнакомые очертания зданий.

На невысоком плато поодаль высилась гигантская алюминиевая арка, перечеркнутая девятью параллельными рядами алюминиевых полос, разделенных промежутками опалово-кремовых и серебристо-белых пластических стекол — здание Совета Звездоплавания. Перед ним стоял памятник первым людям, вышедшим на просторы космоса. Склон крутейшей горы в облаках и вихрях заканчивался звездолетом старинного типа — рыбообразной ракетой, нацелившей заостренный нос в еще недоступную высоту. Цепочка людей, поддерживая друг друга, с неимоверными усилиями карабкалась вверх, спирально обвивая подножие памятника,— летчики ракетных кораблей, физики, астрономы, биологи, смелые писатели-фантасты... Рассвет уже рдел на корпусе древнего звездолета и на легких ажурных контурах зданий, а Мвен Мас все еще мерил балкон широкими шагами. Еще ни разу он не испытывал такого потрясения. Воспитанный в общих правилах эры Великого Кольца, он прошел суровую физическую закалку и с успехом выполнил свои подвиги Геркулеса. Так в память прекрасных мифов древней Эллады назывались трудные дела, выполнявшиеся каждым молодым человеком в конце школьного периода. Если юноша справлялся с подвигами, то считался достойным приступить к высшей ступени образования.

Мвен Мас устроил водоснабжение рудника в Западном Тибете, восстановил араукариевый лес на плоскогорье Нахэбта в Южной Америке и истреблял акул, вновь появившихся у берегов Австралии. Его жизненная закалка и выдающиеся способности позволили ему выдержать многие годы настойчивого учения и подготовить себя к тяжелой и ответственной деятельности. Сегодня, в первый же час его новой работы, случилась встреча с родным Земле миром, и в его душе появилось что-то новое. С тревогой Мвен Мас чувствовал, что в нем открылась какая-то бездна, над которой он ходил все годы своей жизни, не подозревая о ее существовании. Так непереносимо сильна жажда новой встречи с планетой звезды Эпсилон Тукана — этим миром, будто возникшим из лучших сказок земного человечества. Не забыть ему краснокожей девушки, ее простертых зовущих рук, нежных полураскрывшихся губ!..

И то, что чудовищное расстояние в двести девяносто световых лет, недоступное никаким возможностям земной техники, отделяло его от чудесного мира, не ослабляло, а только усиливало жгучую мечту.

В душе Мвена Маса выросло нечто живущее теперь само по себе и непокорное контролю воли и спокойного разума. Африканец жил, почти отшельнически погрузившись в занятия, еще никогда не любил и не испытывал ничего похожего на тревогу и небывалую радость, зароненную в его душу сегодняшней встречей через громадные поля пространства и времени.

Глава третья

В ПЛЕНУ ТЬМЫ

На оранжевых столбиках указателей анамезонного горючего черные толстые стрелки стояли на нулях. Курс звездолета пока не отклонялся от железной звезды, так как скорость была еще велика и корабль неуклонно приближался к жуткому, не видимому для человеческих глаз светилу.

Эрг Ноор с помощью астронавигатора, дрожа от напряжения и слабости, уселся за счетную машину. Планетарные двигатели, отключенные от робота-рулевого, утихли.

— Ингрид, что такое железная звезда? — тихо спросил Кэй Бэр, все это время недвижно простоявший за спиной астронома.

— Невидимая звезда спектрального класса Т, погасшая, но еще не остывшая окончательно или не разогревшаяся снова. Она светит длинноволновыми колебаниями тепловой части спектра — черным, для нас инфракрасным светом и становится видимой лишь через электронный инвертор[1]. Сова, видящая тепловые инфракрасные лучи, могла бы ее обнаружить.

— Почему же она железная?

— На всех, какие сейчас изучены, в спектре и составе много железа. Поэтому если звезда велика, то ее масса и поле тяготения огромны. Боюсь, что мы встретимся именно с такой...

— Что же теперь?

— Не знаю. Видишь сам — у нас нет горючего. Но мы продолжаем лететь прямо на звезду. Надо затормозить «Тантру» до скорости в одну тысячную абсолютной, при которой возможно достаточное угловое отклонение. Если не хватит и планетарного горючего, то звездолет будет постепенно приближаться к звезде, пока не упадет.— Ингрид нервно дернула головой, и Бэр ласково погладил ее по голой, покрывшейся гусиной кожей руке.

Начальник экспедиции перешел к пульту управления и сосредоточился на приборах. Молчали все, не смея дышать, молчала и только что проснувшаяся Низа Крит, инстинктивно поняв всю опасность положения. Горючего могло хватить лишь на замедление корабля, но с потерей скорости звездолету становилось все труднее вырваться без моторов из цепкого притяжения железной звезды. Если бы «Тантра» не подошла так близко и Лин сообразил бы вовремя... Впрочем, какое утешение в этих пустых «если»?

Прошло около трех часов, и Эрг Ноор наконец решился. «Тантра» содрогнулась от мощных толчков триггерных моторов. Ход корабля замедлялся час, другой, третий, четвертый. Неуловимое движение начальника — ужасная дурнота у всех людей. Страшное коричневое светило исчезло из переднего экрана, переместилось на второй. Незримые цепи тяготения продолжали тянуться к кораблю, отражаясь в приборах. Он рванул рукоятки к себе — двигатели остановились.

— Вырвались! — с облегчением шепнул Пел Лин.

Начальник медленно перевел взгляд на него:

— Нет! Остался лишь запретный запас горючего для орбитального обращения и посадки.

---

[1] *Электронный инвертор* — увеличение изображений в тысячи раз путем их превращения в электронные с последующим усилением.

— Что же делать?

— Ждать! Я отклонил немного звездолет. Но мы проходим слишком близко. Идет борьба между тяготением звезды и уменьшающейся скоростью «Тантры». Она летит сейчас, как лунная ракета. Если мы сможем оторваться от звезды, тогда пойдем к Солнцу. Правда, время путешествия сильно возрастет. Лет через тридцать мы пошлем сигнал вызова, а еще через восемь лет придет помощь...

— Тридцать восемь лет! — едва слышно шепнул Бэр на ухо Ингрид. Та резко дернула его за рукав и отвернулась.

Эрг Ноор откинулся в кресле и опустил руки на колени. Молчали люди, тихо пели приборы. Другая, не стройная и оттого казавшаяся угрожающей мелодия вплеталась в песнь настройки навигационных приборов. Почти физически ощутимый зов железной звезды, реальная сила ее черной массы, гнавшейся за потерявшим свою мощь кораблем.

Щеки Низы Крит горели, сердце учащенно колотилось. Девушке становилось невыносимо это бездейственное ожидание.

... Медленно проходили часы. Один за другим в центральном посту появлялись проснувшиеся члены экспедиции. Число молчальников увеличивалось, пока все четырнадцать человек не оказались в сборе.

Замедление корабля понизило его скорость, которая стала меньше скорости убегания[1]. «Тантра» не могла уйти от железной звезды. Забывшие о сне и пище люди не покидали поста управления много тоскливых часов, в которые курс «Тантры» искривлялся все более, пока корабль не понесся по роковому орбитальному эллипсу. Судьба «Тантры» стала ясна каждому.

Внезапный вопль заставил всех вздрогнуть. Астроном Пур Хисс вскочил и взмахнул руками. Его исказившееся лицо стало неузнаваемым, непохожим на человека эры Кольца. Страх, жалость к самому себе и жажда мести стерли всякие следы мысли с лица ученого.

— Он, это он,— завопил Пур Хисс, показывая на Пела Лина,— тупица, пень, безмозглый червяк!..— Астроном захлебнулся, стараясь припомнить давно вышедшие из употребления бранные слова пращуров.

Стоявшая рядом Низа брезгливо отодвинулась. Эрг Ноор поднялся.

— Осуждение товарища ничему не поможет. Прошли времена, когда ошибки могли быть намеренными. А в этом случае,— Ноор небрежно повертел рукоятками счетной машины,— как видите, вероятность ошибки здесь тридцать процентов. Если добавить к этому неизбежную депрессию конца дежурства и еще потрясение от раскачки звездолета, я не сомневаюсь, что вы, Пур Хисс, сделали бы ту же ошибку.

— А вы? — с меньшей яростью выкрикнул астроном.

— Я — нет. Мне пришлось видеть такое же чудовище в тридцать шестой звездной... Я виноват — надеясь сам вести звездолет в неизученном районе, я не предусмотрел всего, ограничившись простой инструкцией.

— Как вы могли знать, что они без вас заберутся в этот район?! — воскликнула Низа.

— Я должен был это знать,— твердо ответил Эрг Ноор, отклоняя дружескую помощь Низы,— об этом есть смысл говорить лишь на Земле...

— На Земле! — возопил Пур Хисс, и даже Пел Лин озадаченно нахмурился.— Говорить это, когда все потеряно и впереди только гибель.

— Впереди не гибель, а большая борьба,— твердо ответил Эрг Ноор,

---

[1] *Скорость убегания* — скорость, которая дает возможность преодолеть тяготение небесного тела и оторваться от него в космическое пространство.

опускаясь в кресло перед столом.— Садитесь! Спешить некуда, пока «Тантра» не сделает полтора оборота...

Присутствующие безмолвно повиновались, а Низа обменялась улыбкой с биологом — торжествующей, несмотря на всю безнадежность момента.

— У звезды, несомненно, есть планета, я предполагаю — даже две, судя по кривизне изограв[1]. Планеты, как видите,— начальник экспедиции быстро набросал аккуратную схему,— должны быть большими и, следовательно, обладать атмосферой. Нам нет пока необходимости садиться — у нас еще много атомарного[2] твердого кислорода.

Эрг Ноор умолк, собираясь с мыслями.

— Мы станем спутником планеты, описывая вокруг нее орбиту. Если атмосфера планеты окажется годной и мы израсходуем свой воздух, планетарного горючего хватит, чтобы сесть и чтобы позвать,— продолжал он.— За полгода мы вычислим направление, передадим результаты Зирды, вызовем спасательный звездолет и выручим наш корабль.

— Если выручим...— покривился Пур Хисс, сдерживая загоревшуюся радость.

— Да, если! — согласился Эрг Ноор.— Но это ясная цель. Надо собрать все силы на ее достижение. Вы, Пур Хисс и Ингрид, ведите наблюдения и расчеты размеров планет. Бэр и Низа, по массе планет вычислите скорость убегания, а по ней — орбитальную скорость и оптимальный радиант[3] обращения звездолета.

Исследователи стали готовиться на всякий случай и к посадке. Биолог, геолог и врач готовили к сбрасыванию разведочную станцию-робот, механики настраивали посадочные локаторы и прожекторы, собирали ракету-спутник для передачи сообщения на Землю.

После испытанного ужаса и безнадежности работа шла особенно споро и прерывалась лишь во время качания звездолета в завихрениях гравитации. Но «Тантра» уже так сильно убавила скорость, что ее колебания больше не были убийственны для людей.

Пур Хисс и Ингрид определили наличие двух планет. От приближения к внешней пришлось отказаться — огромная, холодная, окутанная мощной, вероятно, ядовитой атмосферой, она грозила гибелью. Если выбирать род смерти, то, пожалуй, лучше было бы сгореть у поверхности железной звезды, чем утонуть во тьме аммиачной атмосферы, вонзив корабль в тысячекилометровую толщу льда. Такие же страшные исполинские планеты были и в солнечной системе — Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун.

«Тантра» неуклонно приближалась к звезде. Через девятнадцать суток выяснились размеры внутренней планеты — она была больше Земли. Находясь на близком расстоянии от своего железного солнца, планета с бешеной скоростью неслась по своей орбите — ее год был вряд ли больше двух-трех земных месяцев. Невидимая звезда Т, вероятно, достаточно обогревала ее своими черными лучами — при наличии атмосферы там могла быть жизнь. В этом случае посадка становилась особенно опасной...

---

[1] *Изограв* — линии, очерчивающие поля равного напряжения тяготения (фантастическое).

[2] *Атомарный (твердый) кислород* — кислород, существующий не в молекулярном состоянии (O_2), а в виде отдельных атомов. Этот вид состояния вещества дает гораздо более интенсивные химические реакции и позволяет достигать большего сжатия, чем в молекулярном состоянии.

[3] *Оптимальный радиант* — тот радиус обращения звездолета вокруг планеты вне ее атмосферы, который наиболее благоприятен для устойчивости орбиты корабля. Зависит от размеров и массы планеты (фантастическое).

Чужая, развивавшаяся в условиях иных планет, другими путями эволюции, жизнь в общей для космоса форме белковых тел была чрезвычайно вредна для обитателей Земли. Защитные приспособления организмов от вредных отбросов, от болезнетворных бактерий, выработанные за миллионы веков на нашей планете, были беспомощны против чужих форм жизни. В равной степени жизнь с других планет подвергалась опасности на нашей Земле.

Основная деятельность животной жизни: убивая — пожирать и пожирая — убивать, при соприкосновении животных разных миров проявлялась с удручающе обнаженной жестокостью. Невероятные болезни, молниеносные эпидемии, чудовищно размножившиеся вредители, ужасные повреждения сопутствовали первым исследованиям обитаемых, но безлюдных планет. Да и населенные мыслящими людьми миры предпринимали множество опытов и предварительной подготовки, прежде чем вступить в прямую звездолетную связь. На нашей Земле, удаленной от центральных, обильных жизнью, сгущенных зон Галактики, еще не бывало гостей с планет других звезд, представителей иных цивилизаций. Совет Звездоплавания только недавно закончил подготовку к приему друзей с недалеких звезд из Змееносца, Лебедя, Большой Медведицы и Райской Птицы.

Эрг Ноор, озабоченный возможной встречей с неизвестной жизнью, распорядился извлечь из дальних кладовых средства биологической защиты.

Наконец «Тантра» уравняла свою орбитальную скорость со скоростью внутренней планеты железной звезды и начала вращаться вокруг нее. Расплывчатая, бурая, с отсветом огромной кроваво-коричневой звезды, поверхность планеты — вернее, ее атмосферы — становилась видимой только в электронном инверторе. Все без исключения члены экспедиции были заняты у приборов.

— Температура поверхности слоев на освещенной стороне триста двадцать градусов Кельвина![1]

— Вращение вокруг оси — приближенно двадцать суток!

— Локаторы дают наличие воды и суши.

— Толщина атмосферы — тысяча семьсот километров.

— Уточненная масса — сорок три целых две десятых земной.

Сообщения поступали непрерывно, и характер планеты становился все яснее.

Эрг Ноор сводил получаемые цифры, собирая материал для вычисления орбитального режима. Сорок три и две десятых земной массы — планета была велика. Сила ее тяготения придавит корабль к почве. В беспомощных насекомых на клею превратятся люди...

Начальник экспедиции вспомнил страшные рассказы — полулегенды, полубыли — о старых звездолетах, по разным причинам попадавших на громадные планеты. Тогда корабли с малыми скоростями, со слабым горючим часто гибли. Рев моторов и судорожное содрогание корабля, который, будучи не в силах вырваться, как бы прилипал к поверхности планеты. Звездолет оставался целым, но хрустели ломавшиеся кости людей — неописуемый ужас, переданный в отрывочных воплях последних прощальных сообщений...

Экипажу «Тантры» не грозила такая участь, пока они будут вращаться вокруг планеты. Но если придется сесть на ее поверхность, то только очень

---

[1] *Температура К* — температура по абсолютной шкале в градусах Кельвина, где $0° = -273°$.

сильные люди смогут таскать тяжесть своего живого веса в этом будущем их пристанище. Пристанище, назначенное им на десятки лет жизни... Смогут ли они выжить в таких условиях? Под гнетом давящей тяжести, в вечном мраке инфракрасного черного солнца, в плотной атмосфере? Но как бы то ни было — это не гибель, это надежда на спасение, и выбора нет!

«Тантра» описывала свою орбиту близко к границе атмосферы. Сотрудники экспедиции не могли упустить случая исследовать доселе неведомую планету, находившуюся сравнительно недалеко от Земли. Освещенная — вернее, нагретая — сторона планеты отличалась от теневой не только гораздо более высокой температурой, но и громадными скоплениями электричества, мешавшими даже мощным локаторам, показания которых искажались до неузнаваемости. Эрг Ноор решил вести изучение планеты с помощью бомбовых станций. Сбросили физическую станцию[1], и автомат доложил о поразительном наличии свободного кислорода в неоново-азотной атмосфере, присутствии водяных паров и температуре в двенадцать градусов тепла. Эти условия были, в общем, сходны с земными. Только давление толстой атмосферы превышало нормальное давление Земли в один и четыре десятых раза да сила тяжести больше чем в два с половиной раза превосходила земную.

— Здесь можно жить! — слабо улыбнулся биолог, передавая начальнику сообщения станции.

— Если мы можем жить на такой мрачной и тяжелой планете, то, наверное, здесь уже кто-нибудь живет — мелкий и вредный!

К пятнадцатому обороту звездолета подготовили станцию-бомбу с мощным телепередатчиком. Однако вторая физическая станция, сброшенная в тень, когда планета повернулась на сто двадцать градусов, исчезла, не подав сигналов.

— Угодила в океан,— закусив губу от досады, констатировала геолог Бина Лед.

— Придется прощупать главным локатором, прежде чем сбрасывать робот-телевизор! У нас их только два!

«Тантра», испуская пучок направленного радиоизлучения, вращалась над планетой, прощупывая смутные из-за искажений контуры материков и морей. Обрисовались очертания огромной равнины, вдавшейся в океан или разделявшей два океана почти на экваторе планеты. Звездолет описывал лучом зигзаги, захватывая полосу в двести километров шириной. Внезапно экран локатора вспыхнул яркой точкой. Свисток, хлестнувший по напряженным нервам, подтвердил, что это не галлюцинация.

— Металл! — воскликнул геолог. — Открытое месторождение.

Эрг Ноор покачал головой:

— Как ни мгновенна была вспышка, я успел заметить определенность ее контуров. Это или большой кусок металла — метеорит, или...

— Корабль! — одновременно вмешались Низа и биолог.

— Фантастика! — отрезал Пур Хисс.

— Может быть, действительность,— возразил Эрг Ноор.

— Все равно спор бесполезен,— не сдавался Пур Хисс.— Ничем нельзя проверить. Не будем же мы садиться.

— Проверим через три часа, когда придем снова к этой равнине. Обратите внимание — металлическая вещь находится на равнине, которую выбрал бы и я для посадки... Мы сбросим телевизорную станцию

---

[1] *Физическая станция* — робот, определяющий физические условия на поверхности планеты (фантастическое).

именно туда. Поставьте луч локатора на шестисекундное упреждение!

План, намеченный начальником экспедиции, удался, и «Тантра» вторично ушла в трехчасовой облет темной планеты. Теперь при подходе к материковой равнине корабль встретило донесение телеробота. Люди впились в загоревшийся экран. Щелкнул, включившись, и незаметно заметался зрительный луч, подобно человеческому глазу очертивший контуры предметов там, далеко внизу, в тысячекилометровой темной бездне. Кэй Бэр отчетливо представил, как поворачивается похожая на маяк головка станции, высунувшаяся из твердого панциря. В зоне, освещенной лучом автомата, бежали по экрану, тут же фотографируемые, невысокие обрывы, холмы, черные извивы промоин. Внезапно через экран пронеслось видение сверкающего рыбообразного контура, и снова расстелилась отброшенная лучом тьма с вырванными из нее уступами плоскогорья.

— Звездолет! — выдохнули сразу несколько ртов.

С нескрываемым торжеством Низа посмотрела на Пур Хисса. Экран погас, «Тантра» снова отдалилась от телепередатчика, но биолог Эон Тал уже фиксировал ленту электронного снимка. Дрожавшими от нетерпения пальцами он сунул ленту в проектор полусферического экрана[1]. Внутренние стенки полого полушария отразили увеличенное изображение.

Знакомые сигарообразные очертания носового отсека, вздутая кормовая часть, высокий гребень приемника равновесия... Как ни невероятно было это зрелище, как ни немыслима, ни невозможна встреча на планете тьмы — это действительно был земной звездолет! Он стоял горизонтально, в положении нормальной посадки, подпертый мощными стойками, неповрежденный, как будто только что опустился на планету железной звезды.

«Тантра», описывая свои очень быстрые из-за близости к планете круги, посылала сигналы, остававшиеся безответными. Прошло несколько часов. В центральном посту снова собрались все четырнадцать человек экспедиции. Тогда Эрг Ноор, сидевший в глубоком раздумье, встал.

— Я предполагаю посадить «Тантру». Может быть, наши братья нуждаются в помощи; может быть, их корабль поврежден и не может идти к Земле. Тогда мы возьмем их, погрузим анамезон и спасемся сами. Сажать спасательную ракету нет смысла. Она ничего не сможет сделать для снабжения нас горючим, а энергии израсходует столько, что нечем будет послать сигнал на Землю.

— А если они сами очутились здесь из-за нехватки анамезона? — осторожно спросил Пел Лин.

— Тогда у них должны остаться ионные планетарные заряды — они не могли израсходовать все полностью. Видите, звездолет сидит правильно — значит, они садились на планетарных моторах. Мы возьмем ионное горючее, взлетим снова и, перейдя на орбитальное положение, будем звать и ждать помощи с Земли. В случае удачи пройдет всего восемь лет. А если удастся достать анамезон — тогда мы победили.

— Может быть, планетарное горючее у них не ионные заряды, а фотонные? — усомнился один из инженеров.

— Мы можем использовать его в главных двигателях, если переставить из вспомогательных чашечные отражатели.

---

[1] *Полусферический, или гемисферный, экран* — экран в виде внутренней поверхности полушария, необходимый для получения стереоскопических изображений (фантастическое).

— Остается риск посадки на тяжелую планету и риск пребывания на ней,— проворчал Пур Хисс.— Страшно подумать об этом мире мрака!

— Риск, конечно, остается, но он существует в самой основе нашего положения, и мы его вряд ли увеличиваем. А планета, на которую сядет наш звездолет, не так уж плоха. Только бы сохранить корабль!

Эрг Ноор кинул взгляд на циферблат уравнителя скоростей и быстро подошел к пульту. С минуту начальник экспедиции стоял перед рычагами и верньерами управления. Пальцы его больших рук шевелились, как бы беря аккорды на музыкальном инструменте, спина горбилась и лицо каменело.

Низа Крит подошла к начальнику, смело взяла его правую руку и приложила ладонью к своей гладкой щеке, горячей от волнения. Эрг Ноор благодарно кивнул, погладил пышные волосы девушки и выпрямился.

— Идем в нижние слои атмосферы и на посадку! — громко сказал он, включая сигнал.

Вой пронесся по кораблю, и люди поспешно разбежались по местам, замкнув себя в гидравлические плавающие сиденья.

Эрг Ноор опустился в мягкие объятия посадочного кресла, поднявшегося из люка перед пультом. Загремели удары планетарных двигателей, и звездолет с воем кинулся вниз, навстречу скалам и океанам неведомой планеты.

Локаторы и инфракрасные отражатели прощупывали первозданный мрак внизу, красные огни горели на шкале высоты у заданной цифры — пятнадцати тысяч метров. Гор выше десяти километров не приходилось ожидать на планете, где вода и нагрев черного солнца работали над выравниванием поверхности, как и на Земле.

Первый же облет обнаружил на большей части планеты вместо гор лишь незначительные возвышенности, немного большие, чем на Марсе. Видимо, деятельность внутренних сил, созидающих горные поднятия, почти совсем прекратилась или приостановилась.

Эрг Ноор передвинул ограничитель высоты полета на две тысячи метров и включил мощные прожекторы. Под звездолетом простирался огромный океан — подлинное море ужаса. Беспросветно черные волны вздымались и опадали над неведомыми глубинами.

Биолог, вытирая выступивший от усилий пот, старался поймать отраженный от волн световой зайчик в прибор, определяющий ничтожнейшие колебания отражательной способности — альбедо, чтобы определить соленость или минерализацию этого моря мрака.

Блестящая чернота воды сменилась чернотой матовой — началась суша. Скрещенные лучи прожекторов распахивали узкую дорогу между стенами тьмы. На ней проступали неожиданные краски — то желтоватые пятна песка, то серовато-зеленая поверхность скалистых пологих гряд.

«Тантра», послушная искусной руке, понеслась над материком.

Наконец Эрг Ноор обнаружил ту самую равнину.

Из-за незначительной высоты ее нельзя было назвать плоскогорьем. Но было очевидно, что возможные приливы и бури темного моря не могут достичь этой равнины, поднимавшейся над низменными участками суши на высоту примерно ста метров.

Передний локатор борта дал свисток. «Тантра» нацелилась прожекторами. Теперь совершенно отчетливо стал виден звездолет первого класса. Покрытие его носовой части из кристаллически перестроенного анизотропного иридия сверкало в лучах прожектора, как новое. Около корабля не было видно временных построек, не горело никаких огней — темный и безжизненный стоял звездолет, никак не реагируя на приближение соб-

рата. Лучи прожекторов пробежали дальше, сверкнули, отразившись, как от синего зеркала, от колоссального диска со спиральными выступами. Диск стоял наклонно, на ребре, частично погруженный в черную почву. На мгновение наблюдателям показалось, что за диском торчат какие-то скалы, а дальше сгущается черная тьма. Там, вероятно, был обрыв или спуск куда-то на низменность...

Оглушительный вой «Тантры» сотряс ее корпус. Эрг Ноор хотел сесть поближе к обнаруженному звездолету и предупреждал людей, которые могли оказаться в смертоносной зоне, радиусом около тысячи метров от места посадки. Слышимый даже внутри корабля, прокатился чудовищный гром планетарных моторов, в экранах появилось облако раскаленных частиц почвы. Пол стал круто подниматься вверх и заваливаться назад. Бесшумно и плавно гидравлические шарниры повернули сиденья кресел перпендикулярно к ставшим отвесным стенам.

Гигантские коленчатые упоры отскочили от корпуса и, растопырившись, приняли на себя первое прикосновение к почве чужого мира. Толчок, удар, толчок — «Тантра» раскачивалась носовой частью и замерла одновременно с полной остановкой двигателей. Эрг Норр поднял руку к пульту, оказавшемуся над головой, повернул рычаг выключения упоров. Медленно, короткими толчками звездолет стал оседать носом, пока не принял прежнего горизонтального положения. Посадка окончилась. Как всегда, она давала настолько сильную встряску человеческому организму, что астролетчики должны были некоторое время приходить в себя, полулежа в своих креслах.

Страшная тяжесть придавила каждого. Как после тяжелой болезни, люди едва могли приподняться. Однако неугомонный биолог успел взять пробу воздуха.

— Годен для дыхания,— сообщил он.— Сейчас произведу микроскопическое исследование!

— Не нужно,— отозвался Эрг Ноор, расстегивая упаковку посадочного кресла.— Без скафандров нельзя покидать корабль. Здесь могут быть очень опасные споры и вирусы.

В шлюзовой каюте у выхода были заранее приготовлены биологические скафандры и «прыгающие скелеты» — стальные, обшитые кожей каркасы с электродвигателем, пружинами и амортизаторами для индивидуального передвижения при увеличенной силе тяжести, которые надевались поверх скафандров.

Всем не терпелось почувствовать под ногами почву, пусть чужую, после шести лет скитания в межзвездных безднах. Кэй Бэр, Пур Хисс, Ингрид, врач Лума и два механика-инженера должны были оставаться в звездолете, чтобы вести дежурство у радио, прожекторов и приборов.

Низа стояла в стороне со шлемом в руках.

— Откуда нерешительность, Низа? — окликнул девушку начальник, проверявший свою радиостанцию в верхушке шлема.— Идемте к звездолету!

— Я... — девушка замялась.— Мне кажется, он мертвый, стоит здесь уже давно. Еще одна катастрофа, еще жертва беспощадного космоса,— я понимаю, это неизбежно, но всегда тяжело... особенно после Зирды, после «Альграба»...

— Может быть, смерть этого звездолета даст нам жизнь,— откликнулся Пур Хисс, поворачивая обзорную короткофокусную трубу по направлению корабля, по-прежнему остававшегося неосвещенным.

Восемь путешественников выкарабкались в переходную камеру и остановились в ожидании.

— Включите воздух! — скомандовал Эрг Ноор оставшимся в корабле, которых уже отделила непроницаемая стена.

Только после того как давление в камере достигло десяти атмосфер, гидравлические домкраты выдавили плотно припаявшуюся дверь. Давление воздуха почти выбросило людей из камеры, не давая ничему вредному из чужого мира проникнуть внутрь кусочка Земли. Дверь стремительно захлопнулась. Луч прожектора проложил яркую дорогу, по которой исследователи заковыляли на своих пружинных ногах, едва волоча свои тяжелые тела. В конце светового пути возвышался огромный корабль. Полтора километра показались необычайно длинными и от нетерпения и от жестокой тряски неуклюжих скачков по неровной, усеянной мелкими камнями почве, сильно нагретой черным солнцем.

Сквозь толстую атмосферу, изобилующую влагой, звезды просвечивали бледными, расплывчатыми пятнами. Вместо сияющего великолепием космоса небо планеты передавало лишь намеки на созвездия. Их красноватые тусклые фонарики не могли бороться с тьмой на почве планеты.

В окружающем глубочайшем мраке корабль выделялся особенно рельефно. Толстый слой боразоно-циркониевого лака местами истерся на обшивке. Вероятно, звездолет долго странствовал в космосе.

Эон Тал издал восклицание, отдавшееся во всех телефонах. Он показал рукой на открытую дверь, зияющую черным пятном и спущенный вниз малый подъемник. На почве около подъемника и под кораблем торчали, несомненно, растения. Толстые стебли поднимали на высоту почти метра черные, параболически углубленные чаши, зазубренные по краю, точно шестерни,— не то листья, не то цветы. Скопище черных неподвижных шестерней выглядело зловеще. Еще больше настораживало немое зияние двери. Нетронутые растения и открытая дверь — значит, давно уже люди не пользовались этим путем, не охраняют свой маленький земной мирок от чужого.

Эрг Ноор, Эон и Низа вошли в подъемник. Начальник повернул пусковой рычаг. С легким скрежетом механизм заработал и послушно вознес троих исследователей в раскрытую настежь переходную камеру. Следом поднялись и остальные. Эрг Ноор передал на «Тантру» просьбу погасить прожектор. Мгновенно маленькая кучка людей затерялась в бездне тьмы. Мир железного солнца надвинулся вплотную, как будто желая растворить в себе слабый очаг земной жизни, приникший к почве громадной темной планеты.

Зажгли вращающиеся на верху шлемов фонарики. Дверь из переходной камеры внутрь корабля оказалась закрытой, но незапертой и легко подалась. Исследователи вошли в средний коридор, свободно ориентируясь во тьме проходов. Конструкция звездолета отличалась от «Тантры» лишь в незначительных деталях.

— Корабль построен несколько десятков лет назад,— сказал Эрг Ноор, приближаясь к Низе.

Девушка оглянулась. Сквозь силиколл[1] шлема полуосвещенное лицо начальника казалось загадочным.

— Невозможная мысль,— продолжал Эрг Ноор,— вдруг это...

— «Парус!» — воскликнула Низа, забыв о микрофоне, и увидела, что все обернулись к ней.

Группа разведчиков проникла в главное помещение корабля — библиотеку-лабораторию и затем ближе к носу, в центральный пост управле-

[1] *Силиколл* — прозрачный материал из волокнистых кремний-органических соединений (фантастическое).

ния. Ковыляя в своем скелетообразном каркасе, шатаясь и ударяясь о стены, начальник экспедиции добрался до главного распределительного щита. Освещение звездолета оказалось включенным, но тока не было. В темноте помещений продолжали светиться лишь фосфоресцирующие указатели и значки. Эрг Ноор нашел аварийную клемму, и тут, на удивление всем, загорелся тусклый, показавшийся ослепительным свет. Должно быть, он вспыхнул и у подъемника, потому что в телефонах шлемов зазвучал голос Пур Хисса, осведомившегося о ходе осмотра. Ему ответила Бина, геолог. Начальник застыл на пороге центрального поста. Проследив глазами за его взглядом, Низа увидела наверху, между передними экранами, двойную надпись — на земном языке и кодом Великого Кольца — «Парус». Ниже под чертой шли галактические позывные Земли и координаты солнечной системы.

Исчезнувший восемьдесят лет назад звездолет нашелся в неведомой ранее системе черного солнца, так долго считавшейся лишь темным облаком.

Осмотр помещений звездолета не помог понять, куда делись люди. Кислородные резервуары не были исчерпаны, запасов воды и пищи могло хватить еще на несколько лет, но нигде не было ни следов, ни останков экипажа «Паруса».

Странные темные натеки виднелись кое-где в коридорах, в центральном посту и библиотеке. На полу в библиотеке тоже было пятно — оно коробилось многослойной пленкой, как если бы здесь высохло что-то пролитое. В кормовом машинном посту перед распахнутой дверью задней переборки свисали оборванные провода, а массивные стойки охладителей из фосфористой бронзы сильно погнулись. Так как в остальном корабль был совершенно цел, то эти повреждения, требовавшие могучего удара, остались непонятными. Исследователи выбились из сил, но не нашли ничего, что могло бы объяснить исчезновение и несомненную гибель экипажа «Паруса».

Попутно пришло другое, чрезвычайно важное открытие — запасы анамезона и планетарных ионных зарядов, сохранившиеся на корабле, обеспечивали взлет «Тантры» с тяжелой планеты и путь до Земли.

Переданное немедленно на «Тантру» сообщение сняло сознание обреченности, овладевшее людьми после пленения их корабля железной звездой. Отпала необходимость длительной работы по передаче сообщения на Землю. Зато предстоял огромнейший труд по перегрузке контейнеров с анамезоном. Нелегкая сама по себе задача здесь, на планете почти с тройной земной тяжестью, превращалась в дело, требовавшее высокой инженерной изобретательности. Но люди эпохи Кольца не боялись трудных умственных задач, а радовались им.

Биолог вынул из магнитофона в центральном посту незаконченную катушку полетного дневника. Эрг Ноор с геологом открыли герметически запертый главный сейф, хранивший результаты экспедиции «Паруса». Люди поволокли на себе значительный груз — множество рулонов фотонно-магнитных фильмов, дневники, астрономические наблюдения и вычисления. Сами будучи исследователями, члены экспедиции не могли даже на короткий срок оставить столь драгоценную находку.

Едва живые от усталости разведчики встретились в библиотеке «Тантры» с горящими нетерпением товарищами. Здесь, в привычной обстановке, за удобным столом под ярким светом, могильная тьма окружавшего мрака и мертвый, покинутый звездолет стали видением ночного кошмара. Только каждого давило не снимаемое ни на секунду тяготение страшной планеты, да и при каждом движении, то один, то другой из исследователей

морщился от боли. Без большой практики было очень трудно координировать собственное тело с движением рычагов стального «скелета». От этого ходьба сопровождалась толчками и жестоким встряхиванием. Даже из короткого похода люди вернулись основательно избитыми. У геолога Бины Лед, по-видимому, получилось легкое сотрясение мозга, но и она, тяжело привалившись к столу и сдавливая виски, отказалась уйти, не прослушав последней катушки корабельного дневника. Низа ожидала от этой восемьдесят лет хранившейся в мертвом корабле на жуткой планете записи чего-то невероятного. Ей представлялись хриплые призывы о помощи, вопли страдания, трагические прощальные слова. Девушка вздрогнула, когда из аппарата раздался звучный и холодный голос. Даже Эрг Ноор, великий знаток всего, что касалось межзвездных полетов, не знал никого из экипажа «Паруса». Укомплектованный исключительно молодежью, этот звездолет отправился в свой бесконечно отважный рейс на Вегу, не передав в Совет Звездоплавания обычного фильма о людях экипажа.

Неизвестный голос излагал события, случившиеся семь месяцев спустя после передачи последнего сообщения на Землю. За четверть века до этого, при пересечении пояса космического льда на краю системы Веги, «Парус» был поврежден. Пробоину в кормовой части удалось заделать и продолжать путь, но она нарушила точнейшую регулировку защитного поля моторов. После длившейся двадцать лет борьбы двигатели пришлось остановить. Еще пять лет «Парус» летел по инерции, пока не уклонился в сторону по естественной неточности курса. Тогда было послано первое сообщение. Звездолет собирался послать второе сообщение, когда попал в систему железной звезды. Дальше получилось, как и с «Тантрой», с той лишь разницей, что корабль без ходовых моторов, раз затормозившись, улететь совсем не мог. Он не смог сделаться спутником планеты, так как ускорительные планетарные моторы, находившиеся в корме, пришли в такую же негодность, как и анамезонные. «Парус» благополучно сел на низкое плато вблизи моря. Экипаж принялся выполнять три стоявшие перед ним задачи: попытку отремонтировать двигатели, посылку призыва на Землю и изучение неведомой планеты. Не успели еще собрать ракетную башенку, как люди начали непонятным образом исчезать. Посланные на розыски тоже не возвращались. Исследование планеты прекратили, покидать корабль для строительства башенки стали только все вместе и подолгу отсиживались в наглухо запертом корабле в перерывах между невероятно изнурительной от силы тяжести работой. Торопясь отправить ракету, они даже не предприняли изучение чужого звездолета поблизости от «Паруса», по-видимому находившегося здесь уже давно.

«Тот диск!» — мелькнуло в уме у Низы. Она встретилась глазами с начальником, и тот, поняв ее мысли, кивнул утвердительно головой. Из четырнадцати человек экипажа «Паруса» осталось в живых восемь. Дальше в дневнике следовал примерно трехдневный перерыв, после которого сообщение передавал высокий молодой женский голос:

«Сегодня, двенадцатого числа седьмого месяца триста двадцать третьего года Кольца, мы, все оставшиеся, закончили подготовку ракеты-передатчика. Завтра в это время...»

Кэй Бэр инстинктивно взглянул на часовую градуировку вдоль перематывавшей ленты — пять часов утра по времени «Паруса» и, кто знает, сколько по этой планете...

«Мы отправим надежно рассчитанное... — голос прервался, затем снова возник, более глухой и слабый, как если бы говорившая отвернулась от приемника.— Включаю! Еще!...»

Прибор смолк, но лента продолжала перематываться. Слушавшие обменялись тревожными взглядами.

— Что-то случилось!... — начала Ингрид Дитра.

Из магнитофона полетели торопливые, сдавленные слова: «Спаслись двое... Лаик не допрыгнула... подъемник... дверь не смогли закрыть, только вторую! Механик Сах Ктон пополз к двигателям... ударим планетарными.... они, кроме ярости и ужаса,— ничто! Да, ничто...»

Лента некоторое время вращалась беззвучно, затем тот же голос заговорил снова:

«Кажется, Ктон не успел. Я одна, но я придумала. Прежде чем начну,— голос окреп и зазвучал с убедительной силой: — братья, если вы найдете «Парус», предупреждаю, не покидайте корабль никогда».

Говорившая громко вздохнула и сказала негромко, как бы самой себе:

«Надо узнать про Ктона. Вернусь, объясню подробнее...»

Щелчок — и лента продолжала сматываться еще около двадцати минут до конца катушки. Но напрасно ожидали внимательные уши — неизвестной не пришлось ничего объяснить, как, вероятно, не пришлось и вернуться.

Эрг Ноор выключил аппарат и обратился к своим товарищам:

— Наши погибшие сестры и братья спасают нас! Разве не чувствуете вы руку сильного человека Земли! На корабле оказался анамезон. Теперь мы получили предупреждение о смертельной опасности, подстерегающей здесь нас! Я не знаю, что это такое, но, наверное,— это чужая жизнь. Будь это космические, стихийные силы, они не только убили бы людей, но повредили и корабль! Получив такую помощь, нам было бы стыдно теперь не спастись и не донести до Земли открытия «Паруса» и свои. Пусть великие труды погибших, их полувековая борьба с космосом не пропадут даром.

— Как же вы думаете запастись горючим, не выходя из корабля? — спросил Кэй Бэр.

— Почему не выходя из корабля? Вы знаете, что это невозможно и нам придется выходить и работать снаружи. Но мы предупреждены и примем меры...

— Я догадываюсь,— сказал биолог Эон Тал,— барраж вокруг места работы.

— Не только, но и всего пути между кораблями! — добавил Пур Хисс.

— Конечно! Так как мы не знаем, что нас подстерегает, то барраж сделаем двойной — излучением и током. Протянем провода, по всему пути создадим световой коридор. За «Парусом» стоит неиспользованная ракета — в ней хватит энергии на все время работы.

Голова Бины Лед со стуком ударилась о стол. Врач и второй астроном придвинулись, преодолевая тяжесть, к бесчувственному товарищу.

— Ничего! — объявила Лума Ласви.— Сотрясение и перенапряжение. Помогите мне дотащить Бину до постели.

И это простое дело могло бы отнять слишком много времени, если бы механик Тарон не догадался приспособить автоматическую тележку — робота. С помощью ее всех восьмерых разведчиков развезли по постелям — пора было отдохнуть, иначе перенапряжение не приспособленного к новым условиям организма обернется болезнью. В трудный момент экспедиции каждый человек стал незаменим.

Вскоре две автоматические тележки для универсальных перевозок и дорожных работ, сцепленные вместе, принялись выравнивать дорогу между звездолетами. Мощные кабели протянулись по обеим сторонам

намеченного пути. У обоих звездолетов установили наблюдательные башенки с толстыми колпаками из силикобора.[1] В них сидели наблюдатели, посылавшие время от времени вдоль пути веера смертоносных жестких излучений из пульсационных камер. Во все время работы не угасал ни на секунду свет сильных прожекторов. В киле «Паруса» открыли главный люк, разобрали переборки и приготовили к спуску на тележки четыре контейнера с анамезоном и тридцать цилиндров с ионными зарядами. Погрузка их на «Тантру» являлась гораздо более сложной задачей. Звездолет нельзя было открыть, как мертвый «Парус», и тем самым впустить в него все наверняка убийственные порождения чужой жизни. Поэтому люк только подготовили и, раскрыв внутренние переборки, перевезли с «Паруса» запасные баллоны с жидким воздухом. По задуманному плану с момента открытия люка и до окончания погрузки контейнеров приемную шахту следовало непрерывно продувать сильным напором сжатого воздуха. Кроме того, борт корабля прикрывался каскадным излучением.

Люди постепенно осваивались с работой в стальных «скелетах», немного привыкли к почти тройной силе тяжести. Ослабели нестерпимые боли во всех костях, начавшиеся вскоре после посадки.

Прошло несколько земных дней. Таинственное «ничто» не появлялось. Температура окружающего воздуха стала резко падать. Поднялся ураганный ветер, крепчавший с каждым часом. Это заходило черное солнце — планета поворачивалась, и материк, на котором стояли звездолеты, уходил на «ночную» сторону. Охлаждение благодаря конвекционным токам, теплоотдаче океана и толстой атмосферной шубе было нерезким, но все же к середине планетной «ночи» наступил сильный мороз. Работы продолжались с включенными обогревателями скафандров. Первый контейнер удалось спустить из «Паруса» и довезти до «Тантры», когда на «восходе» разбушевался новый ураган, гораздо сильнее закатного. Температура быстро поднялась выше нуля, струи плотного воздуха несли огромное количество влаги, молнии сотрясали небо. Ураган настолько усилился, что звездолет стал вздрагивать от напора чудовищного ветра. Все усилия людей сосредоточились на укреплении контейнера под килем «Тантры». Устрашающий рев урагана нарастал, на плоскогорье крутились опасные столбчатые вихри, очень похожие на земные торнадо. В полосе света вырос огромный смерч из снега и пыли, упиравшийся воронкой вершины в пятнистый и темный низкий небосвод. Под его напором провода высоковольтного тока оборвались, голубоватые вспышки замыканий засверкали среди сворачивавшихся кольцами проволок. Желтоватый огонь прожектора, поставленного около «Паруса», погас, как задутый ветром.

Эрг Ноор отдал распоряжение укрыться в корабле, прекратив работу.

— Но там остался наблюдатель! — воскликнула геолог Бина Лед, указывая на едва заметный огонек силикоборовой башенки.

— Я знаю, там Низа, и сейчас отправлюсь туда,— ответил начальник экспедиции.

— Ток выключился, и «ничто» вступило в свои права,— серьезно возразила Бина.

— Если ураган действует на нас, то, несомненно, он действует и на это «ничто». Я уверен, что, пока буря не ослабеет, опасности нет. А я здесь так

---

[1] *Силикобор* — сплав карбидов бора и кремния; очень твердый и прозрачный материал (фантастическое).

тяжел, что меня не сдует, если я, прижавшись к почве, проползу. Давно уже хотелось подстеречь «ничто» в башенке!

— Разрешите мне с вами? — подпрыгнул в своем «скелете» к начальнику биолог.

— Пойдемте, но только вы — более никто.

Два человека долго ползли, цепляясь за неровности и трещины камней, стараясь не попасться на дороге вихревых столбов. Ураган упорно силился оторвать их от почвы, перевернуть и покатить. Один раз это ему удалось, но Эрг Ноор ухватил катящегося Эона, навалился животом и уцепился руками в когтистых перчатках за край большого камня.

Низа открыла люк своей башенки, и ползуны по очереди протиснулись в него. Здесь было тепло и тихо, башенка стояла прочно, надежно укрепленная в мудром предвидении бурь.

Рыжекудрая девушка-астронавигатор и хмурилась и радовалась приходу товарищей. Низа честно призналась, что провести сутки наедине с бурей на чужой планете было бы неприятно.

Эрг Ноор сообщил на «Тантру» о благополучном переходе, и прожектор корабля погас. Теперь в первобытном мраке светился только слабенький огонек внутри башенки. Почва дрожала от порывов бури, ударов молний и шествия грозных смерчей. Низа сидела на вращающемся стуле, опершись спиной на реостат. Начальник и биолог уселись у ее ног на кольцевидный выступ основания башенки. Толстые в своих скафандрах, они занимали почти все место.

— Предлагаю поспать,— негромко зазвучал в телефонах голос Эрга Ноора.— До черного рассвета еще верных двенадцать часов, только тогда ураган стихнет и станет тепло.

Его товарищи охотно согласились. Придавленные тройной тяжестью, скорчившиеся в скафандрах, стиснутых жесткими каркасами, в тесной башенке, сотрясаемой бурей, люди спали — так велики приспособляемость человеческого организма и скрытые в нем силы сопротивления.

Время от времени Низа просыпалась, передавала дежурному на «Тантре» успокоительные сведения и дремала снова. Ураган заметно ослабел, содрогания почвы прекратились. Теперь могло появиться «ничто», или, вернее, «нечто». Наблюдатели башенки приняли ПВ — пилюли внимания, чтобы взбодрить угнетенную нервную систему.

— Мне не дает покоя чужой звездолет,— призналась Низа.— Мне так хочется узнать, кто «они», откуда, как попали сюда...

— И мне тоже,— ответил Эрг Ноор.— Давно уже по Великому Кольцу передавались рассказы о железных звездах и их планетах-ловушках. Там, в более населенных частях Галактики, где корабли летали уже давно и часто, есть планеты погибших звездолетов. Много старинных кораблей прилипало к этим планетам, много потрясающих историй рассказывается о них — теперь почти преданий, легенд о тяжком завоевании космоса. Может быть, на этой планете есть звездолеты еще более древних времен, хотя в нашей редко населенной области встреча трех кораблей — явление совершенно исключительное. В окрестностях нашего Солнца до сих пор не было известно ни одной железной звезды — мы открыли первую.

— Вы думаете предпринять исследование звездолета-диска? — спросил биолог.

— Обязательно! Как может простить себе ученый упущение такой возможности! Дисковые звездолеты в смежных с нами населенных областях неизвестны. Это какой-то дальний, может быть странствовавший в Галактике несколько тысячелетий после гибели экипажа или непопра-

вимой порчи. Может быть, многие передачи по Кольцу станут нам понятнее после получения тех материалов, которые мы доставим с этого корабля. Странная форма у него — дисковидная спираль, ребра на его поверхности очень выпуклы. Как только кончим перегрузку «Паруса», займемся чужаком — сейчас пока нельзя оторвать ни одного человека.

— Но мы обследовали «Парус» за несколько часов...

— Я рассматривал диск в стереотелескоп. Он заперт, нигде не видно никакого отверстия. Проникнуть внутрь любого космического корабля, надежно защищенного от сил, много более могучих, чем все земные стихии, очень трудно. Попробуйте пробиться в запертую «Тантру», сквозь ее броню из металла с перестроенной внутренней кристаллической структурой, сквозь верхнее боразонное покрытие — это задача похуже осады крепости. Еще труднее, когда корабль совершенно чужой, с незнакомыми принципами устройства. Но мы попытаемся его разгадать.

— А когда мы посмотрим найденное в «Парусе» ? — спросила Низа.— Там должны быть потрясающе интересные наблюдения тех прекрасных миров, о которых шла речь в сообщении.

Телефон донес добродушный смешок начальника:

— Я,мечтавший с детства о Веге, больше всего сгораю от нетерпения. Но для этого у нас будет много времени на пути домой. Прежде всего — вырваться из этого мрака, со дна преисподней, как говорили в старину. Исследователи «Паруса» не делали посадки, иначе мы нашли бы множество вещей с тех планет в коллекционных кладовых корабля. Вспомните, мы обнаружили, несмотря на тщательный осмотр, только фильмы, измерения и записи съемок, пробы воздуха и баллоны с взрывной пылью...

Эрг Ноор умолк и прислушался. Даже чуткие микрофоны не доносили ветрового шума — буря стихла. Снаружи сквозь почву слышался скрежещущий шорох, передававшийся стенкам башенки.

Начальник двинул рукой, и понявшая его без слов Низа выключила освещение. Мрак в нагретой инфракрасным излучением башенке казался плотным, как черная жидкость, будто сооружение стояло на дне океана. Сквозь прозрачную твердь силикоборового колпака замелькали вспышки коричневых огоньков, отчетливо видимых людьми. Огоньки загорались, на секунду образуя маленькую звездочку с темно-красными или темно-зелеными лучами, гасли и опять появлялись. Звездочки вытягивались цепочками, которые изгибались, свивались в кольца и восьмерки, беззвучно скользили по гладкой, твердой, как алмаз, поверхности колпака. Люди в башенке ощутили странную резь в глазах, острую мгновенную боль вдоль крупных нервов тела, точно короткие лучи коричневых звездочек иглами втыкались в нервные стволы.

— Низа,— прошептал Эрг Ноор,— передвиньте регулятор на полный накал и сразу включите свет.

Башенка осветилась ярким голубым земным светом. Ослепленные им люди не увидели ничего — вернее, почти ничего. Низа и Эон успели заметить, или это только показалось, что мрак с правой стороны башенки не сразу исчез, а на мгновение остался каким-то растопыренным, усаженным щупальцами сгустком. Это «нечто» молниеносно вобрало в себя щупальца и отпрыгнуло назад вместе со стеной тьмы, отброшенной светом. Эрг Ноор ничего не увидел, но не имел оснований не доверять быстрой реакции своих молодых товарищей.

— Может быть, это призраки? — предположила Низа.— Призрачные сгустки тьмы вокруг зарядов какой-то энергии, вроде, например, наших шаровых молний, а вовсе не формы жизни? Если здесь все черное, то и здешние молнии тоже черные.

— Ваша догадка поэтична,— возразил Эрг Ноор,— только она вряд ли верна. Прежде всего «нечто» явно нападало, домогаясь нашей живой плоти. Оно или его собратья уничтожили людей с «Паруса». Если оно организованно и устойчиво, если может двигаться в нужном направлении, накапливать и выделять какую-то энергию, тогда, конечно, ни о каком воздушном призраке речи быть не может. Это создание живой материи, и оно пытается нас пожрать!

Биолог присоединился к доводам начальника:

— Мне кажется, что здесь, на планете мрака, мрака только для нас, чьи глаза не чувствительны к инфракрасным лучам тепловой части спектра, другие лучи — желтые и голубые — должны очень сильно действовать на это создание. Реакция его так мгновенна, что погибшие товарищи с «Паруса» не могли ничего заметить, освещая место нападения... А когда замечали, то было поздно, и умиравшие уже не могли ничего рассказать...

— Сейчас мы повторим опыт как ни неприятно приближение «этого».

Низа выключила свет, и снова трое наблюдателей сидели в непроглядной темноте, поджидая создания мира тьмы.

— Чем вооружено оно? Почему его приближение чувствуется сквозь колпак и скафандр? — задавал вслух вопросы биолог.— Какой-то особый вид энергии?

— Видов энергии совсем мало, и эта, несомненно, электромагнитная. Но самых различных модификаций ее, бесспорно, существует множество. У этого существа есть оружие, действующее на нашу нервную систему. Можно представить себе, каково прикосновение такого щупальца к незащищенному телу!

Эрг Ноор поежился, а Низа Крит внутренне содрогнулась, заметив цепочки коричневых огоньков, быстро приближавшиеся с трех сторон.

— Существо это не одно! — тихо воскликнул Эон.— Пожалуй, не следует допускать их прикасаться к колпаку.

— Вы правы. Пусть каждый из нас повернется затылком к свету и смотрит только в свою сторону. Низа, включайте!

На этот раз каждый из исследователей успел заметить отдельную подробность, из которых составилось общее представление о существах, похожих на гигантских плоских медуз, плывших на небольшой высоте над почвой и колыхающих внизу густой бахромой. Несколько щупалец были короткими по сравнению с размерами существа и достигали в длину не более метра. В острых углах ромбического тела извивались по два щупальца значительно большей длины. У основания щупалец биолог заметил огромные пузыри, чуть светившиеся изнутри и как бы рассылавшие по толще щупальца звездчатые вспышки.

— Наблюдатели, почему вы включаете и выключаете свет? — вдруг возник в шлемах чистый голос Ингрид.— Нужна помощь? Буря кончилась, и мы приступаем к работе. Сейчас придем к вам.

— Ни в коем случае! — строго приказал начальник.— Налицо большая опасность. Вызовите всех!

Эрг Ноор рассказал о страшных медузах. Посоветовавшись, путешественники решили выдвинуть на тележке часть планетарного двигателя. Огненные струи длиною в триста метров понеслись над каменистой равниной, сметая все видимое и невидимое на своем пути. Не прошло и получаса, как люди тянули оборванные кабели. Защита была восстановлена. Стало очевидно, что анамезон должен быть погружен до наступления планетной ночи. Ценой неимоверных усилий это удалось сделать, и изнеможенные путешественники, плотно закрыв люки, укрылись за несок-

рушимой броней звездолета, спокойно прислушиваясь к его содраганиям. Микрофоны доносили снаружи рев и грохотание урагана, и от этого маленький, ярко освещенный мирок, недоступный силам тьмы, делался еще уютнее.

Ингрид и Лума раздвинули стереоэкран. Фильм был выбран удачно. Голубая вода Индийского океана заплескалась у ног сидящих в библиотеке. Шли игры Посейдона — мировые соревнования по всем видам водного спорта. В эпоху Кольца все люди дружили с морем так близко, как это могли только народы приморских стран в прошлом. Прыжки, плавание, ныряние на моторных досках, на ветровых плотиках. Тысячи прекрасных юных тел, покрытых загаром. Звонкие песни, смех, торжественная музыка финалов...

Низа склонилась к сидевшему рядом биологу, глубоко задумавшемуся и унесшемуся душой в бесконечную даль, к ласковой родной планете с ее покоренной природой.

— Вы участвовали в таких соревнованиях, Эон?

Биолог взглянул на нее непонимающими глазами.

— А, в этих? Нет, ни разу. Я задумался и сразу не понял.

— Разве вы думали не об этом? — девушка показала на экран.— Правда, необыкновенно свежеет восприятие красоты нашего мира после мрака, бури, после электрических черных медуз?

— Да, конечно. И от этого еще больше хочется добыть такую медузу. Я как раз ломал голову над этой задачей.

Низа Крит отвернулась от смеющегося биолога и встретилась с улыбкой Эрга Ноора.

— Вы тоже размышляли, как изловить этот черный ужас? — насмешливо спросила она.

— Нет, но думал об исследовании диска-звездолета.

Лукавые огоньки в глазах начальника почти рассердили Низу.

— Теперь мне понятно, почему в древности мужчины занимались войной. Я думала, что это только хвастовство вашего пола... считавшегося сильным в неустроенном обществе.

— Вы не совсем правы, хотя отчасти поняли нашу древнюю психологию. Но у меня так — чем прекраснее и любимее моя планета, тем больше хочется послужить ей. Сажать сады, добывать металлы, энергию, пищу, создавать музыку — так, чтобы я прошел и оставил после себя реальный кусочек сделанного моими руками, головой. Я знаю только космос, искусство звездоплавания и этим могу служить моему человечеству. Но ведь цель — не самый полет, а добыча нового знания, открывание новых миров, из которых когда-нибудь мы сделаем такие же прекрасные планеты, как наша Земля. А вы, Низа, чему вы служите? Почему и вас так влечет тайна звездолета-диска? Только ли одно любопытство?..

Девушка порывистым усилием преодолела тяжесть усталых рук и протянула их начальнику. Тот взял их в свои большие ладони и нежно погладил. Щеки Низы зааалели, усталое тело наполнилось новой силой. Как тогда, перед опаснейшей посадкой, она прижалась щекой к руке Эрга Ноора, простив заодно и биологу его кажущуюся измену Земле. Чтобы окончательно доказать свое согласие с обоими, Низа предложила только что пришедшую ей в голову идею. Снабдить один из водяных баков самозахлопывающейся крышкой. Положить туда в виде приманки сосуд со свежей кровью, а не консервированной из врачебного запаса. Кровь даст любой из астролетчиков. Если черное «нечто» проникнет туда и крышка захлопнется, то через заранее подготовленные краны надо продуть баллон инертным земным газом и заварить наглухо края крышки.

Эон пришел в восторг от изобретательности «рыжеволосой девочки».

Эрг Ноор возился с настройкой человекоподобного робота и подготовлял мощный электрогидравлический резак, с помощью которого он надеялся проникнуть внутрь спиралодиска с далекой звезды.

В уже знакомом мраке стихли бури, мороз сменился теплом — наступил девятисуточный «день». Работы оставалось на четыре земных дня — погрузка ионных зарядов, некоторых запасов и ценных инструментов. Кроме того, Эрг Ноор счел необходимым взять некоторые личные вещи погибшего экипажа, чтобы после тщательной дезинфекции доставить их на Землю как память родственникам. В эпоху Кольца люди не обременяли себя вещами — переноска их на «Тантру» не составила затруднения.

На пятый день выключили ток, и биолог вместе с двумя добровольцами — Кэй Бэром и Ингрид — заперся в наблюдательной башенке у «Паруса». Черные существа появились почти немедленно. Биолог приспособил инфракрасный экран и мог следить за убийственными медузами. Вот к баку-ловушке подобралась одна из них; сложив щупальца и свернувшись в округлый ком, она стала пробираться внутрь. Внезапно еще один черный ромб появился у раскрытого устья бака. Первое чудовище растопырило щупальца — вспышки звездчатых огоньков замелькали с неуловимой быстротой, превращаясь в полосы вибрирующего темно-красного света, которые на экране невидимых лучей засверкали зелеными молниями. Первое отодвинулось; тогда второе мгновенно свернулось в ком и упало на дно бака. Биолог протянул руку к кнопке, но Кэй Бэр задержал ее. Первое чудовище тоже свернулось и последовало за вторым. Теперь в баке находились две страшные медузы. Оставалось лишь удивляться, как они могли до такой степени уменьшить свой видимый объем. Нажим кнопки — крышка захлопнулась, и тотчас пять или шесть черных чудовищ облепили со всех сторон огромную, облицованную цирконием посуду. Биолог дал свет, сообщил на «Тантру» просьбу включить защиту. Черные призраки растаяли по своему обыкновению мгновенно, но двое остались в плену под герметической крышкой бака.

Биолог подобрался к баку, притронулся к крышке — и получил такой пронзительный нервный укол, что не сдержался и закричал от неистовой боли. Левая рука его повисла парализованная.

Механик Тарон надел защитный высокотемпературный скафандр. Лишь тогда удалось продуть бак чистым земным азотом и заварить крышку. Краны также запаяли, окружили бак куском запасной корабельной изоляции и водворили в коллекционную камеру. Победа была одержана дорогой ценой — паралич руки биолога не проходил, несмотря на усилия врача. Эон Тал сильно страдал, но и не подумал отказаться от похода к спиралодиску. Эрг Ноор, отдавая дань его ненасытному стремлению к исследованиям, не мог оставить его на «Тантре».

Спиралодиск — гость из дальних миров — оказался дальше от «Паруса», чем это показалось путешественникам вначале. В расплывшемся вдали свете прожекторов они неверно оценили размеры корабля. Это было поистине колоссальное сооружение, не меньше четырехсот пятидесяти метров в поперечнике. Пришлось снять кабели с «Паруса», чтобы дотянуть защитную систему до диска. Таинственный звездолет навис над людьми отвесной стеной, уходившей далеко вверх и терявшейся в пятнистой тьме неба. Угольно-черные тучи клубились, скрывая верхнюю треть исполинского диска. Малахитово-зеленая масса покрывала корпус. Ее сильно растрескавшийся слой был около метра толщины. В зиянии трещин из-под него выглядывал ярко-голубой металл, просвечивавший синим в мес-

тах, где стерся малахитовый слой. Обращенная к «Парусу» сторона диска была снабжена спирально свернутым валообразным возвышением, двадцати метров в поперечнике и около десяти метров в вышину. Другая сторона звездолета, тонувшая в кромешной тьме, казалась более выпуклой, представляя собой как бы срез шара, присоединенный к диску тридцатиметровой толщины. По этой стороне тоже изгибался спиралью высокий вал, словно на поверхность выступала наружная сторона погруженной в корпус корабля спиральной трубы.

Колоссальный диск глубоко утонул своим краем в почве. У подошвы отвесной металлической стены люди увидели сплавленный камень, растекшийся в стороны, как густая смола.

Много часов затратили исследователи в поисках какого-нибудь люка. Но он был либо скрыт под малахитовой окалиной, либо вообще запирался так искусно, что не оставлял следов на поверхности корабля. Не нашли ни отверстий оптических приборов, ни кранов продувочной системы. Металлическая скала казалась сплошной. Предвидевший это Эрг Ноор решил вскрыть корпус корабля с помощью электрогидравлического резака, одолевавшего самые твердые и вязкие покрытия земных звездолетов. После короткого совещания все согласились взрезать верхушку спирального вала. Именно там должна была проходить какая-то пустота, труба или кольцевой ход по кораблю, сквозь который можно было рассчитывать добраться до внутренних помещений звездолета без риска упереться в ряд последовательных переборок.

Серьезное изучение спиралодиска могло быть выполнено только специальной экспедицией. Для посылки ее на эту опасную планету следовало доказать, что внутри гостя далеких миров сохранились в неприкосновенности приборы и материалы, что уцелел весь обиход тех, кто вел корабль через такие бездны пространства, перед которыми пути земных звездолетов были лишь первой робкой вылазкой в просторы космоса.

Спиральный вал на другой стороне диска подходил вплотную к почве. Туда подтащили прожектор и высоковольтные провода. Синеватый свет, отраженный от диска, тусклым туманом рассеялся по равнине и достиг темных высоких предметов неопределенных очертаний, вероятно скал, прорезанных воротами бездонной темноты. Ни отсвет туманных звездных пятнышек, ни лучи прожектора не давали ощущения почвы в этих воротах мрака. Вероятно, там и был спуск на низменную равнину, замеченную при посадке «Тантры».

Низко и глухо урча, подползла автоматическая тележка, выгрузившая единственного на корабле универсального робота. Нечувствительный к тройной тяжести, он быстро передвинулся к диску и стал у металлической стены, похожий на толстого человека с короткими ногами, длинным туловищем и громадной, угрожающе наклоненной вперед головой.

Повинуясь управлению Эрга Ноора, робот поднял своими четырьмя верхними конечностями тяжелый резак и стал, широко расставив ноги, готовый к исполнению опасного предприятия.

— Управлять роботом будет только Кэй Бэр и я в скафандрах высшей защиты,— распорядился в телефон начальник экспедиции.— Остальные, в легких биологических скафандрах, отойдите подальше...

Начальник запнулся. Что-то прошло сквозь его сознание, вызвало сокрушающую тоску в сердце, заставило подогнуть колени. Гордая воля человека сникла, заменившись тупой покорностью. Весь в липком поту, Эрг Ноор безвольно шагнул к черным воротам. Крик Низы, отдавшийся в его телефоне, вернул сознание. Он остановился, но темная сила, возникшая в его психике, снова погнала его вперед.

Вместе с начальником так же медленно, останавливаясь, и, видимо, борясь с собой, пошли Кэй Бэр и Эон Тал — те, что стояли у границы светового круга. Там, в воротах мрака, в клубах тумана возникло движение формы, неизъяснимой для человеческого представления и тем более устрашавшей. Это не была уже знакомая медузообразная тварь; в серой полутени двигался черный крест с широкими лопастями и выпуклым эллипсом посередине. На трех концах креста виднелись линзы, отблескивавшие в свете прожектора, с трудом пробивавшего туман влажных испарений. Основание креста утопало во мраке неосвещенного углубления почвы.

Эрг Ноор шел быстрее других, приблизился к непонятному предмету на сотню шагов и упал. Прежде чем оцепеневшие люди смогли сообразить, что дело идет о жизни и смерти начальника, черный крест стал выше круга протянутых проводов. Он склонился вперед, словно стебель растения, явно намереваясь перегнуться через защитное поле и достичь Эрга Ноора.

Низа с исступлением, придавшим ей силу атлета, подскочила к роботу и завертела рукоятками управления на его затылке. Медленно и как бы неуверенно робот стал поднимать резак. Тогда девушка, отчаявшись в своем умении управлять сложной машиной, прыгнула вперед, прикрывая собою начальника. Из трех оконечностей креста вылетели какие-то змеящиеся светлые струи или молнии. Девушка упала на Эрга Ноора, широко раскинув руки. Но, на счастье, робот уже повернул раструб резака со скрытым внутри острием к центру черного креста. Тот конвульсивно изогнулся, как бы падая навзничь, и скрылся в непроглядной темени у скал. Эрг Ноор и оба его товарища сразу пришли в себя, подняли девушку и отступили за край спиралодиска. Опомнившиеся спутники уже катили импровизированную пушку из планетарного двигателя. С не испытанным ранее чувством жестокой ярости Эрг Ноор направил разрушительную струю излучения к скалам-воротам, с особой тщательностью подметая равнину и стараясь не пропустить ни одного квадратного метра почвы. Эон Тал стал на колени перед неподвижной Низой, негромко спрашивая в телефон и стараясь разглядеть подробности ее лица под силиколлом шлема. Девушка лежала неподвижно, с закрытыми глазами. Признаков дыхания ни услышать в телефон, ни уловить через скафандр биолог не смог.

— Чудовище убило Низу! — громко вскричал Эон Тал, едва завидев подошедшего Эрга Ноора.

Сквозь узкую смотровую полоску шлема высшей защиты нельзя было рассмотреть глаз начальника.

— Немедленно доставьте ее на «Тантру», к Луме! — в голосе Эрга Ноора более чем когда-либо звучали металлические ноты.— Помогите и вы разобраться в характере поражения... Мы останемся вшестером и доведем до конца исследование. Пусть геолог отправится с вами и собирает всевозможные горные породы по пути от диска до «Тантры» — мы не можем задерживаться более на этой планете. Здесь надо вести исследование в танках высшей защиты, а мы только погубим экспедицию. Возьмите третью тележку и поспешите!

Эрг Ноор повернулся и, не оглядываясь, направился к звездолету-диску. «Пушку» выставили вперед. Ставший за нее инженер-механик включал реку огня каждые десять минут, обводя весь полукруг вплоть до края диска. Робот поднес резак к гребню второй внешней петли спирального вала, который здесь, у погруженного в почву края диска, приходился на уровне груди автомата.

Громкое гудение проникло даже сквозь толщу скафандров высшей за-

щиты. По выбранному участку малахитового слоя зазмеились мелкие трещины. Куски этой твердой массы отлетали, гулко ударяясь о металлическое тело робота. Боковые движения резака отделили целую плиту слоя, обнажив зернистую поверхность ярко-голубого цвета, приятного даже в свете прожектора. Наметив квадрат, достаточный, чтобы пропустить человека в скафандре, Кэй Бэр заставил робота энергичным нажимом провести в голубом металле глубокий разрез, который не пробил всей его толщи. Робот прочертил вторую линию под углом к первой и стал двигать острием резака взад и вперед, увеличивая напряжение. Разрез в металле углубился более чем на метр. Когда механический помощник прочертил третью сторону квадрата, то разрезы стали расходиться, выворачиваясь наружу.

— Осторожно! Все назад! Падайте! — завопил в микрофон Эрг Ноор, выключая робота и отшатнувшись.

Толстенный кусок металла вдруг отвернулся, как крышка консервной банки. Струя невообразимо яркого радужного пламени ударила из отверстия по касательной вдоль спирального вздутия. Только это спасло незадачливых исследователей, да еще то, что голубой металл моментально заплавился и вновь закрыл прорезанное отверстие. От могучего робота остался ком сплавленного металла, из которого жалобно торчали короткие металлические ноги. Эрг Ноор и Кэй Бэр уцелели лишь благодаря предусмотрительно надетым скафандрам. Взрыв отбросил их далеко от странного звездолета, разбросал остальных, опрокинул «пушку» и оборвал высоковольтные кабели.

Очнувшись от потрясения, люди поняли, что остались беззащитными. По счастью, они лежали в свете уцелевшего прожектора. Никто не пострадал, но Эрг Ноор решил, что с них довольно. Бросив ненужные инструменты, кабели и прожектор, исследователи погрузились на неповрежденную тележку и поспешно отступили к своему звездолету.

Удачное стечение обстоятельств при неосторожном вскрытии чужого звездолета вовсе не зависело от предусмотрительности начальника. Вторая попытка сделать это должна была окончиться много плачевнее... А Низа, милый астронавигатор, что она?.. Эрг Ноор надеялся, что скафандр должен был ослабить смертоносную силу черного креста. Не убило же биолога прикосновение к черной медузе. Но здесь, вдали от могущественных земных врачебных институтов, смогут ли они справиться с воздействием неведомого оружия?..

В переходной камере Кэй Бэр приблизился к начальнику и показал на заднюю сторону левого наплечника. Эрг Ноор повернулся к зеркалам, которые всегда находились в переходных камерах для обязательного осмотра самих себя при возвращении с чужой планеты. Тонкий лист цирконо-титанового наплечника распоролся. Из рваной борозды торчал кусок небесно-голубого металла, вонзившийся в изоляционную прокладку, но не проткнувший внутреннего слоя скафандра. С трудом удалось вырвать осколок металла. Ценой большой опасности и в конце концов случайно образец загадочного металла спиралодискового звездолета теперь будет доставлен на Землю.

Наконец Эрг Ноор, освобожденный от скафандра, смог войти — вернее, проковылять под давящим тяготением страшной планеты — внутрь своего корабля.

Вся экспедиция ожидала его с огромным нетерпением. Катастрофа у диска наблюдалась в стереовизофоны, и нечего было спрашивать о результатах попытки.

Глава четвертая

РЕКА ВРЕМЕНИ

Веда Конг и Дар Ветер стояли на круглой маленькой площадке винтолета, медленно плывшего над бесконечными степями. Легкий ветерок разводил широкие волны по цветущим густым травам. Вдали налево виднелось стадо черно-белого скота — потомков животных, выведенных путем скрещивания яков, коров и буйволов.

Невысокие холмы, тихие реки с широкими долинами — простором и покоем веяло от этого устойчивого и плоского участка земной коры, некогда называвшегося Западно-Сибирской низменностью.

Дар Ветер задумчиво смотрел на землю, когда-то покрытую бесконечными унылыми болотами и редкими чахлыми лесами сибирского севера. Он мысленно видел картину древнего мастера, еще в детстве произведшую на него неизгладимое впечатление.

Над излучиной огромной реки, образовавшей высокий мыс, стояла серая от старости деревянная церковь, сиротливо обращенная к простору заречных полей и лугов. Тонкий крест на куполе чернел под рядами низких тяжелых туч. На маленьком кладбище позади церкви несколько ив и берез склоняли под ветром свои растрепанные вершины. Низко опущенные ветви почти касались полуистлевших крестов, поваленных временем и бурями, среди свежей мокрой травы. За рекой громоздились исполинскими серо-фиолетовыми глыбами ощутимо плотные облака. Широкая река отсвечивала безжалостным железным блеском. Тот же холодный блеск лежал повсюду. Дали и ближний план были мокры от назойливого осеннего дождя холодных и неуютных северных широт. И вся гамма синевато-серо-зеленых красок картины говорила о просторах неурожайной земли, где человеку жить трудно, холодно и голодно, где так чувствуется его одиночество, характерное в давние времена людского неразумия.

Окном в очень далекое прошлое казалась Дар Ветру эта картина в музее в глубине прозрачной защитной брони, обновленная и подсвеченная невидимыми лучами.

Дар Ветер безмолвно оглянулся на Веду. Молодая женщина положила руку на поручень борта платформы. Склонив голову, она сосредоточенно думала, следя за клонящимися по ветру стеблями высоких трав. Ковыль серебрился широкими медленными разливами, неторопливо плыла над степью круглая площадка винтолета. Маленькие знойные вихри внезапно налетали на путешественников, развевали волосы и платье Веды, с озорством дули жаром в глаза Дар Ветру. Но автоматический выравниватель работал быстрее мысли, и летящая площадка только вздрагивала или едва заметно покачивалась.

Дар Ветер нагнулся над рамкой курсографа. Полоска карты двигалась быстро, отражая их собственное передвижение,— пожалуй, они забрались слишком далеко на север. Они давно пересекли шестидесятую параллель, прошли над слиянием Иртыша с Обью и приблизились к возвышенностям, называвшимся Сибирскими увалами.

Степное пространство стало привычным обоим путешественникам, четыре месяца работавшим на раскопках древних курганов в знойных степях алтайских предгорий. Исследователи прошлого как будто погрузились в те времена, когда лишь редкие отряды вооруженных всадников пересекали южные степи.

Веда повернулась и молча показала вперед. Там, в струях нагретого воздуха, плавал темный островок, казалось оторванный от почвы.

Спустя несколько минут винтолет приблизился к небольшому холму — вероятно, отвалу когда-то бывшего здесь рудника. Ничего не осталось от строений шахт — только бугор, густо поросший вишенником.

Круглая летящая площадка вдруг резко накренилась.

Дар Ветер, как автомат, перехватил Веду за талию и кинулся к поднявшемуся краю платформы. Винтолет выровнялся на долю секунды только для того, чтобы плашмя рухнуть к подножию холма. Сработали амортизаторы, и обратный толчок швырнул Веду и Дар Ветра на склон холма, прямо в чащу жестких кустарников. После минутного молчания по степному безмолвию разнесся низкий грудной смех Веды. Дар Ветер представил себе собственную изумленную и поцарапанную физиономию и принялся вторить Веде в безотчетной радости, что она невредима и что авария обошлась благополучно.

— Недаром винтолетам запрещается лететь выше восьми метров,— слегка задыхаясь, произнесла Веда Конг.— Теперь я понимаю...

— При порче машина сразу валится, и одна надежда на амортизаторы. Ничего не поделать, закономерная расплата за легкость и малые размеры. Пожалуй, что нас ожидает еще одна расплата за все благополучные полеты,— с чуть наигранным равнодушием сказал Дар Ветер.

— А именно?— посерьезнела Веда.

— Безупречная работа приборов устойчивости подразумевает большую сложность механизмов. Боюсь, для того чтобы в них разобраться, мне потребуется много времени. Придется выбираться по способу наиббеднейших предков...

Веда с лукавым огоньком в глазах протянула руку, и Дар Ветер легко поднял молодую женщину. Они спустились к упавшему винтолету, смазали царапины заживляющим раствором, заклеили разорванное платье. Дар Ветер уложил Веду в тень куста, а сам принялся изучать причины аварии. Как он и догадывался, что-то произошло с автоматическим выравнивателем, блокирующее приспособление которого выключило двигатель. Едва Дар Ветер открыл коробку прибора, как ему стало ясно, что с ремонтом ничего не получится — слишком долго придется вникать в суть сложнейшей электроники. С легким вздохом досады он выпрямил уставшую спину и покосился на куст, под которым доверчиво прикорнула Веда Конг. Жаркая степь, насколько хватает глаз, была совершенно безлюдна. Две большие хищные птицы медленно кружили над колеблющимся голубоватым маревом...

Послушная машина стала мертвым диском, беспомощно улегшимся на сухой земле. Странное чувство одиночества и оторванности от всего мира подступило к Дар Ветру.

И в то же время он ничего не боялся. Пусть наступит ночь, тогда видимость невооруженного глаза станет более дальней; они обязательно увидят какие-нибудь огни и пойдут к ним. Они полетели налегке, не захватив ни радиотелефона, ни фонарей, ни еды.

«Когда-то в степи можно было погибнуть от голода, если не возить с собой большие запасы пищи... И воды!» — думал бывший заведующий внешними станциями, прикрывая глаза от яркого света. Он наметил кусочек тени от куста вишни рядом с Ведой и беспечно растянулся на земле, покалывавшей тело сквозь легкую одежду сухими стебельками трав. Тихий шелест ветра и зной погружали душу в забытье: медленно текли мысли; неспешно сменяя одна другую, проходили в памяти картины давно прошедших времен — длинной чередой шли древние народы, племена, отдельные люди... Будто текла оттуда, из прошлого, огромная река меняющихся с каждой секундой событий, лиц и одежд.

— Ветер!— услышал он сквозь дрему зов любимого голоса, очнулся и сел.

Солнце красным шаром уже касалось потемневшей линии горизонта, ни малейшего дуновения не чувствовалось в замершем воздухе.

— Господин мой, Ветер, — шаловливо склонилась перед ним Веда, подражая древним женщинам Азии,— не угодно ли проснуться и вспомнить обо мне?

Проделав несколько гимнастических упражнений, Дар Ветер окончательно стряхнул с себя сон. Веда согласилась с его планами дожидаться ночи. Темнота застала их в оживленном обсуждении прошедшей работы. Внезапно Дар Ветер заметил, что Веда вздрагивает. Ее руки стали холодными, и он сообразил, что легкое платье Веды вовсе не защищает ее от ночной прохлады этих северных мест.

Летняя ночь шестидесятой параллели была светлой, и им удалось собрать большую кучу хвороста.

Громко щелкнул электрический разряд, извлеченный Дар Ветром из могучего аккумулятора винтолета, и скоро яркое пламя костра сгустило темноту вокруг, насыщая людей своим животворным теплом.

Съежившаяся Веда распустилась вновь, как цветок под солнцем, и оба поддались почти гипнотической задумчивости. Где-то глубоко в душе человека за те сотни тысяч лет, в которую огонь был его главным прибежищем и спасением, осталось неистребимое чувство уюта и покоя, порождаемое огнем в часы, когда холод и темнота окружали человека...

— Что гнетет вас, Веда? — нарушил молчание Дар Ветер.

— Я вспомнила ту, с платком...— тихо ответила Веда, не сводя глаз с рассыпающихся золотом углей.

Дар Ветер сразу понял. Накануне своего полета они закончили в приалтайских степях вскрытие большого кургана скифов. Внутри сохранившегося деревянного сруба находился скелет старика вождя, окруженный костяками лошадей и рабов, прикрытых краем курганной насыпи. Старый вождь лежал с мечом, щитом и панцирем, а в его ногах оказался скорченный скелет совсем юной женщины. К костяным чертам ее черепа прилегал шелковый платок, когда-то туго обмотанный вокруг лица. Сохранить платок не удалось, несмотря на все ухищрения, но за несколько минут, пока он не рассыпался в тонкую пыль, удалось точно воспроизвести очертания прекрасного лица, отпечатавшегося на ткани тысячи лет тому назад. Платок передавал еще одну страшную подробность — отпечаток вылезших из орбит глаз женщины, несомненно задушенной этим платком и брошенной в могилу своего мужа, чтобы сопровождать его в неведомых путях загробного мира. Ей было не больше девятнадцати, ему — не меньше семидесяти лет, преклонный для тех времен возраст.

Дар Ветер вспомнил дискуссию, разгоревшуюся по поводу находки среди молодых сотрудников экспедиции Веды. По доброй воле или насильно пошла женщина за своим мужем? Зачем? Во имя чего? Если из-за большой, преданной любви, то как же можно было убивать ее, а не сберечь как лучшую память о себе в покинутом мире живых?

В спор вступила Веда Конг. Она долго вглядывалась в темный бугор кургана загоревшимися глазами, стараясь проникнуть умственным взором в толщину прошедших времен.

— Старайтесь понять тех людей. Просторы древних степей были действительно беспредельными для единственных средств сообщения того времени — лошадей, верблюдов, быков. И на гигантском просторе обитали отдельные группы кочевников-скотоводов, не только ничем не связанных между собой, но состоявших в неугасимой вражде. Множество обид и зло-

бы копилось из поколения в поколение; каждый пришелец был врагом, каждое племя — добычей, обещавшей скот и рабов, то есть людей, работавших по принуждению, как скот, под кнутом. Такое устройство общества порождало, с одной стороны, большую, совсем неизвестную нам свободу отдельного человека в мелких его страстях и желаниях и, с другой стороны, невероятную замкнутость в общении людей между собой и узость помыслов. Если народность или племя состояло из небольшого числа людей, способных прокормиться охотой и сбором плодов, то эти свободные кочевники жили в постоянном страхе нападения и порабощения или истребления со стороны воинственных соседей. Но при изоляции страны и многочисленности населения, могущего создать большую военную силу, люди также платились за безопасность от военных набегов своей свободой, так как в таких сильных государствах всегда развивались деспотия и тирания. Так было в древнем Египте, Ассирии и Вавилонии.

Женщины, особенно красивые, в древности являлись добычей и игрушками сильного. Им нельзя было существовать без власти и защиты мужчины.

Собственные стремления и воля женщины значили так мало, нестерпимо мало, что перед лицом той жизни... кто знает... Может быть, смерть казалась более легкой участью...

Громко треснула горящая ветка, вернув Дар Ветра к действительности. Отзываясь на его думы, Веда придвинулась ближе, медленно ворошила костер, следя за перебегавшими по углям язычками синеватого пламени.

— Сколько терпеливого мужества надо было в те времена, чтобы остаться самой собой, не опускаться, а возвышаться в жизни!..— тихо промолвила Веда Конг.

— Мне кажется,— возразил Дар Ветер,— что мы преувеличиваем тяжесть древней жизни. Мало того что она была привычной, ее неустроенность влекла за собой разнообразие случайностей. Воля и сила человека высекали и из этой жизни вспышки романтических радостей, как искры из серого камня.

— Я тоже становлюсь в тупик,— сказала Веда,— как долго не могли наши предки понять простого закона, что судьба общества зависит только от них самих, что общество таково, каково морально-идейное развитие его членов, зависящее от экономики.

— Что совершенная форма научного построения общества — это не просто количественное накопление производительных сил, а качественная ступень — это ведь так просто,— ответил Дар Ветер.— И еще понимание диалектической взаимозависимости, что новые общественные отношения без новых людей совершенно так же немыслимы, как новые люди без этой новой экономики. Тогда это понимание привело к тому, что главной задачей общества стало воспитание, физическое и духовное развитие человека. Когда это наконец пришло?

— В ЭРМ, в конце века Расщепления, вскоре после ВВР — Второй Великой Революции.

— Хорошо, что не позже! Истребительная техника войны...

Дар Ветер умолк и повернулся к темной прогалине слева, между костром и склоном холма. Тяжелый топот и мощное отрывистое дыхание послышались совсем близко и заставили вскочить обоих путешественников.

Громадный черный бык вырос перед костром. Пламя мерцало кровавыми отблесками в его злобно выкаченных глазах. Сопя и разбрасывая копытами сухую землю, чудовище готовилось к нападению. В слабом

свете бык казался невероятно огромным, опущенная голова походила на гранитный валун, горой громоздилась высокая холка, облепленная буграми мускулов. Никогда еще ни Веде, ни Дар Ветру не приходилось стоять близко к смертоносной и злобной силе животного, чей нерассуждающий мозг был недоступен разумному убеждению.

Веда крепко стиснула руки на груди и стояла, не шелохнувшись, будто загипнотизированная видением, внезапно выросшим из тьмы. Дар Ветер, повинуясь могучему инстинкту, стал перед быком, заслонив собой Веду, как тысячи тысяч раз делали его предки. Но руки человека новой эры были безоружны.

— Веда, прыжок направо...— едва успел произнести он, как животное ринулось на них.

Хорошо натренированные тела обоих путешественников могли поспорить в быстроте с первобытным проворством быка. Великан пронесся мимо и с треском врезался в гущу кустарника, а Веда и Дар Ветер отступили в темноту в нескольких шагах от винтолета. В стороне от костра ночь была вовсе не такой темной, и платье Веды, несомненно, было видно издалека. Бык выбрался из кустарника. Дар Ветер ловко подбросил свою спутницу, и она, сделав сальто, оказалась на площадке винтолета. Пока животное поворачивалось, взрыв копытами землю, Дар Ветер очутился на машине рядом с Ведой. Они обменялись мимолетными взглядами, и в глазах своей спутницы он не прочитал ничего, кроме откровенного восторга. Крыша двигателя была снята еще днем, когда Дар Ветер пытался проникнуть в премудрое устройство. Теперь, собрав всю свою огромную силу, он оторвал от бортового ограждения площадки кабель уравнительного поля, сунул его оголенный конец под пружину главной клеммы трансформатора и предостерегающе отодвинул Веду. В это время бык зацепил рогом за перила, и винтолет покачнулся от могучего рывка. Дар Ветер ткнул концом кабеля в нос животному. Желтая молния, глухой удар — и свирепый бык рухнул тяжелой грудой.

— Вы убили его!— с негодованием воскликнула Веда.

— Не думаю, земля сухая!— довольно улыбнулся хитроумный герой.

И в подтверждение его слов бык слабо замычал, поднялся и, не оглядываясь, побежал прочь неуверенной рысью, словно чувствуя свой позор. Путешественники вернулись к костру. Новая порция хвороста оживила потухшее пламя.

— Мне больше не холодно,— сказала Веда.— Поднимемся на холм.

Вершина бугра скрыла костер, бледные звезды северного лета расплывались у горизонта туманными шариками.

С запада не было ничего видно, на севере, на склонах холмов, едва заметные, мерцали ряды каких-то огней, с юга, тоже очень далеко, горела яркая звезда наблюдательной башни скотоводов.

— Неудачно, придется идти всю ночь...— пробормотал Дар Ветер.

— Нет, нет, смотрите!— и Веда показала на восток, где внезапно вспыхнули четыре огня, расположенные квадратом. До них было не больше нескольких километров. Заметив направление по звездам, они спустились к костру. Веда Конг задержалась перед тусклым пламенем углей, как будто стараясь вспомнить что-то.

— Прощай, наш дом...— задумчиво сказала она.— Наверное, у кочевников всегда были такие жилища — непрочные и недолгие. И я сегодня стала женщиной той эпохи.

Она повернулась к Дар Ветру и доверчиво положила руку ему на шею.

— Я так остро почувствовала необходимость защиты!.. Я не боялась, нет! Но какая-то заманчивая покорность силе судьбы, так кажется...

Веда заложила руки за голову и гибко потянулась перед огнем. Секунду спустя ее затуманившиеся глаза вновь обрели свой задорный блеск.

— Что ж, ведите... герой!— Тон низкого голоса стал неопределенно загадочен и нежен.

Светлая ночь, напоенная запахами трав, жила шорохами зверьков, выкриками ночных птиц. Веда и Дар Ветер осторожно ступали, опасаясь провалиться в невидимую нору или трещину сухой земли. Метельчатые стебли ковыля скользили по щиколоткам. Дар Ветер сосредоточенно осматривался, едва только в степи показывались темные груды кустов.

Веда тихонько рассмеялась.

— Может быть, следовало взять аккумулятор и кабель?

— Вы легкомысленны, Веда,— добродушно возражал Дар Ветер,— более, чем я ожидал!

Молодая женщина вдруг стала серьезной.

— Я слишком сильно почувствовала вашу защиту...

И Веда начала говорить — вернее, думать вслух — о дальнейшей деятельности своей экспедиции. Первый этап работ на степных курганах окончился, ее сотрудники возвращались к прежним или устремлялись к новым занятиям. Но Дар Ветер не выбрал себе еще другого дела. Он был свободен и мог следовать за любимой. Судя по доходившим до них сообщениям, работа Мвена Маса шла хорошо. Даже если бы она шла плохо, Совет не назначил бы Дар Ветра так скоро вновь на то же место. В эпоху Великого Кольца считалось неполезным держать людей подолгу на одной и той же работе. Притуплялось самое драгоценное — творческое вдохновение, и только после большого перерыва можно было вернуться к старому занятию.

— После шести лет общения с космосом не показалась ли мелкой и монотонной наша работа?— Ясный и внимательный взгляд Веды искал его взгляда.

— Работа вовсе не мелка и не однообразна,— возразил Дар Ветер,— но она не дает мне того напряжения, к которому я привык. Я становлюсь благодушным и слишком спокойным, будто меня лечат голубыми снами!

— Голубыми?..— переспросила Веда, и заминка ее дыхания сказала Дар Ветру больше, чем не видимая в темноте краска на щеках.

— Я начну исследование с древней пещеры,— перебила она сама себя,— но не раньше, чем соберется новая группа добровольцев раскопщиков. До того поеду на морские раскопки, товарищи звали помочь.

Дар Ветер понял, и сердце радостно стукнуло. Но в следующую секунду он запрятал чувства в дальний уголок души и поспешил на помощь Веде, спокойно спросив:

— Вы имеете в виду раскопки подводного города к югу от Сицилии? Я видел замечательные вещи оттуда во Дворце Атлантиды.

— Нет, теперь мы ведем работы на побережьях восточного Средиземноморья, Красного моря и у берегов Индии. Поиски сохранившихся под водой сокровищ культуры, начиная с Крито-Индии и кончая наступлением Темных веков.

— То, что пряталось, а чаще и просто бросалось в море при крушении островков цивилизации, под напором новых сил, варварски свежих, невежественных и беспечных,— это я понимаю,— задумчиво говорил Дар Ветер, продолжая следить за белесоватой равниной.— Понимаю и великое разрушение древней культуры, когда античные государства, сильные своей связью с природой, не смогли ничего изменить в мире, справиться со все более отвратительным рабством и паразитирующей верхушкой общества.

— И люди сменили античное рабство на феодализм и религиозную ночь средневековья,— подхватила Веда.— Но что же осталось вам непонятным?

— Просто я плохо представляю крито-индийскую культуру.

— Вы не знаете новых исследований. Ее следы теперь находятся на огромном пространстве от Америки через Крит, юг Средней Азии и Северную Индию до Западного Китая.

— Я не подозревал, что в столь древние времена уже могли быть тайники для сокровищ искусства, как у Карфагена, Греции или Рима.

— Поедете со мной, увидите,— тихо сказала Веда.

Дар Ветер молча шел рядом. Начался пологий подъем. Они дошли до гребня увала, когда Дар Ветер внезапно остановился.

— Благодарю за приглашение, я поеду...

Веда чуть недоверчиво повернула голову, но в сумерках северной ночи глаза ее спутника были темны и непроницаемы.

За перевалом огни оказались совсем близкими. Светильники в поляризующих колпаках не рассеивали лучей и от этого казались дальше, чем на самом деле. Сосредоточенное освещение служило признаком ночной работы. Гул напряженного тока становился сильнее. Контуры ажурных балок серебристо блестели под высокими голубыми лампами. Предостерегающий вой заставил их остановиться — сработал заградительный робот.

— Опасно, идите налево, не приближаясь к линии столбов!— проревел невидимый усилитель.

Они послушно повернули к группе передвижных белых домиков.

— Не смотрите в сторону поля!— продолжал заботливый автомат.

Двери в двух домиках открылись одновременно, два снопа света, скрестившись, легли на темную дорогу. Группа мужчин и женщин радушно приветствовала путников, удивляясь столь несовершенному способу передвижения, к тому же ночью.

Тесная кабинка с перекрещивающимися струями насыщенной газом и электричеством ароматной воды, с веселой игрой точечных электроразрядов на коже была местом тихой радости.

Освеженные путешественники встретились за столом.

— Ветер, милый, мы попали к собратьям по работе!

Веда налила золотистого питья в узкие бокалы, сразу запотевшие от холода.

— «Десять тонусов» тут!— весело потянулся он к своему бокалу.

— Победитель быка, вы дичаете в степи,— запротестовала Веда.— Я сообщаю интересные новости, а вы думаете только о пище!

— Здесь раскопки?— усомнился Дар Ветер.

— Только не археологические, а палеонтологические. Изучают ископаемых животных пермской эпохи — двести миллионов лет тому назад. Трепещу с нашими жалкими тысячами...

— Сразу изучают, не выкопав? Как же так?

— Да, сразу. Но как это делается, еще не узнала.

Один из сидевших за столом, тощий желтолицый человек, вмешался в разговор:

— Сейчас наша группа сменяет другую. Только что закончили подготовку и приступаем к просвечиванию.

— Жесткими излучениями? — догадался Дар Ветер.

— Если вы не очень устали, советую посмотреть. Завтра мы будем перемещать площадку дальше, а это не представляет интереса.

Веда и Дар Ветер обрадованно согласились. Гостеприимные хозяева

поднялись из-за стола, повели их к соседнему дому. Там, в нишах с циферблатом индикатора над каждой, висели защитные костюмы.

— Ионизация от наших мощных трубок очень велика,— с оттенком извинения сказала высокая, чуть сутулая женщина, помогая Веде облачиться в плотную ткань, прозрачный шлем и закрепляя на ее спине сумки с батареями.

В поляризованном свете каждый холмик на бугристой степной почве выделялся неестественно четко. За контуром обнесенного тонкими рейками квадратного поля послышался глухой стон. Земля вспучилась, растрескалась и осыпалась воронкой, в центре которой возник остроносый сверкающий цилиндр. Спиральный гребень обвивал его полированные стенки, на переднем конце вращалась сложная электрофреза из синеватого металла. Цилиндр перевалился через край воронки, повернулся, показав быстро мелькавшие позади лопатки, и начал вновь зарываться в нескольких метрах в стороне от воронки, уткнув свой полированный нос почти отвесно в землю.

Дар Ветер заметил, что за цилиндром тянется двойной кабель — один изолированный, другой блестевший голым металлом. Веда тронула его за рукав и показала вперед, за ограду магниевых реек. Там выбрался из-под земли второй такой цилиндр, одинаковым движением перевалился налево и снова исчез, нырнув в землю, как в воду.

Желтолицый человек сделал знак поторопиться.

— Я узнала его,— прошептала Веда, догоняя ушедшую вперед группу.— Это Ляо Лан, палеонтолог, раскрывший загадку заселения Азиатского материка в палеозойской эре.

— Он китаец по происхождению? — спросил Дар Ветер, вспомнив темный взгляд слегка раскосых узких глаз ученого.— Стыдно сознаться, но я не знаю его работ.

— Я вижу, вы мало знакомы с палеонтологией,— заметила Веда.— Пожалуй, палеонтология иных звездных миров вам лучше известна.

Перед мысленным взором Дар Ветра промелькнули бесчисленные формы жизни: миллионы странных скелетов в толщах горных пород на разных планетах — память прошедших времен, скрытая в наслоениях каждого обитаемого мира. Память, созданная самой природой и ею же записываемая до тех пор, пока не появится мыслящее существо, обладающее способностью не только запоминать, но и восстанавливать забытое.

Они оказались на небольшой площадке, прикрепленной к концу крутой ажурной полуарки. В центре пола находился большой тусклый экран. Все восемь человек уселись на низкие скамьи вокруг экрана в молчаливом ожидании.

— Сейчас «кроты» закончат,— заговорил Ляо Лан.— Как вы уже догадались, они прошивают слои горных пород голым кабелем и ткут металлическую сетку. Скелеты вымерших животных залегают в рыхлом песчанике на глубине четырнадцати метров от поверхности. Ниже, на семнадцатом метре, вся площадь подслоена металлической сеткой, подключенной к сильным индукторам. Создается отражающее поле, отбрасывающее рентгеновские лучи на экран, где получается изображение окаменелых костей.

Два больших металлических шара повернулись на массивных цоколях. Загорелись прожекторы, вой сирены возвестил об опасности. Постоянный ток в миллион вольт повеял свежестью озона, заставил все клеммы, изоляторы и подвески источать голубое сияние.

Ляо Лан, казалось, небрежно поворачивал и нажимал кнопки щита

управления. Большой экран светился все сильнее, а в его глубине медленно проплывали какие-то нечеткие контуры, разбросанные там и сям в поле зрения. Движение остановилось, размытые очертания большого пятна заняли почти весь экран, сделались резче.

Еще несколько манипуляций на щите управления, и перед наблюдателями в туманном сиянии показался скелет неведомого существа. Широкие когтистые лапы скрючились под туловищем, длинный хвост изогнулся кольцом. Бросилась в глаза необычная толщина и массивность костей с широкими перекрученными концами, с выростами для прикрепления могучих мускулов. Череп с замкнутой пастью оскаливал крупные передние зубы. Он был виден сверху и казался тяжелой костяной глыбой с неровной, изрытой поверхностью. Ляо Лан изменил глубину фокуса и увеличение — весь экран заняла голова древнего пресмыкающегося, влачившего жизнь двести миллионов лет назад на берегах когда-то бывшей здесь реки.

Крыша черепа состояла из удивительно толстых, не менее двадцати сантиметров толщины, костей. Над глазницами торчали костные выросты, такие же выступы прикрывали сверху височные впадины и выпуклости черепных дуг. На затылочном крае поднимался большой конус с отверстием огромного теменного глаза. Ляо Лан издал громкий вздох восхищения.

Дар Ветер, не отрываясь, смотрел на неуклюжий, тяжелый остов древней твари. Увеличение мускульной силы вызвало утолщение костей скелета, подвергавшихся большой нагрузке, а увеличившаяся тяжесть скелета требовала нового усиления мышц. Так прямая зависимость в архаических организмах заводила пути развития множества животных в безысходные тупики, пока какое-нибудь важное усовершенствование физиологии не позволяло снять старые противоречия и подняться на новую ступень эволюции. Казалось невероятным, что такие существа могли находиться в ряду предков человека с его прекрасным, позволяющим изумительную подвижность и точность движений телом.

Дар Ветер смотрел на толстые надбровные выступы, выражавшие тупую свирепость пермского гада, и видел рядом гибкую Веду с ее ясными глазами на умном живом лице... Какая чудовищная разница в организации живой материи! Он невольно скосил глаза, стараясь разглядеть черты Веды под шлемом, и, когда снова вернулся к экрану, на нем было уже другое изображение. Широкий, параболический, плоский, как тарелка, череп земноводного — древней саламандры, обреченной лежать в теплой и темной воде пермского болота в ожидании, пока что-либо съедобное не приблизится на доступное расстояние. Тогда — быстрый рывок, широкая пасть захлопывалась, и... снова бесконечно терпеливое бессмысленное лежание. Что-то раздражало Дар Ветра, угнетая его доказательствами бесконечно длительной и жестокой эволюции жизни. Он выпрямился, и Ляо Лан, угадав его состояние, предложил им вернуться для отдыха в дом. Неуемно любопытная Веда с трудом оторвалась от наблюдения, увидав, что ученые поспешили включить машины для электронного фотографирования и одновременной звукозаписи, чтобы не расходовать напрасно мощный ток.

Скоро Веда улеглась на широком диване в гостиной женского домика. Дар Ветер еще побродил некоторое время по укатанной площадке перед домом, перебирая в памяти впечатления.

Северное утро умыло росой запылившиеся за день травы. Невозмутимый Ляо Лан вернулся с ночной работы и предложил отправить своих гостей до ближайшей авиабазы на «эльфе» — маленьком аккумуляторном

автомобиле. База прыгающих реактивных самолетов находилась всего в ста километрах на юго-востоке, в низовье реки Тром-Юган. Веда попросила связаться с ее экспедицией, но на раскопках не оказалось радиопередатчика достаточной мощности. С тех пор как наши предки поняли вред радиоизлучений и ввели строгий режим, направленные лучевые передачи стали требовать значительно более сложных устройств, особенно для дальних переговоров. Кроме того, сильно сократилось число станций. Ляо Лан решил связаться с ближайшей наблюдательной башней скотоводов. Такие башни переговаривались между собой направленными передачами и могли сообщить все что угодно на центральную станцию своего района. Юная практикантка, собиравшаяся вести «эльф», чтобы доставить его обратно, посоветовала заехать по дороге на башню: тогда гости смогут переговорить сами по ТВФ[1] — телевизофону. Дар Ветер и Веда обрадовались. Сильный ветер завивал вбок редкую пыль, трепал густые, коротко остриженные волосы девушки-водителя. Они едва уселись на узком трехместном сиденье — громоздкое тело бывшего заведующего внешними станциями стеснило его спутниц. В чистом синем небе едва виднелся тонкий силуэт наблюдательной башни. Скоро «эльф» остановился у ее подножия. Широко раскинутые металлические ноги поддерживали пластмассовый навес, под которым стоял такой же «эльф». В центре сквозь навес проходили направляющие штанги лифта. Крошечная кабинка втащила всех по очереди мимо жилого этажа на самый верх, где их приветствовал загорелый, почти обнаженный юноша. По внезапному смущению их независимого водителя Веда поняла, что догадливость коротко стриженного палеонтолога имеет более глубокие корни...

Круглая комнатка с хрустальными стенами заметно раскачивалась, и легкая башня однотонно гудела, как сильно натянутая струна. Потолок и пол комнаты были окрашены в темный цвет. Вдоль окон стояли узкие столы с биноклями, счетными машинами, тетрадями записей. С высоты девяноста метров просматривался огромный участок степи, до границ видимости соседних башен. Велось постоянное наблюдение за стадами и производился учет кормовых запасов. Зелеными концентрическими кольцами лежали в степи дойные лабиринты, через которые два раза в сутки прогоняли молочные стада. Молоко, не скисавшее, как у африканских антилоп, сливалось и замораживалось тут же, в подземных холодильниках, и могло храниться очень долго. Перегон стад осуществлялся с помощью «эльфов», имевшихся в каждой башне. Наблюдатели могли во время дежурств заниматься, поэтому большинство из них были еще не закончившими образования учащимися. Юноша провел Веду и Дар Ветра по винтовой лестнице в жилой этаж, висевший между скрещенными балками на несколько метров ниже. Помещение здесь обладало глухими звукоизолирующими стенами, и путешественники очутились в полной тишине. Только непрекращающееся покачивание напоминало о том, что комната находится на гибельной, при малейшей неосторожности, высоте.

Другой юноша как раз работал у радио. Сложная прическа и яркое платье его собеседницы на экране показывали, что связь установлена с центральной станцией,— работавшие в степи носили легкие и короткие комбинезоны. Девушка на экране соединилась с поясной станцией, и скоро в ТВФ башни появилось печальное лицо и маленькая фигурка Миико Эйгоро — главной помощницы Веды Конг. В ее темных раско-

[1] *ТВФ* — стереотелевизиофон — прибор для переговоров и одновременной передачи стереоскопических изображений (фантастическое).

сых, как у Ляо Лана, глазах появилось радостное удивление, и маленький рот приоткрылся от неожиданности. Секунду спустя на Веду и Дар Ветра смотрело бесстрастное лицо, не выражавшее ничего, кроме делового внимания. Поднявшись наверх, Дар Ветер застал девушку-палеонтолога в оживленной беседе с загорелым юношей и вышел на кольцевую площадку, окаймлявшую стеклянную комнату. Влажная свежесть утра давно уступила место знойному полдню, стершему яркость красок и мелкие неровности почвы. Степь расстилалась широко, свободно под жарким и чистым небом. Дар Ветер снова вспомнил свою неясную тоску по северной и сырой земле своих предков. Облокотясь на перила зыбкой площадки, бывший заведующий внешними станциями теперь, как никогда раньше, почувствовал сбывшиеся мечты древних людей. Суровая природа отодвинута рукой человека далеко на север, и живительное тепло юга пролилось на эти равнины, когда-то стынувшие под холодными тучами.

Веда Конг вошла в хрустальную комнату и объявила, что дальше их взялся везти радиооператор. Девушка-палеонтолог поблагодарила историка долгим взглядом. Сквозь прозрачную стену была видна широкая спина застывшего в созерцании Дар Ветра.

— Вы задумались,— услышал он позади,— может быть, обо мне?

— Нет, Веда, я думал об одном положении древнеиндийской философии. Оно говорит, что мир не создан для человека, и сам человек только тогда становится велик, когда понимает всю ценность и красоту другой жизни — жизни природы...

— Вы не договорили, и я не понимаю.

— Пожалуй, не договорил. Я бы добавил к этому, что одному лишь человеку дано понимать не только красоту, но и трудные, темные стороны жизни. И одному лишь ему доступна мечта и сила сделать жизнь лучше!

— Я поняла,— тихо сказала Веда и после долгого молчания добавила: — Вы изменились, Ветер.

— Конечно, изменился. Четыре месяца рыть простой лопатой тяжелые камни и полуистлевшие бревна в ваших курганах. Поневоле станешь проще смотреть на жизнь, и ее простые радости сделаются милее...

— Не шутите, Ветер,— нахмурилась Веда,— я говорю серьезно. Когда я узнала вас, командовавшего всей силой Земли, говорившего с дальними мирами... Там, на ваших обсерваториях, вы могли быть сверхъестественным существом древних, как это они называли,— богом! А здесь, на нашей простой работе, наравне со многими, вы...— Веда умолкла.

— Что же я,— с любопытством допытывался ее собеседник,— потерял величие? Но что же вы сказали бы, увидев меня тем, кем я был до перехода в Институт астрофизики,— машинистом Спиральной Дороги? В этом тоже меньше величия? Или механиком плодосборных машин в тропиках?

Веда звонко засмеялась.

— Открою вам тайну юной души. В школе третьего цикла я была влюблена в машиниста Спиральной Дороги — никого более могущественного я не могла себе представить... Впрочем, вот идет радиооператор. Едемте, Ветер!

Перед тем, как впустить Веду и Дар Ветра в кабину, летчик еще раз осведомился, позволяет ли здоровье обоих вынести большое ускорение прыгающего самолета. Он строго соблюдал правила. Получив вторичный утвердительный ответ, летчик усадил обоих на глубокие сиденья в прозрачном носу аппарата, похожего на громадную дождевую каплю. Веда почув-

ствовала себя очень неудобно: сиденья запрокинулись назад в задранном вверх корпусе. Зазвенел сигнальный гонг, могучая пружина швырнула самолет почти отвесно вверх, тело Веды медленно погрузилось в глубь кресла, точно в упругую жидкость. Дар Ветер с усилием повернул голову, чтобы ободряюще улыбнуться Веде. Летчик включил двигатель. Рев, давящая тяжесть во всем теле, и каплеобразный самолет понесся, описывая дугу на высоте двадцати трех тысяч метров. Казалось, прошло всего несколько минут, а путешественники с ослабевшими коленями уже выходили перед своими домиками в приалтайских степях, и летчик махал им рукой, требуя отойти подальше. Дар Ветер сообразил, что двигатель придется включить от самой земли. Здесь не было катапульты, как на базе. Он помчался, увлекая Веду, навстречу легко бежавшей Миико Эйгоро. Женщины обнялись, как после долгой разлуки.

Глава пятая

КОНЬ НА ДНЕ МОРСКОМ

Море, теплое, прозрачное, едва колыхало свои поразительно яркие зелено-голубые волны. Дар Ветер медленно вошел по самую шею и широко раскинул руки — старался утвердиться на покатом дне. Глядя поверх пологих волн на сверкающую даль, он снова чувствовал себя растворяющимся в море и сам становился частью необъятной стихии. Сюда, в море, он принес давно сдерживаемую печаль. Печаль разлуки с захватывающим величием космоса, с безграничным океаном познания и мысли, с суровой сосредоточенностью каждого дня жизни. Теперь его существование было совсем другим. Возраставшая любовь к Веде скрашивала дни непривычной работы и грустную свободу размышлений отлично натренированного мозга. С энтузиазмом ученика он погрузился в исторические исследования. Река времени, отраженная в его мыслях, помогла совладать с переменой жизни. Он был благодарен Веде Конг за то, что та с достойной ее чуткостью устроила путешествие на винтолете в страну, преображенную трудом человека. Как и в огромности моря, в величии земных работ собственные утраты мельчали. Дар Ветер примирялся с непоправимым, которое всегда наиболее трудно дается смирению человека...

Тихий полудетский голос окликнул его. Он узнал Миико и, взмахнув руками, лег на спину, поджидая маленькую девушку. Она стремительно бросилась в море. С ее жестких смоляных волос скатывались крупные капли, а желтоватое смуглое тело под тонким слоем воды казалось зеленым. Они поплыли рядом навстречу солнцу, к одинокому пустынному островку, поднимавшемуся черным бугром в километре от берега. Все дети эры Кольца вырастали на море отличными пловцами, а Дар Ветер обладал еще врожденными способностями. Сначала он плыл не торопясь из опасения, что Миико устанет, но девушка скользила рядом легко и беспечно. Дар Ветер заспешил, несколько озадаченный искусством Миико. Но даже когда он понесся изо всех сил, Миико не отставала, а ее неподвижное милое личико оставалось по-прежнему спокойным. Послышался глухой плеск волн с мористой стороны острова. Дар Ветер перевернулся на спину, а разогнавшаяся девушка описала круг и вернулась к нему.

— Миико, вы плаваете чудесно! — с восхищением воскликнул Дар Ветер и, набрав полную грудь воздуха, задержал дыхание.

— Я плаваю хуже, чем ныряю,— призналась девушка, и Дар Ветер снова удивился.

— Мои предки были японцы,— продолжала Миико.— Когда-то было целое племя, в котором все женщины были ныряльщицами — ловили жемчуг, собирали питательные водоросли. Это занятие переходило из рода в род, и за тысячу лет они достигли замечательного искусства. Случайно оно проявилось у меня теперь.

— Никогда не подозревал...

— Что отдаленный потомок женщин-водолазок станет историком? У нас в роду существовала легенда. Был больше тысячи лет назад японский художник Янагихара Эйгоро.

— Эйгоро? Так ваше имя?..

— Редкий случай в наше время, когда имена даются по любому понравившемуся созвучию. Впрочем, все стараются подобрать созвучия или слова из языков тех народов, от которых происходят. Ваше имя, если я не ошибаюсь, из корней русского языка?

— Совершенно верно! Даже не корни, а целые слова. Одно — подарок, второе — ветер, вихрь...

— Мне неизвестен смысл моего имени. Но художник действительно был. Мой прадед отыскал одну его картину в каком-то хранилище. Большое полотно — вы можете увидеть его у меня,— историку оно интересно. Очень ярко изображена суровая и мужественная жизнь, бедность и неприхотливость народа... Поплывем дальше?

— Минуту еще, Миико! Как же женщины-водолазки?

— Художник полюбил водолазку и поселился навсегда среди племени. И его дочери тоже были водолазки, тоже промышляли всю жизнь в море. Смотрите, какой странный остров — круглый бак или низкая башня, как для производства сахара.

— Сахара! — невольно фыркнул Дар Ветер.— Для меня в детстве такие пустые острова были приманкой. Одиноко стоят они, окруженные морем, неведомые тайны скрываются в темных скалах или рощах — все что угодно можно встретить здесь, что хочется в мечте.

Звонкий смех Миико был ему наградой. Девушка, молчаливая и всегда немного грустная, сейчас неузнаваемо изменилась. Весело и храбро устремляясь вперед, к тяжело плещущим волнам, она по-прежнему оставалась для Ветра закрытой дверью — совсем не так, как прозрачная Веда, чье бесстрашие было скорее великолепной доверчивостью, чем действительным упорством.

Между большими глыбами у самого берега пролегли глубокие, пронизанные солнцем подводные коридоры. Устланные темными холмиками губок, обрамленные бахромой водорослей, эти подводные галереи вели к восточной стороне островка, куда подходила неведомая темная глубина. Дар Ветер пожалел, что не взял у Веды точной карты побережья. Плоты морской экспедиции блестели на солнце у западной косы в нескольких километрах. Ближе виднелся пологий песчаный берег, и там сейчас вся экспедиция на отдыхе. Сегодня в машинах смена аккумуляторов. А он поддался детской страсти исследования безлюдных островов.

Грозный обрыв андезитовых скал[1] навис над пловцами. Изломы каменных глыб были свежими — недавнее землетрясение обрушило обветшав-

[1] *Андезитовые скалы* — скалы, сложенные вулканическими породами характера лав.

шую часть берега. Со стороны открытого моря шел сильный накат. Миико и Дар Ветер долго плыли по темной воде у восточного берега, пока не нашли плоский каменный выступ, куда Дар Ветер вытолкнул Миико.

Потревоженные чайки носились взад и вперед, удары волн передавались через скалы, сотрясая массу андезита. Ничего, кроме голого камня и жестких кустов, ни малейших следов зверя или человека.

Пловцы поднялись на верхушку островка, поглядели на мечущиеся внизу волны и вернулись. Терпкий запах шел от кустов, торчавших вверху из расщелин. Дар Ветер вытянулся на теплом камне, лениво заглядывая в воду на южную сторону выступа.

Миико села на корточки у самого края скалы и пыталась разглядеть что-то внизу. Здесь не было береговой отмели или наваленных грудами камней. Крутой обрыв нависал над темной маслянистой водой. Солнце вспыхивало ослепительной каймой вдоль его ребра. Там, где срезанный скалой свет отвесно входил в прозрачную воду, едва-едва мерцало ровное дно из светлого песка.

— Что вы видите там, Миико?

Задумавшаяся девушка не сразу обернулась.

— Ничего. Вас влекут к себе пустынные острова, а меня — дно моря. Мне тоже кажется, что там всегда можно найти интересное, сделать открытие.

— Тогда зачем вы работаете в степи?

— Это не просто. Для меня море такая большая радость, что я не могу быть все время с ним. Нельзя слушать любимую музыку во всякое время — так и я с морем. Зато встречи с ним драгоценны...

Дар Ветер утвердительно кивнул.

— Так нырнем туда? — Он показал на белое мерцание в глубине.

Миико подняла и без того приподнятые у висков брови.

— Разве вы сумеете? Тут не меньше двадцати пяти метров — это только для опытного ныряльщика...

— Попытаюсь... А вы?

Вместо ответа Миико встала, оглядевшись, выбрала большой камень и подтащила его к краю скалы.

— Сначала дайте мне попробовать. С камнем — это против моих правил. Но как бы там не оказалось течение — очень чисто дно...

Девушка подняла руки, согнулась, выпрямилась, откинувшись назад. Дар Ветер следил за ее дыхательными движениями, чтобы перенять их. Миико больше не произнесла ни слова. После нескольких упражнений она схватила камень и ринулась, как в пропасть, в темную пучину.

Дар Ветер ощутил смутное беспокойство, когда прошло больше минуты, а храброй девушки не было и следа. Он стал, в свою очередь, искать камень для груза, соображая, что ему надо взять гораздо больший. Только что он поднял сорокакилограммовый кусок андезита, как появилась Миико. Девушка тяжело дышала и казалась сильно уставшей.

— Там... Там... конь,— едва выговорила она.

— Что такое? Какой конь?

— Статуя огромного коня... там, в естественной нише. Сейчас я посмотрю как следует.

— Миико, это трудно. Мы поплывем обратно, возьмем водолазные аппараты и лодку.

— О нет! Я хочу сама, сейчас! Это будет моя победа, а не прибора. Потом позовем всех.

— Только я с вами! — Дар Ветер ухватился за свой камень.

Миико улыбнулась.

— Возьмите меньший, вот. И как же с дыханием?

Дар Ветер послушно проделал упражнения и кувырнулся в море с камнем в руках. Вода ударила его в лицо, повернула спиной к Миико, сдавила грудь, тупой болью отдалась в ушах. Он пересиливал ее, напрягая мускулы тела, стискивая челюсти. Холодный серый полумрак сгущался внизу, веселый свет дня быстро мерк. Холодная и враждебная сила глубины одолевала, в голове мутилось, резало глаза. Вдруг твердая рука Миико тронула его плечо, и он коснулся ногами плотного, тускло серебрящегося песка. С трудом повернув шею по направлению, указанному Миико, он откачнулся, от неожиданности выпустил из рук камень — и тотчас же его подбросило вверх. Он не помнил, как очутился на поверхности, ничего не видя в красном тумане, судорожно пытаясь отдышаться... Спустя немного времени последствия подводного давления отступили, и виденное воскресло в памяти. Всего лишь мгновение, а как много подробностей успели заметить глаза и запомнить мозг!

Темные скалы сходились вверху гигантской стрельчатой аркой, под которой стояло изваяние исполинского коня. Ни одной водоросли или раковины не лепилось на отполированной поверхности статуи. Неведомый скульптор прежде всего хотел выразить силу. Он увеличил переднюю часть туловища, непомерно расширил чудовищную грудь, высоко поднял круто изогнутую шею. Левая передняя нога была поднята, прямо выдвигая на зрителя округлость коленного сустава, а громадное копыто почти прикасалось к груди. Три другие ноги с усилием отталкивались от почвы, отчего колоссальный конь нависал над смотрящим, как бы давя его сказочной мощью. На крутой дуге шеи грива обозначалась зазубренным гребнем, голова почти упиралась в грудь, а глаза из-под опущенного лба смотрели с грозною злобой, отраженной и в маленьких прижатых ушах каменного чудовища.

Миико успокоилась за Дар Ветра и, оставив его простертым на плоской скале, нырнула снова. Наконец девушка измучилась глубокими погружениями и насладилась зрелищем своей находки. Она уселась рядом и долго молчала, пока не восстановилось нормальное дыхание.

— Интересно, каков может быть возраст статуи? — задумчиво спросила самое себя Миико.

Дар Ветер пожал плечами, вспомнив, что удивило его больше всего.

— Почему статуя коня совершенно не обросла водорослями или раковинами?

Миико стремительно повернулась к нему.

— Да, да! Я знаю такие находки. Они оказывались покрытыми особым составом, не допускающим прирастания живых существ. Тогда дата этих статуй — конец последнего века ЭРМ.

В море между берегом и островком показался пловец. Приблизившись, он приподнялся из воды, приветственно взмахнул руками. Дар Ветер узнал широкие плечи и блестящую темную кожу Мвена Маса. Скоро высокая черная фигура взобралась на камень, и полная добродушия улыбка засияла на мокром лице нового заведующего внешними станциями. Он быстро поклонился маленькой Миико, широким, свободным жестом приветствовал Дар Ветра.

— Мы приехали на один день вместе с Рен Бозом просить вашего совета.

— Рен Боз?

— Физик из Академии Пределов Знания...

— Знаю его немного. Он работает над вопросами взаимоотношения пространство — поле. Где же вы его оставили?

— На берегу. Он не плавает, как вы, во всяком случае...

Легкий всплеск прервал речь Мвена Маса.

— Я поплыву на берег, к Веде! — крикнула из воды Миико.

Дар Ветер ласково улыбнулся девушке.

— Плывет с открытием! — пояснил он Мвену Масу и рассказал о находке подводного коня.

Африканец слушал его без интереса. Его длинные пальцы шевелились, ощупывая подбородок. В его взгляде Дар Ветер прочитал беспокойство и надежду.

— Вас тревожит что-то серьезное? Тогда зачем же медлить?

Мвен Мас воспользовался приглашением. Сидя на краю скалы над пучиной, скрывавшей таинственного коня, он рассказал о своих жестоких колебаниях. Его встреча с Рен Бозом не была случайной. Видение прекрасного мира звезды Эпсилон Тукана никогда не оставляло его. И с той ночи появилась мечта — приблизиться к этому миру, любым путем преодолев необъятную бездну пространства. Чтобы между отправлением и получением сообщения, сигнала или картины не было недоступного человеческой жизни срока в шестьсот лет. Ощутить биение той прекрасной и столь близкой нам жизни, протянуть руку братьям-людям через бездны космоса. Мвен Мас сосредоточил усилия на ознакомлении с неразрешенными вопросами и незаконченными опытами, какие уже тысячелетие велись в исследовании пространства как функции материи. Той проблемы, о которой мечтала Веда Конг в ночь ее первого выступления по Великому Кольцу...

В Академии Пределов Знания подобные исследования возглавлялись Рен Бозом — молодым математиком-физиком. Встреча его с Мвеном Масом и последующая дружба была предопределена общими стремлениями.

Теперь Рен Боз считает, что проблема разработана до возможности постановки эксперимента. Опыт не может быть, как и все, что связано с космическими масштабами, проведен лабораторным путем. Громадность вопроса требует и громадного эксперимента. Рен Боз пришел к необходимости проделать опыт через внешние станции с силовой затратой всей земной энергии, включая и резервную станцию Ку-энергии на Антарктиде.

Ощущение опасности пришло к Дар Ветру, когда он пристально смотрел в горящие глаза и на вздрагивающие ноздри Мвена Маса.

— Вам нужно узнать, как поступил бы я? — спокойно задал он решающий вопрос.

Мвен Мас кивнул и провел языком по пересохшим губам.

— Я не ставил бы опыта,— отчеканил Дар Ветер, игнорируя гримасу горя на лице африканца, мгновенно промелькнувшую и исчезнувшую незаметно для менее внимательного собеседника.

— Я так и думал,— вырвалось у Мвена Маса.

— Тогда зачем вы придавали значение моему совету.

— Мне казалось, что мы сумеем убедить вас.

— Что же, попробуйте! Поплывем к товарищам. Они, наверное, готовят водолазные приборы — смотреть коня.

Веда пела, и два незнакомых женских голоса вторили ей.

Увидев плывущих, она сделала призывный знак, по-детски сгибая пальцы раскрытых ладоней. Песня умолкла. Дар Ветер узнал в одной из женщин Эвду Наль. Впервые он видел ее без белой врачебной одежды. Ее высокая гибкая фигура выделялась среди остальных белизной кожи, еще не загоревшей. Видимо, знаменитая женщина-психиатр была очень

занята последнее время. Иссиня-черные волосы Эвды, разделенные прямым пробором, были высоко подняты у висков. Высокие скулы над чуть впалыми щеками подчеркивали длинный разрез ее черных пристальных глаз. Лицо неуловимо напоминало древнего египетского сфинкса — того, который с очень древних времен стоял на краю пустыни у пирамидальных гробниц царей древнейшего на земле государства. Теперь, спустя десять веков после того, как исчезла пустыня, на песках шумят плодородные рощи, а сам сфинкс накрыт стеклянным колпаком, не скрывающим впадин его изъеденного временем лица.

Дар Ветер помнил, что свою родословную Эвда Наль вела от перуанцев или чилийцев. Он приветствовал ее по обычаю древних южноамериканских солнцепоклонников.

Работа с историками пошла вам на пользу,— сказала Эвда.— Благодарите Веду...

Дар Ветер поспешил обернуться к милому другу, но Веда взяла его за руку и подвела к совсем незнакомой женщине.

— Это Чара Нанди! Мы все здесь в гостях у нее и у художника Карта Сана, потому что они живут на этом берегу уже месяц. Их переносная студия — в конце залива.

Дар Ветер протянул руку молодой женщине, взглянувшей на него громадными синими глазами. На миг у него замерло дыхание — в этой женщине было что-то отличавшее ее от всех других. Она стояла между Ведой Конг и Эвдой Наль, красота которых, отточенная сильным интеллектом и дисциплиной долгой исследовательской работы, все же тускнела перед необычной силой прекрасного, исходившей от незнакомки.

— Ваше имя чем-то похоже на мое,— проговорил Дар Ветер.

Углы маленького рта незнакомки дрогнули в сдержанной усмешке.

— Как и вы сами похожи на меня.

Дар Ветер посмотрел поверх черной копны ее густых и блестящих, слабо вьющихся волос и широко улыбнулся Веде.

— Ветер, вы не умеете говорить женщинам любезности,— лукаво произнесла Веда, склонив набок голову.

— Разве это нужно теперь, с той поры как исчезла надобность в обмане?

— Нужно,— вмешалась Эвда Наль.— И надобность эта никогда не минет!

— Буду рад, если мне объяснят,— слегка нахмурился Дар Ветер.

— Через месяц я читаю осеннюю речь в Академии Горя и Радости, в ней будет многое о значении непосредственных эмоций...— Эвда кивнула приближавшемуся Мвену Масу.

Африканец, по обыкновению, шел размеренно и бесшумно. Дар Ветер заметил, что смуглые щеки Чары загорелись жарким румянцем, как будто солнце, пропитавшее все тело женщины, внезапно выступило сквозь загорелую кожу. Мвен Мас равнодушно поклонился.

— Я приведу Рен Боза. Он сидит там, на камне.

— Пойдемте к нему,— предложила Веда,— и навстречу Миико. Она убежала за аппаратами. Чара Нанди, вы с нами?

Девушка покачала головой:

— Идет мой повелитель. Солнце опустилось, и скоро начнется работа...

— Тяжело позировать, наверное? — спросила Веда.— Это настоящий подвиг! Я не могла бы.

— И я думала, что не смогу. Но если идея художника захватит, тогда сама вступаешь в творчество. Ищешь воплощение образа в собственном

теле... Тысячи оттенков есть в каждом движении, каждом изгибе! Ловить их, как улетающие звуки музыки...

— Чара, вы находка для художника!

— Находка! — прервал Веду громкий бас.— И как я нашел ее! Невероятно! — Художник Карт Сан потряс высоко поднятым могучим кулаком. Его светлые волосы разлохматились на ветру, обветренное лицо покраснело.

— Проводите нас, если есть время,— попросила Веда,— и расскажите.

— Плохой я рассказчик. Но это все равно интересно. Я интересуюсь реконструкцией разных расовых типов, бывших в древности до самой ЭРМ. После успеха моей картины «Дочь Гондваны» я загорелся воссоздать другой расовый тип. Красота тела — лучшее выражение расы через поколения здоровой, чистой жизни. В каждой расе в древности была своя отточенность, своя мера прекрасного, выработавшаяся еще в условиях дикого существования. Так понимаем мы, художники, которых считают отстающими от вершин культуры... Всегда считали, наверное, еще с пещер древнекаменного века. Ну вот, я говорю не то... Придумал я картину «Дочь Тетиса», иначе— Средиземного моря. Меня поразило в мифах Древней Греции, Крита, Двуречья, Америки, Полинезии то, что боги выходили из моря. Что может быть чудесней эллинского мифа об Афродите — богине любви и красоты древних греков! Само имя: Афродита Анадиомена — рожденная пеной, восставшая из моря... Богиня, родившаяся из пены, оплодотворенной светом звезд над ночным морем,— какой народ придумал что-либо более поэтичное!..

— Из звездного света и морской пены,— услышала Веда Конг шепот Чары и украдкой взглянула на девушку.

Твердый, будто вырезанный из дерева или из камня, профиль Чары говорил о древних народах. Маленький, прямой, чуть закругленный нос, чуть покатый широкий лоб, сильный подбородок, а главное — большое расстояние от носа до уха — все характерные черты народов античного Средиземноморья были отражены в лице Чары.

Веда незаметно осмотрела ее с головы до ног и подумала, что все в ней немного «слишком». Слишком гладкая кожа, слишком тонкая талия, слишком широкие бедра... И держится подчеркнуто прямо — от этого ее крепкая грудь слишком выдается. Может быть, художнику нужно именно такое, сильно выраженное?

Путь пересекла каменная гряда, и Веда изменила свое только что созданное представление. Чара Нанди необыкновенно легко перескакивала с камня на камень, будто танцуя.

«В ней, безусловно, есть индийская кровь,— решила Веда.— Спрошу потом...»

— Чтобы создать «Дочь Тетиса»,— продолжал художник,— мне надо было сблизиться с морем, сродниться с ним — ведь моя критянка, как Афродита, должна выйти из моря, но так, чтобы всякий понял это. Когда я собирался писать «Дочь Гондваны», я три года работал на лесной станции в Экваториальной Африке. Создав картину, я поступил механиком на почтовый глиссер и два года развозил почту по Атлантическому океану — всем этим, знаете, рыболовным, белковым и солевым заводам, которые плавают там на гигантских металлических плотах.

Однажды вечером я вел свою машину в Центральной Атлантике, на запад от Азор, где противотечение смыкается с северным течением. Там всегда ходят большие волны — грядами, одна за другой. Мой глиссер то взметывался под низкие тучи, то стремительно летел в провалы между волнами. Винт ревел, я стоял на высоком мостике рядом с рулевым. И вдруг — никогда не забуду!

Представьте себе волну выше всех других, мчащуюся навстречу. На гребне этой колоссальной волны, прямо под низкими и плотными жемчужно-розовыми тучами, стояла девушка, загорелая до цвета красной бронзы... Вал несся беззвучно, и она летела, невыразимо гордая в своем одиночестве посреди необъятного океана. Мой глиссер взметнулся вверх, и мы пронеслись мимо девушки, приветливо помахавшей нам рукой. Тут я разглядел, что она стояла на лате,— знаете, такая доска с аккумулятором и мотором, управляемая ногами.

— Знаю,— отозвался Дар Ветер,— для катания на волнах.

— Больше всего меня потрясло, что вокруг не было ничего — низкие облака, пустой на сотни миль океан, вечерний свет и девушка, несущаяся на громадной волне. Эта девушка...

— Чара Нанди! — сказала Эвда Наль.— Это понятно. Но откуда она взялась?

— Вовсе не из пены и света звезд! — Чара рассмеялась неожиданно высоким звенящим смехом.— Всего лишь с плота белкового завода. Мы стояли тогда у края саргассов[1], где разводили хлореллу[2], а я работала там биологом.

— Пусть так,— примирительно согласился Карт Сан.— Но с того момента вы стали для меня дочерью Средиземного моря, вышедшей из пены, неизбежной моделью моей будущей картины. Я ждал целый год.

— Можно прийти к вам посмотреть? — попросила Веда Конг.

— Пожалуйста, только не в часы работы,— лучше вечером. Я работаю очень медленно и не выношу ничьего присутствия в это время.

— Вы пишете красками?

— Наша работа мало изменилась за тысячи лет существования живописи. Оптические законы и глаз человека — те же. Обострилось восприятие некоторых оттенков, придуманы новые хромкатоптрические краски[3] с внутренними рефлексами в слое, некоторые приемы гармонизации цветов. А в общем художник незапамятной древности работал, как я. И кое в чем лучше... Вера, терпение — мы стали слишком стремительны и неуверенны в своей правоте. А для искусства подчас лучше строгая наивность... Опять я уклоняюсь в сторону! Мне, нам пора... Пойдемте, Чара.

Все остановились поглядеть вслед художнику и его модели.

— Теперь я знаю, кто он такой,— молвила Веда.— Я видела «Дочь Гондваны».

— И я тоже,— отозвались в одно слово Эвда Наль и Мвен Мас.

— Гондвана — от страны гондов в Индии? — спросил Дар Ветер.

— Нет. От собирательного названия южных материков. В общем, страна древней черной расы.

— И какова «Дочь черных»?

— Картина проста — перед степным плоскогорьем, в огне ослепительного солнца, на опушке грозного тропического леса идет чернокожая девушка. Половина ее лица и ощутимого, твердого, будто литого из металла, тела в пылающем свете, половина в глубокой полутени. Белые звериные зубы нанизаны вокруг высокой шеи, короткие волосы связаны на темени и прикрыты венком огненно-красных цветов. Правой, поднятой вы-

[1] *Саргассы* — области моря внутри круговоротов морских течений, сплошь покрытые скоплениями водорослей.

[2] *Хлорелла* — морские водоросли с огромным содержанием белка, искусственно возделываемые для получения белковой пищи (фантастическое).

[3] *Хромкатоптрические краски* — краски, обладающие большой силой отражения света внутри слоя (фантастическое).

ше головы рукой она отстраняет с пути последнюю ветку дерева, левой — отталкивает от колена усаженный колючками стебель. В остановленном движении тела, свободном вздохе, сильном взмахе руки — беспечность юной жизни, сливающейся с природой в одно, вечно изменчивое, как поток. Это единение читается как знание — интуитивное ведовство мира... В темных глазах, устремленных вдаль, поверх моря голубоватой травы, к едва заметным контурам гор, так ощутимо видится тревога, ожидание великих испытаний в новом, только что раскрывшемся мире.

Эвда Наль умолкла.

— Но как смог это передать Карт Сан? — спросила Веда Конг.— Может быть, через сдвинутые узкие брови, чуть наклоненную вперед шею, открытый беззащитный затылок. Удивительные глаза, наполненные темной мудростью древней природы... И самое странное — это одновременное ощущение беспечной танцующей силы и тревожного знания.

— Жаль, я не видел! — вздохнул Дар Ветер.— Придется ехать во Дворец истории. Я вижу краски картины, но как-то не могу представить позу девушки.

— Позу? — остановилась Эвда Наль.— Вот вам «Дочь Гондваны»...— Она сбросила с плеч полотенце, высоко подняла согнутую правую руку, немного откинулась назад, встав вполоборота к Дар Ветру. Длинная нога слегка приподнялась, сделав маленький шаг и не закончив его, застыла, коснувшись пальцами земли. И тотчас ее гибкое тело словно расцвело.

Все остановились, не скрывая восхищения.

— Эвда, я не представлял себе!..— воскликнул Дар Ветер.— Вы опасны, точно полуобнаженный клинок кинжала.

— Ветер, опять неудачные комплименты! — рассмеялась Веда.— Почему «полу», а не «совсем»?

Он совершенно прав,— улыбнулась Эвда Наль, снова становясь прежней.— Именно не совсем. Наша новая знакомая, очаровательная Чара Нанди,— вот совсем обнаженный и сверкающий клинок, говоря эпическим языком Дар Ветра.

— Не могу поверить, чтобы кто-то сравнялся с вами! — раздался за камнем хрипловатый голос.

Эдва Наль первая увидела рыжие подстриженные волосы и бледные голубые глаза, смотревшие на нее с таким восторгом, какого ей еще не удавалось видеть на чьем-либо лице.

— Я Рен Боз! — застенчиво сказал рыжий человек, когда его невысокая узкоплечая фигура появилась из-за большого камня.

— Мы искали вас,— Веда взяла физика за руку.— Вот это Дар Ветер.

Рен Боз покраснел, от чего стали заметны веснушки, обильно покрывавшие лицо и даже шею.

— Я задержался наверху,— Рен Боз показал на каменистый склон.— Там древняя могила.

— В ней похоронен знаменитый поэт очень древних времен,— заметила Веда.

— Там высечена надпись, вот она,— физик раскрыл листок металла, провел по нему короткой линейкой, и на матовой поверхности выступили четыре ряда синих значков.

— О, это европейские буквы — письменные знаки, употреблявшиеся до введения всемирного линейного алфавита! Они нелепой формы, унаследованной от пиктограмм[1] еще большей древности. Но этот язык мне знаком.

---

[1] *Пиктограммы* — последовательные серии рисунков.

— Так читайте, Веда!

— Несколько минут тишины! — потребовала она, и все послушно уселись на камнях.

Веда Конг стала читать:

«Гаснут во времени, тонут в пространстве
Мысли, событья, мечты, корабли...
Я ж уношу в своё странствие странствий
Лучшее из наваждений Земли!..»

— Это великолепно! — Эвда Наль поднялась на колени.— Современный поэт не сказал бы ярче про мощь времени. Хотелось бы знать, какое из наваждений Земли он считал лучшим и унес с собой в предсмертных мыслях?

Вдали показалась лодка из прозрачной пластмассы с двумя людьми.

— Вот Миико с Шерлисом, одним из здешних механиков. О нет,— поправилась Веда,— это сам Фрит Дон, глава морской экспедиции! До вечера, Ветер, вам нужно остаться втроем, и я беру с собой Эвду.

Обе женщины сбежали к легким волнам и дружно поплыли к острову. Лодка повернула к ним, но Веда замахала рукой, посылая ее вперед. Рен Боз, неподвижный, смотрел вслед плывущим.

— Очнитесь, Рен, приступим к делу! — окликнул его Мвен Мас, и физик улыбнулся смущенно и кротко.

Участок плотного песка между двумя грядами камней превратился в научную аудиторию. Рен Боз, вооружившись обломком раковины, чертил и писал, в возбуждении бросался ничком, стирая написанное собственным телом, и снова чертил. Мвен Мас подтверждал согласие или ободрял физика отрывистыми восклицаниями. Дар Ветер, уперев локти в колени, смахивал со лба пот, выступивший от усилий понять говорившего. Наконец рыжий физик умолк и, тяжело дыша, уселся на песке.

— Да, Рен Боз,— проговорил Дар Ветер после продолжительного молчания,— вы совершили выдающееся открытие!

— Разве я один?.. Уже очень давно древний физик Гейзенберг выдвинул принцип неопределенности — невозможность одновременного определения импульса и места для мелких частиц. На самом деле невозможность стала возможностью при понимании взаимопереходов, то есть репагулярном исчислении[1]. Примерно в то же время открыли мезонное кольцевое облако атомного ядра и состояние перехода между нуклеоном[2] и этим кольцом, то есть подошли вплотную к понятию антитяготения.

— Пусть так. Я не знаток биполярной математики[3], тем более такого ее раздела, как репагулярное исчисление, исследование преград перехода. Но то, что вы сделали в теневых функциях,— это принципиально ново, хотя еще плохо понятно нам, обычным людям, без математического ясновидения. Но осмыслить величие открытия я могу. Одно только...— Дар Ветер запнулся.

— Что, что именно? — встревожился Мвен Мас.

— Как перевести это в опыт? Мне кажется, в нашем распоряжении

---

[1] *Репагулярное исчисление* — в биполярной математике, занимающееся решением направлений в моментах перехода (репагулюма) из одного состояния в другое, от одного знака к другому (фантастическое).

[2] *Нуклеон* — центральное «ядрышко» внутри мезонного кольца в ядре атома.

[3] *Биполярная математика* — математика, основанная на диалектической логике с двусторонним анализом и решением (фантастическое).

нет возможности создать такое напряжение электромагнитного поля.

— Чтобы уравновесить гравитационное поле и получить состояние перехода? — спросил Рен Боз.

— Вот именно. А тогда пространство за пределами системы останется по-прежнему вне нашего воздействия.

— Это так. Но, как всегда в диалектике, выход надо искать в противоположном. Если получить антигравитационную тень не дискретно, а векториально...

— Ого!.. Но как?

Рен Боз быстро начертил три прямые линии, узкий сектор и пересек все это частью дуги большого радиуса.

— Это известно еще до биполярной математики. Несколько веков назад ее называли задачей четырех измерений. Тогда еще были распространены представления о многомерности пространства — они не знали теневых свойств тяготения, пытались проводить аналогии с магнитоэлектрическими полями и думали, что сингулярные точки[1] означают или исчезновение материи, или ее превращение в нечто необъяснимое. Как можно было представить себе пространство с таким знанием природы явлений? Но ведь они, наши предки, догадывались — видите, они поняли, что если расстояние, скажем, от звезды А до центра Земли вот по этой линии ОА будет двадцать квинтильонов километров, то до той же звезды по вектору ОВ расстояние равно нулю... Практически не нулю, но стремящейся к нулю величине. И они говорили, что время обращается в нуль, если скорость движения равна скорости света. Но ведь кохлеарное исчисление[2] тоже открыто совсем не так давно!

— Спиральное движение знали тысячи лет назад,— осторожно вмешался Мвен Мас.

Рен Боз пренебрежительно отмахнулся:

— Движение, но не его законы! Так вот, если поле тяготения и электромагнитное поле — это две стороны одного и того же свойства материи, если пространство есть функция гравитации, то функция электромагнитного поля — антипространство. Переход между ними дает векториальную теневую функцию нуль-пространства, которое известно в просторечии как скорость света. И я считаю возможным получение нуль-пространства в любом направлении. Мвен Мас хочет на Эпсилон Тукана, а мне все равно, лишь бы поставить опыт. Лишь бы поставить опыт! — повторил физик и устало опустил короткие белесые ресницы.

— Для опыта вам нужны не только внешние станции и земная энергия, как говорил Мвен, но ведь и еще какая-то установка. Вряд ли она проста и быстро осуществима.

— Тут нам повезло. Можно использовать установку Кора Юлла в непосредственной близости от Тибетской обсерватории. Сто семьдесят лет назад производились опыты по исследованию пространства. Потребуется небольшое переоборудование, а добровольцев помощников в любое время у меня пять, десять, двадцать тысяч. Стоит лишь позвать, и они возьмут отпуска.

— У вас действительно все предусмотрено. Остается еще одно, но самое серьезное — опасность опыта. Могут быть самые неожиданные результаты — ведь по законам больших чисел мы не можем ставить опыт в малом масштабе. Сразу брать внеземной масштаб...

---

[1] *Сингулярные точки* — критические точки перехода количественных изменений в качественные.

[2] *Кохлеарное исчисление* — раздел биполярной математики, занимающийся анализом спирального поступательного движения (фантастическое).

— Какой же ученый испугается риска? — пожал плечами Рен Боз.

— Я не о личном! Знаю, что тысячи явятся, едва потребуется неизведанное опасное предприятие. Но в опыт включаются внешние станции, обсерватории — весь круг аппаратов, стоивших человечеству гигантского труда. Аппаратов, открывших окно в космос, приобщивших человечество к жизни, творчеству, знаниям других населенных миров. Это окно — величайшее людское достижение, и рисковать его захлопнуть хотя бы на время вправе ли вы, я, любой отдельный человек, любая группа людей? Мне хотелось бы узнать, есть у вас чувство такого права и на чем оно основано?

— У меня есть,— поднялся Мвен Мас,— а основано оно... Вы были на раскопках... Разве миллиарды безвестных костяков в безвестных могилах не взывали к нам, не требовали и не укоряли? Мне видятся миллиарды прошедших человеческих жизней, у которых, как песок между пальцев, мгновенно утекла молодость, красота и радости жизни,— они требуют раскрыть великую загадку времени, вступить в борьбу с ним! Победа над пространством и есть победа над временем — вот почему я уверен в своей правоте и в величии задуманного дела!

— Мое чувство другое,— заговорил Рен Боз.— Но это другая сторона того же самого. Пространство по-прежнему неодолимо в космосе, оно разделяет миры, не позволяет нам разыскать близкие нам по населению планеты, слиться с ними в одну бесконечно богатую радостью и силой семью. Это было бы самым великим преобразованием после эры Мирового Воссоединения с той поры, как человечество наконец прекратило нелепое раздельное существование своих народов и слилось воедино, совершив гигантский подъем на новую ступень власти над природой. Каждый шаг на этом новом пути важнее всего остального, всех других исследований и познаний.

Едва умолк Рен Боз, как опять заговорил Мвен Мас:

— Есть и еще одно, мое личное. В юности мне попался сборник старинных исторических романов. В нем была одна повесть — о ваших предках, Дар Ветер. На них совершилось нашествие какого-то великого завоевателя — свирепого истребителя людей, какими была богата история человечества в эпохи низших обществ. Повесть рассказывала об одном сильном юноше, безмерно любившем. Его девушку взяли в плен и увезли — тогда это называлось «угнать». Представьте, связанных женщин и мужчин гнали, как скот, на родину завоевателей. География Земли была никому не известна, единственные средства передвижения — верховые и вьючные животные. Этот мир тогда был более загадочен и необъятен, опасен и более труднопроходим, чем для нас пространство космоса. Юный герой искал свою мечту, годами скитаясь по неимоверно опасным путям и горным тропам Азии. Трудно выразить юношеское впечатление, но мне и до сих пор кажется, что я тоже мог бы идти к любимой цели сквозь все преграды космоса!

Дар Ветер слабо улыбнулся:

— Понимаю ваши ощущения, но мне не ясна та логическая основа, которая связывает русскую повесть и ваши устремления в космос. Рен Боз мне понятнее. Впрочем, вы предупредили, что это личное...

Дар Ветер умолк. Он молчал так долго, что Мвен Мас беспокойно зашевелился.

— Теперь я понимаю,— снова заговорил Дар Ветер,— зачем раньше люди курили, пили, подбадривая себя наркотиками в часы неуверенности, тревог, одиночества. Сейчас я также одинок и неуверен — что мне ска-

зать вам? Кто я такой, чтобы запретить вам великий опыт, но разве я могу разрешить его? Вы должны обратиться в Совет, тогда...

— Нет, не так! — Мвен Мас встал, и его огромное тело напряглось, как в смертельной опасности.— Ответьте нам: вы произвели бы эксперимент? Как заведующий внешними станциями. Не как Рен Боз... Его дело — другое!

— Нет! — ответил твердо Дар Ветер.— Я подождал бы еще.

— Чего?

— Постройки опытной установки на Луне!

— А энергия?

— Лунное поле тяготения меньше, и меньше масштаб опыта, можно обойтись несколькими Ку-станциями.

— Все равно — ведь на это потребуется сотня лет, и я не увижу никогда!

— Вам — да. Человечеству не так уж важно — теперь или поколение спустя.

— Но для меня это конец, конец всей мечте! И для Рен Боза...

— Для меня — невозможность проверить опытом, а следовательно, и невозможность исправить, продолжать дело.

— Один ум — пустяки! Обратитесь к Совету.

— Совет уже решил — вашими мыслями и словами. Нам нечего ждать от него,— тихо произнес Мвен Мас.

— Вы правы. Совет тоже откажет.

— Больше ни о чем не спрашиваю вас. Я чувствую себя виноватым — мы с Реном взвалили на вас бремя решения.

— Это мой долг, как старшего по опыту. Не ваша вина, если задача оказалась и величественной и крайне опасной. От этого мне грустно и тяжело...

Рен Боз первый предложил вернуться во временный поселок экспедиции. Трое унылых людей поплелись по песку, каждый по-своему переживая горечь отказа от попытки небывалого опыта. Дар Ветер искоса поглядывал на спутников и думал, что ему труднее всех. В его натуре было что-то бесшабашно-отважное, с чем ему приходилось бороться всю жизнь. Чем-то похож он был на древних разбойников — почему он чувствовал себя так полно и радостно в озорной борьбе с быком?.. И душа его возмущалась, протестуя против решения мудрого, но не отважного.

Глава шестая

ЛЕГЕНДА СИНИХ СОЛНЦ

Из каюты-госпиталя вышли врачи Лума Ласви и биолог Эон Тал. Эрг Ноор рванулся вперед.

— Низа?

— Жива, но...

— Умирает?

— Пока нет. Находится в жестоком параличе. Захвачены все стволы спинного мозга, парасимпатическая система[1], ассоциативные центры и центры чувств. Дыхание чрезвычайно замедленно, но равномерно. Сердце

[1] *Парасимпатическая система* — автономная нервная система тормозящего действия, противоположная симпатической.

работает — один удар в сто секунд. Это не смерть, но полный коллапс[1], который может длиться неопределенное время.

— Сознание и мучения исключены?

— Исключены.

— Абсолютно? — Взгляд начальника был требователен и остр, но врач не смутилась.

— Абсолютно!

Эрг Ноор вопросительно посмотрел на биолога. Тот утвердительно кивнул.

— Что думаете делать?

— Поддерживать в равномерной температуре, абсолютном покое, слабом свете. Если коллапс не будет прогрессировать, то... не все ли равно — сон... пусть до Земли... Тогда — в Институт Нервных Токов. Поражение нанесено каким-то видом тока. Скафандр оказался пробитым в трех местах. Хорошо, что она почти не дышала!

— Я заметил отверстия и залепил их своим пластырем,— сказал биолог.

Эрг Ноор с безмолвной благодарностью пожал ему руку выше локтя.

— Только...— начала Лума,— лучше поскорее уйти от повышенной тяжести... И в то же время опасно не столько ускорение отлета, как возвращение к нормальной силе тяжести.

— Понимаю: вы боитесь, что пульс еще более замедлится. Но ведь это не маятник, ускоряющий свои качания в усиленном гравитационном поле?

— Ритм импульсов организма подчиняется, в общем, тем же законам. Если удары сердца замедлятся хотя бы вдвое — двести секунд, тогда кровоснабжение мозга станет недостаточным, и...

Эрг Ноор задумался так глубоко, что забыл об окружающих, очнулся и глубоко вздохнул.

Его сотрудники терпеливо ждали.

— Нет ли выхода в том, чтобы подвергнуть организм повышенному давлению в обогащенной кислородом атмосфере? — осторожно спросил начальник и уже по довольным улыбкам Лумы Ласви и Эона Тала понял, что мысль правильна.

— Насытить кровь газом при большем парциальном давлении[2] — замечательно... Конечно, мы примем меры против тромбоза[3], и тогда пусть один удар в двести секунд. Потом выровняется...

Эон показал крупные белые зубы под черными усами, и сразу его суровое лицо стало молодым и бесшабашно-веселым.

— Организм останется бессознательным, но живым,— облегченно сказала Лума.— Мы пойдем готовить камеру. Я хочу использовать большую силиколловую витрину, взятую для Зирды. Туда поместится плавающее кресло, которое мы превратим в постель на время отлета. После снятия ускорения устроим Низу окончательно.

— Как только приготовитесь, сообщите в пост. Мы не станем задерживаться лишней минуты. Довольно тьмы и тяжести черного мира!..

Люди заспешили в разные отсеки корабля, как кто мог борясь с гнетом черной планеты.

Победной мелодией загремели сигналы отлета.

---

[1] *Коллапс* — бессознательное состояние.

[2] *Парциальное давление* — давление газа в зависимости от его плотности.

[3] *Тромбоз* — свертывание крови с образованием тромбов — пробок в кровеносных сосудах.

С еще никогда не испытанным чувством полного и отрешенного облегчения люди погружались в мягкие объятия посадочных кресел. Но взлет с тяжелой планеты — это трудное и опасное дело. Ускорение для отрыва корабля находилось на пределе человеческой выносливости, и ошибка пилота могла привести к общей гибели.

С сокрушительным ревом планетарных двигателей Эрг Ноор повел звездолет по касательной к горизонту. Рычаги гидравлических кресел вдавливались все глубже под нарастающей тяжестью. Вот-вот рычаги дойдут до упора, и тогда под прессом ускорения, как на наковальне, изломятся хрупкие человеческие кости. Руки начальника экспедиции, лежавшие на кнопках приборов, стали неподъемно тяжелыми. Но сильные пальцы работали, и «Тантра», описывая гигантскую пологую дугу, поднималась все выше из густой тьмы к прозрачной черноте бесконечности. Эрг Ноор не отрывал глаз от красной полосы горизонтального уравнителя — она качалась в неустойчивом равновесии, показывая, что корабль готов перейти из подъема на спуск по дуге падения. Тяжкая планета еще не выпустила «Тантру» из своего плена. Эрг Ноор решил включить анамезонные моторы, способные поднять звездолет с любой планеты. Звенящая вибрация заставила содрогнуться корабль. Красная полоса поднялась на десяток миллиметров от линии нуля. Еще немного...

Сквозь перископ верхнего обзора корпуса начальник экспедиции увидел, как «Тантра» покрылась тонким слоем голубоватого пламени, медленно стекавшим к корме корабля. Атмосфера пробита! В пустоте пространства по закону сверхпроводимости остаточные электротоки струились прямо по корпусу корабля.

Звезды опять заострились иглами, и «Тантра», освободившись, улетала все дальше от грозной планеты. С каждой секундой уменьшалось бремя тяготения. Легче и легче становилось тело. Запел аппарат искусственной гравитации, и его обычное земное напряжение после бесконечных дней жизни под прессом черной планеты показалось неописуемо малым. Люди вскочили с кресел. Ингрид, Лума и Эон выделывали труднейшие па фантастического танца. Но скоро пришла неизбежная реакция, и большая часть экипажа погрузилась в короткий сон временного отдыха. Бодрствовали только Эрг Ноор, Пел Лин, Пур Хисс и Лума Ласви. Следовало рассчитать временный курс звездолета и, описав гигантскую дугу, перпендикулярную к плоскости обращения всей системы звезды Т, миновать ее ледяной и метеоритный пояса. После этого можно было разогнать корабль до нормальной субсветовой скорости и приступить к длительной работе определения истинного курса.

Врач наблюдала за состоянием Низы после взлета и возвращения к нормальной для землянина силе тяжести. Вскоре ей удалось успокоить всех сообщением, что паузы между ударами пульса равны ста десяти секундам. При повышении кислородного режима это не было гибелью. Лума Ласви предполагала обратиться к тиратрону[1] — электронному возбудителю деятельности сердца и нейросекреторным стимуляторам[2].

---

[1] *Тиратрон* — электронный прибор («лампа»), могущий стимулировать и поддерживать нервные процессы человеческого организма, в частности биение сердца.

[2] *Органические стимуляторы* — лекарства, воздействующие непосредственно на определенные нервы, добытые из нервных выделений организма (нейросекреторные вещества) (фантастическое).

Пятьдесят пять часов ныли стены корабля от вибрации анамезонных моторов, пока счетчики не показали скорости в девятьсот семьдесят миллионов километров в час — близко к пределу безопасности. Расстояние от железной звезды за земные сутки увеличивалось больше чем на двадцать миллиардов километров. Трудно передать облегчение, испытывавшееся всеми тринадцатью путешественниками после тяжелых испытаний: убитой планеты, погибшего «Альграба» и, наконец, ужасного черного солнца. Радость освобождения оказалась неполной: четырнадцатый член экипажа — юная Низа Крит недвижно лежала в полусне, полусмерти в отгороженном отделении госпитальной каюты...

Пять женщин корабля — Ингрид, Лума, второй электронный инженер, геолог и учительница ритмической гимнастики Ионе Мар, исполнявшая еще обязанности распределителя питания, воздушного оператора и коллектора научных материалов,—собрались словно на древний похоронный обряд. Тело Низы, полностью освобожденное от одежды, промытое специальными растворами ТМ и АС, уложили на толстом ковре, сшитом вручную из мягчайших губок Средиземного моря. Ковер поместили на воздушный матрац, заключили в круглый купол из розоватого силиколла. Точный прибор — термобарооксистат[1] — мог годами поддерживать нужную температуру, давление и режим воздуха внутри толстого колпака. Мягкие резиновые выступы удерживали Низу в одном положении, изменять которое врач Лума Ласви собиралась один раз в месяц. Больше всего следовало опасаться омертвевших пролежней, возможных при абсолютной неподвижности. Поэтому Лума решила установить надзор за телом Низы и отказалась на первые год-два предстоящего пути от продолжительного сна. Каталептическое состояние Низы не проходило. Единственно, чего удалось добиться Луме Ласви,— это учащения пульса до удара в минуту. Как ни мало было такое достижение, оно позволяло устранить вредное для легких насыщение кислородом.

Прошло четыре месяца. Звездолет шел по истинному, точно вычисленному курсу, в обход района свободных метеоритов. Экипаж, измученный приключениями и непосильной работой, погрузился в семимесячный сон. На этот раз бодрствовало не три, а четыре человека — к дежурным Эргу Ноору с Пур Хиссом присоединились врач Лума Ласви и биолог Эон Тал.

Начальник экспедиции, вышедший из трунейшего положения, в какое когда-либо попадали звездолеты Земли, чувствовал себя одиноко. Впервые четыре года пути до Земли показались ему бесконечными. Он не собирался обманывать самого себя — потому что только на Земле он мог надеяться на спасение своей Низы.

Он долго откладывал то, что сделал бы на следующий день отлета,— просмотр электронных стереофильмов с «Паруса». Эргу Ноору хотелось вместе с Низой увидеть и услышать первые вести прекрасных миров, планет синей звезды, летних ночей Земли. Чтобы Низа вместе с ним пришла к осуществлению самых смелых романтических грез прошлого и настоящего — открытию новых звездных миров — будущих дальних островов человечества...

Фильмы, снятые в восьми парсеках от Солнца восемьдесят лет тому назад, пролежавшие в открытом корабле на черной планете Т-звезды, сохранились превосходно. Полушаровой стереоэкран унес четырех зрителей «Тантры» туда, где сияла высоко над ними голубая Вега.

---

[1] *Термобарооксистат* — прибор для точнейшей регулировки температуры, давления и насыщенности кислорода (фантастическое).

Быстро сменялись короткие сюжеты — вырастало ослепительно голубое светило, и шли небрежные минутные кадры из жизни корабля. Работал за вычислительной машиной неслыханно молодой двадцативосьмилетний начальник экспедиции, вели наблюдения еще более молодые астрономы. Вот обязательные ежедневные спорт и танцы, доведенные членами экспедиции до акробатического совершенства. Насмешливый голос пояснил, что первенство на всем пути к Веге оставалось за биологом. Действительно, эта девушка с короткими льняными волосами показывала труднейшие упражнения и невероятные изгибы своего великолепно развитого тела.

При взгляде на яркие, совсем реальные изображения гемисферного экрана, сохранившего нормальные световые оттенки, забывалось, что эти веселые, энергичные молодые астролетчики давно пожраны гнусными чудовищами железной звезды.

Скупая летопись жизни экспедиции быстро промелькнула. Усилители света в проекционном аппарате начали жужжать — так яростно горело фиолетовое светило, что даже здесь, в его бледном отражении, оно заставило людей надеть защитные очки. Звезда почти в три раза больше Солнца по диаметру и по массе — колоссальная, сильно сплюснутая, бешено вращающаяся с экваториальной скоростью триста километров в секунду. Шар неописуемо яркого газа с поверхностной температурой в одиннадцать тысяч градусов, распростерший на миллионы километров крылья жемчужно-розового огня. Казалось, что лучи Веги ощутимо били и давили все попадавшееся на их пути, летели в пространство могучими копьями в миллионы километров длиной. В глубине их сияния скрывалась ближайшая к синей звезде планета. Но туда, в этот океан огня, не мог окунуться никакой корабль Земли или ее соседей по Кольцу. Зрительная проекция сменилась голосовым докладом о сделанных наблюдениях, и на экране возникли полупризрачные линии стереометрических чертежей, показывавших расположение первой и второй планет Веги. «Парус» не смог приблизиться даже ко второй планете, удаленной от звезды на сто миллионов километров.

Чудовищные протуберанцы[1] вылетали из глубин океана прозрачного фиолетового пламени — звездной атмосферы, протягивались в пространство всесжигающими руками. Так велика была энергия Веги, что звезда излучала свет наиболее сильных квант[2] — фиолетовой и невидимой части спектра. Даже в защищенных тройным фильтром человеческих глазах она вызывала страшное ощущение призрачности, почти невидимого, но смертельно опасного фантома... Пролетали световые бури, преодолевая тяготение звезды. Их дальние отголоски опасно толкали и раскачивали «Парус». Счетчики космических лучей и других видов жестких излучений отказались работать. Внутри надежно защищенного корабля стала нарастать опасная ионизация. Можно было только догадываться о неистовстве лучистой энергии, чудовищным потоком устремлявшейся в пустоту пространства, там, за стенами корабля, о квинтиллионах киловатт бесполезно расточаемой мощности.

Начальник «Паруса» осторожно подвел звездолет к третьей планете — большой, но одетой лишь тонкой прозрачной атмосферой. Видимо, огненное дыхание синей звезды согнало прочь покров легких газов, длин-

---

[1] *Протуберанцы* — выбросы раскаленных газообразных веществ с поверхности звезды (например, Солнца), взлетающие вверх на огромные расстояния.

[2] *Кванта* — ничтожно малая порция энергии.

ным, слабо сиявшим хвостом тянувшийся за планетой по ее теневой стороне. Разрушительные испарения фтора, яд окиси углерода, мертвая плотность инертных газов — в этой атмосфере ничто земное не просуществовало бы и секунды.

Из недр планеты выпирали острые пики, ребра, отвесные иззубренные стены красных, как свежие раны, черных, как бездны, каменных масс. На обдутых бешеными вихрями плоскогорьях из вулканических лав виднелись трещины и провалы, источавшие раскаленную магму и казавшиеся жилами кровавого огня.

Высоко взвивались густые облака пепла, ослепительно голубые на освещенной стороне, непроницаемо черные на теневой. Исполинские молнии в тысячи километров длиной били по всем направлениям, свидетельствуя об электрической насыщенности мертвой атмосферы.

Грозный фиолетовый призрак огромного солнца, черное небо, наполовину скрытое сверкающей короной жемчужного сияния, а внизу, на планете,— алые контрастные тени на диком хаосе скал, пламенные борозды, извилины и круги, непрерывное сверкание зеленых молний...

Стереотелескопы передали, а электронные фильмы записали это с бесстрастной, нечеловеческой точностью.

Но за приборами стояло живое чувство путешественников — протест разума против бессмысленных сил разрушения и нагромождения косной материи, сознание враждебности этого мира неистовствующего космического огня. И, загипнотизированные зрелищем, четверо людей обменялись одобрительными взглядами, когда голос сообщил, что «Парус» идет на четвертую планету.

Через несколько секунд под килевыми телескопами корабля уже росла последняя, краевая планета Веги, размерами близкая к Земле. «Парус» круто снижался. Очевидно, путешественники решили во что бы то ни стало исследовать последнюю планету, последнюю надежду на открытие мира, пусть не прекрасного, но хотя бы годного для жизни.

Эрг Ноор поймал себя на том, что он мысленно произнес эти уступительные слова: «хотя бы». Вероятно, так же шли и мысли тех, кто управлял «Парусом» и осматривал поверхность планеты в мощные телескопы.

«Хотя бы!..» В этих трех слогах заключалось прощание с мечтой о прекрасных мирах Веги, о находке жемчугов-планет на дне просторов вселенной, во имя чего люди Земли пошли на добровольное сорокапятилетнее заключение в звездолете и больше чем на шестьдесят лет покинули родную планету.

Но, увлеченный зрелищем, Эрг Ноор не сразу подумал об этом. В глубине полусферического экрана он мчался над поверхностью безмерно далекой планеты. К настоящему горю путешественников, тех — погибших — и этих — живых, планета оказалась похожей на знакомого с детства ближайшего соседа в солнечной системе — Марса. Та же тонкая прозрачная газовая оболочка с черновато-зеленым, всегда безоблачным небом, та же ровная поверхность пустынных материков с грядами развалившихся гор. Только на Марсе царствовал обжигающий холод ночи и резкая смена дневных температур. Там были мелкие, похожие на гигантские лужи болота, испарявшиеся почти до полной сухости, был скудный, редкостный дождь или иней, ничтожная жизнь омертвелых растений и странных, вялых, зарывавшихся в землю животных.

Здесь ликующий пламень голубого солнца нагревал планету так, что она вся дышала жаром самых знойных пустынь Земли. Водяные пары в ничтожном количестве поднимались в верхние слои воздушной оболочки, а огромные равнины затенялись лишь вихрями тепловых токов, не-

прерывно возмущавших атмосферу. Планета вращалась быстро, как и все остальные. Ночное охлаждение рассыпало горные породы в море песка. Песок, оранжевый, фиолетовый, зеленый, голубоватый или слепяще-белый, затоплял планету огромными пятнами, издалека казавшимися морями или зарослями выдуманных растений. Цепи разрушенных гор, более высоких, чем на Марсе, но столь же мертвых, были покрыты блестящей черной или коричневой корой. Синее солнце с его могучим ультрафиолетовым излучением разрушало минералы, испаряло легкие элементы.

Светлые песчаные равнины, казалось, излучали само пламя. Эрг Ноор припомнил, что в старину, когда учеными было не большинство населения Земли, а лишь ничтожная по численности группа людей, среди писателей и художников распространились мечты о людях иных планет, приспособившихся к жизни в повышенной температуре. Это было поэтично и красиво, подымало веру в могущество человеческой природы. Люди в огненном дыхании планет голубых солнц, встречающие своих земных собратьев!.. Большое впечатление на многих, в том числе и на Эрга Ноора, произвела картина в музее восточного центра южного жилого пояса: туманящаяся на горизонте равнина пламенного алого песка, серое горящее небо, и под ним — безликие человеческие фигуры в тепловых скафандрах, отбрасывающие невероятно резкие черно-синие тени. Они застыли в очень динамичных, полных изумления позах перед углом какого-то металлического сооружения, раскаленного чуть не добела. Рядом — обнаженная женщина с распущенными красными волосами. Светлая кожа сияет в слепящем свете еще сильнее песков, лиловые и малиновые тени подчеркивают каждую линию высокой и стройной фигуры, стоящей как знамя победы жизни над силами космоса.

Смелая, но совершенно нереальная мечта, противоречащая всем законам биологического развития, теперь, в эпоху Кольца, познанным гораздо глубже, чем во времена, когда была написана картина.

Эрг Ноор вздрогнул, когда поверхность планеты на экране ринулась навстречу. Неведомый пилот повел «Парус» на снижение. Совсем близко поплыли песчаные конусы, черные скалы, россыпи каких-то сверкавших зеленых кристаллов. Звездолет методически вил спираль облета планеты от одного полюса к другому. Никакого признака воды и хотя бы самой примитивной растительной жизни. Опять «хотя бы»!..

Появилась тоска одиночества, затерянности корабля в мертвых далях, во власти пламенной синей звезды... Эрг Ноор чувствовал, как свою, надежду тех, кто снимал фильм, наблюдая планету в поисках хотя бы прошлой жизни. Как знакомы каждому, кто летал на пустые, мертвые планеты без воды и атмосферы, эти напряженные поиски мнимых развалин, остатков городов и построек в случайных формах трещин и отдельностей безжизненных скал, в обрывах мертвых, никогда не знавших жизни гор!

Быстро бежала на экране сожженная, развеиваемая буйными вихрями, лишенная всяких следов тени земля далекого мира. Эрг Ноор, осознавший крушение давней мечты, силился сообразить, как могло родиться неверное представление о сожженных мирах синей звезды.

— Наши земные братья будут разочарованы, когда узнают,— тихо сказал биолог, близко придвинувшийся к начальнику.— Много тысячелетий миллионы людей Земли смотрели на Вегу. В летние ночи Севера все молодые, любившие и мечтавшие, обращали взоры на небо. Летом Вега, яркая и синяя, стоит почти в зените — разве можно было не любоваться ею? Уже тысячи лет назад люди знали довольно много о звездах. По странному направлению мысли они не подозревали, что планеты образо-

вывались почти у каждой медленно вращавшейся звезды с сильным магнитным полем, подобно спутникам, имеющимся почти у каждой планеты. Они не знали об этом законе, но мечтали о собратьях на других мирах и прежде всего на Веге — синем солнце. Я помню переводы красивых стихов о полубожественных людях с синей звезды с какого-то из древних языков.

— Я мечтал о Веге после сообщения «Паруса»,— повернулся к Эону Талу начальник.— Теперь ясно, что тысячелетняя тяга к дальним и прекрасным мирам закрыла глаза и мне и множеству мудрых и серьезных людей.

— Как вы теперь расшифруете сообщение «Паруса»?

— Просто. «Четыре планеты Веги совершенно безжизненны. Ничего нет прекраснее нашей Земли. Какое счастье будет вернуться!»

— Вы правы! — воскликнул биолог.— Почему раньше это не пришло в голову?

— Может быть, и приходило, но не нам, астролетчикам, да, пожалуй, и не Совету. Но это делает нам честь — смелая мечта, а не скептическое разочарование побеждает в жизни!

На экране облет планеты закончился. Последовали записи станции-робота, сброшенного для анализа условий на поверхности планеты. Затем раздался сильнейший взрыв — это сбросили геологическую бомбу[1]. До звездолета достигло гигантское облако минеральных частиц. Завыли насосы, забирая пыль в фильтры боковых всасывающих каналов. Несколько проб минерального порошка из песков и гор сожженной планеты заполнили силиколловые пробирки, а воздух верхних слоев атмосферы — кварцевые баллоны. «Парус» отправился назад в тридцатилетний путь, преодолеть который ему не было суждено. Теперь его земной товарищ несет людям все, что с таким трудом, терпением и отвагой удалось добыть погибшим путешественникам...

Продолжение записей — шесть катушек наблюдений — подлежало специальному изучению астрономами Земли и передаче наиболее существенного по Великому Кольцу.

Просматривать фильмы о дальнейшей судьбе «Паруса» — тяжелой борьбе с аварией и звездой Т, а особенно трагическую последнюю звукокатушку,— никому не захотелось. Слишком еще были сильны собственные переживания. Решили отложить просмотр до очередной побудки всего экипажа. Перегруженные впечатлениями, дежурные разошлись отдохнуть, оставив начальника в центральном посту.

Эрг Ноор более не думал о сокрушенной мечте. Он пытался оценить те горькие крохи знания, которые удастся принести человечеству ценой таких усилий и жертв двум экспедициям — его и «Паруса». Или достижения горьки только от большого разочарования?

Эрг Ноор впервые подумал о прекрасной родной планете как о неисчерпаемом богатстве человеческих душ, утонченных и любознательных, освобожденных от тяжких забот и опасностей природы или примитивного общества. Прежние страдания, поиски, неудачи, ошибки и разочарования остались и теперь, в эпоху Кольца, но они перенесены в высший план творчества в знании, искусстве, строительстве. Только благодаря знанию и творческому труду Земля избавлена от ужасов голода, перенаселения, заразных болезней, вредных животных. Спасена от истощения топлива,

---

[1] *Геологическая бомба* — бомба огромной взрывной силы, бросаемая со звездолета на исследуемую планету, чтобы получить выброс вещества поверхности планеты в самые верхние слои атмосферы (фантастическое).

нехватки полезных химических элементов, преждевременной смерти и слабости людей. И те крохи знания, что принесет с собой «Тантра», тоже вклад в могучую лавину мысли, с каждым десятилетием совершающую новый шаг вперед в устройстве общества и познании природы!

Эрг Ноор открыл сейф путевого журнала «Тантры» и вынул коробку с металлом от спирального звездолета с черной планеты. Тяжелый кусок яркой небесной голубизны плотно улегся на ладони. Эрг Ноор знал, что на родной планете и ее соседях в солнечной системе и ближайших звездах такого металла нет. Это еще одно, пожалуй, самое важное сообщение, помимо вести о гибели Зирды, которое они доставят Земле и Кольцу...

Железная звезда очень близка к Земле, посещение черной планеты специально подготовленной экспедицией теперь, после опыта «Паруса» и «Тантры», будет не столь опасно, какой бы набор черных крестов и медуз ни существовал в этой вечной тьме. Спиральный звездолет они вскрыли неудачно. Если бы они имели время хорошенько обдумать предприятие, то еще тогда поняли бы, что гигантская спиральная труба является частью двигательной системы звездолета.

Снова в памяти начальника экспедиции возникли события последнего рокового дня, Низа, распростершаяся щитом поперек него, беспомощно упавшего вблизи чудовища. Недолго цвело ее юное чувство, соединившее в себе героическую преданность древних женщин Земли с открытой и умной отвагой современной эпохи...

Пур Хисс неслышно возник позади, чтобы заместить начальника на дежурстве. Эрг Ноор вышел в библиотеку-лабораторию, но не направился в коридор центрального отсека к спальням, а открыл тяжелую дверь госпитальной каюты.

Рассеянный свет земного дня поблескивал на силиколловых шкафах с лекарствами и инструментами, отражался от металла рентгеновской аппаратуры, приборов искусственного кровообращения и дыхания. Начальник экспедиции отстранил доходивший до потолка плотный занавес и вошел в полумрак. Слабое освещение, похожее на лунное, становилось теплым в розовом хрустале силиколла. Два тиратронных стимулятора, включенных на случай внезапного коллапса, едва слышно пощелкивали, поддерживая биение сердца парализованной. Внутри колпака, в розовато-серебряном свете, неподвижно вытянувшаяся Низа казалась погруженной в спокойный, счастливый сон. Много поколений здоровой, чистой и сытой жизни предков отточили до высокого художественного совершенства гибкие и сильные линии тела женщины — самого прекрасного создания могучей жизни Земли. Люди давно знали, что их уделом оказалась очень богатая водой планета. Вода стимулировала обилие растительной жизни, а та создала огромные запасы свободного кислорода. Тогда разлилась буйным потоком животная жизнь, многие сотни миллионов лет проходившая постепенное совершенствование, пока не появилось мыслящее существо — человек. Гигантский исторический опыт развития жизни на планетных системах бесчисленных миров показал, что чем труднее и дольше был слепой эволюционный путь отбора, тем прекраснее получались формы высших, мыслящих существ, тем тоньше была разработана целесообразность их приспособления к окружающим условиям и требованиям жизни, та целесообразность, которая и есть красота.

Все существующее движется и развивается по спиральному пути. Эрг Ноор зримо представил себе эту величайшую спираль всеобщего восхождения в применении к жизни и обществу людей. Впервые он понял с поражающей ясностью, что чем труднее условия жизни и работы организмов как биологических машин, чем тяжелее путь развития общества, тем туже скручена спираль восхождения и ближе друг к другу ее «вит-

ки» — следовательно, тем медленнее проходит процесс и стандартнее, более похожи друг на друга возникающие формы.

Он не прав в своей погоне за дивными планетами синих солнц и неверно учил Низу! Полет к новым мирам не ради поисков и открытия каких-то ненаселенных, случайно устроившихся само собою планет, а осмысленная шаг за шагом поступь человечества по всему рукаву Галактики, победным шествием знания и красоты жизни... такой, как Низа...

С внезапной тяжелой тоской Эрг Ноор опустился на колени перед силиколловым саркофагом Низы. Дыхание девушки не было заметно, ресницы бросали лиловые полоски теней под плотно закрытыми веками, сквозь чуть приоткрытые губы поблескивала белизна зубов. На левом плече, на руке у локтя и у основания шеи виднелись бледные синеватые пятна — места ударов зловредного тока.

— Видишь ли ты, помнишь ли что-нибудь в своем сне? — мучительно спрашивал Эрг Ноор в порыве большого горя, чувствуя, как становится мягче воска его воля, как стесняется дыхание и сжимается горло.

Начальник экспедиции стиснул переплетенные пальцы рук так, что они посинели, пытаясь передать Низе свои мысли, страстный призыв к жизни и счастью. Но рыжекудрая девушка оставалась неподвижной, точно статуя розового мрамора, с тончайшим совершенством воспроизведшая живую модель.

Врач Лума Ласви тихо вошла в госпиталь и почувствовала чье-то присутствие. Осторожно откинув занавес, она увидела коленопреклоненного начальника, неподвижного, словно памятник тем миллионам мужчин, которым приходилось оплакивать своих возлюбленных. Не в первый раз заставала она Эрга Ноора здесь, и острая жалость шевельнулась в ее душе. Эрг Ноор хмуро поднялся. Лума быстро подошла к нему и, волнуясь, прошептала:

— Мне надо поговорить с вами.

Эрг Ноор кивнул и, отстранив рукой занавеску, вошел, прищуриваясь, в переднее отделение госпиталя. Он не сел на предложенный Лумой стул, а остался стоять, прислонившись к стойке грибовидного излучателя. Лума Ласви вытянулась перед ним во весь свой небольшой рост, стараясь казаться выше и значительнее для предстоящего разговора. Взгляд начальника не дал ей подготовиться.

— Вы знаете,— неуверенно начала она,— что современная неврология проникла в процесс возникновения эмоций в сознательной и подсознательной областях психики. Подсознание уступает воздействию тормозящих лекарств через древние области мозга, ведающие химической регуляцией организма, в том числе и нервной системы и отчасти высшей нервной деятельности.

Эрг Ноор поднял брови. Лума Ласви почувствовала, что говорит слишком подробно и длинно.

— Я хочу сказать, что медицина владеет возможностью воздействия на те мозговые центры, которые ведают сильными переживаниями. Я могла бы...

Понимание вспыхнуло в глазах Эрга Ноора и отразилось в беглой улыбке.

— Вы предлагаете воздействовать на мою любовь,— быстро спросил он,— и тем самым избавить меня от страдания?

Врач наклонила голову.

Эрг Ноор благодарно протянул руку и отрицательно покачал головой.

— Я не отдам своего богатства чувств, как бы они ни заставляли меня страдать. Страдание, если оно не выше сил, ведет к пониманию, понима-

ние — к любви — так замыкается круг. Вы добры, Лума, но не надо!

И с обычной стремительностью начальник скрылся за дверью.

Торопясь, как во время аварии, электронные инженеры и механики вновь, после тринадцати лет, устанавливали в центральном посту и в библиотеке экраны ТВФ земных передач. Звездолет вошел в зону, в которой становился возможен прием рассеянных атмосферой радиоволн мировой сети Земли.

Голоса, звуки, формы и краски родной планеты ободряли путешественников и в то же время возбуждали их нетерпение — длительность космических путей становилась все более невыносимой.

Звездолет звал искусственный спутник 57 на обычной волне дальних космических рейсов, каждый час ожидая отклика этой могучей передаточной станции связи Земли и космоса.

Наконец зов звездолета достиг Земли.

Весь экипаж бодрствовал, не отходя от приемников. Возвращение к жизни после тринадцати земных и девяти зависимых лет отсутствия связи с родиной! Люди с ненасытной жадностью встречали земные сообщения, обсуждали по мировой сети новые важные вопросы, ставившиеся, как обычно, любым желающим.

Так, случайно уловленное предложение почвоведа Хеба Ура вызвало шестинедельную дискуссию и сложнейшие расчеты.

«Предложение Хеба Ура — обсуждайте!» — гремел голос Земли. «Все, кто думал и работал в этом направлении, все, обладающие сходными мыслями или отрицательными заключениями,— высказывайтесь!» Радостно звучала для путешественников эта обычная формула широкого обсуждения. Хеб Ур внес в Совет Звездоплавания предложение систематического изучения доступных планет синих и зеленых звезд. По его мнению, это особые миры мощных силовых излучений, которые могут химически стимулировать инертные в земных условиях минеральные составы к борьбе с энтропией, которая и есть жизнь. Особые формы жизни минералов, более тяжелых, чем газы, будут активны в высоких температурах и неистовой радиации звезд высших спектральных классов. Хеб Ур считал неудачу экспедиции на Сириус, не обнаружившей там никаких следов жизни, закономерной, поскольку эта быстро вращающаяся звезда была двойной и не обладала мощным магнитным полем. Никто не спорил с Хебом Уром, что двойные звезды не могли считаться образователями планетных систем космоса, но суть предложения вызвала активное противодействие со стороны экипажа «Тантры».

Астрономы экспедиции во главе с Эргом Ноором составили сообщение, которое было послано как мнение первых людей, видевших Вегу в фильме, снятом «Парусом».

И люди Земли с восхищением услышали голос, говоривший с приближавшегося звездолета.

«Тантра» высказывается против посылки экспедиции по положениям Хеба Ура. Голубые звезды действительно излучают такую массу энергии на единицу поверхности своих планет, что она достаточна для жизни из тяжелых соединений. Но любой живой организм — это фильтр и плотина энергии, противодействующая второму закону термодинамики или энтропии путем создания структуры, путем великого усложнения простых минеральных и газовых молекул. Такое усложнение может возникнуть только в процессе исторического развития огромной длительности — следовательно, при длительном постоянстве физических условий. Как раз постоянства условий нет на планетах высокотемпературных звезд, быстро разрушающих сложные соединения в порывах и вихрях мощнейших из-

лучений. Там нет ничего длительно существующего, да и не может быть, несмотря на то, что минералы приобретают наиболее стойкое кристаллическое строение с кубической атомной решеткой.

По мнению «Тантры», Хеб Ур повторяет одностороннее суждение древних астрономов, не понявших динамики развития планет. Каждая планета теряет свои легкие вещества, уносящиеся в пространство и рассеивающиеся. Особенно сильная потеря легких элементов идет при сильном нагреве и лучевом давлении синих солнц.

«Тантра» приводила перечень примеров и кончала утверждением, что процесс «утяжеления» планет у голубых звезд не допускает образования жизненных форм.

Спутник 57 передал возражение ученых звездолета прямо в обсерваторию Совета.

В конце концов настала минута, которую с таким нетерпением ждали Ингрид Дитра и Кэй Бэр, как, впрочем, и все без исключения члены экспедиции. «Тантра» начала замедлять субсветовую скорость полета и миновала ледяной пояс солнечной системы, приближаясь к станции звездолетов на Тритоне. Такая скорость больше не была нужна — отсюда, со спутника Нептуна, «Тантра», летящая со скоростью девятисот миллионов километров в час, достигла бы Земли меньше чем за пять часов. Однако разгон звездолета требовал столько времени, что корабль, начав полет с Тритона, миновал бы Солнце и удалился бы от него на огромное расстояние.

Чтобы не расходовать драгоценный анамезон и не обременять корабли громоздким оборудованием, внутри системы летали на ионных планетолетах. Скорость их не превышала восьмисот тысяч километров в час для внутренних планет и двух с половиной миллионов для самых удаленных внешних. Обычный путь от Нептуна до Земли занимал два с половиной — три месяца.

Тритон — очень крупный спутник, лишь немного уступавший в размерах гигантским третьему и четвертому спутникам Юпитера — Ганимеду и Каллисто и планете Меркурию. Поэтому он обладал тонкой атмосферой, главным образом из азота и углекислоты.

Эрг Ноор посадил звездолет на полюсе Тритона в указанном месте, поодаль от широких куполов здания станции. На уступе плоскогорья, около обрыва, пронизанного подземными помещениями, сверкало стеклами здание карантинного санатория. Здесь, в полной изоляции от всех других людей, путешественникам предстояло провести пятинедельный карантин. За этот срок искусные врачи тщательно проверят их тела, в которых могла бы гнездиться какая-нибудь новая инфекция. Опасность была слишком велика, чтобы пренебрегать ею. Поэтому все, кто садился на другие, хотя бы ненаселенные, планеты, неизбежно подвергались этой процедуре, как бы долго ни продолжалось их пребывание на звездолете. Сам корабль внутри тоже исследовался учеными санатория, прежде чем станция давала разрешение на вылет к Земле. Для давно освоенных человечеством планет, как Венера, Марс и некоторые астероиды, карантин проводился на их станциях перед вылетом.

Пребывание в санатории переносилось легче, чем в звездолете. Лаборатории для занятий, концертные залы, комбинированные ванны из электричества, музыки, воды и волновых колебаний, ежедневные прогулки в легких скафандрах по горам и окрестностям санатория. И, наконец, связь с родной планетой, правда, не всегда регулярная, но как отрадно, что сообщение может достигнуть Земли всего за пять часов!

Силиколловый саркофаг Низы со всеми предосторожностями перевезли в санаторий. Эрг Ноор и биолог Эон Тал покинули «Тантру» послед-

ними. Они ступали легко даже с утяжелителями, надетыми, чтобы не совершать внезапных скачков из-за малой силы тяжести на этой планетке.

Погасли осветители, горевшие вокруг посадочного поля. Тритон выходил на освещенную Солнцем сторону Нептуна. Как ни тускл был сероватый свет, отраженный Нептуном, исполинское зеркало громадной планеты, находившейся всего в трехстах пятидесяти тысячах километров от Тритона, рассеивало тьму, создавая на спутнике светлые сумерки, похожие на весенние сумерки высоких широт Земли. Тритон облетал вокруг Нептуна навстречу вращению своей планеты с востока на запад почти за шесть земных суток, и его «дневные» периоды длились около семидесяти часов. За это время Нептун успевал четыре раза обернуться вокруг оси, и сейчас тень спутника заметно бежала по туманному диску.

Почти одновременно начальник и биолог увидели небольшой корабль, стоявший далеко от края плато. Это не был звездолет со вздутой задней половиной и высокими гребнями равновесия. Судя по очень острому носу и узкому корпусу, корабль должен был быть планетолетом, но отличался от знакомых контуров этих кораблей толстым кольцом на корме и длинной веретенообразной пристройкой наверху.

— Здесь, на карантине, еще корабль? — полувопросительно сказал Эон.— Разве Совет изменил свое обыкновение?..

— Не посылать новых звездных экспедиций до возвращения прежних? — отозвался Эрг Ноор.— Действительно, мы выдержали свои сроки, но сообщение, которое мы должны были отправить с Зирды, запоздало на два года.

— Может быть, это экспедиция на Нептун? — предположил биолог.

Они прошли двухкилометровый путь до санатория и поднялись на широкую террасу, отделанную красным базальтом. В черном небе ярче всех звезд сверкал крохотный диск Солнца, видимый отсюда, с полюса медленно вращающегося спутника. Жестокий стосемидесятиградусный мороз чувствовался сквозь обогревающий скафандр как обычный холод земной полярной зимы. Крупные хлопья снега из замерзшего аммиака или углекислоты медленно падали сверху в неподвижной атмосфере, придавая всей окрестности тихий покой земного снегопада.

Эрг Ноор и Эон Тал загипнотизированно смотрели на падение снежинок, подобно далеким, жившим в умеренных широтах предкам, для которых появление снега означало конец трудов земледельца. И этот необычный снег тоже предвещал окончание их труда и путешествия.

Биолог, отвечая своим подсознательным чувствам, протянул руку начальнику.

— Кончились наши приключения, и мы целы благодаря вам!

Эрг Ноор сделал резкий отстраняющий жест.

— Разве все целы? А я цел благодаря кому?

Эон Тал не смутился.

— Я уверен — Низа будет спасена! Здешние врачи хотят начать лечение безотлагательно. Получена инструкция от самого Грим Шара — руководителя лаборатории общих параличей.

— Известно, что это?

— Пока нет. Но ясно, что Низа поражена родом тока, который изменяет химизм нервных узлов автономных систем. Понять, как уничтожить его необычно длительное действие,— значит вылечить девушку. Раскрыли же мы механизм стойких психических параличей, столько столетий считавшихся неизлечимыми. Тут что-то похожее, но вызванное внешним возбудителем. Когда произведут опыты над моими пленниками — все

равно, живы они или нет,— тогда и моя рука станет служить мне снова!

Чувство стыда заставило нахмуриться начальника экспедиции. В своем горе он забыл, как много сделал для него биолог. Неприлично для взрослого человека! Он принял руку биолога, и оба ученых выразили обоюдную симпатию в старинном мужском жесте.

— Вы думаете, что убийственные органы у черных медуз и у этой крестообразной мерзости одного рода? — спросил Эрг Ноор.

— Не сомневаюсь. Тому порукой моя рука...— биолог не заметил случайного каламбура.— В накоплении и видоизменении электрической энергии выразилось общее жизненное приспособление черных существ — обитателей богатой электричеством планеты. Они — явные хищники, а тех, кто служит им жертвами, мы пока не знаем.

— Но помните, что случилось с нами всеми, когда Низа...

— Это другое. Я долго думал об этом. С появлением страшного креста раздался сломивший наше сознание инфразвук огромной силы. В этом черном мире и звуки тоже черные, неслышимые. Угнетая сознание инфразвуком, это существо потом действует родом гипноза, более сильным, чем у наших, ныне вымерших, гигантских змей: например, анаконды. Вот что едва не погубило нас, если бы не Низа...

Начальник экспедиции посмотрел на далекое Солнце, светящее сейчас и на Земле. Солнце — вечную надежду человека еще с доисторического его прозябания среди беспощадной природы. Солнце — олицетворение светлой силы разума, разгоняющего мрак и чудовищ ночи. И радостная искра надежды стала его спутником на остаток странствования...

Заведующий станцией Тритон явился в санаторий за Эргом Ноором. Земля вызывала начальника экспедиции, а появление заведующего в запретных помещениях карантина означало конец изоляции, возможность окончить тринадцатилетнее путешествие «Тантры». Начальник экспедиции скоро вернулся, еще более сосредоточенный, чем обычно.

— Вылетаем сегодня же. Меня попросили взять шесть человек с планетолета «Амат», который оставляют здесь для освоения новых рудных месторождений на Плутоне. Мы возьмем экспедицию и собранные ею на Плутоне материалы.

Эта шестерка переоборудовала обычный планетолет и совершила безмерно отважный подвиг. Они нырнули на дно преисподней, под густую неоново-метановую атмосферу Плутона. Летели в бурях аммиачного снега, ежесекундно опасаясь разбиться во тьме о колоссальные иглы прочного, как сталь, водяного льда. Они сумели найти область, где выступали обнаженные горы. Загадка Плутона наконец решена — эта планета не принадлежит к нашей солнечной системе. Она захвачена ею во время пути Солнца через Галактику. Вот почему плотность Плутона гораздо больше всех других далеких планет. Странные минералы из совсем чужого мира открыты исследователями. Но еще важнее, что на одном хребте обнаружены следы почти нацело разрушенных построек, свидетельствующих о какой-то невообразимо древней цивилизации. Добытые исследователями данные, конечно, должны быть проверены. Разумная обработка строительных материалов еще требует доказательств... Но налицо изумительный подвиг. Я горжусь тем, что наш звездолет доставит героев на Землю, и горю нетерпением услышать их рассказы. Карантин у них кончился три дня тому назад...— Эрг Ноор смолк, утомившись длинной речью.

— Но ведь тут есть серьезное противоречие! — вскричал Пур Хисс.

— Противоречие — мать истины! — спокойно ответил астроному Эрг Ноор старой пословицей.— Пора готовить «Тантру»!

Испытанный звездолет легко оторвался от Тритона и понесся по гигантской дуге, перпендикулярной к плоскости эклиптики. Прямой путь к Земле был невозможен: любой корабль погиб бы в широком поясе метеоритов и астероидов — осколков разбитой планеты Фаэтона, когда-то существовавшей между Марсом и Юпитером и разорванной тяготением гиганта солнечной системы.

Эрг Ноор набирал ускорение. Он не собирался везти героев на Землю положенные семьдесят два дня, а решил, пользуясь колоссальной силой звездолета, при минимальном расходе анамезона, дойти за пятьдесят часов.

Передача с Земли прорывалась в пространство к звездолету — планета приветствовала победу над мраком железной звезды и мраком ледяного Плутона. Композиторы исполняли сочиненные в честь «Тантры» и «Амата» романсы и симфонии.

Космос гремел торжествующими мелодиями. Станции на Марсе, Венере и астероидах вызывали корабль, вливая свои аккорды в общий хор уважения к героям.

— «Тантра», «Тантра»,— наконец зазвучал голос с поста Совета,— дается посадка на Эль Хомру!

Центральный космопорт находился на месте бывшей пустыни в Северной Африке, и звездолет ринулся туда сквозь насыщенную солнечным светом атмосферу Земли.

Глава седьмая

СИМФОНИЯ ФА-МИНОР ЦВЕТОВОЙ ТОНАЛЬНОСТИ 4, 750 МЮ

Пластины прозрачной пластмассы служили стенами широкой веранды, обращенной на юг, к морю. Бледный матовый свет с потолка не спорил с яркой луной, а дополнял ее, смягчая грубую черноту теней. На веранде собрался почти весь состав морской экспедиции. Только самые юные ее работники затеяли игру в залитом луной море. Пришел со своей прекрасной моделью художник Карт Сан. Начальник экспедиции Фрит Дон, встряхивая длинными золотистыми волосами, рассказал об исследовании найденного Миико коня. Определение материала статуи для выяснения подъемного веса привело к неожиданным результатам. Под поверхностным слоем какого-то сплава оказалось чистое золото. Если конь был литым, то вес изваяния, даже с вычетом вытесненной им воды, достигал четырехсот тонн. Для подъема такого чудовища вызывались большие суда с особыми приспособлениями.

На вопросы, как объяснить нелепейшее употребление ценного металла, один из старших сотрудников экспедиции вспомнил встреченную в исторических архивах легенду об исчезновении золотого запаса целой страны: тогда золото служило эквивалентом стоимости труда. Преступные правители, виновные в тирании и разорении народа, перед тем как исчезнуть, убежав в другую страну — тогда были препятствия к сообщению разных народов между собою, называвшиеся границами,— собрали весь запас золота и отлили из него статую, которую поставили на самой людной площади главного города государства. Никто не смог найти золото.

Историк высказал догадку, что никто тогда не догадался, какой металл скрывается под слоем недорогого сплава.

Рассказ вызвал оживление. Находка колоссального количества золота была великолепным подарком человечеству. Хотя тяжелый желтый металл давно уже не служил символом ценности, он оставался очень нужным для электрических приборов, медицинских препаратов и особенно для изготовления анамезона.

В углу с наружной стороны веранды собрались в тесный кружок Веда Конг, Дар Ветер, художник, Чара Нанди и Эвда Наль. Рядом застенчиво уселся Рен Боз. Не было только Мвена Маса.

— Вы были правы, утверждая, что художник — вернее, искусство вообще — всегда и неизбежно отстает от стремительного роста знания и техники,— говорил Дар Ветер.

— Вы меня не поняли,— возражал Карт Сан.— Искусство уже исправило свои ошибки и поняло свой долг перед человечеством. Оно перестало создавать угнетающие монументальные формы, изображать блеск и величие, реально не существующие, ибо это внешнее. Развивать эмоциональную сторону человека стало важнейшим долгом искусства. Только оно владеет силой настройки человеческой психики, ее подготовки к восприятию самых сложных впечатлений. Кто не знает волшебной легкости понимания, дающейся предварительно настройкой — музыкой, красками, формой?.. И как замыкается человеческая душа, если ломиться в нее грубо и принудительно. Вам, историкам, лучше, чем кому другому, известно, сколько бед вытерпело человечество в борьбе за развитие и воспитание эмоциональной стороны психики.

— В далеком прошлом было время, когда искусство стремилось к отвлеченным формам,— заметила Веда Конг.

— Искусство стремилось к абстракции в подражание разуму, получившему явный примат над всем остальным. Но быть выраженным отвлеченно искусство не может, кроме музыки, занимающей особое место и также по-своему вполне конкретной. Это был ложный путь.

— Какой же путь вы считаете настоящим?

— Искусство, по-моему,— отражение борьбы и тревог мира в чувствах людей, иногда иллюстрация жизни, но под контролем общей целесообразности. Эта целесообразность и есть красота, без которой я не вижу счастья и смысла жизни. Иначе искусство легко вырождается в прихотливые выдумки, особенно при недостаточном знании жизни и истории...

— Мне всегда хотелось, чтобы путь искусства был в преодолении и изменении мира, а не только его ощущением,— вставил Дар Ветер.

— Согласен! — воскликнул Карт Сан.— Но с той оговоркой, что не только внешнего мира, но и, главное, внутреннего мира эмоций человека. Его воспитания... с пониманием всех противоречий.

Эвда Наль положила на руку Дар Ветра свою, крепкую и теплую.

— От какой мечты вы отказались сегодня?

— От очень большой...

— Каждый из нас, кто смотрел,— продолжал свою речь художник,— произведения массового искусства древности — кинофильмы, записи театральных постановок, выставок живописи,— тот знает, какими чудесно отточенными, изящными, очищенными от всего лишнего кажутся наши современные зрелища, танцы, картины... Я уже не говорю об эпохах упадка.

— Он умен, но многословен,— шепнула Веда Конг.

— Художнику трудно выражать словами или формулами те сложней-

шие явления, которые он видит и отбирает из окружающего,— вступилась Чара Нанди, и Эвда Наль одобрительно кивнула.

— А мне хочется,— продолжал Карт Сан,— идти так: собрать и соединить чистые зерна прекрасной подлинности чувств, форм, красок, разбросанных в отдельных людях, в одном образе. Восстановить древние образы в высшем выражении красоты каждой из рас давнего прошлого, смешение которых образовало современное человечество. Так, «Дочь Гондваны» — единение с природой, подсознательное знание связи вещей и явлений, насквозь еще пронизанный инстинктами комплекс чувств, ощущений.

«Дочь Тетиса» — Средиземного моря — сильно развитые чувства, бесстрашно широкие и бесконечно разнообразные,— тут уже другая ступень слияния с природой — через эмоции, а не через инстинкты. Сила Эроса, открыто и чисто подчиненная возвышению человека. Древние культуры Средиземноморья — критяне, этруски, эллины, протоиндийцы, в их среде возник образ человека, который мог создать эту эмоциональную культуру. Как повезло мне найти Чару: случайно в ней соединились черты античных греко-критян и более поздних народов Центральной Индии.

Веда улыбнулась правоте своей догадки, а Дар Ветер прошептал ей, что трудно было бы найти лучшую модель.

— Если мне удастся «Дочь Средиземного моря», то неизбежно выполнение третьей части замысла — золотоволосая или светло-русая северная женщина со спокойными и прозрачными глазами, высокая, чуть медлительная, пристально вглядывающаяся в мир, похожая на древних женщин русского, скандинавского или английского народов. Только после этого я смогу приступить к синтезу — созданию образа современной женщины, в котором соединю лучшее от всех трех этих пращурок.

— Почему только «дочери», а не «сыновья»? — улыбнулась Веда.

— Надо ли пояснять, что прекрасное всегда более законченно в женщине и отточено сильнее по законам физиологии...— нахмурился художник.

— Когда будете писать свою третью картину, приглядитесь к Веде Конг,— начала Эвда Наль.— Вряд ли...

Художник быстро встал.

— Вы думаете, я не вижу! Но борюсь с собой, чтобы в меня не вошел этот образ сейчас, когда я полон другим. Но Веда...

— Мечтает о музыке,— слегка покраснела та.— Жаль, что здесь солнечный рояль, немой ночью!

— Системы, работающей на полупроводниках от солнечного света? — спросил Рен Боз, перегибаясь через ручку кресла.— Тогда я мог бы переключить его на токи от приемника.

— Долго это? — обрадовалась Веда.

— Час придется поработать.

— Не надо. Через час начнется передача новостей по мировой сети. Мы увлеклись работой, и два вечера никто не включал приемника.

— Тогда спойте, Веда,— попросил Дар Ветер.— У Карта Сана есть вечный инструмент со струнами времен Темных веков феодального общества.

— Гитара,— подсказала Чара Нанди.

— Кто будет играть?.. Попробую — может быть, справлюсь сама.

— Я играю! — Чара вызвалась сбегать за гитарой в студию.

— Побежим вместе,— предложил Фрит Дон.

Чара задорно взметнула черную массу своих волос. Шерлис повернул

рычаг и сдвинул боковую стену веранды, открыв вид вдоль берега на восточный угол залива. Фрит Дон понесся огромными прыжками. Чара бежала, откинув назад голову. Девушка сперва отстала, но к студии оба подбежали одновременно, нырнули в черный, неосвещенный вход и через секунду снова неслись вдоль моря под луной, упрямые и быстроногие. Фрит Дон первым достиг веранды, но Чара прыгнула через открытую боковую створку и оказалась внутри комнаты.

Веда восхищенно всплеснула руками.

— Ведь Фрит Дон — победитель весенних десятиборий.

— А Чара Нанди окончила высшую школу танцев: обе ступени — древних и современных,— в тон Веде отозвался Карт Сан.

— Мы с Ведой учились тоже, но только в низшей,— вздохнула Эвда Наль.

— Низшую теперь проходят все,— поддразнил художник.

Чара медленно перебирала струны гитары, подняв свой маленький твердый подбородок. Высокий голос молодой женщины зазвенел тоской и призывом. Она пела новую, только что пришедшую из южной зоны песню о несбывшейся мечте. В мелодию вступил низкий голос Веды и стал тем лучом стремления, вокруг которого вилось и замирало пение Чары. Дуэт получился великолепным — так противоположны были обе певицы и так они дополняли друг друга. Дар Ветер переводил взгляд с одной на другую и не мог решить, кому больше идет пение — Веде, стоявшей, облокотясь на пульт приемника, опустив голову под тяжестью светлых кос, серебрившихся в свете луны, или Чаре, склонившейся вперед, с гитарой на круглых голых коленях, с лицом, таким темным от загара, что на нем резко белели зубы и чистые синеватые белки глаз.

Песня умолкла. Чара нерешительно перебирала струны. И Дар Ветер стиснул зубы. Это была та самая песня, когда-то отдалившая его от Веды,— теперь мучительная и для нее.

Раскаты струн следовали порывами, аккорд догонял другой и бессильно замирал, не достигнув слияния. Мелодия шла отрывисто, точно всплески волн падали на берег, разливались на миг по отмелям и скатывались один за другим в черное бездонное море. Чара ничего не знала — ее звонкий голос оживил слова о любви, летящей в ледяных безднах пространства от звезды к звезде, пытаясь найти, понять, ощутить, где он... Тот, ушедший в космос на подвиг искания, он уже не вернется — пусть! Но хоть на единственный миг узнать, что с ним, помочь мольбой, ласковой мыслью, приветом!

Веда молчала. Чара, почувствовав неладное, оборвала песнь, вскочила, бросила гитару художнику и пошла к неподвижно стоявшей светловолосой женщине, виновато склонив голову.

Веда улыбнулась.

— Станцуйте мне, Чара!

Та покорно кивнула, соглашаясь, но тут вмешался Фрит Дон:

— С танцами подождем — сейчас передача!

На крыше дома выдвинулась телескопическая труба, высоко поднявшая две перекрещенные металлические плоскости с восемью полушариями на венчавшем сооружение металлическом круге. Комнату наполнили могучие звуки.

Передача началась с показа одного из новых спиральных городов северного жилого пояса. Среди градостроителей господствовали два направления архитектуры: город пирамидальный и спирально-винтовой. Они строились в особо удобных для жизни местах, где сосредоточивалось обслуживание автоматических заводов, пояса которых, чередуясь с коль-

цами рощ и лугов, окружали город, обязательно выходивший на море или большое озеро.

Города строились на возвышенностях, потому что здания шли уступами, так, что не было ни одного, фасад которого не был бы открыт полностью солнцу, ветрам, небу и звездам. С внутренней стороны зданий находились помещения машин, складов, распределителей, мастерских и кухонь, иногда уходивших глубоко в землю. Сторонники пирамидальных городов считали преимуществом их сравнительно небольшую высоту при значительной вместимости, в то время как строители спиральных поднимали свои творения на высоту более километра. Перед участниками морской экспедиции предстала крутая спираль, светившаяся на солнце миллионами опалесцировавших стен из пластмассы, фарфоровыми ребрами каркасов из плавленого камня, креплениями из полированного металла. Каждый ее виток постепенно поднимался от периферии к центру. Массивы зданий разделялись глубокими вертикальными нишами. На головокружительной высоте висели легкие мосты, балконы и выступы садов. Искрящиеся вертикальные полосы контрфорсами уширялись к основанию, обнимая между тысячами аркад громадные лестницы. Они вели к ступенчатым паркам, лучами расходившимся к первому поясу густых рощ. Улицы тоже изгибались по спирали — висячие по периметру города или внутренние, под хрустальными перекрытиями. На них не было никаких экипажей — непрерывные цепи транспортеров скрывались в продольных нишах.

Люди, оживленные, смеющиеся, серьезные, быстро шли по улицам или прогуливались под аркадами, уединялись в тысячах укромных мест: среди колоннад, на переходах лестниц, в висячих садах на крышах уступов...

Зрелище могучего города продолжалось недолго: началась речевая передача.

— Продолжается обсуждение проекта, внесенного Академией Направленных Излучений,— заговорил появившийся на экране человек,— о замене линейного алфавита электронной записью. Проект не встречает всеобщей поддержки. Главное противоречие — сложность аппаратов чтения. Книга перестанет быть другом, повсюду сопутствующим человеку. Несмотря на всю внешнюю выгодность, проект будет отклонен.

— Долго обсуждали! — заметил Рен Боз.

— Крупное противоречие,— откликнулся Дар Ветер.— С одной стороны — заманчивая простота записи, с другой — трудность чтения.

Человек на экране продолжал:

— Подтверждается вчерашнее сообщение — тридцать седьмая звездная заговорила. Они возвращаются...

Дар Ветер замер, ошеломленный силой противоречивых чувств. Боковым зрением он увидел медленно вставшую Веду Конг со все шире раскрывающимися глазами. Обострившийся слух Дар Ветра уловил ее прерывистое дыхание.

— ...со стороны квадрата четыреста один, и корабль только что вышел из минус-поля[1] в одной сотой парсека от орбиты Нептуна. Задержка экспедиции произошла вследствие встречи с черным солнцем. Потерь людей нет! Скорость корабля,— закончил диктор,— около пяти шестых абсолютной единицы. Экспедиция ожидается на станции Тритон через одиннадцать дней. Ждите сообщения о замечательных открытиях!

---

[1] *Минус-поле* — отрицательно заряженное поле в межзвездном пространстве.

Передача продолжалась. Следовали другие новости, но их уже никто не слушал. Все окружили Веду, поздравляли.

Она улыбалась с горящими щеками и тревогой, спрятанной в глубине глаз. Приблизился и Дар Ветер. Веда почувствовала твердое пожатие его руки, ставшей нужной и близкой, встретила прямой взгляд. Давно он не смотрел так. Она знала грустную удаль, сквозившую в его прежнем отношении к ней. И знала, что сейчас он читает в ее лице не только радость...

Дар Ветер тихо опустил ее руку, улыбнулся по-своему, неповторимо ясно,— и отошел. Товарищи из экспедиции оживленно обсуждали сообщение. Веда осталась в кольце людей, искоса наблюдая за Дар Ветром. Она видела, как к нему подошла Эвда Наль, спустя минуту присоединился Рен Боз.

— Надо найти Мвена Маса, он еще ничего не знает! — как бы спохватившись, воскликнул Дар Ветер.— Пойдемте со мной, Эвда. И вы, Рен?

— И я,— подошла Чара Нанди.— Можно?

Они вышли к тихому плеску волн. Дар Ветер остановился, подставляя лицо прохладному дуновению, и глубоко вздохнул. Повернувшись, он встретил взгляд Эвды Наль.

— Я уеду, не возвращаясь в дом,— ответил он на безмолвный вопрос.

Эвда взяла его под руку. Некоторое время все шли в молчании.

— Я думала, надо ли так? — прошептала Эвда.— Наверное, надо, и вы правы. Если бы Веда...

Эвда умолкла, но Дар Ветер понимающе сжал ее ладонь и приложил к своей щеке. Рен Боз шел за ними по пятам, осторожно отодвигаясь от Чары, а та, скрывая насмешку, искоса поглядывая огромными глазами, широко шагала рядом. Эвда едва слышно рассмеялась и вдруг подала физику свободную руку. Рен Боз схватил ее хищным движением, показавшимся комичным у этого застенчивого человека.

— Где же искать вашего друга? — Чара остановилась у самой воды.

Дар Ветер всмотрелся и в ярком свете луны увидел отчетливые отпечатки ног на полосе мокрого песка. Следы шли через совершенно одинаковые промежутки, с симметрично развернутыми носками с такой геометрической правильностью, что казались отпечатанными машиной.

— Он шел туда.— Дар Ветер показал в сторону больших камней.

— Да, это его следы,— подтвердила Эвда.

— Почему вы так уверены? — усомнилась Чара.

— Посмотрите на правильность шагов — так ходили первобытные охотники или те, кто унаследовал их черты. А мне кажется, что Мвен, несмотря на свою ученость, ближе любого из нас к природе... Не знаю, как вы, Чара? — Эвда обернулась к задумавшейся девушке.

— Я? О нет! — И, показывая вперед, она воскликнула: — Вот он!

На ближайшем камне появилась громадная фигура африканца, блестевшая под луной, как полированный черный мрамор. Мвен Мас энергично потрясал руками, точно угрожая кому-то. Грозные мышцы могучего тела вздулись и перекатывались буграми под блестящей кожей.

— Он как дух ночи из детских сказок! — взволнованно шепнула Чара.

Мвен Мас заметил приближающихся, спрыгнул со скалы и появился одетый. В немногих словах Дар Ветер рассказал о случившемся, и Мвен Мас выразил желание немедленно повидать Веду Конг.

— Идите туда с Чарой,— сказала Эвда,— а мы тут побудем немного...

Дар Ветер сделал прощальный жест, и на лице африканца отразилось понимание. Какой-то полудетский порыв заставил его прошептать давно

забытые слова прощания. Дар Ветер был тронут и в задумчивости пошел прочь, сопровождаемый молчаливой Эвдой. Рен Боз в замешательстве потоптался на месте и повернул следом за Мвеном Масом и Чарой Нанди.

Дар Ветер и Эвда дошли до мыса, отгораживающего залив от открытого моря. Огоньки, окаймлявшие огромные диски плотов морской экспедиции, стали отчетливо видны.

Дар Ветер столкнул прозрачную лодку с песка и стал у воды перед Эвдой, еще более массивный и могучий, чем Мвен Мас. Эвда поднялась на носки и поцеловала уходящего друга.

— Ветер, я буду с Ведой,— ответила она на его мысли.— Мы вернемся вместе в нашу зону и там дождемся прибытия. Дайте знать, когда устроитесь,— я всегда буду счастлива помочь вам...

Эвда долго провожала глазами лодку на серебряной воде...

Дар Ветер подплыл ко второму плоту, где еще работали механики, спеша закончить установку аккумуляторов. По просьбе Дар Ветра они зажгли три зеленых огня треугольником.

Через полтора часа первый же пролетавший спиролет повис над плотом. Дар Ветер сел в опущенный подъемник, на секунду показался под освещенным днищем корабля и скрылся в люке. К утру он входил в свое постоянное жилище, неподалеку от обсерватории Совета, которое не успел еще переменить. Дар Ветер открыл продувочные краны в обеих своих комнатах. Спустя несколько минут вся накопившаяся пыль исчезла. Дар Ветер выдвинул из стены постель и, настроив комнату на запах и плеск моря, к которому он привык за последнее время, крепко заснул.

Он проснулся с ощущением утраченной прелести мира. Веда далеко и будет далеко теперь, пока... Но ведь он должен ей помочь, а не запутывать положение!

Крутящийся столб наэлектризованной прохладной воды обрушился на него в ванной. Дар Ветер стоял под ним так долго, что озяб. Освеженный, он подошел к аппарату ТВФ, раскрыл его зеркальные дверцы и вызвал ближайшую станцию распределения работ. На экране возникло молодое лицо. Юноша узнал Дар Ветра и приветствовал его с едва уловимым оттенком почтения, что считалось признаком тонкой вежливости.

— Мне хотелось бы получить трудную и продолжительную работу,— начал Дар Ветер,— связанную с физическим трудом: например, антарктические рудники.

— Там все занято,— в тоне говорившего сквозило огорчение,— занято и на месторождениях Венеры, Марса, даже Меркурия. Вы знаете, что туда, где труднее, охотнее стремится молодежь.

— Да, но я уже не могу себя причислить к этой хорошей категории... Но что есть сейчас? Мне нужно немедленно.

— Есть на разработку алмазов в Средней Сибири,— медленно начал тот, глядя на невидимую Дар Ветру таблицу,— если вы стремитесь на горные работы. Кроме этого, есть места на океанских плотах — заводах пищи, на солнечную насосную станцию в Тибет,— но это уже легкое. Другие места — тоже ничего особенно трудного.

Дар Ветер поблагодарил информатора и попросил дать время подумать, а пока не отдавать алмазных разработок.

Он выключил станцию распределения и соединился с Домом Сибири — обширным центром географической информации по этой стране. Его ТВФ включили в памятную машину новейших записей, и перед Дар Ветром медленно поплыли обширные леса. Заболоченная и разреженная лиственничная тайга на вечномерзлой почве, когда-то распространенная здесь, исчезла, уступив место величественным лесным великанам —

сибирским кедрам и американским секвойям, некогда почти вымершим. Исполинские красные стволы поднимались великолепной оградой вокруг холмов, накрытых бетонными шапками. Стальные трубы десятиметрового диаметра выползали из-под них и перегибались через водоразделы к ближайшим рекам, вбирая их целиком в разверстые пасти воронок. Глухо гудели чудовищные насосы. Сотни тысяч кубометров воды устремлялись в ими же промытые глубины алмазоносных вулканических труб, с ревом крутились, размывая породу, и вновь изливались наружу, оставляя в решетках промывочных камер десятки тонн алмазов. В длинных, залитых светом помещениях люди сидели за движущимися циферблатами разборочных машин. Блестящие камни потоком мелких зерен сыпались в калиброванные отверстия приемных ящиков. Операторы насосных станций беспрерывно следили за указателями расчетных машин, вычислявших непрерывно меняющееся сопротивление породы, давление и расход воды, углубление забоя и выброс твердых частиц. Дар Ветер подумал, что радостная картина залитых Солнцем лесов сейчас не для его настроения, и выключил Дом Сибири. Мгновенно раздался вызывной сигнал, и на экране возник информатор станции распределения.

— Я хотел уточнить ваши размышления. Только что получено требование — освободилось место в подводных титановых рудниках на западном побережье Южной Америки. Это самое трудное из имеющегося сегодня... Но туда надо прибыть срочно!

Дар Ветер встревожился:

— Я не успею пройти психофизического испытания на ближайшей станции АПТ — Академии Психофизиологии Труда.

— По сумме ежегодных испытаний, обязательных в вашей прежней работе, вам эта проба не требуется.

— Пошлите сообщение и дайте координаты! — немедля отозвался Дар Ветер.

— Западная ветвь Спиральной Дороги, семнадцатое южное ответвление, станция 6Л, точка КМ-40. Посылаю предупреждение.

Серьезное лицо на экране исчезло. Дар Ветер собрал все мелкие вещи, принадлежавшие ему лично, уложил в шкатулку пленки с изображениями и голосами близких и важнейшими записями собственных мыслей. Со стены он снял хроморефлексную репродукцию[1] древней русской картины, со стола — бронзовую статуэтку артистки Белло Галь, похожей на Веду Конг. Все это, с небольшим количеством одежды, поместилось в алюминиевый ящик с кругами выпуклых цифр и линейных знаков на крышке. Дар Ветер набрал сообщенные ему координаты, открыл люк в стене и толкнул туда ящик. Он исчез, подхваченный бесконечной лентой. Потом Дар Ветер проверил свои комнаты. Уже много веков на планете отсутствовали какие-либо специальные уборщики помещений. Их функции выполнялись каждым обитателем, что было возможно только при абсолютной аккуратности и дисциплинированности каждого человека, а также при тщательно продуманной системе устройства жилья и общественных зданий и с их автоматами очистки и продува.

Окончив осмотр, он повернул рычаг перед дверью вниз, давая сигнал на станцию распределения помещений, что занимавшиеся им комнаты освободились, и вышел. Наружная галерея, застекленная пластинами мо-

---

[1] *Хроморефлексная репродукция* — картина, отпечатанная красками с внутренним отражением света, дающими повышенную стереоскопичность плоского рисунка в естественном переходе цветов и светов (фантастическое).

лочного цвета, нагрелась от Солнца, но на плоской крыше морской ветерок, как всегда, был прохладен. Легкие пешеходные мостики, переброшенные на высоте между решетчатыми зданиями, казалось, парили в воздухе и манили к неторопливой прогулке, но Дар Ветер снова не принадлежал себе. По трубе автоматического спуска он попал в подземную магнитоэлектрическую почту, и маленький вагончик понес его к станции Спиральной Дороги. Дар Ветер не поехал на Север, к Берингову проливу, где пролегала соединительная дуга Западной ветви. Этот путь до Южной Америки, особенно так далеко на юг, как до семнадцатого ответвления, занимал около четырех суток. По широтам жилых зон Севера и Юга шли линии тяжелых грузовых спиролетов, опоясывавшие планету поперек океанов и соединявшие кратчайшим путем ветви Спиральной Дороги. Дар Ветер поехал по Центральной ветви до южной жилой зоны и рассчитывал убедить заведующего авиаперевозками счесть его срочным грузом. Помимо того, что путь сокращался до тридцати часов. Дар Ветер мог повидаться с сыном Грома Орма — председателя Совета Звездоплавания; Гром Орм избрал его наставником-ментором своего сына.

Мальчик вырос и с будущего года приступал к свершению двенадцати подвигов Геркулеса, а пока работал в Дозорной службе в болотах Западной Африки.

Кто из юношей не рвется в Дозорную службу — следить за появлением акул в океане, вредоносных насекомых, вампиров и гадов в тропических болотах, болезнетворных микробов в жилых зонах, эпизоотий или лесных пожаров в степной и лесной зонах, выявляя и уничтожая вредную нечисть прошлого Земли, таинственным образом вновь и вновь появлявшуюся из глухих уголков планеты? Борьба с вредоносными формами жизни никогда не прекращалась. На новые средства истребления микроорганизмы, насекомые и грибки отвечали появлением новых, стойких к самым сильным химикалиям форм и штаммов. Только в ЭМВ — эру Мирового Воссоединения — обучились правильно пользоваться сильными антибиотиками, не порождая опасных последствий.

«Если Дис Кен назначен в болотные дозоры,— думал Дар Ветер,— он уже в юные годы становится серьезным работником».

Сын Грома Орма, как и все дети эры Кольца, был воспитан в школе на берегу моря в северной зоне. Там же он прошел первые испытания на психологической станции АПТ.

Молодежи всегда поручалась работа с учетом психологических особенностей юности с ее порывами вдаль, повышенным чувством ответственности и эгоцентризмом.

Громадный вагон несся бесшумно и плавно. Дар Ветер поднялся в верхний этаж с прозрачной крышей. Далеко внизу и по сторонам Дороги проносились строения, каналы, леса и горные вершины. Узкий пояс автоматических заводов на границе между земледельческой и лесной зоной ослепительно засверкал на солнце куполами из «лунного» стекла. Суровые формы колоссальных машин смутно виднелись сквозь стены хрустальных зданий.

Мелькнул памятник Жинну Каду, разработавшему способ дешевого изготовления искусственного сахара, и аркада. Дороги начали рассекать леса тропической земледельческой зоны. В необозримую даль тянулись полосы и чащи с разными оттенками листвы, коры, разной формой и высотой деревьев. По узким гладким дорогам, разделявшим отдельные массивы, медленно ползли уборочные, опылительные и учетные машины, паутиной блестели бесчисленные провода. Когда-то символом изобилия было золотящееся от спелости хлебное поле. Но уже в ЭМВ — эру Мирово-

го Воссоединения — поняли экономическую невыгодность однолетних культур, а с перенесением земледелия исключительно в тропическую зону отпало трудоемкое ежегодное выращивание травянистых и кустарниковых растений. Деревья, долголетние, слабее истощающие почву, устойчивые к климатическим невзгодам, стали основными сельскохозяйственными растениями еще за сотни лет до эры Кольца.

Деревья хлебные, ягодные, ореховые, с тысячами сортов богатых белками плодов, дающие по центнеру питательной массы на корень. Колоссальные массивы плодоносных рощ двумя поясами в сотни миллионов гектаров охватывали планету, настоящий пояс Цереры — мифической богини плодородия. Между ними находилась лесная экваториальная зона — океан тропических влажных лесов, снабжавший планету древесиной — белой, черной, фиолетовой, розовой, золотистой, серой с шелковыми переливами, твердой, как кость, и мягкой, как яблоко, тонущей в воде камнем и легкой, будто пробка. Десятки сортов смол, более дешевых, чем синтетические, и в то же время с драгоценными техническими или лечебными свойствами, добывались здесь.

Вершины лесных гигантов поднимались на уровень полотна Дороги,— теперь по обе стороны шелестело зеленое море. В его темных глубинах, посреди уютных полян, скрывались дома на высоких металлических сваях и чудовищные паукообразные машины, которым под силу было превращать эти заросли из восьмидесятиметровых стволов в покорные штабеля бревен и досок.

Слева показались купола знаменитых гор экватора. На одной из них — Кении — находилась установка связи Великого Кольца. Море лесов отошло влево, уступая место каменистому плоскогорью. По сторонам поднялись кубические голубые постройки.

Поезд остановился, и Дар Ветер вышел на широкую площадь, вымощенную зеленым стеклом,— станцию Экватор. Около пешеходного моста, перекинутого над сизыми плоскими кронами атласских кедров, возвышалась пирамида из белого фарфоровидного аплита [1] с реки Луалабы. На ее усеченной верхушке стояло изваяние человека в рабочем комбинезоне эры Разобщенного Мира. В правой руке он держал молоток, левой высоко поднимал вверх, в бледное экваториальное небо, сверкающий шар с четырьмя отростками передающих антенн. Это был памятник создателям первых искусственных спутников Земли, совершившим этот подвиг труда, изобретательности, отваги. Все тело человека, откинувшегося назад и как бы выталкивавшего шар в небо, выражало вдохновенное усилие. Это усилие передавалось ему от фигур людей в странных костюмах, окружавших пьедестал у ног изваяния.

Дар Ветер всегда с волнением всматривался в лица скульптур этого памятника. Он знал, что люди, построившие самые первые искусственные спутники и вышедшие на порог космоса, были русскими, то есть тем самым удивительным народом, от которого вел свою родословную Дар Ветер. Народом, сделавшим первые шаги и в строительстве нового общества и в завоевании космоса...

И сейчас, как всегда, Дар Ветер направился к памятнику, чтобы еще раз, глядя на образы древних героев, искать в них сходство с современными людьми и отличие от них. Из-под серебряных пушистых ветвей южноафриканских лейкодендронов[2], окаймлявших слепящую отраженным

[1] *Аплит* — белая жильная горная порода.

[2] *Лейкодендроны* — южноафриканское серебряное дерево с блестящей серебристой хвоей.

солнцем пирамиду памятника, показались две стройные фигуры, остановились. Один из юношей стремительно бросился к Дар Ветру. Обхватив рукой массивное плечо, он украдкой осмотрел знакомые ему черты твердого лица: крупный нос, широкий подбородок, неожиданно веселый изгиб губ, не вяжущийся с хмуроватым выражением стальных глаз под сросшимися бровями.

Дар Ветер с одобрением взглянул на сына знаменитого человека, строителя базы на планетной системе Центавра и главы Совета Звездоплавания пятое трехлетие подряд. Грому Орму не могло быть меньше ста тридцати лет, он был втрое старше Дар Ветра.

Дис Кен подозвал товарища — темноволосого юношу.

— Мой лучший друг Тор Ан, сын Зига Зора, композитора.

— Мы вместе работаем в болотах,— продолжал Дис,— вместе хотим совершить наши подвиги и дальше тоже работать вместе.

— Ты по-прежнему увлекаешься кибернетикой наследственности? — спросил Дар Ветер.

— О да! Тор меня увлек еще больше — он музыкант, как его отец. Он и его подруга... они мечтают работать в области, где музыка облегчает понимание развития живого организма, то есть над изучением симфонии его построения.

— Ты говоришь как-то неопределенно,— нахмурился Дар Ветер.

— Я еще не могу,— смутился Дис.— Может быть, Тор скажет лучше.

Другой юноша покраснел, но выдержал испытующий взгляд.

— Дис хотел сказать о ритмах механизма наследственности: живой организм при развитии из материнской клетки надстраивается аккордами из молекул. Первичная парная спираль развертывается в плане, аналогичном развитию музыкальной симфонии. Иными словами, программа, по которой идет постройка организма из живых клеток,— музыкальна!

— Так?.. — преувеличенно удивился Дар Ветер.— Но тогда всю эволюцию живой и неживой материи вы сведете к какой-то гигантской симфонии?

— План и ритмика этой симфонии определены основными физическими законами. Надо лишь понять, как построена программа и откуда берется информация этого музыкально-кибернетического[1] механизма,— с непобедимой уверенностью юности подтвердил Тор Ан.

— Это чье же?

— Моего отца, Зига Зора. Он недавно обнародовал космическую тринадцатую симфонию фа-минор в цветовой тональности 4,750 мю.

— Обязательно послушаю ее! Я люблю синий цвет... Но ближайшие ваши планы — подвиги Геркулеса. Вы знаете, что нам назначено?

— Только первые шесть.

— Ну, конечно, другие шесть назначаются после выполнения первой половины,— вспомнил Дар Ветер.

— Расчистить и сделать удобным для посещения ничтожный ярус пещеры Кон-и-Гут в Средней Азии,— начал Тор Ан.

— Провести дорогу к озеру Ментал сквозь острый гребень хребта,— подхватил Дис Кен,— возобновить рощу старых хлебных деревьев в Аргентине, выяснить причины появления больших осьминогов в области недавнего поднятия у Тринидада.

— И истребить их!

---

[1] *Кибернетика наследственности* — управление наследственностью. Ритмы наследственности — настройка и последовательность наращивания молекулярных цепочек живого вещества, а затем и молекул организма (фантастическое).

— Это пять, что же шестое?

Оба юноши слегка замялись.

— У нас обоих определены способности к музыке,— краснея, сказал Дис Кен.— И нам поручено собрать материалы по древним танцам острова Бали, восстановить их — музыкально и хореографически.

— То есть подобрать исполнительниц и создать ансамбль? — рассмеялся Дар Ветер.

— Да,— потупился Тор Ан.

— Интересное поручение! Но это групповое дело, так же как и озерная дорога.

— О, у нас хорошая группа! Только они тоже хотят просить вас быть ментором. Это было бы так хорошо!

Дар Ветер выразил сомнение в своих возможностях относительно шестого дела. Но мальчики, просиявшие и подпрыгивающие от радости, заверили, что «сам» Зиг Зор обещал руководить шестым.

— Через год и четыре месяца я найду себе дело в Средней Азии,— проговорил Дар Ветер, с удовольствием вглядываясь в радостные юные лица.

— Как хорошо, что вы перестали заведовать станциями! — воскликнул Дис Кен.— Я и не думал, что буду работать с таким ментором! — Внезапно юноша покраснел так, что лоб его покрылся мелкими бисеринками пота, а Тор даже отодвинулся от него, преисполнившись укоризны.

Дар Ветер поспешил прийти на помощь сыну Грома Орма в его промахе.

— Много ли у вас времени?

— О нет! Нас отпустили на три часа — мы привезли сюда больного лихорадкой с нашей болотной станции.

— Вот как, лихорадка еще появляется! Я думал...

— Очень редко и только в болотах,— торопливо вставил Дис.— Для того и мы!

— Еще два часа в нашем распоряжении. Пойдемте в город, вам, наверное, хочется посмотреть Дом нового?

— О нет! Мы хотели бы... чтобы вы ответили на наши вопросы — мы подготовились, и это так важно для выбора пути...

Дар Ветер согласился, и все трое направились в одну из прохладных комнат Зала Гостей, овеваемых искусственным морским ветром.

Два часа спустя другой вагон уносил Дар Ветра, утомленно дремавшего на диване. Он проснулся на остановке в городке химиков. Гигантская постройка в виде звезды с десятью стеклянными лучами возвышалась над большим угольным месторождением. Добывавшийся здесь уголь перерабатывался в лекарства, витамины, гормоны, искусственные шелка и меха. Отходы шли на изготовление сахара. В одной из лучей здания из угля добывались редкие металлы — германий и ванадий. Чего только не было в драгоценном черном минерале!

Старый товарищ Дар Ветра, работавший здесь химиком, пришел на станцию. Когда-то были три веселых молодых механика на индонезийской станции плодоуборочных машин в тропическом поясе... Теперь один из них химик, ведающий большой лабораторией крупного завода, второй так и остался садоводом, создавшим новый способ опыления, а третий — третий он, Дар Ветер, теперь снова возвращающийся к лону Земли, даже еще глубже — в ее недра. Друзья успели повидаться не больше десяти минут, но и такое свидание было гораздо приятнее встреч на экранах ТВФ.

Дальнейший путь оказался недолгим. Заведующий широтной воздушной линией внял убеждениям, проявив общую благожелательность

людей эпохи Кольца. Дар Ветер перелетел океан и оказался на Западной ветви Дороги, южнее семнадцатого ответвления, в тупике которого на берегу океана он пересел на глиссер.

Высокие горы подходили к берегу вплотную. На отлогой подошве склонов шли террасы белого камня, задерживавшие насыпанную почву с рядами южных сосен и виддрингтоний[1], чередовавшие в параллельных аллеях свою бронзовую и голубовато-зеленую хвою. Выше голые скалы зияли темными ущельями, в глубине которых дробились в водяную пыль водопады. На террасах редкой цепью протянулись домики с синевато-серыми крышами, выкрашенные в оранжевый и ослепительно желтый цвет.

Далеко в море выдавалась искусственная мель, заканчивавшаяся обмытой ударами волн башней. Она стояла у края материкового склона, круто спадавшего в океан на глубину километра. Под башней вниз шла отвесно огромная шахта в виде толстейшей цементной трубы, противостоявшей давлению глубоководья. На дне труба погружалась в вершину подводной горы, состоявшей из почти чистого рутила — окиси титана. Все процессы переработки руды производились внизу, под водой и горами. На поверхность поднимались лишь крупные слитки чистого титана и муть минеральных отходов, расходившаяся далеко вокруг. Эти желтые мутные волны закачали глиссер перед пристанью с южной стороны башни. Дар Ветер улучил момент и выскочил на мокрую от брызг площадку. Он поднялся на огороженную галерею, где собрались, чтобы встретить нового товарища, несколько человек, свободных от дежурства. Работники этого представлявшегося Дар Ветру таким уединенным рудника не казались хмурыми анахоретами, каких он, под влиянием собственного настроения, чаял здесь встретить. Его приветствовали веселые лица, немного усталые от суровой работы. Пять мужчин, три женщины — здесь работали и женщины...

Прошло десять дней, и Дар Ветер освоился с новой деятельностью.

Здесь было собственное силовое хозяйство — в глубине старых выработок на материке запрятались установки ядерной энергии, типа Э, или, как он назывался в старину, второго типа, не дававшего жестких остаточных излучений, а потому удобного для местных установок.

Сложнейший комплекс машин перемещался в каменном чреве подводной горы, погружаясь в хрупкий красно-бурый минерал. Самой трудной была работа в нижнем этаже агрегата, где происходила автоматизированная выемка и дробление породы. В машину поступали сигналы из находившегося наверху центрального поста, где обобщались наблюдения за ходом режущих и дробящих устройств, меняющейся твердостью и вязкостью ископаемого и сведения стволов мокрого обогащения. В зависимости от меняющегося содержания металла увеличивалась или уменьшалась скорость выемочно-дробильного агрегата. Всю проверочно-наблюдательную деятельность механиков нельзя было передать кибернетическим машинам-роботам из-за ограниченности защищенного от моря места.

Дар Ветер стал механиком по проверке и настройке нижнего агрегата. Потянулись ежедневные дежурства в полутемных, набитых циферблатами камерах, где насос кондиционера едва справлялся с удручающей жарой, усугубленной повышенным давлением из-за неизбежного просачивания сжатого воздуха.

---

[1] *Виддрингтония* — южноафриканское хвойное дерево.

Дар Ветер и его молодой помощник выбирались наверх, долго стояли на балюстраде, вдыхая свежий воздух, потом шли купаться, ели и расходились по своим комнатам в одном из верхних домиков. Дар Ветер пытался возобновить свои занятия новым, кохлеарным разделом математики Ему казалось, что он забыл свое прежнее общение с космосом. Как все работники титанового рудника, он с удовлетворением провожал очередной плот с аккуратно выложенными брусками титана. После сокращения полярных фронтов бури на планете сильно ослабели, и многие морские грузоперевозки производились на буксируемых или самоходных плотах. Когда людской состав рудника менялся, Дар Ветер продлил свое пребывание вместе с двумя другими энтузиастами горных работ.

Ничто не продолжается вечно в этом изменчивом мире, и рудник остановился для очередного ремонта выемочно-дробильного агрегата. Впервые Дар Ветер проник в забой перед щитом, где только специальный скафандр спасал от жары и повышенного давления, а также от внезапных струй ядовитого газа, вырывавшихся из трещин. Под ослепительным освещением бурые рутиловые стены сверкали своим особенным алмазным блеском и отливали красными огнями, будто взглядами яростных глаз, спрятавшихся в минерале. В забое стояла необыкновенная тишина. Искровое электрогидравлическое долото и огромные диски — излучатели ультракоротких волн — впервые за многие месяцы неподвижно застыли. Под ними копошились только что прибывшие геофизики, расставляя приборы, чтобы, воспользовавшись случаем, проверить контуры залежи.

Наверху стояли тихие и жаркие дни южной осени. Дар Ветер ушел в горы и необыкновенно остро почувствовал величие каменных масс, тысячелетиями недвижно вздымавшихся здесь перед морем и небом. Шелестели сухие травы, снизу едва доносился плеск прибоя. Усталое тело просило покоя, но мозг жадно схватывал впечатления мира, обновленные после долгой и трудной работы в подземелье.

И бывший заведующий внешними станциями, вдыхая запах нагретых скал и пустынных трав, поверил, что впереди предстоит еще много хорошего,— тем больше, чем лучше и сильнее он будет сам.

«Посеешь поступок — пожнешь привычку.
Посеешь привычку — пожнешь характер.
Посеешь характер — пожнешь судьбу»,—

пришло на ум древнее изречение. Да, самая великая борьба человека — это борьба с эгоизмом! Не сентиментальными правилами и красивой, но беспомощной моралью, а диалектическим пониманием, что эгоизм — это не порождение каких-то сил зла, а естественный инстинкт первобытного человека, игравший очень большую роль в дикой жизни и направленный к самосохранению. Вот почему у ярких, сильных индивидуальностей нередко силен и эгоизм и его труднее победить. Но такая победа — необходимость, пожалуй, важнейшая в современном обществе. Поэтому так много сил и времени уделяется воспитанию, так тщательно изучается структура наследственности каждого. В великом смешении рас и народов, создавшем единую семью планеты, внезапно откуда-то из глубин наследственности проявляются самые неожиданные черты характера далеких предков. Случаются поразительные уклонения психики, полученные еще во времена великих бедствий эры Разобщенного Мира, когда люди не соблюдали осторожности в опытах и использовании ядерной энергии и нанесли повреждения наследственности множества людей...

У Дар Ветра тоже была длинная родословная, теперь уже ненужная. Изучение предков заменено прямым анализом строения наследственного механизма, анализом еще более важным теперь, при долгой жизни.

С эры Общего Труда мы стали жить до ста семидесяти лет, а теперь выясняется, что и триста не предел...

Шорох камней заставил Дар Ветра очнуться от сложных и неясных размышлений. Сверху по долине спускались двое: оператор секции электроплавки — застенчивая и молчаливая женщина и маленький, живой инженер наружной службы. Оба, раскрасневшиеся от быстрой ходьбы, приветствовали Дар Ветра и хотели пройти мимо, но тот остановил их.

— Я давно собираюсь просить вас,— обратился он к оператору,— исполнить для меня тринадцатую космическую фа-минор синий. Вы много играли нам, но ее ни разу.

— Вы подразумеваете космическую Зига Зора? — переспросила женщина и на утвердительный жест Дар Ветра рассмеялась.

— Мало людей на планете, которые могли бы исполнить эту вещь... Солнечный рояль с тройной клавиатурой беден, а переложения пока нет... и вряд ли будет. Но почему бы вам не вызвать ее из Дома Высшей Музыки — проиграть запись? Наш приемник универсален и достаточно мощен.

— Я не знаю, как это делается,— пробормотал Дар Ветер.— Я раньше не...

— Я вызову ее вечером! — обещала музыкантша Дар Ветру и, протянув руку спутнику, продолжила спуск.

Остаток дня Дар Ветер не мог отделаться от чувства, что произойдет нечто важное. Со странным нетерпением он ждал одиннадцати часов — времени, назначенного Домом Высшей Музыки для передачи симфонии.

Оператор электроплавки взяла на себя роль распорядителя, усадив Дар Ветра и других любителей в фокусе полусферического экрана музыкального зала, напротив серебряной решетки звучателя. Она погасила свет, объяснив, что иначе будет трудно следить за цветовой частью симфонии, могущей исполняться лишь в специально оборудованном зале и здесь поневоле ограниченной внутренним пространством экрана.

Во мраке лишь слабо мерцал экран и чуть слышался снаружи постоянный шум моря. Где-то в невероятной дали возник низкий, такой густой, что казался ощутимой силой, звук. Он усиливался, сотрясая комнату и сердца слушателей, и вдруг упал, повышаясь в тоне, раздробился и рассыпался на миллионы хрустальных осколков. В темном воздухе замелькали крохотные оранжевые искорки. Это было как удар той первобытной молнии, разряд которой миллионы веков назад на Земле впервые связал простые углеродные соединения в более сложные молекулы, ставшие основой органической материи и жизни.

Нахлынул вал тревожных и нестройных звуков, тысячеголосый хор боли, тоски и отчаяния, дополняя которые метались и гасли вспышки мутных оттенков пурпура и багрянца.

В движении коротких и резких вибрирующих нот наметился круговой порядок, и в высоте завертелась расплывчатая спираль серого огня. Внезапно крутящийся хор прорезали длинные ноты — гордые и звонкие. Они были полны стремительной силы.

Нерезкие огненные контуры пространства пронизали четкие линии синих огненных стрел, летевших в бездонный мрак за краем спирали и тонувших во тьме ужаса и безмолвия.

Темнота и молчание — так закончилась первая часть симфонии.

Слушатели, слегка ошеломленные, не успели произнести ни слова, как музыка возобновилась. Широкие каскады могучих звуков в сопровождении разноцветных ослепительных переливов света падали вниз, понижаясь и ослабевая, и меркли в меланхолическом ритме сияющие ог-

ни. Вновь что-то узкое и порывистое забилось в падающих каскадах, и опять синие огни начали ритмическое танцующее восхождение.

Потрясенный Дар Ветер уловил в синих звуках стремление к усложняющимся ритмам и формам и подумал, что нельзя лучше было отразить первобытную борьбу жизни с энтропией... Ступени, плотики, фильтры, задерживающие каскады спадающей на низкие уровни энергии. «Так, так, так! Вот они, эти первые всплески сложнейшей организации материи!».

Синие стрелы сомкнулись хороводом геометрических фигур, кристаллических форм и решеток, усложнявшихся соответственно сочетаниям минорных созвучий, рассыпавшихся и вновь соединявшихся, и внезапно растворились в сером сумраке.

Третья часть симфонии началась мерной поступью басовых нот, в такт которым загорались и гасли уходившие в бездну бесконечности и времени синие фонари. Прилив грозно ступающих басов усиливался, и ритм их учащался, переходя в отрывистую и зловещую мелодию. Синие огни казались цветами, гнувшимися на тонких огненных стебельках. Печально никли они под наплывом низких, гремящих и трубящих нот, угасая вдали. Но ряды огоньков или фонарей становились все чаще, их стебельки — толще. Вот две огненные полосы очертили идущую в безмерную черноту дорогу, и поплыли в необъятность вселенной золотистые звонкие голоса жизни, согревая прекрасным теплом угрюмое равнодушие двигавшейся материи. Темная дорога становилась рекой, гигантским потоком синего пламени, в котором все усложнявшимся узором мелькали просверки разноцветных огней.

Высшие сочетания округлых плавных линий, сферических поверхностей отзывались такой же красотой, как и напряженные многоступенные аккорды, в смене которых стремительно нарастала сложность звонкой мелодии, разворачивавшейся все сильнее и сильнее...

У Дар Ветра закружилась голова, и он уже не смог следить за всеми оттенками музыки и света, улавливая лишь общие контуры исполинского замысла. Океан высоких кристально чистых нот плескался сияющим, необычайно могучим, радостным синим цветом. Тон звуков все повышался, и сама мелодия стала неистово крутившейся, восходящей спиралью, пока не оборвалась на взлете, в ослепительной вспышке огня.

Симфония кончилась, и Дар Ветер понял, чего недоставало ему все эти долгие месяцы. Необходима работа, более близкая к космосу, к неутомимо разворачивающейся спирали человеческого устремления в будущее. Прямо из музыкального зала он направился в переговорную комнату и вызвал центральную станцию распределения работы северной жилой зоны. Молодой информатор, направлявший Дар Ветра сюда, на рудник, узнал его и обрадовался.

— Сегодня утром вас вызывали из Совета Звездоплавания, но я не мог связаться. Сейчас соединю вас.

Экран померк и снова вспыхнул, на нем возник Мир Ом — старший из четырех секретарей Совета. Он выглядел очень серьезным и, как показалось Дар Ветру, грустным.

— Большое несчастье! Погиб спутник пятьдесят семь. Совет зовет вас для выполнения труднейшей работы! Я посылаю за вами ионный планетолет. Будьте готовы!

Дар Ветер застыл в изумлении перед погасшим экраном.

Глава восьмая

КРАСНЫЕ ВОЛНЫ

На широком балконе обсерватории свободно гулял ветер. Он переносил через море из Африки запахи цветущих растений жаркой страны, будившие в душе тревожные стремления. Мвен Мас никак не мог привести себя в то ясное, твердое, лишенное сомнений состояние, какое требовалось накануне ответственного опыта. Рен Боз сообщил из Тибета, что перестройка установки Кора Юлла закончена. Четыре наблюдателя спутника 57 охотно согласились рискнуть жизнью, лишь бы помочь в опыте, подобного которому на планете давно уже не производилось.

Но эксперимент ставился без разрешения Совета, без широкого предварительного обсуждения всех возможностей, и это придавало всему делу привкус трусливой скрытности, столь несвойственной современным людям.

Великая цель, поставленная ими, как будто оправдывает все эти меры, но... надо бы, чтобы душа была совершенно чиста! Возникал древний человеческий конфликт — цели и средства к ее достижению. Опыт тысячи поколений учит, что надо уметь точно определить переходную грань, как делает это в абстрактных вопросах математики репагулярное исчисление. Как бы добиться такого исчисления в интуиции и морали?..

Африканцу не давала покая история Бета Лона. Тридцать два года тому назад один из знаменитых математиков Земли — Бет Лон нашел, что некоторые признаки смещения во взаимодействии мощных силовых полей могут быть объяснены существованием параллельных измерений. Он поставил серию интересных опытов с исчезновением предметов. Академия Пределов Знания нашла ошибку в его построениях и дала принципиально иное объяснение наблюдавшимся явлениям. Бет Лон был могучим умом, гипертрофированным за счет слабого развития моральных устоев и торможения желаний. Сильный и эгоистичный человек, он решил продолжать опыты в том же направлении. Чтобы получить решающие доказательства, он привлек мужественных молодых добровольцев, готовых на любой подвиг, лишь бы послужить знанию. Люди в опытах Бета Лона исчезали бесследно, как и предметы, и ни один не подал вести о себе «с той стороны» другого измерения, как на то рассчитывал жестокий математик. Когда Бет Лон отправил в «небытие» — вернее, попросту уничтожил — группу в двенадцать человек, он был предан суду. Сумев доказать, что он был убежден в том, что люди странствуют живыми в другом измерении и что он действовал только с согласия своих жертв, Бет Лон был приговорен к изгнанию, провел десять лет на Меркурии и затем уединился на острове Забвения. История Бета Лона, по мнению Мвена Маса, походила на его собственную. Там тоже был запрещен тайный опыт, поставленный по отвергнутым наукой мотивам, и это сходство очень не нравилось Мвену Масу.

Послезавтра очередная передача по Кольцу, и тогда он свободен на восемь дней — для опыта.

Мвен Мас запрокинул голову. Звезды показались ему особенно яркими и близкими. Многих он знал по их древним именам как старых друзей. Да разве они и не были исконными друзьями человека, направлявшими его пути, возвышавшими его мысли, ободрявшими мечтания!

Неяркая звездочка, склонившаяся к северному горизонту,— это Полярная, или Гамма Цефея. В эру Разобщенного Мира Полярная была в

Малой Медведице, но поворот краевой части Галактики вместе с солнечной системой идет по направлению к Цефею. Распростертый вверху, в Млечном Пути, Лебедь, одно из интереснейших созвездий северного неба, уже потянулся к югу своей длинной шеей. В ней горит красавица двойная звезда, названная древними арабами Альбирео. На самом деле там три звезды: Альбирео I, двойная и Альбирео II— огромная голубая далекая звезда с большой планетной системой. Она почти на таком же расстоянии от нас, как и гигантское светило в хвосте Лебедя, Денеб,— белая звезда светимостью в четыре тысячи восемьсот наших солнц. В прошлой передаче наш верный друг 61 Лебедя уловил сообщение Альбирео II— предупреждение, полученное на четыреста лет позднее времени посылки, но чрезвычайно интересное. Знаменитый космический исследователь Альбирео II, чье имя передавалось земными звуками как Влихх оз Ддиз, погиб в районе созвездия Лиры, встретившись с самой грозной опасностью космоса — звездой Оокр. Земные ученые относили эти звезды к классу Э, названному так в честь величайшего физика древности Эйнштейна, предугадавшего существование таких звезд, хотя впоследствии это долго оспаривалось и был даже установлен предел массы звезды, известный под названием предела Чандрасекара. Но этот древний астрофизик исходил в своих расчетах лишь из элементарной механики тяготения и общей термодинамики, совершенно не приняв во внимание сложной электромагнитной структуры гигантских и сверхгигантских звезд. Но именно электромагнитные силы и обусловливали существование звезд Э, которые соперничали размерами с красными гигантами класса М— такими, как Антарес или Бетельгейзе, но отличались большей плотностью, примерно равной плотности Солнца. Исполинская сила тяготения такой звезды останавливала лучеиспускание, не позволяя свету покидать звезду и уноситься в пространство. Бесконечно долго существовали в пространстве эти невообразимо громадные тайные массы, скрыто поглощая в своем инертном океане все, до чего доставали неотвратимые щупальца их тяготения. В древнеиндийской религиозной мифологии «ночами Брамы» назывались периоды бездеятельного покоя верховного божества, по верованиям древних, сменявшиеся «днями», или периодами созидания. Это в самом деле походило на длительное накопление материи, позднее заканчивавшееся разогревом поверхности звезды до класса О-нулевое — до ста тысяч градусов, хотя процесс и не имел никакого отношения к божеству. В конце концов получалась колоссальная вспышка, разбрасывавшая в пространстве новые звезды с новыми планетами. Так некогда взорвалась Крабовидная туманность, достигшая теперь диаметра в пятьдесят биллионов километров. Этот взрыв был равен силе одновременного взрыва квадрильона убийственных водородных бомб ЭРМ.

Совершенно темные звезды Э угадывались в пространстве лишь по своему тяготению, и гибель звездолета, проложившего курс поблизости чудовища, была неизбежна. Невидимые инфракрасные звезды спектрального класса Т тоже являлись опасностью на пути кораблей, как и темные облака крупных частиц или совсем остывшие тела класса ТТ.

Мвен Мас подумал, что создание Великого Кольца, связавшего населенные разумными существами миры, было крупнейшей революцией для Земли и соответственно для каждой обитаемой планеты. Прежде всего — это победа над временем, над краткостью срока жизни, не позволяющей ни нам, ни другим братьям по мысли проникать в отдаленные глубины пространства. Посылка сообщения по Кольцу — это посылка в любое грядущее, потому что мысль человека, оправленная в такую форму, будет продолжать пронизывать пространство, пока не достигнет самых

отдаленных его областей. Возможность исследовать очень далекие звезды стала реальной, это только вопрос времени. Недавно нас достигло сообщение от громадной, но очень далекой звезды, называвшейся Гаммой Лебедя. До нее две тысячи восемьсот парсек, и сообщение идет больше девяти тысяч лет, но оно понятно нам и могло быть расшифровано близкими по характеру мышления членами Кольца. Совсем другое, если сообщение идет с шаровых звездных систем и скоплений, которые древнее наших плоских систем.

То же самое с центром Галактики — в ее осевом звездном облаке есть колоссальная зона жизни на миллионах планетных систем, не знающих ночной тьмы, освещаемых излучением центра Галактики. Оттуда получены непонятные сообщения — картины сложных, невыразимых нашими понятиями структур. Академия Пределов Знания уже четыреста лет ничего не может расшифровать. А может быть...— у африканца захватило дух от внезапной мысли,— с близких планетных систем — членов Кольца приходят сообщения в н у т р е н н е й жизни каждой из населенных планет — ее науки, техники, ее произведений искусства, в то время как дальние древние миры Галактики показывают в н е ш н е е, космическое движение своей науки и жизни? Как переустраивают планетные системы по своему усмотрению? «Подметают» пространство от мешающих звездолетам метеоритов, сваливают их, а заодно и неудобные для жизни холодные внешние планеты в центральное светило, продлевая его излучение или намеренно повышая температуру обогрева своих солнц. Может быть, и этого мало — переустраиваются соседние планетные системы, где создаются наилучшие условия для жизни гигантских цивилизаций.

Мвен Мас соединился с хранилищем памятных записей Великого Кольца и набрал шифр одного из дальних сообщений. На экране медленно поплыли странные картины, пришедшие на Землю с шарового звездного скопления Омега Центавра. Оно было вторым из самых близких к солнечной системе и отстояло всего шесть тысяч восемьсот парсек. Двадцать две тысячи лет пронизывал мировое пространство свет его ярких звезд, чтобы достичь глаз земного человека.

Плотный синий туман стелился ровными слоями, которые были проткнуты вертикальными черными цилиндрами, довольно быстро вращающимися. Едва уловимо контуры цилиндров время от времени сжимались, становились похожими на низкие конусы, соединенные основаниями. Тогда слои синего тумана разрывались на резкие огненные серпы, бешено вращающиеся вокруг оси конусов, чернота исчезала куда-то ввысь, вырастали колоссальные ослепительно белые колонны, из-за которых косыми кулисами высовывались граненые острия зеленого цвета.

Мвен Мас тер лоб в усилиях уловить хоть что-то, поддающееся осмысливанию.

На экране граненые острия обвились спиралями вокруг белых колонн и вдруг осыпались потоком металлически сверкавших шаров, сложившихся в широкий кольцевой пояс. Пояс начал расти в ширину и в высоту.

Мвен Мас усмехнулся и выключил запись, вернувшись к прежним размышлениям.

«Из-за отсутствия населенных миров или, вернее, связи с ними в высоких широтах Галактики мы, люди Земли, еще не можем выбиться из нашей затемненной экваториальной полосы Галактики. Не можем подняться над космической пылью, в которую погружена наша звезда — Солнце и его соседи. Поэтому узнавать вселенную нам труднее, чем другим...»

Мвен Мас перевел взгляд к горизонту, туда, где ниже Большой Медведицы, под Гончими Псами, лежало созвездие Волос Вероники. Это был «северный» полюс Галактики. Именно в этом направлении открывалась вся широта внегалактического пространства, так же как и на противоположной точке неба — в созвездии Скульптора, недалеко от известной звезды Фомальгаут, у «южного» полюса галактической системы. В краевой области, где находится Солнце, толщина ветвей спирального диска Галактики всего около шестисот парсек. Перпендикулярно к плоскости экватора Галактики можно было бы пройти триста-четыреста парсек, чтобы подняться над уровнем ее гигантского звездного колеса. Этот путь, неодолимый для звездолета, не представлял невозможного для передач Кольца. Но пока ни одна планета звезд, расположенных в этих областях, еще не включилась в Кольцо...

Вечные загадки и безответные вопросы превратились бы в ничто, если бы удалось совершить ему одну величайшую из научных революций — победить время, научиться преодолевать любое пространство в любой промежуток времени, наступить ногой властелина на бесконечные просторы космоса. Тогда не только наша Галактика, но и другие звездные острова станут от нас не дальше мелких островков Средиземного моря, что плещется сейчас внизу в ночном мраке. В этом оправдание отчаянной попытки, задуманной Рен Бозом и осуществляемой им, Мвеном Масом, заведующим внешними станциями Земли. Если бы они могли лучше обосновать постановку опыта, чтобы получить разрешение Совета...

Огни Спиральной Дороги изменили цвет с оранжевого на белый: два часа ночи — время усиления перевозок. Мвен Мас вспомнил, что завтра праздник Пламенных Чаш, на который его звала Чара Нанди. Заведующий внешними станциями не мог забыть знакомства на морском берегу и эту красно-бронзовую девушку с отточенной гибкостью движений. Она была как цветок искренности и сильных порывов, редкий в эпоху хорошо дисциплинированных чувств.

Мвен Мас вернулся в рабочую комнату, вызвал Институт Метагалактики, работавший ночью, и попросил прислать ему на завтрашнюю ночь стереотелефильмы нескольких галактик. Получив согласие, он поднялся на крышу внутреннего фасада. Здесь находился его аппарат для дальних прыжков. Мвен Мас любил этот непопулярный спорт и достиг немалого мастерства. Закрепив лямки от баллона с гелием вокруг себя, африканец упругим скачком взвился в воздух, на секунду включив тяговой пропеллер, работавший от легкого аккумулятора. Мвен Мас описал в воздухе дугу около шестисот метров длиной, приземлился на выступе Дома Пищи и повторил прыжок. Пятью скачками он добрался до небольшого сада под обрывом известняковой горы, снял аппарат на алюминиевой вышке и соскользнул по шесту на землю, к своей жесткой постели, стоявшей под огромным платаном. Под шелест листьев могучего дерева он уснул.

Праздник Пламенных Чаш получил свое название от известного стихотворения поэта-историка Зан Сена, описавшего древнеиндийский обычай выбирать красивейших женщин, которые подносили отправлявшимся на подвиг героям боевые мечи и чаши с пылавшей в них ароматной смолой. Мечи и чаши давно исчезли из употребления, но остались символом подвига. Подвиги же безмерно умножились в отважном, полном энергии населении планеты. Огромная работоспособность, в прошлом известная лишь у особо выносливых людей, называвшихся гениями, полностью зависела от физической крепости тела и обилия гормонов-стимуляторов. Забота о физической мощи за тысячелетия сделала то, что рядовой человек планеты стал подобен древним героям, ненасытным в подвиге, любви и познании.

Праздник Пламенных Чаш стал весенним праздником женщин. Каждый год, в четвертом месяце от зимнего солнцеворота, или, по-старинному, в апреле, самые прелестные женщины Земли показывались в танцах, песнях, гимнастических упражнениях. Тонкие оттенки красоты различных рас, проявлявшиеся в смешанном населении планеты, блистали здесь в неисчерпаемом разнообразии, точно грани драгоценных камней, доставляя бесконечную радость зрителям — от утомленных терпеливым трудом ученых и инженеров до вдохновенных художников или совсем еще юных школьников третьего цикла.

Не менее красив был осенний мужской праздник Геркулеса, совершавшийся в девятом месяце. Вступившие в зрелость юноши отчитывались в совершенных ими подвигах Геркулеса. Впоследствии вошло в обычай в эти дни проводить всенародные смотры совершенных за год замечательных поступков и достижений. Праздник стал общим — мужским и женским — и разделился на дни Прекрасной Полезности, Высшего Искусства, Научной Смелости и Фантазии. Когда-то и Мвен Мас был признан героем первого и третьего дней...

Мвен Мас появился в гигантском Солнечном зале Тирренского стадиона как раз во время выступления Веды. Он нашел девятый сектор четвертого радиуса, где сидели Эвда Наль и Чара Нанди, и стал под тенью аркады, вслушиваясь в низкий голос Веды. В белом платье, высоко подняв светловолосую голову и обратив лицо к верхним галереям зала, она пела что-то радостное и показалась африканцу воплощением весны.

Каждый из зрителей нажимал одну из четырех располагавшихся перед ним кнопок. Загоравшиеся в потолке зала золотые, синие, изумрудные или красные огни показывали оценку артисту и заменяли шумные аплодисменты прежних времен.

Веда кончила петь, была награждена пестрым сиянием золотых и синих огней, среди которых затерялись немногочисленные зеленые, и алая, как обычно от волнения, присоединилась к подругам. Тогда подошел и Мвен Мас, встреченный приветливо.

Африканец оглядывался, ища взглядом своего учителя и предшественника, но Дар Ветра нигде не было видно.

— Где вы спрятали Дар Ветра?— шутливо обратился Мвен Мас ко всем трем женщинам.

— А куда вы девали Рен Боза?— ответила Эвда Наль, и африканец поспешил уклониться от ее проницательных глаз.

— Ветер роется под Южной Америкой, добывая титан,— сказала более милосердная Веда Конг, и что-то дрогнуло в ее лице.

Чара Нанди жестом защиты притянула к себе прекрасного историка и прижалась щекой к ее щеке. Лица обеих женщин, таких разных, были сходны объединявшей их кроткой нежностью.

Брови Чары, прямые и низкие под широким лбом, казались контуром парящей птицы и гармонировали с длинным разрезом глаз. У Веды брови поднимались вверх.

«Птица взмахнула крыльями...»— подумал африканец.

Густые и блестящие черные волосы Чары падали на затылок и плечи, оттеняя строгий цвет приглаженных и высоко зачесанных волос Веды.

Чара взглянула на часы в куполе зала и поднялась.

Одеяние Чары поразило африканца. На смуглых плечах девушки лежала платиновая цепочка, оставлявшая открытой шею. Ниже ключиц цепочка застегивалась светящимся красным турмалином.

Крепкие груди, похожие на широкие опрокинутые чаши, выточенные изумительно точным резцом, были почти открыты. Между ними от застежки к поясу проходила полоска темно-фиолетовой ткани. Такие же

полоски шли через середину каждой груди, оттягиваясь назад цепочкой, сомкнутой на обнаженной спине. Очень тонкую талию девушки обхватывал белый, усеянный черными звездами пояс с платиновой пряжкой в виде лунного серпа. Сзади к поясу прикреплялась как бы половина длинной юбки из тяжелого шелка, тоже украшенного черными звездами. Никаких драгоценностей на танцовщице не было, кроме сверкающих пряжек на маленьких черных туфлях.

— Скоро мой черед,— безмятежно сказала Чара, направляясь к аркаде прохода, оглянулась на Мвена Маса и исчезла, провожаемая шепотом вопросов и тысячами взглядов.

На сцене появилась гимнастка — великолепно сложенная девушка не старше восемнадцати лет. Под речитатив музыки, озаренная золотистым светом, гимнастка проделала стремительный каскад взлетов, прыжков и поворотов, застывая в немыслимом равновесии в моменты напевных и протяжных переходов мелодии. Зрители одобрили выступление множеством золотых огней, и Мвен Мас подумал, что Чаре Нанди будет нелегко выступать после такого успеха. В легкой тревоге он осмотрел безликое множество людей напротив и вдруг заметил в третьем секторе художника Карта Сана. Тот приветствовал его с веселостью, показавшейся африканцу неуместной, кто, как не художник, написавший с Чары картину «Дочь Средиземного моря», должен был обеспокоиться судьбой ее выступления.

Только африканец успел подумать, что после опыта он поедет смотреть картину, как огни вверху погасли. Прозрачный пол из органического стекла загорелся малиновым светом раскаленного чугуна. Из-под нижних козырьков сцены заструились потоки красных огней. Они метались и набегали, сочетаясь с ритмом мелодии в пронизывающем пении скрипок и низком звоне медных струн. Несколько ошеломленный стремительностью и силой музыки, Мвен Мас не сразу заметил, что в центре пламеневшего пола появилась Чара, начавшая танец в таком темпе, что зрители затаили дыхание.

Мвен Мас ужаснулся, что же будет, если музыка потребует еще большего убыстрения. Танцевали не только ноги, не только руки — все тело девушки отвечало на пламенную музыку не менее жарким дыханием жизни. Африканец подумал, что если древние женщины Индии были такие, как Чара, то прав поэт, сравнивший их с пламенными чашами и давший наименование женскому празднику.

Красноватый загар Чары в отсветах сцены и пола приняли яркий медный оттенок. Сердце Мвена Маса неистово забилось. Этот цвет кожи он видел у людей сказочной планеты Эпсилон Тукана. Тогда же он узнал, что может существовать такая одухотворенность тела, способного своими движениями, тончайшим изменением прекрасных форм выразить самые глубокие оттенки чувств, фантазии, страсти, мольбы о радости.

Прежде весь устремленный в недоступную даль девяноста парсек, Мвен Мас понял, что в необъятном богатстве красоты земного человечества могут оказаться цветы, столь же прекрасные, как и бережно лелеемое им видение далекой планеты. Но длительное стремление к невозможной мечте не могло исчезнуть так быстро. Чара, приняв облик краснокожей дочери Эпсилон Тукана, укрепила упрямое решение заведующего внешними станциями.

Эвда Наль и Веда Конг — сами отличные танцовщицы, впервые видевшие танцы Чары, были потрясены. Веда, в которой говорил ученый-антрополог и историк древних рас, решила, что в далеком прошлом женщин Гондваны, южных стран, всегда было больше, чем мужчин, которые гибли в боях со множеством опасных зверей. Позднее, когда в многолюдных странах юга образовались деспотические государства древнего Востока,

мужчины гибли в постоянных войнах, зачастую вызванных религиозным фанатизмом или случайными прихотями деспотов. Дочери Юга вели трудную жизнь, в которой оттачивалось их совершенство. На Севере, при редком населении и небогатой природе, не было государственного деспотизма Темных веков. Там мужчин сохранялось больше, женщины ценились выше и жили с большим достоинством.

Веда следила за каждым жестом Чары и думала, что в ее движениях есть удивительная двойственность: они одновременно нежные и хищные. Нежность — от плавности движений и невероятной гибкости тела, а хищное впечатление исходит от резких переходов, поворотов и остановок, происходящих с почти неуловимой быстротой хищного зверя. Эта вкрадчивая гибкость получена темнокожими дочерьми Гондваны в тысячелетия тяжелой борьбы за существование. Но как гармонично она сочеталась в Чаре с твердыми и мелкими критско-эллинскими чертами лица!

В короткое замедление адажио вплелись учащавшиеся диссонансные звучания каких-то ударных инструментов. Стремительный ритм взлетов и падений человеческих чувств в танце выражался чередованием насыщенных движений и почти полной остановкой их, когда танцовщица застывала недвижным изваянием. Пробуждение дремлющих чувств, бурная вспышка их, изнеможенное сникание, гибель и новое возрождение, опять бурное и неизведанное, жизнь, скованная и борющаяся с неотвратимой поступью времени, с четкой и неумолимой определенностью долга и судьбы. Эвда Наль почувствовала, как близка ей психологическая основа танца, как щеки ее покрываются краской и учащается дыхание... Мвен Мас не знал, что балетная сюита написана композитором специально для Чары Нанди, но перестал страшиться ураганного темпа, видя, как легко справляется с ним девушка. Красные волны света обнимали ее медное тело, обдавали алыми всплесками, сильные ноги тонули в темных извивах ткани, зарей розовели на белом шелке. Ее закинутые назад руки медленно замирали над головой. И вдруг, без всякого финала, оборвалось буйное звучание повышавшихся нот, остановились и погасли красные огни. Высокий купол зала всыхнул обычным светом. Усталая девушка склонила голову, и ее густые волосы скрыли лицо. Вслед за тысячами золотых вспышек послышался глухой шум. Зрители оказывали Чаре высшую почесть артиста — благодарили ее, встав и поднимая над головами сложенные руки. И Чара, бестрепетная перед выступлением, смутилась, откинула с лица волосы и убежала, обратив взгляд к верхним галереям.

Распорядители праздника объявили перерыв. Мвен Мас устремился на поиски Чары, а Веда Конг и Эвда Наль вышли на гигантскую, в километр шириной, лестницу из голубого непрозрачного стекла — смальты, спускавшуюся от стадиона прямо в море. Вечерние сумерки, прозрачные и прохладные, потянули обеих женщин искупаться по примеру тысяч зрителей праздника.

— Не напрасно я сразу заметила Чару Нанди,— заговорила Эвда Наль.— Она замечательная артистка. Сегодня мы видели танец силы жизни! Это, вероятно, и есть Эрос древних...

— Я теперь поняла Карта Сана, что красота в самом деле важнее, чем нам кажется. Она — счастье и смысл жизни, он хорошо сказал тогда! И ваше определение верное,— согласилась Веда, сбрасывая туфли и погружая ноги в теплую воду, плескавшуюся на ступенях.

— Верное, если психическая сила порождена здоровым, полным энергии телом,— поправила Эвда Наль, снимая платье и бросаясь в прозрачные волны.

Веда догнала ее, и обе поплыли к огромному резиновому острову, серебрившемуся в полутора километрах от набережной стадиона. Плоская, вровень с уровнем воды, поверхность острова окаймлялась рядами навесов в форме раковин из перламутровой пластмассы достаточного размера, чтобы укрыть от солнца и ветра трех-четырех людей и полностью изолировать их от соседей.

Обе женщины улеглись на мягком, колышущемся полу «раковины», вдыхая вечно свежий запах моря.

— С тех пор как мы виделись на берегу, вы сильно загорели!— сказала Веда, оглядывая подругу.— Были у моря, или это пилюли загарного пигмента?

— Пилюли ЗП,— призналась Эвда.— Я была на солнце только вчера и сегодня.

— Вы в самом деле не знаете, где Рен Боз?— продолжала Веда.

— Приблизительно знаю, и этого мне достаточно, чтобы беспокоиться!— тихо ответила Эвда Наль.

— Разве вы хотите?..— Веда умолкла, не закончив мысли, и Эвда подняла лениво приспущенные веки и прямо посмотрела ей в глаза.

— Мне Рен Боз кажется каким-то беспомощным, еще незрелым мальчишкой,— нерешительно возразила Веда,— а вы такая цельная, с могучим разумом, не уступающая никакому мужчине. У вас внутри всегда чувствуется стальной стержень воли.

— Это мне говорил и Рен Боз. Но вы не правы в его оценке, такой же односторонней, как и сам Рен. Это человек смелого и могучего ума, громадной работоспособности. Даже в наше время немного найдется равных ему людей на планете. В сочетании с его способностями остальные его качества кажутся недоразвитыми, потому что они как у средних людей или даже более инфантильны. Вы правильно назвали Рена — он мальчишка, но в то же время он — герой в точном смысле этого понятия. Вот Дар Ветер — в нем тоже есть мальчишество, но оно просто от избытка физической силы, а не от недостатка ее, как у Рена.

— А как вы расцениваете Мвена?— заинтересовалась Веда.— Теперь вы лучше познакомились с ним?

— Мвен Мас — красивая комбинация холодного ума и архаического неистовства желаний.

Веда Конг расхохоталась:

— Как бы мне научиться такой точности характеристик!

— Психология — моя специальность,— пожала плечами Эвда.— Но позвольте мне теперь задать вам вопрос. Вы знаете, что Дар Ветер очень привлекает меня?..

— Вы опасаетесь половинчатых решений?— зарделась Веда.— Нет, здесь не будет гибельных половинок и неискренности. Все до звонкости ясно...— И под испытующим взглядом ученого-психиатра Веда спокойно продолжала: — Эрг Ноор... наши пути разошлись давно. Только я не могла отдалиться и тем ослабить силу надежды, веры в его возвращение. Теперь это снова точный расчет и уверенность. Эрг Ноор все знает, но идет своим путем.

Эвда Наль обняла тонкой рукой прямые плечи Веды.

— Это значит — Дар Ветер?

— Да!— твердо ответила Веда.

— А он знает?

— Нет. Потом, когда «Тантра» будет здесь... Не пора ли вернуться?— воскликнула Веда.

— Мне пора покинуть праздник,— сказала Эвда Наль,— отпуск кон-

чается. Предстоит большая новая работа в Академии Горя и Радости, а мне надо еще повидать дочь.

— У вас большая дочь?

— Семнадцать. Сын много старше. Я выполнила долг каждой женщины с нормальным развитием и наследственностью — два ребенка, не меньше. А теперь хочу третьего — только взрослого!

Эвда Наль улыбнулась, и ее сосредоточенное лицо засветилось лаской любви, изогнутая крутым луком верхняя губа приоткрылась.

— А я представила себе славного большеглазого мальчишку... с таким же ласковым и удивленным ртом... но с веснушками и курносого,— лукаво сказала Веда, глядя прямо перед собой.

Ее подруга, помолчав, спросила:

— У вас еще нет новой работы?

— Нет, я жду «Тантру». Потом будет долгая экспедиция.

— Поедем со мной к дочери,— предложила Эвда, и Веда охотно согласилась.

Во всю стену обсерватории высился семиметровый гемисферный экран для просмотра снимков и фильмов, снятых мощными телескопами. Мвен Мас включил обзорный снимок участка неба близ северного полюса Галактики — меридиональную полосу созвездий от Большой Медведицы до Ворона и Центавра. Здесь, в Гончих Псах, Волосах Вероники и Деве, находилось множество галактик — звездных островов вселенной в форме плоских колес или дисков. Особенно много их было открыто в Волосах Вероники — отдельные, правильные и неправильные, в различных поворотах и проекциях, подчас невообразимо далекие, отстоящие на миллиарды парсек, подчас образующие целые «облака» из десятков тысяч галактик. Самые крупные галактики достигают от двадцати до пятидесяти тысяч парсек в диаметре, как наш звездный остров или галактика НН 89105+ +СБ23, в старину называвшаяся М-31, или туманность Андромеды. Маленькое, слабо светящееся туманное облачко было видно с Земли простым глазом. Уже давно люди раскрыли тайну этого облачка. Туманность оказалась исполинской колесообразной звездной системой, в полтора раза большей, чем даже наша гигантская Галактика. Изучение туманности Андромеды, несмотря на расстояние в четыреста пятьдесят тысяч парсек, отделявшее ее от земных наблюдателей, очень помогло познанию нашей собственной Галактики.

С детства Мвен Мас помнил великолепные фотографии различных галактик, полученные с помощью электронного инверсирования оптических изображений или радиотелескопами, проникающими дальше в глубины космоса, как, например, два исполинских телескопа — Памирский и Патагонский, каждый в четыреста километров диаметром. Галактики — чудовищные скопления сотен миллиардов звезд, разделенные миллионами парсек расстояния,— всегда будили в нем неистовое желание узнать законы их устройства, историю их возникновения и дальнейшую судьбу. И главное, что теперь тревожило каждого обитателя Земли,— вопрос о жизни на бесчисленных планетных системах этих островов вселенной, о горящих там огнях мысли и знания, о человеческих цивилизациях в столь безмерно удаленных пространствах космоса.

На экране появились три звезды, называвшиеся у древних арабов Сиррах, Мирах и Альмах — альфа, бета и гамма Андромеды, расположенные по восходящей прямой. По обе стороны от этой линии располагались две близкие галактики — гигантская туманность Андромеды и кра-

сивая спираль М-33 в созвездии Треугольника. Мвен Мас не захотел еще раз увидеть их знакомые светящиеся очертания и переменил металлическую пленку.

Вот галактика, известная с древности, названная тогда НГК 5194, или М-51 в созвездии Гончих Псов, отстоящая на миллионы парсек. Это одна из немногих галактик, видимых от нас плашмя, перпендикулярно плоскости «колеса». Ярко светящееся плотное ядро из миллионов звезд, с двумя спиральными рукавами. Их длинные концы кажутся все слабее и туманнее, пока не исчезают в темноте пространства, протягиваясь в противоположные друг другу стороны на десятки тысяч парсек. Между рукавами, или главными ветвями, чередуясь с черными провалами — сгустками темной материи, протягиваются короткие струи звездных сгущений и облаков светящегося газа, изогнутые в точности как лопатки турбины.

Очень красива колоссальная галактика НГК 4565 в созвездии Волос Вероники. С расстояния в семь миллионов парсек она видна ребром. Наклоненная на одну сторону, как парящая птица, галактика широко простирает в стороны свой, очевидно состоящий из спиральных ветвей, тонкий диск, а в центре сильно сплющенным шаром горит ядро, кажущееся плотной светящейся массой. Отчетливо видно, насколько плоски звездные острова,— галактику можно сравнить с тонким колесом часового механизма. Края колеса нечетки, как бы растворяются в бездонной тьме пространства. На таком же краю нашей Галактики находятся Солнце и крошечная пылинка — Земля, сцепленная силой знания со множеством обитаемых миров и распростершая крылья человеческой мысли над вечностью космоса!

Мвен Мас переключил датчик на наиболее интересовавшую его всегда галактику НГК 4594 из созвездия Девы, также видимую в плоскости ее экватора. Эта галактика, удаленная на расстояние в десять миллионов парсек, походила на толстую линзу горящей звездной массы, окутанную слоем светящегося газа. По экватору чечевицу пересекала толстая черная полоса — сгущение темной материи. Галактика казалась таинственным фонарем, светящим из бездны.

Какие миры скрывались там, в ее суммарном излучении, более ярком, чем у других галактик, в среднем достигавшем спектрального класса Ф? Есть ли там обитатели могучих планет, бьется ли так же, как у нас, мысль над тайнами природы?

Полная безответность громадных звездных островов заставляла Мвена Маса стискивать кулаки. Он понимал всю чудовищность расстояния — до этой галактики свет идет тридцать два миллиона лет! На обмен сообщениями понадобится шестьдесят четыре миллиона лет!

Мвен Мас порылся в катушках, и на экране загорелось большое, яркое и округлое пятно света среди редких и тусклых звезд. Неправильная черная полоса рассекала пятно пополам, оттеняя сильно светящиеся огненные массы по обеим сторонам черноты, которая расширялась на концах и затемняла обширное поле горящего газа, кольцом охватывавшего яркое пятно. Так выглядел полученный невероятными ухищрениями техники снимок сталкивающихся галактик в созвездии Лебедя. Это столкновение гигантских галактик, равных по размерам нашей или туманности Андромеды, было давно известно как источник радиоизлучения, пожалуй, самый мощный в доступной нам части вселенной. Быстро двигавшиеся колоссальные газовые струи порождали электромагнитные поля такой невообразимой мощности, что они посылали во все концы вселенной весть о титанической катастрофе. Сама материя отправляла этот сигнал бедствия радиостанцией мощностью в квинтиллиард, или тысячу квинтил-

лионов, киловатт. Но расстояние до галактик было так велико, что сиявший на экране снимок показывал их состояние сотни миллионов лет назад. Как выглядят сейчас проходящие одна сквозь другую галактики, мы увидим так много времени спустя, что неизвестно, просуществует ли человечество так невообразимо долго.

Мвен Мас вскочил и уперся руками в массивный стол так, что захрустели суставы.

Сроки пересылки в миллионы лет, недоступные для десятков тысяч поколений, означающие убийственное для сознания «никогда» даже для отдаленнейших потомков, могли бы исчезнуть от взмаха волшебной палочки. Эта палочка — открытие Рен Боза и их совместный опыт.

Невообразимо далекие точки вселенной окажутся на расстоянии протянутой руки!

Древние астрономы считали галактики разбегающимися в разные стороны. Свет, проходивший в земные телескопы от далеких звездных островов, был изменен — световые колебания удлинялись, преобразуясь в красные волны. Это покраснение света свидетельствовало об удалении галактики от наблюдателя. Люди прошлого привыкли воспринимать явления односторонне и прямолинейно — они создали теорию разбегающейся или взрывающейся вселенной, еще не понимая, что видят лишь одну сторону великого процесса разрушения и созидания. Именно одна лишь сторона — рассеяния и разрушения, то есть переход энергии на низшие уровни по второму закону термодинамики, воспринималась нашими чувствами и построенными для усиления этих чувств приборами. Другая же сторона — накопления, собирания и созидания — не ощущалась людьми, так как сама жизнь черпала свою силу из энергии, рассеиваемой звездами-солнцами, и соответственно этому образовалось наше восприятие окружающего мира. Однако могучий мозг человека проник и в эти скрытые от нас процессы созидания миров в нашей вселенной. Но в те давние времена казалось, что чем дальше от Земли находилась какая-нибудь галактика, тем большую скорость удаления она показывала. С углублением в пространство дело дошло до близких к свету скоростей галактик. Пределом видимой вселенной стало то расстояние, с которого галактики казались бы достигшими скорости света — действительно, никакого света мы бы от них не получили и никогда не смогли бы их увидеть. Теперь мы знаем причины покраснения света далеких галактик. Их не одна. От далеких звездных островов до нас доходит только свет, испускаемый их яркими центрами. Эти колоссальные массы материи окружены кольцевыми электромагнитными полями, очень сильно воздействующими на лучи света не только своей мощностью, но и протяженностью, накапливающей замедление световых колебаний, которые становятся более длинными красными волнами. Астрономы давно знали, что свет от очень плотных звезд краснеет, линии спектра смещаются к красному концу и звезда кажется удаляющейся, как, например, вторая составляющая Сириуса — белый карлик Сириус Б. Чем дальше галактика, тем больше централизуется достигающее до нас излучение и тем сильнее смещение к красному концу спектра.

С другой стороны, световые волны в очень далеком пути по пространству «раскачиваются», и кванты света теряют часть энергии. Теперь это явление изучено — красные волны могут быть и усталыми, «старыми» волнами обычного света. Даже всепроникающие световые волны «стареют», пробегая немыслимые расстояния. Какая же надежда преодолеть его человеку, если не наступить на само тяготение его противоположностью, как то следует из математики Рен Боза?

Нет, уменьшилась тревога. Он прав, производя небывалый опыт! Мвен Мас, как всегда, вышел на балкон обсерватории и принялся быстро расхаживать. В утомленных глазах еще светились далекие галактики, славшие к Земле волны красного света как сигналы о помощи, призывы к всепобеждающей мысли человека. Мвен Мас засмеялся тихо и уверенно. Эти красные лучи станут так же близки человеку, как те, что обдавали красным светом жизни тело Чары Нанди на празднике Пламенных Чаш, Чары, нежданно явившейся к нему медной дочерью звезды Эпсилон Тукана, девушкой его грез.

И он ориентирует вектор Рен Боза именно на Эпсилон Тукана уже не только в надежде увидеть прекрасный мир, но и в честь ее — его земной представительницы!

Глава девятая

ШКОЛА ТРЕТЬЕГО ЦИКЛА

Четыреста десятая школа третьего цикла находилась на юге Ирландии. Широкие поля, виноградники и купы дубов спускались от зеленых холмов к морю. Веда Конг и Эвда Наль приехали в час занятий и медленно шли по кольцевому коридору, обегавшему учебные комнаты, развернутые по периметру круглого здания. Был пасмурный день с мелким дождем, и занятия шли в помещениях, а не на лужайках под деревьями, как обычно.

Веда Конг, почувствовавшая себя девчонкой-школьницей, кралась и подслушивала у входов, устроенных как в большинстве школ, без дверей, с выступами стен, кулисообразно заходившими друг за друга. Эвда Наль вошла в игру. Женщины осторожно заглядывали в классы, стараясь найти дочь Эвды и остаться незамеченными.

В первой комнате они обнаружили начерченный во всю стену синим мелком вектор, окруженный спиралью, разворачивавшейся вдоль него. Два участка спирали были окружены поперечными эллипсами с вписанной в них системой прямоугольных координат.

— Биполярная математика! — с шутливым ужасом воскликнула Веда.

— Здесь что-то большее! Подождем минуту,— возразила Эвда.

— Теперь, когда мы познакомились с теневыми функциями кохлеарного, то есть спирального поступательного движения, возникающими по вектору,— объяснял пожилой преподаватель с глубоко посаженными горящими глазами,— мы подходим к понятию «репагулярное исчисление». Название исчисления — от древнего латинского слова, означающего «преграда, запор», точнее, переход одного качества в другое, взятый в двустороннем аспекте.— Преподаватель показал на широкий эллипс спирали.— Иными словами, математическое исследование взаимопереходящих явлений.

Веда Конг скрылась за выступом, утащив подругу за руку.

— Это новое! Из той области, о которой толковал ваш Рен Боз на морском берегу.

— Школа всегда дает ученикам самое новое, постоянно отбрасывая старое. Если новое поколение будет повторять устарелые понятия, то

как мы обеспечим быстрое движение вперед? И без того на передачу эстафеты знания детям уходит так бесконечно много времени. Десятки лет пройдут, пока ребенок станет полноценно образованным, годным к исполнению гигантских дел. Эта пульсация поколений, где шаг вперед и девять десятых назад — назад, пока растет и обучается смена,— самый тяжелый для человека биологический закон смерти и возрождения. Многое из того, что мы учили в области математики, физики и биологии, устарело. Другое дело — ваша история: эта стареет медленнее, так как сама очень стара.

Они заглянули в другую комнату. Стоявшая спиной преподавательница и увлеченные лекцией школьники ничего не заметили. Здесь были рослые юноши и девушки по семнадцати лет. Их порозовевшие щеки говорили, насколько захвачены они уроком.

— Мы, человечество, прошли через величайшие испытания,— голос учительницы звенел волнением.— И до сих пор главное в школьной истории — изучение исторических ошибок человечества и их последствий. Мы прошли через непосильное усложнение жизни и предметов быта, чтобы прийти к наибольшей упрощенности. Усложнение быта приводило к упрощению духовной культуры. Не должно быть никаких лишних вещей, связывающих человека, переживания и восприятия которого гораздо тоньше и сложнее в простой жизни. Все, что относится к обслуживанию повседневной жизни, так же обдумывается лучшими умами, как и важнейшие проблемы науки. Мы последовали общему пути эволюции животного мира, которое было направлено на освобождение внимания путем автоматизации движений, развития рефлексов в работе нервной системы организма. Автоматизация производительных сил общества создала аналогичную рефлекторную систему управления в экономическом производстве и позволила множеству людей заниматься тем, что является основным делом человека,— научными исследованиями. Мы получили от природы большой исследовательский мозг, хотя вначале он был предназначен только для поисков пищи и исследования ее съедобности.

— Хорошо! — шепнула Эвда Наль и тут увидела дочь.

Девушка, ничего не подозревая, задумчиво смотрела на волнистую поверхность оконного стекла, не дававшую возможность видеть что-то вне класса.

Веда Конг с любопытством сравнивала ее с матерью. Те же прямые длинные черные волосы, проплетенные у дочери голубой нитью и подвязанные двумя большими петлями. Тот же сужавшийся книзу овал лица, в котором было что-то детское от слишком широкого лба и выступавших под висками скул. Снежно-белая кофточка из искусственной шерсти подчеркивала темноватую бледность ее кожи и резкую черноту глаз, бровей и ресниц. Ожерелье красного коралла гармонировало с безусловно оригинальной внешностью этой девушки.

Дочь Эвды была одета в такие же широкие и короткие, выше колен, штаны, как и все в классе, только отличавшиеся красной бахромой, вшитой в боковые швы.

— Индейское украшение,— шепнула Эвда Наль на вопросительную улыбку подруги.

Эвда и Веда поспешили отступить в коридор: из класса, закончив лекцию, выходила учительница. Следом устремились несколько учеников, среди них и дочь Эвды. Внезапно девушка замерла, увидев мать — свою гордость и всегдашний пример для подражания. Эвда не знала, что в школе существовал кружок ее почитателей, решивших идти в жизни той же дорогой, что знаменитая Эвда Наль.

— Мама! — прошептала девушка и, бросив застенчивый взгляд на спутницу матери, прильнула к Эвде.

Учительница остановилась и подошла ближе.

— Я должна уведомить школьный совет,— сказала она, не подчиняясь протестующему жесту Эвды Наль.— Мы извлечем некую пользу из вашего приезда.

— Лучше извлекайте пользу вот из кого.— Эвда представила Веду Конг.

Учительница истории залилась румянцем и стала совсем юной.

— Очень хорошо! — Она пыталась сохранить деловой тон.— Школа накануне выпуска старших групп. Жизненное напутствие Эвды Наль в сочетании с образом древних культур и рас, данным Ведой Конг,— большая удача для нашей молодежи! Правда, Реа?

Дочь Эвды захлопала в ладоши. Учительница устремилась легкой побежкой гимнастки в служебные помещения, находившиеся в длинной прямой пристройке.

— Реа, ты пропустишь труд, и мы погуляем в саду? — предложила Эвда дочери.— Я не успею навестить тебя еще раз до выбора тобой подвигов. В прошлый раз мы окончательно не решили...

Реа безмолвно взяла мать за руку. Занятия в каждом цикле школы чередовались с уроками труда. Сейчас был один из любимых уроков Реи — шлифовка оптических стекол, но что могло быть интереснее и важнее приезда матери?

Веда пошла к видневшейся вдали маленькой астрономической обсерватории, оставив мать и дочь наедине. Реа, по-детски прильнув к сильной руке матери, шла рядом, сосредоточенно думая.

— Где твой маленький Кай? — спросила Эвда, и девушка заметно опечалилась.

Кай был ее учеником. Старшие школьники навещали расположенные поблизости школы первого или второго циклов и наблюдали за учением и воспитанием выбранных подопечных. При тщательности воспитания интегральная помощь учителям была необходима.

— Кай перешел во второй цикл и уехал далеко отсюда. Мне так жалко... Зачем нас переводят с одного места в другое каждые четыре года, от цикла к циклу?

— Ты знаешь, что психика утомляется и тупеет в однообразии впечатлений.

— Я только не понимаю, почему первый из четырех трехлетних циклов носит название нулевого — ведь в нем происходит тоже очень важный процесс воспитания и обучения малышей от года до четырех.

— Старое и неудачное название. Но мы избегаем менять установившиеся термены без крайней нужды. Это всегда влечет за собой ненужную трату человеческой энергии. Оберегать человечество от этого призван каждый без исключения.

— Но ведь разделение циклов — они учатся и живут отдельно, их постоянные переезды с места на место — тоже большая трата сил?

— С лихвой окупающаяся обострением восприятия, полезного эффекта обучения, которые иначе с каждым годом неизбежно падают. Вы, маленькие люди, по мере роста и воспитания превращаетесь в качественно различные существа. Совместная жизнь разных возрастных групп мешает воспитанию и раздражает самих учащихся. Мы свели разницу к минимуму, разделив детей на четыре возрастных цикла, и все же это несовершенно. Но посоветуемся сначала о твоих мечтах и делах. Мне придется прочитать всем вам лекцию, и, может быть, твои вопросы разъяснятся сами собой.

Реа стала поверять матери свои сокровенные думы с открытой доверчивостью ребенка эры Кольца, никогда не испытавшего обидной насмешки или непонимания. Девушка была воплощением юности, ничего еще не знающей о жизни, но уже полной задумчивого ожидания. С исполнением семнадцатилетия девушка кончала школу и вступала в трехлетний период подвигов Геркулеса, выполняя работу уже среди взрослых. После подвигов окончательно определялись влечения и способности. Тогда следовало двухлетнее высшее образование, дававшее право на самостоятельную работу в избранной специальности. За долголетнюю жизнь человек успевал пройти высшее образование по пяти-шести специальностям, меняя род работы, но от выбора первой и трудной деятельности — Геркулесовых подвигов — зависело многое. Поэтому они выбирались после тщательного обдумывания и обязательно со старшим советчиком.

— Вы уже прошли выпускные психологические испытания? — сдвигая брови, спросила Эвда.

— Прошли. У меня от двадцати до двадцати четырех в первых восьми группах, восемнадцать и девятнадцать в десятой группе и тринадцатой и даже семнадцать в семнадцатой группе! — гордо воскликнула Реа.

— Это превосходно! — обрадовалась Эвда.— Тебе открыто все. Ты не переменила выбора первого подвига?

— Нет. Буду медсестрой на острове Забвения, а потом весь наш кружок, кружок твоих последователей, будет работать в Ютландском психологическом госпитале.

Эвда не поскупилась на добродушные шутки в адрес ретивых психологов, но Реа упросила мать стать ментором для членов кружка, тоже стоявших перед выбором подвигов.

— Мне придется прожить здесь до конца отпуска,— засмеялась Эвда.— Что будет делать Веда Конг?

Реа вспомнила про спутницу матери.

— Она хорошая,— серьезно сказала Реа,— и почти так же красива, как ты!

— Гораздо красивее!

— Нет, я знаю... Вовсе не потому, что ты — моя мама,— настаивала Реа.— Может быть, с первого взгляда она лучше. Но ты несешь в себе внутренние силы, каких у Веды Конг еще нет. Я не говорю, что не будет. Когда будет — тогда...

— Затмит твою маму, как луна звезду?

Реа затрясла головой.

— А разве ты останешься на месте? Ты пройдешь еще дальше ее!

Эвда провела по гладким волосам, заглянув в поднятое к ней лицо дочери.

— Не достаточно ли восхвалений, дочь? Мы упустим время!..

Веда Конг тихо шла по аллее, углубляясь в рощу широколиственных кленов, шелестевших влажной тяжелой листвой. Первые призраки вечернего тумана пытались подняться с близкого луга, но мгновенно развеивались ветром. Веда Конг думала о подвижном покое природы и о том, как удачно выбираются всегда места для постройки школ. Важнейшая сторона воспитания — это развитие острого восприятия природы и тонкого с ней общения. Притупление внимания к природе — это, собственно, остановка развития человека, так как, разучаясь наблюдать, человек теряет способность обобщать. Веда думала об умении учить — драгоценнейшей способности в эпоху, когда наконец поняли, что образование, собственно, и есть воспитание и что только так можно подготовить ребенка к трудному пути человека. Конечно, основа дается врожденными свойства-

ми, но ведь они могут остаться втуне, без тонкой отделки человеческой души, создаваемой учителем.

Ученый-историк вернулась к тем уже отдаленным дням, когда она сама была слепленным из противоречий юным существом третьего цикла, трепещущим от желания пожертвовать собой и в то же время судящим о всем мире только от себя, с эгоцентризмом здоровой молодости. «Как много сделали тогда учителя — поистине нет более высокого дела в нашем мире!»

Учитель — в его руках будущее ученика, ибо только его усилиями человек поднимается все выше и делается все могущественнее, выполняя самую трудную задачу — преодоление самого себя, самолюбивой жадности и необузданных желаний.

Веда Конг повернула к окаймленному соснами маленькому заливу, откуда доносились юношеские голоса, и скоро наткнулась на десяток мальчишек в пластмассовых передниках, усердно обрабатывавших длинный дубовый брус топорами — инструментами, изобретенными еще в пещерах каменного века. Юные строители почтительно приветствовали историка и объяснили, что они, в подражание историческим героям, хотят построить судно без помощи автоматических пил и сборочных станков. Корабль предназначается для плавания к развалинам Карфагена, которое они хотят совершить во время вакаций вместе с учителями истории, географии и труда.

Веда пожелала успеха корабельщикам и собралась идти дальше. Вперед выступил высокий и тонкий юноша с совершенно желтыми волосами.

— Вы приехали вместе с Эвдой Наль? Тогда можно мне задать несколько вопросов?

Веда согласилась.

— Эвда Наль работает в Академии Горя и Радости. Мы проходили общественную организацию нашей планеты и некоторых других миров, но нам ещё не говорили о значении этой Академии.

Веда рассказала о великом учете, проводимом Академией в жизни общества,— подсчете горя и счастья в жизни отдельных людей, исследования горя по возрастным группам. Затем следовал анализ изменений горя и радости по этапам исторического развития человечества. Какова бы ни была разнокачественность переживаний, в массовых итогах, обработанных методами больших чисел — стохастики, получались важные закономерности. Советы, направлявшие дальнейшее развитие общества, обязательно старались добиваться лучших показателей. Только при возрастании радости или ее равновесии с горем считалось, что развитие общества идет успешно.

— Значит, Академия Горя и Радости самая главная? — спросил другой мальчик со смелыми и задорными глазами.

Другие засмеялись, и первый собеседник Веды Конг пояснил:

— Оль везде ищет главенство. И сам мечтает о великих начальниках прошлого.

— Опасный путь,— улыбнулась Веда.— Как историк могу вам сказать, что эти великие начальники были самыми связанными и зависимыми людьми.

— Связанными обусловленностью своих действий? — спросил желтоволосый юноша.

— Именно. Но то было в неравномерно и стихийно развивавшихся древних обществах ЭРМ и более ранних. Теперь главенства нет потому, что действия каждого Совета немыслимы без всех остальных Советов.

— А Совет Экономики? Без него никто не может предпринимать ни-

чего большого,— осторожно возразил смутившийся, но не растерявшийся Оль.

— Верно, потому что экономика — единственная реальная основа нашего существования. Но мне кажется, что у вас не совсем правильное представление о главенстве... Вы уже проходили цитоархитектонику человеческого мозга?

Юноши ответили утвердительно.

Веда попросила дать ей палку и нарисовала на песке круги основных управляющих учреждений.

— Вот в центре Совет Экономики. От него проведем прямые связи к его консультативным органам: АГР — Академии Горя и Радости, АПС— Академии Производительных Сил, АСПБ — Академии Стохастики и Предсказания Будущего, АПТ — Академии Психофизиологии Труда. Боковая связь — с самостоятельно действующим органом — Советом Звездоплавания. От него прямые связи к Академии Направленных Излучений и внешним станциям Великого Кольца. Дальше...

Веда расчертила песок сложной схемой и продолжала:

— Разве это не напоминает вам человеческий мозг? Исследовательские и учетные центры — это центры чувств. Советы — ассоциативные центры. Вы знаете, что вся жизнь состоит из притяжения и отталкивания, ритма взрывов и накоплений, возбуждения и торможения. Главный центр торможения — Совет Экономики, переводящий все на почву реальных возможностей общественного организма и его объективных законов. Это взаимодействие противоположных сил, сведенное в гармоническую работу, и есть наш мозг и наше общество — то и другое неуклонно движется вперед. Когда-то давно кибернетика, или наука об управлении, смогла свести сложнейшие взаимодействия и превращения к сравнительно простым действиям машин. Но чем больше развивалось наше знание, тем сложнее оказывались явления и законы термодинамики, биологии, экономики и навсегда исчезали упрощенные представления о природе или процессах общественного развития.

Юноши слушали Веду не шелохнувшись.

— Что же главное в таком устройстве общества? — обратилась она к любителю начальников.

Тот смущенно молчал, но первый юноша поспешил на выручку.

— Движение вперед! — храбро объявил он, и Веда восхитилась.

— Приз за превосходный ответ! — воскликнула она и, оглядев себя, сняла с левого плеча застежку из эмали, изображавшую белого альбатроса над голубым морем. Молодая женщина протянула вещицу юноше на раскрытой ладони.

Тот замялся в нерешительности.

— На память о сегодняшнем разговоре и о движении вперед! — настаивала Веда, и юноша взял альбатроса.

Придерживая отпадающий наплечник блузки, Веда направилась обратно в парк. Застежка была подарком Эрга Ноора, и внезапное стремление отдать ее означало многое, в том числе и странное желание скорее сбросить с себя прежнее, ушедшее или уходящее, которое знала за собой Веда.

Круглый зал в центре здания собрал все население школьного городка. Эвда Наль в черном платье стала на центральное возвышение, освещенное сверху, и спокойно обвела взглядом ряды амфитеатра. Аудитория замерла, слушая ее негромкий, ясный голос. Орущие усилители употреблялись лишь в технике безопасности. Необходимость больших аудиторий отпала с развитием телевизионных стереофонов ТВФ.

— Семнадцать лет — перелом в жизни. Скоро вы произнесете традиционные слова в собрании Ирландского округа: «Вы, старшие, позвавшие меня на путь труда, примите мое умение и желание, примите мой труд и учите меня среди дня и среди ночи. Дайте мне руку помощи, ибо труден путь, и я пойду за вами». В этой древней формуле между строк заключено очень многое, и сегодня мне следует сказать вам об этом.

Вас с детства учат диалектической философии, когда-то в секретных книгах античной древности называвшейся «Тайной Двойного». Считалось, что ее могуществом могут владеть лишь «посвященные» — сильные, умственно и морально высокие люди. Теперь вы с юности понимаете мир через законы диалектики, и ее могучая сила служит каждому. Вы пришли в жизнь в хорошо устроенном обществе, созданном поколениями миллиардов безвестных тружеников и борцов за лучшую жизнь. Пятьсот поколений прошло со времени образования первых обществ с разделением труда. За это время смешались различные расы и народности. Капля крови, как говорили в старину,— наследственные механизмы, скажем мы теперь,— есть в каждом из вас от каждого народа. Была проделана гигантская работа по очищению наследственности от последствий неосторожного пользования излучениями и от распространенных прежде болезней, проникавших в ее механизмы.

Воспитание нового человека — это тонкая работа с индивидуальным анализом и очень осторожным подходом. Безвозвратно прошло время, когда общество удовлетворялось кое-как, случайно воспитанными людьми, недостатки которых оправдывались наследственностью, врожденной природой человека. Теперь каждый дурно воспитанный человек — укор для всего общества, тягостная ошибка большого коллектива людей.

Но вам, еще не освободившимся от возрастного эгоцентризма и переоценки своего «я», следует ясно представить, как много зависит от вас самих, насколько вы сами — творцы своей свободы и интереса своей жизни. Выбор путей у вас очень широк, но эта свобода выбора вместе с тем и полная ответственность за выбор. Давно исчезли мечты некультурного человека о возвращении к дикой природе, о свободе первобытных обществ и отношений. Перед человечеством, объединившим колоссальные массы людей, стоял реальный выбор: или подчинить себя общественной дисциплине, долгому воспитанию и обучению, или погибнуть,— других путей для того, чтобы прожить на нашей планете, хотя ее природа довольно щедра, нет! Горе-философы, мечтавшие о возвращении назад, к первобытной природе, не понимали и не любили природу по-настоящему, иначе они знали бы ее беспощадную жестокость и неизбежное уничтожение всего, не подчинившегося ее законам.

Перед человеком нового общества встала неизбежная необходимость дисциплины желаний, воли и мысли. Этот путь воспитания ума и воли теперь так же обязателен для каждого из нас, как и воспитание тела. Изучение законов природы и общества, его экономики заменило личное желание на осмысленное знание. Когда мы говорим: «Хочу», мы подразумеваем: «Знаю, что так можно».

Еще тысячелетия тому назад древние эллины говорили: метрон — аристон, то есть самое высшее — это мера. И мы продолжаем говорить, что основа культуры — это понимание меры во всем.

С возрастанием уровня культуры ослабевало стремление к грубому счастью собственности, жадному количественному увеличению обладания, быстро притупляющемуся и оставляющему темную неудовлетворенность.

Мы учим вас гораздо большему счастью отказа, счастью помощи дру-

гому, истинной радости работы, зажигающей душу. Мы помогали вам освободиться от власти мелких стремлений и мелких вещей и перенести свои радости и огорчения в высшую область — творчество.

Забота о физическом воспитании, чистая, правильная жизнь десятков поколений избавили вас от третьего страшного врага человеческой психики — равнодушия пустой и ленивой души. Заряженные энергией, с уравновешенной, здоровой психикой, в которой в силу естественного соотношения эмоций больше доброты, чем зла, вы вступаете в мир на работу. Чем лучше будете вы, тем лучше и выше будет все общество, ибо тут взаимная зависимость. Вы создадите высокую духовную среду, как составляющие частицы общества, и оно возвысит вас самих. Общественная среда — самый важный фактор для воспитания и учения человека. Ныне человек воспитывается и учится всю жизнь, и восхождение общества идет быстро.

Эвда Наль приостановилась, пригладила волосы тем же жестом, что и сидевшая, не сводя с нее глаз, Реа, затем снова заговорила:

— Когда-то люди называли мечтами стремление к познанию действительности мира. Вы будете так мечтать всю жизнь и будете радостны в познании, в движении, в борьбе и труде. Не обращайте внимания на спады после взлетов души, потому что это такие же закономерные повороты спирали движения, как и во всей остальной материи. Действительность свободы сурова, но вы подготовлены к ней дисциплиной вашего воспитания и учения. Поэтому вам, сознающим ответственность, дозволены все те перемены деятельности, которые и составляют личное счастье. Мечты о тихой бездеятельности рая не оправдались историей, ибо они противны природе человека-борца. Были и остались свои трудности для каждой эпохи, но счастьем для всего человечества стало неуклонное и быстрое восхождение к все большей высоте знания и чувств, науки и искусства.

Эвда Наль кончила лекцию и сошла вниз, к передним сиденьям, где ее приветствовала Веда Конг, как Чару на празднике. И все присутствовавшие встали, повторяя этот жест, словно выказывая восхищение невиданным искусством.

Глава десятая

ТИБЕТСКИЙ ОПЫТ

Установка Кора Юлла находилась на вершине плоской горы, всего в километре от Тибетской обсерватории Совета Звездоплавания. Высота в четыре тысячи метров не позволяла существовать здесь никакой древесной растительности, кроме привезенных с Марса черновато-зеленых безлистных деревьев с загнутыми внутрь, к верхушке, ветвями. Светло-желтая трава клонилась под ветром в долине, и эти обладающие железной упругостью пришельцы чужого мира стояли совершенно неподвижно. По откосам горных склонов текли каменные реки из кусков рассыпавшихся скал. Поля, пятна и полосы снега сияли особенной белизной, которую приобретает чистый горный снег под сверкающим небом.

За остатками стен из трещиноватого диорита — развалинами монастыря, с изумительной дерзостью построенного на этой высоте, возвышалась стальная трубчатая башня, поддерживавшая две ажурные дуги. На них,

открытая в небо наклонной параболой, сверкала огромная спираль бериллиевой бронзы, усеянная блестящими белыми точками рениевых[1] контактов. Вплотную к первой спирали прилегала вторая, обращенная открытой стороной к почве и прикрывавшая восемь больших конусов из зеленоватого боразонового сплава. Сюда шли ответвления подводящих энергию труб шестиметрового сечения. Долину пересекали столбы с направляющими кольцами — временный отвод от магистрали обсерватории, принимавшей во время передачи энергию всех станций планеты. Рен Боз, скребя пальцами в лохматой голове, с удовлетворением разглядывал изменения в прежней установке. Сооружение было собрано силами добровольцев в невероятно короткий срок. Самым трудным оказалось строительство глубоких открытых траншей, вырезанных в неуступчивом камне горы без доставки сюда больших горных машин, но теперь и это миновало. Добровольцы, естественно ожидавшие в награду зрелища великого опыта, отправились подальше от установки и облюбовали для своих палаток пологий склон горы к северу от здания обсерватории.

Мвен Мас, в чьих руках находились все связи космоса, сидел на холодном камне напротив физика и, слегка поеживаясь, рассказывал новости Кольца. Спутник 57 последнее время использовался для поддержания связи со звездолетами и планетолетами и не работал для Кольца; Мвен Мас сообщил о гибели Влихх оз Ддиза у звезды Э, и усталый физик оживился.

— Высшее напряжение тяготения в звезде Э при дальнейшей эволюции светила ведет к сильнейшему разогреву. Получается фиолетовый сверхгигант чудовищной силы, преодолевающий колоссальное тяготение. У него уже нет красной части спектра — несмотря на мощность гравитационного поля, волны лучей света не удлиняются, а укорачиваются.

— Становятся крайними фиолетовыми,— согласился Мвен Мас,— и ультрафиолетовыми.

— Не только. Процесс идет дальше. Все более мощными становятся кванты, наконец преодолевается переход нуль-поле и получается зона антипространства — вторая сторона движения материи, неизвестная у нас на Земле из-за ничтожности наших масштабов. Мы не смогли бы достичь ничего подобного, если бы сожгли весь водород океана Земли.

Мвен Мас молниеносно проделал в уме сложнейший подсчет.

— Пятнадцать тысяч триллионов тонн воды перечислим на энергию водородного цикла по принципу относительности масса/энергия, грубо— триллион тонн энергии. Солнце в минуту дает двести сорок миллионов тонн — всего десятилетнее излучение Солнца!

Рен Боз довольно усмехнулся.

— А сколько же даст голубой сверхгигант?

— Затрудняюсь подсчитать. Но судите сами. В Большом Магеллановом Облаке есть скопление НГК 1910 около туманности Тарантул... Простите меня, я привык сам с собой оперировать древними названиями и обозначениями звезд.

— Совершенно неважно.

— Вообще туманность Тарантул настолько ярка, что если бы она находилась на месте известной каждому туманности Ориона, то она светила бы так же, как полная луна. В звездном скоплении 1910 диаметром всего в семьдесят парсек не менее сотни сверхгигантских звезд. Там находится двойной голубой сверхгигант ЭС Золотой Рыбы с яркими линиями водорода в спектре и темными у фиолетового края. Он больше орбиты Земли,

[1] *Бериллий и рений* — редкие металлы.

со светимостью полмиллиона наших солнц! Вы имели в виду именно такую звезду? В этом же скоплении есть еще бóльшие по размеру звезды, с орбиту Юпитера диаметром, но они только еще разогреваются после Э-состояния.

— Оставим в покое сверхгиганты. Люди тысячелетия смотрели на кольцевые туманности в Водолее, Большой Медведице и Лире и не понимали, что перед ними нейтральные поля нуль-гравитации, по закону репагулюма — перехода между тяготением и антитяготением. Там именно и скрывалась загадка нуль-пространства...

Рен Боз вскочил с порога блиндажа управления, сложенного из больших, залитых силикатом глыб.

— Я отдохнул. Можно начинать!

Сердце Мвена Маса забилось, волнение сдавило горло. Африканец глубоко и прерывисто вздохнул. Рен Боз остался спокойным, только лихорадочный блеск его глаз выдавал концентрацию мысли и воли, которую собирал в себе физик, приступая к опасному делу.

Мвен Мас сжал большой рукой маленькую крепкую кисть Рен Боза. Кивок головы, и силуэт заведующего внешними станциями показался уже на спуске горы, по дороге к обсерватории. Холодный ветер зловеще завыл, скатываясь с обледенелых горных гигантов, стороживших долину. Дрожь пронизала Мвена Маса. Он невольно ускорил свои и без того быстрые шаги, хотя торопиться было некуда: опыт начинался после захода солнца.

Мвен Мас удачно связался со спутником 57 по радио лунного диапазона. Установленные на станции отражатели и направляющие фиксировали Эпсилон Тукана на те несколько минут движения спутника от тридцать третьего градуса северной широты до Южного полюса, в которые звезда была видимой с его орбиты.

Мвен Мас занял место за пультом в подземной комнате, очень похожей на такую же в Средиземноморской обсерватории.

Пересматривая в тысячный раз листы с данными о планете звезды Эпсилон Тукана, Мвен Мас методически проверил вычисленную орбиту планеты и снова связался со спутником, условившись, что в момент включения поля наблюдатели спутника 57 будут очень медленно изменять направление по дуге, в четыре раза большей параллакса звезды.

Медленно тянулось время. Мвен Мас никак не мог отделаться от дум о Бете Лоне — преступном математике. Но вот на экране ТВФ появился Рен Боз у пульта опытной установки. Его жесткие волосы торчали более обычного.

Предупрежденные диспетчеры энергостанций сообщили готовность. Мвен Мас взялся за рукоятки пульта, но движение Рен Боза на экране остановило его.

— Надо предупредить резервную Ку-станцию на Антарктиде. Наличной энергии не хватит.

— Я сделал это, она готова.

Физик размышлял еще несколько секунд:

— На Чукотском полуострове и на Лабрадоре построены станции Ф-энергии. Если бы договориться с ними, чтобы включить в момент инверсии поля,— я боюсь за несовершенство аппарата...

— Я сделал это.

Рен Боз просиял и махнул рукой.

Исполинский столб энергии достиг спутника 57. В гемисферном экране обсерватории появились возбужденные молодые лица наблюдателей.

Мвен Мас приветствовал отважных людей, проверил совпадение

и следование столба энергии за спутником. Тогда он переключил мощность на установку Рен Боза. Голова физика исчезла с экрана.

Индикаторы забора мощности склоняли свои стрелки направо, указывая на непрерывное возрастание конденсации энергии. Сигналы горели все ярче и белее. Как только Рен Боз подключал один за другим излучатели поля, указатели наполнения скачками падали к нулевой черте. Захлебывающийся звон с опытной установки заставил вздрогнуть Мвена Маса. Африканец знал, что делать. Движение рукоятки, и вихревая мощность Ку-станции влилась в угасающие глаза приборов, оживила их падающие стрелки. Но едва Рен Боз включил общий инвертор, как стрелки прыгнули к нулю. Почти инстинктивно Мвен Мас подключил сразу обе Ф-станции.

Ему показалось, что приборы погасли, странный бледный свет наполнил помещение. Звуки прекратились. Еще секунда, и тень смерти прошла по сознанию заведующего станциями, притупив ощущения. Мвен Мас боролся с тошнотворным головокружением, стиснув руками край пульта, всхлипывая от усилий и ужасающей боли в позвоночнике. Бледный свет стал разгораться ярче с одной стороны подземной комнаты, с какой — этого Мвен Мас не смог определить или забыл. Может быть, от экрана или со стороны установки Рен Боза...

Вдруг точно разодралась колеблющаяся завеса — и Мвен Мас отчетливо услышал плеск волн. Невыразимый, незапоминаемый запах проник в его широко раздувшиеся ноздри. Завеса сдвинулась налево, а в углу колыхалась прежняя серая пелена. Необычайно реальные встали высокие медные горы, окаймленные рощей бирюзовых деревьев, а волны фиолетового моря плескались у самых ног Мвена Маса. Еще левее сдвинулась завеса, и он увидел свою мечту. Краснокожая женщина сидела на верхней площадке лестницы за столом из белого камня и, облокотясь на его полированную поверхность, смотрела на океан. Внезапно она увидела — ее широко расставленные глаза наполнились удивлением и восторгом. Женщина встала, с великолепным изяществом выпрямив свой стан, и протянула к африканцу раскрытую ладонь. Грудь ее дышала глубоко и часто, и в этот бредовый миг Мвен Мас вспомнил Чару Нанди.

— Оффа алли кор!

Мелодичный, нежный и сильный голос проник в сердце Мвена Маса. Он открыл рот, чтобы ответить, но на месте видения вздулось зеленое пламя, сотрясающий свист пронесся по комнате. Африканец, теряя сознание, почувствовал, как мягкая, неодолимая сила складывает его втрое, вертит, как ротор турбины, и, наконец, сплющивает о нечто твердое... Последней мыслью Мвена Маса была участь станции и Рен Боза...

Находившиеся поодаль на склоне сотрудники обсерватории и строители видели очень мало. В глубоком тибетском небе промелькнуло нечто затемнившее свечение звезд. Какая-то невидимая сила обрушилась сверху на гору с опытной установкой. Там она приняла очертания вихря, который захватил массу камней. Черная воронка с километр в поперечнике, точно выброшенная из гигантской гидравлической пушки, пронеслась к зданию обсерватории, взмыла вверх, завернулась назад и снова ударила по горе с установкой, вдребезги разбив все сооружение и разметав обломки. Мгновение спустя все стихло. В наполненном пылью воздухе остался запах горячего камня и гари, смешавшийся со странным ароматом, напоминавшим запах цветущих берегов тропических морей.

На месте катастрофы люди увидели, что по долине между горой и об-

серваторией идет широкая борозда с оплавленными краями, а обращенный к долине склон горы начисто оторван. Здание обсерватории осталось целым. Борозда достигла юго-восточной стены, разрушила распределительную галерею памятных машин и уперлась в купол подземной камеры, залитой четырехметровым слоем плавленого базальта. Базальт был сточен, будто на исполинском шлифовальном станке. Но часть слоя уцелела, спасши Мвена Маса и подземную комнату от полного уничтожения.

Ручей серебра застыл в углублении почвы — это расплавились предохранители приемной энергостанции.

Скоро удалось восстановить кабели аварийного освещения. При свете прожектора на маяке подъездной дороги люди увидели поразительное зрелище — металл конструкций опытной установки был размазан по борозде тонким слоем, отчего она сверкала, будто хромированная. В отвесный обрыв отрезанного точно ножом склона горы вдавился кусок бронзовой спирали. Камень расплылся стекловатым слоем, как сургуч под горячей печатью. Погруженные в него витки красноватого металла с белыми зубцами рениевых контактов сверкали в электрическом свете вделанным в эмаль цветком. От взгляда на это ювелирное изделие двухсот метров в диаметре ощущался страх перед неведомой, действовавшей здесь силой.

Когда расчистили заваленный обломками спуск в подземную камеру, то нашли Мвена Маса на коленях, уткнувшим голову в камень нижней ступеньки. Видимо, заведующий внешними станциями в момент прояснения сознания делал попытки выбраться. Среди добровольцев отыскались врачи. Могучий организм африканца с помощью не менее могучих лекарств справился с контузией. Мвен Мас встал, дрожа и шатаясь, поддерживаемый с обеих сторон.

— Рен Боз?..

Обступившие ученого люди помрачнели. Заведующий обсерваторией хрипло ответил:

— Рен Боз жестоко изуродован. Вряд ли долго проживет...

— Где он?

— Нашли за горой, на ее восточном склоне. Должно быть, его выбросило из помещения. На вершине горы более ничего нет, даже развалины стерты начисто.

— И Рен Боз лежит там же?

— Его нельзя трогать. Раздроблены кости, сломаны ребра...

— Что такое?

— Живот распорот, и вывалились внутренности...

Ноги Мвена Маса подкосились, и он судорожно ухватился за шеи державших его людей. Но воля и разум действовали.

— Рен Боза надо спасать во что бы то ни стало! Это величайший ученый!..

— Мы знаем. Там пятеро врачей. Над ним поставили стерильную операционную палатку. Рядом лежат двое пожелавших дать кровь. Тиратрон, искусственное сердце и печень уже работают.

— Тогда ведите меня в переговорную. Соединитесь с мировой сетью и вызовите центр информации северного пояса. Как спутник пятьдесят семь?

— Вызывали. Он молчит.

— Разыщите спутник в телескоп и рассмотрите при большом увеличении в электронном инверторе...

— Машины серьезно повреждены, а новых записей на индикаторе нет.

— Все погибло,— прошептал Мвен Мас, опуская голову.

Ночной дежурный северного центра информации увидел на экране измазанное кровью лицо с лихорадочно блестевшими глазами. Он тщательно всмотрелся, прежде чем смог узнать заведующего внешними станциями — широко известную на планете личность.

— Мне нужно председателя Совета Звездоплавания Грома Орма и Эвду Наль, психиатра.

Дежурный кивнул и принялся оперировать с кнопками и верньерами памятной машины. Ответ пришел через минуту.

— Гром Орм готовит материалы и ночует в жилом доме Совета. Вызывать Совет?

— Вызывайте. А Эвда Наль?

— Она находится в четыреста десятой школе, в Ирландии. Если нужно, я попробую вызвать ее,— дежурный посмотрел на схему,— к переговорному пункту 5654СП.

— Очень нужно! Дело жизни и смерти!

Дежурный оторвался от своих схем.

— Случилось несчастье?

— Большое несчастье!

— Я передаю дежурство своему помощнику, а сам займусь исключительно вашим делом. Ждите!

Мвен Мас опустился на придвинутое кресло, собирая мысли и силы. В комнату вбежал заведующий обсерваторией.

— Только что фиксировали положение спутника пятьдесят семь. Его нет!

Мвен Мас встал, как будто не получил никаких повреждений.

— Остался кусок передней части — порт для приема кораблей,— продолжался убийственный доклад.— Он летит по той же орбите. Вероятно, есть еще мелкие куски, но они пока не обнаружены.

— Значит, наблюдатели?..

— Несомненно, погибли!

Мвен Мас сжал кулаками нестерпимо болевшие виски. Прошло несколько томительных минут молчания. Экран вспыхнул снова.

— Гром Орм у аппарата Дома Советов,— сказал дежурный и повернул рукоятку.

На экране, отразившем большой, тускло освещенный зал, возникла характерная, всем знакомая голова председателя Совета Звездоплавания. Узкое, будто разрезающее пространство лицо с крупным горбатым носом, глубокие глаза под скептическими угловатыми бровями, волевой изгиб твердо сжатых губ.

Мвен Мас под взглядом Гром Орма опустил голову, как набедокуривший мальчишка.

— Только что погиб спутник пятьдесят семь! — Африканец бросился в признание, как в темную воду.

Гром Орм вздрогнул, и его лицо стало ещё острее.

— Как это могло случиться?

Мвен Мас сжато и точно рассказал все, не утаив запретности опыта и не щадя себя. Брови председателя Совета сошлись вместе, вокруг рта обозначились длинные морщины, но взгляд оставался спокойным.

— Подождите, я поговорю о помощи Рен Бозу. Вы думаете, что Аф Нут...

— О, если бы Аф Нут!

Экран потускнел. Потянулось ожидание. Мвен Мас заставлял себя держаться из последних сил. Ничего, скоро... Вот и Гром Орм!

— Я нашел Аф Нута и дал ему планетолет. Не меньше часа ему надо

на подготовку аппаратуры и ассистентов. Через два часа Аф Нут будет в обсерватории. Теперь о вас — опыт удался?

Вопрос застал африканца врасплох. Он, несомненно, видел Эпсилон Тукана. Но было ли это реальным соприкосновением с недостижимо далеким миром? Или же убийственное воздействие опыта на организм и горячее желание увидеть сочетались вместе в яркой галлюцинации? Может ли он заявить всему миру, что опыт удался, что нужны новые усилия, жертвы, расходы на его повторение, что путь, выбранный Рен Бозом, удачнее, чем у его предшественников? Надеясь на памятные машины, они проводили опыт только вдвоем, безумцы! А что видел Рен, что сможет он рассказать?.. Если сможет... если видел!..

Мвен Мас стал еще прямее.

— Доказательств, что опыт удался, у меня нет. Что наблюдал Рен Боз, не знаю...

Откровенная печаль отразилась на лице Грома Орма. За минуту до того только внимательное, оно стало суровым.

— Что предполагаете делать?

— Прошу разрешить мне немедленно сдать станции Юнию Анту. Я более недостоин заведовать. Потом — я буду с Реном Бозом до конца...— Африканец запнулся и поправился: — До конца операции. Затем... затем я удалюсь на остров Забвения до суда... Я сам уже осудил себя!

— Возможно, вы правы. Но мне неясны многие обстоятельства, и я воздерживаюсь от суждения. Ваш поступок будет разобран на ближайшем заседании Совета. Кого вы считаете наиболее способным заменить вас — прежде всего в восстановлении спутника?

— Лучшей кандидатуры, чем Дар Ветер, не знаю!

Председатель Совета согласно кивнул. Он некоторое время всматривался в африканца, собираясь еще что-то сказать, но сделал молчаливый прощальный жест. Экран погас, и вовремя, потому что все помутилось в голове Мвена Маса.

— Эвде Наль сообщите сами,— прошептал он в сторону стоявшего рядом заведующего обсерваторией, упал и после тщетных попыток приподняться замер.

Центром внимания на обсерватории в Тибете сделался небольшой желтолицый человек с веселой улыбкой и необыкновенной повелительностью жестов и слов. Прибывшие с ним ассистенты повиновались ему с той радостью послушания, с какой, вероятно, шли за великими полководцами древности их верные солдаты. Но авторитет учителя не подавлял их собственных мыслей и начинаний. Это была необыкновенно слаженная группа сильных людей, достойных вести борьбу с самым страшным и неодолимым врагом человека — смертью.

Узнав, что наследственная карта Рен Боза еще не получена, Аф Нут разразился негодующими восклицаниями, но так же быстро успокоился, когда ему сообщили, что ее составляет и привезет сама Эвда Наль.

Заведующий обсерваторией осторожно спросил, для чего нужна карта и чем могут помочь Рен Бозу его далекие предки. Аф Нут хитро прищурился, изображая интимную откровенность.

— Точное знание наследственной структуры каждого человека нужно для понимания его психического сложения и прогнозов в этой области. Не менее важны данные по неврофизиологическим особенностям, сопротивляемости организма, иммунологии, избирательной чувствительности к травмам и аллергии к лекарствам. Выбор лечения не может быть точным без понимания наследственной структуры и условий, в которых жили предки.

Заведующий что-то хотел еще спросить, но Аф Нут остановил его:

— Я дал ответ для самостоятельного раздумья. На большее нет времени!

Астроном пробормотал оправдания, которые хирург не стал слушать.

На приготовленной у подошвы горы площадке воздвигалось переносное здание операционной, подводились вода, ток и сжатый воздух. Огромное количество рабочих наперебой предлагало свои услуги, и здание собрали за три часа. Из врачей, бывших строителей установки, помощники Аф Нута отобрали пятнадцать человек для обслуживания столь быстро воздвигнутой хирургической клиники. Рен Боза перенесли под прозрачный пластмассовый купол, полностью стерилизованный и продутый стерильным воздухом, подававшимся через специальные фильтры. Аф Нут и четыре его ассистента вошли в первое отделение операционной и оставались там несколько часов, обрабатываемые бактерицидными волнами и насыщенным обезвреживающей эманацией воздухом, пока само их дыхание не стало стерильным. За это время тело Рен Боза было сильно охлаждено. Тогда началась быстрая и уверенная работа.

Разбитые кости и разорванные сосуды физика соединялись танталовыми, не раздражающими живую ткань скобками и накладками. Аф Нут разобрался в повреждениях внутренностей. Лопнувшие кишки и желудок были освобождены от омертвевших участков, сшиты и помещены в сосуд с быстро заживляющей жидкостью БЗ14, соответствовавшей соматическим особенностям организма. После этого Аф Нут приступил к самому трудному. Он извлек из подреберья почерневшую, проткнутую осколками ребер печень и, пока ее держали на весу ассистенты, с поразительной уверенностью отпрепарировал и вытянул тонкие ниточки автономных нервов симпатической и парасимпатической систем. Малейшее повреждение самой тонкой веточки могло повести к необратимым и тяжелым разрушениям. Молниеносным движением хирург перерезал воротную вену, подключив к обоим ее концам трубки искусственных сосудов. Сделав то же самое с артериями, Аф Нут поместил печень, соединенную с телом лишь нервами, в отдельный сосуд с жидкостью БЗ. После пятичасовой операции искусственная кровь текла в сосудах тела Рен Боза, подгоняемая собственным сердцем раненого и вспомогательным дубль-сердцем — автоматическим насосом. Теперь стало возможным выжидать заживления извлеченных органов. Аф Нут не мог просто заменить поврежденную печень на другую из хранившихся в хирургическом фонде планеты, так как для приживлений нервов нужны были дополнительные исследования, а состояние больного не позволяло терять лишней минуты. У неподвижного, распластанного, как препарированный труп, тела остался дежурить один из хирургов в ожидании, пока закончит стерилизацию сменная группа.

Двери защитной ограды, построенной вокруг операционной, с шумом раздвинулись, и Аф Нут, щурясь и потягиваясь, как только что проснувшийся хищный зверь, появился в окружении своих измазанных кровью помощников. Эвда Наль, утомленная и бледная, встретила его и протянула наследственную карту. Аф Нут жадно схватил ее, проглядел и вздохнул.

— Кажется, все будет благополучно. Идемте отдыхать!

— Но... если он очнется?

— Идемте! Очнуться он не может. Разве мы столь тупы, чтобы не предусмотреть этого?

— Сколько надо ждать?

— Четыре-пять дней. Если биологические определения точны и расчеты правильны, тогда можно будет оперировать снова, поместив органы обратно. Потом — сознание...

— Сколько вы сможете здесь пробыть?

— Дней десять. Катастрофа удачно пришлась в момент перерыва занятий. Воспользуюсь случаем осмотреть Тибет — здесь я еще не бывал. Моя судьба — жить там, где больше всего людей, то есть в жилом поясе!

Эвда Наль с восторгом взглянула на хирурга. Аф Нут хмуро улыбнулся

— Вы смотрите на меня, как, наверное, раньше смотрели на изображение бога. Не к лицу самой мудрой из моих учениц!

— Я в самом деле по-новому вижу вас. В первый раз жизнь дорогого мне человека в руках хирурга, и я хорошо понимаю переживания тех людей, которые в жизни сталкивались с вашим искусством... Знание сливается с неповторимым мастерством!

— Хорошо! Восхищайтесь, если вам это нужно. А я успею сделать вашему физику не толко вторую операцию, но и третью...

— Какую третью? — насторожилась Эвда Наль, но Аф Нут, хитро прищурившись, показал на тропинку, поднимавшуюся от обсерватории.

По ней, опустив голову, ковылял Мвен Мас.

— Вот еще поклонник моего искусства... поневоле. Поговорите с ним, если не можете отдыхать, а мне необходимо...

Хирург скрылся за выступом холма, где расположился временный дом прилетевших медиков. Эвда Наль заметила издалека, как осунулся и постарел заведующий внешними станциями... Нет, Мвен Мас уже больше ничем не заведует. Она рассказала африканцу все, что сообщил ей Аф Нут, и тот облегченно вздохнул.

— Тогда и я уеду через десять дней!

— Правильно ли вы поступаете, Мвен? Я еще ошеломлена, чтобы продумать случившееся, но мне кажется, что ваша вина не требует столь решительного осуждения.

Мвен Мас болезненно сморщился.

— Я увлекся блестящей теорией Рен Боза. Я не имел права вкладывать всю силу Земли в первую же пробу.

— Рен Боз доказывал, что с меньшей силой бесполезно было бы пробовать,— возразила Эвда.

— Это верно, но следовало бы проделать косвенные эксперименты. А я оказался неразумно нетерпелив и не хотел ждать годы. Не тратьте слов — Совет подтвердит мое решение, и Контроль Чести и Права не отменит его.

— Я сама член Контроля Чести и Права!

— Кроме вас, там еще десять человек. А так как мое дело всепланетное, то вам придется решать соединенными Контролями Юга и Севера — итого двадцать один человек, помимо вас...

Эвда Наль положила руку на плечо африканца.

— Сядем, Мвен, вы слабы на ногах. Знаете, что когда первые врачи осмотрели Рена, то они решили собрать консилиум смерти?

— Знаю. Не хватило двух человек. Врачи — консервативный народ, а по старым положениям, которые еще не додумались отменить, решить легкую смерть больного могут только двадцать два человека.

— Еще недавно консилиум смерти состоял из шестидесяти врачей!

— Это был пережиток того же страха злоупотреблений, из-за которого в древности врачи обрекали больных на долгие и напрасные мучения, а их близких — на тяжелейшие моральные страдания, когда выхода уже не было и смерть могла бы быть легкой и скорой. Но видите, как полезна

оказалась традиция — двух врачей не хватило, а мне удалось вызвать Аф Нута... благодаря Грому Орму.

— Именно об этом я и хочу вам напомнить. Ваш консилиум общественной смерти пока состоит из одного человека!

Мвен Мас взял руку Эвды и поднес к своим губам. Та позволила ему этот жест большой и интимной дружбы. Сейчас она была одна у него, сильного, но угнетенного моральной ответственностью. Одна. Если бы на ее месте оказалась Чара? Нет, чтобы принять Чару сейчас, африканцу потребовался бы душевный подъем, на который еще не было сил. Пусть все идет как идет до выздоровления Рен Боза и до Совета Звездоплавания!

— Вам неизвестно, какая третья операция предстоит Рену? — переменила Эвда разговор.

Мвен Мас соображал некоторое время, вспоминая беседу с Аф Нутом.

— Он хочет воспользоваться вскрытым состоянием Рен Боза и очистить организм от накопившейся энтропии. То, что делается медленно и трудно с помощью физиохемотерапии, в соединении с такой капитальной хирургией получится несравненно быстрее и основательнее.

Эвда Наль вызвала в памяти все, что знала об основах долголетия — очистке организма от энтропии. Рыбьи, ящеричные предки человека оставили в его организме наслоения противоречивых физиологических устройств, и каждое из них обладало своими особенностями образования энтропических остатков жизнедеятельности. Изученные за тысячелетия, эти древние структуры — когда-то очаги старения и болезней — стали поддаваться энергетической очистке — химическому и лучевому промыванию и волновой встряске стареющего организма.

В природе освобождение живых существ от увеличивающейся энтропии и есть необходимость рождения от разных особей, происходящих из различных мест, то есть из разных наследственных линий. Эта перетасовка наследственности в борьбе с энтропией и черпание новых сил из окружающего мира — самая сложная загадка науки, над пониманием которой уже тысячи лет бились биологи, физики палеонтологи и математики. Но биться стоило — возможная продолжительность жизни уже достигла почти двухсот лет, а самое главное — исчезла изнурительная, тлеющая старость.

Мвен Мас угадал мысли психиатра.

— Я подумал о новом великом противоречии нашей жизни,— медленно сказал африканец.— Могущественная биологическая медицина, наполняющая организм новыми силами, и все усиливающаяся творческая работа мозга, быстро сжигающая человека. Как все сложно в законах нашего мира!

— Это верно, и поэтому мы задерживаем пока развитие третьей сигнальной системы человека,— согласилась Эвда Наль.— Чтение мыслей очень облегчает общение индивидуумов между собой, но требует большой затраты сил и ослабляет центры торможения. Последнее — самое опасное...

— И все равно большинство людей — настоящих работников — живут только половину возможных лет из-за сильнейших нервных напряжений. Насколько я понимаю,с этим медицина бороться не может — только запрещать работу. Но кто же оставит работу ради лишних лет жизни?

— Никто, потому что смерть страшна и заставляет цепляться за жизнь лишь тогда, когда жизнь прошла в бесплодном и тоскливом ожидании непрожитых радостей,— задумчиво произнесла Эвда Наль, невольно подумав, что на острове Забвения люди живут, пожалуй, дольше.

Мвен Мас снова понял ее невысказанные мысли и сурово предложил вернуться на обсерваторию для отдыха. Эвда повиновалась.

...Два месяца спустя Эвда Наль разыскала Чару Нанди в верхнем зале Дворца информации, похожем на готический храм своими высокими колоннами. Косые лучи солнца, падавшие сверху, перекрещивались на половине высоты зала, создавая сияние вверху и мягкий сумрак внизу.

Девушка стояла, опираясь на колонну, сцепив за спиной опущенные руки и скрестив ноги. Эвда Наль, как всегда, не смогла не оценить ее простого наряда — короткого, серого с голубым, сильно открытого платья.

Чара взглянула через плечо на приближавшуюся Эвду, и ее грустные глаза оживились.

— Зачем вы здесь, Чара? Я думала, вы готовитесь поразить нас новым танцем, а вас потянуло к географии.

— Время танцев прошло,— серьезно сказала Чара.— Я выбираю работу в знакомом мне кругу деятельности. Есть место на заводе искусственного выращивания кожи во внутренних морях Целебеса и на станции выведения долгоцветных растений в бывшей пустыне Атакама. Мне было хорошо на работе в Атлантическом океане. Так светло и ясно, так радостно от силы моря, от бездумного слияния с ним, от ловкой игры и соревнования с могучими волнами, которые всегда тут, рядом, и стоит лишь кончить работу...

— Мне тоже стоит поддаться меланхолии, и вспоминается работа в психологическом санатории в Новой Зеландии, где я начинала совсем юной медицинской сестрой. И Рен Боз сейчас, после своего ужасного ранения, говорит, что всего счастливее он был, когда работал регулировщиком винтолетов. Но ведь вы понимаете, Чара, что это слабость! Усталость от огромного напряжения, требующегося, чтобы удержаться на той творческой высоте, которую удалось достичь вам, истинной артистке. Еще сильнее она будет потом, когда ваше тело перестанет быть таким великолепным зарядом жизненной энергии. Но пока не перестало, доставляйте всем нам радость вашего искусства и красоты.

— Вы не знаете, Эвда, каково мне. Каждая подготовка танца — радостное искание. Я сознаю, что людям еще раз будет отдано нечто хорошее, которое принесет радость, затронет глубину чувств... Живу этим. Приходит момент осуществления замысла, и я отдаю всю себя взлету страсти, горячему и безрассудному... Наверное, это передается зрителям, и оттого столь сильно воспринимается танец. Всю себя — всем вам...

— И что же? Потом резкий спад?

— Да! Я точно улетевшая и растворившаяся в воздухе песня. Я не создаю ничего запечатленного мыслью.

— Есть гораздо большее — ваш вклад в души людей!

— Это очень невещественно и недолговечно — я имею в виду самое себя!

— Вы еще не любили, Чара?

Девушка опустила ресницы.

— Это похоже? — ответила она вопросом.

Эдва Наль покачала головой.

— Я про очень большое чувство, на какое способны вы, но далеко не все...

— Я понимаю — при большей бедности интеллектуальной жизни мне остается богатство эмоциональной.

— Существо мысли правильно, но я бы пояснила, что вы так одарены эмоционально, что другая сторона не будет бедной, хотя, конечно, более слабой, по естественному закону противоречий. Но мы говорим отвлеченно

а мне нужно вас по спешному делу, непосредственно относящемуся к разговору. Мвен Мас...

Девушка вздрогнула.

Эдва Наль взяла Чару под руку и повела в одну из боковых абсид зала, где отделка темного дерева сурово гармонировала с пестротой сине-золотых цветных стекол в широких, аркадами, окнах.

— Чара, милая, вы — светолюбивый земной цветок, пересаженный на планету двойной звезды. По небу ходят два солнца — голубое и красное, и цветок не знает, к какому же повернуться. Но вы — дочь красного солнца, и зачем же вам тянуться к голубому?

Эдва Наль сильно и нежно привлекла девушку к своему плечу, и та вдруг вся прижалась к ней. Знаменитый психиатр с материнской лаской гладила густые, чуть жестковатые волосы, думая о том, что тысячелетиям воспитания удалось заменить мелкие личные радости человека на большие и общие. Но как еще далеко до победы над одиночеством души, особенно такой вот сложной, насыщенной чувствами и впечатлениями, взращенной богатым жизнью телом!.. Вслух она сказала:

— Мвен Мас... Вы знаете, что случилось с ним?

— Конечно, вся планета обсуждает его неудачный опыт!

— А вы что думаете?

— Что он прав!

— Я тоже. Поэтому надо его вытащить с острова Забвения. Через месяц — годовое собрание Совета Звездоплавания. Его вину обсудят и передадут решение на утверждение Контроля Чести и Права, наблюдающего за судьбой каждого человека Земли. У меня есть основательная надежда на мягкое суждение, но надо, чтобы Мвен Мас был у вас. Не годится человеку со столь же сильными, как у вас, чувствами долго находиться на острове, тем более в одиночестве!

— Разве я настолько древняя женщина, чтобы строить планы жизни в зависимости от дел мужчины, пусть избранного мной?

— Чара, дитя мое, не нужно. Я видела вас вместе и знаю, что́ вы для него... как и он для вас. Не судите его за то, что он не повидался с вами, что скрылся от вас. Поймите: каково человеку, такому же, как вы, прийти к вам, любимой,— это так, Чара! — жалким, побежденным, подлежащим суду и изгнанию? К вам — одному из украшений Большого Мира!

— Я не о том, Эвда. Нужна ли я ему сейчас — усталому, надломленному?.. Я боюсь, у него может не хватить сил для большого душевного подъема, на этот раз не разума, а чувств... для такого творчества любви, на какое, мне кажется, способны мы оба... Тогда к нему придет вторая утрата веры в себя, а разлада с жизнью он не вынесет. И я думала, что мне сейчас лучше быть в пустыне Атакама.

— Чара, вы правы, но лишь с одной стороны. Есть еще одиночество и излишнее самоосуждение большого и страстного человека, у которого нет никакой опоры, раз он ушел из нашего мира. Я сама поехала бы туда... Но у меня — едва живой Рен Боз, и он, как тяжело раненный, имеет преимущество. Дар Ветер — он назначен строить новый спутник, и в этом его помощь Мвену Масу. Я не ошибусь, если скажу вам твердо: поезжайте к нему, не требуя от него ничего, даже ласкового взгляда, никаких планов на будущее, никакой любви. Только поддержите его, посейте в нем сомнение в собственной правоте, и тогда верните в наш мир. В вас есть сила сделать это, Чара! Поедете?

Девушка, учащенно дыша, подняла к Эвде Наль детски доверчивые глаза, в которых стояли слезы.

— Сегодня же!

Эвда Наль крепко поцеловала Чару.

— Вы правы, надо спешить. По Спиральной Дороге мы доедем вместе до Малой Азии. Рен Боз лежит в хирургическом санатории на острове Родосе, а вас я направлю в Дейр эз Зор, на базу спиролетов технико-медицинской помощи, совершающих рейсы в Австралию и Новую Зеландию. Предвкушаю удовольствие летчика доставить танцовщицу Чару — увы, не биолога Чару — в любой желаемый пункт...

Начальник поезда пригласил Эвду Наль и ее спутницу в главный пост управления. По крышам огромных вагонов проходил закрытый силиколловым колпаком коридор. По нему от одного конца поезда до другого ходили дежурные, наблюдая за приборами ОЭС. Обе женщины поднялись по винтовой лестнице, прошли через верхний коридор и попали в большую кабину, выдававшуюся над обтекателем первого вагона. В хрустальном эллипсоиде на высоте семи метров над полотном дороги сидели в креслах два машиниста, разделенные высоким пирамидальным колпаком электронного водителя-робота. Параболоидные экраны телевизоров позволяли видеть все, что делается по сторонам и позади поезда. Дрожавшие в крыше усики антенны предупреждающего устройства должны были донести о появлении постороннего предмета на дороге за пятьдесят километров, хотя такой случай мог произойти только при совершенно исключительном стечении обстоятельств.

Эвда и Чара уселись на диване у задней стенки кабины на полметра выше сидений машинистов. Обе поддались гипнозу летящей навстречу широкой Дороги. Гигантский путь рассекал хребты, несся над низменностями по колоссальным насыпям, пересекал проливы и морские бухты по низким, глубоко сидевшим в воде эстакадам. На скорости в двести километров в час лес, посаженный по откосам исполинских выемок и насыпей, стелился сплошным ковром, красноватым, малахитовым или темно-зеленым в зависимости от рода деревьев — сосен, эвкалиптов или олив. Спокойное море Архипелага по обеим сторонам эстакады приходило в движение от дуновения воздуха, рассеченного вагонами поезда десятиметровой ширины. Полосы крупной ряби разбегались веерами, затемняя прозрачную голубую воду.

Обе женщины сидели молча, следя за дорогой, погруженные в свои думы, полные забот. Так прошло четыре часа. Еще четыре часа они провели в мягких креслах салона второго этажа, среди других пассажиров, и расстались на станции недалеко от западного побережья Малой Азии. Эвда пересела в электробус, доставивший ее в ближайший порт, а Чара продолжала путь до станции Восточный Тавр — первой меридиональной ветви. Еще два часа пути, и Чара очутилась на знойной равнине, в дымке горячего сухого воздуха. Здесь, на окраине бывшей Сирийской пустыни, находился Дейр эз Зор — аэропорт опасных для населенных мест спиролетов.

Навсегда запомнила Чара Нанди томительные часы, проведенные в Дейр эз Зоре в ожидании очередного спиролета. Девушка без конца обдумывала свои слова и поступки, стараясь представить себе встречу с Мвеном Масом, строила планы розысков на острове Забвения, где все исчезало в смене ничем не отмеченных дней.

Наконец внизу разостлались бесконечные поля термоэлементов в пустынях Нефуд и Руб-эль-Хали — гигантских силовых станций, превращавших солнечное тепло в электроэнергию. Задернутые ночными и пылевыми шторками, они выстроились правильными рядами на закрепленных и выровненных барханных песках, на срезанных с наклоном к югу плоскогорьях, на лабиринтах засыпанных оврагов — памятники гигантской

борьбы человечества за энергию. С освоением новых видов ядерной энергии П, Ку и Ф время суровой экономии давно миновало. Недвижно стояли леса ветродвигателей вдоль южного берега Аравийского полуострова, также составляющие резервную мощность северного жилого пояса. Спиролет почти мгновенно пересек едва маячившую внизу границу берега и понесся над Индийским океаном. Пять тысяч километров были незначительным расстоянием для такой быстроходной машины. Скоро Чара Нанди, напутствуемая призывами быстрейшего возвращения, выходила из спиролета, неуверенно переступая ослабевшими ногами.

Заведующий посадочной станцией послал свою дочь вести маленький лат — так назывались плоские глиссеры — на остров Забвения. Обе девушки откровенно наслаждались стремительным бегом суденышка по крупным волнам открытого моря. Лат шел прямо на восточный берег острова Забвения, к большой бухте, где находилась одна из медицинских станций Большого Мира.

Кокосовые пальмы, склоняя перистые листья к мерно шелестевшим на отмелях волнам, приветствовали прибытие Чары. Станция оказалась безлюдной — все работники уехали в глубь острова на уничтожение клещей, обнаруженных на лесных грызунах.

При станции находились конюшни. Лошадей разводили для работы в местах, подобных острову Забвения или санаториях, где нельзя было пользоваться винтолетами из-за шума или наземными электрокарами из-за отсутствия дорог. Чара отдохнула, переоделась и пошла посмотреть красивых и редких животных. Там она встретила женщину, ловко управлявшуюся с машинами — раздатчиком корма и уборщиком. Чара помогла ей, и женщины разговорились. Девушка расспрашивала о том, как легче и быстрее разыскать на острове человека, и получила совет: присоединиться к какому-либо из истребительных отрядов. Они путешествуют по всему острову и знают его даже лучше местных жителей. Совет понравился Чаре.

Глава одиннадцатая

ОСТРОВ ЗАБВЕНИЯ

Глиссер пересекал Палкский пролив при сильном встречном ветре, прыжками преодолевая гряды плоских волн. Еще тысячу лет назад здесь проходила гряда отмелей и коралловых рифов, называвшаяся Адамовым Мостом. Новейшие геологические процессы создали на месте гряды глубокую впадину, и темные воды плескались над пучиной, отделявшей устремленное вперед человечество от любителей покоя.

Мвен Мас стоял у перил, широко расставив ноги, и разглядывал постепенно выраставший на горизонте остров Забвения. Этот громадный остров, окруженный теплым океаном, был природным раем. Рай в примитивных, религиозных представлениях человека — счастливое посмертное убежище, без забот и труда. И остров Забвения тоже был убежищем для тех, кого не увлекала уже напряженная деятельность Большого Мира, кому не хотелось работать наравне со всеми.

Припадая к лону Матери Земли в простой, монотонной деятельности древнего земледельца, рыболова или скотовода, они проводили здесь тихие годы.

Хотя человечество отдало своим слабым собратьям большой кусок плодородной, чудесной земли, примитивное хозяйство острова не могло обеспечить своему населению полностью застрахованную от голода жизнь, особенно в периоды неурожаев или иных неурядиц, столь обычных для слабых производительных сил. Поэтому Большой Мир постоянно отдавал часть своих запасов острову Забвения.

В три порта — на северо-западе острова, на юге и восточном побережье — доставлялись продовольствие, законсервированное на долгие годы, медикаменты, средства биологической защиты и другие предметы первой необходимости. Три главных управляющих островом тоже жили на севере, востоке и юге и назывались начальниками скотоводов, земледельцев и рыболовов.

Глядя на поднимавшиеся вдали синие горы, Мвен Мас вдруг с горечью подумал, не принадлежит ли он к категории «быков» — людей, всегда причинявших затруднения человечеству. «Бык» — это сильный и энергичный, но совершенно безжалостный к чужим страданиям и переживаниям человек, думающий только об удовлетворении своих потребностей. Страдания, раздоры и несчастья в далеком прошлом человечества всегда усугублялись именно такими людьми, провозглашавшими себя в разных обличиях единственно знающими истину, считавшими себя вправе подавлять все несогласные с ними мнения, искоренять иные образы мышления и жизни. С тех пор человечество избегало малейшего признака абсолютности во мнениях, желаниях и вкусах и стало более всего опасаться «быков». Это они, «быки», не думая о нерушимых законах экономики, о будущем, жили только настоящим моментом. Войны и неорганизованное хозяйство эры Разобщенного Мира привели к разграблению планеты. Тогда вырубили леса, сожгли накапливавшиеся сотнями миллионов лет запасы угля и нефти, загрязнили воздух углекислотой и смрадной гарью заводов, перебили красивых и безвредных зверей — жираф, зебр, слонов, пока мир успел дойти до коммунистического устройства общества. Земля была засорена, реки и берега морей загрязнены стоками нефти и химических отбросов. Только после серьезной очистки воды, воздуха и земли человечество пришло к современному виду своей планеты, по которой можно всюду пройти босым, нигде не повредив ног.

Но ведь и он, Мвен Мас, не пробыв двух лет на ответственнейшем посту, сокрушил искусственный спутник, созданный усилиями тысяч людей и необычайными ухищрениями инженерного искусства. Погубил четырех способных ученых, из которых каждый мог бы стать Рен Бозом... Да и самого Рен Боза едва удалось спасти. И снова образ Бета Лона, скрывавшегося где-то там, в горах и долинах острова Забвения, возник перед ним, живой, вызывающий острое сочувствие. Мвен Мас перед отъездом познакомился с портретами математика и навсегда запомнил его энергичное лицо с массивной челюстью, с глубоко и близко посаженными острыми глазами, всю его могучую, атлетическую фигуру.

Моторист глиссера подошел к африканцу.

— Сильный прибой. Нам не удастся пристать к берегу — волна бьет через мол. Придется идти в южный порт.

— Не нужно. У вас есть спасательные плотики? Я спрячу туда одежду и доплыву сам.

Моторист и рулевой с уважением посмотрели на Мвена Маса. Мутные, белесые волны громоздились на отмели, переливаясь тяжелыми грохочущими каскадами. Ближе к побережью беспорядочная толчея волн крутила

песок и пену, набегая далеко на отлогий пляж. Низкие тучи сеяли мелкий теплый дождь, косо летевший по ветру и смешивавшийся с всплесками пены. Сквозь его туманную сетку на берегу маячили какие-то серые фигуры.

Моторист и рулевой переглянулись, пока Мвен Мас снимал и упаковывал одежду. Отправлявшиеся на остров Забвения уходили из-под опеки общества, в котором каждый охранял другого и помогал ему. Личность Мвена Маса внушала невольное уважение, и рулевой решился предупредить его о большой опасности. Африканец беспечно махнул рукой. Моторист принес ему маленький герметически закупоренный пакет.

— Здесь запас концентрированной пищи на месяц — возьмите.

Мвен Мас подумал и сунул пакет вместе с одеждой в непроницаемую камеру, тщательно застегнул клапан и с плотиком под мышкой перешагнул перила.

— Поворот! — скомандовал он.

Глиссер накренился в крутом вираже. Отброшенный от суденышка, Мвен Мас вступил в яростную борьбу с волнами. С глиссера видели, как он взлетал на гребни свирепых валов, затем проваливался в их спады и возникал снова.

— Он справится,— сказал облегченно моторист.— Нас сносит, надо уходить.

Винт взревел, и суденышко прыгнуло вперед, поднятое набегающим валом. Темная фигура Мвена Маса появилась во весь рост на берегу и растворилась в дождевом тумане.

По уплотненному волнами песку двигалась группа людей в одних набедренных повязках. Они с торжеством волокли большую, бешено извивавшуюся рыбу. Увидев Мвена Маса, люди остановились, дружелюбно приветствуя его.

— Новый из того мира,— с улыбкой сказал один из рыбаков,— и как хорошо плавает! Иди к нам жить!

Мвен Мас открыто и приветливо рассматривал рыболовов, потом покачал головой.

— Мне будет трудно жить здесь, на берегу моря, смотреть в его просторную даль и думать о моем потерянном и прекрасном мире.

Один из рыбаков, с сильной проседью в густой бороде, видимо здесь считавшейся украшением мужчины, положил руку на мокрое плечо пришельца.

— Разве вас могли прислать сюда насильно?

Мвен Мас горестно усмехнулся и попытался объяснить, что привело его сюда.

Рыболов поглядел на пришельца печально и сочувственно.

— Мы не поймем друг друга. Иди туда,— рыбак показал на юго-восток, где в прорыве туч возникали голубые ступени отдаленных гор.— Путь далек, а здесь нет других средств передвижения, кроме...— обитатель острова хлопнул себя по сильным мышцам ноги.

Мвен Мас был рад поскорее удалиться и пошел своим широким свободным шагом по извилистой тропе, поднимавшейся к пологим холмам.

Путь к центральной зоне острова составлял немногим больше двухсот километров, но Мвен Мас не спешил. Зачем? Медленно сменялись тягучие, не заполненные полезной деятельностью дни. Вначале, пока он еще не вполне оправился после катастрофы, его усталое тело просило покоя ласковой природы. Если бы не сознание чудовищной утраты, то он попросту наслаждался бы тишиной пустынных, овеянных ветрами плоскогорий, мраком и первобытным молчанием жарких тропических ночей.

Но дни шли за днями, и африканец, скитавшийся по острову в поисках дела по сердцу, стал остро тосковать по Большому Миру. Его не радовали более мирные долины с возделанными вручную рощами фруктовых деревьев, не баюкало почти гипнотическое журчание чистых горных рек, на берегах которых он мог теперь просиживать несчетные часы в знойный полдень или в лунную ночь.

Несчетные... В самом деле, зачем считать то, что здесь ему совсем не нужно,— время? Сколько угодно — океан времени, и вместе с тем так ничтожно мало это его отдельное, индивидуальное время!.. Один короткий и сразу же забытый миг!

Только теперь Мвен Мас почувствовал всю точность названия острова! Остров Забвения — глухая безыменность древней жизни, эгоистических дел и чувств человека! Дел, забытых потомками, потому что они творились только для личных надобностей, не делали жизнь общества легче и лучше, не украшали ее взлетами творческого искусства.

Изумительные подвиги канули в безыменное ничто.

...Африканец был принят в общину скотоводов в центре острова и уже два месяца пас стадо огромных гауробуйволов у подножий громадной горы с нелепо длинным названием на языке народа, в древности населявшего остров.

Он подолгу варил теперь черную кашу на угольях в закопченном горшке, а месяц назад ему пришлось добывать в лесу съедобные плоды и орехи, соревнуясь с жадными обезьянами, швырявшими в него объедками. Это случилось, когда он отдал свой пищевой рацион старику, прихворнувшему в глухой долине, поступив по правилу и высшему счастью мира Кольца — прежде всего доставлять радость другим людям. Тогда он понял, что означают поиски пропитания в пустынных, ненаселенных местах. Какая немыслимая затрата времени!..

Мвен Мас встал с камня и огляделся. Солнце садилось слева за край плоскогорья, позади громоздилась лесистая вершина куполовидной горы.

Внизу поблескивала в сумерках быстрая речка, окаймленная зарослями огромных перистых бамбуков. Там, в полудне пешего пути, находятся густо заросшие развалины тысячелетней давности — древняя столица острова. Есть и другие, бóльшие и лучше сохранившиеся, тоже заброшенные города. До них Мвену Масу пока не было дела.

Стадо разлеглось черными глыбами в потемневшей траве. Ночь наступила быстро. Звезды загорались тысячами в меркнувшем небе. Привычная астроному тьма, знакомые линии созвездий, яркие светочи крупных звезд. Отсюда виден и роковой Тукан... Но как слабы простые человеческие глаза! Он никогда более не увидит величественных зрелищ космоса, спиралей гигантских галактик, загадочных планет и синих солнц. Все это для него лишь огоньки, безмерно далекие. Не все ли равно — звезды это или светильники, прибитые к хрустальной сфере, как считали древние! Для его зрения — все равно!

Африканец вскочил и принялся сгребать заготовленный хворост. Вот еще предмет, ставший необходимым,— маленькая зажигалка. Может быть, по примеру некоторых здешних жителей он начнет скоро вдыхать наркотический дым, чтобы сократить тягучее, липкое время.

Язычки пламени заплясали, разгоняя тьму и гася звезды. Поблизости мирно сопели буйволы. Мвен Мас задумчиво смотрел на огонь.

Не темным ли домом стала для него светлая планета?

Нет, его гордое самоотречение — это просто самоуверенность незнания. Незнания самого себя, недооценка высоты насыщенной творчеством жиз-

ни, которой он жил, непонимание силы любви к Чаре. Лучше отдать свою жизнь за час для великого дела Большого Мира, чем жить здесь еще целый век!

На острове Забвения находилось около двухсот врачебных станций, где врачи-добровольцы из Большого Мира предоставляли жителям всю мощь современной медицинской науки. Молодежь Большого Мира работала также в истребительных отрядах, чтобы остров не стал рассадником древних болезней или вредных животных. Мвен Мас намеренно избегал встречи с этими людьми, чтобы не чувствовать себя отверженцем мира красоты и знания.

На рассвете Мвена Маса сменил другой пастух. Африканец освободился на два дня и решил пойти в небольшой городок, чтобы получить плащ — ночи в горах стали прохладнее.

День был зноен и тих, когда Мвен Мас спустился с плоскогорья и вышел на широкую равнину — сплошное море бледно-лиловых и золотисто-желтых цветов, над которым летали пестрые насекомые. Порывы легкого ветра колыхали верхушки растений, и цветы нежно касались венчиками обнаженных колен. Дойдя до середины громадного поля, Мвен Мас остановился, поддаваясь легкой, радостной красоте и насыщенному аромату этого дикого сада. Задумчиво склонившись, он проводил ладонями по колышущимся на ветру лепесткам, ощущая себя в детском сне.

Донесся едва слышный ритмический звон. Мвен Мас поднял голову и увидел быстро шедшую, по пояс в цветах, девушку. Она повернула в сторону, а Мвен Мас с удовольствием посмотрел на стройную фигурку посреди моря цветов. Острое сожаление резануло Мвена Маса — это могла быть Чара, если... если бы все сложилось иначе!..

Наблюдательность ученого подсказала ему, что девушка неспокойна. Она часто оглядывалась и без нужды ускоряла шаг, словно опасаясь чего-то позади себя. Мвен Мас изменил направление и быстро подошел к девушке, выпрямляясь во весь свой громадный рост.

Неизвестная остановилась. Пестрый платок накрест туго обтягивал ее стан, подол красной юбки потемнел от росы. Тонкие браслеты на голых руках зазвенели громче, когда она откинула с лица спутанные ветром темные волосы. Печальные глаза сосредоточенно смотрели из-под коротких завитков волос, небрежно рассыпавшихся по лбу и щекам. Девушка тяжело дышала, вероятно, от длительной ходьбы. Редкие росинки пота проступили на ее смуглом красивом лице. Девушка сделала к нему несколько неуверенных шагов.

— Кто вы и куда так спешите? — спросил Мвен Мас.— Может быть, вы нуждаетесь в помощи?

Девушка пристально осмотрела его и заговорила прерывисто и торопливо:

— Я Онар из пятого поселка. Помощи мне не нужно.

— Я вижу другое. Вы устали, и что-то мучит вас. Что может грозить вам? Почему вы отказываетесь от моей помощи?

Неведомая девушка подняла глаза, засиявшие глубоко и чисто, как у женщины Большого Мира.

— Я знаю, кто вы. Большой человек, оттуда,— она показала в сторону Африки.— Вы добрый и доверчивый.

— Будьте и вы такой же. Вас преследует кто-нибудь?

— Да! — с отчаянием вырвалось у девушки,— Он гонится за мной...

— Кто он, почему смеет вызывать страх, гнаться за вами?

Девушка вспыхнула и потупилась.

— Один человек. Он хочет, чтобы я стала его...

— Но ведь выбираете вы, отвечая или не отвечая ему? Как можно принудить к любви? Он придет сюда, и я скажу...

— Не надо! Он тоже явился из Большого Мира, только давно, и он тоже могучий... Только не такой, как вы... Он страшный!

Мвен Мас беззаботно рассмеялся.

— Куда вы идете?

— В пятый поселок. Я ходила в городок и встретила...

Мвен Мас кивнул и взял руку девушки. Та послушно оставила свои пальцы в его руке, и оба направились по боковой тропинке, ведшей в поселок.

По дороге девушка, временами тревожно оглядываясь, рассказала, что этот человек преследует ее повсюду.

Опасение открыто говорить безмерно возмущало Мвена Маса. Он не мог примириться с мыслью об угнетении, как бы случайно оно ни было теперь, на устроенной Земле!

— Почему ничего не предпринимают ваши люди,— сказал Мвен Мас,— и не знает об этом Контроль Чести и Права? Разве в ваших школах не учат истории, и вам неизвестно, к чему ведут даже малые очаги насилия?

— Учат... известно...— ответила Онар, глядя перед собой.

Цветущая равнина кончалась, и тропинка, описывая крутой поворот, скрывалась за кустарником. Из-за поворота появился высокий мрачный человек, загородивший дорогу. Он был обнажен до пояса, а атлетические мускулы играли под седыми волосами, покрывавшими его торс. Девушка судорожно вырвала свою руку, шепча:

— Я боюсь за вас. Уходите, человек Большого Мира!..

— Стойте! — прогремел повелительный голос.

Так грубо никто не разговаривал в эпоху Кольца. Мвен Мас инстинктивно заслонил собой девушку.

Высокий человек подошел и попытался оттолкнуть его, но Мвен Мас стоял как скала.

Тогда с быстротой молнии незнакомец нанес ему удар кулаком в лицо. Мвен Мас пошатнулся. Ни разу в жизни он не встречался с рассчитанно безжалостными ударами, наносимыми с целью причинить жестокую боль, оглушить, оскорбить человека.

Оглушенный, Мвен Мас смутно услышал горестный вскрик Онар. Он бросился на противника, но полетел наземь от двух оглушительных ударов. Онар бросилась на колени, прикрывая его своим телом, но враг с торжествующим воплем схватил ее. Он заломил девушке локти назад, и она страдальчески выгнулась и зарыдала, вся пунцовая от гнева.

Но Мвен Мас уже овладел собой. В юности в его подвигах Геркулеса были более серьезные схватки с не связанными человеческим законом врагами. Он припомнил все, чему его учили для битвы врукопашную с опасными животными.

Мвен Мас неторопливо поднялся, бросил взгляд в искаженное яростью лицо врага, намечая точку сокрушительного удара, и вдруг выпрямился отшатнувшись. Он узнал это характерное лицо, так долго преследовавшее его в мучительных думах о праве на опыт в Тибете.

— Бет Лон!

Тот выпустил девушку и замер, пристально вглядываясь в незнакомого ему темнокожего человека, сейчас утратившего все свойственное ему добродушие.

— Бет Лон, я много думал о встрече с вами, считая вас собратом по

несчастью,— вскричал Мвен Мас,— но никогда не представлял, что это будет так!

— Как так? — нагло спросил Бет Лон, пряча горевшую в его глазах злобу.

Африканец сделал отстраняющий жест.

— Зачем пустые слова? В том мире вы не произносили их и действовали пусть преступно, но во имя большой идеи. А здесь во имя чего?

— Самого себя, и только самого себя! — презрительно бросил сквозь сжатые зубы Бет Лон.— Довольно я считался с другими, с общим благом! Все это не нужно человеку, как я понял. Это знали и некоторые мудрецы древности.

— Вы никогда не думали о других, Бет Лон,— прервал его африканец.— Уступая себе во всем, кем вы стали теперь — насильник, почти животное!

Математик сделал движение, собираясь броситься на Мвена Маса, но сдержал себя.

— Довольно, вы говорите слишком много!

— Я вижу, что вы утратили слишком много, и хочу...

— А я не хочу! Прочь с дороги!..

Мвен Мас не шелохнулся. Наклонив голову, он уверенно и грозно стоял перед Бетом Лоном, чувствуя прикосновение вздрагивающего плеча девушки. И эта дрожь наполняла его ожесточением гораздо сильнее, чем полученные удары.

Математик, не шевелясь, смотрел в источавшие гневное пламя глаза африканца.

— Идите,— шумно выдохнул он, отступая с тропинки.

Мвен Мас снова взял за руку Онар и повел ее между кустов, чувствуя ненавидящий взгляд Бета Лона. У поворота тропинки Мвен Мас остановился так внезапно, что Онар уткнулась в его спину.

— Бет Лон, вернемся вместе в Большой Мир!

Математик рассмеялся с прежней беспечностью, но чуткое ухо Мвена Маса уловило нотку горечи в наглой браваде.

— Кто вы такой, чтобы предлагать мне это? Знаете ли вы?..

— Знаю. Я тот, кто также сделал запрещенный опыт, погубил доверившихся мне людей. Я шел близко от вашего пути в исследовании, и мы... Вы, и я, и другие уже накануне победы! Вы нужны людям, но не такой...

Математик шагнул к Мвену Масу и опустил глаза, но вдруг повернулся и презрительно бросил через плечо грубые слова отрицания. Мвен Мас безмолвно пошел по тропе.

До пятого поселка оставалось около десяти километров.

Узнав, что девушка одинока, африканец посоветовал ей уйти на восточное побережье, в приморские поселки, чтобы не встречаться более с жестоким и грубым человеком. Бывший знаменитый ученый становился тираном в тихой и разобщенной жизни маленьких поселков горной области. Чтобы предупредить последствия, Мвен Мас решил сразу же идти в поселок и просить о наблюдении за этим человеком. Мвен Мас попрощался с Онар у входа в поселок. Девушка рассказала ему, что недавно в лесах куполовидной горы будто бы появились тигры, убежавшие из заповедника или до сих пор еще сохранившиеся в непроницаемых дебрях, окружавших высочайшую гору острова. Крепко схватив его за руку, она просила быть осторожнее и ни за что не идти через горы ночью. Мвен Мас быстро зашагал назад. Раздумывая над случившимся, он видел перед собой последний взгляд девушки, полный тревоги и преданности. Впервые Мвен Мас подумал об истинных героях древнего прошлого — людях, которые среди уни-

жения, злобы и физических страданий, в могучем царстве звериного себялюбия, совершили свой самый трудный подвиг — остались настоящими, хорошими людьми.

Двойственность жизни всегда ставила перед людьми свои противоречия. В древнем мире, среди опасностей и унижения, сила любви, преданности и нежности необычайно возрастала именно на краю гибели, во враждебном и грубом окружении. Подчинение прихоти грубой силы делало все мимолетным и неустойчивым. Судьба отдельного человека могла в любой момент измениться самым резким образом, обрекая на крушение его планы, надежды и помыслы, потому что в плохо устроенном обществе древности слишком многое зависело от случайных людей. Но эта древняя мимолетность надежд, любви и счастья, вместо того чтобы ослаблять, усиливала чувство.

Вот почему лучшее в человеке не могло погибнуть, несмотря на тяжкие испытания рабства Темных веков или эры Разобщенного Мира.

Впервые африканец подумал, что в древней жизни, представлявшейся всем современным людям такой трудной, были и счастье, и надежды, и творчество, подчас, может быть, более сильные, чем теперь, в гордую эру Кольца.

Мвен Мас почти со злобой вспомнил теоретиков науки тех времен, опиравшихся на ложно понятую медленность изменения видов в природе и предвещавших, что человечество не станет лучше в течение миллиона лет.

Если бы они больше любили людей и знали диалектику развития, подобная нелепость никогда не могла бы прийти им в голову!

За круглым плечом гигантской горы закат окрасил ее облачное покрывало. Мвен Мас бросился в речку.

Освежившись и окончательно успокоившись, он уселся на плоском камне, чтобы обсохнуть и отдохнуть. До наступления ночи ему не удалось дойти до городка, и он рассчитывал перевалить через гору при восходе луны. В задумчивости созерцая бурлящую по камням воду, африканец внезапно почувствовал на себе чей-то взгляд, но никого не увидел. Это ощущение следящих за ним невидимых глаз тяготило Мвена Маса и тогда, когда он перешел речку и начал подъем.

Мвен Мас быстро шел по укатанной повозками дороге на плато в тысячу восемьсот метров высоты, поднимаясь с уступа на уступ, чтобы перевалить лесистый отрог горы и кратчайшим путем попасть к городку. Узкий серп молодой луны мог освещать путь не более полутора часов. Одолеть крутую горную тропу в безлунной ночи было бы очень трудно. Мвен Мас торопился. Редкие и невысокие деревья отбрасывали длинные тени, ложившиеся чередой черных полос на высветленную луной сухую землю. Мвен Мас шагал, внимательно глядя под ноги, чтобы не запнуться за бесчисленные мелкие корни, и думал.

Грозное ворчание, стелившееся по земле, сотрясая почву, раздалось в отдалении справа, где склон отрога полого поднимался и тонул в глубокой тени. Ему откликнулся низкий рев в лесу среди пятен и полос лунного света. В этих звуках чувствовалась сила, проникавшая в глубину души, будившая в ней давно забытые чувства страха и обреченности жертвы, выбранной непобедимым хищником. Как противодействие древнему ужасу, загорелась не менее древняя ярость борьбы — наследие бесчисленных поколений безыменных героев, отстаивавших право человеческого рода на жизнь среди мамонтов, львов, исполинских медведей, бешеных быков и безжалостных волчьих стай, в изнуряющие дни охоты и в ночи упорной обороны.

Мвен Мас постоял, озираясь и сдерживая дыхание. Ничто не шелох-

нулось в ночной тиши, но едва Мвен Мас сделал несколько шагов по тропе, как понял, что его преследуют по пятам. Тигры? Неужели сведения Онар оказались верными?

Мвен Мас пустился бежать, стараясь сообразить, что ему делать, когда хищники — их, несомненно, было два — набросятся на него.

Спасаться на невысоких деревьях, на которые тигр лазит лучше человека, бессмысленно. Сражаться? Вокруг были только камни, даже порядочной дубины не отломать от этих крепких, как железо, ветвей. И когда рычание раздалось сзади совсем близко, Мвен Мас понял, что погиб. Простертые над пыльной тропой ветви деревьев душили африканца. Ему хотелось почерпнуть мужество последних минут из вечных глубин звездного неба, изучению которых была отдана вся его прошлая жизнь. Мвен Мас понесся громадными прыжками. Судьба благоволила ему — он выскочил на опушку большой поляны В центре ее он заметил груду рассыпанных каменных обломков, бросился туда, схватил тридцатикилограммовую остроугольную глыбу и повернулся к лесу. Теперь он увидел движущиеся неясные призраки. Полосатые, они терялись среди перекрещивавшихся теней редколесья. Луна уже коснулась своим краем верхушек деревьев. Удлинившиеся тени легли поперек поляны, и по ним, как по черным дорогам, две огромные кошки стали подползать к Мвену Масу. Как тогда, в подземной комнате Тибетской обсерватории, Мвен Мас почувствовал надвигающуюся смерть. Теперь она возникла не изнутри его, а извне, горела зеленым пламенем в фосфорических глазах хищников. Мвен Мас вдохнул налетевший в знойной духоте порыв ветра, посмотрел вверх, на сияющую славу космоса, и выпрямился, подняв над головой камень.

— Я с тобой, товарищ!

Высокая тень метнулась на поляну из тьмы склона, угрожающе поднимая корявый сук. Изумленный Мвен Мас на секунду забыл о тиграх, узнав математика. Бет Лон, почти бездыханный от бешеной гонки, встал рядом с Мвеном Масом, ловя воздух раскрытым ртом. Громадные кошки, отпрянувшие сначала назад, опять начали неумолимо придвигаться. Тигр слева был уже в тридцати шагах. Вот он подтянул под себя задние лапы, готовясь прыгнуть.

— Скорей! — разнесся на всю поляну звучный крик.

Бледные вспышки гранатометов замелькали с трех сторон за спиной Мвена Маса, выронившего от неожиданности свое оружие. Ближайший тигр вздыбился во весь рост, парализующие гранаты лопнули барабанными ударами, и хищник опрокинулся на спину. Второй сделал скачок в сторону леса. Оттуда появились еще три силуэта верховых людей. Стеклянная граната с мощным электрическим зарядом разбилась о лоб тигра, и он вытянулся, уткнув тяжелую голову в сухую траву.

Один из всадников вырвался вперед. Никогда еще Мвену Масу не казалась такой красивой рабочая одежда Большого Мира — широкие, короткие, выше колен, штаны, свободная рубашка синего искусственного льна с раскрытым воротом и двумя карманами на груди.

— Мвен Мас, я чувствовала, что вы в опасности!

Разве он мог не узнать этот высокий голос, сейчас звучавший такой тревогой! Чара Нанди!..

Он забыл ответить и стоял неподвижно, пока девушка не спрыгнула и не подбежала к нему. Следом подъехали пятеро ее спутников. Мвен Мас не успел их рассмотреть, так как серпик луны скрылся за лесом и душная темнота ночи скрыла лес и поляну. Рука Чары нашла локоть Мвена Маса. Он взял тонкое запястье девушки и приложил ее ладонь к своей груди, где взволнованно колотилось сердце. Едва ощутимо кончики пальцев Ча-

ры погладили выпуклую пластину мускула, и эта легкая ласка доставила Мвену Масу неиспытанный покой.

— Чара, это Бет Лон, новый друг...

Мвен Мас повернулся и обнаружил, что математик исчез. Тогда он крикнул в темноту изо всех сил:

— Бет Лон, не уходите!

— Я приду! — раздался издалека мощный голос, и в нем не было уже горькой наглости.

Один из спутников Чары — видимо, руководитель группы — снял притороченный позади седла сигнальный фонарь. Слабый свет вместе с невидимым радиолучом устремился в небо. Мвен Мас сообразил, что прибывшие ждут летательный аппарат. Все пятеро оказались мальчиками — работниками истребительного отряда, выбравшими одним из своих подвигов Геркулеса дозорную службу борьбы с вредными животными на острове Забвения. Чара Нанди присоединилась к отряду в поисках Мвена Маса.

— Вы ошибаетесь, считая нас столь проницательными,— сказал руководитель, когда все уселись вокруг фонаря и Мвен Мас приступил к неизбежным расспросам.— Нам помогла девушка с древнегреческим именем.

— Онар! — воскликнул Мвен Мас.

— Да, Онар. Наш отряд подходил к пятому поселку с юга, когда примчалась едва живая от усталости девушка. Она подтвердила слухи о тиграх, которые привели нас сюда, и убедила ехать за вами немедленно, боясь, что на вас могут напасть тигры, когда вы будете возвращаться в городок через горы. И видите, мы едва успели.

Сейчас придет грузовой винтолет, и мы отправим ваших временно парализованных врагов в заповедник. Если они окажутся на самом деле людоедами, их истребят. Но нельзя погубить такую большую редкость без испытания.

— Какого испытания?

Мальчик поднял брови.

— Это вне нашей компетенции. Вероятно, прежде всего их успокоят— им сделают вливание понизителя жизненной активности. Став на время слабым, тигр многому научится.

Громкий дрожащий звук прервал юношу. Сверху медленно опускалась темная масса. Ослепительный свет залил поляну. Полосатые кошки были заключены в мягкие контейнеры для хрупких грузов. Плохо видимая в темноте громада корабля исчезла, открыв поляну спокойному свету звезд. С тиграми отправился один из пятерых мальчиков, а его лошадь отдали Мвену Масу.

Кони африканца и Чары шли рядом. Дорога спускалась в долину речки Галле, в устье которой, на побережье, находились медицинская станция и база истребительного отряда.

— В первый раз на острове я еду к морю,— нарушил молчание Мвен Мас.— До сих пор мне казалось, что море — запретная стена, навсегда заградившая мой мир.

— Остров был для вас новой школой? — полувопросительно и радостно сказала Чара.

— Да. В короткий срок я пережил и передумал очень много. Все эти мысли давно бродили во мне...

Мвен Мас поведал о своих давних опасениях, что человечество развивается слишком рационально, слишком технично, повторяя, конечно, в несравненно менее уродливой форме ошибки древности. Ему показалось, что на планете Эпсилон Тукана очень похожее и столь же прекрасное че-

ловечество больше позаботилось о совершенстве эмоциональной стороны психики.

— Я много страдала от ощущения неполной гармонии с жизнью, помолчав, ответила девушка.— Мне надо было больше от чего-то древнего и гораздо меньше от окружающего. Я мечтала об эпохе нерастраченных сил и чувств, накопленных еще первобытным отбором в век Эроса, когда-то бывшем в античном Средиземноморье. И всегда стремилась пробудить настоящую силу чувств в своих зрителях. Но, пожалуй, только Эвда Наль до конца поняла меня.

— И Мвен Мас,— серьезно добавил африканец. И глядя в широко открытые глаза Чары, он рассказал ей, как однажды она явилась ему меднокожей дочерью Тукана.

Девушка подняла лицо, и при робком свете начинавшейся зари Мвен Мас увидел глаза, такие огромные и глубокие, что ощутил легкое головокружение, отодвинулся и рассмеялся.

— Когда-то наши предки в своих романах о будущем представляли нас полуживыми рахитиками с переразвитым черепом. Несмотря на миллионы зарезанных и замученных животных, они долго не понимали мозговой машины человека, потому что лезли с ножом туда, где нужны были тончайшие измерители молекулярных и атомных масштабов. Теперь мы знаем, что сильная деятельность разума требует могучего тела, полного жизненной энергии, но это же тело порождает сильные эмоции.

— И мы по-прежнему живем на цепи разума,— согласилась Чара Нанди.

— Многое уже сделано, но все же интеллектуальная сторона у нас ушла вперед, а эмоциональная отстала... О ней надо позаботиться, чтобы не ей требовалась цепь разума, а подчас разуму — ее цепь. Мне это стало представляться таким важным, что я намерен написать книгу.

— О, конечно! — пылко воскликнула Чара, смутилась и продолжала: — Мало больших ученых отдавало себя исследованию законов прекрасного и полноты чувств... Я говорю не о психологии.

— Я понимаю вас! — отвечал африканец, любуясь девушкой, от смущения выше поднявшей гордую голову навстречу лучам восхода, опять придавшим ее коже цвет красной меди.

Чара легко и свободно сидела на высоком вороном коне, ступавшем в такт с рыжей лошадью Мвена Маса.

— Мы отстали! — воскликнула девушка, давая повод, и тотчас ее лошадь ринулась вперед.

Африканец догнал ее, и оба понеслись рядом по старой дороге. Поравнявшись со своими юными товарищами, они придержали коней, и Чара повернулась к Мвену Масу.

— А эта девушка, Онар?..

— Ей надо побывать в Большом Мире. Вы сами сказали, что на острове она осталась случайно из-за привязанности к приехавшей сюда и недавно умершей матери. Онар было бы хорошо работать у Веды — на раскопках нужны чуткие и нежные женские руки. Да есть еще тысячи дел, где они нужны. И Бет Лон, новый, который вернется к нам, найдет ее по-новому!..

Чара сдвинула брови, пристально взглянула на Мвена Маса.

— А вы не уйдете от своих звезд?

— Каково бы ни было решение Совета, я буду продолжать дело космоса. Но сначала мне надо написать о...

— Звездах человеческих душ?

— Верно, Чара! Дух захватывает от величайшего многообразия...—

Мвен Мас умолк, заметив, что девушка смотрит на него с нежной улыбкой.— Вы не согласны с этим?

— Конечно, согласна! Я думала о вашем опыте. Вы проделали его из страстного нетерпения дать полноту мира людям. В этом вы тоже художник, не ученый.

— А Рен Боз?

— У него опыт — лишь очередной шаг по его дороге исследования.

— Вы оправдываете меня, Чара?

— Полностью! И я уверена, что еще много людей, большинство!

Мвен Мас перехватил поводья в левую руку, а правую протянул Чаре. Они въехали в маленький поселок станции.

Волны Индийского океана мерно грохотали под обрывом. В их шуме Масу слышалась ритмичная поступь басов в симфонии Зига Зора об устремляющейся в космос жизни. И мощная нота, основная нота земной природы — синее фа — пела над морем, заставляя человека откликаться всей душой, сливаясь с породившей его природой.

Океан — прозрачный, сияющий, не загрязняемый более отбросами, очищенный от хищных акул, ядовитых рыб, моллюсков и опасных медуз, как очищена жизнь современного человека от злобы и страха прежних веков. Но где-то в необъятных просторах океана есть тайные уголки, в которых прорастают уцелевшие семена вредной жизни, и только бдительности истребительных отрядов мы обязаны безопасностью и чистотой океанских вод.

Разве не так же в прозрачной юной душе вдруг вырастают злобное упорство, самоуверенность кретина, эгоизм животного? Тогда, если человек не подчиняется авторитету общества, направленного к мудрости и добру, а руководится своим случайным честолюбием и личными страстями, мужество обращается в зверство, творчество — в жестокую хитрость, а преданность и самопожертвование становятся оплотом тирании, жестокой эксплуатации и надругательства... Легко срывается покров дисциплины и общественной культуры — всего одно-два поколения плохой жизни. Мвен Мас заглянул в этот лик зверя здесь, на острове Забвения. Если не сдержать его, а дать волю — расцветет чудовищный деспотизм, все топчущий под собой и столько веков навязывавший человечеству бессовестный произвол.

Самое поразительное в истории Земли — это возникновение неугасимой ненависти к знанию и красоте, обязательное в злобных невеждах. Это недоверие, страх и ненависть проходят через все человеческие общества, начиная от страха перед первобытными колдунами и ведьмами и кончая избиениями опережавших свое время мыслителей в эру Разобщенного Мира. Это было и на других планетах с высокоразвитыми цивилизациями, но еще не сумевших уберечь свой общественный строй от произвола маленьких групп людей — олигархии, возникавшей внезапно и коварно в самых различных видах... Мвен Мас вспомнил сообщения по Кольцу о населенных мирах, где высшие достижения науки применялись для запугивания, пыток и наказаний, чтения мыслей, превращения масс в покорных полуидиотов, готовых исполнять любые чудовищные приказы. Вопль о помощи с такой планеты прорвался в Кольцо и летел в пространстве уже многие сотни лет после того, как погибли и пославшие его люди, и жестокие их правители.

Наша планета находится уже на такой стадии развития, что подобные ужасы навсегда стали немыслимыми. Но все еще недостаточно

духовное развитие человека, о котором неусыпно пекутся люди, подобные Эвде Наль...

— Художник Карт Сан говорил, что мудрость — это сочетание знания и чувств. Будем мудрыми! — раздался позади голос Чары.

И, промчавшись мимо африканца, Чара бросилась с высоты в шумящую пучину.

Мвен Мас видел, как она плавно перевернулась в воздухе, крылато раскинула руки и исчезла в волнах. Купавшиеся внизу мальчики истребительного отряда замерли. По спине Мвена Маса пробежал холодок восхищения, граничащего с испугом. Никогда африканец не прыгал с такой безумной высоты, но сейчас он бесстрашно встал на краю обрыва, снимая одежду. После он вспомнил, что в смутных мгновенных мыслях Чара показалась ему богиней древних людей, которая все может. Если может она, то и он!

Слабый предостерегающий крик девушки возник в шуме волн, но Мвен Мас, ринувшись вниз, его не услышал. Полет был блаженно долог. Хороший мастер прыжков, Мвен Мас точно вошел в воду и погрузился очень глубоко. Море было так удивительно прозрачно, что дно показалось ему опасно близким. Африканец изогнул тело и получил такой оглушающий удар непогашенной инерции, что на мгновение все перестало существовать для него. Стремительной ракетой Мвен Мас вылетел на поверхность, опрокинулся на спину и закачался на волнах. Очнувшись, он увидел подплывавшую Чару Нанди. Впервые бледность испуга заставила потускнеть яркую бронзу загара девушки. укор и восхищение светились в ее взгляде.

— Зачем вы сделали это? — едва дыша, прошептала она.

— Потому, что это сделали вы. Я пойду за вами везде... строить наш Эпсилон Тукана на нашей Земле!

— И вернетесь со мной в Большой Мир?

— Да!

Мвен Мас перевернулся, чтобы плыть дальше, и вскрикнул от неожиданности. Поразительная прозрачность моря, сыгравшая с ним плохую шутку, здесь, в отдалении от берега, стала еще большей. Они с Чарой словно парили на головокружительной высоте над дном, видимым в мельчайших деталях через неимоверно чистую воду, как сквозь воздух. Мвена Маса обуяла отвага и торжество, которое испытывали люди, попавшие за пределы земного тяготения. Полеты в бурю по океану, прыжки в черную бездну космоса с искусственных спутников вызывали такие же ощущения безграничной удали и удачи. Мвен Мас рывком подплыл к Чаре, шепча ее имя и читая горячий ответ в ее ясных и отважных глазах. Их руки и губы соединились над хрустальной бездной.

Глава двенадцатая

СОВЕТ ЗВЕЗДОПЛАВАНИЯ

Совет Звездоплавания издавна обладал собственным зданием для научных сессий, как и главный мозг планеты — Совет Экономики. Считалось, что специально приспособленное и украшенное помещение должно настраивать собравшихся на проблемы космоса и тем способствовать быстрейшему переключению с земных на звездные дела.

Чара Нанди еще никогда не бывала в главном зале Совета. С волнением она вошла в сопровождении Эвды Наль в этот странный яйцевидный зал с выгнутыми параболически потолком и поверхностью эллиптических рядов сидений. По залу разливался розовато-фиолетовый свет, точно в самом деле собранный с другой звезды. Все линии стен, потолка, сидений сходились в конце огромного зала, казавшемся их естественным средоточием. Там на возвышении находились демонстрационные экраны, трибуна и сиденья для руководителей заседания — членов Совета.

Золотисто-матовые панели стен пересекал ряд рельефных карт. По правой стороне шли карты планет солнечной системы, по левой — планет ближайших звезд, изученных экспедициями Совета. Второй ряд под голубым обрезом потолка занимали начерченные лучащимися красками схемы населенных звездных систем, полученные от соседей по Великому Кольцу.

Внимание Чары привлекала старинная, потемневшая и, видимо, уже не раз реставрировавшаяся картина над трибуной.

Черно-фиолетовое небо занимало всю верхнюю часть громадного полотна. Маленький серп чужой луны бросал белесый, мертвенный свет на беспомощно поднятую вверх корму старинного звездолета, грубо обрисовавшуюся на багровом закате. Ряды уродливых синих растений, сухих и твердых, казались металлическими. В глубоком песке едва брел человек в легком защитном скафандре. Он оглядывался на разбитый корабль и вынесенные из него тела погибших товарищей. Стекла его маски отражали только багровые блики заката, но неведомым ухищрением художник сумел выразить в них беспредельное отчаяние одиночества в чужом мире. На невысоком бугре справа по песку ползло нечто живое, бесформенное и отвратительное. Крупная надпись под картиной: «Остался один» — была столь же коротка, сколь выразительна.

Захваченная картиной, девушка сразу не заметила искусную архитектурную выдумку — расположение сидений веерообразными уступами, так что из галерей, скрытых в основаниях рядов, к каждому месту был отдельный проход. Каждый ряд оказывался изолированным от соседнего — верхнего или нижнего. Только усевшись с Эвдой, Чара обратила внимание на старинную отделку кресел, пюпитров и барьеров, сделанных из натурального жемчужно-серого африканского дерева. Теперь никто не стал бы затрачивать так много работы на то, что могло бы быть отлито и отполировано за несколько минут. Может быть, из свойственного людям уважения к старине дерево показалось Чаре теплее и живее пластмассы. Она с нежностью погладила изогнутый подлокотник, не переставая разглядывать зал.

Народу, как всегда, собралось много, хотя мощные телепередатчики должны были разнести по всей планете отображение всего происходившего. Секретарь Совета Мир Ом по обыкновению оглашал короткие сообщения, накопившиеся со времени прошлого заседания. Из нескольких сот человек, находившихся в зале, нельзя было найти ни одного невнимательного, занятого собою лица. Чуткая внимательность ко всему была характернейшей чертой людей эпохи Кольца. Но Чара пропустила первое сообщение, продолжая рассматривать зал и читая изречения знаменитых ученых, начертанные под картами планет. Особенно понравился ей написанный под Юпитером призыв быть чутким к явлениям природы: «Смотрите, как повсюду окружают нас непонятные факты, как лезут в глаза, кричат в уши, но мы не видим и не слышим,

какие большие открытия таятся в их смутных очертаниях». В другом месте была еще одна надпись: «Нельзя просто поднять завесу неизвестного — только после упорного труда, отходов, боковых уклонений мы начинаем ловить истинный смысл, и новые необъятные перспективы раскрываются перед нами. Не избегайте никогда того, что кажется сначала бесполезным и необъяснимым».

Движение на трибуне — и в зале померк свет. Спокойный сильный голос секретаря Совета дрогнул от волнения.

— Вы увидите то, что еще недавно казалось абсолютно невозможным — снимок нашей Галактики со стороны. Более ста пятидесяти тысячелетий — полторы галактические минуты тому назад — жители планетной системы...— Чара пропустила ряд ничего не говоривших ей цифр.—...в созвездии Центавра обратились к обитателям Большого Магелланова Облака — единственно близкой к нам внегалактической системы звезд, о которой известно, что там есть мыслящие миры, способные сноситься по Кольцу с нашей Галактикой. Мы еще не можем определить точное местонахождение этой магелланийской планетной системы, но тоже приняли их передачу — снимок нашей Галактики. Вот он!

На громадном экране засияло далеким серебряным светом широкое, сужавшееся к концам скопление звезд. Глубочайший мрак пространства затоплял края экрана. Такой же чернотой зияли прогалины между спиральными, разлохмаченными на концах ветвями. Бледное сияние одевало кольцо шаровых скоплений этих самых древних звездных систем нашей вселенной. Плоские звездные поля перемежались с облаками и полосами черной остывшей материи. Снимок был сделан из неудобного поворота — Галактика пришлась сильно вкось и сверху, так что центральное ядро едва выступало горящей выпуклой массой в середине узкой чечевицы. — Очевидно, для полного представления о нашей звездной системе нужно было запрашивать более отдаленные галактики, расположенные выше по галактической широте. Но еще ни одна галактика не подала признаков разумной жизни за время существования Великого Кольца.

Люди Земли, не отрываясь, смотрели на экран. Впервые человек смог взглянуть на свою звездную вселенную со стороны из чудовищной дали пространства.

Чаре показалось, что вся планета затаила дыхание, рассматривая свою Галактику в миллионах экранов на всех шести материках и на океанах, где только были разбросаны островки человеческой жизни и труда.

— С новостями, принятыми нашей обсерваторией по Кольцу и еще не поступавшими в мировую информацию, покончено,— снова заговорил секретарь.— Перейдем теперь к проектам, которые должны подвергнуться широкому обсуждению.

Предложение Юты Гай о создании искусственной, годной для дыхания атмосферы Марса путем выделения легких газов из глубинных горных пород автоматическими установками признано заслуживающим внимания, так как подкреплено серьезными расчетами. Будет получен воздух, достаточный для дыхания и теплоизоляции наших поселков, которые выйдут из тепличных сооружений. Много лет назад, после открытия нефтяных океанов и гор из твердых углеводородов на Венере, были запущены автоматические установки для создания искусственной атмосферы под гигантскими колпаками из прозрачных пластмасс. Они дали возможность насадить растения и устроить заводы, снабжающие человечество любыми продуктами органической химии в колоссальных количествах.

Секретарь отложил в сторону металлическую пластинку и приветливо улыбнулся. В ближнем к трибуне конце рядов сидений появился Мвен Мас в темно-красной одежде, угрюмый, торжественный и спокойный. В знак уважения к собранию он поднял над головой сложенные руки и сел.

Секретарь сошел с трибуны, уступив место молодой женщине с короткими золотыми волосами и удивленным взглядом зеленых глаз. Председатель Совета Гром Орм встал рядом.

— Обычно мы сами оповещаем о новых предложениях. Но вы услышите почти законченное исследование. Сам автор Ива Джан сообщит вам материал для ответственного раздумья.

Зеленоглазая женщина стала говорить сдавленным от застенчивости голосом. Ива начала с того общеизвестного факта, что растительность южных материков отличается голубоватым цветом листвы, характерным для древних форм земных растений. Как показало исследование растительности других планет, голубая листва свойственна более прозрачным, чем земная, атмосферам или же возникает при более жесткой, чем у Солнца, ультрафиолетовой радиации светила.

— Наше Солнце, устойчивое в своей красной радиации, не стабильно в голубой и ультрафиолетовой и около двух миллионов лет назад испытало резкое изменение фиолетовой радиации, продолжавшееся долго.

Тогда появились голубоватые растения, черная окраска у птиц и зверей, живших на открытых пространствах, черные яйца у птиц, гнездившихся в не защищенных тенью местах. В это время наша планета стала неустойчивой относительно оси своего вращения из-за изменения электромагнитного режима солнечной системы. Давно уже появились проекты перекачки морей в материковые впадины, чтобы нарушить установившееся равновесие и изменить положение земного шара относительно своей оси. Это было во времена, когда астрономы основывались лишь на элементарной механике тяготения, совершенно не принимая во внимание электромагнитного равновесия системы, гораздо более изменчивого, чем гравитация. Нам следует подойти к решению вопроса именно с этой стороны, что окажется значительно проще, дешевле и скорее. Вспомним, как в начале звездоплавания создание искусственного тяготения требовало такого расхода энергии, что было практически невозможным. Теперь, после открытия разложения мезонных сил, наши корабли снабжены простыми и надежными аппаратами искусственной гравитации. Так и опыт Рен Боза намечает обходной путь для действенного и быстрого изменения режима вращения Земли...

Ива Джан умолкла. Группа из шести человек — герои экспедиции на Плутон, сидевшие все вместе в центре зала,— стала приветствовать ее, протягивая сложенные ладони. Щеки молодой женщины вспыхнули. На экране появились призрачные контуры стереометрических чертежей.

— Я знаю, что вопрос может быть расширен. Теперь можно думать об изменении даже орбит планет и, в частности, о приближении Плутона к Солнцу, чтобы воскресить эту некогда обитаемую планету чужой звезды. Но сейчас я имею в виду лишь сдвиг нашей Земли относительно оси для улучшения климатических условий материкового полушария.

Опыт Рен Боза показал, что возможна инверсия гравитационного поля в его второй аспект — электромагнитное поле, с последующей векториальной поляризацией вот в этих направлениях...

Фигуры на экране вытягивались и поворачивались. Ива Джан продолжала:

— Тогда вращение планеты лишится устойчивости и Земля может быть повернута в желаемое положение для наиболее выгодного и длительного освещения солнечными лучами.

На длинном стекле под экраном потянулись ряды заранее вычисленных машинами параметров, и каждый, кто мог понять эти символы, убеждался, что проект Ивы Джан, во всяком случае, не беспочвен.

Ива Джан остановила движение чертежей и символов и, склонив голову, сошла с трибуны. Слушатели оживленно переглядывались и перешептывались. Обменявшись незаметными жестами с Громом Ормом, на трибуне появился молодой начальник экспедиции на Плутон.

— Несомненно, что опыт Рен Боза поведет к триггерной реакции — вспышке важнейших открытий. Мне он представляется ведущим к прежде недоступным далям науки. Так было с квантовой теорией — первым приближением к пониманию репагулюма, или взаимоперехода, с последовавшим затем открытием античастиц и антиполей. Потом последовало репагулярное исчисление, ставшее победой над принципом неопределенности древнего физика Гейзенберга. И, наконец, Рен Боз сделал следующий шаг к анализу системы пространство — поле, придя к пониманию антигравитации и антипространства, или, по закону репагулюма, к нуль-пространству. Все непризнанные теории в конце концов стали фундаментом науки!

От группы исследователей Плутона я предлагаю передать вопрос в мировую информацию для обсуждения. Поворот планеты относительно оси уменьшит расход энергии на подогревание полярных областей, еще больше сгладит полярные фронты, повысит водный баланс материков.

— Ясен ли вопрос для постановки на голосование? — спросил Гром Орм.

В ответ вспыхнуло множество зеленых огоньков.

— Тогда начнем! — сказал председатель и сунул руку под пюпитр своего кресла.

Там находились три кнопки сигналов счетной машины: правая означала «да», средняя — «нет», левая — «не считаю возможным высказаться». Каждый член Совета тоже послал незаметный для других сигнал. Нажали кнопки и Эвда Наль с Чарой. Отдельная машина считала мнения слушателей для контроля правильности решения Совета.

Через несколько секунд загорелись большие знаки на демонстрационных экранах — вопрос был принят для обсуждения всей планетой.

На трибуну взошел сам Гром Орм.

— По причине, которую я прошу разрешения скрыть до окончания дела, следует рассмотреть сейчас поступок бывшего заведующего внешними станциями Совета Мвена Маса, а затем решать вопрос о тридцать восьмой звездной экспедиции. Доверяет ли Совет основательности моих мотивов?

Зеленые огни были единодушным ответом.

— Всем ли известно случившееся в подробностях?

Снова каскад зеленых вспышек.

— Это ускорит дело. Я попрошу бывшего заведующего внешними станциями Совета Мвена Маса изложить мотивы своего поступка, приведшего к столь роковым последствиям. Физик Рен Боз еще не оправился от полученных ранений и не вызван нами как свидетель. Ответственности он не подлежит.

Гром Орм заметил красный огонь у сиденья Эвды Наль.

— Вниманию Совета! Эвда Наль хочет добавить к сообщению о Рен Бозе.

— Я прошу выступить вместо него.

— По каким мотивам?

— Я люблю его!

— Вы выскажетесь после Мвена Маса.

Эвда Наль погасила красный сигнал и села.

На трибуне появился Мвен Мас. Спокойно, не щадя себя, африканец рассказал об ожидавшихся результатах опыта, о своем поразительном видении, реальность которого, к сожалению, не может быть доказана. Поспешность в производстве опыта, вызванная секретностью и незаконностью поступка, привела к тому, что они не продумали особых приборов для записи, рассчитывая на обычные памятные машины, приемники которых оказались разрушенными в первое же мгновение. Ошибкой было и проведение опыта на спутнике. Следовало прицепить к спутнику 57 старый планетолет и попытаться установить на нем приборы для ориентировки вектора. Во всем этом виноват он, Мвен Мас. Рен Боз занимался установкой, а вынесение опыта в космос находилось в компетенции заведующего внешними станциями.

Чара стиснула руки — обвинительные аргументы Мвена Маса показались ей вескими.

— Наблюдатели погибшего спутника знали о возможной катастрофе? — спросил Гром Орм.

— Да, были предупреждены и с радостью согласились.

— Меня не удивляет то, что они согласились,— тысячи молодых людей принимают участие в опасных опытах, ежегодно происходящих на нашей планете. Случается, и гибнут... И новые идут с не меньшим мужеством,— хмуро возразил Гром Орм,— на войну с неизвестным. Но вы, предупреждая молодых людей, тем самым подозревали возможность такого исхода. И все же произвели рискованный опыт...

Мвен Мас молча опустил голову.

Чара, не отводившая глаз от него, подавила тяжелый вздох, почувствовав на плече руку Эвды Наль.

— Изложите причины, побудившие вас пойти на это,— после паузы сказал председатель Совета.

Африканец снова заговорил, на этот раз со страстным волнением. Он рассказал, как с юности взывали к нему укором миллионы безымянных могил людей, побежденных неумолимым временем, как нестерпимо было не попытаться сделать, впервые за всю историю человечества и многих соседних миров, шаг к победе над пространством и временем, поставить первую веху на этом великом пути, на который устремились бы немедленно сотни тысяч могучих умов. Он счел себя не вправе отложить — может быть, на столетие — опыт только из-за того, чтобы не подвергать немногих людей опасности, а себя — ответственности.

Мвен Мас говорил, и сердце Чары билось сильнее от гордости за своего избранника. Вина африканца стала казаться не столь уж тяжкой.

Мвен Мас вернулся на место и стал ожидать решения на виду у всех.

Эвда Наль передала магнитофонную запись речи Рен Боза. Его слабый, задыхающийся голос загремел на весь зал через усилители. Физик оправдывал Мвена Маса. Не зная всей сложности вопроса, заведующему внешними станциями оставалось только довериться ему, Рен Бозу, а тот убедил его в обязательном успехе. Но физик не считал и себя виноватым. «Ежегодно,— говорил он,— ставятся менее важные опыты, иногда кончающиеся трагически. Наука — борьба за счастье человечества — так же требует жертв, как и всякая другая борьба. Трусам, очень берегущим себя, не даются полнота и радость жизни, а ученым — крупные шаги вперед...»

Рен Боз закончил кратким разбором опыта и своих ошибок с уверенностью в будущем успехе. Запись речи окончилась.

— Рен Боз ничего не сказал о своих наблюдениях во время опыта,— поднял голову Гром Орм, обращаясь к Эвде Наль.— Вы хотели говорить за него.

— Я предвидела вопрос и попросила слова,— ответила Эвда.— Рен Боз потерял сознание через несколько секунд после включения Ф-станций и более ничего не видел. Находясь на грани обморока, он заметил и запомнил лишь показания приборов, свидетельствующие о появлении нуль-пространства. Вот его запись по памяти.

На экране появилось несколько цифр, немедленно переписанных множеством людей.

— Позвольте мне добавить еще от Академии Горя и Радости,— вновь заговорила Эвда.— Подсчет народных высказываний после катастрофы дает следующее...

Ряды восьмизначных цифр потянулись на экране, распадаясь по графам осуждения, оправдания, сомнения в научном подходе, обвинений в поспешности. Но общий итог, несомненно, был в пользу Мвена Маса и Рен Боза, и лица присутствовавших прояснились.

Загорелся красный сигнал на противоположной стороне зала, и Гром Орм дал слово астроному тридцать седьмой звездной — Пур Хиссу. Тот заговорил громко и темпераментно, делая длинными руками неуклюжие жесты и выпячивая кадык.

— Мы с группой товарищей-астрономов осуждаем Мвена Маса. Его поступок — проведение опыта без Совета — внушает подозрение, что Мвен Мас действовал не так бескорыстно, как это старались представить здесь высказавшиеся!

Чара запылала от негодования и осталась на месте, только подчиняясь холодному взгляду Эвды Наль.

Пур Хисс умолк.

— Ваши обвинения тяжелы, но не обоснованны,— возразил по разрешению председателя Мвен Мас,— уточните, что вы подразумеваете под корыстью.

— Бессмертная слава при полном успехе опыта — вот корыстная подоплека вашего поступка. А трусость — вы боялись, что вам откажут в разрешении на опыт, потому и действовали поспешно и тайно.

Мвен Мас широко улыбнулся, по-детски развел руками и молча сел. Во всем облике Пур Хисса появилось злобное торжество.

Эвда Наль повторно попросила слова.

— Высказывание Пур Хисса поспешно и слишком злобно для решения серьезного вопроса. Его взгляды на тайные мотивы поступков относят нас ко времени Темных веков. Так говорить о какой-то бессмертной славе могли только люди далекого прошлого. Не находя радости и полноты в своей настоящей жизни, не чувствуя себя частицей всего творящего человечества, они страшились неизбежной смерти и цеплялись за малейшую надежду увековечения. Ученый-астроном Пур Хисс не понимает, что в памяти человечества живут лишь те, чьи мысли, воля и достижения продолжают действовать и по прекращении действия забываются и исчезают. Часто они воскресают вновь из небытия, как многие древние ученые или художники, если их творения вновь становятся необходимыми и возобновляют действие в обществе... особенно в многомиллиардном современном обществе! Я давно уже не сталкивалась со столь примитивным пониманием бессмертия и славы и удивлена, встретив его у космического путешественника.

Эвда Наль, выпрямившись во весь рост, обернулась к Пур Хиссу, который сжался в своем кресле, освещенный множеством красных огней.

— Отбросим нелепости,— продолжала Эвда,— и посмотрим на поступок Мвена Маса и Рен Боза, взяв главным критерием счастье человечества. Прежде люди часто не умели взвесить реальную ценность своих дел и

сопоставить ее с вредной оборотной стороной, которой неизбежно обладает каждое действие, каждое мероприятие. Мы давно избавились от этого и можем говорить лишь о действительном значении поступков.

И теперь, как раньше, новые пути нащупываются отдельными людьми, потому что только особая настроенность мозга, после очень длительной подготовки, может распознать новое направление, скрытое в противоречивых фактах. Но теперь, едва только определится новый путь, десятки тысяч людей принимаются за его разработку и лавина новых открытий катится в бесконечность, увеличиваясь, как снежный ком. Рен Боз и Мвен Мас пошли самым непроторенным путем. Я не обладаю достаточными познаниями, но и для меня преждевременность их опыта очевидна. В этом вина обоих и ответственность за огромный материальный ущерб и четыре человеческие жизни. По законам Земли налицо преступление, но оно совершено не из личных целей и, следовательно, не подлежит самой тяжкой ответственности.

Эвда Наль медленно вернулась на свое место, Гром Орм не нашел более желающих высказаться. Члены Совета потребовали от председателя заключительного предложения. Тонкая жилистая фигура Грома Орма наклонилась вперед на трибуне, и острый взгляд вонзился в глубину зала.

— Обстоятельства для окончательного суждения несложны. Для Рен Боза я вообще исключаю ответственность. Какой ученый не воспользуется предоставляемыми ему возможностями, особенно если он уверен в успехе? Сокрушительная неудача опыта послужит уроком. Однако несомненна и польза опыта. Она отчасти возмещает материальный ущерб, так как теперь эксперимент поможет разрешению множества вопросов, о которых в Академии Пределов Знания только еще начинали думать.

Мы решаем проблемы использования производительных сил в крупном масштабе, отбросив мелкоутилитарные приспособленческие тенденции старой экономики. Однако и до сих пор иногда люди не понимают момента удачи, потому что забывают о непреложности законов развития. Им кажется, что строение должно подыматься без конца. Мудрость руководителя заключается в том, чтобы своевременно осознать высшую для настоящего момента ступень, остановиться и подождать или изменить путь. Таким руководителем на своем очень ответственном посту не смог быть Мвен Мас. Выбор Совета оказался ошибочным. Совет подлежит в этом ответственности наравне со своим избранником. Прежде всего виноват я сам, так как инициатива приглашения Мвена Маса, принадлежащая двум членам Совета, была поддержана мною.

Я предлагаю Совету оправдать Мвена Маса в личных мотивах поступка, но запретить ему занимать должности в ответственных организациях планеты. Я тоже должен быть устранен с поста председателя Совета и направлен на ликвидацию последствий своего неосторожного выбора — строительство спутника.

Гром Орм обвел взглядом зал, читая искреннее огорчение, отразившееся на многих лицах. Но люди эпохи Кольца избегали уговаривать, уважая решения друг друга и доверяя их правильности.

Мир Ом посовещался с членами Совета, и счетная машина сообщила результат голосования. Заключение Грома Орма принималось без возражений, но с условием, чтобы работу собрания довести до конца и оставить свой пост после ее завершения.

Он поклонился, но ничего не изменилось в его наглухо скованном волей лице.

— Я должен теперь объяснить свою просьбу о переносе обсуждения звездной экспедиции,— спокойно продолжал председатель.— Благопри-

ятный исход дела был очевиден, и я думаю, что Контроль Чести и Права согласится с нами. Но теперь я могу просить Мвена Маса занять свое место в Совете. Познания Мвена Маса необходимы для правильного решения важнейшего вопроса, тем более что член Совета Эрг Ноор не сможет принять участие в сегодняшнем обсуждении.

Мвен Мас пошел к креслам Совета. Зеленые огни доброжелательства переливались по залу, отмечая его путь.

Беззвучно сдвинулись карты планет, уступая место угрюмым черным таблицам, на которых разноцветные огоньки звезд были соединены синей нитью предполагавшихся на столетие маршрутов. Председатель Совета преобразился. Исчезла холодная бесстрастность, на сероватых щеках затеплился румянец, стальные глаза потемнели. Гром Орм оказался на трибуне.

— Каждая звездная экспедиция — подолгу лелеемая мечта, новая надежда, бережно вынашиваемая много лет, новая ступень в лестнице великого восхождения. С другой стороны, это труд миллионов, который не может пройти без отдачи, без крупного научного или экономического эффекта, иначе остановится наше движение вперед и дальнейшее завоевание природы. Потому мы так тщательно обсуждаем, обдумываем, вычисляем, прежде чем в межзвездные дали взовьется новый корабль.

Наш долг заставил отдать тридцать седьмую экспедицию для Великого Кольца. Тем тщательнее мы обсуждали план тридцать восьмой экспедиции. Но за последний год произошло несколько событий, изменивших положение и обязывающих нас пересмотреть утвержденные предыдущими Советами и планетным обсуждением путь и задачу экспедиции. Открытие способов обработки сплавов под высоким давлением при температуре абсолютного нуля улучшило прочность корпуса звездолетов. Усовершенствование анамезонных двигателей, ставших экономичнее, позволяет большую дальность полета одиночного корабля. Предполагавшиеся в тридцать восьмую экспедицию звездолеты «Аэлла» и «Тинтажель» устарели по сравнению с только что законченным постройкой «Лебедем» — круглокорпусным кораблем вертикального типа с четырьмя килями устойчивости. Мы становимся способны на более дальние полеты.

Эрг Ноор, вернувшийся на «Тантре» из тридцать седьмой экспедиции, сообщил об открытии черной звезды класса Т, на планете которой обнаружен звездолет неизвестной конструкции. Попытка проникнуть внутрь корабля едва не привела всех к гибели, но все же удалось добыть кусок металла от корпуса. Это неизвестное у нас вещество, хотя и близкое к четырнадцатому изотопу серебра, обнаруженному на планетах чрезвычайно горячей звезды класса О8, известной уже очень давно под именем Дзеты Кормы Корабля.

Форма звездолета — двояковыпуклого диска с грубоспиральной поверхностью — обсуждена в Академии Пределов Знания.

Юний Ант пересмотрел памятные записи информации Кольца за все четыреста лет с момента нашего включения в Кольцо. Этот тип конструкции звездолетов неосуществим при нашем направлении науки и уровне знаний. Он не известен на тех мирах Галактики, с которыми мы обменивались сведениями.

Дисковый звездолет таких колоссальных размеров, без сомнения, гость с невообразимо далеких планет, может быть, даже с внегалактических миров. Он мог странствовать миллионы лет и опуститься на планету железной звезды в нашей пустынной области на краю Галактики.

Не требует пояснений важность изучения этого корабля путем специальной экспедиции на звезду Т.

Гром Орм включил гемисферный экран, и зал исчез. Перед зрителями медленно плыли записи памятных машин.

— Это недавно принятое сообщение с планеты ЦР519,— я опускаю для краткости детальные координаты,— их экспедиция в систему звезды Ахернар...

Странным казалось расположение звезд, и самый опытный взгляд не мог бы узнать в них давно изученные светила. Пятна тускло светящегося газа, темные облака и, наконец, большие остывшие планеты, отражавшие свет чудовищно яркой звезды.

Диаметром всего в три с половиной раза больше Солнца, Ахернар светился как двести восемьдесят солнц, будучи неописуемо яркой голубой звездой спектрального класса B5. Космический корабль, сделавший запись, удалился в сторону. Вероятно, прошли десятки лет пути. На экране возникло другое светило — яркая зеленая звезда класса *S*. Она вырастала, светя все ярче, пока звездолет чужого мира приближался к ней. Мвен Мас подумал, что зеленый оттенок ее света был бы гораздо красивее сквозь атмосферу. Словно в ответ на его мысль, на экране появилась поверхность новой планеты. Снимки делались с перерывами — экран не показал приближения к планете. Перед зрителями внезапно выросла страна высоких гор, окутанных во все мыслимые оттенки зеленого света. Черно-зеленые тени глубоких ущелий и крутых склонов, голубовато-зеленые и лиловато-зеленые освещенные скалы и долины, аквамариновые снега на вершинах и плоскогорьях, желто-зеленые, выжженные горячим светилом участки. Малахитовые речки бежали вниз, к невидимым озерам и морям, скрывавшимся за хребтами.

Дальше покрытая круглыми холмами равнина расстилалась до края моря, казавшегося издалека блестящим листом зеленого железа. Синие деревья клубились густой листвой, поляны расцветали пурпурными полосами и пятнами неведомых кустов и трав. А из глубины аметистового неба могучим потоком струились золотисто-зеленые лучи. Люди Земли замерли. Мвен Мас рылся в своей необъятной памяти, чтобы точно определить расположение зеленого светила.

«Ахернар — Альфа Эридана, высоко в южном небе, рядом с Туканом. Расстояние — двадцать один парсек... Возвращение звездолета с тем же экипажем невозможно»,— быстро проносились острые мысли.

Экран погас, и странен показался вид замкнутого зала, приспособленного для размышлений и совещаний жителей Земли.

— Эта зеленая звезда,— снова зазвучала речь председателя,— с обилием циркония в спектральных линиях, размером немного более нашего Солнца.— Гром Орм быстро перечислил координаты циркониевого светила.— В ее системе,— продолжал он,— есть две планеты-близнецы, вращающиеся друг против друга на таком расстоянии от звезды, которое соответствует энергии, получаемой Землей от Солнца.

Толщина атмосферы, ее состав, количество воды совпадают с условиями Земли. Таковы предварительные данные экспедиции планеты ЦР519. Эти же сообщения говорят об отсутствии высшей жизни на планетах-близнецах. Высшая мыслящая жизнь так преобразует природу, что заметна даже для поверхностного наблюдения с летящего в высоте звездолета. Надо считать, что она или не смогла там развиться, или еще не развилась. Это необычайно редкая удача. Если бы там оказалась высшая жизнь, мир зеленой звезды был бы закрыт для нас. Еще в семьдесят втором году эпохи Кольца, более трех веков назад, наша планета предприняла обсуждение вопроса о заселении планет с высшей мыслящей жизнью, хотя бы и не достигшей уровня нашей цивилизации. Тогда же было решено, что всякое

вторжение на подобные планеты ведет к неизбежным насилиям вследствие глубокого непонимания.

Мы знаем теперь, как велико разнообразие миров в нашей Галактике. Звезды голубые, зеленые, желтые, белые, красные, оранжевые, все водородно-гелиевые, но по различному составу своих оболочек и ядер называемые углеродными, циановыми, титановыми, циркониевыми, с различным характером излучения, высокими и низкими температурами, разным составом своих атмосфер и ядер. Планеты самого различного объема, плотности, состава и толщины атмосферы, гидросферы, расстояния до светила, условий вращения. Но мы знаем и другое: наша планета с ее семьюдесятью процентами покрытой водой поверхности, в совпадении с близостью к Солнцу, изливающему на нее могучий поток энергии, представляет собою не часто встречающуюся основу мощной жизни, богатой биомассой и разнообразием беспрерывных превращений.

Поэтому жизнь у нас развилась скорее, чем на других мирах, где она была угнетена недостатком воды, солнечной энергии или малыми площадями суши. И скорее, чем на планетах, слишком богатых водой. Мы видели в передачах по Кольцу эволюцию жизни на сильно затопленных планетах, жизни, отчаянно лезущей вверх по стеблям торчащих из вечной воды растений.

На нашей богатой водой планете тоже сравнительно мала площадь материков для сбора солнечной энергии путем ли пищевых растений, древесины или просто термоэлектрических установок.

В древнейшие периоды истории Земли жизнь развивалась медленнее в болотах низких материков палеозойской эры, чем на высоких материках кайнозойской эры, где шла борьба не только за пищу, но и за воду.

Мы знаем, что необходим определенный, наиболее выгодный для обилия и мощности жизни процент соотношения воды и суши, и наша планета близка к этому наиболее благоприятному коэффициенту. Таких планет не столь много в космосе, и каждая представляет неоценимый клад для нашего человечества как новая почва для его расселения и дальнейшего совершенствования.

Давно уже человечество перестало бояться стихийного перенаселения, когда-то пугавшего отдаленных предков. Но мы неуклонно стремимся в космос, расширяя все больше область расселения людей, ибо в этом тоже движение вперед, неизбежный закон развития. Трудность освоения планет, сильно отличающихся по физическим условиям от Земли, была так велика, что уже давно породила проекты о поселении человечества в космосе на специально построенных гигантских сооружениях, подобных увеличенным во много раз искусственным спутникам. Вы знаете, что один такой остров был построен накануне эпохи Кольца,— я говорю про «Надир», расположенный в восемнадцати миллионах километров от Земли. Там живет еще небольшая колония людей... Но неуспех этих тесных, сильно ограниченных вместилищ для человеческой жизни был настолько очевиден, что приходится лишь удивляться нашим предкам, несмотря на всю смелость их строительного замысла.

Планеты-близнецы зеленой циркониевой звезды очень похожи на нашу. Они непригодны или трудно осваяемы для хрупких обитателей открывшей их планеты ЦР519, отчего они поспешили передать нам эти сведения, как мы передадим им свои открытия.

Зеленая звезда находится от нас на таком расстоянии, которого не пролетал ни один наш звездолет. Достигнув ее планет, мы выдвинемся далеко в космос. И мы выдвинемся не на маленьком мирке искусственного

сооружения, а на крепкой базе больших планет, просторных для организации удобной жизни, могучей техники.

Вот почему я подробно занял ваше внимание планетами зеленой звезды,— мне они представляются необычайно важными для исследования. Расстояние в семьдесят световых лет теперь достижимо для звездолета типа «Лебедь», и, может быть, следует тридцать восьмую звездную экспедицию направить к Ахернару!

Гром Орм замолчал и перешел к своему месту, повернув небольшой рычажок на пульте трибуны.

Вместо председателя Совета перед зрителями поднялся небольшой экран, на котором до уровня груди появилась знакомая многим массивная фигура Дар Ветра. Бывший заведующий внешними станциями улыбнулся, встреченный неслышными приветствиями зеленых огоньков.

— Дар Ветер находится сейчас в Аризонской радиоактивной пустыне, откуда отправляются партии ракет на высоту пятидесяти семи тысяч километров для строительства спутника,— пояснил Гром Орм.— Он хотел выступить перед вами со своим мнением члена Совета.

— Я предлагаю осуществить самое простое решение,— раздался веселый, звучащий металлом переносного передатчика голос.— Отправить не одну, а три экспедиции!

Члены Совета и зрители замерли от неожиданности. Дар Ветер не был оратором и не воспользовался эффектной паузой.

— Первоначальный план посылки обоих звездолетов тридцать восьмой экспедиции на тройную звезду ЕЭ7723...

В то же мгновение Мвен Мас представил себе эту тройную звезду, по-старинному обозначавшуюся как Омикрон 2 Эридана. Расположенная менее чем в пяти парсеках от Солнца, эта система из желтой, голубой и красной звезд обладала двумя безжизненными планетами, но интерес исследования заключался не в них. Голубая звезда в этой системе была белым карликом. Размерами с крупную планету, по массе она равнялась половине Солнца. Средний удельный вес вещества этой звезды в две тысячи пятьсот раз превосходил плотность самого тяжелого земного металла — иридия. Тяготение, электромагнитные поля, процессы создания тяжелых химических элементов на этой звезде представляли колоссальный интерес и важность для непосредственного изучения их с возможно более близкого расстояния. Тем более что посылавшаяся в старину на Сириус десятая звездная экспедиция погибла, успев предупредить об опасности. Близкий сосед Солнца — двойная голубая звезда Сириус также обладала белым карликом более низкой температуры и бóльших размеров, чем Омикрон 2 Эридана В с плотностью в двадцать пять тысяч раз большей плотности воды. Достижение этой близкой звезды оказалось невозможным из-за громадных перекрещивающихся метеорных потоков, опоясывавших звезду и столь сильно рассеянных, что не было возможности точно определить распространение губительных обломков. Тогда и была задумана экспедиция на Омикрон 2 Эридана триста пятнадцать лет тому назад.

— ...представляет теперь, после опыта Мвена Маса и Рен Боза,— говорил в это время Дар Ветер,— столь важное значение, что отказаться от него нельзя.

Но изучение чужого, далекого звездолета, найденного тридцать седьмой экспедицией, может дать нам такие познания, которые далеко превзойдут открытия первого исследования.

Можно пренебречь прежними правилами безопасности и рискнуть разделить звездолеты. «Аэллу» послать на Омикрон Эридана, а «Тинта-

жель» — на звезду Т. Оба звездолета первого класса, как «Тантра», которая справилась одна с чудовищными затруднениями.

— Романтика! — громко и презрительно сказал Пур Хисс и тут же съежился, заметив неодобрение зрителей.

— Да, настоящая романтика! — радостно воскликнул Дар Ветер.— Романтика — роскошь природы, но необходимая в хорошо устроенном обществе! От избытка телесных и душевных сил в каждом человеке быстрее возрождается жажда нового, частых перемен. Появляется особое отношение к жизненным явлениям — попытка увидеть больше, чем ровную поступь повседневности, ждать от жизни высшую норму испытаний и впечатлений.

— Я вижу в зале Эвду Наль,— продолжал Дар Ветер.— Она подтвердит вам, что романтика — это не только психология, но и физиология! Продолжаю — новый звездолет «Лебедь» послать на Ахернар, к зеленой звезде, потому что только через сто семьдесят лет наша планета узнает результат. Гром Орм совершенно прав, что исследование сходных планет и создание базы для движения в космос — наш долг по отношению к потомкам.

— Запас анамезона готов только для двух кораблей,— возразил секретарь Мир Ом.— Понадобится десять лет, чтобы, не нарушая экономики, приготовить корабль еще для одного полета. Напомню, что сейчас много производительных сил отнимет восстановление спутника.

— Я предвидел это,— ответил Дар Ветер,— и предлагаю, если Совет Экономики найдет возможным, обратиться к населению планеты. Пусть каждый на год отложит увеселительные поездки и путешествия, пусть выключат телевизоры наших аквариумов в глубинах океана, перестанут доставлять драгоценные камни и редкие растения с Венеры и Марса, остановят заводы одежды и украшений. Совет Экономики определит лучше меня, что следует приостановить, чтобы бросить сэкономленную энергию на производство анамезона. Кто из нас откажется сократить потребности на один только год, чтобы принести нашим детям великий дар — две новые планеты в живительных лучах зеленого, приятного для наших земных глаз солнца!

Дар Ветер простер руки перед собой, обращаясь ко всей Земле, так как знал, что миллиарды глаз следят за ним в экранах телевизоров, кивнул головой и исчез, оставив пустое синеватое мерцание. Там, в Аризонской пустыне, гулкий грохот периодически сотрясал почву, говоря о том, что очередная ракета взвилась с грузом за пределы голубого небосвода. Здесь все присутствующие в зале Совета встали, поднимая левые руки, что означало открытое и полное согласие с выступавшим.

Председатель Совета обратился к Эвде Наль.

— Наш гость из Академии Горя и Радости, не выскажете ли вы свое мнение в аспекте человеческого счастья?

Эвда еще раз взошла на трибуну.

— Человеческая психика устроена так, что не приспособлена к длительному возбуждению и многократному повторению возбуждения,— это защита от быстрого износа нервной системы. Наши далекие предки едва не погубили человечество, не считаясь с тем, что человек в своей физиологической основе требует частого отдыха. Но мы, напуганные этим, прежде слишком берегли психику, не понимая, что основным средством расключения и отдыха от впечатлений является труд. Необходима не только перемена рода занятий, но и регулярное чередование труда и отдыха. Чем тяжелее труд, тем длительнее отдых, и тогда чем труднее, тем радостнее, тем больше захвачен человек весь, полностью.

Можно говорить о счастье, как о постоянной перемене труда и отдыха, трудностей и удовольствий. Долголетие человека расширило пределы его мира, и он устремился в космос. Борьба за новое — вот настоящее счастье! Отсюда — отправление звездолета на Ахернар даст человечеству больше непосредственной радости, чем две другие экспедиции, так как планеты зеленого солнца подарят новый мир нашим чувствам, а исследования физических явлений космоса, несмотря на все их значение, воспринимаются пока только в области разума. Борясь за возрастание суммы человеческого счастья, Академия Горя и Радости, вероятно, считала бы наиболее выгодной экспедицию на Ахернар, но если возможно осуществление всех трех, то что же может быть лучше!

Эвда Наль получила в награду от взволнованного зала целую лавину зеленых огней.

Поднялся Гром Орм.

— Вопрос и решение Совета уже выяснились, и мое выступление, очевидно, последнее. Будем просить человечество сократить свои потребности на четыреста девятый год эры Кольца. Дар Ветер не сказал о находке историками золотого коня эры Разобщенного Мира. Эти сотни тонн чистого золота можно обратить на производство анамезона и добиться скорого изготовления полетного запаса. Отправим впервые за всю историю Земли экспедиции одновременно на три звездные системы и впервые попытаемся достигнуть миров, находящихся на расстоянии семидесяти световых лет!

Председатель закрыл заседание, попросив остаться лишь членов Совета. Надо было срочно составить запросы в Совет Экономики, а также в Академию Стохастики и Предсказания Будущего для выяснения возможных случайностей в далеком пути на Ахернар.

Усталая Чара поплелась вслед за Эвдой, удивляясь, что бледные щеки знаменитого психиатра оставались свежими, как всегда. Девушке хотелось скорее остаться одной, чтобы потихоньку прочувствовать оправдание Мвена Маса. Сегодня замечательный день! Правда, Мвена Маса не увенчали как героя, на что в самых сокровенных мечтах надеялась Чара. Его надолго, если не навсегда, отстранили от большой и важной работы... Но разве его не оставили в обществе! Разве не открыта им вместе широкая и нелегкая дорога исследования, труда, любви!

Эвда Наль заставила девушку пойти в ближайший Дом питания. Чара так долго смотрела на таблицу выбора, что Эвда решила действовать сама, назвав в приемный рупор автомата шифры выбранных блюд и индекс стола. Только что они уселись за овальный двухместный стол, как в центре его открылся люк и оттуда появился маленький контейнер с заказом. Эвда Наль протянула Чаре бокал с опалесцировавшим в нем подбодряющим напитком «Лио», а сама с удовольствием выпила стакан прохладной воды и ограничилась запеканкой из каштанов, орехов и бананов со сбитыми сливками. Чара съела какое-то блюдо из тертого мяса раптов — птиц, заменивших домашних кур и дичь в современном обиходе, и была отпущена. Эвда Наль смотрела вслед Чаре, когда девушка со своим удивительным, даже для эпохи Кольца, изяществом сбегала по лестнице между статуями из черного металла и причудливо изогнутыми подставками фонарей.

Глава тринадцатая

АНГЕЛЫ НЕБА

Затаив дыхание следил Эрг Ноор за манипуляциями искусных лаборантов. Обилие приборов напоминало пост управления звездолета, но простор большого зала с широкими голубоватыми окнами сразу же отводил всякие мысли о космическом корабле.

В центре комнаты на металлическом столе стояла камера из толстых плит руфолюцита — материала, прозрачного и для инфракрасных и видимых лучей. Паутина трубок и проводов оплетала коричневую эмаль звездолетного водяного бака, заключавшего двух черных медуз с планеты железной звезды.

Эон Тал, выпрямившись, как на гимнастике, с беспомощно висевшей по-прежнему на перевязи рукой, издалека заглядывал на медленно поворачивавшийся барабан самописца. На лбу биолога выше широких черных бровей выступили капельки пота.

Эрг Ноор облизнул пересохшие губы.

— Ничего. За пять лет пути там остался один прах,— хрипло заметил астролетчик.

— Если так, то большая беда... для Низы и для меня,— отозвался биолог.— Понадобятся искания ощупью, возможно многолетние, чтобы определить характер поражения.

— Вы продолжаете думать, что органы, убивающие добычу, одинаковы у медуз и у креста?

— Не только я. Грим Шар и все другие пришли к той же уверенности. Но сначала были самые неожиданные мысли. Я вообразил, что черный крест вообще не имеет отношения к планете.

— Я тоже, помните, говорил вам об этом. Мне почудилось, что это существо с дискового звездолета и стерегло его. Но если подумать серьезно, то какой смысл стеречь несокрушимую крепость снаружи ее? Попытка вскрыть спиралодиск показала нелепость таких мыслей.

— Я представлял себе, что крест вообще не живой!

— Робот-автомат, поставленный на охрану звездолета?

— Да. Но теперь, конечно, я отказался от этой мысли. Черный крест — это живое существо, порождение мира мрака. Вероятно, эти твари обитают внизу, на равнине. Он появился со стороны «ворот» — прохода в утесах. Медузы, более легкие и подвижные,— это обитатели плоскогорья, на которое мы сели. Связь черного креста и спиралодиска случайна, просто наши защитные устройства не коснулись этого отдаленного уголка равнины, всегда оставшегося во мраке за гигантским диском.

— И вы считаете убийственные органы креста и медуз сходными?

— Да! У этих животных, обитающих в одних и тех же условиях, должны были возникнуть и сходные органы. Железная звезда — тепловое электрическое светило. Вся толстая атмосфера планеты сильно насыщена электричеством. Грим Шар считает, что животные собирали энергию из атмосферы, создавая сгущения наподобие наших шаровых молний. Вспомните движение коричневых звездочек по щупальцам медуз.

— И у креста были щупальца, но не было...

— Просто никто не успел заметить. Но характер поражения по нервным стволам с параличом соответствующего высшего центра — в этом все мы единодушны — одинаков у меня и у Низы! Это главное доказательство и главная надежда!

— Надежда? — встрепенулся Эрг Ноор.

— Разумеется. Смотрите,— биолог показал на ровную линию записи прибора,— чувствительные электроды, погруженные в ловушку с медузами, ничего не показывают. Чудовища забрались туда с полным зарядом своей энергии, которая никуда не могла деваться из бака после его заделки. Изоляционная защита космических пищевых сосудов вряд ли может быть проницаема — это не наши легкие биологические скафандры. Вспомните, что крест, погубивший Низу, не причинил вам вреда. Его ультразвук проник в скафандр высшей защиты, сломив волю, но поражающие разряды оказались бессильны. Они пробили только скафандр Низы так же, как медузы пробили мой.

— Следовательно, заряд шаровых молний или чего-то похожего, который вошел в бак, должен там остаться. Но приборы ничего не показывают.

— В этом и есть надежда. Значит, медузы не рассыпались в прах. Они...

— Понимаю. Закапсулировались, заключили себя в нечто вроде кокона.

— Да. Подобное приспособление распространено среди живых организмов, вынужденных переживать неблагоприятные для существования периоды. Долгие ледяные ночи черной планеты, ее страшные ураганы на «восходах» и «закатах» — вот такие периоды. Но так как они сравнительно быстро чередуются, то я уверен, что медузы могут быстро инцистироваться и так же быстро выходить из этого состояния. Если рассуждение верно, то мы сможем довольно просто вернуть черных медуз к их убийственной жизнедеятельности.

— Восстановлением температуры, атмосферы, освещения и прочих условий черной планеты?

— Да. Все рассчитано и подготовлено. Скоро появится Грим Шар. Мы начнем продувать бак неоново-кислородно-азотной смесью при давлении в три атмосферы. Но сначала убедимся...

Эон Тал посовещался с двумя ассистентами. Какая-то установка стала медленно подползать к коричневому баку. Передняя руфолюцитовая плита отодвинулась, открывая доступ к опасной ловушке.

Электроды внутри бака заменились микрозеркалами с цилиндрическими осветителями. Один из ассистентов встал за пульт телеуправления. На экране возникла вогнутая поверхность, покрытая зернистым налетом и тускло отражавшая лучи осветителя — стенка бака. Плавно поворачивалось зеркало. Эон Тал заговорил:

— Рентгеном просветить трудно, слишком сильна изоляция. Приходится применять более сложный способ.

Вращение зеркала отразило дно сосуда и на нем два белых комка в форме неправильных шаров с ноздреватой, волокнистой поверхностью. Комки походили на плоды недавно выведенной породы хлебных деревьев, достигавшие семидесяти сантиметров в поперечнике.

— Присоедините ТВФ к вектору Грим Шара,— обратился биолог к помощнику.

Ученый, едва убедился в правоте общих предположений, прибежал в лабораторию. Близоруко щурясь вовсе не от слабости зрения, а по привычке, он оглядывал приготовленные аппараты. Грим Шар не походил на знаменитого ученого, которые, как правило, отличались внушительным видом и властностью характера. Эрг Ноор вспомнил Рен Боза с его застенчивой мальчишеской внешностью, так не соответствовавшей величию его ума.

— Вскройте заделанный шов! — скомандовал Грим Шар.

Механическая рука взрезала слой твердой эмалевой массы, не сдвинув с места тяжелую крышку. Шланги с газовой смесью подключились к вентилям. Сильный прожектор инфракрасных лучей заменил железную звезду.

— Температура... сила тяжести... давление... электрическая насыщенность... — повторял показания приборов находившийся у них ассистент.

Спустя полчаса Грим Шар обернулся к астролетчикам.

— Пойдемте в зал отдыха. Нет возможности предугадать время оживления этих капсул. Если Эон прав, то это произойдет скоро. Дежурные предупредят нас.

Институт Нервных Токов был построен далеко от жилой зоны, на окраине заповедной степи. Земля на исходе лета стала сухой, и ветер уносился вдаль с особенным шелестом, проникавшим в настежь открытые окна вместе с легким запахом подсушенных солнцем трав.

Трое исследователей в удобных креслах погрузились в молчание, поглядывая в окна поверх раскидистых деревьев на марево далекого горизонта. Время от времени кто-нибудь закрывал усталые глаза, но ожидание было слишком напряженным, чтобы задремать. На этот раз судьба не испытывала терпения ученых. Не прошло и трех часов, как вспыхнул экран прямого соединения. Дежурный ассистент едва сдерживал себя.

— Крышка шевелится!

В одно мгновение все трое оказались в лаборатории.

— Закройте наглухо руфолюцитовую камеру, проверьте герметичность! — распорядился Грим Шар.— Перенесите условия планеты в камеру.

Легкое шипение мощных насосов, посвистывание уравнителей давления — и внутри прозрачной клетки оказалась атмосфера мрака.

— Увеличьте влажность и насыщение электричеством,— продолжал Грим Шар.

Резкий запах озона поплыл по лаборатории.

Ничего не произошло. Ученый нахмурился, окидывая взглядом приборы и силясь сообразить, что упущено.

— Нужна тьма! — вдруг раздался четкий голос Эрга Ноора.

Эон Тал даже подпрыгнул.

— Как я смог забыть! Грим Шар, вы не были на железной звезде, но я!..

— Поляризующие ставни! — вместо ответа сказал ученый.

Свет померк. Лаборатория осталась освещенной лишь огнями приборов. Ассистенты задернули пульт шторами, и все погрузилось во мрак. Кое-где едва мерцали точки самосветящихся индикаторов.

Дыхание черной планеты пахнуло в лица астролетчиков, воскресив в памяти страшные и увлекательные дни тяжелой борьбы.

Прошло несколько минут молчания, в котором слышались лишь осторожные движения Эона Тала, настраивавшего экран для инфракрасных лучей с поляризующей ширмой, предупреждавшей отбрасывание света.

Слабый звук и тяжелый удар — это упала крышка водяного бака внутри руфолюцитовой камеры. Знакомое мерцание коричневых вспышек — это щупальца черного чудовища появились над краем бака. Внезапным прыжком оно взлетело вверх, простираясь покрывалом тьмы на всю площадь руфолюцитовой камеры, и ударилось о прозрачный потолок. Тысячи коричневых звездочек заструились по телу медузы, покрывало выпучилось куполом, как от дуновения снизу, и медуза уперлась в дно камеры собранными пучком щупальцами. Таким же черным призраком

поднялось из бака второе чудовище, невольно внушая страх своими быстрыми и беззвучными движениями. Но здесь, за прочными стенами опытной камеры, окруженные управляемыми на расстоянии приборами, порождения планеты мрака были бессильны.

Приборы измеряли, фотографировали, определяли,вычеркивали сложные кривые, раскладывая устройство чудовищ на разнообразные физические,химические и биологические показатели. Ум человека вновь собирал эти разнокачественные данные, овладевая устройством неведомых порождений ужаса и подчиняя себе их.

С каждым пролетавшим незаметно часом Эрг Ноор убеждался в победе.

Все радостнее становился Эон Тал, все оживленнее Грим Шар и его молодые ассистенты.

Наконец ученый подошел к Эргу Ноору.

— Вы можете идти со спокойным сердцем. Мы останемся до конца исследования. Я боюсь включать видимый свет — здесь черным медузам нет от него убежища, как на их планете. А они должны ответить на все, что мы хотим знать.

— И вы будете знать?

— Через три-четыре дня наше исследование станет исчерпывающим для нашего уровня знаний. Но уже сейчас можно представить, каково действие парализующего устройства.

— И лечить Низу?

— Да!

Только теперь Эрг Ноор почувствовал, какую большую тяжесть носил он в себе с того черного дня, дня или ночи!.. Да не все ли равно! Дикая радость наполнила этого всегда сдержанного человека. Он с трудом преодолел нелепое желание подбросить Грим Шара в воздух, трясти и обнять маленького ученого. Эрг Ноор поразился самому себе, успокоился и минуту спустя обрел свою всегдашнюю сосредоточенность.

— Как поможет ваше изучение борьбе с медузами и крестами в будущей экспедиции!

— Конечно! Теперь мы будем знать врага. Но разве состоится экспедиция в этот мир тяжести и мрака?

— Я не сомневаюсь в этом!

Теплый день северной осени едва начался.

Эрг Ноор шел без обычной стремительности, переступая босыми ногами по мягкой траве. Впереди, на опушке, зеленая стена кедров переплеталась с облетевшими кленами, похожими на столбы редкого серого дыма. Здесь, в заповеднике, человек не вмешивался в природу. Своя прелесть была в беспорядочных зарослях высоких трав, в их смешанном и противоречивом, приятном и резком запахе.

Холодная речка преградила путь. Эрг Ноор спустился по тропинке. Ветровая рябь на пронизанной солнцем прозрачной воде казалась зыблющейся сеткой волнистых золотых линий, наброшенной на пестрящую гальку дна. Незаметные кусочки мха и водорослей проплывали в воде, и под ними бежали по дну пятнышки синих теней. За речкой клонились по ветру лиловые крупные колокольчики. Запах влажного луга и багряных осенних листьев обещал радость труда человеку, потому что у каждого в уголке души еще гнездился опыт первобытного пахаря.

Яркая желтая иволга уселась на ветку, издавая насмешливый и самоуверенный свист.

Чистое небо над кедрами посеребрилось взмахом широкого крыла перистых облаков. Эрг Ноор углубился в припахивающий горьковатой кедровой хвоей и смолой сумрак леса, пересек его и поднялся на холм, вытирая намокшую непокрытую голову. Заповедная роща вокруг нервной клиники не была широкой, и Эрг Ноор скоро вышел на дорогу. Речка наполняла каскад бассейнов из молочного стекла. Несколько мужчин и женщин в купальных костюмах выбежали из-за поворота и понеслись по дороге между рядами пестрых цветов. Вряд ли осенняя вода была теплой, но бегуны, подбодряя друг друга смехом и шутками, ринулись в бассейн, веселой кучей сплывая вниз по каскаду. Эрг Ноор невольно улыбнулся. Где-то на местном заводе или ферме настало время отдыха...

Никогда еще родная планета не казалась такой прекрасной ему, проведшему большую часть своей жизни в тесном звездолете. Великая благодарность переполняла Эрга Ноора ко всем людям, к земной природе, принимавшим участие в спасении его рыжекудрого астронавигатора — Низы. Сегодня она сама пришла ему навстречу в сад клиники! После совещания с врачами они решили поехать вместе в полярный невросанаторий. Как только удалось разомкнуть паралитическую цепь, устранив устойчивое торможение в коре мозга от разряда щупалец черного креста, Низа оказалась совершенно здоровой. Требовалось только вернуть былую энергию после столь долгого каталептического сна. Низа, живая, здоровая Низа! Какое счастье! Как ново и неожиданно ярко это чувство, переполнившее его душу.

Он увидел одинокую женскую фигуру, быстро шедшую ему навстречу от разветвления дороги. Он узнал бы ее из тысячи — Веду Конг. Веду, прежде так много занимавшую его мысли, пока не выяснилась разность их путей. Привыкшее к диаграммам вычислительных машин мышление Эрга Ноора представило себе крутую взмывающую в небо дугу — его стремление — и парящий над планетой, погружающийся в глубину ее прошлых веков путь жизни и творчества Веды. Обе линии широко расходились, отдаляясь друг от друга.

Знакомое до мельчайших подробностей лицо Веды Конг вдруг поразило Эрга Ноора своим сходством с Низой. Такое же узкое, с широко расставленными глазами и высоким лбом, с длинными бровями вразлет, с тем же выражением нежной усмешки у крупного рта. Даже носы у обеих, чуть вздернутые, мягко закругленные и удлиненные, были похожи, точно у сестер. Только Веда смотрела всегда прямо и вдумчиво, а упрямая головка Низы Крит часто вздергивалась вверх в юном порыве.

— Вы рассматриваете меня? — удивилась Веда.

Она протянула Эргу Ноору обе руки, и тот прижал их к своим щекам. Веда, вздрогнув, высвободилась. Астролетчик слабо усмехнулся.

— Я хотел поблагодарить их, эти руки, выходившие Низу... Она... Я все знаю! Требовалось постоянное дежурство, и вы отказались от интересной экспедиции. Два месяца!..

— Не отказалась, а опоздала, поджидая «Тантру». Все равно было поздно, а потом — она прелесть, ваша Низа! Мы внешне похожи, но она настоящая подруга победителю космоса и железных звезд, со своей устремленностью в небо и преданностью.

— Веда!..

— Я не шучу, Эрг! Вы чувствуете, что сейчас еще не время для шуток? Надо, чтобы все стало ясно.

— Мне и так все ясно! Но я благодарю вас не за себя — за Низу...

— Не благодарите! Мне стало бы трудно, если бы вы потеряли Низу...

— Понимаю, но не верю, потому что знаю Веду Конг — совершенно чуждую такого расчета. И моя благодарность не ушла.

Эрг Ноор погладил молодую женщину по плечу и положил пальцы на сгиб руки Веды. Они шли рядом по пустынной дороге и молчали, пока Эрг Ноор не заговорил снова:

— Кто же он, настоящий?

— Дар Ветер.

— Прежний заведующий внешними станциями? Вот как!..

— Эрг, вы произносите какие-то незначащие слова. Я вас не узнаю...

— Я изменился, должно быть. Но я представляю себе Дар Ветра лишь по работе и думал, что он тоже мечтатель космоса.

— Это верно. Мечтатель звездного мира, но сумевший сочетать звезды с любовью к Земле древнего земледельца. Человек знания, с большими руками простого мастера.

Эрг Ноор невольно взглянул на свою узкую ладонь с длинными твердыми пальцами математика и музыканта.

— Если бы вы знали, Веда, мою любовь к Земле сейчас!..

— После мира тьмы и долгого пути с парализованной Низой? Конечно! Но...

— Она, эта любовь, не создает основу моей жизни?

— Не может. Вы настоящий герой и потому ненасытны в подвиге. Вы и эту любовь понесете полной чашей, боясь пролить из нее каплю на Землю, чтобы отдать для космоса. Но для той же Земли!

— Веда, вас сожгли бы на костре в Темные века!

— Мне уже говорили об этом... Вот и развилка. Где ваша обувь, Эрг?

— Я оставил ее в саду, когда вышел вам навстречу. Мне придется вернуться.

— До свидания, Эрг. Мое дело здесь кончено, наступает ваше. Где мы увидимся? Или только перед отлетом нового корабля?

— Нет, нет, Веда! Мы с Низой уедем в полярный санаторий на три месяца. Приезжайте к нам и привезите его, Дар Ветра.

— Какой санаторий? «Сердце-Камень» на северном побережье Сибири? Или в Исландию — «Осенние Листья»?

— Для Северного полярного круга уже поздно. Нас пошлют в южное полушарие, где скоро начнется лето, «Белая Заря» на Земле Грахама.

— Хорошо, Эрг. Если Дар Ветер сразу не отправится восстанавливать спутник пятьдесят семь. Вероятно, сначала должна быть подготовка материалов...

— Хорош ваш земной человек — почти год в небе!

— Не лукавьте. Это ближнее небо в сравнении с невообразимыми пространствами, которые разлучили нас.

— Вы жалеете об этом, Веда?

— Зачем вы спрашиваете, Эрг? В каждом из нас две половинки: одна рвется к новому, другая бережет прежнее и рада вернуться к нему. Вы знаете это и знаете, что никогда возвращение не достигает цели.

— Но сожаление остается... как венок на дорогой могиле. Поцелуйте меня, Веда, дорогая!..

Молодая женщина послушно выполнила просьбу, слегка оттолкнула астролетчика и быстро пошла к главной дороге — линии электробусов. Робот-рулевой подошедшей машины остановился. Эрг Ноор долго видел красное платье Веды за прозрачной стенкой.

Смотрела и Веда через стекло на неподвижно стоящего Эрга Ноора. В мыслях настойчиво звучал рефрен стихотворения поэта эры Разобщен-

ного Мира, переведенного и недавно положенного на музыку Арком Гиром. Дар Ветер сказал ей однажды в ответ на нежный укор:

И ни ангелы неба, ни духи пучин
Разлучить никогда б не могли,
Не могли разлучить мою душу с душой
Обольстительной Аннабель-Ли!

Это был вызов древнего мужчины силам природы, взявшим его возлюбленную. Мужчины, не смирившегося с утратой и ничего не захотевшего отдать судьбе!

Электробус приближался к ветви Спиральной Дороги, а Веда Конг все еще стояла у окна. Крепко взявшись за полированные поручни, она, переполненная светлой грустью, напевала чудесный романс.

«Ангелы — так в старину у религиозных европейцев назывались мнимые духи неба, вестники воли богов. Слово «ангел» и означает «вестник» на древнегреческом языке. Забытое много веков назад слово...»

Веда очнулась от мыслей на станции, но снова вернулась к ним в вагоне Дороги.

— Вестники неба, космоса — так можно назвать и Эрга Ноора, и Мвена Маса, и Дар Ветра. Особенно Дар Ветра, когда он будет в ближнем, земном небе, на стройке спутника... — Веда улыбнулась шаловливо.— Но тогда духи пучин — это мы, историки,— громко сказала она, вслушиваясь в звук своего голоса, и весело рассмеялась.— Да, так, ангелы неба и духи пучин! Только вряд ли это понравится Дар Ветру...

Низкие кедры с черной хвоей — холодоустойчивая форма, выведенная для Субантарктики,— шумели торжественно и равномерно под неослабевающим ветром. Холодный и плотный воздух тек быстрой рекой, неся с собой необычайную чистоту и свежесть, свойственную лишь воздуху открытого океана или высоких гор. Но в горах соприкоснувшийся с вечными снегами ветер сухой, слегка обжигающий, подобно игристому вину. Здесь дыхание океана было ощутимо весомым прикосновением, влажно обтекавшим тело.

Здание санатория «Белая Заря» спускалось к морю уступами стеклянных стен, напоминавших своими закругленными формами гигантские морские корабли прошлого. Бледно-малиновая раскраска простенков, лестниц и вертикальных колонн днем резко контрастировала с куполовидными массами темных, шоколадно-лиловых андезитовых скал, прорезанных голубовато-серыми фарфоровыми дорожками из сплавленного сиенита. Но сейчас поздневесенняя полярная ночь высветила и уравняла все краски в своем особенном белесоватом свете, как будто исходившем из глубин неба и моря. Солнце скрылось на час за плоскогорьем на юге. Оттуда широкой аркой всплывало величественное сияние, раскинувшееся по южной части неба. Это был отблеск могучих льдов антарктического материка, сохранившихся на высоком горбе его восточной половины. Их отодвинула воля человека, оставившего лишь четверть прежнего колоссального щита ледников. Белая ледяная заря, по имени которой и назывался санаторий, превратила все окружающее в спокойный мир легкого света без теней и рефлексов.

Четыре человека медленно шли к океану по серебряным отблескам фарфоровой дорожки. Лица шагавших позади мужчин казались вырубленными из серого гранита, большие глаза обеих женщин стали бездонно глубоки и загадочны.

Низа Крит, прижимаясь лицом к воротнику меховой накидки Веды Конг, взволнованно возражала ученому-историку. Веда, не скрывая легкого удивления, вглядывалась в эту внешне похожую на нее девушку.

— Мне кажется, лучшим подарком, какой женщина может сделать любимому,— это создать его заново и тем продлить существование своего героя. Ведь это почти бессмертие!

— Мужчины судят по-другому в отношении нас,— ответила Веда.— Дар Ветер мне говорил, что он не хотел бы дочери, слишком похожей на любимую,— ему трудна мысль уйти из мира и оставить ее без себя, без одеяния своей любви и нежности для неведомой ему судьбы... Это пережитки древней ревности и защиты.

— Но мне невыносима мысль о разлуке с маленьким, моим родным существом,— продолжала поглощенная своими мыслями Низа.— Отдать его на воспитание, едва выкормив!

— Понимаю, но не согласна.— Веда нахмурилась, как будто девушка задела болезненную струнку в ее душе.— Одна из величайших задач человечества — это победа над слепым материнским инстинктом. Понимание, что только коллективное воспитание детей специально отобранными и обученными людьми может создать человека нашего общества. Теперь нет почти безумной, как в древности, материнской любви. Каждая мать знает, что весь мир ласков к ее ребенку. Вот и исчезла инстинктивная любовь волчицы, возникшая из животного страха за свое детище.

— Я это понимаю,— сказала Низа,— но как-то умом.

— А я вся, до конца, чувствую, что величайшее счастье — доставлять радость другому существу — теперь доступно любому человеку любого возраста. То, что в прежних обществах было возможно лишь для родителей, бабушек и дедушек, а более всего для матерей... Зачем обязательно все время быть с маленьким — ведь это тоже пережиток тех времен, когда женщины вынужденно вели узкую жизнь и не могли быть вместе со своими возлюбленными. А вы будете всегда вместе, пока любите...

— Не знаю, но подчас такое неистовое желание, чтобы рядом шло крохотное, похожее на него существо, что стискиваешь руки... И... нет, я ничего не знаю!..

— Есть остров Матерей — Ява. Там живут все, кто хочет сам воспитывать своего ребенка.

— О нет! Но я не могла бы и стать воспитательницей, как это делают особенно любящие детей. Я чувствую в себе так много силы, и я уже раз была в космосе...

Веда смягчилась.

— Вы — олицетворение юности, Низа, и не только физически. Как все очень молодые, вы не понимаете, сталкиваясь с противоречиями жизни, что они — сама жизнь, что радость любви обязательно приносит тревоги, заботы и горе, тем более сильные, чем сильнее любовь. А вам кажется, что все утратится при первом ударе жизни...

При последних своих словах Веду вдруг осенило. Нет, не в одной лишь юности была причина тревог и жадных стремлений Низы!

Веда впала в свойственную многим ошибку — считать, что раны души заживают одновременно с телесными повреждениями. Совсем не так! Долго-долго остается еще рана психики, глубоко скрытая под здоровым физическим телом, и может открыться неожиданно, иногда от совсем незначительной причины. Так и у Низы — пять лет паралича, пусть совершенно бессознательного, но оставившего память о себе во всех клеточках тела, ужас встречи со страшным крестом, чуть было не погубившим Эрга Ноора.

Угадав направление мыслей Веды, Низа глухо сказала:

— После железной звезды меня не покидает странное ощущение. Где-то в душе есть тревожная пустота. Она существует вместе с уверенной радостью и силой, не исключая их, но и не угасая сама. Но бороться с ней я могу лишь тем, что должно захватить меня всю, не оставляя меня наедине с этим... Теперь я знаю, что такое космос для одинокого человека, и еще больше склоняюсь перед памятью первых героев звездоплавания!

— Я, кажется, понимаю,— ответила Веда.— Я была на затерянных среди океана маленьких островках Полинезии. Там в часы одиночества перед морем тебя всю охватывает бесконечная печаль, как растворяющаяся в однотонной дали тоскливая песня. Должно быть, древняя память о первобытном одиночестве сознания говорит человеку, как слаб и обречен он был прежде в своей клеточке-душе. Только общий труд и общие мысли могут спасти от этого — приходит корабль, казалось бы, еще меньший, чем остров, но необъятный океан уже не тот. Горсточка товарищей и корабль — это уже особый мир, стремящийся в доступные и покорные ему дали. Так и корабль космоса — звездолет. В нем вы с отважными и сильными товарищами! Но одиночество перед космосом... — Веда вздрогнула.— Вряд ли человек способен вынести его.

Низа прижалась к Веде еще крепче.

— Как правильно вы сказали, Веда! Оттого я и хочу всего сразу...

— Низа, я полюбила вас. Теперь я больше согласна с вашим решением... Оно мне казалось безумным.

Низа молча сжала руку Веды и ткнулась носом в ее холодную от ветра щеку.

— Но выдержите ли вы, Низа? Это так невероятно трудно!

— О какой трудности вы говорите, Веда? — обернулся услышавший ее последнее восклицание Эрг Ноор.— Вы сговорились с Дар Ветром? Он уже полчаса убеждает меня отдать молодежи мой опыт астролетчика, а не уходить в полет, из которого не возвращаются.

— И что же, удалось убеждение?

— Нет. Мой опыт звездоплавания еще более нужен, чтобы довести «Лебедя» до цели, туда,— Эрг Ноор указал на светлое беззвездное небо, где ниже Малого Магелланова Облака, под Туканом и Водяной Змеей, должен был гореть яркий Ахернар,— довести по пути, не пройденному еще ни одним кораблем Земли или Кольца!

С последним словом Эрга Ноора за его спиной вспыхнул край выдвинувшегося Солнца, лучи которого смели всю таинственность белой зари.

Четверо друзей подошли к морю. Океан дышал холодом, накатывая на отлогий берег ряды беспенных волн — тяжелую зыбь бурной Антарктики. Веда Конг с любопытством смотрела на стальную воду, быстро темневшую с глубиной и под лучами низкого Солнца принявшую лиловый оттенок льда.

Низа Крит стояла рядом в шубке из голубого меха и такой же круглой шапочке, из-под которой выбивалась масса темно-рыжих волос. По обыкновению, девушка слегка вскинула голову. Дар Ветер, любуясь ею, нахмурился.

— Ветер, вам не нравится Низа? — с утрированным негодованием воскликнула Веда Конг.

— Вы знаете, что я восхищаюсь ею,— угрюмо ответил Дар Ветер.— Но сейчас она показалась мне такой маленькой и хрупкой по сравнению с...

— С тем, что меня ожидает? — с вызовом спросила Низа.— Теперь вы перебросили атаку с Эрга на меня?..

— Я вовсе не думаю так поступать,— серьезно и печально ответил Дар Ветер,— но мое огорчение естественно. Прекрасное создание моей милой Земли должно исчезнуть в безднах космоса с его мраком и чудовищным холодом. Это не жалость, Низа, а печаль утраты.

— Вы почувствовали, как и я,— согласилась Веда,— яркий огонек жизни — Низа и ледяное мертвое пространство!

— Я кажусь хрупким цветком? — спросила Низа. Странная интонация ее голоса насторожила Веду.

— Кто больше меня любит радость борьбы с холодом? — И девушка сорвала шапочку, встряхнув рыжими кудрями, сбросила шубку.

— Что вы делаете, Низа? — первой догадалась Веда Конг, бросаясь к астронавигатору.

Но Низа взлетела на скалу, нависшую над волнами, быстро разделась и передала Веде свою одежду.

Холодные волны приняли Низу, и Веда вся содрогнулась, представив себе ощущение от такого купанья. Низа спокойно отплывала дальше, сильными толчками пронизывая волны. Поднявшись на гребень, она стала махать оставшимся на берегу, вызывающе приглашая последовать за собой.

Веда Конг следила за ней с восторгом.

— Ветер, Низа — подруга не Эргу, а полярному медведю. Неужели вы, северный человек, отступите?

— По происхождению северный, а сам предпочитаю теплые моря,— жалобно сказал Дар Ветер, нехотя приближаясь к заплескам морского наката.

Раздевшись, он потрогал ногой воду и с воплем «ух!» кинулся навстречу стальному валу. Тремя широкими взмахами он взлетел на вершину волны и скользнул в темную впадину второй. Только многолетняя тренировка и круглогодовое купанье спасли престиж Дар Ветра. Дыхание его прервалось, и красные круги завертелись в глазах. Несколькими резкими нырками и прыжками он вернул возможность дышать. Дар Ветер приплыл посиневший, в ознобе и понесся в гору вместе с Низой. Спустя несколько минут они наслаждались теплом мехового одеяния. Даже знобящий ветер, казалось, нес дыхание коралловых морей.

— Чем больше узнаю вас,— шепнула Веда,— тем больше убеждаюсь, что Эрг Ноор не ошибся выбором. Вы, как никто другой, подбодрите его в трудный час, обрадуете, сбережете...

Лишенные загара щеки Низы густо порозовели.

За завтраком на высокой, вибрирующей от ветра хрустальной террасе Веда часто встречала задумчивый и нежный взгляд девушки. Все четверо были молчаливы, как обычно люди перед долгой разлукой.

— Горько узнать таких людей и тут же расстаться с ними! — вдруг вскричал Дар Ветер.

— Может быть, вы?.. — начал Эрг Ноор.

— Мое свободное время кончилось. Пора забираться на высоту! Гром Орм ждет меня.

— Пора и мне,— добавила Веда.— Я погружусь в свою пучину, в недавно открытую пещеру — хранилище эры Разобщенного Мира.

— «Лебедь» будет готов к середине будущего года, а мы приступим к сборам через шесть недель,— тихо сказал Эрг Ноор.— Кто сейчас заведует внешними станциями?

— Пока Юний Ант, но он не хочет расставаться с памятными маши-

нами, и Совет еще не утвердил кандидатуры Эмба Онга — инженера-физика лабрадорской Ф-установки.

— Не знаю его.

— Его мало знают, так как он занимается в Академии Пределов Знания вопросами мегаволновой механики.

— Что это такое?

— Крупные ритмы космоса — гигантские волны, медленно распространяющиеся в пространстве. В них, например, выражаются противоречия встречных световых скоростей, дающих относительные значения больше абсолютной единицы. Но это еще совсем не разработано...

— А Мвен Мас?

— Пишет книгу об эмоциях. У него тоже немного времени в личном распоряжении — Академия Стохастики и Предсказания Будущего назначила его консультантом по полету вашего «Лебедя». Как только подберут материалы, ему придется проститься с книгой.

— Жаль! Тема важна. Пора понять правильно реальность и силу мира эмоций,— отозвался Эрг Ноор.

— Боюсь, что Мвен Мас вряд ли способен на холодный анализ,— сказала Веда.

— Так и должно быть, иначе он ничего выдающегося не напишет,— возразил Дар Ветер и поднялся, чтобы распрощаться.

— До встречи! Кончайте скорее ваши дела, а то не увидимся,— протянули руки Низа и Эрг.

— Увидимся,— уверенно обещал Дар Ветер.— В крайнем случае сделаем это в пустыне Эль Хомра, перед отлетом.

— Перед отлетом,— согласились астролетчики.

— Пойдемте, ангел неба,— Веда Конг продела свою руку под локоть Дар Ветра, притворно не обращая внимания на складку между его бровей.— Вам, наверное, надоела Земля?

Дар Ветер стоял, широко расставив ноги, на зыбкой основе едва скрепленного каркаса и смотрел вниз, в страшную бездну между разошедшимися слоями облаков. Там виднелась поверхность планеты. Ее громада, с извилистыми серыми контурами материков и темно-лиловыми — морей, остро чувствовалась даже с расстояния в пять ее диаметров.

Дар Ветер узнавал знакомые с детства по снимкам со спутников очертания. Вот вогнутая линия с направленными поперек нее темнеющими полосками гор. Направо блестит море, а прямо под ногами — узкая предгорная долина. Ему сегодня повезло: облака разошлись над тем участком планеты, где сейчас живет и работает Веда. Там, у подножия прямых уступов чугунно-серых гор, находится где-то древняя пещера, просторными этажами уходящая в глубь Земли. Там Веда выбирает из немых и пыльных обломков прошлой жизни человечества те крупицы исторической правды, без которой нельзя ни понять настоящего, ни предвидеть будущего.

Дар Ветер, склонившись с платформы из рифленых листов цирконие-вой бронзы, послал мысленный привет сомнительно угаданной точке, скрывшейся под наползавшим с запада крылом перистых, нестерпимо сверкавших облаков. Ночная тьма стояла там усеянной сверканием звезд стеной. Слои облаков выдвигались исполинскими плотами, повисшими один над другим. Под ними в темнеющей пропасти поверхность Земли катилась под стену мрака, словно навсегда уходя в небытие. Покров нежного зодиакального сияния одевал планету с затененной стороны, светясь в черноте космического пространства.

Над освещенной стороной планеты стлался голубой облачный покров, отражавший могучий свет стально-серого Солнца. Всякий взглянувший на облака без затемняющих фильтров лишился бы зрения, как и тот, кому пришлось бы обернуться в сторону грозного светила, находясь вне защиты тысячи километров земной атмосферы. Коротковолновые жесткие лучи Солнца — ультрафиолетовые и рентгеновские — изливались мощным, убийственным для всего живого потоком. К ним прибавлялись частые ливни космических частиц и постоянная радиация зоны ван Аллена. Вновь вспыхнувшие звезды посылали в пространство смертоносные излучения. Только надежная защита скафандра спасала работавших от гибели.

Дар Ветер перебросил предохранительный трос на другую сторону и двинулся по опорной балке навстречу сверкавшему ковшу Большой Медведицы. Гигантская труба была свинчена во всю длину будущего спутника. По обоим ее концам возвышались острые треугольники, поддерживавшие громадные диски излучателей магнитного поля. Когда установят батареи, превращающие голубую радиацию Солнца в электрический ток, можно будет избавиться от привязи и передвигаться вдоль магнитных силовых линий с направляющими пластинами на груди и спине.

— Мы хотим работать ночью,— внезапно зазвучал в его шлеме голос молодого инженера Кад Лайта.— Свет обещал дать командир «Алтая»!

Дар Ветер взглянул налево и вниз, где, как уснувшие рыбы, висели несколько сцепленных вместе грузовых ракет. Выше, под плоским зонтом — защитой от метеоритов и Солнца,— парила собранная из листьев внутренней обшивки временная платформа, где раскладывались и собирались прибывшие в ракетах части. Там, как темные пчелы, скопились работники, вспыхивавшие светлячками, когда отражающая поверхность скафандра выглядывала из тени защитного зонтика. Паутина тросов расходилась от зиявших чернотой отверстий в боках ракет, откуда сквозь снятую обшивку выгружались большие детали. Еще выше, прямо над собранным каркасом, группа людей в странных, подчас забавных позах хлопотала над громоздкой машиной. Одно кольцо бериллиевой бронзы с боразонным покрытием весило бы на Земле добрую сотню тонн. Здесь эта громада покорно висела около металлического скелета спутника на тонком тросе, назначением которого было уравнять интегральные скорости вращения вокруг Земли всех этих еще не собранных частей.

Работавшие стали ловки и уверенны, когда привыкли к отсутствию — точнее, к ничтожности — силы тяжести. Но этих умелых работников скоро придется заменить новыми. Длительная физическая работа без тяжести приводила к нарушению кровообращения, которое могло стать устойчивым и при возвращении на Землю превратить человека в инвалида. Поэтому каждый работал на спутнике не более ста пятидесяти рабочих часов и возвращался на Землю, отдохнув на станции «Промежуточная», вращающейся на высоте девятисот километров над планетой, и пройдя врачебную регравитацию во Дворце Внешней Атмосферы в Каракоруме.

Дар Ветер, руководивший сборкой, старался не подвергать себя физической нагрузке, как бы ни хотелось ему подчас ускорить то или другое дело. Ему надо было продержаться здесь, на высоте пятидесяти семи тысяч километров, несколько месяцев.

Дать согласие на ночную работу означало еще более ускорить срок отправления своих молодых друзей вниз на планету и раньше времени вызвать смену. Второй планетолет, переданный стройке,— «Барион», находился в Аризонской равнине, где у экранов телевизоров и пультов регистрирующих машин сидел Гром Орм.

Решение работать без перерывов на часы ледяной космической ночи

сильно ускоряло сборку. Дар Ветер не мог отказаться от этой возможности. Получив согласие, люди со сборочной платформы рассыпались во все стороны и принялись протягивать еще более сложную паутину тросов. Планетолет «Алтай», служивший общежитием работникам стройки и неподвижно висевший у конца опорной балки, вдруг отцепил канаты с роликами, связывавшие его входной люк и каркас спутника. Длинные струи слепящего пламени ударили из его двигателей. Огромный корпус корабля повернулся беззвучно и быстро. Ни малейшего шума не донеслось сквозь пустоту межпланетного пространства. Искусному командиру «Алтая» понадобилось лишь несколько ударов двигателей, чтобы всплыть на высоту сорока метров над местом постройки и повернуться своими посадочными прожекторами в сторону разборочной платформы. Между кораблем и каркасом снова провели путеводные тросы, и вся масса разнородных предметов, повисших в пространстве, обрела относительную неподвижность, продолжая в то же время свое вращение вокруг Земли со скоростью около десяти тысяч километров в час.

Распределение облачных масс показало Дар Ветру, что стройка проходит над антарктической областью планеты и, следовательно, скоро войдет в тень Земли. Усовершенствованные обогреватели скафандров не могут полностью сдержать леденящего дыхания космического пространства, и горе тому путешественнику, который необдуманно израсходует энергию своих батарей! Так погиб месяц назад архитектор-сборщик, укрывшийся от внезапного метеоритного дождя в холодном корпусе раскрытой ракеты и не дождавшийся прихода на солнечную сторону... Еще один инженер был убит метеоритом — этих случаев нельзя ни предвидеть полностью, ни предотвратить. Постройка спутников всегда берет свои жертвы — и кто будет следующим?.. Законы стохастики, хотя и малоприложимые к единичным песчинкам, вроде отдельных людей, говорят, что наибольшая возможность быть следующим у него, Дар Ветра... Ведь он дольше всех находится здесь, на этой высоте, открытой всем случайностям космоса... Но озорной внутренний голос подсказывал Дар Ветру, что с его великолепной персоной ничего случиться не может. Как ни нелепа была эта уверенность для математически мыслящего человека, она не оставляла Дар Ветра и помогала его спокойному балансированию на балках и решетках незащищенного каркаса в бездне черного неба.

Сборка конструкций на Земле велась особыми машинами, названными эмбриотектами потому, что они работали по принципу роста живого организма. Конечно, молекулярная постройка живого, осуществлявшаяся наследственным кибернетическим механизмом, была невообразимо более сложной, подчиненной не только физико-химической избирательности, но и еще не разгаданной волновой ритмике. Однако живые организмы росли лишь в условиях теплых растворов ионизированных молекул, а эмбриотекты работали обычно в поляризованных токах, свете или в магнитном поле. Метки и ключи, нанесенные на подлежавших сборке частях радиоактивным таллием, правильно ориентировали соединяемые машинами детали, и сборка шла с поразительной для непосвященного точностью и быстротой. Здесь, на высоте, этих машин не было, да и не могло быть. Сборка спутника представляла собою старомодную постройку с помощью рук живых людей. Несмотря на все опасности, работа казалась настолько интересной, что привлекала тысячи добровольцев. Испытательные психологические станции едва успевали просматривать всех желавших заявить Совету свою готовность отправиться в межпланетное пространство.

Дар Ветер добрался до фундаментов солнечных машин, которые рас-

кинулись веером вокруг громадной втулки с аппаратом искусственного тяготения, и подключил свою спинную батарею к входной клемме проверочной цепи. В телефоне его шлема зазвучала несложная мелодия. Тогда он параллельно присоединил стеклянную пластинку с нанесенной на ней тонкими золотыми линиями схемой. Раздалась та же мелодия. Вращая два верньера, Дар Ветер привел в совпадение временные точки и убедился в отсутствии расхождений не только в мелодии, но и в тональности настройки. Важную часть будущей машины собрали безупречно. Можно было наладить установку радиационных электродвигателей. Дар Ветер выпрямил уставшие от длительного ношения скафандра плечи и повертел головой. Движение отзывалось хрустом в шейных позвонках, закостеневших от продолжительной неподвижности в шлеме. Хорошо еще, что Дар Ветер оказался устойчивым к психозам, распространенным среди работавших вне земной атмосферы,— ультрафиолетовой сонной болезни и инфракрасного бешенства, иначе ему не удалось бы довести до конца почетную миссию.

Скоро первая обшивка защитит работающих от удручающей одинокости в открытом космосе, над бездной без неба и почвы!

От «Алтая» отделился небольшой спасательный снаряд, стрелой мелькнувший мимо стройки. Это выслали буксир за автоматическими ракетами, которые несли только груз и останавливались на заданной высоте. Вовремя! Куча паривших в пространстве ракет, людей, машин и материалов уходила на ночную сторону Земли. Буксир вернулся, таща за собой три длинных, отблескивавших синевой рыбообразных снаряда, весивших на Земле по сто пятьдесят тонн, не считая горючего.

Ракеты присоединялись к себе подобным вокруг разборочной платформы. Дар Ветер толчком перенесся на другую сторону каркаса и очутился среди собравшихся в кружок техников, ведавших разгрузкой. Люди обсуждали план ночной работы. Дар Ветер согласился с ними, но потребовал замены всех индивидуальных батарей на свежие, обеспечивающие тридцать часов непрерывного обогревания скафандров, помимо снабжения током фонарей, воздушных фильтров и радиотелефонов.

Вся стройка нырнула в ночной мрак: как в пучину, но долго еще мягкий пепельный зодиакальный свет от рассеянных газами верхних зон атмосферы солнечных лучей освещал застывший при ста восьмидесяти градусах мороза скелет будущего спутника. Еще сильнее, чем днем, стала мешать сверхпроводимость. Малейший износ изоляции в инструментах, батареях или аккумуляторах окутывал близлежащие предметы голубым сиянием растекавшегося прямо на поверхности тока, который невозможно было передать в нужном направлении.

Глубочайшая тьма космоса наступила вместе с усилившимся холодом. Звезды светили неистово ярчайшими голубыми иглами. Незримый и неслышный полет метеоритов ночью казался особенно пугающим. На поверхности темного шара, внизу в течениях атмосферы вспыхивали разноцветные облака электрического сияния, искровые разряды гигантской протяженности или полосы рассеянного свечения длиной в тысячи километров. Ураганные ветры сильнее любой земной бури проносились там, внизу, в верхних слоях воздушной оболочки. Насыщенная излучением Солнца и космоса, атмосфера продолжала оживленное перемешивание энергии, чрезвычайно затрудняя связь стройки с родной планетой.

Внезапно что-то изменилось в мирке, затерянном во мраке и чудовищном холоде. Дар Ветер не сразу сообразил, что зажглись осветители планетолета. Еще чернее стала темнота, потускнели свирепые звезды, но платформа и каркас ощутимо выделялись в белом ярком свете. Через

несколько минут «Алтай» уменьшил напряжение. Свет стал желтым и менее интенсивным. Планетолет экономил энергию своих аккумуляторов. Снова, как днем, задвигались квадраты и эллипсы листов обшивки, решетки ферм крепления, цилиндры и трубы резервуаров, постепенно находя свое место на скелете спутника.

Дар Ветер нащупал поперечную балку, взялся за роликовые ручки на тросовых поручнях и, оттолкнувшись ногой, взвился вверх. У самого люка планетолета он сжал находившиеся в ручках тормоза и остановился как раз вовремя, чтобы не удариться о запертую дверь.

В переходной камере не поддерживали нормального земного давления, чтобы уменьшить потерю воздуха при входах и выходах большого числа работавших. Поэтому Дар Ветер, не снимая скафандра, шагнул во вторую, временно сооруженную вспомогательную камеру и тут отключил шлем и батареи.

Разминая уставшее от скафандра тело, Дар Ветер твердо ступал по внутренней палубе, наслаждаясь возвращением к половине нормальной тяжести. Искусственная гравитация планетолета работала непрерывно. Невыразимо приятно чувствовать себя прочно стоящим на почве человеком, а не легкой мошкой, вьющейся в зыбкой и неверной пустоте! Мягкий свет и теплый воздух, удобное кресло манили растянуться и отдаться бездумному отдыху. Дар Ветер переживал наслаждение своих предков, когда-то удивлявшее его в старинных романах. После долгой дороги в холодной пустыне, мокром лесу или обледенелых горах люди входили в теплое жилье — дом, землянку, войлочную юрту. И тогда, как здесь, тонкие стены отделяли от огромного и опасного мира, враждебного человеку, сохраняя ему тепло и свет, позволяя отдыхать, набираться сил, обдумывать дальнейшие дела.

Дар Ветер отказался от соблазна кресла и книги. Пришлось связаться с Землею — зажженное в высоте на всю ночь освещение могло создать переполох у наблюдателей обсерваторий, следивших за стройкой. Кроме того, следовало предупредить, что пополнение понадобится раньше срока.

Сегодня связь оказалась удачной — Дар Ветер говорил с Громом Ормом не кодированными сигналами, а по ТВФ, очень мощному, как у всякого межпланетного корабля. Старый председатель остался доволен и немедленно позаботился о подборе нового экипажа и усиленной доставке деталей.

Выйдя из поста управления «Алтая», Дар Ветер прошел через библиотеку, переоборудованную в спальню установленными по стенам двумя ярусами коек. Каюты, столовые, кухню, боковые коридоры и передний зал двигателей тоже снабдили добавочными койками. Планетолет, превращенный в стационарную базу, был переполнен. Дар Ветер шел, едва волоча ноги, по коридору, облицованному коричневыми плитами теплой на ощупь пластмассы, и лениво открывал и захлопывал тугие герметические двери.

Он думал об астролетчиках, проводивших десятки лет внутри подобного корабля без всякой надежды покинуть его и выйти наружу раньше убийственно долгого срока. Он живет здесь шестой месяц, каждый день покидая тесные помещения и трудясь в угнетающем просторе межпланетной пустоты. И уже тоскливо без милой Земли — ее степей, моря, кипящих жизнью центров жилых поясов. А Эрг Ноор, Низа и еще двадцать человек экипажа «Лебедя» должны будут провести в звездолете девяносто два зависимых года, или сто сорок земных лет, считая с возвращением корабля к родной планете. Никто из них не сможет прожить столько! Их тела будут сожжены и похоронены там, в безмерной дали, на планетах зеленой циркониевой звезды...

Или их жизнь прекратится во время полета, и тогда, заключенные в погребальную ракету, они улетят в космос... Так уплывали в море погребальные ладьи его далеких предков, унося на себе мертвых бойцов. Но таких героев, которые шли бы на пожизненное заключение в корабле и улетали бы без надежды на личное возвращение, еще не было в истории человечества. Нет, он не прав, Веда укорила бы его! Разве он забыл про безымянных борцов за справедливость и свободу человека в древние времена, шедших на гораздо более страшное — пожизненное заключение в сырых подвалах, на ужасающие пытки. Да, те герои были сильнее и достойнее, чем даже его современники, готовящиеся совершить величайший полет в космос, на исследование далеких миров!

И он, Дар Ветер, который еще ни разу не покидал надолго родную планету, маленький человек по сравнению с ними и вовсе не ангел неба, как его насмешливо зовет бесконечно милая Веда Конг!

Глава четырнадцатая

СТАЛЬНАЯ ДВЕРЬ

Двадцать дней ворочался во влажном мраке автоматический горный проходчик-робот, пока ему удалось разобрать завал в десятки тысяч тонн и закрепить обрушенные своды. Дорога в глубину пещеры стала доступной. Оставалось лишь проверить ее безопасность. Тележки-роботы, движимые гусеницами и архимедовым винтом, бесшумно скользнули вниз. Приборы оповещали через каждые сто метров продвижения о составе воздуха, температуре и влажности. Ловко обходя препятствия, тележки опустились до глубины в четыреста метров. Тогда Веда Конг с группой сотрудников проникла в заповедную пещеру. Девяносто лет назад, во время разведки подземных вод, среди известняков и песчаников отнюдь не рудоносного характера индикаторы вдруг отметили большое количество металла. Скоро выяснилось, что местность совпадает с описанием расположения легендарной многовековой давности пещеры Ден-Оф-Куль, что на исчезнувшем языке означало «Убежище культуры». При угрозе страшной войны народы, считавшие себя наиболее передовыми в науке и культуре, укрыли в пещере сокровища своей цивилизации. В те далекие века секретность и таинственность были очень распространены...

Веда волновалась не меньше самой юной своей сотрудницы, когда скользнула вниз по мокрой красной глине, устилавшей пол наклонного хода.

Воображение рисовало величественные залы с герметическими сейфами фильмотек, чертежей, карт, шкафы с катушками магнитофонных записей или лентами памятных машин, полки с образцами химических соединений, сплавов и лекарств. Чучела исчезнувших ныне животных в непроницаемых для влаги и воздуха прозрачных витринах, препараты растений, скелеты, собранные из окаменелых костей вымершего населения планеты. Дальше мерещились пластины из силиколла с залитыми в них картинами самых прославленных художников, целые галереи скульптур прекрасных представителей человечества, его выдающихся деятелей,

мастерски изображенных животных... Модели знаменитых зданий, надписи о замечательных событиях, увековеченные в камне и металле...

Продолжая мечтать, Веда Конг проникла в гигантскую пещеру площадью около трех-четырех тысяч квадратных метров. Уходивший в тьму потолок выгибался крутым сводом, с которого свисали длинные сталактиты,[1] блестевшие в электрическом свете. Зал наяву оказался величественным. Воплощая в реальность мысли Веды, в нишах стен, изобиловавших ребрами и выступами известковых натеков, виднелись машины и шкафы. Археологи с радостными восклицаниями рассыпались по периметру подземного зала. Многие из стоявших в нишах машин, местами еще сохранивших блеск стекла и лаковой полировки, оказались экипажами, которые так нравились людям далекого прошлого и в эру Разобщенного Мира считались вершиной технического гения человечества. Тогда почему-то строили очень много машин, способных перевозить на своих мягких сиденьях лишь несколько людей. Конструкция машин достигла изящества, механизмы управления и движения были остроумными, но в остальном такие машины являлись вопиющей бессмыслицей. Сотнями тысяч они крутились по улицам городов и дорогам, перевозя взад и вперед людей, почему-то работавших вдали от своего жилья и каждый день торопившихся попасть на работу и вернуться обратно. Эти машины были опасны в управлении, убили огромное количество людей, сожгли миллиарды тонн драгоценных запасов органических веществ, накопленных в геологическом прошлом планеты, отравив атмосферу углекислотой. Археологи эпохи Кольца испытали разочарование, увидев, что этим странным экипажам отведено так много места в пещере.

Но на низких платформах высились более мощные поршневые двигатели, электрические моторы, реактивные, турбинные, ядерные. В стеклянных витринах, под толстым слоем известковых натеков, располагались вертикальными рядами приборы — может быть, телеприемники, фотокамеры, счетные машины или другие аппараты сходного назначения. Этот музей машин, частично рассыпавшихся ржавым прахом, но частью хорошо сохранившихся, был большой ценностью, так как проливал свет на уровень техники отдаленного времени, большая часть исторических документов которого исчезла в военных и политических пертурбациях.

Верная помощница Миико Эйгоро, снова променявшая любимое море на сырость и темноту подземелий, заметила в конце зала, за толстым известковым столбом, черное отверстие прохода. Столб оказался остовом машины, а у его подножия лежала куча пластмассового праха — остатки щита некогда запиравшего проход. Продвигаясь шаг за шагом вдоль красных кабелей разведочных ползунов-тележек, археологи проникли во вторую пещеру, находившуюся почти на одном уровне и наполненную рядами герметических шкафов из стекла и металла. Длинная надпись крупными буквами на английском языке опоясывала отвесные, кое-где осыпавшиеся стены. Веда не смогла удержаться, чтобы наскоро не расшифровать ее.

С типичной для древнего индивидуализма похвальбой строители убежища заявляли потомкам, что они достигли высот знания и сохраняют здесь для будущего свои гигантские достижения.

Миико презрительно пожала плечами.

— По одной надписи можно определить, что пещера «Убежище культуры» относится к концу ЭРМ, в последние годы существования старой

---

[1] *Сталактиты* — натеки известняка, свисающие сверху, как сосульки льда, в противоположность сталагмитам, нарастающим вверх от пола пещеры.

формы общества. Так характерна для них неразумная уверенность в вечном и неизменном существовании своей западной цивилизации, своего языка, обычаев, морали и величия так называемого белого человека. Я ненавижу эту цивилизацию!

— Вы представляете прошлое ярко, но односторонне, Миико. Мне видятся сквозь мрачные черты костяка омертвелого капитализма те, кто вел борьбу за будущее. Их будущее — наше настоящее. Я вижу множество женщин и мужчин, искавших света в узкой, небогатой жизни, добрых настолько, чтобы помогать другим, и сильных настолько, чтобы не ожесточиться в моральной духоте окружающего мира. И храбрых, безумно храбрых!

— Те, кто укрывал здесь свою культуру, не были такими,— возразила Миико.— Смотрите, здесь собраны одни лишь предметы техники. Они кичились техникой, не обращая внимания на растущее моральное и эмоциональное одичание. Они с презрением относились к прошлому и не видели будущего!

Веда подумала, что Миико права. Жизнь создателей убежища была бы легче, если бы они умели соразмерять достигнутое с тем, что еще оставалось сделать для подлинного переустройства мира и общества. Тогда их замусоренная, закопченная планета с вырубленными лесами, закиданная бумагой и битым стеклом, кирпичом и ржавым железом, предстала бы перед ними как на ладони. Они, предки, лучше поняли бы, что еще делать, и перестали бы ослеплять себя самовосхвалением.

В третий зал вел узкий колодец, опускавшийся отвесно на тридцать два метра. Отправив Миико с двумя помощниками за гамма-аппаратом для просвечивания шкафов, Веда принялась осматривать третью пещеру, свободную от натеков известняка и намывов глины. Низкие прямоугольные витрины из литого стекла лишь запотели от проникшей внутрь сырости. Прильнув к стеклам, археологи рассмотрели замысловатые изделия из золота и платины, украшенные драгоценными камнями.

Судя по изделиям, эти старинные реликвии собирались в эпоху, когда люди еще не отрешились от возникшей в поклонении предкам первобытной привычки считать старое более ценным, чем новое. Веда, как и при чтении надписи, ощутила досаду от нелепой самоуверенности людей, считавших, что их понятия о ценности и их вкусы пройдут неизменными через десятки веков и будут приняты отдаленными потомками в качестве канона.

Дальний конец пещеры переходил в высокий и прямой коридор, наклонно опускавшийся на неведомую глубину. Счетчики разведочных ползунов-роботов показывали в начале коридора триста четыре метра от поверхности. Широкие трещины рассекали нависшие своды на отдельные гигантские плиты известняка, вероятно, в тысячи тонн весом. Веда почувствовала тревогу. Опыт изучения многих подземелий подсказывал молодой женщине, что масса пород у подошвы горного хребта находится в неустойчивом равновесии. Возможно, она подверглась сдвигам от землетрясения или общего поднятия хребтов, выросших за протекшие со времени создания хранилища века на полсотни метров. Закрепить эту чудовищную массу было невозможно для обыкновенной археологической экспедиции. Только важные для экономики планеты цели оправдали бы столь крупные усилия.

Вместе с тем исторические тайны, скрытые в такой глубокой пещере, могли обладать и технической ценностью, вроде забытых, но полезных для современности изобретений.

Отказ от дальнейшего исследования был бы мудрой осторожностью.

Но почему ученый должен столь бережно относиться к собственной особе? Когда миллионы людей производят рискованные работы и опыты, когда Дар Ветер с товарищами работает на высоте пятидесяти семи тысяч километров над Землей, а Эрг Ноор готовится к пути без возврата! Оба эти человека, так уважаемые Ведой, не отступили бы... Что ж, не отступит и она...

Запасные батареи, электронный съемочный аппарат, два кислородных прибора... Они пойдут вдвоем с не знающей страха Миико, оставив товарищей для изучения третьего зала.

Веда Конг посоветовала своим сотрудникам подкрепиться едой. Извлекли плитки пищи путешественников, прессованные из быстро усваиваемых белков, сахаров и уничтожающих токсины усталости препаратов в смеси с витаминами, гормонами и нервными стимуляторами. Веда, находясь в тревожном нетерпении, не хотела есть. Миико появилась лишь через сорок минут. Оказывается, она не смогла удержаться, чтобы не просветить несколько шкафов и наскоро выяснить их содержимое.

Наследница японских женщин-водолазок поблагодарила свою руководительницу взглядом и собралась в мгновение ока.

Тонкие красные кабели вытянулись по центру прохода. Бледно-лиловый свет самосветящихся газовых корон на головах женщин не мог пробить тысячелетний мрак впереди, где спуск становился все более крутым. Глухо и размеренно падали с кровли крупные холодные капли. По сторонам и снизу доносилось журчанье сбегавшей по трещинам воды. Пронизывающе сырой воздух оставался мертвенно недвижным в замкнутом темном подземелье. Только в пещерах бывает такая тишина — на страже ее стоит сама не имеющая никаких чувств мертвая и косная материя земной коры. Наверху, как глубоко бы ни было молчание, в природе всегда угадывается скрытая, притаившаяся жизнь, движение воды, воздуха или света.

Миико и Веда невольно поддались гипнозу глубокой пещеры, сокрывшей обеих в черных недрах, точно в глубинах умершего прошлого, стертого временем и оживающего лишь в призраках воображения.

Спуск проходил быстро, хотя толстый слой липкой глины лежал на полу прохода. Глыбы, вывалившиеся из стен, местами заставляли карабкаться на них, проползая в щели между потолком и обвалом. За полчаса Миико и Веда спустились на сто девяносто метров и добрались до гладкой стены, упершись в которую мирно лежали оба разведочных робота-ползуна. Достаточно было одного блика света, чтобы узнать в стене массивную и герметически запертую дверь из нержавеющей стали. Два выпуклых круга с какими-то значками, вделанные в центр двери, позолоченные стрелки и рукоятки. Запор открывался путем подбора условного сигнала. Оба археолога знали типы подобных устройств, но относившиеся к несколько более ранней эпохе. Посовещавшись, Веда и Миико исследовали запор. Он был очень похож на те настроенные с хитрой злобой сооружения, которыми люди прошлого думали защитить свои сокровища от «чужих» — в эру Разобщенного Мира существовало такое разделение людей на «своих» и «чужих». Не раз подобные двери при попытках открыть их извергали взрывчатые снаряды, ядовитые газы, ослепляющие излучения, и ничего не подозревавшие исследователи гибли.

Механизмы из стойких металлов или особых пластмасс не разрушались тысячелетиями и унесли много жизней, пока археологи научились обезвреживать эти стальные двери.

Стало очевидным, что дверь придется вскрывать особыми приборами.

Приходилось возвращаться от самого порога главной тайны пещеры. Кто мог сомневаться, что за наглухо запертой дверью должно скрываться самое важное и ценное для людей отдаленного времени? Погасив фонари и довольствуясь светом корон, Веда и Миико уселись отдохнуть и поесть.

— Что там может быть?— вздохнула Миико, не сводя глаз с двери, надменно поблескивавшей золотом значков.— Она будто смеется над нами: не пущу, не скажу!..

— А что вам удалось просветить в шкафах второго зала?— спросила Веда, отгоняя примитивную и напрасную досаду на неожиданное препятствие.

— Чертежи машин, книги, отпечатанные не на древней бумаге из дерева, а на металлических листах. Еще, по-видимому, рулоны кинофильмов, какие-то списки, звездные и земные карты.

— В первом зале — образцы машин, во втором — техническая документация к ним, в третьем — как бы это сказать... ценности эпохи, когда еще существовали деньги. Что ж, соответствует схемам.

— Где же ценности в нашем смысле? Высшие достижения духовного развития человечества: науки, искусства, литературы?— воскликнула Миико.

— Надеюсь, что они за дверью,— спокойно ответила Веда,— но не буду удивлена, если там окажется оружие.

— Что, что такое?

— Вооружение, средства массового и быстрого истребления.

Маленькая Миико задумалась, опечалилась и тихо сказала:

— Да, это закономерно, если подумать над целью этого тайника. Здесь укрыты от возможного уничтожения основные технические и материальные ценности тогдашней западной цивилизации. Но что считалось основным, если еще не существовало общественного мнения всей планеты или даже народов тех стран? Нужность и важность чего-либо на данный момент устанавливалась правящей группой зачастую вовсе некомпетентных людей. Поэтому здесь отнюдь не то, что действительно было наиболшей ценностью для человечества, а то, что та или другая группа людей сочла таким. Они намеревались сберечь прежде всего машины, и, возможно, оружие, не понимая того, что цивилизация надстраивается исторически, подобно живому организму.

— Да, путем нарастания и освоения рабочего опыта, знаний, техники, запасов материалов, чистейших химических веществ и построек. Восстановить разрушенную высокую цивилизацию немыслимо из-за отсутствия высокопрочных сплавов, редких металлов, машин, способных работать с высокой производительностью и точнейшими допусками. Если все это было бы уничтожено, то откуда взять материалы и опыт, умение создавать все усложняющиеся кибернетические машины, способные удовлетворить потребности миллиардов людей?

— Также немыслимо было тогда возвращение к немашинной цивилизации, вроде античной, о которой они иногда мечтали.

— Конечно. Вместо античной культуры возник бы чудовищный голод. Индивидуалисты-мечтатели не хотели усвоить, что история не возвращается!

— Я не утверждаю категорически, что за дверью оружие,— вернулась к главному Веда,— но многое говорит за это. Если создавшие тайник ошибались, как свойственно тому времени, путая культуру с цивилизацией, не понимая непреложной обязанности воспитания и развития эмоций человека, тогда им не были жизненно необходимы произведения искусства и литературы или далекая от требований текущего момента наука. В те вре-

мена даже науку разделяли на полезную и бесполезную, не думая об ее единстве. Такая наука и искусство считались лишь приятным, но даже не всегда полезным и нужным сопровождением жизни человека. Здесь же спрятано самое важное. И я думаю об оружии, как ни наивно и нелепо кажется это для нас, современных людей.

Веда умолкла, уставившись на дверь.

— Может быть, это просто наборный механизм, и мы откроем его, прослушивая микрофоном,— вдруг сказала она, подходя к двери.— Рискнем?

Миико метнулась между дверью и подругой.

— Нет, Веда! Зачем этот нелепый риск?

— Мне кажется, что пещера едва держится. Мы уйдем, а вернуться уже не удастся... Слышите?

Неясный далекий шум иногда проникал в камеру перед дверью. Он шел то снизу, то сверху.

Но Миико осталась непреклонной. Она стояла спиной к двери, широко раскинув руки.

— Если там оружие, Веда! Как же может оно быть незащищенным...

Через два дня в пещеру были доставлены портативные аппараты. Отражательный рентгеновский экран для просмотра механизма, фокусированный ультрачастотный излучатель для разрушения внутренней связи деталей. Но пустить приборы в дело не пришлось.

Внезапно из чрева пещеры послышался прерывистый гул. Сильное сотрясение почвы под ногами заставило людей инстинктивно метнуться к выходу — исследователи находились в третьей, нижней пещере.

Гул усиливался, переходя в глухое скрежетание. Видимо, вся масса трещиноватых пород оседала по сбросовой линии вдоль подошвы хребта.

— Все погибло! Мы не успели. Спасайтесь, наверх!— горестно закричала Веда, и люди кинулись к тележкам-роботам.

Уцепившись за кабели роботов, они вскарабкались по колодцу. Гул и содрогание каменных стен преследовали их по пятам и наконец настигли. Страшный грохот... Внутренняя стена второй пещеры рухнула в провал, образовавшийся на месте колодца — хода в третий зал. Воздушная волна буквально выдула людей вместе с пылью и мелким щебнем под высокие своды первого зала. Археологи распростерлись на полу в ожидании гибели.

Клубы пыли, ворвавшейся в пещеру, медленно оседали. Сквозь ее туман столбы сталагмитов и выступы не изменяли своих очертаний. Прежнее мертвое молчание воцарилось в подземелье...

Очнувшаяся Веда поднялась. Двое сотрудников подхватили ее, но она нетерпеливо освободилась.

— Где Миико?

Ее помощница, прислонясь к низкому сталагмиту, старательно обтирала каменную пыль с шеи, ушей и волос.

— Почти все погибло,— ответила она на немой вопрос.— Неприступная дверь останется запертой под толщей в четыреста метров камня. Третья пещера разрушена полностью, а вторая... вторая еще может быть раскопана. В ней для нас самое ценное, как и здесь.

— Это так...— Веда облизнула пересохшие губы.— Но мы виноваты в медлительности и осторожности. Мы должны были предвидеть обвал.

— Бездоказательное предчувствие. Но горевать незачем. Разве мы стали бы укреплять горные массы ради сомнительных ценностей за дверью? Особенно если там никчемное оружие.

— А если произведения искусства, бесценного человеческого творчества? Нет, мы могли бы действовать быстрей!

Миико пожала плечами и повела удрученную Веду вслед за товарищами к великолепию солнечного дня, радости чистой воды и успокаивающего боль электрического душа.

Мвен Мас по обыкновению расхаживал взад и вперед по комнате, отведенной ему в верхнем этаже Дома Истории в индийском секторе северного жилого пояса. Он перебрался сюда всего два дня назад после работы в Доме Истории Американского сектора.

Комната — вернее, веранда с наружной стеной из цельного поляризующего стекла — была обращена к синим далям холмистого плоскогорья. Мвен Мас время от времени включал ставни перекрестной поляризации. В комнате воцарялся серый полумрак, и на гемисферном экране шли медленной чередой электронные изображения отобранных предварительно Мвеном Масом картин, отрывков старых кинофильмов, скульптур и зданий. Африканец просматривал их, диктуя роботу-секретарю записи для будущей книги. Машина печатала, нумеровала листки и бережно складывала, разбирая их по темам или обобщениям.

Утомляясь, Мвен Мас выключал ставни и подходил к окну, устремляя вдаль взгляд и подолгу обдумывая виденное.

Он не мог удивляться тому, как многое из еще недавней культуры человечества уже отошло в небытие. Исчезли совсем столь характерные для эры Мирового Воссоединения словесные тонкости — речевые и письменные ухищрения, считавшиеся некогда признаком большой образованности. Прекратилось совсем писание как музыка слова, столь развитое еще в ЭОТ— эру Общего Труда, исчезло искусное жонглирование словами, так называемое остроумие. Еще раньше отпала надобность в маскировке своих мыслей, столь важная для ЭРМ. Все разговоры стали гораздо проще и короче. По-видимому, эра Великого Кольца будет эрой развития третьей сигнальной системы человека, или понимания без слов.

Время от времени Мвен Мас обращался к непрерывно бодрствовавшему механическому секретарю с новыми формулировками своих мыслей:

— С первого века эры Кольца ведет начало флюктуативная психология[1] искусства, основанная Людой Фир. Именно ей удалось научно доказать разницу эмоционального восприятия у женщин и у мужчин, раскрыв ту область, которая много веков существовала как полумистическое подсознание. Но доказать в понятии современности — меньшая часть дела. Люде Фир удалось большее — наметить главные цепи чувственных восприятий, благодаря чему стало возможным добиваться соответствия их у разных полов.

Звенящий сигнал и зеленая вспышка вдруг позвали африканца к ТВФ. Вызов, переданный в часы занятий, означал нечто серьезное. Автоматический секретарь выключился, и Мвен Мас сбежал вниз, в камеру дальних переговоров.

Веда Конг с западинками на исцарапанных щеках и глубокими тенями под глазами приветствовала его с экрана. Обрадованный Мвен Мас протянул к ней свои большие руки, вызвав слабую улыбку на озабоченном лице Веды.

— Помогите мне, Мвен. Я знаю, что вы работаете, но Дар Ветра нет на Земле, Эрг Ноор далеко, а кроме них, у меня только вы, к кому мне просто прийти с любой просьбой. У меня несчастье...

---

[1] *Флюктуативная психология* — изучение массовых исторических изменений в психологии людей (фантастическое).

— Что? Дар Ветер?..

— О нет! Завал на месте раскопок пещеры.— И Веда коротко рассказала о случившемся в пещере Ден-Оф-Куль.

— Вы сейчас единственный из моих друзей, кто обладает правом свободного доступа к Вещему Мозгу.

— К которому из четырех?

— Низшей Определенности.

— Я понял. Надо рассчитать возможности добраться до стальной двери с наименьшей затратой труда и материалов? Данные собраны?

— Они передо мной.

Мвен Мас записал несколько рядов цифр.

— Теперь дело за тем, когда машина примет мои данные. Подождите, сейчас я свяжусь с дежурным инженером ВМ. Мозг Низшей Определенности находится в Австралийском секторе южной зоны.

— А где Мозг Высшей Определенности?

— В Индийском секторе северной жилой зоны, там, где я... Переключаюсь, ждите.

Перед потухшим экраном Веда пыталась представить себе Вещий Мозг. В воображении возникал гигантский человеческий мозг с его бороздами и извилинами, пульсирующий и живой, хотя молодая женщина знала, что так назывались гигантские электронные исследовательские машины самого высшего класса, способные разрешить почти любую задачу, посильную для разработанных областей математики. На планете было всего четыре такие машины, специализированные по-разному.

Веда ждала недолго. Экран засветился, и Мвен Мас попросил вызвать его снова через шесть дней.

— Мвен, ваша помощь неоценима!

— Только потому, что я владею некоторыми знаниями в математике? А ваша работа неоценима потому, что вы знаете древние языки и культуры. Веда, вы слишком углубились в ЭРМ!

Африканец расхохотался так добродушно и заразительно, что Веда засмеялась тоже, и, попрощавшись жестом, исчезла.

В назначенный срок Мвен Мас снова увидел молодую женщину в телевизиофоне.

— Можете не говорить — вижу, что ответ неблагоприятный.

— Да. Устойчивость ниже предела безопасности...

— В пределах наших возможностей остается лишь тоннельная выемка сейфов второй пещеры,— печально сказала Веда.

— Стоит ли дело такого сильного огорчения?

— Простите меня, Мвен, но вы тоже стояли у двери, за которой скрывалась тайна. У вас она великая и всеобщая, а у меня маленькая. Но эмоционально моя неудача равна вашей.

— Мы оба товарищи по несчастью. Могу вас уверить, что еще не раз будем ударяться о стальные двери.

— Какая-нибудь откроется!

— Да!

— Но вы ведь не отступили совсем?

— Конечно. Соберем новые факты, указатели более правильных поворотов. Сила космоса так невероятно огромна, что с нашей стороны было наивно бросаться на нее с простой кочергой... Точно так же, как и вам открывать руками эту опасную дверь.

— А если придется ждать всю жизнь?

— Что такое моя индивидуальная жизнь для таких шагов знания!

— Мвен, где ваша страстная нетерпеливость?

— Она не исчезла, но обуздана. Страданьем...

— А Рен Боз?

— Ему легче. Он продолжает путь в поисках уточнения своей абстракции.

— Понимаю. Минуту, Мвен, что-то важное.

Экран с Ведой погас, и, когда зажегся снова, перед Мвеном Масом как будто была другая, юная и беззаботная, женщина.

— Дар Ветер спускается на Землю. Спутник пятьдесят семь завершен раньше срока.

— Так быстро? Все сделано?

— Нет, только наружная сборка и установка силовых машин. Внутренние работы проще. Его отзывают для отдыха и анализа доклада Юния Анта о новом виде сообщений по Кольцу.

— Радостно будет увидеть Дар Ветра.

— Обязательно увидите... Я не договорила. Усилиями всей планеты приготовлены запасы анамезона для нового звездолета «Лебедь». Вы будете?

— Буду. Планета покажет на прощание экипажу «Лебедя» все самое прекрасное и любимое. Они хотели также посмотреть танец Чары на празднике Пламенных Чаш. Она сама едет в центральный космопорт Эль Хомра. Встретимся там!

— Хорошо, Мвен Мас, милый!

Глава пятнадцатая

ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ

В Северной Африке, к югу от залива Большой Сирт, раскинулась огромная равнина Эль Хомра. До ослабления пассатных колец и изменения климата здесь находилась хаммада — пустыня без травинки, сплошь закованная в броню полированного щебня и треугольных камней с красноватым оттенком, от которых хаммада и получила свое название «красная». Море слепящего жаркого пламени в солнечный день, море холодного ветра в осенние и зимние ночи. Теперь от хаммады остался только ветер; он гнал по твердой равнине волны высокой голубовато-серебристой травы, переселенной сюда из степей Южной Африки. Свист ветра и склоняющаяся трава будили в памяти неопределенное чувство печали и близости степной природы к душе, будто это уже встречалось в жизни. Не один раз и при различных обстоятельствах — в горе и в радости, в утрате и находке.

Каждый отлет или приземление звездолета оставляли выгоревший, отравленный круг поперечником около километра. Эти круги огораживались красной металлической сеткой и стояли неприкосновенные в течение десяти лет, что больше чем в два раза превышало длительность разложения выхлопов двигателя. После посадки или отправки корабля космопорт перекочевывал на другое место. Это накладывало отпечаток временности, недолговечности на оборудование и помещение порта, родня обслуживавших его работников с древними номадами Сахары, несколько тысяч лет кочевавшими здесь на горбатых животных с изогнутыми шеями и мозолистыми ногами, называвшихся верблюдами.

Планетолет «Барион» в свой тринадцатый рейс между строящимся спутником и Землей доставил Дар Ветра в Аризонскую степь, оставшуюся пустыней и после изменения климата из-за накопившейся в почве радиоактивности. На заре открытия ядерной энергии в ЭРМ здесь производилось множество опытов и проб нового вида техники. До сих пор осталась зараженность продуктами радиоактивного распада — слишком слабая для того, чтобы вредить человеку, но достаточная, чтобы задержать рост деревьев и кустарников.

Дар Ветер наслаждался не только прекрасным очарованием Земли — голубым небом в невестином платье из легких белых облаков, но и пыльной почвой, редкой и жесткой травой.

Шагать твердой поступью по Земле под золотым солнцем, подставляя лицо сухому и свежему ветру! Только побывав на грани космических бездн, можно понять всю красоту нашей планеты, когда-то названной неразумными предками «юдолью горя и слез»!

Гром Орм и Дар Ветер прибыли в Эль Хомру в день отправления экспедиции.

С воздуха Дар Ветер заметил на матовой серо-стальной равнине два гигантских зеркала. Правое — почти круг, левое — длинный, заостряющийся назад эллипс. Зеркала были следами недавних взлетов кораблей тридцать восьмой звездной экспедиции.

— Круг — взлет «Тинтажеля», направившегося на страшную звезду Т и нагруженного громоздкими аппаратами для правильной осады спиралодиска из глубин космоса. Эллипс — след поднимавшейся более полого «Аэллы», понесшей большую группу ученых для разгадки изменений материи на белом карлике тройной звезды Омикром 2 Эридана. Пепел, оставшийся от каменистой почвы в месте удара энергии двигателей, проникший на полтора метра вглубь, был залит связующим составом для предупреждения ветрового разноса. Осталось лишь перенести ограды с мест старых взлетов. Это сделают после отбытия «Лебедя».

Вот и сам «Лебедь», чугунно-серый в тепловой броне, которая выгорит во время пробивания атмосферы. Дальше корабль пойдет, сверкая своей, отражающей все виды радиации, обшивкой. Но никто не увидит его в этом великолепии, кроме роботов-астрономов, следящих за полетом. Эти автоматы дадут людям лишь фотографию светящейся точки. Обратно на Землю придет корабль, покрытый окалиной, с бороздами и воронками от взрывов мелких метеоритных частиц. Но «Лебедя» не увидит никто из окружающих его сейчас людей: всем им не прожить сто семьдесят два года ожидания возврата экспедиции. Сто шестьдесят восемь независимых лет пути и четыре года исследования на планетах, а для путешественников всего около восьмидесяти лет.

Дар Ветру с его родом занятий не дождаться даже прибытия «Лебедя» на планеты зеленой звезды. Как и в прошлые дни сомнений, Дар Ветер восхитился смелой мыслью Рен Боза и Мвена Маса. Пусть опыт их не удался, пусть этот вопрос, затрагивающий фундамент космоса, еще далек от разрешения, пусть он окажется ошибочной фантазией. Эти безумцы — гиганты творческой мысли человечества, ибо даже в опровержении их теории и опыта люди придут к огромному взлету знания.

Дар Ветер, задумавшись, чуть не споткнулся о сигнал зоны безопасности, повернул и заметил у подножия самодвижущейся башни телепередачи знакомую фигуру, и, прищуривая острые глаза, к нему устремился Рен Боз. Сеть тонких, едва заметных шрамов изменила лицо физика, собрав его морщинами страдальческого напряжения.

— Радостно видеть вас здоровым, Рен!

— Мне очень нужны вы!— Рен Боз протянул Дар Ветру маленькие ручки, по-прежнему усыпанные веснушками.

— Что делаете вы здесь, задолго до отлета?

— Я провожал «Аэллу»— для меня очень важны данные по гравитации столь тяжелой звезды. Узнал, что явитесь вы, и остался...

Дар Ветер молчал, выжидая пояснений.

— Вы возвращаетесь на обсерваторию внешних станций по просьбе Юния Анта?

Дар Ветер кивнул.

— Ант в последнее время записал несколько нерасшифрованных приемов по Кольцу...

— Каждый месяц производится прием сообщений вне обычного времени информации. И момент включения станций сдвигается на два земных часа. За год проверка проходит земные сутки, за восемь лет — всю стотысячную галактической секунды. Так заполняются пропуски в приеме космоса. В последнее полугодие восьмилетнего цикла стали получаться, несомненно, очень дальние, непонятные нам сообщения.

— Я крайне интересуюсь ими.

— Все, что узнаю, сообщу немедленно. Или еще лучше — примите сами участие в работе!

Рен Боз обрадованно вздохнул и спросил:

— Веда Конг тоже прибудет сюда?

— Да, я жду ее. Вы знаете, что она чуть не погибла, исследуя пещеру — склад древней техники, где оказалась запертая стальная дверь!

— Ничего не слыхал.

— А, я забыл, что у вас нет глубокого интереса к истории, как у Мвена Маса. По всей планете идет обсуждение,что может находиться за дверью. Миллионы добровольцев предлагают себя для раскопок. Веда решила передать вопрос в Академию Стохастики и Предсказания Будущего.

— Эвда Наль не приедет сюда?

— Нет, не сможет.

— Многие будут огорчены. Веда очень любит Эвду, а Чара просто предана ей. Вы помните Чару?

— Это такая... пантерообразная?..

Дар Ветер воздел руки в шутливом ужасе.

— Ценитель женской красоты! Впрочем, я постоянно повторяю ошибку, какой страдали люди прошлого, не смыслившие ничего в законах психофизиологии и наследственности. Всегда хочу видеть в других свое понимание и свои чувства.

— Эвда, как и все на планете,— не поддержал самопокаяния Рен Боз,— будет следить за отлетом.

Физик показал на ряды высоких, полукольцом расположившихся вокруг звездолета треножников с камерами для белого, инфракрасного и ультрафиолетового приемов. Разные группы лучей спектра в цветном изображении заставляли экран дышать подлинным теплом и жизнью так же, как обертонные диафрагмы[1] уничтожали металлический отзвук в передаче голоса.

---

[1] *Обертонные диафрагмы* — диафрагмы, передающие обертоны человеческого голоса, с применением которых устраняется различие между живым голосом и звуком передатчика (фантастическое).

Дар Ветер посмотрел на север, откуда, тяжело переваливаясь, ползли перегруженные людьми автоматические электробусы. Из первой подошедшей машины выскочила и бежала, путаясь в траве, Веда Конг. Она с разбегу бросилась на широкую грудь Дар Ветра так, что ее длинные, заплетенные по бокам головы и спущенные косы взлетели ему на спину.

Дар Ветер слегка отстранил Веду, вглядываясь в бесконечно дорогое лицо с оттенком новизны, сообщенным необычайной прической.

— Я играла для детского фильма северную королеву Темных веков и едва успела переодеться,— пояснила, чуть запыхавшись, молодая женщина.— Причесаться не осталось времени.

Дар Ветер представил ее в длинном облегающем парчовом платье, в золотой короне с синими камнями, с пепельными косами ниже колен, с отважным взглядом серых глаз — и радостно улыбнулся.

— Корона была?

— О да, такая.— Веда очертила пальцем в воздухе контур широкого кольца с крупными зубцами в виде трилистника.

— Я увижу?

— Сегодня же. Я попрошу их показать тебе фильм.

Дар Ветер собрался спросить про таинственных «их», но Веда приветствовала серьезного физика. Тот улыбнулся наивно и сердечно.

— Где же герои Ахернара?— Рен Боз оглядел по-прежнему пустое вокруг звездолета поле.

— Там!— Веда указала на здание в виде шатра из пластин фисташково-молочного стекла с серебристыми ажурными ребрами наружных балок — главный зал космопорта.

— Так пойдемте.

— Мы лишние,— твердо сказала Веда.— Они смотрят прощальный привет Земли. Пойдемте к «Лебедю».

Мужчины повиновались.

Идя рядом с Дар Ветром, Веда тихонько спросила:

— У меня не очень нелепый вид с этой старинной прической? Я могла бы...

— Не нужно. Очаровательный контраст с современной одеждой — косы длиннее юбки! Пусть будет так!

— Повинуюсь, мой Ветер!— шепнула Веда магические слова, заставившие забиться его сердце.

Сотни людей не спеша направлялись к кораблю. Очень многие улыбались Веде или приветствовали ее поднятием руки гораздо более часто, чем Дар Ветра или Рен Боза.

— Вы популярны, Веда,— заметил Рен Боз.— Что это — работа историка или ваша пресловутая красота?

— Ни то и ни другое. Постоянное и широкое общение с людьми по роду работы и общественных занятий. Вы с Ветром то замкнетесь в недрах лабораторий, то уединяетесь для напряженной ночной работы. Вы делаете для человечества гораздо больше и более значительное, чем я, но только для одной, не самой близкой сердцу, стороны. Чара Нанди и Эвда Наль гораздо более известны, чем я...

— Опять укор нашей технической цивилизации?— весело упрекнул Дар Ветер.

— Не нашей, а пережиткам прежних роковых ошибок. Еще тысячелетия тому назад наши предки знали, что искусство и с ним развитие чувств человека не менее важно для общества, чем наука.

— В смысле отношений людей между собой?— спросил заинтересованный физик.

— Вот именно!

— Какой-то древний мудрец сказал, что самое трудное на Земле — это сохранять радость,— вставил Дар Ветер.— Смотрите, вот еще верный союзник Веды!

Прямо к ним шел легким и широким шагом Мвен Мас, привлекая общее внимание своей огромной фигурой.

— Кончился танец Чары,— догадалась Веда.— Скоро появится и экипаж «Лебедя».

— Я бы на их месте шел сюда пешком и как можно медленнее,— вдруг сказал Дар Ветер.

— Ты начал волноваться?— Веда взяла его под руку.

— Конечно. Для меня мучительно подумать, что они уходят навсегда и этот корабль я больше не увижу. Что-то внутри меня протестует против этой обязательной обреченности. Может быть, потому, что там будут близкие мне люди.

— Вероятно, не потому,— вмешался подошедший Мвен Мас, чуткое ухо которого издалека уловило речь Дар Ветра.— Это неизбывный протест человека против неумолимого времени.

— Осенняя печаль?— с оттенком насмешки спросил Рен Боз, улыбаясь глазами товарищу.

— Вы замечали, что осень умеренных широт с ее грустью любят именно люди наиболее энергичные, жизнерадостные и глубоко чувствующие?— возразил Мвен Мас, дружески погладив плечо физика.

— Верное наблюдение!— восхитилась Веда.

— Очень древнее...

— Дар Ветер, вы на поле? Дар Ветер, вы на поле?— загремело откуда-то слева и сверху.— Вас зовет в ТВФ центрального здания Юний Ант. Юний Ант зовет. В ТВФ центрального здания...

Рен Боз вздрогнул и выпрямился.

— Можно с вами, Дар Ветер?

— Идите вместо меня. Вам можно пропустить отлет. Юний Ант любит показать по-старинному прямое наблюдение, а не запись — в этом они сошлись с Мвеном Масом.

Космопорт обладал мощным ТВФ и гемисферным экраном. Рен Боз вошел в тихую круглую комнату. Дежурный оператор щелкнул включателем и указал на правый боковой экран, где появился взволнованный Юний Ант. Он внимательно оглядел физика и, поняв причину отсутствия Дар Ветра, кивнул Рен Бозу.

— Ведется внепрограммный прием-поиск в прежнем направлении и диапазоне 62/77. Поднимите воронку для направленного излучения, ориентируйте на обсерваторию. Я переброшу луч-вектор через Средиземное море прямо на Эль Хомру.— Юний Ант посмотрел в сторону и добавил:— Скорее!

Опытный в приемах ученый выполнил требование за две минуты. В глубине гемисферного экрана появилось изображение гигантской Галактики, в которой оба ученых безошибочно узнали знакомую издавна человеку туманность Андромеды, или М-31.

В ближайшем к зрителю наружном обороте ее спирали, почти в середине линзовидного в ракурсе диска огромной Галактики, зажегся огонек. Там ответвилась казавшаяся крохотной шерстинкой система звезд — несомненно, исполинский рукав в сотню парсек длины. Огонек стал расти, и одновременно увеличивалась «шерстинка», в то время как сама Галактика исчезла, расплылась за пределы поля зрения. Поток красных и желтых звезд протянулся поперек экрана. Огонек стал маленьким кружком

и светился на самом конце звездного потока. С края потока выделилась оранжевая звезда спектрального класса К. Вокруг нее закружились едва видные точки планет. На одной из них, закрыв ее целиком, расположился кружок света. И вдруг все завертелось в красных извивах и мелькании летящих искр. Рен Боз закрыл глаза...

— Это разрыв,— сказал с бокового экрана Юний Ант.— Я показал вам наблюдение прошлого месяца из записи памятных машин. Переключаю на отражение прямого приема.

На экране по-прежнему вертелись искры и линии темно-красного цвета.

— Странное явление!— воскликнул физик.— Как вы обьясняете этот разрыв?

— Потом. Сейчас возобновляется передача. Но что вы считаете странным?

— Красный спектр разрыва. В спектре туманности Андромеды фиолетовое смещение, то есть она приближается к нам.

— Разрыв никакого отношения к Андромеде не имеет. Это местное явление.

— Вы думаете, что случайно их отправляющая станция вынесена на самый край Галактики, в зону, еще более отдаленную от ее центра, чем зона Солнца в нашей Галактике?

Юний Ант окинул Рен Боза скептическим взглядом.

— Вы готовы к дискуссии в любой момент, забывая, что с нами говорит туманность Андромеды с расстояния четыреста пятьдесят тысяч парсек.

— О да!— смутился Рен Боз.— Еще лучше сказать — с расстояния в полтора миллиона световых лет. Сообщение отправлено пятнадцать тысяч веков тому назад.

— И мы видим сейчас то, что было послано задолго до наступления ледниковой эпохи и возникновения человека на Земле!— Юний Ант заметно смягчился.

Красные линии замедлили свое верчение, экран потемнел и вдруг снова засветился. Сумеречная плоская равнина едва угадывалась в скудном свете. На ней были разбросаны странные грибовидные сооружения. Ближе к переднему краю видимого участка холодно поблескивал гигантский, по масштабу равнины, голубой круг с явно металлической поверхностью. Точно по центру круга висели один над другим большие двояковыпуклые диски. Нет, не висели, а медленно поднимались все выше. Равнина исчезла, и на экране остался лишь один из дисков, более выпуклый снизу, чем сверху, с грубыми спиральными ребрами на обеих сторонах.

— Это они... они!..— наперебой воскликнули ученые, думая о полном сходстве изображения с фотографиями и чертежами спиралодиска, найденного тридцать седьмой экспедицией на планете железной звезды.

Новый вихрь красных линий — и экран погас. Рен Боз ждал, боясь отвести свой взгляд хоть на секунду. Первый человеческий взгляд, прикоснувшийся к жизни и мысли другой галактики! Но экран так и не загорелся. На боковой доске телевизиофона заговорил Юний Ант:

— Сообщение оборвалось. Ждать дольше, отнимая земную энергию, нельзя. Вся планета будет потрясена. Следует просить Совет Экономики производить внепрограммные приемы вдвое чаще, но это станет возможным не раньше года после затрат на посылку «Лебедя». Теперь мы знаем, что звездолет на железной звезде оттуда. Если бы не находка Эрга Ноора, то мы вообще не поняли бы виденного.

— И он, тот диск, пришел оттуда? Сколько же он летел?— как бы про себя спросил Рен Боз.

— Он шел мертвым около двух миллионов лет через разделяющее обе галактики пространство,— сурово ответил Юний Ант,— пока не нашел убежища на планете звезды Т. Очевидно, эти звездолеты устроены так, что садятся автоматически, несмотря на то, что тысячи тысяч лет никто живой не прикасался к рычагам управления.

— Может быть, они живут долго?

— Но не миллионы лет, это противоречит законам термодинамики,— холодно ответил Юний Ант.— И несмотря на колоссальные размеры, спиралодиск не мог нести в себе целую планету людей... мыслящих существ. Нет, пока наши галактики не могут еще ни достигнуть друг друга, ни обменяться сообщениями.

— Смогут,— уверенно сказал Рен Боз, распрощался с Юнием Антом и пошел обратно на поле космопорта.

Дар Ветер с Ведой и Чара с Мвеном Масом стояли немного в стороне от двух длинных рядов провожавших. Все головы повернулись к центральному зданию. Мимо бесшумно пронеслась широкая платформа, сопровождаемая взмахами рук и — что люди позволяли себе в обществе лишь в самых исключительных случаях — приветственными возгласами. Все двадцать два человека экипажа «Лебедя» находились на ней.

Платформа подъехала к звездолету. У высокого передвижного подъемника ожидали люди в белых комбинезонах, с серыми от усталости лицами — двадцать членов отлетной комиссии, составленной в основном из инженеров — рабочих космопорта. В течение последних суток они проверили с помощью машин для учета предметов все снаряжение экспедиции и еще раз опробовали исправность корабля тензорными аппаратами.

По заведенному на заре звездоплавания порядку председатель комиссии докладывал Эргу Ноору, вновь избранному начальником звездолета в экспедиции на Ахернар. Другие члены комиссии поставили свои шифры на бронзовой дощечке с их портретами и именами, которую вручили Эргу Ноору, и, распрощавшись, отошли в сторону. Тогда к кораблю хлынули провожающие. Люди выстроились перед путешественниками, пропустив их близких на маленькую, оставшуюся свободной площадку подъемника. Киносъемщики фиксировали каждый жест улетавших — последняя память, остающаяся родной планете.

Эрг Ноор издали увидел Веду и, сунув бронзовый сертификат за широкий пояс астролетчика, стремительно подошел к молодой женщине.

— Как хорошо, что вы пришли, Веда!..

— Разве я могла поступить иначе?

— Вы для меня — символ Земли и моей прошедшей юности.

— Юность Низы с вами навсегда.

— Я не скажу, что ни о чем не жалею,— это будет неправдой. И прежде всего жаль Низу, своих товарищей, да и самого себя... Слишком велика утрата. В это возвращение я по-новому полюбил Землю — крепче, проще, безусловнее...

— И все-таки вы идете, Эрг?

— Не могу иначе. Отказавшись, я утратил бы не только космос, но и Землю.

— Подвиг тем труднее, чем больше любовь?

— Вы всегда хорошо понимали меня, Веда. Вот и Низа.

Подошла похудевшая, похожая на мальчика рыжекудрая девушка и остановилась, опустив ресницы.

— Это оказалось так тяжело. Вы все... хорошие, ясные... красивые...

Расстаться, оторвать свое живое тело от матери-Земли...— Голос астронавигатора дрогнул.

Веда инстинктивно привлекла ее к себе, шепча таинственные женские утешения.

— Девять минут до закрытия люков,— беззвучно сказал Эрг, не сводя глаз с Веды.

— Как долго еще!..— простодушно воскликнула со слезами в голосе Низа.

Веда, Эрг, Дар Ветер, Мвен Мас и другие провожавшие с тоской и удивлением почувствовали, что нет слов. Нечем выразить чувства перед подвигом, совершавшимся для тех, кого еще нет, кто придет много лет спустя. Улетавшие и провожавшие знали обо всем... Что могли дать лишние слова?

Вторая сигнальная система человека оказалась несовершенной и уступала место третьей. Глубокие взгляды, отражавшие страстные, не передаваемые словами порывы, встречались безмолвно и напряженно или жадно впивали в себя небогатую природу Эль Хомры.

— Пора!— Обретший металл голос Эрга Ноора хлестнул по напряженным нервам.

Веда, откровенно всхлипнув, прижалась к Низе. Обе женщины несколько секунд стояли щека к щеке, крепко зажмурившись, пока мужчины обменивались прощальными взглядами и пожатиями рук. Подъемник упрятал в овальный чернеющий люк звездолета уже восьмерых астролетчиков. Эрг Ноор взял Низу за руку и что-то шепнул ей. Девушка вспыхнула, вырвалась и бросилась к звездолету.

Эрг Ноор и Низа поднялись одновременно.

Люди замерли, когда перед черным люком на выступе ярко освещенного борта «Лебедя» задержались на секунду две фигуры — высокого мужчины и стройной девушки, принимая последние приветы Земли.

Веда Конг стиснула руки, и Дар Ветер услышал, как хрустнули суставы пальцев.

Эрг Ноор и Низа исчезли. Из черного зияния выдвинулась овальная плита такого же серого цвета, как и весь корпус. Секунда, и даже зоркий глаз не смог бы различить следов отверстия на крутых обводах колоссального корпуса.

Вертикально стоявший на растопыренных упорах звездолет имел в себе что-то человекообразное. Может быть, это впечатление создавал круглый шар носовой части, увенчанный острым колпаком и светящий сигнальными огнями, как глазами. Или ребристые рассекатели центральной контейнерной части корабля, похожие на наплечники рыцарских лат? Звездолет высился на своих упорах, словно растопыривший ноги исполин, презрительно и самоуверенно взиравший поверх толпы людей.

Грозно заревели сигналы первой готовности. Как по волшебству, у корабля появились широкие самоходные платформы, забравшие множество провожавших. Поползли, разъезжаясь в стороны, но не сводя своих жерл и лучей с корабля, треножники ТВФ и прожекторов. Серый корпус «Лебедя» померк и как-то утратил свои размеры. На «голове» корабля загорелись зловещие красные огни — сигнал подготовки старта. Вибрация сильных моторов передалась по твердой почве — звездолет стал поворачиваться на своих подставках, принимая ориентировку взлета. Дальше и дальше отъезжали провожавшие, пока не пересекли с наветренной стороны засветившуюся в темноте линию безопасности. Здесь люди поспешно соскочили, а платформы унеслись за оставшимися.

— Они больше не увидят нас или хоть нашего неба?— спросила Чара низко склонившегося к ней Мвена Маса.

— Нет. Разве в стереотелескопы...

Под килем звездолета загорелись зеленые огни. На вышке центрального здания неистово завертелся радиомаяк, рассылая во все стороны предупреждение о взлете громадного корабля.

— Звездолет получает сигнал отправления!— вдруг заревел металлический голос такой силы, что Чара, вздрогнув, прижалась к Мвену Масу.— Оставшиеся внутри круга, поднимите вверх руки! Поднимите вверх руки, иначе смерть! Поднимите вверх руки, иначе!..— кричал автомат, пока его прожекторы обшаривали поле в поисках случайно оставшихся внутри круга безопасности.

Не найдя никого, они погасли. Робот закричал снова, как показалось Чаре, еще более яростно:

— После сигнала колокола повернитесь спиной к кораблю и закройте глаза. Не открывайте до второго колокола. Повернитесь спиной и закройте глаза!— с тревогой и угрозой вопил робот.

— Это страшно!— шепнула Веда.

Дар Ветер спокойно снял с пояса свернутые в трубку полумаски с черными очками, одну надел на Веду, а другую натянул сам. Едва успел он закрепить пряжку, как дико зазвонил большой, высокого тона, колокол.

Звон оборвался, и в тишине стали слышны ко всему равнодушные цикады.

Внезапно звездолет издал яростный вой и погасил огни. Один, два, три, четыре раза темную равнину пронизывал этот душераздирающий вой, и более впечатлительным людям казалось, что это сам корабль кричит в тоске прощания.

Вой оборвался так же неожиданно. Стена невообразимо яркого пламени встала вокруг корабля. Мгновенно в мире перестало существовать что бы то ни было, кроме этого космического огня. Башня огня превратилась в колонну, вытянулась длинным столбом, затем сделалась ослепительно яркой линией. Колокол забил во второй раз, и обернувшиеся люди увидели пустую равнину, на которой рдело гигантское пятно раскаленной почвы. Большая звезда стояла в высоте — это удалялся «Лебедь».

Люди медленно побрели к электробусам, оглядываясь то на небо, то на место отлета, сделавшееся вдруг поразительно безжизненным, точно здесь возродилась хаммада Эль Хомра — ужас и бедствие путников прошлых времен.

В южной стороне горизонта загорелись знакомые звезды. Все взгляды обратились туда, где поднялся голубой и яркий Ахернар. Там, у этой звезды, окажется «Лебедь» после восьмидесяти четырех лет пути со скоростью девятьсот миллионов километров в час. Для нас восемьдесят четыре, для «Лебедя» — сорок семь лет. Может быть, там они создадут новый мир, тоже красивый и радостный, под зелеными лучами циркониевой звезды.

Дар Ветер и Веда Конг догнали Чару и Мвена Маса. Африканец отвечал девушке:

— Нет, не тоска, а великая и печальная гордость — вот мои ощущения сегодня. Гордость за нас, поднимающихся все выше со своей планеты и сливающихся с космосом. Печаль потому, что маленькой становится милая Земля... Бесконечно давно майи — краснокожие индейцы Центральной Америки — оставили гордую и печальную надпись. Я передал ее Эргу Ноору, и тот украсит ею библиотеку-лабораторию «Лебедя».

Африканец оглянулся, заметил, что его слушают подошедшие друзья, и продолжал громче:

— «Ты, который позднее явишь здесь свое лицо! Если твой ум разумеет, ты спросишь, кто мы? Кто мы? Спроси зарю, спроси лес, спроси волну, спроси бурю, спроси любовь. Спроси землю, землю страдания и землю любимую. Кто мы? Мы — земля!»

— И я тоже насквозь земля!— добавил Мвен Мас.

Навстречу бежал Рен Боз, прерывисто дыша. Друзья обступили физика и узнали небывалое — первое соприкосновение мысли двух исполинских звездных островов.

— Мне так хотелось успеть до отлета,— огорченно сказал Рен Боз,— чтобы сообщить об этом Эргу Ноору. Он еще на черной планете понял, что спиралодиск — звездолет чрезвычайно далекого, совсем чужого мира и что этот странный корабль летел очень долго в космосе.

— Неужели Эрг Ноор никогда не узнает, что его спиралодиск из таких чудовищных глубин вселенной — с другой галактики, с туманности Андромеды?— сказала Веда.— Как горько!

— Он узнает!— твердо сказал Дар Ветер.— Мы попросим у Совета энергию на особую передачу, через спутник тридцать шесть. «Лебедь» будет доступен нашему зову еще девятнадцать часов!

ПУТЕШЕСТВИЕ БАУРДЖЕДА

2

Глава первая

ЗАВЕЩАНИЕ ДЖОСЕРА

Над низкими глинобитными оградами взвились клубы пыли, послышались пронзительные крики. Что-то случилось в лабиринте узких улиц, у самой пристани города Белых Стен[1] — столицы Черной Земли, страны Та-Кем[2].

Уахенеб — кормчий царского казначея — стремительно поднялся и стал всматриваться в сторону города, откуда доносился тревожный шум. Сидевшие рядом гости не двинулись, даже не оглянулись на происходившее за стенами маленького сада.

— Что происходит там? — нетерпеливо спросил кормчий, пытаясь заглянуть в потупившиеся лица друзей.

— Вестники Великого Дома[3] ловят преступника...— неохотно ответил седовласый тесть Уахенеба.

— Но шум около дома Антефа, моего друга и друга детей моих! — с беспокойством воскликнул кормчий.

— Ловят самого Антефа,— вмешался молодой сосед.— Мы знаем, что за ним приходили вестники нашей окраины.

— Как! Ловят Антефа, а вы сидите, словно идет погоня за антилопой? — негодующе вскрикнул Уахенеб.— Этот человек не может быть преступником! Кто не знает корабельного плотника Антефа!

Кормчий негодующе оглянулся на неподвижные фигуры своих гостей и выскочил на улицу, а за ним оба его юных сына, такие же высокие и плечистые, как отец. К ним присоединились и корабельные ученики Уахенеба, находившиеся в числе гостей.

— Уахенеб слишком много времени проводит в плаваниях и еще не знает, как свирепствуют сейчас посланцы фараона...— тихо сказал тесть кормчего.

— Если не научится быть покорным, то скоро его поволокут, закованного, в каменоломни! — угрюмо проворчал худой кузнец.

— Стыдно тебе, говорящему худое,— вмешалась жена кормчего.— Мой Уахенеб умен и испытан в опасностях. Его любит и сам казначей бога Баурджед...

---

[1] *Белая Стена (Мемфис)* — столица Египта в Древнем Царстве.

[2] *Та-Кем* — Черная Земля. В просторечии «кем» или «кемт»— «черная». Так называли древние египтяне свою страну.

[3] *Великий Дом* — иносказательное наименование царя (пер-о), откуда пошло древнееврейское «фараон».

— Любит как крокодил антилопу,— бурчал упрямый кузнец,— пока у его лучшего кормчего все хорошо. Но стоит только Уахенебу оступиться — кто защитит его? Кто посмеет выступить против повеления Великого Дома?..

Крики приблизились к воротам сада, и жена кормчего тревожно выглянула на улицу.

Слева, в конце узкого прохода между однообразными оградами из серого речного ила, показался одинокий беглец. Он опередил на два десятка локтей[1] своих преследователей, во главе которых неслись, словно гончие собаки, два полуобнаженных человека в пестрых поясах вестников фараона, вооруженные кинжалами и тяжелыми палками. За вестниками бежал всякий сброд: бездельники — сыновья пристанских чиновников, погонщики ослов и случайные прохожие, обрадовавшиеся перемене в однообразии неторопливой жизни. Все вопили и визжали, будто увидели «отвращающего лицо» — злого духа пустыни или подземное чудовище древних преданий.

Беглец не походил ни на злодея, ни на чудовище. Его измученное лицо в разводах грязи, глаза, расширенные и полные отчаяния, могли вызывать только жалость и негодование в каждом, кто знал этого человека.

Беглец приблизился к Уахенебу.

— Антеф! — негромко окликнул его кормчий и продолжал скороговоркой: — Беги улицей Гребцов налево, повернешь у сада богини к складу товаров, доставленных нами... Скажи сторожу — я велел, и он укроет тебя среди тюков. Там жди ночи... Беги и не оглядывайся.

Антеф поравнялся с Уахенебом. Преследователи почти настигли свою жертву. Кормчий закричал и ринулся прямо на Антефа.

Наблюдавшая из сада женщина вскрикнула от негодования. Но, когда ее сыновья и трое из учеников мужа кучей бросились вслед Уахенебу, столкнулись с преследователями и свалились в густую пыль, она поняла, что Уахенеб и молодежь действуют по уговору.

Антеф исчез за углом, а молодые люди продолжали удерживать преследователей с криками: «Поймали, поймали!..»

Бежавшая позади вестников толпа остановилась в недоумении. Наиболее азартные приняли участие в свалке, и пыль совершенно закрыла все происходящее на улице. Вестникам фараона не скоро удалось разобраться в сумятице и освободиться от рук своих усердных помощников. Но когда выяснилось, что беглец избежал поимки, то старший вестник подскочил к Уахенебу с угрозами:

— Как смел ты, старый бегемот, вмешиваться в дело Великого Дома? Твое глупое усердие и неловкость твоих щенков привели к тому, что преступный Антеф убежал от законного возмездия. Но кара не минует злодея, тебе же придется держать ответ перед начальником. Пойдем.— И вестник положил грязную, исцарапанную руку на плечо Уахенеба.

Тот резким движением сбросил руку представителя власти.

— Я не виноват... я старался помочь тебе и сам не знаю, как вышло, что преступник ускользнул. Но мне нельзя идти с тобой — казначей бога приказал мне прийти сегодня вечером, я не могу ослушаться повеления... Где я живу, ты знаешь,— спокойно добавил Уахенеб.

Кормчий солгал, но расчет его оказался верным.

Вестник нахмурился и огляделся в раздумье. Плечо к плечу с кормчим стояли сильные юноши, на лицах которых читалась твердая решимость

---

[1] *Локоть* — основная древняя мера длины, равная приблизительно 0,5 метра.

не уступать никому. Толпа, только что объединявшаяся яростным преследованием, разбилась на группы. Люди выжидали в молчании, не проявляя никакого сочувствия вестникам, терпевшим очевидное поражение.

Бормоча проклятия, вестники удалились вслед скрывшемуся Антефу. Кормчий с помощниками вернулся в сад. Молодежь дала волю смеху, горячо обсуждая случившееся и вспоминая, как грохнулся под ноги вестникам фараона старший сын Уахенеба. Встревоженные гости скоро разошлись; участники побоища отправились к реке смывать пыль.

Уахенеб сидел в раздумье до темноты, потом встал, захватил приготовленный женой мешок с пищей и вышел в непроглядную тьму.

Ни одного огонька не было видно в домиках пристанского поместья. Жечь масло или жир в светильниках было дорого, да и проводимый в труде день был слишком длинен, чтобы люди засиживались в своих домах после наступления темноты. Только неутомимая молодежь, таясь от старших, собиралась у маленького храма. Из темноты доносились тихие разговоры, легкие шаги босых ног...

Кормчий быстро добрался до склада, побеседовал с Антефом, возвратился домой и молча взобрался на плоскую крышу дома, где все его семейство спасалось от духоты и насекомых и лежало в ряд на жестких циновках из папируса.

— Удалось тебе? — прошептала жена, когда кормчий улегся с тяжелым вздохом усталого человека.

— Антеф в безопасности,— помолчав, ответил Уахенеб.— Он знает тайное место на краю западной пустыни, в городе мертвых. Там спрячется он... пока не отчалит снова мой корабль. Но это малое дело...— Кормчий угрюмо умолк.

— Что же еще плохо, во имя священной девятки?[1] — с беспокойством спросила жена.

— Плохо все... плоха наша жизнь, трепещущая перед людьми Великого Дома, перед посланными жрецов. Они гнут ее, как ветер пустыни гнет тонкий стебель тростинки, как сгибает раба кнут надсмотрщика!

— Разве это ново для тебя? — удивилась жена.

— Нет нового в том, но почему плохое должно длиться вечно? Неужели никогда не наступит хорошее? Еще совсем недавно, когда ты носила нашего младшего сына[2], фараон — строитель великой пирамиды[3] обрек нас, простых неджесов и роме[4], на голод и разорение. Если бы не добыл я пищи и золота в опасном плавании в страны Зеленого моря[5], может, не осталось бы в живых никого из наших братьев и сестер. Но великая пирамида построена, фараон отошел в вечность, а разве жить стало легче? По-прежнему требуют с нас непосильной работы, бьют и отдают в рабство за недоимки. Множество чиновников смотрит за нашими путями, записывает каждую меру собранных плодов, каждого журавля[6] и еще не родившегося детеныша антилопы...

— Ты был в разных странах. Неужели и там так тяжела жизнь?

— Плохо везде, где есть бедность. Я не видел страны, в которой бы не

---

[1] *Священная девятка* — девять главных богов Египта.

[2] Имена детей не называли во избежание «сглаза».

[3] Имя фараона запрещалось называть по тем же соображениям.

[4] *Неджес* — «маленький», название свободного жителя Египта; *роме* — египтянин.

[5] Так называлось у египтян Средиземное море.

[6] Журавли и антилопы приручались и разводились в Древнем Египте.

было бедняков, мучимых страхом, болезнями и голодом. И я не видел страны лучше нашей Кемт. Только здесь земля так плодородна, только здесь не свирепствуют ветры, сокрушительные ливни. Страна защищена пустынями от набегов хищных соседей. Прекрасно наше вечно ясное небо, могучая река — источник жизни, богатые сады и поля. Мы любим нашу Кемт, и всем нам плохо жить тут!

— С детства я любила сказки о Стране Духов — волшебном Пунте[1]. Вот там хорошая жизнь, там люди, похожие на нас, роме, живут подобно духам полей Иалу[2].

— Никто не видел Пунта, безмерно далек он от нас и недостижим смертному,— неохотно ответил Уахенеб.— Плохо, что нет защиты для нас в родной нам Черной Земле. Надо спасать друзей, а они спасут нас... так,— твердо решил кормчий.— Слушай, ты еще не знаешь всего о несчастии Антефа. Он тяжко поранил себя теслом и не мог работать пять времен года[3]. Дом его стоит на земле Хнума...[4] Антеф задолжал начальнику мастеров[5], не уплатил долга, и жрец захотел взять в храм его дочь.

— Как, ясноглазую То-Мери? — воскликнула жена.

— Тише. Да, ее. Она красива, и жрец может продать ее с выгодой в храм Нейт или... оставить рабыней у себя. Рабы храма под начальством младшего жреца ворвались в дом Антефа, избили его и жену и увели дочь. Антеф побежал сказать вестникам...

— Зачем? — удивилась жена.

— Теперь я тоже скажу: зачем? — ответил кормчий.— За один вечер я стал умнее на десять лет...

— Антеф так любил свою То-Мери!

— Потому и сделался гонимым, подобно робкой антилопе. Дом его без хозяина и отца, жена и дети оплакивают его как умершего. Пойди к ним на рассвете и скажи тайное утешение. А я...— Уахенеб умолк.

— Я слушаю тебя!

— Антеф сделал то, что должен был сделать отец и мужчина. Он проник в храм Хнума в поисках дочери, проследил, что она заперта в кладовой дома начальника мастеров, и, пытаясь освободить То-Мери, напал на жреца...

— И...

— И едва спасся из храма. Вернулся в дом свой в великом горе и напрасно размышлял, придумывая, как спасти дочь. Вестники объявили его врагом города... Остальное ты знаешь.

— Ты задумал опасное дело, господин мой,— сказала жена, поняв затаенные думы кормчего.

— Не опасайся, я сумею исполнить это, не привлекая внимания чиновников Великого Дома. Я почти гость здесь — так редко приходится бывать мне дома, за мной нет записей и глаз... Если хочешь помочь мне, пойди скорее в дом, где живут мои ученики Ахавер и Нехеб-ка, разбуди их. Скажи, что я заболел и зову.

---

[1] *Пунт* — легендарная страна, богатая золотом и благовониями, по представлениям египтян, находившаяся у истоков Нила, в Стране Духов — Та-Нутер. Позднее, когда египтяне стали плавать далеко на юг, страны, открытые ими на восточном побережье Африки, южнее Сомали, получили название Пунта.

[2] *Поля Иалу* — в представлениях египтян о загробном мире соответствуют нашему раю.

[3] *Пять времен года* — приблизительно полтора года. У египтян год делится на три времени.

[4] *Хнум* — один из главных богов, изображавшийся с бараньей головой.

[5] *Начальник мастеров* — титул главного жреца.

— У нас в саду спит сегодня тот — большой и темнокожий, твой мастер паруса...[1].

— А, большой Нехси здесь? Это помощь от богов... Я разбужу его!..

Проснувшиеся сыновья Уахенеба стали умолять отца позволить им тоже идти на таинственное дело. Но кормчий оказался неумолимым.

Во тьме и тишине четыре человека выскользнули на улицу и молча направились к храму Хнума, стоявшему среди большого сада, на возвышенном участке берега.Уахенеб обладал хорошей зрительной памятью и навсегда запоминал те места, в которых ему приходилось бывать. Теперь он уверенно обошел главный вход, в глубине которого мерцал слабый огонь двух светильников, и приблизился к небольшим воротам, ведшим во внутренний двор около дома главного жреца.

— Теперь ты, Ахавер, и ты, Нехеб-ка, по сигналу Нехси начинайте драку у ворот, бросайте камнями, выкрикивайте проклятия... Когда раздастся вопль шакала, убегайте, но сначала в верхнюю улицу, чтобы спутать мысли врагов, потом бегите к реке. Мы будем ждать в лодке за Кедровой Пристанью...

Все последующее произошло быстро: крики Ахавера, грубая брань Нехеб-ка, грохот камней о доски ворот, неистовый лай собак главного жреца, кинувшихся к ограде. Замелькали факелы в руках младших жрецов, которые спали в храме и теперь выскочили на шум.

Мрак во внутреннем дворе казался особенно непроглядным. Большой Нехси, увлекаемый за руку Уахенебом, быстро добрался до крепкой двери в низкой кубической постройке за плотной, затвердевшей на жарком солнце глины. Дверь быстро уступила огромной силе моряка. В душной тьме помещения царило молчание.

— То-Мери, где ты? Я Уахенеб, друг твоего отца, ты знаешь меня. Выходи скорей!

В глубине кладовой раздался слабый крик.

Уахенеб устремился внутрь, вытянув вперед руки. Его ладонь коснулась плеча девушки. Кормчий провел рукой по лицу и волосам То-Мери, чтобы успокоить девушку, и нащупал твердый ремень бегемотовой кожи, прикрепленный к металлическому ошейнику, замкнутому на тонкой девичьей шее.

— Я привязана,— прошептала То-Мери.

Кормчий дернул изо всех сил, но ремень был крепок. Медлить долее было нельзя: там, у ворот, жрецы могли опомниться и схватить Ахавера с его другом, а собаки — почуять присутствие чужих во дворе.

— Нехси, скорее! — позвал Уахенеб.

Гигант потянул, и прочная кожа в два пальца толщиной разорвалась.

Нехси бросил легкую То-Мери себе на плечо и побежал за Уахенебом. Они перелезли через изгородь там, где двор граничил с садом. Пронзительный вопль шакала пронесся в темноте, повторился раз, другой, третий...

Ахавер и Нехеб-ка катались по земле, браня друг друга и осыпая ударами. Услышав сигнал, они вскочили на ноги.

Жрецы, домовые рабы и сам главный жрец столпились вокруг них с факелами, наблюдая за дерущимися со злорадством и негодованием. За воротами неистовствовали свирепые собаки. Внезапно оба юноши повернулись и бросились вверх по улице. Они бежали рядом изо всех сил, и быстрые ноги унесли их далеко от растерявшихся жрецов. Ахавер и

[1] *Мастер паруса* — моряк, управлявший единственным парусом египетского корабля.

Нехеб-ка пробежали четыре квартала и, не услышав погони, свернули в поперечный переулок. Они долго неслись вдоль реки, пока решились спуститься к берегу, и подошли к Кедровой Пристани с другой стороны.

Лодка отплыла беззвучно, весла искусных гребцов гнали ее с возрастающей скоростью. Там, где находился храм Хнума, мелькали огни факелов.

Ахавер и Нехеб-ка торжествующе засмеялись.

— Гребите, гребите! — весело сказал кормчий.— Путь далек, скоро рассветет...— И сильным толчком кормового весла Уахенеб прибавил ходу лодке.

Нехси заставил сидевшую на дне лодки девушку опереться спиной на его колени и старался разогнуть запор ее ошейника, путаясь в массе густых вьющихся волос. Ошейник был заперт на толстый бронзовый крючок.

Лодка удалилась на шесть тысяч локтей от города Белых Стен и плыла вдоль ненаселенного западного берега великой реки. Позади осталась гигантская пирамида и город мертвых для знати и богатых, примыкавший к северной стороне пирамиды. Мрак рассеивался, гладь реки заблестела тускло и неприветливо.

Мастеру паруса наконец удалось справиться с крючком. Ошейник раскрылся, и Нехси швырнул его далеко на середину реки.

Все сидевшие в лодке следили за его полетом. С легким всплеском орудие унижения и плена навсегда погрузилось на дно реки. И в тот же миг за восточной пустыней поднялся краешек солнца, яркие лучи алого света загорелись на реке в том месте, где потонул ошейник.

— Утопить бы так все, что гнетет нас! — задумчиво сказал Уахенеб, выразив этим неясные стремления своих спутников.

Лодка причалила у двух одиноко росших пальм.

В сотне локтей от берега, в пределах высокой бесплодной равнины, расположился город мертвых для простых роме. Здесь не было ничего похожего на массивные каменные или кирпичные гробницы знатных людей, только бесчисленные ряды маленьких холмиков отмечали места, где хранились останки отошедших в западные края.

— Неужели Антеф не боится оставаться здесь в ночные часы? — удивился большой Нехси.

— О, мне пришлось один раз быть здесь поздно вечером,— отозвался Нехеб-ка.— Выли шакалы, хохотали гиены, страшные птицы ночи летали над головой. Вдали ревел лев, глухим плеском отзывались в реке крокодилы,— мне показалось, что стонет земля, наполненная умершими. Я едва удерживал свое сердце от бегства...

— Антеф не здесь, он скрывается в древнем подземелье, близко от берега. Если каждому из нас придется выбирать между позорной смертью и страхом перед отошедшими,— я думаю, что он меньше убоится мертвых,— спокойно сказал Уахенеб.— От мертвых еще никто не погиб. Здесь давно живет старый сторож с семьей, и все от мала до велика здоровы и целы. У нас, бедняков, не знающих вещей[1], тут нет ничего — ни таинственных гробниц, ни подземелий. Про город мертвых для знатных рассказывают страшные предания... А может быть, для того, чтобы... никто не смел трогать вещи, хранящиеся в богатых гробницах? — Кормчий тихо рассмеялся, а его спутники посмотрели на него с удивлением.

— Мы будем здесь жить? — тихо спросила девушка, устремив на Уахенеба глаза, еще полные грусти.

---

[1] *Не знающий вещей* — египетский термин, означавший бедняков.

— Вовсе нет,— рассмеялся кормчий.— Тебя завтра возьмет на корабль мой верный друг, кормчий Саанахт. Ты будешь жить в Дельте, у моих родных, пока не повернется лицо богов...

— А отец?

— Антефа нельзя отослать с тобой. Я возьму его на свой корабль тайно, в день отплытия. Нам не дадут много отдыхать — скоро пойдем мы опять за кедром для храмов на Великое Зеленое море...

В доме Уахенеба вновь собрались гости — кормчий решил отпраздновать спасение Антефа и его дочери, не объясняя никому причины торжества. Опустели два кувшина вина, громадный глиняный сосуд с пивом. У захмелевших людей развязались языки, всё смелее становились выкрики и взволнованные речи о несправедливости жизни в Та-Кем, о том, что жрецы обманывают бедняков, что государство не жалеет своих подданных

— Рабы у богатых и во дворцах живут лучше, чем мы! — воскликнул тот же хмурый кузнец, который угрожал Уахенебу каменоломнями в прошлый раз.

Кормчий поднял руку:

— Слушайте сказку о стране счастья!

Низенький старик с круглой лысой головой говорил о трудности жизни без просвета и защиты.

Гости стали кивать головами, соглашаясь.

Сказка описывала чудесную страну Пунт, страну духов счастья. Никто не согнут страхом и голодом, золото сверкает в речных песках, деревья отягощены чудесными плодами, благовонные смолы текут по стволам, прекрасные девушки дарят всех ласковыми улыбками. Все равно сыты, нет тяжких работ и свирепых зверей...

— Там, там! За восточной пустыней, за Лазурными Водами[1], в безмерной дали!

Старик вскочил, указывая на восток; поднялись и все гости, всматриваясь в пыльную мглу над восточными холмами, точно стараясь сквозь нее разглядеть призрачное видение чудесной страны.

— Никто, никто, кроме могучих людей-богов древности, не достигал пределов Пунта!

— Недоступна, прекрасна желанная страна, отрада смертных, живущих там наравне с духами, похожих на нас, детей Черной Земли!..

Внезапно раздались удары палки в калитку сада. Громкий стук оборвал сказку; люди насторожились, воцарилось молчание, полное опасений. Угрюмый человек, морщинистый и суровый, подошел к кормчему. Уахенеб поджидал его с затвердевшим, как у статуи, лицом.

— Мой и твой господин, казначей бога Баурджед, велит тебе прийти завтра, после дневного сна! — громко, не допускающим возражения тоном сказал посланный, и Уахенеб перевел дыхание. Зов казначея еще не был бедой.

Пестрые занавеси в оконных просветах колыхались под легким ветерком. По коричневой полированной поверхности деревянных колонн пробегали слабые блики света. В комнату, тяжело ступая, вошел великий властитель, молодой фараон Джедефра[2]. Следом за ним спешили два чело-

---

[1] *Лазурные Воды* — Красное Море.

[2] *Джедефра* — фараон IV династии Древнего Царства (2877—2869 гг. до н. э.).

века с золотыми нагрудными знаками. Они с привычной ловкостью распростерлись на полу перед фараоном. Нетерпеливое движение руки Джедефра заставило их встать. Один, высокий и худой, носивший звание хранителя царских сандалий, снял с ног фараона сандалии из позолоченной кожи. Другой, смотритель ларца с притираниями, осторожно освободил Джедефра от тяжелого парика, прикрытого полосатым головным платком и пшентом[1], и снял футляр, заменявший бороду. Фараон с облегчением провел ладонью по гладко выбритой голове.

Вельможи удалились. Джедефра сбросил длинную белую одежду из серебристого льна, выделанного так тонко, что ткань просвечивала. Он остался в короткой рубашке, перетянутой голубым поясом с тяжелыми синими лентами на золотых пряжках.

Фараон устало потянулся. Нелегко было соблюдать каменную неподвижность поз, требуемых ритуалом при публичных появлениях.

Сухое, жестокое лицо Джедефра было хмурым и сосредоточенным. Он медленно подошел к окну, выходившему на запад, и слегка отодвинул плотный занавес.

В прозрачном воздухе под густой синевой чистого неба предстал перед Джедефра предел его страны. Дворец фараона стоял на невысоком холме, близ которого плодородная темная земля Нильской долины резко граничила с красновато-желтой пустыней. Вдали отчетливо вырисовывались изгибы огромных песчаных бугров. Там пески, поднимающиеся горами по пятьсот локтей вышины, пылают под знойным небом, как гигантский костер, преграждающий живым путь в страну запада, царство ушедших, обиталище мертвых...

От песчаных холмов к долине сбегали голые каменные уступы. На них за белой каменной оградой колыхалась темная зелень высоких пальм.

Джедефра угрюмо усмехнулся. В глубокой тишине доносился лишь плеск воды в ступенчатых бассейнах. Рабы, выстроившись длинной цепочкой, с утра до ночи качали воду из реки, чтобы вокруг пирамиды мог существовать зеленый сад. А некоторым деревьям сада было уже больше двадцати лет...

Но фараон, конечно, не думал об этом. Миллионы роме, сотни тысяч рабов, как трудолюбивые муравьи, копошатся у него под ногами, обожествляя все четыре имени царя[2]. Джедефра думал о древнем обычае царей воздвигать на краю западной пустыни — границе страны мертвых — особые сооружения, получившие название «священная высота»[3]. Эти «высоты», резко возвышаясь над плоской страной, поднимали ввысь, утверждая в вечности, личность фараона.

Со времен великого Джосера[4], создателя могущества страны Черной Земли, эти сооружения стали строить из камня. Недалеко от его дворца, на том же западном плоскогорье, высится исполинская пирамида Хуфу[5] — беспощадного властелина, грозного фараона, неожиданным наследником которого явился он, Джедефра, сын одной из самых молодых и незаметных жен Хуфу. Сын, знавший отца только в образе живого бога, владыки

---

[1] *Пшент* — двойная корона египетского царя.

[2] Фараон, кроме собственного имени, имел еще несколько так называемых тронных имен.

[3] *Священная высота* — по-древнеегипетски «перема»; отсюда — пирамида.

[4] *Джосер* — выдающийся фараон III династии (2980 г. до н. э.).

[5] *Хуфу*, иначе *Хеопс*,— фараон IV династии (2900 г. до н. э.), строитель самой большой пирамиды.

сурового и недоступного, Джедефра рос вдали от дворца и воспитывался в маленьком храме, у старого жреца, даже не думая о том, чтобы занять видное место в государстве Черной Земли.

Его мать — умная и хитрая южанка, происходившая из области древнейшей столицы Та-Кем, тайно готовила сыну иное. Она сумела добиться доверия могущественного союза жрецов Ра, безраздельно владычествовавших в «Городе» — храме Солнца, у начала Дельты, к северу от столицы. Жрецы осмелились противостоять даже могучему Хуфу, фараону, впервые сумевшему согнуть непокорных служителей богов и взять у бесчисленных храмов часть богатств и рабов для постройки великой пирамиды.

Этот грозный пришелец из средней Кемт, выдвинутый старой знатью и жрецами бога Хнума, сменил владык потомков Хасехемуи[1] и еще более возвеличил божественную власть фараонов. Перед его железной волей и безграничной жестокостью вся Кемт в страхе распростерлась ниц. Всю мощь государства, укрепленного фараонами-предшественниками — Джосером и Снофру[2] — и их советниками — учеными Имхотепом, Кегемни, Птахотепом, воспетыми в народе, все богатства Та-Кем и его многочисленных рабов Хуфу употребил на достижение единственной цели — постройки огромной пирамиды, невиданной от сотворения мира.

Гигантская пирамида должна была навеки утвердить имя Хуфу, поразить все будущие поколения. Она стояла над каждым жителем страны, господствовала над мечтами, мыслями, поступками и снами миллионов людей. Все другое, даже великие и грозные боги, требовавшие непрестанных жертв, обрядов и празднеств, отошло на задний план. Количество громадных камней, уложенных в пирамиду, каждый новый десяток локтей ее вышины сделались важнейшими новостями страны.

Забыты были далекие походы в неизвестные страны, неведомые и манящие дали морей Великой Дуги. Забыт был и самый мир, окружающий страну Та-Кем, словно все средоточие Вселенной сошлось на узкой ленте Черной Земли и внутри ее, на острие пирамиды Хуфу...

Страна обеднела, ропот недовольства все чаще раздавался не только среди бедных земледельцев, но и среди могущественной знати и великих жрецов.

А фараон продолжал постройку. И вот белая пирамида в триста локтей высоты ослепительно сверкает под вечно голубым небом, в кольце садов и храмов. Каждый из ее камней, весом в шесть быков, так тщательно пригнан к другим, без следов соединения, что пирамида кажется единой массой. В глубине белой пирамиды заключен саркофаг из черного гранита, и в нем лежит отошедший в страну запада грозный фараон.

И теперь он, Джедефра, живой бог, принявший власть и силу всего государства, хочет возвеличить себя исправлением бед, нанесенных постройкой великой пирамиды. Он тоже строит свою «высоту» там, против дворца, на северном конце плоскогорья, не считая возможным нарушить священный обычай. Но всего в шестьдесят локтей будет это сооружение — жалкий холмик перед колоссальной гробницей Хуфу.

Джедефра отменил подати с храмов, вернул им тысячи рабов. Он посылал суда к Великому Зеленому морю, и на восток, и на юг, в страну

---

[1] *Хасехемуи* — последний фараон II династии, отец Джосера.

[2] *Снофру* — фараон-завоеватель, последний в III династии (2980—2900 гг. до н. э.).

Куш[1]. Посланные возвратились благополучно, с добычей золота, меди, кедрового дерева. Но в стране неспокойно. Начальники округов недовольны, урожаи уменьшились, голодные земледельцы опять осмеливаются грабить государственные склады.

А он, живой бог, молод и не знает, что нужно сделать еще, хотя и хочет быть подобным Джосеру и Снофру, возвеличившим Та-Кем и без конца прославляемым в легендах и преданиях. Если бы у него был советник мудростью равный Имхотепу...

Недавно он беседовал с великим ясновидцем[2], который снова намекнул фараону на неправильный путь, избранный им в управлении государством. Верховный жрец настаивал на строительстве новой огромной пирамиды, уверяя Джедефра, что такова воля богов и заветы высшей мудрости. Народ Та-Кем многочислен, трудолюбив, рабы должны быть непрерывно заняты самым тяжким трудом, иначе толпы их разъярятся и возникнут бунты. Что может быть лучше постройки новой великой пирамиды! Народ будет все более убеждаться в ничтожестве своей земной жизни и обратит свои мысли к загробному существованию в счастливых полях Иалу. Знатные властители сепов[3] должны будут отдать для постройки пирамиды свои богатства, рабов и даже часть свободных людей — значит, у них не будет сил противиться фараону. А ему, живому богу, останется только требовать покорности себе и богам, возвышая храмы и жрецов, одаривая их золотом, рабами и скотом.

Великая пирамида прославит его на миллионы лет. А он построил ничтожную гробницу, роняя свое божественное достоинство. Это посеет пагубные сомнения в умах людей, которые могут перестать чтить жрецов и — страшно сказать! — богов. И без того не только знатные, но даже простой народ начинает требовать себе хорошей жизни здесь, сейчас, а не в стране ушедших.

Джедефра не сумел хорошо возразить великому ясновидцу. Он только сказал, что хочет искать других путей, подобных путям Джосера, но не знает, как это сделать.

Жрец, затаив злобную усмешку, объявил царю, что времена Джосера миновали безвозвратно. Теперь фараон должен идти другими путями и Джедефра не может отступить от них, иначе страну постигнут бедствия. Угроза, скрытая под внешней почтительностью верховного жреца, встревожила молодого фараона. Он, сам получивший власть из рук жрецов Ра, знал их могущество и знал истинную цену своему божественному достоинству, незыблемому только в глазах простого народа.

Он был одинок, занял трон владык Черной Земли силой жрецов Ра и мог опираться только на них. Но они направляли его по пути, не казавшемуся достойным ему, с детства воспитанному на преданиях о деятельности великих фараонов — потомков Хасехемуи, выходцев с юга, откуда была родом и его мать. И тут он вспомнил, что его отец, грозный Хуфу, не раз призывал жрецов древнего бога знания, письма и искусства — Тота и требовал от них открыть ему тайну храмов Тота, по преданиям хранивших бесчисленные сокровища и тайные книги знаний. Хуфу, старавшийся добыть как можно больше сокровищ для постройки своей пирамиды, грозил жрецам Тота всевозможными карами, но ничего не добился. Жрецы объявили ему, что тайные замки Тота — не более как легенда, оставшая-

---

[1] *Страна Куш* — часть Нубии, на юг от Египта, выше по Нилу.
[2] *Великий ясновидец* — титул верховного жреца Ра.
[3] *Сепы* — области или провинции.

ся от очень древних времен, когда их бог был одним из главенствующих.

Джедефра решил обратиться к служителям Тота в надежде на их знания. Жрецы бога, главенствовавшего во времена Джосера, должны были научить молодого фараона тайнам власти и созданию мощи и богатства.

И сейчас Джедефра ожидал главного жреца Тота, обещавшего явиться к фараону на закате солнца.

Джедефра отвернулся от окна, прошел по мягким коврам и опустился в легкое кресло из черного дерева.

Снизу, со двора, обнесенного высокой глинобитной стеной, донеслось негромкое бряцание оружия. Стукнул медный щит, и в тишине поплыл протяжный, звенящий звук.

Внезапно и бесшумно в комнате появился крепкий, коренастый человек с блестящим бритым черепом. Он был в простой набедренной повязке, но переброшенная через левое плечо леопардовая шкура означала сан главного жреца. Жрец не распростерся на полу, а только склонился перед Джедефра, согнув локти у пола, и брови фараона недовольно поднялись. Пришедший выпрямился как ни в чем не бывало и, осторожно ступая, приблизился к фараону. Джедефра пристально всматривался в его лицо— тяжелый лоб, резкий выступ крупного носа, недобрый прищур смелых глаз.

— Он звал меня, великий царь, анх уда снеб (жизнь, здоровье, сила[1]),— негромко сказал жрец, избегая назвать имя фараона и обращаясь к нему только в третьем лице.

— Ты великий начальник мастеров Носатого?[2] — спросил фараон.— Ты вовсе еще не стар.— Тень недоверия скользнула в словах Джедефра.

— Всего два года, как я назначен вместо ушедшего Джехути, мощный Бык Черной Земли,— ответил жрец.

Джедефра нетерпеливо нахмурился:

— Можешь избегать хорошей речи. Мы будем говорить как два жреца.

Жрец склонился в знак послушания.

— Два года — это немного,— продолжал фараон.— Ведомы ли тебе тайны Тота?

— Ведомы, Великий Дом,— спокойно ответил жрец.

— Тогда слушай, и потом скажешь мне все, что открыла тебе премудрость Носатого,— приказал фараон.

Огонек мелькнул в непроницаемых глазах жреца, точно искра, высеченная в черном кремне.

Джедефра говорил медленно, стараясь придать словам тяжесть и прочность бронзы.

Он хочет быть продолжателем великого Джосера. Страна обеднела, постройка великой пирамиды отняла прежние богатства. Повсюду недовольство, и только страх, оставшийся после царствования Хуфу, еще сдерживает гнев знатных людей и голод бедняков. Нужно дать богатства знати и хлеб земледельцам. Но в сокровищнице бога мало золота, каналы и плотины попорчены, так как оставались долго без ухода и починки. Презренные негры страны Нуб, согнутые прежде в покорности, теперь осмелели настолько, что разрушили Дом Снофру — стену в пятьдесят локтей длиной, воздвигнутую на южных границах Та-Кем. Теперь эта сильная крепость больше не угрожает неграм: они добывают золото не для Та-Кем, а для себя, у самой стены.

[1] *Жизнь, здоровье, сила,*— обязательная приставка ко всякому упоминанию фараона.

[2] *Носатый* — фамильярное название бога Тота, изображавшегося с головой ибиса.

Чтобы найти дорогу истины, фараон хочет знать о других странах, окружающих Та-Кем, до самых пределов Великой Дуги. Какие сокровища можно добыть оттуда? Куда нужно послать верных и отважных людей? Если же, кроме жалких негров, на краю Великой Дуги обитают только духи... тогда нужно искать иные пути для поднятия могущества Та-Кем!

Джедефра замолчал и вопросительно посмотрел на жреца. Тот выждал несколько минут и заговорил:

— Одиннадцатая из сорока двух великих и тайных книг, называемых «Души Ра», содержит перечень всех местностей и учение о том, что они заключают в себе. Писец ее — сам Тот[1]. Но разве Великому Дому не известно завещание его предка Нетерхета-Джосера?

Жрец заметил удивление, мелькнувшее в лице Джедефра, и быстро спросил:

— Неужели верховный жрец Ра не сказал об этом?

Джедефра поднялся, лицо его стало грозным:

— Я хочу видеть завещание теперь же! Где скрыто оно? В его высоте?

— Да, на этой плоской горе, против Белой Стены,— ответил жрец и заглянул в окно.— Ра вступает[2],— продолжал он,— во время жатвы[3] ночь хороша для пути.

Жрец опустил глаза и, отойдя в угол комнаты, безмолвно и бесстрастно уселся на ковре.

По зову фараона молчаливые комнаты ожили.

Просторное судно с высоко поднятой кормой поплыло вверх по широкой реке. Джедефра расположился на троне из черного дерева под навесом, раскрашенным в желтую и синюю клетку, цвета царского покрывала. Четыре светлокожих гиганта-ливийца, стоя наготове с луками и секирами, охраняли священную особу царя.

Плавание должно было занять весь вечер и часть ночи: от дворца фараона до столицы страны — города Белых Стен — было не меньше шестидесяти тысяч локтей.

Медленно проплывали мимо унылые берега — ровные крутые уступы плоскогорья западной пустыни, болотные заросли восточного берега. Мертвые склоны долины казались издали лишь невысокой, красной в лучах опускающегося солнца полоской. Между ней и рекой колыхалось обширное зеленое пространство густой болотной растительности. Кое-где поблескивали озерки воды. Группы высоких пальм трепетали темными перистыми кронами, чеканно выделяясь в золотистом небе.

Под ветром высокая трава сгибалась, словно серебряные волны широко катились по сплошным зарослям осок.

Стройные «дары реки» — папирусы стояли в самой воде, поднимая звездчатые метелки из узких листьев почти на два человеческих роста, а около них были разбросаны крупные яркие чаши голубых и белых лотосов.

Временами пальмы образовывали небольшие рощи; за кольчатыми стволами виднелись низенькие, скученные домики, построенные из зеленовато-серого нильского ила. На плоских крышах некоторых домов расположились отдыхать семьи земледельцев. Кое-кто уже спал, завернувшись в мягкие циновки из папируса, другие еще доканчивали скудный ужин из стеблей того же папируса, политых касторовым маслом. При

[1] Подлинный текст.

[2] *Ра* — имя бога солнца; в Древнем Царстве — верховное божество. *Ра вступает* (подразумевается — в западные края)— солнце садится.

[3] *Время жатвы, время наводнения, время посева* — три основных времени года у египтян.

виде барки фараона люди проворно поворачивались к реке и утыкались лбами в глину крыши или в мягкую пыль вытоптанной вокруг домов земли.

Солнце зашло, закат быстро мерк, ослабевший ветер стал прохладным. Фараон встал, нарушив молчание:

— Я сделался усталым, сердце мое следует дремоте![1].

Джедефра удалился в каюту на корме в сопровождении хранителя сандалий. Кормчий потряс жезлом, и весла послушных гребцов стали осторожней опускаться в воду.

Жрец направился на плоский нос судна, низко нависший над водой, где стоял помощник кормчего с шестом, беспрерывно измерявший глубину. До восхода луны необходимо было плыть с осторожностью. Река изобиловала мелями, часто менявшими свое место и неведомыми даже самому опытному кормчему.

В сумеречном воздухе быстро замелькали неясные мечущиеся тени — множество летучих мышей вылетело из своих дневных убежищ. Слева, из-за темной стены скалистого берега, медленно поднималась ущербная луна. Ее красные высокие рога первыми бросили дробящийся свет на гладь широкой реки[2], черные полосы теней вонзились в освещенный край пустыни.

Луна поднималась все выше, свет ее принимал все более яркий блеск серебра, и наполнявшая долину темнота быстро отступала к северу.

Жрец стоял на носу судна, глубоко задумавшись.

Он думал о том, что завещание Джосера не исполнилось. Могучий фараон, создавший единое и крепкое государство, вместе с могуществом заложил и другие семена, которые могут дать гибельные всходы. Старое главенство бога наук, письма и искусства Тота уступило место богу солнца Ра, символу безграничной власти, отождествленной с личностью фараона.

Было понятно, почему жрецы Ра, давно оттеснявшие от фараона служителей Тота, скрыли завещание.

Совсем близко на песчаной отмели раздался громкий всплеск. Огромный эмсех — крокодил — показал в свете луны свою гребнистую спину, и расходящиеся перед его головой волны заблестели, развертываясь серебряным веером. Жрец невольно оглянулся и с минуту провожал глазами священное животное. Потом вернулся к своим мыслям.

Новый фараон сам позвал жрецов Тота. Значит, ему не хочется править по указке жрецов Ра. Он пытается сам найти свой путь, ищет советника. Это разумно и хорошо; хорошо потому, что таким советником может стать он, верховный жрец Тота — Мен-Кау-Тот.

Тогда возродится былая слава и сила жрецов Тота, умножится их число и богатства... Настало время, ибо плохо стало в стране, обедневшей во время владычества Хуфу: новый фараон не знает, что делать, как стать настоящим владыкой. Недаром хранители божественной премудрости не должны открывать всего фараону, чтобы противопоставлять воле владыки мудрость вечного знания, обуздывать власть и силу...

Уже давно ушел помощник кормчего, судно шло быстрее, а жрец все еще размышлял в тишине.

Вдали послышался громкий лай собак. Изредка пронзительные вопли ослов прорезали ночной мрак — судно приближалось к Белой Стене,

---

[1] Подлинный текст.

[2] В южных странах серп луны занимает горизонтальное положение.

и по берегу реки тянулись дворцовые имения и сады храмов столицы.

Пробудившийся фараон появился на палубе и приказал войти в столицу тайно. Судно причалило к большой каменной площадке у храма сокола Гора[1], близ северной оконечности города.

Джедефра сел в кресло-носилки, и дюжие негры быстро понесли фараона через сонную окраину. Кривые и тесные пыльные улицы были ограждены ветхими глинобитными стенами сливавшихся друг с другом домов. Небольшая охрана фараона, пользуясь лунным светом, шла без факелов.

Дома по сторонам становились реже, улица расширялась. Внезапно перед глазами идущих открылся пологий подъем, усыпанный остроугольными камнями и испещренный черными пятнами теней. Справа слабо блестела река, а налево подъем переходил в плоскую возвышенность, за которой неясно обозначались размытые обрывы и бугры песков. Оттуда доносились хохот гиен и стонущие вопли шакалов. Перед обрывом, пересекая наискось возвышенность, резко выделялся огромный прямоугольник рубчатых белых стен. В центре прямоугольника поднималась на сотню локтей ступенчатая пирамида. Под луной ее белый цвет казался чистым и матовым, тени на уступах лежали рядами горизонтальных черных полос. С правой стороны пирамиды над стенами выступали крыши каких-то построек.

Под тяжелой поступью носильщиков хрустел песок, нанесенный ветром на плиты старой дороги, проложенной еще во время постройки. Пирамида приближалась, вырастая над окружающей местностью; уже можно было различить скошенные ребра ее уступов. У ближайшего, юго-восточного, угла стены несколько низких чахлых деревьев обозначали место входа. Под деревьями стояла низенькая мазанка сторожей.

Шествие приблизилось к стенам, сложенным из крупных кусков известняка. В четыре человеческих роста высотой, с выступами в виде вертикальных брусьев, стена производила впечатление несокрушимой прочности.

Из домика выскочили две темные фигуры и в страхе упали в пыль перед фараоном. Стройные белые полуколонны, похожие на связки крупных стеблей папируса, подпирали над входом плоскую плиту с насечкой в виде фестонов. Высокое дверное отверстие прижималось вплотную к левой колонне.

Зажгли факелы. При неровном вихрящемся свете Джедефра вошел в дверной проход следом за жрецом и телохранителями. Дальше начинался длинный коридор, обрамленный множеством столбов, в сечении имевших форму длинных овалов. На закруглениях колонн были продольные валики в виде стеблей папируса. Между широкими стенообразными сторонами колонн царил глубокий мрак. В просветы, сделанные в кровле, лился косой лунный свет.

Коридор вывел пришедших на гладкий большой двор, обсаженный раскидистыми и корявыми сикоморами[2]. На плитах двора лежал толстый слой нанесенного ветром песка. Огромная пирамида замыкала задний конец двора. Разбуженные шумом и светом факелов хищные птицы поднялись в воздух, издавая пронзительные клокочущие крики. Глаза сов заблестели в темных впадинах крыш и стен, летучие мыши носились взад и вперед над двором.

---

[1] *Гор* — верховное древнее божество, изображавшееся в виде сокола. Произошло от родового тотема древних царей.

[2] *Сикомора* — фиговое дерево, смоковница.

Жрец взявший на себя роль проводника, повернул направо, потом назад и через короткий проход провел фараона на второй, меньший двор храма Львиного Хвоста (Хеб-Сед), построенного в честь одноименного праздника тридцатилетия царствования великого фараона.

Двор был заполнен гробницами приближенных и родственников Джосера. Как сундуки со слабо выпуклыми крышками, стояли они в ряд на своих пьедесталах.

Четыре тонкие, как пальмовые стволы, колонны лепились на фасаде каждой гробницы.

Таинственно и мрачно стояли эти тяжелые, наглухо закрытые ящики, с единственной узкой дверью посередине, сохраняя внутри весь жизненный обиход давно умерших любимцев фараона Джосера.

Храм Львиного Хвоста окончился. Новый узкий проход вывел пришельцев к восточной грани пирамиды. Справа за стеной колыхались ветром сикоморы. Ещё дальше, за деревьями, вновь поднимались массивные белые колонны двух гробниц: дочери фараона — принцессы Инт-Ка-С и матери Джосера Нимаат-Хапи. На стене, совсем близко от угла пирамиды, лепились столбики, увенчанные массивными изваяниями коршунов с опущенными крыльями. На груди каждой птицы зияло большое круглое отверстие. Ветер, врываясь в эти отверстия, производил мелодичные низкие звуки, полные глубокой печали. Казалось, что самые стены гробниц вечно плачут о похороненных в них женщинах.

Джедефра изумился искусной выдумке прославленного строителя, ученого врача и первого советника великого Джосера — премудрого Имхотепа.

У подошвы пирамиды с северной стороны располагался храм самого Джосера. На шум оттуда вышло несколько почти обнаженных жрецов, поспешно и безмолвно отступивших в тьму боковых проходов.

Жрец повел фараона через короткие запутанные переходы и перегородки между черными, расписанными золотом и синью колоннами в глубь храма.

Незаметно они очутились внутри пирамиды. Впереди чернел коридор, ведший в камеру с саркофагом фараона. Жрец остановился перед плитой из красного гранита. На левой стене вырисовывался барельеф фараона с занесенной над головой палицей. Жрец быстро притронулся к палице.

Гранитная плита повернулась, встала ребром поперек прохода, под ней зачернела пустота. Вниз вели широкие ступени. Жрец быстро спустился, освещая путь фараону. Джедефра последовал за ним, осторожно поддерживаемый телохранителями, и очутился в просторной квадратной комнате, расположенной как раз под саркофагом Джосера и высеченной прямо в скале.

Джедефра приказал своим слугам удалиться обратно в коридор и, оставшись вдвоем с жрецом, огляделся.

Вся стена подземной комнаты была покрыта плитками зеленого фаянса, углубленными посередине и увеличивавшими отражение пламени факелов.

Выкрашенный в темно-синюю краску потолок, казалось, уходил высоко вверх, и написанные на нем золотом изображения как будто парили в ночном небе. Налево в стене была неглубокая ниша, впереди которой стояла известняковая статуя фараона Джосера.

Великий Нетерхет-Джосер сидел на своем простом троне, высоко подняв подбородок, прижав одну руку к груди, а другую свободно положив на колени. Голову обрамлял полосатый царский платок, высеченный грубыми деталями. Застывшее скуластое лицо фараона, с низким лбом, при-

плюснутым носом и выпяченным крупным ртом, было исполнено силы. Костлявые челюсти, сведенные напряжением, говорили о непреклонной воле. Большие, глубоко посаженные глаза были сделаны из черного полупрозрачного камня, зрачок из серебра, белки покрыты эмалью, а веки и брови обозначены черной медью.

Красные огоньки светильников мелькали в этих необыкновенно живых глазах, придавая взгляду статуи зловещее упорство. Окрашенные в темно-коричневый цвет лицо и руки резко выделялись на белом камне.

Два фараона Черной Земли встретились взглядами — два олицетворения всемогущей земной власти.

Со смутной тревогой Джедефра отвернулся и посмотрел в ту сторону, куда вечно обречены были смотреть неподвижные глаза Джосера. Там, в рамке из светлых фаянсовых плиток с изображениями сокола, высилась обнаженная и отполированная часть каменной стены, испещренная глубоко врезанными иероглифами, покрытыми зеленой краской — цветом, воскрешающим мертвое.

По сторонам стояли две тончайшие вазы древней работы с именем богини Маат[1], вырезанные из цельных кусков горного хрусталя. Рядом с вазами оба простенка охраняли две большие бронзовые статуи сокола Гора с головами, отлитыми из золота, и глазами из красного камня. Птицы, увенчанные сложными золотыми коронами, сидели совершенно симметрично, обратив друг к другу хищные загнутые клювы. Сходство статуй с живой натурой было так велико, что невозможно было не верить в действительность существования таких громадных соколов. Полированные выпуклые глаза блестели пронзительно и надменно.

Джедефра глухо сказал жрецу:

— Надпись сделана священным письмом, тебе знакомым. Читай!

Жрец свободно разбирал особый, секретный шрифт, которым иногда делались надписи, составлявшие тайну для непосвященных. Он быстро и громко начал чтение. В душной темноте подземелья, под глухое потрескивание светильников звучали отрывистые, иногда щелкающие звуки языка Та-Кем, выражавшие последнюю волю умершего более ста лет назад Джосера.

— «...Я был в моем дворце в великом беспокойстве,— читал жрец,— ибо река не поднималась семь лет и страна находилась в величайшей нужде. Тогда я собрался с сердцем и спросил премудрого Имхотепа, где находится родина Хапи[2] и какой бог там правит. Имхотеп ответил: «Мне необходимо обратиться к богу. Я должен пойти в хранилище Тота и справиться в «Душах Ра». Он пошел и вскоре вернулся и рассказал мне о поднятии реки и о всех вещах, с этим связанных: он открыл мне чудеса, к которым не был ещё указан путь никому из царей изначала...»[3].

Жрец сделал паузу. Фараон быстро спросил:

— Разве Нетерхет-Джосер не ходил по прекрасным путям, по которым ходят достойные? Почему мудрец открыл ему тайны только в большой беде?

Взгляд жреца стал тяжелым и пристальным, он погрузил его, словно копье, в глаза Джедефра.

— Великое знание,— медленно заговорил он,— опасно, если открыто для не умеющих держать сердце свое. И мудрец, если царь не пойдет по дороге бога, может многое исправить...

---

[1] *Маат* — «видящая», богиня истины.

[2] Хапи — так называли египтяне Нил.

[3] Подлинная надпись в переводе академика Б. А. Тураева.

Джедефра шумно вздохнул, загораясь гневом.

Жрец поспешно закончил:

— Великий Имхотеп открыл царю тайны в час бедствия. Раньше в этом не было нужды...

Джедефра сдержал себя и знаком велел жрецу читать дальше.

Голос жреца развертывал перед фараоном волшебные дали неведомых стран. Джедефра узнал, что жизнь его страны — могучая река Хапи — вовсе не вытекает из двух пещер на краю Великой Дуги. Далеко на юге она берет свое начало в беспредельных болотах, а из гор таинственного Та-Нутер течет вторая река прозрачно-голубой воды[1], которая вливается в Хапи выше последней шестой ступени. Дожди необычайной силы льют в стране Пунт все время наводнения, и голубая река дает тот подъем воды на двенадцать локтей, от которого зависит жизнь его страны. Если воды поднимаются на два локтя ниже — страна Та-Кем обрекается на голод.

Шесть огромных каменных ступеней-порогов ведут к месту слияния обеих рек; первый — у границ Кемт, на острове Неб.

И еще узнал фараон Джедефра, что мир велик и населен множеством народов. За песками восточных пустынь, между двумя могучими реками, живет оседлый и многочисленный народ, не уступающий в познаниях народу Та-Кем[2]. Позади Та-Кем, на Великом Зеленом море, есть большая страна с многочисленным населением. Там есть города с величественными постройками[3]. Таинственные обитатели этих городов покрывают стены непонятными письменами, создают искусные изображения зверей и людей.

— «Нетерхет-Джосер говорит для своих потомков, повелевая им помнить об этом. В трудный час Черной Земли можно повернуть силы Кемт на покорение стран, и народы их отдадут свои богатства.

Тяжелы пути по земле — только Великая Дуга, покоряясь смелым сердцам, проносит людей на необъятные расстояния и соединяет их между собою. В покорении Великой Дуги — будущее счастье земли Кемт, в познании всей необъятности мира — ее мудрость, в хорошем и многочисленном флоте — сила. Строй суда, способные бороться с морем, как то открыто мне премудростью Имхотепа...

Укрепи свое сердце и следуй по этому истинному пути...»

В подземелье становилось душно. Мелькающие блики факелов, дробившиеся на тысячи светлых пятен в глазури изразцов, упорный жуткий взгляд статуи Джосера, пронзительные красные глаза золотых птиц, торжественно размеренный голос жреца, слова, падавшие, как камни... Джедефра почувствовал, как воля его слабеет и он, владыка, становится мальчиком на берегу безбрежного моря, жадно раскрытыми глазами смотрящим в неведомую даль... Фараон знал о сэтэп-са, могучем гипнотическом воздействии, которое умели применять жрецы. Джедефра собрал волю и стукнул своим посохом в пол.

— Ты прочел мне все? — спросил он вздрогнувшего жреца.

— Да, все, Великий Дом,— поспешно ответил жрец. Горящие глаза его погасли, морщины усталости легли вокруг рта.

Бряцая оружием, телохранители зашевелились у лестницы. Джедефра в последний раз осмотрел тайное подземелье и направился к выходу.

Прозрачное, сияющее утро заглядывало в просветы крыши храма

---

[1] Голубой Нил.

[2] *Шумеро* — вавилонская культура в Двуречье.

[3] Критская культура на острове Крит.

Джосера. В просторе развернувшейся справа долины, у подножия сверкающей белой пирамиды, зеленая подземная комната показалась сном.

Джедефра благосклонно кивнул жрецу, остановившемуся в почтительной позе у входа в храм.

— Я пошлю своего казначея на юг, в Пунт, и дальше, в Страну Духов, узнать край Великой Дуги... Доволен ли ты?

Жрец молча поклонился фараону.

— Тогда ответь мне еще! Знаешь ли ты, где находится храм Тота, в котором хранятся тайные книги, планы и вещи из дальних стран?

— Храм бога Тота, Великий Дом, в котором были планы и «Души Ра»,— это тайна Имхотепа...

— Тебе неведомая? — резко спросил Джедефра, проницательно взглянув на жреца.

— Я только след на пыли от ног великого мудреца,— бесстрастно ответил жрец.

Фараон отвернулся, жестом подозвал рабов с носилками. Жрец проводил фараона через дворы храмов до выхода из наружной стены и остался, скрестив руки, в дверном проходе.

Неподвижный, подобно статуе, он следил, как слегка покачивались носилки Джедефра на дороге к городу Белой Стены.

Двое юношей в одних набедренных повязках широко шагали по обе стороны носилок. Они несли на длинных шестах полукруглые опахала.

Юноши держали их так, что голова фараона всегда находилась в тени.

Золотые основания опахал, ручки носилок, отделка сидений фараона, полированная медь оружия телохранителей сверкали на открытом склоне в ярком солнце.

Шествие скрылось за первыми домиками, и жрец пошел обратно в храм Джосера, согбенный, в раздумье.

Жрецы храма окружили его, и самый старший почтительно приблизился.

— Ты хочешь знать, почему я открыл тайную комнату фараону? — спросил жрец, не дожидаясь вопроса старика.

— Именно так, мудрый Мен-Кау-Тот!

— Для подчинения нам фараона, для возвеличения нас, служителей Тота! — громко сказал жрец, названный Мен-Кау-Тотом.— Все больше уходят от власти служители Тота,— продолжал Мен-Кау-Тот.— Его величество, жизнь, здоровье, сила,— молод. Совет отца мудрости Имхотепа — ибо кто, как не он, говорит через Джосера! — поможет ему идти праведно, так, как это считаем мы. А может быть, и не будет так. Жрецы Ра давно помышляют о господстве бога солнца в стране Кемт. Давно боремся мы с ними за власть и богатство, за почет нашим богам, какой был в древние времена Нармера[1]. То ведомо тебе...

— Слушаю и запираю рот свой,— тихо ответил старый жрец.— Ты мудр, как и надлежит быть великому начальнику мастеров...

В это время утомленный фараон, покачиваясь на носилках, тоже размышлял о виденном. Огромная надпись с завещанием Джосера неотступно стояла перед его глазами.

«Я построю много судов,— размышлял Джедефра,— по сто локтей в длину. Для Черной Земли близкими станут Зеленое море и страны Иаа[2] за

---

[1] *Нармер*, или *Менес*, иначе *Аха* (3400 г. до н. э.)— первый фараон, объединивший под своей властью обе страны — Верхний и Нижний Египет. Считается основателем династий фараонов.

[2] *Иаа* — страна за Красным морем, часть Синайского полуострова.

Лазурными Водами... Трус тот, кто прогнан со своей границы,— я согну трусов, разобью бродячие народы и заставлю работать для Черной Земли...»

Приветственные клики помешали фараону размышлять дальше. Над воротами большого дворца трепетали флаги на высоких шестах. Красная корона над входом обозначала, что это северные ворота.

Фараон удалился на омовение и отдых, приказав позвать к себе чати — главу над всеми царскими работами (то есть главного строителя и первого сановника) — и одного из двух «казначеев бога», заведовавших сокровищницей Верхней и Нижней Кемт.

Когда Джедефра вошел в тронный зал, оба вельможи уже ждали своего владыку. По знаку фараона первым приблизился казначей бога Баурджед. Это был совсем еще молодой человек. Его гладкая бронзовая кожа оттенялась простым белым передником. Пестрый воротник обнимал шею и плечи. Широкое лицо с горбатым носом и твердым ртом, обрамленное витыми прядями короткого парика, дышало энергией.

Баурджед упал к ногам фараона. Джедефра оказал ему особую милость, разрешив поцеловать свою ногу вместо праха у ног царя, как это следовало по обычаю. Затем, по воле Джедефра, Баурджед приподнялся и остался коленопреклоненным у подножия трона.

— Ты посетил чужие страны, ты перешел пространства,— начал фараон.— Мое величество довольно в своем сердце: ты привел с Зеленого моря двадцать кораблей с кедром для храмов и дворцов, ты был у озер Змея[1] и врат Юга. Теперь надлежит тебе следовать в Пунт и быть оком фараона в этой неведомой нам стране духов. Из Пунта надлежит тебе проникнуть еще дальше на юг, до пределов земли на берегах Великой Дуги.— Джедефра умолк, выжидательно глядя на Баурджеда.

Тот вздрогнул, приподняв голову, мускулы его напряглись, и лицо приняло желтоватый оттенок. Но почти мгновенно молодой человек справился с собой и бесстрастно поник головой.

— Какой избрать путь для следования,— продолжал фараон,— предоставляем тебе: плыть Лазурными Водами или же идти через страны Вават и Иэртет[2], вверх через ступени Хапи. Спроси совета у мудрого Мен-Кау-Тота... Через два дня придешь ко мне, и я дам тебе ту силу, какая потребуется.

Джедефра замолчал и велел приблизиться чати — главному строителю.

Баурджед поспешно вышел из зала. Приказ фараона застал его врасплох, он никак не мог ожидать такого поручения. Неведомый путь в безмерную даль, в пугающую Страну Духов... Что может быть страшнее для сына Кемт, чем возможность погибнуть на чужбине, без погребения по магическим обрядам, обеспечивающим душе вечность!

Оглушенный и растерянный, Баурджед прислонился к деревянной колонне и долго стоял, пока не овладел собою.

Джедефра и чати долго беседовали в опустевшем зале. Фараон, удалив всех присутствующих, немедленно приказал главе работ сесть рядом с собою, без всякого этикета. Чати, тучный и низкорослый, выпячивая круглые глаза, снял парик, обнажив лысое плоское темя.

Наступил вечер. Фараон повел своего приближенного в покои и продолжал беседу за ужином.

Джедефра хотел что-нибудь сделать для расширения пришедшей в

---

[1] *Озера Змея* — озера на Суэцком перешейке.

[2] *Вават* и *Иэртет* — части современной Нубии на отрезке долины Нила между Асуаном и Хартумом.

упадок оросительной системы. Завещание великого Джосера неотступно стояло перед ним, указывая путь к великой славе. Его отец Хуфу построил величайшую пирамиду, а память его проклинает множество людей, ненависть реет над его могилой — нет, это не слава! Молодой фараон понимал, что ему не придумать лучше сказанного в завещании, где опыт выдающегося правителя Черной Земли соединился с мудростью Имхотепа.

Джедефра чувствовал, что нужно торопиться. Причина неопределенной тревоги, оставшейся после разговора с великим ясновидцем, теперь стала яснее для фараона. Он начинал понимать борьбу разных сил за власть и богатство, происходившую в государстве, борьбу, в которой жрецы, объединяясь с частью знатных людей, играли главную роль. Если он хочет повернуть к былым временам Джосера, то его поддержат богатые владельцы земель в сепах — провинциях — и жрецы Тота. Но тогда он пойдет наперекор намерениям жрецов Ра, поставивших его у власти. Могущество Ра ему хорошо известно, а с ними ведь вся знать столицы, армия чиновников и еще одна сила — жрецы Пта. Опасно вступить в эту борьбу. Нужно до времени скрывать свои намерения, укрепляясь в решении...

Чати, осторожный и хитрый вельможа, не противоречил фараону, но старался охладить молодого владыку, указывая на неисчислимые трудности возобновления строительных работ в провинциях, когда все рабочие государства оказались сосредоточенными в области столицы, а окраины обеднели, и сокровищница бога уже не может собрать нужных средств.

В то время как Джедефра совещался с чати, Баурджед в тоске одиноко сидел на берегу реки, не смея вернуться домой. Ему не могло прийти в голову попытаться изменить приказ фараона, это веление живого бога. Как истинный сын Черной Земли, молодой казначей только свою страну мыслил местом своей жизни и смерти. За что посылают ему боги такое тяжкое испытание?

За спиной Баурджеда послышался шорох.

Казначей обернулся и увидел старшего кормчего своего корабля. Он вспомнил, что еще вчера послал ему приказание прийти. Уахенеб почтительно склонился перед Баурджедом:

— Я помешал тебе в размышлении, господин... Вестник передал мне твое повеление...

— Нет, хорошо, что ты пришел, Уахенеб! Ты будешь нужен мне... Его величество, жизнь, здоровье, сила, повелел мне идти вверх, в Страну Духов, пока не достигну я края земли, и не возвращаться в Та-Кем, не проникнув на юг, до самой Великой Дуги...

Кормчий, при упоминании фараона склонившийся еще ниже, отшатнулся.

— Я беру тебя и других, ходивших со мной на Зеленое море, опытных в путешествиях,— продолжал Баурджед, пристально вглядываясь в лицо кормчего с неосознанным желанием найти в нем выражение растерянности и ужаса. Но кормчий оправился, и его суровое лицо не отразило желанного Баурджеду страха.

— Что же ты молчишь, Уахенеб? — недовольно спросил молодой казначей.— Разве тебя не страшит гибель там, так далеко от Черной Земли?

— Страшно остаться без погребения далеко от гробниц предков,— тихо сказал суровый кормчий.— Я маленький, сын простого человека, и мое дело повиноваться... Но я знаю — давно живет в народе мечта о богатом Пунте, стране, где никто не согнут страхом и голодом, где широка земля и множество деревьев со сладкими плодами... Нет больше страха,

как погибнуть в дороге, но не будет и большей славы в веках, если проложить туда пути для сынов Черной Земли... — Уахенеб оборвал речь, сверкнувшие было глаза его потухли.

— Хорошо,— сказал удивленный Баурджед.— Ты храбр и закален в странствиях... Я призывал тебя для другого дела, еще не зная воли Великого Дома. Можешь идти в дом свой, я опять позову тебя, когда будет нужно.

Молодой казначей проводил взглядом уходившего кормчего. Короткий разговор с суровым Уахенебом как будто облегчил его душу. Может быть, Баурджед почувствовал себя менее одиноким, вспомнив, что сотни верных людей будут служить ему в пути. Может быть, выполнение воли фараона стало казаться не столь безнадежным.

И еще смутная досада на самого себя придала твердости Баурджеду. Казначей сознавал, что он знатный и могущественный вельможа, оказался в чем-то слабее своего кормчего — простого человека, встретившего страшный приказ с подобающим воину мужеством и спокойствием.

Несколько успокоившись, молодой казначей медленно направился к дому. Но бурное отчаяние его юной жены снова повергло Баурджеда в смятение. Он не смог скрыть от нее страшную правду...

После слез и исступленных воплей, после нежной мольбы молодая женщина бросилась в храмы, обратившись к помощи богов.

Вместе с Баурджедом она склонялась в полутемных святилищах перед звероголовыми изображениями тех, кто должен был спасти Баурджеда от судьбы, изменив ее, и дать другое направление мыслям фараона.

Страшные, выкрашенные в черный и темно-красный цвет статуи богов-зверей сидели перед молодой четой в пугающей неподвижности. И оба невольно вздыхали с облегчением, выходя на солнечный свет из храма, в котором оба чувствовали себя одинокими, придавленными и отвергнутыми, несмотря на льстивые уверения жрецов.

Тоска, снедавшая молодого казначея, только усилилась, когда поздно вечером они с женой вернулись в свой богатый и уютный дом. И Баурджед снова ощутил бы недовольство собой, если бы мог узнать, что делалось в это время в домике Уахенеба, стоявшем у самого берега, на нижней окраине города. Когда явившийся домой кормчий рассказал жене о плавании, предстоящем ему, та испугалась, но быстро овладела собою. Еще крепкая сорокалетняя женщина, вырастившая троих детей, она привыкла к невзгодам жизни без Уахенеба, так часто отлучавшегося в свои плавания. Тут было иное: страшная угроза нависла над небогатым, но благополучным существованием всей семьи. И все же жена Уахенеба старалась не показать мужу своей жестокой тревоги, зная, что он ничем не сможет помочь ни ей, ни себе.

Уложив мужа отдохнуть, она принялась стряпать; достала пива, созвала друзей. И в этот вечер на маленьком дворе Уахенеба долго не смолкал шум возбужденных разговоров, воспоминаний о перенесенных опасностях, бодрящих напевов, что помогают жить морякам, земледельцам и водителям караванов через безотрадные, мертвые пустыни...

Отчаяние, слезы и мольбы перед богами не помогли: в назначенный срок Баурджед предстал перед фараоном. Долгая беседа со жрецом Тота Мен-Кау-Тотом ободрила молодого человека. После наставлений жреца Баурджед получил надежду на возвращение, хотя в доме его оплакивали, как идущего на верную гибель.

— Я повелел казначею севера освободить тебя от забот,— сказал Джедефра.

Баурджед ничего не ответил.

— Какой же путь ты избрал? — продолжал фараон.

— Я думал идти вверх,— ответил Баурджед,— но мудрый Мен-Кау-Тот отсоветовал мне. Я поплыву Лазурными Водами — так будет скорее...

Джедефра удовлетворенно наклонил голову.

— Я прикажу рабам умастить тебя. Пошли в гавань Суу[1] мой приказ впереди себя, чтобы лучшие суда прибыли туда от озер Змея и стояли в готовности. Возьми лучших воинов, рабов, опытных в плавании, оружия, продовольствия и сокровищ, сколько понадобится. И не медли с отправлением — путь невообразимо далек, ни один из сынов Черной Земли не дерзал еще совершить его... А я хочу, чтобы ты вернулся быстрее. Весть об открытии пути в землю богов ободрит голодных, богатства, которые ты привезешь, успокоят вожделения знатных. До пределов мира достигнет власть Черной Земли, и польются богатства в нее потоком, подобным Хапи. Богатства, взятые из чужой страны, скорее приведут Та-Кем к новой силе, чем долгая постройка каналов и плотин. Вот почему на тебя большая надежда. Будь смел, как подобает сыну Та-Кем и твоему высокому назначению. И обнимешь ты детей своих, успокоишься в гробнице своей[2]. А я позабочусь, чтобы гробница была достойна тебя! — Неподвижное лицо фараона осветилось благосклонной улыбкой.

Баурджед, припав к ногам владыки, благодарил Джедефра и удостоился новых знаков милости.

Большая толпа собралась у истертых ступеней, сходивших к реке против главной торговой площади. Три больших грузовых судна медленно выплыли на середину реки. Борясь с течением, гребцы ударяли по воде, и легкие брызги искрились на солнце вокруг мерно качавшихся желтых весел.

Все стоявшие у пристани отдельными кучками: сановники и жрецы, воины, густо усеявшие площадь и берег толпы простого народа и только что закончившие погрузку рабы — все были по-разному взволнованы отправлением невиданной экспедиции. Многоголосый шум толпы то стихал, то снова усиливался, заставляя недовольно хмуриться группу вельмож и жрецов, стоявших у северного края причала.

Многие смотрели на отъезжавших с тревогой и сожалением, как бы не сомневаясь в неизбежной гибели храбрецов. Другие оживленно переговаривались, высказывая смелые надежды. Нашлись и такие, которые завидовали отправляющимся и хотели бы быть в их числе. Их было больше всего среди бедных ремесленников и садоводов столицы, в особенности молодых, еще не смирившихся с однообразием своего тяжелого ежедневного труда.

За судами, уходящими из пределов страны, молчаливо и грустно следили рабы, которым суждено было кончить здесь свои дни в унижении и плену.

Не раз слишком отважные возгласы, раздававшиеся в толпе, заставляли людей испуганно оглядываться назад. Там, вдали, на балконе дворца, подпертом высокими столбами, невидимый в глубокой тени навеса, присутствовал сам живой бог, фараон, даже имя которого не смел произнести житель Кемт...

На каждой мачте, составленной из двух высоких, сходящихся квер-

---

[1] *Гавань Суу* — ныне Коссейр на Красном море.

[2] Обычная древнеегипетская формула благополучия.

ху стволов, поднялись огромные квадратные паруса. Мастер паруса, большой Нехси, сидевший высоко на корме, потянул за веревки — широкая рея повернулась, и парус надулся. Кормщики-негры навалились на рулевые весла, привязанные по два с каждой стороны высокой кормы. Суда стали быстро удаляться от города Белых Стен.

Баурджед с кормы головного судна жадно вглядывался в берег. Городские постройки медленно принимали туманные, нерезкие очертания.

Уже около часа шли суда вверх по реке, а все еще позади, на левом берегу, можно было различить далекую зелень пальм и над нею едва заметную белую полоску. Но вот долина повернула прямо на юг, красноватые обрывистые скалы выдвинулись справа и закрыли отдаленный низкий берег...

День за днем плыли суда мимо сел и городов. Низменности сменялись скалами. Ничто не нарушало дневного покоя безлюдных болот, дремавших в жарком солнце. Северный ветер — друг Черной Земли — дул почти непрерывно, ослабевая лишь к рассвету, и днем снова возобновлял свою благодатную деятельность.

До зимней прохлады было еще далеко, и птицы не скоплялись на реке в таком несметном количестве, как во время наводнения.

Великолепные цапли поднимали вверх свои гибкие шеи и смотрели на проходившие суда зоркими, ясными глазами. Священные птицы Тота[1] иногда проносились над судами к радости всех, веривших, что их тяжелый, угловатый полет сулит удачу и доброе напутствие. Временами встречные суда сообщали новости из провинции Юга, и надрывные голоса разносились по реке, пока не замирали вдали. Десять из сорока двух сепов — провинций обеих стран[2] — уже были пройдены Баурджедом на пути от столицы государства.

Выше по реке долина снова расширялась, отклоняясь на восток,— начиналась провинция Антилоп. С древних времен здесь среди домашнего скота преобладали антилопы разных пород.

Суда проходили близко от каменоломен, в которых трудилось множество рабов. У самой воды люди пилили камни, превращая грубо обтесанные глыбы в гладкие, правильные плиты и брусья.

Длинные медные пилы сверкали на солнце, с визгом и скрежетом врезаясь в камень при помощи беспрерывно подсыпаемого мокрого песка. Черные и бронзовые тела голых рабов блестели от пота.

Одного раба били палками, растянув во всю длину на горячем прибрежном песке.

Спутники Баурджеда равнодушно смотрели на привычное зрелище: раб, военнопленный, назывался в стране Кемт «живой убитый» — между ним и настоящими людьми лежала тень смерти, не дававшая ему того права на жизнь, которым обладали роме, истинные сыны Черной Земли.

Суда экспедиции повернули к левому берегу, в тихую воду, пересеченную длинными выступами зарослей тростников и папируса. Вода реки уже стала прозрачной, папирусы качали свои опахала, туманно отражаясь на ее желтоватой поверхности. Внезапно из-за изгиба колеблющейся зеленой стены показались две лодки из связок стеблей папируса, с изогнутыми, как гусиные шеи, кормами и длинными носами. На той, что была ближе к судам, величественный бородатый мужчина с копьем в руке всматривался в чащу зарослей.

---

[1] *Священные птицы Тота* — ибисы.

[2] Первоначально раздельное существование Верхнего и Нижнего Египта очень долго отражалось в государственных названиях.

Во второй лодке стройный юноша держал наготове круто изогнутый лук, а старый нубиец стоял на коленях на корме, уперев длинный шест в дно реки.

Мужчина, повернув лицо, стал вглядываться в суда, и Баурджед узнал Сенноджема — самого начальника Антилопьего сепа.

Лодки быстро подошли к судам. В это время с противоположного берега послышались крики. Там, где работали рабы, пилившие камни, забегали надсмотрщики в длинных пестрых одеяниях, с посохами в руках. Наказываемый палками человек вырвался из крепких рук своих мучителей и мгновенно бросился в реку. Он был, по-видимому, незаурядным пловцом — так легко и быстро рассекал он спокойную желтую гладь реки, лежа на боку, щекой к воде. Крокодилы не появлялись — они или не заметили еще пловца, или их было мало в этой области. Пловец быстро достиг середины реки и приблизился уже к левому берегу. Он плыл близко от судов, и Баурджед мог хорошо разглядеть беглеца. Это был ливиец — светлокожий, с большими синими глазами юноша, красивый той очаровательной, задумчивой, почти девической красотой, которая свойственна ливийцам в юном возрасте.

Обе лодки, стоявшие рядом, оказались между беглецом и берегом. Юноша, видимо сын Сенноджема, быстро натянул лук, и стрела, пущенная меткой и безжалостной рукой, глубоко вонзилась в бок ливийцу. Беглец слабо вскрикнул, обратив побелевшее лицо с огромными, широко раскрытыми глазами к лодкам. Несколько судорожных движений — и красивый раб скрылся под водой.

Сын начальника провинции улыбнулся и гордо вскинул голову, но отец, недовольно нахмурившись, обратился к нему с упреком:

— Напрасно ты сделал это! Наша земля и наши постройки требуют много рабочих рук. Это не мудро, и не годится для мужчины такая горячность.

— Достойный отец, ведь опоздай я с выстрелом, и раб уже скрылся бы в тростниках,— попытался оправдаться сын.

Сенноджем спрятал в бороде суровую усмешку:

— Мальчик, ты не знаешь, что из нашей страны некуда убежать. Страшные песчаные горы хранят границу на западе — этот безумец не прожил бы и дня в пламенном зное. Наши воды стерегут крокодилы, заросли — гиены и львы. Не прошло бы двух дней, как беглец бы погиб, или же, что вернее, приполз бы обратно в плен, согнутый страхом и голодом.

Юноша виновато потупился, но отец продолжал:

— Ты ошибся, но это урок. А сейчас не будь печален и идем встречать знатного сановника — казначея самого Гора, фараона...

И начальник сепа первым взобрался на судно Баурджеда, подхваченный десятками раболепных рук.

Баурджед остановился на один день для отдыха в доме Сенноджема, окруженном чудесными садами.

Путь по родной стране был уже недолог — всего пять дней плавания оставалось до столицы древних царей Та-Кем. Там долина реки описывала крутую дугу и шла прямо на восток на протяжении трехсот тысяч локтей. Животворный Хапи глубоко врезался в пустыню, отделявшую Лазурные Воды от Черной Земли. От середины этой извилины до моря было не более четырехсот тысяч локтей, и здесь пролегал единственный путь к Лазурным Водам и дальше — в древние медные рудники на северо-востоке, в стране Ретену.

Этой дорогой ходили очень редко, раз в десятки лет, только большими

военными караванами. Трудности пути через пустыню были очень велики.

Только самая неотложная необходимость заставляла сынов Та-Кем идти в этот раскаленный ад. Даже великому Джосеру не удалась попытка вырыть колодцы на страшном пути, хотя на этих работах погибло много людей.

Последние приготовления заняли четыре дня. Грузовой караван из трехсот ослов, навьюченных большей частью мехами с водой, уже отправился вперед. Выступление главного отряда с самим Баурджедом было назначено на середину ночи.

Вечерний свет, прозрачный и мягкий, ложился на благословенную землю Кемт. Баурджед, отослав всех, вышел один на плоский берег. Ветер утих, селения противоположного берега казались совсем близкими — так спокойна была река.

Свободные земледельцы группами и в одиночку спешили к своим домикам, под сень сикомор и пальм. Рабы, в сопровождении надсмотрщиков, толпой шли в свой поселок, скрытый высокой оградой. На невысоком холме, в зелени виноградников, сновали люди, доносились смех и заунывное пение. Обнаженные рабы несли в плетенках, раскачивавшихся на длинных палках, высокие, только что запечатанные кувшины с вином.

Вдали заклубилась розовеющая пыль, расступилась, в ней замелькали гладкие желто-серые бока и спины, выдвинулись длиннейшие рога: пастухи гнали стадо больших антилоп — ориксов.[1]. Два пастуха позади несли на коромыслах в корзинках маленьких новорожденных антилоп; их матери доверчиво шли рядом и косились черными влажными глазами на медленно переступавших людей.

Мальчики загоняли в ограды птичьих дворов стада журавлей, которых они пасли на берегу реки.

Со смехом и шутками охотники вели на веревках крупных хойте (гиен). Серые с острыми ушами пятнистые собаки в широких ошейниках бежали впереди.

Несколько лодок плыло через реку на правый берег. В них переправляли с пастбищ антилоп и коз. Животные спокойно лежали на дне лодок.

Мирное оживление вечера только растравляло тоску Баурджеда. Он знал, что видит свою родную страну в последний раз перед неведомо долгим, опасным путем туда, где не ступала еще нога жителя Кемт. В страны, населенные невиданными людьми и зверями... Неслыханно повеление фараона, но он обязан выполнить его. Умереть или жить, но идти вдаль, на юг. Нет другого пути, и нет сейчас у него другой жизни...

На обнаженную спину Баурджеда повеяло жаром. Он обернулся, и взор его, только что отдыхавший на зрелище возделанных садов и полей, перенесся на красные скалистые обрывы, изборожденные черными промоинами и трещинами. Две красные стены расходились к реке, образуя подобие широких ворот, а вдаль, на восток, шел как бы коридор из голых, бесплодных скал, исчезавший в мутном дрожании раскаленного воздуха. Ни одного звука не доносилось оттуда, ни одно деревце не оживляло крутых обрывов, окаймленных у подножия холмами крупного щебня и гладкими волнами песка. Через несколько часов Баурджед со своим караваном скроется в этой раскаленной долине, пересекающей горы восточной пустыни...

Звонкая отрывистая песня пронеслась над рекой, послышались плеск и возня. Молодежь вышла купаться к реке, пользуясь последними лучами солнца.

---

[1] Антилопы, журавли, гиены приручались в Древнем Египте.

Баурджед снова повернулся к реке и увидел почтительно стоявших поодаль чиновников своей экспедиции. Они явились с докладами, но не смели нарушать раздумья начальника. Баурджед глубоко вдохнул прохладный живительный воздух и медленно направился к своим подчиненным...

Последний глоток воды из любимой могучей реки. Не из богатой, разукрашенной чаши — нет, подобно простому земледельцу, погрузив колени во влажный речной песок, низко склонившись над серебрящимися маленькими волнами.

Как призраки, как уже отошедшие в страну запада, молча двигались люди в ярком свете луны. Мрачные скалистые стены — разверзнутая пасть неведомого — приняли их, сошлись позади, сомкнулись, отделив от радостных садов Та-Кем. Родная земля отвернулась от путников, прошлое скрылось вдали, будущее было неведомым, осталось одно настоящее — тяжелый, далекий путь. На нем высокие скалы дышали гневным жаром, их изрытые знойными ветрами склоны надвигались, как грозные духи пустыни, песчаные бугры шелестели, дымясь мельчайшим багровым песком, веявшим смертью над опущенными головами идущих...

Два жреца неторопливо шли по внутреннему двору храма Ра. Солнце слепило, отражаясь от стен и прямоугольных столбов белоснежного известняка. Оба жреца, как по команде, быстро оглянулись и свернули направо, в высокий портик.

В тени, под толстыми плитами камня, тяжко давившими на верхушки колонн, сразу повеяло прохладой. Дальше, в глубь храма, полумрак все более сгущался, и жрецы, ослепленные переходом от сверкающего снаружи дня к темноте храма, пошли осторожней, протягивая вперед руки. Они остановились у черного отверстия невысокого входа.

— Это ты, Каамесес, и ты, Хориахути? — Мощный голос, раздавшийся из мрака, заставил вздрогнуть обоих жрецов.

— Да, это мы, великий ясновидец, сердце и язык бога на земле! — дружно откликнулись названные.

— Войдите, произнеся магические слова для очищения глаз и сердца!

Жрецы, бормоча заклинания, вступили в темный проход. Впереди горел маленький светильник, и его огонек показал вошедшим направление. Едва только жрецы поравнялись со светильником, он мгновенно угас, а впереди и слева вспыхнул другой.

Пришедшие достигли тяжелой кожаной завесы. Тут второй светильник тоже угас, и они остановились во мраке.

Жрец постарше громко произнес священную формулу отражения зла[1]. Прежний голос снова разрешил им войти. За занавесом находилась небольшая квадратная комната, в самой толще массивных стен храма. Мягкие шкуры на полу заглушали шаги.

У задней стены на роскошном кресле из черного дерева восседал великий ясновидец — верховный жрец бога Ра. Девять золотых светильников на высоких подставках давали достаточно света, чтобы разглядеть властное лицо сидевшего и острый блеск его жестких, спокойных глаз. Оба пришельца упали на колени перед креслом верховного жреца. Тот указал им на львиную шкуру перед собой.

— Не нужно почестей, мы одни. Садитесь и говорите просто, не тая дурных вестей. И не бойтесь ничего, я давно знаю вас.

---

[1] *Отражение зла, отражение крокодила* — ритуальные молитвы.

Жрецы переглянулись, и старший из них заговорил:

— Позволь сначала мне довести до твоего сведения. Потом Хориахути расскажет тебе вести с Юга. Он только что прибыл из Шмуна — города восьми богов[1].

Верховный жрец Ра молча кивнул головой.

— Его величество, жизнь, здоровье, сила,— продолжал старший жрец,— как то ведомо тебе, получил из гавани Суу весть о том, что казначей бога на семи кораблях благополучно отплыл, и затем более трех месяцев не было никаких вестей о кораблях. Из этого Великий Дом заключил, что путешествие началось хорошо, и Баурджед уже прошел далеко на юг. Тогда их величество дал сто колец золота храму Тота в Белой Стене, а древний храм Тота в Шмуне одарил землей, рабами и скотом. Начальник мастеров Мен-Кау-Тот часто бывает у фараона, ободряя его в новых мероприятиях. Два дня назад чати поехал на юг, чтобы осмотреть место рытья большого канала у пирамид Снофру. Вместе с ним послано войско для князя Юга, который обещал Великому Дому поход в страну Нуб...[2]

Жрец поклонился и замолчал.

— Ты не сказал еще мне, что говорят в столице, как велика сила их речей.

— Истинно сказано: «Враг для города — это говорящий...» — Жрец лицемерно потупился, заметив, как блеснули глаза великого ясновидца.— Много недовольных среди знатных людей. Все смелее говорят их языки в домах. Они недовольны тем, что начинается возвышение владык сепов, которым фараон раскрывает сокровищницу, посылает людей для войны и построек. Они боятся, что толпа маленьких людей разъярится, ибо народ начал мечтать теперь о стране Пунт, где все живут в довольстве, как издревле говорилось в сказках. Благочестие падает... Недавно военачальник Уахкарт осмелился сказать, что лучше завоевывать далекие страны, как то делал Снофру, чем строить пирамиды!

Верховный жрец Ра злобно схватился за свою бороду.

— Я был в Шмуне глазами начальника мастеров Пта[3],— робко заговорил младший жрец.— Начальник Антилопьего сепа Сеннодже написал начальнику Юга. Сеннодже хорош для его подданных, он собирает отряды воинов, он хвалится своим величием, происходящим от древних царей — потомков Гора. Жрецы Тота возвышают его, они заключили союз с жрецами Хнума, обогащенными Хуфу и ныне злобствующими на жрецов Ра и Пта... Но главный враг наш — Мен-Кау-Тот. Он говорил начальнику мастеров Хнума, что скоро богатство трех главных храмов Ра перейдет храмам Хнума и... и... прости меня, великий ясновидец... что он, Мен-Кау-Тот, низведет тебя до простого жреца в захудалом храме Дельты!..

Верховный жрец внезапно встал:

— Ты понял правильно. Вот враг мой и ваш, дети мои! Но напрасно тщится он отобрать нашу славу и наше богатство — скоро познает он все величие бога Ра на дерзкой шее своей! Хвалю ваши глаза и уши, вы оба будете награждены и возвеличены в совете. Идите, я не забуду вас!

Джедефра заболел.

Целыми днями молодой фараон угрюмо лежал в верхней комнате своего загородного дворца, глядя в окна на широкую реку и свою маленькую

---

[1] *Шмун* — современный Эшмун.

[2] *Нуб* — по-древнеегипетски золото, современная Нубия.

[3] *Пта* — один из восьми главных богов Египта.

пирамиду — будущую крепость в загробной вечности. Законченная постройкой, она едва возвышалась над пальмами окружающего сада... Уже более двух лет назад отправился Баурджед в неведомые дали Юга. С тех пор никаких вестей не было о судьбе посланных, да и не могло быть. Они или погибли, или еще странствуют там где-то, или возвращаются со славной добычей. Так медленно осуществляются великие дела... Постройка большого канала задержана по совету чати до возвращения войска из страны Нуб с золотом и другой добычей. Хорошо хоть то, что великий ясновидец перестал надоедать ему с постройкой большой пирамиды и храма Ра при ней. Сейчас, когда фараон болен и ослабел духом, ему трудно было бы противостоять настойчивости верховного жреца...

Фараон вздрогнул, когда, как бы в ответ на его мысли, в прорези двери показалась высокая фигура верховного жреца. Кряхтя, он распростерся перед фараоном.

— Его величество, жизнь, здоровье, сила, болен, кости его стали серебром,— ласково заговорил жрец.— Большая вина на мне — давно я не был в городе, и не услышали мои старые уши зова божественной необходимости. Теперь прибыл я отразить болезнь, возродить силу бога!

И поднявшийся по приказу фараона жрец поведал Джедефра о страшной магической силе древнего обряда, записанного в тайной книге, известной только верховным жрецам Ра. Только в самых крайних случаях разрешалось применять этот обряд, разглашение тайны его карается немедленной смертью. Сейчас болезнь живого бога, конечно, позволяет применить великую силу обряда для немедленного излечения царя. Только выполнить его нужно в полной тайне, ночью, в уединенном месте, в присутствии самого великого ясновидца и трех главных и доверенных жрецов. Найдет ли его величество силы, чтобы сегодня же ночью тайно удалиться из дворца? Обряд можно сделать поблизости, в пирамиде самого Джедефра. Постройка ее только что окончена, и там нет никого, кроме садовников, которые будут ночью мирно спать. Если живой бог ослабел, жрецы понесут его. Только ему нужно спуститься одному, не привлекая ничьего внимания, в сад, к боковой двери в ограде.

Джедефра слушал ласковую и искреннюю речь говорившего, и прежняя вера в могущество Ра, вера с детства внедрявшаяся в него, возрождалась в ослабевшей душе фараона. Болезнь изнурила его, лекарства помогали мало, а ему нужно, очень нужно было скорее стать снова властным и твердым.

— Разве служителям Ра известно больше, чем жрецам Носатого, владеющим всеми тайнами храмов Тота? — спросил Джедефра.

— Великий Дом сегодня же ночью убедится в ничтожестве жрецов Тота! — воскликнул великий ясновидец, и глаза его засверкали.

Фараон согласился исполнить все, как говорил великий жрец, и высокий старик поспешно удалился. Спустившись в сад, он скрылся в тени деревьев и вышел через боковую калитку, оставив ее незапертой.

Джедефра, ободренный возможностью скорого излечения, с нетерпением дожидался ночи. К вечеру он отпустил всех приближенных и слуг, объявив, что будет один беседовать с богами и чтобы никто не смел приближаться в его покоям.

Верховный жрец выбрал удачно время. Угольно-черная тьма безлунной ночи объяла сонный дворец, погасила блеск реки. В домике стражи у главных ворот светился слабый огонек.

Фараон, неслышно ступая босыми ногами, пошатываясь и вытирая пот от слабости, спустился по лесенке прямо с балкона. Джедефра был взволнован тайной предстоящего обряда, но нисколько не боялся. Чего

мог бояться живой бог Та-Кем в подвластной ему стране, где все живое покорно простирается в пыли, целуя следы владыки!

Едва фараон подошел к боковой дорожке, как четыре тени возникли перед ним, склоняясь до земли. Подхваченный крепкими почтительными руками, Джедефра с облегченным вздохом опустился на носилки. Его быстро понесли к реке. Под покровом темноты пересекли широкую площадку на речной стороне дворца и спустились к маленькой пристани. На темной реке фараон разглядел очертания небольшой лодки. Все было, видимо, приготовлено заранее.

Жрецы поставили носилки с фараоном в лодку. Пирамида находилась на левом берегу немного ниже дворца, и лодка спускалась по течению. Провожатые фараона только несколько раз ударили веслами.

На левом берегу повторилось то же. Носилки понесли не к главному входу, а налево, за угол южной ограды. В зловещей тишине чуть скрипнула небольшая дверь южного входа, закрылась снова, и шаги носильщиков стали совсем бесшумными на плитах дорожки. Звезды исчезли, темнота вокруг сделалась совершенно непроглядной, повеяло запахом влажного камня. Джедефра догадался, что его внесли внутрь пирамиды или заупокойного храма, врытого в землю у ее восточной стороны. Носилки опустились на гладкие плиты пола. Жрецы помогли фараону встать и зажгли факел. Джедефра осмотрелся. Они находились в заупокойном храме, отстроенном для того момента, когда он, Джедефра, отойдет в вечность, когда ему, объединившемуся с богами, здесь будут совершаться служения, а его набальзамированный труп будет заключен глубоко под каменной толщей пирамиды.

Странное, необъяснимое, похожее на страх чувство сжало сердце фараона. Но строгие лица жрецов были спокойны. Они повели фараона в святилище маленького храма. Четыре статуи самого Джедефра занимали всю широкую сторону святилища. Фараон в четырех одинаковых ликах сидел с мрачной и величественной неподвижностью, устремляя взоры из загробного мира на ничтожных и дерзких пришельцев. И опять грудь молодого фараона стеснилась тревожной тоской.

Великий ясновидец, почтительно согнувшись, попросил Джедефра встать у жертвенника — большого куска отполированного гранита,— прямо против четырех статуй.

Джедефра коснулся коленями и руками холодного камня и вздрогнул. Внезапно факел потух, во мраке Джедефра услышал лишь тяжелое дыхание жрецов, видимо, взволнованных предстоящим страшным обрядом.

Фараон открыл рот, чтобы спросить о чем-то, но в этот момент слабый свет появился сзади, блеснув на поверхности жертвенника.

Верховный жрец Ра, стоявший около фараона, вдруг взмахнул тяжелой палицей, обмотанной тканью, и обрушил страшный удар на затылок Джедефра. В мозгу фараона вспыхнул ослепительный свет и сразу померк. Без звука Джедефра рухнул на пол, перестав быть владыкой, живым богом Черной Земли. Жрец отпрянул от падающего тела, как бы сам ужаснувшись содеянного. Долгое время мрак и тишина царствовали в пустом, казалось, храме. Наконец, тихий и хриплый, прозвучал голос великого ясновидца:

— Зажгите факел, все кончено!

Жрец подошел к лежавшему ничком фараону, приник ухом к сердцу и ощупал затылок. Твердость руки не изменила жрецу — удар был верен. Кость оказалась раздробленной, но снаружи, под волосами и париком, ничего не было заметно.

Жрецы подняли мертвеца и положили на кусок гранита.

— Делайте, как я сказал,— снова обратился к своим сообщникам великий ясновидец.— Нужно спешить!

Двое жрецов могучего телосложения взяли медные молоты, третий высоко поднял факел. Согнувшись и тревожно оглядываясь, мучимые страхом, жрецы дружно ударили по статуям Джедефра. Грохот раздался по храму, посыпались куски голов, плеч, рук, открывая белый излом известняка под темной раскраской.

— Не бойтесь, бейте смелее! — закричал окрепшим голосом великий ясновидец.— Снаружи никто не услышит. А если и услышит — кто может осмелиться войти сюда в ночь, когда властвуют мертвые...

Через несколько минут все стихло. Жрецы погасили факел, унесли из прохода носилки. Под ясными звездами было светлее, страх перестал угнетать убийц. Лодка понесла их на середину реки, жрецы дружно гребли вверх по течению, торопясь в столицу. Задолго до рассвета они причалили к пристани у города. Один повел лодку дальше, а три жреца, никем не замеченные, скрылись в храме Ра.

Великий ясновидец устало опустился в кресло.

— Брат покойного — Хафра будет фараоном. Он уже оповещен, и все решено между нами... Мы ошиблись, выбрав сначала другого, но сами же исправили ошибку! Теперь дорога Ра исполнится славы в веках и даст множество благ вам, верным служителям бога. Пусть будет ваш отдых спокоен.

И великий ясновидец удовлетворенно закрыл глаза, чтобы вздремнуть перед смутой грядущего дня.

Пять лет миновало с того ужаснувшего всю Кемт дня, когда фараон Джедефра был найден мертвым в своем заупокойном храме, неведомыми путями перенесенный туда из дворца и пораженный рукою богов.

Пять лет лежал Джедефра в своей пирамиде, а его брат, мрачный, деспотичный Хафра, снова с неслыханной силой утвердил безмерную власть фараонов, тождественную с властью самих богов, и прежде всего бога солнца Ра.

Снова все силы Черной Земли были собраны для постройки второй гигантской пирамиды, подобной пирамиде Хуфу. Но и этого уже было мало для единого средоточия всей мощи государства, которое представлял собою фараон.

Советники Хафра требовали новых, невиданных построек, чтобы поразить народ и создать непоколебимую основу царскому трону.

На том же плоскогорье, рядом со строящейся пирамидой, тысячи искуснейших рабочих обтесывали громадный выступ скалы. Все яснее обозначалась гигантская статуя лежащего льва с человеческой головой, с лицом фараона Хафра, увенчанного царским пшентом и змеей. Передние лапы могучего зверя по двадцать пять локтей в длину мощно вытягивались вперед к берегу реки, как будто пытаясь объять и придавить всю страну Кемт.

Величайшая статуя — древний символ мощи фараона,— называвшаяся Ху[1], смотрела на протекавшую под ней реку, словно сам Хафра молчаливо, величественно и грозно взирал на ничтожную жизнь своего народа. Около статуи Ху строили заупокойный храм Хафра — весь из прозрачного алебастра и красного гранита; из такого же гранита делалась облицов-

[1] *Ху* — по-древнеегипетски сфинкс.

ка пирамиды, поражая самих строителей великолепием. Семь статуй Хафра с величайшим трудом высекались из очень твердого черного камня — может быть, новый фараон помнил, как легко разбиваются статуи, изготовлявшиеся прежде из известняка.

Семь лет не было никаких известий об экспедиции Баурджеда. Отважные путешественники были забыты теми, кто их послал. Другие интересы владели государством гигантских построек.

Прошла молва о гибели Баурджеда.

Но в народе говорилось другое — свои надежды на лучшую жизнь народ вкладывал в песни и сказки об отважных путешественниках, ищущих Страну Духов.

Главный жрец Тота Мен-Кау-Тот, устраненный от двора фараона, уединился в своем храме, мрачно выслушивал жалобы служителей своего бога на обиды и ущемления, чинимые им жрецами Ра и Пта.

Но там, в безмерной дали, воля погибшего фараона продолжала действовать.

Обессиленный трудностями пути, изнуренный болезнями, Баурджед дождался своих спутников, посланных им еще дальше Пунта, за пределы мира. Лишь небольшая кучка людей вернулась в Та-Нутер из далей юга — все, что осталось от когда-то столь многочисленной экспедиции.

Рабы, воины, знатные чиновники — все равно гибли в волнах бурного моря, в знойных лихорадочных болотах, в зубах диких зверей, под копьями и стрелами злых и воинственных племен.

Только сила приказа умершего Джедефра удерживала здесь скитальцев, всеми помыслами стремившихся в родную Кемт, цепеневших от ужаса, что, подобно многим товарищам, их души навсегда останутся на чужбине. Семь судов, когда-то покинувших гавань Суу, давно уже перестали существовать, но были готовы новые, заботливо хранимые на берегу в большом тростниковом сарае, на высоких столбах.

Глава вторая

ПОДВОДНЫЕ САДЫ

Под высоким солнцем море, лениво колыхаясь, мутно клубилось тяжелыми испарениями. На отлогой прибрежной равнине толпились песчаные кочки, кое-где поднимали свои раскидистые зонты одинокие акации.

Дозорный воин, протирая слезящиеся от солнца глаза, еще раз посмотрел на голубую туманную полосу горизонта и быстро выскочил из-под тростникового навеса на вершине высокой кучи аккуратно сложенных камней. Бегом спустился с холма и вбежал в ворота толстых глинобитных стен крепости Суу — крайней гавани Та-Кем на Лазурных Водах.

Начальник крепости, за минуту до того изнывавший от зноя, тоски и безделья, сразу сбросил сонную одурь.

— Ты не ошибся? — переспрашивал он воина, спеша на дозорную вышку.

— Нет, я хорошо видел: корабль не похож на наш, но парус, как белая стена, очень широкий.

— Наш корабль, оттуда — это может быть только он,— тяжело дыша, проговорил начальник.

— Осмелюсь спросить — кто «он»? — негромко сказал один из сопутствовавших начальнику чиновников, но тот недовольно нахмурился и промолчал.

Одинокий парус приближался вырастая; уже видны были борта, выкрашенные в черную и красную краску, странный высокий нос и необычайный помост на корме. Слабые крики донеслись в глухом плеске волн, разбивавшихся о прибрежный риф.

Нос корабля устремился в проход между рифами; стукнув, упала тяжелая рея, весла взбили пену, и киль зашуршал о прибрежный песок. Негры по пояс в воде потащили канат, другие сбросили ветхие мостки. Послышались четкие удары — в песок забивали причальный столб.

Двое людей в измятых цветных воротниках вели под руки исхудалого человека в длинной одежде.

Золотой знак фараона Джедефра ослепительно блестел у него на груди. Ступив на берег, приезжий зашатался и опустился на колени, сжав руки и склонив голову. Спутники окружили его, некоторые последовали его примеру, другие стояли в молчании. Спешивший навстречу со своей свитой начальник крепости остановился, почувствовав, что для этих людей сейчас неуместны приветственные слова.

Наконец прибывший поднялся и хрипло заговорил, обращаясь к своим спутникам:

— Вот достигли мы родины; взята колотушка, вбит столб, носовой канат брошен. Скоро, о, скоро увидим тебя, благословенная река Хапи![1]

Он двинулся навстречу начальнику крепости, простирая руки. Редкие слезы катились по исхудалым, изборожденным морщинами щекам.

Жирный, опухший от безделья начальник крепости смутился. Великие переживания этих так долго разлученных с родиной сынов Та-Кем нашли отклик в его душе. Глаза его широко раскрылись; он, потрясенный, зарыдал в объятиях знатного царедворца.

В своем дворце, поблизости от строящейся исполинской пирамиды, фараон Хафра поджидал вестника далеких стран, чудесно возвратившегося Баурджеда.

Каменно-неподвижным сидел Хафра на массивном золотом троне в конце узкого зала, окаймленного двумя рядами деревянных колонн из пальмовых стволов. За спиной фараона застыли два прислужника с опахалами.

Баурджед остановился у входа, отделанного белыми фаянсовыми плитками, в ожидании начальника церемоний, распоряжавшегося приемом. Баурджед шел сюда со странным чувством, не покидавшим его с тех пор, как вернулся он на долгожданную родину. Он точно вырос в страданиях на далеком пути, точно побывал на высоте неба, откуда впервые развернулась перед ним вся необъятность мира, неизмеримая безбрежность Великой Дуги, невероятная протяженность суши.

И горячо любимая родная страна представлялась ему теперь полоской садов перед просторами гор, степей и лесов далекого юга. А гигантские пирамиды! Только он и его спутники, созерцавшие величие исполинских

---

[1] Перевод подлинного текста.

гор Пунта, видят ничтожество постройки, исполненной по приказу фараона. Там, в рядах островерхих горных цепей, пирамиды затерялись бы жалкими холмиками...

Баурджед украдкой взглянул на застывшего, положив руки на колени, Хафра, перед которым распростерлись самые знатные люди страны, не смея поднять голову и посмотреть поверх возвышения, на котором стоял трон фараона.

Великий владыка, живой бог — фараон. Тот, кто послал его, уже умерший, тот, кто семь лет назад казался ему полным властелином всех его дум и поступков... И этот, еще более величественный и властный, подчинивший всех своему желанию...

Перед мысленным взором Баурджеда пронеслись пройденные им земли, бесконечное море, множество виденных им людей разного цвета кожи, разной жизни, богов и обычаев, вспомнились рассказы о новых странах и селениях там, за достигнутыми пределами.

Величие фараона померкло, фараон не был более богом; впервые предстал он перед Баурджедом только неограниченным смертным властелином своей богатой и могучей, но все же небольшой страны. Впервые почувствовал Баурджед, как мало мог значить фараон во всем большом мире, как ничтожна воля владыки перед ходом жизни этого необъятного мира. Устои привычных понятий рушились, отзываясь страхом в душе путешественника.

Он вздрогнул, когда распорядитель приема неслышно подошел к нему и коснулся его плеча. Лицо царедворца было полно надменной суровости: фараон Хафра не посылал своих даров навстречу Баурджеду и ничем еще не проявил своей милости за великий подвиг, совершенный путешественником. Дары далеких стран, привезенные Баурджедом, уже лежали в царской сокровищнице, и это было, конечно, известно фараону...

Царедворец подвел Баурджеда к лесенке из белоснежного алебастра, ведшей на тронное возвышение. Здесь распростерся Баурджед, а фараон, слегка опустив глаза, скользнул взглядом по спине путешественника, покрытой пятнами и рубцами от залеченных ран и язв. Не поднимая головы, Баурджед рассказал в немногих словах о своем прибытии, о совершенном пути, о целях, с которыми послал его Джедефра..

— Ты выглядишь больным,— медленно проговорил фараон,— пойди отдохни среди родных. Через несколько дней я призову тебя, и ты расскажешь мне все, что видел и узнал в Стране Духов.

Едва заметное движение Хафры — и на палец Баурджеда был надет тяжелый золотой перстень. Прием окончился — Баурджед попятился ползком до второй колонны, поднялся и скрылся за ней в сопровождении теперь уже ставшего приветливым распорядителя.

Баурджед вышел через боковую дверь в дворцовый сад, остановился и со вздохом поглядел на дар фараона. Этот маленький кусочек золота, хотя бы и с именем божественного владыки,— разве это нужно ему, перешедшему пространства? Какая награда вернет потерянное здоровье, годы вдали от родных и близких, даст ему детей, которые могли бы быть у него, возродит красоту его жены?.. И что вообще нужно ему, отдавшему так много?..

— Не огорчайся! Нет награды, не будет и наказания,— услышал он знакомый твердый голос.

Внезапно вышедший из-за цветущих кустов Мен-Кау-Тот смотрел на Баурджеда с суровым участием.

— Пойдем отсюда. Я пришел поговорить с тобою,— продолжал старый жрец с прежней властной манерой.

Они вышли из ворот дворца и повернули налево к реке. Мен-Кау-Тот молчал, и только когда они уединились под пестрой колоннадой маленького храма Нейт[1], старик заговорил снова.

— Я знаю, что гнетет тебя,— пристально глядя на Баурджеда, начал жрец.— Будь осторожен и бойся фараона.

Нерадостно усмехнулся путешественник, и, читая его мысли, Мен-Кау-Тот спросил:

— Ты думаешь, что слишком ничтожен для того, чтобы навлечь гнев Хафра? Тогда послушай меня, сын мой. Я скажу все, и истинны будут эти слова. За семь лет, с того времени как ты ушел, мало было в Та-Кем людей, которые бы так ждали тебя. Ты служил моим целям, и теперь ты и я — одно...

Удивленный Баурджед хотел спросить старика, но тот остановил его.

— Это неважно теперь — мне недолго осталось жить. А ты должен еще много сделать... Берегись фараона — он ослеплен собственным могуществом. А ты видел большой мир и слишком много знаешь. Фараону не нужно познание далеких стран — весь мир ему лишь средство для собственного возвеличения, для окончания постройки его высоты. Но он хочет узнать о путях легкого овладения сокровищами стран, лежащих вокруг Черной Земли. Имей его желание в сердце, когда будешь рассказывать о своем путешествии.

— Не смогу, отец,— грустно ответил Баурджед,— и незачем. Ты прав: я не жду награды, и сердце мое томится печалью.

— Еще раз говорю — берегись, сын мой! Ты уже получил так много, видев то, о чем не мечтал ни один владыка Кемт. Твоя страна, твой народ — разве не наградили они тебя за верность и твердое сердце? Ты еще не слыхал, какие сказки ходят о тебе в народе, как прославил народ в своих песнях тебя и твоих спутников. Твое имя в народе почти наравне с именем отца мудрости Имхотепа. И еще потому берегись Хафра. Когда твоя слава дойдет до жрецов Ра... — Старик замолчал и нехотя поднялся со ступеней.

Внизу едва слышно струилась речная вода.

— Надлежит нам расстаться,— тихо сказал Мен-Кау-Тот.— Исполнится время — и я приду к тебе.— И жрец скрылся между колоннами.

На маленькой площадке близ храма собралась небольшая толпа. Люди разных возрастов и профессий окружили худого большеглазого юношу с лирой через плечо — уличного певца и сказочника.

Он начал рассказывать нараспев что-то, стоя и ударяя ногой о землю в такт речитативу и отрывистому гудению струн. Люди слушали с жадным вниманием, изредка хором подхватывая ударения на созвучных слогах.

— Маасен пет, маасен та, мака шебсен эр маау[2],— напевал юноша.

Радостно взволнованный, Баурджед понял, что песня прославляла его и его товарищей.

— Они видели небо и видели землю, и храбры были их сердца, более чем у львов,— тихо повторил путешественник.

Песня-сказание, порожденная душой народа — свободной в своей любви и ненависти, неподкупной в оценке свершившегося,— прославляла его. Его, чувствовавшего себя беспомощным изгнанником, думавшего, что родина его забыла. Что могло быть выше и прекраснее такой награды!..

[1] *Нейт* — богиня неба, мудрости и любви в Нижнем Египте.

[2] Подлинный текст.

Баурджед обогнул храм с другой стороны площади и направился к дожидавшейся его у пристани фараона лодке, чтобы ехать домой, на северную окраину города Белой Стены.

Усевшись на ковре посреди низкой затемненной комнаты, Баурджед начал свой рассказ. Фараон Хафра, окруженный сыновьями и приближенными, восседал на кресле рядом с главной женой.

Баурджед был плохим рассказчиком. Но сейчас, во дворце Хафра, он опять почувствовал себя человеком из иного, огромного мира, что простирает свои пространства далеко за пределы Та-Кем. И перед ним, этим миром, вся роскошь дворца и грозная близость фараона казались не более как торжественной игрой детей в старом и тесном отцовском доме...

Он говорил медленно, стараясь передать отрывочными картинами теснившиеся в памяти воспоминания.

Он начал с того, как семь лет назад его экспедиция пересекала восточную пустыню.

Время путешествия не было благоприятным: едва достигнув полосатой горы Сетха, экспедиция потеряла от жажды и жары двести рабов и полтораста ослов. Они шли дальше с великой поспешностью, сжигаемые зноем, познавшие вкус смерти на своих губах.

Наконец в переливчатых волнах горячего воздуха скрылись позади последние скалы, с плоской равнины заблестело впереди сияющее голубое море. Экспедиция пришла в гавань Суу. Вскоре семь лучших кораблей углубились в безвестную даль на юг.

Баурджед вначале думал плыть открытым морем — там, где манила моряков чудесная сияющая синь. Он надеялся на прохладу и более сильные попутные ветры.

Это оказалось невыполнимым. Удушливая влажная жара изнуряла людей, все предметы покрывались соленой липкой слизью, сильные порывы ветра сменялись долгим затишьем. Опытный в плаваниях кормчий Уахенеб посоветовал вернуться к берегу, от которого они так необдуманно удалились. За несколько тысяч локтей от берега лазурная вода как бы обрезалась белой полоской пены — волны непрерывно бились о выступы подводных рифов, бесконечной цепью тянувшихся вдоль берега. За этой пенной чертой вода принимала цвет изумруда и почти не колебалась. Корабли пошли по изумрудной воде между берегом и рифами. Этот путь оказался самым лучшим. Здесь дули почти непрерывно северные ветры, корабли плыли быстро, не изнуряя гребцов. Пустынный берег был гол и мертв — редко-редко деревья или высокие кустарники виднелись вдали на плоской прибрежной равнине да по ночам доносились вопли шакалов. Ни следа пребывания человека не встретилось путешественникам на протяжении шестидесяти дней плавания.

Зато в море довелось увидеть незабываемые чудеса. Вначале корабли, затерявшиеся среди сверкавшей расплавленным серебром воды, быстро подгонялись сильными ветрами, и моряки, следя за мелями и островками, ничего не замечали. Позднее они освоились с плаванием, и однажды, когда ветер ослабел и суда медленно двигались по зеркальной глади кристально прозрачной зеленой воды, впервые предстали перед сынами Кемт прекрасные подводные сады.

В теплой воде под кораблями дно моря было на глубине всего в четыре локтя, устланное серебристым белым песком. Сначала заметили желтые и красные кустики каких-то растений, оказавшиеся при пробе веслом твердыми как камень.

Затем под кораблями замелькали большие лиловые шары, коричневые связки прозрачных бокалов, темно-красные клубни, усеянные массой мельчайших отверстий. Пестрые раковины лежали на дне, между каменными кустами сновали маленькие черно-белые рыбки. Угрюмо клубились над дном черные, мягкие и пористые массы — это были губки, знакомые бывавшим у Зеленого моря. Люди часто бросались в воду, загоняя в сети стаи крупных серебряных рыб.

Однако после того, как путешественники познакомились с опасностями этих изумрудных вод, беспечность сменилась осторожностью.

Какие-то плоские мерзкие рыбы[1] погубили двух воинов, распоров им животы своими тонкими хвостами, вооруженными острыми, как бритвы, иглами.

Гигантские черные морские ежи[2] с иглами в локоть длиной наносили долго не заживающие раны.

Попытки схватить диковинно-прозрачных, похожих на студень животных[3], переливавшихся смесью розового и небесно-голубого цвета, кончались воплями непонятным способом обожженных людей.

Но подлинное волшебство подводных садов открылось только после того, как корабли приблизились к белой полосе прибоя. Мелкая изумрудная вода протянулась широким каналом вдоль берегов. Этот канал отделялся от синего открытого моря подводными скалами. Когда частые мели задержали дальнейшее продвижение, кормчий передового корабля Уахенеб повел суда вдоль подводных скал.

Невольный крик вырвался у наблюдателей — из сине-зеленой глубины внезапно начали всплывать кусты, грибы, деревья, причудливые кружева, смутные, подернутые нежно-зеленой дымкой. Несколько дальше четко вырисовывались, словно вырезанные, молочно-белые и бирюзовые каменные кусты. Их белые, лазоревые и сине-фиолетовые ветви переплетались сказочным узором, ярко освещенные солнечными лучами. Кусты сменялись тончайшей замысловатой вязью цвета сливок, перемежавшейся с тонкими ярко-алыми и пурпурными кустиками[4].

Забыв все, люди всматривались в прозрачную воду, а там по мере движения кораблей подводные сады развертывались в великолепном разнообразии красок и тонов, в неисчерпаемом богатстве оттенков, зависящих от глубины воды. То они едва чудились в полутьме прозрачными голубыми, красными и изумрудными тенями, то выступали совсем близко к поверхности, принимая удивительно яркую и чистую окраску.

Ближе к самому краю рифов ступеньками сбегали в глубину белые и фиолетовые зонтики и чаши, блюда, словно сделанные из слоновой кости; высокие прозрачные розоватые бокалы, извивы просвечивающих голубым огнем пластин и гребней.

Над обрывами в качающихся бликах солнца висели на выступах круглые купола, как будто из чистейшего снежно-белого фарфора, усеянного бирюзовыми пятнами и звездами.

Бесконечное разнообразие форм и красок ослепляло растерявшихся наблюдателей. Долго шли корабли над подводными садами Лазурных Вод. Все участники экспедиции, во главе с самим Баурджедом, провели

---

[1] Скаты-хвостоколы.

[2] Род тропических морских ежей (дионема).

[3] Медузы различных видов.

[4] Описываются коралловые рифы Красного моря. Упомянуты различные кораллы: мадрепоры, миллепоры, турбинарии разных видов.

много часов, лежа на бортах кораблей и без устали следя за проплывающими мимо картинами.

Красота подводных садов была волшебной. Десятки раз люди, очарованные небесно-голубым кустом или алым кружевом, бросались в воду и обламывали твердые как камень ветви или фестоны, обжигающие таинственным огнем. Но, вытащенные из воды, они мгновенно превращались на воздухе в серые или грязные обломки, теряя всю свою красоту. Желтые и светло-зеленые живые цветы[1], шевелившие длинными щупальцами между волшебными кустами, едва только их поднимали на судно, превращались в бесформенные комки отвратительной слизи.

Подводная красота не давалась в руки человеку, безвозвратно терялась едва только люди хотели поймать ее, удержать для себя. Суеверный страх охватил сынов Кемт при виде необъяснимых превращений.

Тех наиболее неистовых, которые хотели, нырнув, насладиться очарованием волшебных садов под водой, стерегли страшные ядовитые рыбы[2]. Похожие на толстых змей, по семь локтей в длину, эти рыбы были коричневого и стального цвета, усеянные на спине мелкими черными пятнами. Они обладали пастью с необыкновенными, острыми и длинными, зубами. Скрываясь в темных проходах меж дивных кустов, они поднимали вверх голову и страшными выпуклыми глазами следили за пловцами, раскрывая пасти.

Края рифов, обращенные к открытому морю, обрывались сразу в безвестную темную глубину. Там исчезали, растворяясь во тьме, последние силуэты кустов и выступов на крутом обрыве, и глубокая таинственная пучина была черна и страшна.

Иногда оттуда всплывали гигантские рыбы с острым рылом и щелевидным ртом[3], снабженным пилой острейших зубов. Они безжалостно хватали неосторожных купальщиков, мгновенно откусывая руки или ноги. Безмятежное сияющее море оглашалось отчаянными криками, окрашивалось кровью. Приобретя опыт, путешественники купались только в мелкой зеленой воде за рифами. Когда на поверхности моря показывались треугольные спинные плавники гнусных рыб, боязнь и отвращение наполняли мореплавателей.

В первом месяце плавания экспедиция не терпела недостатка ни в продовольствии, ни в пресной воде. На берегу находились родники, рыбная ловля или охота на птиц доставляла вкусную пищу во время ночевок. Моряки вели суда вдоль берега, готовые при первых признаках бури спасать корабли на суше.

К концу первого месяца корабли обогнули тупой красный мыс[4], за которым берег огромной пологой дугой врезался в материк. Странная белая вода окружила корабли. Путешественники вначале испугались, но потом разглядели, что белизна воды происходила от мельчайшего белого песка[5], взбаламученного прибоем, набегавшим на плоское дно. На берегу поднималась высокая гора с закругленной верхушкой, на которой сверкал огромный круглый глаз, слепивший отражением солнца. Будто око неведомого бога строго смотрело на незваных пришельцев, сея смущение в суеверных сердцах детей Черной Земли. Баурджеду удалось успокоить

---

[1] Актинии, или морские анемоны.
[2] Угреобразные хищные рыбы — мурены.
[3] Акулы.
[4] Мыс Рас-Хамра (см. лоцию Красного моря).
[5] Коралловый песок.

спутников, объяснив, что такие блестящие пятна встречались ему и раньше на склонах гор, где обнажены скалы из кварца или гипса.

Тем не менее строгий глаз горы навлек на экспедицию целый ряд испытаний.

Еще с утра моряки заметили отсутствие птиц. До сих пор пеликаны, бакланы и чайки в огромном количестве скоплялись на скалистых островках, выступавших на краю рифовых гряд, у полосы прибоя. Здесь они пожирали пойманную рыбу и доверчиво подпускали охотников. В этот день птицы исчезли, и хотя по-прежнему рифы шли нескончаемой грядой к югу, до края горизонта не было видно ни одной. Почувствовав недоброе, опытные проводники и кормчие решили на всякий случай пристать к берегу.

Около полудня неизменно ясное небо впереди закрылось извилистой грядой черно-красных туч, похожих на стадо огромных быков. Скоро во всю высоту неба встали закрученные столбы темных облаков, ветер стих, удушающая темнота скрыла корабли один от другого. Над морем нависла страшная мгла кровавого цвета, и вода тоже казалась озером темной крови.

Путешественники в ужасе пали ниц. Горячий ветер вдруг обрушился на суда с пронзительным свистом. Воздух наполнился мельчайшей песчаной пылью, причинявшей сильную боль глазам, носу и горлу. Жалобные стоны раздавались на кораблях, быстро заглушаемые массой горячего песка, несшегося в море из пустыни.

Кровавая ветреная мгла разъединила людей, каждый оказалсяя предоставленным самому себе, одиноким перед лицом невиданного бедствия. Баурджед, прощаясь с жизнью, закутал лицо плащом и упал на том же месте, где стоял, а на него навалились окружавшие его люди.

Крутящийся песок бушевал не более двух часов. Так же внезапно все прекратилось, яркое чистое небо встало над кораблями, серебристое сияние моря опять разлилось до самого горизонта. Несколько человек поддались страху и выпрыгнули на берег, другие, упав в воду, не смогли выбраться, задыхаясь в тучах песка.

Потрясенные испытанием люди думали только о воде, но, к их горю, вода, запасенная на кораблях, почти вся высохла, а на берегу нигде не удалось обнаружить родников. Баурджед приказал спешно плыть дальше, останавливаясь только для поисков воды. К счастью, попутный ветер окреп и погнал корабли, иначе сжигаемые жаждой гребцы не смогли бы долго двигать суда. До захода солнца не удалось найти воды в прибрежных ущельях.

Пришлось плыть ночью. До сих пор с наступлением ночи суда приставали к берегу, и путешественники раскидывали лагерь на берегу, не смея доверить свой ночлег изменчивому морю. Точно так же при первых признаках бури они быстро вытаскивали свои корабли на берег и, недоступные ярости моря, спокойно пережидали непогоду. Теперь, в первый раз, корабли при свете угасавшей в пустыне зари покинули береговой канал и вышли за гряды рифов, в синюю морскую даль. Глубочайшая чернота ночи уже не удивляла Баурджеда. Небо было настолько черным, что звезды казались серебряными и их яркие блики колыхались в темных волнах. Страдания людей усиливались — хриплое дыхание едва проходило через ссохшееся горло, растрескавшиеся губы были сведены судорогой. Порой звезды вертелись в бреду перед воспаленными глазами.

Вдруг Баурджед увидел, что очертания корабля явственно обрисовались на воде, лица спутников выступили из темноты. Он невольно ухва-

тился рукой за борт — казалось, корабль поднимается на воздух в волнах непонятного света. Хор испуганных воплей показал Баурджеду, что он не грезит. Преодолев головокружение, он огляделся. Все море вокруг было охвачено пламенем, волны крутили и взметывали голубые вспышки, а пенные всплески у носов кораблей рассыпали миллионы золотых огоньков. Каждое весло, опускаясь на воду, рождало вспышку света, и огненная полоса уходила вдаль за кормой корабля.

Пронизанная светом вода стала прозрачной и легкой, корабль качался в ней, будто брошенный в неведомый мир между водой и небом.

Освоившись с невиданным зрелищем и поняв, что им не угрожает опасность, люди стали замечать в воде животных невероятного вида. Подобные прозрачным лентам, гребням, зонтикам[1], точно сделанные из волшебного гибкого стекла, эти животные колыхались в горящих волнах, сами испуская еще более сильный голубой или золотистый свет. Некоторые из них были огромны — их прозрачные купола достигали двадцати локтей в поперечнике, видимые издалека, как сияющие островки[2].

Отважный гребец — азиат, бросившийся в море для того, чтобы схватить одно их этих существ,— почти мгновенно погиб. Поспешившие к нему на выручку товарищи покрылись сплошными ожогами, нанесенными тонкими нитями, свешивавшимися с краев зонтика и достигавшими многих локтей длины.

Долго плыли корабли по светящемуся морю, и пораженные люди забыли о своих невзгодах. Но, когда волны внезапно погасли, жажда начала мучить людей с новой силой.

С рассветом ветер утих, при ярком солнце суда еще двигались к берегу на веслах.

Сияющая голубизна моря здесь пересекалась узкими полосами кровавого цвета, простиравшимися вперед и назад до горизонта[3]. Как красные змеи, извивались эти странные полосы, с поразительной четкостью выделявшиеся на прозрачной синей воде. По приказанию Уахенеба, когда корабль находился на одной из красных полос, зачерпнули воды. Вода в сосуде отливала багрянцем, потеряв прозрачность, и действительно походила на жидкую кровь, но без запаха. Откуда же взялись в море эти исполинские потоки крови, какие животные, духи или боги могли пролить такое ее количество? Или это была кровь самого моря?

Страх перед непонятным так же владел Баурджедом, как и всеми его подчиненными.

Но его поддерживала отвага спутников — опытных воинов и моряков: кормчего Уахенеба, его помощника Ахавера, парусного мастера Нехси, начальника воинов Имтоура. Они своим мужеством иногда заставляли Баурджеда — повелителя сотен людей — недоумевать и изумляться: откуда, из каких глубин души черпают они спокойную отвагу, веселый задор и неутомимость, когда, казалось, их усталые тела должны были бы беспомощно простираться по палубе? Мужество людей, постоянно, много дней находившихся с ним рядом, одолевало испуг перед сверхъестественным, перед проявлениями неизвестных сил, во власти которых он находился...

Напрягая последние силы, гребцы вывели корабли из кровавых по-

---

[1] Сальпы, гребневики, медузы.

[2] Исполинские тропические медузы до 11 метров в поперечнике.

[3] Скопления микроскопических водорослей, от которых Красное море и получило свое название.

лос. Вскоре послышался шум прибоя, и наконец суда оказались за пенной границей, у берега. Еще издали было видно широкое устье ущелья, через которое сбегали к морю заросли высоких деревьев — первые рощи, встреченные экспедицией. Никогда еще весла не мелькали с такой скоростью, причал кораблей не выполнялся так быстро. А дальше, за песчаными холмами, была вода, свежая и чистая, дивного вкуса, изливавшаяся обильным ручейком в прохладной тени пальм, в зарослях собачьих башмаков...[1]

На этом месте Баурджед прервал свой рассказ и, сощурив глаза, словно утомленный от блеска жаркого моря, посмотрел на фараона.

Тот сидел оцепенев; рот грозного властелина приоткрылся, глаза, прикрытые тяжелыми веками, были устремлены вдаль, туда, где в прорезе окна виднелось длинное плоскогорье со строящейся пирамидой.

Хафра медленно выпрямился, принимая снова облик божественного владыки, и приказал принести угощение.

Но едва только присутствовавшие заговорили, обмениваясь впечатлениями, переспрашивая Баурджеда, фараон прервал их нетерпеливым жестом.

В молчании подкрепились едой и вином, и Баурджед снова продолжал повествование.

В рощах деревьев у чистой воды экспедиция отдыхала несколько дней, схоронив четырнадцать спутников, погибших от жажды. Окрестность изобиловала дичью, и путешественники насладились свежим мясом антилоп и диких свиней. Искусные мастера переделали сосуды для воды, чтобы избежать повторения перенесенного бедствия.

Повернув за мыс, оканчивавшийся холмом удивительно круглой формы[2], корабли долго шли вдоль безжизненной плоской равнины, покрытой солью и ослепительно блестевшей на солнце. На яркой лазури моря были разбросаны дикие скалистые острова. Их число все увеличивалось, росли и размеры. Попадались острова с хорошей пресной водой, поросшие лесом или кустарником или увенчанные высокими холмами по пятисот локтей вышины.

На берегу протянулась длинной полосой песчаная равнина с буграми дымящихся под ветром песков, а за ней, из сухой мглы, начали всплывать отдельные горы такой высоты, о которой путешественники не имели никакого представления. Первая огромная вершина широким куполом поднималась в заоблачные выси, за ней вдалеке другая, пониже, была покрыта лесом. Острые гряды черных камней пересекали равнину, подползая к самому морю, береговые обрывы были рассечены узкими, зловещими ущельями.

Плавание шло без особых приключений. За белыми скалами на берегу начались обширные болота, поросшие деревьями с необычайными, торчавшими в воздухе корнями[3]. Болота охраняли три стража — близко от моря высились три острых черных конуса высотой не меньше четырехсот локтей.

Едва только корабли миновали болота с их нездоровыми испарениями, в прояснившейся дали берега показались цепь за цепью величественные островерхие горы[4]. Они возникали вдалеке, как бы плавая в синеватой

---

[1] Древнеегипетское название колючих кустарников.
[2] Район мыса Тхерауба (см. лоцию Красного моря).
[3] Мангровые заросли
[4] Горы Абиссинии.

дымке. Сразу чувствовалось, что они должны быть невероятной высоты. Баурджед и его спутники были уверены, что эти горы те самые, которые отделяют Страну Духов от верховьев Хапи, и радость проникла в их сердца. Здесь впервые заметили людей на берегу — черных нагих дикарей, быстро скрывшихся в зарослях. Только здесь гордые, презиравшие других, непохожих на себя людей сыны Черной Земли поняли радость встречи с человеком.

Беспредельные пустые пространства сотнями дней тянулись перед ними, и ужас одиночества в огромном и пустом мире, чувство беспомощности перед необъятной природой овладевали путешественниками. Теперь оказалось, что они не одни; здесь живут, пусть черные и нагие, но настоящие, подобные всем другим люди. Все моряки с грустью смотрели вслед им, исчезнувшим, точно призраки.

Вскоре путешественники подверглись новому испытанию. Небо потемнело от тяжелых туч, и в неистовом сверкании молний и сокрушающем грохоте грома на сынов Та-Кем полился такой дождь, о котором не слыхали никогда на их родине, где дождь — событие, случающееся раз в несколько лет. Темные облака извивались над кораблями, уподобляясь образу вызывающего бурю злого змея Апопа[1], вспышки молний освещали разверзнутые пасти и хищные лапы.

Сплошные потоки ревущей воды низвергались с небес, заливая корабли; люди захлебывались, едва переводя дыхание; все мгновенно пропиталось водой. Испуганные яростным громом и ослепленные непрерывными вспышками молний, задыхавшиеся моряки отчаянно вычерпывали воду, наполнившую корабли.

Ливень прекратился быстро; все стихло, засияло горячее солнце, и только на дымившихся берегах долго журчали скатывавшиеся в море потоки.

Кончался второй месяц плавания. Путешественники научились не бояться зловещих скал, ярости прибоя, неземной красоты подводных садов. Даже в багровой темноте песчаной бури или потоках неистовых ливней корабли шли вперед, ныряя черно-красными носами, послушные воле великого фараона Джедефра, движимые упорством людей, закалившихся в борьбе с неведомым. Будто змеи, драконы и другие сказочные чудовища, без конца выползали в море скалистые мысы, уходили назад за корму горящие на солнце бухты.

Но новые трудности ожидали смелых путешественников, подстерегали их за выступами берега, скрывались за пылающим южным горизонтом.

До сих пор берег Лазурного моря был почти прямой, короткие мысы и неглубокие заливы нарушали однообразие этой стремящейся вдаль, подобно полету стрелы, линии. В начале третьего месяца плавания корабли вошли в глубокую бухту, врезанную в берег в южном направлении. Перед кораблями сошлись береговые скалы, прохода вперед не было, и пришлось огибать на веслах длиннейший скалистый мыс, против которого в море виднелись большие острова. За этим мысом корабли встретили сильный ветер. По ровной, подернутой мелкой рябью поверхности моря быстро перебегали отдельные редкие волны. Каждая из волн катилась, поднимаясь округлым горбом с оторочкой пены впереди. Они начали бросать затрещавшие суда, заливать их через борты. Моряки едва успели укрыться между островами. К вечеру ветер ослабел, и можно было бы плыть по успокоившемуся морю, но оказалось, что сила гребцов не способна преодолеть сопротивление непрестанно дующего ветра. День за днем дули

[1] *Апоп* — олицетворение бури, мрака и ужаса в египетском пантеоне.

встречные ветры, люди выбивались из сил. Суда проходили ничтожные расстояния.

Баурджед решил выйти в открытое море, но и там встречные ветры не давали хода кораблям, постепенно отгоняя суда к востоку.

Вскоре путешественники увидели берег и с удовольствием узнали, что ширина Лазурных Вод здесь так же невелика, как и на севере, где суда Кемт переплывали его, отправляясь в военные походы на рудники восточных стран. Значит, подобно исполинскому каналу, Лазурные Воды протянулись прямой узкой полосой вдаль на миллионы и миллионы локтей расстояния. Восточный берег моря здесь был совершенно мертв и безводен.

Страдая от палящего зноя, моряки приложили все усилия к тому, чтобы пробиться обратно к своему берегу, и пристали туда почти на том же месте, откуда отошли — у больших островов. По пути видели черных рыб невероятной величины[1], превосходивших в несколько раз длину кораблей. Эти рыбы выставляли над поверхностью моря свои гладкие черные спины, похожие на острова из черного гранита, громко сопели, выбрасывая фонтаны воды, и разбивали воду чудовищными хвостами. Путешественники удалились от этих рыб со всей возможной скоростью. Крепкие корабли Кемт впервые показались им утлыми, ненадежными скорлупками.

Встречные ветры не только не прекращались, но, наоборот, дули почти непрерывно. Баурджед сдался, на время побежденный. Выбрав удобное место, изобиловавшее водой и дичью, путешественники вытащили корабли далеко на берег. Здесь провели они остаток времени наводнения и три месяца посева в томительном ожидании перемены ветров, сражаясь со множеством хищных зверей и ядовитых пауков, казалось собравшихся со всей пустыни вокруг. Люди страдали без привычной пищи — плодового и пшеничного хлеба, овощей. Все запасы кончились, и дальнейшее пропитание всецело зависело от удачи охотников или от тех съедобных растений, которые изредка попадались в небольших перелесках, заполнявших горные долины высокого берега.

В последний месяц посева вновь подули сильные и постоянные северные ветры, и корабли, починенные и осмотренные, продолжали путь.

Восточный берег Лазурных Вод вдруг начал приближаться к западному. К изумлению Баурджеда, море сузилось до полусотни тысяч локтей[2]. Оба берега были мрачны и бесплодны — черные горы торчали подобно множеству свиных сосцов. Грубая черная земля, не родившая ни травинки, покрывала все вокруг.

Едва корабли миновали это узкое место, берега стали быстро расходиться, беспорядочные волны толкали суда, опасно кренившиеся и иногда зачерпывавшие воду.

У двух кораблей оборвались реи, корабль Баурджеда дал течь. Полдня плыл при таких угрожающих обстоятельствах, затем огромная, просторная бухта раскинула свою гладкую, спокойную поверхность[3].

Моряки поразились внезапной перемене — исчезла влажная и душная жара, сопровождавшая их все долгое плавание по Лазурным Водам. Воздух стал легок и чист, как воздух благословенной Кемт. Люди обрадовались этому, как счастливому предзнаменованию.

Берега вдали зеленели, издали чувствовался странный аромат, доносившийся от земли.

---

[1] То есть китов.

[2] Баб-эль-Мандебский пролив.

[3] Аденский залив, где гораздо прохладнее, чем в Красном море.

Горы были покрыты кустарниками и низкими деревцами с плотной блестящей листвой. Все эти растения издавали очень приятный запах.

Корабли плыли еще несколько дней вдоль берега, на юг, и тут случилось непонятное. Берег встал против дневного солнца, пути на юг дальше не было. Баурджед и его спутники растерялись: вместо того чтобы достичь края суши на берегу Великой Дуги, они дошли до края моря. Смущение закралось в сердца — приказ фараона оказался невыполнимым.

Корабли повернули на восток и двенадцать дней плыли вдоль берега, подолгу простаивая на суше от бурных налетов ветра и волн по восьми локтей высоты. Страшные темно-красные тучи неслись яростными шквалами, сильнейшие дожди с ревом изливались на пустынный берег, усеянный горами сыпучих песков. А берег все более отворачивал от восточной стороны к северной.

Сомнений не было — Великая Дуга таинственно исчезла куда-то, и они достигли пределов мира. Но где же волшебный Пунт с его богатствами, с похожими на народ Черной Земли жителями, со множеством селений на берегах моря?

В необозримую даль вперед уходил безлюдный берег, и все так же в глубине суши над ним возвышался ровный и невысокий скалистый уступ, изрезанный сухими оврагами.

Баурджед остановил экспедицию. Никто не ожидал такого конца. Готовились к новым, неслыханным трудностям, невероятным чудесам, может быть, к гибели. А здесь, после дивных приключений в пути по Лазурным Водам,— сухая и жаркая ненаселенная земля, преградившая путь на юг.

Снова вытащили корабли на берег, построили хижины. Из лагеря у подножия желтых утесов разошлись в разные стороны вооруженные отряды — для разведки страны и в поисках пищи.

Сам Баурджед во главе ста двадцати воинов и вооруженных рабов двинулся на юг. Он поднялся на голые плоские горы, пройдя пятьсот тысяч локтей от берега.

Далеко на западе высилось полчище гор той же неслыханной высоты, какие они видели за большими болотами в пути по Лазурным Водам. Они теснились грозной толпой, поросшие лесами, прикрытые облаками, лежавшими, точно на отдыхе, на их острых, иззубренных плечах. На юге перед Баурджедом расстилалась, насколько хватал глаз, желтая горячая пустыня без оврагов, рощ или оазисов. Ни одна река не пересекала светлую, казавшуюся рыхлой равнину, ни одно озеро не блестело радостным огоньком на однообразной плоскости.

А с востока шли без конца такие же плосковерхие уступы, как и тот, с которого Баурджед пытался проникнуть взглядом в неведомое. Ни следа городов или селений, ни даже признака кратковременного пребывания человека.

В тяжелом раздумье Баурджед возвращался назад. Трудности похода его отряда, дни без питья под злобным, гнетущим солнцем, бессонные ночи, полные тревожных мыслей,— все оказалось напрасным, загадка осталась неразрешенной.

Но в лагере встретили его неожиданные вести.

Один из отрядов, посланных на запад, после пятидневного пути наткнулся на маленькое селение, расположенное в лесистой долине, уходившей к подножию западных грозных гор. Неведомые люди были умны и понятливы. Вооруженные только легкими копьями и кремневыми ножами, они пасли стада коз на склонах гор, в изобилии населенных дикими

зверями. Язык их был неведом никому из рабов, взятых из-за Врат Юга[1]. Но с помощью жестов и рисунков на песке людям Баурджеда удалось объясниться с ними. Смелые и гордые, они нисколько не боялись странных пришельцев с оружием из невиданного металла, снабженных дальномечущими луками. Никто из них не согласился идти в лагерь, и угрозы начальника Имтоура едва не испортили дела.

Наконец они поняли, что пришельцам нужно узнать об окружающей стране. За меч из блестящей меди двое юношей отправились вверх по долине и возвратились через десять дней с тремя старцами, проведшими свою долгую жизнь в беспрестанных перекочевываниях по стране со стадами скота и в охотничьих походах. После долгих и трудных объяснений выяснились неслыханные вещи.

К югу лежала бесконечная богатая страна, но путь к ней был преграждён высокими горами и безводными пустынями. Расстояние было так велико, что требовало многих месяцев пути, и без вьючных животных нечего было и думать пускаться в такое предприятие. Но море, оказывается, вовсе не кончалось здесь. Старики не могли объяснить этого в подробностях, но единодушно утверждали, что дальше к востоку находится край земли и только одно безбрежное море омывает предел мира.

Обрадованный вестями, Баурджед решил плыть дальше. Но прежде чем корабли могли тронуться в путь, пришлось потратить еще три месяца на заготовку запасов продовольствия.

Три месяца посланцы Та-Кем жили бок о бок с жителями бесплодных гор. Надменный царедворец Баурджед, у себя в Та-Кем смотревший на каждого темнокожего человека из пределов Юга как на заведомого раба, здесь восхищался своими случайными соседями, любовался их гибкими, сильными телами, сказочной смелостью охотников, выходивших с копьями против львов в одиночку.

Не раз Баурджед охотился вместе с вождями племени, забыв о всякой важности, заглядывался на юных стройных девушек, едва прикрывавших свою наготу скудной одеждой.

За малейшую обиду, нанесенную местным жителям, Баурджед установил немедленную казнь, но строгий указ не пришлось привести в исполнение: никто, даже заносчивые ливийцы, ни разу не поссорились с соседями — так сильна была у них тоска по человеку после страхов безлюдного моря.

Пять месяцев стояли здесь корабли; уже год прошел со времени отплытия из гавани Суу.

Глава третья

ВЕЛИКАЯ ДУГА

Снова поднялись истрепанные, много раз чиненные паруса, заскрипели весла в истершемся дереве. Не подозревая о грозной опасности, Баурджед повел свои семь судов на новые поиски края Великой Дуги и волшебного Пунта. Опять прохладный, могучий простор морского воздуха

[1] То есть за южной границей Египта.

оживил привыкших к нему моряков. Длинной лентой развертывался однообразный песчаный берег; возвышавшиеся поодаль утесы окрашивались в солнечных лучах в разноцветные, то мрачные, то радостные узоры. Встречное течение замедляло путь, но, несмотря ни на что, уходили на запад все новые и новые тысячи локтей берега, неуклонно увеличивая расстояние до священной Черной Земли, отдаляя срок возвращения.

При появлении багровых туч суда поспешно укрывались на берегу, вытаскиваемые десятками сильных рук. Так удавалось избегать внезапных ветров потрясающей силы, которые иначе давно бы покончили с экспедицией Баурджеда. Здесь пришлось плавать больше ночью, чем днем. После полудня ветры дули с моря и относили корабли на мели к берегу. Ночами яркая луна хорошо помогала морякам избегать небольших, но острых подводных скал, обозначавшихся в блестящем серебре моря матовыми кругами разбитых волн.

Луна была уже на сильном ущербе, когда ночью моряки заметили, что черная стена скалистого берега повернулась вправо, на юг. Взволнованный кормчий разбудил Баурджеда. Но берег не кончался, и суда шли вдоль него всю ночь. Встала заря. Носы кораблей были направлены на ее алый огонь, и вдруг берег справа исчез, удаляясь назад, за корму последнего судна[1].

Навстречу вставали волны невиданных размеров. Высотой они лишь немного превосходили уже виденные моряками восьмилоктевые волны Лазурных Вод. Но те возникали только при бурных ветрах, вздымаясь с яростной быстротой, и, словно разгневанные духи моря, метались в поисках жертвы.

Теперь же волны, при слабом береговом ветре широко развертывали перед моряками свои темные склоны, величаво, медленно и грозно вздымая свои верхушки, увенчанные багряным светом зари. Они не метались, наталкиваясь друг на друга,— нет, волны шли спокойно рядами, цепь за цепью, будто наступающее полчище могучих великанов. И само необозримое море казалось чудовищной грудью, дышавшей мерно и плавно, порождая при каждом вздохе новую гряду водяных гор. Страх охватывал людей, словно сама их жизнь исчезала в величавой бесконечности океана.

Не было больше голубого сияния, лазурного цвета прозрачного теплого моря. Вода потускнела, темно-зеленая ее масса не давала возможности проникнуть взором в глубину, синевато-серые отблески ложились на гладких скатах колышущейся пучины.

Корабли взлетали на тяжкую грудь водяного вала, быстро низвергались в темные провалы и снова, задрав носы и поникнув кормой, устремлялись вверх до следующего падения. Казалось, чьи-то мощные, безжалостные руки играли судами, точно скорлупками, мерно подбрасывая и опуская беспомощные корабли. Паруса захлопали, провисая и снова надуваясь, загремели реи, затрещали весла под давлением водяных гор. Кормчие, покрывшиеся пóтом с головы до ног, испуганно призывали себе на помощь гребцов. Неверное управление угрожало страшным бедствием, при малейшей ошибке растерявшихся гребцов весла переламывались, как тростинки, или тяжко ударяли людей, калеча их.

Молчание нависло над кораблями, нарушаясь только ударами воды и треском дерева. Настороженное, прерывистое дыхание выдавало волнение людей. Все понимали, что перед ними какое-то новое, невиданное море, более грозное, чем то, по которому они так долго плыли. Непобеди-

[1] Суда прошли восточную оконечность Сомалийского полуострова — мыс Гвардафуй.

мая мощь чувствовалась в его просторе, подавляла вздымавшимися грядами водяных гор.

Баурджед приказал во что бы то ни стало повернуть обратно к берегу. С большим страхом кормчие принялись выполнять опасный маневр. Благодаря веслам удалось быстро развернуть корабли, не подставляя их открытые борта ударам громадных волн.

Берег уходил круто на юг, устремляясь еще правее, и Баурджед наконец понял. Они обогнули огромный, величиной с целую страну, выступ суши и достигли Великой Дуги. Лазурные Воды оказались не более как ее заливом, узким отростком. Теперь берег отклонялся к западу; если так, то скоро они увидят южный край мира на берегу Дуги.

Баурджед поделился своими соображениями со спутниками. Неописуемая радость осветила лица, только что помрачневшие перед зрелищем мощи океана. Значит, скоро будет выполнено поручение фараона, скоро начнется обратный путь, пусть бесконечно далекий, пусть угрожающий снова всеми перенесенными страхами, опасностями и страданиями, но путь, ведущий к мирным полям святого Хапи!

Как далеки были эти наивные мечты от страшной действительности! Корабли приблизились к берегу, и сейчас же новый страх смял возникшую было радость.

Угрюмые утесы высились отвесно, залитые светом утреннего солнца. Море билось о них с оглушительным грохотом, высоко вверх летели столбы сверкающих водяных брызг. Громадные водяные горбы, побелевшие сверху, вспучивались под берегом, черные гряды злобно ощеренных скал вставали и снова скрывались в рушащихся валах пены. При каждом спаде волны черные зубы утесов будто выпрямлялись, сбрасывая с себя бешено льющиеся струи воды. Этот берег более не сулил безопасного приюта кораблям Баурджеда. Острые скалы грозили смертью, рев прибоя возвещал немедленную гибель.

И суда, подчиняясь всемогущей силе, во власть которой они так внезапно и незаметно вошли, опять повернули от спасительной суши к грозному лицу Великой Дуги.

Вода вокруг была необыкновенно холодна и темного цвета. Гнилой, неприятный запах бил в лицо вместе с брызгами пены. Корабли шли медленно, беспомощно мотаясь в громадных волнах. Кормчие стремились сохранить направление вдоль берега, едва заметного справа.

В своем соединенном упорстве люди не сломились, а продолжали борьбу еще более ожесточенно. Понемногу моряки освоились с волнением, гребцы заработали увереннее и смелее, часто сменяя друг друга. После полудня ветер с моря понес корабли быстрее и быстрее прямо на юг, и к вечеру суда проплыли большое расстояние, подошли к берегу, и моряки снова убедились в невозможности пристать.

Ветер становился сильнее, с шумом рвал паруса; их пришлось спустить.

С поникшей головой Баурджед стоял на переднем корабле, оглядывая остальные шесть, нырявшие и качавшиеся подобно игрушечным деревянным уткам, какие он любил пускать мальчиком в садовом бассейне. В памяти мелькнули теплые, яркие краски родных садов, покой и тишина отцовского дома.

С чувством попавшего в западню зверя Баурджед оглянулся вокруг.

По-прежнему мерно вздымались огромные волны, только ритм их дыхания заметно убыстрился. Последние лучи солнца угасали вдали, за белевшей полосой бурунов, а в небе висела зловещая густая облачная масса, освещавшаяся снизу частыми вспышками молний.

Тяжелое ощущение недоброго, готовящегося ему и его спутникам, давило Баурджеда. Маленькие, недавно казавшиеся такими уютными и надежными корабли скучились вокруг головного — начальники кораблей ждали приказа, отвергнутые землей, затерянные в море на краю мира.

Все более крепло у Баурджеда сознание, что корабли Та-Кем не годились для плавания по Великой Дуге.

Но ничего нельзя было сделать. Он — полный владыка душ и тел своих спутников, начальник воинов, исполнитель воли всемогущего фараона — чувствовал себя сейчас неопытным, робким мальчиком, готовым спрятать голову в коленях у матери, если бы она была здесь.

Тьма сгущалась над морем, свист ветра становился резче и заунывнее, а молнии все чаще сверкали, освещая рваные края темных облаков.

С корабля на корабль прокричали распоряжение Баурджеда — плыть всю ночь по ветру, ни в коем случае не разлучаться, держать ближе друг к другу. Подавать постоянные сигналы ударами в медные щиты...

Мрак разъединил корабли, погрузив людей в одиночество. Он был так густ, что с носа нельзя было видеть, что делается на корме. Только огни молний давали возможность следить за соседними кораблями.

Страшные крики, вой и вздохи неслись из-за туч, как будто сам мрачный Сетх[1] или грозная Сохмет[2] — львица, пожирательница людей, спорили там из-за добычи. В вое ветра люди слышали окликавшие их голоса и в страхе оглядывались с бьющимися сердцами. Зловещее томление и тоска охватывали людей, точно звавший их голос принадлежал самой смерти.

В надрывный скрип дерева и унылое завывание ветра со всех сторон вплетались зловещие медные удары, подобные невыразимо напряженным вскрикам. Им изредка вторили глухо доносившиеся человеческие слова — отрывочные, бессвязные и от этого казавшиеся испуганными.

В полной угрозы ночи корабли быстро шли к югу, гонимые, как сухие листья в ветер. Слева и спереди часть горизонта непрерывно светилась, будто там собрались со всего мира зарницы и молнии.

Вздох, вырвавшийся из груди Баурджеда, потонул в громовом реве вдруг налетевшего ветра. Корабль повалился набок, и Баурджед упал на колени, сильно ударившись головой. Сознание покинуло его, и он неминуемо полетел бы за борт, если бы смелый моряк, по имени Антеф, не удержал его, прикрыв собственным телом в углу между краем борта и палубой.

Когда Баурджед снова открыл глаза и сознание вернулось к нему, он долгое время не мог сообразить, где находится. Его окружало что-то исполински громадное, несущееся, давящее. Он чувствовал под собою по-прежнему твердую палубу корабля, но она исчезала под крутящейся пеной. Размахи судна превратились в быструю смену взлетов и падений, похожую на скачку раненой антилопы. Понемногу Баурджед заставил себя соображать, отчаянно сжимая голову в ладонях.

Полное злобы рычание ветра, душившего его, мешало ему прийти в себя.

Гром вздыбленного моря убил все звуки. Только рев ветра яростно спорил с раскатами водяных гор.

На палубе корабля, под обломками сломавшейся мачты, лежали гребцы, вцепившись в вытащенные на палубу весла. Часть людей, обвязавшись веревками, держала рулевые весла. Группа воинов распростерлась на палубе, удерживая своими телами покрышки трюмных отверстий, наскоро сооруженные из парусов.

---

[1] *Сет*, или *Сетх*,— бог подземного царства, владыка темных сил.

[2] *Сохмет* — богиня войны, голода и болезней в образе львицы.

Бледно-серый мертвый свет слабо освещал все происходящее. Иногда вдруг оно выступало с жуткой отчетливостью в слепящей вспышке молнии, подобное бредовой картине.

Баурджед в смертельной тревоге старался разглядеть другие корабли, скрытые провалами волн и полосами пены. Посмотрев на эти заливаемые водой скорлупки, он понял до конца весь ужас своего положения.

Два корабля слегка опередили корабль Баурджеда, держась справа от него. Сквозь дикую пляску гребней волн и взмахи хвостов пены он различил на них тонкие треугольники уцелевших мачт. Слева и сзади шли еще три корабля, а седьмого нигде не было видно. Великое чудо было в том, что шесть кораблей пока шли, и еще большее чудо, что бешеная сила бури не разметала их по темному кипящему морю.

Внезапно один из трех кораблей, шедших слева, резко накренился; мелькнули людские руки, вздыбленные весла. Через мгновение дно опрокинувшегося судна показалось в косматом гребне исполинского вала и исчезло. Оцепенев от ужаса, Баурджед и державший его воин смотрели на гибель спутников. В волнах едва виднелись головы нескольких людей.

Боевой огонь возмущения зажегся в угнетенном Баурджеде. Он должен был что-то делать, сражаться с этой губящей, пусть необоримой силой. Цепляясь за что попало, он пополз к кормовой части судна, где дверь в заднее, крытое помещение уже подавалась под напором заливавшей корабль воды. Все дальнейшее вспоминалось Баурджеду неясными, спутанными обрывками. Он помнил, как рубили борта, чтобы облегчить сток воде с палубы, как он сам и знатные чиновники его свиты вместе с рабами бешено отливали воду в черной тьме внутри судна, избитые ударами качки, как неистово пытались заделать все отверстия в палубе, неосмотрительно прорезанные строителями, никогда не знавшими ничего о Великой Дуге. Баурджед помнил искаженные, мокрые, неузнаваемые лица, мелькавшие вокруг него во вспышках молнии. Сыны Кемт и рабы — негры, ливийцы, азиаты — сражались со стихией во имя жизни.

С чувством благодарности и восхищения Баурджед следил за сильной фигурой Уахенеба, обрисовывавшейся на корме сквозь пелену летящей пены. Иногда особенно яркие вспышки молнии вырывали из тьмы его твердое лицо с запавшими от невероятного напряжения щеками. Кормчий с тремя помощниками изнемогал, удерживая рулевое весло — единственную надежду корабля.

Уахенеб криками подбодрял товарищей по другую сторону кормы, его резкая команда прорывалась через оглушительное неистовство бури. И люди, забывая страх смерти, беспрекословно подчинялись рулевому, сумевшему держать корабль против неслыханной силы Великой Дуги, вселить надежду в их потрясенные сердца, помочь найти силу в усталых телах. И работали с нечеловеческим напряжением.

Баурджед помнил еще одно страшное зрелище, неизгладимо запечатлевшееся в душе. С его кораблем сблизились два других. Один — с украшенным медью носом, где начальником был любимец Баурджеда, веселый Симехет,— внезапно стал погружаться кормой. Десятки людей посыпались за борт, в губительные волны, стремясь к шедшему рядом кораблю Мерира. Протянутые руки конвульсивно цеплялись за его борта, спасение пловцов казалось совсем близким.

Но тут, закрывая полнеба и касаясь вершиной низких туч, поднялся вал двадцати локтей в вышину. Корабль Мерира не смог, отягченный спасавшимися, своевременно повернуть и ускользнуть от чудовища. Косматая вершина гигантской волны хищно загнулась вперед, и тяжелая масса воды обрушилась на корабль, отшвырнув в сторону судно Баурджеда.

Никто не всплыл на месте гибели двух кораблей, только какие-то обломки иногда мелькали между волнами.

Смерть была неизбежной, и всё же люди на судах продолжали борьбу, перестав сознавать все, кроме необходимости сохранения корабля.

Моряки не заметили, что борьба становится легче, что хриплые, отрывистые восклицания уже не слышны сквозь бурю, что серый полумрак синеет и размахи корабля замедляются. Но, только когда яркий солнечный свет залил все вокруг, они поняли, что вырвались из лап ревущей неумолимой смерти, что будут жить.

Солнце уже клонилось к закату — так долго несла корабли ужасная буря. Из уцелевших обломков долго собирали мачту; подняли ее, распустили большой синий флаг — Баурджед давал сигнал тем судам, которые спаслись. Если спаслись... Но вскоре приблизился один корабль, потом другой. Невыразимо велика была радость снова увидеть товарищей. Три корабля направились к заходящему солнцу и тут заметили впереди, в бушевавших вдали волнах, черную точку. То был четвертый корабль...

Баурджед замолчал и провел рукой по изменившемуся, взволнованному лицу. Потрясенный фараон велел принести вина и крепкого пива.

Отдохнув немного, Баурджед продолжал рассказ.

Каждый из путешественников после бури сделался «подобным человеку, схваченному в темноте. Тела их дрожали, сердца отсутствовали в них, и они не могли отделить жизнь от смерти»[1].

Разбитые, наполненные водой корабли тяжело переваливались на высоких волнах, треща и содрогаясь, словно в воспоминаниях пережитого. Все помыслы людей были устремлены к берегу. Если земля снова отвергнет их, встретив грохотом и пеной прибоя, то смерти не избежать. Не хватит сил пробыть еще ночь в объятиях Великой Дуги, невозможно спасти поврежденные суда...

Медленно подвигались суда к берегу — далекая туманная полоска против солнца оставалась все той же, не давала ответа на терзавший моряков вопрос.

Корабль Баурджеда, на котором осталось больше весел, шел опять впереди. Незаметно море посветлело, качка ослабла — корабли медленно взлетали вверх и плавно опускались на редких длинных волнах. На взлете с высоты большого вала с судна внезапно увидели берег, оказавшийся совсем близко. Низкий и песчаный, он полого уходил под широкие разливы и всплески накатывавшихся волн. Водяные валы медленно вставали длинными стенами, их верхушки горбились, блестя на солнце, как спины громадных животных. Неуловимо быстро гребни валов закручивались вперед и с глухим шумом простирались на гладком песке.

Путешественники не успели оглянуться, как суда оказались на песчаной отмели, заливаемые водой.

По горло в воде, под могучими и ленивыми ударами волн моряки отчаянными усилиями вытащили свои корабли дальше на берег.

Несколько пальм, покорно склонивших свои стройные кольчатые стволы перед лицом Великой Дуги, говорили о присутствии пресной воды.

Под их растрепанными морским ветром кронами чувство покоя и безопасности наполнило сердца измученных людей. Очень скоро все забылись тяжелым сном, не думая о дальнейшем, все еще переживая случившееся.

Здесь, на этом пустынном берегу, к Баурджеду с полной ясностью

---

[1] Подлинный текст.

пришло сознание необъятности мира, исполинского величия еще не покоренной человеком природы и чувство бесконечной оторванности от милой родины.

К утру суда оказались далеко от моря, на голом песке. Путешественники уже знали, что море с правильными промежутками то наступает на сушу, то отступает от нее, и поэтому не удивились. Осмотр кораблей показал ряд серьезных повреждений.

Снова построили лагерь на неведомом берегу, снова разошлись в разные стороны отряды в поисках нужного дерева, смолы и пищи.

Страна была жаркой, пустынной и неприветливой, но прошло много времени, прежде чем удалось ее покинуть. Путь на юг продолжался. Оставалось уже меньше половины людей, отправившихся из гавани Суу, износилась одежда, кончились взятые с родины запасы.

Корабли шли и шли вдоль берега, избегая мощного волнения, неуклонно стремясь на юг, в нетерпеливом ожидании окончательного поворота берега на запад.

Ночами на берегу раскидывалось над ними необычайно черное небо, на котором всплывали с юга новые, чуждые по очертаниям созвездия, а родные, знакомые звезды с каждым днем опускались все ниже, к северному горизонту.

Чужое небо пугало людей, вечная неизменность его, усвоенная опытом многих веков у себя в Та-Кем, рушилась, непонятное вновь вставало перед людским умом, терявшимся в догадках.

И даже солнце как будто бы взбиралось все выше на небо; в полдень оно стояло прямо над головой, обрушивая каскады прямых, как стрелы, все пронзающих лучей.

Ветры, дувшие с суши, приносили странные запахи. В них чудились ароматы неведомых цветов, удушливые испарения громадных болот, сухое и горькое веяние сожженных степей. Там, за невысокими горами, на запад шла загадочная, полная тайн земля, несомненно, изобиловавшая всевозможными чудесами. Но берег оставался пустынным в течение двадцати дней плавания, пока прибрежные горы не стали высокими и кругловершинными и не оделись в зеленый ковер густейших лесов. В знойные часы дня от них шел одуряющий запах, круживший голову. Словно все драгоценные ароматы смешались и пропитали тяжелый воздух. Леса подползали к берегу, редкостные обезьяны гуф и киу во множестве скакали по ветвям и спускались на землю, привлеченные видом судов.

Тут обнаружилась новая беда — в днищах кораблей образовались большие дыры. Какие-то морские черви источили крепкое дерево, и оно стало распадаться при ударах волн или трении о песок во время причалов.

Испытанные во всех опасностях, избежавшие столько смертей, путешественники впали в безысходное отчаяние.

Единственным крепким мостиком, связывавшим их с далекой родиной, были корабли — залог возвращения. Без кораблей на чужих берегах края суши, в безмерной дали от Черной Земли — как смогут они вернуться, как найдут покой смерти в Кемт?

Починяя разваливающиеся корабли, экспедиция продолжала путь.

И вот наконец гигантские деревья неслыханной, невообразимой высоты подошли близко к морю. Устье большой реки обозначилось пятном темной воды, вторгшейся в сине-зеленые волны Великой Дуги. Тысячи синих птиц с длинными носами покрывали воду у берегов, розовые тучи фламинго[1] светились на солнце, белые цапли сновали повсюду, и важные

[1] *Фламинго* — болотная птица красивой розовой окраски, с длинной шеей, длинными ногами и большим, круто загнутым вниз клювом.

пеликаны отдыхали, покачиваясь на глади широкой, открытой бухты.

Корабли обогнули небольшой плоский мыс, и тут перед глазами путешественников предстало все то, о чем они мечтали в бурных волнах моря или на мертвых берегах под молчаливыми звездами все долгие дни невероятного пути.

Большое селение раскинулось на плоском берегу моря. Круглые дома с коническими крышами из тростника стояли на высоких сваях, под сенью отягченных плодами деревьев. Вдали, на склонах холмов, виднелись засеянные поля. Огромное стадо коз и коров с неимоверно длинными рогами отдыхало в тени широколиственных толстых деревьев. Желтые вислоухие собаки бегали по берегу и лаяли на приближавшиеся суда.

Навстречу спешили толпой крепкие, стройные мужчины в белых набедренных повязках и женщины в коротких белых платьях с одинаковыми узкими белыми лентами поверх длинных вьющихся волос. Цвет кожи незнакомцев был такой же, как у сынов Кемт.

Затаив дыхание они следили, как один за другим приближались и причаливали невиданные корабли.

Медленно подошел бородатый вождь с кинжалом за поясом, со множеством золотых браслетов на правой ноге.

Повинуясь его знаку, навстречу Баурджеду несли плоские корзины с грудами ярко-желтых и зеленых чешуйчатых плодов.

Так свершилась мечта народа Черной Земли, предвидение Джосера, воля Джедефра — экспедиция достигла сказочного Та-Нутер, или Пунта, после полутора лет беспримерного плавания. Страна была обширной, богатой благовониями и золотом; необычайно вкусные плоды доставляли обильную и разнообразную пищу.

Жители Пунта и в самом деле походили на сынов Кемт и, несмотря на то, что не понимали их языка, гостеприимно приняли путешественников, которым показалось, что они прибыли в сказочную страну духов счастья. Но то было лишь первое впечатление после многих месяцев борьбы с морем и пустынями, со страшными силами Великой Дуги.

Баурджед хорошо запомнил, как однажды в ответ на его восхищение страной кормчий Уахенеб сердито сказал, что высокие сановники в Та-Кем и здесь, в Пунте, не хотят видеть страданий простых неджесов — бедняков. А Пунт, по мнению Уахенеба, только тем и отличался от Черной Земли, что здесь не было армии чиновников, но зато во главе каждого рода стоял свой вождь, притеснявший своих подданных по своим собственным законам — иными словами, без всякого закона.

Скоро Баурджед сам убедился в этом. Легенда о счастливой стране развеялась дымом костра на морском берегу. Не хотелось возвращаться с такой вестью на родину, всегда, с очень древних времен видевшую в Пунте страну мечты, страну надежд народа на хорошую жизнь.

Оставалось узнать край земли на Великой Дуге, и эта задача казалась легкой: так далеко уплыли корабли Баурджеда, что никто не сомневался в близости Пунта к окраине мира. Теперь они достигнут ее даже по суше, без своих источенных червями судов.

Полгода экспедиция знакомилась со страной мнимых духов; изучала обычаи и язык, узнавала дороги, вела торговлю, меняя оружие, ткани и украшения на золото и ароматные смолы деревьев Пунта. Потом настало время идти на поиски края суши. Лишь после выполнения этого следовало думать о возвращении.

Но больше трех лет пришлось еще пробыть в далекой стране, а пределы суши так и не были достигнуты.

Оставив наиболее искусных людей на берегу для постройки новых су-

дов, Баурджед послал отряд на запад, а сам отправился на юг с основными силами оставшихся воинов, используя в качестве вьючных животных маленьких пестрых быков с длинными рогами. На восьмом дне пути тяжелая лихорадка свалила Баурджеда. Его отнесли обратно в прибрежный город, а экспедицию вместо него повели начальник воинов Имтоур и кормчий Уахенеб...

Баурджед поник головой и печально посмотрел на фараона. Лучи заходящего солнца осветили его лицо с запавшими щеками, глубокие тени легли вокруг глаз и рта печатью бесконечной усталости. Длинный рассказ, потрясающие воспоминания измучили путешественника.

Баурджед приподнялся и достал из принесенной с собой шкатулки несколько свертков, которые с низким поклоном подал фараону.

— Дальше моя речь не может быть полной,— тихо проговорил он.— Я был между жизнью и смертью много месецев, а потом сделался слабее недавно родившегося младенца. Вот здесь писцы, по моему приказанию, записали все то, что случилось с нами в попытках достичь края земли. Я осмелюсь предложить эти книги его величеству, жизнь, здоровье, сила...

Хафра недовольно сдвинул брови.

— Мы слышали от тебя так много чудес,— прозвучал металлический ясный голос фараона,— и хотели бы узнать скорее конец путешествия. Соберись с сердцем, отдохни в моем дворце и перед ночью продолжишь рассказ. Помни, что я еще не слышал от тебя самого главного...

Удивленный словами фараона, Баурджед покорно дал отвести себя в маленькую угловую комнату. Там путешественник лежал в одиночестве, наслаждаясь прохладой. Перед его закрытыми глазами без конца проплывали видения из далекого мира, потревоженные в памяти. Баурджед не мог заснуть, размышляя о том, чего же хочет от него фараон, и вспоминая недавний разговор со старым жрецом Тота.

Наступила ночь, когда его снова позвали к фараону.

Слабое мерцание светильников в глубине обширного балкона не мешало свету ярких звезд. Часто сбиваясь и путаясь, Баурджед поспешил окончить фараону отчет о своей экспедиции.

Он рассказал о том, как западный отряд достиг огромного пресного моря[1], переплыть которое они не смогли и возвратились.

На обратном пути отряд прошел мимо исполинской горы, ушедшей в глубину неба своей двуглавой вершиной чистейшей сверкающей белизны[2]. Со склонов горы сползали вниз, в долины, пласты необычайно холодного голубого камня. Этот камень был прозрачен и в руках превращался в воду, исчезая без следа.

Баурджед говорил о деревьях чудовищной высоты, касавшихся своими верхушками звезд, о других деревьях, более низких, но толщиной превосходящих всякое воображение.

Миллионы зловредных мух и разноцветных муравьев терзали путников.

Необозримые стада антилоп, свирепых быков, слонов, жирафов теснились на просторах степей, на опушках темных лесов... Тысячи зверей, похожих на больших ослов, дико раскрашенных в черные и белые полосы, бешено проносились перед путешественниками; черные чудовища с рогами на носу и на лбу бросались из-за кустов с ужасающей свирепостью.

---

[1] Озеро Виктория.

[2] Гора Килиманджаро.

Разные народы встречались путешественникам, разные оттенки кожи, звучания непонятных языков, разные виды оружия — все перемешалось в их памяти.

Отряд, направленный на юг, шел бесконечно долго, пока не достиг высоких гор. На тех горах росли мрачные леса из деревьев с иголками вместо листьев[1]. По ночам все деревья светились пугающим синеватым светом. Там же видели святящихся зверей, и — страшно сказать! — люди стали светиться сами, покрываясь как бы одеждой из холодного огня. Тот свет предвещал ужасные грозы, нещадно крушившие все вокруг, избивая людей, ломая деревья и зажигая леса[2].

В страхе отряд поспешно пересек горы и пришел к большой реке[3], равной самому священному Хапи. Здесь жили люди со странным серым цветом кожи, искусные в скотоводстве и выделке оружия.

Посланцы Баурджеда долго жили здесь, познакомились с языком серых людей и смогли узнать о пути дальше на юг.

Оказалось, что край суши невообразимо далек, никому не известны его пределы. Местные жители уверяли, что дальше на юг, за горами и лесами, идут просторы степей с голубыми травами[4]. Там, на юге, холоднее, чем здесь, и живут воинственные племена. Воины их бегают быстрее антилоп и бросают копья дальше, чем летит стрела.

Несмотря на предупреждения об опасности, Имтоур и Уахенеб направились на юг от реки, стремясь во что бы то ни стало выполнить волю фараона.

В кровопролитных сражениях отряд быстро лишился лучших, испытанных, сильных воинов и поспешно отступил назад, не выполнив намерения. Погиб сам начальник Имтоур, был ранен Уахенеб, из семидесяти человек к большой реке вернулось всего четырнадцать.

Баурджед говорил,как долго томился он в чужой стране, ожидая возвращения посланных им отрядов. Сто три человека, закаленных годами тяжкого пути, не боявшихся ни необъятного моря, ни зверей, ни людей, исчезли, растворились в просторе огромного, поистине бесконечного мира.

Едва оправившись, Баурджед двинулся на поиски южного отряда, собрав всех способных к походу людей.

Волею богов им удалось встретить маленькую группу сынов Кемт, пробивавшихся на север, к Пунту. Едва живые поведали они начальнику, что пределы мира так и остались непознанными. Стало ясно только одно — земля на юг простирается на такое громадное расстояние, перед которым вся страна Кемт не более маленького островка в дельте Хапи. Пройти до конца суши можно только с тысячами воинов, и на это потребуются десятилетия...

Строители, остававшиеся на берегу, приготовили три корабля, давно уже бережно сохранявшиеся в тростниковом сарае, на уступе берега. Эти корабли были выстроены по-новому — борьба с волнами Великой Дуги не прошла даром. Высокие и прямые носы закрыли досками твердого дерева, крепкая палуба не имела ни одного отверстия, не закрывавшегося плотными крышками. Рули поместили на высокой подставке, защищен-

---

[1] Дерево виддрингтония.

[2] Скопления атмосферного электричества, частые на высоких плоскогорьях Африки.

[3] Замбези.

[4] Степи Южной Африки.

ной от волн, днища кораблей были обиты тонкими листами золота, чтобы избежать разрушения дерева от морских червей.

Но все уцелевшие спутники Баурджеда помещались на одном корабле. Два других некому было вести. Напрасно пытался Баурджед уговорить вождей Пунта дать ему гребцов, напрасны были и попытки соблазнить кого-нибудь щедрыми посулами. Все жители Пунта наотрез отказались покинуть родину.

Пришлось идти на одном корабле, несмотря на всю опасность такого плавания. После четырех с лишним лет пребывания на суше люди Баурджеда с радостными возгласами спустили корабль в объятия Великой Дуги. Сейчас ее волны были легкими, весело и ласково бежали они из безбрежной дали неведомого. Корабль нагрузили тысячью больших колец[1] золота и серебра, уложили двадцать толстых стволов черного дерева, пятьдесят огромных слоновых клыков, пятьсот мер драгоценных благовоний, шкуры и рога необычайных зверей, перья невиданных птиц. Все это прибыло благополучно и лежит сейчас в сокровищницах обеих стран, у казначея бога.

Тяжел и долог был обратный путь, по нескольку месяцев приходилось стоять в ожидании благоприятных ветров. Но они пробились через бури и дожди, страшные зубы подводных скал, спаслись от громадных волн, были пощажены песчаными ураганами, чтобы повергнуть к стопам их величества все добытое в тяжких лишениях, сообщить познанное о великом и чудесном мире, простирающемся на юг от родной Кемт...

По знаку фараона все присутствующие покинули балкон. Остались только чати и верховный жрец Ра.

— Ты совершил неслыханные подвиги,— медленно заговорил Хафра,— перешел необозримые пространства, и сердце твое крепче красного камня Врат Юга.

Баурджед склонился лбом к полу, почтительно внимая словам фараона.

— Но ты вернулся с малой добычей, потерял много храбрых воинов и умелых рабов,— продолжал фараон.— Чем же возвеличил ты божественное имя царей Кемт в далеких, посещенных тобою странах?

Баурджед молчал — ему нечего было отвечать.

Хафра помедлил, в то время как чати и верховный жрец одобрительно закивали головами.

— Я не порицаю тебя,— слова фараона тяжело падали на сердце путешественника,— ты выполнил волю моего божественного брата и не мог ничего знать о переменах в Черной Земле. Иначе ты бы вернулся, едва достигнув Пунта, с богатой добычей и сам не подвергся бы лишениям в попытках достичь недостижимого. Мне нужно знать, много ли воинов потребуется, чтобы разбить эти южные страны, хороши ли будут рабы тех племен, много ли драгоценных камней можно взять оттуда для украшения моего храма. Ты еще ничего не сказал об этом.

Негодование стеснило грудь Баурджеда. Он только что пережил снова все величие широкого мира, и надменная самовлюбленность владыки вызвала в нем почти отвращение.

— Великий Дом, сын Гора,— тихо ответил путешественник,— там много разных племен, не объединенных дружбой, и ни одно из них в отдельности не смогло бы противостоять огромному войску Та-Кем. Но юж-

[1] Денежная единица.

ная земля велика, и людей там, как песка в западной пустыне,— все войско, весь народ Черной Земли растворился бы в ней подобно горсти соли, брошенной в воду. Мы не могли бы удержать завоеванного, ибо наша сила велика, покамест мы все вместе на нашей земле, как муравьи в муравейнике...

— Ты хочешь сказать,— гневно перебил фараон,— что мне и моему избранному богами народу не подвластны земли жалких негров? Вот как ты укреплял величие фараона в далеком Пунте!

— Сын Гора, жизнь, здоровье, сила,— поспешно ответил Баурджед,— я только хотел сказать, что мир так велик...

— Что вся земля Кемт перед ним не более островка в просторах Дельты?— быстро спросил Хафра.

Баурджед утвердительно наклонил голову.

— Может быть, и моя высота, которая станет больше всего, что было и будет создано людьми, покажется тебе лишь ничтожным холмиком? А может быть, ты посмел меня, бога и владыку мира, сравнить с презренными вождями презренных далеких племен?— последовали быстрые вопросы фараона.

Растерявшийся Баурджед прижался лбом к полу.

Фараон отгадал его мысли, еще неясные и смутные, порожденные тоской по свободе и простору минувших лет путешествия.

Хафра замолчал и устремил неподвижный взгляд поверх головы Баурджеда, подняв и сжав челюсти.

С затаенным дыханием Баурджед готовился встретить новый удар судьбы. Прошло несколько томительных минут.

— Иди домой,— наконец заговорил Хафра.— Завтра утром созовешь своих спутников и передашь им мое запрещение рассказывать сказки о твоем путешествии. Всякого, кто нарушит приказ, постигнет кара. И ты сам запомни мои слова...

Ошеломленный путешественник спустился с балкона, провожаемый молчаливыми взглядами двух первых советников владыки Кемт. Ночная темнота сомкнулась вокруг Баурджеда, и так же темно стало в его душе; настоящее и будущее его жизни потерялось во мраке.

Победитель необозримых пространств побрел, спотыкаясь, по прямой пальмовой аллее к воротам дворца...

Сильные удары весел разбивали мутную воду Хапи.

Три могучих негра-гребца быстро гнали вверх по течению легкую лодку. Под плетеным сводом навеса сидели двое. Это были Баурджед и старый Мен-Кау-Тот.

Суровое лицо жреца было печально; он говорил, не спуская глаз с жадно внимавшего ему Баурджеда:

— Тяжелы камни судьбы, и горе тому, кто очутился под ними. Но в темную ночь мудрый познает свое родство с безднами неведомого. Сердце его трепещет, а мысли ширятся... Великое дело совершил ты, но суждено ему пройти без пользы для родины, исчезнуть для времени в сокровищнице тайной мудрости. Я предвижу падение жрецов Тота, предвижу худшие бедствия и падение могущества Кемт, если владыки его пойдут путем Хуфу и Хафра. Горько, что нет ныне человека, подобно премудрому Имхотепу, ибо сила фараона возросла величайшим образом. Народ Черной Земли стал былинкой, распластанной под копытом быка...

Мен-Кау-Тот тяжело вздохнул, меряя глазами уходившую вдаль долину, словно стараясь разглядеть будущее.

— Знай же,— помолчав, снова заговорил жрец,— что фараон приказал сжечь все записанное твоими писцами о путешествии. Мало того, в храме Джедефра была доска черного гранита с перечислением дел отошедшего фараона. Там было написано и о том, что он послал тебя разыскивать Пунт и край Великой Дуги. По приказу Хафра надпись стерта, твое имя уничтожено, и теперь ничто не передаст векам свершенного тобою подвига. Твои гребцы и воины отосланы надолго к озерам Змея. Уахенеб исчез.

Но народ — он не забыл тебя и продолжает прославлять тебя в песнях, новые сказки о тебе передаются из уст в уста в городах и селениях. Вот почему, пока гнев Хафра не обрушился на тебя всей силой, я посоветовал тебе укрыться во дворцах Тота. Давно уже фараон разыскивает их, но никогда не найдет, ибо верны слуги бога мудрости. Там искусные резчики смогут запечатлеть навеки на твердом камне описание твоего путешествия, а ученые жрецы запишут все, что познал ты в странствованиях по далекому югу. Так в поколениях людей сохранится память о могуществе и знаниях жрецов Тота. Отойди от жизни на время, пока не загладится смятение, внесенное тобой, под подошвой великой пирамиды. И гробница твоя сохранится для тебя, и пляска Муу[1] будет совершена перед ее дверью. Те твои спутники, которые вняли голосу мудрости, тоже будут целы...

— Как мне благодарить тебя, отец мой! — взволнованно произнес Баурджед.— Сколько раз я уже шел по путям твоей мудрости, и все сбывалось, как ты говорил... Прими же в дар прекрасную память далекого мира, которую сохранил я для себя во всех испытаниях...

Баурджед порылся в складках одежды и извлек оттуда плоский обломок камня величиной с наконечник копья, с округлыми краями. Камень был тверд, чрезвычайно чист и прозрачен, и его голубовато-зеленый цвет был неописуемо радостен, светел и глубок, с теплым оттенком прозрачного вина. Зеркальная поверхность камня была отполирована, видимо, рукой человека.

— Его доставил Уахенеб,— продолжал Баурджед, протягивая сверкающий камень жрецу,— с берегов большой южной реки. Такие камни добывают далеко на юге те, кому удается пройти мимо свирепых племен. Для меня он олицетворяет сияющую даль Великой Дуги, увидев которую хоть раз, забыть уже нельзя...

Мен-Кау-Тот взял камень с едва заметной улыбкой:

— Мне, слуге Тота, не нужно ничего. Но мы спрячем камень в сокровищнице Тота, среди других вещей, ибо сейчас ему лучше сохраняться не у тебя.

Баурджед согласно наклонил голову и устремил спокойный взгляд на зеркальную гладь реки.

За кормой лодки убегал назад, к далекому городу Белых Стен, струйчатый узкий след. Он живо напомнил Баурджеду широкие полосы, взборожденные его кораблями в просторах неведомых морей. Сколько раз, тоскуя по родине, он часами следил за разматывавшейся нитью пенного следа, растворявшегося в дали, отделявшей его от Черной Земли...

А сейчас на родной реке этот след от маленькой лодки быстро исчезает на гладкой воде. Это все, чем окончились его мечты и стремления, думы, выношенные за пределами знакомого мира, надежды, заботливо оберегавшиеся в грозных опасностях...

В неторопливых беседах с Мен-Кау-Тотом шло время плавания вверх по Хапи. Путники торопились. Останавливаться в селениях они избегали,

[1] *Пляска Муу* — ритуальный танец при погребении.

и только изредка лодка причаливала к ступени какого-нибудь одинокого, бедного храма, стоявшего на берегу. Там брали они припасы и подкреплялись вином.

На пятый день пути, на рассвете, лодка вошла в лабиринт зеленых островков, разделенных узкими протоками чистой воды. В полутьме, между высокими папирусами, лодка, поворачивая то направо, то налево, углубилась в непроницаемую стену болотных зарослей. За ней оказался тихий залив с чистым песчаным дном. Лодка причалила. Мен-Кау-Тот в сопровождении Баурджеда вышел и направился по едва заметной тропинке, поднимавшейся к прибрежным скалам.

Солнечные лучи, вспыхнув, осветили верхний край обрыва, у подножия которого еще лежал полумрак. На мгновение в этом полумраке мелькнули две фигуры в белом и исчезли...

По ту сторону узкого и длинного ущелья в скалах, ничем не отличавшегося от тысячи ему подобных, оказалась замкнутая в голых, опаленных утесах долина. В центре ее возвышался плоский бугор, окаймленный зелеными кустами. Двойное кольцо наполненных водой оросительных каналов окружало холм.

В долине было душно и безветренно, тусклое марево поднималось от черных блестящих скал.

На противоположной стороне долины виднелось небольшое ущельице. Мен-Кау-Тот уверенно направился к левой стороне холма, раздвинул густую заросль и вскарабкался на вершину. Баурджед последовал за стариком.

Резкий крик священной птицы Тота пронесся по долине. Перед пришельцами выросли неведомо откуда взявшиеся четыре громадных негра, вооруженных до зубов. Они почтительно приветствовали старого жреца и помогли спуститься к подошве холма на его противоположную сторону. Несколько старых сикомор росло здесь, отбрасывая густую тень на склон, в котором Баурджед заметил высеченный прямо в скале ход.

В прохладной темноте по длинному и высокому коридору жрец и Баурджед проникли в круглое подземелье. Вокруг в стенах, разделенные равными промежутками, виднелись узкие, как щели, входы, числом девять. Мягкий свет падал откуда-то сверху — очевидно, подземелье сообщалось с поверхностью холма.

Более двадцати жрецов, низко кланяясь, вышли встретить Мен-Кау-Тота и путешественника. Трое из них, по-видимому старшие, выступили вперед.

— Приветствуем тебя, отец мудрости! — заговорил один, маленького роста.— Давно мы поджидаем тебя, и все приготовлено по полученным указаниям! — Жрец повернулся и зна́ком отпустил всех остальных.

Трое старших повели новоприбывших вокруг зала в девятый, последний вход. Узкий пустой коридор был наглухо перегорожен каменной плитой. Сопровождавшие жрецы постучали по стене — плита была поднята скрытым вверху механизмом. Они вошли в продолговатую большую комнату, обрамленную колоннами из гранита. Между колоннами были закреплены гладкие плиты черного диабаза, без всяких письмен или изображений. Посередине стояла статуя Носатого, бога Тота, на высоком пьедестале. В ногах статуи Баурджед заметил плоскую чашу.

— Осмотрись, сын мой,— сказал Баурджеду Мен-Кау-Тот,— в этом убежище тебе придется пробыть до времени. Видишь, готовы плиты из камня вечности. На них неизгладимо будет вырезана вся повесть о твоем путешествии, и сохранится она в веках. Воздадим же хвалу великому богу мудрости, обучившему людей языку и письму, возвысившему нас, его

верных служителей! Пусть твой камень из недостижимо далеких стран юга будет смиренным даром божеству и сохраняется навеки перед его очами.— И Мен-Кау-Тот положил сверкающий обломок кристалла на медную чашу в ногах статуи.

...Потянулась вереница медленных дней, как капли тягучей смолы, истекавшей из дерева на жарких берегах Лазурных Вод, палимых безжалостным солнцем. Так непохожа была теперешняя жизнь Баурджеда на всю прошлую, что путешественнику она казалась лишь преходящим забытьем, подобным тому, какое наступало после тяжелого приступа лихорадки...

На восходе солнца жрецы шли купаться к реке, предводительствуемые Мен-Кау-Тотом. Они выступали лениво и важно, как это могут делать лишь люди, которых жизнь ни разу не заставляла спешить. После легкого омовения процессия так же неторопливо возвращалась назад, и люди, поев, принимались за дело.

Баурджеда усаживали в прохладном подземелье, напротив высоких светильников, рядом с сидевшими, поджав ноги, опытными писцами. Снова и снова записывались все подробности путешествия, какие только мог вспомнить Баурджед. Затем его отправляли отдыхать, а совещание жрецов вновь прослушивало записанное и решало, что следует включить в вечную надпись на камне.

В большом зале началась работа. Каменотесы протягивали ряды параллельных шнурков, прочерчивая и разграфляя по ним гладкую поверхность диабаза. Но медленная и тщательная разметка плит оказалась маленьким делом по сравнению с чудовищным трудом высекания письмен. Коптящее пламя светильников нагревало воздух подземелья, и рабочие-резчики обливались потом и задыхались, трудясь утром, днем и вечером, получая лишь короткое время на сон.

Измазанные копотью и покрытые каменной пылью лица были угрюмы, люди молчаливо терпели тягость работы, подчиняясь угрожающим окрикам и жестам наблюдавших за ними жрецов. После того как искусные чертежники вырисовывали мелом письмена, резко выделявшиеся на черной стене, их место на мостках занимали рабы с бронзовыми зубилами и тяжелыми медными молотами. Они грубо выдалбливали середину очерченных контуров, неистово борясь с твердым и нехрупким камнем. Неверный удар мог испортить весь труд, и всю плиту пришлось бы делать снова. Поэтому рабы выполняли свою задачу под угрозой смерти — кара за порчу плиты была именно такова. Медленно-медленно, осторожно подвигалась работа. Время, количество человеческого труда, усилий, страданий не имели значения.

После первой грубой обработки мастера-резчики с острыми зубилами и деревянными колотушками заканчивали вырубку контура. Им на смену снова шли художники, которые без молотков, одним усилием нажима рук, сглаживали резцами края углублений, добиваясь изящества и четкости линий. Наконец все изъяны и следы резцов стирались кожей с мелким песком и водой, полировались охряной землей — только тогда надпись была готова.

Баурджед никогда не представлял себе ранее, как велик труд по вырезанию надписей на камне, всегда восхищавших его своим изяществом, удивлявших точным подобием одних и тех же знаков, одинаковых во всей надписи.

Наблюдая месяц за месяцем чудовищную работу, путешественник ужаснулся. Время жатвы сменялось посевом, наводнением, снова жатвой, а стук молотков в мрачном подземном зале продолжался, прерываясь

лишь поздней ночью. Иногда с мостков падал один из тружеников, сраженный истощающей работой. На другой день он или возвращался и продолжал труд, еще более согбенный, пошатываясь и полузакрыв глаза, или же исчезал и заменялся другим.

Медленно и неуклонно, иероглиф за иероглифом, плита за плитой, стены зала покрывались повестью о путешествии Баурджеда.

Люди Черной Земли, не щадившие усилий на увековечение своей памяти, считали, что нужно во что бы то ни стало изготовить записи, способные противостоять тысячам лет всеразрушающего времени. Они не могли подозревать, что их надписи, сохранившиеся действительно тысячелетия, с чрезвычайными ухищрениями ума прочтенные потомками, доживут до времени такого могущества человека, что величайшие подвиги сынов Кемт не смогут поразить ничьего воображения.

Как ни был мудр Мен-Кау-Тот, как ни велик был подвиг Баурджеда, разве могли они знать, что настанет время, когда путь из Белой Стены в Страну Духов будет совершаться беззаботными юношами по воздуху за время, недостаточное, чтобы выполнить обряд утреннего омовения, когда исчерпаются пределы мира на всей земле и люди, гораздо более могучие, чем страшные зверобоги Черной Земли, обратят свои помыслы к путям между звездами! Ничего этого не подозревала ограниченная мудрость древнего человека, и первый дальний путь по океану казался неповторимым, невероятным подвигом.

Баурджед торопливо шел по тропинке через скалистое ущелье. Скоро он достиг берега реки, где в тихом, заросшем тростником заливе, он знал, были спрятаны лодки. Путешественник долго искал, раздвигая тростники и папирусы, пока не увидел наконец две лодки, укрытые в подмыве берега, между зарослью колючих кустарников на берегу и стеной зелени в воде.

Баурджед выбрал маленький и легкий челнок.

Зеленая стена расступилась под напором изогнутого носа лодки и открыла сверкающий простор широкой реки. Северный ветер, ровный и прохладный, рябил поверхность воды. Энергично гребя веслом, Баурджед выбрался на середину реки. Лодка повернулась носом на север и быстро понеслась вниз, к далекой столице Черной Земли.

Позади остался тайный храм в скалах, где Баурджед провел несколько томительных месяцев.

Баурджед осмотрелся кругом с чувством выпущенного из мрачной темницы, грудь его расширилась, вбирая живительный ветер, сощуренные глаза впивались в далекий горизонт пустынной равнины левого берега.

Путешественник положил весло, предоставив лодке, медленно крутясь, идти по течению, и задумался.

Хорошего не ждал он впереди, грозная неопределенность будущего отравляла ему радость возвращения в мир.

Но что бы ни было уготовано ему судьбой, Баурджед знал, что он больше не может скрываться в храме Тота. Его угнетали месяцы, проведенные в молчаливых и прохладных подземельях, одинокие прогулки по маленькой долине среди скалистых теснин, чуждое ему общество жрецов с их постоянными секретами, таинственными разговорами вполголоса, отъездами неведомо куда... жрецов, старавшихся даже простые житейские дела облекать тайной.

Баурджед за свою трудную жизнь скитальца научился верной оценке людских поступков и вещей, тому пониманию мира, которое дается жизнью. И вся эта таинственность более не казалась ему насыщенной

святой и непогрешимой мудростью. Подчас она то смешила, то раздражала его.

Баурджед питал глубокое уважение к умному, старому Мен-Кау-Тоту, но все яснее понимал, что никогда не сможет приобщиться к жизни жрецов.

Ему, видевшему необъятные просторы мира, победившему Великую Дугу, окончить свои дни в тесных подземельях!

Никогда он не сможет жить без своих верных спутников, отважных и способных на всякое дело. Теперь, пробыв почти год без них, он чувствует, как сроднился с ними за семь лет великого пути. С удивлением Баурджед понял, что даже рабы, сопутствовавшие в походе, ближе и дороже ему, чем важные жрецы Тота. И, поняв это, он решил идти навстречу судьбе, как много раз ходил прежде, в реве моря и ветра, в зное солнца и блеске молний.

Несмотря на все уговоры Мен-Кау-Тота, путешественник покинул тайный храм, и вот — он на реке, на пути к людям и миру!

У Баурджеда не было никаких ясных планов. Он знал, что не может покинуть свою страну, хотя это и было легко ему, знавшему и Зеленое море, и восточные страны, и дали Юга. Нет, в путешествиях он понял, как дорога ему родина.

Он не покинет Черной Земли, не расстанется с родными, не бросит товарищей-спутников. Прежде всего ему надо разыскать их, хотя бы Уахенеба, этого спокойного храбреца, сумевшего возвратиться из таких крайних пределов земли, которые даже самому Баурджеду казались недостижимыми. Он разыщет Уахенеба, вместе они соберут товарищей и попросятся на службу в низовья Дельты, в береговую стражу Зеленого моря, или будут водить суда на острова, лежавшие позади[1], и на восток, за лесом. Фараон не будет преследовать их, не занимающих высокого положения, удаленных от города и селений на границу страны...

Баурджед взял весло, выправил лодку и уверенно погнал легкий челнок вниз по течению. Предстоит еще несколько дней пути, и придется позаботиться о пропитании. Но разве не блестит у него на пальце тяжелый перстень с именем фараона Хафра? А на левой руке есть два кольца золота, предусмотрительно надетых, как браслеты.

Туман белой пыли заполнял гигантскую выемку каменоломни. Грохот молотков, скрип деревянных салазок для перетаскивания глыб камня, крики надсмотрщиков сливались в непрерывный глухой гул. В каменоломне не было ветра, и палящий зной казался особенно нестерпимым. Баурджед отер со лба пот и пошел вдоль проложенной к реке дороги, всматриваясь во всех попадавшихся навстречу.

Надсмотрщики застывали от удивления при виде Баурджеда — прогулка этого, по-видимому, знатного человека по каменоломне была неслыханным явлением. Навстречу путешественнику группа людей тащила тяжелую глыбу известняка, обмотанную веревками и укрепленную на деревянных салазках. Рабочие упирались то грудью, то спинами в пеньковые лямки, другие помогали им рычагами сзади. Салазки не позволялось останавливать — их было очень трудно сдвинуть с места. Люди, мокрые от пота, надрывались изо всех сил, вздох вырывался разом из нескольких грудей.

---

[1] *Позади* — то есть на севере, *впереди* — на юге. Так обозначали древние египтяне два основных направления.

Один из передовых тянульщиков, шедший спиной к Баурджеду, внезапно перевернулся в лямке, подставив ей грудь вместо наболевшей спины. Путешественник не удержал восклицания — он узнал Уахенеба...

Бывший кормчий взглянул на своего начальника, угрюмо отвел глаза и крепче навалился на лямку. Но Баурджед спешил уже навстречу с поднятой рукой. Каменная глыба остановилась, двое подбежавших с бранью надсмотрщиков испуганно согнулись и отступили, когда Баурджед ткнул одному из них прямо в лицо перстень с именем фараона.

Уахенеб, тяжело дыша, приблизился к Баурджеду, грязный, потный и недоумевающий.

— Сколько здесь еще твоих товарищей, Уахенеб? — спросил Баурджед, не теряя времени на объяснения.

— Здесь Нехеб-ка и Антеф, Ахавер и большой Нехси и другие, тебе известные, всего семнадцать человек,— торопливо прохрипел Уахенеб.

Баурджед знаком подозвал перетрусившего надсмотрщика, на лбу которого остался красный отпечаток имени фараона.

Спустя несколько минут вокруг Баурджеда столпились его бывшие сподвижники из простых неджесов. Изможденные лица засветились радостью, люди приветствовали своего начальника.

— Идемте, на реке ждет большая лодка! — нетерпеливо крикнул Баурджед и зашагал назад по широкой дороге к берегу.

Люди поспешили за путешественником, повинуясь ему беспрекословно, как в прежние дни.

Уахенеб догнал Баурджеда:

— Как тебе удалось освободить нас, господин? Разве Великий Дом...

— Вовсе нет,— перебил кормчего Баурджед, оглянулся и продолжал вполголоса: — Я тоже в немилости и хожу под угрозой кары!

— Но как же тогда?..

— Потому я и спешу. Здесь не знают меня, а перстень их величества дает мне власть... пока. Я разыскал твой дом, Уахенеб, и там узнал, что тебя схватили за рассказы о стране Пунт, где не оказалось духов, и послали сюда ломать камень для великой пирамиды. А вместе с тобой были схвачены еще другие мои люди. Я достал лодку и прибыл сюда... Там на веслах твои друзья — вот, смотри!

Гребцы махали им с реки.

Освобожденные каменотесы хотели вымыться, но Баурджед не позволил и велел усаживаться в лодку. Только когда они отчалили, Баурджед облегченно вздохнул.

— Что хочешь ты делать дальше, господин? — осторожно спросил Уахенеб.— До Белой Стены нам плыть вверх всего тридцать тысяч локтей, но ведь там скоро узнают...

— Мы не пойдем к городу, а поплывем вниз, в Дельту, на запад, к горе Рогов Земли. Там укроетесь вы все где-нибудь до времени, а я вернусь в город просить милости у Великого Дома — позволения нам быть в береговой страже или на кораблях Зеленого моря: Черной Земле требуется много дерева для построек!

— Я опасаюсь за тебя и за всех нас, господин,— угрюмо проворчал Уахенеб.— По себе я узнал, как твердо сердце Великого Дома и его царедворцев. Плохо надеяться на их милость, и особенно нам, беднякам, на которых все большие люди смотрят, как на врагов.

— Напрасно так говоришь, Уахенеб,— нахмурился Баурджед,— я уверен...

Путешественник оборвал разговор, вглядываясь в берег. Неясный шум несся из каменоломен, большая толпа людей бежала к реке, а впереди

мчались, путаясь в полах своих длинных рубах, несколько надсмотрщиков и два чиновника, начальствовавшие над работами.

— Погоня за нами! — взволнованно крикнул Баурджед.

Уахенеб покачал головой; глаза его загорелись, он вытянул шею, будто стараясь приблизить голову к берегу. Его товарищи возбужденно вскочили, гребцы подняли весла.

Шум разрастался, гулко раскатываясь по реке. В пыли на берегу мелькали неясные фигуры бегущих, кое-где воины взмахивали копьями и, окруженные со всех сторон, падали.

Кучки дерущихся таяли, и рассыпались, и опять возникали в другом месте.

— Это мятеж, господин! — воскликнул Уахенеб.— Неугасимо горит пламя гнева в согнутых тяжкой работой, не знающих вещей, осужденных свирепо и безвинно... Придавлены они силой, палками и угрозами, но жажда правды и свободы не умирает! Видишь, маленькой причины достаточно, чтобы всколыхнуть толпу. Сюда, к нам, явился ты и освободил нас, смутил надсмотрщиков и воинов, разъярил всех рабочих. И вот, видишь, они тоже хотят освобождения.— Кормчий встал на колени, на дно лодки и поднял умоляющий взгляд на Баурджеда.— Господин, ты храбр и справедлив, мы знаем тебя много лет... Там наши товарищи, мы сроднились с ними. Так же как и они, мы не ждем свободы и счастья от знатных правителей и беспощадных судей. Ты узнал, что в далеком пути рабы оказались такими же людьми, как и мы, храбрыми и сильными, нашими товарищами. Так было и тут для нас, потерявших тебя, беззащитных и осужденных. И мы все просим тебя, господин: поверни лодку, возьми начальство над толпой. Ближе к Белой Стене есть еще каменоломня и рабочие дома. Мы пойдем туда, откроем их, число наше умножится, и придем в город, где мало сейчас войска...

— И что же дальше? — встревоженно спросил Баурджед.

— Весь бедный народ, стонущий под пятой великой пирамиды, пойдет с нами. Мы разгоним воинов, уничтожим чиновников, разобьем дома больших людей... Ты тоже был большим, ведомы тебе пути и склады оружия, и ты можешь управлять военной силой! — Уахенеб замолк, вне себя от волнения.

Другие освобожденные спутники Баурджеда согласно закивали головами, все глаза устремились на путешественника.

Баурджед беспомощно огляделся.

Толпа на берегу все увеличивалась, воины и чиновники исчезли, сотни рук делали призывные жесты лодке, неясные крики становились все громче, и путешественник разобрал имя Уахенеба.

Никогда не думал бывший казначей фараона о возможности мятежа. Подняться против божественной власти казалось ему высшим преступлением. С детства воспринятые им поучения повторяли только одно: что завистливые и неумелые бедняки всегда враждебны богатым и знатным, олицетворяющим добро и правду. «Не пристрастен тот, кто богат, ибо он владыка вещей, не имеющий нужды»[1] — таково было любимое изречение его отца.

В своих скитаниях Баурджед узнал нужду, увидел величие человека в простых людях. Все это пошатнуло первоначальные воззрения знатного царедворца на жизнь. Но мятеж! Встать во главе грязных бедняков и рабов, вести их на столицу, на дворцы, приближенных фараона, может быть, на самого владыку... Нет, это невозможно! Баурджед отстраняюще выставил вперед руку:

[1] Подлинный текст.

— Нет, Уахенеб, я этого не могу сделать. И без того всех нас обвинят в том, что мы дали разъяриться толпе. Надо плыть скорее вниз, укрываться и дальше делать, как я сказал!

Лицо кормчего замкнулось и сделалось непроглядно суровым.

— Тогда, господин, верни меня на берег. Я не верю в милость Великого Дома и не могу оставить тех, кто долгое время делил со мной и труд, и голод, и побои. Я пойду с ними... А вы? — властно обернулся Уахенеб к остальным товарищам.

— Мы с тобой! — без раздумья ответили четырнадцать человек; только трое отделились и умоляюще взглянули на Баурджеда.

— Ты погибнешь, Уахенеб! — вскричал изумленный и возмущенный Баурджед.

— И ты, господин, тоже,— спокойно, с оттенком печали отозвался кормчий.— Прощай! Ты был хорош для нас и мог бы сделаться хорошим для всей Черной Земли... Прикажи править к берегу, господин!

Плотная толпа сгрудилась вокруг выскочивших на пристань бывших спутников Баурджеда, приветствуя их восторженным воплем.

Уахенеб пристально посмотрел прямо в лицо своего начальника, и в глазах старого кормчего Баурджед прочитал последний вопрос, мольбу и тоскливую тревогу.

— Они пойдут за мной,— тихо сказал Уахенеб,— и я знаю, где правда, но не знаю путей... Как прийти к другой, хорошей жизни, куда нанести удары?

— И я не знаю,— так же тихо ответил Баурджед,— и не верю, чтобы это могло быть...

—А я верю. Мы можем погибнуть, но погибнем все вместе. И товарищи простят мне мое незнание, если до конца я буду с ними...— Кормчий замолк и вдруг встрепенулся, словно вспомнив что-то.— Где хранится оружие для новых воинов в городе? Скажи мне это, господин, и мы всегда будем хорошо вспоминать тебя...

— В большой кладовой около сокровищницы бога, рядом с улицей Кузнецов,— без колебания ответил Баурджед.— Ты узнаешь этот дом по красной и белой полосе вверху стен, под крышей...

Уахенеб поклонился начальнику.

Баурджед вздохнул и знаком велел гребцам оттолкнуть лодку.

Внезапно четыре гребца — все товарищи по плаванию в Страну Духов — выпрыгнули на пристань.

Баурджед сделал вид, что ничего не заметил. Весла схватили трое из оставшихся. Лодка отчалила.

Мятежники, окружившие Уахенеба и внимательно слушавшие его, не обратили внимания на отъезжавших. Чувствуя себя усталым, Баурджед опустился на кормовое сиденье. И опять, как тогда, давно-давно, при разговоре с Уахенебом о повелении фараона идти в Страну Духов, тоскливое недовольство собой и стыд овладели Баурджедом. Словно опять его кормчий оказался в чем-то выше его, более мужественным и более правым.

— Достойный Мен-Кау-Тот, помнишь, как ты мудро остерегал нашего гостя?

— Говори дальше! — воскликнул старый жрец.— Скажи все, что узнал ты в Белой Стене.

— Баурджед освободил сосланных в каменоломни, разъярил толпу. Мятежники дошли до города, захватили его окраины. Во главе были спутники Баурджеда, которым он повелел начальствовать бунтовщиками.

Они захватили оружие, но победа их длилась недолго. Мятежники разбрелись, а воины фараона, стража храмов и молодые джаму[1] соединили свою силу, истребив всех порознь. Сам Баурджед скрылся в Дельте, но почему-то вздумал вернуться. Мятежник из Дельты в руке бога[2], и теперь он исчез без следа и слова.

— Проходит жизнь мятежника на земле, не продлится она,— мрачно пробормотал старый жрец,— бьет бог грехи его кровью его![3] Не ожидал я, что Баурджед окажется зачинщиком мятежа... Впрочем, он отдал нам все, что имел, исполнил свое назначение и более не нужен. В великой тайне будем мы хранить все записанное. Будет открыто оно только тому властителю, которого найдем и направим по нашим путям.

— Истинно так, мудрый Мен-Кау-Тот. Да не воспользуются знанием служители Ра и Пта, не будет и простой народ пленяться рассказами о свободной жизни! Все будет сокрыто в наших подземельях!

Но мудрый верховный жрец ошибся.

По-прежнему в хижинах бедных земледельцев, в казармах воинов, храмовых сторожках, рабочих домах рассказывалась повесть о великом и отважном путешествии сынов Кемт. Неведомые певцы из народа слагали все новые песни, вплетая в действительность исконные мечты о справедливости и свободе, дополняли повесть тем, что хотелось бы всякому видеть в своей настоящей жизни. И все большее число умов начинало задумываться над поисками путей к правде и сомневаться в божественности величия фараонов.

---

[1] *Джаму* — добровольцы-воины из знатной молодежи и богачей.

[2] Подлинный текст.

[3] Подлинный текст.

НА КРАЮ ОЙКУМЕНЫ

3

ПРОЛОГ

Свежий осенний ветер несся над простором подернутой рябью Невы. Острый шпиль Петропавловской крепости в блеске солнечного дня казался золотым лучом, взвившимся в голубую высоту неба. Под ним плавно выгибал свою широкую, могучую спину Дворцовый мост. Волны, качаясь и сверкая, мерно плескались на светлые гранитные ступени набережной.

Сидевший на скамье молодой моряк посмотрел на часы, вскочил и быстро пошел по набережной вдоль Адмиралтейства. Желтые стены легко поднимали ввысь свой венец белых колонн в прозрачном осеннем воздухе.

Автомобили мягко неслись по отполированному асфальту, играя мечущимися вспышками солнца на начищенных стеклах и разноцветной эмали кузовов.

Молодой человек быстро шел по набережной, не обращая внимания на праздничную суету кругом. Он шагал уверенно и легко. Юноше стало жарко, он сдвинул на затылок свою морскую фуражку. Звенели, сползая с моста, трамваи. Моряк пересек садик с деревьями, горевшими осенним багрянцем, прошел вдоль большой площадки и на секунду остановился перед входом, где великаны из полированного гранита подпирали массивный балкон над горбатым подъемом тротуара. Залеченные рубцы от фашистских бомб еще виднелись на двух исполинских гранитных телах. Юноша вошел в тяжелую дверь, снял черную шинель и поспешил к широкой лестнице белого мрамора, устремлявшейся из полутемного вестибюля к светлой колоннаде, обрамленной рядом мраморных статуй.

Навстречу ему, радостно улыбаясь, шла стройная девушка. Ее внимательные, широко расставленные серые глаза потемнели, сделавшись теплыми. Моряк чуть смущенно взглянул на девушку. Она на ходу прятала номерок вешалки в раскрытую сумочку — значит, он не опоздал. Юноша оживился и уверенно предложил начать осмотр снизу, с отделов древностей.

Пробившись сквозь толпу посетителей, юноша и девушка прошли между колоннами, подпиравшими расписанный яркими красками потолок. Они миновали несколько огромных зал. После обломков ваз и плит с непонятными надписями, после мрачных, черных изваяний Древнего Египта, саркофагов, мумий и всех других предметов погребального обихода, выглядевших еще более сумрачно под сводами хмурых зал нижнего этажа, захотелось ярких красок и солнца. Юноша и девушка заторопились наверх.

Они быстро прошли еще две комнаты, направились к боковой лестнице, ведущей в верхние залы из небольшого помещения с узкими окнами,

сквозь которые глядело бледное небо. Несколько восьмигранных конических витрин стояло между белыми колоннами,— мелкие произведения древнего искусства, выставленные в них, не привлекали внимания проходивших.

Внезапно перед глазами девушки в третьей витрине выступило пятно чудесного голубовато-зеленого цвета, такого яркого, что, казалось, оно излучало свой собственный свет. Девушка подвела своего спутника к витрине. На серебристом бархате был наклонно прикреплен плоский камень с округлыми краями. Он был чрезвычайно чист и прозрачен, его сверкающий голубовато-зеленый цвет был неожиданно радостен, светел и глубок, с теплым оттенком прозрачного вина. На гладкой, видимо, отполированной рукой человека, верхней грани выделялись четко вырезанные человеческие фигурки размером в мизинец.

Цвет, блеск и светоносная прозрачность камня резко выделялись среди пасмурной строгости зала и бледных красок осеннего неба.

Девушка услышала шумный вздох своего спутника, увидела его затуманенный воспоминанием взгляд.

— Таким бывает море на юге в ясную погоду, в полдневные часы,— медленно сказал молодой моряк. Непреклонная уверенность очевидца прозвучала в его словах.

—Я не видела этого,— откликнулась девушка,— только чувствую в этом камне какую-то глубину, свет или радость, не могу сказать, что именно... Где это находят такие камни?

Ни крупная, общая четырем витринам надпись «Антские погребения VII века, Среднее Приднепровье, река Рось», ни маленькая этикетка в самой витрине: «Гребенецкий курган, древнее родовое святилище» — ничего не объяснили молодым людям. Непонятными были и предметы, окружавшие замечательный камень: обезображенные до неузнаваемости ржавчиной обломки ножей и копий, плоские чаши, какие-то подвески в форме трапеций из почерневшей бронзы и серебра.

— Это раскопано в Киевской области,— пытался сообразить юноша,— но я не слыхал, чтобы там или где-нибудь на Украине добывались подобные камни... У кого бы спросить? — Молодой человек оглядел просторный зал.

Ни одного экскурсовода, как назло, не было поблизости, только в углу около лестницы сидела сторожиха.

Послышались шаги: в зал спускался высокий человек в тщательно отглаженном черном костюме. По тому, что сторожиха встала со стула и поздоровалась почтительно, девушка безошибочно догадалась, что этот человек здесь какое-то начальство. Она тихонько подтолкнула своего спутника, но тот уже шагал навстречу пришедшему и, вытянувшись по-военному, начал:

— Разрешите спросить?

— Разрешаю. Что угодно? — сказал ученый, и его спокойные глаза близоруко сощурились, рассматривая молодых людей.

Юноша объяснил, что́ именно их интересует. Ученый улыбнулся.

— У вас есть чутье, молодой человек! — одобрительно воскликнул он.— Вы напали на одну из самых интересных вещей нашего музея! Изображение на камне вы хорошо рассмотрели?.. Нет?.. Мелко? А зачем же здесь это приспособление? Смотрите!

Ученый схватился за деревянную рамку, прикрепленную на верхнем срезе витрины, опустил ее. Как раз против камня установилось большое увеличительное стекло. Щелкнул выключатель, яркий свет залил поверхность камня.

Заинтересованные еще более, девушка и юноша заглянули в стекло. Вырезанные на камне фигуры, увеличившись, стали полными жизни. С одного края прозрачной голубовато-зеленой пластины тонкими скупыми линиями была обозначена фигурка обнаженной девушки, стоявшей с поднятой к щеке правой рукой. Завитки густых вьющихся волос ложились на намеченную четкой дугой округлость плеча.

Всю остальную часть поверхности камня занимали три обнявшиеся мужские фигуры, выполненные с еще бóльшим мастерством, чем изображение девушки.

Стройные, мускулистые тела замерли в момент движения. Повороты тел были сильны, резки и в то же время изящно сдержанны. В центре могучий человек, выше двух стоявших по сторонам, широко раскинул руки на их плечи. По бокам его двое, вооруженных копьями, стояли с внимательно наклоненными головами. В их позах была напряженная бдительность мощных воинов, готовых с уверенностью отразить любого врага.

Три маленькие фигурки были исполнены с большим мастерством. Идея — братство, дружба и совместная борьба — была в них выражена с необычайной силой.

Глубина прозрачного и светлого камня, служившего одновременно и фоном и материалом, усиливала красоту произведения. Теплый влажный отблеск, казалось исходивший откуда-то из камня, придавал телам трех обнявшихся людей золотистую веселость солнечного света...

Под фигурами и на гладком сломе нижнего края можно было заметить неровно и поспешно нацарапанные непонятные знаки.

— Насмотрелись? Вижу, что вас захватило! — Голос ученого заставил вздрогнуть обоих молодых людей.— Хорошо. Хотите, немного расскажу про камень? Этот камень — одна из загадок, какие встречаются нам иногда в исторических документах древности. В чем загадка? Слушайте по порядку. Это берилл[1], минерал не из очень редких. Но такие голубовато-зеленые бериллы чистейшей воды крайне редки. Во всем мире находятся только на юге Африки. Раз. Теперь, на камне вырезана гемма[2] — подобные вещи любили делать в расцвете древнегреческого искусства в Элладе. Но берилл — камень очень твердый. Чтобы вырезать на нем изображения с такой тщательностью, нужно резать только алмазами — эллинские мастера их не имели. Два. Далее, из трех мужских фигур средняя, несомненно, изображает негра, правая — эллина, а левая — это какой-то человек из других средиземноморских народов: может быть, критянин или этруск. И, наконец, по технике изображения человеческого тела гемма должна бы относиться к эпохе расцвета Эллады; в то же время целый ряд особенностей указывает на время несравненно более раннее. Я уже не говорю о том, что копья, здесь изображенные, совсем особенной, не свойственной ни Элладе, ни Египту формы... Целый ряд противоречивых, несовместимых указаний... Но гемма-то существует, вот она...

Ученый помолчал, потом продолжал так же отрывисто:

— Есть еще много исторических загадок. Все они говорят одно: мало мы знаем! Плохо представляем жизнь древности. Например, здесь у нас в золотой кладовой есть среди скифских изделий одна золотая пряжка. Ей две тысячи шестьсот лет, а на ней изображен ископаемый саблезубый

---

[1] *Берилл* — минерал из группы алюмосиликатов. Твердость — 7,5—8. Разновидности, прозрачные и окрашенные в густой изумрудно-зеленый цвет, называются изумрудами и являются драгоценными камнями. Синевато-голубые разновидности называются аквамаринами, розовые — воробьевитами.

[2] *Гемма* — небольшое изображение, вырезанное на камне.

тигр[1] во всех подробностях. Так. А палеонтологи вам скажут, что этот тигр вымер триста тысяч лет назад... Ха!.. В египетских гробницах вы увидите фрески, где с поразительной точностью нарисованы все породы зверей, обитавших в Египте. Среди них неизвестный зверь огромной величины, похожий на гигантскую гиену,— такой не известен ни в Египте, ни во всей Африке. Или в Каирском музее есть статуя девушки, найденная в развалинах города Ахетатона, в Египте, построенного в XIV веке до нашей эры,— вовсе не египтянки, и работа совсем не египетская — будто из другого мира. Мои коллеги вам сразу объяснят коротко — сти-ли-за-ция,— шутливо растянул слово ученый.— А я всегда при этом вспоминаю одну историю. В тех же египетских стенных росписях часто встречалась одна рыбка. Небольшая, ничем не особенная. Но нарисована всегда кверху брюхом. Как это так: египтяне, такие точные художники, и вдруг неестественная рыба? Объяснили, конечно: и стилизация тут была, и религия, от влияния культа бога Аммона. Вполне убедительно, ну и успокоились. А спустя пятнадцать лет выяснилось: есть в Ниле и сейчас такая рыбка, и — совершенно точно — плавает она всегда кверху брюхом. Поучительно!.. Вот заговорился я, увлекся! До свиданья, молодые люди, интересуйтесь загадками истории...

— Одну минутку... профессор! — воскликнула девушка.— Неужели вы сами не можете объяснить эту вещь? Ну так, сами для себя. Скажите нам...— Девушка смутилась.

Ученый улыбнулся:

— Что с вами поделать! То, что я скажу вам, будет просто догадка, не больше. Одно несомненно: настоящее искусство отражает жизнь, само живет и поднимается к новым высотам только в борьбе против старого. В те далекие времена, когда была создана эта гемма, процветали бесправие и рабство. Множество людей влачило безысходную жизнь. Но угнетенные поднимали оружие против беспощадного рабства. И вот, глядя на изображение трех воинов, хочется думать, что их дружба возникла в битве за свободу... Может быть, они вместе бежали на родину из плена... Мне кажется, эта гемма еще одно свидетельство далекой борьбы, которая бушевала тогда, но скрыта от нас веками. Сам неизвестный художник, возможно, участвовал в борьбе... Да это и не может быть иначе... От этого так и совершенно его произведение. Это, так сказать, одинокая победа нового над старым, свершенная в глубине прошлых веков. Эти свидетельства, доходящие до нас, особенно привлекают внимание наших людей, поднявшихся на борьбу со всем тем, что мешает росту нового. Во всем — в жизни, науке, искусстве. Вот и вы оба сразу обратили внимание на эту гемму среди множества резных камней.

Девушка и юноша снова приникли к стеклу, ошеломленные потоком сведений. Камень казался им таинственным и влекущим.

Глубокий, ясный и чистый цвет моря... На нем братское объятие трех людей. Сверкающий камень, как бы передавший свой свет прекрасным телам, здесь, в пасмурном, строгом зале... Юная девушка, полная жизни и женственного обаяния, стояла будто на краю моря.

Молодой моряк со вздохом распрямил уставшую спину. Девушка еще продолжала смотреть. Издалека по гулким проходам донесся топот ног

---

[1] *Саблезубые тигры* — вымершая группа крупных кошек. Жили в конце третичного и в четвертичном периоде (от 6 миллионов до 300 тысяч лет назад). Отличаются длинными (до 0,3 метра) клыками верхней челюсти и связанной с их развитием способностью очень широко раскрывать пасть. Вероятно, охотились на самых крупных травоядных.

и шум приближающейся экскурсии. Тогда и девушка оторвалась от стекла. Щелкнул выключатель, рамка была поднята, а голубовато-зеленый кристалл продолжал сверкать на бархате.

— Мы придем еще сюда, правда? — спросил моряк.

— Конечно, придем! — отозвалась девушка.

Юноша нежно взял ее под руку, и они задумчиво пошли вверх по белым ступеням лестницы.

Глава первая

УЧЕНИК ХУДОЖНИКА

Плоский камень далеко выдавался в море. Оно, невидимое в ночной темноте, слабо плескалось внизу. Камень еще не потерял дневной теплоты, и юноше не мешали порывы прохладного ветра, пробегавшие между скалами.

Юноша задумчиво смотрел вдаль, туда, где тонул во тьме конец серебряной полосы Млечного Пути. Он следил за падающими звездами. Они вспыхивали сразу во множестве, пронизывали небо сверкающими иглами и скрывались за горизонтом, потухая, как раскаленные стрелы, упавшие в воду. Вновь рассыпались по небу огненные стрелы и улетали в неведомую даль, в сказочные страны, лежавшие за морем, у самых пределов Ойкумены[1].

«Спрошу у деда, куда они падают»,— решил юноша и тут же подумал, как хорошо было бы лететь так через небо, прямо к неизвестной цели.

Да, он уже не юноша — еще несколько дней, и он достигнет возраста воина. Но не воином он будет, а сделается знаменитым художником, прославленным скульптором. Он отличался от многих людей врожденной способностью видеть формы природы, чувствовать и запоминать их... Так сказал ему учитель — художник Агенор. И в самом деле, там, где другие равнодушно проходили мимо, он останавливался, потрясенный до глубины души, замечая то, чего еще не мог осмыслить и объяснить. Многообразные лики природы влекли его своими ежечасными переменами. Позже взор стал острее. Юноша мог сам выделять и надолго удерживать в памяти те черты, которые находил прекрасными. Неуловимая красота таилась повсюду — в изгибе гребня бегущей волны и в развевавшихся ветром завитках волос Тессы, дочери учителя, в стройных колоннах сосновых стволов и в грозных утесах, надменно возвышавшихся над морем. С тех пор стремление к созданию прекрасных форм стало его целью. Показать красоту тем, кто не в состоянии уловить ее. И что может быть прекраснее, чем тело человека! Но его передать — как раз самое трудное...

Вот почему так непохожи эти подхваченные памятью живые черты на те изображения богов и героев, которые он видит вокруг, которые сам учился делать! Даже творения самых искусных мастеров Энниады[2] не могли дать убедительного изображения живого человеческого тела.

---

[1] *Ойкумена* — населенная земля; по представлениям древних греков, окруженная кольцом пустынной, необитаемой суши, обтекаемой кругом океаном.

[2] *Энниада* — южный угол Акарнании, страны на юго-западной оконечности Северной Греции. Речь идет о Древней Элладе до ее объединения и расцвета.

Юноша смутно чувствовал, что в них искусственно выпячены и грубо усилены только отдельные черты, выражающие радость, волю, гнев или ласку, но и только. Ради силы впечатления скульптор жертвовал всем остальным. Нет, он должен суметь передать красоту! Тогда он сделается величайшим скульптором своей страны и люди будут прославлять его, восторгаясь созданными им произведениями. В них живая красота впервые будет навеки запечатлена в бронзе или камне!

Юноша далеко унесся в смелых мечтах, но тут сильная волна гулко плеснула внизу. Несколько капель попало на камни и на лицо юноши. Он вздрогнул, очнувшись, и смущенно улыбнулся в темноте. Боги! Еще, наверное, далеко то время... А сейчас Агенор часто бранит его за неумелую работу и почему-то всегда оказывается правым... А дед? Тот мало интересуется его успехами как художника. Он озабочен только тем, чтобы сделать из своего внука знаменитого борца. Как будто для художника нужна сила! И все-таки хорошо, что дед так воспитал его!.. Юноша знал, что он на редкость силен и вынослив. Как приятно показать свою силу и ловкость на вечерних состязаниях в селении перед Тессой, радостно замечая огонек одобрения в глазах девушки!

Юноша вскочил с горящими щеками, все мускулы его тела напряглись. Он с вызовом подставил грудь ветру, поднял лицо к звездам и вдруг тихо рассмеялся.

Медленно приблизился он к краю камня, взглянул в темноту, казавшуюся бездонной, и, звонко крикнув, прыгнул вниз. Сразу ожила тихая, молчаливая ночь. Внизу было море, ласково охладившее его разгоряченную кожу, засверкавшее мельчайшими огоньками вокруг рук и плеч.

Волны, играя, выталкивали юношу наверх, стремились отбросить назад. Он поплыл, угадывая в темноте колебания воды, уверенно вскидываясь на высокие волны, внезапно вставшие перед ним. Сердце слегка замирало — море словно не имело ни дна, ни края, сливаясь с темным небом в одно целое. Он был наедине со звездами.

Большая волна подбросила юношу; он увидел на берегу отдаленный красный огонь. Легкое движение — и волны послушно понесли юношу на берег, к едва серевшему пятну песчаной отмели.

Слегка вздрагивая от холода, он снова вскарабкался на плоский камень, поднял свой плащ из грубой шерсти, свернул его и пустился бежать по берегу к огоньку костра.

Далеко вокруг разносился ароматный дым горевшего хвороста, собранного в зарослях кустарника.

В слабом свете тусклого пламени обозначалась стена маленького дома, сложенного из угловатых камней, а над ней выступ камышовой крыши. Далеко протянутые ветви одинокого платана прикрывали жилище от непогоды. У костра задумчиво сидел старик в сером плаще. Услышав шаги, он с улыбкой повернул в сторону подходившего юноши морщинистое лицо, темный загар которого оттенялся седой курчавой бородой.

— Где ты был так долго, Пандион? — с укоризной сказал старик.— Я уже давно вернулся и хотел поговорить с тобой.

— Я не думал, что ты так скоро,— оправдывался юноша,— и бегал купаться. Я готов слушать тебя хоть всю ночь.

Старик отрицательно покачал головой:

— Нет, беседа будет длинной, а утром тебе рано вставать. Я хочу завтра сделать тебе испытание, и нужно, чтобы ты был в полной силе. Вот свежие лепешки — я привез новый запас — и мед. Сегодня праздничный ужин: поешь, но, как подобает воину, немного и без жадности.

Юноша с удовольствием разломил лепешку и погрузил ее белый мяг-

кий излом в глиняный горшочек с медом. Он ел, не отрывая глаз от деда, молча и нежно смотревшего на внука. Удивительны и совершенно одинаковы были глаза у старика и юноши — сияющие, золотистые, подобные сгущенному цвету солнечного луча. Народное поверье говорило, что люди, обладавшие такими глазами, происходили от земных возлюбленных самого «сына высоты» Гипериона[1], бога солнца.

— Я думал сегодня о тебе, когда ты уехал,— заговорил юноша.— Почему другие аэды[2] живут в хороших домах и сытно едят, ничего не зная, кроме своих песен? А ты, дедушка, знаешь так много, так искусно слагаешь новые песни, а должен трудиться у моря. Лодка уже тяжела тебе, а я только один у тебя помощник. Ведь у нас нет рабов!

Старик улыбнулся и опустил перевитую жилами руку на кудрявую голову Пандиона:

— И об этом я хотел говорить с тобой завтра. Сейчас скажу только, что разные песни можно слагать о богах и людях. И если ты честен перед самим собою и открыты глаза твои, эти песни не будут приятны знатным владельцам земель и военным начальникам. И ты не будешь иметь ни богатых даров, ни рабов, ни славы, тебя не будут звать в большие дома, и песни не доставят тебе пропитания... Пора спать,— оборвал себя старик.— Смотри, Колесница Ночи[3] уже поворачивается в другую сторону неба. Быстро мчатся ее черные кони, а отдых нужен человеку, чтобы быть сильным. Идем.— И старик направился к узкому входу убогой хижины.

Старик рано разбудил Пандиона.

Приближалась холодная пора осени: небо было в тучах, пронизывающий ветер шелестел сухим камышом, платан зябко трепетал разрезными листьями.

Под суровым и требовательным наблюдением деда Пандион занялся гимнастическими упражнениями. Тысячи тысяч раз, с детских лет, проделывал он их на восходе и закате солнца, но сегодня дед выбирал труднейшие упражнения и все увеличивал их число.

Юноша метал тяжелое копье, бросал камни, перепрыгивал через препятствия с мешком песка за плечами. Наконец дед привязал к его левой руке тяжелый наплыв орехового дерева, в правую дал узловатую дубину, а к голове прикрепил обломок каменного горшка. Сдерживая смех, чтобы не потерять дыхание, Пандион по знаку, данному дедом, пустился бежать на север, туда, где береговая тропинка огибала крутой каменистый склон. Он вихрем пронесся по тропе, вскарабкался на первый уступ обрыва, спустился и еще быстрее побежал обратно. Старик встретил внука у хижины, освободил от всего снаряжения и приник щекой к его лицу, стараясь по дыханию определить степень утомления.

Юноша, помолчав, сказал:

— Я мог бы проделать это еще много раз, прежде чем попросить отдыха.

— Да, это так, — ответил старик, медленно и гордо выпрямился:— Ты можешь быть воином, способным сражаться неутомимо и носить тяжесть медного оружия! Мой сын, твой отец дал тебе здоровье и силу, я укрепил их в тебе и сделал тебя выносливым и смелым.— Старик окинул

---

[1] *Гиперион*, позднее *Феб*,— бог солнца у греков.

[2] *Аэды* — народные певцы в древние времена истории Эллады. Позднее стали называться рапсодами.

[3] *Колесница Ночи* — Большая Медведица.

взглядом фигуру юноши, одобрительно посмотрел на широкую выпуклую грудь, на сильные мышцы под гладкой, без единого пятнышка, кожей и продолжал:— У тебя нет родных, кроме меня, слабого старика, нет богатств и слуг, а вся наша фратрия[1] — три небольших селения на каменистом берегу... Мир велик, и много опасностей грозит одинокому человеку. Самая большая из них — потерять свободу, быть захваченным в рабство. Потому я приложил столько усилий, чтобы сделать из тебя воина, отважного и способного на всякое боевое дело. Теперь ты свободен и можешь служить своему народу. Пойдем принесем сейчас жертву Гипериону, нашему покровителю, в честь наступления твоей зрелости.

Дед и внук направились вдоль зарослей побуревшей осоки и камышей туда, где, выдаваясь далеко в море, длинным валом поднимался узкий мыс.

Два толстых, широко распластавшихся дуба росли на конце мыса. Между ними из грубых плит известняка был сложен жертвенник, а позади стоял потемневший деревянный столб, обтесанный в виде человеческой фигуры. Это был древний храм, посвященный местному богу — реке Ахелу, впадавшей здесь в море. Устье реки терялось в зеленых зарослях, кишевших птицами, прилетавшими с севера.

Впереди открывалось затуманившееся море. Оттуда шли волны, с плеском набегавшие на острый конец мыса, похожий на шею громадного животного, погрузившего голову в воду.

Торжественный гул волн, пронзительные крики птиц, свист ветра в камышах и шум дубовых ветвей — все эти звуки сливались в тревожную раскатистую мелодию.

На грубом каменном жертвеннике старик развел огонь. Он бросил в пылающий костер кусок мяса и лепешку. Окончив жертвоприношение, старик подвел Пандиона к большому камню у обрывистого края мшистой скалы и велел отвалить его в сторону. Юноша легко справился с тяжестью и по указанию деда засунул руку в глубокую щель между двумя слоями известняка. Звякнул металл — Пандион извлек покрытые зелеными пятнами окиси медный меч, шлем, и широкий пояс из квадратных медных пластин, служивший панцирем для нижней части туловища.

— Это оружие твоего рано погибшего отца,— тихо сказал дед.— Щит и лук ты должен будешь добыть себе сам.

Юноша, взволнованный, склонился над боевыми доспехами, осторожно счищая с металла налет окиси.

Старик сел на камень и, прислонившись спиной к скале, молча наблюдал за внуком, стараясь скрыть от него свою печаль.

Пандион, оставив доспехи, бросился к деду и порывисто обнял его. Старик обхватил рукой стан юноши, чувствуя твердость его могучих мышц. Деду казалось, что он и его давно погибший сын как бы возрождались заново в этом юном теле, созданном для борьбы.

Старик повернул к себе лицо внука и долго смотрел в открытые золотистые глаза:

— Теперь тебе надлежит решить, Пандион: пойдешь ли ты к вождю нашей фратрии, чтобы стать его воином, или останешься подручным у Агенора.

— Останусь у Агенора,— не раздумывая, ответил Пандион.— Если я пойду в селение к начальнику, мне придется там жить, есть вместе со

---

[1] *Фратрия* — объединение нескольких родов. Из фратрий состояло племя в древние времена, когда еще силен был родовой общественный уклад жизни.

всеми в собрании мужчин, и тогда ты останешься один. Я не хочу разлучаться с тобой и буду помогать тебе.

— Нет, теперь мы должны расстаться, Пандион,— с усилием, но твердо сказал старик.

Юноша удивленно отпрянул, но рука деда удержала его.

— Я исполнил обещание, данное моему сыну — твоему отцу, Пандион,— продолжал старик.— Теперь ты вступаешь в жизнь. Начало твоего пути должно быть свободно, а не отягчено заботой о беспомощном старике. Я удалюсь из нашей Энниады в плодородную Элиду[1], где живут мои дочери со своими мужьями. Когда ты станешь прославленным мастером, ты найдешь меня...

На горячие протесты юноши старик только отрицательно качал головой. Много ласковых, умоляющих, негодующих слов было сказано Пандионом, пока он не понял, что непреклонное решение деда выношено годами, укреплено жизненным опытом.

С печалью, камнем лежавшей на душе, юноша весь день не отходил от деда, помогая ему готовиться к отъезду.

Вечером они оба уселись у перевернутой, заново проконопаченной лодки, и дед достал свою старую, видавшую виды лиру. По-молодому сильный голос старого аэда понесся вдоль берега, замирая вдали. Печальный напев напоминал размеренный плеск моря.

По просьбе Пандиона, старик пел ему предания о происхождении их народа, о соседних землях и странах.

Сознавая, что он слушает деда в последний раз, юноша жадно ловил каждое слово, стараясь запомнить песни, с детства неразрывно слитые у него с обликом деда. Пандион образно представлял себе древних героев, объединявших разные племена.

Старый аэд пел о суровой прелести своей родины, где сама природа есть земное воплощение богов, о величии людей, умеющих любить жизнь и побеждать природу, не прячась от нее в храмы, не отворачиваясь от настоящего.

И сердце юноши взволнованно билось перед дорогами, бегущими в неведомую даль, открывающими за каждым поворотом новое и неожиданное.

Утром как будто вернулось жаркое лето. Чистая синева неба дышала зноем, неподвижный воздух наполнился звоном цикад, и солнце ослепительно отражалось от белых скал и камней. Море стало прозрачным и лениво колыхалось у берегов, приняв вид старого вина, колеблющегося в исполинской чаше.

Когда лодка деда скрылась вдали, тоска стеснила грудь Пандиона. Он упал, упершись лбом на скрещенные руки. Он почувствовал себя мальчиком, одиноким и покинутым, потерявшим с отъездом любимого деда часть своего сердца. Слезы текли по рукам Пандиона, но это уже не были слезы ребенка — они катились редкими тяжелыми каплями, не облегчая горя.

Далеко отошли мечты о великих делах. Ничто не утешало юношу — он хотел быть вместе с дедом.

Медленно и неумолимо пришло сознание невозвратимости потери, и юноша справился с собой. Устыдившись слез, закусив губы, он поднял голову и долго смотрел в морскую даль, пока смятенные мысли не по-

[1] *Элида* — область в северо-западной части Пелопоннесского полуострова.

текли последовательно и плавно. Пандион встал, окинул взглядом горящий на солнце берег, маленький домик под платаном, и снова тоска сделалась нестерпимой. Он понял, что дни юности миновали, что не вернется уж никогда беззаботная жизнь с ее наивными, полудетскими мечтами.

Медленно побрел Пандион к дому. Там он опоясался мечом и завернул в плащ свои вещи. Юноша плотно закрепил дверь, чтобы буря не ворвалась в дом, и пошел по каменистой тропинке, чисто выметенной морскими ветрами. Сухая и жесткая трава грустно шелестела под ногами. Тропинка подошла к холму, покрытому густым темно-зеленым кустарником, мелкие листья которого, нагретые солнцем, издавали аромат свежих оливковых выжимок. Здесь тропа разветвлялась на две: одна вела направо, к группе рыбачьих хижин, стоявших на берегу моря, другая шла вдоль берега реки к селению. Пандион повернул налево; за холмом его ноги окунулись в горячую белую пыль, стрекотание цикад заглушило шум моря. Основание каменистого склона горы у реки тонуло в деревьях. Узкие листья олеандров, тяжелая зелень смоковниц перемежались с пышными кронами огромных орехов — все это сливалось в сплошную клубящуюся массу, казавшуюся почти черной у обрывов белых известняков. Тропинка нырнула в прохладную тень и после нескольких поворотов привела к поляне, застроенной небольшими домиками, теснившимися к пологим скатам виноградников.

Юноша ускорил шаги и направился к низкому белому строению, скрывавшемуся за узловатыми стволами олив. Он вошел под навес, и навстречу ему поднялся невысокий чернобородый пожилой мужчина — мастер-художник Агенор.

— Ты пришел, Пандион! — радостно приветствовал юношу художник.— А я уже думал посылать за тобой... А, вот что! — Агенор заметил вооружение Пандиона.— Дай я обниму тебя, мой мальчик... Тесса, Тесса! — крикнул он.— Смотри, какой воин пришел к нам!

Пандион быстро повернулся. Из внутренней двери выглянула девушка в темно-красном химатионе[1], накинутом поверх выгоревшего голубого хитона[2]. Радостная улыбка показала безупречные зубы, но через мгновение девушка нахмурилась, спрятав улыбку, и холодно обвела юношу взглядом.

— Видишь, Тесса рассердилась на тебя: два долгих дня ты не мог прибежать к нам и предупредить, что не будешь работать,— упрекнул Пандиона художник.

Юноша стоял молча, опустив голову, и исподлобья переводил взгляд с девушки на учителя.

— Что с тобой, мой мальчик... то есть уже не мальчик, а воин? — спрашивал Агенор.— Ты печален сегодня. И что это за сверток ты принес?

Прерывающимся голосом, бессвязно, вновь переживая испытанное, Пандион рассказал об отъезде деда.

Пришла жена художника — мать Тессы.

Художник положил обе руки на плечи юноши:

— Мы давно полюбили тебя, Пандион, и рады тебе. А я счастлив, что ты выбрал путь художника и предпочел его жизни воина. Она не минует

---

[1] *Химатион* — верхняя одежда эллинских женщин; прямоугольный кусок ткани в виде шали. Набрасывался через плечо, в плохую погоду надевался и на голову.

[2] *Хитон* — длинная одежда без рукавов из тонкой ткани. Домашнее одеяние эллинских женщин.

тебя позднее, сейчас же тебе нужно достичь многого, что дается лишь долгим трудом и размышлениями.

Пандион, по обычаю, склонился перед женой Агенора, и та покрыла его голову краем плаща, а затем ласково прижала к груди.

Девушка радостно вскрикнула и, смутившись, скрылась в глубине дома, провожаемая улыбкой отца.

Агенор, отдыхая, присел у входа в мастерскую. У дома росли старые оливковые деревья. Их огромные узловатые стволы причудливо переплетались, и задумчивый взор художника находил в них очертания людей и животных. Одно дерево напоминало коленопреклоненного великана, поднявшего над согнутой шеей широко расставленные руки. У другого корявые выступы ствола сливались в скорченное страданием, безобразное туловище. И все деревья сгибались, казалось, с усилием подталкивая вверх тяжелую массу бесчисленных ветвей, покрытых серебристыми мелкими листьями.

По другую сторону дома мелькнула женская фигура в праздничном ярко-синем химатионе с золотыми блестками. Художник узнал дочь в тот самый момент, когда девушка скрылась за склоном холма. Неслышно ступая босыми ногами, к Агенору приблизилась его жена и села рядом.

— Тесса опять пошла в сосновую рощу к Пандиону,— сказал художник и прибавил:— Дети думают, что нам неизвестна их маленькая тайна!

Жена его весело засмеялась, но, внезапно став серьезной, спросила:

— Что ты думаешь о Пандионе теперь, когда он прожил у нас больше года?

— Я полюбил его еще больше,— ответил Агенор, и жена согласно наклонила голову.— Но...— Художник замолчал, обдумывая дальнейшие слова.

— Он хочет слишком многого,— закончила за него жена.

— Да, он хочет многого, и много ему дано от богов. И некому научить его — я не могу дать ему то, что он ищет,— сказал художник с ноткой грусти в голосе.

— А мне кажется, что он мечется, не находя себя... Он не похож на других юношей,— тихо сказала жена.— И я не понимаю, что ему еще нужно, а иногда просто жаль его.

— О милая, ты права: не даст ему счастья стремление достигнуть того, чего никто не сумел еще сделать. А тревогу твою... Я понимаю ее причину: ты боишься за Тессу?

— Нет, не боюсь, дочь моя горда и смела. Но я чувствую, что любовь к Пандиону может принести ей много горя. Плохо, когда человек, как Пандион, одержим исканиями — тогда любовь не излечит его от вечной тоски...

— Как излечила меня,— ласково улыбнулся жене художник.— А когда-то я, пожалуй, походил на Пандиона...

— Ну нет, ты всегда был спокойнее и крепче,— сказала жена, погладив седеющую голову Агенора.

Тот смотрел вдаль, за деревья, куда скрылась Тесса.

Девушка торопливо шла к морю, часто оглядываясь, хотя и знала, что так рано в праздничный день никто не пойдет в священную рощу.

От белых обрывов бесплодных каменистых гор уже веяло жаром. Сначала дорога пролегала по равнине, покрытой колючками, и Тесса шла осторожно, чтобы не порвать подол своего лучшего хитона из тонкой, полупрозрачной материи, привезенной из-за моря. Дальше местность вспучи-

лась холмом, сплошь покрытым кроваво-красными цветами. В ярком солнце холм пылал, как будто залитый темным пламенем. Здесь не было колючек, и девушка, высоко подобрав складки хитона, побежала.

Быстро миновав одинокие деревья, Тесса очутилась в роще. Стройные стволы сосен отливали восковым лиловым блеском, раскидистые вершины шумели под ветром, а ветви, опушенные мягкими, в ладонь длиной иглами, превращали яркий солнечный свет в золотую пыль.

Запах нагретой смолы и хвои смешивался со свежим дыханием моря и разливался по всей роще.

Девушка пошла медленнее, бессознательно подчиняясь торжественному покою рощи.

Направо среди стволов перед нею возвышалась серая, обсыпанная хвоей скала.

На полянку падал столб солнечного света, и сосны вокруг казались вылитыми из красной меди. Сюда яснее доносился рокочущий гул моря — невидимое, оно напоминало о себе низкими мерными аккордами.

Из-за скалы навстречу Тессе выбежал Пандион и привлек девушку к себе, затем слегка оттолкнул ее и зорко осмотрел, словно стремясь вобрать в себя весь ее облик.

Завитки ее блестящих черных волос трепетали вокруг гладкого лба, узкие брови приподнимались к вискам, переламываясь чуть заметно, и это придавало большим синим глазам едва уловимое выражение насмешливой гордости.

Тесса мягким движением отстранилась.

— Поспеши, сюда скоро придут! — сказала она, нежно глядя на юношу.

— Я готов.— С этими словами Пандион подошел к скале, рассеченной узкой вертикальной пещерой.

На глыбе известняка стояла незаконченная статуя в половину человеческого роста из плотной глины. Тут же были разложены деревянные инструменты скульптора — изогнутые пилочки, ножи и лопатки.

Девушка сбросила синий химатион и медленно подняла руки к застежкам, скреплявшим сборки разрезанной вдоль плеч легкой ткани.

Пандион следил за ней, улыбаясь и перебирая инструменты, но, когда он отвернулся к статуе, восторженная улыбка медленно сползла с его лица. Еще очень далеко было этому грубому изображению до восхитительной живой Тессы. Но все же в глине появились уже все пропорции ее тела. Сегодня решающий день: подготовка кончена. Он перенесет на недвижимую глину обаяние живых линий.

Пандион хмуро и решительно повернулся к Тессе. Та, искоса взглянув на него, кивнула головой. Потупив глаза, девушка оперлась на ствол сосны, подложив одну руку под затылок. Пандион молча погрузился в работу. Взгляд юноши сделался пронзительным, глаза перебегали с тела подруги на глину и обратно, запоминая, соразмеряя и сравнивая.

Много дней уже шла эта борьба творческих рук с мертвой, безразлично податливой глиной, которую нужно было заставить принять прекрасную форму живого.

Время шло. Чуткое ухо юноши уже несколько раз улавливало подавленные вздохи уставшей Тессы.

Пандион прекратил работу, отступил от статуи, и Тесса невольно вздрогнула, услышав горький стон разочарования. Изображение стало гораздо хуже. То, что жило в нем и привлекало едва намеченными чертами, теперь, приглаженное и определившееся, умерло. Изваяние стало лишь

тяжелым подобием смуглого тела Тессы, стоявшей перед огромным сосновым стволом.

Закусив губы, юноша сравнивал Тессу со статуей, напряженно стараясь отыскать ошибку. Ошибки не было — это нельзя было назвать ошибкой: просто он не смог передать жизнь, остановить изменчивое движение форм тела. Ему казалось, что сила его любви, его восхищение красотой Тессы позволят ему подняться высоко, совершить великий творческий подвиг — и явится миру невиданная статуя... Так было вчера, было еще полчаса тому назад! И вот он не может... не умеет... не в силах... Даже для Тессы, которую так любит! Что же теперь делать? Весь мир померк для Пандиона, инструменты упали на землю, кровь бросилась в голову. В отчаянии, сознавая свое бессилие, юноша бросился к девушке и упал, обняв ее колени, перед ней.

Девушка, смущенная и недоумевающая, положила ладони на горячее, поднятое вверх лицо Пандиона.

И вдруг инстинктивным чутьем женщины она поняла, что делается в душе художника. С материнской любовью она склонилась над юношей, говорила ласковые слова, прижимала к себе голову Пандиона, скользя тонкими пальцами по кольцам коротких волос.

Бурное отчаяние юноши улеглось.

Вдали послышались голоса. Пандион оглянулся кругом; порыв его угас, а с ним ушла и гордая надежда. Ему казалось, что его юношеская мечта никогда не сбудется. Скульптор подошел к своей статуе и остановился в раздумье. Маленькая рука Тессы легла ему на сгиб локтя.

— Не смей, неразумный мальчик,— прошептала девушка.

— Не могу, не смею, Тесса,— согласился Пандион, не отрывая взгляда от изваяния.— Если бы эта...— юноша запнулся,— не была сделана с тебя, если бы не ты, я уничтожил бы ее сейчас же. Эта вещь так груба и некрасива, что не должна существовать и чем-то напоминать твой облик...— С этими словами юноша легко сдвинул камень вместе со статуей в глубь пещеры. Он старательно замаскировал узкую щель обломками камней и пригоршнями сухой хвои...

Юноша и девушка направились на звук морского прибоя. Они долго шли молча. Пандион заговорил, стараясь передать любимой свою тоску и разочарование. Девушка убеждала Пандиона не оставлять попыток, говорила о своей уверенности в нем, в его способности выполнить задуманное. Но Пандион был непреклонен. Сегодня он понял, что еще далек от подлинного мастерства, что дорога к настоящему искусству лежит через долгие годы упорного труда.

— Нет, Тесса, я теперь знаю, что не могу воплотить тебя в статуе! — страстно говорил он.— Я беден здесь и здесь,— он притронулся к сердцу и глазам,— чтобы передать твою красоту...

— Разве она не твоя, Пандион? — Девушка порывисто закинула руки за шею художника.

— Да, Тесса, но как я иногда страдаю от нее! Я никогда не устану любоваться тобою и в то же время... не могу этого выразить... Каждый миг кажется последним. Точно вот-вот исчезнет твоя красота, подобно улетевшему звуку песни... Ты ушла, и я не могу изобразить твои черты, самому себе рассказать о них! А я должен воплотить тебя в глине, дереве, камне. Я должен понять, почему так трудно передать красоту, ибо если я сам не осмыслю этого, то как я смогу сделать живыми свои творения?

Тесса внимательно слушала юношу и, чувствуя, что сейчас перед ней открыта вся душа Пандиона, с горечью понимала свое бессилие. Тоска художника передавалась и ей, на сердце росла неопределенная тревога.

Вдруг Пандион улыбнулся, и не успела Тесса опомниться, как мощные руки подняли ее на воздух. Пандион побежал к берегу, опустил девушку на влажный песок и сам скрылся за круглым холмом.

Мгновение — и девушка увидела голову Пандиона на гребне приближавшейся волны. Скоро юноша вернулся. От недавней печали не было и следа. И происшедшее в роще показалось Тессе не таким серьезным. Она тихо рассмеялась, вспомнив свое жалкое глиняное подобие и удрученное лицо его создателя.

Пандион тоже подсмеивался над собой, как мальчик, хвастался перед девушкой своей ловкостью и силой. Так, медленно, часто останавливаясь, шли они к дому. И только на самом дне души Тессы продолжала гнездиться тревога...

Агенор тронул рукой колено Пандиона:

— Народ наш еще молод и беден, мой сын. Нужны века жизни в достатке, чтобы сотни людей могли посвятить себя высокому мастерству художника, сотни людей могли предаться изучению красоты человека и мира. А мы еще так недавно изображали своих богов, обтесывая каменные или деревянные столбы... Но вот ты стремишься понять законы красоты, и я могу предсказать, что наш народ пойдет далеко по пути изображения прекрасного. А сейчас в древних и богатых странах мастера гораздо искуснее нас...

Художник встал и извлек из угла комнаты большой ларец желтого дерева, достал из него сверток, покрытый красной материей. Сняв ее, он осторожно поставил перед Пандионом статуэтку в локоть величиной, сделанную из слоновой кости и золота. Слоновая кость от времени порозовела, и ее полированная поверхность покрылась мельчайшими черными трещинками.

Статуэтка изображала женщину, державшую в протянутых руках двух змей, завившихся кольцами до локтевых сгибов. Тугой пояс с валиками по краям охватывал необычайно тонкую талию, поддерживая длинную, до пят, юбку, сильно расширявшуюся книзу и украшенную пятью поперечными золотыми полосками. Спину, плечи, бока и верхние части рук закрывала легкая накидка, оставлявшая обнаженной грудь и живот до талии.

Тяжелые волнистые волосы были подняты узлом не на затылке, как у эллинских женщин, а на темени. От узла отделялись густые пряди, покрывая сзади шею и спину.

Ничего подобного Пандион еще не видел. Чувствовалось, что эта статуэтка — создание великого мастера. Особенно привлекало внимание странно равнодушное лицо статуэтки — плосковатое и широкое, с тяжело обозначенными скулами, с толстыми губами, со слегка выдающейся вперед нижней частью.

Прямые широкие брови усиливали выражение равнодушия на лице женщины, но пышная грудь высоко вздымалась, точно в нетерпеливом вздохе.

Пандион оцепенел. Если бы он обладал искусством неизвестного мастера! Если бы резец его мог с такой же точностью и изяществом передавать форму, оживавшую под розовато-желтой поверхностью старой кости!

Агенор, довольный произведенным впечатлением, следил за юношей и медленно поглаживал щеку концами пальцев.

Прервав молчаливое созерцание, Пандион отставил драгоценную статуэтку подальше. Не отрывая глаз от тускло поблескивавшего творения древнего мастера, юноша тихо и грустно спросил учителя:

— Это из древних восточных городов?[1]

— О нет! — отвечал Агенор.— Она древнее их всех, древнее богатых золотом Микен, Тиринфа и Орхомен[2]. Я взял ее у Хризаора, чтобы показать тебе. Его отец в молодости плавал с отрядом на Крит и нашел ее среди остатков древнего храма в двадцати стадиях[3] от развалин города морских царей[4], разрушенного страшными землетрясениями.

— Отец,— юноша, сдерживая волнение, с мольбой прикоснулся к бороде художника[5],— ты знаешь так много. Неужели ты не смог бы, если бы захотел, перенять искусство древних мастеров, научить нас, повести туда, где сохранились прекрасные творения? Неужели ты никогда не видел этих дворцов, воспетых в легендах? Я много раз мечтал о них, слушая деда!

Агенор опустил глаза. Тень набежала на спокойное и приветливое лицо.

— Я не сумею объяснить тебе,—ответил он после недолгого размышления,— но ты сам скоро это почувствуешь: то, что умерло нельзя возродить. Оно чужое нашему миру, нашей душе... оно прекрасно, но безнадежно... чарует, но не живет.

— Я понял, отец! — страстно воскликнул Пандион.— Мы будем только рабами мертвой мудрости, хотя и в совершенстве будем подражать ей. А нам нужно стать равными древним мастерам или сильнее их, и тогда... о, тогда!..— Юноша замолчал, не находя слов.

Агенор загоревшимися глазами посмотрел на своего ученика, и его жесткая маленькая рука одобрительно сдавила локоть юноши.

— Ты хорошо сказал то, что я не мог выразить. Да, древнее искусство для нас должно быть мерой и пробой, а идти нужно своим путем. А чтобы этот путь не оказался очень далек, учиться нужно у древней мудрости. Ты умен, Пандион...

Вдруг Пандион мягко скользнул на глиняный пол и обнял ноги художника:

— Отец и учитель, отпусти меня посмотреть древние города... Я не могу, боги мне свидетели... я должен видеть все это. Я чувствую в себе силу достигнуть высокого... Мне надо узнать родину тех редкостей, что иногда встречаются у наших людей, поражая их. Может быть, я...— Юноша умолк, покраснев до ушей, но его прямой, смелый взор продолжал искать взгляд Агенора.

Тот сосредоточенно смотрел в сторону, хмурился и молчал.

— Встань, Пандион,— наконец произнес художник.— Я давно ждал этого. Ты не мальчик, и я не могу удержать тебя, хотя и хотел бы. Ты волен идти куда тебе угодно, но я говорю тебе, как сыну, как ученику... более того, как равный — другу... что желание твое гибельно. Оно грозит тебе страшными бедствиями.

— Я не боюсь ничего, отец! — Пандион откинул назад голову, ноздри его раздувались.

---

[1] Пандион подразумевает восточную часть Греции, где в доэллинское время, во второй половине II тысячелетия до нашей эры (1600—1200 гг.) был расцвет так называемой микенской культуры, непосредственно сменившей критскую. Эгейская, или критская, культура — еще не разгаданная культура доэллинского периода в Средиземноморье (в среднем II тысячелетие до нашей эры).

[2] *Микены, Тиринф, Орхомены* — культурные центры Микенской эпохи.

[3] *Стадия* — мера расстояния, приблизительно равная 180 метрам.

[4] *Город Кносс* — центр эгейской (критской) культуры.

[5] Жест просьбы в Древней Элладе.

— Я ошибся: ты совсем еще мальчик,— спокойно возразил Агенор.— Выслушай, положив сердце на ладони, если любишь меня.

И Агенор рассказал, что в восточных городах, где еще живут древние обычаи, осталось много произведений древнего искусства.

Женщины, как тысячелетие тому назад на Крите, носят длинные жесткие юбки, раскрашенные с необыкновенной пестротой, и обнажают грудь, прикрывая плечи и спину. Мужчины — в коротких рубашках без рукавов, с длинными волосами, вооружены маленькими тяжелыми бронзовыми мечами.

Город Тиринф окружен гигантской стеной в пятьдесят локтей вышины. Эти стены сложены из колоссальных обтесанных глыб, украшенных золотыми и бронзовыми цветами, издалека сверкающими на солнце, как огни, разбросанные по стене.

Микены еще величественнее. На вершине высокого холма располагается этот город, ворота из огромных камней заперты медными решетками. Далеко видны большие постройки с равнины, окружающей холм.

Хотя свежи и ярки краски стенных росписей во дворцах Микен, Тиринфа и Орхомен, хотя по-прежнему по гладким дорогам, выложенным большими белыми камнями, иногда проносятся колесницы богатых землевладельцев, но все больше зарастают травою забвения эти дороги, дворы пустующих домов, даже скаты могучих стен.

Давно прошли времена богатства, времена далеких плаваний в сказочный Айгюптос[1]. Теперь вокруг этих городов обитают сильные фратрии, обладающие множеством воинов. Их начальники подчинили себе все вокруг на далекие расстояния, захватили города в свои темены[2], согнули слабые роды и объявили себя властителями страны и людей.

Здесь, в Энниаде, еще нет таких могучих вождей, как нет городов и красивых храмов. Но зато там больше рабов — жалких, потерявших свободу мужчин и женщин. И среди них не только пленные, захваченные в чужих странах, но и рабы из своих же сограждан, принадлежащих к бедным родам.

И что уж говорить о чужеземных странниках: если не стоит за их плечами могущественная фратрия или племя, с которым ссориться небезопасно даже сильным вождям, или если нет у путешественника многочисленной дружины воинов, тогда только два пути могут быть у странника — смерть или рабство.

— Помни, Пандион,— художник схватил юношу за обе руки,—мы живем в суровое и опасное время! Роды и фратрии враждуют между собой, общих законов не существует, вечный страх рабства висит над головой каждого скитальца. Эта прекрасная страна не годится для путешествия. Помни, что, покинув нас, ты будешь на чужбине без очага и закона, всякий может тебя унизить или даже убить, не боясь пени и мести[3]. Ты одинок и беден, я тоже ничем не могу помочь тебе — значит, тебе не собрать даже небольшого отряда. А один ты погибнешь очень быстро, если только боги не сделают тебя невидимкой. Видишь, Пандион, хотя кажется так просто: проплыть проливом тысячу стадий от нашего Ахелоева мыса до Коринфа, откуда полдня пути до Микен, день до Тиринфа и три до Ор-

---

[1] *Айгюптос* — греческое название древнего Египта; произошло от искаженного египетского Хет-Ка-Пта (Дворец Духа Пта)— другое название города Белой Стены (Мемфиса).

[2] *Темен* — земельный надел крупного вождя.

[3] Убийца подвергался кровавой мести со стороны родственников, но мог заплатить пеню по соглашению и тем избавить себя от преследования.

хомен, но для тебя это все равно, что отправиться за пределы Ойкумены! — Агенор встал и направился к выходу, увлекая за собой юношу.— Ты стал родным мне и моей жене, но я не говорю о нас... Представь страдания моей Тессы, если ты будешь влачить жалкие дни в рабстве на чужбине!

Пандион густо покраснел и ничего не ответил.

Агенор чувствовал, что не убедил Пандиона, а тот в нерешительности колебался между двумя могучими влечениями: одним — удерживавшим его на месте; другим — влекущим вдаль, несмотря на неизбежную опасность.

И Тесса, не зная, что будет лучше, то восставала против его путешествия, то, полная благородной гордости, упрашивала Пандиона уехать...

...Прошло несколько месяцев, и, когда весенние ветры донесли из-за пролива[1] слабый запах цветущих холмов и гор Пелопоннеса, Пандион окончательно выбрал свой жизненный путь.

Теперь ему предстояло единоборство с чужим и далеким миром. Полгода, которые он хотел провести вдали от родных мест, представлялись ему вечностью. Временами Пандиона тревожило ощущение, будто он навсегда покидает свою родину... По совету Агенора и других мудрых мужей селения Пандион ехал на Крит — обиталище потомков морского народа, родину древней культуры. Хотя огромный остров находился посреди моря, несравненно дальше древних городов Беотии и Арголиды[2], поездка туда представлялась более безопасной для одинокого путешественника.

Остров, лежавший в центре морских путей, был заселен теперь разными племенами. На берегах его постоянно встречались иноземцы — купцы, моряки, грузчики. Разноязычное население Крита занималось торговлей и жило в большем мире, чем Эллада, и лучше относилось к приезжим. Только в глубине острова, за горными перевалами, еще ютились потомки древних племен, враждебно относившиеся к пришельцам.

Пандион должен был переправиться через Калидонский залив к острому мысу, расположенному против нижней Ахайи, и здесь наняться гребцом на одно из судов, отправлявшихся на Крит с шерстью после зимнего перерыва: в бурное время года утлые суда избегали далеких плаваний.

В день полнолуния молодежь селения собиралась для танцев на большой поляне священной рощи.

Пандион в задумчивости сидел на маленьком дворике у дома Агенора, угнетенный тоской. Завтра совершится неизбежное — он оторвет от сердца все любимое и родное ему и предстанет перед неизвестной судьбой. Тоска разлуки, жалость к покинутой возлюбленной, неверное будущее — вот ядовитая чаша его пути, одиноких исканий.

В темном и молчаливом доме Тесса шелестела одеждами, потом появилась в черном отверстии двери, оправляя складки наброшенного на плечи покрывала. Девушка негромко окликнула Пандиона, который мгновенно вскочил и устремился ей навстречу. Черные волосы Тессы были закручены на затылке в тяжелый узел и обрамлены по темени тремя лентами, сходившимися вместе под узлом.

— Ты причесалась сегодня, как аттическая девушка! — воскликнул Пандион.— Это красиво!

Тесса, улыбнувшись, грустно спросила:

— Ты разве не пойдешь танцевать в последний раз, Пандион?

---

[1] Подразумевается Коринфский залив.

[2] Область в восточной части Греции.

— А разве ты хочешь пойти?

— Да, я буду танцевать для Афродиты,— твердо промолвила Тесса.— И еще журавля.

— Танцевать журавля, этот аттический танец! Для него ты так и причесана. У нас его, кажется, ни разу не танцевали.

— А сегодня будут все — для тебя, Пандион!

— Почему для меня? — удивился юноша.

— Разве ты забыл — журавля в Аттике танцуют в память,— голос Тессы задрожал,— счастливого возвращения Тезея[1] с Крита и в честь его победы... Пойдем, милый! — Тесса протянула обе руки Пандиону, и, прижавшись друг к другу, молодые люди вошли под деревья на краю селения.

Море шумело навстречу, зовуще раскрывало свою беспредельную ширину. В ранних солнечных лучах морская даль вздымалась подобно выпуклой поверхности исполинского моста. Да и в самом деле, море было мостом к далеким странам, мостом, соединяющим народы.

Медленные волны, розовея с зарей, несли издалека, может быть от самого сказочного Айгюптоса, клочья золотистой пены. И солнечные лучи плясали, дробясь и качаясь, на неустанной, вечно подвижной воде, пронизывая воздух слабым мерцающим сиянием.

За холмом скрылась тропинка, с которой еще были видны селение и семья Агенора, посылавшая последние приветы.

Прибрежная равнина была пустынна. Пандион остался наедине с Тессой перед морем и небом. Впереди, на песке, чернела маленькая лодка, на которой Пандион должен был обогнуть мыс при устье Ахелоя и переплыть Калидонский залив.

Девушка и юноша шли молча. Их медленные шаги были неверны: Тесса в упор смотрела на Пандиона, и он не мог отвести взгляд от лица любимой.

Скоро, слишком скоро они подошли к лодке. Пандион выпрямился, в глубоком вздохе расправил стесненную грудь. Настал момент, ожидание которого дни и ночи угнетало Пандиона. Так много нужно было сказать Тессе в эти последние минуты, но не было слов.

Пандион смущенно стоял, в голове мелькали обрывки мыслей, непоследовательные и бессвязные.

Вдруг Тесса внезапным движением крепко обняла Пандиона за шею и, точно боясь, что их могут подслушать, торопливо и прерывисто зашептала:

— Поклянись мне, Пандион, поклянись Гиперионом... страшной Гекатой...[2] Нет, лучше своей и моей любовью, что ты не поедешь дальше Крита, туда, в далекий Айгюптос... где тебя превратят в раба и ты исчезнешь из моей жизни... Поклянись, что вернешься скоро... — Шепот Тессы прервался сдавленным рыданием.

Пандион прижал девушку к себе и произнес клятву, а в это время перед его мысленным взором пронеслись морские дали, утесы, рощи и развалины неведомых селений — все то, что сейчас отделит его от Тессы на

---

[1] *Тезей* — герой эллинских мифов, отправившийся на Крит и там победивший в подземельях лабиринта чудовище Минотавра. Ежегодно красивейшие девушки и юноши обрекались в жертву чудовищу. Тезей избавил родную Аттику от кровавой дани царю Крита.

[2] *Геката* (далеко разящая) — богиня луны и колдовства у эллинов.

шесть долгих месяцев — месяцев, в которые он не будет знать ничего о любимой и она о нем.

Пандион закрыл глаза, чувствуя, как бьется сердце Тессы.

Минуты шли, неизбежность разлуки надвигалась, ожидание становилось невыносимым.

— В путь, Пандион, скорее... Прощай... — прошептала девушка.

Пандион вздрогнул, отпустил Тессу и быстро подошел к лодке.

Поддаваясь сильным рукам, лодка медленно сдвинулась, днище зашуршало по песку. Пандион вошел до колен в холодную плещущую воду и обернулся. Борт подбрасываемой на волнах лодки слегка ударял его по ноге.

Тесса, неподвижная, как статуя, стояла, устремив взгляд на мыс, за которым должна была сейчас скрыться лодка Пандиона.

В душе юноши что-то надломилось. Он сорвал лодку с отмели, прыгнул в нее и взялся за весла. Тесса резко повернула голову, и порыв западного ветра подхватил ее распущенные в знак печали волосы.

Лодка быстро отплыла, повинуясь сильным ударам весел, а он, не отрываясь, смотрел на застывшую девушку. Ее лицо было высоко поднято прямо над обнаженным плечом.

Ветер закрыл лицо Тессы ее черными волосами, и девушка не пыталась поправить их. Сквозь волосы Пандиону видны были блестящие глаза, вздрагивающие ноздри прямого маленького носа и яркие полураскрытые губы. А волосы, шевелясь под ветром, густой массой окутывали шею. Концы их завивались бесчисленными колечками на щеке, виске и высокой груди. Девушка стояла без движения, пока лодка не удалилась от берега и не повернула носом на юго-восток.

Тессе казалось, что не лодка огибает мыс, а мыс, темный и мрачный, в тени низкого солнца, выдвигается слева в море, постепенно приближаясь к лодке. Вот он коснулся небольшой чернеющей черточки в сверкающем море, вот она скрылась за ним...

Тесса, ничего более не сознавая, опустилась на плотный влажный песок.

Лодка Пандиона затерялась среди бесчисленных волн. Давно уже скрылся из глаз мыс Ахелоя, а Пандион продолжал грести изо всех сил, точно боялся, что тоска заставит его вернуться. Он ни о чем не думал, стараясь измучить себя работой под знойным солнцем...

Солнце перешло на корму лодки, и медленные волны приняли цвет темного меда. Пандион бросил весла на дно. Осторожно оттолкнувшись одной ногой, чтобы не опрокинуть узкую лодку, юноша прыгнул в море. Освежившись, он поплыл, подталкивая лодку перед собой, потом снова забрался в нее и выпрямился во весь рост.

Впереди виднелся острый мыс, а левее чернел продолговатый островок, ограничивавший с юга Калидонскую гавань — цель его плавания. Пандион снова принялся грести, и островок медленно рос, поднимаясь из моря. Вершина его распалась на отдельные игольчатые кроны деревьев. Скоро ряд стройных кипарисов, похожих на темные наконечники гигантских копий, предстал перед Пандионом. Деревья, защищенные от ветров крючковатым скалистым мысом, поднимавшимся с юга, устремлялись в чистую синеву неба. Юноша осторожно провел лодку меж камней, отороченных скользкими рыжеватыми водорослями. Ровное песчаное дно было ясно видно сквозь прозрачную зеленовато-золотистую воду. Пандион вышел на берег, разыскал невдалеке от старого, поросшего мхом жертвенника полянку с мягкой весенней травой и допил запасенную в

дорогу воду. Есть ему не хотелось. До гавани, скрывавшейся по ту сторону острова, было не больше двух десятков стадий.

Юноша решил прийти бодрым и свежим к владельцу корабля. Он лег под узорными ветками.

С необычайной ясностью перед закрытыми глазами Пандиона возникли картины вчерашнего празднества...

Пандион и другие юноши селения лежали в траве, ожидая, пока девушки закончат танец в честь Афродиты. Девушки в легких юбках, собранных вокруг талии на разноцветных лентах, танцевали попарно, спиной друг к другу. Взявшись за руки, они посматривали через плечо, словно каждая из них любовалась красотой своей подруги.

Серебряными волнами в лунном свете взлетали и падали складки белых юбок, смуглые тела танцовщиц гнулись, как гибкие стебли, в такт нежным и протяжным, грустным и радостным звукам флейты.

Потом юноши смешались с девушками и начали танец журавля, приподнимаясь на кончиках пальцев и раскидывая в стороны напряженные, как крылья, руки. Пандион был рядом с Тессой, не сводившей с него встревоженных глаз.

Вся молодежь селения была внимательнее обычного к Пандиону. Только лицо одного Эвримаха, влюбленного в Тессу, сияло, показывая, как он рад отъезду соперника. Пандион замечал, что остальные не шутили с ним, как прежде, меньше было задорных колкостей — словно между ним, уезжавшим, и всеми остающимися уже легла какая-то граница. Отношение друзей одновременно выражало зависть и жалость, как к человеку, стоящему на грани большой опасности и выделенному среди всех остальных.

Луна медленно скрывалась за деревьями. На поляну выдвинулось широкое покрывало черной тени.

Танцы окончились. Тесса с подругами спела Иресиону — песню о ласточке и весне, любимую Пандионом. Наконец молодежь парами направилась к тропинке к селению. Пандион и Тесса шли позади всех, намеренно замедляя шаги. Едва они поднялись на гребень холма перед селением, как Тесса вздрогнула и остановилась, прижавшись к Пандиону.

Отвесные обрывки известняковых круч, вздымавшиеся позади виноградников, отражали лунный свет, как исполинское зеркало. Казалось, над селением, прибрежной равниной и темным морем стояла прозрачная завеса серебристого света, полная зловещего очарования и молчаливой тоски.

— Мне страшно, Пандион,— шепнула Тесса.— Велика мощь Гекаты — богини лунного света, и ты отправляешься в те места, где она владычествует...

Волнение Тессы передалось Пандиону.

— Нет, Тесса, не на Крите, а в Карии[1] владычествует Геката, туда не лежит мой путь! — воскликнул юноша, увлекая девушку домой...

Пандион очнулся от грез. Нужно было поесть и продолжать путь. Он принес жертву морскому богу и, выйдя на берег, измерил свою тень[2], переставляя ступни ног по ее отмеченной длине. Тень в девятнадцать ступней показала ему, что нужно торопиться — до вечера надо было устроиться на корабле.

Пандион, обогнув на лодке остров, увидел белый каменный столб — знак гавани — и начал грести быстрее.

---

[1] *Кария* — страна на побережье западной оконечности Малоазиатского полуострова.

[2] Измерением тени определяли время в Древней Элладе.

Глава вторая

ПЕННАЯ СТРАНА

Ветер уныло свистел в жестких кустах, поднимая крупный песок. Хребет протягивался на восток, как дорога, насыпанная неведомыми гигантами. Он, изгибаясь, обрамлял обширную зеленую долину. Горы пологим откосом спускались к морю. Откос был покрыт ковром ярко-желтых цветов и издалека казался огромным куском золота, обрамлявшим сверкающую синеву моря.

Пандион ускорил шаги. Сегодня особенно остро ощущал тоску по покинутой Энниаде. Ему не советовали забираться так далеко, в эту замкнутую горами часть Крита, где потомки древнего морского народа были неприветливы с пришельцами.

Пандион торопился. За пять месяцев он побывал в разных концах огромного острова, длинной гористой полосой протянувшегося посреди моря. Молодой скульптор видел чудесные и странные вещи, оставленные древним народом в опустелых храмах и почти безлюдных городах.

Много дней провел Пандион в развалинах гигантского Дворца Секиры в городе Кноссе, первые постройки которого уходили к временам незапамятной давности. Бродя по бесчисленным лестницам дворца, юноша впервые увидел большие залы с красными, суживающимися книзу колоннами, любовался карнизами, ярко расписанными черными и белыми прямоугольниками или украшенными черными и голубыми завитками, напоминавшими череду бегущих волн.

На стенах уцелели великолепные фрески. У Пандиона захватывало дух от восторга, когда он глядел на изображения священных игр с быками, на процессии женщин с сосудами в руках, на девушек, пляшущих внутри ограды, за которой толпились мужчины, на неведомых гибких зверей среди гор и странных растений. Контуры фигур казались Пандиону неестественными с их невероятно тонкими талиями, широкими бедрами и вычурными движениями. Растения тянулись вверх на очень длинных стеблях, почти без листьев. Пандион понимал, что художники прошлых времен намеренно искажали естественные пропорции в стремлении выразить какую-то мысль, но она была непонятна юноше, выросшему на свободе, среди прекрасной, суровой природы.

В Кноссе, Тилиссе и Элире и в таинственных развалинах древней гавани[1], все дома которой вместо обычных тесаных глыб были построены из ровных и гладких плит серого слоистого камня, Пандион видел множество женских статуэток из слоновой кости и фаянса, блюда и чаши из сплава золота и серебра, покрытые тончайшими рисунками, фаянсовые вазы с чудесной пестротой узоров или изображениями морских животных.

Но поражавшее молодого скульптора искусство оставалось ему непонятным, как таинственные надписи, встречавшиеся в развалинах и сделанные забытыми знаками на умершем языке. Великое мастерство, проявлявшееся в любой мельчайшей детали каждого произведения, не удовлетворяло Пандиона: ему хотелось большего — воплотить живую красоту человеческого тела, перед которой он преклонялся.

---

[1] Так называемом «шиферном городе», древнее название которого осталось неизвестным.

И неожиданно для себя изображения людей и животных, выполненные с большой реальностью, Пандион увидел в произведениях искусства из далекого Айгюптоса.

Жители Кносса, Тилисса и Элиры, показывавшие их Пандиону, говорили, что множество подобных вещей сохранилось на Крите в округе Феста, где обитали потомки морского народа. И Пандион, несмотря на предупреждения об опасности, решился проникнуть в горное кольцо на южном побережье Крита.

Еще несколько дней — и, посмотрев все, что можно, он поплывет домой, к Тессе. Пандион был теперь уверен в своих силах. Как ни хотелось ему поучиться у мастеров Айгюптоса, любовь к родине и Тессе была сильней, крепко держала данная девушке клятва.

Как чудесно будет вернуться домой с последними осенними кораблями, заглянуть в синие блестящие глаза любимой, увидеть сдержанную радость Агенора, учителя, заменившего ему отца и деда!

Пандион, прищурившись, посмотрел на бесконечную ширь моря. Нет, там, впереди, чужие далекие страны, Айгюптос, а его море позади, за высокой горной грядой. Он все еще идет от него, а не к нему. Нужно посмотреть здесь, в Фесте, древние храмы, о которых он много слышал на побережье. Вздохнув, Пандион ускорил шаги, почти побежал. Отрог хребта опускался вниз широким склоном, покрытым, как кочками, каменными буграми, между которыми темнели пятна зеленых кустарников. У подошвы склона среди деревьев неясно виднелись развалины громадного здания, полуобрушившиеся стены, остатки сводов и уцелевшие ворота в рамке черно-белых колонн.

Развалины стояли безмолвно, изгибы стен были раскрыты перед Пандионом, точно исполинские руки, приготовившиеся обхватить жертву. Широкие свежие трещины — след недавнего землетрясения — бороздили поверхность стен.

Молодой скульптор тихо пошел, стараясь не нарушать покоя руин, вглядываясь в темные углы под уцелевшими колоннами.

Обогнув выступавший угол, Пандион очутился в квадратной зале без крыши, стены которой были расписаны уже знакомыми яркими фресками. Вглядываясь в чередование коричневых и черных мужских фигур, несших щиты, мечи и луки среди странных зверей и кораблей, Пандион, вспомнив рассказы деда, догадался, что перед ним изображены путешествия военного отряда в страну черных, по древним преданиям расположенную на самом краю Ойкумены.

Изумленный этим свидетельством далеких путей древнего народа, Пандион долго вглядывался в стенные росписи, пока, повернувшись налево, не увидел посередине залы мраморный куб, украшенный синими розетками и завитками из стекла. У подножия куба лежали груды совершенно свежих, недавно сорванных цветов.

Значит, здесь был кто-то, среди этих развалин живут люди! Затаив дыхание, юноша устремился к выходу, в портик, заросший высокой травой.

Портик из двух белых квадратных столбов и двух красных колонн стоял на краю небольшого обрыва, едва возвышавшегося над густой листвой деревьев. По обрыву изгибалась утоптанная пыльная тропинка. Юноша спустился в долину и оказался на гладкой, мощеной дороге. Пандион пошел на восток, стараясь бесшумно ступать по горячим камням. Широкие листья платанов с правой стороны дороги, едва трепетавшие в жарком воздухе, отбрасывали полосу тени. Путешественник облегченно вздохнул, укрывшись от знойного солнца. Пандиону давно хотелось пить, но у себя

на родине, бедной водой, он был приучен к воздержанию. Пройдя около двух стадий, юноша заметил впереди, у небольшого холма, где дорога поворачивала на север, длинное низкое здание. Несколько помещений, как ряд одинаковых ящиков, были открыты со стороны дороги и совершенно пусты. Пандион узнал старый дом для отдыха путешественников: он часто видел такие на дорогах северного побережья и поспешил войти в пестро раскрашенный центральный вход, разделенный единственной колонной. Слабое журчание привлекло истомленного жарой и долгим путем юношу. Пандион вошел в отделение ванн, где вода из большой трубы выложенного тяжелыми плитами источника стекала в широкую воронку, проделанную в стене, переливаясь через края трех бассейнов.

Сбросив одежду и сандалии, Пандион вымылся в чистой холодной воде, вдоволь напился и прилег отдохнуть на широкой каменной скамье. Журчание воды и легкий шепот листьев баюкали, заставляя слипаться глаза, воспаленные от солнца и ветра на горных перевалах.

Пандион задремал.

Он спал недолго: тень от колонны, пересекавшая освещенный солнцем пол, почти не изменила своего положения. Пандион вскочил освеженный и быстро накинул свою несложную одежду. Поев сухого сыра и снова напившись, юноша направился к выходу и вдруг замер: вдалеке послышались голоса. Он вышел на дорогу и стал оглядываться. Да, несомненно, в стороне от дороги, за густой зарослью кустов, был слышен смех, обрывки непонятных слов и изредка отрывистое звучание струн.

Пандион почувствовал одновременно радость и опасение, мышцы его напряглись, он невольно ощупал рукоятку отцовского меча. Прошептав несколько молитвенных слов своему покровителю и праотцу Гипериону, юноша пошел сквозь чащу прямо на голоса. В чаще было душно, резкий ароматический запах стеснял и без того затаенное дыхание.

Осторожно обходя высокие кусты с огромными колючками, пробираясь между стволами земляничного дерева с его тончайшей светлой и гладкой корой, Пандион приблизился к группе миртовых деревьев, стеной преграждавших ему дорогу.

Среди плотной листвы висели гроздья белоснежных цветов. На миг перед Пандионом возник облик Тессы — миртовое дерево на его родине посвящено было девичьей юности. Голоса теперь звучали совсем близко — люди почему-то говорили приглушенно, и юноша понял, что он неправильно определил расстояние. Решительный момент наступил. Пандион, согнувшись, нырнул под низкие ветки и осторожно раздвинул их руками: на полянке, поросшей свежей травой, он увидел необычайное зрелище.

В центре поляны лежал огромный белоснежный бык с длинными рогами. По блестящей, выхоленной шерсти животного на боках и морде были разбросаны мелкие черные пятна.

Поодаль в тени расположилась группа: юноши, девушки и пожилые люди. Стройный человек с вьющейся бородой, с золотым обручем на голове, одетый в короткую рубашку, стянутую бронзовым поясом, выступил вперед и подал какой-то знак. Тотчас из группы отделилась девушка, закутанная в длинный тяжелый плащ. Она подняла вверх широко раскинутые руки. От этого движения плащ упал. Девушка осталась в одной набедренной повязке, схваченной широким белым поясом, обшитым пушистым черным шнуром. Иссиня-черные волосы были распущены, на обеих руках выше локтей сверкали узкие браслеты.

Быстрыми, легкими шагами, точно танцуя, девушка приблизилась к быку и внезапно замерла, издав гортанный крик. Сонные глаза быка раскрылись и заблестели, он подогнул передние ноги и начал приподни-

мать тяжелую голову. Девушка стрелой бросилась вперед и прильнула к огромному животному. На несколько мгновений девушка и бык замерли. У Пандиона побежали по спине мурашки.

Бык выпрямил передние ноги, в то время как задние еще лежали на земле, и высоко поднял морду. Животное образовало как бы тяжелую пирамиду грозных мышц. Смуглое тело девушки, прижавшееся к крутому спаду широкой спины быка, отчетливо выделялось на белой шкуре. Одной рукой она уцепилась за рога, другой обхватила непомерную шею. Одна из сильных ног девушки вытянулась вдоль спины чудовища, торс луком выгнулся вперед. Контраст между красивыми, но чудовищными по силе и тяжести формами животного и гибким человеческим телом ошеломил Пандиона.

На мгновение молодой эллин увидел строгое лицо девушки с крепко сжатыми губами. С глухим ревом бык вскочил на ноги и подпрыгнул с легкостью, удивительной для его исполинского тела. Девушка, подброшенная в воздух, уперлась руками в мощную холку, вскинула вверх ноги и перевернулась, пролетев между высокими рогами. Она встала на ноги в трех шагах от морды чудовища и, вытянув вперед руки, хлопнула в ладоши и опять резко вскрикнула. Бык опустил рога и яростно бросился на нее. Пандион ужаснулся: гибель прекрасной и отважной девушки казалась неминуемой. Забыв о необходимой осторожности, юноша выхватил меч и хотел выскочить на поляну, но девушка снова с неуловимой быстротой прыгнула на быка и, миновав опущенные смертоносные рога, оказалась сидящей на его спине. Животное в неистовстве помчалось по лужайке, взрывая копытами землю и издавая грозное мычание. Юная победительница спокойно сидела на разъяренном быке, крепко сжимая коленями его крутые бока, раздуваемые частым дыханием. Бык подлетел к группе людей, приветствовавших его радостными криками. Звонкий удар в ладоши — девушка запрокинулась назад и спрыгнула на землю позади животного. Она, взволнованно дыша, присоединилась к зрителям.

Бык с разгону промчался до края поляны, повернулся и устремился на людей. Вперед выступили сразу пять человек — трое юношей и две девушки; прежняя игра повелась в более быстром темпе. Бык, хрипя, с топотом бросался на отвлекавших его криками и ударами в ладоши молодых людей, а те перепрыгивали через него, вскакивали ему на спину, на мгновение прижимались к нему, сбоку, ловко избегая страшных рогов. Одна из девушек ухитрилась сесть верхом прямо на шею быка, впереди выпуклой мощной холки. Глаза животного вылезли из орбит, пена заклубилась на морде. Опуская голову, почти упираясь носом в землю, бык старался сбросить бесстрашную наездницу. Она откидывалась назад, цепляясь за холку закинутыми назад руками, и упиралась ногами в основания ушей. Продержавшись несколько секунд, девушка спрыгнула на землю.

Юноши и девушки стали гуськом, на некотором растоянии друг от друга, и по очереди перескакивали через налетавшее на них животное. Игра длилась долго — бык носился с устрашающим ревом, грозя смертью, а гибкие человеческие фигуры бесстрашно мелькали вокруг.

Рев быка перешел в хриплый стон, шкура потемнела от пота, изо рта вместе с неровным дыханием вылетала пена. Еще немного — и бык остановился, опустив голову и поводя глазами. Крики зрителей огласили воздух. По знаку, данному человеком с золотым обручем, играющие оставили в покое побежденное животное. Люди, стоявшие и сидевшие на земле, собрались вместе, и не успел Пандион опомниться, как они исчезли в кустах.

На опустевшей поляне остался измученный бык, и только его хриплое дыхание да примятая трава свидетельствовали о происшедшем сражении.

Взволнованный Пандион только сейчас понял, как ему повезло. Ему удалось видеть древнюю игру с быком, столетия тому назад распространенную на Крите, в Микенах и других старинных городах Греции.

Гибкий, проворный человек побеждал в бескровной борьбе быка — священное животное древних, воплощение воинственной мощи, тяжелой и грозной силы. Молниеносной быстроте животного противопоставлялась еще бóльшая быстрота. Точность движений спасла человеку жизнь. Пандион с малых лет старался развить силу и ловкость и хорошо представлял себе, как много усилий и времени требовала подготовка к участию в столь опасной забаве.

Пандион не последовал за игравшими и вернулся на дорогу.

Он решил, что лучше искать гостеприимства у людей в тот момент, когда они дома.

Дорога на протяжении нескольких стадий шла прямо и затем вдруг сворачивала на юг, к морю. Деревья, окаймлявшие ее, исчезли, уступив место запыленному кустарнику. Тень Пандиона заметно удлинилась, когда он подошел к повороту. В кустах послышался шорох. Юноша остановился прислушиваясь. Какая-то птица, неразличимая против солнца, шумно взлетела и скрылась в кустах. Успокоенный, Пандион двинулся дальше, уже не обращая внимания на звуки. Вдали послышались нежные, мелодичные призывы дикого голубя. На зов откликнулись еще две птицы, и вновь наступила тишина. В тот момент, когда Пандион огибал поворот, крики голубя прозвучали совсем близко. Юноша остановился, чтобы разглядеть птицу. Внезапно сзади себя Пандион услышал шум крыльев: над ним взвились две сизоворонки. Пандион обернулся и увидел трех человек с толстыми палками в руках.

Незнакомцы, оглушительно крича, бросились на юношу. Пандион мгновенно обнажил меч, но получил удар по голове. В глазах у юноши потемнело, он зашатался под тяжестью навалившихся на него тел — еще четыре человека, появившись из-за кустов, напали на него сзади. Сознание Пандиона затуманилось; он понял, что погиб, и продолжал отчаянно обороняться. От сильного удара по руке он выронил меч. Юноша упал на колени, перебросив через себя вскочившего ему на спину человека, ударом кулака свалил другого, третий со стоном отлетел от пинка ногой.

Нападавшие, видимо, не имели намерения убить пришельца. Они отбросили палки и, воодушевляя себя воинственными воплями, снова напали на Пандиона. Под тяжестью пяти тел он упал на землю лицом в дорожную пыль, наполнившую ему рот и нос, запорошившую глаза. Задыхаясь от чудовищного напряжения, Пандион поднялся на четвереньки, пытаясь стряхнуть с себя врагов. Они бросались ему под ноги, сдавливали шею. Куча тел опять рухнула на землю, пыль заклубилась вокруг, краснея в солнечных лучах. Нападающие, почувствовав необыкновенную силу и выносливость юноши, больше не кричали — на пустынной, безмолвной дороге раздавались только шум борьбы, стоны и хриплые вздохи сражающихся.

Пыль покрыла тела, одежда превратилась в грязные, изодранные тряпки, а борьба все продолжалась.

Несколько раз Пандион вскакивал, освободившись от противников, но враги одолевали вновь, цепляясь за ноги юноши. Вдруг победные крики огласили воздух: к нападавшим прибыло подкрепление — еще четыре человека вступили в борьбу. Руки и ноги юноши спутали крепкие ремни. Едва живой от усталости и отчаяния, Пандион закрыл глаза. Его победи-

тели, оживленно переговариваясь на непонятном языке, распростерлись в тени рядом с ним, отдыхая после тяжелой борьбы.

Поднявшись, они знаками велели юноше идти с ними. Пандион, понимая бесполезность сопротивления, решил сберечь силы до подходящего случая и кивнул головой. Незнакомцы развязали ему ноги. Окруженный тесным кольцом врагов, Пандион, пошатываясь, побрел по дороге.

Вскоре он увидел несколько убогих построек из необделанных камней. Из домов вышли жители: старик с бронзовым обручем в волосах, несколько детей и женщин. Старик подошел к Пандиону, одобрительно оглядел пленника, пощупал его мускулы и весело сказал что-то сопровождающим Пандиона людям. Юношу подвели к небольшому домику.

С пронзительным скрипом открылась дверь — внутри оказался низкий очаг, наковальня с разбросанными вокруг инструментами и куча углей. На стенах висели два легких больших колеса. Невысокий старик со злым лицом и длинными руками велел одному из спутников Пандиона раздувать угли, снял с гвоздя металлический обруч и подошел к пленнику. Грубо подтолкнув его под подбородок, кузнец разогнул обруч, примерил на шею юноши, недовольно пробурчал что-то и нырнул в глубину кузницы; он с грохотом вытащил металлическую цепь, сунул конечное звено в огонь и принялся сгибать бронзовый обруч на наковальне, частыми ударами молотка подгоняя к нужному размеру.

Только сейчас юноша понял всю тяжесть случившегося. Дорогие образы, сменяя друг друга, промелькнули перед ним. Там, на родном берегу ждет Тесса, уверенная в нем, в его любви и возвращении. Сейчас ему наденут бронзовый ошейник раба, он будет прикован на крепкой цепи, без надежды на скорое освобождение. А он считал последние дни своего пребывания на Крите... Он скоро уже мог бы приплыть в бухту Калидона, от которой начался путь, оказавшийся роковым.

— О Гиперион, мой прадед, и ты, Афродита, пошлите мне смерть или спасите! — тихо прошептал юноша.

Кузнец спокойно и методично продолжал свою работу, еще раз примерил ошейник, расплющил его концы, отогнул и пробил дыры. Оставалось заклепать цепь. Старик что-то буркнул. Пандиона схватили, знаками велели лечь на землю у наковальни. Юноша собрал все силы для последней попытки освободиться. Из-под ремней, скручивавших локти, брызнула кровь, но Пандион забыл про боль, чувствуя, что ремни подались. Мгновение — и они лопнули. Пандион ударил головой в челюсть навалившегося на него человека, и тот рухнул. Юноша опрокинул еще двух и помчался по дороге. С яростными воплями враги погнались за ним. На крики выбегали мужчины, вооруженные копьями, ножами и мечами; число преследующих все увеличивалось.

Пандион свернул с дороги и, прыгая через кустарники, помчался к морю. По пятам с гневным ревом бежали преследователи.

Кусты поредели, начался небольшой подъем. Пандион остановился — далеко внизу, под стеной крутых скал, раскинулось сверкавшее в солнечных лучах море. В десятке стадий от берега был хорошо виден медленно плывущий красный корабль.

Юноша заметался по краю обрыва, стараясь найти тропинку для спуска, но отвесные скалы тянулись далеко в обе стороны. Выхода не было — из кустов уже бежали враги, на ходу выстраиваясь в изогнутую дугой линию, чтобы с трех сторон окружить Пандиона.

Юноша оглянулся на преследователей, посмотрел вниз. «Здесь — смерть, там — рабство,— промелькнуло у него в голове.— Ты простишь меня, Тесса, если узнаешь...» Больше нельзя было медлить.

Каменная глыба, на краю которой стоял Пандион, висела над обрывом. На двадцать локтей ниже выдавался другой уступ. На нем росла низкая сосна.

На прощание окинув взглядом любимое море, юноша прыгнул вниз, на густые ветви одиноко стоявшего дерева. Яростный крик врагов на секунду достиг его ушей. Пандион пролетел, ломая сучья и раздирая тело, до нижних толстых ветвей, миновал выступающее ребро утеса и упал на мягкую осыпь рыхлого склона. Юноша скатился еще на двадцать локтей ниже и задержался на выступе скалы, влажном от залетавшей сюда во время прибоя пены. Ошеломленный, еще не сознавая, что спасся, юноша приподнялся и встал на колени. Сверху преследователи старались попасть в него камнями и копьями. Море плескалось под ногами.

Корабль приблизился, словно моряки заинтересовались происходящим на берегу.

В голове Пандиона глухо шумело, он чувствовал сильную боль во всем теле, глаза заволокло слезами. Он смутно сознавал: когда его преследователи принесут луки, гибель будет неизбежной. Море манило его, близкий корабль казался посланным богами спасением. Пандион забыл, что судно могло быть чужеземным или принадлежать врагам,— ему казалось, что родное море не обманет.

Пандион встал на ноги и, убедившись, что руки действуют, прыгнул в море и поплыл к кораблю. Волны накрывали с головой, избитое тело плохо подчинялось его воле, раны мучительно жгло, в горле пересохло.

Судно приближалось к Пандиону, с него раздавались ободряющие крики. Послышался резкий скрип весел, корабль вырос над головой юноши, сильные руки подхватили Пандиона и подняли на палубу... Юноша безжизненно распростерся на теплых досках, погрузившись в беспамятство. Его привели в сознание, дали воды — он долго и жадно пил. Пандион почувствовал, что его оттащили в сторону и чем-то накрыли. Молодой скульптор погрузился в глубокий сон.

...Горы Крита еле виднелись у горизонта. Пандион пошевелился и, невольно застонав, очнулся. Он находился на корабле, непохожем на суда его родины — низкобортные, с защищенными плетенкой из прутьев боками, с веслами, выведенными над трюмом. У этого корабля были высокие борта, гребцы сидели под палубными досками, по обе стороны прореза, расширявшегося в глубину трюма. Парус на мачте в центре судна был более высоким и узким, чем на эллинских кораблях.

Груды кож, наваленные на палубе, издавали тяжелый запах. Пандион лежал на треугольной площадке у острого носа судна. К юноше подошел бородатый горбоносый человек в толстой шерстяной одежде, протянул ему чашку теплой воды, смешанной с вином, и заговорил на незнакомом языке с резкими металлическими интонациями... Пандион покачал головой. Человек притронулся к его плечу и повелительным жестом указал на корму судна. Пандион обернул вокруг бедер смоченные кровью лохмотья и направился вдоль берега к навесу на корме.

Там сидел худой, такой же горбоносый, как и приведший Пандиона, человек. Он раздвинул в улыбке губы, обрамленные жесткой, выдающейся вперед бородой. Его сухое, обветренное и хищное лицо, казавшееся отлитым из бронзы, выражало жестокость.

Пандион сообразил, что попал на торговое судно финикийцев и видит перед собой начальника или хозяина корабля.

Первые два вопроса, заданные ему начальником, Пандион не понял. Тогда купец заговорил на ломаном ионическом наречии, знакомом Пан-

диону, примешивая к нему карийские и этрусские слова. Он спросил Пандиона о его приключении, узнал, откуда он родом, и, приблизив к нему горбоносое лицо с острыми немигающими глазами, сказал:

— Я видел, как ты бежал,— это поступок, достойный древнего героя. Мне нужны такие бесстрашные и сильные воины — в этих морях и на их берегах много разбойников, грабящих наших купцов. Если будешь служить мне верно, легка будет твоя жизнь и я вознагражу тебя.

Пандион отрицательно покачал головой и несвязно рассказал, что ему нужно скорее вернуться на родину, умоляя высадить его на ближайшем острове.

Глаза начальника зло заблестели.

— Мой корабль направляется прямо в Тир[1], на пути моем одно море. Я царь на своем корабле, и ты в моей власти. Я могу приказать сейчас же покончить с тобой, если это понадобится. Ну, выбирай: или тут,— финикиец указал вниз, где под палубой мерно двигались весла и раздавался унылый напев гребцов,— ты будешь рабом, прикованным у весла, или получишь оружие и присоединишься вот к тем! — Палец купца повернулся назад и ткнул под навес: там лениво лежали пять здоровенных полунагих людей с тупыми и зверскими лицами.— Я жду, решай скорей!

Пандион беспомощно оглянулся кругом. Корабль быстро удалялся от Крита. Расстояние между Пандионом и его родиной все увеличивалось. Помощи ждать было неоткуда.

Пандион решил, что в роли воина ему легче будет бежать. Но финикиец, хорошо знавший обычаи эллинов, заставил его принести три страшные клятвы в верности.

Начальник смазал раны юноши целебным составом и отвел к группе воинов, поручив накормить.

— Только смотреть за ним хорошенько! — приказал он, уходя.— Помните, что все вы отвечаете передо мной за каждого в отдельности!

Старший из воинов, одобрительно усмехаясь, потрепал по плечу Пандиона, пощупал мускулы и что-то сказал остальным. Те громко захохотали. Пандион недоуменно посмотрел на них; глубокая печаль сейчас отделяла его от всех людей.

До Тира оставалось не более двух дней плавания. За четыре дня, проведенные на корабле, Пандион несколько освоился со своим положением. Ушибы и раны, оказавшиеся неглубокими, зажили.

Начальник корабля, заметив ум и разнообразные знания Пандиона, был доволен юношей и несколько раз беседовал с ним. От него Пандион узнал, что едет древним морским путем, проложенным народом острова Крит в южную страну черных. Путь кораблей лежал мимо враждебного и могущественного Айгюптоса, вдоль берегов огромной пустыни до Ворот Туманов[2].

За Воротами Туманов, где скалы юга и севера сближались, образуя узкий пролив, лежал предел земли — огромное Туманное море[3]. Здесь корабли поворачивали на юг и вскоре достигали берега жаркой страны черных, богатой слоновой костью, золотом, маслом и кожами. Именно этим путем шли дальние плавания экспедиции жителей острова Крит — Пандион видел изображение такого путешествия в роковой для него день.

---

[1] *Тир* — древняя столица Финикии, к югу от современного Бейрута, на юге нынешней Сирии.

[2] *Ворота Туманов* — Гибралтарский пролив.

[3] *Туманное море* — Атлантический океан.

Морской народ достиг дальних стран юга на западе, куда не доходили посланцы из Айгюптоса.

Теперь корабли финикийцев плавают вдоль берегов юга и севера, добывая дешевые товары и сильных рабов, но редко заходят дальше Ворот Туманов.

Финикиец, догадываясь о незаурядных способностях Пандиона, хотел оставить его у себя. Он манил юношу прелестью путешествий, рисовал ему картины будущего возвышения, предрекал, что после десяти-пятнадцати лет хорошей службы эллин сам сможет стать купцом или начальником корабля.

Юноша слушал финикийца с интересом, но знал, что жизнь художника не променяет на богатство в чужой стране.

С каждым днем все нестерпимее становилось желание увидеться хотя бы на миг с Тессой, вновь услышать могучий шум священной сосновой рощи, где прошло столько счастливых часов. Юноша подолгу не засыпал, лежа рядом с храпящими спутниками, и с бьющимся сердцем сдерживал стон отчаяния.

Начальник корабля приказал ему учиться искусству кормчего. Томительно ползло время для Пандиона, когда он стоял у рулевого весла, соразмеряя направление корабля с движением солнца, или, следуя указаниям кормчего, ориентировался по звездам.

Так было и в эту ночь. Пандион опирался бедром о борт судна и, вцепившись в рукоятку руля, преодолевал сопротивление усиливающегося ветра. По другую сторону судна стоял кормчий с одним из воинов[1]. Звезды мелькали в просветах туч, надолго скрываясь в темноте хмурого неба, а унылый голос ветра, постепенно понижаясь, переходил в угрожающий гул.

Корабль бросало, весла глухо стучали, то и дело слышался пронзительный голос воина, подгонявшего рабов бранью и ударами плети.

Начальник, дремавший в глубине навеса, вышел на палубу. Он внимательно вглядывался в море и, явно встревоженный, подошел к кормчему. Они долго переговаривались. Начальник разбудил спавших воинов и, послав их к рулевым веслам, сам встал рядом с Пандионом.

Ветер резко повернул и яростно набросился на корабль, волны громоздились все выше, заливая палубу. Мачту пришлось убрать — положенная на кипы кож, она выдавалась над носом судна, глухо стуча о высокий волнорез.

Борьба с волнами и ветром становилась все отчаяннее. Начальник, бормоча про себя не то молитвы, не то проклятия, приказал повернуть корабль к югу. Подхваченное ветром, судно быстро понеслось в неведомую черную даль моря. За тяжелой работой у руля быстро прошла ночь. Светало. В сером сумраке стали яснее видны метавшиеся грозные волны. Буря не утихала. Ветер, не ослабевая, налетал, давил на корабль.

Тревожные крики огласили палубу — все находившиеся на ней указывали начальнику на правый борт судна. Там, в хмуром свете рождающегося дня, море пересекала огромная пенная полоса. Волны замедляли свой бешеный бег при подходе к этой голубовато-серой ленте.

Весь экипаж корабля обступил начальника, даже кормчий отдал руль воину. Тревожные выкрики сменились быстрой, горячей речью. Пандион заметил, что все внимание устремлено на него: в его сторону показывали пальцами, грозили кулаками. Ничего не понимая, Пандион следил за

---

[1] У кораблей древних было два рулевых весла — по одному с каждой стороны кормы.

начальником, его гневными протестующими жестами. Старый кормчий, схватив хозяина за руку, что-то долго говорил, приблизив губы к его уху. Начальник отрицательно качал головой, выкрикивая отрывистые слова, но наконец, видимо, сдался. Мгновенно люди бросились на ошеломленного юношу, закручивая ему назад руки.

— Они говорят: ты принес нам несчастье,— сказал начальник Пандиону, презрительно обводя рукой стоявших вокруг.— Ты вестник бедствия, из-за твоего присутствия на судне случилось несчастье: корабль отнесен к берегам Та-Кем, по-вашему — Айгюптоса. Чтобы умилостивить богов, тебя надо убить и бросить за борт — этого требуют все мои люди, и я не могу защитить тебя.

Пандион, все еще не понимая, впился взглядом в финикийца.

— Ты не знаешь, что попасть на берег Та-Кем для нас всех смерть или рабство,— проворчал тот угрюмо.— В древние времена у Кемт была война с морскими народами. С тех пор тот, кто пристанет к берегам этой страны вне указанных для чужеземцев трех гаваней, подлежит плену или казни, а его имущество идет в казну царя Та-Кем... Ну, понял теперь? — оборвал он свою речь, отворачиваясь от Пандиона и вглядываясь в приближавшуюся пенную полосу.

Пандион понял: ему снова угрожает смерть. Готовый до последней минуты сражаться за жизнь, которую он так любил, он обвел беспомощным и ненавидящим взглядом озлобленную толпу на палубе.

Безвыходность положения заставила его решиться.

— Начальник! — воскликнул юноша.— Прикажи своим людям отпустить меня — я сам брошусь в море!

— Я так и думал,— сказал финикиец, обернувшись к нему.— Пусть учатся у тебя эти трусы!

Повинуясь повелительному жесту начальника, воины отпустили Пандиона. Ни на кого не глядя, юноша подошел к борту корабля. Все молча расступились перед ним, как перед умирающим. Пандион сосредоточенно глядел на пенную полосу, скрывавшую плоский берег, инстинктивно соразмеряя свои силы с быстротой злобных волн. В голове мелькали обрывки мыслей: «Страна за полосой пены[1] — пенная страна... Африка».

Это и есть тот страшный Айгюптос!.. А он поклялся Тессе своей любовью, всеми богами даже не думать о пути сюда!.. Боги, что делает с ним судьба... Но он, наверное, погибнет, и это будет самое лучшее...

Пандион бросился вниз головой в шумящую пучину и сильными взмахами рук отплыл от корабля. Волны подхватили юношу. Словно наслаждаясь гибелью человека, они швыряли его вверх, опускали в глубокие провалы, наваливались на него, давили и топили, заполняя рот и нос водой, хлеща по глазам пеной и брызгами. Пандион больше ни о чем не думал — он отчаянно боролся за жизнь, за каждый глоток воздуха, неистово работая руками и ногами. Эллин, рожденный на море, был прекрасным пловцом.

Время шло, а волны все несли и несли Пандиона к берегу. На корабль он не оглядывался, забыв о его существовании перед неизбежностью смерти. Скачки валов стали реже. Волны катились медленнее, длинными грядами, поднимая и обваливая грохочущие навесы вспененных гребней. Каждая волна переносила юношу на сто локтей вперед. Иногда Пандион соскальзывал вниз, и тогда исполинская тяжесть воды обрушивалась на него, погружая в темную глубину, и сердце пловца готово было лопнуть от напряжения.

---

[1] *Афрос* — пена по-древнегречески.

Несколько стадий проплыл Пандион, много времени шла борьба с волнами, и наконец силы его иссякли в объятиях водяных великанов. Угасла и воля к жизни, все тяжелее было напрягать ослабевшие мускулы, не стало желания продолжать борьбу. Рывками почти безвольных рук юноша поднялся на гребень волны и, повернув лицо к далекой родине, закричал:

— Тесса, Тесса!..

Имя любимой, дважды брошенное в лицо судьбе, в лицо чудовищной и равнодушной мощи моря, было сейчас же заглушено ревом бурных волн. Вал накрыл неподвижное тело Пандиона, с грохотом рассыпался над ним, и юноша, погружаясь, вдруг ударился о дно в вихре взбаламученных песчинок.

Два дозорных воина в коротких зеленых юбках — знак принадлежности к береговой страже Великого Зеленого моря,— опираясь на длинные тонкие копья, осматривали горизонт.

— Начальник Сенеб напрасно послал нас,— лениво проговорил один из них, постарше.

— Но корабль финикийцев был у самого берега,— возразил другой.— Если бы не прекратилась буря, получили бы легкую добычу — у самой крепости...

— Посмотри туда,— перебил его старший, показывая вдоль берега.— Пусть я останусь без погребения, если это не человек с корабля!

Оба воина долго всматривались в пятно на песке.

— Пойдем назад,— предложил наконец младший.— Мы и так много бродили по песку. Кому нужен труп презренного чужеземца вместо богатой добычи — товара и рабов, уплывших вместе с кораблем...

— Ты сказал, не подумав,— снова прервал его старший.— Иной раз эти купцы бывают богато одеты и носят на себе драгоценности. Золотой перстень не повредит тебе — зачем нам давать отчет Сенебу о каждом утопленнике...

Воины зашагали по плотной, утрамбованной бурей полосе влажного песка.

— Где же твои драгоценности? — насмешливо спросил младший старшего.— Он совсем гол!

Старший угрюмо пробормотал проклятие.

Действительно, лежавший перед ними человек был совершенно обнажен, руки его были беспомощно подогнуты под туловище, короткие вьющиеся волосы забиты морским песком.

— Посмотри, это не финикиец! — воскликнул старший.— Какое могучее и красивое тело! Жаль, что он мертв — был бы хороший раб, и Сенеб наградил бы нас.

— Какого он народа? — спросил младший.

— Я не знаю: может быть, это туруша[1], или кефти[2], или еще кто-нибудь из северных морских племен ханебу[3]. Они редко попадают в нашу благословенную страну и ценятся за выносливость, ум и силу. Три года назад... Постой, он жив! О, хвала Амону!

Легкая судорога прошла по телу лежавшего.

---

[1] *Туруша* — этруск.

[2] *Кефти, или кефтиу,*— по-египетски значит «позади»; название Крита и жившего на нем народа.

[3] *Ханебу* — северяне.

Воины, бросив копья, перевернули бесчувственного, принялись растирать ему живот, сгибать ноги. Их усилия увенчались успехом. Скоро утопленник — это был Пандион — открыл глаза и мучительно закашлялся.

Сильный организм юноши справился с тяжким испытанием. Не прошло и часа, как дозорные воины повели Пандиона, поддерживая под руки, в крепость.

Воины часто отдыхали, но еще до самых знойных часов дня молодой скульптор был доставлен в маленькое укрепление, стоявшее на одном из бесчисленных рукавов дельты Нила, западнее большого озера.

Воины дали Пандиону воды, несколько кусков лепешки, размоченных в пиве, и уложили на полу прохладного глинобитного сарая.

Страшное напряжение не прошло даром — острая боль резала грудь, сердце ослабело. Перед закрытыми глазами мелькали бесчисленные волны. В тяжелом забытьи Пандион слышал, как отворилась ветхая дверь, сбитая из кусков корабельной обшивки. Над Пандионом наклонился начальник укрепления — молодой человек с неприятным и болезненным лицом. Он осторожно снял плащ, наброшенный на ноги юноши, и долго осматривал своего пленника. Пандион не мог подозревать, что решение, созревшее в уме начальника, приведет к новым неслыханным испытаниям.

Начальник накрыл Пандиона и, довольный, вышел.

— Каждому по два кольца меди и кувшину пива,— отрывисто сказал он.

Воины береговой охраны приниженно склонились перед ним, а затем вонзились в его спину озлобленными взглядами.

— Мощная Сохмет, что мы получили за такого раба...— прошептал младший, едва начальник удалился от них.— Вот увидишь, он пошлет его в город и получит не меньше десяти колец золота...

Начальник внезапно обернулся.

— Эй, Сенни! — крикнул он.

Старший воин угодливо подбежал.

— Смотри за ним хорошенько, я поручаю его тебе. Скажи моему повару, чтобы он дал хорошую пищу, но будь осторожен — пленник выглядит могучим бойцом. Завтра приготовишь легкую лодку — я пошлю пленника в дар Великому Дому. Мы напоим его пивом со снотворным снадобьем, чтобы избежать возни.

...Пандион медленно поднял отяжелевшие веки. Он спал так долго, что потерял всякое представление о времени, о том, где он находится. Смутно, обрывками он вспоминал, что после ожесточенной борьбы с бушующим морем он был куда-то отведен, где-то лежал в тишине и темноте. Юноша пошевелился и почувствовал скованность во всем теле. Он с трудом повернул голову и увидел зеленую стену тростника со звездчатыми метелками наверху. Над головой было прозрачное небо, близко, у самого уха, слабо журчала и плескалась вода. Постепенно Пандион сообразил, что лежит в узкой и длинной лодке, связанный по рукам и ногам. Приподняв голову, юноша увидел голые ноги людей, толкавших лодку шестами. Люди были хорошо сложены, с темной бронзовой кожей, одетые в белые набедренные повязки.

— Кто вы такие? Куда вы везете меня? — закричал Пандион, стараясь рассмотреть людей, стоявших на корме.

Один, с гладко выбритым лицом, склонился над Пандионом и быстро заговорил. Странный язык с мелодичным прищелкиванием и четкими ударениями гласных был совершенно незнаком юноше. Пандион на-

прягся, пытаясь разорвать свои путы, и беспрестанно повторял тот же вопрос. Скоро несчастному пленнику стало ясно, что его не понимают и не могут понять. Пандиону удалось раскачать зыбкую лодку, но один из охраны поднес острие бронзового кинжала к его глазу. С отвращением к людям, к себе и всему миру Пандион оставил попытки к сопротивлению и более не возобновлял их в течение всего долгого пути по лабиринту болотных зарослей. Давно уже закатилось солнце, луна высоко поднялась на небе, когда лодка подплыла к широкой каменной пристани.

Пандиону освободили ноги, умело и быстро растерли их, чтобы восстановить кровообращение. Воины зажгли два факела и направились к высокой глинобитной стене с тяжелой дверью, окованной медными полосами.

После продолжительных пререканий со стражей люди, привезшие Пандиона, отдали появившемуся откуда-то заспанному бородатому человеку маленький сверток и получили в обмен кусочек черной кожи.

Завизжала в петлях тяжелая дверь. Пандиону развязали руки, втолкнули внутрь тюрьмы. Вооруженные копьми и луками стражи задвинули тяжелый брус. Пандион очутился в тесной квадратной комнате, набитой человеческими телами, лежавшими вповалку. Люди тяжело дышали и стонали в беспокойном сне. Задыхаясь от вони, казалось исходившей от самих стен, Пандион отыскал себе свободное место на полу и осторожно присел. Юноша не мог спать. Он раздумывал над событиями последних дней, и на сердце у него было тяжело. Медленно шли бессонные часы одинокого ночного раздумья.

Пандион думал только о свободе, но не находил путей к спасению из плена. Он попал в глубь совершенно неизвестной страны. Одинокий, безоружный пленник, не знающий языка окружающего враждебного ему народа, он ничего не мог предпринять. Пандион понимал, что его не собираются убивать, и решил ждать. Потом, когда он хоть немного узнает страну... но что ждет его в этом «потом»? Пандион чувствовал, как никогда, острую тоску по товарищу, который помог бы ему преодолеть страшное одиночество. Он думал о том, что для человека нет худшего состояния, чем быть одному среди чужих и враждебных людей, в непонятной и неизвестной стране — рабом, отделенным от всего непроницаемой стеной своего положения. Одиночество среди природы переносить гораздо легче: оно закаляет душу, а не принижает ее.

Эллин покорился судьбе и впал в странное оцепенение. Он дождался рассвета, равнодушно разглядывая своих товарищей по несчастью: пленников, принадлежавших к разным и неведомым молодому скульптору азиатским племенам. Они были счастливее его — могли переговариваться друг с другом, делиться горем, вспоминать прошлое, обсуждать сообща будущее. На молчавшего Пандиона были устремлены любопытные взгляды заключенных. Все беззастенчиво рассматривали его, а он стоял в стороне, нагой и страдающий.

Стражи бросили Пандиону кусок грубого холста для набедренной повязки, потом четверо чернокожих людей внесли большой глиняный сосуд с водой, ячменные лепешки и стебли какой-то зелени.

Пандион был поражен видом совершенно черных лиц, на которых ярко выделялись зубы, белки глаз и коричнево-красные губы. Юноша догадался, что это были рабы, и его удивили их веселые и добродушные лица. Чернокожие смеялись, показывая белоснежные зубы, подшучивали над пленниками и друг над другом. Неужели пройдет время, и он будет способен чему-то радоваться, забыв о жалкой роли человека, потерявшего свободу? Неужели пройдет эта грызущая его непрестанно тоска? А Тесса?

Боги, если бы знала Тесса, где находится он сейчас!.. Нет, пусть лучше не знает: он вернется к ней или умрет — другого выхода нет...

Мысли Пандиона прервал протяжный крик. Дверь раскрылась. Перед Пандионом засверкала широкая река. Место заключения было совсем близко от берега. Большой отряд воинов окружил пленников щетиной копий. Скоро все были загнаны в трюм большого судна. Корабль поплыл вверх по реке, и заключенные не успели осмотреться кругом. В трюме стояла жара. В воздухе, наполненном тяжелыми испарениями, под накаленной палубой, было трудно дышать.

Вечером стало прохладнее,и изнуренные пленники начали оживать — вновь послышались разговоры. Судно продолжало свой путь всю ночь, утром ненадолго остановилось — пленникам принесли еду,— и утомительное путешествие продолжалось. Так прошло несколько дней — их не считал отупевший, безучастный Пандион.

Наконец голоса гребцов и воинов зазвучали оживленнее, на палубе началась суматоха — путь был окончен. Пленников оставили в трюме на всю ночь, и рано утром Пандион услышал протяжные окрики команды.

На пыльной, выжженной солнцем площадке полукольцом выстроилась охрана, выставив вперед копья. Пленники выходили по одному и мгновенно попадали в руки двум громадного роста воинам, у ног которых лежала груда веревок. Египтяне выкручивали пленникам руки так сильно, что плечи у людей выгибались и локти за спиной сходились вместе. Стоны и крики нисколько не трогали гигантов, наслаждавшихся своей силой и беззащитностью жертв.

Наступила очередь Пандиона. Один из воинов схватил его за руку, едва только юноша, ослепленный дневным светом, ступил на землю. От боли оцепенение, овладевшее Пандионом, прошло. Обученный приемам кулачного боя, юноша легко вывернулся из рук воина и нанес ему оглушительный удар в ухо. Гигант упал лицом в пыль, к ногам Пандиона, второй воин в растерянности отскочил в сторону.

Пандион оказался окруженным тридцатью врагами с устремленными на него копьями.

В неистовой ярости юноша прыгнул вперед, желая погибнуть в бою — смерть казалась для него избавлением... Но он не знал египтян, накопивших тысячелетний опыт усмирения рабов. Воины мгновенно расступились и бросились сзади на Пандиона, выскочившего за круг. Молодой храбрец был сбит с ног и задавлен телами врагов. Тупой конец копья сильно ударил его между ребер в нижнюю часть груди. Огненно-красный туман поплыл перед глазами юноши, дыхание его прервалось. В это мгновение египтянин свел закинутые над головой руки Пандиона вместе и соединил их в запястьях деревянным, похожим на игрушечную лодку предметом.

Тотчас же воины оставили юношу в покое.

Пленников быстро связали и погнали по узкой дороге между берегом реки и полями. Молодой скульптор испытывал страшную боль: руки, поднятые вверх над головой, были защемлены в деревянную колодку с двумя острыми углами, сдавливавшими кости запястий. Это приспособление не давало возможности согнуть руки в локтях и опустить их на голову.

С боковой дорожки к группе Пандиона присоединилась вторая партия пленных, затем третья,— число рабов возросло до двухсот человек.

Все они были связаны самым безжалостным способом; у некоторых руки были в таких же колодках. Лица пленников были искажены от боли, бледны и покрыты потом. Юноша шел как в тумане, едва замечая окружающее.

А вокруг расстилалась богатая страна. Воздух был необыкновенно свеж и чист, на узких дорогах царствовала тишина, огромная река медленно катила воды к Великому Зеленому морю. Пальмы едва заметно качали верхушками под легким северным ветром, зреющие зеленые поля невысокой пшеницы чередовались с виноградниками и фруктовыми садами. Вся страна была огромным садом, возделанным в течение тысячелетий.

Пандион не мог смотреть по сторонам. Он брел, стиснув зубы от боли, мимо высоких стен, окружавших дома богачей. Это были легкие и воздушные строения, в два этажа, с узкими и высокими окнами над дверными нишами, обрамленными деревянными колоннами. Белоснежные стены, расписанные сложным узором ярких и чистых красок, выступали необыкновенно четко в ослепительном солнечном свете.

Внезапно перед пленниками возникло исполинское каменное строение с прямыми срезами невиданно толстых стен из больших глыб камня, притесанных с поражающей правильностью. Темное и таинственное здание, казалось, оседало на землю и, распростершись, придавливало ее своей чудовищной тяжестью. Пандион прошел вдоль ряда толстых колонн, угрюмо серевших на фоне яркой зелени сада, раскинувшегося на равнине. Пальмы, смоковницы и другие фруктовые деревья чередовались, образуя прямые линии, казавшиеся бесконечными. Холмы были покрыты густой зеленью виноградников.

В саду у реки стояло высокое и легкое строение, расписанное такими же яркими красками, как и другие дома в этом городе. У фасада, обращенного к реке, за широкими воротами возвышались высокие, как мачты, столбы с пучками развевающихся лент. Над широким входом располагался огромный снежно-белый балкон, обрамленный двумя колоннами и прикрытый плоской крышей. По карнизу крыши шла цветистая роспись — узор из чередования ярко-синей и золотистой краски. Ярко-синие и золотые зигзаги украшали верхнюю часть белых колонн.

В глубине балкона, затененной коврами и шторами, виднелись люди в снежно-белых длинных одеждах из мелко плиссированной легкой материи. Сидевший в центре человек наклонил над перилами балкона голову, отягченную высоким красно-белым убором[1].

Стража, сопровождавшая пленников, и важно выступавший впереди начальник мгновенно распростерлись ниц. По мановению руки фараона — это и был живой бог, верховный владыка страны Кемт — пленников построили гуськом и медленно начали проводить перед балконом. Толпившиеся придворные вполголоса обменивались замечаниями и весело смеялись. Красота дворца, роскошь одежд фараона и его приближенных, их свободные надменные позы так резко оттенялись искаженными лицами измученных пленников, что в душе Пандиона поднялось неистовое возмущение. Он почти не помнил себя от боли в руках, тело его дрожало, как в ознобе, закушенные губы пересохли и запеклись, но юноша выпрямился, глубоко вздохнул и обратил к балкону гневное лицо.

Фараон что-то сказал, обратившись к придворным, и все одобрительно закивали головами. Вереница пленников медленно двигалась.

Скоро Пандион очутился за домом, в тени высокой стены. Постепенно здесь собралась вся толпа пленников, по-прежнему окруженная безмолвными воинами. Из-за угла показался тучный горбоносый человек с

---

[1] Корона фараона двойная: красно-белого цвета — в знак власти над «обеими странами» — Верхним и Нижним Египтом. Красная корона — Нижнего Египта, белая — Верхнего.

длинным посохом из отделанного золотом черного дерева в сопровождении писца с дощечкой и свертком папируса в руках.

Человек сказал несколько надменных слов начальнику стражи, тот согнулся в низком поклоне и передал распоряжение воинам. Повинуясь движению пальца вельможи, воины грубо расталкивали толпу и отводили в сторону тех, на кого показывал сановник. Пандион был замечен одним из первых. Всего было отобрано человек тридцать, наиболее сильных и мужественных с виду. Их немедленно повели обратно по той же дороге до окраины сада. Затем воины погнали пленных вдоль низкой стены. Тропинка становилась все круче и привела к огромному квадрату глухих стен, стоявшему в лощине, между пшеничными полями. По толстым стенам из кирпича-сырца в десять локтей высоты расхаживали вооруженные луками воины. На углах возвышались навесы из циновок.

В стене, обращенной к реке, был прорезан вход; больше нигде не было видно ни двери, ни окон — слепая зелено-седая поверхность стен дышала жаром.

Пленных ввели в дверь, сопровождавшие их воины быстро удалились, и Пандион оказался в узком дворике меж двух стен. Вторая, внутренняя, стена была ниже наружной, с единственной дверью в правой стороне. На свободном пространстве стояли грубые скамейки, а часть двора была занята низким строением с черневшим отверстием у входа. Группу пленников теперь окружали воины с более светлым цветом кожи, чем у тех, которые привели их сюда. Они все были высокого роста, с гибким и хорошо развитым телом, многие с синими глазами и рыжеватыми волосами. Пандион не видел раньше такого народа, равно как и чистокровных жителей Айгюптоса, и не знал, что это были ливийцы.

Из пристройки появилось двое людей; один нес какой-то предмет из отполированного дерева, другой — серый фаянсовый сосуд. Ливийцы схватили Пандиона и повернули его спиной к пришедшим. Юноша почувствовал легкий укол — к левой лопатке его приложили полированную дощечку, усаженную короткими заостренными пластинками. Затем человек резко ударил рукой по дощечке — брызнула кровь, и Пандион невольно вскрикнул. Тогда ливиец обтер кровь и стал растирать рану тряпкой, намоченной жидкостью из фаянсового сосуда; кровь быстро остановилась, но человек несколько раз обмакивал тряпку и протирал рану. Только сейчас Пандион заметил на левых лопатках окружавших его ливийцев ярко-красный знак — какие-то фигурки в овальной рамке[1] — и понял, что его заклеймили.

Колодку сняли с рук Пандиона, и он не мог сдержать стонов от страшной боли в затвердевших суставах. С величайшим трудом ему удалось развести руки. Затем Пандион, нагнувшись, прошел через низкую дверь во внутренней стене. Очутившись на пыльном дворе, юноша без сил опустился на землю.

Отлежавшись, Пандион напился мутной воды из огромного глиняного сосуда, стоявшего у входа, и стал осматривать место, которое, по мнению владычествовавших здесь людей, навсегда стало его домом.

Большой квадрат земли, примерно по две стадии с каждой стороны, был заключен в высокие, неприступные стены, охранявшиеся ходившей поверху стражей. Всю правую половину огороженной площади занимали крошечные глинобитные клетушки, сомкнутые друг с другом боковыми стенами и разделенные узкими продольными проходами. Такие же низенькие домики находились в левом углу. Передний левый угол отгора-

[1] Овальной рамкой окружались иероглифы, составлявшие имя фараона.

живался низкой стеной, оттуда шел острый аммиачный запах. Близ двери стояли сосуды с водой. Здесь же длинный участок почвы был намазан глиной и чисто выметен. Это было место для еды, как узнал впоследствии Пандион.

Вся свободная часть квадрата была выглажена и вытоптана — ни одной травинки не зеленело на ее серой и пыльной поверхности. В воздухе царила духота — жаркий день, казалось, осаждал весь свой зной в квадратное углубление, замкнутое высокими стенами и открытое сверху. Таков оказался шене — рабочий дом, один из многих сотен ему подобных, разбросанных по стране Та-Кем. Здесь томились разноплеменные рабы — рабочая сила, основа богатства и красоты Айгюптоса. Шене стоял пуст и тих — рабы были выведены на работу; только несколько больных безучастно лежали в тени стены. Этот рабочий дом предназначался для вновь поступивших пленников, недавно попавших в страну рабства и еще не обзаведшихся семьями, чтобы умножить число рабочих рук Черной Земли.

Теперь Пандион стал мере — наследственным рабом фараона — и попал в число тех восьми тысяч человек, которые обслуживали сады, каналы и строения дворцовых хозяйств.

Другие пленники, проходившие вместе с Пандионом царский осмотр и оставленные у стены дворца, были распределены между сановниками в качестве саху — рабов, находящихся в их пожизненном владении и со смертью владельца переходивших в шене фараона.

В душном воздухе стояло гнетущее молчание, изредка нарушаемое тяжелыми вздохами и стонами пригнанных вместе с Пандионом новых рабов. Клеймо раскаленным углем горело на спине Пандиона. Юноша не мог найти себе места. Вместо просторов моря, тенистых рощ на омываемых вечно плещущими волнами берегах родины — клочок пыльной земли, стиснутой стенами. Вместо свободной жизни с любимой — рабство в чужой стране, в бесконечной дали от всего родного и близкого.

Только надежда на освобождение удерживала юношу от желания разбить голову о стену, заслонившую от него широкий и прекрасный мир.

Глава третья

РАБ ФАРАОНА

Как и год назад, цвели кустарники, расстилались пламеневшие ковры по склонам холмов. На берегах Энниады опять наступила весна. Стало рано закатываться сверкающее созвездие Стрелы[1], а ровное дуновение западного ветра возвестило начало плаваний. В Калидонскую гавань вернулись обратно пять кораблей, отплывших на Крит с началом весны, и прибыли два критских корабля. А Пандиона все не было.

Агенор часто впадал в задумчивое молчание, стараясь скрыть тревогу от домашних.

---

[1] *Стрела* — Стрелец. Ранний заход этого созвездия означал конец зимних бурь.

Одинокий путешественник затерялся на Крите, исчез где-то в горах огромного острова, среди разноязычных племен и множества больших селений. Художник решил поехать в Калидонскую гавань и оттуда, если представится возможность, отправиться на Крит, чтобы разузнать хоть что-нибудь о судьбе Пандиона.

Тесса теперь часто уединялась. Даже немое сочувствие родных тяготило ее.

В глубокой печали девушка стояла перед равнодушным и вечно подвижным морем. Иногда она прибегала сюда, надеясь , что Пандион обязательно вернется на то же самое место, где они расстались.

Но давно уже прошли эти дни надежды. Теперь Тесса знала, что там, за чертой, разделившей небо и море, произошло несчастье. Только плен или смерть могли помешать Пандиону вернуться к ней.

И Тесса молила волны, бежавшие издалека, может быть оттуда, где сейчас находился любимый, сказать ей, что случилось. И тогда ей казалось: еще немного — и волны действительно дадут ей знак, по которому она поймет, где Пандион.

Но море мерно бросало к ее ногам похожие один на другой всплески, и их шум был равносилен молчанию. Облака плыли в высоте, не замечая внизу Тессу, маленькую, ничтожную, беспомощную.

Девушка поникла черной головкой, словно надломившись от тяжести дум.

Как узнать, что с любимым? Как преодолеть разделившее их пространство ей, женщине, чья доля в жизни быть при мужчине хозяйкой и охранительницей его дома, спутницей в пути, целительницей при поражениях? А для той, которая посмеет выйти из повиновения мужчине — будь то отец, муж или брат,— для той одна дорога — быть гетерой в городе или в порту. Она — женщина, значит, не может отправиться в другие страны, не может даже попытаться разыскать Пандиона.

Ей останется беспомощно метаться по берегу огромного моря. Ничего нельзя сделать! Ничем нельзя помочь!

Если даже Пандион погиб, она никогда, никогда не узнает о месте его гибели, никто не передаст ей его последние слова, его думы.

Девушка распростерлась на песке, вздрагивая от рыданий и не замечая заката, розоватым пятном выделившего ее хитон на сером сумеречном берегу. Когда Тессу окружила темнота, ей показалось, что прохладное прикосновение ночи одело ее черным покрывалом, укрыв от беспредельного и враждебного мира. Во тьме даже пространство, отделявшее девушку от любимого, не казалось таким большим, и заплаканные глаза Тессы невольно поднялись к небу.

Южная часть неба приближалась, как выдвинутая издали пепельная гора. Это полная луна рассеивала свои лучи.

Ее сияющий круг был серебряным зеркалом, собравшим в себе весь свет уснувшей земли. Зеркалом, отражающим все мечты и надежды людей, в тоске обращенные к небу, как сейчас у нее, Тессы. Девушка верила, что луна превращает все это в печальный негреющий свет, волшебным образом успокаивающий смятенные души...

Чары Гекаты успокоили девушку, но не погасили страстного зова, вновь посланного ею вдаль. Впиваясь в яркий диск остановившимися глазами, Тесса думала, что, может быть, Пандион в этот миг тоже смотрит на него из темной безвестности. Тогда ее любовь, ее призыв отразятся от зеркала Гекаты, дойдут до любимого, помогут ему, передадут весть о его Тессе!

Тесса не двигалась, подняв вверх озаренное луной лицо в несбыточной, невозможной надежде, и вдруг необъяснимая уверенность, что Пандион жив, наполнила ее душу радостным трепетом...

То же сияющее зеркало, пожалуй, светившее еще ярче, повисло над огромной рекой в стране, где не знали богини Гекаты, а называли луну чуждым именем «аб».

Голубовато-серебряный поток лунного света заполнил всю долину. Огражденный вертикальными черными тенями в глубоких рытвинах крутых обрывов, он струился над рекой, по ее течению — с юга на север.

Темнота заполняла квадратный колодец рабочего дома близ великой столицы Айгюптоса — Нут-Амон, или Уасет.

Стена была ярко освещена и отбрасывала от своей шероховатой поверхности мутный слабый отблеск.

Пандион без сна лежал на охапке жесткой травы, брошенной на пол тесной клетушки. Он осторожно высунул голову из низкого, как нора, входа. Рискуя привлечь внимание стражей, юноша встал на колени и любовался лунным диском, всплывшим в небе высоко над краем мрачной стены. Ему стало больно от мысли, что эта же луна светит сейчас в далекой Энниаде. Может быть, Тесса, его Тесса, сейчас спрашивает Гекату, где он, не подозревая, что его глаза устремлены из гнусной ямы на серебряный диск. Пандион спрятал голову в темноту, наполненную пыльным запахом разогретой глины, и отвернулся к стене.

Уже давно прошло буйное отчаяние первых дней, бешеные приступы страшной тоски. Пандион сильно изменился. Его густые четкие брови были постоянно сдвинуты, золотистые глаза потомка Гипериона потемнели от гневного огня, затаенно и упорно поблескивавшего в них, губы всегда оставались плотно сжатыми.

Но могучее тело по-прежнему было наполнено неистощимой энергией, ум не притупился. Юноша не пал духом, он по-прежнему мечтал о свободе.

Молодой скульптор постепенно превращался в бойца, страшного не только своей храбростью или силой, но и бесконечным упорством, желанием сохранить свою душу в окружающем аду, пронести через все испытания свои мечты, стремления и любовь. То, что было абсолютно невозможно ему, одинокому, не знавшему языка и страны,— противопоставить себя веками созданному гнету огромного государства,— теперь становилось реальным: у Пандиона были товарищи! Товарищ! Только тот может понять все значение этого слова, кому приходилось одиноко стоять перед грозной, превосходящей силой, кому приходилось быть одному вдали от родины, в чужой стране. Товарищ! Это значит и дружеская помощь, и понимание, и защита, общие мысли и мечты, добрый совет, полезное порицание, поддержка, утешение. За семь месяцев, проведенных на работах вокруг столицы, Пандион познакомился со странным языком Айгюптоса и научился хорошо понимать своих разноплеменных сожителей.

В толпе пятисот рабов, заключенных в шене и ежедневно выгоняемых на работу, юноша начал различать все больше людей с определенной и сильной индивидуальностью.

И рабы, постепенно доверяясь друг другу, понемногу сблизились и с Пандионом.

Люди объединились на почве общих тяжелых лишений, общего стремления к свободе: добиться освобождения, нанести удар слепой, угнетающей силе государства Черной Земли и вернуться к потерянной

родине. Родина — это было понятно всем, хотя у одних она находилась за таинственными болотами юга, у других — за песками востока или запада, у третьих, как и у Пандиона,— за морем на севере.

Но в шене лишь немногие нашли в себе силы для подготовки к борьбе. Другие, изнуренные непосильной работой, постоянным недоеданием, безропотно и медленно угасали. Это были главным образом пожилые люди. Они не интересовались окружающим. В их потухших глазах не светилось решительности, у них уже не было желания тайно общаться с товарищами. Они работали, медленно ели, спали тяжелым сном, чтобы наутро, вздрогнув от окрика надсмотрщика, опять вяло и безразлично шагать в колонне.

Пандион понял, почему в рабочем доме было так много отдельных клетушек: они разъединяли людей. После ужина было запрещено общаться между собой; стража со стен зорко следила за выполнением этого приказа — стрела или палка наутро наказывали ослушников. Не у всех людей хватало сил и смелости, пользуясь темнотой, неслышно переползать в клетушки других. Это делали только немногие.

Самыми близкими друзьями Пандиона стали три человека.

Первый из них был Кидого — огромный негр, ростом почти в четыре локтя, происходивший из очень далеких мест Африки, на юго-запад от Айгюптоса. Добрый, веселый и восторженный Кидого был тоже искусным художником и скульптором. Его выразительное лицо с широким носом и толстыми губами сразу привлекло Пандиона умом и энергией.

Пандион привык к тому, что негры хорошо сложены, но этот гигант сразу привлек внимание скульптора своим пропорциональным и красивым телом. Впечатление необычайной мощи от крупных, будто кованных из железа мускулов как-то сочеталось с легкостью и гибкостью высокой фигуры Кидого. Огромные глаза под выпуклым высоким лбом были полны внимания и поражали своей живостью.

Вначале Пандион и Кидого понимали друг друга при помощи рисунков, наспех сделанных на земле или на стене заостренной палочкой. Потом молодой эллин стал хорошо объясняться с негром на смеси слов языка Кемт и легкого, быстро запоминающегося языка Кидого.

В безлунные ночи, в угольно-черной тьме, заполняющей шене, Пандион и Кидого переползали один к другому и, шепотом беседуя, черпали новые силы и мужество в обсуждении планов побега.

Спустя месяц после того дня, как Пандион впервые переступил порог шене, в рабочий дом к вечеру пригнали еще несколько рабов.

Новички сидели и лежали около входа, беспомощно озираясь, с хорошо знакомой каждому пленнику печатью подавленности и горя на измученных лицах. Пандион, только что вернувшийся с работы, подошел к одному из высоких сосудов, чтобы набрать воды, но внезапно едва не выронил своей глиняной чашки. Двое из прибывших негромко говорили на знакомом Пандиону языке этрусков. Этруски — этот таинственный, суровый древний народ — часто появлялись на берегах Энниады и пользовались славой колдунов, знающих тайны природы.

Весь задрожав под властью воспоминаний о родине, Пандион заговорил с этрусками, и они поняли его.

На вопрос Пандиона о том, как они попали сюда, оба пленника угрюмо отмалчивались и, казалось, совсем не обрадовались встрече.

Оба этруска были людьми среднего роста, очень мускулистыми, широкоплечими. Темные волосы пленников свалялись от грязи и свисали неровными космами на обе стороны лица. Старшему из них на вид было около сорока лет, другой, по-видимому, приходился ровесником Пандиону.

Сразу бросалось в глаза их сходство — запавшие щеки подчеркивали массивные скулы, строгие карие глаза поблескивали неподкупным упорством.

Озадаченный равнодушием этрусков, Пандион почувствовал обиду и поспешил уйти в свою клетушку. Несколько дней Пандион намеренно старался не обращать внимания на новых пленников, хотя и заметил, что этруски наблюдают за ним.

Дней через десять после прибытия этрусков Пандион и Кидого сидели рядом за ужином из стеблей папируса. Оба друга быстро съели свои порции, и, как всегда, оставалось немного времени, чтобы поговорить, пока остальные насытятся. Соседом Пандиона с другой стороны оказался старший этруск. Неожиданно он положил юноше на плечо тяжелую руку и насмешливо посмотрел в глаза Пандиону, когда тот обернулся.

— Плохой товарищ освобождения не получит,— медленно, с оттенком вызова произнес этруск, нисколько не опасаясь, что его поймут стражи: жители страны Та-Кем не знали языков своих пленников, презирая чужеземцев.

Пандион нетерпеливо тряхнул плечом, не поняв сказанного, но этруск крепко сжал пальцы, впившиеся, как медные когти, в мышцы юноши.

— Ты презираешь их напрасно... — Этруск кивнул в сторону остальных рабов, поглощенных едой.— Другие тебя не хуже и также видят сны о свободе...

— Нет, хуже! — заносчиво перебил Пандион.— Они уже давно здесь, а я не слыхал о побегах!

Этруск презрительно сжал губы:

— Если у молодости не хватает разума, она должна учиться у старших. Ты силен и здоров, как молодой конь, в твоем теле остается еще мощь после дня тяжелых работ, недостаточная пища еще не подкосила тебя. А у них не хватает уже сил — только в этом твое отличие и твое счастье. Но помни, что бежать в одиночку отсюда нельзя: мы должны узнать дорогу и пробиваться силой, а сила у нас одна — всем вместе. Когда ты станешь товарищем для всех, тогда твои мечты приблизятся к жизни.

Пораженный проницательностью этруска, угадавшего его тайные мысли, Пандион не нашел, что ответить, и молча опустил голову.

— Что он говорит, что говорит? — допытывался Кидого.

Пандион хотел пояснить, но надсмотрщик застучал по столу; рабы, кончившие ужин, уступили место другой партии и разошлись на отдых.

Ночью Пандион и Кидого долго обсуждали слова этруска. Им пришлось признать, что вновь прибывший лучше всех понимал положение рабов. В самом деле, для успеха бегства им, носящим клеймо фараона, нужно было точно знать пути выхода из этой страны. Мало того: нужно было пробиться сквозь враждебное население, считавшее, что доля «диких» людей заключается в работе на избранный богами народ.

Уныние овладело обоими друзьями, но они почувствовали доверие к умному этруску.

Прошло еще немного дней, и в шене фараона стало четверо друзей. Они постепенно приобретали все больший авторитет среди остальных рабов.

На старшего этруска, носившего грозное имя Кави — бога смерти, скоро многие стали смотреть как на вождя. Трое других — второй этруск, по имени Ремд, Кидого и Пандион — сильные, выносливые и смелые молодые люди, сделались его верными помощниками.

Среди пятисот рабов находилось все больше борцов, готовых отдать жизнь за ничтожную возможность вернуться на далекую родину. Так

же медленно в остальных, запуганных, измученных и забитых, возродилась уверенность в своей силе, окрепла надежда, что, объединившись, они смогут противостоять организованной мощи громадного государства.

А дни все шли — пустые и бесцельные, горькие дни плена, наполненные тяжелой работой, ненавистной уже потому, что она способствовала процветанию жестоких властителей жизней тысяч рабов. Ежедневно с восходом солнца отряды изможденных людей под охраной воинов покидали шене и расходились на различные работы.

Жители Айгюптоса, презирая чужие народы, не давали себе труда изучать языки своих пленников. Поэтому новые рабы использовались сначала на самых простых работах; позже, освоив язык Кемт, они могли понимать сложные распоряжения, обучались ремеслам. До имен пленников надсмотрщикам не было никакого дела, любой раб носил кличку по названию своего народа. Так, Пандион назывался экуеша[1], этруски — туруша, Кидого и другие чернокожие должны были откликаться на кличку нехси — негр.

Первые два месяца пребывания в шене Пандион и сорок новых рабов поправляли оросительные каналы в садах Амона[2], насыпали размытые прошлогодним наводнением плотины, разрыхляли землю вокруг фруктовых деревьев, качали и носили воду на клумбы с цветами.

Постепенно надсмотрщики, заметив выносливость, силу и сметливость новоприбывших, составили новый отряд и направили его на строительные работы. Случилось так, что все четыре друга и еще тридцать сильных рабов — вожаки всей массы пленников шене — оказались вместе. С переводом на строительные работы их постоянная связь с оставшимися прервалась — отряд Пандиона по неделям ночевал в других шене.

Первой работой Пандиона вдали от садов фараона была разборка древнего храма и гробницы на западной стороне реки, в полусотне стадий от шене. Во главе с надсмотрщиком и пятью воинами пленники переправились на барке через реку. Их погнали на север вдоль реки, к высоким кручам отвесных скал, образовавших здесь огромный выступ. Тропинка, миновав возделанные поля, перешла в мощеную дорогу; внезапно перед Пандионом развернулась картина,навсегда запечатлевшаяся в его памяти. Рабов остановили на широкой площади, спускавшейся к реке. Надсмотрщик ушел, приказав ожидать его здесь.

Впервые у Пандиона была возможность не торопясь оглядеться, присмотреться к окружающему.

Прямо перед ним на триста локтей в вышину поднималась отвесная скалистая стена цвета красной меди, испещренная пятнами сине-черных теней. У подножия этих утесов раскинулась тремя широкими уступами белая колоннада храма. От прибрежной равнины поднималась полоса гладкого серого камня, обрамленная двумя рядами странных скульптур — чудовищ в виде спокойно лежащих львов с человеческими головами[3]. Дальше широкая белая лестница с боковыми скатами, на которых были высечены извивающиеся желтые змеи по одной с каждой стороны, вела ко второму уступу, подпертому низкими, в два человеческих роста, колоннами из ослепительно белого известняка. В центральной части храма виднелся второй ряд таких же колонн. На каждой из них было изображение человеческой фигуры в царской короне, со скрещенными на груди руками.

---

[1] *Экуеша* — собирательное название народов Эгейского моря.
[2] Храм в Карнаке, близ современного Луксора.
[3] Сфинксы.

Колоннада обрамляла второй уступ храма в виде большой площадки с аллеей из лежащих чудовищ. На тридцать локтей выше расположилась самая верхняя терраса, сплошь обнесенная колоннадой и углублявшаяся в полукруглую естественную выемку скал.

Нижний уступ колоннады разбегался в ширину стадии на полторы; по краям шли простые цилиндрические колонны, в центре — квадратные, выше — шести- и шестнадцатигранные. Центральные колонны и верхушки боковых, карнизы портиков, а также человеческие фигуры были покрыты ярко-синей и красной росписью, от которой снежная белизна камня казалась еще ослепительнее.

Этот храм, ярко освещенный солнцем, резко отличался от мрачных, давящих храмовых зданий, виденных Пандионом раньше. Молодому эллину казалось, что ничего прекраснее в мире нельзя себе представить — так радостны были эти ряды снежно-белых колонн в рамке цветных узоров. А на широких террасах росли никогда не виденные Пандионом деревья — низкорослые, с плотной массой ветвей, обильно усеянных мелкими, тесно прилегающими друг к другу листьями. Эти деревья испускали сильный тяжелый аромат; их золотисто-зеленая листва празднично выделялась на белизне колоннады, оттененной красными скалами.

Кидого в буйном восхищении толкал Пандиона в бок, прищелкивая губами, и издавал неопределенные звуки восторга.

Никто из рабов не знал, что храм, находившийся перед ними, был построен уже давно — около пятисот лет тому назад зодчим Сенмутом для своей возлюбленной царицы Хатшепсут[1] и назывался Зешер-Зешеру[2] — «величественнейший из величественных». Необыкновенные деревья, росшие на территории храма, были вывезены из далекого Пунта, куда царица Хатшепсут отправила большую морскую экспедицию. С тех пор с каждым новым походом в Пунт вошло в обычай привозить деревья для храма и возобновлять древние насаждения, как будто сохранившиеся неприкосновенными с отдаленных времен.

Вдали послышался зов надсмотрщика. Рабы поспешно двинулись в сторону от храма и, обогнув площадку слева, оказались перед древним храмом, построенным тоже на уступе скалы в виде небольшой пирамиды, опиравшейся на частую колоннаду[3].

Выше по реке виднелось еще два небольших строения из серого полированного гранита. Надсмотрщик подвел отряд к ближайшему из них, и партия Пандиона влилась в группу из двухсот рабов, уже начавших разрушение храма[4]. Белая штукатурка, покрывавшая внутренние стены, была расписана красочными, мастерски исполненными рисунками. Но строительные чиновники и мастера Айгюптоса, руководившие работами, заботились только о целости полированных гранитных глыб, составлявших наружную облицовку портика и колоннады. Внутренние стены беспощадно разламывались.

Пандион был потрясен уничтожением древних произведений искусства и ухитрился присоединиться к группе рабов, укладывавших каменные блоки на деревянные салазки, которые затем веревками оттаскивались к берегу и грузились на тяжелую низкую барку.

---

[1] *Хатшепсут* — царица XVIII династии (1500—1457 гг. до н. э.).

[2] Знаменитый храм Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри.

[3] Храм Ментухотепа — фараона Среднего Царства (Ментухотеп IV, фараон XI династии, около 2050 г. до н. э.).

[4] Преимущественно разрушались храмы Среднего Царства (2160—1580 гг. до н. э.) из-за обилия в них хорошо отделанного камня.

Он не знал, что прекрасные храмы древности уже давно разбирались: фараоны Айгюптоса не ценили памятников прошлого и спешили прославить свое имя в веках постройкой храмов и гробниц из готовых материалов.

Ни дикие кочевники — гиксосы, завоевавшие Та-Кем много столетий назад, ни мятежные рабы, подчинившие себе на короткий срок страну за два столетия до рождения Пандиона, не тронули великолепных построек. А теперь по тайному повелению новых фараонов разрушались даже гробницы древних царей, и похищенное золото поступало в сокровищницу владык Айгюптоса из погребальных комнат, скрытых под засыпанными песком пирамидами Древнего Царства[1], из маленьких изящных гробниц Среднего Царства и огромных подземелий великих царей первых династий Нового Царства[2].

Пандион участвовал в разборке храма всего три месяца. Он и Кидого работали усердно, стремясь облегчить труд товарищей. Это было на руку надсмотрщикам: система труда в Та-Кем была организована так, что слабые должны были тянуться за сильными. Незаурядная сила и сообразительность негра и эллина были замечены, и друзей послали в мастерскую каменщиков для обучения. Из этой мастерской их взял к себе один из скульпторов фараона, и тогда совсем оборвалась всякая связь с товарищами из шене.

Пандион и Кидого поселились в длинном неуютном сарае, где жили другие рабы, уже обученные несложному искусству. Природные жители Айгюптоса — свободные ремесленники — занимали несколько хижин в углу обширного двора мастерской, заваленного необделанным камнем и грудами щебня. Египтяне подчеркнуто сторонились рабов, как будто за общение с ними подвергались опасности наказания.

Начальник мастерской — царский скульптор — не подозревал, что Пандион и Кидого — скульпторы, и был потрясен успехами друзей. Истосковавшиеся по творческой работе, они жадно взялись за любимый труд, на время забыв, что работают на ненавистного фараона.

Кидого с увлечением лепил животных — бегемотов, крокодилов, антилоп и других неизвестных эллину зверей; по его моделям другие рабы изготовляли фаянсовые статуэтки. Египтянин заметил у Пандиона склонность к изображению людей и сам принялся обучать подававшего большие надежды экуешу; он требовал от Пандиона особой тщательности при выполнении заказов. «Малый недосмотр губит совершенство»,— без конца повторял египетский скульптор заповедь древних мастеров Черной Земли. Пандион усердно учился, и временами тоска его становилась меньше. Эллин делал большие успехи в тончайшей отделке статуй и барельефов из твердого камня, в чеканке золотых поделок.

Сопровождая царского скульптора, Пандион побывал во дворце фараона, в комнатах невиданной роскоши. На цветных полах царских покоев в рамках волнистых линий или многоцветных спиралей были с неподражаемой живостью изображены заросли Великой Реки с их растениями и животными. Прозрачная голубая глазурь покрывала фаянсовые плиты на стенах комнат, сквозь нее нежно мерцали, просвечивая, замысловатые рисунки из листового золота — волшебное произведение искусства.

Среди всего этого великолепия молодой эллин с ненавистью замечал надменных, неподвижных придворных.

---

[1] *Древнее Царство* — с III по VIII династию (2980—2445 гг. до н. э.).
[2] *Новое Царство* — XVIII, XIX и XX династии (1580—1205 гг. до н. э.).

Он рассматривал их белые одежды, заглаженные мелкими складками, тяжелые ожерелья, кольца и нагрудные знаки из литого золота, завитые мелкими прядями парики до плеч, расшитые туфли с загнутыми вверх носками.

Пандион, скользя безмолвной тенью за торопившимся мастером, рассматривал драгоценные сосуды с тончайшими стенками, вырезанные из горного хрусталя и твердых пород камня, стеклянные вазы, горшки из серого фаянса с бледно-голубым рисунком — создания неимоверно долгого, искусного труда.

Самое большое впечатление произвел на юношу гигантский храм недалеко от садов Амона, где начинал Пандион свою жизнь в качестве раба, изнывая за высокими стенами шене.

Этот храм многих богов строился уже больше тысячелетия. Каждый из царей Кемт вносил свою лепту, расширяя новыми пристройками и без того огромную площадь храма, занимавшего более восьмисот локтей в длину.

На правом берегу реки, в пределах столицы Уасет, или просто Нут — «Города», как звали ее жители Айгюптоса, раскинулся великолепный сад с правильными рядами высоких пальм, в обоих концах которого громоздилось несколько храмов. Эти сооружения соединялись длинными аллеями из статуй странных животных с берегом реки и священным озером перед храмом непонятной Пандиону богини Мут.

Звери с львиными телами, с бараньими или человеческими головами, высеченные из гранита, высотой в три человеческих роста, производили угнетающее впечатление. Неподвижно застывшие, завядшие, они лежали на своих пьедесталах, теснясь один к другому, и головы их нависали над проходившими, окаймляя широкую аллею, залитую ослепительным солнцем.

Огромные иглы обелисков по пятьдесят локтей высоты, одетые листами ярко-желтого азема — сплава золота и серебра, горели как раскаленные, пронизывая жесткую темную листву пальм.

Каменные плиты, покрытые серебром, которыми были вымощены аллеи, днем слепили глаза, а ночью, при свете звезд и луны, казались струями неземной светоносной реки.

Исполинские пилоны — громадные плоскости тяжелых стен, слегка расходящиеся к основанию и имеющие форму трапеций,— заграждали вход в храм, возвышаясь на пятьдесят локтей над аллеями сфинксов. Стены пилонов были покрыты огромными скульптурными изображениями богов и фараонов, исчерчены таинственными письменами Та-Кем. Чудовищные двери, обитые бронзовыми листами со сверкающими изображениями из азема, запирали высокие проходы пилонов, поворачиваясь на литых бронзовых петлях весом в несколько быков.

Внутри храма теснились толстые колонны высотой до пятидесяти локтей, заполняя пространство вверху тяжелыми барельефами.

Громадные куски камня в стенах, перекрытиях и колоннах были пришлифованы, пригнаны друг к другу с непостижимой точностью.

Рисунки и барельефы, расписанные яркими красками, пестрили стены, колонны и карнизы, повторяясь несколькими ярусами. Солнечные диски, коршуны, звероголовые боги мрачно смотрели из таинственного полумрака, сгущавшегося в глубине храма.

Снаружи сверкали такие же яркие краски, золото и серебро, высились чудовищно тяжелые строения и скульптуры, оглушая, ослепляя и подавляя.

Пандион видел повсюду обожествленных владык Та-Кем, сидящих в

нечеловечески спокойных и надменных позах,— статуи из розового и черного гранита, красного песчаника и желтого известняка. Иногда это были колоссы из целой скалы по сорок локтей высоты, высеченные угловато и грубо, или страшные по своей мрачности, раскрашенные, тщательно отделанные скульптуры, немного превосходящие человеческий рост.

Молодой эллин, выросший в простом селении, в постоянной близости с природой, был вначале поражен и уничтожен. В этой огромной и богатой стране все производило на него сильнейшее впечатление.

Исполинские постройки, сооруженные неизвестно какими, казалось недоступными простым смертным способами, страшные боги во мраке храмов, непонятная религия со сложными обрядами, отпечаток глубокой древности на засыпанных песком сооружениях — все это вначале подавляло Пандиона. Юноша поверил, что надменные и непроницаемо сдержанные жители Айгюптоса знают самые глубокие истины, владеют особыми, могущественными науками, скрытыми в совершенно непонятных для чужеземцев письменах Черной Земли.

И вся страна, зажатая между смертоносными, безжизненными пустынями на узкой ленте долины огромной реки, несущей свои воды из никому не известных далей Юга, казалась каким-то особым миром, не имеющим отношения к остальной Ойкумене.

Но постепенно трезвый разум молодого эллина, жаждущий простых и естественных истин, начал справляться с массой впечатлений.

У Пандиона теперь было время на размышления, и в душе молодого скульптора с ее неустанной тягой к прекрасному родился вначале глухой, а позже осознанный протест против жизни и искусства Айгюптоса.

В плодородной стране, не знающей суровой непогоды, с ярким, чистым, почти всегда безоблачным небом, в удивительно прозрачном, живительном и бодрящем воздухе все, казалось, способствовало здоровой и счастливой жизни. Но молодой эллин, как ни мало он знал страну, не мог не видеть ужасной нищеты и скученности немху — беднейших и наиболее многочисленных жителей Айгюптоса. Исполинские храмы и статуи, прекрасные сады не могли заслонить бесконечные ряды нищенских хижин десятков тысяч ремесленников, обслуживавших дворцы и храмы столицы. А что касается рабов, томившихся в сотнях шене, об этом сам Пандион знал лучше кого-либо другого.

Пандион все яснее сознавал, что искусство Айгюптоса, подчиненное владыкам страны — фараонам и жрецам и направлявшееся ими, противоположно его стремлениям и поискам законов отображения красоты.

Что-то близкое и радостное Пандион почувствовал единственный раз, когда увидел храм Зешер-Зешеру, открытый, сливающийся с окружающей местностью.

А все остальные исполинские храмы и гробницы наглухо замыкались высокими стенами. И там, за этими стенами, мастера Айгюптоса, по велению жрецов, использовали все приемы, чтобы увести человека от жизни, унизить его, задавить, заставить ощутить свое ничтожество перед величием богов и владык-фараонов.

Непомерная величина сооружений, колоссальное количество затраченного труда и материала уже сразу подавляли человека. Много раз повторявшееся нагромождение одинаковых, однообразных форм создавало впечатление бесконечной протяженности. Одинаковые сфинксы, одинаковые колонны, стены, пилоны — все это с искусно отобранными скупыми деталями, прямоугольное, неподвижное. В темных проходах храмов исполинские однообразные статуи возвышались по обе стороны коридоров, зловещие и угрюмые.

Повелевавшие искусством владыки Айгюптоса боялись пространства: отделяясь от природы, они загромождали внутренности храмов каменными массами колонн, толстых стен, каменных балок, иной раз занимавшими больше места, чем пролеты между ними. В глубину храма ряды колонн еще более уплотнялись, залы, недостаточно освещенные, погружались постепенно в полную тьму. Из-за множества узких дверей храм становился таинственно недоступным, а темнота помещений еще более усиливала страх перед богами.

Пандион осознал это рассчитанное воздействие на душу человека, достигнутое веками строительного опыта.

Но если бы Пандиону удалось увидеть чудовищные пирамиды, резко выделяющиеся своими правильными гранеными формами над мягкими волнами пустынных песков, тогда молодой скульптор яснее ощутил бы надменное противопоставление человека природе, в котором скрывался страх владык Та-Кем перед непонятной и враждебной природой, страх, отраженный в замкнутой, таинственной религии египтян.

Мастера Та-Кем возвеличивали своих богов и владык, стремясь выразить их силу в колоссальных статуях, симметричной неподвижности массивных тел.

На стенах сами фараоны изображались в виде больших фигур. У их ног копошились карлики — все остальные люди Черной Земли. Так цари Айгюптоса пользовались любым поводом, чтобы подчеркнуть свое величие. Царям казалось, что, всячески унижая народ, они возвышаются сами, возрастает их влияние.

Пандион еще очень мало знал о подлинном, самобытном и прекрасном народном искусстве жителей Черной Земли. Там, в изображениях и предметах простых людей, искусство было свободно от уз требований придворных и жрецов. Пандион мечтал о творениях, которые не угнетали и не давили бы человека, а, наоборот, возвышали. Он чувствовал, что настоящее искусство — в радостном и простом слиянии с жизнью. Оно должно так же отличаться от всего созданного в Айгюптосе, как отличается его родина разнообразием рек, полей, лесов, моря и гор, пестрой сменой времен года от этой страны, где так однообразно возвышаются скалы по берегам единственной, повсюду одинаковой речной долины, окаймленной возделанными садами. Тысячи лет назад жители Айгюптоса прятались в долине Нила от враждебного мира. Теперь их потомки пытались отвратить лицо от жизни, укрываясь внутри своих храмов и дворцов.

Пандиону казалось, что величие искусства Айгюптоса в значительной мере было обязано природным способностям разноплеменных рабов, из миллионов которых выбиралось все наиболее талантливое, невольно отдававшее свои творческие силы на прославление угнетавшей их страны. Окончательно освободившись от преклонения перед могуществом Айгюптоса, Пандион решил бежать как можно скорее и убедить друга Кидого в необходимости бегства...

С этими мыслями Пандион поехал вместе со своим начальником, Кидого и десятью другими рабами в дальнюю поездку, к развалинам Ахетатона[1]. Молодой скульптор рассекал гладкую поверхность реки веслами, радостно чувствуя стремительный бег лодки по течению. Путь был далек. Надо было проехать чуть ли не три тысячи стадий — расстояние, близкое к тому, которое отделяло его родину от Крита, и когда-то казавшееся неизмеримо далеким. Пандион во время этого плавания узнал, что до Великого Зеленого моря — так называли жители Айгюптоса море, на северной

[1] *Ахетатон* (ныне Тель-эль-Амарна)— столица фараона Эхнатона.

стороне которого ждала Пандиона его Тесса,— было вдвое дальше, чем до Ахетатона.

Веселое настроение Пандиона быстро прошло: впервые он ясно представил себе, как глубоко внутри «пенной страны» — Африки он находится, какое огромное пространство отделяет его от берегов моря, где он мог бы надеяться на возвращение.

Молодой эллин угрюмо склонился над веслами, а лодка все мчалась по бесконечной сверкающей ленте гладкой реки, мимо зеленых зарослей, возделанных полей, тростниковых чащ и раскаленных скал.

На корме, в тени пестрого навеса, лежал царский скульптор, овеваемый опахалом услужливого раба. А по берегам тянулись маленькие тесные хижины — огромное количество народа кормила плодородная земля, тысячи людей копошились на полях, в садах или зарослях папируса, добывая себе скудную пищу. Тысячи людей теснились друг к другу на пыльных, выжженных солнцем улицах бесчисленных селений, у окраин которых надменно возвышались тяжелые исполинские храмы, наглухо замкнутые от яркого солнца.

В голове Пандиона вдруг мелькнула мысль, что не только ему и его товарищам выпал на долю подневольный труд в Кемт, что, пожалуй, все эти обитатели жалких домиков тоже живут в плену безрадостного труда, тоже являются рабами великих владык и вельмож, несмотря на все свое презрение к нему, жалкому, заклейменному дикарю...

Задумавшись, Пандион громко стукнул веслом о весло другого гребца.

— Эй, экуеша, ты заснул? Берегись! — раздался громкий окрик рулевого.

На ночь рабов запирали в тюрьмы, стоявшие вблизи каждого большого селения или храма.

Скульптора фараона с почестями встречали местные начальники, и он в сопровождении двух доверенных слуг шел отдыхать.

На пятый день плавания лодка обогнула выступ подмытых рекою темных утесов. За ними протянулась обширная равнина, закрытая с берега рядами высоких пальм и сикомор. Лодка приблизилась к выложенной камнем набережной с двумя широкими лестницами, спадающими в воду. На берегу над зубчатой стеной массивным кубом поднималась башня. Сквозь приоткрытые тяжелые ворота виднелся сад с прудами и цветущими лужайками; в глубине стояло белое здание, украшенное пестрыми узорами.

Это был дом главного жреца здешних храмов.

Царский скульптор, сопровождаемый подобострастными поклонами стражи, вошел в ворота, а рабы остались снаружи под надзором двух воинов. Ожидать пришлось недолго — вскоре скульптор появился в сопровождении человека со свертком исписанного папируса в руках и повел рабов мимо храмов и обитаемых домов к большому участку, занятому разрушенными стенами, лесом колонн с провалившимися кровлями. Среди этого мертвого города попадались небольшие здания, несколько лучше сохранившиеся. Редкие пни обозначали участки бывших садов; высохшие бассейны, пруды и каналы были засыпаны песком. Песок толстым слоем покрывал каменные плиты дороги, ложился откосами вдоль изъеденных временем стен. Ни живой души не было видно кругом, мертвое молчание царило в иссушающем зное.

Скульптор коротко рассказал Пандиону, что эти развалины были когда-то прекрасной столицей фараона-отступника[1], проклятого богами. Имя

[1] **Фараон Эхнатон (Аменхотеп IV, 1375—1358 гг. до н. э.), пытавшийся ввести в Египте новую религию с единым богом — солнечным диском Атоном.**

его не должен произносить ни один истинный сын Черной Земли.

Что сделал этот царствовавший четыре века назад фараон, почему он построил здесь новую столицу, об этом Пандион ничего не мог узнать.

Скульптор развернул сверток, и по чертежу оба египтянина разыскали остатки продолговатого здания с поваленными перед входом колоннами. Стены внутри были облицованы плитками из лазурно-синего камня с золотистыми жилками.

Пандион и другие рабы скульптурной мастерской должны были осторожно снять тонкие шлифованные плитки, плотно припаявшиеся к стене. На эту работу ушло несколько дней. Рабы ночевали здесь же, в развалинах, пища и вода доставлялись им из соседнего селения.

Окончив порученное им дело, Пандион, Кидого и четыре других раба получили приказание осмотреть наудачу некоторые здания и поискать, нет ли в развалинах красивых вещей, которые можно было бы доставить во дворец фараона. Негр и эллин пошли вдвоем, впервые без присмотра стражей и внимательного взгляда надсмотрщика.

Друзья взобрались на привратную башню какой-то обширной постройки, чтобы осмотреться. С востока на развалины надвигались пески пустыни, раскинувшейся насколько хватал глаз грядами низких холмов и грудами щебня.

Пандион оглянулся на безмолвные развалины и, в волнении стиснув руки Кидого, зашептал:

— Бежим! Нас хватятся не скоро, никто не видит...

Добродушное лицо негра расплылось в усмешке.

— Разве ты не знаешь, что такое пустыня? — изумился Кидого.— Завтра в этот час воины найдут наши трупы, иссушенные солнцем. Они,— Кидого подразумевал египтян,— знают, что делают. Путь на восток всего один — там, где колодцы, и этот путь стерегут. А здесь крепче цепей держит нас пустыня...

Пандион угрюмо кивнул, минутный порыв его угас. Друзья молча спустились с башни и разошлись в разные стороны, заглядывая в провалы стен или проникая в темноту открытых входов.

Внутри небольшого двухэтажного, хорошо сохранившегося дворца с остатками деревянных решеток в окнах Кидого посчастливилось отыскать небольшую статую египетской девушки из крепкого желтоватого известняка. Он позвал Пандиона, и оба залюбовались работой безвестного мастера. Красивое лицо было типичным для египтянки. Пандион уже знал облик женщин Айгюптоса — низкий лоб, узкие, приподнятые у висков глаза, холмиками выступающие щеки и толстые губы с ямочками в углах.

Кидого понес находку начальнику мастерской, а Пандион углубился в развалины. Машинально переступая через обломки, перебираясь через кучи камней, Пандион подвигался вперед, не разбирая направления, и скоро вошел в прохладную тень уцелевшей стены. В глубине, прямо под ним, виднелась плотно закрытая дверь подземелья. Пандион нажал на медную оковку. Гнилые доски рассыпались, и молодой скульптор вошел внутрь помещения, слабо освещенного через щель в потолке.

Это была небольшая комната в толще каменных стен, выложенных тщательно пригнанными камнями. Два легких кресла из черного дерева, отделанные костью, покрылись толстым слоем пыли. В углу юноша заметил развалившийся ларец. У противоположной стены на куске розового гранита эллин увидел скульптуру из серого камня — фигуру женщины в рост человека. Только верхняя часть изваяния была тщательно отделана.

Две изгибающиеся пантеры из черного камня стояли, как бы для ох-

раны, по сторонам статуи. Пандион осторожно стер пыль с изваяния и отступил в немом восхищении.

Искусство скульптора передало в камне прозрачную ткань, облегавшую юное тело. Левая рука девушки крепко прижимала к груди цветок лотоса. Густые волосы обрамляли лицо длинными мелкими локонами, образуя тяжелую прическу, разделенную пробором и спадавшую ниже плеч. Очаровательная девушка не походила на египтянку. У нее было круглое лицо с прямым небольшим носиком, широким лбом и огромными, широко расставленными глазами.

Пандион взглянул на статую сбоку, и его поразила странная и лукавая насмешливость, запечатленная скульптором на лице девушки. Такого выражения живости и ума он никогда не видел на статуях: художники Айгюптоса больше всего любили величественную и равнодушную неподвижность.

Девушка была похожа на женщин Энниады или, скорее, на прекрасных жительниц островов его родного моря.

Ясное и умное лицо статуи было так далеко от мрачной красоты творений Айгюптоса, изваяно с таким неподражаемым совершенством, что мучительная тоска опять вернулась к Пандиону. Стиснув руки, молодой эллин старался представить себе модель скульптора, эту близкую ему чем-то девушку, неизвестно какими путями попавшую в Айгюптос четыре столетия назад. Была ли она такой же, как он, пленницей или по доброй воле приехала из неизвестной страны?

Луч солнца проник через щель вверху, пыльный свет упал на статую. Пандиону показалось, что лицо девушки изменило выражение — глаза загорелись, губы задрожали, словно трепет таинственной, скрытой жизни возник на поверхности камня.

Да, вот как нужно делать статуи... вот у кого нужно бы учиться передавать живую красоту... у этого мастера, умершего так давно!

С благоговейной осторожностью Пандион положил пальцы на лицо статуи, ощупывая почти неуловимые, мельчайшие детали, так верно передававшие жизнь.

Долго стоял Пандион перед прекрасной девушкой, улыбавшейся ему дружески и насмешливо. Ему казалось, что он нашел нового друга, осветившего ласковой улыбкой вереницу безрадостных дней.

И невольно мысли юноши перенеслись к Тессе. Ее образ, потускневший в суровости его теперешней жизни, вновь стал живым и манящим...

Глаза Пандиона в задумчивости блуждали по росписям потолка и стен, где сплетались звезды, букеты лотосов, узоры изломанных лилий, головы быков. Вдруг Пандион вздрогнул: видение Тессы исчезло, и перед ним на темной стене появилось изображение пленников, связанных спина к спине, влекомых к стопам фараона. Пандион вспомнил, что уже поздно. Нужно было спешить с возвращением и оправдать свою задержку. Но, взглянув еще раз на статую, Пандион понял, что не сможет отдать ее в руки своего хозяина-скульптора. Юноше это казалось предательством, вторичным пленением неизвестной девушки во враждебном к иноземцам Айгюптосе. Он поспешно оглянулся, вспомнив про ящик, замеченный им в углу. Став на колени, Пандион достал оттуда четыре фаянсовых бокала в виде цветов лотоса, покрытых яркой голубой эмалью. Этого было достаточно. Пандион в последний раз посмотрел на изваяние девушки, стараясь запомнить все подробности ее лица, и с тяжелым вздохом вынес бокалы наружу. Оглянувшись по сторонам, молодой скульптор поспешно завалил вход большими камнями и, сгребая горстями щебень, старательно присыпал заграждение, пытаясь придать ему вид давно осыпав-

шейся стены. Потом он осторожно увязал бокалы в набедренную повязку, невольно сделал прощальный жест в сторону оставшейся в своем убежище статуи и поспешил обратно. Направление ему указывали крики рабов, очевидно, разыскивавших его. Среди них выделялся звонкий и сильный голос Кидого.

Царский скульптор встретил Пандиона угрозами, но сразу смягчился, едва увидел драгоценную находку.

Обратное плавание длилось на три дня дольше — гребцам приходилось бороться с течением. Пандион рассказал Кидого про статую, и негр одобрил его поступок, прибавив, что, может быть, эта девушка происходила из народа машуашей, жившего на северном краю великой западной пустыни.

Пандион уговаривал Кидого бежать, но друг в ответ только отрицательно покачивал головой, отвергая все планы эллина.

За семь дней плавания Пандиону так и не удалось убедить друга, но сам он уже не мог долее бездействовать; ему казалось, что еще немного — и он не выдержит и погибнет. Он тосковал по товарищам, оставшимся на строительных работах и в шене. В них он чувствовал ту силу, которая могла бы привести к освобождению, давала надежду на будущее... А здесь не было надежды на свободу, это заставляло Пандиона задыхаться от бессильной ярости.

Через два дня после возвращения в мастерскую скульптор фараона повел Пандиона во дворец главного строителя. Там готовился праздник. Пандион должен был вылепить из глины модели статуэток и сделать по ним формы для сладких печений.

Молодой скульптор, закончив работу, по приказу хозяина остался во дворце до конца пира, чтобы с другими рабами нести царского скульптора домой. Не обращая внимания на рабов и рабынь, во множестве сновавших по дворцу, Пандион удалился в сад.

Стемнело, на безлунном небе зажглись яркие звезды, а пир все продолжался. Снопы желтого света, проникая в сад через широкие оконные проемы, вырывали из темноты стволы деревьев, листву и цветущие кустарники, поблескивали красными огоньками на зеркальной воде бассейнов. Гости собрались в большом нижнем зале с колоннами из полированных кедровых стволов. Зазвучала музыка. Пандион, так давно не слышавший ничего, кроме заунывных и незнакомых песен, незаметно подобрался к большому низкому окну, укрылся в кустах и стал наблюдать.

Из наполненного людьми зала шел тяжелый аромат благовоний. Стены, колонны и рамы окон были увешаны гирляндами свежих цветов, больше всего, как заметил Пандион, лотосов. Пестрые кувшины с вином, плетенки и чаши с фруктами стояли на низких подставках возле сидений. Разгоряченные вином гости, облитые душистой помадой, теснились вдоль стен, а посередине между колоннами медленно танцевали девушки в длинных одеяниях. Черные волосы, заплетенные в многочисленные тонкие косички, развевались по плечам танцующих, широкие браслеты из разноцветного бисера охватывали запястья, пояски из цветных бус просвечивали сквозь тонкую ткань. Пандион не мог не заметить некоторой угловатости стройных женщин Айгюптоса, отличавшихся от сильных девушек его родины. В стороне молодые египтянки играли на различных инструментах: две девушки — на флейтах, одна — на многострунной арфе, еще две извлекали резкие дрожащие звуки из длинных двухструнных инструментов.

Танцовщицы держали в руках блестящие листы тонкой бронзы, время

от времени прерывая мелодию короткими звенящими ударами. Непривычная для уха Пандиона музыка составлялась из смены высоких и низких скачущих нот то в медленном, то в убыстренном темпе. Танцы окончились, утомленные танцовщицы уступили место певцам. Пандион, прислушиваясь, старался разобрать слова. Это ему удавалось, когда мелодия шла медленно или звучала на низких тонах.

Первая песня прославляла путешествие в южную часть Кемт. «Ты встречаешь там красивую девушку, она отдает тебе цвет своей груди»,— разобрал Пандион.

В другой песне с воинственными выкриками прославлялась храбрость сынов Кемт в витиеватых, показавшихся Пандиону бессмысленными выражениях. С раздражением молодой эллин отошел от окна.

«Имя храброго не погибнет на всей земле вовеки»,— донеслись до него последние слова, и пение прекратилось. Послышались смех, оживленное движение, и Пандион снова заглянул в окно.

Рабы привели светлокожую девушку с коротко подстриженными волнистыми волосами и вытолкнули ее на середину зала. Она стояла, смущенно и испуганно оглядываясь, среди растоптанных на гладком полу цветов. Из толпы гостей выделился человек и сказал девушке несколько сердитых слов. Она покорно взяла протянутую ей лютню из слоновой кости, и пальцы ее маленьких рук забегали по струнам. Низкий и чистый голос девушки разлился по залу, гости замолкли. Это не была отрывистая, спадавшая и опять повышавшаяся, скачущая египетская мелодия — звуки лились свободно и печально. Сначала они падали медленно, как отдельные звенящие капли, потом слились в мерном колебании, зарокотали, зашептались, как волны, и понеслись с такой безудержной тоской, что Пандион замер. Пандиону казалось — свободное море колыхалось в песне, в непонятных звуках волшебного голоса. Море, незнакомое и нелюбимое здесь, в Айгюптосе, родное и светлое — для Пандиона. Пандион сначала стоял ошеломленный — так много запрятанного в самой глубине души вдруг устремилось наружу. Тоска по свободе, близкая и понятная Пандиону, властно звала, плакала и томилась в песне. Зажав уши и стиснув зубы, чтобы не вскрикнуть, он побежал в глубь сада. Там, бросившись на землю во тьме под деревьями, Пандион тяжко и неудержимо зарыдал...

— Эй, экуеша, ко мне! Экуеша! — послышался зов хозяина Пандиона.

Молодой эллин не заметил, что окончился пир.

Скульптор фараона был заметно пьян. Опираясь на руку Пандиона и поддерживаемый с другой стороны своим рабом, рожденным в неволе, начальник мастерских отказался возлечь на носилки и пожелал пойти пешком к дому.

На половине пути, изредка спотыкаясь на выбоинах дороги, он вдруг принялся расхваливать Пандиона, пророча ему большую будущность.

Пандион шел под впечатлением песни, почти не слушая начальника. Так они дошли до цветного портика дома египтянина. В дверях появилась его жена с двумя рабынями, державшими светильники. Царский скульптор, пошатываясь, взобрался на ступеньки и похлопал по плечу Пандиона. Тот спустился вниз — рабы мастерской не имели права входить в дом.

— Погоди, экуеша! — весело сказал начальник, пытаясь изобразить на лице хитрую усмешку.— Дай сюда! — Он почти вырвал из рук рабыни светильник и что-то сказал ей шепотом. Рабыня скрылась в темноте.

Египтянин втолкнул Пандиона в дверь и ввел его в приемный зал. Налево у простенка стояла большая красивая ваза с четким черно-красным рисунком. Такие сосуды Пандион видел на Крите, и снова сердце юноши сжалось от боли.

— Повелел его величество, жизнь, здоровье, сила,— торжественно произнес царский скульптор,— мне изготовить семь ваз по образцу этой, из стран твоего моря! Мы только заменим варварские краски на любимые в Кемт синие цвета... Если ты отличишься в этой работе, я скажу о тебе Великому Дому... А теперь... — возвысил голос начальник и повернулся к поспешно приближавшимся двум темным фигурам.

Это были ушедшая рабыня и какая-то другая девушка, закутанная в длинный пестрый плащ.

— Подойди ближе! — нетерпеливо приказал египтянин и поднес светильник к лицу закутанной девушки.

Большие выпуклые черные глаза боязливо взглянули на Пандиона, пухлые детские губы раскрылись в трепетном вздохе. Пандион увидел выбивавшиеся из-под покрывала вьющиеся волосы, тонкий нос с нервно трепетавшими ноздрями — рабыня была, несомненно, азиаткой, из восточных племен.

— Смотри, экуеша! — сказал египтянин, неуверенным, но сильным движением срывая с девушки плащ.

Она слабо вскрикнула и спрятала лицо в ладони, оставшись нагой.

— Бери ее в жены! — Царский скульптор толкнул девушку к Пандиону, и она, вся задрожав, прижалась к груди молодого эллина.

Пандион слегка отодвинулся и погладил спутавшиеся волосы юной пленницы, поддаваясь смешанному чувству жалости и нежности к милому, испуганному существу.

Царский скульптор, улыбаясь, одобрительно прищелкнул пальцами:

— Она будет твоей женой, экуеша, и у вас будут хорошие дети, которых я оставлю моим детям в наследство...

Точно стальная пружина внезапно развернулась в Пандионе. Душевное смятение, давно нараставшее в нем и разбуженное сегодняшней песней, вскипело. Красный туман застлал глаза.

Пандион отступил от девушки, оглянулся и поднял кулак.

Египтянин, трезвея, побежал в дом, громко сзывая всех слуг на помощь. Пандион, не взглянув на труса, с презрительным смехом пнул ногой дорогую критскую вазу, и глиняные черепки с глухим звоном рассыпались на каменном полу.

Дом наполнился криком и топотом ног. Несколько минут спустя Пандион лежал у ног начальника мастерской, а тот, нагнувшись, плевал на него, изрыгая проклятия и угрозы.

— Негодяй заслуживает смерти! Разбитая ваза дороже его презренной жизни, но он сможет сделать много хороших вещей... и я не хочу терять хорошего работника,— говорил час спустя успокоившийся скульптор своей жене.— Я пощажу его жизнь и не отправлю его в тюрьму, потому что оттуда он попадет на золотые рудники и погибнет. Я верну его в шене, пусть одумается, а ко времени будущего посева возьму обратно...

Так Пандион, избитый, но не усмиренный, вернулся в шене и, к своей большой радости, встретился с друзьями-этрусками. Весь строительный отряд после разборки храма работал на поливе садов Амона.

К вечеру следующего дня внутренняя дверь шене раскрылась с обычным скрипом и пропустила под приветственные возгласы рабов улыбающегося Кидого. Спина негра вздулась, исполосованная ударами бича, но зубы сверкали в усмешке, а глаза весело блестели.

— Я узнал, что тебя послали назад,— сообщил он изумленному Пандиону,— и стал кататься по мастерской, вопя и ломая все, что подвернется. Побили и тоже отправили — мне это и нужно! — закончил Кидого.

— А ты же хотел стать мастером? — насмешливо спросил Пандион.

Негр беззаботно махнул рукой и, страшно выкатив глаза, плюнул в том направлении, где находилась великая столица Айгюптоса.

Глава четвертая

БОРЬБА ЗА СВОБОДУ

Камни, накаляясь на солнце, обжигали плечи и руки людей. Легкий ветерок не нес прохлады, но сдувал с гладкой поверхности каменных глыб мельчайшую известковую пыль, разъедавшую глаза.

Тридцать рабов, выбиваясь из сил, тянули жесткие канаты, поднимая на стену тяжелую плиту с каким-то сложным барельефом. Ее нужно было вставить в приготовленное гнездо на высоте восьми локтей. Четыре опытных и сметливых раба направляли плиту снизу. В числе их находился Пандион, стоявший рядом с рабом-египтянином — единственным из жителей Айгюптоса, находившимся в шене среди чужеземных пленников. Этот египтянин, осужденный в вечное рабство за неизвестное страшное преступление, занимал крайнюю клетушку в юго-восточном, привилегированном углу шене. Два лиловых клейма в виде скрещенных широких полос пятнали его грудь и спину, на щеке была изображена красная змея. Мрачный, никогда не улыбавшийся, он ни с кем не общался и, несмотря на всю тяжесть своего положения, презирал иноплеменных рабов, подобно своим свободным соотечественникам.

И сейчас, не обращая ни на кого внимания, понурив бритую голову, египтянин упирался руками в край толстой плиты, чтобы не давать камню раскачиваться.

Мокрая от пота черная кожа Кидого блестела, резко выделяясь рядом с белым полированным известняком.

Вдруг Пандион заметил, что на веревке начали лопаться волокна, и издал предостерегающий крик. Два других раба отскочили в сторону, а египтянин, не обратив внимания на Пандиона и не заметив того, что делалось вверху, остался под плитой.

Молодой эллин, далеко выбросив правую руку, мгновенным толчком в грудь отшвырнул египтянина назад. В ту же секунду плита рухнула, слегка задев отпрянувшего Пандиона и ободрав ему кожу с руки. Желтая бледность покрыла лицо египтянина. Плита стукнулась о подножие стены, большой угол барельефа откололся.

С негодующим криком к Пандиону подбежал надсмотрщик и хлестнул эллина бичом. Четырехгранный ремень в два пальца толщиной, сделанный из шкуры бегемота, глубоко рассек кожу на пояснице. У Пандиона от боли потемнело в глазах.

— Негодяй, зачем ты спас эту падаль? — завопил надсмотрщик, замахиваясь вторично.— Плита, упавшая на мягкое тело, осталась бы цела! Это изображение дороже сотен жизней жалких тварей, таких, как вы! — продолжал он, нанося второй удар.

Пандион бросился было на надсмотрщика, но был схвачен подоспевшими воинами и жестоко исхлестан бичами.

Ночью Пандион лежал на животе в своей клетушке. Его лихорадило, глубокие борозды от бича на спине, плечах и ногах воспалились. При-

ползший к нему Кидого поил его водой, смачивая время от времени голову.

У входной двери послышался легкий шорох, потом шепот:

— Экуеша, ты здесь?

Пандион отозвался и почувствовал прикосновение руки.

Это был египтянин. Он достал из-за пояса маленькую баночку, долго возился, растирая что-то на ладони, потом начал осторожно водить рукой по рубцам Пандиона, размазывая жидкую мазь с едким, неприятным запахом. Эллин вздрагивал от боли, но уверенная рука продолжала свою работу. Когда египтянин принялся массировать ноги, боль на спине уже прекратилась, а еще через несколько минут Пандион тихо уснул.

— Ты что ему сделал? — шепнул Кидого, совершенно невидимый в своем углу.

Египтянин, помолчав, ответил:

— Это кифи — самое лучшее лекарство, тайна наших жрецов. Мне принесла его мать, хорошо заплатив воину.

— А ты хороший человек! Прости меня, я думал, ты дрянь! — воскликнул негр.

Египтянин буркнул что-то сквозь зубы и неслышно скрылся в темноте.

С этого дня египтянин подружился с молодым эллином, по-прежнему оставляя без внимания его друзей. Теперь часто по ночам Пандион слышал шорох возле своей клетушки. Если у эллина никого не было, костлявое тело египтянина быстро скользило внутрь. Ожесточенный, одинокий сын Та-Кем был откровенен и разговорчив наедине с чутким молодым эллином. Пандион скоро узнал историю египтянина.

— Яхмос — «сын месяца» — происходил из старого рода неджесов, бывших верными слугами прежних фараонов, но со сменой династии устраненных и обедневших. Яхмос был обучен наукам и стал писцом начальника Заячьего сепа. Случилось так, что он полюбил дочь строителя, требовавшего крупного обеспечения. Потеряв голову от любви и отчаявшись в возможности быстрого обогащения, Яхмос решил достать нужную сумму во что бы то ни стало и сделался грабителем царских усыпальниц. Знание письменности давало ему большие преимущества в этом страшном, жестоко каравшемся деле. Скоро в руках Яхмоса было много золота, но его невеста оказалась выданной замуж за чиновника с крайнего юга.

Яхмос пытался скрасить горе веселыми пирами, покупкой наложниц — деньги быстро исчезли. Понадобились другие. Темные пути богатства уже были знакомы, и Яхмос вновь принялся за свое страшное дело, но в конце концов был схвачен, подвергся жестоким пыткам, товарищи его казнены или умерли от мучений. Яхмоса приговорили к ссылке на золотые рудники. Каждая новая партия отправлялась туда во время наводнения, раз в год, и Яхмос пока был отдан в шене, так как не хватало рабочих рук для постройки новой стены храма Пта.

Пандион с интересом слушал рассказы Яхмоса, поражаясь неслыханной отваге египтянина, казавшегося ему невоинственным человеком.

Яхмос рассказывал о своем пребывании в страшных подземельях, где мучительная смерть подстерегала смельчака на каждом шагу благодаря ухищрениям строителей.

В самых древних гробницах, скрытых глубоко под огромными пирамидами, сокровища и саркофаги защищались толстыми плитами, запиравшими узкие наклонные ходы. Позже применялись лабиринты фальшивых ходов, прерывавшиеся глубокими колодцами с гладкими стенами. Тяжкие глыбы падали сверху при попытке грабителей отодвинуть заго-

раживавшие ход камни, груды песка из сооруженных наверху колодцев засыпали входы погребальных камер. Если дерзкие гости продолжали попытки проникнуть дальше, массы земли обрушивались из колодцев и запирали нарушителей покоя усопших царей в узком пространстве между кучами песка и вновь насыпавшейся землей. В менее древних гробницах в темноте низких галерей бесшумно смыкались каменные челюсти, решетки с копьями падали с колонн, едва нога пришедшего ступала на роковую плиту пола. Яхмос знал, как много ужасов тысячелетиями скрывалось в молчании и тьме, поджидая жертву. Опыт приобретался ценой гибели многих товарищей по ремеслу. Не раз натыкался египтянин на истлевшие останки неведомых людей, погибших в западне в неизвестные времена.

Много ночей провел Яхмос с товарищами на краю западной пустыни, где на протяжении сотен тысяч локтей тянулись города мертвых. Скрываясь в темноте, не смея говорить или зажечь свет, ощупью, под заунывные вопли шакалов, вой гиен или громовой рык льва, грабители рылись в душных ходах или пробивали целую скалу, стремясь угадать направление, в котором находилась глубоко запрятанная гробница.

Страшное ремесло, достойное народа, заботившегося более о смерти, чем о жизни, старавшегося сохранить в вечности не живые дела, а славу мертвых!

Потрясенный Пандион с ужасом слушал рассказы о приключениях этого худого, невзрачного человека, во имя минутных удовольствий столь часто рисковавшего жизнью, и не понимал собеседника.

— Зачем же ты продолжал все это? — спросил как-то раз Пандион.— Разве ты не мог уехать?

Египтянин рассмеялся беззвучным, невеселым смехом.

— Страна Кемт — особая страна. Ты, чужеземец, не понимаешь ее. Мы все здесь в плену, не только рабы, но и свободные сыны Черной Земли. Когда-то, в незапамятные времена, пустыни охраняли нас. Теперь Та-Кем, зажатый среди пустынь,— это большая тюрьма для всех, кто не может делать далекие походы с многочисленным войском.

На западе — пустыня, царство смерти. На востоке — пустыня, проходимая лишь для больших караванов с запасами воды. На юге — враждебные нам дикие племена. И соседние народы пылают гневом на нашу страну, построившую свое благо на несчастье слабых племен.

Ты не сын Та-Кем и не понимаешь, как страшно нам умереть на чужбине. В этой повсюду одинаковой долине Хапи, где тысячелетия жили наши предки, взрыхлили всю землю, избороздили каналами и сделали плодородной, должны умирать и мы. Та-Кем замкнут, и в этом его проклятие. Когда людей слишком много, их жизнь ни во что не ценится, а переселяться нам некуда — избранный богами народ нелюбим людьми чужих стран.

— Но сейчас тебе разве не лучше бежать? — допытывался Пандион.

— Бежать одинокому и заклейменному? — удивился египтянин.— Я теперь хуже иноземца... Запомни, экуеша: бежать отсюда нельзя! Если только силой перевернуть всю страну Черной Земли. Но кто же может это сделать? Хотя были такие дела в давние времена... — Яхмос печально вздохнул.

Насторожившийся Пандион принялся расспрашивать Яхмоса и узнал о великих мятежах рабов, потрясавших временами страну. Узнал о том, что к рабам присоединялись беднейшие слои населения, жизнь которых мало отличалась от подневольной.

Узнал о том, что простым людям запрещено общаться с рабами, ибо

«бедный человек даст разъяриться толпе, отданной в рабочие дома», как писали фараоны в наставлениях своим сыновьям.

Узок был мир бедных сынов Кемт — только одну улицу своего селения знал земледелец или ремесленник. Он старался иметь поменьше знакомых, унижался перед стражами — «вестниками», приносившими ему повеления чиновников. Фараон требовал покорности и тяжелого труда, за малейшую провинность виновного беспощадно избивали. Громадное число чиновников обременяло страну, свободный выезд и путешествия запрещались всем, кроме жрецов и вельмож.

По просьбе Пандиона Яхмос нарисовал на полу в блике лунного света чертеж страны Кемт, и молодой эллин ужаснулся. Он находился в середине долины Великой Реки длиной во много тысяч стадий. На север или на юг была вода и была жизнь, но пробраться до границ государства по густо заселенной, усеянной воинскими укреплениями стране невозможно. А по сторонам, совсем рядом, шли безлюдные пустыни, там не было стражи, но не было и возможности существовать.

Немногие дороги с колодцами для караванов хорошо охранялись.

После ухода египтянина Пандион провел бессонную ночь, пытаясь придумать план бегства. Юноша инстинктивно понимал, что в дальнейшем надежды на удачный исход бегства будут тем меньше, чем больше изнурит его непосильный труд раба. Только исключительно выносливым и сильным людям может улыбнуться счастье при побеге.

На следующую ночь Пандион пополз к этруску Кави, передал ему сведения, полученные от египтянина, и убеждал сделать попытку взбунтовать рабов. Кави отмалчивался, пощипывал в раздумье бороду. Пандиону было хорошо известно, что подготовка к восстанию давно уже ведется, что в группах разных племен выдвинулись свои вожди.

— Я не могу терпеть больше! Зачем? — страстно воскликнул молодой эллин, и Кави поспешно зажал ему рот.— Пусть смерть,— добавил эллин, успокоившись.— Чего ждать? Что изменится? Если изменится через десять лет, так тогда мы уже не сможем ни сражаться, ни бежать. Разве ты боишься смерти?

Кави поднял руку.

— Не боюсь, и ты это знаешь,— отрезал этруск,— но за нами пятьсот жизней. Или ты хочешь принести их в жертву? Дорогая цена твоей смерти!

Пандион резко поднялся и ударился головой о низкий потолок.

— Я подумаю, поговорю,— поспешно сказал Кави,— но жаль, что всего два шене поблизости от нас. Плохо, что у нас нет языков в других шене. Завтра ночью будем говорить, я дам тебе знать. Предупреди Кидого...

Пандион выбрался из клетушки этруска, прополз вдоль стены и, торопясь, чтобы успеть до восхода луны, направился к Яхмосу. Яхмос не спал.

— Я ползал к тебе,— взволнованно зашептал египтянин.— Я хочу тебе сказать... — Он запнулся.— Мне сказали, что завтра меня возьмут отсюда — отправляют триста человек на золотые рудники в пустыню. Так вот — оттуда не возвращается никто...

— Почему? — спросил Пандион.

— Рабы, сосланные туда, редко живут больше года. Ничего нет ужаснее работы там — в раскаленном сердце горы, без воздуха. И воды дают мало — ее не хватает. А нужно бить крепчайший камень, поднимать руду на себе в корзинах. Самые стойкие падают замертво к концу работы, исходят кровью из ушей и горла... Прощай, экуеша, ты светлый человек, и я полюбил тебя, хотя ты спас меня напрасно. Но я ценю не спасение, а со-

чувствие... Давно уже горькая жизнь заставила нашего древнего певца сложить хвалу смерти. И я сейчас повторяю ее... «Смерть стоит передо мной, как выздоровление перед больным, как выход после болезни,— речитативом зашептал египтянин,— как пребывание под парусом в ветреную погоду, как запах лотоса, как путь, омытый дождем, как возвращение домой с похода...» — Голос Яхмоса оборвался со стоном.

Охваченный жалостью, молодой эллин придвинулся к египтянину.

— Но ты можешь сам...— Пандион не договорил.

Яхмос отшатнулся:

— Что ты говоришь, чужеземец! Разве я могу заставить свое Ка[1] вечно терзать Ба[2] в никогда не кончающихся страданиях...

Пандион ничего не понял. Он был искренне убежден, что со смертью окончатся и мучения, но промолчал, щадя веру египтянина.

Яхмос принялся поспешно рыть землю в углу своей клетушки, отодвинув в сторону солому, на которой спал ночью.

— Вот возьми этот кинжал, если ты когда-нибудь посмеешь... а это на память обо мне, если случится чудо и ты станешь свободным...— Яхмос положил в руку Пандиона гладкий и холодный предмет.

— Что это, зачем мне он?— удивился молодой эллин.

— Это камень, который я нашел в подземельях одного старого храма, спрятанного в скалах.

И Яхмос, радуясь возможности забыться в воспоминаниях, рассказал Пандиону про таинственный древний храм, на который он наткнулся в поисках богатых гробниц, у излучины Великой Реки, много тысяч локтей ниже «Города»— столицы Уасет.

Яхмос заметил следы старой тропинки, которая вела к крутым утесам от берега небольшого залива, густо заросшего тростником. Место было удалено от селений и никем не посещалось, так как ничего привлекательного для земледельца или пастуха не было на бесплодных скалистых обрывах.

Яхмос мог без опаски производить свои поиски и, не теряя времени, направился в глубину узкого ущелья, заваленного каменными глыбами. Камни покрывали тропу, видимо обвалившись много позже того времени, когда она служила для сообщения с берегом реки. Долго Яхмос пробирался через скалы, промоины, кусты колючек. Ущелье изобиловало пауками — поперек прохода были протянуты их паутинные сети, прилипавшие к потному лицу грабителя царских могил.

Наконец стены ущелья разошлись, открывая замкнутую среди высоких холмов долину. В центре ее возвышался бугор, окаймленный двумя рядами оросительных канав,— должно быть, раньше здесь был родник, использовавшийся для сада. Молчание царило в тусклом мареве душной и безветренной долины. Черные блестящие скалы возвышались кругом, замыкая долину. Только на противоположной ее стороне виднелось ущелье, подобное тому, которым пришел Яхмос в это позабытое всеми место.

Грабитель взобрался на холм и сразу увидел высеченный в скале ход, ранее скрытый за вершиной бугра. Ход был завален, и Яхмосу пришлось немало потрудиться, прежде чем он смог проникнуть внутрь. Яхмос очутился в прохладной темноте. Отдохнув немного, он зажег светильник, который всегда был при нем, и пошел по высокому коридору, тщательно осматривая выступавшие по обеим сторонам статуи. Яхмос опасался ко-

---

[1] *Ка* — по египетским верованиям, разумная душа.

[2] *Ба* — телесная душа, призрак тела.

варных ловушек, грозивших мучительной смертью. Но его опасения оказались напрасными: древние строители или не приготовили западней, надеясь на скрытое расположение храма, или же минувшие тысячелетия обезвредили ловушки. Яхмос беспрепятственно проник в большое круглое подземелье со статуей бога Тота в центре, склонявшего свой длинный клюв с высоты пьедестала. В стенах Яхмос заметил десять узких, как щели, входов, расположенных на равном расстоянии один от другого. Они вели в комнаты, заваленные истлевшими вещами: свертками, папирусами, деревянными досками с рисунками и надписями. Одно помещение было заполнено связками сухих трав, превращавшихся в пыль при малейшем прикосновении, в другом лежали груды камней. Не обнаружив ничего интересного для себя, Яхмос обошел восемь комнат — все они были квадратные. Девятый вход привел Яхмоса в продолговатую комнату, обрамленную колоннами из гранита. Между ними были закреплены доски черного диабаза, испещренные письменами на древнем языке Та-Кем. Посреди комнаты стояла еще одна статуя носатого бога Тота, на ее пьедестале в плоской чаше из меди сверкнул в лучах светильника драгоценный камень. Яхмос с жадностью схватил его, поднес к огню и не удержался от возгласа разочарования. Камень не принадлежал к тем, которые ценились в Та-Кем. Опытный глаз грабителя сразу определил, что он не имеет для купцов ценности. Но, странное дело, чем больше всматривался Яхмос, тем более привлекательным казался ему неизвестный камень. Это был голубовато-зеленый обломок кристалла величиной с наконечник копья, плоский, полированный и необыкновенно прозрачный. Заинтересованный Яхмос решил прочесть стенные надписи, надеясь найти какое-нибудь объяснение происхождению камня. Он еще не забыл древнего языка Та-Кем, которому учили в школах высших писцов, и принялся разбирать иероглифы, прекрасно сохранившиеся на поверхности диабаза.

В подземелье было мало воздуха — отдушины для проветривания храма давно обрушились, масло в светильнике догорало, но Яхмос упорно читал, и постепенно перед отверженным грабителем раскрывалась повесть о подвиге, совершенном в незапамятные времена, вскоре после постройки великой пирамиды Хуфу. Фараон Джедефра послал своего казначея Баурджеда далеко на юг, в Та-Нутер — Страну Духов, чтобы познать пределы земли и Великую Дугу — океан. На семи лучших кораблях Баурджед отплыл на юг из гавани Суу на Лазурных Водах. Семь лет странствовали сыны Черной Земли. Они достигли Великой Дуги и долго плыли на юг, вдоль неизвестных берегов. Половина людей и четыре корабля погибли от страшных бурь Великой Дуги, оставшиеся достигли сказочного Пунта. Но приказ фараона гнал их дальше: им нужно было узнать, где на далеком юге находятся пределы земли. Оставив корабли, сыны Черной Земли двинулись на юг по земле.

Больше двух лет странствовали они через темные леса, пересекали громадные степи, переходили грозные горы — обиталища молний — и достигли, исчерпав все силы, большой реки, на которой обитал могущественный народ, умевший строить каменные храмы. Оказалось, что предел земли все еще бесконечно далек — там, на юге, за голубыми степями и лесами с листьями из серебра. И там, за пределами земли, течет Великая Дуга — океан,— пределы которой никому из смертных не известны. Путешественники поняли свое бессилие выполнить до конца волю фараона и, вернувшись в Пунт, снарядили новые суда взамен своих старых, источенных червями и разбитых в борьбе с волнами Великой Дуги. Но уцелевших людей едва хватило на один корабль. Нагрузив его дарами Пунта, храбрецы решили повторить свой неимоверно тяжкий путь. Стремление

вернуться на родину придавало им силу,— они победили ветры и волны, песчаные бури, коварные подводные скалы, голод и жажду, пробились в Лазурные Воды и прибыли в гавань Суу после семи лет отсутствия.

Многое изменилось в Черной Земле: новый фараон — беспощадный Хафра — заставил страну забыть обо всем, кроме постройки второй исполинской пирамиды, долженствовавшей возвеличить его имя на тысячи веков. Возвращение путешественников было неожиданным для всех, и фараон был разочарован, узнав, что земля и океан необъятны, а народы, обитающие далеко на юге, многочисленны. Ему, считавшему себя владыкой всего мира, Баурджед доказал, что страна Кемт — всего лишь маленький уголок исполинской земли, богатой лесами и реками, всякими плодами и зверями и населенной разными племенами, также искусными в работе и охоте.

Гиев фараона обрушился на путешественников. Спутники Баурджеда были сосланы в отдаленные области. Под страхом смерти было запрещено рассказывать о путешествии, в записях фараона Джедефра были стерты места с упоминанием о посылке путешественников на юг, в Страну Духов. Сам Баурджед погиб бы от гнева Хафра и его путешествие навсегда исчезло бы из памяти людей, если бы не вступился мудрый старый жрец бога наук, искусства и письма Тота. Этот жрец вдохновлял погибшего фараона на познание пределов земли, на поиски новых богатств для обедневшей от постройки гигантской пирамиды Кемт. Устраненный от двора нового фараона Хафра жрецами Ра, он пришел на помощь путешественнику и укрыл его в тайном храме Тота, где собраны были разные тайные книги, планы, образцы растений и камней далеких земель. Великое путешествие Баурджеда по приказу жреца записали на каменных плитах, чтобы сохранить навеки в недоступном подземелье до тех времен, когда стране потребуется это знание. Из самой далекой достигнутой ими страны, за большой южной рекой, Баурджед привез голубовато-зеленый прозрачный камень, неизвестый жителям Та-Кем. Такие камни добывались в Стране голубых степей, лежавшей в трех месяцах пути южнее большой реки. Баурджед поднес этот знак крайнего предела мира богу Тоту, и именно этот камень взял Яхмос с пьедестала статуи.

Яхмос не смог прочитать всей повести о путешествии. Едва дошел он до описания каких-то волшебных подводных садов, встреченных путешественниками в плавании по Лазурным Водам, как светильник погас, и грабитель с трудом выбрался из подземелий, захватив с собой только необыкновенный камень.

При свете дня кристалл из далеких земель оказался еще более прекрасным, и Яхмос не расставался с ним, но камень не принес ему счастья.

Пандиону предстоял великий путь на родину, и Яхмос надеялся, что камень, с которым Баурджед добрался домой из неслыханных далей, поможет и эллину.

— А разве ты не знал раньше ничего об этом путешествии?— спросил Пандион.

— Нет, оно осталось скрытым для сынов Кемт,— ответил Яхмос.— Пунт давно известен нам, много плаваний в разные времена совершили туда корабли Кемт, но зе́мли далекого юга — по-прежнему для нас таинственная Страна Духов.

— Но неужели не было других попыток достичь их, неужели никто не смог, подобно тебе, прочитать эти древние надписи и рассказать о них всем другим?— продолжал допытываться Пандион.

Яхмос задумался, не зная, что ответить чужеземцу.

— Властители юга — начальники южных провинций Та-Кем — не раз ходили в глубь южных стран. Но в записях перечисляется только

добыча — слоновая кость, золото, рабы, доставленные фараону. И пути остаются неизвестными. А морем дальше Пунта никто не пытался плавать. Слишком велики опасности, и нет теперь столь храбрых людей, какие были в древности.

— Но почему же никто не прочел этих надписей?— не успокаивался Пандион.

— Не знаю... не могу тебе ответить,— признался египтянин.

Яхмос действительно не мог знать, что жрецы, в глазах жителей Черной Земли являвшиеся хранителями древних тайн и великими учеными, уже давно не были ими. Наука выродилась в религиозные обрядности и магические формулы, папирусы, заключавшие мудрость прошлых веков, истлели в гробницах. Храмы стояли в запустении и развалинах, никто не интересовался историей страны, отраженной в бесчисленных надписях на стойком камне. Яхмос не знал, что таков неизбежный путь всякой науки, оторвавшейся от животворных сил народа, замкнувшейся в узком кругу посвященных...

Близилось время рассвета. С тяжелым чувством Пандион простился с несчастным египтянином, у которого не оставалось никакой надежды на спасение.

Молодой эллин хотел взять кинжал, оставив камень Яхмосу.

— Неужели ты не понял, что мне более ничего не нужно?— сказал египтянин.— Зачем же ты хочешь бросить прекрасный камень здесь, в гнусной яме шене?

Пандион взял кинжал в зубы, а камень зажал в руке и поспешно пополз, старательно прячась в тень от луны, к своей клетушке.

До рассвета молодой эллин лежал без сна. Щеки его горели, дрожь пробегала по телу. Пандион думал о важном переломе в своей судьбе, о скором конце однообразной череды томительных дней тоски и отчаяния.

Входная дыра клетушки обозначилась серым пятном, из темноты выступил весь убогий обиход жилья Пандиона. Молодой эллин поднес кинжал к свету. Широкое лезвие из черной бронзы[1] с выпуклым ребром посередине было остро отточено. Массивная рукоятка с насечкой из азема изображала вытянувшуюся львицу — свирепую богиню Сохмет. Пандион вырыл кинжалом в углу под стенкой ямку и положил туда подарок, чтобы тщательно спрятать, но тут же вспомнил о камне. На ощупь отыскав его на соломе, юноша опять придвинулся к выходу, чтобы лучше рассмотреть кристалл.

Плоский обломок камня с округленными краями был величиной с наконечник копья. Он был тверд, чрезвычайно чист и прозрачен, цвет его казался серо-голубым в предрассветной печальной мгле.

Пандион выставил камень на раскрытой ладони в отверстие входа, и в это мгновение вспыхнуло поднимавшееся солнце. Камень преобразился — на ладони Пандиона лежал он, полный блеска, его голубовато-зеленый цвет был неожиданно радостен, светел и глубок, с теплым отливом прозрачного золотистого вина. Зеркальная поверхность камня была отполирована, видимо, рукой человека.

Цвет камня напомнил Пандиону о чем-то близком, его отблеск согрел угнетенную душу юноши. Море — да, именно таким бывает море вдали от берегов, в часы, когда солнце высоко стоит в синеве безоблачного неба. Нутур аэ — божественный камень: так назвал его несчастный Яхмос.

[1] *Черная бронза* — особенно твердый сплав меди с редким металлом. Древние металлурги умели путем прибавления к бронзе цинка, кадмия и других металлов получать сплавы высокой твердости.

Чудесная вспышка кристалла среди безрадостного утра показалась молодому эллину счастливым предзнаменованием.

Да, прощальный подарок Яхмоса был великолепен. Кинжал и невиданный камень! Пандион поверил, что камень послужит залогом его возвращения к морю. Морю, которое не обманет, вернет ему свободу и родину. Молодой эллин погрузился взглядом в прозрачную глубину камня, из которой всплывали волны у родных берегов...

Угрожающий рокот большого барабана пронесся над клетушками шене — сигнал утреннего подъема.

Пандион мгновенно решил — он не расстанется с необыкновенным камнем, не оставит этот символ свободного моря в пыльной земле шене. Пусть камень всегда будет с ним!

После нескольких не вполне удачных проб молодой эллин нашел наконец способ спрятать камень незаметно в своей набедренной повязке и, поспешно закопав кинжал, чуть было не опоздал к утренней еде.

По пути и во время работы в саду Пандион наблюдал за Кави и заметил, что тот перебрасывался короткими фразами то с одним, то с другим из известных Пандиону вожаков шене. Те поспешно отходили от этруска и что-то говорили другим.

Улучив момент, Пандион приблизился к Кави. Тот, не поднимая головы, склоненной над обтесываемой глыбой, быстро и негромко произнес, не переводя дыхания:

— Ночью, до восхода луны, в крайнем проходе у северной стены...

Пандион вернулся к своей работе. По дороге в шене он передал Кидого слова этруска.

Весь вечер провел Пандион в ожидании — давно уже не было у него такого подъема духа и готовности к борьбе.

Едва рабочий дом успокоился и воины на стенах задремали, в темноте клетушки Пандиона появился Кидого.

Два друга быстро поползли к стене и повернули в узкий проход между клетушками. Они достигли северной стены, где в узкой щели господствовала особенно глубокая тьма.

Воины редко ходили по этой стене — им удобнее было наблюдать с западной и с восточной стороны, вдоль проходов между клетушками. Поэтому можно было не опасаться, что охрана наверху услышит тихий разговор.

В проходе в два ряда, упираясь ногами в стены и голова к голове, лежало не меньше шестидесяти рабов. Кави и Ремд — в середине. Старший этруск шепотом подозвал к себе Пандиона и Кидого.

Молодой эллин, нащупав руку этруска, протянул ему захваченный с собой кинжал. Кави в недоумении ощутил прохладный металл, порезал руку об острое лезвие и жадно схватил оружие, шепча благодарность.

Истосковавшийся по оружию бывалый воин обрадовался. Он понял, что, передавая драгоценный кинжал, молодой эллин тем самым признавал старшинство Кави, без слов выбирая его своим вождем.

Не спросив Пандиона, откуда он достал оружие, Кави заговорил, делая долгие паузы, чтобы лежавшие поблизости могли передать крайним, не имевшим возможности ничего расслышать. Совещание вожаков началось — решался вопрос о жизни и свободе пятисот людей, заключенных в шене.

Кави говорил о том, что нельзя откладывать мятеж, потому что впереди у них нет никаких надежд, положение может сделаться только хуже, если рабов снова разделят и разошлют.

— Силы, единственно обеспечивающие успех в бою, уходят в тяжкой

работе на угнетателей, все меньшей бодростью и здоровьем обладают наши тела с каждым месяцем жизни в плену. Смерть в бою почетна и весела — в тысячу раз легче умереть сражаясь, чем умереть под ударами жестоких бичей!

Дружный шепот одобрения пронесся по рядам невидимых слушателей.

— Да, мятеж нельзя откладывать,— продолжал Кави,— но при одном условии: если мы найдем путь выхода из проклятой страны. Даже если мы отомкнем еще два-три шене, даже если мы достанем оружие, наша сила мала, мы не сможем продержаться долго. После великого мятежа рабов владыки Кемт стараются разъединить отдельные шене, у нас нет связи с ними, нам не удастся взбунтовать сразу множество людей. Мы находимся в самой столице, где много войска, и не сможем идти по стране с боем. Лучники Айгюптоса страшны — у нас же почти не будет луков, да и не все способны хорошо владеть ими. Давайте думать, можно ли нам идти через пустыню на восток или на запад. В пустыне мы сможем оказаться очень скоро после выхода из шене. Если нельзя идти через пустыню, я думаю, нужно отказаться от мятежа — это будет напрасная трата сил и мучительная гибель. Тогда пусть бегут только те из нас, кто захочет попытаться пройти через верную смерть в маленькой надежде на свободу. Я, например, все равно буду пытаться.

Взволнованный шепот поднялся вокруг умолкнувшего этруска.

Слова его, переданные из конца в конец, вначале возбудившие боевое настроение, теперь посеяли сомнение среди смелых вожаков. Они отнимали надежду на благополучный исход, даже на призрак успеха, и самые храбрые бойцы заколебались. Разноязычный шепот витал в угольно-черной тьме прохода.

К центру группы, где лежали четыре друга, подполз густобородый аму — семит из-за Лазурных Вод. Его соплеменники составляли значительную часть всего населения рабочего дома.

— Я настаиваю на мятеже. Пусть смерть поглотит нас, но мы отомстим проклятым жителям проклятой страны! Мы покажем пример, которому будут следовать другие! Давно уже Кемт живет в мире, свирепое искусство угнетения отняло волю к борьбе у миллионов рабов. Мы зажжем ее снова...

— Хорошо, что ты думаешь так, ты храбрец,— прервал его Кави.— А что ты скажешь тем, кого поведешь за собой?

— То же скажу!— пылко ответил семит.

— И ты уверен, что за тобой пойдут?— прошептал этруск.— Правда слишком тяжела... а ложь в таком деле бесполезна — люди хорошо чувствуют, где правда. Их правда — та, что лежит в сердце каждого.

Семит ничего не ответил. В это время между лежащими протиснулось гибкое тело ливийца Ахми. Пандион знал, что этот молодой раб, плененный в сражении у Рогов Земли, происходил из знатного рода. Ливиец уверял, что близ гробниц древнейших царей Кемт, у городов Тинис и Абидос, идет на юго-запад дорога в Уахет-Уэр — большой оазис в пустыне. Тропа с хорошими колодцами, обильными водой, не охраняется войсками. Нужно войти в пустыню сразу за белым храмом Зешер-Зешеру и направиться на северо-запад, где в ста двадцати тысячах локтей от реки пересечь дорогу. Ливиец брался провести до тропы и дальше. В оазисе мало воинов, и мятежники сумеют захватить его. Дальше, за переходом через пустыню всего в двадцать пять тысяч локтей, лежит второй большой оазис — Пашт, вытянувшийся полосой по направлению к западу. Еще дальше будет оазис Мут, от которого тропа с колодцами ведет к холмам Мертвой Змеи, а оттуда дорога на юг, в страну черных, неведомую ливийцу.

— Я знаю эту дорогу,— вмешался Кидого,— по ней я шел в злой год моего плена.

— В оазисах большие запасы фиников, мы отдохнем. Там вовсе нет укреплений, и мы сможем взять с собой вьючных животных. С их помощью мы легко дойдем до Мертвой Змеи, а там, за Соляным озером, уже чаще попадается вода.

План ливийца вызвал общее одобрение. Он казался вполне осуществимым.

Все же осторожный Кави спросил ливийца:

— Ты уверен, что до колодцев от берега реки именно сто двадцать тысяч локтей? Это большой переход.

— Может быть, и немного больше,— спокойно ответил ливиец.— Но сильный человек может одолеть этот переход без воды при одном условии — начать путь никак не позже середины ночи и двигаться без отдыха. Больше одного дня и одной ночи в пустыне без воды не проживешь, а ходить после полудня тоже нельзя.

Один из азиатов — хериуша — предложил прямо напасть на крепость по дороге в гавань Суу, но, как ни заманчива была попытка для рабов, большинство которых составляли азиаты и аму, пробиться прямо на восток, план был признан невыполнимым.

Предложение ливийца было куда надежнее, однако возникли разногласия между неграми и азиатами: путь на юго-запад уводил азиатов еще дальше от родины, но был выгоден неграм и ливийцам. Жители Ливии надеялись уйти на север от оазиса Мут и попасть в ту часть своей страны, которая не была подвластна войскам Кемт. Пандион и этруски намеревались идти с ливийцами.

Всех примирил пожилой нубиец, объявивший, что знает дорогу на юг в обход крепостей Черной Земли через степи страны Нуб к Лазурным Водам.

Узкий серп луны уже поднялся над уступами пустынных холмов, а мятежные рабы продолжали разрабатывать план бегства. Теперь обсуждались подробности восстания и распределялись роли каждой группы, предводительствуемой тем или иным вожаком.

Восстание было назначено через ночь, сразу же после наступления полной темноты.

Шестьдесят людей неслышно расползлись в разные концы шене, а наверху, на фоне освещенного низкой луной неба, четко выделялись фигуры стражей, ничего не подозревавших и полных презрения к спавшим в глубокой яме под их ногами.

Весь следующий день и ночь и еще день шла подготовка к восстанию, осторожная и незаметная. Опасаясь предателей, вожаки сговаривались только с хорошо известными им людьми, рассчитывая, что остальные, после того как стража будет перебита, все равно присоединятся к массе восставших.

Наступила ночь мятежа. В темноте неслышно собрались кучки людей, по одной у каждой из трех стен — северной, западной и южной. С восточной стороны, у внутренней стены, скопились две группы.

Передвижение людей произошло так быстро, что, когда Кави стукнул камнем по опорожненному кувшину для воды, подавая сигнал атаки, рабы уже успели составить живые пирамиды. Тела семидесяти человек образовывали наклонную плоскость, прислоненную к отвесной стене. Таких живых мостов было пять, по ним со всех сторон взбирались опьяненные предстоящей битвой люди.

Кави, Пандион, Ремд и Кидого в числе первых поднялись на внутрен-

нюю стену. Молодой эллин, ни секунды не раздумывая, прыгнул вниз, в черную тьму, а за ним бежали и прыгали десятки людей.

Пандион сбил с ног воина, выскочившего из сторожевого дома, и вскочил ему на спину, заворачивая назад голову. Позвонки египтянина слабо хрустнули, тело обмякло в руках Пандиона. Вокруг в темноте рабы с глухим ропотом разыскивали и хватали своих ненавистных врагов. В неистовстве люди кидались с голыми руками на вооруженных воинов. Не успевал воин вступить в бой с одним врагом, как сбоку и сзади на него набрасывались новые противники; безоружные, но сильные неистовой яростью, они вонзали зубы в руки, державшие оружие, впивались пальцами в глаза. Оружие, оружие любой ценой — такова была единственная мысль нападавших. Те, кому удавалось вырвать копье или нож, чувствуя в руках смертоносную силу, еще яростнее бросались на врагов. Пандион колол направо и налево отнятым у убитого врага мечом. Кидого действовал большой палкой, употреблявшейся для носки воды.

Кави, поднявшийся по живой лестнице, соскочил прямо на четырех воинов, дежуривших возле внутренней двери. Ошеломленные египтяне оказали лишь слабое сопротивление, буквально задавленные обрушившейся на них в молчании и тьме сверху массой людей.

С торжествующим криком Кави отодвинул тяжелый засов, и скоро толпа освобожденных рабов затопила пространство между стенами, вломилась в дом начальника шене, истребляя воинов, отдыхавших после смены караула.

Наверху на стенах схватка была еще более ожесточенной. Девять стражей, стоявших на стене, скоро заметили атакующих. Засвистели стрелы, молчание ночи огласилось людскими стонами, тупыми ударами о землю падающих с высоты тел.

Но девять египтян не могли долго противостоять сотне яростных рабов, которые с разбегу бросались прямо на копья, падали на стражей и вместе с ними скатывались со стены.

За это время в пространстве между стенами окончилась расправа с охраной и чиновниками. У убитого начальника охраны были найдены ключи от наружной двери. Визг ржавых петель разнесся в тишине ночи, как клич победы.

Копья, щиты, ножи, луки — всё до последней стрелы было отобрано у убитых. Вооруженные рабы возглавили колонну беглецов, и все, храня молчание, быстрым шагом направились к реке. Домá по дороге были начисто ограблены, умерщвлены десятки жителей. Восставшие рабы разыскивали оружие, пищу. Только строгое запрещение вожаков удержало людей от желания поджечь все дома. Кави очень боялся раньше времени привлечь внимание войск из охраны столицы.

Началась переправа через реку на всех попадавшихся под руку лодках, баржах и плотах. Несколько человек погибло в воде от громадных крокодилов, сторожививших реку Та-Кем.

Не прошло и двух часов мятежа, а головной отряд уже подходил к дверям шене, расположенного на противоположном берегу реки, по пути к храму Зешер-Зешеру.

Кави, Пандион и два ливийца открыто подошли к дверям и постучали, в то время как около сотни других рабов приближались к стене поблизости от двери.

Со стены раздался голос воина, спросившего у пришедших, что им надо. Ливиец, хорошо владевший языком Кемт, потребовал начальника шене, сославшись на письмо управляющего царскими работами. За дверью заговорило несколько голосов, вспыхнул факел, и раскрытая дверь

показала пришельцам такой же точно междустенный двор, какой был только что покинут мятежниками. Из группы воинов выступил начальник стражи и потребовал письмо.

С яростным ревом Кави бросился на него и вонзил ему в грудь кинжал Яхмоса, а Пандион с ливийцами устремился на воинов. За ними, пользуясь смятением, с оглушительными криками ворвались стоявшие наготове вооруженные рабы. Факелы потухли, в темноте раздавались стоны, вопли, воинственные крики. Пандиону удалось быстро справиться с двумя противниками, и он отомкнул внутреннюю дверь. В проснувшемся от шума битвы шене раздался призыв к восстанию, рабы разных племен забегали по двору, созывая своих ошеломленных собратьев криками на родном языке. Рабочий дом загудел, как растревоженный улей; гул, все нарастая, перешел в низкий рев. Воины наверху на стенах метались, боясь спуститься, выкрикивая угрозы и посылая время от времени стрелы наугад в темноту. Но битва между стенами утихла, снизу со двора полетели меткие стрелы и копья в воинов, отчетливо видимых на стене, и второй шене был освобожден.

Недоумевающая, опьяненная свободой толпа выливалась из дверей, разбредаясь в разные стороны и не слушая призывов своих освободителей. Скоро исступленные вопли послышались со стороны селения, в ночи заалели пятна пожаров. Кави посоветовал другим вожакам поскорее собрать уже знакомых с дисциплиной товарищей по шене. Этруск задумчиво теребил свою бороду. В его устремленных вперед, на запад, глазах бегали красные огоньки — отблеск пожаров.

Кави думал о том, что, пожалуй, освобождение рабов из второго шене без всякой подготовки, проведенной среди рабов, оказалось ошибкой. Присоединение к восставшим, усвоившим понятие о совместной целеустремленной борьбе, неподготовленной, действовавшей вразброд, опьяненной возможностью мщения и свободой массы людей повредит, а не поможет успеху.

Так и оказалось. Значительная часть рабов из первого шене тоже увлеклась грабежом и разрушением. Кроме того, было потеряно время, каждая минута которого имела значение. Поредевшая колонна двинулась к третьему шене, располагавшемуся в восьми тысячах локтей от второго, совсем рядом с храмом Зешер-Зешеру.

Менять план восстания не было времени, и Кави предвидел серьезные затруднения. Действительно, этруск заметил при подходе к шене силуэты выстроившихся на стенах воинов, услышал крики «аату, аату!»[1] и свист стрел, которыми египтяне еще издалека встречали приближавшуюся колонну восставших.

Мятежники остановились для обсуждения плана атаки. Шене, подготовленное к обороне, было хорошей крепостью, и на взятие его требовалось время. Восставшие подняли страшный шум, чтобы спавшие рабы проснулись и напали на охрану изнутри. Но те медлили, очевидно не решаясь или же не догадываясь, как напасть на расположившуюся на стене стражу.

Кави, надрывая охрипшее горло, созывал вожаков, чтобы убедить их отказаться от нападения на шене. Те не соглашались: легко доставшаяся победа окрыляла их, им казалось возможным освободить всех рабов Кемт и овладеть страной.

Вдруг ливиец Ахми испустил пронзительный вопль, и сотни голов повернулись в его сторону. Ливиец размахивал руками, указывая по на-

[1] *Аату* — мятежники.

правлению реки. С возвышенного берега, наклонно поднимавшегося к скалам, река, омывавшая множество пристаней столицы, была видна далеко. И всюду мелькали бесчисленные огоньки факелов, сливавшиеся в тускло мерцавшую полосу; светящиеся точки виднелись и на середине реки, скоплялись в двух местах на берегу, где находились мятежники.

Сомнения не было: отряды многочисленных воинов переправлялись через реку, спеша окружить место, где пылал огонь пожаров и где находились взбунтовавшиеся рабы.

А здесь восставшие все еще метались из стороны в сторону, изыскивая способ нападения; некоторые пытались подойти к врагам по дну оросительного канала, другие выпускали драгоценные стрелы.

Кави обвел взглядом неопределенную по своим очертаниям темную массу людей. На его взгляд боеспособная колонна насчитывала не более трехсот человек, из которых меньше половины имели ножи и копья, а луков было добыто не более тридцати.

Пройдет немного времени, и сотни страшных лучников Черной Земли засыплют их издалека тучей длинных стрел, тысячи хорошо обученных воинов зажмут в кольцо едва отведавшую свободы толпу.

Ахми, гневно сверкая глазами, кричал, что подошла уже середина ночи, и если они сейчас не уйдут, будет поздно.

Ливийцу, Кави и Пандиону пришлось потратить немало драгоценных минут, чтобы обьяснить распаленным, жаждущим битвы людям бесполезность попытки противостоять войскам столицы. Вожаки настаивали на немедленном уходе в пустыню и в случае необходимости готовы были сделать это, бросив всех остальных, увлекшихся поисками оружия, мщения и грабежом. Часть несогласных рабов отделилась от колонны и направилась вниз, вдоль реки, к богатой усадьбе какого-то вельможи, откуда доносился шум и мелькали огни факелов. Остальные — их было немногим больше двухсот человек — подчинились.

Скоро темная, извивающаяся длинной змеей толпа втянулась в узкое ущелье между кручами еще раскаленных от дневного солнца скал и выбралась на плоский край долины. Бесконечная, усыпанная песком и щебнем равнина раскинулась перед беглецами. Пандион в последний раз оглянулся на слабо блестевшую внизу огромную реку. Сколько дней тоски, отчаяния, надежд и гнева провел он перед ее спокойно струившимся ликом. Радость, горячая благодарность к верным товарищам наполнили сердце молодого эллина. С торжеством он повернулся спиной к стране рабства и ускорил свои и без того быстрые шаги.

Отряд мятежников отошел уж на двадцать тысяч локтей от края долины, когда ливиец остановил колонну. Позади, на востоке, небо начало светлеть.

В сером свинцовом полусвете едва обрисовывались контуры округленных песчаных бугров, достигавших ста пятидесяти локтей высоты и смутно тянувшихся до хмурой полосы горизонта. В час рассвета пустыня молчала, воздух был неподвижен, шакалы и гиены утихли.

— Что хочешь ты, все время торопивший нас, чего ты медлишь? — спросили ливийца из задних рядов.

Ливиец объяснил, что начинается самая трудная часть пути: бесконечные гряды песчаных холмов. Дальше они становятся все выше, достигая трехсот локтей. Нужно построиться цепочкой, по два человека в ряд, и идти, не отставая, не обращая внимания на усталость. Кто отстанет, тот не дойдет. Ливиец будет идти впереди, выбирая путь между песчаными горами.

Выяснилось, что почти никто не успел напиться, и уже сейчас многие

томились жаждой после горячки боя. Не все добыли плащи или куски материи для того чтобы закрыть от солнца голову и плечи. Но делать уже было нечего.

Цепочкой в двести локтей длины люди двинулись дальше, молча глядя себе под ноги, вязнувшие в рыхлом песке. Передние ряды заворачивали то вправо, то влево, обходя сыпучие склоны,— путь шел крутыми извивами.

На востоке загорелась широкая пурпурная полоса.

Серповидные или остро зазубренные гребни песчаных холмов окрасились золотом. Освещенная пустыня показалась Пандиону морем застывших высоких волн с гладкими скатами, отливающими оранжево-желтым цветом. Дикое возбуждение после ночи восстания медленно отступало, в души рабов проникал необычайный для них покой и мир. Молчание и простор пустыни в золотых далях утренней зари очищали истомленных в плену людей от долголетней злобы и страха, тоски и отчаяния.

Ярче становился окружающий свет, бездонней лазурь неба. Солнце поднималось выше; лучи его, сначала ласково гревшие, теперь палили и жгли. Замедленное продвижение в лабиринте глубоких душных ущелий между огромными холмами песка становилось все тяжелее. Тени холмов сильно укоротились, по нагретому песку уже было больно ступать, но люди продолжали путь, не останавливаясь, не оглядываясь. Впереди бесконечно повторялись совершенно похожие друг на друга песчаные холмы, не давая возможности ничего видеть.

Время шло; воздух, солнечный свет и песок перестали существовать раздельно и слились в сплошное море пламени, слепящего, удушающего и обжигающего подобно расплавленному металлу.

Людям, происходившим из северных приморских стран, в том числе Пандиону и двум этрускам, было особенно трудно.

В голове молодого эллина, словно стиснутой обручем, бешено стучала кровь, отдаваясь невыносимой болью.

Ослепленные глаза почти перестали видеть — в них плавали, струились или быстро вращались пятна и полосы удивительно ярких цветов, сменявшихся в причудливых сочетаниях. Неистовая мощь солнца превратила песок в массу золотой пыли, пропитанной светом.

Пандион бредил наяву. В обезумевшем мозгу мелькали видения. В багровых вспышках огня двигались колоссальные статуи Айгюптоса, тонули в волнах фиолетового моря. Море, в свою очередь, расступалось, стада полузверей, полуптиц мчались куда-то, низвергаясь с отвесных обрывов удивительной высоты. И снова выстраивались в боевой порядок и шли на Пандиона гранитные фараоны Черной Земли.

Шатаясь, молодой эллин тер глаза, бил себя по щекам, стараясь видеть то, что было на самом деле,— пышущие жаром откосы песка, заходящие друг на друга в слепящем золотисто-сером свете. Но снова крутились цветистые огненные вихри, и тяжелый бред овладевал Пандионом. Только страстное желание быть свободным заставляло его передвигать ноги в такт с черными ногами Кидого, и тысячи песчаных бугров отходили назад, к Айгюптосу. Новые цепи высоких песчаных гор встали перед беглецами, разделенные огромными гладкими воронками, в глубине которых выступали угольно-черные участки почвы.

Молящие хриплые стоны все чаще пробегали по длинной цепочке рабов; здесь и там обессиленные люди падали на колени или прямо лицом в раскаленный песок, упрашивая товарищей прикончить их.

Угрюмо отворачиваясь, люди продолжали идти, и просьбы затихали

позади, за мягкими по своим очертаниям горами песка. Песок, песок, раскаленный, чудовищный в своей массе, необозримый, тихий и зловещий, казалось, затопил всю Вселенную морем душного, сыпучего пламени.

Впереди, в золотистом огне солнца, мелькнул далекий серебристый проблеск, Ливиец издал ободряющий крик. Все яснее вдали вырисовывались пятна, сверкавшие нестерпимо ярким голубым сиянием. Это были участки почвы, покрытые кристаллической солью.

Песчаные холмы мельчали, понижались и скоро превратились в небольшие кучи затвердевшего, слежавшегося песка, и ноги идущих стали двигаться легко, освобожденные от привязчивых объятий рыхлых песков. Желтая твердая глина, изборожденная темными трещинами, казалась гладкой плитой дворцовой аллеи.

Солнце еще на целую ладонь не дошло до полудня, а мятежные рабы уже достигли обрывистого невысокого уступа из коричневого слоистого камня и повернули под прямым углом налево, на юго-запад. В короткой расщелине, широким углом врезавшейся в уступ скалы и издали черневшей подобно отверстию пещеры, располагался древний колодец — родник с прохладной и чистой водой.

Предотвращая свалку обезумевших от жажды людей, Кави поставил самых сильных у входа в ущелье. Сначала напоили наиболее ослабевших.

Солнце уже давно перешло за полдень, а люди всё пили и пили, отползая в тень обрыва со вздувшимися животами, и снова возвращались к воде. Постепенно беглецы оживали, послышалась быстрая речь выносливых негров, отрывистый смех, легкая перебранка... Но веселье не приходило к ободрившимся людям — много верных товарищей осталось умирать в лабиринте песчаных гор, товарищей, только что ступивших на дорогу свободы, мужественно боровшихся, презирая смерть, сливших свои усилия в беззаветном порыве с усилиями тех, которые спаслись.

Пандион с удивлением смотрел, как преобразились рабы, с которыми он провел так много времени в шене. Исчезло тупое равнодушие к окружающему, лежавшее одинаковой печатью на усталых, изможденных лицах.

Глаза, прежде тусклые и безразличные, теперь внимательно и живо смотрели кругом, черты суровых лиц как бы выступали резче. Это были уже люди, а не рабы, и Пандион вспомнил, как прав был мудрый Кави, когда упрекнул его в презрении к своим товарищам. Жизненная неопытность Пандиона помешала ему понять людей. Молодой эллин принял тяжкую угнетенность от долгого плена за природные свойства пленников.

Люди скучились у склона ущелья в небольших пятнах спасительной тени. Скоро непробудный сон овладел всеми — погони можно было не опасаться в этот день: кто, кроме людей, решившихся на смерть ради свободы, сможет днем пройти через пылающий ад песчаного моря?

Беглецы отдыхали до заката, и усталые ноги опять стали легкими. Небольшое количество пищи, которое сумели пронести через пески самые сильные, было тщательно разделено между всеми.

Предстоял большой переход до следующего родника: ливиец говорил, что придется идти всю ночь, зато на рассвете, еще до наступления жары, они будут у воды. За этими колодцами снова лежит область песчаных холмов — последняя перед большим оазисом. К счастью, она не широка — не больше, чем пройденная, и если мятежники выступят к вечеру, когда солнце придет на юго-запад, то ночью войдут в большой оазис, где достанут пищу. Таким образом, без еды придется быть всего сутки.

Все это казалось нестрашным людям, испытавшим так много. Главное, окрыляющее и бодрящее, заключалось в том, что они, свободные, уходили

все дальше и дальше от проклятой страны Кемт, все меньше становилось вероятности, что их настигнет погоня.

Закат потухал; на пламя горящих углей сыпался серый пепел. Последний раз вдоволь напившись, беглецы двинулись в путь.

Удручающая жара исчезла, развеянная черным крылом ночи. Темнота ласково и мягко обнимала сожженных пламенем пустыни людей.

Они пошли по низкому ровному плоскогорью, усыпанному массой остроугольного щебня, резавшего ноги неосторожных путников.

К середине ночи беглецы спустились в широкую долину, усеянную серыми каменными шарами. Странные камни от одного до трех локтей в поперечнике лежали повсюду, точно рассыпанные неведомыми богами мячи. Люди, шедшие уже не цепочкой, а нестройной толпой, пересекали долину наискось, направляясь к подъему, видневшемуся далеко впереди.

После оглушающе тяжелого дня, когда с такой беспощадностью проявлялась слабость человека, тихий покой ночи был глубок и задумчив. Пандиону показалось, что бесконечная пустыня поднялась к небесному своду, звезды сделались совсем близкими в прозрачном воздухе, пронизанном каким-то темным сиянием. И пустыня стала частью неба, слилась с ним, поднимая человека над его страданиями, оставляя наедине с вечностью пространства. Взошла луна, и серебряный покров света лег на темную почву.

Отряд рабов достиг подъема. Пологий склон был выложен плитами крепкого известняка. Плиты, отполированные до блеска песчаными вихрями, зеркально отражали свет луны и казались голубой стеклянной лестницей, ведущей в небо.

Пандион ступил на их скользкую холодящую поверхность, и ему показалось, что он поднимается по сверкающим небесным ступеням. Еще немного — и он достигнет темно-синего свода неба, ступит на серебряную арку Млечного Пути и пойдет по звездному саду, далекий от всех тревог.

Но подъем окончился, лестница потухла, начался длинный спуск в расползавшуюся внизу чернеющей плоскостью равнину, засыпанную крупным песком. Она замыкалась цепью зубчатых утесов, торчавших наклонно из песка, как обрубки исполинских бревен. Отряд подошел к скалам уже на рассвете и долго двигался по лабиринту узких трещинообразных обрывов, пока проводник-ливиец не нашел источника. С утесов было видно полчище новых песчаных гор, враждебным кольцом обступивших скалы, в которых укрылись беглецы. Глубокие фиолетовые тени лежали между розовыми скатами песков. Пока, у воды, песчаное море не было страшно.

Кидого нашел защищенное от солнца место, где гигантский каменный куб высился над стенами песчаниковых слоев, обрезанных с севера глубокой промоиной. Между утесами было достаточно тени для всего отряда, и она должна была скрывать людей до захода солнца.

Усталые люди мгновенно заснули — теперь оставалось только ждать, пока неистовствующее в высоте солнце, спускаясь, не начнет смиряться. Небо, такое близкое ночью, вновь вознеслось в недостижимую даль и оттуда слепило и жгло людей, как будто в отместку за ночную передышку. Время шло; мирно спавших людей окружил знойный океан солнечного огня, уничтожающий все живое.

Чуткий Кави проснулся от слабых жалобных стонов. Этруск с недоумением поднял отяжелевшую голову и прислушался. Кругом изредка слышался сильный треск, сменявшийся протяжными, жалобными стонами, полными тоски. Звуки усилились; многие беглецы проснулись, в страхе оглядываясь кругом. Ни признака движения не было среди раскаленных скал, все товарищи были на прежних местах, продолжали спать или

прислушивались. Кави разбудил безмятежно спавшего Ахми. Ливиец сел, широко зевнул и затем рассмеялся прямо в лицо удивленному и встревоженному этруску.

— Камни кричат от солнца,— пояснил ливиец,— это знак, что жара спадает.

От голоса камней в грозном молчании пустыни, полного какой-то безнадежности, беглецам стало не по себе. Ливиец влез на утес, посмотрел вокруг сквозь щель в сложенных ладонях и объявил, что скоро можно будет трогаться в последний переход до оазиса: нужно напиться в дорогу.

Хотя солнце уже сильно склонилось к западу, песчаные горы продолжали пылать. Казалось совершенно невозможным покинуть тень и выйти в это море огня и света. Но люди без единого протеста построились попарно и направились вслед за ливийцем — так силен был зов свободы.

Пандион шел теперь в третьем ряду от ливийца Ахми и по-прежнему рядом с Кидого.

Неистощимая выносливость и добродушная веселость негра ободряли молодого эллина, чувствовавшего себя неуверенно перед страшной мощью пустыни.

Враждебное палящее дыхание ее опять заставляло людей низко опускать головы. Они прошли уже не меньше пятнадцати тысяч локтей, когда Пандион заметил легкое беспокойство проводника-ливийца. Ахми два раза останавливал колонну, забирался, утопая по колени в песке, на верхушки песчаных холмов, осматривал горизонт. На вопросы ливиец не отвечал.

Высота холмов уменьшилась, и Пандион обрадованно спросил Ахми, не кончаются ли пески.

— Еще далеко, много песка!— хмуро отрезал проводник и повернул голову на северо-запад.

Посмотрев туда же, Пандион и Кидого увидели, что горящее небо там закрыто свинцовым туманом. Сумрачная пелена, поднимающаяся ввысь, побеждала исполинскую мощь солнца и сияние неба.

Вдруг послышались звонкие и приятные звуки — высокие, певучие, чистого металлического тона, как будто серебряные трубы начали за буграми песков странную мелодию.

Они повторялись, нарастая, все более громкие и частые, и сердца людей забились сильнее под влиянием бессознательного страха, который несли эти серебристые звучания, ни на что не похожие, далекие от всего живого.

Ливиец остановился и с жалобным криком упал на колени. Подняв руки к небу, он молился богам, просил защитить от ужасного бедствия. Испуганные беглецы тесно сбились вместе в узком пространстве между тремя песчаными холмами. Пандион вопросительно посмотрел на Кидого и изумился — черная кожа негра стала серой. Молодой эллин впервые видел своего друга испуганным и не знал, что так бледнеют чернокожие. Кави схватил за плечо проводника и, без усилия подняв его на ноги, злобно спросил, что случилось.

Ахми повернул к нему искаженное от страха лицо, покрывшееся крупными каплями пота.

— Песок пустыни поет, зовет ветер, а с ним прилетает и смерть,— хрипло проговорил ливиец.— Идет песчаная буря...

Гнетущее молчание повисло над отрядом, нарушаемое только звуками поющего песка.

Кави стоял в недоумении — он не знал, что делать, а те, кто знал, понимали силу грозящей опасности и тоже молчали.

Наконец Ахми опомнился:

— Вперед, скорее вперед! Я видел там скалистую площадку, свободную от песка: нужно успеть дойти до нее. Здесь смерть неизбежна — всех засыплет песком, а там... может быть, кто-нибудь спасется...

Испуганные люди устремились за бежавшим ливийцем.

Свинцовый туман превратился в багровую мглу, затянувшую все небо. Вершины песчаных холмов зловеще задымились, дыхание ветра коснулось воспаленных лиц роем мельчайших песчинок. Стало нечем дышать, воздух точно пропитался жгучим ядом. Но вот расступились песчаные бугры, и беглецы оказались на небольшом клочке каменистой почвы, почерневшей и сглаженной. Вокруг нарастал грохот и гул несущегося издалека ветра, багряное облако быстро потемнело снизу, будто черная завеса задернула небо. Она вверху осталась темно-красной, бледный диск солнца скрылся в страшной туче. Подражая более опытным, люди поспешно срывали с себя набедренные повязки, тряпки, прикрывающие головы и плечи, укутывали лица и падали ниц на неровную поверхность горячего камня, прижимаясь друг к другу.

Пандион немного замешкался. Последнее, что он увидел, наполнило его ужасом. Все вокруг пришло в движение. По черной почве покатились камни с кулак величиной, точно сухие листья, гонимые осенним ветром. Холмы выбросили по направлению к беглецам толстые извивающиеся щупальца, песок задвигался и быстро понесся, растекаясь кругом, точно вода, выброшенная бурей на отлогий берег. Клубящаяся масса налетела на Пандиона — юноша упал и больше ничего не видел. Сердце колотилось, и каждый его удар отдавался в голове. Участившееся дыхание с трудом прорывалось сквозь горло и рот, казалось покрывшиеся твердой коркой.

Свист ветра звучал высокими нотами, заглушенный глухим шумом несущегося песка, пустыня грохотала и ревела вокруг. В голове Пандиона помутилось, он боролся с бесчувствием, куда погружала его душившая, иссушающая буря. Отчаянно кашляя, молодой эллин освобождал горло от песчаной пыли и вновь начинал учащенно дышать. Вспышки сопротивления Пандиона повторялись все реже. Наконец он потерял сознание.

А гром бури становился все увереннее и грознее, его раскаты перекатывались по пустыне, как гигантские медные колеса. Каменистая почва содрогалась ответным гулом, как металлический лист, а над ней неслись тучи песка. Песчинки, насыщенные электричеством, вспыхивали голубыми искорками, и вся масса движущегося песка катилась, полная синеватых сверканий. Казалось, с минуты на минуту польется дождь и свежая вода спасет иссушенных знойным воздухом, впавших в беспамятство людей. Но дождя не было, а буря продолжала грохотать. Темная груда человеческих тел покрывалась все более толстым слоем песка, скрывавшим слабые движения, заглушавшим редкие стоны...

Пандион открыл глаза и увидел на фоне звезд силуэт черной головы Кидого. Как потом узнал Пандион, негр долго хлопотал над безжизненными телами друзей — молодого эллина и этрусков.

В темноте возились люди, раскапывая занесенных песком товарищей, прислушиваясь к слабому трепету жизни в груди бесчувственных, отодвигая в сторону погибших.

Ливиец Ахми со своими привычными к пустыне соплеменниками и несколько негров ушли назад, к источнику в скалах. Кидого остался с Пандионом, не в силах покинуть едва дышавшего друга.

Наконец полуживые, почти не различавшие дороги пятьдесят пять человек пошли, держась друг за друга, с Кидого во главе, по следам ушед-

ших. Никто не думал о том, что им пришлось повернуть назад, может быть, навстречу возможной погоне — в мыслях каждого была только мечта о воде. Вода, оттеснившая волю к борьбе, погасившая все стремления,— вода была маяком в смутной горячке распаленного мозга.

Пандион потерял всякое представление о времени, забыл о том, что они отошли от источника не более чем на двадцать тысяч локтей, забыл обо всем, кроме того, что надо держаться за плечи впереди идущего и вяло ступать в такт товарищам. Примерно на середине пути они услышали впереди голоса, показавшиеся необыкновенно громкими: Ахми и двадцать семь человек, ушедших с ним, спешили навстречу, бережно неся пропитанные водой тряпки и две старые тыквенные бутылки, найденные у источника.

Люди нашли в себе силы отказаться от воды, предложив Ахми дойти до оставшихся на месте катастрофы.

Сверхчеловеческие усилия требовались для того, чтобы вернуться к колодцу, силы убывали с каждым десятком шагов, тем не менее люди молча пропустили группу водоносов и поплелись дальше.

Зыблющийся черный туман застилал взоры спотыкавшихся людей, некоторые падали, но, подбодренные уговорами, поддерживаемые более выносливыми товарищами, продолжали путь. Пятьдесят пять человек не могли вспомнить последнего часа пути — люди шли почти бессознательно, ноги их продолжали свои неверные, замедленные движения. И все же путники дошли, вода вернула сознание, напитала их тела, позволила сгустившейся крови вновь размягчить высохшие мышцы.

И как только путники пришли в себя, они вспомнили о товарищеском долге. Едва оправившись, они пошли назад, по примеру первых, неся навстречу бредущим где-то в песках источник жизни — воду, капавшую с мокрых кусков ткани. И эта помощь была неоценимой, потому что пришла как раз вовремя. Солнце уже всходило. Последнюю группу оставшихся в живых поддержала принесенная ливийцами вода. Люди остановились посреди песков, будучи не в силах идти дальше, несмотря на уговоры, понукания и даже угрозы. Мокрые тряпки дали людям еще час отсрочки — время, оказавшееся достаточным для того, чтобы добраться до колодца.

Так вернулся к воде еще тридцать один человек; всего спаслось сто четырнадцать — меньше половины вошедших в пустыню два дня назад. Самые слабые погибли еще при первом переходе через пески, теперь страшная катастрофа погубила множество отличных, мощных бойцов. Будущее казалось уже гораздо менее определенным. Вынужденное бездействие угнетало, силы для продолжения намеченного пути еще не вернулись, оружие было брошено там, где застигла людей песчаная буря. Если бы у мятежников была пища, то они скорее восстановили бы силы, но остатки еды были разделены еще в начале прошлой ночи.

Солнце пламенело в чистом, ничем не затуманенном небе, и те из оставшихся на месте катастрофы, в которых еще теплилась жизнь, теперь наверняка погибли.

Спасшиеся укрывались в щели между скалами, где лежали сутки назад вместе с теми, которых уже не было. Как и вчера, люди ждали вечера, но уже не только убыли дневного жара, а наступления ночи, надеясь, что ее прохлада даст возможность ослабевшим продолжать борьбу с пустыней, стоявшей на пути к родине.

Этой последней надежде не суждено было осуществиться.

С наступлением вечера беглецы почувствовали, что могут потихоньку двигаться дальше, как вдруг услыхали вдали хриплый рев осла и лай

собак. Несколько времени мятежники надеялись, что это торговый караван или отряд сборщика податей, но вскоре на сумеречной равнине показались всадники. Знакомые уже крики «Аату!» огласили пустыню. Бежать было некуда, сражаться нечем, прятаться бесполезно — злые остроухие собаки разыскали бы беглецов. Несколько мятежников опустилось на землю — последние силы оставили их, другие растерянно заметались среди камней. Некоторые в отчаянии рвали на себе волосы. Один из ливийцев, совсем молодой, жалобно застонал, и крупные слезы покатились из испуганных глаз. Аму и хериуша стояли, понурив головы и скрежеща зубами. Несколько человек бессознательно бросились бежать, но были сейчас же остановлены собаками.

Более выдержанные оставались на месте, словно оцепеневшие, напрягая ум в поисках спасения. Воинам Черной Земли, без сомнения, повезло: они настигли беглецов, когда они были совсем без сил. Если бы хоть половина былой энергии оставалась у мятежников, большинство их предпочло бы смерть в неравном бою вторичному плену. Но сейчас силы восставших были исчерпаны — беглецы не оказали сопротивления подъезжавшим с луками наготове воинам. Борьба за свободу окончилась — теперь в тысячу раз счастливее были те, которые спали вечным сном там, среди разбросанного оружия.

Измученные, потерявшие надежду рабы стали покорными и безучастными.

Вскоре все сто четырнадцать человек со связанными назад руками, скованные за шеи цепочками по десятку, побрели на восток под ударами бичей. Несколько воинов поехало на место катастрофы, чтобы удостовериться в гибели остальных.

Преследователи рассчитывали получить награду за каждого приведенного назад человека. Только это спасло беглецов от жестокой смерти. Ни один не погиб в этом ужасном обратном походе, когда они шли нагие и связанные, исхлестанные бичами, не получая пищи. Караван медленно двигался, обходя пески по дороге.

Пандион брел, не смея взглянуть на товарищей, не воспринимая внешних впечатлений. Даже удары бича не выводили молодого эллина из оцепенения. Единственным воспоминанием, сохранившимся у Пандиона от обратного пути в рабство, был момент, когда они достигли долины Нила, недалеко от города Абидоса. Начальник отряда задержал караван, высматривая пристань, где пойманных должна была ждать барка. Пленники сгрудились на краю спуска в долину, некоторые опустились на землю. Утренний ветер доносил запах свежей воды.

Пандион вдруг увидел на краю пустыни веселые нежно-голубые цветы. Качаясь на своих высоких стебельках, они распространяли тонкий аромат, и у Пандиона мелькнула мысль, что утраченная воля посылает ему свой последний дар.

Губы молодого эллина, растрескавшиеся и кровоточившие, зашевелились, неуверенные, слабые звуки вырвались из горла. Кидого, с тревогой присматривавшийся к другу на остановках — негр оказался в другой цепочке,— прислушался.

— Голубые...— донеслось до него последнее слово. Пандион погрузился в прежнее оцепенение.

Беглецов освободили от пут и загнали в барку, доставившую их к окрестностям столицы. Там их, как особо опасных и стойких мятежников, бросили в тюрьму, в которой они должны были ожидать неизбежной ссылки на золотые рудники.

Тюрьма представляла собой огромную яму, вырытую в сухой и плот-

ной земле, облицованную кирпичом и перекрытую несколькими крутыми сводами. Вместо окон были пробиты вверху четыре узенькие щели, вместо двери — наклонный люк в потолке, через который спускали воду и бросали пищу.

Полумрак, всегда царивший в яме, оказался благодеянием для беглецов: у многих из них от страшного света пустыни болели воспаленные глаза, и пленники, оставаясь на солнце, неминуемо бы ослепли.

Как мучительно было после нескольких дней свободы пребывание в темной, вонючей яме — об этом могли поведать лишь сами заключенные.

Но их наглухо отрезали от мира, до их чувств и переживаний никому не было дела.

И все же, несмотря на безвыходность положения, едва только люди оправились от последствий трудного похода, они снова начали на что-то надеяться.

Опять заговорил Кави, как всегда грубовато излагая понятные всем мысли. Опять раздался смех Кидого, зазвучали резкие выкрики ливийца Ахми. Пандион, тяжело переживавший крушение надежд, приходил в себя медленнее.

Не раз молодой эллин нащупывал в набедренной повязке камень — чудесный подарок Яхмоса, но ему казалось кощунством достать прекрасную вещь здесь, в мерзкой, темной яме. К тому же камень обманул его — он не оказался волшебным, не помог добиться свободы и достигнуть моря.

Все-таки Пандион однажды украдкой извлек зеленовато-синий кристалл и поднес его к бледному лучу, опускавшемуся из щели, но не достигавшему пола подземелья. При первом же взгляде, брошенном на радостную прозрачность камня, желание жить и бороться снова заговорило в Пандионе. Он лишился всего — он даже не смеет подумать о Тессе, не смеет вызвать образы родины. Все, что у него осталось,—это камень, как мечта о море, о когда-то бывшей, иной, настоящей жизни.

И Пандион стал часто любоваться камнем, находя в его прозрачной глубине ту крохотную долю отрады, без которой никому невозможно жить.

Не более десяти дней провел Пандион с товарищами в подземелье. Без допросов, без всякого суда участь беглых рабов была решена властвующими людьми там, наверху. Неожиданно открылся люк, в отверстие упала деревянная лестница. Рабов выводили наверх и, ослепленных дневным светом, связывали и сковывали цепочкой по шести. Затем мятежников повели к Нилу и немедленно погрузили на большую барку, вскоре отплывшую вверх по реке. Бунтовщиков отправляли на южную границу Черной Земли, к Вратам Юга[1], откуда им предстоял последний и безвозвратный путь в страшные золотые рудники страны Нуб.

Через две недели после того, как беглецы сменили подземную тюрьму на плавучую, в пятистах тысячах локтей вверх по реке, к югу от столицы Кемт, в роскошном дворце начальника Врат Юга на острове Неб происходило следующее.

Начальник Врат Юга, он же начальник провинции Неб, жестокий и властный Кабуефта, почитавший себя вторым человеком после фараона в Черной Земле, вызвал командующего своими войсками, начальника охот и главного каравановожатого Юга.

[1] *Врата Юга* — города Неб и Севене (ныне Сиенна и Асуан) на островах Элефантина и Филэ.

Кабуефта принял вызванных на балконе дворца за обильным угощением, в присутствии главного писца. Крупный и мускулистый, Кабуефта надменно возвышался над собеседниками, сидя, в подражание фараону, на высоком кресле из черного дерева и слоновых клыков.

Он несколько раз перехватывал вопросительные взгляды, которыми обменивались созванные им сановники, и усмехался про себя.

С балкона дворца, стоявшего на возвышенной части острова, открывался вид на широкие рукава реки, обтекавшие группу храмов из белого известняка и красного гранита. По берегам шла густая поросль высоких пальм, листва которых темной перистой полосой тянулась вдоль подошвы крутого скалистого берега. С юга подходила отвесная стена гранитного плоскогорья, в восточном конце которой располагался первый порог Нила. Там долина реки сразу сужалась, простор возделанной спокойной равнины обрывался у неизмеримого пустынного пространства страны золота Нуб. С уступов скал смотрели на дворец могилы знаменитых предков — владык Врат Юга, бесстрашных исследователей страны черных, начиная с самого великого Хирхуфа[1]. Рядом, на тщательно обтесанной скалистой стене, виднелась огромная надпись. С балкона строчки крупных иероглифов казались лишь правильными серыми линиями, но начальнику Юга не нужно было читать горделивую надпись своего предка Хему. Кабуефта знал наизусть каждое слово и каждое мог отнести к себе.

«В год восьмой... хранитель печати, заведующий всем, что есть и чего нет, заведующий храмами, закромами и белой палатой, хранитель Врат Юга...»[2]

Даль тонула в сероватой дымке зноя, но на острове было прохладно — северный ветер боролся с наступающей с юга жарой, отгоняя ее назад, в пустынные, сожженные степи.

Начальник Юга долго смотрел вдаль на гробницы предков, потом жестом приказал присутствовавшему рабу налить по последнему бокалу вина. Угощение было окончено, гости поднялись и последовали за хозяином во внутренние покои дворца. Они очутились в квадратной, не очень высокой комнате, отделанной с изяществом и вкусом великих времен Менхеперры[3]. Гладкие белые стены были украшены у пола широким светло-синим бордюром со сложным прямолинейным орнаментом из белых линий, под потолком шла узкая полоса из цветов лотоса и символических фигур, изображенных синей, зеленой, черной и белой красками на фоне матового золота.

Потолок, очерченный узкой полоской черных и золотых клеток, пересекался четырьмя параллельными брусками из дерева глубокого вишневого цвета. В промежутках между брусками вся поверхность потолка была покрыта пестрым узором золотых спиралей и белых розеток на меняющихся в шахматном порядке красных и голубых квадратах.

Широкие косяки дверей из гладких полированных досок кедра окаймлялись узкими черными полосками, прерванными множеством двойных поперечных голубых черточек.

Ковер, несколько складных стульев из слоновой кости с верхом из леопардовой шкуры, два кресла черного дерева с золотой инкрустацией и несколько ящиков на ножках, служивших одновременно столиками,

---

[1] *Хирхуф* — начальник провинции Неб, путешественник в глубь Африки при VI династии (2625—2475 гг. до н. э.).

[2] Подлинная надпись в переводе Голенищева.

[3] *Менхеперра* — тронное имя Тутмоса III, фараона-завоевателя, крупного государственного деятеля (1501—1447 гг. до н. э.).

составляли все убранство просторной, наполненной чистым воздухом комнаты.

Кабуефта не спеша уселся в кресло, и его резкий профиль четко обрисовался на белоснежной стене. Сановники придвинули стулья поближе, главный писец стал у высокого столика черного дерева, инкрустированного золотом и слоновой костью.

На блестящей доске стола лежал свиток папируса с красно-белой печатью. По знаку начальника Юга писец развернул свиток и застыл в почтительном молчании.

Командующий войсками, тощий, с лысой головой, без парика, подмигнул маленькому плотному каравановожатому, давая понять, что сейчас начнется разговор, для которого они созваны.

Действительно, Кабуефта склонил голову и заговорил, обращаясь ко всем присутствующим:

— Их величество, владыка обеих стран Черной Земли, жизнь, здоровье, сила, прислал мне поспешное письмо. В нем повелел их величество совершить неслыханное — доставить в город живого носорогого зверя, какие обитают за страной Вават, отличающегося чудовищной силой и свирепостью. Много зверей из дальних стран Юга доставлялось живыми в Великий Дом в прошлые времена. Люди «Города» и люди Та-мери-хеб видели больших обезьян, жирафов, зверей Сетха и земляных свиней[1], свирепые львы и леопарды толпой сопровождали великого Усермар-Сотепенру[2] и даже сражались с врагами Та-Кем[3], но никогда не было поймано ни одного из носорогов... С незапамятных времен владыки Юга доставляли Черной Земле все потребное из стран черных; казалось, для них не было невозможного. Я хочу продолжить этот славный обычай: Та-Кем должен увидеть живого носорога. Я призвал вас, чтобы посоветоваться, каким наиболее легким способом мы сможем доставить в Кемт хотя бы одного из этих страшных зверей... Что скажешь ты, Нэзи, видавший столько славных охот?— Он обратился к начальнику охот, хмурому тучному человеку, вьющиеся волосы, темная кожа и горбатый нос которого выдавали его происхождение от гиксосов.

— Неописуемо страшен зверь южных степей, кожа его непроницаема для копий, сила подобна силе слона,— заговорил Нэзи с важностью.— Нападает он первый, круша и давя все, что станет на его пути. В яму его не поймать: грузный зверь неминуемо покалечится. Но если сделать большую охоту и разыскать матку с детенышем, то можно, убив мать, захватить в плен детеныша и доставить его в Кемт...

Кабуефта сердито стукнул по подлокотнику кресла:

— Семь и семь раз к ногам Великого Дома, моего владыки, припадаю я! Тьфу на тебя,— палец владыки Юга ткнул в оторопевшего начальника охот,—который грешит против их величества! Мы должны доставить им не полуживого малыша, а зверя — нефер-неферу[4], во цвете сил, внушающего полную меру страха. И нельзя ждать, пока детеныш подрастет у нас

---

[1] *Зверь Сетха* (окапи)— своеобразное жирафоподобное животное из древней, родоначальной для жирафов группы. Ныне уцелело только в дремучих лесах Конго; ранее водилось во всей Африке и было многочисленно в дельте Нила. Древние египтяне взяли с него образ своего грозного бога Сетха. *Земляная свинья*, по-египетски «та-рири» (трубкозуб),— своеобразное роющее африканское млекопитающее.

[2] *Усермар-Сотепенра* — тронное имя Рамзеса II (1229—1225 гг. до н. э.), великого завоевателя.

[3] Прирученные львы участвовали в сражениях Рамзеса II с хеттами.

[4] *Нефер-неферу* — наилучший.

в плену... Повеление надо выполнить с быстрой готовностью, тем более что зверь этот водится далеко от Врат Юга.

Караванновожатый Пехени посоветовал отправить сотни три наиболее отважных воинов без оружия, с веревками и сетями, которые смогут поймать чудовище.

Командующий войсками Сенофри недовольно поморщился; нахмурился и Кабуефта.

Тогда караванновожатый поспешил добавить, что можно и не отправлять воинов, а заставить нубийцев самих поймать зверя.

Кабуефта покачал головой, искривив рот презрительной усмешкой:

— Времена Менхеперры и Сотепенры давно миновали — презренные жители страны Нуб уже не согнуты в покорности. Сенофри знает, с какими усилиями и хитростями мы сдерживаем вожделения их голодных ртов... Нет, это не годится, нам придется самим выполнить повеление.

— Если вместо воинов пожертвовать рабами...— осторожно вставил Сенофри.

Задумавшийся Кабуефта оживился:

— Клянусь Маат, ты прав, мудрый начальник войска! Я возьму из тюрем мятежников и беглецов, этих наиболее смелых рабов. Они поймают чудовище.

Начальник охоты недоверчиво улыбнулся:

— Ты мудр, владыка Юга, но осмелюсь спросить: чем заставишь ты идти рабов на верную смерть от страшного чудовища? Угрозы не помогут — ты сможешь поставить против смерти только смерть. Какая им будет разница?

— Ты знаешь зверей лучше, чем людей, Нэзи, поэтому оставь мне людей. Я обещаю им свободу. Те, кто уже шел на смерть ради нее, пойдут еще раз. Вот почему я хочу взять мятежных рабов.

— И выполнишь обещание?— снова спросил Нэзи.

Кабуефта надменно выпятил нижнюю губу:

— Владыки Юга не унижаются до лжи перед рабами. Но назад они не вернутся... Оставим это... Лучше скажи мне, сколько людей понадобится для того, чтобы схватить зверя, и далек ли путь до мест, где он обитает.

— Нужно две сотни людей. Зверь растопчет половину, остальные задавят его кучей и свяжут. Через две луны начнется время наводнения, в стране Нуб пойдут дожди, травы степи оживут. Тогда звери пойдут на север за травой и их можно будет найти у самой реки, в области шестой ступени. Самое главное, чтобы поймать зверя недалеко от реки, иначе воины не доставят чудовище весом в семь быков живым. А по реке мы сплавим его в большой клетке до самого «Города»...

Начальник Юга соображал, что-то подсчитывая, губы его шевелились.

— Хет![1] — сказал он наконец.— Полтораста рабов достаточно, если люди будут хорошо биться. Сотню воинов, двадцать охотников и проводников. Ты примешь начальство над всеми, Нэзи! Приступай к делу безотлагательно. Сенофри отберет надежных воинов и мирных негров[2].

Начальник охоты поклонился.

Сановники покинули комнату, посмеиваясь над новым поручением Нэзи.

Кабуефта усадил писца и стал диктовать письмо начальнику тюрем обоих городов, расположенных у Врат,— Неб и Севене.

---

[1] *Хет!* — Да будет!

[2] *Мирные негры* — так назывались в Египте негры, служившие в войсках и полиции.

Глава пятая

ЗОЛОТАЯ СТЕПЬ

У подножия лестницы, спускавшейся с холма к южной оконечности острова Неб, стояла толпа рабов, прикованных к большим бронзовым кольцам столбов из красного гранита, возвышавшихся на нижней площадке. Здесь были все сто четырнадцать уцелевших беглецов и еще сорок негров и нубийцев со свирепыми лицами, с телами, испещренными рубцами заживших ран. Долго томились люди на палящем солнце, ожидая решения своей участи.

Наконец на верхней площадке лестницы показался высокий человек в белом одеянии, с золотом, сверкавшим на лбу, на груди и на черном посохе. Он медленно шел под сенью двух опахал. Их несли нубийские воины. Несколько человек, судя по одеянию — знатные сановники, окружали властителя. Это был Кабуефта — начальник Врат Юга.

Воины поспешно выстроились вокруг рабов; сопровождавший пленников тюремный писец выступил вперед и согнулся до земли.

Кабуефта спокойно, не меняя выражения застывшего лица, сошел вниз, вплотную приблизился к рабам, обвел скользящим, презрительным взглядом всех присутствующих. Он небрежно сказал что-то, обратившись к чиновнику. В голосе его звучало одобрение. Начальник Врат Юга стукнул посохом — медный конец звякнул о каменную плиту.

— Смотрите все на меня и слушайте! Кто не понимает языка Кемт, тех пусть отведут налево — им объяснят потом.

Воины поспешно исполнили приказание, уведя в сторону пятнадцать чернокожих, не знавших языка.

Кабуефта громко и медленно заговорил на простонародном языке, подбирая выражения. Видно было, что властителю Юга приходилось часто встречаться с иноземцами.

Вельможа объяснил рабам предстоящее дело, не скрыв того, что многих ждет гибель, но всем спасшимся обещал свободу. Большинство мятежников изъявили свое согласие одобрительными восклицаниями, меньшая часть хранила упорное молчание. Никто не отказался.

— Хет!— продолжал Кабуефта, и снова взгляд его скользнул по худым и грязным телам.— Я прикажу сытно кормить вас и давать мыться. Путь через пять ступеней Хапи труден, быстрее идти на легких лодках. Я прикажу вас освободить, если вы поклянетесь не бежать...— Радостные вопли перебили его речь. Он выждал, пока они утихнут, и продолжал:— Но, кроме клятвы, вот мой приказ: за каждого сбежавшего десять его лучших товарищей будут брошены связанными, с содранной кожей, посыпанные солью, на пески берегов страны Нуб. Те, которые струсят при поимке зверя и убегут, будут преданы жесточайшим пыткам, ибо жители страны Нуб предупреждены мною и под угрозой кары должны выследить их и схватить.

Окончание речи начальника Юга рабы встретили мрачным молчанием. Кабуефта, не обратив на это внимания, вновь принялся разглядывать людей. Его опыт помог ему сделать безошибочный выбор.

— Выйди сюда ты!— Владыка указал на Кави.— Ты будешь начальником над ловцами, посредником между моими охотниками и своими товарищами.

Кави не спеша поклонился вельможе. На лице этруска промелькнула угрюмая усмешка.

— Ты продаешь нам свободу дорогой ценой, высокий человек, но мы ее покупаем,— сказал этруск и повернулся к товарищам: — Свирепый зверь не страшней золотых рудников, а надежды больше...

Кабуефта удалился. Пленники вновь были водворены в тюрьму. Начальник Юга сдержал свое обещание: мятежников стали сытно кормить, освободили от цепей и ошейников и два раза в день водили купаться к Нилу, в отгороженный от крокодилов залив. Через два дня сто пятьдесят четыре раба присоединились к отряду воинов и охотников, выступивших вверх по реке на тридцати легких лодках, связанных из стеблей тростника.

Путь был далек. Жители Черной Земли считали до шестой ступени Нила от Врат Юга четыре миллиона локтей. Река, протекавшая почти прямо через страны Вават и Иэртет, в располагавшейся выше стране Куш[1] образовала две исполинские петли: одну — на запад, другую — на восток.

Начальник охот очень спешил: путь должен был отнять два месяца, а через девять недель начиналась прибыль воды. Борьба с ускорившимся течением должна была замедлить продвижение. Сплавить через пороги большую и тяжелую лодку с пойманным чудовищем было возможно только в полую воду. Таким образом, в распоряжении начальника охоты оставалось мало времени на обратный путь.

Рабов всю долгую дорогу хорошо кормили, и они чувствовали себя здоровыми и крепкими, несмотря на тяжелую ежедневную работу. Они вели нагруженные лодки против течения, особенно быстрого на ступенях-порогах.

Предстоявшая охота пока не смущала их, в каждом жила уверенность, что именно он спасется и получит свободу. Контраст между дикими просторами неизвестной страны и ожиданием в яме-тюрьме жестокой кары был слишком велик. И люди работали изо всех сил, бодрые, окрепшие телом и духом. Довольный начальник охоты не скупился на пищу — ее доставляли все встречные поселения и города.

Сразу после отъезда из города Неб Пандион и его товарищи увидели первую ступень Нила. Быстрое течение сдавленной скалами реки разбивалось на отдельные потоки бушующей побелевшей воды, с ревом кативщиеся по уклону, между лабиринтами черных скалистых островков. Многие сотни лет назад десять тысяч рабов под наблюдением искусных инженеров Кемт проложили среди гранита каналы, и по ним даже большие военные суда легко проходили пороги. Для лодок охотничьей экспедиции первая ступень Нила, как и все последующие, не представляла серьезного препятствия. Рабы становились цепочкой по пояс в воде, подталкивая лодки от одного островка к другому. Иногда им приходилось переносить лодки на плечах по удобным береговым выступам, вырезанным половодьем. С каждым днем охотники продвигались все дальше на юг.

Они миновали пещерный храм[2] на левом берегу реки. Внимание Пандиона привлекли четыре гигантские фигуры, до тридцати локтей каждая, стоявшие в нише. Исполинские статуи фараона-завоевателя Сотепенры как бы охраняли вход в храм.

Экспедиция одолела вторую ступень Нила, протянувшуюся на день пути.

---

[1] *Страна Куш* — область долины Нила и Нубии, между вторым и пятым порогами, включавшая древние страны Иам и Карой. *Страна Иэртет* располагалась ниже по течению от второго порога, *страна Вават* — между Вратами Юга и страной Иэртет.

[2] Пещерный храм Рамзеса II в Ибсамбуле.

Выше находился остров Уронарту с перекатом Семне, на изрытых скалистых берегах которого находилась огромная крепость.

Крепость называлась «Отражение дикарей» и была сооружена еще девять веков назад, во времена фараона — покорителя страны Нуб[1].

Толстые стены в двадцать локтей высоты, сооруженные из сырцового кирпича, стояли в полной сохранности; каждые тридцать лет их приводили в порядок. На скалах виднелись древние каменные доски с надписями, запрещавшими неграм вход в страну Кемт.

Угрюмая серая крепость с квадратными башнями по углам и с несколькими обращенными к реке, с узкой лестницей, проложенной от реки через утесы, высилась как олицетворение надменного могущества страны Кемт. Но никто из рабов не подозревал, что времена великой силы Кемт миновали, что страну, построенную на труде бесчисленных угнетенных, потрясают до основания частые мятежи и что ей угрожает возросшая сила новых народов.

На пути встретились еще четыре крепости, стоявшие на скалистых островах или береговых утесах. Лодки прошли крутую излучину, в центре которой располагался маленький город Гем-Атон. Его построил тот самый проклятый фараон, в развалинах столицы которого Пандион отыскал статую загадочной девушки. Здесь жили египтяне, в старые времена изгнанные или бежавшие из Черной Земли. В конце излучины река, ударяясь о крутые утесы темного песчаника, переламывалась под прямым углом. Здесь начиналась третья, длиннная стремнина, почти в сто тысяч локтей длины, на прохождение которой охотники потратили четыре дня.

Четвертая ступень, выше большого города Напата — столицы царей страны Нуб, была еще длиннее и задержала путников на пять дней. Вдобавок два дня лодки простояли, пока начальник охоты вел переговоры с властителями Куша. На четвертом пороге экспедицию обогнали три лодки с нубийцами, посланными вперед для поисков зверя.

Селения по долине реки встречались гораздо реже, чем в Та-Кем. Сама долина сделалась значительно у́же и скалы пустынных плоскогорий, прорезанных рекой, стали отчетливо видны сквозь легкую дымку зноя. Сотни крокодилов, достигавших подчас исполинских размеров, прятались в тростниковых зарослях или неподвижно лежали на песчаных отмелях, подставляя гребнистые черно-зеленые спины знойному солнцу. Несколько неосторожных рабов и воинов сделались жертвой вкрадчивого нападения безмолвных пресмыкающихся прямо на глазах у товарищей.

Здесь было много бегемотов. Пандион, этруски и другие рабы из северных стран еще раньше познакомились с безобразным обитателем реки, носившим у египтян имя «хте». Бегемоты не выказывали страха перед людьми, но и не нападали на них без причины, поэтому рабы близко подплывали к ним. Множество больших голубых пятен виднелось вдали перед зеленой стеной тростников, показывая место отдыха бегемотов в широких участках долины, где река разливалась гладким сверкающим озером. Мокрая кожа животных была голубого цвета. Грузные жирные звери наблюдали за лодками, выставив над водой громадные, словно обрубленные, головы. Нередко животные погружали в воду и квадратные морды — тогда на блестевшей и струившейся желтой мути чернели только лбы, увенчанные маленькими круглыми, торчавшими вперед ушами. Глаза

---

[1] *Сенусерт III*, легендарный Сезострис (1887—1849 гг. до н. э.),— фараон XII династии (2000—1788 гг. до н. э.), прославившийся огромными строительными работами.

бегемотов, сидевшие в возвышениях черепа — это придавало им особенно свирепое выражение,— упорно и тупо смотрели на людей.

В тех местах, где гранитные скалы поднимались со дна реки, образуя пороги и перекаты, встречались глубокие ямы между утесами, с прозрачной и спокойной водой. Однажды, волоча лодку по краю гранитной глыбы, рабы увидели на дне такой ямы громадного бегемота, неторопливо двигавшегося по дну на своих коротких ногах. Под водой животное приняло совсем темно-синий цвет. Бывалые негры объяснили товарищам, что хте часто ходит по дну реки, разыскивая корни водяных растений.

Долина резко переломилась в последний раз. От большого острова, плодородного и густо заселенного, она вела почти прямо на юг — до цели осталась небольшая часть пути.

Скалистые края долины понизились, их прорезали многочисленные и широкие сухие овраги, в которых встречались густые рощицы колючих деревьев. При прохождении пятой ступени две лодки перевернулись; утонули одиннадцать человек, мало искусных в плавании.

Выше пятой ступени люди наконец увидели первый приток Великой Реки. Широкое устье притока, называвшегося рекой Ароматов[1] и впадавшего в Нил с правой стороны по течению, сливалось с основным руслом в обширной заросли тростников и папирусов. Непроницаемая зеленая стена до двенадцати локтей в высоту, изрезанная зигзагами заливов и протоками, заграждала вход в устье реки. А по берегам, разбившимся на отдельные гряды холмов, все чаще встречались рощи деревьев; их колючие стволы становились все выше, заросли кустов длинными темными лентами отходили от реки в глубь неведомой и безлюдной страны. На склонах щетинились пучки жестких трав, тихо шелестевших под ветром. Приближался момент расплаты за свободное путешествие, без цепей и тюрьмы, и в сердцах рабов росла глухая тревога.

«Скоро начнется страшное испытание: одни спасутся ценой крови и мук товарищей, другие останутся навсегда в неведомой стране, пав искупительной жертвой. Темна судьба людей — только смерть в последнюю минуту откроет каждому тайну, в которой уже не будет нужды»,— так размышлял Кави, невольно оглядывая товарищей, пытаясь представить себе их будущее.

Страна выше по реке принимала все более равнинный вид. Болотистые берега окаймляли сверкающую гладь реки резкой темной линией высоких трав, простиравшихся насколько хватал глаз. Звездчатые метелки папируса нависали над рекой, нарушая однообразие ровных берегов. Травянистые острова дробили течение на лабиринты узких проходов — глубокая вода была таинственна и темна между высокими стенами зелени. На местах, где берег был более тверд, путешественники видели большие пространства засохшей и растрескавшейся глины, истоптанные бесчисленными следами животных. Птицы, похожие на аистов, но почти достигавшие человеческого роста, удивляли мятежников своими чудовищными клювами. Казалось, что голова птицы оканчивается тяжелым костяным сундуком с хищно загнутым краем верхней крышки. Из-под нависших глазниц чудовищ смотрели желтые злые глаза.

После впадения в Нил реки Ароматов, в конце второго дня пути, прямая, как копье, долина изогнулась к востоку, и люди увидели на выступе берега редкие дымки двух костров. Это был сигнал. Здесь ожидали посланные вперед охотники и нубийские проводники с известием, что зверь най-

[1] *Река Ароматов* — Атбара, правый приток Нила.

ден. Ночью сто сорок рабов под охраной девяноста воинов направились пешком на запад от реки. Теплый и обильный дождь пролился на разогретую землю. Влажные испарения одуряли людей, давно забывших о дождях под вечно ясным небом Та-Кем.

Охотники шли по жесткой траве, выше пояса, и перед ними иногда вставали черные силуэты одиночных деревьев. Гиены и шакалы выли и вопили вокруг, пронзительно мяукали дикие кошки, зловещими металлическими голосами перекликались какие-то ночные птицы. Новая страна неопределенно и таинственно расплывалась в темноте, открывалась перед людьми Азии и северных берегов, страна, изобилующая жизнью, независимой от человека, и не покоренная им.

Впереди появилось исполинское дерево, заслонившее половину неба. Вокруг его ствола, более толстого, чем самые большие обелиски Черной Земли, люди расположились на ночлег, который для многих людей должен был оказаться последним. Пандион долго не мог заснуть. Взволнованный будущим боем, он прислушивался к голосам африканской степи.

Кави толковал у костра с охотниками, выясняя план завтрашних действий, потом улегся, с тяжелым вздохом посмотрев на беспокойно дремавших или лежавших без сна товарищей. Этруск удивился беспечности Кидого, мирно спавшего между Пандионом и Ремдом,— в пути четыре друга не разъединялись. Беспечность негра казалась этруску высшей мерой храбрости, недоступной даже ему, опытному воину, не раз видевшему смерть.

Наступило утро. Рабы были разделены на три группы, возглавляемые пятью охотниками и двумя местными проводниками. Каждому рабу вручили длинную веревку или ремень с затяжными петлями на концах. Четыре человека от каждой группы несли большую сетку из особенно прочных веревок с ячеями в локоть ширины. Чудовище надо было опутать веревками, замотать сетями и, свалив с ног, связать.

В полной тишине люди шли по степи, каждая группа на некотором расстоянии от другой. Воины рассыпались цепью и, не доверяя рабам, следовали позади со стрелами, вложенными в луки. Перед Пандионом и его товарищами раскинулась степь, поросшая травой в половину роста человека. На ее ровной поверхности были разбросаны деревья с зонтиковидными кронами[1]. Серые стволы почти у самого корня разделялись на толстые ветви, расходившиеся воронкой кверху, так что самое дерево напоминало опрокинутый конус, над которым словно парила в воздухе прозрачная неяркая зелень.

Деревья перемежались с темными пятнами высоких мелколистых кустарников, то протягивавшихся цепью по слабо заметному углублению русла временного потока, то видневшихся вдалеке в виде неровных темных куч. Изредка попадались деревья с невысоким стволом чудовищной толщины, разветвлявшиеся на множество огромных искривленных и узловатых сучьев, покрытых недавно распустившимися маленькими листьями и пучками белых цветов[2]. Массивные деревья выделились в степи огромной шапкой низкой кроны, отбрасывавшей темные полосы удлиненных теней. Их волокнистая кора с металлическим отблеском походила на свинцовую, ветви казались выкованными из красной меди, а цветы распространяли вокруг тонкий аромат, похожий на запах миндаля.

Солнце золотило едва колыхавшуюся жесткую траву, а над ней как будто парили ажурными зелеными облачками вершины деревьев.

---

[1] Зонтичные акации, а также зонтичные формы мимоз.

[2] *Баобаб* — специфическое дерево африканских саванн.

Ряд тонких черных копий возник из травы — несколько ориксов[1] показали свои длинные рога и скрылись за цепью кустарников. Трава была еще редкой; между ее отдельными пучками виднелась голая, растрескавшаяся земля — период дождей начался недавно. Налево оказалась рощица деревьев, похожих на пальмы своей перистой листвой, но стволы их раздваивались вверху, напоминая два растопыренных пальца, которые выше еще несколько раз разветвлялись.

Здесь накануне охотники высмотрели носорогов, и сейчас, сделав знак рабам оставаться на месте, они осторожно подкрались к опушке и заглянули в темную после ярко освещенной степи рощу. Зверей там не оказалось, и охотники повели рабов к сухому ложу потока, заросшему густым кустарником. Там находился источник, превращенный носорогами в яму с грязью, в которой они валялись в жаркие часы дня. Охотники вышли на открытое место, окаймленное с востока тремя одинокими зонтичными акациями. До сухого русла оставалось еще около двух тысяч локтей, как вдруг шедший впереди нубиец застыл на месте и раскинул руки в стороны, давая сигнал остановки. В тишине отчетливо стало слышно слабое жужжание насекомых. Кидого тронул Пандиона за плечо — негр указывал в сторону от пути. Молодой эллин увидел около низких колючих деревьев что-то похожее на две сглаженные глыбы камня. Это и были страшные звери южных степей. Животные вначале не заметили людей и продолжали спокойно лежать спинами к охотникам. Оба носорога не показались Пандиону огромными, один был заметно меньше второго. Никто из рабов не подозревал, что охотники, желая заслужить хорошую награду, отыскали очень крупного самца, из породы светлых носорогов[2], которые отличались от черных южных сородичей большими размерами, большей высотой плеч, широкой квадратной мордой, серой кожей. Второй, меньший, носорог была самка. Охотники решили изменить план нападения, чтобы вмешательство самки не погубило дела.

Начальник охоты и начальник воинов быстро забрались на дерево, шепча проклятия длинным колючкам, рассеянным по стволу. Воины спрятались за кустами. Рабы соединились все вместе и, построившись в несколько рядов, вместе с охотниками с оглушительными криками ринулись по открытой поляне, размахивая веревками и подбадривая себя боевыми воплями. С поразительной быстротой оба зверя вскочили на ноги. Колоссальный самец на минуту остановился, уставившись на подбегавших людей, а самка, более испуганная, бросилась в сторону. Именно на это и рассчитывали охотники — они быстро метнулись направо, чтобы отвлечь и отрезать самку от самца.

Начальник охоты с дерева увидел необъятное туловище застывшего неподвижно носорога, черные изгибы его устремленных вперед ушей, раздвинутых широким промежутком темени, похожего на толстый валик. За ушами виднелся высокий бугор массивной холки, а впереди поблескивал острый конец рога. Маленькие глазки, как показалось египтянину, смотрели вниз с тупым и даже каким-то обиженным выражением.

Через минуту носорог повернулся, и египтянин увидел его длинную, нелепо прогнутую посередине голову, крутую дугу холки, гребень проступающих на крупе костей, ноги, подобные стволам дерева, маленький, воинственно поднятый кверху хвост.

---

[1] *Орикс*, или *сернобык* — крупная антилопа, приручавшаяся в Древнем Египте.

[2] Белый носорог был распространен в древние времена значительно больше на севере Судана.

Громадный рог, не меньше трех локтей длины, сидел на носу, блестящий, очень толстый у корня, резко заостряющийся кверху. Позади него виднелся другой, более короткий и острый, с широким круглым основанием.

Сердца подбегавших людей отчаянно заколотились — зверь вблизи оказался страшным чудовищем. Восемь локтей длины было в его исполинском теле, крутая холка возвышалась на четыре локтя над землей. Носорог засопел так громко, что его отчетливо услышали все до единого человека, и стремительно кинулся на людей. С проворством, непостижимым для такого громадного и массивного зверя, носорог мгновенно оказался в середине толпы. Никто не успел даже поднять веревки. Пандион очутился в стороне от налетавшего, как буря, чудовища. Молодой эллин успел заметить только широко раздутые ноздри животного, окруженные кольцеобразными складками кожи, разорванное правое ухо и кожу на боку, покрытую бугорками, точно наростами лишайников. Дальше все спуталось в голове Пандиона. Пронзительный вопль разнесся по степи, нелепо искривленная человеческая фигура на мгновение взвилась в воздух. Носорог проложил широкую дорогу в толпе рабов, промчался дальше в степь, оставляя за собой несколько распростертых тел, повернулся и снова бросился на несчастных. На этот раз стремительно двигавшуюся массу облепили со всех сторон человеческие тела. Но чудовище состояло из сплошных мышц и толстых костей, одетых твердой, как панцирь, шкурой. Люди разлетелись в разные стороны, и опять носорог принялся топтать, давить и протыкать рогом поверженных рабов. Пандион, бросившийся вперед вместе с другими, был остановлен тупым страшным ударом и, оглушенный, оказался на четвереньках. Протяжные стоны и громкие крики неслись по поляне, в воздухе заклубилась пыль. Начальник охоты, неистово кричавший с дерева, подбадривая рабов, теперь замолк и растерянно смотрел на битву. Еще ни одна веревка не захватила гиганта, а не менее тридцати человек было ранено или убито. Воины, побледневшие и дрожащие, укрывались за деревьями, моля богов Та-Кем о спасении. В третий раз повернулось чудовище, и, хотя люди невольно расступились перед его стремительным телом, носорог успел пронзить рогом младшего из этрусков — Ремда. Животное с резким фырканьем неистово металось среди людей, топча их и бодая. Из ноздрей зверя летела пена, маленькие глазки горели злобой.

Кави с яростным воплем бросился на чудовище, но его веревка скользнула по рогу; сам этруск отлетел в сторону, обливаясь кровью,— вся кожа с плеча и груди оказалась содранной жесткой шкурой носорога.

Кави с трудом поднялся, рыдая от бессильной ярости. Подавленные силой носорога, люди пятились от чудовища, наименее стойкие прятались за спины товарищей.

Казалось, еще немного — и все в страхе разбегутся куда попало, простясь с мыслью о свободе.

Опять носорог бросился на людей, снова послышались вопли. Кидого выступил вперед. Ноздри негра раздулись, в нем загорелся тот боевой огонь, который раждается при смертельной опасности, когда человек забывает обо всем, кроме необходимости сражаться, сражаться во имя жизни. Отскочив от страшного рога, грозившего неминуемой гибелью, Кидого метнулся вслед за проскочившим мимо чудовищем и, не помня себя, вцепился ему в хвост. Пандион, очнувшийся от потрясения, поднял с земли валявшуюся сеть. В этот момент он почувствовал, что должен быть впереди товарищей, которые телами заслонили его, оглушенного. Смутное воспоминание мелькнуло в голове эллина — поляна на

Крите, опасная игра с быком. Носорог был мало похож на быка, но Пандион решил использовать критский прием. Перебросив через плечо свернутую сеть, Пандион бросился к носорогу. Зверь в это время остановился, брыкнув задними ногами, поднял тучу пыли и далеко отбросил Кидого. Поняв план Пандиона, два ливийца сбоку отвлекли внимание зверя, а молодой эллин прыжком настиг чудовище и прижался к его боку. Носорог молниеносно повернулся — кожа Пандиона разодралась о твердую шкуру. Пандион почувствовал страшную боль, но, забыв обо всем, вцепился в ухо чудовища. Как некогда девушка на Крите, Пандион перебросил тело через туловище зверя и очутился на его широкой спине. Носорог заметался. Пандион цеплялся изо всех сил. «Только бы удержаться, удержаться»,— вертелось в мозгу молодого эллина.

И Пандион удержался ровно столько мгновений, чтобы успеть набросить край сети на морду чудовища. Рога прошли между петлями, буйная радость обожгла Пандиона, но в это же мгновение он перестал видеть окружающее и потерял сознание. Что-то хрустнуло, страшная тяжесть навалилась на него, в глазах разлился мрак.

Увлеченный боем, Пандион не видел, что Кидого, рыча, как лев, опять вцепился в хвост носорога, что десять ливийцев и шесть аму ухватились за сеть, облепившую голову зверя. Стараясь стряхнуть людей, носорог повалился на бок. Он сломал руку и ключицу тяжело ударившемуся о землю молодому эллину. Падение чудовища было немедленно использовано людьми. Рабы с криками навалились на носорога, вторая сеть опутала голову, две петли охватили заднюю ногу, одна — переднюю. Фырканье носорога перешло в утробный рев, зверь перекатился на левый бок, потом на спину, своей тяжестью ломая кости людям. Сила чудовища казалась безграничной. Шесть раз зверь вскакивал, путаясь в веревках, и опять опрокидывался на спину, уничтожив более пятидесяти человек.

Но веревки и ремни все гуще опутывали его ноги, люди стягивали крепкие петли. Три сети обхватили носорога сверху и снизу. Скоро кучка окровавленных людей в поту и грязи лежала на чудовище, придавливая к земле бешено брыкавшегося носорога. Шкура чудовища, залитая человеческой кровью, стала скользкой, скрюченные пальцы скользили по ней, но веревки стягивались все крепче. Даже те, на которых рухнула в последний раз тяжелая туша зверя, в предсмертных усилиях цепко держались за петли.

Охотники приблизились к поверженному носорогу, неся новые связки ремней, скрутили наперекрест все четыре столбообразные ноги, а голову за рог припутали к передним ногам.

Страшная битва была кончена.

Обезумевшие люди медленно приходили в себя, мускулы израненных тел дрожали, словно в лихорадке, и в невидящих глазах плавали черные пятна.

Наконец биение отчаянно колотившихся сердец замедлилось, там и сям послышались вздохи облегчения — люди начинали понимать, что смерть миновала их. Встал, шатаясь, покрытый кровавой грязью Кави; подошел, весь дрожа, но уже улыбаясь, Кидого. Улыбка негра сразу слетела с посеревшего лица, когда он не увидел среди живых своего друга Пандиона.

Уцелело семьдесят три человека, остальные были убиты или получили смертельные увечья. Этруск и Кидого отыскали Пандиона среди мертвых тел в истоптанной траве и отнесли его в тень. Кави исследовал молодого эллина и не нашел на нем смертельных повреждений. Ремд был мертв, погиб и пылкий вожак аму, а храбрый ливиец Ахми тяжко стонал, умирая с раздавленной грудью.

Пока рабы считали свои потери и перетаскивали умиравших в тень деревьев, воины принесли от реки громадную платформу из дерева — дно от приготовленной для носорога клетки, взвалили на нее связанное чудовище и поволокли на катках к реке.

Кави подошел к начальнику охоты.

— Прикажи им,— этруск показал на воинов,— помочь нам отнести раненых.

— Что ты хочешь с ними делать? — спросил начальник, с невольным уважением оглядывая мощного этруска, измазанного в крови и пыли, лицо которого было полно суровой печали:

— Мы повезем их вниз: может быть, некоторые доживут до Та-Кем и его искусных врачей... — хмуро ответил Кави.

— Кто сказал тебе, что вы вернетесь в Та-Кем? — перебил начальник.

Этруск вздрогнул и отступил на шаг.

— Как, разве слова владыки Юга были ложью? Разве мы не свободны?! — закричал Кави.

— Нет, великий не солгал тебе, презренному,— вы свободны! — И с этими словами начальник охоты протянул этруску маленький свиток папируса.— Вот его указ.

Кави бережно взял драгоценный листок, превращавший рабов в свободных людей.

— Если так, то почему...— заговорил он.

— Замолчи,— надменно перебил начальник,— и слушай. Вы свободны здесь,— начальник охоты налег на последнее слово,— и можете идти куда хотите: туда или туда,— рука начальника указала на запад, на юг и на восток,— но не в Та-Кем и не в подвластную ему страну Нуб. Если ослушаетесь — опять станете рабами. Я полагаю,— жестко закончил он,— что, подумав на свободе, вы все вернетесь к ногам нашего господина исполнять начертанное вам судьбой служение избранному народу Черной Земли.

Кави сделал два шага вперед, глаза его загорелись. Он протянул руку к одному из воинов, растерянно взглянувшему на начальника охоты, и смелым движением вырвал у него из-за пояса короткий меч. Этруск поднял блестевшее оружие лезвием кверху, поцеловал его и быстро заговорил на своем не понятном никому языке:

— Клянусь верховным богом молнии, богом смерти, чье имя я ношу, что наперекор злодействам проклятого народа я вернусь живым на родину! Клянусь, что с этого часа я не успокоюсь, пока с сильным отрядом не приду на берега Кемт и не воздам сполна за все это!

Кави обвел рукой поляну с разбросанными на ней телами и с силой швырнул меч себе под ноги. Оружие глубоко воткнулось в землю. Этруск резко повернулся и пошел к товарищам, но вдруг возвратился.

— Я больше ни о чем не прошу тебя,— сказал он начальнику охоты, удалявшемуся с последней группой воинов,— только прикажи оставить нам несколько копий, ножей и луков. Мы должны охранять своих раненых от ночных хищников.

Начальник охоты молча кивнул головой и скрылся за кустами по широкому следу примятой травы, проложенному увезенной к реке платформой с носорогом.

Кави передал товарищам весь разговор. Крики гнева, сдержанные проклятия и бессильные угрозы смешались с тихими, жалобными стонами умирающих.

— О том, что делать, подумаем после! — крикнул Кави.— Сейчас нужно решить, как поступить с ранеными. До реки далеко, мы устали и

не донесем товарищей. Отдохнем немного, и пусть пятьдесят человек пойдут к реке, а двадцать останутся на страже — кругом много хищных зверей.

Кави указал на мелькавшие поодаль в траве покатые пятнистые спины гиен, привлеченных запахом пролитой крови. Огромные птицы с голыми шеями кружили над поляной, спускались и снова взлетали.

Пылала накаленная солнцем сухая земля, едва заметно дрожала сетка солнечных пятен под деревьями, грустно звучали в знойной тишине крики дикого голубя. У людей прошел азарт боя, заболели полученные ушибы, горела и саднила содранная кожа.

Смерть Ремда повергла Кави в уныние — юноша был единственной нитью, связывавшей этруска с далекой родиной. Теперь эта тонкая нить оборвалась.

Кидого, забыв о своих ранах, сидел над Пандионом. Молодой эллин, видимо, получил еще какое-то внутреннее повреждение и не приходил в сознание. Сквозь запекшиеся губы чуть слышным, свистящим звуком прорывалось дыхание. Негр несколько раз посматривал на молча лежавших в тени товарищей и наконец вскочил, призывая идти к реке за водой для раненых.

С невольными стонами люди начали подниматься. Сразу подступила нестерпимая жажда, жаля и разъедая горло. Если так захотели пить уцелевшие, то что же терпели раненые, немые от потери сил! А до реки напрямик было не меньше двух часов быстрой ходьбы.

Неожиданно за кустами послышались голоса — отряд воинов, численностью до полусотни, нагруженный сосудами с водой и пищей, показался на поляне. В составе отряда не было египтян — пришли только нубийцы и негры под предводительством двух проводников.

Подошедшие воины сразу умолкли, едва только увидели место побоища. Они направились к дереву, под которым стоял Кави, и, не проронив ни слова, составили к его ногам глиняные и деревянные сосуды, положили с десяток копий, шесть луков с колчанами, полными стрел, четыре тяжелых ножа и четыре маленьких щита из бегемотовой шкуры, усаженных медными бляшками. Люди с жадностью бросились к кувшинам. Кидого схватил нож и, злобно вращая глазами, заявил, что убьет первого, кто возьмет воду. Воду из двух сосудов поспешно стали вливать в пересохшие рты раненых, потом напились остальные. Воины ушли, так и не сказав ничего.

Среди рабов нашлось двое умевших лечить раны; они принялись вместе с Кави перевязывать товарищей. Сломанные кости Пандиона были заключены в лубки из твердой коры, замотаны полосками ткани из его же набедренной повязки. При этом Кидого увидел сверкающий голубовато-зеленый камень, который был крепко завязан в материю. Негр бережно спрятал его, считая волшебным амулетом товарища.

Лубки пришлось наложить еще двум раненым: одному ливийцу с переломом руки и сухому, мускулистому негру, беспомощно лежавшему с переломленной ниже колена ногой. Состояние остальных было, по-видимому, безнадежно — страшный рог чудовища проник глубоко, повредив внутренности. Некоторые были размозжены тяжестью громадного тела носорога и его колоннообразных ног.

Не успел Кави оказать помощь всем раненым товарищам, как среди желтой травы показался темный силуэт спешившего к месту сражения человека. Это был один из местных жителей; он приводил воинов с водой и теперь снова возвращался.

Задыхаясь от быстрой ходьбы, нубиец подошел к Кави и протянул ему

обе руки ладонями вверх. Этруск понял этот жест дружбы и ответил тем же. Тогда проводник присел на корточки в тени дерева, опираясь на свое длинное копье, и быстро заговорил, показывая в сторону реки и на юг. Произошла заминка: нубиец знал не больше десяти слов на языке Та-Кем, а Кави вовсе не понимал нубийца, однако в числе рабов нашлись переводчики.

Оказалось, что проводник отстал от отряда воинов и спешно вернулся, чтобы помочь рабам найти дорогу. Нубиец уверял, что освобожденных рабов прогнали из области, подвластной Та-Кем, а поэтому возвращаться к реке для них опасно — они могут опять очутиться в рабстве. Проводник посоветовал Кави идти на запад, где скоро им попадется огромная сухая долина. По ней нужно направиться на юг; там, в четырех днях пути, они встретят мирных кочевников-скотоводов.

— Ты отдашь им вот это,— нубиец извлек из перекинутого через плечо куска ткани какой-то знак, составленный из переплетенных особым образом и изломанных красных веточек,— тогда они примут вас хорошо и дадут ослов для перевозки раненых. Еще дальше на юг будут владения богатого и мирного народа, который ненавидит Кемт. Там раненые смогут вылечиться. Чем дальше к югу, тем больше будет воды, тем чаще будут литься дожди. В сухом русле, по которому пройдет путь вначале, вы всегда найдете воду, если выкопаете яму в два локтя глубины....

Нубиец встал, торопясь уйти, и Кави хотел поблагодарить его, как вдруг к проводнику подскочил один из рабов-азиатов с длинной, всклокоченной и грязной бородой, с шапкой лохматых волос на голове.

— Почему ты советуешь идти на запад и на юг? Наш дом там! — Азиат указал на восток, в сторону реки.

Нубиец пристально посмотрел на говорившего и медленно ответил, разделяя слова:

— Если ты переберешься через реку, на востоке будет каменистая, безводная пустыня. Если ты перейдешь ее и перевалишь через высокие горы, придешь к берегу моря, где владычествует Та-Кем. Если ты сумеешь переплыть море, там, говорят, пустыни еще страшнее. А в горах и по реке Ароматов живут племена, поставляющие в Та-Кем рабов в обмен на оружие. Думай сам!

— А на север нет пути?— вкрадчиво спросил один из ливийцев.

— На севере в двух днях отсюда тянется необъятная пустыня: сначала сухие камни и глина, затем пески. Зачем же ты пойдешь туда? Может быть, там есть какие-нибудь дороги и источники, но я их не знаю. Говорю про путь самый легкий и тот, который знаю хорошо...— И, жестом показав, что разговор окончен, проводник вышел из-под дерева.

Кави последовал за ним, обнял за плечи и принялся благодарить, мешая египетские и этрусские слова, потом подозвал переводчика.

— Мне нечего дать тебе, у меня самого нет ничего, кроме... — этруск дотронулся до измазанной набедренной повязки,— но в сердце я сохраню тебя.

— Я помогаю вам не для платы, а повинуясь сердцу,— ответил, улыбнувшись, нубиец.— Кто из нас, изведавших гнет Черной Земли, откажется помочь вам, храбрецам, освободившимся такой страшной ценой?! Смотри же, послушайся моего совета и сохрани знак, данный тебе... Еще скажу: источник воды от вас направо, в двух тысячах локтей — вон там, где купались носороги, но лучше всего сегодня же, до наступления ночи, уйти отсюда. Прощай, смелый чужеземец! Привет твоим храбрым товарищам! Я спешу.

Проводник скрылся, а Кави, задумавшись, смотрел ему вслед.

Нет, сегодня они не смогут уйти отсюда и бросить умирающих товарищей на растерзание гиенам. Если вода близко, то тем более нужно оставаться на месте.

Кави вернулся к товарищам, которые обсуждали, что делать дальше. Утолив жажду и подкрепившись пищей, люди стали рассудительнее и осторожно взвешивали последующие действия.

Для всех было ясно, что на север идти невозможно — нужно скорее удаляться от реки, но в вопросе о том, идти ли на юг или на восток, мнения разделились.

Азиаты, составляющие почти половину уцелевших рабов, не хотели углубляться в страну черных и отстаивали путь на восток. По уверениям нубийцев, за три недели можно было добраться до берегов узкого моря, разделявшего Нубию и Азию, и жители этой страны готовы были решиться снова на путь через пустыню, чтобы поскорее вернуться домой.

Кави был захвачен в рабство во время военного похода. У него в родных местах осталась семья, и он колебался: такой заманчивой казалась ему возможность быстрого возвращения. Изгнание из Кемт явилось для него тяжким ударом, ибо проще всего было вернуться через Кемт, спустившись в лодке по реке вниз до моря. Но опытный, много скитавшийся воин понимал, что кучка людей, затерянная во враждебной стране и в особенности в пустынях, где все колодцы наперечет, сможет просуществовать разве лишь чудом. А чудес в судьбе этруска еще не встречалось, и он не очень в них верил.

Вмешался Кидого, оставивший своего друга для того, чтобы принять участие в совете.

В первый раз негр рассказал о себе. Оказалось, что Кидого был сыном гончара и происходил из богатого и многочисленного народа, обитавшего у морского побережья на западной окраине страны черных. Там в сушу глубоко вдавался огромный залив, называемый Южным Рогом[1]. Кидого не знал отсюда дороги в родные места, попав в плен на краю великой пустыни, когда держал путь в Кемт, обуреваемый желанием посмотреть чудеса искусного мастерства этого народа. Однако негр рассчитывал, что его страна должна была находиться недалеко на юго-запад от места сражения. Кидого уверял, что сможет узнать правильный путь от того племени, к которому направлял их проводник-нубиец. Кидого обещал всем товарищам гостеприимство, если только они сумеют дойти до той области, где обитает его народ, а этруску заявил, что, по рассказам, слышанным в детстве, корабли людей, похожих на него и на Пандиона, приплывали в его страну из северного моря. Кави, взвесив все, посоветовал товарищам послушаться проводника и уходить на юг. После слов Кидого неведомая страна черных ему не казалась более враждебной. Море, свободное, не подчиненное ненавистному Та-Кем, давало возможность достигнуть родины. Этруск больше верил морю, чем пустыне.

Азиаты протестовали, не соглашались, ливийцы поддерживали этруска, а про негров нечего было и говорить: все они готовы были идти на юг и на запад — там была их дорога в родные страны.

Азиаты уверяли, что совершенно неизвестно, как отнесутся к ним кочевники и особенно тот многочисленный и богатый народ, о котором говорил проводник-нубиец, что знак, данный им этруску, может быть ловушкой и все они снова попадут в плен.

Тогда негр, лежавший со сломанной ногой, криками и жестами обратил на себя внимание. Торопливо, проглатывая слова и брызжа слюной,

---

[1] *Южный Рог* — древнее название Гвинейского залива.

он говорил что-то, силясь улыбнуться и часто ударяя себя в грудь. Из всей бурной речи, с целым потоком незнакомых слов, Кави понял, что негр принадлежит к тому народу, до которого советовал добраться с помощью кочевников проводник, и что он клянется в миролюбивости своих соплеменников.Тогда этруск решился и стал на сторону негров и ливийцев, против азиатов, продолжавших отстаивать свой план. Но солнце уже склонилось к закату, нужно было подумать о воде и о ночлеге. Этруск предложил каждому подождать до утра. Как ни хотелось всем уйти от ужасного, усеянного трупами места, пришлось остаться на поляне, чтобы не мучить напрасно умирающих, перетаскивая их. Десять человек отправились к указанному нубийцем роднику и принесли полные кувшины мутной теплой воды с запахом глины. По совету негров между деревьями был сооружен вал из колючих веток для защиты от нападения гиен. Со стороны, обращенной к поляне, запылали три костра. Три человека остались дежурить у раненых, десять с копьями уселись у костра. Ночь в этих местах наступает быстро. Еще светились на западе облака, а с севера и востока уже катился черный вал наступающей темноты, затопляя вершины деревьев и зажигая над ними бесчисленные огоньки звезд. Скоро незнакомый с южными странами Кави понял, почему проводник советовал им поскорее уйти отсюда. Вопли шакалов хором поднялись к небу, отрывистый истерический хохот гиен раздавался вокруг. Казалось, сотни зверей сбежались отовсюду, чтобы пожрать не только трупы, но и оставшихся в живых. С поляны доносились возня, рычание, хруст и громкое чавканье. Сладковатый запах быстро разложившихся на жаре трупов распространялся повсюду.

Люди кричали, бросали комья земли и камни, выступали вперед с горящими головнями, но напрасно — хищников становилось все больше.

Вдруг за колючей загородкой послышалось глухое хрипение, громовой рев словно растекся по земле, сотрясая почву. Звери, грызшиеся на поляне, утихли; люди, проснувшись, вскочили; в наступившей тишине громче застонали раненые. Рев приближался — низкий звук невероятной силы, казалось, исходил из огромной трубы. Смутный большеголовый силуэт промелькнул у крайнего дерева — к испуганным людям подходил большой густогривый лев, а впереди него неслышно скользила гибкая, тонкая львица. Копья повернулись в сторону зверей, слабо отблескивая медными наконечниками в пламени неярко горевших костров. Люди с криками швыряли головни в львов, рискуя поджечь траву. Ошеломленные хищники остановились, потом отошли на поляну. Долго стояли люди с копьями наготове, до боли сжимая в руках древки, но нападения не последовало.

Не успели отдыхавшие задремать, как опять гром львиного рева потряс воздух, за ним последовал другой, третий. Не меньше трех львов бродило вокруг, с появившейся ранее львицей было четыре. Люди поняли, какой непростительной беспечностью с их стороны была небрежно построенная низкая загородка. Четыре человека с копьями стояли наготове, чтобы отразить возможное нападение сзади, шесть копейщиков оставались стоять за кострами. Никто не спал: вооружаясь кто чем мог, люди зорко вглядывались в темноту. Новый рев потряс воздух, и у крайнего костра появился огромный лев со светлой гривой. Колеблющееся пламя увеличивало размеры хищника, глаза его, устремленные на людей, излучали зеленое сияние. На несчастье, поблизости стоял один из неопытных в охоте северных азиатов с луком. Устрашенный львиным ревом, он послал меткую стрелу прямо в морду хищника. Рев оборвался протяжным стоном, перешел в хриплый кашель и умолк.

— Берегись! — отчаянно крикнул один из нубийцев.

Тело льва взвилось в воздух, хищник прыжком пересек линию костров и очутился среди людей. Победителей носорога нелегко было привести в смятение: копья остановили льва, впившись ему в бока и грудь, четыре стрелы пронзили гибкое туловище. Два копья с сухим треском сломались под ударами тяжелой лапы, и в этот же момент три великана-негра, прикрываясь щитами, вонзили хищнику в грудь длинные ножи... Лев протяжно и жалобно заревел; люди, обагренные кровью, отскочили, и вдруг наступило молчание.

Оглушительный вопль победы прокатился по степи. Тело убитого льва было выброшено перед кострами, а товарищи взялись за перевязку двух новых раненых, еще дрожавших в боевой лихорадке.

Хищники бродили вокруг до рассвета, время от времени издавая потрясающий рев. Ни один из львов не решился повторить нападение.

С рождением нового дня, вставшего в ослепительном блеске, умерли пять тяжелораненых. Еще семь человек оказались мертвыми — ночью в суматохе со львом никто не заметил, когда это произошло. Ахми еще дышал, изредка шевеля серыми губами.

Пандион лежал с открытыми глазами, грудь его поднималась в спокойном и ровном дыхании. Наклонившийся над ним Кидого с ужасом понял, что друг не видит его. Однако принесенную воду Пандион сразу выпил и медленно опустил веки.

После завтрака из остатков вчерашней пищи Кави предложил выступать. Азиаты, сговорившись еще ночью, взбунтовались. Они кричали, что в этой стране, населенной таким множеством страшных зверей, они неминуемо погибнут, что нужно спасаться из этой роковой степи, что пустыня привычнее и безопаснее. Как ни уговаривали их Кави и чернокожие, азиаты остались непреклонными.

— Хорошо, пусть будет так,— сказал этруск, решившись.— Я иду на юг с Кидого. Кто с нами — подойдите сюда, кто на восток — отойдите налево.

Немедленно вокруг этруска образовалась толпа черных и светло-бронзовых тел — негры, нубийцы и ливийцы. К Кави присоединились тридцать семь человек, не считая Пандиона и лежавшего на земле негра со сломанной ногой, который напряженно следил за происходящим, приподнявшись на локте.

Тридцать два человека перешли налево и стояли, упрямо опустив головы.

Оружие и сосуды для воды были разделены пополам между обеими партиями, чтобы азиаты не связывали свою возможную неудачу с тем, что их обделили товарищи.

Их длиннобородый вождь, едва только дележ был окончен, повел людей на восток, к реке, как будто опасался, что привязанность к товарищам поколеблет их решимость. Оставшиеся долго смотрели вслед храбрым друзьям, отделившимся от них на пороге свободы, затем с грустными вздохами вернулись к своим делам. Удача или смерть постигнут товарищей — никогда не узнают они об этом, так же как и доблестные азиаты не будут ничего знать об их неверной судьбе. «Никогда» — вот страшное слово, столь неизбежное для разделенных пространствами разных народов.

Этруск и Кидого, осмотрев Пандиона и раненого негра, перенесли их к другому дереву, с тонкими ветками. Когда попробовали приподнять Ахми, из горла ливийца вырвался ужасный вопль, и жизнь покинула мужественного борца за свободу.

Кави посоветовал ливийцам поднять мертвого на дерево и крепко привязать его веревками. Это было тотчас же выполнено; хотя люди зна-

ли, что труп будет растерзан хищными птицами, но это казалось менее отвратительным, чем дать пищу вонючим гиенам. Молча, не сговариваясь, Кави и Кидого срубили несколько ветвей.

— Что ты делаешь? — спросил, подойдя к этруску, один из высоких негров.

— Носилки. Мы с Кидого понесем его,— Кави указал на Пандиона,— а вы понесете этого,— этруск кивнул в сторону негра с ногой в лубке.— Ливиец пойдет без нашей помощи, с рукой на перевязи...

— Мы все понесем того, кто первый вскочил на носорога,— ответил негр, обратившись к товарищам.— Храбрец спас всех. Разве мы можем забыть это? Подожди, мы лучше умеем делать носилки.

Четыре негра ловко принялись за работу. Скоро носилки были готовы: длинные палки, переплетенные веревками,— на месте битвы их осталось много. Между палками негры устроили двойные поперечные распорки, в середине укрепили круглые подушки из твердой коры, обмотанные кусками львиной шкуры. Негр со сломанной ногой следил за работой, радостно улыбаясь; темные глаза его с преданностью смотрели в лица товарищей.

Раненых положили на носилки. Все было готово. Чернокожие попарно стали у носилок и разом подняли их на вытянутых руках, старательно умостив подушки на головах. Затем носильщики двинулись вперед, размеренно и легко шагая.

Так, не приходя в сознание, Пандион двинулся в неведомый путь.

Два нубийца и негр, вооруженные копьями и луком, взяв на себя обязанность проводников, шли впереди, остальные тридцать человек потянулись гуськом вслед за носилками. В самом хвосте шествия еще трое несли два копья и лук. Путники пошли краем поляны на запад, стараясь не смотреть на останки товарищей и унося щемящее чувство вины, что не смогли уберечь их тела от ночных пожирателей падали.

После полдневного отдыха отряд скоро достиг широкого высохшего русла, еще издали выделявшегося на желтой степи двумя полосками окаймлявших его берега кустарников.

По руслу повернули прямо на юг и, не останавливаясь, шли до заката. В этот день не пришлось копать яму для воды — небольшой источник выбивался на поверхность из щели между двумя плитами грубозернистого сыпного камня; но людям пришлось основательно потрудиться над местом для ночлега, обнеся его валом из колючих ветвей. Ночью все мирно спали, не пугаясь отдаленного рычания льва и сновавших в темноте гиен.

Второй и третий день пути прошли спокойно. Только раз видели издалека черную глыбу пробиравшегося в траве носорога с опущенной головой. Люди в смятении остановились — пережитое вновь ожило в их памяти, грозное и незабываемое. Путники прилегли в траве. Носорог поднял голову; опять, как и в тот страшный час, люди увидели изогнутые, широко расставленные уши и торчащий между ними конец рога. Складки толстой кожи обрамляли плечи животного и нависали у начала расставленных передних ног, утопавших в траве. Массивное чудовище неподвижно постояло и, повернувшись, двинулось в прежнем направлении.

Небольшие стада маленьких желто-серых антилоп попадались часто; убитые стрелами животные служили вкусной пищей.

На четвертый день сухое русло расширилось и исчезло, желтая глинистая почва уступила место странной ярко-красной земле[1], тонким слоем

[1] Подразумевается *латерит* — красная железистая почва , образующаяся в южных странах при выветривании изверженных пород.

покрывавшей раздробленный гранит. Округлые холмы гранита выступали темными пятнами на красной унылой равнине. Трава исчезла, вместо нее из земли торчали жесткие листья, похожие на воткнутые прямо в рыхлую почву связки острых и узких мечей[1]. Проводники тщательно обходили заросли этих растений с острыми, режущими, как бритва, краями жестких листьев.

Красная долина расстилалась впереди, розовые клубы пыли вихрились, поднимаясь столбами и рассеивая блеск солнечных лучей. Жара истомила идущих, но люди продолжали путь, тревожась, что эта безводная равнина окажется очень большой. Русло с его подземным потоком воды осталось позади. Кто знает, когда удастся найти воду, столь необходимую человеку в этой жаркой стране!

С вершины одного из гранитных холмов заметили, что вдали пролегает золотистая черта — там, видимо, кончалась красная почва и вновь шла травянистая степь. Действительно, тени удлинились только наполовину от полудня, а путники уже шагали по шелестящей траве, более низкой, чем раньше, но зато и более густой. В стороне виднелось широкое зеленое облако, казалось, парившее в воздухе над синевато-черным пятном собственной тени — могучее «дерево гостей» приглашало под свой кров. Проводники повернули к нему. Утомленные люди прибавили шагу, и скоро носилки с ранеными стояли в тени у ствола, глубоко разделенного продольными желобами на отдельные закругленные ребра.

Несколько негров составили живую лестницу и взобрались на могучие ветви. Восторженные вопли послышались сверху — чернокожие не ошиблись в своих расчетах: внутреннее дупло толстого ствола, не менее пятнадцати локтей в поперечнике, содержало воду недавних дождей. Сосуды наполнились прохладной темной водой. Негры сбросили сверху длинные, заостренные с обоих концов плоды громадного дерева. Каждый плод, в человеческую голову величиной, содержал под своей тонкой твердой скорлупой желтоватое мучнистое вещество, кисло-сладкое, замечательно охлаждавшее горячие, пересохшие рты путников. Кидого разбил два плода, отделил множество мелких косточек, растер содержимое с небольшим количеством воды и принялся кормить Пандиона.

К радости негра, молодой эллин ел с охотой и сегодня в первый раз приподнял голову, стараясь оглядеться кругом (на носилках во время перехода лицо Пандиона обычно покрывали большими листьями, сорванными вблизи источников). Руки Пандиона с усилием дотянулись до Кидого, слабые пальцы пожали кисть негра. Широко раскрытые глаза эллина потеряли прежнюю остроту взгляда и были мутны и жалки.

Кидого взволнованно спросил друга, как он себя чувствует, но не добился ответа. Глаза раненого опять закрылись, будто слабая вспышка воскресающей жизни утомила его без меры. Кидого оставил друга в покое и поспешил передать этруску радостную весть. Кави, еще более посуровевший со страшного дня битвы, подошел к носилкам и долго сидел, вглядываясь в лицо товарища. Этруск старался, положив руку на грудь Пандиона, определить силу биения сердца юноши.

В это время раздался голос нубийца, забравшегося на верхушку дерева, чтобы осмотреть дорогу. Он кричал, что далеко впереди, почти у самого горизонта, видны темные рамки колючих изгородей, какие делают скотоводы-кочевники для защиты своих стад от хищных зверей.

Было решено заночевать под деревом и, выступив на рассвете, пораньше дойти до становища кочевников. К закату густые облака затя-

[1] Подразумевается *сансевериа* — оригинальное растение сухих латеритовых степей.

нули небо, беззвездная ночь была необычайно тиха и темна, бархатно-черная тьма не давала возможности разглядеть руку, поднесенную близко к глазам.

Вскоре извивающиеся молнии опоясали кольцом небо, рокот грома непрерывно раскатывался вдали. Количество вспышек молнии все возрастало, небо зазмеилось сотнями слепящих огней, похожих на гигантские сухие ветви. Гром сотрясал все кругом, голубой огонь ослеплял людей, желавших покинуть свое убежище. Вдали послышался шум, быстро усиливавшийся и превратившийся в рев. Это подходила стена неистового дождя. Дерево заколебалось — целое море рухнуло с неба. Каскады прохладного дождя со страшным шумом разбивались о землю, вокруг дерева сразу образовался глубокий слой воды, покрывший выступы толстых корней. В чередующейся быстрой смене тьмы и сплошного огня казалось, что вся степь неминуемо будет затоплена — настолько велика была масса дождя, низвергавшегося кругом. Однако скоро сверкание молний прекратилось, дождь стих, и звездное небо раскинулось над напившейся степью; слабый ветерок понес густое благоухание невидимых трав и цветов. Ливийцы и этруск опешили при виде грозы, показавшейся им страшной катастрофой, но негры, весело смеясь, заявили, что это самый обыкновенный в дождливое время ливень, и даже не очень сильный. Кави только покачал головой, говоря себе, что если такой дождь здесь считается обыкновенным, то, без сомнения, им придется испытать в стране черных совершенно необычайные приключения. Догадка не обманула этруска.

На следующий день пути внезапно послышался лай собаки. Из дымки испарений, скрывавшей даль, проступили длинные колючие изгороди, за которыми прятались низкие шалаши кочевников.

Толпа людей, одетых в фартуки из кожи, окружила путников. Скуластые лица были непроницаемы, узкие темные глаза недоброжелательно смотрели на египетское вооружение в руках бывших рабов. Однако знак, данный нубийцем, произвел самое благоприятное впечатление. Из толпы выделились пять человек, украшенных черными и белыми перьями, в высоких прическах, поддерживаемых круглыми плетенками из черенков листьев.

Язык кочевников был понятен нубийцам — скоро пришельцы сидели в тесном кругу слушателей, попивая кислое молоко. Рабы-нубийцы рассказывали свою историю. Перебивая друг друга, они вскакивали в воодушевлении, сопровождаемые хором удивленных восклицаний. Украшенные перьями вожди только хлопали себя по бедрам. Велика сила одинаковых чувств у людей, подверженных одинаковым невзгодам, а дружеская помощь делает чудеса!

Кочевники отрядили шесть человек с десятью ослами для облегчения пути чужеземцев. Посланные должны были проводить путников до большого селения оседлого народа, находившегося еще в семи днях пути к юго-западу, на берегу непересыхающей речки.

Носилки были переделаны и укреплены на четырех ослах, другие животные повезли воду, кислое молоко и жесткий сыр в крепких кожаных мешках. Люди, не неся тяжести, могли делать теперь большие переходы и проходили в день не меньше ста двадцати тысяч локтей.

День проходил за днем. Под знойным ослепительным солнцем лежала беспредельная степь, то истомленная жарким безмолвием, то катившая широкие волны трав под ветром. Все дальше углублялись бывшие рабы в дикие просторы юга, наполненные неисчислимыми стадами животных. Сначала непривычные глаза не разбирались в проносившихся мимо или полускрытых травою скопищах — виднелись спины, тор-

чали рога, короткие и изогнутые или длинные и прямые, как копья, или спирально закругленные. Потом путники научились различать их породы — длиннорогих ориксов, громадных и кротких красных оленебыков, косматых, с безобразной горбоносой мордой гну, антилоп величиной с маленького теленка, странных большеухих, танцевавших на задних ногах под деревьями[1].

Желтая трава в рост человека с жесткими стеблями шелестела вокруг, как необозримое хлебное поле. Ее золотящееся под солнцем пространство испещрялось пятнами свежей зелени вдоль сухих русел и луж, теперь наполнившихся водой. Вдали в поверхность степи вонзались голубые и фиолетовые отроги гор, валами вздымавшихся на горизонте.

Деревья то становились чаще, скопляясь в высокие острова, темневшие над головой, то снова разбегались в разные стороны далеко друг от друга, как стая испуганных птиц. Чаще всего это были такие же зонтикообразные акации, какие поразили Кави в момент первого знакомства с золотой степью,— колючие стволы развертывались от корня широкой воронкой, напоминая опрокинутые вершиной вниз конусы. Иногда у деревьев были более толстые и короткие стволы, также развертывавшиеся массой ветвей, и тогда их кроны, густые и темные, походили на широкие зеленые купола или опрокинутые чаши. Пальмы издалека выделялись своими парными развилинами ветвей, усаженными на концах растрепанными ножевидными перьями темных листьев.

Кави замечал, как с каждым днем негры и нубийцы, неловкие и недогадливые в Та-Кем или на воде большой реки, здесь становились все более сильными, решительными и уверенными. Угрюмый этруск замечал, что хотя его авторитет предводителя и остается непоколебимым, но сам он теряет уверенность в себе на этой чужой земле, с неведомыми ему законами жизни.

Ливийцы, так хорошо проявившие себя в пустыне, казались беспомощными. Они боялись степи, населенной тысячами зверей, в траве им чудилось множество опасностей, невиданные угрозы сопровождали каждый их шаг.

Путь и в самом деле был нелегким. Встречались заросли травы, шишки которой источали миллионы мелких колючек[2], впивавшихся в кожу, вызывая нестерпимый зуд и нагноение. Множество хищников укрывалось в жаркие часы дня под деревьями. Иногда в тени, казавшейся черной пещерой, между пучками ярко освещенной травы возникала гибкая пятнистая фигура леопарда.

Негры с изумительной ловкостью подкрадывались к красным антилопам, и сочное, вкусное мясо всегда было в изобилии у бывших рабов, все более крепнувших от сытной пищи. Когда вдали появлялась масса серочерных тел огромных быков[3] с широкими, опущенными вниз рогами, негры подавали тревожный сигнал, и отряд поспешно отступал к ближайшим деревьям, спасаясь от этих страшных обитателей африканских степей.

Проводники, должно быть, неточно оценили расстояние: путники двигались уже девять дней, а признаков близости человеческого жилья все еще не встречалось. Рука ливийца зажила, негр со сломанной ногой уже сидел на носилках и вечером на привалах весело подпрыгивал и смешно ковылял около костра, радуя товарищей своим выздоровлением.

---

[1] Подразумевается *антилопа Уэллера* (геренук) с длинной шеей, встающая на задние ноги, чтобы достать листья деревьев.

[2] Колючие шишки травы асканита.

[3] Африканские буйволы.

Только Пандион по-прежнему лежал немой и безучастный, хотя теперь Кидого и Кави заставляли его больше есть.

А буйная жизнь степи все больше расцветала вокруг от дождей. Миллионы насекомых гулко звенели и жужжали над травой, яркие птицы мелькали синими, желтыми, изумрудно-зелеными и бархатно-черными видениями среди переплета серых корявых ветвей. В знойном воздухе все чаще раздавались звучные крики маленьких дроф: «мак-хар! мак-хар!»

Кави ближе познакомился с исполинами Африки.

Бесшумные и спокойные серые глыбы слонов нередко проплывали над травой, гигантские кожистые уши топырились в сторону людей, блестящая белизна бивней резко выделялась около извивающихся темных хоботов. Мощные животные нравились этруску — их мудрое поведение так сильно отличалось от беспокойства антилоп, злобы носорогов, напряженной вкрадчивости хищников. Иногда людям удавалось подглядеть отдых величественных гигантов: стадо, укрываясь в тени деревьев, неподвижно стояло, тесно скучившись. Громадные старые самцы низко склоняли свои лобастые, отягченные изогнутыми бивнями головы; самки, с более плоскими лбами, держали во сне головы выше. Один раз шедшие впереди наткнулись на одинокого старого слона. Гигант спал, стоя прямо на жаре. Он заснул, очевидно, в тени, потом солнце передвинулось, а слон, разоспавшись, не чувствовал зноя. Кави долго любовался мощным великаном.

Слон стоял, как изваяние, слегка расставив задние ноги. Опущенный хобот был согнут в кольцо, маленькие глаза закрыты, тонкий хвост свисал с покатого зада. Толстые, изогнутые бивни грозно торчали вперед, концами широко расходясь в стороны.

Там, где деревья были более редкими, часто встречались животные необычного вида. Их длинные ноги несли короткое тело с крутой, покатой назад спиной. Передние ноги были гораздо длиннее задних. Спина от массивных плеч и широкой груди переходила в необычайно длинную, наклоненную вперед шею, на которой сидела небольшая голова с короткими рожками и большими трубчатыми ушами. Это были жирафы. Животные встречались стадами от пяти до сотни штук. Незабываемое зрелище представляло собою большое стадо жирафов на открытом месте: казалось, лес, склоняемый ветром, перемещался в ярком свете, отбрасывая пятна причудливых теней. Жирафы двигались то рысью, то странными скачками, подгибая передние ноги и далеко вытягивая задние. Их пестрая шкура — светло-желтая сетка узких полосок, разделенных большими черными неправильными пятнами, удивительно походила на тень от деревьев, под которыми животные были совершенно невидимы. Они осторожно срывали губами листья с высоких ветвей, насыщаясь без жадности; их большие чуткие уши поворачивались во все стороны.

Часто над волнующимся морем травы возникал ряд шей — эти странные животные медленно двигались, неся на высоте десятка локтей от земли гордые головы с блестящими черными глазами.

Сдержанные движения жирафов были красивы, безвредные животные вызывали невольную симпатию.

Не раз путешественники слышали сквозь стену травы злобное фырканье носорога, но они уже научились избегать плохо видящих свирепых чудовищ, и возможная встреча более не повергала бывших рабов в ужас.

Путники двигались гуськом, ступая след в след по тесным коридорам высокой травы,— только копья да головы, обмотанные тряпьем и листьями, раскачивались над примятыми стеблями. По сторонам без конца тянулась однообразная колеблющаяся стена. Трава и пылающее небо пресле-

довали путников днем, травяные стены снились им по ночам, им казалось, что они навсегда затерялись в душной шелестящей бесконечности. Только на десятый день перед отрядом показалась задернутая голубой дымкой низкая гряда утесов. Поднявшись на них, путники оказались на щебнистом плоскогорье, поросшем кустарником и безлистыми деревьями, ветви которых, как множество растопыренных рук, угрюмо тянулись к небу[1]. Ядовитый зеленый цвет был одинаков у низких стволов и ветвей; деревья напоминали округлые щетки, ровно подстриженные сверху и поставленные на коротких палках. В зарослях этих деревьев господствовал терпкий, резкий запах, хрупкие ветви легко ломались от ветра, и в местах излома выделялся обильный сок. Он был похож на густое молоко и застывал длинными серыми каплями. Проводники спешили пересечь этот необычайный лес, уверяя, что если ветер окрепнет, то хрупкие деревья начнут валиться вокруг и могут передавить людей.

За деревьями опять расстилалась степь, всхолмленная и поросшая зеленой свежей травой. С вершины холма перед путниками неожиданно открылись возделанные поля, примыкавшие к полосе густого и высокого леса. В глубине леса был виден просвет, там на возвышенности расположилось множество конических хижин. Холм был обнесен массивным частоколом. Тяжелые, из неровных бревен ворота смотрели прямо на путников, украшенные вверху гирляндой побелевших на солнце львиных черепов.

Высокие суровые воины вышли из ворот навстречу медленно поднимавшемуся в гору отряду бывших рабов. Местные жители походили на нубийцев, только их кожа была несколько более светлого бронзового оттенка.

В руках воины сжимали большие копья с огромными наконечниками, похожими на узкие мечи. Воины опирались на большие щиты, разрисованные черно-белым орнаментом. Дубины из черного дерева, очень твердого и тяжелого, висели на поясах из шкуры жирафов.

Со склона холма открывалась живописная местность. На золотой степной траве четко выделялась свежая изумрудная зелень речных берегов, обрамлявшая узкую голубоватую ленту блестевшей реки. Слабо трепетали кустарники, увенчанные розовыми пушистыми клубками. С деревьев свисали гроздья желтых и белых цветов.

Долго тянулись предварительные переговоры. Переводчиком выступил негр со сломанной ногой, уверявший, что происходит из этого народа. Опираясь на палку, он поскакал на одной ноге к воинам, сделав знак своим товарищам остановиться.

Кави, раб со сломанной ногой, Кидого, один нубиец и один из кочевников были впущены в ворота и отведены в хижину вождя.

Нетерпеливо ждали возвращения товарищей оставшиеся перед воротами, неизвестность томила их. Только Пандион, неподвижный и безучастный, лежал на снятых с ослов носилках. Казалось, что прошло очень много времени. Наконец в воротах появился этруск, сопровождаемый целой толпой мужчин, женщин и детей. Жители селения приветливо улыбались, размахивали широкими листьями и говорили непонятные, но звучавшие дружелюбно слова.

Ворота раскрылись, бывшие рабы пошли между большими хижинами, сооруженными в виде правильных глинобитных колец, покрытых коническими шапками из длинных стеблей жесткой травы.

---

[1] Канделябровый молочай из группы молочайных, внешне похожий на кактус (характерное растение африканской пустыни).

На поляне под двумя деревьями стояла очень большая хижина с навесом перед входом. Здесь собрались вожди для осмотра прибывших. Вокруг теснились почти все жители деревни, взволнованные необыкновенным происшествием. По просьбе главного вождя негр со сломанной ногой повторил рассказ о страшной охоте на носорога, часто показывая на спокойно лежавшего Пандиона.

Жители селения выражали криками восторга, удивления и ужаса свои впечатления о неслыханном деле, совершенном по повелению грозного фараона Та-Кем.

Главный вождь поднялся и обратился к своему народу с короткой речью, непонятной для прибывших. Одобрительные крики были ответом. Тогда вождь подошел к выжидательно стоявшим путникам и, обведя рукой вокруг деревни, наклонил голову.

Кави через переводчика-негра поблагодарил вождя и народ за гостеприимство. Путники приглашались вечером на пир в честь их прибытия.

Толпа жителей окружила носилки Пандиона. Мужчины смотрели на раненого с уважением, женщины — с состраданием. Девушка в синем плаще смело вышла из толпы и склонилась над молодым эллином. Казалось, Пандион, загоревший за долгое время пребывания под солнцем Черной Земли и страны Нуб, отличался от других обитателей южных степей лишь светлым, золотистым тоном кожи. Однако спутавшиеся и сбившиеся кудри его отросших волос, правильные черты похудевшего лица при более близком рассмотрении выдавали происхождение чужеземца.

Движимая жалостью к красивому, беспомощно распростертому молодому герою, девушка осторожно протянула руку и ласково отодвинула со лба Пандиона прядь волос, упавших на лицо.

Медленно поднялись отяжелевшие веки, широко раскрылись глаза невиданного золотого цвета, и девушка слегка вздрогнула. Но глаза незнакомца не видели ее, потускневший взор был безучастно устремлен на качавшиеся вверху ветви.

— Ирума! — окликнули девушку подруги.

К носилкам подошли Кидого и Кави, подняли и унесли раненого друга, а девушка осталась на месте, потупив взгляд и вдруг сделавшись такой же неподвижной и безучастной, как привлекший ее внимание молодой эллин.

Глава шестая

ТЕМНАЯ ДОРОГА

Заботливый уход Кидого и Кави сделал свое дело — сломанные кости Пандиона срослись. Но прежняя сила не возвращалась к молодому эллину. Апатичный и безвольный, он целыми днями лежал в полутьме просторной хижины, вяло и односложно отвечал на вопросы друзей, нехотя ел и не делал попыток подняться. Он сильно исхудал, лицо его с запавшими, обычно закрытыми глазами обросло мягкой бородкой.

Пора было двигаться в далекую дорогу к морю и родине. Кидого давно во всех подробностях расспросил у местных жителей путь к берегам Южного Рога.

Из тридцати девяти бывших рабов, нашедших убежище в селении, двенадцать ушли в разные стороны — они жили когда-то в этой же

стране и могли без особенных трудов и опасностей скоро попасть на родину.

Оставшиеся торопили Кидого с выступлением. Теперь, когда они стали свободными и сильными, далекая родина влекла их все сильнее; каждый день, проведенный на отдыхе, казался преступлением. И поскольку их возвращение зависело от Кидого, они одолевали негра просьбами и напоминаниями.

Кидого отделывался неопределенными обещаниями — он не мог покинуть Пандиона. После этих разговоров негр часами просиживал около постели друга, терзаясь сомнениями и задавая себе один и тот же вопрос: когда же в состоянии больного наступит перелом? По совету Кави Пандиона выносили из хижины и укладывали около входа в часы, когда начинала спадать жара. Однако и это не принесло заметного улучшения. Пандион оживлялся только во время дождя — грохот грома и рев потоков заставляли больного приподниматься на локте и прислушиваться, как будто в этих звуках он улавливал неведомые остальным зовы. Кави нашел двух местных знахарей. Они окурили больного едким дымом трав, закопали в землю горшок с какими-то кореньями, но состояние молодого эллина не улучшилось.

Однажды, когда Пандион лежал около хижины и Кави, вооружась маленькой веточкой, лениво отгонял от него жужжащих мух, к ним приблизилась девушка в синем плаще. Это была Ирума, дочь лучшего охотника селения, та, которая обратила внимание на Пандиона еще в первый день прихода путников.

Девушка вынула из-под плаща тонкую, зазвеневшую браслетами руку — в ней был небольшой плетеный мешочек. Ирума сунула его Кави — этруск уже научился немного понимать туземцев,— и объяснила, что это волшебные орехи из западных лесов, которые должны излечить больного. Девушка пыталась растолковать этруску, как приготовить из них лекарство, но Кави ничего не понял. В смущении Ирума поникла головой, но сейчас же вновь оживилась, попросила этруска дать ей плоский камень, которым дробили зерна, и принести чашку с водой. Этруск, ворча что-то себе под нос, направился в хижину. Девушка оглянулась по сторонам и опустилась на колени у изголовья больного, вглядываясь в его лицо. Маленькая рука легла на лоб Пандиона. Послышались тяжелые шаги Кави, и девушка поспешно отдернула руку.

Она высыпала из мешочка орехи, похожие на каштаны, разбила их, растерла ядрышки на камне и превратила в жидкую кашицу, смешав с молоком, принесенным только что пришедшим Кидого. Негр, едва увидев орехи, испустил радостный вопль и весело запрыгал вокруг хмурого этруска.

Кидого объяснил недоумевающему Кави, что в западных лесах и в лесах его родины растет небольшое дерево со стройным стволом. Ветки дерева постепенно укорачиваются к вершине, так что оно кажется заостренным кверху[1]. На нем растет множество орехов, обладающих чудесным свойством исцелять больных, возвращать силы изнуренным, уничтожать усталость и давать веселье и радость здоровым.

Девушка накормила больного кашицей из волшебных орехов, затем все трое уселись у постели и стали терпеливо ожидать. Прошло несколько минут. Слабое дыхание Пандиона сделалось сильным и мерным, кожа на запавших щеках порозовела. С этруска слетела его угрюмость. Он как

[1] Дерево из семейства стеркулиевых, дающее орехи кола, ныне известные во всем мире как великолепное тонизирующее средство.

зачарованный следил за действием таинственного лекарства. Вот молодой эллин громко вздохнул и вдруг, широко раскрыв глаза, приподнялся и сел.

Солнечные глаза Пандиона скользнули с этруска на Кидого и замерли, обращенные в упор на девушку. Молодой эллин с удивлением смотрел на лицо цвета темной бронзы с поразительной гладкой, какой-то очень упругой кожей.

Приспущенные внутренние уголки длинных глаз пересекались у переносицы маленькими складочками, полными лукавства. Сквозь прищуренные веки поблескивали очень ясные белки, ноздри широкого, но правильного носа нервно раздувались, утолщенные яркие губы в открытой и застенчивой улыбке обнажали жемчужный ряд крупных зубов. Все ее круглое лицо было так полно задорного и нежного лукавства, что Пандион невольно улыбнулся. И тотчас золотистые глаза молодого эллина, за минуту до этого тусклые и равнодушные, засияли и заискрились. Смущенная Ирума опустила ресницы и отвернулась.

Пораженные друзья пришли в восторг — первый раз после рокового дня битвы с носорогом их друг улыбнулся. Волшебное действие диковинных орехов было совершенно бесспорным. Пандион сидел и жадно расспрашивал товарищей о всех происшествиях со дня его ранения, перебивая их объяснения быстрыми вопросами, похожий на опьяненного чем-то человека.

Ирума поспешно удалилась, пообещав к вечеру прийти узнать о здоровье юноши. Пандион много и с удовольствием ел и продолжал расспросы. К вечеру, однако, действие лекарства прекратилось, прилив жизни угас, и снова дремотное безразличие охватило молодого эллина.

Пандион лежал в хижине. Этруск и негр советовались, нужно ли снова дать ему волшебные орехи, и решили спросить об этом у Ирумы.

Девушка пришла в сопровождении отца — высокого атлета с рубцами от львиных когтей на плечах и груди. Отец и дочь долго совещались, несколько раз охотник пренебрежительно отмахивался от девушки, сердито тряся головой, потом шумно расхохотался и слегка ударил ее по спине. Ирума досадливо передернула плечами и подошла к друзьям.

— Отец сказал — много орехов давать нельзя,— объявила она негру, видимо считая его более близким другом больного.— Орехи нужно давать один раз в середине дня, чтобы больной хорошо ел...

Кидого ответил, что знает действие этих орехов и будет делать, как ему сказано.

В это время отец девушки посмотрел на больного, покачал головой и сказал дочери несколько слов, не понятных ни Кави, ни Кидого. Ирума вдруг сделалась чем-то похожей на большую рассерженную кошку — так заблестели ее глаза. Верхняя губа чуть приподнялась, показав край зубов. Охотник добродушно усмехнулся, махнул рукой и вышел из хижины. Девушка склонилась над Пандионом и долго всматривалась в его лицо, потом, словно спохватившись, тотчас пошла к выходу.

— Завтра вечером я буду лечить его сама по обычаю нашего народа,— решительно объявила она перед уходом.— Издавна женщины так лечат у нас больных или раненых. У твоего друга ушла душа радости — без нее ни один человек не захочет жить. Нужно вернуть ее!

Кидого, подумав над словами девушки, решил, что Ирума права. Пандион после всех испытанных потрясений действительно утратил интерес к жизни. Что-то в нем надломилось. Но способ лечения, о котором говорила Ирума, негр так и не смог себе представить, как ни ломал голову. Ничего не придумав, он улегся спать.

На следующий день Кидого снова накормил друга кашицей из орехов. Пандион опять сидел, разговаривал и, к радости друзей, ел с большим аппетитом. Молодой эллин все время посматривал по сторонам и наконец спросил о вчерашней девушке. Кидого скорчил веселую гримасу, подмигнул этруску и предупредил Пандиона, что сегодня вечером эта девушка будет его лечить таинственным и никому не известным образом. Пандион сначала заинтересовался, а потом, видимо, когда окончился срок действия орехов, опять впал в обычную апатию. Тем не менее Кави и Кидого нашли, что вид больного за эти два дня значительно изменился к лучшему. Их друг ворочался чаще и дышал громче, чем обычно.

Едва солнце склонилось к западу, селение, как обычно, наполнилось едким запахом горящего хвороста и монотонным глухим стуком больших ступок, в которых женщины дробили для еды мелкие зерна какого-то возделываемого здесь растения[1].

Черной кашей из этих зерен с приправой из молока и масла питались здесь все жители.

Сумерки быстро превратились в ночь. Внезапно по затихшему селению пронесся глухой рокот барабана. Шумная толпа молодежи приблизилась к хижине трех друзей. Впереди шли четыре девушки с факелами, окружая двух согбенных старух в широких темных плащах. Юноши подхватили больного и под громкие крики толпы понесли его на другой край селения, примыкавший к расчищенной опушке леса.

Кави и Кидого последовали за толпой. Этруск недовольно посматривал по сторонам с видом, говорившим, что он не ждет ничего хорошего от этой затеи.

Пандиона принесли в огромную пустую хижину, не менее тридцати локтей в поперечнике, и уложили у центрального столба, спиной к широкому входу. Несколько факелов из рыхлого дерева, пропитанного пальмовым маслом, укрепленных на столбе, ярко освещало центр хижины. Стены под низко опускавшимися краями крыши скрывались в полумраке. Хижина была полна женщин — юные девушки и старухи сидели вдоль стен, оживленно переговариваясь. Какая-то старуха дала Пандиону темного питья, сразу подбодрившего юношу.

Из выдолбленного слонового бивня раздался резкий дрожащий звук — в хижине наступила тишина, и все мужчины поспешно покинули помещение. Этруск и Кидого, пытавшиеся остаться, были бесцеремонно вытолкнуты в темноту. Группа безобразных старух столпилась у входа, заслоняя происходившее в хижине от глаз любопытных, Кави уселся поблизости от хижины, решив ни за что не уходить до конца таинственного дела. К нему, скаля зубы и посмеиваясь, присоединился Кидого — он верил в способы лечения, существующие у южных народов.

Две девушки осторожно приподняли больного и усадили, прислонив спиною к столбу. Пандион удивленно оглядывался по сторонам, встречая в полумраке блестящие белки глаз и зубы смеющихся женщин. Хижина была увешана пучками какого-то душистого растения[2]. Широкая гирлянда шла кольцом вокруг хижины по внутреннему карнизу крыши, тонкие веточки этого же кустарника оплетали столб, к которому прислонился Пандион. Все было наполнено терпким, бодрящим ароматом расте-

---

[1] *Просо элевзина* — африканское просо с шишками, усаженными множеством мелких черных зерен.

[2] Подразумевается *элелешо* — душистое растение Судана, родственное нашему тархуну.

ния — этот запах дразнил и тревожил Пандиона, напоминая что-то бесконечно близкое и манящее, но безвозвратно забытое.

Прямо перед эллином расположились несколько женщин. При свете факелов белели две длинные изогнутые трубы из слоновых клыков, круглыми боками выделялись темные барабаны — отрезки выдолбленных толстых стволов дерева.

Снова прозвучал дрожащий звук трубы. Старухи поставили перед Пандионом деревянную статуэтку женщины, почерневшую, с грубо выделенными мощными формами.

Высокие женские голоса начали тихую песню — полились медленные переливы гортанных звуков и тоскливых вздохов, убыстрявшиеся и нараставшие, ширясь и поднимаясь все выше, порывисто и стремительно. Внезапно гулкий удар барабана потряс воздух. Пандион невольно вздрогнул. Песня умолкла, на грани света и тени показалась девушка в синем плаще, уже знакомая Пандиону. Она вступила в освещенный факелами круг и как бы в нерешительности остановилась. Опять зазвучала труба, ее стон был подхвачен неистовым воплем нескольких старух. Девушка отбросила назад плащ и осталась в пояске из плетеной гирлянды душистых ветвей.

Свет факелов переливался туманными бликами на блестящей темно-бронзовой коже. Глаза Ирумы были сильно подкрашены синевато-черной краской, на руках и ногах сверкали начищенные медные кольца, недлинные, круто вьющиеся черные волосы разметались по гладким плечам.

Мерно и глухо зарокотали барабаны. В такт их медленным ударам девушка, тихо переступая голыми ногами, приблизилась к Пандиону и гибким, звериным движением склонилась перед статуэткой неведомой богини, простирая вперед руки в томительном и страстном ожидании. Восхищенный Пандион следил за каждым жестом Ирумы. Сейчас и тени лукавства не было в лице девушки — серьезная, строгая, с нахмуренными бровями, она, казалось, прислушивалась к голосам своего сердца. По протянутым к Пандиону рукам волнами двигались напрягшиеся мускулы. Эти волны сбегали от гладких плеч к покачивавшимся перед лицом Пандиона пальцам, как будто каждая частица ее тела стремилась к нему. Молодой эллин никогда не видел ничего подобного — таинственная жизнь рук сливалась с вдохновенным порывом поднятого вверх лица девушки.

Неистово затрубили рога из слоновой кости. Внезапный звенящий удар остановил дыхание Пандиона — медные листы, ударяемые друг о друга, загремели и зазвенели победно и радостно, заглушая отрывистое звучание барабанов.

Девушка откинулась назад крутой блестящей дугой. Потом маленькие ноги медленно пошли по гладко утрамбованному полу — танцовщица двигалась по кругу робко и нерешительно, исполненная застенчивого смущения.

Озаренная ярким светом факелов, девушка казалась вылитой из темного металла. Отступая в полумрак, она двигалась там легкой, почти невидимой тенью.

Тревожный рокот барабанов становился все стремительнее, дико гремели медные листы, и, повинуясь этим яростным звукам, медленный танец все ускорялся.

В такт низкому дрожащему звону меди быстро понеслись крепкие, стройные ноги, сплетались вместе, замирали и вновь плавно скользили, едва касаясь пола.

Плечи и высоко поднявшаяся грудь оставались неподвижными, а нап-

ряженные руки Ирумы, с мольбой протянутые к изображению богини, изгибались медленно и плавно.

Оборвался настойчивый стук барабанов, смолкла гремящая медь, и только тоскливые вскрики труб изредка нарушали наступившую тишину, в которой звенели и бряцали браслеты Ирумы.

Странное движение мышц под гладкой кожей девушки поразило Пандиона. Нигде не выступая отчетливо, они переливались и струились, как вода на поверхности ручья, и линии тела Ирумы бежали перед глазами молодого скульптора чередой неповторимых изменений. В них были плавный ритм морского простора и широкий, порывистый разлив ветра по золотой степи.

Мольба, в начале танца отраженная в каждом движении девушки, теперь уступила место властному стремлению. Пандиону казалось, что перед ним струится сам огонь жизни, что вся древняя сила женской красоты явилась ему в бронзовых отблесках света и мощном громе музыки.

В душе молодого эллина вновь вспыхнула жажда жизни, ожили былые мечты, раскрылся широкий и таинственный мир.

Умолкли трубы. Низкий и грозный рокот барабанов слился с пронзительными воплями женщин, медные листы гремели, как близкий гром, и вдруг наступила тишина. Пандион услышал стук собственного сердца.

Девушка неистово закружилась и внезапно замерла, как струна, выпрямив гибкое тело. И вдруг беспомощно опустила руки, дрожащая и истомленная. Колени ее подогнулись, блеск глаз потух. Печально вскрикнув, Ирума упала перед статуей богини. Упав, девушка осталась неподвижной, только грудь вздымалась от учащенных вздохов.

Ошеломленный Пандион вздрогнул. Стремительный танец оборвался криком печали.

Гул восторженных голосов наполнил хижину.

Четыре женщины, шепча невнятные слова, подняли и унесли Ируму в глубь хижины. Древняя деревянная статуя была мгновенно убрана. Женщины поднялись, возбужденные, с горящими глазами. Они громко переговаривались, показывая на чужеземца. Старухи у входа расступились, пропустив Кидого и Кави, которые кинулись к другу с расспросами. Но молодой эллин не мог и не хотел говорить сейчас. Оба друга унесли его домой, и Пандион долго лежал без сна, под впечатлением необычайного танца.

Могущественные ли орехи или колдовство танца великой богини сделали свое дело — Пандион стал поправляться.

Когда он избавился от потрясения, полученного в борьбе с носорогом, в его молодом теле не оказалось никакого серьезного изъяна, и оно с поразительной быстротой восстанавливало былую силу. И юноша занялся физическими упражнениями, чтобы по-прежнему быть равным своим товарищам.

Через три дня молодой эллин дошел без чужой помощи до дома охотника — ему хотелось снова увидеть Ируму.

Девушки не оказалось дома, зато ее отец принял чужеземца ласково и приветливо, угостил вкусным пивом и долго старался что-то объяснить, жестикулируя и хлопая Пандиона по плечам и груди. Молодой эллин ничего не понял и покинул дом охотника со смутным чувством досады.

Успокоившись за Пандиона, Кидого и Кави со всеми бывшими рабами и большинством местных жителей отправились на большую охоту за жирафами, надеясь немного разведать предстоящий путь и добыть побольше мяса для своих гостеприимных хозяев.

Под смех и добродушные шутки соседей Пандион, укрепляя ослабев-

шие мускулы, помогал растирать зерна для приготовления пива, несмотря на насмешки мужчин, видевших его за женской работой. Скоро Пандион стал удаляться за пределы деревни, вооруженный тонким египетским копьем. Там, в степи, он упражнялся в метании копья и в беге, с каждым днем радостно ощущая, как крепнут его мышцы и как легко несут его тело вновь ставшие неутомимыми ноги.

Вместе с тем, ни на миг не забывая об Ируме, Пандион принялся за изучение языка туземцев. Он без конца твердил незнакомые певучие слова. Через неделю благодаря своей хорошей памяти Пандион уже мог понимать собеседника.

Четырнадцать дней Пандион не видел Ируму и не решался пойти к ней в отсутствие отца, так как не знал еще обычаев этого народа. Однажды, возвращаясь из степи, Пандион увидел фигуру в синем плаще, и сердце его учащенно забилось. Молодой эллин ускорил шаги, догнал девушку и остановился перед ней, радостно улыбаясь. Он не ошибся — это была Ирума. При первом же взгляде на лицо девушки Пандиона охватило волнение. С трудом выговаривая непривычные слова, молодой эллин стал благодарить потупившуюся и смущенную Ируму. Запас слов у Пандиона скоро иссяк, он в увлечении перешел на свой язык, спохватился и умолк, растерянно глядя на пеструю головную повязку, свисавшую до ключиц. Ирума искоса лукаво посматривала на него и вдруг рассмеялась. Улыбнулся и Пандион, потом осторожно произнес давно выученную фразу:

— Можно мне прийти к тебе?

— Приходи,— просто ответила девушка,— завтра на опушку, когда солнце станет против леса.

Обрадованный Пандион, не зная, что еще сказать, протянул Ируме обе руки. Синий плащ распахнулся, две маленькие твердые руки доверчиво улеглись в ладонях Пандиона. Он нежно и крепко сжал их. Он не думал в этот момент о далекой Тессе. Руки девушки вздрогнули, широкие ноздри раздулись; она нежным, но сильным движением освободилась, прикрыла лицо плащом и быстро пошла по склону холма. Пандион сообразил, что не следует идти за ней, и остался на месте, глядя на девушку, пока она не скрылась за хижинами. Безотчетно улыбаясь, Пандион шел по улице, размахивая копьем.

Впервые Пандион заметил, в каком живописном месте расположено это селение. Хижины были удобно и красиво построены, улицы просторны.

Пандион невольно обратил внимание, что здешний народ резко отличался от виденных им жителей страны Нуб и бедняков «избранного» Та-Кем — там на лицах лежала печать угрюмости и равнодушия. В истощенных от голода и чрезмерной работы телах была какая-то приниженность. Здесь же жители ходили легкой, свободной поступью; даже старики сохраняли красивую осанку.

Мысли Пандиона прервал выросший перед ним юноша, мускулистый и широкогрудый, в маленькой шапочке из леопардовой шкуры. Он недружелюбно посмотрел на чужеземца и властным жестом вытянул руку перед собой, коснувшись груди Пандиона. Эллин остановился в недоумении, а юноша замер перед ним, опустив руку на пояс с широким ножом и меряя пришельца вызывающим взглядом.

— Я видел, ты хорошо бегаешь,— наконец произнес юноша.— Хочешь состязаться со мной? Я Фульбо, прозванный Леопардом,— добавил он, как будто это имя могло все объяснить Пандиону.

Пандион, дружелюбно улыбнувшись, ответил, что он раньше бегал

лучше, а сейчас еще не достиг прежнего умения. Тогда Фульбо осыпал его злобными насмешками, и кровь закипела в молодом эллине. Не понимая, что является причиной ненависти юноши, Пандион, презрительно подбоченившись, согласился. Противники порешили состязаться сегодня же вечером, когда станет прохладнее.

У подножия холма, на котором стояло селение, собрались юноши и несколько пожилых людей полюбоваться на состязание Фульбо с чужеземцем.

Фульбо указал на видневшееся вдалеке одинокое дерево — до него было не меньше десяти тысяч локтей. Победителем считается тот, кто первым придет обратно к намеченной черте с веткой от дерева.

Удар в ладоши был сигналом — Пандион и Фульбо пустились бежать. Фульбо, весь дрожавший от нетерпения, сразу помчался большими прыжками. Казалось, что юноша, распластавшись, летит над землей. Молодежь разразилась криками одобрения.

Молодой эллин, еще не вполне оправившийся, понял, что ему грозит опасность быть побежденным. Но он решил не уступать. Пандион пустился бежать, как учил его дед в холодные часы рассвета на узкой полосе морского берега. Он бежал, слегка раскачиваясь, не делая резких скачков и соразмеряя дыхание. Фульбо оказался далеко впереди, но молодой эллин двигался спокойно и быстро, не пытаясь догнать соперника. Постепенно грудь его расширялась, набирая все больше воздуха, ноги летели все стремительнее, и зрители, вначале смотревшие на него с сожалением, увидели, как расстояние между соперниками стало сокращаться. Африканец оглянулся, испустил злобный крик и понесся еще скорее. К дереву он подбежал на четыре сотни локтей впереди Пандиона, высоко подпрыгнул, сорвал ветку и мгновенно повернул обратно. Пандион разминулся с ним недалеко от дерева и отметил про себя бурное дыхание Фульбо. Хотя сердце самого Пандиона колотилось гораздо сильнее, чем следовало бы, молодой эллин решил, что он может рассчитывать на победу над слишком горячим, незнакомым с правильным бегом соперником. Пандион продолжал бежать с прежней выдержкой и, только когда до зрителей оставалось не больше трех тысяч локтей, вдруг рванулся вперед. Он скоро настиг Фульбо, но тот, ловя воздух широко раскрытым ртом, удлинил свои прыжки и опять оставил позади чужеземца. Пандион не сдавался. Хотя у него темнело в глазах и сердце вырывалось из груди, он вновь нагнал противника. Тот бежал, уже ничего не видя перед собою, не разбирая дороги, и вдруг споткнувшись, упал. Пандион пронесся на несколько локтей вперед, остановился и подскочил к упавшему, чтобы помочь ему встать. Фульбо гневно оттолкнул его, поднялся, шатаясь, и с трудом выговорил, глядя прямо в лицо Пандиону:

— Ты... победил... но берегись!.. Ирума...

Мгновенно все стало понятно молодому эллину, и к торжеству победы примешалось ощущение чего-то нехорошего, какой-то неловкости, как будто он вторгся в чужое и запретное.

Фульбо уныло понурил голову и пошел тяжелым шагом, более не делая попыток бежать. Пандион не спеша вернулся к черте, встреченный приветствиями зрителей. Чувство вины не покидало его.

Едва молодой эллин очутился в своей пустой хижине, как уже начал тосковать по Ируме. Назначенная на завтра встреча казалась такой далекой.

В тот же вечер вернулись охотники. Товарищи Пандиона пришли уста-

лые, нагруженные добычей,полные переживаний. Этруск и негр ликовали, увидев поздоровевшего Пандиона. Кидого шутя предложил бороться, и через мгновение Пандион и негр катались в пыли, сжимая друг друга в железных объятиях, а Кави пинал их ногами и бранил, пытаясь разнять.

Друзья приняли участие в общей пирушке, устроенной в честь возвратившихся охотников. Опьяненные пивом, участники охоты хвалились друг перед другом своими успехами. Молодой эллин сидел в стороне, бросая незаметно взгляд в сторону лужайки, где танцевала молодежь, и стараясь рассмотреть Ируму среди вереницы юношей и девушек.

Слегка пошатываясь, поднялся один из вождей и начал говорить приветственную речь, сопровождая ее плавной, красивой жестикуляцией. Пандион смог уловить только общий смысл, заключавшийся в том, что вождь хвалил пришельцев, сожалел об их скором уходе и предлагал чужеземцам остаться, обещая принять их в число соплеменников.

Пир окончился уже ночью, когда охотники вдоволь насытились нежным мясом молодых жирафов и прикончили весь запас пива. По дороге в хижину Кидого заявил, что завтра все бывшие рабы, которых осталось двадцать семь человек, будут держать совет о дальнейшем пути. Кидого удалось поговорить с бродячими охотниками, которых он встретил в лесу. Они хорошо знали местность к западу от селения и рассказали, куда идти. Расстояние, отделяющее их от моря и родины Кидого, очень велико, но он знает теперь, что за три месяца даже медленной ходьбы они будут там. Что теперь может остановить их, испытанных в борьбе, крепких дружбой? Каждый из двадцати семи стóит пяти воинов! Негр гордо расправил плечи, поднял к звездам веселое хмельное лицо, обнял Пандиона и с волнением закончил:

— Теперь мое сердце спокойно! Ты здоров — в дорогу! В дорогу хоть завтра!

Пандион молчал, в первый раз чувствуя, что его желания не совпадают со стремлением друзей. Молодой эллин не умел лицемерить.

После сегодняшнего свидания Пандион понял, что тоска, все время остро бередившая его душу, вызвана любовью к Ируме. Девушка в расцвете юной красоты встретилась ему после жестокой жизни раба, на пороге свободы!

Неужели этого мало ему, так недавно цеплявшемуся за самую маленькую надежду на дне темной ямы-тюрьмы? Что нужно, наконец, ему в мире и жизни, когда любовь властно зовет его остаться здесь, среди золотой степи? И тайное, скрываемое от себя самого стремление навсегда остаться с Ирумой стало крепнуть в душе Пандиона. Доверчивая молодость эллина незаметно уводила его в страну грез, где все было так легко и просто.

Завтра он увидится с Ирумой, все скажет ей... А она — она тоже любит его!

Бывшие рабы должны были встретиться на другом конце селения. Там, в двух больших хижинах, они и жили. Кави, Кидого и Пандион занимали отдельную маленькую хижину, отданную им из-за болезни эллина.

Пандион, точивший копье в углу хижины, встал и направился к выходу.

— Куда ты идешь? — спросил его удивленный этруск — Разве ты не будешь на совете?

— Я приду потом, — отворачиваясь, ответил Пандион и поспешно вышел из хижины.

Этруск внимательно посмотрел ему вслед и недоуменно переглянул-

ся с Кидого, усердно трудившимся около входа над большим куском толстой кожи, изготовляя щит.

Молодой эллин не сказал друзьям, что Ирума ждет его сегодня на опушке леса. Чувствуя, как с приходом товарищей выросла внезапная угроза его только что родившейся любви, Пандион не в силах был отказаться от свидания. Он оправдывал себя тем, что все равно узнает решение совета от друзей.

Приблизившись к лесу, Пандион долго искал глазами Ируму, как вдруг улыбающаяся девушка отделилась от ствола дерева и сама предстала перед эллином. Ирума накинула отцовский охотничий плащ из мягкой серой коры и в нем на фоне деревьев была совершенно незаметна. Девуша сделала знак Пандиону следовать за собой и быстро пошла вдоль опушки к полукруглому выступу леса, вдававшемуся в степь в трех тысячах локтей от селения. Там она вошла под деревья. Пандион с любопытством смотрел по сторонам — впервые он находился в африканском лесу. Эллин представлял его совсем другим — лес тянулся длинной, узкой лентой по долине речки, омывавшей селение, и в ширину был не больше двух тысяч локтей.

Это был громадный свод высоких деревьев, темная галерея над глубокой, вечно сумрачной лощиной речки.

Деревья дальше становились все выше, а у берега, круто спускавшегося к самой воде, клонились к земле, скрещивая в высоте свои ветви. Стройные и прямые стволы с белесой, черной и коричневой корой уходили ввысь на целую сотню локтей, как густая колоннада высокого здания. Ветви густо переплетались в сплошной свод, непроницаемый для солнца. Сумрачный серый свет струился сверху, угасая в глубоких впадинах между странными корнями, похожими на невысокие стены. Тишина, не нарушаемая никакими звуками, кроме едва слышного журчания воды, полумрак, исполинская высота лесной колоннады подавили Пандиона. Он показался себе незваным пришельцем, вторгнувшимся в запретное, полное тайны сердце чужой природы.

Над самой водой в зеленом своде были узкие просветы — там с высоты обрушивался сплошной каскад золотого огня. Свет, одевая деревья сияющим туманом, дробился в промежутках между стволами на вертикальные полосы, постепенно угасавшие в глубине леса. Темные, таинственные храмы Айгюптоса пришли на память Пандиону. Построившие их мастера не придумали нового — волшебное воздействие гигантских сводов, сумерки и тишина, уводящие от мира, оказывается, существовали в природе. Исполинский лес был величественнее любого храма, но сила человека заключалась в том, что он мог создавать свои храмы в любом месте и там, где леса не росли... Канаты ползучих растений перекидывались от ствола к стволу свободными петлями или опускались вниз, образуя волнистые занавеси. Почва, усыпанная листьями, трухой гнилых плодов и ветвей, была пушистой и мягкой, кое-где по ней были разбросаны мелкие звезды пестрых цветов.

Со стволов свисали, как содранные куски кожи, длинные ленты шелушившейся коры.

Большие бабочки бесшумно летали над землей; их трепещущие крылья привлекали внимание молодого эллина причудливыми сочетаниями красок — ярких, бархатисто-черных, металлически-синих, красных, золотых и серебристых.

Ирума уверенно шла между корнями, спускаясь к реке, и привела Пандиона на ровную площадку у самого водотока, покрытую нежным ковром пушистых мхов. Здесь стояло дерево, разбитое молнией. В отщепе

твердой желтой древесины выступали грубые очертания человеческой фигуры. Дерево, очевидно, служило предметом почитания — кругом него были развешаны цветные тряпки, зубы хищников. В земле торчали три почерневших слоновых клыка.

Ирума, почтительно склонив голову, приблизилась к старому дереву и поманила Пандиона к себе.

— Это предок нашего рода, рожденный от громового удара,— тихо произнесла девушка.— Дай ему что-нибудь, чтобы древние были добры к нам.

Пандион оглядел себя — у него не было ничего, что он мог бы отдать этому грубому богу, мнимому предку Ирумы. Юноша, улыбаясь, развел руками, но девушка была неумолима.

— Дай это! — Тут она дотронулась до пояса, сплетенного из жирафьих хвостов, только что сделанного Кидого для Пандиона на память об охоте.

Молодой эллин послушно развязал и отдал девушке полоску кожи. Ирума сбросила плащ. Она была в домашнем наряде — без браслетов, без ожерелья, только в широком кожаном поясе, косо спадавшем на левое бедро.

Девушка поднялась на носках, потянулась к зазубрине у головы идола и прикрепила там дар Пандиона. Ниже Ирума прицепила лоскуток пестрой шкуры леопарда и связку похожих на бусы темно-красных зерен. Потом девушка высыпала к подножию идола горсть проса и, довольная, отступила.

Теперь она пристально смотрела на Пандиона, прислонившись спиной к стволу невысокого дерева с сотнями красных цветов между листьями[1]. Казалось, что алые лампады светились над головой девушки и красные блики их играли на блестящей коже Ирумы.

Пандион стоял, безмолвно любуясь девушкой. Ее красота казалась ему священной в тишине исполинского леса — храма неведомых богов, так резко отличавшихся от радостных небожителей его детства.

Светлая, спокойная радость наполнила душу Пандиона — он снова становился художником, и прежние стремления проснулись в нем.

Но внезапно встало из глубины памяти необычайно отчетливое видение. Там, на бесконечно далекой родине, под шум сосен и моря, так же стояла, прижавшись к дереву, Тесса в ушедшие, невозвратные дни...

Ирума закинула руки за голову, слегка перегнулась в тонкой талии и вздохнула. Смятенный Пандион отступил на шаг — Ирума приняла ту же позу, в какой он хотел изобразить Тессу.

Перед эллином воскресло прошлое, с новой силой вспыхнуло стремление в Энниаду. В путь, навстречу новой борьбе, прочь от Ирумы!..

Пандиона мучило раздвоение прежде всегда ясных его стремлений. Он обнаружил в себе неведомое ранее противоречие, и это испугало его.

Здесь с неудержимой силой звала его жаркая, как само солнце Африки, юная, как цветущая после дождей степь, мощная, как широкий поток, власть жизни. Там были все самые светлые его мечты о великом творчестве. Но разве не сама красота в образе темнокожей дочери африканских степей стояла перед ним, близкая и радостная? Так непохожи были Ирума и Тесса — они совсем разные, и все же в обеих жила одна и та же достоверность прекрасного.

Тревога Пандиона передалась девушке. Она приблизилась к нему, и певучие слова чужого языка нарушили тишину леса.

---

[1] Тюльпанное дерево из семейства магнолиевых.

— Ты наш, золотоглазый... Я танцевала танец великой богини... Предок принял дары... — Голос Ирумы замер, длинные ресницы прикрыли глаза. Девушка крепко обняла Пандиона за шею и прильнула к нему.

У молодого эллина потемнело в глазах, отчаянным усилием он отстранился. Она подняла голову. Рот ее по-детски приоткрылся.

— Ты не хочешь жить здесь? Ты уйдешь с товарищами? — удивленно спросила Ирума, и Пандиону стало стыдно.

Пандион нежно привлек к себе Ируму и, подбирая подходящие слова, усвоенные из языка ее народа, пытался передать ей великую тоску по родине, по Тессе... Голова Ирумы запрокинулась вверх на широкой груди молодого эллина, ее глаза погрузились в золотистое сияние его глаз, зубы обнажились в слабой улыбке. Ирума заговорила, и в звуке ее слов была та же нежность, та же ласка любви, которая опьяняла Пандиона в устах Тессы.

— Да, если ты не можешь жить здесь, тебе нужно уйти... — Девушка запнулась на последнем слове.— Но, если я и мой народ хороши для тебя, оставайся, золотоглазый! Подумай, реши, приходи, я буду ждать!

Девушка выпрямилась, гордо закинув голову. Такой же серьезной и строгой видел ее Пандион во время танца.

С минуту молодой эллин стоял перед ней, затем, внезапно решившись, протянул к девушке руки. Но она исчезла за деревьями, растворившись во мраке лесной чащи.

Исчезновение Ирумы поразило Пандиона, как тяжкая утрата. Эллин долго стоял в мрачном лесу, потом побрел наугад сквозь золотистый туман поляны, борясь с желанием броситься вслед за Ирумой, разыскать ее, сказать ей, что любит, что остается с ней.

Ирума, едва только скрылась от Пандиона за деревьями, пустилась бежать, легко перепрыгивая через корни, проскальзывая между лианами. Девушка мчалась все быстрее, пока совсем не выбилась из сил. Она, тяжело дыша, остановилась на берегу спокойного водоема — тихой заводи расширявшейся здесь речки. Яркий свет ослепил ее, тело обдало жаром после мрака и прохлады леса.

Ирума сквозь слезы увидела свое отражение на гладкой поверхности воды и невольно осмотрела себя всю в этом большом зеркале... Да, она красива! Но, значит, красота еще не все, если чужеземец, золотоглазый, храбрый и ласковый, хочет уйти от нее. Значит, ему нужно еще что-то... Но что?..

Солнце садилось за холмистой степью. Косая голубая тень лежала у порога хижины, где сидели Кидого и Кави.

По тому, как беспокойно зашевелились оба друга, Пандион понял, что этруск и негр давно уже ждали его. Потупившись, молодой эллин подошел к друзьям. Кави встал, торжественный и суровый, положил руку на плечо друга.

— Мы хотим говорить с тобой — он и я.— Этруск кивнул в сторону ставшего рядом Кидого.— Ты не пришел на совет, но все решено — завтра мы уходим...

Пандион отшатнулся. Слишком много событий произошло за последние три дня. И все же молодой эллин не думал, что товарищи будут так торопиться. Он сам спешил бы не меньше, если бы... если бы не было Ирумы!

Во взглядах друзей молодой эллин прочитал осуждение. Необходимость на что-то решиться, давно точившая душу Пандиона и бессознательно отбрасываемая им в наивной надежде, что все как-нибудь уладится,

теперь приближалась. Как будто стена опять загородила доступ к радостному миру свободы, той свободы, которая на самом деле жила лишь в мечтах Пандиона.

Он должен решить, остается ли он здесь с Ирумой или, навсегда потеряв ее, уходит с товарищами. Жить, не имея никакой надежды снова увидеть ее, когда его и Ируму разделит необъятное пространство.... Ужасное «навсегда» горело в сердце Пандиона раскаленным углем. Но если он останется здесь, то это будет тоже навсегда: только в соединенных усилиях двадцати семи человек, готовых на все, даже на верную гибель, ради возвращения на родину, была возможность одолеть пространство, держащее их в плену земли. Значит, если он останется, то навсегда потеряет родину, море, Тессу — все то, что поддерживало его и помогло очутиться здесь.

Сможет ли он жить здесь, слиться с этой приветливой, но все-таки чужой жизнью, когда не будет с ним верных товарищей, испытанных в беде, на дружбу которых привычно и незаметно он опирался все время? И даже без раздумья, всем сердцем Пандион почувствовал ясный ответ.

А разве то, что он оставит друзей, спасенный и вновь ставший сильным благодаря им, не будет изменой?

Нет, он должен идти с ними, оставив здесь половину сердца!

И воля молодого эллина не выдержала испытания. Он схватил за руки товарищей, с тревогой наблюдавших душевную борьбу, отражавшуюся на открытом лице Пандиона, и принялся умолять их не уходить так скоро. Теперь, когда они свободны, что стоит им прожить здесь еще немного, лучше отдохнуть перед дорогой, лучше узнать незнакомую страну!

Кидого заколебался: негр очень любил молодого эллина. Этруск нахмурился еще сильнее.

— Пойдем туда, здесь чужие глаза и уши.— Кави втолкнул Пандиона в темноту хижины и, выйдя, вернулся вновь с угольком. Он зажег маленький факел. При свете, ему казалось, легче будет убедить смятенного друга.— На что ты надеешься, если мы останемся,— строго спросил этруск, и его слова врезались в душу Пандиона, — если ты потом все равно уйдешь? Или ты хочешь взять ее с собой?

Нет, мысль о том, чтобы Ирума пошла с ними в бесконечно далекую и смертельно опасную дорогу, даже не приходила на ум Пандиону, и он отрицательно покачал головой.

— Тогда ты непонятен мне,— жестко сказал этруск.— Разве другие наши товарищи не нашли себе здесь девушек по сердцу? На совете никто из них не колебался, что выбрать — женщину или родину, никто не подумал остаться. Отец Ирумы, охотник, думает, что ты не пойдешь с нами. Ты понравился ему, слава о твоей храбрости прошла в народе. Он сказал мне, что готов принять тебя в дом. Неужели ты покинешь нас, забудешь родину ради девчонки?!

Пандион опустил голову. Ему нечего было ответить, он не смог бы объяснить этруску то, в чем Кави был не прав. Как сказать ему, что Пандион не просто поддался страсти? Как выразить то, что захватило его в Ируме как художника? Для него Ирума стала воплощением красоты, в ней искрилась и сверкала древняя сила жизни, так привлекавшая молодого скульптора, в котором вместе с любовью проснулось и творчество! А с другой стороны, суровая правда жгла его в речи этруска — он забыл, что у чужого народа есть свои законы и обычаи. Оставшись здесь, он должен будет стать охотником, слить свою судьбу с судьбой этого народа. Такова была неизбежная плата за счастье с Ирумой... Одна Ирума здесь

близка ему. Спокойный и жаркий простор золотой степи вовсе не походил на шумный и подвижный простор родного моря. И девушка была частью этого мира, временным гостем которого он не переставал себя чувствовать... А там, вдали, маяком светила ему родина. Но если этот маяк угаснет, разве он сможет жить без него?..

Этруск выдержал паузу, чтобы дать Пандиону время подумать, и начал снова:

— Хорошо, ты станешь ее мужем, чтобы вскоре покинуть ее и уйти. И ты думаешь, что ее народ отпустит нас с миром и поможет нам? Ты оскорбишь их гостеприимство. Наказание, следуемое тебе по заслугам, падет на нас всех... А потом, почему ты уверен, что остальные товарищи согласятся ждать? Они не согласятся, и в этом я буду с ними!

Этруск помолчал и, как бы устыдившись резкости своих слов, грустно добавил:

— Сердце мое болит, ибо, когда достигну я моря, не будет у меня друга, искусного в корабельном деле. Мой Ремд погиб, и вся надежда была на тебя — ты плавал по морю, учился у финикийцев... — Кави опустил голову и замолчал.

Кидого бросился к Пандиону и надел на шею молодого эллина мешочек на длинном ремешке.

— Я хранил его, пока ты был болен,— сказал негр.— Это твой морской амулет... Он помог победить носорога, он поможет всем нам дойти до моря, если ты пойдешь с нами....

Пандион вспомнил про подаренный ему Яхмосом камень. Он совсем забыл об этом сверкающем символе моря, как забыл в эти дни еще и о многом другом. Он глубоко вздохнул. В эту минуту в хижину вошел высокий человек с большим копьем в руке. Это был отец Ирумы. Он непринужденно уселся на пол, поджав ноги; дружески улыбнулся Пандиону и обратился к этруску.

— Я пришел к тебе с делом,— неторопливо начал охотник.— Ты сказал, что через одно солнце вы решили уходить на родину.

Кави утвердительно кивнул головой и молчал, ожидая, что будет дальше. Пандион с беспокойством поглядывал на державшегося с простым и величавым достоинством отца Ирумы.

— Путь далек, много зверей стережет человека в степи и в лесу,— продолжал охотник.— У вас плохое оружие. Запомни, чужеземец: со зверями нельзя сражаться, как с людьми. Меч, стрела и нож хороши против человека, но против зверя самое лучшее — это копье. Только копье может удержать сильного зверя, остановить его, достать издалека сердце зверя. Эти негодны для нашей степи! — Охотник пренебрежительно указал на прислоненное к стене хижины тонкое египетское копье с маленьким медным острием.— Вот какое здесь нужно!

Отец Ирумы положил Кави на колени принесенное им оружие и снял с него длинный кожаный чехол.

Тяжелое копье было больше четырех локтей в длину. Его древко, в два пальца толщины, было сделано из твердого, плотного, блестящего, как кость, дерева. Посередине древко утолщалось, обшитое тонкой шероховатой кожей гиены. Вместо наконечника на нем было лезвие в локоть длиной и шириной в три пальца, сделанное из светлого твердого металла — редкого и дорогого железа.

Кави задумчиво потрогал острое лезвие, прикинул на руке тяжесть оружия и со вздохом вернул охотнику.

Тот улыбнулся, следя за впечатлением, произведенным копьем на этруска, и осторожно сказал:

— Изготовить такое копье — большой труд... Металл для него добывается соседним племенем, и они продают его дорого. Зато копье спасет тебя не раз в смертельном бою...

Не понимая, к чему клонит охотник, Кави молчал.

— Вы принесли с собой сильные луки из Та-Кем,— продолжал охотник.— Мы не умеем делать такие и хотели бы поменять их на копья. Вожди согласились дать вам по два копья за каждый лук, а копья, я сказал, будут вам нужнее.

Кави вопросительно посмотрел на Кидого, негр кивком головы подтвердил мнение охотника.

— В степи много дичи, и нам не понадобятся стрелы,— сказал Кидого.— Но в лесах будет хуже. Однако лес далек, а шесть копий вместо трех луков надежнее при нападении зверей.

Кави подумал, согласился на обмен и принялся торговаться. Но охотник был непреклонен, доказывая, что предложенное им оружие — ценность. Они никогда не отдали бы по два копья за каждый лук, если бы не нужно было узнать, как изготовляются луки Черной Земли.

— Хорошо,— сказал этруск.— Мы отдали бы их вам в дар за приют и пищу, если бы не шли так далеко. Мы принимаем условие — завтра ты получишь луки.

Охотник просиял, хлопнул Кави по руке, поднял копье, вглядываясь в красный отблеск факела на лезвии, и надел на него кожаный чехол, украшенный кусочками разноцветных шкур.

Этруск протянул руку, но охотник не отдал оружия.

— Ты получишь завтра не хуже. А это... — отец Ирумы сделал паузу,— я дарю твоему золотоглазому другу. Чехол его сшила Ирума сама! Смотри, как он красив.

Охотник протянул копье молодому эллину, нерешительно принявшему подарок.

— Ты не идешь с ними,— отец Ирумы показал на этруска и негра,— но хорошее копье — это первое имущество охотника, а я хочу, чтобы ты прославил наш род, став моим сыном!

Кидого и Кави впились взглядами в друга; негр с хрустом сжал пальцы. Решительный момент наступил.

Пандион побледнел и внезапно резким, отстраняющим жестом протянул охотнику копье обратно.

— Ты отказываешься? Как мне понять это? — вскричал пораженный охотник.

— Я ухожу с товарищами,— с трудом произнес молодой эллин.

Отец Ирумы неподвижно стоял, глядя на Пандиона, потом с гневом швырнул копье ему под ноги:

— Пусть будет так, но не смей больше смотреть на мою дочь! Я сегодня же отошлю ее!

Пандион, не мигая, с широко раскрытыми глазами стоял перед охотником. Неподдельное горе исказило его мужественные черты, и какое-то смутное сочувствие ослабило гнев отца Ирумы.

— У тебя хватило мужества решить, пока не поздно. Это хорошо,— сказал он.— Но раз уходишь, уходи скорее...

Охотник еще раз угрюмо осмотрел Пандиона с головы до ног, издав какой-то неопределенный звук.

На пороге хижины отец Ирумы оглянулся на Кави.

— Что сказал, то и будет! — грубо буркнул он и исчез в темноте.

Негру стало не по себе от блеска глаз молодого эллина, и он почувствовал, что сейчас Пандиону не до друзей. Эллин постоял, вперив взгляд в

пространство, точно спрашивая темную даль, как ему поступить. Он медленно повернулся и бросился на постель, закрыв лицо руками.

Кави зажег новый факел: ему не хотелось оставлять Пандиона в темноте одного со своими мыслями. Этруск и негр уселись в стороне и остались бодрствовать, не разговаривая. Время от времени они тревожно посматривали на друга, которому не могли ничем помочь.

Медленно шло время, наступила ночь. Пандион пошевелился, вскочил, прислушиваясь, и бросился вон из хижины. Но широкие плечи этруска заслонили вход. Молодой эллин натолкнулся на его скрещенные руки и остановился, сдвинув брови.

— Пусти! — нетерпеливо сказал Пандион.— Я не могу! Я должен проститься с Ирумой, если ее не отправили куда-то...

— Опомнись! — ответил Кави.— Ты погубишь ее, себя и всех нас!

Пандион молчал и пытался оттолкнуть этруска, но тот стоял крепко.

— Решил — тогда довольно, не гневи ее отца! — продолжал убеждать друга Кави.— Пойми, что может произойти...

Молодой эллин толкнул Кави еще сильнее, но сам получил толчок в грудь и отступил. Негр, увидев столкновение друзей, подбежал, растерянный, не зная, что предпринять. Молодой эллин стиснул зубы, глаза его загорелись недобрым огнем. Раздув ноздри, он кинулся на Кави. Этруск быстро выхватил нож и, повернув оружие рукояткой к Пандиону, гневно закричал:

— На, бери! Бей!

Пандион опешил. Этруск выпятил грудь, приложил к сердцу левую руку, а правой продолжал направлять рукоятку ножа в сторону Пандиона:

— Бей сразу, вот сюда! Все равно живой я не пущу тебя! Убей — тогда иди! — яростно кричал Кави.

В первый раз Пандион видел своего хмурого и мудрого друга в таком состоянии. Он отступил, беспомощно застонал и побрел к своей постели; опять упал на нее и повернулся к друзьям спиной.

Кави, тяжело дыша, вытер со лба пот и сунул нож за пояс.

— Мы должны стеречь его всю ночь и уходить скорее,— сказал он испуганному Кидого.— На рассвете ты предупредишь товарищей, чтобы собирались.

Пандион ясно расслышал слова этруска, означавшие, что ему не удастся увидеть Ируму. Он задыхался, почти физически ощущая тесноту вокруг себя. Эллин боролся с собой, напрягая всю волю, и постепенно бурное отчаяние, почти бешенство, сменилось тихой печалью.

И снова африканская степь раскрыла свой горячий простор перед двадцатью семью упрямцами, во что бы то ни стало решившими вернуться на родину.

Теперь, после дождей, грубая, с большими бурыми колосьями трава[1] поднималась на высоту двенадцати локтей, и в ее душной чаще без следа скрывались даже гигантские тела слонов. Кидого объяснил Пандиону, почему нужно спешить: скоро окончится время дождей и степь начнет гореть, превращаясь в безжизненную, засыпанную золой равнину, где трудно будет найти пищу.

Пандион молчаливо соглашался. Его печаль была еще слишком свежа. Но, очутившись среди своих товарищей, которым он был столь многим

[1] *Слоновая трава* — огромный злак, до 6 метров высоты.

обязан, молодой эллин чувствовал, как снова оплетают его узы мужской дружбы, как растет в нем самом стремление идти вперед, жажда борьбы и разгорается все сильнее маяк Энниады.

И, несмотря на острую тоску по Ируме, Пандион теперь чувствовал себя прежним, без тревоги идущим по избранному пути. Не исчезло жадное внимание художника к формам и краскам природы, желание творить.

Двадцать семь сильных мужчин были вооружены копьями, метательными дротиками, ножами и несколькими щитами.

Бывшие рабы, испытанные в бедствиях и сражениях, представляли собой значительную силу и могли не опасаться бесчисленных зверей.

В пути, среди высокой травы, опасность была серьезной. Поневоле приходилось идти гуськом, пробираясь по узким коридорам звериных троп, в течение долгих часов видя перед собою только спину идущего впереди товарища. А из шуршащих высоких стен справа и слева ежеминутно грозила опасность — в любой момент стебли могли расступиться и пропустить подкравшегося льва, разъяренного носорога или высокую, необъятную тушу злобного, одинокого слона. Трава разъединяла товарищей, и хуже всего приходилось идущим позади: на них мог обрушиться гнев зверя, встревоженного впереди идущими. По утрам трава была пропитана холодной росой, сверкающая пыль водяных брызг стояла над мокрыми, словно от дождя, телами людей. В знойное время дня роса исчезала бесследно, сухая пыль щекотала горло, ссыпаясь с верхушек стеблей; в тесных проходах нечем было дышать.

В конце третьего дня пути на храброго ливийца Такела, шедшего позади, напал леопард, и только благодаря счастливой случайности юноша отделался незначительными царапинами. На следующий день на Пандиона и его соседа-негра прыгнул из травы огромный темногривый лев. Копье отца Ирумы сдержало хищника, и товарищ эллина, подхватив щит, который от неожиданности уронил Пандион, напал на льва сзади. Зверь повернулся к новому врагу и пал, пронзенный тремя копьями. Кидого прибежал, запыхавшийся от волнения, когда все было кончено и воины, тяжело дыша, стирали с копий быстро побуревшую львиную кровь. Хищник лежал, почти незаметный в желтой измятой траве. Сбежались все участники похода, громкие крики поднялись над местом сражения. Все доказывали двум коренастым неграм — Дхломо и Мпафу, вместе с Кидого ведшим отряд,— что в конце концов звери кого-нибудь убьют. Надо обойти эту равнину высокой травы. Проводники вовсе и не думали возражать. Отряд повернул круто к югу и еще до вечера приблизился к длинной ленте леса, протянувшейся как раз в нужном юго-западном направлении. Такой лес был знаком Пандиону — зеленый сводчатый коридор над узкой степной речкой. Леса-галереи пересекали степь в разных направлениях по руслам рек и ручьев.

Путникам повезло: под зеленым сводом не было колючих зарослей, лианы не сплели непроходимый завес — отряд бодро двинулся по узкой лесной ленте, лавируя между гигантскими корнями. Глубокая тишина и прохладный полумрак сменили шелест травы в духоте ослепительного дня. Лес протянулся очень далеко — день за днем шли по нему путники, изредка выходя в степь за дичью или влезая на низкие деревья опушки, чтобы проверить направление.

Хотя передвижение здесь было более легким и менее опасным, Пандиона угнетали сумрак и тишина таинственного леса. Молодой эллин возвращался к воспоминаниям о встрече с Ирумой в таком же лесу. Утрата казалась огромной, тоска окутывала для Пандиона весь мир серой дымкой, а неведомое будущее было таким же сумрачным, молчаливым и темным, как лес, по которому они шли.

Пандиону представлялось, что темная дорога в однообразном чередовании колоннад огромных древесных стволов, мрака и солнечных пятен, ям и бугров бесконечна.

Она вела в неизвестную даль, все глубже вонзаясь в сердце чужой и странной земли, где все было незнакомо и только круг бдительных товарищей спасал от неизбежной смерти. Море, к которому он так стремился, казавшееся легкодостижимым, когда он был в плену, теперь отодвинулось безмерно далеко, загражденное тысячами препятствий, месяцами трудного пути... Море оторвало его от Ирумы, а само осталось недоступным...

В конце леса перед путниками предстало обширное болото. Оно пересекало путь от края до края горизонта, протянулось вперед, закрытое вдали зеленоватой мглой влажных испарений, по утрам опоясываясь низкой пеленой белесого тумана. Белые цапли летали небольшими стаями над морем тростников.

Кави, Пандион и ливийцы, озадаченные препятствием, в недоумении смотрели на ярко-зеленую чащу болотных зарослей с горящими на солнце окнами воды. Но вожатые удовлетворенно переглядывались и улыбались: путь был верен, две недели трудного похода не пропали даром.

На следующий день отряд связал плоты из особого, необычайно легкого и пористого тростника[1], коленчатые стебли которого достигали десяти локтей. Путники поплыли вдоль высоких зарослей метельчатых папирусов, лавируя между красновато-бурыми нагромождениями засохших и поломанных стеблей тростника, плавучими островами травы. На каждом плоту было по два или по три человека, осторожно балансировавших длинными шестами, мерно вонзавшимися в илистое дно.

Темная вонючая вода казалась густым маслом, пузырьки болотного газа поднимались на поверхность из-под шестов, липкая плесень пенилась ржаво-бурыми оторочками вдоль зеленых стен. Ни одного сухого места не было на всем видимом пространстве, влажная жара томила обливавшихся пóтом людей, сверху жгло беспощадное солнце. К вечеру миллионы зловредных мошек густыми тучами нападали на людей. Счастьем было найти незатопленный бугорок, на котором разводился огромный дымящий костер. Еще легче было при ветре, отгонявшем тучи насекомых и дававшем возможность выспаться после тяжелых дней и ночей. Ветер склонял тростник, волна за волной бежали по бесконечному океану зелени.

Несметное количество гадов пряталось в прелой воде и гниющих зарослях. Гигантские крокодилы скоплялись сотнями на буграх отмели или выглядывали из зеленых стен, наполовину скрытые стеблями. Ночами чудовища ревели — их глухой, низкий рев наполнял людей суеверным ужасом. В реве крокодилов не было ярости или угрозы — что-то бездушное и бесстрастное чудилось в этих низких отрывистых звуках, раскатывавшихся над стоячей водой в темноте ночи.

Путникам встретился мелкий залив, усеянный полуразмытыми конусовидными холмиками из ила в полтора локтя высоты. Бурая вода издавала нестерпимую вонь, холмики были покрыты белой корой птичьего помета. Негры разъяснили, что это было место гнездовья больших длинноногих розовых птиц[2], которые в другое время тучами покрывали бы болото. От плохой воды и вредных испарений заболели несколько человек,

---

[1] Амбаг — очень легкий и толстый тростник, до 7 метров высоты.

[2] Подразумеваются фламинго.

главным образом ливийцев. Жестокая лихорадка изнуряла людей, безучастно лежавших на плотах под ногами товарищей.

На пятый день плавания среди болотных зарослей стали все чаще попадаться пространства свободной воды, из которой торчали вершины деревьев. Пандион с удивлением спросил Кидого, что это значит. Черный друг, улыбаясь во всю ширину своего большого рта, объяснил, что скоро конец мучениям.

— Здесь,— сказал негр, ткнув шестом в глубокую воду,— в сухое время земля горит от жары, а это разлив от дождей.

— Какая же это река? — снова спросил Пандион.

— Здесь не одна река, а две[1] и длинная цепь болот между ними,— ответил негр.— В сухое время реки эти почти не текут.

Кидого, как всегда за последнее время, оказался прав — скоро плоты стали задевать за илистое дно, а впереди земля, повышаясь, переходила в ровную степь. Там росла особая трава с серебристо-белыми колосьями, и, блестя под лучами солнца, поверхность степи издалека казалась продолжением водяной глади. С чувством глубокого облегчения путники по пояс в грязи, распугивая криками крокодилов, выбрались на твердую горячую землю. Ветер, свежий и сухой, приветствовал их, прогоняя тяжелую духоту болота. Отряд добрался до возвышенности, на которой росли кусты с большими голубовато-зелеными листьями, покрытые оранжевыми плодами величиной с яйцо.

Здесь путники нашли чистую воду и решили остановиться. Они устроили вокруг лагеря колючую стену в шесть локтей высоты. Негры собрали груду оранжевых плодов, оказавшихся удивительно вкусными и нежными, и принесли еще каких-то листьев, соком которых принялись лечить больных лихорадкой товарищей. Здоровые отсыпались вволю, болячки, образовавшиеся от укусов болотных мошек, быстро заживали. Несколько дней подряд не лил дождь. По утрам бывало очень прохладно, и чернокожие участники похода зябли и страдали от холода.

Вскоре путешественники отправились дальше.

Двадцать пять дней шли они по степи. Теперь их оставалось девятнадцать человек — восемь отделились после перехода через болото и ушли на север, к своим родным местам, до которых им оставалось не более десяти переходов. Как ни звали они с собой остальных, упрямцы были верны себе в решении пробиваться к морю.

Серая дымка закрывала голубой небосвод, по-прежнему изливавший ослепительное сияние. По ночам небо нередко затягивалось тучами, страшный гром несся без перерыва над степью, но ни единый проблеск молнии не рассекал бархатно-черную тьму ночи, ни капли дождя не падало на высохшую траву и трескавшуюся от жары землю.

В степи были разбросаны маленькие холмы — остроконечные конусы или башни с закругленными верхушками до десяти локтей высоты. Внутри этих холмов из твердой, как кирпич, глины жили бесчисленные крупные насекомые, похожие на муравьев, опасные своими сильными челюстями. Пандион уже привык к множеству зверей; его не удивляли более жирафы или скопища слонов по тысяче голов в стаде. Теперь он увидел стада странных животных полосатой, белой с черным, окраски. Они походили на лошадей Энниады, но и отличались от них: при небольшом росте и тонких ногах у полосатых зверей были более широкие крупы,

---

[1] *Две реки* — подразумеваются Бахр-эль-Араб и Бахр-эль-Газаль, в древности более многоводные, чем в настоящее время.

прогнутые в крестце спины, плавный изгиб верхней губы, короткие хвосты и гривы. Пандион с любопытством смотрел на их многочисленные табуны, появлявшиеся у водопоя. Он мечтал о том, чтобы поймать полосатых лошадей и приспособить их к езде. Однако, когда он поделился своими соображениями с Кидого и другими товарищами-неграми, те долго и громко хохотали. Негры объяснили молодому эллину, что полосатые животные сильны, злы и неукротимы, что если бы и удалось поймать несколько более смирных, то двух десятков, нужных им, не собрать и в десять лет.

Второе разочарование пережил Пандион при встрече с буйволами. Он увидел массивных темно-серых быков с широкими, загнутыми на концах рогами и решил подкрасться к ближайшему, чтобы уложить его копьем, но Кидого, навалившись на юношу всем телом, придавил его к земле. Негр уверял друга, что эти быки чуть не самые опасные звери южной страны, что охотиться на них нужно, только имея луки или метательные копья, иначе гибель неминуема. Пандион послушался негра и укрылся в кустах, как и остальные, но страх Кидого перед этими быками остался ему непонятным — с его точки зрения, носорог или слон казались куда страшнее.

Дорогу нередко пересекали скалистые гряды, цепи холмов или группы торчащих разрушенных утесов. В таких местах часто встречались отвратительные собакоголовые обезьяны[1]. Эти животные, заметив приближение людей, скоплялись на скалах или под деревьями, без страха рассматривали пришельцев и нагло гримасничали. Пандион с отвращением смотрел на их голые собачьи морды с синими надутыми щеками, обрамленные густой, торчащей дыбом шерстью, на их виляющие зады с красными мозолистыми проплешинами. Обезьяны были опасны. Однажды Кави не стерпел вызывающего поведения трех животных, загородивших ему дорогу, и ударил копьем одну из мерзких тварей. Завязалось серьезное сражение у подножия утесов. Скитальцы были счастливы, что унесли ноги, отступив без ущерба, но со всей возможной поспешностью.

На двадцать пятый день пути по незаметно повышавшейся местности на горизонте показалась темная полоса. Кидого радостно вскрикнул, указывая на нее: там начинался большой лес — последнее препятствие, которое им осталось преодолеть. За покрытыми лесом горами лежало долгожданное море — верный путь к дому.

К полудню отряд достиг пальмовых зарослей. Пандиона удивил странный вид рощи. Раньше в степи не попадались такие высокие и стройные растения, похожие на знакомые по Айгюптосу финиковые пальмы[2]. Каждый ствол поднимался точно из самого центра звездчатой иссиня-черной тени, отбрасываемой вершиной. Между черными звездами теней сухая почва казалась добела раскаленным металлом. По необычайному расположению теней Пандион увидел, что полуденное солнце стоит у него прямо над головой. Он сказал об этом Кави. Этруск недоуменно пожал плечами, а Кидого объяснил, что это так и есть на самом деле. Чем дальше к югу, тем выше поднимается солнце, и причину этого никто не знает. Старики говорят еще, что, по преданиям, далеко на юге солнце опять становится ниже.

Долго раздумывать над этой загадкой молодому эллину не пришлось — изнуренные жарой товарищи спешили к воде. На привале Кидо-

---

[1] Павианы.

[2] Пальмы дулеб.

го объявил, что к вечеру они достигнут леса и путь их пойдет по лесам и горам, протянувшимся до края земли.

— Там,— негр показал направо,— и там,— рука Кидого повернулась налево,— есть большие реки, но мы не можем плыть по ним. Правая[1] заворачивает на север, к большому пресному морю у края северных пустынь. Левая[2] берет круто на юг и уведет нас далеко от нужного места. Кроме того, вдоль рек живут сильные племена, они едят человеческое мясо и уничтожат всех нас. Мы должны пройти на юго-запад прямо, как по полету стрелы, между обеими реками. Темные леса пусты и безопасны, а на горах никто не живет, боясь сильных гроз и темноты чащ. Звери здесь редки, но нас мало, и мы можем прокормиться охотой и плодами.

Пандион, Кави и ливийцы с сомнением смотрели на лес, вставший перед ними, и их волновали неясные опасения.

Глава седьмая

СИЛА ЛЕСОВ

Среди густого кустарника возвышались необычайные деревья. Их тонкие стволы, с выпуклыми поперечными гранями заканчивались плоскими веерами укороченных ветвей с большими листьями, а еще выше торчали длинные и прямые отростки, похожие на зеленые огромные мечи, по десяти локтей в длину[3].

Четыре таких дерева, по два с каждой стороны, стояли, как часовые, в преддверии леса, с угрозой поднимая мечи в бледное небо. Отряд прошел между ними, пробиваясь сквозь колючие кусты. Огромная свинья[4] с загнутыми клыками и безобразной бугристой головой выскочила из-под куста, негодующе хрюкнула в сторону людей и скрылась...

В первый же день пути по лесу Кави потерял свою палочку с сорока девятью зарубками — число дней похода и путники перестали считать время. В памяти эллина навсегда запечатлелся однообразный громадный лес.

Отряд шел в молчании. Голоса людей при попытке заговорить гулко раскатывались под непроницаемым зеленым сводом. Никогда на широких просторах золотой степи не чувствовали себя люди такими маленькими и затерянными в глубинах чужой земли. Гигантские канаты ползучих растений, достигавшие иногда толщины человеческого тела, обвивали спиралями гладкие стволы деревьев, сплетались вверху в исполинскую сеть, свисали завесами и отдельными широкими петлями. Ветви деревьев расходились на недостижимой высоте над головами идущих, стволы расплывались в сером сумраке. Лужи гниющей, покрытой плесенью воды часто встречались на пути; иногда бесшумно струились маленькие тем-

---

[1] *Правая река* ныне называется Шари.

[2] *Левая река* ныне называется Убанги — главный приток Конго.

[3] Лобелии.

[4] Подразумевается *бородавочник* — дикая свинья с огромными клыками для вырывания корней.

ные ручьи. На редких полянах солнце слепило глаза, привыкшие к полумраку леса; необычайная густота растений заставляла путников огибать эти места. Невиданные папоротники в четыре человеческих роста простирали, как крылья, свои бледно-зеленые огромные перистые листья[1]. Чеканная сероватая листва мимоз образовывала тончайшие узоры в столбах солнечного света. Масса цветов — кроваво-красных, оранжевых, фиолетовых, белых — с особенной яркостью и пестротой выделялась на светлой зелени листьев, громадных, широких, длинных и узких, ровных, разрезных или зазубренных. В дикой путанице переплетались извилистые спирали ползучих побегов, торчали грозные, в палец длиной, колючки, беспощадно рвавшие тело. Неистовый гомон и щебет птиц раздавались на полянах, как будто вся жизнь леса сосредоточивалась здесь.

Люди сверяли направление с солнцем и снова уходили в лесной сумрак, ориентировались по направлению дождевых промоин, по течению ручьев, по косым столбикам солнечных лучей, изредка пробивавших листву. Проводники старались не приближаться к прогалинам еще потому, что вблизи от них на деревьях водились опасные насекомые — страшные черные осы и грозные муравьи. Крупные лишаи, кожистые серые наросты и выступы покрывали стволы деревьев, мшистый зеленый покров одевал гребни высоких корней. Эти плоские корни нередко высотой в пять-шесть локтей отходили от ребер гигантских стволов, как наклонные подпорки. В глубоких ямах между ними мог бы поместиться весь отряд из девятнадцати путников. Корни деревьев заходили друг за друга и чрезвычайно затрудняли передвижение — приходилось перелезать через них или обходить, пробиваясь по узким коридорам. Ноги тонули в массе полусгнивших веток, листьев и высохших побегов, устилавших почву толстым слоем. Кучками встречались белесые грибы с тяжелым трупным запахом. Только там, где деревья не были так высоки, корни не затрудняли путь и ноги отдыхали на покрове мягких мхов. Зато в этих местах рос колючий густой кустарник, принуждавший людей делать обходы или прорубаться сквозь него, теряя силы и время. Какие-то пятнистые слизняки падали с ветвей на голые плечи путников и обжигали ядовитой слизью. Изредка в сумраке мелькала и бесшумно исчезала тень зверя — люди нередко даже не успевали определить породу животного. Ночью здесь господствовала та же глубокая тишина, нарушавшаяся жалобным воем неведомого ночного хищника или резкими криками неизвестной птицы.

Путешественники перевалили через множество невысоких горных гряд, ни разу не выходя на свободное от деревьев пространство. Между хребтами лес был еще гуще; сырой и душный, пахнущий прелой землей воздух долин стеснял дыхание людей.

Миновав долину, по дну которой катился среди больших камней быстрый поток прохладной воды, путники присели отдохнуть.

Начался долгий подъем.

Два дня поднимались в гору путники. Лес становился все гуще и непроницаемее. Исчезли поляны, на которых можно было найти пищу, поваленные гигантские деревья чаще заграждали дорогу. Отряд, избегая колючих завес из тонких упругих стеблей, свисавших сверху, или непроницаемых зарослей кустарников и мелких деревьев, пробирался на четвереньках в промоинах дождевых потоков, бороздивших склоны.

Жесткая сухая земля сыпалась из-под ладоней и колен. Люди ползли в этом лабиринте, держа направление только по водяным рытвинам.

---

[1] Древовидные папоротники циатея и тодея высотой до 10 метров.

Постепенно становилось все прохладнее, точно в самом деле отряд попал в глубокое, сырое подземелье.

Уже совсем стемнело, когда склон кончился, и, по-видимому, путники поднялись на плоскогорье. Больше не было промоин от дождевых потоков, и, чтобы не потерять направления, путешественники остановились на ночлег. Ни одной звезды не блеснуло сквозь зеленый свод. Сильный ветер бушевал где-то вверху. Пандион долго лежал без сна, прислушиваясь к гулу леса, очень похожему на шум близкого моря. Рокот, шелест и стук ветвей в порывах ветра сливались в могучие всплески, напоминавшие мерные раскаты прибоя.

Рассвет не наступал особенно долго — солнечный свет задерживался сплошным туманом. Наконец невидимое солнце одолело сумрак, и перед людьми предстало подавляющее, угрюмое зрелище.

Стволы чудовищных деревьев, в полтораста локтей высоты, с черной и белой гладкой корой, уходили своими вершинами в молочную густую мглу, совершенно скрывавшую обомшелые ветви. Пропитанные водой мхи и лишайники длинными темными космами или седыми бородами увешивали деревья, раскачиваясь подчас на страшной высоте. Вода хлюпала под ногами, выделяясь из губчатой сетки переплетенных корней трав и мхов. Густые заросли кустов с большими листьями заграждали путь. Крупные бледные цветы в виде ячеистых шаров тихо качались в тумане на длинных ножках.

Черные и белые колонны поперечником в четыре локтя громоздились несметной толпой, серый туман клубился вокруг них, по коре стекали мелкие струйки воды. Иногда стволы были одеты толстым одеялом из мокрого мха. В этом страшном лесу дальше тридцати-сорока локтей ничего не было видно; нельзя было ступить, не прорубив себе дороги у подножия древесных гигантов.

Нагромождения исполинских поваленных стволов совершенно подавляли много испытавших путников. Хуже всего была невозможность ориентироваться — ничто не давало возможности проверить взятое направление.

Негры зябли в холодном тумане, испуганные еще не виданной мощью леса; ливийцы были совсем угнетены. Путникам казалось, что они зашли в самое обиталище лесных богов, запретное для людей, откуда нет выхода.

Кави сделал знак Пандиону — оба вооружились ножами и с бешенством принялись рубить мокрые ветви. Понемногу ободрились и другие товарищи; люди работали сменяя друг друга, переползали через горы исполинских стволов, путались, ища выхода среди чудовищных корней, и снова утопали в непроходимой зелени. Часы шли и шли; все так же висела вверху мгла, все так же тяжело и медленно капала с деревьев вода, воздух не становился теплее, и только по серовато-красному оттенку тумана люди поняли, что наступает вечер...

— Нигде нет прохода! — С этим известием Кидого сел на корень, в отчаянии сжимая голову.

Два проводника вернулись еще раньше с такими же результатами. Узкая прогалина протянулась на тысячу локтей поперек прорубленного пути. Позади был мрачный гигантский лес, через который с нечеловеческими усилиями отряд пробивался три дня. Впереди стояла сплошная заросль высокого бамбука. Блестящие коленчатые стволы поднимались на двадцать локтей, плавно нагибая вниз свои тонкоперистые вер-

хушки. Бамбук рос так тесно, что не было никакой возможности проникнуть в глубь этой густой решетки из прямых, как копья, коленчатых труб. Перед путниками встала непроницаемая ограда. Полированная поверхность круглых стволов была так тверда, что бронзовые ножи путников притуплялись при первых же ударах. Для борьбы с этой стеной нужно было иметь топоры или тяжелые мечи. Обойти бамбуковую заросль было невозможно — прогалина смыкалась в том и другом конце густой чащи, а бамбуки, насколько было видно, протягивались широким поясом в обе стороны, в туманную даль плоскогорья.

Измученные холодом, недостатком пищи и борьбой со страшным лесом люди потеряли свою обычную энергию — слишком тяжело досталась им последняя часть пути! Но они не могли смириться с необходимостью повернуть назад.

Чтобы пройти сквозь эти страшные леса, мало было соблюдать прежнее направление на юго-запад, мало было прорубаться и пробиваться изо всех сил сквозь могучую растительность — нужно было еще знать, где можно пройти. Эти места могли указать только живущие в лесу люди, но они отряду не встретились. Поиски лесных людей скорее всего закончились бы гибелью путников на вертелах пиршественных костров.

«Не прошли, не пробились!» — одна и та же мысль отражалась на лицах всех девятнадцати человек: в складках суровости, гримасах отчаяния, маске застывшей покорности.

Кидого, оправившийся от первого приступа отчаяния, стоял, запрокинув голову вверх, к огромным ветвям, простертым над прогалиной на высоте ста локтей. Пандион быстро подошел к другу, поняв его мысли.

— Разве можно влезть туда? — спросил молодой эллин, глядя на совершенно гладкие стволы непомерной высоты.

— Нужно, хотя и придется потратить целый день,— хмуро сказал Кидого.— Назад или вперед, но больше нельзя идти наугад — нет еды.

— Вот с этого дерева будет хорошо видно.— Пандион указал на лесного гиганта с белой корой, выдвинувшегося на поляну; его кривые сучья образовывали звезду на фоне неба.

Кидого отрицательно покачал головой:

— Нет, белокорое дерево не годится, не подходит и с черной корой[1]. У них древесина тверда, как железо, в нее не вбить даже ножа, не то что деревянного клина. Найдем, может быть, дерево с корой красного цвета и крупными листьями[2], тогда влезем.

Люди принялись искать подходящее дерево вдоль прогалины. Вскоре возвестили, что оно найдено. Дерево было ниже железных гигантов, но стояло вплотную к бамбукам, возвышаясь над зарослью больше чем на полсотни локтей. Путники с трудом срубили два толстых бамбука, раскололи на щепки в локоть длиной, каждую заострили с одного конца. С помощью тяжелой ветки Кидого и Мпафу стали загонять в мягкую древесину дерева щепку за щепкой и, забираясь все выше, достигли спиральной лианы, обвивавшей ствол. Тогда, опоясавшись тонкими лианами, Кидого и его товарищ, изо всех сил упираясь ногами в ствол и далеко откидываясь от дерева, стали подниматься на огромную высоту. Скоро их темные фигуры сделались маленькими на фоне тяжелых облаков, затянувших небо. Пандиона вдруг обожгла зависть к друзьям. Они там,

---

[1] Деревья различных пород: железное дерево, фикус, желтое дерево, макаранга, полисцианс и многие другие.

[2] Дерево хайя, с мягкой древесиной.

наверху, видят мир, а он остается внизу, в тени, подобно большим красно-голубым червям, встречавшимся в промоинах лесной почвы.

Молодой эллин внезапно решился и схватился за вбитые бамбуковые колышки. Махнув рукой на предостерегающий окрик этруска, Пандион быстро вскарабкался на ствол, схватился за спиральную лиану, отрезал свисавший сверху тонкий конец другого ползучего растения и повторил прием Кидого. Это оказалось вовсе не легко — жесткая лиана страшно резала спину. Едва только Пандион ослаблял давление, ноги соскальзывали, он больно обдирал колени о твердую кору. С большим трудом Пандион поднялся до половины ствола. Перистые верхушки бамбуков качались под ним желтеющей неровной порослью, а до громадных сучьев все еще было высоко. Сверху раздался зов Кидого, и крепкая лиана, завернутая петлей, коснулась плеча молодого эллина. Пандион пропустил петлю под руки, лиану осторожно потянули сверху, и эта поддержка оказала эллину огромную помощь. С ободранными ногами, усталый, но радостный, молодой эллин скоро достиг нижних, самых больших ветвей. Здесь, между двумя огромными сучьями, уютно устроились Кидого и его товарищ.

С высоты восьмидесяти локтей взглянул Пандион вперед, и впервые за много дней широкий горизонт открылся перед ним. Заросль бамбука обрамляла лес на высоком плоскогорье. Бамбуковый пояс простирался в стороны насколько хватал глаз; в ширину он был не более четырех-пяти тысяч локтей. За ним торчала невысокая гряда черных скал, наклонно устремленных к западу цепью редких косых зубцов. Дальше местность опять слегка понижалась. Бесконечные округлые горы, покрытые густым лесом, курчавились, как плотные зеленые облака, разделенные впадинами ущелий, заполненных клубящейся туманной мглой. В них скрывались бесчисленные дни голодного и тяжкого сумрачного похода, именно туда лежал путь отряда. Но нигде не было заметно никакого просвета в этой сплошной зеленой массе, над которой медленно ходили большие хлопья белого тумана, ни поляны, ни широкой долины. Пробиться вперед на то расстояние, которое сейчас охватывали глаза, у путников вряд ли хватило бы сил. А дальше, за неразличимой мглой горизонта могло быть то же самое, и тогда гибель стала бы неминуемой.

Кидого отвернулся от расстилавшейся под ним дали и поймал взгляд Пандиона. Молодой эллин прочитал в выпуклых глазах друга тревогу и усталость — неистощимая бодрость негра угасла, лицо его сморщилось в горькой гримасе.

— Надо смотреть назад,— упавшим голосом сказал Кидого, вдруг выпрямился и пошел по ветви, горизонтально простершейся далеко вперед над бамбуками.

Пандион сдержал крик страха, а негр как ни в чем не бывало шел, чуть заметно покачиваясь на страшной высоте, к концу ветки, где дрожали от его шагов овальные крупные листья. Ветвь согнулась. Пандион в ужасе замер, но Кидого уже сел на развилину верхом, свесил в пустоту ноги, уперся обеими руками в тонкие ветки и стал вглядываться в пространство за правым углом прогалины. Пандион не посмел пойти за товарищем. Затаив дыхание, эллин и Мпафу ждали сообщений Кидого. Внизу, почти незаметные с высоты, следили за всем происходящим на дереве остальные шестнадцать товарищей.

Кидого долго качался на пружинящей ветке, потом, не говоря ни слова, вернулся к стволу.

— Беда не знать дороги,— уныло сказал он.— Мы могли бы пройти сюда гораздо легче... Там,— негр махнул рукой на северо-запад,— близ-

ко от нас степь. Мы должны были идти правее, не входя в лес... Нужно возвратиться к степи. Может быть, там есть люди: на краю леса всегда больше людей, чем в степи или в самом лесу.

Спуск с дерева оказался гораздо страшнее подъема. Если бы не помощь друзей, Пандион никогда не сумел бы слезть так быстро, а еще вернее — упал бы и погиб. Едва только молодой эллин ступил на землю, как ослабевшие от нервного напряжения ноги его подкосились и он растянулся на траве под смех товарищей. Кидого рассказал обо всем виденном с дерева и предложил повернуть под прямым углом в сторону от намеченного пути. К удивлению Пандиона, ни одного слова протеста не последовало со стороны товарищей, хотя всем было ясно, что они потерпели поражение в борьбе с лесом, что задержка в пути может быть очень долгой. Промолчал даже упрямый этруск Кави, должно быть понимая, как измучились люди в тяжкой борьбе, оказавшейся к тому же напрасной.

Пандион помнил о словах Кидого в начале похода и представлял себе, что путь вокруг лесов далек и опасен. Вдоль рек и на окраине леса живут свирепые племена, для которых девятнадцать путников не представляют сколько-нибудь серьезной силы...

Степь с низкими, редко и правильно расставленными деревьями, похожая на фруктовый сад, сбегала к быстрой речке. На противоположном берегу громоздилась груда камней. К ним река нанесла длинный вал из стволов, ветвей, стеблей тростника, высохших и побелевших.

Отряд беглецов, миновав пальмовую рощу, полностью поваленную слонами, расположился под густым невысоким деревом[1]. Благовонная смола стекала по стволу, свисавшие с ветвей и ствола длинные лохмотья шелковистой коры монотонно шелестели под легким ветром, навевая дремоту на уставших людей.

Внезапно Кидого поднялся на колени; насторожились и остальные. К реке приближался огромный слон. Его появление могло оказаться недобрым. Люди следили за размашистым шагом животного, неторопливо переваливавшегося как бы внутри своей собственной толстой кожи. Слон приближался, беспечно размахивая хоботом, и что-то в его повадке не походило на обычную осторожность этих чутких, внимательных животных. Вдруг послышались человеческие голоса, но слон даже не поднял своих гигантских ушей, закинутых на затылок. Озадаченные путники, переглядываясь, встали и тотчас же, как по команде, приникли к земле — рядом со слоном виднелось несколько человеческих фигур. Только теперь товарищи Пандиона увидели, что на широкой шее слона лежал человек, упираясь скрещенными руками в затылок животного. Слон подошел к реке, вступил в помутневшую под столбами его ног воду. Огромные уши вдруг растопырились, увеличив голову гиганта втрое. Маленькие коричневые глазки всматривались в глубину речки. Лежавший на слоне человек сел, громко хлопнул животное по покатому черепу. Резкий крик «хейя!» раздался по реке. Слон покачал хоботом, схватил им большой ствол из речного наноса и, высоко подняв его над головой, швырнул в середину речки. Тяжелое дерево громко плеснуло, скрывшись под водой, и вынырнуло несколько мгновений спустя ниже по течению. Слон бросил еще несколько стволов, потом, осторожно ступая, вышел на середину речки и остановился, повернувшись головой против течения.

[1] Дерево благовоний.

Тогда пришедшие вместе со слоном — их было восемь человек — чернокожие юноши и девушки с хохотом и криками бросились в холодную воду. Они возились, топили друг друга — смех и звонкие шлепки по мокрому телу далеко разносились вокруг. Сидевший на слоне весело кричал, но не переставал следить за рекой, время от времени заставляя слона бросать в воду грузные куски дерева.

Путники с удивлением смотрели на происходящее. Дружба людей с огромным слоном была невероятным, неслыханным чудом — всего в трех сотнях локтей стояло серое чудовище, покорное человеку. Как могло случиться, что животное, не знающее себе равных по величине и силе, безраздельно владычествовавшее в степях и лесах, склонилось перед человеком, таким хрупким, слабым и незначительным в сравнении с серой глыбой в шесть локтей от земли до плеча? Что это за люди, подчинившие себе гигантов Африки?

Кави с загоревшимися глазами ткнул в бок Кидого. Негр оторвался от наблюдения за веселой забавой и зашептал в ухо этруску:

— Я слыхал еще в детстве: на границе лесов и степей где-то живут люди, прозванные повелителями слонов. Вижу, что это не сказка. Вот стоит слон и охраняет купающихся от крокодилов... Говорили, что это люди родственного нам народа и язык их подобен нашему...

— Ты хочешь пойти к ним? — задумчиво спросил этруск не сводя глаз с человека на слоне.

— Хочу и не знаю... — замялся Кидого.— Если мой язык — их язык, тогда они поймут нас и мы разведаем дорогу. Но если их речь другая — плохо: они уничтожат нас, как цыплят!

— Они едят человеческое мясо? — помолчав, снова заговорил Кави.

— Я слыхал, что нет. Этот народ богат и силен,— отвечал негр, в замешательстве грызя травинку.

— Я бы попробовал узнать их язык теперь же, не заходя в их селение,— сказал этруск.— Здесь только невооруженная молодежь, и, если сидящий на слоне нападет на нас, мы укроемся в траве и кустах. А в селении мы все погибнем, если не сговоримся с победителями слонов...

Совет этруска поборол сомнения Кидого. Негр выпрямился во весь свой высокий рост и медленно пошел к реке. Крик слоновожатого прекратил возню купальщиков; те замерли по пояс в воде, глядя на противоположный берег.

Слон грозно повернулся в сторону приближающегося Кидого, хобот, шурша, взвился над длинными белыми бивнями, уши опять раскинулись широкими обвисшими крыльями. Сидевший на слоне вглядывался в пришельца; в правой руке вожатого слегка покачивался поднятый наготове широкий нож с крючком на конце.

Кидого молча подошел почти к самой воде, положил на землю копье, наступил на него ногой и развел в стороны безоружные руки.

— Здравствуй, друг,— медленно и старательно выговаривая слова, сказал Кидого.— Я здесь со своими товарищами. Мы одинокие беглецы, возвращающиеся на родину, и хотим просить помощи у твоего племени...

Слоновожатый молчал. Притаившиеся под деревом путники с замиранием сердца ожидали, поймет он речь Кидого или нет. От этого зависела судьба скитальцев.

Слоновожатый опустил нож. Слон переступил в журчавшей вокруг его ног воде, свесив хобот между бивнями. Вдруг туземец заговорил, и вздох облегчения вырвался из груди Пандиона, а стоявший в напряжении Кидого радостно встрепенулся. Речь слоновожатого отличалась резкими ударениями и шипящими звуками, отсутствовавшими в певучем языке Кидого, но даже Пандион узнал в ней знакомые слова.

— Откуда ты, пришелец?— раздался вопрос, с высоты слона звучавший надменно.— Где твои товарищи?

Кидого объяснил, что они были в плену в Та-Кем и пробиваются на родину — на берег моря. Негр жестом подозвал товарищей — все девятнадцать человек, исхудалые и мрачные, встали на берегу.

— Та-Кем...— по складам произнес слоновожатый.— Что это такое, где такая страна?

Кидого рассказал о могущественной стране на северо-востоке, расположенной вдоль огромной реки, и слоновожатый удовлетворенно закивал головой.

— Я слыхал о ней — это страшно далеко. Как вы могли пройти оттуда?— В словах слоновожатого зазвучало недоверие.

— Это длинная речь,— устало сказал Кидого.— Посмотри на них,— негр указал на Кави, Пандиона и группу ливийцев,— разве ты видел таких людей?

Слоновожатый с интересом разглядывал необыкновенные лица. Недоверие в его взгляде постепенно исчезало, потом он хлопнул рукой по затылку слона:

— Я молод и не могу ничего решить без старших. Перейдите на наш берег, пока слон в реке, и ждите. Что передать вождям от вас?

— Передай, что усталые путники просят разрешения отдохнуть в селении и узнать дорогу к морю. Больше нам ничего не нужно,— четко ответил Кидого.

— Неслыханное дело, невиданные люди!— с интересом заключил слоновожатый, повернулся к своим соплеменникам и закричал:— Идите вперед, я догоню!

Молодые люди, безмолвно созерцавшие пришельцев, послушно бросились на берег, оглядываясь и переговариваясь. Слоновожатый повернул слона боком к течению. Путники по грудь в воде перебрались на другой берег. Тогда слоновожатый, заставив животное идти быстрым шагом, исчез в редких деревьях следом за купальщиками. Бывшие рабы уселись на камнях в тревожном ожидании. Больше всех волновались ливийцы, но Кидого уверял, что повелители слонов не сделают им ничего дурного.

Вскоре в степи показались четыре слона. На спинах животных были привязаны широкие помосты из плетеных ветвей. На каждом помосте сидело шесть воинов, вооруженных луками и очень широкими копьями. Под этой охраной бывшие рабы дошли до селения, находившегося неожиданно близко от места встречи — у поворота той же речки, в четырех тысячах локтей на юго-восток.

На всхолмленной местности, утопая в высокой зелени, издалека виднелось около трехсот хижин.

Слева раскинулся редкий лес, направо, в стороне, стояла высокая изгородь из огромных заостренных столбов, подпертых наружными раскосинами. Вокруг шел глубокий ров, усаженный по краю частоколом острых бревен. Пандион подивился размерам сооружения, а Кидого высказал догадку, что там, по-видимому, держат слонов.

Опять, как и много дней назад, на востоке, пришельцы предстали перед вождями и старейшинами огромного селения, опять рассказывалась необыкновенная повесть о мятежных рабах, к которой прибавился новый подвиг далекого пути по неизвестной стране. Вожди подробно расспрашивали путников, осматривали их оружие, красные клейма с именем фараона на спинах, заставляли Пандиона и Кави рассказывать о своих странах на севере далекого моря. Пандиона удивил широкий кругозор этих людей — они не только слыхали о стране Нуб, откуда пришли чужеземцы, но знали еще множество мест Африки на восток, север, юг и запад.

Кидого торжествовал: теперь повелители слонов покажут дорогу к родине, и скитальцы быстро достигнут ее, следуя верным путем.

Короткое совещание старейшин решило участь пришельцев: им было позволено отдохнуть несколько дней в селении, получить кров и пищу по священному долгу гостеприимства.

Бывших рабов поместили в большой хижине на окраине селения — усталые путники могли спокойно отдыхать. Еще больше подбодрило их то, что близок конец странствованиям.

Пандион, Кидого и Кави бродили по селению, присматриваясь к жизни народа, внушавшего им уважение своей властью над гигантскими животными. Пандион изумлялся длинным загородкам для привязи скота, сделанным из слоновых бивней[1]. Молодому эллину чудилось в этом нарочитое презрение к страшным чудовищам. Каким же количеством клыков располагал народ, если мог тратить драгоценную слоновую кость на такие пустяковые дела? Когда Пандион задал такой вопрос одному из жителей поселка, тот важно посоветовал ему попросить у вождей разрешения осмотреть большой склад в центре поселения.

— Там сложено клыков вот столько!— Человек показал на прогалину между двумя хижинами длиной в полтораста локтей и затем поднял над головой палку, обозначив высоту сложенной из бивней стены.

— Как вы можете повелевать слонами?— не утерпев, задал вопрос Пандион.

Собеседник его нахмурился и подозрительно посмотрел на эллина.

— Это тайна для чужеземцев,— медленно ответил он.— Спроси, если хочешь, об этом у вождей. Те из них, которые носят на шее золотую цепь с красным камнем, и есть главные учителя слонов...

Пандион вспомнил, что им было запрещено приближаться к окруженной рвом изгороди, и замолчал, досадуя на себя за промах. В это время Кидого позвал друга — негр оказался под длинным навесом, где работали несколько человек. Пандион увидел там гончарную мастерскую — мастера повелителей слонов изготовляли большие глиняные горшки для зерна и пива.

Кидого не утерпел. Взяв большой ком хорошо размешанной влажной глины, негр уселся на корточки, поднял глаза к тростниковому потолку, подумал и принялся лепить уверенными движениями своих больших, истосковавшихся по любимой работе рук. Пандион следил за работой друга; мастера, пересмеиваясь, не прерывали своего дела. Медленно срезали, сглаживали и приминали глину черные руки, в бесформенной массе стали намечаться контуры широкой заостренной спины, складок кожи, свисавшей мешком с плеч,— в глине выступил характерный облик слона. Гончары умолкли и, оставив работу, окружили Кидого, а тот, увлекшись, не обращал ни на кого внимания.

Вот твердо стали на почву толстые ноги, слон поднял голову с вытянутым вперед хоботом. Кидого нашел несколько палочек и, воткнув их веером, вылепил на этой основе раскинутые в сторону перепончатые уши. Восторженные восклицания послышались... и смолкли. Один из гончаров незаметно вышел из-под навеса и исчез.

Кидого работал над задними ногами слона, не замечая, что в круг собравшихся зрителей вошел вождь — старик с длинной, худой шеей, с массивным крючковатым носом и маленькой поседевшей бородкой. На

---

[1] Загородки из слоновых бивней встречались в верховьях Нила у шиллуков еще в середине XIX века.

груди вождя Пандион увидел красный камень на золотой цепи — это был один из главных учителей слонов.

Старик молча следил за окончанием работы негра. Кидого отошел, потирая запачканные в глине ладони, улыбаясь и критически осматривая фигуру слона высотой в локоть. Горшечники одобрительно завопили. Старый вождь поднял тяжелые брови, и шум утих. Старик с видом знатока притронулся к мокрой глине, потом сделал Кидого знак подойти к нему.

— Ты, я вижу, мастер,— многозначительно произнес вождь,— если легко и просто сделал то, чего не может ни один из нашего народа. Отвечай: можешь ли ты сделать такое же изображение, но не слона, а человека?— И вождь ткнул себя в грудь.

Кидого отрицательно замотал головой. Вождь помрачнел.

— Но среди нас есть мастер лучше меня, мастер далекой северной страны,— сказал Кидого.— Твое изображение может сделать он.— Негр указал на стоявшего поблизости Пандиона.

Старик повторил свой вопрос, обращаясь к молодому эллину. Пандион увидел умоляющие глаза друга и согласился.

— Только знай, вождь,— сказал Пандион.— На моей родине высекают фигуры из мягкого камня или вырезают из дерева. Здесь у меня нет ни инструментов, ни камня, я могу тебя сделать только из этой же глины. Вот так...— И молодой эллин провел ребром ладони поперек груди.— Глина скоро высохнет и растрескается, твое изображение простоит лишь несколько дней...

Вождь улыбнулся.

— Я хочу только посмотреть, что может сделать чужеземный мастер,— сказал старик.— И наши мастера пусть посмотрят.

— Хорошо, я попробую,— отвечал Пандион.— Но тебе придется сидеть передо мной, пока я буду работать.

— Зачем?— удивился вождь.— Разве ты не можешь лепить, как он?— Старик показал на Кидого.

Пандион замялся, подыскивая слова.

— Я сделал просто *слона*,— вмешался в разговор Кидого.— Но разве ты, учитель слонов, не знаешь, что один слон не походит на другого? Только незнакомому с ними человеку слоны кажутся все, как один.

— Ты сказал верно,— согласился вождь.— Для меня видна сразу душа любого слона, и я могу предсказать его поведение.

— Вот,— подхватил Кидого,— чтобы сделать такого слона, я должен видеть его перед глазами. Так и мой товарищ: он сделает не просто человека, а именно тебя, и ему нужно смотреть на тебя при работе.

— Я понял,— сказал старик.— Пусть твой товарищ приходит ко мне в час дневного отдыха, и я буду сидеть перед ним.

Вождь удалился. Гончары поставили глиняное изображение слона на деревянную скамейку. Любопытные жители всё прибывали.

— Ну, Пандион,— сказал Кидого другу,— в твоих руках наша судьба. Если твоя статуя понравится вождю, повелители слонов помогут нам...

Молодой эллин кивнул головой, и оба друга пошли к дому, провожаемые толпой детей, следовавших по пятам за странными пришельцами.

— Ты можешь говорить?— спросил вождь, откинувшись на высоком неудобном сиденье, в то время как Пандион торопливо накладывал принесенную гончаром глину на толстый обрубок дерева.— Это не помешает твоему делу?

— Могу, только я плохо знаю ваш язык,— отвечал Пандион.— Я не смогу понять всего, что ты скажешь, и буду отвечать тебе малыми словами.

— Тогда позови твоего друга, жителя приморских лесов, пусть он будет с тобою. Мне скучно сидеть подобно безъязычной обезьяне!

Явился Кидого и уселся, поджав ноги, у стула вождя, между стариком и Пандионом. С помощью негра вождь и эллин смогли довольно свободно беседовать. Вождь расспрашивал Пандиона о его земле, и Пандион проникся доверием к умному, много повидавшему повелителю слонов.

Пандион рассказал старику о своей жизни на родине, о Тессе, о путешествиях на Крит, рабстве в Та-Кем и своих намерениях вернуться на родную землю. Он говорил, пальцы его лепили, а Кидого переводил все сказанное.

Скульптор работал с особенным вдохновением и упорством. Статуя вождя чудилась ему указательным столбом в гавани его родины. Воспоминания разожгли нетерпение, остановка у повелителей слонов опять томила молодого эллина.

Старик вздохнул и пошевелился: он, видимо, устал.

— Скажи мне что-нибудь на своем языке,— вдруг попросил старый вождь.

— То элленикон элефтерон!— громко произнес Пандион.

Странно зазвучали здесь, в глубине Африки, слова, которые так любил повторять его дед, рассказывая мальчику Пандиону о славе и героях родного народа.

— Что ты сказал?— переспросил вождь.

Пандион объяснил, что эти слова выражают мечту каждого жителя его страны: «Эллинское свободно».

Старик задумался. Кидого осторожно заметил Пандиону, что вождь устал и на сегодня хватит.

— Да, довольно!— поднял голову учитель слонов.— Приходи завтра. Сколько дней тебе еще нужно?

— Три дня!— уверенно сказал Пандион, несмотря на предостерегающие знаки Кидого.

— Три дня — это ничего, я потерплю,— согласился старик и поднялся с сиденья.

Пандион и Кидого обернули глину мокрой тканью и убрали в темную кладовую, рядом с домом вождя.

На второй день оба друга рассказали вождю о Та-Кем, его могуществе, исполинских постройках. Старик хмурился, но слушал с интересом. Когда Пандион упомянул об однообразии узкого мира египтян, вождь оживился.

— Теперь пора вам узнать о моем народе,— важно сказал старик.— Вы унесете вести о нем в ваши далекие страны.

И вождь поведал друзьям, что повелители слонов, пользуясь своим могуществом, совершают далекие путешествия по стране. Единственная опасность, которая грозит им, едущим на слонах, исходит от встречных стад слонов: слон всегда может неожиданно решиться уйти к своим диким сородичам. Но есть известные способы предотвратить это.

Вождь говорил о том, что дальше на восток и юг от тех мест, где жили у гостеприимного народа бывшие рабы, за болотами и горами лежат пресные моря[1]. Они так велики, что по ним можно плавать только на особых лодках, и для того, чтобы пересечь пресное море, требуется несколько дней. Эти пресные моря идут цепью друг за другом в южном направлении, окаймлены горами, извергающими дым, пламя и огненные реки. Но за

[1] *Пресные моря* — цепь Великих озер Восточной Африки.

морями опять идет суша — высокие плоскогорья, населенные многочисленными животными, а настоящий край земли — берег бесконечного моря — лежит на восток за каймой болот.

На плоскогорьях стоят не очень далеко друг от друга две гигантские, ослепительно белые горы[1], красоту которых не может представить человек, не видевший их.

Дремучие леса опоясывают эти горы, в лесах обитают дикие люди и таинственные звери редкой древней породы, описать которые невозможно. Повелители слонов видели ущелья, заваленные огромными костями вперемешку с останками людей и обломками их каменного оружия. Дикие кабаны, ростом с носорога, иногда попадались в зарослях вблизи северной белой горы, и один раз видели там животное не меньше слона, только более тяжелое, с двумя рогами, расположенными рядом на конце морды.

На пресных морях живут люди в плавающих селениях[2], неуязвимые для врагов и сами не дающие никому пощады.

Пандион спросил вождя, как далеко идет на юг земля Африки и верно ли то, что там солнце опять спускается ниже.

Старик воодушевился. Оказалось, что он сам начальствовал в великом походе на юг, когда ему не исполнилось еще сорока лет.

Они шли на двадцати отборных слонах за золотом и за драгоценной травой тамошних степей, возвращающей силы старикам и больным.

За большой рекой[3], текущей с запада на восток, где гремят исполинские водопады и в столбах водяных брызг стоит вечная радуга, простирается необозримая степь голубых трав[4]. По краям степи, вдоль моря, на западе и на востоке растут могучие деревья, листья которых будто сделаны из полированного металла и горят на солнце, как миллионы зеркал[5].

Цвет травы и листьев на дальнем юге не зеленый, а серый, голубой или сизый, что придает местности чужой и холодный вид. И на самом деле, чем дальше на юг, тем холоднее. Дожди, которые там наступают во время нашей засухи, кажется, совсем уносят тепло.

Старик рассказал Пандиону о необычайном серебряном дереве, встречающемся далеко на юге, в горных ущельях. Это дерево, высотой до тридцати локтей, имеющее тонкую, поперечно морщинистую кору, густые ветви, покрытые блестящими, как серебро, и мягкими, как пух, листьями, исполнено волшебного очарования.

Бесплодные каменистые горы поднимаются исполинскими лиловыми башнями и отвесными стенами, а у их подножия ютятся корявые деревья, покрывающиеся большими пучками ярко-красных цветов.

В бесплодных местах степи и на россыпях скал растут уродливые кусты и низкие деревья[6]. Мясистые листья, наполненные ядовитым соком, сидят, как растопыренные пальцы, на самых концах попарно разветвлен-

---

[1] Подразумеваются *Кения и Килиманджаро* — две высочайшие вершины Африки с вечными снегами и ледниками.

[2] *Плавающие селения* встречаются в настоящее время на Великих озерах. Построены на больших плотах.

[3] Замбези с ее знаменитым водопадом Виктория.

[4] *Степь голубых трав* — южноафриканская степь. Южная Африка отличается особенной растительностью, в которой преобладает сизая, голубоватая и зеленовато-голубая окраска растений.

[5] Деревья с зеркально блестящими листьями характерны для лесов Южной Африки.

[6] Разные виды алоэ семейства лилейных, также драконовых, деревьев.

ных, устремляющихся прямо в небо ветвей. У других такие же листья, красноватого цвета, загибаются вниз и образуют густую шапку на конце кривого ствола без ветвей, в четыре локтя высоты.

Близ рек и на опушках лесов встречаются развалины древних построек, сделанных из огромных камней — видимо, могущественным и искусным народом. Однако сейчас никто не живет около развалин, только страшные дикие собаки воют в них при свете луны. По степи бродят кочевники-скотоводы или нищие охотники. Еще дальше на юг обитают народы с серой светлой кожей[1], владеющие бесчисленными стадами, но туда не заходил отряд повелителей слонов.

Пандион и Кидого жадно слушали вождя. Повесть о голубой южной степи казалась сказкой, вплетенной в действительность, но голос старика звучал убедительно, он часто устремлял вдаль возбужденно блестевшие глаза, и Пандиону казалось, что перед стариком проходили сохраненные памятью картины.

Вдруг вождь оборвал рассказ.

— Ты перестал работать,— усмехнулся он.— Тогда мне придется сидеть перед тобой еще много дней!

Пандион заторопился, но это, пожалуй, было не нужно: молодой скульптор чувствовал, что бюст старого вождя удался ему, как ни одна вещь прежде. Мастерство зрело в нем незаметно и постепенно, несмотря на все перенесенные испытания; опыт и наблюдения в Айгюптосе не прошли даром.

На третий день Пандион несколько раз сравнивал лицо вождя со своей глиняной моделью.

— Готово!— сказал он, глубоко вздохнув.

— Ты кончил?— переспросил вождь и на утвердительный кивок головы скульптора встал и подошел к своему изображению.

Кидого восторженно смотрел на создание Пандиона, едва сдерживая слова одобрения.

Одноцветная глина приняла все характерные черты властного, умного и сурового лица с твердыми, выдвинутыми вперед челюстями, широким покатым лбом, тяжелыми губами и раздувшимися ноздрями толстого носа.

Старый вождь негромко крикнул, обернувшись к дому. На зов появилась одна из жен, молодая, с множеством мелких косичек, подрезанных челкой над бровями. Она подала старику круглое зеркало из полированного серебра, явно северной работы, неведомыми путями попавшее в глубь Африки. Вождь поднес зеркало на вытянутой руке к щеке изваяния и сосредоточенно стал сравнивать свое отражение с творением Пандиона.

Пандион и Кидого ожидали суждения старика. Долго молчал вождь, наконец опустил зеркало и тихо сказал:

— Велика сила человеческого умения... Ты, чужеземец, владеешь этой силой, как никто в нашей стране. Ты сделал меня лучше, чем я есть,— значит, ты думаешь обо мне хорошо. Я отплачу тебе тем же. Какой бы ты хотел награды?

Кидого подтолкнул Пандиона, но молодой эллин ответил мудрому старику словами, казалось исходившими из самого сердца:

— Вот я весь перед тобой. У меня нет ничего, кроме копья, подаренного мне...— Пандион запнулся и порывисто закончил: — И мне ничего не нужно здесь, в чужой для меня стране... Еще у меня есть родина —

[1] Народы готтентотского типа в древние времена были распространены гораздо шире, чем теперь. Есть основания думать об их родстве с древними египтянами.

она так далеко от меня, но это самое большое мое богатство. Помоги мне вернуться туда!

Учитель слонов положил руку на плечо молодого эллина отеческим жестом:

— Мне хочется еще говорить с тобой — приходи завтра вместе с твоим другом. А сейчас покончим дело. Я велю нашим мастерам высушить глину так, чтобы она не растрескалась. Теперь я хочу сохранить свое изображение. Они вынут лишнюю глину изнутри и покроют ее особой смолой — они умеют это делать. Только мне не нравятся слепые глаза. Можешь ты вставить в них камни, которые я тебе дам?

Пандион согласился. Старик снова позвал жену; она появилась с ящиком, обтянутым леопардовой шкурой.

Из ящика вождь достал объемистый мешочек и высыпал из него на ладонь горсть крупных, прозрачных, как вода, граненых камней овальной формы. Необычайный и искрящийся блеск их привлек внимание Пандиона — каждый камень как бы собирал в себе всю силу солнечного света, оставаясь вместе с тем холодным, прозрачным и чистым[1].

— Я всегда желал иметь такие глаза,— сказал вождь,— чтобы они собирали свет жизни, не меняясь сами. Выбери лучшие и вставь их.

Молодой скульптор повиновался. Статуя вождя приобрела особенный, непередаваемый вид. В серой сырой глине сияли на месте глаз светоносные камни — от их блеска лицо наполнилось волшебной жизнью. Контраст, сначала показавшийся Пандиону неестественным, потом изумил его. Чем дольше он всматривался, тем бóльшую гармонию видел он в сочетании прозрачных глаз с темной глиной скульптуры.

Учитель слонов был очень доволен.

— Возьми себе на память эти камни, чужеземный мастер! — воскликнул вождь и высыпал в горсть Пандиону несколько штук. Некоторые превышали величиной косточку сливы.— Эти камни тоже из южных степей: их находят там в реках. Тверже и чище этих камней нет ничего в мире. Покажи на своей далекой родине чудеса юга, добытые повелителями слонов.

Пандион, поблагодарив старика, ушел, на ходу пряча подарок в мешочек с камнем Яхмоса.

— Не забудь, приходи завтра! — крикнул ему старый вождь.

В хижине бывшие рабы оживленно обсуждали, что получится в результате успеха, выпавшего на долю Пандиона. Надежда на скорое продолжение пути все крепла. Казалось невозможным, чтобы повелители слонов не отпустили путников и не показали им верной дороги.

В назначенное время Пандион и Кидого появились у дома вождя. Старик поманил их рукой. Друзья уселись у ног учителя слонов, стараясь скрыть волнение.

Старик посидел некоторое время молча, потом заговорил, обращаясь сразу к обоим:

— Я совещался с другими вождями, и они согласны со мной. Через пол-луны, после большой охоты, мы отправляем отряд на запад за целебными орехами и золотом. Шесть слонов пойдут через лес и дальше, в верховья большой речки, в семи днях пути отсюда... Дай мне палку! — приказал вождь Пандиону.

На земле старик начертил берег морского залива, углом врезающегося в сушу, и Кидого слабо вскрикнул. Вождь провел извилистую черту, обоз-

---

[1] Алмаз.

начавшую речку с разветвлением на конце, и поставил в развилине крестик.

— Слоны дойдут вот сюда, вы пойдете за ними следом и легко перейдете лес. Дальше вам придется идти самим, но до моря останется пять дней пути...

— Отец и владыка, ты спасаешь нас! — вне себя закричал Кидого.— Эта речка течет уже в пределах моей страны, и мне знакомо золотоносное плоскогорье...— Негр вскочил и заметался перед вождем.

— Я знаю,— спокойно сказал старик, насмешливо улыбаясь.— Я знаю твой народ и твою страну и некогда знал там сильного вождя Иорумефу.

— Иорумефу! — захлебнулся Кидого.— Это мой дядя по матери...

— Хорошо,— перебил вождь негра.— Ты передашь ему привет от меня. Теперь ты понял все? — И, не дожидаясь ответа, он закончил: — Я хочу говорить с твоим другом.— Вождь повернулся к Пандиону.— Я чувствую, ты будешь большим человеком в своей стране, если удастся тебе вернуться на родину. Ты расскажешь там о нас. Народы должны знать друг друга, а не бродить в потемках, вслепую, подобно стадам животных в степи или в лесу. Одни искусны в охоте, другие племена — в мастерстве, или добывании металлов, или плавании... Хорошо бы нам учиться друг у друга, передавать знания. Тогда могущество людей быстро возросло бы!

— Ты прав, мудрый вождь,— ответил Пандион,— но почему же тогда вы окружаете такой тайной обучение слонов? Почему не расскажете об этом другим племенам, чтобы те тоже жили в довольстве, подчинив себе страшных великанов?..

— Обучение слонов — тайна только для глупцов,— улыбнулся старик.— Любой умный человек легко ее разгадает... Но, помимо тайны, есть тяжелый и опасный труд, исполненный бесконечного терпения. Мало одного ума — нужна еще и работа. Мало в здешней земле племен, которые обладали бы сразу тремя качествами, имеющимися у моего народа: умом, трудолюбием и безмерной отвагой. Чужеземец, знай, что взрослого слона приручить невозможно. Мы ловим их совсем молодыми. Молодой слон обучается десять лет. Десять лет упорного труда нужно затратить, чтобы животное стало понимать приказания человека и выполнять нужную работу.

— Десять лет! — воскликнул озадаченный Пандион.

— Да, не меньше, если ты правильно определил характер слона. Если ты ошибся, ты не справишься с ним и в пятнадцать. Среди слонов есть и упрямцы и тупицы. Не забудь еще, что добыча молодых слонов связана с огромной опасностью. Мы должны ловить их своими руками, без помощи обученных слонов, иначе прирученные животные тоже уйдут со стадом. Они помогают уже потом, когда стадо прогнано, а молодые слоны схвачены. На каждой охоте всегда гибнет несколько наших храбрецов...— В голосе вождя послышался отзвук печали.— Скажи, ты видел упражнения наших молодых воинов?.. Да? Это тоже необходимое для ловли слонов искусство.

Пандион несколько раз смотрел на необыкновенные игры повелителей слонов. Воины вкапывали на ровной полянке два высоких шеста и привязывали к ним поперечную бамбуковую перекладину на высоте пяти локтей от земли. Затем, разбежавшись, они как-то по-особенному, боком, вскидывались в воздух и перелетали через перекладину. Тело прыгуна изгибалось, почти складываясь пополам, и летело в высоту правым боком по направлению прыжка. Пандион никогда не видел таких высоких

прыжков. Некоторые, более умелые, прыгали на высоту даже шести локтей. Молодой эллин, удивленный искусством повелителей слонов, не понимал, однако, для чего им нужно это умение. Слова сурового вождя немного разъяснили ему значение упражнений.

Вождь помолчал, потом повысил голос:

— Теперь ты видишь, насколько трудно это дело. Охотятся на слонов и другие племена. Они убивают их с деревьев тяжелыми копьями, загоняют в ямы, подкрадываются во время сна в лесу.— Вот что,— вождь хлопнул себя по колену,— я велю взять тебя на охоту за слонами. Она будет скоро, до того, как пойдет отряд в западный лес. Хочешь увидеть славу и муку моего народа?

— Хочу и благодарю тебя, вождь. А товарищам можно будет пойти со мною?

— Нет, всех вас слишком много. Позови с собой одного-двух, иначе вы окажетесь помехой.

— Пусть со мной пойдут два моих друга: вот он,— Пандион указал на Кидого,— и еще один...

— Кто — тот, угрюмый, густобородый? — спросил учитель слонов, подразумевая Кави.

Молодой эллин подтвердил правильность его догадки.

— Я хотел бы тоже побеседовать с ним, пусть он придет ко мне,— сказал старик.— Ты, наверно, хочешь скорее передать товарищам весть о том, что мы согласны помочь вам. Когда мы назначим день охоты, тебе скажут.— И старик жестом руки отпустил обоих друзей.

Под зловещие удары барабанов охотники собрались в дорогу. Часть выступала на слонах, нагруженных веревками, едой и водой, другие пошли пешком. К ним примкнули Кави, Кидого и Пандион, вооруженные своими могучими копьями. Двести охотников перешли речку и двинулись по степи в северном направлении, к гряде обнаженных скал, едва видневшихся в синей дымке над горизонтом. Охотники шли очень быстро, так что даже таким ходокам, как три друга, было нелегко поспеть за ними.

От подошвы горной гряды к югу и востоку степь была совершенно плоской, с выжженными большими и ровными участками. Желтая равнина под ветром покрывалась облачками пыли, обегавшими тусклую зелень деревьев и кустарников. Ближайшие обрывы были видны ясно, но дальние скалы скрывались серо-голубым туманом. Закругленные вершины выступали, как огромные черепа призрачных слонов; более низкие топорщились, напоминая спины крокодилов.

Заночевав у южного конца цепи утесов, повелители слонов на рассвете двинулись вдоль их восточного склона. Впереди над равниной клубилось красноватое марево, в нем дрожали и расплывались силуэты деревьев. Обширное болото простиралось на север. От толпы охотников отделился юноша, велел чужеземцам следовать за ним и начал взбираться на горную гряду.

Кави, Пандион и Кидого поднимались по уступу на высоту в двести локтей. Над их головами возвышался пышущий жаром каменный откос, по ярко-желтой поверхности скал змеились черные трещины. Охотник довел друзей до выступа, приходившегося против края болота, велел укрыться за пучками жесткой травы и камнями, сделал знак молчания и исчез.

Этруск, негр и эллин долго лежали под палящими лучами солнца, не смея разговаривать. Ни одного звука не доносилось со стороны расстилавшейся внизу долины.

Вдруг слева послышался неясный хлюпающий шум, приближавшийся и усиливавшийся. Пандион осторожно выглянул из-за камня сквозь едва колеблющуюся траву и замер. Темно-серая туча тысяч слонов покрыла болото. Гигантские животные проходили наискось от гряды скал и, пересекая границу степи и болота, направлялись на юго-восток.

Тела животных ясно выделялись на желто-серой траве. Слоны шли стадами от ста до пятисот штук, группы следовали одна за другой цепью с небольшими промежутками. Каждое стадо грудилось плотной массой, животные тесно прижимались друг к другу, и сверху казалось, что движется сплошное серое пятно с волнистой поверхностью сотен спин, испещренной белыми черточками бивней.

На топких местах стадо растягивалось в узкую ленту. Некоторые слоны бросались в стороны, растопыривая уши и смешно расставляя выпрямленные задние ноги, но потом снова вливались в поток. Одни, большей частью огромные самцы, не торопясь переставляли ноги, опустив головы и уши; другие важно выступали, высоко приподняв переднюю часть тела и перекрещивая задние ноги; третьи часто поворачивались боком, оттопыривая тонкие хвосты. Бивни самой различной величины и формы, короткие и длинные, почти касавшиеся земли, изогнутые и прямые, белели в темно-серой массе огромных тел.

Кидого приблизил губы к уху Пандиона.

— Слоны переходят на болота и реки — степь высохла,— прошептал негр.

— А где же охотники?— спросил молодой эллин.

— Они спрятались. Ждут стада, где много маленьких слонов — такое стадо пойдет сзади всех. Здесь, видишь, только взрослые...

— Почему у одних слонов короткие бивни, а у других они длинные?

— У них бивни сломаны.

— В битве между собою?

— Мне говорили: между собой слоны дерутся редко. Гораздо чаще слон ломает бивни, когда валит деревья. Бивнями он выворачивает деревья, чтобы съесть плоды, листья и тонкие ветви. У лесных слонов бивни гораздо крепче, чем у степных,— вот почему из лесов идет для торговли твердая слоновая кость, а из степей — мягкая.

— А эти слоны степные или лесные?

— Степные. Посмотри сам.— Кидого указал на старого слона, замешкавшегося недалеко от скалы, где сидели друзья.

Серый великан, стоя по колени в траве, повернулся прямо к смотревшим на него. Широко раскинутые уши оттопырились, кожа их натягивалась, как парус, нижние края обвисали мелкими складками. Слон опустил голову. От этого движения покатый лоб животного выдвинулся вперед, глубокие ямы ввалились между глазами и теменем, и вся голова сделалась похожей на толстую, утончающуюся книзу колонну, незаметно переходящую в отвесно опущенный хобот. Поперечные складки, похожие на темные кольца, пересекали хобот на равных промежутках. У основания его косо в стороны и книзу расходились кожистые трубки, из которых торчали очень толстые и короткие бивни.

— Я не понимаю, как ты узнал, что слон степной,— прошептал Пандион, внимательно осмотрев спокойного старого великана.

— Видишь его бивни? Они не сломаны, а стерты. У старика они не растут, как у слона в расцвете сил, и он сильно стер их потому, что они мягкие. У лесного слона не увидишь таких бивней — они чаще бывают тонкие и длинные...

Друзья тихо переговаривались. Время шло. Передние слоны скрылись за горизонтом, стадо превратилось в темную полосу.

Слева показалось еще одно большое стадо. Во главе шли четыре самца чудовищной величины — около восьми локтей высоты. Они двигались, покачивая головами, и длинные, слегка изогнутые бивни то поднимались, то касались травы острыми концами.

В стаде было много слоних, отличавшихся впалыми спинами и большими складками кожи на боках. За ними, вплотную к задним ногам, неуверенно шли маленькие слонята, а сбоку, несколько особняком, весело ступала подросшая молодежь. Маленькие бивни и уши, небольшая продолговатая голова, большой живот и одинаковая высота передних и задних ног отличали их от взрослых.

Друзья поняли, что приближается решительный момент охоты. Маленьким слонам трудно было идти по болоту, и стадо отклонилось вправо, выбравшись на твердую почву между кустарниками и редкими деревьями.

— Почему слон, такой тяжелый, не вязнет в болоте?— опять спросил Пандион.

— У него особые ноги,— начал Кидого,— он...

Оглушительный гром металлических листов и барабанов, неистовые вопли внезапно разнеслись по степи — у друзей перехватило дух от неожиданности.

Слоновье стадо в панике ринулось к болоту, но там из травы возникла цепь людей с барабанами и трубами. Передние ряды животных отпрянули назад, остановив напор задних. Пронзительный трубящий рев испуганных слонов, гром металлических листов, хруст ломающихся ветвей — в этом адском шуме изредка пробивались тоненькие, жалобные вопли слонят. Животные заметались, то скучиваясь вместе, то бросаясь врассыпную. В хаосе мечущихся гигантов, в клубах густой пыли мелькали люди. Они не приближались к стаду, перебегали, выстраивались и снова ударяли в листы. Постепенно друзья поняли, что́ делали охотники: они отбивали молодых слонов от взрослых и оттесняли их направо, в широкое устье сухой долины, врезанной в скалистую цепь и загражденной полосой деревьев. Серые великаны устремлялись на охотников, стремясь растоптать, сокрушить неведомо откуда взявшихся врагов. Но люди, высоко подпрыгивая, на мгновение скрывались в кустарниках и деревьях. Пока разъяренные животные размахивали хоботами, разыскивая спрятавшихся врагов, с другой стороны возникали новые ряды воинов, бешено орущих и гремящих металлическими листами. Слоны бросались на этих охотников, и люди опять повторяли тот же маневр, стараясь отделить молодых животных.

Стадо отходило все дальше в степь, серые тела скрылись за деревьями, и только оглушительный шум и высоко взлетевшая пыль указывали на место охоты.

Ошеломленные друзья, пораженные бесстрашием и ловкостью людей, избегавших ярости кидавшихся на них чудовищ и неуклонно продолжавших свое опасное дело, молча смотрели на опустевшую степь с примятым кустарником и поломанными деревьями. Кидого озабоченно хмурился, прислушивался и наконец тихо сказал:

— Что-то плохо... Охота пошла не так, как нужно!

— Откуда ты знаешь это?— удивился Кави.

— Если они привели нас сюда, значит, рассчитывали, что стадо пойдет на восток, прямо от нас. А теперь стадо ушло вправо. Я думаю, это нехорошо.

— Пойдем туда,— предложил Пандион,— назад по уступу, как пришли.

Кидого недолго размышлял и согласился. В сумятице сражения их приход ничего не значил.

Укрываясь за травой и камнями, низко пригнувшись, этруск, эллин и негр передвинулись на тысячу локтей назад, вдоль скалистой цепи, пока не оказались снова над открытым местом равнины.

Друзья увидели расселину в скалах, куда охотникам удалось загнать больше десятка молодых слонов. Люди сновали между деревьями, искусно набрасывая на слонят петли, и привязывали к стволам.

Цепь охотников, вооруженных широкими копьями, замыкала выход из долины. Грохот и крики раздавались в двух тысячах локтей впереди и направо — там, по-видимому, находилась бóльшая часть стада.

Вдруг отрывистые и резкие трубные звуки послышались впереди и слева. Кидого вздрогнул.

— Слоны нападают,— тихо прошептал он.

Протяжно застонал человек, гневные крики другого прозвучали командой.

В дальнем конце открытой поляны, там, где два раскидистых дерева отбрасывали большие пятна тени, друзья заметили движение. Мгновение — и оттуда вынырнул огромный слон с растопыренными ушами и вытянутым вперед, как бревно, хоботом. Рядом с ним возникли два таких же гиганта — Пандион узнал чудовищных вожаков стада. Четвертый в сопровождении еще нескольких слонов бежал позади. Наперерез слонам справа из кустов выскочили охотники. Они вклинились между ними, на ходу бросая в слона, появившегося последним, копья. Тот неистово затрубил и бросился за людьми, быстро бежавшими в сторону болота. За ним повернули и остальные слоны. Три вожака, не обращая внимания на хитрый маневр людей, отделивших их от товарищей, продолжали нестись к долине в скалах, должно быть привлеченные криками молодых слонов.

— Худо, худо... Вожаки вернулись с другой стороны...— взволнованно шептал Кидого, сдавливая до боли руку Пандиона.

— Смотри... смотри на храбрецов!— воскликнул, забывшись, Кави.

Воины, заграждавшие вход в долину, не дрогнули, не спрятались от разъяренных чудовищ. Они выступили вперед длинной цепью. Выгоревшая низкая трава не могла скрыть ни одного движения людей.

Слон, бежавший первым, устремился прямо в середину цепи охотников. Двое людей остались неподвижными, а их соседи с обеих сторон вдруг прыгнули навстречу налетавшему чудовищу. Слон замедлил бег, высоко поднял тяжелый хобот и, злобно свистя, с топотом обрушился на людей. Не больше десяти локтей расстояния оставалось между храбрецами и слоном, когда те молниеносно прыгнули в стороны. И в этот же миг у задних ног чудовища выросли по два человека с каждой стороны. Двое вонзили широкие копья в брюхо животного, двое, откинувшись назад, ударили по его задним ногам.

Высокий свистящий звук вырвался из поднятого хобота вожака. Опустив его, слон повернул голову в сторону ближайшего справа человека. Тот не успел или не мог увернуться... Брызнула кровь, и три друга отчетливо увидели обнажившиеся на плече и боку человека кости. Раненый безмолвно упал, но и гигантский слон грузно осел на задние ноги и медленно, боком двинулся в сторону. Охотники, оставив его, присоединились к товарищам, сражавшимся с двумя другими вожаками. Те оказались умнее или уже имели опыт в борьбе с человеком: исполинские чудовища бросались из стороны в сторону, не давая возможности подкрасться к ним сзади, и задавили трех охотников.

В лучах заходящего солнца багровела пыль, застилавшая место битвы. Восьмилоктевые гиганты казались черными башнями, у подножия которых сновали бесстрашные люди. Они прыгали, увертываясь от длинных клыков, подставляли под хоботы упертые в землю копья, с криками забегали сзади, отвлекая нападающих слонов от товарищей, гибель которых была бы неизбежной.

Животные, разъяренные до неистовства, беспрерывно трубили. Когда они поворачивались головами к скале, на которой сидели три друга, то казались необычайно высокими; широкие пятна растопыренных ушей раскачивались над людьми. Сбоку слон с опущенной головой казался ниже, бивни почти загребали землю, готовые вот-вот поддеть человека. Пандион, Кидого и Кави понимали, что видят только часть сражения. Оно происходило и вдали, за деревьями, где находилось все стадо, и налево, на болоте, куда побежали охотники, отвлекая четвертого вожака и прорвавшихся с ним слонов. Что делалось там, было тайной для друзей, но они не могли думать об этом — кровавое сражение перед ними всецело завладело их вниманием.

Из-за деревьев загремели, приближаясь, барабаны — отряд в несколько десятков воинов прибыл на подмогу к сражавшимся. Вожаки слонового стада остановились как бы в нерешительности; люди грозно закричали, размахивая копьями, и тогда чудовища отступили. Они бросились к своему третьему товарищу, лежавшему на земле, и, подогнув колени, стали по бокам раненого, подсунули под него бивни и подняли на ноги. Затем, стиснув его своими телами, гиганты потащили его за деревья, уронили, опять подняли и скрылись. Несколько охотников бросились вдогонку, но были остановлены человеком, распоряжавшимся охотой.

— Не уйдет... скоро бросят... опять разъярятся,— перевел Кидого его слова.

Шум направо все удалялся и затихал: битва, по-видимому, была выиграна. Со стороны болота, с севера, показалось несколько охотников; они несли два неподвижных тела. На троих друзей никто не обращал внимания. Негр, этруск и эллин осторожно спустились в степь, чтобы осмотреть поле боя. Друзья пошли туда, где была главная часть стада. Пробиваясь через кусты, Кидого вдруг испуганно отпрянул — на сломанном от падения слоновой туши дереве лежал умирающий слон. Конец его хобота слегка шевелился. Дальше деревья становились реже, и между ними виднелась серая груда — второй слон лежал на брюхе, с подогнутыми ногами, с выгнутой горбом спиной. Почуяв приближение людей, животное подняло голову. Вокруг его потускневших и запавших глаз залегли глубокие складки кожи, придававшие слону старческое выражение бесконечной усталости. Гигант поник головой, упершись на длинные бивни, потом с глухим стуком упал на бок.

Вокруг перекликались охотники. Кидого махнул рукой и повернул назад — с юга опять показалось стадо слонов. Друзья поспешили к скалам, но тревога была ложной — это подходили обученные животные повелителей слонов. Привязанные к деревьям молодые слоны топорщили хвосты и бешено бросались на людей, стараясь достать их вытянутыми хоботами. Слоновожатые ставили прирученных слонов по бокам каждого пленника. Они сжимали пойманного своими телами и уводили к селению. На всякий случай к шее и задним ногам слоненка были привязаны канаты; каждый канат держали по пятнадцати охотников, шедших впереди и сзади.

Лица людей, усталые и похудевшие от страшного напряжения, были угрюмы. Уже одиннадцать неподвижных тел было положено на плетеные площадки на спинах слонов, а люди все еще рыскали в кустах в поисках двух куда-то пропавших товарищей.

Слонов с пойманными слонятами увели. Охотники сидели и лежали на земле, отдыхая после боя. Друзья подошли к распорядителю охоты, и Кидого осведомился, не могут ли они чем-нибудь помочь. Распорядитель сердито посмотрел на них и грубо сказал:

— Помочь? Чем вы можете помочь, чужеземцы? Охота была тяжелой, мы потеряли много храбрецов... Ждите, где вам приказано, не мешайте нам!

Друзья отошли к скалам и уселись в стороне, боясь ссоры с людьми, от которых зависело их будущее.

Кави, Пандион и Кидого лежали в ожидании, когда их позовут, и негромко разговаривали. Солнце садилось; черные тени от зубчатых скал продвигались в степь.

— Я не понимаю все же, как громадные слоны не уничтожают в бою всех охотников,— задумчиво произнес Кави.— Если бы слоны сражались крепче, они просто стерли бы людей в пыль...

— Ты прав,— отозвался Кидого.— Счастье людей в том, что у слона слабое сердце...

— Как может это быть?— изумился этруск.

— Просто слон не привык сражаться. Он так силен и велик, что на него никто не нападает, ему не грозят опасности, и только человек осмеливается охотиться на него. Поэтому серый великан не стойкий боец, его воля легко ломается, и он не выдерживает долгого сражения, если не сомнет врага сразу... Вот буйвол — другое дело. Если бы у него были ум и размеры слона, погибли бы все охотники...

Кави промычал что-то неопределенное, не зная, верить ли негру, но вспомнил, какую нерешительность в самый нужный момент боя проявляли слоны сегодня, и промолчал.

— У повелителей слонов копья совсем другие, чем у нас: лезвие восемь пальцев ширины,— вмешался Пандион.— Какую же силу надо иметь для удара таким копьем?!

Кидого вдруг встал и прислушался. Ни одного звука не доносилось с той стороны, где расположились охотники. Золотое от зари небо быстро тускнело.

— Они ушли и забыли про нас!— воскликнул негр и выбежал из-за выступа утеса.

Все было пусто кругом. Вдали слышались еле различимые голоса — охотники ушли, оставив троих друзей.

— Идем за ними скорей, путь далек!— заторопился Пандион.

Но негр остановил друга.

— Поздно, сейчас погаснет заря, и мы в темноте собьемся с дороги,— сказал Кидого.— Лучше подождать, пока взойдет луна. Это будет скоро.

Кави и Пандион согласились и прилегли отдохнуть.

Глава восьмая

СЫНЫ ВЕТРА

В непроницаемой тьме завыли гиены, жалобно завопили шакалы. Кидого нервничал, часто поглядывая на восток, где пепельно-серый просвет неба над вершинами деревьев возвещал восход луны.

— Я не знаю, есть здесь дикие собаки или нет,— бормотал Кидого.— Если они придут, будет беда. Собаки нападают дружно, всей стаей, и одолевают даже буйволов...

Небо все светлело, наконец угрюмо черневшие утесы засеребрились, деревья на степи выделились черными силуэтами. Взошла луна.

Крепко сжимая копья, оглядываясь и прислушиваясь, этруск, негр и эллин пошли на юг, вдоль скалистой цепи. Они спешили покинуть мрачное место битвы, где за кустами и деревьями валялись трупы слонов и пировали пожиратели падали. Вой затих позади, степь молчала. Казалось, все вымерло вокруг — только быстрые шаги путников нарушали ночной покой.

Кидого старательно избегал густых рощиц и зарослей кустарника, там и сям возвышавшихся по степи таинственными черными холмами. Негр выбирал путь посередине открытых полян, белевших между зарослями, как озера в лабиринте черных островов.

Скалистая цепь отогнулась к западу, узкая роща прижала путников к утесам. Кидого повернул направо и пошел по длинной каменистой площадке, спускавшейся к югу. Внезапно негр остановился и, круто повернувшись назад, стал прислушиваться. Пандион и Кави напрягли внимание, но ни одного звука не было слышно вокруг. По-прежнему царила глубокая тишина.

Кидого нерешительно двинулся дальше, ускоряя шаги и не отвечая на тихие вопросы этруска и эллина. Они прошли еще тысячу локтей, и негр опять остановился. Его глаза в свете луны тревожно блестели.

— Кто-то идет следом за нами,— прошептал он и прилег ухом к земле.

Пандион последовал примеру друга, этруск остался стоять, прищурив глаза и пытаясь что-нибудь разглядеть сквозь серебряную завесу лунного света, скрывавшую даль.

Пандион, прижимая ухо к горячей каменистой почве, сначала слышал только собственное дыхание. Молчаливая грозная неопределенность тревожила его. Вдруг издали донесся слабый, еле слышный шум, переданный твердой почвой. Звуки, учащаясь, равномерно повторялись четкими лязгающими ударами — клик, клик! Пандион вскинул голову и мгновенно перестал слышать. Кидого еще некоторое время прикладывал к земле то одно, то другое ухо, затем вскочил, как подброшенный пружиной:

— За нами идет большой зверь... плохо... я не знаю какой. У него когти наружу, как у собаки или гиены,— значит, это не лев, не леопард...

— Буйвол или носорог,— предположил Кави.

Кидого энергично замотал головой.

— Нет, это хищник!— уверенно отрезал негр.— Нужно спасаться. Плохо — вблизи нет ни одного дерева,— тревожно оглядываясь, шептал он.

Перед ними простиралась почти ровная щебнистая поверхность. Только пучки редкой травы и небольшие кустики торчали на ее скате.

— Вперед, скорее!— торопил Кидого, и друзья осторожно побежали, опасаясь больших колючек и трещин в пересохшей земле.

А сзади, слышный теперь уже совсем отчетливо, раздавался стук тяжелых когтей. Частота размеренных ударов говорила друзьям, что зверь тоже перешел на быстрый бег и нагоняет их. Клик, клик, клик!— тупой лязг становился все ближе. Пандион оглянулся и увидел высокий раскачивающийся силуэт, серым призраком следовавший позади.

Кидого вертел головой, стараясь различить впереди деревья, соразме-

рить расстояние и скорость бега неведомого зверя. Сообразив, что деревья еще очень далеко и добежать друзья не успеют, негр остановился.

— Зверь настигает! Нам больше нельзя оставаться спиной к нему — погибнем жалкой смертью!..— взволнованно крикнул негр.

— Нужно биться!— угрюмо проворчал Кави.

Три друга стали рядом, повернувшись лицом к грозному серому призраку, приближавшемуся в тишине ночи. Зверь был молчалив, как сама ночь,— за все время погони он не издал ни единого звука, и это необычайное для хищника степей свойство больше всего пугало друзей.

Серый расплывчатый силуэт становился темнее, его контуры обозначились все резче. Не более трехсот локтей оставалось между друзьями и зверем, когда тот замедлил бег и пошел размашистым шагом, уверенный, что намеченные жертвы не уйдут.

Друзья никогда не видели такого зверя. Массивные передние лапы его были длиннее задних, передняя половина туловища сильно возвышалась над крестцом, спина была поката. На толстой шее прямо сидела тяжелая голова с массивными челюстями и крутым выпуклым лбом. Короткая светлая шерсть была испещрена темными пятнами. На загривке и на затылке дыбом торчали длинные жесткие волосы. Зверь отдаленно походил на пятнистую гиену, но невиданных, чудовищных размеров: голова его приходилась на высоте пяти локтей от земли. Широкая грудь, плечи и загривок подавляли своей массивностью, буграми выпячивались могучие мускулы, а громадные кривые когти зловеще стучали, нагоняя страх.

Зверь двигался странными, неровными движениями, виляя низким задом и кланяясь тяжелой головой. Морда была опущена вниз так, что нижняя челюсть почти прижималась к горлу.

— Кто это?— глухо спросил Пандион, облизывая пересохшие губы.

— Не знаю,— растерянно ответил Кидого.— Никогда не слыхал про таких зверей...

Зверь внезапно сделал поворот; большие, направленные прямо на путников глаза животного зажглись мерцающим пламенем. Зверь описал небольшую дугу вправо от стоявших людей, потом опять повернулся к ним мордой и остановился. Закругленные уши торчали косо вверх по бокам головы.

— Зверь умен: он зашел так, чтобы луна стала против нас,— прошептал, учащенно дыша, Кидого.

Пандиона била нервная дрожь, всегда появлявшаяся у молодого эллина перед опасным боем.

Зверь втянул в себя воздух и начал медленно приближаться. В движениях животного, в его зловещем молчании, в упорном прямом взгляде больших глаз под выпуклым лбом было что-то отличавшее его от всех известных друзьям зверей. Люди инстинктивно поняли, что животное, встретившееся им,— пережиток иного, древнего мира, с другими законами жизни. Плечо к плечу, выставив копья, люди двинулись навстречу ночному чудовищу. На мгновение оно остановилось, озадаченное; потом, издав какой-то хрип, кинулось на троих друзей. Раскрылась громадная пасть, толстые зубы блеснули в лучах луны, а три длинных лезвия могучих копий впились в широкую грудь и шею чудовища. Люди не смогли сдержать напора — зверь обладал исполинской силой. Копья, упершиеся в массивные кости, вывернулись из рук: этруск, эллин и негр отлетели назад. Кидого и Пандион успели вскочить, а Кави был подмят зверем. Оба друга бросились на выручку. Чудовище присело на задние лапы и вдруг быстро взмахнуло передними. Притупленные когти ударили Пандиона по бедру с такой силой, что он упал, чуть не потеряв сознание. Зверь, насту-

пив огромной лапой на ногу эллина, причинил ему невероятную боль: суставы хрустнули, когти животного разорвали мясо и кожу.

Пандион, не выпуская копья из рук, оттолкнулся от земли обеими руками, силясь встать, и услышал треск копья Кидого. Поднявшись на колени, Пандион увидел, что негр придавлен зверем, приближающим к нему свою раскрытую пасть. Кидого с вытаращенными глазами упирался руками под челюсть ночного страшилища, тщетно пытаясь отвратить от себя зубы зверя. На глазах Пандиона погибал его верный друг. Вне себя, уже не чувствуя боли, молодой эллин вскочил и вонзил животному копье в шею. Зверь громко щелкнул зубами и повернулся к Пандиону, свалив его этим движением с ног. Молодой эллин не выпустил копья и, уперев древко в землю, задержал чудовище на несколько мгновений, и Кидого успел выхватить нож. Ни негр, ни эллин не увидели, что с другой стороны зверя поднялся Кави. Этруск хладнокровно нацелился и обеими руками погрузил копье под лопатку чудовища. Длинное лезвие вошло на локоть; рев вырвался из раскрывшейся пасти, зверь конвульсивно дернулся, перекинувшись влево к этруску. Тот, втянув голову в высоко поднятые плечи, пошатнулся, но устоял. Кидого с пронзительным воплем ударил ножом зверя в горло, и в этот момент копье этруска дошло до сердца чудовища. Тяжелое тело задергалось в судорогах, нестерпимое зловоние распространилось вокруг. Пандион вырвал копье, вонзив его снова в затылок, но этот последний удар был уже ненужным. Зверь, вытянув шею и ткнувшись мордой в ноги этруска, выбросил в сторону задние ноги. Они еще двигались, когти скребли почву, под кожей сокращались мускулы, но вздыбленная на затылке шерсть уже опала.

Опомнившись, три друга осмотрели свои раны. У этруска был вырван целый кусок мяса из плеча, борозды длинных когтей прополосовали спину. Нога Пандиона не была сломана — у него оказалась глубокая рана ниже колена, в стопе были, по-видимому, растянуты или разорваны связки так, что ступать на ногу молодой эллин не мог. Бок его вздулся и потемнел от удара лапы, но ребра оказались целы. Сильнее всех пострадал Кидого, получивший несколько больших ран и сильно помятый.

Друзья перевязывали друг друга разорванной на куски одеждой и радостно переживали свое избавление от страшного чудовища, недвижимо простертого перед ними в ярком свете луны. Больше всех был удручен Пандион: раненая нога не позволяла ему идти.

Кидого успокоил друга, уверяя, что сейчас они в безопасности: труп страшилища охраняет их от всех других хищников, а повелители слонов непременно хватятся и с рассветом найдут отставших.

Терпеливо превозмогая боль от горевших ран, друзья растянулись на жестком щебне, но не могли заснуть от возбуждения.

Рассвет вспыхнул неожиданно быстро, солнце согнало таинственную и зловещую тень ночи. Пандион, измученный болью в ноге, раскрыл усталые глаза от громкого восклицания Кидого. Негр рассматривал побежденного ночного преследователя и объяснял этруску, что он видел изображение подобного зверя в Та-Кем, среди рисунков разных животных в гробнице у города Белых Стен. Кави недоверчиво оттопыривал нижнюю губу. Кидого клялся и убеждал друга, что жители Кемт в древности, несомненно, встречали такое же животное. Солнце поднималось выше. Жажда томила троих друзей, мучила лихорадка от полученных ран. Кидого и Кави решили идти разыскивать воду и тут услышали голоса. Три слона с воинами на спинах двигались через степь, ниже каменистого ската, на котором друзья встретились с чудовищем ночи. Повелители слонов, услышав крики негра, заставили животных повернуть и ускорить шаг. Сло-

ны стали подходить к чужеземцам, как вдруг тревожно затрубили и попятились, поднимая хоботы и топорща уши. Воины спрыгнули с плетеных помостов и подбежали к трупу чудовища с криками: «Гишу! Гишу!»

Распорядитель вчерашней охоты одобрительно посмотрел на друзей, сказав сиплым, надорванным голосом:

— Вы славные воины, если справились втроем с ужасом ночей, пожирателем толстокожих!

Повелители слонов рассказали чужеземцам о гишу — очень редком и опасном звере. Днем он скрывается неведомо где, а ночью бродит в молчании, нападая на молодых слонов, носорогов и детенышей других крупных животных. Гишу необычайно силен и упорен в сражении — его страшные зубы разом перегрызают ногу слона, а могучие передние лапы давят жертву, ломая ей кости.

Кави знаками попросил охотников помочь ему снять шкуру. Четыре воина охотно приступили к делу, не обращая внимания на тяжелый запах, исходивший от животного.

Шкура и отрубленная голова были водружены на слона, туда же воины подняли раненых чужеземцев. Слоны, повинуясь легким ударам крючковатых ножей, побежали рысью, быстро одолевая пространство степи.

К полудню три друга были в селении. Жители встретили их приветствиями: сопровождавшие чужеземцев воины с высоты слоновых спин громко кричали о совершенном подвиге.

Сияющий Кидого восседал рядом с Пандионом на колеблющейся широкой платформе, на высоте пяти локтей от земли. Негр неоднократно принимался петь, но каждый раз его обрывали повелители слонов, предупреждая, что слоны не любят шума и привыкли двигаться в молчании.

Уже четыре дня пути отделяли друзей от города повелителей слонов. Слово вождя исполнилось. Отряду бывших рабов было разрешено следовать на запад с экспедицией племени. Кави, Кидого и Пандион, раны которых еще не зажили, получили место на спине одного из шести слонов, остальные шестнадцать их товарищей шли пешком по следам отряда. Животные находились в движении меньше половины дня, остальное время уходило на их кормежку и отдых. Шедшим пешком удавалось настигать слонов только перед наступлением ночи.

Слоновожатые вели животных совсем не той дорогой, которую выбрали бы люди. Они обходили участки высокого леса, устремляясь через поляны и заросли кустарников, где людям пришлось бы прорубать дорогу. Серые гиганты спокойно прокладывали себе путь. Время от времени передний слон заменялся самым задним и отправлялся на отдых в конец отряда. После слонов в чащах оставалась тропа, и товарищи Пандиона шли и шли без единого удара ножом, восхищенные легкостью победы над непроходимыми лесами. Еще лучше чувствовали себя ехавшие на слоне три друга. Платформа слабо покачивалась, неуклонно плывя над землей с ее колючками, насекомыми и опасными змеями, топкой грязью гниющих луж, острым щебнем каменистых скатов, режущей травой и глубокими, зияющими трещинами. Только сейчас понял Пандион, как много внимания требовали опасности пешего передвижения в дебрях африканских лесов и степей. Только постоянная бдительность давала возможность человеку остаться без повреждений, сохранить силы и боеспособность в дальнейшем пути. Теперь, на спине слона, шагавшего с несокрушимой надежностью каменной глыбы, молодой эллин жадно впитывал в себя краски, формы и запахи природы чужой земли, с ее великолепной мощью

животной и растительной жизни. В ослепительном свете солнечных лучей чистые тона цветов достигали необыкновенной яркости, смутно тревожившей северянина. Но едва только небо заволакивалось тяжелыми тучами или отряд окружали сумерки тенистого леса, краски угасали. Монотонные переходы цветов казались сумрачными и жесткими в сравнении с мягкими, задумчивыми и гармоничными красками родной Пандиону страны.

Отряд пересек ближний отрог леса и вновь оказался в холмистой степи с красной землей, поросшей безлистыми деревьями, выделявшими молочный сок. Их синевато-зеленые ветви угрюмо поднимались в слепящее небо, ровная, словно подстриженная, поверхность крон щетинилась на высоте тридцати локтей от земли. В этих зарослях, стоявших неподвижно, не встречалось ни птиц, ни зверей — знойный мертвый покой царил над красными холмами. Громадные стволы и ветви казались подсвечниками, отлитыми из зеленого металла. Крупные красные цветы рдели на концах ветвей, словно сотни факелов, горевших на мрачном кладбище. Дальше почву изрезали глубокие промоины — под огненно-красной землей лежали слои ослепительно белого песка. Отряд вошел в сеть узких ущелий. Рыхлые пурпурные стены поднимались на сто локтей по сторонам. Слоны осторожно пробирались в хаосе размытых обрывов, пирамид, башен и тонких столбов. Местами в круглых, как чаши, глубоких впадинах встречались длинные отроги, расходящиеся лучами поперек ровного дна. Отроги поднимались острыми крутыми стенами рыхлой земли; иногда они внезапно обрушивались при прохождении отряда поблизости, пугая слонов, шарахавшихся в сторону. Цвет размытой рыхлой почвы беспрестанно менялся: за стеной теплого красного тона вздымалась светло-бурая, затем шли пирамиды яркой солнечно-желтой окраски, перемежавшиеся с ослепительно белыми полосами и выступами. Пандиону казалось, что он попал в волшебное царство. В этих глубоких, сухих и безжизненных долинах скрывался целый мир игры ярких цветов мертвой природы[1].

Потом опять потянулись хребты, поросшие лесом, опять зеленые стены обступили отряд, и платформа на спине слона казалась островом, медленно плывшим по океану листьев и веток.

Пандион замечал, как осторожно вели вожатые своих могучих животных. На стоянках они тщательно осматривали кожу слонов. Молодой эллин спросил своего вожатого, зачем он делает это. Чернокожий положил руку на сосуд из плода какого-то дерева, привязанный к его поясу.

— Плохо, если слон раздерет себе кожу или поранит себя,— сказал вожатый.— Тогда у него загнивает кровь и животное гибнет. Нужно сразу же замазать рану целебной смолой — потому лекарство всегда наготове у нас.

Для молодого эллина странно было услышать о такой легкой уязвимости несокрушимых и долговечных гигантов. Ему сделалась понятной осторожность умных животных.

Уход за ними требовал массы забот. Место ночлега и отдыха выбиралось тщательно, после долгих осмотров и совещаний; привязанных слонов окружали бдительные часовые, бодрствовавшие всю ночь. Особые дозорные высылались далеко вперед, чтобы убедиться в отсутствии поблизости диких слонов. Встречные животные распугивались громкими криками.

На привалах друзья беседовали со своими спутниками. Суровые повелители слонов удовлетворяли любопытство чужеземцев.

---

[1] Область мощных латеритовых отложений Западной Африки.

Однажды Пандион спросил у низкорослого пожилого человека, начальствовавшего в походе, почему они охотно идут на ловлю слонов, несмотря на страшную опасность.

Глубокие морщины вокруг рта начальника стали еще более резкими. Он нехотя ответил:

— Ты говоришь, как трус, хотя и не выглядишь им. Слоны — это мощь нашего народа. С ними мы живем хорошо, в довольстве. Но мы платим за это жизнями. Если бы мы боялись, то жили бы не лучше племен, питающихся ящерицами и корнями. Те, кто боится смерти, живут в голоде и злобе. Если ты знаешь, что в твоей смерти жизнь твоих родных, тогда идешь смело на любую опасность! Мой сын, храбрец, в цвете сил погиб на слоновой охоте...— Начальник похода угрюмо сощурил устремленные на Пандиона глаза.— Или вы, чужеземцы, думаете иначе? Зачем же ты сам прошел столько земель, сражался с людьми и зверями, а не остался в рабстве?

Пристыженный Пандион прекратил вопросы. Вдруг Кидого, сидевший поблизости у костра, поднялся и заковылял к рощице деревьев, стоявших в двухстах локтях от привала. Заходящее солнце золотило овальные большие листья, тонкие ветви слабо трепетали. Кидого внимательно осмотрел бугристую, неровную кору тонких стволов, радостно вскрикнул и вынул нож. Немного спустя негр вернулся к костру с двумя большими связками красновато-серой коры. Одну связку он поднес начальнику отряда.

— Передай ее вождю как прощальный подарок Кидого,— сказал негр.— Это лекарство не хуже волшебной травы из голубой степи. В час болезни, усталости или горя пусть он растолчет ее и выпьет отвара, только немного. Если пить много, это уже не лекарство, а яд. Кора эта возвращает силу старикам, веселит угнетенных, бодрит ослабевших. Заметь это дерево — будешь благодарен![1].

Начальник обрадовался, принимая подарок, и тут же приказал добыть еще коры. Кидого спрятал второй пучок в шкуру гишу, которую вез с собой Кави.

На следующий день слоны поднялись на каменистую равнину, где заросли высокого плотного кустарника, согнутые ветрами, склонялись к земле, образуя высокие зеленые горбы, разбросанные среди серой сухой травы.

Приятная свежесть проникала в ноздри с дуновением встречного ветра. Пандион встрепенулся. Знакомое, бесконечно дорогое и забытое было в этом запахе, но оно терялось среди ароматов, несшихся от разогретой листвы леса, видневшегося внизу. Далеко простирались широкие и пологие обнаженные склоны, их голубоватую поверхность пересекали темные полосы и пятна лесных чащоб. На краю горизонта синела высокая горная цепь.

— Вот она, Тенгрела, моя страна!— неистово завопил Кидого, и все обернулись в его сторону.

Негр размахивал руками, всхлипывая и морща лицо, могучие плечи его тряслись от волнения. Пандион понимал переживания друга, но неопределенное чувство зависти больно укололо молодого эллина: Кидого достиг родины, а ему еще так много оставалось преодолеть до того великого часа, когда он, подобно другу, сможет закричать: «Вот моя родина!» Больной и усталый, Пандион все чаще терял уверенность в своих силах.

---

[1] Кора дерева иохимба, из семейства мареновых, к которым относятся также хинное и кофейное деревья.

Опустив голову, юноша незаметно отвернулся: он не мог сейчас радоваться вместе с другом.

Слоны спускались по черному обнаженному склону вулканической почвы — на застывшей лаве не росло никаких деревьев. Дорогу пересек ровный уступ с разбросанными на нем маленькими озерами. Блестящие пятна воды, чистой, синей и глубокой, резко выделялись среди черных берегов. Пандион вздрогнул. Он вспомнил вдруг с необычайной живостью синие глаза Тессы, ее густые черные волосы. И здесь синие озерки как будто смотрели на него с немым укором, так, как если бы живая Тесса увидела его здесь. Пандион унесся мыслями в Энниаду, смутное и могучее нетерпение расправило его грудь; он придвинулся к другу и крепко обнял его. На черную руку Кидого легла жилистая смуглая рука Кави, и три друга сцепили свои ладони в твердом и радостном пожатии.

А слоны спускались все ниже — берега широкой долины встали с обеих сторон. Еще немного — и справа подошла вторая такая же долина. Слившиеся вместе ручьи образовали быструю речку, чем дальше, тем становившуюся более многоводной. Слоны некоторое время шли по левому берегу, у подножия разрушенных утесов. Скалы разошлись впереди, чистая вода речки с веселым журчанием устремлялась под сень высоких деревьев, стоявших, как высокие зеленые арки, по обе стороны ее русла, достигавшего пятнадцати локтей ширины. Не доходя до деревьев, слоны остановились.

— Здесь,— сказал начальник.— Мы не пойдем дальше.

Три друга спустились со слонов, прощаясь со своими хозяевами. Отряд пересек реку. Друзья долго смотрели вслед серым гигантам, которые одолевали подъем на плоскую возвышенность к северу от реки. Невольный вздох сожаления вырвался у всех троих, когда могучие животные скрылись вдали. Этруск, негр и эллин развели сигнальный костер для шедших где-то позади товарищей.

— Пойдем искать тростник и деревья для постройки плотов,— предложил Кидого этруску.— Мы проплывем быстро остаток пути. Ты, хромой, ожидай у костра, береги ногу!— с грубой нежностью обратился негр к молодому эллину.

Пандион и Кави оставили Кидого на берегу реки, среди его родичей.

Запах близкого моря пьянил друзей, выросших на его берегу. Они оттолкнули плот и поплыли в левый рукав разветвленного устья. Скоро плот остановился — протока была занесена песком. Друзья выбрались на крутой берег, путаясь в высокой траве. Они перебрались через холмистую гряду; задыхаясь от волнения, спешно поднялись на прибрежный вал и замерли, не в силах говорить и дышать.

Их опьяняла бесконечная ширь океанского простора, тихий плеск волн потрясал, как гром. Кави и Пандион стояли по грудь в колючей траве. Высоко над их головами покачивались перистые верхушки пальм. Край зеленой подошвы холмов у полосы горящего под лучами солнца прибрежного песка казался почти черным. Золотой песок обрамляла движущаяся серебряная лента пены, за которой колыхались прозрачные зеленые волны. Еще дальше прямая черта обозначала границу прибрежных рифов. Она казалась ослепительно белой на фоне глубокой синевы открытого океана. По небу медленно плыли легкие пушистые хлопья редких облаков. У берега над песком стояли, наклонившись, пять пальм. Их длинные листья то широко распластывались в воздухе, то сгибались под порывами ветра, как крылья парящих над берегом растрепанных птиц с

темно-коричневыми и золотистыми перьями. Листья пальм, будто отлитые из бронзы, заслоняли сверкающий простор океана. Их острые края вспыхивали каймой сверкающего огня — так сильно пробивалось сквозь них могучее солнце. Влажный ветер нес запах морской соли. Теплые струи ветра растекались по лицу и обнаженной груди Пандиона, как будто стремясь в его объятия после долгой разлуки.

Этруск и эллин медленно опустились на песок, прохладный, плотный и ровный, как пол родного жилища.

Отдохнув, они бросились в ласковое колыхание волн. Море приняло их, приветствуя легкими толчками. Пандион и Кави наслаждались запахом соленых брызг, прорезая руками сверкающие гребни, пока их заживающие раны не начали гореть от морской воды. Тогда два друга вышли на песок, упиваясь созерцанием океанской дали. Она простиралась перед ними синим мостом, где-то там, вдали, соединяющимся с водами родного моря; такие же волны накатывались сейчас на белые скалы берегов Эллады, на желтые кручи родины Кави.

Молодой эллин чувствовал, как слезы радостного волнения заливают его глаза; он не думал сейчас о громадном расстоянии, все еще стоявшем между ним и родиной. Здесь было море, а за морем ждала его Тесса, ждало все родное и ласковое, покинутое и заслоненное годами суровых испытаний, неисчислимыми стадиями тяжкого пути.

Лицом к морю стояли этруск и эллин на узкой полосе берега. А позади них высились могучие горы под покровом грозных лесов — край чужой земли, столько времени державший их в плену палящих пустынь, степей, сухих плоскогорий, влажных и темных чащ, земли, взявшей от них годы жизни — все то, что могло бы быть отдано близким. Для освобождения потребовались годы героической борьбы, неслыханные усилия. Все это, отданное родине, принесло бы почет и славу.

Кави положил тяжелые руки на плечи Пандиону.

— Судьба наша теперь в собственных руках, Пандион!— воскликнул этруск. Страстный огонь горел в его обычно угрюмых темных глазах.— Нас двое: неужели мы не достигнем Зеленого моря, после того как пробились к берегу Великой Дуги? Нет, мы вернемся, мы будем опорой нашим товарищам ливийцам, не искусным в мореходстве...

Пандион молча кивнул головой. Перед лицом моря он чувствовал непоколебимую уверенность в своих силах.

Голос Кидого пронесся над берегом. Встревоженный негр с толпой возбужденных сородичей и товарищей по походу разыскивал скрывшихся друзей. Пандиона и Кави повели обратно к реке, переправили на другой берег, а там их уже ждали несколько быков для перевоза раненых, груза и оружия.

Небольшой путь остался скитальцам. Обещание Кидого, данное под деревьями на берегу Нила, около умиравших товарищей после страшной битвы с носорогом, сбылось. Все девятнадцать бывших рабов нашли ласковый приют и отдых в огромном селении поблизости от моря, на берегу большой, многоводной реки, протекавшей рядом с той, по которой приплыли они, расставшись с повелителями слонов.

Но особенно радостна была для Пандиона и Кави весть о том, что в прошлом году, после двадцатилетнего перерыва, сюда приплывали сыны ветра. Сынами ветра сородичи Кидого называли морских людей, издавна приходивших к берегам Южного Рога с севера за слоновой костью, золотом, целебными растениями и звериными кожами. Местные жители говорили, что по внешнему облику сыны ветра похожи на этруска и эллина, только их кожа смуглее и волосы более курчавы. В прошлом году прихо-

дили четыре черных корабля, повторившие пути отцов. Сыны ветра обещали приехать снова, как только окончится время бурь в Море Туманов. По расчетам опытных людей, до прибытия кораблей оставалось около трех месяцев. Постройка собственного судна отняла бы больше времени, не говоря уж о том, что предстоящий путь был совершенно неведом. Пандиона и Кави беспокоила мысль, возьмут ли их морские люди на корабли с десятью товарищами, но Кидого, подмигивая и таинственно усмехаясь, уверял, что устроит это.

Оставалось только ждать, томясь неизвестностью. Сыны ветра могли опять не появляться ещё двадцать лет. Этруск и эллин успокаивали себя тем, что, если корабли не придут в назначенный срок, они примутся за постройку своего судна.

Возвращение Кидого явилось событием, отмеченным шумными празднествами. Пандион утомился от пиров. Ему надоели восхваления его доблести, он устал повторять рассказы о родной стране, о пережитых приключениях.

Само собой получилось, что Кидого, вечно окруженный родными и соплеменниками, увлеченный восхищением женщин, как-то отдалился от Пандиона и Кави. Друзья стали видеться реже, чем в шене и в далеком пути через Африку. Кидого шел в жизни уже собственной дорогой, не совпадавшей с дорогой своих друзей. Все товарищи Кидого по походу из родственных ему племен быстро рассеялись по разным местам. Остались только этруск, эллин и десять ливийцев, считавших, что от Пандиона и Кави зависит их возвращение на родину.

Все двенадцать чужеземцев поселились в просторном доме из высушенной на солнце твердой серо-зеленой глины. Кидого настоял, чтобы Кави и Пандион жили в красивой куполообразной хижине, стоявшей поблизости от его дома. После долгих лет скитаний Пандион мог снова отдыхать на собственном ложе. У этого народа не было в обычае спать на полу, на шкурах или на охапках травы. Сородичи Кидого изготовляли деревянные рамы на ножках, переплетенные сеткой из упругих стеблей, нéжившие тело и особенно приятные для больной ноги Пандиона.

У эллина теперь было много свободного времени, и он посвящал его прогулкам к морю, где подолгу сидел один или вместе с Кави, слушая мерный рокот волн. Пандион испытывал неясную тревогу. Его несокрушимое здоровье поддалось невзгодам пути в непривычно жарком климате.

Пандион сильно переменился и сам сознавал это. Когда-то, окрыленный юностью и любовью, он смог оставить свою любимую, дом и родную страну, стремясь познакомиться с древним искусством, увидеть другие страны, узнать жизнь.

Теперь он был знаком с горькой тоской, он познал безрадостный плен, гнет отчаяния, отупляющий, тяжкий труд раба. И Пандион с беспокойством спрашивал себя, не ушла ли от него сила творческого вдохновения, способен ли он стать художником. Одновременно Пандион чувствовал: ему пришлось испытать и увидеть так много, что это не прошло бесследно, обогатило его великим опытом жизни, вереницей незабываемых впечатлений. Суровая правда жизни наполнила печалью его душу, но Пандион познал теперь дружбу и товарищество, силу братской помощи, единение с людьми чуждых племен. Так же твердо, как то, что после дня наступает ночь, он знал, что разные народы, разбросанные по просторам земли, по существу, являются одной человеческой семьей, разъединенной только трудностями путей, разными языками и верованиями. Лучшие люди во всем этом множестве оказывались всегда похожими и понятными ему по своим стремлениям.

Пандион любил рассматривать свое копье — подарок отца навеки потерянной Ирумы, пронесенное им через леса и степи, не раз выручавшее его в смертельной опасности. Оно казалось ему символом мужской доблести, залогом человеческого бесстрашия в борьбе с природой, безраздельно владычествовавшей в жарких просторах Африки. Молодой эллин осторожно поглаживал длинное лезвие, прежде чем надеть на него чехол, сшитый руками Ирумы. Этот кусочек кожи с пестрой отделкой из шерсти — все, что осталось у него в память о милой, далекой и нежной девушке, которую он встретил на перепутье трудной дороги к родине. Может быть, этот чехол Ирума делала для него, мечтая о нем... Но не нужно думать об этом. Судьба беспощадно разделила их, иначе не могло быть... Но сердце болит, оно не подчиняется разуму... Пандион оборачивался к темным горам, заграждавшим пройденные им земли от лица океана. Вереница дней бесконечного похода медленно проплывала перед ним...

Он видел девушку у ствола дерева с цветами, как красные факелы... Сердце Пандиона начинало учащенно биться. Он ясно представлял блеск ее кожи, темной и нежной, ее лукавые, полные трепетного огня глаза... Круглое личико Ирумы с улыбкой, с легким и горячим дыханием приближалось к его лицу; он слышал ее голос...

Постепенно Пандион познакомился с жизнью веселого и добродушного народа Кидого. Рослые, с медным отливом черной кожи, все великолепного сложения, сородичи Кидого занимались главным образом земледелием. Они возделывали низкорослые пальмы с наполненными маслом плодами[1] и еще огромные травянистые растения с исполинскими листьями, веером расходившимися из пучков мягких стеблей[2]. Эти растения давали тяжелые гроздья длинных желтых, серповидно изогнутых плодов с нежным и ароматным сладким содержимым. Плодов собиралось громадное количество, и они составляли главную пищу народа Кидого. Пандиону они очень нравились. Плоды ели сырыми, вареными или поджаренными на масле. Местные жители занимались и охотой, добывая слоновую кость и шкуры, собирали волшебные, похожие на каштаны орехи, когда-то вылечившие Пандиона от его странной болезни, разводили рогатый скот и птицу.

Среди них были искусные мастера — строители, кузнецы и горшечники. Пандион любовался творениями многих художников, не уступавших по мастерству Кидого.

Большие дома, построенные из брусчатых камней, сырцового кирпича или вылепленные целиком из твердой глины, были украшены сложным и красивым орнаментом, четко вырезанным на поверхности стен. Иногда стены расписывались красочными фресками, напоминавшими Пандиону росписи древних развалин Крита. На глиняных сосудах красивой формы он видел изящную, исполненную с тонким вкусом разрисовку. Множество деревянных раскрашенных статуй встречалось в больших зданиях общественных собраний и домах вождей. Скульптурные изображения людей и зверей восхищали Пандиона верностью переданного впечатления, удачно схваченными характерными чертами.

Но, по мнению Пандиона, скульптуре народа Кидого не хватало глубокого понимания формы. Его не было и у мастеров Айгюптоса. Скульптуры Та-Кем застывали в мертвых, недвижных позах, несмотря на выработ-

[1] Масличная пальма.
[2] Бананы.

танную веками тонкость исполнения и изящество отделки. Ваятели народа Кидого, наоборот, создавали острое впечатление живого, но только в каких-то отдельных, намеренно подчеркнутых подробностях. И молодой эллин, размышляя над произведениями местных жителей, начал смутно ощущать, что путь к совершенству скульптуры должен быть каким-то совсем новым — не в слепом старании передать природу и не в попытках отразить отдельные впечатления.

Народ Кидого любил музыку, играл на сложных инструментах из длинных рядов деревянных дощечек, соединенных с продолговатыми пустыми тыквами. Некоторые грустные, широко и мягко разливавшиеся песни волновали Пандиона, напоминая ему песни родины...

Этруск сидел у потухшего очага около хижины, жевал подбодряющие листья[1] и задумчиво ворошил палочкой горячий пепел, в котором пеклись желтые плоды. Кави научился приготовлять из желтых плодов муку для лепешек.

Пандион вышел из хижины, подсел к другу.

Мягкий вечерний свет ложился на пыльные тропинки, замирал в неподвижных ветвях тенистых деревьев.

— Загадка для меня этот народ,— задумчиво заговорил этруск, сплевывая на сторону жгучий сок.— Тут есть великая тайна, и я не могу ее постигнуть.

— Какая тайна?— рассеянно спросил Пандион.

— Тайна в сходстве этого народа с моим. Разве ты не заметил?

— Не заметил,— сознался эллин.— Люди эти вовсе на тебя не похожи...

— Я сказал не о внешнем сходстве, ты не понял. Их постройки почти такие же, как у моего народа, их верховный бог — бог молнии, как у нас, да ведь и у тебя тоже! Песни народа Кидого напоминают мне те, которые я сам певал в молодости... Как это может быть? Что общего у нас с чернокожим народом, живущим так далеко на жарком юге? Или когда-то их и мои предки жили по соседству?

Пандион хотел ответить, что его давно занимала мысль о родстве народов Африки с обитателями Великого Зеленого моря, но тут его внимание привлекла проходившая мимо женщина. Он заметил ее еще в первые дни прибытия в город Кидого, но с тех пор как-то не встречался с ней. Она была женой одного из родичей Кидого, и звали ее Ньора. Ньора выделялась красотой даже среди своих красивых соплеменниц. Сейчас она медленно шла мимо с достоинством, которое отмечает женщин, сознающих свою красоту. Молодой эллин с восторгом рассматривал ее... Жажда творчества вдруг вспыхнула в нем с прежней силой.

Кусок зеленовато-синей ткани туго обертывал бедра Ньоры. Нитка голубых бус, тяжелые сердцевидные серьги и узкая золотая проволока на запястье левой руки составляли все убранство юной женщины. Большие глаза спокойно смотрели из-под густых ресниц. Короткие волосы, собранные на темени и замысловато сплетенные, удлиняли голову. Скулы выступали под глазами округлыми холмиками, как у здоровых и упитанных детей эллинов.

Гладкая черная кожа, такая упругая, что тело казалось железным, блестела в лучах солнца, и ее медный отлив приобретал золотой оттенок.

---

[1] *Подбодряющие листья* — листья стеркулиевых или табака и других растений, содержащих возбуждающие вещества.

Удлиненная шея чуть-чуть наклонялась вперед и горделиво поддерживала голову.

Высокое, гибкое тело было безупречно по своим линиям, необычайной плавности и сдержанности движений.

Пандиону показалось, что в лице Ньоры перед ним предстала одна из трех Харит[1] — богинь, по его верованиям, оживлявших красоту и наделявших ее непобедимой привлекательностью.

Палочка этруска вдруг стукнула по голове Пандиона.

— Ты почему не побежал за ней?— с шутливой досадой спросил этруск.— Вы, эллины, готовы любоваться каждой женщиной...

Пандион посмотрел на друга без гнева, но так, как будто бы увидел его в первый раз, и порывисто обнял этруска.

— Слушай, Кави, ты не любишь говорить о своем... Тебя разве совсем не трогают женщины? Ты не чувствуешь, как они прекрасны? Разве для тебя они не часть всего этого,— Пандион описал рукой круг,— моря, солнца, прекрасного мира?

— Нет, когда я вижу что-нибудь красивое, мне хочется его съесть!— рассмеялся этруск.— Я шучу,— продолжал он серьезно.— Помни, что я вдвое старше тебя и за светлой стороной мира для меня виднее другая — темная, безобразная. Ты уже забыл о Та-Кем,— Кави провел пальцами по красному клейму на плече Пандиона,— а я ничего не забываю. Но я завидую тебе: ты будешь создавать красивое, я же могу только разрушать в борьбе с темными силами.— Кави помолчал и дрогнувшим голосом закончил:— Ты мало думаешь о своих близких там, на родине... Я не видал столько лет своих детей, мне неизвестно даже, живы ли они, существует ли весь мой род. Кто знает, что там, среди враждебных племен...

Тоска, зазвучавшая в тоне всегда сдержанного этруска, наполнила Пандиона сочувствием. Но как он мог утешить друга? Слова этруска в то же время больно укололи его: «Ты мало думаешь о своих близких там, на родине...» Если Кави мог сказать ему так... Нет, разве мало значили для него Тесса, дед, Агенор? Но тогда он должен был сделаться подобным хмурому Кави, тогда он не впитал бы в себя великого разнообразия жизни — как же научился бы он понимать красоту?.. Пандион запутался в противоречиях и не смог разобраться в самом себе. Он вскочил и предложил этруску пойти выкупаться. Тот согласился, и оба друга направились через холмы, за которыми в пяти тысячах локтей от селения плескался океан.

За несколько дней до этого Кидого собрал молодых мужчин и юношей племени. Негр сказал сородичам, что, кроме копья и кусков ткани на бедрах, его товарищи, ожидающие кораблей, ничего не имеют, а сыны ветра не возьмут их на корабли без платы.

— Если каждый из вас,— сказал Кидого,— согласится помочь самым малым, то чужеземные друзья смогут вернуться к себе домой. Они помогли мне вырваться из плена и снова увидеть всех вас.

Ободренный общим согласием, Кидого предложил пойти с ним на золотоносное плоскогорье, а тем, кто не сможет,— пожертвовать слоновую кость или орехи, кожу или ствол ценного дерева.

На следующий день Кидого объявил друзьям, что отправляется на охоту, и отказался взять их с собой, уговаривая беречь силы для предстоящего пути.

---

[1] *Хариты*, позднее *Грации*,— богини женского очарования и изящества у эллинов. Харит было три.

Товарищи Кидого по походу так и не узнали об истинных целях предприятия. Хотя мысли о плате за проезд не раз беспокоили их, они надеялись, что таинственные сыны ветра возьмут их в качестве гребцов. Пандион еще втайне предполагал использовать камни юга — подарок старого вождя. Кави, также не говоря ничего Кидого, через два дня после ухода чернокожего друга собрал ливийцев и отправился вверх по реке, надеясь найти поблизости черное дерево[1], срубить несколько стволов и сплавить до селения тяжелые, тонувшие в воде бревна на плотах из легкой древесины.

Пандион все еще хромал, и Кави оставил его в селении, несмотря на протесты. Пандион негодовал: второй раз уже товарищи бросали его одного, как тогда, во время охоты за жирафами. Кави, надменно выпятив бороду, заявил, что тогда он не потерял времени даром и теперь снова может повторить прежнее. Онемевший от бешенства, молодой эллин ринулся прочь с обидой в сердце. Этруск догнал его и, хлопая по спине, просил прощения, но твердо стоял на своем, убеждая друга в необходимости совсем поправиться.

В конце концов Пандион согласился, с горечью ощущая себя жалким калекой, и поспешно скрылся в хижине, чтобы не присутствовать при уходе своих здоровых товарищей.

Оставшись в одиночестве, Пандион еще острее почувствовал необходимость испытать свои силы после удачного опыта со статуей учителя слонов. За последние годы он видел столько смертей и разрушений, что не хотел браться за непрочную глину, стремясь создать произведение из крепкого материала. Такого материала у Пандиона не было. Даже если бы он оказался в его руках, все равно отсутствовали необходимые для обработки инструменты.

Пандион часто любовался камнем Яхмоса, приведшим его в конце концов к морю, как наивно верил Кидого, склонный признавать могущество волшебных вещей.

Прозрачная ясность твердого камня навела Пандиона на мысль вырезать гемму. Правда, камень был тверже употреблявшихся для этой цели в Элладе. Они там обрабатывались наждаком с острова Наксоса[2]. Вдруг эллин вспомнил, что у него, если верить старому вождю повелителей слонов, были камни, твердостью превосходившие все вещи мира.

Пандион достал самый маленький из подаренных ему камней юга и осторожно провел острой гранью по краю голубовато-зеленого кристалла. На неподатливой гладкой поверхности осталась белая черта. Молодой эллин нажал сильнее. Камень прорезал глубокую канавку, точно резец из черной бронзы на куске мягкого мрамора. Необыкновенная сила прозрачных камней юга действительно превосходила все известное до сих пор Пандиону. В его руках были волшебные резцы, делавшие легкой задачу.

Пандион разбил маленький камень, тщательно собрал все острые осколки и вставил их при помощи твердой смолы в деревянные палочки. Теперь у него был десяток резцов разной толщины — и для грубой отделки, и для самых тонких штрихов. Что же изобразит он на прекрасном го-

---

[1] Черное дерево дают ядровые древесины различных видов африканских деревьев, главным образом семейства эбеновых; также дальбергия из семейства бобовых.

[2] *Остров Наксос* — самый большой остров в группе Кикладских островов, на юге Эгейского моря.

лубовато-зеленом кристалле, добытом Яхмосом в развалинах тысячелетнего храма и донесенном в целости до моря, символом которого он так долго служил в душном плену земли? Смутные образы проносились в голове Пандиона.

Молодой эллин ушел из селения и бродил в одиночестве, пока не очутился у моря. Он долго сидел на камне, то устремляя взор вдаль, то следя за тонким слоем прозрачной воды, подбегавшей к его ногам. Наступил вечер, короткие сумерки уничтожили блеск моря, движение волн сделалось незаметным. Все непрогляднее становилась бархатно-черная ночь, но вместе с тем в небе загоралось все больше ярких звезд, и опять небесные огоньки, закачавшись в волнах, оживили застывшее море. Запрокинув голову в небо, молодой эллин ловил очертания незнакомых созвездий. Дуга Млечного Пути перекидывалась таким же, как и на родине, серебряным мостом через весь небосвод, но она была более узкой. Один ее конец был глубоко расщеплен и разбит на отдельные пятна между широкими темными полосами. В стороне и ниже горели голубовато-белым светом два туманных звёздных облака[1]. Около них отчетливо выделялось большое непроницаемо черное пятно грушевидной формы, точно кусок угля заслонял в этом месте все звезды[2]. Ничего похожего не видел Пандион в родном небе севера. Контраст между черным пятном и белыми облаками внезапно поразил его. Молодой эллин увидел в нем вдруг самую сущность южной страны. Черное и белое во всей прямоте и четкой грубости этого сочетания — вот что составляло душу Африки, ее лицо, такое, каким Пандион сейчас почувствовал его. Черные и белые полосы необыкновенных лошадей, черная кожа туземцев, раскрашенная белой краской и оттенявшая белые зубы и белки глаз, изделия из черной и жемчужно-белой древесины, черные и белые колонны древесных стволов в лесах, свет степей и мрак лесных трущоб, черные скалы с белыми полосами кварца и многое такое же пронеслось перед глазами Пандиона.

Совсем другое было на родине — на бедных и каменистых берегах Зеленого моря. Река жизни там не катилась буйным потоком, не сталкивались столь обнаженно черные и белые ее стороны.

Пандион встал. Необъятный океан, на другой стороне которого была его Энниада, отделил молодого эллина от Африки. Позади осталась страна, в душе уже покинутая им, угрюмо заслонившаяся ночными тенями гор. Впереди по волнам перебегали отражения звездных огней, и море сливалось там, на севере, с родной Элладой, и Тесса была на его берегу. Ради возвращения на родину, ради Тессы он боролся и шел сквозь кровь, пески, зной и мрак, бесчисленные опасности от зверей и людей.

Тесса, далекая, любимая и недоступная, стала совсем как те туманные звезды над морем, где северный «Ковш» окунулся краем за горизонт.

И тут явилось решение: он создаст на камне — твердом символе моря — Тессу, стоящую на берегу.

Пандион с яростью сжал в сильных пальцах резец, и крепкая палочка переломилась. Уже несколько дней он склонялся над камнем Яхмоса с бьющимся сердцем, обуздывая волей творческое нетерпение, то уверенно

---

[1] *Магеллановы облака, Большое и Малое,*— крупные звездные скопления и туманности в небе южного полушария.

[2] *Угольный мешок* — черное скопление непрозрачного вещества в небе южного полушария.

прочерчивая длинные линии, то с бесконечной осторожностью срезая мельчайшие крупинки. Изображение становилось все более явственным. Голова Тессы удалась ему — в своем гордом повороте она виделась ему и теперь так же отчетливо, как в час прощания на берегу Ахелоева мыса. Он врезал ее в прозрачную глубину камня, и теперь она выпукло проступала матовой голубизной среди зеркально-гладкой поверхности. Завитки волос легкими, свободными штрихами ложились на намеченную четкой дугой округлость плеча, но дальше... дальше Пандион неожиданно утратил весь подъем своего вдохновения. Молодой художник, как никогда уверенный в себе, сразу очертил глубокой канавкой тонкий контур тела девушки, и точное изящество линий подтвердило успех его работы. Пандион сточил окружающую поверхность, чтобы выделить фигуру. Тут он внезапно понял, что изобразил вовсе не Тессу. В линиях бедер, колен и груди проступило и ожило тело Ирумы, а отдельные штрихи, несомненно, принадлежали последнему впечатлению от красоты Ньоры. Фигура Тессы не была телом эллинской девушки — у Пандиона получился отвлеченный образ, в котором отражалась красота африканских женщин. Но Пандион хотел добиться другого — изобразить живую и любимую Тессу. Напрягая память, он пытался снять налет впечатлений последних лет, пока не убедился, что новое проступило еще ярче.

Скоро Пандион сообразил, что передача живого опять не удается ему. Пока фигурка была только намечена, легкие линии жили. Едва художник пытался перевести плоское изображение в выпуклое, живое тело окаменевало, становилось холодным и застывшим. Да, он не постиг тайны искусства! И это его произведение не будет живым! Ему не удастся совершить задуманное! Сломав резец от волнения, Пандион взял камень и стал рассматривать его с расстояния вытянутой руки. Да, он не может создать образ Тессы, и прекрасная гемма не будет окончена.

Сквозь прозрачный камень проникали лучи солнца, наполняя его золотистым оттенком родного моря. Пандион оставил нетронутым гладкое поле большой грани кристалла и вырезал фигуру девушки справа, у самого края. В камне, как на берегу моря, стояла девушка с лицом Тессы, но Тессой она не была. Вдохновение, с которым трудился Пандион над камнем от рассвета до заката, с нетерпением ожидая каждого следующего дня, покинуло его. Пандион спрятал камень, собрал резцы и разогнул наболевшую спину. Горе поражения ослаблялось сознанием, что он все же может создать прекрасное... но оно было убогим в сравнении с живым!

Увлеченный работой, Пандион перестал ожидать возвращения товарищей и только сейчас вспомнил о них. Как бы в ответ на мысли Пандиона к нему подбежал мальчик.

— Густобородый приехал, он зовет тебя к реке!— сообщил посланец Кави, гордый данным ему поручением.

То, что этруск остался на реке и звал его туда, обеспокоило Пандиона. Он поспешил к берегу по тропинке, извивавшейся среди колючих кустов. Издалека он заметил на песчаном откосе группу товарищей, стоявших кольцом вокруг связки стеблей тростника. На тростнике вытянулось человеческое тело. Пандион неловко побежал, стараясь не ступать на еще слабую ногу, и вошел в молчаливый круг товарищей по походу. Он узнал в лежащем молодого ливийца Такела, участника побега через пустыню. Молодой эллин стал на колени над телом товарища. Перед глазами Пандиона возникло душное ущелье между склонами песчаных гор, где он плелся, полумертвый от жажды. Такел был в числе тех, которые во главе с умершим Ахми принесли ему навстречу воду от источника. Только пе-

ред трупом Такела Пандиону стало ясно, как дорог и близок ему каждый из товарищей по мятежу и походу. Он сроднился с ними и не мыслил своего существования отдельно от них. Пандион мог неделями не общаться с товарищами, когда знал, что они поблизости, в покое и безопасности и заняты своими делами, а сейчас утрата ошеломила его. Не поднимаясь с колен, он бросил на этруска вопрошающий взгляд.

— Такела укусила змея в зарослях,— печально сказал Кави,— где мы бродили в поисках черного дерева. Мы не знали лекарства...— Этруск тяжело вздохнул.— Мы бросили все и приплыли сюда. Когда мы вынесли его на берег, Такел уже умирал. Я позвал тебя проститься с ним... Поздно...— Кави не договорил, сжимая руки; он поник головой.

Пандион встал. Смерть Такела казалась такой несправедливой и нелепой: не в славном сражении, не в бою со зверем — здесь, в мирном селении, у моря, сулившего возвращения после всех совершенных им доблестных подвигов, стойкого мужества в длинном пути. Это было особенно больно молодому эллину. Слезы навернулись на глаза, и он, чтобы справиться с собой, устремил взгляд на реку. По сторонам песчаной отмели высились густые заросли, заграждавшие речной простор зеленой стеной. Бугор светлого песка находился как бы в широких воротах. На опушке росли белые деревья, корявые и узловатые, с мелкими листьями. Все ветви этих деревьев были одеты пушистыми лентами ярко-красных цветов[1], плоские перистые скопления которых казались полосами из поперечных коротких черточек, нанизанных на тонкие стебли, то сгибавшиеся вниз, то торчавшие прямо вверх, к небу. Цветы отливали багрянцем, и белые деревья горели в зеленых воротах, как погребальные факелы у врат Аида[2], куда уже направляла свой путь душа умершего Такела. Медленно катилась мутная оловянная вода реки, испещренная отмелями желтых песков. Сотни крокодилов лежали на песке. На ближайшей к Пандиону косе несколько огромных ящеров во сне раскрыли широкие пасти, казавшиеся на солнце черными пятнами, окаймленными белыми клиньями страшных зубов. Тела крокодилов широко расплывались на песке, как бы расплющенные собственным весом. Продольные складки чешуйчатой кожи брюха обтекали плоские спины, усаженные рядами шипов, более светлых, чем черновато-зеленые промежутки между ними. Лапы с нелепо вывернутыми наружу суставами уродливо раскидывались в стороны. Иногда какой-нибудь из ящеров пошевеливал гребнистым хвостом, толкая другого, и тот, потревоженный во сне, захлопывал свою пасть с разносившимся по реке стуком.

Товарищи подняли умершего и молча понесли его в селение под тревожными взглядами сбежавшихся жителей. Пандион шел сзади, отдельно от Кави. Этруск считал себя виновным в гибели ливийца, так как затея с добычей черного дерева принадлежала ему. Кави шагал сбоку печальной процессии, кусал губы и теребил бороду.

Пандиона мучила совесть: он тоже чувствовал себя виноватым. Нехорошо было, что он вдохновился изображением любимой девушки, когда ему нужно было создать произведение в память боевой дружбы разных людей, прошедших все испытания, верных перед лицом смерти, голода и жажды, в тоскливых днях тяжкого похода. «Как могла эта мысль не

---

[1] Подразумевается дерево *комбрет*.

[2] *Аид*—подземное царство в представлении эллинов, куда попадают души усопших после смерти.

прийти мне прежде всего?» — спрашивал себя молодой эллин. Неспроста его постигла неудача — боги покарали его за неблагодарность... Так пусть сегодняшнее горе научит видеть лучше...

Низкие лилово-серые облака грузно всползали на небесный свод; как стадо буйволов, сбивались в плотную массу. Слышались глухие раскаты. Надвигался ливень, люди поспешно втаскивали в хижины разбросанные вокруг вещи.

Едва Кави и Пандион успели укрыться в своем жилище, как в небе опрокинулась исполинская чаша, рев падавшей воды заглушил грохот грома. Ливень кончился быстро, как всегда; терпко пахли растения в посвежевшем, влажном воздухе, слабо журчали бесчисленные ручейки, стекавшие к реке и к морю. Мокрые деревья глухо шумели под ветром. Их шум был суров и печален, он ничем не напоминал быстрого шелеста листвы в сухие, погожие дни. Кави прислушался к голосу деревьев и неожиданно сказал:

— Я не прощаю себе смерти Такела. Виноват я: мы пошли без опытного проводника, мы чужие в этой стране, где беспечность означает гибель. И что же? У нас нет черного дерева, а один из лучших товарищей лежит под грудой камней на берегу... Дорога цена моей глупости... И я не решаюсь теперь идти снова. Платить сынам ветра нам нечем...

Пандион молча достал из своего мешочка горсть сверкающих камней и положил их перед этруском. Кави одобрительно закивал головой, затем внезапное сомнение отразилось на его лице:

— Если им неизвестна цена этих камней, сыны ветра могут отказаться взять их. Кто слышал о таких камнях в наших землях? Кто купит их как драгоценности? Хотя...— Этруск задумался.

Пандион испугался. Простая догадка Кави не приходила ему раньше в голову. Он упустил из виду, что камни в глазах купцов могут оказаться нестоящими. Смятение и страх за будущее заставили задрожать его протянутую к камням руку. Этруск, читая по лицу тревогу друга, заговорил снова:

— Хотя я слыхал когда-то, что прозрачные камни особенной твердости привозились иногда на Кипр и в Карию с далекого востока и очень дорого ценились. Может быть, сыны ветра знают их?..

Наутро после разговора с Кави Пандион пошел по тропинке к подножию гор, где росли травянистые растения с желтыми плодами. Подходил срок возвращения Кидого. Друзья нетерпеливо ждали его. Этруск и эллин хотели посоветоваться с ним, как добыть что-либо ценное для сынов ветра. Сомнения этруска разрушили уверенность Пандиона в ценности камней юга, и теперь молодой эллин не находил покоя. Невольно Пандион направлялся к горам в смутной надежде встретить отряд чернокожего друга. Помимо всего, ему хотелось побыть наедине, чтобы обдумать новое произведение, все яснее намечавшееся в его уме. Пандион неслышно ступал по крепкой, плотно утрамбованной земле тропинки. Он больше не хромал, к нему вернулась прежняя легкость походки. Попадавшиеся навстречу местные жители, нагруженные гроздьями желтых плодов, дружелюбно обнажали свои белые зубы или приветливо помахивали сорванными листьями. Тропа завернула налево. Пандион шел между двумя сплошными стенами сочной зелени, наполненной золотым сиянием солнечного света. В его горячем блеске плавно двигалась женщина. Пандион узнал Ньору. Она выбирала из свисавших гроздьев самые зеленые плоды и складывала

их в высокую плетеную корзину. Пандион отступил в тень огромных листьев; чувство художника отодвинуло все другие мысли. Юная женщина переходила от одной грозди к другой, гибко склоняясь к корзине, и опять поднималась на кончики пальцев, вытянувшись всем телом, с руками, протянутыми к высоко висящим плодам. Золотые переливы солнца поблескивали на ее гладкой черной коже, оттененной свежей и яркой зеленью. Ньора слегка подпрыгнула и, вся изогнувшись, протянула руки в чашу бархатистых листьев. Увлекшийся Пандион зацепил за сухой стебель — в глубокой тишине раздался громкий шорох. Молодая женщина мгновенно обернулась и застыла. Ньора узнала Пандиона; напрягшееся струной тело ее вновь стало спокойным, она перевела дыхание и улыбнулась молодому эллину. Но Пандион не заметил ничего этого. Крик восторга вырвался из его груди, широко раскрывшиеся золотистые глаза смотрели на Ньору, не видя ее; рот приоткрылся в слабой улыбке. Смущенная женщина отступила. Чужеземец вдруг повернулся и бросился прочь, восклицая что-то на непонятном для нее языке.

Внезапно Пандион сделал великое открытие. Молодой эллин все время бессознательно и неуклонно шел к нему, все неотвязные думы, бесконечные размышления бродили около этого открытия. Он не нашел бы его, если бы не видел так много, не сравнивал бы и не нащупывал собственного нового пути. В живом неподвижности быть не может! В живом и прекрасном теле нет никогда мертвой неподвижности, есть только покой, то есть мгновение остановки движения, закончившегося и готового смениться другим, противоположным. Если схватить это мгновение и отразить его в неподвижном камне, тогда мертвое оживет.

Вот что увидел Пандион в замершей от испуга Ньоре, когда она застыла, как статуя из черного металла. Молодой эллин уединился на небольшой поляне под деревом. Если бы кто-нибудь заглянул туда, то, несомненно, убедился бы в сумасшествии Пандиона: он делал резкие движения, сгибая и разгибая то руку, то ногу, и тщательно следил за ними, скривив шею и мучительно перекашивая глаза. Молодой эллин вернулся домой только к вечеру, возбужденный, с лихорадочным блеском глаз. Он заставил Кави, к великому удивлению этруска, стоять перед собой, идти и останавливаться по команде. Этруск сначала терпеливо сносил причуду друга, наконец это ему надоело, и он, хлопнув себя по лбу, решительно уселся на землю. Но Пандион и тут не оставил Кави в покое — он разглядывал его, заходил то справа, то слева, пока этруск не разразился бранью и, объявив, что Пандион схватил лихорадку, пригрозил связать эллина и водворить на ложе.

— Пошел к воронам!— весело закричал Пандион.— Я завью тебя винтом, как рог белой антилопы!

Кави еще не видел, чтобы его друг так ребячился. Он был рад этому, так как давно замечал душевное угнетение молодого эллина. Ворча, этруск слегка ударил Пандиона, и тот, вдруг смирившись, заявил, что неимоверно голоден. Оба друга уселись за ужин, и Пандион попытался объяснить этруску свое великое открытие. Вопреки ожиданию Кави очень заинтересовался и долго расспрашивал Пандиона, стараясь вникнуть в сущность затруднений, стоящих перед скульптором при попытках воссоздать живую форму.

Этруск и эллин засиделись допоздна и заканчивали беседу в темноте. Вдруг что-то заслонило проблеск звездного света в отверстии входа, и голос Кидого заставил их радостно вздрогнуть. Негр внезапно возвратился и сразу же решил проведать друзей. На вопрос, была ли удачна охота,

Кидого отвечал неопределенно, ссылаясь на усталость, и обещал завтра показать трофеи. Кави и Пандион рассказали ему о смерти Такела и о походе Кави за черным деревом. Кидого страшно разъярился, кричал про оскорбление его гостеприимства, даже назвал этруска старой гиеной. В конце концов негр утих: печаль о погибшем товарище взяла верх над гневом. Тогда этруск и эллин рассказали ему о своих тревогах по поводу платы сынам ветра и просили совета. Кидого отнесся к их беспокойству с величайшим равнодушием и ушел, так и не ответив на их вопросы.

Обескураженные друзья решили, что странное поведение Кидого вызвано печалью из-за гибели ливийца. Оба долго ворочались на своих ложах в молчаливом раздумье.

Кидого явился к ним поздно с печатью хитрого лукавства на добродушном лице. Он привел с собой всех ливийцев и целую толпу молодых мужчин. Сородичи Кидого подмигивали недоумевающим чужеземцам, громко хохотали, перешептывались и перекрикивались обрывками непонятных фраз. Они намекали на колдовство, будто бы свойственное их народу, уверяя, что Кидого умеет превращать простые палки в черное дерево и слоновую кость, а речной песок — в золото. Всю эту чепуху чужеземцы слушали по дороге к дому черного друга. Кидого подвел их к небольшой кладовой. Она отличалась от других простых хижин меньшими размерами и наличием двери, подпертой громадным камнем. Кидого с помощью нескольких человек отвалил камень, молодежь стала по обе стороны распахнувшейся двери. Кидого, согнувшись, вошел в кладовую и поманил товарищей за собой. Кави, Пандион и ливийцы, ничего еще не понимая, молча стояли в полумраке, пока их глаза не привыкли к слабому свету из кольцевой щели между навесом конической крыши и верхним краем глинобитной стены. Тогда они увидели несколько толстых черных бревен, груду слоновых клыков и пять высоких открытых корзин, доверху насыпанных целебными орехами. Кидого, внимательно следя за лицами товарищей, громко сказал:

— Это все ваше! Это собрал вам мой народ на легкий и счастливый путь! Сыны ветра должны взять с собой два десятка людей, а не один за такую цену...

— Твой народ дарит нам столько... за что?!— воскликнул потрясенный Кави.

— За то, что вы хорошие люди, храбрые люди, за то, что вы совершили столько подвигов, за то, что вы мои друзья и помогли мне вернуться,— стараясь казаться невозмутимым, перечислял Кидого.— Но подождите, это не все!

Негр шагнул в сторону, сунул руку между корзинами и вытащил мешочек из крепкой кожи размером не меньше головы человека.

— Возьми!— Кидого протянул мешочек Кави.

Этруск, подставивший ладони, согнулся от неожиданной тяжести и едва не выронил мешка. Негр оглушительно захохотал и заплясал от восторга. Громкий, веселый смех молодежи вторил ему за стенами кладовой.

— Что это?— спросил Кави, продолжая прижимать к себе тяжелый мешочек.

— Ты спрашиваешь, мудрый старый воин,— веселился Кидого,— точно не знаешь, что в мире имеет такую тяжесть одна лишь вещь!

— Золото!— воскликнул этруск на своем языке, но негр понял.

— Да, золото,— подтвердил он.

— Где же ты взял столько?— вмешался Пандион, ощупывая туго набитый мешочек.

— Вместо охоты мы ходили на золотоносное плоскогорье. Восемь дней мы перекапывали там песок и промывали его в воде...— Негр помолчал, потом закончил:— Сыны ветра не довезут вас до родины. Там, на вашем море, всем вам предстоят разные дороги, и каждый сможет добраться до своего дома. Разделите золото и спрячьте хорошо, так, чтобы не видели сыны ветра в пути.

— Кто еще был с тобой на этой «охоте»?— быстро спросил этруск.

— Вот все они.— Негр показал на сгрудившихся у входа юношей.

Радостные, растроганные до слез друзья бросились к неграм со словами благодарности. А те смущенные переминались с ноги на ногу и понемногу исчезали за домом.

Товарищи вышли из кладовой, завалили дверь камнем. Кидого внезапно стал молчалив, веселость его исчезла. Пандион привлек к себе черного друга, но тот высвободился из его объятий, положил эллину руки на плечи и долго смотрел в его золотистые глаза.

— Как я расстанусь с тобой, Кидого!— против воли вырвалось у Пандиона.

Пальцы негра впились в его плечи.

— Бог молнии видит,— сдавленно произнес Кидого,— я отдал бы все золото плоскогорья, отдал бы все, что у меня есть, до последнего копья, за то, чтобы ты согласился жить со мной навсегда...— Лицо негра исказилось, он закрыл глаза руками.— Но я даже не прошу тебя...— Голос Кидого дрожал, прерываясь.— В плену я узнал, что такое родина... Я понимаю, ты не можешь остаться... и я, вот видишь, сам стараюсь, чтобы ты уехал...— Негр внезапно отпустил Пандиона и бросился к дому.

Молодой эллин смотрел вслед другу, и слезы туманили его взор. Этруск тяжело вздохнул за спиной Пандиона.

— Придет время — и мы с тобой разойдемся,— тихо и печально сказал Кави.

— Наши с тобой дома́ не так уж далеко, и корабли плавают там часто,— сказал, повернувшись к нему, Пандион.— А Кидого... останется здесь. на краю Ойкумены...

Успокоившись за будущее, Пандион весь отдался творчеству. Он торопился — величие обретенной в борьбе за свободу дружбы вдохновляло его и заставляло спешить. Он заранее видел все подробности геммы.

Три человека должны были стоять обнявшись на фоне моря, к которому они стремились, моря, возвращавшего их на родину.

Пандион решил изобразить на большой плоской грани своего камня троих друзей — Кидого, Кави и себя в сверкающем, прозрачном свете морской дали, которую как нельзя лучше олицетворял собою голубовато-зеленый кристалл.

Молодой скульптор начертил несколько набросков на тонких пластинках слоновой кости, употреблявшихся женщинами племени для растирания каких-то мазей. Сделанное им открытие принуждало его постоянно видеть перед глазами живые тела, но это не составляло затруднения. Этруск и так был с ним все время, а Кидого, предчувствуя близкий приход кораблей сынов ветра, оставил свои дела и был неразлучен с друзьями.

Часто Пандион заставлял этруска и негра стоять перед ним обнявшись, и те, посмеиваясь, исполняли просьбу.

Друзья подолгу беседовали, поверяя все свои сокровенные мысли, тревоги и планы, а в глубине души каждого острым гвоздем сидела мысль о неизбежности расставания.

Пандион, разговаривая, не терял времени даром и упорно резал твердый камень. Иногда скульптор замолкал, взгляд его становился пронизывающим — эллин ловил в чертах друзей какую-то важную для него подробность.

Все выпуклее и живее становились три обнявшиеся мужские фигуры. В центре можно было узнать огромного Кидого, справа от него, слегка повернувшись к оставшемуся кусочку гладкой грани, стоял Пандион, а слева — этруск, оба с копьями в руках. Кави и Кидого находили большое сходство с собой, но уверяли Пандиона, что он плохо изобразил себя. Скульптор, улыбаясь, отвечал, что это неважно.

Фигуры друзей, несмотря на маленькие размеры, были совершенно живыми, подлинное мастерство проступало в каждой подробности. Повороты тел были сильны, резки и в то же время изящно сдержанны. В руках Кидого, широко раскинутых на плечах этруска и эллина, Пандиону удалось выразить движение защиты и братской нежности. Кави и Пандион стояли с внимательно, почти угрожающе наклоненными головами, исполненными напряженной бдительности мощных воинов, готовых уверенно отразить любого врага. Именно это впечатление великолепной мощи и уверенности создавала вся группа, и Пандион старался выразить в своем произведении все лучшее, что было в людях, ставших ему дорогими по пути из рабства на родину. Скульптор понял, что ему наконец удалось создать настоящее произведение искусства. Кидого и Кави перестали подтрунивать над Пандионом. Затаив дыхание, они часами следили за движениями волшебного резца, и смутное преклонение перед мастерством художника определяло их теперешнее отношение к Пандиону. Их молодой друг, смелый, веселый и даже ребячливый, подчас забавный своим восторгом перед женщинами, оказался великим художником! Это одновременно и радовало и удивляло Кидого и Кави.

А Пандион вкладывал всю любовь к товарищам в порыв своего творчества. Теперь первоначальная идея вырезать на камне Тессу не привлекала его больше. Тесса, Ирума и Ньора, принадлежавшие к разным народам, были сестрами по красоте, у всех трех обладавшей одинаково притягательной силой... Но были ли они сестрами во всем остальном — этого Пандион не знал. Могла ли бы Тесса так сродниться с Ньорой, как он с Кидого? А в дружбе Пандиона с Кидого и Кави, в товариществе со всеми другими бывшими рабами, которых осталось здесь уже так немного, было братство единых помыслов и стремлений, спаянное крепче камня верностью и мужеством. Да, они настоящие братья, хотя одного носила такая же черная, как он сам, мать здесь, под странными деревьями юга, другой лежал в колыбели в хижине, сотрясаемой злыми зимними бурями, а третий в это время уже воевал со свирепыми кочевниками дальних степей на берегу темного моря... Сердца их сплелись тугими жилами, сотни раз проверенные в общих невзгодах, и как мало значило теперь различие их стран, лиц, тел и верований!

Дни летели быстро. Пандион вдруг спохватился: прошло около полутора месяцев, и срок, назначавшийся для прибытия сынов ветра, уже миновал. Беспокойство и облегчение смешалось в душе молодого эллина: беспокойство — потому, что сыны ветра могли вовсе не приехать, а облегчение — при мысли, что неизбежная разлука с Кидого отодвигается. В тревожном томлении Пандион иногда оставлял свою работу — впрочем, она была почти окончена. Эллин опять стал часто ходить к морю, стараясь возвращаться быстрее, чтобы не отделяться от друзей.

Однажды Пандион собрался идти на обычное купание. Он встал и поз-

вал с собой друзей, но те отказались, затеяв горячий спор о разных способах приготовления жевательных листьев. Вдали послышался шум многочисленных голосов, крики и восторженные вопли, какими пылкие сородичи Кидого сопровождали каждое событие. Кидого вскочил, серый пепел бледности разлился у него по лицу, даже грудь негра посветлела. Чуть пошатнувшись, Кидого побежал к своему дому, крикнув через плечо встревоженным друзьям:

— Наверно, сыны ветра!

Кровь бросилась в голову этруска и эллина, они тоже пустились бежать по известной Пандиону короткой тропинке к морю. На гребне холма Пандион и Кави остановились.

— Верно, сыны ветра! — закричал Кави.

Темно-фиолетовая тень огромной горы легла на берег, простерлась вдаль, затемнив блеск моря и бросив на него хмурый оттенок лесных чащ. Черные корабли, похожие на корабли эллинов, с выпуклыми, как лебединые груди, носами, уже были выдвинуты на посеревший песок. Их было пять. Со спущенными мачтами суда походили на больших черных уток, уснувших на песке.

Перед кораблями быстро ходили взад и вперед бородатые воины в грубых серых плащах, сверкая медной оковкой круглых щитов и раскачивая в руках широкие топоры на длинных рукоятках. Начальники, купцы и все свободные от охраны люди с кораблей, по-видимому, уже ушли в селение Кидого. Этруск и эллин повернули назад.

У хижины их нетерпеливо поджидал Кидого.

— Сыны ветра у вождей,— сообщил негр.— Я просил дядю, он скажет главному нашему вождю, и тот сам будет вести переговоры с ними о вас. Так будет крепче. Сынам ветра опасно ссориться с ним, они оставят всех вас в целости...— Негр улыбнулся криво и невесело.

Сотни людей собрались на берегу проводить отплывающие суда. Сыны ветра торопились — солнце клонилось к закату, а им почему-то хотелось обязательно начать плавание сегодня. Корабли, уже нагруженные, медленно покачивались у края рифов. Среди груза лежал дар народа Кидого — плата за возвращение бывших рабов на родину. До кораблей нужно было идти по грудь в воде через береговую отмель. Начальники сынов ветра замешкались, на прощание упрашивая вождей приготовить побольше товаров на будущий год, клялись во что бы то ни стало прибыть в назначенный срок.

Кави стоял рядом с Кидого, держа одной рукой большой сверток со шкурой и черепом страшного гишу. На прощание черный друг подарил Пандиону и Кави два больших метательных ножа. Это военное изобретение народа Тенгрелы имело вид широкой бронзовой пластины, глубоко рассеченной на пять концов: четыре серповидно изогнутых и отточенных, к пятому, откованному наподобие пальца, была прикреплена короткая роговая рукоятка. Оружие, брошенное умелой рукой, со свистом вращалось в воздухе и убивало жертву наповал с двадцати локтей расстояния.

Со стесненным сердцем Пандион оглядывался вокруг, присматриваясь к своим новым спутникам и хозяевам. Их жесткие, обветренные лица были цвета темного кирпича, нестриженые бороды лохматились вокруг щек, в тяжелой, развалистой походке, суровых складках губ и лба не было ни капли легкого добродушия, характерного для собратьев Кидого. Но все

же Пандион почему-то верил этим людям — может быть, потому, что сыны ветра, как и он, были преданы морю, жили с ним в согласии и понимали его. Или потому, что в их речи Пандион и Кави встречали знакомые слова...

Сыны ветра охотно согласились взять бывших рабов на корабли за предложенную вождем плату. Дяде Кидого Иорумефу удалось даже выторговать шесть клыков и две корзины целебных орехов. Этот остаток погрузили на корабль как достояние Кави, ливийцев и Пандиона. Сыны ветра разделили людей вопреки их желанию. На одном корабле ехали шестеро ливийцев, на другом — Кави с Пандионом и три ливийца.

Гавань сынов ветра оказалась поблизости от Ворот Туманов, на огромном расстоянии от родины Кидого — не меньше двух месяцев плавания при самой благоприятной погоде. Кави и Пандион даже растерялись — они не представляли себе истинную дальность пути и поняли, что сыны ветра такие же выдающиеся борцы с морем, какими были повелители слонов в борьбе с мощью степей Африки. От гавани сынов ветра до родины Пандиону предстояло еще проплыть почти все Великое Зеленое море, но это расстояние было в два с половиной раза меньше, чем путь от селения Кидого к гавани сынов ветра. Сыны ветра успокоили Пандиона и Кави заверением, что к ним часто приплывают корабли финикийцев из Тира, с Крита, Кипра и большого Ливийского залива[1].

Но Пандион сейчас, стоя на берегу, не думал об этом. В смятении он оглядывался на море, словно пытался измерить предстоящий ему огромный путь, и поворачивался к Кидого. Начальник всех кораблей, с обручем кованого золота в курчавых волосах, громко закричал, приказывая идти на суда.

Кидого схватил за руки Пандиона и Кави, не скрывая слез.

— Прощай навсегда, Пандион, и ты, Кави! — прошептал негр.— Там, на далекой своей родине, вспомните о Кидого, верном и любящем вас обоих! Вспомните наши дни в рабстве в Кемт, когда только дружба поддерживала нас, дни мятежа, бегства, дни великого похода к морю... Я буду с вами в моих мыслях. Вы уходите навеки от меня, вы, ставшие мне дороже жизни! — Голос негра окреп.— Я буду верить, что когда-нибудь люди научатся не бояться просторов мира. Моря соединят их... Но я не увижу вас больше... Велико мое горе...— Огромное тело Кидого затряслось от рыданий.

В последний раз соединились руки друзей. Сыны ветра закричали с корабля...

Руки Пандиона разжались, отошел Кави. Этруск и эллин вступили в теплую воду и, скользя на камнях, поспешили к судам.

В первый раз после долгих лет Пандион ступил на палубу; на него повеяло давно ушедшими в прошлое днями счастливых путей. Но прошлое только мелькнуло в памяти и скрылось опять. Все мысли сосредоточились на высокой черной фигуре, стоявшей отдельно от толпы, у самого края воды. Весла плеснули и зачастили мерными ударами, корабль вышел за линию рифов. Тогда моряки подняли большой парус, и ветер подхватил судно.

Все меньше становились люди на берегу; скоро маленькая черная точка обозначала утраченного навсегда Кидого. Надвинувшиеся сумерки скрыли берег, только темный горный кряж угрюмо громоздился за кор-

---

[1] *Большой Ливийский залив* — залив Большой Сирт на северном побережье Африки, к западу от Египта.

мой. Кави смахивал уже не первую крупную слезу. Огромная летучая мышь, залетевшая с берега, вдоль которого направлялись суда, чуть задела крылом лицо Пандиона. Это шелковистое прикосновение показалось эллину последним приветствием покинутой страны. Глубокое смятение вызвала у Пандиона разлука с другом-негром, со страной, где он столько пережил, где оставил часть своего сердца. Смутно чувствовал он, что там, на родине, в часы усталости и печили, Африка будет вставать перед ним неизменно манящей и прекрасной именно потому, что он утратил ее навсегда... как Ируму. Отбросив все, что стало близким и привычным, обернувшись к Элладе лицом и душой, Пандион содрогнулся от тревоги. Что ждет его там после столь долгого отсутствия? Как будет он жить среди своих, когда вернется? Кого он найдет? Тесса... Да жива ли она, любит ли его по-прежнему или...

Корабли угрюмо ныряли в волнах, обращенные носами к западу. Только после месяца пути они повернут на север,— так сказали сыны ветра. Мощное дыхание океана шевелило волосы Пандиона. Рядом с ним сновали деловито и неторопливо молчаливые моряки. Сыны ветра — потомки древних критских мореходов — Пандиону казались более чужими, чем чернокожие обитатели Африки. Эллин сжал в руке висевший на груди мешочек с камнем, хранивший облик Кидого, и пошел к товарищам, печально жавшимся в уголке чужого корабля...

Из-за гор поднялся оранжевый круг луны. В ее свете океан — Великая Дуга, обнимающая все земли мира,— предстал изрытым черными впадинами, над которыми плавно двигались светлые вершины волн. Маленькие корабли смело шли вперед, то взбрасывая носы в звездное небо и рассыпая вокруг серебристые брызги, то проваливаясь вниз, в глухо шумящую темноту. Пандиону это казалось похожим на его собственный жизненный путь. Впереди, вдали, блестящие верхушки валов сливались в одну светящуюся дорогу, звезды спускались вниз и качались в волнах, как бывало давно, у берегов родины. Океан принимал отважных людей, соглашался нести их на себе в безмерную даль, домой...

— Ты видел, Эвпалин, гемму на камне цвета моря — самое совершенное творение в Энниаде... истиннее сказать — во всей Элладе?

Эвпалин ответил не сразу. Он прислушивался к звонкому ржанию любимого коня, которого держал рослый раб, плотнее запахнулся в плащ из тонкой шерсти. Весенний ветерок в тени навеса пронизывал холодом, хотя серые склоны каменистых гор, вздымавшиеся перед собеседниками, уже были покрыты цветущими деревьями. Внизу нежно-розовыми облачками протянулись рощицы миндаля, выше темно-розовые, почти лиловые пятна означали заросли кустарников. Холодный ветер, спускавшийся с гор, источал миндальный аромат и несся над долинами Энниады вестником новой весны. Эвпалин втянул ноздрями ветер, постучал пальцем по деревянной колонне и медленно сказал:

— Я слышал, ее сделал приемный сын Агенора, тот, что так долго скитался где-то... Его считали умершим, но он недавно вернулся из очень далекой страны.

— А дочь Агенора, красавица Тесса... Ты слышал, конечно, о ней?

— Слышал, что она шесть лет не хотела выходить замуж, веря, что вернется ее возлюбленный. И ее отец-художник позволил ей...

— Я знаю, что не только позволил — даже сам ждал все время приемного сына.

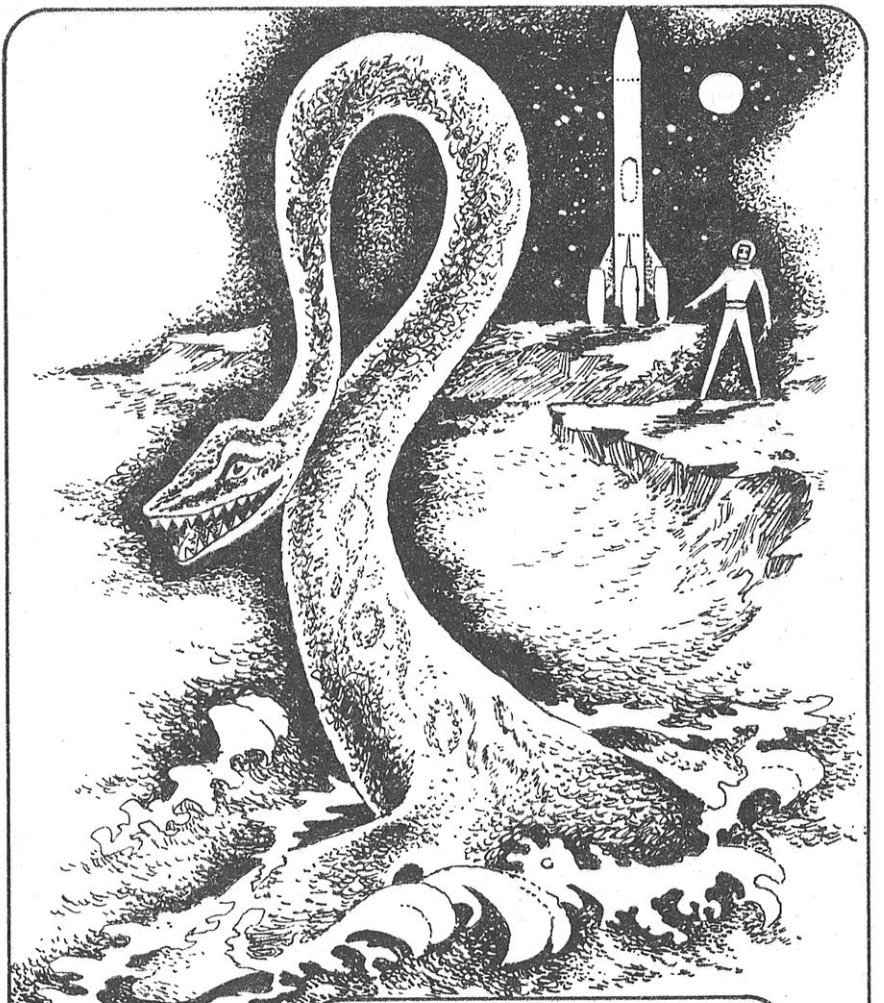
— Редкий случай, когда ожидание оправдалось! Он действительно не погиб и сделался мужем Тессы и замечательным художником. Жалею, что не пришлось тебе увидеть гемму — ты хороший знаток и оценил бы ее!

— Я послушаюсь тебя и поеду к Агенору. У Ахелоева мыса живат он — всего двадцать стадий туда...

— О нет, Эвпалин, ты опоздал! Мастер, что создал гемму, подарил ее — подумай только!— своему другу, бродяге-этруску. Он привез его, заболевшего в пути, в дом Агенора, вылечил и, когда бродяга собрался к себе, отдал ему то, что могло бы прославить всю Энниаду. А этруск наградил его шкурой сквернообразного зверя, неслыханного доселе и страшного...

— Нищим он уехал и вернулся таким же. Или он ничему не научился в скитаниях, что делает драгоценные подарки кому попало?

— Нам с тобой трудно понять человека, столь долго бывшего на чужбине. Но мне жаль, что гемма ушла от нас!



РАССКАЗЫ

4

ЗВЕЗДНЫЕ КОРАБЛИ

Глава первая

У ПОРОГА ОТКРЫТИЯ

— Когда вы приехали, Алексей Петрович? Тут много людей вас спрашивали.

— Сегодня. Но для всех меня еще нет. И закройте, пожалуйста, окно в первой комнате.

Вошедший снял старый военный плащ, вытер платком лицо, пригладил свои легкие светлые волосы, сильно поредевшие на темени, сел в кресло, закурил, опять встал и начал ходить по комнате, загроможденной шкафами и столами.

— Неужели возможно? — подумал он вслух.

Подошел к одному из шкафов, с усилием распахнул высокую дубовую дверцу. Белые поперечины лотков выглянули из темной глубины шкафа. На одном лотке стояла кубическая коробка из желтого блестящего, твердого, как кость, картона. Поперек грани куба, обращенной к дверце, проходила наклейка серой бумаги, покрытая черными китайскими иероглифами. Кружки почтовых штемпелей были разбросаны по поверхности коробки.

Длинные бледные пальцы человека коснулись картона.

— Тао Ли, неизвестный друг! Пришло время действовать!

Тихо закрыв дверцы шкафа, профессор Шатров взял потертый портфель, извлек из него поврежденную сыростью тетрадь в сером гранитолевом переплете. Осторожно разделяя слипшиеся листы, профессор просматривал через увеличительное стекло ряды цифр и время от времени делал какие-то вычисления в большом блокноте.

Груда окурков и горелых спичек росла в пепельнице; воздух в кабинете посинел от табачного дыма.

Необычайно ясные глаза Шатрова блестели под густыми бровями. Высокий лоб мыслителя, квадратные челюсти и резко очерченные ноздри усиливали общее впечатление незаурядной умственной силы, придавая профессору черты фанатика.

Наконец ученый отодвинул тетрадь.

— Да, семьдесят миллионов лет! Семьдесят миллионов! Ок! — Шатров сделал рукой резкий жест, как бы протыкая что-то перед собой, оглянулся, хитро прищурился и снова громко сказал: — Семьдесят миллионов!.. Только не бояться!

Профессор неторопливо и методически убрал свой письменный стол, оделся и пошел домой.

Шатров окинул взглядом размещенные во всех углах комнаты «бронзюшки», как он называл коллекцию художественной бронзы, уселся за покрытый черной клеенкой стол, на котором бронзовый краб нес на спине огромную чернильницу, и раскрыл альбом.

— Устал я, должно быть... И старею... Голова седеет, лысеет и... дуреет,— пробормотал Шатров.

Он давно уже чувствовал вялость. Паутина однообразных ежедневных занятий плелась годами, цепко опутывая мозг. Мысль не взлетала более, далеко простирая свои могучие крылья. Подобно лошади под тяжким грузом, она переступала уверенно, медленно и понуро. Шатров понимал, что его состояние вызвано накопившейся усталостью. Друзья и коллеги давно уже советовали ему развлечься. Но профессор не умел ни отдыхать, ни интересоваться чем-то посторонним.

«Оставьте! В театре не был двадцать лет, на даче отродясь не жил»,— угрюмо твердил он своим друзьям.

И в то же время ученый понимал, что расплачивается за свое длительное самоограничение, за нарочитое сужение круга интересов, расплачивается отсутствием силы и смелости мысли. Самоограничение, давая возможность большей концентрации мысли, в то же время как бы запирало его наглухо в темную комнату, отделяя от многообразного и широкого мира.

Прекрасный художник-самоучка, он всегда находил успокоение в рисовании. Но сейчас даже хитро задуманная композиция не помогла ему справиться с нервным возбуждением. Шатров захлопнул альбом, вышел из-за стола и достал пачку истрепанных нот. Вскоре старенькая фисгармония заполнила комнату певучими звуками брамсовского интермеццо. Играл Шатров плохо и редко, но всегда смело брался за трудные для исполнения вещи, так как играл только наедине с самим собой. Близоруко щурясь на нотные строчки, профессор вспомнил все подробности своей необычайной для него, кабинетного схимника, недавней поездки.

Бывший ученик Шатрова, перешедший на астрономическое отделение, разрабатывал оригинальную теорию движения солнечной системы в пространстве. Между профессором и Виктором (так звали бывшего ученика) установились прочные дружеские отношения. В самом начале войны Виктор ушел добровольцем на фронт, был отправлен а танковое училище, где проходил длительную подготовку. В это время он занимался и своей теорией. В начале 1943 года Шатров получил от Виктора письмо. Ученик сообщал, что ему удалось закончить свою работу. Тетрадь с подробным изложением теории Виктор обещал выслать Шатрову немедленно, как только перепишет все начисто. Это было последнее письмо, полученное Шатровым. Вскоре его ученик погиб в грандиозной танковой битве.

Шатров так и не получил обещанной тетради. Он предпринял энергичные розыски, не давшие результатов, и наконец решил, что танковую часть Виктора ввели в бой так стремительно, что ученик его попросту не успел послать ему свои вычисления. Уже после окончания войны Шатрову удалось встретиться с майором, начальником покойного Виктора. Майор участвовал в том самом бою, где был убит Виктор, и теперь лечился в Ленинграде, где работал и сам Шатров. Новый знакомый уверил профессора, что танк Виктора, сильно разбитый прямым попаданием, не горел и поэтому есть надежда разыскать бумаги покойного, если только они находились в танке. Танк, как думал майор, должен был и теперь стоять на месте сражения, так как оно было сильно заминировано.

Профессор и майор совершили совместную поездку на место гибели Виктора.

И сейчас перед Шатровым из-за строчек потрепанных нот вставали картины только что пережитого.

— Стойте, профессор! Дальше ни шагу! — закричал отставший майор.

Шатров послушно остановился.

Впереди, на залитом солнцем поле, неподвижно стояла высокая сочная трава. Капли росы искрились на листьях, на пушистых шапочках сладко пахнущих белых цветов, на конических лиловых соцветиях иван-чая. Насекомые, согревшиеся под утренним солнцем, деловито жужжали над высокой травой. Дальше лес, иссеченный снарядами три года назад, раскидывал тень своей зелени, прорванной неровными и частыми просветами, напоминавшими о медленно закрывающихся ранах войны. Поле было полно буйной растительной жизни. Но там, в гуще некошеной травы, скрывалась смерть, еще не уничтоженная, не побежденная временем и природой.

Быстро растущая трава скрыла израненную землю, взрытую снарядами, минами и бомбами, вспаханную гусеницами танков, усеянную осколками и политую кровью...

Шатров увидел разбитые танки. Полускрытые бурьяном, они мрачно горбились среди цветущего поля, с потоками красной ржавчины на развороченной броне, с приподнятыми или опущенными пушками. Направо, в маленькой впадине, чернели три машины, обгоревшие и неподвижные. Немецкие пушки смотрели прямо на Шатрова, будто мертвая злоба и теперь еще заставляла их яростно устремляться к белым и свежим березкам опушки.

Дальше, на небольшом холме, один танк вздыбился, надвинувшись на опрокинутую набок машину. За зарослями иван-чая была видна лишь часть ее башни с грязно-белым крестом. Налево широкая пятнистая серорыжая масса «фердинанда» склоняла вниз длинный ствол орудия, утопавший концом в гуще травы.

Цветущее поле не пересекалось ни одной тропинкой, ни одного следа человека или зверя не было видно в плотной заросли бурьяна, ни звука не доносилось оттуда. Только встревоженная сойка резко трещала где-то вверху да издали доносился шум трактора.

Майор взобрался на поваленный ствол дерева и долго стоял неподвижно. Молчал и шофер майора.

Шатрову невольно вспомнилась полная торжественной печали латинская надпись, обычно помещавшаяся в старину над входом в анатомический театр: «Hic Locus est, ubi mors gaudet sucurrere vitam», в переводе означавшая: «Это место, где смерть ликует, помогая жизни».

К майору подошел маленького роста сержант, начальник группы саперов. Веселость его показалась Шатрову неуместной.

— Можно начинать, товарищ гвардии майор? — звонко спросил сержант.— Откуда поведем?

— Отсюда.— Майор ткнул палкой в куст боярышника.— Направление — точно на ту березку...

Сержант и приехавшие с ним четыре бойца приступили к разминированию.

— Где же тот танк... Виктора? — тихо спросил Шатров.— Я вижу только немецкие.

— Сюда посмотрите,— повел рукой майор налево,— вот вдоль этой группы осин. Видите — там маленькая березка на холме? Да? А правее ее — танк.

Шатров старательно присмотрелся. Небольшая береза, чудом уцелевшая на поле сражения, едва трепетала своими свежими нежными листочками. И среди бурьяна в двух метрах от нее выступала груда исковерканного металла, издалека казавшаяся лишь красным пятном с черными провалами.

— Видите? — спросил майор и на утвердительный жест профессора добавил: — А еще левее, туда, вперед, — там мой танк. Вот тот, горелый. В тот день я...

К ним подошел кончивший работу сержант:

— Готово! Тропочку проложили.

Профессор и майор направились к желанной цели. Танк показался Шатрову похожим на огромный исковерканный череп, зияющий черными дырами больших проломов. Броня, погнутая, закругленная и оплавленная, багровела кровоподтеками ржавчины.

Майор с помощью своего шофера взобрался на разбитую машину, долго рассматривал что-то внутри, засунув голову в открытый люк. Шатров вскарабкался следом и встал на расколотой лобовой броне против майора.

Тот высвободил голову, сощурился на свету и угрюмо сказал:

— Самому вам лезть незачем. Подождите, мы с сержантом все осмотрим. Если уж не найдем, тогда, чтобы убедиться, пожалуйте.

Ловкий сержант быстро нырнул в машину и помог влезть майору. Шатров озабоченно склонился над люком. Внутри танка воздух был душный, пропитанный прелью и слабо отдавал запахом машинного масла. Майор для верности зажег фонарик, хотя внутрь машины проникал свет через пробоины. Он стоял согнувшись, стараясь в хаосе исковерканного металла определить, что было полностью уничтожено. Майор попробовал поставить себя на место командира танка, вынужденного спрятать в нем ценную для себя вещь, и принялся последовательно осматривать все карманы, гнезда и закоулки. Сержант проник в моторное отделение, долго ворочался и кряхтел там.

Вдруг майор заметил на уцелевшем сиденье планшетку, засунутую позади подушки, у перекладины спинки. Он быстро вытащил ее. Кожа, побелевшая и вздувшаяся, оказалась неповрежденной; сквозь мутную сетку целлулоида проглядывала испорченная плесенью карта. Майор нахмурился, предчувствуя разочарование, с усилием отстегнул заржавевшие кнопки. Шатров с нетерпением переминался с ноги на ногу. Под картой, сложенной в несколько раз, была серая тетрадь, в твердом гранитолевом переплете.

— Нашел! — И майор подал в люк планшетку.

Шатров поспешно вытащил тетрадь, осторожно раскрыл слипшиеся листы, увидел ряды цифр, написанные почерком Виктора, и вскрикнул от радости.

Майор вылез наружу.

Поднявшийся легкий ветер принес медовый запах цветов. Тонкая береза шелестела и склонялась над танком, будто в неутешной печали. В вышине медленно плыли белые плотные облака, и вдали, сонный и мерный, слышался крик кукушки...

...Шатров не заметил, как тихо раскрылась дверь и вошла жена. Она с тревогой взглянула добрыми голубыми глазами на мужа, застывшего в раздумье над клавишами.

— Будем обедать, Алеша?

Шатров закрыл фисгармонию.

— Ты что-то задумал опять, не так ли? — тихо спросила жена, доставая тарелки из буфета.

— Я еду послезавтра в обсерваторию, к Бельскому, на два-три дня.

— Не узнаю тебя, Алеша. Ты такой домосед, я месяцами вижу только твою спину, согнутую над столом, и вдруг... Что с тобой случилось? Я в этом вижу влияние...

— Конечно, Давыдова? — рассмеялся Шатров.— Ей-ей, нет, Олюшка, он ничего не знает. Ведь мы с ним не виделись с сорок первого года.

— Но переписываетесь-то вы каждую неделю!

— Преувеличение, Олюшка. Давыдов сейчас в Америке, на конгрессе геологов... Да, кстати напомнила,— он на днях возвращается. Сегодня же напишу ему.

Обсерватория, куда приехал Шатров, была только что отстроена после варварского разрушения ее гитлеровцами.

Прием, оказанный Шатрову, был сердечным и любезным. Профессора приютил сам директор, академик Бельский, в одной из комнат своего небольшого дома. Два дня Шатров присматривался к обсерватории, знакомился с приборами, звездными каталогами и картами. На третий день один из наиболее мощных телескопов был свободен, к тому же и ночь благоприятствовала наблюдениям. Бельский вызвался быть проводником Шатрова по тем областям неба, которые упоминались в рукописи Виктора.

Помещение большого телескопа скорее походило на цех крупного завода, чем на научную лабораторию. Сложные металлические конструкции были непонятны далекому от техники Шатрову, и он подумал, что его друг, профессор Давыдов, любитель всяких машин, гораздо лучше оценил бы виденное. В этой круглой башне было несколько пультов с электрическими приборами. Помощник Бельского уверенно и ловко управлял различными рубильниками и кнопками. Глухо заревели большие электромоторы, башня повернулась, массивный телескоп, подобный орудию с ажурными стенками, наклонился ниже к горизонту. Гул моторов смолк и сменился тонким завыванием. Движение телескопа сделалось почти незаметным. Бельский пригласил Шатрова подняться по легкой лесенке из дюраля. На площадке находилось удобное кресло, привинченное к настилу и достаточно широкое, чтобы вместить обоих ученых. Рядом — столик с какими-то приборами. Бельский выдвинул назад, к себе, металлическую штангу, снабженную на концах двумя бинокулярами, похожими на те, которыми постоянно пользовался в своей лаборатории Шатров.

— Прибор для одновременного двойного наблюдения,— пояснил Бельский.— Мы будем смотреть оба на одно и то же изображение, получающееся в телескопе.

— Я знаю. Такие же приборы применяются и у нас, биологов,— отвечал Шатров.

— Мы теперь мало пользуемся визуальными наблюдениями,— продолжал Бельский,— глаз скоро утомляется и не сохраняет виденного. Современная астрономическая работа вся идет на фотоснимках, особенно звездная астрономия, которой вы интересуетесь... Ну, вы хотели посмотреть для начала на какую-нибудь звезду. Вот вам красивая двойная звезда — голубая и желтая — в созвездии Лебедя. Регулируйте по своим глазам так же, как и обычно... Впрочем, подождите. Я лучше совсем выключу свет — пусть ваши глаза привыкнут...

Шатров прильнул к обьективам бинокуляра, умело и быстро отрегулировал винты. В центре черного круга ярко сияли две очень близкие друг

к другу звезды. Шатров сразу понял, что телескоп не в силах увеличить звезды, как планеты или Луну,— настолько велики расстояния, отделяющие их от Земли. Телескоп делает их яркими, более отчетливо видимыми, собирая и концентрируя лучи. Поэтому в телескоп видны миллионы слабых звезд, вовсе недоступных невооруженному глазу.

Перед Шатровым, окруженные глубокой чернотой, горели два маленьких ярких огонька красивого голубого и желтого цвета, несравненно ярче самых лучших драгоценных камней. Эти крошечные светящиеся точки давали ни с чем не сравнимое ощущение одновременно чистейшего света и безмерной удаленности; они были погружены в глубочайшую пучину темноты, пронзенную их лучами. Шатров долго не мог оторваться от этих огней далеких миров, но Бельский, лениво откинувшийся в кресле, поторопил его:

— Продолжим наш обзор. Не скоро выдастся такая прекрасная ночь, да и телескоп будет занят. Вы хотели посмотреть центр нашей Галактики[1], ту «ось», вокруг которой вращается ее «звездное колесо»?

Снова завыли моторы. Шатров ощутил движение площадки. В стеклах бинокуляра возник рой тусклых огоньков. Бельский замедлил движение телескопа. Огромная машина двигалась незаметно и беззвучно, а перед глазами Шатрова медленно проплывали участки Млечного Пути в области созвездий Стрельца и Змееносца.

Короткие пояснения Бельского помогали Шатрову быстро ориентироваться и понимать видимое.

Тускло светящийся звездный туман Млечного Пути рассыпался неисчислимым роем огоньков. Этот рой сгущался в большое облако, удлиненное и пересеченное двумя темными полосами. Местами ярко горели, как бы выпирая из глубин пространства, отдельные редкие звезды, более близкие к Земле.

Бельский остановил телескоп и повысил увеличение окуляра. Теперь в поле зрения было почти целиком звездное облако — плотная светящаяся масса, в которой отдельные звезды были неразличимы. Вокруг нее роились, сгущаясь и разрежаясь, миллионы звезд. При виде этого обилия миров, не уступавших нашему Солнцу в размере и яркости, Шатров ощутил смутное угнетение.

— В этом направлении центр Галактики,— пояснил Бельский,— на расстоянии в тридцать тысяч световых лет[2]. Самый центр для нас невидим. Только недавно в инфракрасных лучах удалось сфотографировать расплывчатый, неясный контур этого ядра. Вот здесь, направо,— черное пятно чудовищных размеров: это масса темной материи, закрывающей центр Галактики. Но вокруг него обращаются все ее звезды, вокруг него летит и Солнце со скоростью двухсот пятидесяти километров в секунду. Если бы не было темной завесы, Млечный Путь здесь был бы несравненно ярче, и наше ночное небо казалось бы не черным, а пепельным... Поехали дальше...

---

[1] *Галактика* — гигантская звездная система (иначе называемая Млечным Путем), в которой в качестве рядовой звезды находится и наше Солнце. Солнце описывает вокруг динамического центра Галактики гигантскую орбиту с периодом обращения примерно в 220 миллионов лет.

[2] *Световой год* — единица расстояния в астрономии, равная количеству километров, пробегаемых лучом света в год ($9{,}46 \times 10^{12}$ км, то есть почти 10^{13} км). Ныне как единица расстояния в астрономии применяется парсек, равный 3,26 светового года.

В телескопе появились черные прогалины в звездных роях, протяжением в миллионы километров.

— Это облака темной пыли и обломочной материи,— пояснил Бельский.— Отдельные звезды просвечивают сквозь них инфракрасными лучами, как это установлено фотографией на специальных пластинках... А есть еще множество звезд, которые совсем не светятся. Мы распознаем присутствие лишь ближайших таких звезд по их излучению радиоволн — потому и называем их «радиозвездами»...

Шатрова поразила одна большая туманность. Похожая на клуб светящегося дыма, испещренная глубочайшими черными провалами, она висела в пространстве, подобная разметанному вихрем облаку. Сверху и справа от нее виднелись тусклые серые клочья, уходившие туда, в бездонные межзвездные пропасти. Жутко было представить себе огромные размеры этого облака пылевой материи, отражавшего свет дальних звезд. В любом из черных его провалов утонула бы незаметно вся наша солнечная система.

— Заглянем теперь за пределы нашей Галактики,— сказал Бельский.

В поле зрения перед Шатровым возникла глубокая тьма. Едва уловимые светлые точки, такие слабые, что их свет умирал в глазу, почти не вызывая зрительного ощущения, редко-редко встречались в неизмеримой глубине.

— Это то, что отделяет нашу Галактику от других звездных островов. А теперь вы видите подобные нашей Галактике звездные миры, чрезвычайно удаленные от нас. Здесь, в направлении на созвездие Пегаса, открываются перед нами самые глубокие известные нам части пространства. Сейчас мы посмотрим на самую близкую к нам галактику, размерами и формой похожую на нашу исполинскую звездную систему. Она состоит из мириадов отдельных звезд различной величины и яркости, имеет такие же облака темной материи, такую же полосу этой материи, стелющуюся в экваториальной плоскости, и так же окружена шаровыми звездными скоплениями. Это так называемая туманность М31 в созвездии Андромеды. Она косо наклонена к нам, так что мы видим ее отчасти с ребра, отчасти с плоскости...

Шатров увидел бледно светящееся облако в форме удлиненного овала. Приглядываясь, он смог различить светящиеся полосы, расположенные спирально и разделенные черными промежутками.

В центре туманности видна была наиболее плотная светящаяся масса звезд, слившихся в одно целое на колоссальном расстоянии. От нее отходили едва уловимые спирально загибающиеся выросты. Вокруг этой плотной массы, отделенные темными кольцами, шли полосы более разреженные и тусклые, а на самом краю, в особенности у нижней границы поля зрения, кольцевые полосы разрывались на ряд округлых пятнышек.

— Смотрите, смотрите! Вам, как палеонтологу, это должно быть особенно интересно. Ведь свет, который сейчас попадает к нам в глаза, ушел от этой галактики миллиона полтора лет назад. Еще человека-то на Земле не было!

— И это самая близкая к нам галактика? — удивился Шатров.

— Ну конечно! Мы знаем уже такие, которые расположены в расстояниях порядка сотен миллиардов световых лет. Миллиарды лет бежит свет со скоростью в десять триллионов километров в год. Вы видели такие галактики в созвездии Пегаса...

— Непостижимо! Можете не говорить — все равно нельзя себе представить подобные расстояния. Бесконечные, неизмеримые глубины...

Бельский еще долго показывал Шатрову ночные светила. Наконец Шатров горячо поблагодарил своего звездного Вергилия, вернулся к себе и улегся в постель, но долго не мог заснуть.

В закрытых глазах роились тысячи светил, плыли колоссальные звездные облака, черные завесы холодной материи, гигантские хлопья светящегося газа...

И все это — простирающееся на биллионы и триллионы километров, рассеянное в чудовищной, холодной пустоте, разделенное невообразимыми пространствами, в беспросветном мраке которых мчатся лишь потоки мощных излучений.

Звезды — эти огромные скопления материи, сдавливаемой силой тяготения и под действием непомерного давления развивающей высокую температуру. Высокая температура вызывает действие атомных реакций, усиливающих выделения энергии. Чтобы звезды могли существовать, не взрываясь, в равновесии, энергия должна в колоссальных количествах выбрасываться в пространство в виде тепла, света, космических лучей. И вокруг этих звезд, словно вокруг силовых станций, работающих на ядерной энергии, вращаются согреваемые ими планеты.

В чудовищных глубинах пространства несутся эти планетные системы, вместе с мириадами одиночных звезд и темной, остывшей материей составляющие огромную, похожую на колесо систему — галактику. Иногда звезды сближаются и снова расходятся на миллиарды лет, точно корабли одной галактики. А в еще более огромном пространстве отдельные галактики также подобны еще бо́льшим кораблям, светящим друг другу своими огнями в неизмеримом океане тьмы и холода.

Неведомое до сих пор чувство овладело Шатровым, когда он живо и ярко представил себе Вселенную с ее ужасающим холодом пустоты, с рассеянными в ней массами материи, раскаленной до невообразимых температур; представил себе недоступные никаким силам расстояния, неимоверную длительность совершающихся процессов, в которых пылинки, подобные Земле, имеют совершенно ничтожное значение.

И в то же время гордое восхищение жизнью и ее высшим достижением — умом человека — прогоняло страшный облик звездной Вселенной. Жизнь, скоротечная, настолько хрупкая, что может существовать только на планетах, похожих на Землю, горит крохотными огоньками где-то в черных и мертвых глубинах пространства.

Вся стойкость и сила жизни — в ее сложнейшей организации, которую мы едва начали понимать, организации, приобретенной миллионами лет исторического развития, борьбы внутренних противоречий, бесконечной смены устаревших форм новыми, более совершенными. В этом сила жизни, ее преимущество перед неживой материей. Грозная враждебность космических сил не может помешать жизни, которая, в свою очередь, рождает мысль, анализирующую законы природы и с их же помощью побеждающую ее силы.

У нас на Земле и там, в глубинах пространства, расцветает жизнь — могучий источник мысли и воли, который впоследствии превратится в поток, широко разлившийся по Вселенной. Поток, который соединит отдельные ручейки в могучий океан мысли.

И Шатров понял, что впечатления, пережитые им ночью, вновь разбудили застывшую было силу его творческого мышления. Тому залогом открытие, заключенное в коробке Тао Ли...

Он будет действовать дальше, не боясь нового, как бы невероятно оно ни было.

Старший помощник капитана парохода «Витим» небрежно облокотился на сверкающие в солнечных лучах поручни. Большой корабль словно уснул на мерно колыхающейся зеленой воде, окруженный медленно перебегающими бликами света. Рядом густо дымил длинный, высоконосый английский пароход, лениво кивая двумя белыми крестами массивных мачт.

Южный край бухты, почти прямой и черный от глубокой тени, обрывался стеной красно-фиолетовых гор, изборожденных лиловыми тенями.

Офицер услышал внизу твердые шаги и увидел на трапе мостика массивную голову и широкие плечи профессора Давыдова.

— Что так рано, Илья Андреевич? — приветствовал он ученого.

Давыдов прищурился, молча осмотрел солнечную даль, а потом взглянул на улыбавшегося старшего помощника:

— Хочу попрощаться с Гаваями. Хорошее место, приятное место... Скоро отходим?

— Хозяина нет — оформляет дела на берегу. А так все готово. Вернется капитан — сейчас же пойдем. Прямо домой.

Профессор кивнул головой и полез в карман за папиросами. Он наслаждался отдыхом, днями вынужденного безделья, редкими в жизни настоящего ученого. Давыдов возвращался из Сан-Франциско, куда ездил делегатом на съезд геологов и палеонтологов — исследователей прошлого Земли.

Ученому хотелось проделать обратный путь на своем, советском, пароходе, и «Витим» подвернулся очень кстати. Еще более приятным был заход на Гавайские острова. Давыдову за время стоянки удалось познакомиться с природой этой страны, окруженной необъятными водными просторами Тихого океана. И сейчас, оглядываясь кругом, он ощущал еще большее удовольствие от сознания скорого возвращения на родину. Много интересных мыслей накопилось за дни неторопливого, тихого раздумья. Новые соображения теснились в голове ученого, властно требуя выхода — проверки, сопоставлений, дальнейшего развития. Но этого нельзя было сделать здесь, в каюте парохода: не было под рукой нужных записей, книг, коллекций...

Давыдов погладил пальцами висок, что означало у профессора затруднение или досаду...

Правее выдававшегося угла бетонного пирса как-то внезапно начиналась широкая аллея пальм; густые перистые кроны их отливали светлой бронзой, прикрывая красивые белые дома с пестрыми цветниками. Дальше, на выступе берега, прямо к воде подступала зелень низких деревьев. Там едва покачивалась голубая, с черными полосами лодка. Несколько юношей и девушек в лодке подставляли утреннему солнцу свои загорелые стройные тела, громко пересмеиваясь перед купанием.

В прозрачном воздухе дальнозоркие глаза профессора различали все подробности близкого берега. Давыдов обратил внимание на круглую клумбу, в центре которой возвышалось странное растение: внизу густой щеткой торчали ножевидные серебряные листья; над листьями почти на высоту человеческого роста поднималось красное соцветие в форме веретена.

— Вы не знаете, что это за растение? — спросил заинтересованный профессор у старшего помощника.

— Не знаю,— беспечно ответил молодой моряк.— Видел его, слыхал, что редкостью у них считается... А скажите, Илья Андреевич, верно, что вы были моряком в молодости?

Недовольный переменой разговора, профессор нахмурился.

— Был. Какое это сейчас имеет значение? — буркнул он.—Вы лучше...

Где-то за строениями слева завыл гудок, гулко раскатившийся по тихой воде.

Старший помощник сразу насторожился. Давыдов недоуменно огляделся.

Тот же покой раннего утра реял над маленьким городом и бухтой, широко раскрытой в голубую даль океана. Профессор перевел взгляд на лодку с купальщиками.

Смуглая девушка, очевидно гаваянка, выпрямилась на корме, приветливо помахав русским морякам высоко поднятой рукой, и прыгнула. Красные цветы ее купального костюма разбили изумрудную стеклянистую воду и скрылись. Легкая моторка быстро промчалась в гавань. Минуту спустя на пристани показался автомобиль, из него выскочил капитан «Витима» и бегом устремился на свой корабль. Вереница флагов поднялась и затрепетала на сигнальной мачте. Капитан, задыхаясь, взлетел на мостик, стирая лившийся по лицу пот прямо рукавом белоснежного кителя.

— Что случилось? — начал старший помощник.— Я не разбираю этого сиг...

— Аврал! — закричал капитан.— Аврал!— и схватился за ручку машинного телеграфа.— Готова машина?

Капитан склонился к переговорной трубе и после короткого разговора с механиком отдал ряд отрывистых приказаний.

— Все наверх! Задраить люки! Очистить палубу! Отдать швартовы!

— Russians, what shall you do?[1] — вдруг тревожно проревел рупор с соседнего корабля.

— Go ahead![2] — немедленно ответил капитан «Витима».

— Well! At full speed![3] — с большей уверенностью откликнулся англичанин.

Глухо зажурчала вода под кормой, корпус «Витима» дрогнул, пристань медленно поплыла вправо. Тревожная беготня на палубе смущала Давыдова. Он несколько раз бросал вопросительные взгляды на капитана, но тот, поглощенный маневрированием корабля, казалось, не замечал ничего кругом.

А море по-прежнему плескалось спокойно и мерно, ни одного облака не было видно в знойном и чистом небе.

«Витим» развернулся и, набирая ход, двинулся навстречу простору океана.

Капитан перевел дух, достал из кармана платок. Окинув зорким взглядом палубу, он понял, что все с тревогой ждут его разъяснений.

— Идет гигантская приливная волна от норд-оста. Я полагаю, единственное спасение судна — встретить ее в море, на полном ходу машин... Подальше от берега!

Он повернулся к отдаляющейся пристани, как бы оценивая расстояние.

Давыдов посмотрел вперед и увидел несколько рядов больших волн,

---

[1] Русские, что вы собираетесь делать?

[2] Идти навстречу!

[3] Правильно! На полной скорости!

бешено мчавшихся к земле. А за ними, как главные силы за передовыми отрядами, стирая голубое сияние далекого моря, тяжко несся плоский серый холм гигантского вала.

— Команде укрыться внизу! — приказал капитан, резко двинув ручку телеграфа.

Передние волны по мере приближения к земле вырастали и заострялись. «Витим» резко дернулся носом, взлетел вверх и нырнул прямо под гребень следующей волны. Мягкий тяжелый шлепок отдался в поручнях мостика, крепко зажатых в руках Давыдова. Палуба ушла под воду, облако сверкающих водяных брызг туманом встало перед мостиком. Через секунду «Витим» вынырнул, нос его опять понесся вверх. Мощные машины содрогались глубоко внизу, отчаянно сопротивляясь силе волн, задерживавших корабль, гнавших его к берегу, стремившихся разбить «Витим» о твердую грудь земли.

Ни одного пятна пены не белело на обрыве исполинского вала, который поднимался со зловещим хрипом и становился все круче. Тусклый блеск водяной стены, стремительно надвигавшейся, массивной и непроницаемой, напомнил Давыдову кручи базальтовых скал в горах Приморья. Тяжелая, как лава, волна вздымалась все выше, заслоняя небо и солнце; ее заостряющаяся вершина всплыла над передней мачтой «Витима». Зловещий сумрак сгущался у подножия водяной горы, в черной глубокой яме, куда соскальзывало судно, как будто покорно склонявшееся под смертельный удар.

Люди на мостике невольно опустили головы перед лицом стихии, готовой обрушиться на них. Корабль судорожно дернулся, грубо задержанный в своем стремлении вперед, к океану. Шесть тысяч лошадиных сил, вращавших винты под кормой, были смяты чудовищно превосходившей их мощью.

Первый толчок придавил людей к поручням, и сейчас же ревущая вода обрушилась на мостик откуда-то сверху, оглушая и ослепляя.

Цепляясь за поручни, полузадохшийся профессор всем телом ощутил, как заскрежетал корпус корабля, как накренился «Витим» на левый борт, выпрямился, перевалился на правый и снова стал выпрямляться, в то же время поднимаясь из поглотившей его пучины. Медленно-медленно корабль поднимался вверх и вдруг быстро взлетел из клубящегося серого хаоса к яркому, безмятежному небу.

Оглушительный рев прекратился с потрясающей внезапностью. С гребня исполинской волны широко раскинулось море, и корабль плавно понесся носом вниз по спине ушедшего к берегу вала. Новые гряды волн шли навстречу с моря, но по сравнению с побежденным чудовищем они казались уже не страшными. Капитан шумно отфыркнулся и удовлетворенно чихнул. Давыдов, мокрый до нитки, протер глаза, увидел справа быстро нырявший в волнах английский пароход и, словно что-то вспомнив, устремился к концу мостика. Оттуда хорошо были видны только что покинутые пристань и город. С ужасом смотрел ученый, как гигантский вал еще больше вырос у самого берега, как стена движущейся воды заслонила от моря и зелень садов, и белые домики города, и прямые, четкие линии пристаней...

— Вторая! Вторая! — закричал старший помощник прямо над ухом Давыдова.

Действительно, второй гигантский вал несся на судно. Его приближение не было замечено, словно громадная волна тайно подкралась, внезапно вспучившись со дна океана.

С ревом поднимался этот закругленный сверху водяной хребет, как

будто рыча от накипавшего в нем бешенства. И опять остановленное судно судорожно заметалось под тяжестью чудовищной волны, отчаянно борясь за свое существование. Вал скользнул за корму, череда его меньших спутников предстала перед «Витимом». Две-три минуты отдыха — и третья исполинская волна вздыбилась над морем. На этот раз машины, послушные телеграфу в руке капитана, своевременно сработали назад, толчок был мягче, и корабль легче поднялся на гребень волны.

Эта борьба с таинственными волнами при странном отсутствии ветра и ясном, солнечном дне продолжалась несколько минут. «Витим», начисто обмытый, отделавшийся небольшими повреждениями, еще долго покачивался на ровной зыби, пока капитан не убедился, что опасность миновала, и не повернул корабль обратно в порт.

Всего час назад Давыдов любовался красивым городком с мостика «Витима». Теперь берег был неузнаваем. Исчезли пестрые цветники, правильные аллеи. Вместо них груды поваленных балок, куски изуродованных крыш и обломки вперемешку с корявыми безлистыми сучьями обозначали место, где были прибрежные дома. Густая роща у края бухты, там, где купалась веселая молодежь, превратилась в болото с редкими расщепленными пнями. Несколько больших каменных домов, стоявших вдоль пристани, угрюмо смотрели черными провалами окон. А у подножия их громоздились наваленные как попало разбитые деревянные домики и лавки.

Большой моторный катер, выброшенный на сушу, увенчивал все это скопище обломков, словно памятник победы грозного моря.

Извиваясь по слоям свеженанесенного песка, повсюду текли ручьи соленой воды, поблескивая на солнце. Жалкие фигурки людей копошились среди развалин, отыскивая погибших или спасая остатки своего имущества.

Потрясенные советские моряки молчаливо столпились на палубе и хмуро смотрели на берег, не в силах радоваться собственному спасению. Едва только «Витим» снова пришвартовался к уцелевшей бетонной пристани и капитан обратился к команде с призывом помочь жителям, как на корабле, кроме вахтенных, не осталось ни одного человека.

Давыдов вернулся на корабль вместе с командой только к ночи, угрюмо умылся, перевязал пораненную руку и долго ходил по палубе, дымя папиросой.

Не успел еще пострадавший от страшных волн остров скрыться за горизонтом, как к Давыдову явился второй механик, председатель судкома, и упросил его «рассказать ребятам, что это такое было». Беседу решили провести прямо на палубе. Никогда еще профессор не выступал в такой своеобразной обстановке. Слушатели собрались толпой, сидя, стоя и лежа у первого трюма, а Давыдов опирался на закрытую чехлом лебедку, служившую ему кафедрой. Безмятежно спокойный океан не задерживал хода стремившегося к родине корабля.

Профессор рассказал морякам о Тихом океане — гигантском углублении на поверхности Земли, занятом величайшей водной массой планеты. Вокруг этого углубления, недалеко от материков, кольцом проходят цепи исполинских складок земной коры, медленно выпучивающихся со дна глубочайших впадин. Все цепи островов — Алеутских, Японских, Зондских — именно и представляют собой образующиеся в настоящий момент складки.

Смятие складок неуклонно продолжается; каждая складка, вершина которой есть тот или другой из перечисленных островов, поднимается все выше, иногда со скоростью до двух метров в год, и в то же время все более наклоняется в сторону океана.

— Представьте себе,— продолжал профессор,— что воды океана отхлынули куда-нибудь на миг... Тогда вы увидите на месте островов гряды высоких гор, наклоненных к центру океана и грозно нависающих над впадинами, подобно застывшим волнам. Противоположный, обращенный к материку скат менее крут, но также образует довольно глубокую впадину, заполненную морем. Таково, например, Японское море. Вдоль обращенных к материку скатов располагаются цепи вулканов. Давление внутри складок настолько велико, что расплавляет породы их внутреннего ядра, прорывающиеся сквозь трещины в виде расплавленных лав. Впадины с океанской стороны проседают все глубже под давлением подножия складок, и вдоль них располагаются центры крупных землетрясений.

Одно из таких землетрясений и было причиной вчерашнего бедствия. Где-то на севере, наверно в Алеутской пучине, у подножия алеутских складок, под давлением их просел участок дна океана, вызвав сильное землетрясение под водой. Толчок, один или несколько, образовал исполинскую волну, покатившуюся по океану на юг за тысячи миль от места своего возникновения и через несколько часов достигнувшую Гавайских островов. В открытом океане эта волна для нашего «Витима» прошла бы незамеченной — ее поперечник настолько велик (около ста пятидесяти километров), что подъем судна на всю ее высоту никак бы не почувствовался. Другое дело — около суши. Когда эта волна, катящаяся по океану, встречает препятствие, она поднимается, растет и обрушивается на берег с невероятной силой. Да что говорить — все вы видели. Вид и характер волны определяются подводной отмелью берега.

Подобные волны вовсе не так редки на Тихом океане, потому что здесь идут процессы формирования современных складок в земной коре... За последние сто двадцать лет Гавайские острова подвергались нашествию волн двадцать шесть раз. Волны шли с разных сторон — и от Алеутских островов, как наша, и от Японских, и от Камчатки, от Филиппин, от Соломоновых, от Южной Америки и один раз даже со стороны Мексики. Последняя по времени волна была в ноябре 1938 года. Средняя скорость хода волн исчисляется примерно от трехсот до пятисот узлов...

Заинтересованные моряки задали Давыдову много вопросов, и беседа затянулась бы на несколько часов, если бы смена вахт не разогнала собрание. Профессор еще долго расхаживал под навесом тента, хмурясь и кривя губы в напряженном раздумье.

Мгновенное разрушение прекрасного острова оставило глубокий след в душе ученого. И почти все вопросы, заданные ему моряками, как-то совпадали с направлением его собственных мыслей. Нужно знать не только как идет это тихоокеанское складкообразование, но и почему развивается этот процесс. Какие причины там, в глубине Земли, вызывают эти медленные могучие движения, сжимающие огромные толщи пород в складки, выпячивающие их все выше на поверхность Земли? Какими ничтожными сведениями располагаем мы о глубинах нашей планеты, о состоянии вещества там, о физических или химических процессах, совершающихся под давлением в миллионы атмосфер, под тысячекилометровыми толщами неизвестного состава!

Достаточно незначительных молекулярных перегруппировок, ничтожного увеличения объема этих невообразимых масс, чтобы на тонкой пленке известной нам земной коры произошли громадные сдвиги, чтобы кора, разломанная на куски, была поднята на десятки километров в высоту. Однако мы знаем, что таких сильных сдвигов и потрясений не бывает, значит, вещество внутри планеты находится в спокойном, уравновешенном состоянии.

Только время от времени, с промежутками в миллионы лет, какими-то полосами, поясами горные породы размягчаются, сминаются в складки, частично расплавляясь и изливаясь в вулканических извержениях. И потом все это, смятое и раздавленное, выпирает на поверхность огромным валом.

Действие воды и атмосферы расчленяет вал на системы речных долин и горных хребтов, образуя то, что мы называем горными странами.

Самое удивительное, что вулканические очаги и эти зоны смятия пород залегают сравнительно неглубоко — на несколько десятков километров от земной поверхности, в то время как центральные части планеты скрыты под слоем вещества в три тысячи километров толщины, по-видимому находящегося в длительном покое...

Давыдов подошел к борту, как бы стараясь мысленно пронизать толщу воды океана и его дно, чтобы разгадать происходящее на глубине шестидесяти километров...

Твердое, остывшее вещество нашей планеты облечено в форму устойчивых химических элементов — тех девяноста двух кирпичей, из которых состоит вся Вселенная. Эти элементы здесь, на Земле, почти все устойчивы и неизменны, за исключением немногих радиоактивных — самораспадающихся — элементов, к которым относится приобревший столь широкую известность уран, а также торий, радий, полоний. Сюда же надо отнести, по-видимому, полностью распавшиеся 43-й, 61-й, 85-й и 87-й элементы менделеевской таблицы (технеций, прометий, астатин и франций).

Другое дело в звездах, где под воздействием гигантских давлений и температур идут реакции перехода одного элемента в другой: водорода, лития, бериллия в гелий или углерода в кислород и снова в углерод,— реакции с выделением колоссальных количеств энергии: тепла, света и других не менее мощных излучений.

Но какую бы гипотезу образования нашей планеты ни принимать, ясно, что была эпоха, когда вещество Земли находилось в сильно разогретом состоянии, было сгустком раскаленной материи, похожей на звездную. А что, если в массе остывшего вещества планеты остались еще неизвестные нам неустойчивые элементы, остатки атомных процессов той эпохи, подобные искусственно изготовляемым в наших лабораториях зауранового элементам нептуниевой группы?

Очевидно, что элементы эти, как это имеет место с ураном, рассеяны в сравнительно поверхностных слоях Земли и потому бездействуют до того времени, пока в бесконечных перемещениях и перегруппировках вещества не создаются достаточно крупные их скопления очень большого атомного веса, как уран или торий.

Тогда могут, как мы знаем теперь, развиваться мощные цепные реакции распада, выделяющие массу энергии.

Значит, неизвестные нам силы движений земной коры являются отголоском бесконечно давно затухших атомных превращений элементов группы нептуния. Но если это так, если горообразование на Земле обязано глубинным атомным реакциям, то у нас есть надежда в будущем овладеть их очагами. Искать их надо возле поднимающихся складчатых гор и вулканических областей, вот как здесь, на Тихом океане... Возможно, что в моменты наибольшего развития глубинных цепных реакций на поверхность прорываются сильные излучения, по которым можно нащупать область атомного распада.

Но в таком случае в прошлые геологические эпохи эти излучения могли оказывать большое воздействие на живое население планет в местах, где происходило образование складок и гор...

Давыдов вспомнил про гигантские скопления костей вымерших ящериц, изучением которых занимался в Средней Азии, тщетно пытаясь дать удовлетворительное объяснение накоплению остатков миллионов ящеров в одних и тех же местах. Инстинктом ученого он чувствовал важность своих догадок. Весь уйдя в мысли, он не заметил времени и, только случайно взглянув на часы, понял, что пропустил обед, и крепко выругался.

Глава вторая

ЗВЕЗДНЫЕ ПРИШЕЛЬЦЫ

Шатров остановился перед дверью со стеклянной дощечкой: «Заведующий отделом проф. И. А. Давыдов», переложил в другую руку большую коробку, хитро усмехнулся и постучал. Низкий голос недовольно рявкнул: «Да!» Шатров вошел в кабинет по обыкновению быстро, слегка согнувшись и блестя исподлобья глазами.

— Вот это да! — вскочил сидевший за рукописью хозяин.— Никак не ждал! Сколько лет, дорогой друже!

Шатров поставил коробку на стол, друзья крепко обнялись и расцеловались.

Сухой, среднего роста Шатров казался совсем небольшим рядом с громоздкой фигурой Давыдова. Друзья во многом были противоположны. Огромного роста и атлетического сложения, Давыдов казался более медлительным и добродушным, в отличие от нервного, быстрого и угрюмого приятеля. Лицо Давыдова, с резким, неправильным носом, с покатым лбом под шапкой густых волос, ничем не походило на лицо Шатрова. И только глаза обоих друзей, светлые, ясные и проницательные, были сходны в чем-то не сразу уловимом, скорее всего — в одинаковом выражении напряженной мысли и воли, исходившем из них.

Давыдов усадил Шатрова, оба закурили и стали оживленно обмениваться накопившимися за ряд лет впечатлениями, не высказанными в письмах. Наконец Давыдов погладил пальцами за ухом, встал и извлек из висевшего в углу пальто порядочный сверток. Он развернул его и положил перед Шатровым.

— Слушайте-ка, Алексей Петров, извольте съесть... Не возражать! — вдруг зыкнул он на протестующий жест Шатрова, и оба рассмеялись.

— Совсем как в сороковом! — развеселился Шатров.— Опять забыли съесть! Попадет?

Давыдов закатился хохотом.

— Попадет, если домой принесу. Будьте добры, уважьте, «как в сороковом».

— Сейчас мы его! — двинул рукой Шатров.— Ок!

— Ну конечно, и «ок» этот по-прежнему! Как приятно слышать!.. Слушайте, Алексей Петрович, пойдем в музей, покажу интересные новости... Есть для вас работа. Такие выкопаны звери!..

— Нет, Илья Андреевич, у меня ведь очень важное дело. Нужно крепко потолковать с вами, нужна ваша голова. Она работает хорошо, без промаха...

— Интересно! — Давыдов провел пальцем по последней строчке рукописи и сложил исписанные листы.— Кстати, письмо ваше получил неделю назад и еще не собрался ответить. Не одобряю...

— Не одобряете моих жалоб! Минута жизни трудная,— слегка смутился Шатров.— Я позаимствовал у вас одну философскую идею, которая часто мне помогает. Но для ее применения надо иметь некоторую силу духа. А бывает, что ослабеешь...

— Какую такую идею? — недоуменно спросил Давыдов.

— Она выражается только одним магическим словом «ништо». Мне так часто не хватало вашего «ништо» в военные годы...

Давыдов захохотал и, отдышавшись, еле выговорил:

— Именно «ништо»! Будем работать дальше. Оно, конечно, бывает трудно. Наука наша очень хлопотна — тут и раскопки, и огромные коллекции, и сложная обработка, а работников совсем мало. Приходится непродуктивно тратить время, смотреть за пустяковыми вещами... Но у вас ведь был важный разговор, а я отклонился в сторону.

— Разговор будет необыкновенный. У меня в руках — невероятное, настолько невероятное, что я никому, кроме вас, не решился бы сказать о нем.

Наступила очередь Давыдова выказать нетерпение. Шатров хитро улыбнулся, как при входе в кабинет, и, развернув свой пакет, извлек из него большую кубическую коробку из желтого картона, украшенную китайскими иероглифами и почтовыми штемпелями.

— Вы помните Тао Ли, Илья Андреевич?

— Как же! Это молодой китайский палеонтолог, очень способный. Убит в тысяча девятьсот сороковом году фашистскими бандитами при возвращении из экспедиции. Погиб за свободный Китай.

— Совершенно верно. Я описал некоторые его материалы, состоял с ним в переписке. Он собирался приехать к нам... Так мы и не встретились! — вздохнул Шатров.— Короче говоря, из своей последней экспедиции он прислал мне посылку с необычайно любопытной вещью. Посылка эта вот, на столе. При ней короткая записка с обещанием подробного письма, написать которое ему не удалось. Его убили в Сычуани, на пути в Чунцин.

— А где он был в экспедиции? — спросил Давыдов.

— В провинции Сикан.

— Ну и ну! Однако забрался... Погодите — это горный узел на восточном конце Гималайской дуги, между нею и Сычуаньскими горами... Да ведь знаменитый Кам, куда стремился Пржевальский,— это тоже там!

Шатров одобрительно посмотрел на друга.

— Ей-ей, в географии с вами не потягаешься! Я только с картой в руках разобрался. Кам — это северо-западная часть Сикана, и, между прочим, Тао Ли вел исследования именно в Каме, на востоке его, в районе Энь-Да.

— Ясно, ясно. Показывайте, что у вас за штука. Оттуда можно ждать чего угодно!

Шатров извлек из коробки нечто завернутое в несколько слоев тонкой бумаги, развернул и подал Давыдову обломок твердой ископаемой кости, на первый взгляд бесформенной. Давыдов повернул раза два тяжелый светло-серый кусок и сказал:

— Кусок затылочной части черепа крупного хищного динозавра. Что же тут особенно удивительного?

Шатров молчал. Давыдов еще раз осмотрел кость и внезапно издал глухое восклицание. Положив обломок на стол, он поспешно вытащил из желтого полированного ящика бинокулярную лупу, выдвинул плечо штатива, прикрепил тубус. Широкая спина профессора согнулась над прибором, он прильнул глазами к двойному окуляру, сунув под лупу свои

большие руки с зажатой в них костью динозавра. Некоторое время в кабинете царило молчание. Шатров чиркнул спичкой. Давыдов поднял от бинокуляра расширившиеся от изумления глаза:

— Невероятно! Не могу подыскать объяснение! Череп пробит насквозь в самой толще кости. Отверстие настолько узко, что не могло быть сделано рогом или зубом какого-нибудь животного. Если бы это была болезнь — некроз, костоеда,— тогда края имели бы следы болезненных изменений. Нет, это отверстие было пробито! Пробито в живой кости! Несомненно. Обе стенки черепа. Насквозь, точно пулей. Да, если бы это не было бредом, я сказал бы, что пулей... Впрочем, нет, отверстие не круглое — это овальная узенькая щель, точно вырезанная и потом уже, в процессе окаменения кости, заполнившаяся рыхлой породой.— Давыдов отодвинул штатив бинокуляра.— Поскольку я не склонен был до сих пор к бредовым видениям и явно трезв, то могу лишь сказать — странный случай. Необъяснимый случай!

Он холодно посмотрел на Шатрова. Тот вытащил из коробки второй пакет, снова зашелестел бумагой.

— Я не могу спорить с вами,— медленно сказал Шатров,— это действительно случай, и если хорошенько подумать, то можно найти ему даже не одно объяснение. Но второй такой же случай заставит вас отказаться от сомнений. Вот он, второй случай! Ок!

На стол перед Давыдовым легла вторая кость — плоская, с изломанными краями.

Давыдов затянулся, должно быть, очень глубоко папиросой, побагровел и закашлялся.

— Обломок левой лопатки хищного динозавра,— говорил Шатров, склоняясь через плечо приятеля,— но не того животного, чей череп. Это более старый и крупный индивид...

Давыдов кивнул головой, не отрывая глаз от маленького овального отверстия в костяной пластине — обломке лопатки могучего ящера.

— То же самое, то же самое! — взволнованно шептал он, водя пальцем по краю загадочного отверстия.

— Теперь записка Тао Ли,— методически продолжал Шатров, скрывая радостное торжество.

Ему, уже пережившему потрясающее значение открытия, было легче сохранять хладнокровие.

Вместо плавной русской речи в кабинете зазвучали отрывистые английские слова. Шатров медленно прочитал короткое сообщение погибшего ученого:

— «...В сорока милях к югу от Энь-Да, в системе левых притоков Меконга, я наткнулся на обширную котловину, ныне занятую долиной реки Чжу-Чже-Чу. Это межгорная впадина, залитая покровом третичной лавы.

Там, где ущелье реки прорезает насквозь лавовый покров, видно, что он всего в тридцать футов мощности. Под ним лежат рыхлые песчаники, содержащие множество костей динозавров, среди которых я открыл образцы со странными повреждениями. Два из них я посылаю вам, пораженный своей находкой настолько, что мне необходима уверенность в том, что ошибки нет. Не все повреждения одного типа. Есть образцы, в которых часть кости как бы срезана огромным ножом, но также, несомненно, по живой кости, до гибели животного, вернее — в момент ее. Я везу в Чунцин более тридцати таких образцов, собранных в разных местах долины, где обнаружено большое количество динозавров, причем — их полных скелетов. Этикетки с точными данными места — при образцах.

Я настолько спешу отправить вам эту посылку, что не успел написать

подробное письмо. Его я пошлю, когда вернусь в более комфортабельную обстановку в Сычуани...»

Шатров замолчал.

— Все? — нетерпеливо спросил Давыдов.

— Все. Коротко настолько, насколько велико значение его находки.

— Погодите, Алексей Петрович, дайте прийти в себя... Это сон какой-то! Сядем спокойно и обсудим, а то у меня все в голове завертелось — одурел.

— Очень хорошо вас понимаю, Илья Андреевич. Надо признаться, что ученому для выводов из этого факта требуется большая смелость. Ломка всех установившихся представлений... Я не так смел в своих работах, как вы, но тут и вы спасовали...

— Хорошо, давайте рассуждать смело, благо мы наедине и никто не подумает, что два палеонтологических кита, мягко выражаясь, рехнулись. Начинаю! Итак, эти хищные динозавры были убиты каким-то могучим оружием. Его пробивная способность, видимо, превосходила мощные современные ружья. Такое оружие могло создать только мыслящее существо, вдобавок стоящее на высокой ступени культуры. Верно?

— Безусловно. Ergo[1] — человек! — вставил Шатров.

— Так. Но эти динозавры жили в меловом периоде — скажем, семьдесят миллионов лет назад. Все факты нашей науки неопровержимо, несомненно говорят, что человек появился на Земле как одно из последних звеньев великой цепи развития животного мира шестьдесят девять миллионов лет спустя, да еще много сотен тысяч лет пребывал в животном состоянии, пока его последний вид не научился мыслить и трудиться. Раньше человек возникнуть не мог, а человек, вооруженный техникой,— тем более. Это абсолютно исключено. Следовательно, вывод может быть только один: те, кто убил динозавров, не родились на Земле. Они пришли из другого мира...

— Да, из другого,— твердо сказал Шатров.— И я...

— Одну минуту. Пока еще все вразумительно. Но дальше уже становится невероятным. Последние достижения астрономии и астрофизики изменили старые представления. Много романов было написано на тему о пришельцах из других миров. Правда, еще недавние утверждения большинства ученых, что наша солнечная система планет есть исключительное явление, ныне отвергнуты. Теперь мы имеем основание предполагать, что многие звезды имеют планетные системы. И так как число звезд во Вселенной бесконечно велико, то и число планетных систем чудовищно. Следовательно, считать дальше, что жизнь есть исключительная прерогатива Земли, не приходится. Смело можно сказать, что во Вселенной есть обитаемые миры. Утверждаю не менее твердо, что повсюду жизнь проделывает путь эволюционного развития и, следовательно, вполне возможно появление мыслящих существ. Все это так. Но в то же самое время мы знаем теперь, что расстояния до ближайших звезд с планетными системами чрезвычайно велики. Настолько, что требуются десятки лет полета со скоростью светового луча, то есть трехсот тысяч километров в секунду. Такая скорость недостижима по физическим законам ни для какого аппарата, а путешествие с меньшими скоростями превратит полет в тысячелетнее странствование...

В последнее время открыты темные, невидимые звезды, которые распознаются лишь по своему радиоизлучению. Этих радиозвезд в окрест-

---

[1] *Ergo (латин.)* — следовательно.

ностях нашей солнечной системы довольно много, но, во-первых, они все же далеки для достижения их ракетными снарядами; во-вторых, вряд ли обладают населенными планетами из-за слабости своего излучения, неспособного достаточно обогревать планеты.

А в нашей планетной системе, кроме нашей Земли, только Марс и Венера подают надежды. Но надежды слабые. На Венере слишком горячо, вращается она медленно, атмосфера ее густа и без свободного кислорода. Вряд ли жизнь смогла развиться на Венере, и совершенно исключено присутствие там мыслящих существ с высокой культурой. Так же и Марс. Его атмосфера слишком тонка и разрежена, тепла там мало, и если жизнь существует, то в каких-то бедных, угнетенных формах. Я не сомневаюсь, что там нет буйной энергии развития жизни, которая на нашей Земле смогла выработать человека. О далеких больших планетах я и не говорю: Сатурн, Юпитер, Уран, Нептун — это страшные миры, холодные, темные, как нижние круги Дантова ада. Возьмите, например, Сатурн — в центре планеты скалистое ядро, на котором лежит слой льда в десять тысяч километров толщиной. И все это окутано густой атмосферой в двадцать пять тысяч километров толщины, непроницаемой для солнечных лучей и богатой ядовитыми газами — аммиаком и метаном. Значит, под такой атмосферой — вечный мрак при морозе в сто пятьдесят градусов и давлении в миллион атмосфер... Жутко представить себе...

— Я тоже думаю,— перебил Шатров,— что в нашей планетной системе нет собратьев нам по мысли. И я...

— Вот видите. На наших планетах, следовательно, нет, а с далеких звездных систем прилететь невозможно. Тогда откуда же могли взяться эти пришельцы? Вот в чем невероятность!

— Вы меня не дослушали, Илья Андреевич. Я хоть не обладаю вашей эрудицией в самых различных областях, но сообразил, в общем, то же самое. Звезды ведь не неподвижны. Внутри нашей Галактики они перемещаются, сама Галактика вращается да еще вся целиком куда-то движется, как и все великое множество других галактик. За миллионы лет могли происходить существенные сближения и расхождения звезд...

— Ну, это вряд ли нам поможет. Ведь пространство Галактики настолько велико, что сближение именно нашей солнечной системы с другими имеет вероятность практически нулевую. Да и как разгадать эти звездные пути?

— И это верно, но верно лишь в том случае, если движения звезд не закономерны, не подчинены каким-то определенным путям. А если они закономерны? И если эту закономерность можно вычислить?

— Мм!.. — скептически промычал Давыдов.

— Ладно, я открываю свои карты. Один мой бывший ученик, сбежавший с третьего курса на математические науки, в астрономию, занялся вопросом движения нашей солнечной системы в пределах Галактики и создал интересную, хорошо обоснованную теорию. Буду краток. Наша солнечная система описывает внутри Галактики огромную эллиптическую орбиту с периодом обращения в двести двадцать миллионов лет. Эта орбита несколько наклонена относительно горизонтальной плоскости — экватора звездного «колеса» нашей Галактики. Поэтому Солнце с планетами в определенный период прорезает завесу черного вещества — пылевой и обломочной застывшей материи,— стелющуюся в экваториальной плоскости «колеса» Галактики. Тогда оно приближается к сгущенным звездным системам некоторых областей. А в этом случае возможно сближение нашей солнечной системы с другими неведомыми системами, сближение настолько значительное, что перелет становится реальным...

Давыдов не шевелясь слушал друга, рука его застыла на штанге бинокуляра.

— Такова теория,— продолжал Шатров.— Я только что вернулся с места гибели своего бывшего ученика, где разыскал его рукопись. Он погиб в сорок третьем году...— Шатров остановился, зажег папиросу.— Так, теория показывает нам только в о з м о ж н о с т ь,— подчеркнул он последнее слово,— но еще не дает права считать невероятное за реальный факт. Но когда мы видим с ц е п л е н и е двух совершенно независимых наблюдений, это показывает, что мы на верном пути.— Шатров картинно выпрямился и задрал вверх подбородок.— В теории моего ученика прямо сказано, что приближение солнечной системы к центральным сгущениям ветви внутренней спирали Галактики произошло примерно с е м ь д е с я т м и л л и о н о в л е т н а з а д!

— Ехидная сила! — Давыдов употребил свое излюбленное ругательство.

Шатров торжественно продолжал:

— Одно невероятное, сцепившись с другим, превращается в реальное. Я полагаю, что вправе утверждать: в меловом периоде произошло сближение нашей планетной системы с другой, населенной мыслящими существами — людьми в смысле интеллекта, и они переправились со своей системы на нашу, как с корабля на корабль в океане. А затем в громадном протяжении протекшего времени эти корабли разошлись на неимоверное расстояние. Они — те, с другой звезды — были на нашей Земле недолго и не оставили поэтому заметных следов. Но они были, и они могли преодолевать межзвездное пространство за семьдесят миллионов лет до того, как мы также подошли к этому... Имеете возражения?

Давыдов встал, молча поглядел на друга и протянул руку:

— Вы меня убедили, Алексей Петрович. Но не все еще ясно. Ну, например, зачем им было попадать сюда, именно на нашу Землю, эту маленькую козявку среди звезд и планет? Есть и еще вопросы, но основное, по-моему, достаточно убедительно. Неслыханно, невероятно, но реально. Однако как вы думаете: можно ли опубликовать?

Шатров замотал головой:

— Ни в коем случае! Поспешность убьет все. Для такого открытия она недопустима.

— Верно, верно, друже. Всегда умнее выждать, чем забегать вперед. Но выждать подготовленными ко всему! Необходимо добыть аргументы настолько веские, как наш «аргумент» в Ленинграде!

Шатров вспомнил «аргумент», который хранился в углу кабинета Давыдова во время их совместной работы.

Это была массивная железная стойка от каркаса скелета, которой Давыдов грозился вразумлять упрямого и увлекающегося друга при их постоянных спорах. Шатров невольно улыбнулся:

— Как же, помню! Вот именно. Отсюда и начинается вторая часть моего дела к вам. Я не геолог, не полевой работник — я кабинетный схимник. А это предприятие под силу только вам и никому другому. Ваш авторитет...

— Ха-ха! Словом, надо раскапывать место побоища звездных пришельцев с динозаврами... Ну и ну!

Давыдов задумался, потом медленно заговорил:

— Интересное место этот Сикан. А для нас, палеонтологов, там ведь черт знает что! Вы знаете, конечно, Алексей Петрович, что там одновременно существовали в конце третичного периода древние и новые формы вымерших млекопитающих. Дикая смесь того, что в других местах

Земли вымерло уже десятки миллионов лет назад, с тем, что недавно появилось. А самое то место! — воодушевился Давыдов.— Высокие снеговые горы, холодные плоскогорья, сухие и пустынные, а между ними — глубочайшие долины с роскошной тропической растительностью. Непроходимые пропасти, разделяющие селения. От одной деревеньки до другой, скажем, два километра, но между ними лежит чудовищно глубокая долина, и жители этих двух селений никогда не встречаются друг с другом, хотя и могут видеть соседей издалека. Странные, неизвестные еще науке звери живут в густых лесах, на дне долин, а наверху воют холодные бури. Там начинаются величайшие реки Индии, Китая, Сиама — Брамапутра, Янцзы, Меконг. Изумительное место! Но представляете себе этот стык Тибета, Индии, Сиама и Бирмы? Хо-хо! Разве империалисты пустят туда ученых-коммунистов? Где уж пытаться науке проникнуть туда![1] — Давыдов вытащил огромные старые часы.— Еще нет двух. Что значит большое переживание: кажется, будто весь день прошел! — Он встал и подал Шатрову кольцо с ключами.— Коробку спрячьте в этот шкаф, слева... Что бы там ни было, но мы обязаны сделать все, что возможно. Пойдем узнаем, не примет ли нас Тушилов... Вы надолго в Москву, Алексей Петрович?.. До выяснения? Значит, с неделю пробудете — раньше вряд ли что-нибудь решится. Остановитесь у меня, конечно? Я сейчас позвоню секретарю и потом домой, что задержимся.

В просторной, скромно меблированной квартире Давыдова было тихо. Сквозь огромные окна проникал синеватый полусвет летних сумерек. Шатров, сгорбившись, долго молча ходил взад и вперед. Давыдов угрюмо откинулся в кресле перед своим большим письменным столом.

Друзья размышляли, каждый по-своему. Не хотелось зажигать свет, как будто медленно наступавшая в комнате темнота умеряла их огорчение.

— Завтра я уеду,— наконец проговорил Шатров,— больше мне нельзя задерживаться, да и не к чему. Отказ бесповоротный. Впрочем, вряд ли могло быть иначе. Наши потомки разберут это дело, когда исчезнут проклятые эти границы.

Давыдов, не отвечая, смотрел в окно, где над крышей соседнего дома робко загорались мелкие и тусклые звезды городского неба.

— Горько стоять, как нищему, у порога великого открытия и не иметь возможности войти! — опять заговорил Шатров.— Не будет мне теперь покоя до конца дней, и не утешат никакие другие достижения!

Давыдов вдруг потряс над головой сжатыми кулаками:

— Мы не можем поступиться с этим! И нам помогут! Черт с ним, с Камом! В конце-то концов, какая уверенность, что там, где сохранились остатки убитых «ими» динозавров, мы найдем следы «их» самих? Никакой. Раз «они» явились к нам зачем-то, то вовсе не обязательно «им» было сидеть на одном месте. Почему бы не поискать в меловых отложениях у нас? И заранее могу сказать: если подобные остатки есть, то их можно найти только в системах высоких и молодых горных хребтов. В Каме находка не случайна. Почему? Да потому, что там, где земная кора расколота на бесчисленные небольшие участки, из которых одни поднимаются, другие опускаются, только там разные маленькие и случайные отложения могут сохраниться от неминуемых перемываний и размываний. Если какая-нибудь маленькая впадина начала опускаться еще в мелу и потом так

[1] Время действия рассказа 1946 год.

и осталась впадиной среди гор, там, под слоями все нарастающих наносов, может уцелеть то, что в других местах, на равнине, будет перемыто, переотложено и разрушено. У нас есть подходящие для этого места в горах Казахстана, Киргизии, Узбекистана, вообще Средней Азии. Эти горы как раз относятся к великой эпохе альпийского горообразования[1], начавшегося в конце мелового периода. У нас есть где искать, но надо знать, что́ искать, иначе...

— Ей-ей, не понимаю вас, Илья Андреевич! — перебил Шатров.— Разве не ясно, что... вернее — к о г о искать?

— Вот и неверно. Нам надо решить, каков облик этих пришельцев, что они такое — может быть, протоплазма какая-нибудь, не могущая сохраниться? Это раз. И что они делали здесь — два. Первое поможет понять, с какими остатками мы можем столкнуться при раскопках, второе — где легче можно натолкнуться на их остатки, если они есть вообще. По каким местам нашей планеты должны они были бродить? Ох, если вдуматься, наше предприятие попахивает безнадежностью... Но это, конечно, не значит отказаться! Так вот, разделимте задачу, как в добрые старые времена, когда писали совместные работы. Вы берете биологическую сторону — первый вопрос. Я возьму второй и вообще всю геологию, направление и развитие поисков. Кое-какие мыслишки у меня есть — ведь я исследовал все наши громадные среднеазиатские местонахождения динозавров.

— Вы задали мне нелегкую задачу! — воскликнул Шатров.— Мало ли какие формы жизни могли существовать в иных мирах! Тут, пожалуй, никому не под силу решить что-либо определенное, ей-ей.

— Гниль, гнусь и жалкая интеллигентщина! — внезапно разъярился Давыдов.— Конечно, задача трудна, потому что нет фактов, надо идти только умозрительно. Вся надежда на мощь ума. Проломить стену. Но если ваша голова не сообразит ничего путного, то кто же еще из нашего наличного состава одолеет это? А потом, о разных формах жизни — всяких там каменных или металлических существах,— это вы оставьте писателям. Нам не к лицу. Помните об энергетике жизни — она сложилась не случайно, а вполне закономерно. Основные положения, по-моему, следующие, и из них нам и надо исходить, чтобы оставаться учеными до конца. Строение живых существ не случайно. Во-первых, единство материи Вселенной доказано — всюду и везде девяносто два основных элемента, как и на нашей Земле. Доказана общность химических и физических законов во всех глубинах мирового пространства. А если так, то,— Давыдов стукнул кулаком по столу,— живое вещество, состоящее из наиболее сложных молекул, в основе своей должно иметь углерод — элемент, способный образовывать сложные соединения. Во-вторых, основа жизни есть использование энергии излучения Солнца, использование наиболее распространенных и эффективных химических кислородных реакций. Так?

— Все верно,— кивнул Шатров,— но пока...

— Одну минуту. Чем сложнее строение молекул, тем легче они распадаются при повышении температуры. В веществе раскаленных звезд вообще нет химических соединений. В менее сильно нагретых звездах, как, например, в спектрах холодных красных звезд, в солнечных пятнах, мы обнаруживаем лишь простейшие химические соединения. Поэтому можно утверждать, что появление жизни в любой, самой необычной ее форме мо-

---

[1] *Альпийское горообразование* — последний период горообразования в истории Земли, когда возникли высочайшие горные страны современности.

жет быть только при сравнительно низкой температуре. Но не очень низкой, иначе движение молекул замедлится чересчур сильно, химические реакции перестанут происходить и энергия, нужная для жизни, не будет производиться. Следовательно, заранее, без всяких особых допущений можно говорить об узких температурных пределах существования живых организмов. Не буду утруждать вас длительными рассуждениями, вы и так легко поймете, когда я скажу, что эти температурные пределы определяются еще точнее: это те пределы, в которых существует жидкая вода. Вода — носитель основных растворов, посредством которых осуществляется жизнедеятельность организма.

Жизнь для своего появления и постепенно нарастающего усложнения требует длительного исторического, эволюционного развития. Следовательно, условия, необходимые для ее существования, должны быть устойчивыми, длительными во времени, в узких пределах температуры, давления, излучения и всего того, что мы понимаем под физическими условиями на поверхности Земли.

А что касается мысли, она может появиться только у весьма сложного организма, с высокой энергетикой, организма, в известной мере независимого от окружающей среды. Значит, для появления мыслящих существ пределы еще уже — это как бы узкий коридор, проходящий через время и пространство.

Возьмите, например, растения с их синтезом углерода при помощи света. Это энергетика более низкого порядка, чем у животных с их кислородным горением. Поэтому растения хотя и достигают колоссальных размеров, но при условии неподвижности. Движения могучего и быстрого, как у животного, у больших растений быть не может. Не та машина, грубо говоря.

Итак, жизнь в той же общей форме и тех же условиях, как на Земле, не случайна, а закономерна. Только такая жизнь может проходить длительный путь исторического усовершенствования, эволюции. Следовательно, вопрос сводится к оценке возможных эволюционных путей от простейших существ до мыслящего животного. Все другие решения — бред, беспочвенное фантазирование невежд!

— Строго, Илья Андреевич! Я вовсе не отказываюсь думать над этим вопросом. И все, что придет в голову, буду сообщать вам...

— Илья Андреевич, вас к телефону. Уже который раз звонят, но вы отсутствовали несколько дней.

Давыдов яростно крякнул, оторвавшись от корректуры. Большая кипа гранок топорщилась на столе с приколотым сверху листом: «Проф. Давыдову, срочно! Просьба не задержать!» Под гранками лежали две статьи, присланные на отзыв и уже задержанные профессором. За несколько дней, потраченных на попытку добиться разрешения экспедиции в Кам, накопилось много срочной работы — той работы, которая облепляет каждого крупного ученого и не имеет прямого отношения к его исследованиям. На квартире Давыдова лежала толстая диссертация. Диссертант ожидал рецензии. Через три часа должно было состояться длинное заседание. Явился препаратор с просьбой осмотреть работу и дать указания для ее продолжения. И в то же время нужно было написать несколько писем для осуществления необычайного шатровского дела.

Профессор, вернувшись к столу после разговора по телефону, схватился за корректуру. Перо черкало сердито и резко, отрывистые ругательства сыпались на корректоров. Наконец у Давыдова строчки стали сливаться

в глазах, он пропустил две поправки и понял, что нужно сделать перерыв.

Давыдов потер глаза, потянулся и вдруг запел громко и неимоверно фальшиво на однообразный, унылый мотив:

— «Ой ты, Волга-матушка, русская река, пожалей, кормилица, силу бурлака!»

В приоткрытую дверь стукнули. Вошел профессор Кольцов, заместитель директора института, в котором работал Давыдов. На лице Кольцова, обрамленном короткой бородкой, блуждала язвительная усмешка, а темные глаза печально смотрели из-под длинных, загнутых, как у женщины, ресниц.

— Жалобно поете, сэр!— усмехнулся Кольцов.

— Еще бы! Невпроворот работы, мелких делишек, к настоящему делу не подойти. Чем старше становишься, тем больше наматывается разной чепухи, а силы уже не те, ночами трудно сидеть... Мышиная возня! — прогремел Давыдов.

— Пфф, сколько шуму!— поморщился Кольцов.— Вы тащить можете, сэр, у вас фигура могучая — статуя командора... Ха-ха-ха! Вот вам письмо от Корпаченко из Алма-Аты. Оно вас, думаю, заинтересует.

Небо над крышами посветлело, наступивший рано летний день боролся с желтым светом настольной лампы у раскрытого настежь окна. Давыдов закурил. Папироса уже потеряла всякий вкус, табак тяжело оседал на утомленное сердце. Но намеченная программа была выполнена — одиннадцать писем к геологам, работавшим в области меловых отложений Средней Азии, лежали на загроможденном бумагами и книгами столе. Оставалось запечатать конверты, и тогда письма уйдут с утренней почтой. Давыдов принялся надписывать адреса и не заметил, как в комнату вошла жена, по-детски протирая кулачками заспанные глаза.

— Как тебе не стыдно!— негодующе воскликнула она.— Рассветает! А где же обещание не сидеть ночами? Ведь сам жаловался на усталость, на потерю работоспособности... Фу, как нехорошо!

— Я уже кончил... Вот видишь — пять конвертов надпишу, и все,— виновато оправдывался Давыдов.— И больше я не буду сидеть. Это надо было во что бы то ни стало сделать... Иди спи, маленькая, я сейчас лягу.

Давыдов надписал последний конверт и погасил лампу. Бледный свет и прохладный воздух утра заполнили комнату бесстрастной ясностью.

Давыдов посмотрел на небо, потер лоб. Внезапно поставленная им задача поисков звездных пришельцев в горных котловинах Средней Азии предстала во всей своей безнадежной трудности.

В самом деле, если сравнительно часто находятся остатки ископаемых животных, то ведь это потому, что миллиарды их жили на поверхности Земли и многие остатки неизбежно попадали в условия, способствующие их сохранению и окаменению. Но пришельцев из чужого мира не могло быть много. Даже если следы их сохранились где-то, то найти эти следы в огромных массах осадочных отложений, в тысячах кубических километров горных пород можно только при раскопках колоссального объема. Тысячи людей должны просматривать тысячи кубометров породы, сотни мощных экскаваторов — снимать верхние пласты. Химера! Ни одна страна в мире, как бы богата она ни была, не может тратить миллиарды рублей на раскопки такого масштаба. А обычные палеонтологические раскопки, даже самые крупные, с вскрытием площадок в триста-четыреста квадратных метров,— капля в море, пустяк при поставленной задаче. Вероятность, равная нулю!

Истина, обнаженная и беспощадная, заставила Давыдова опустить усталую голову. Его попытки показались ему смехотворными, планы — безнадежными.

Шатров был прав, более прав, оценивая своим ясным умом всю негодность средств, имевшихся в их распоряжении.

«Беда! — огорченно подумал Давыдов.— Не уснешь теперь вовсе: одолеют проклятые сомнения. Что бы еще сделать, чем отвлечься? Да, вот письмо, переданное Кольцовым, еще не просмотрел».

Профессор извлек из портфеля письмо известного геолога, работавшего в Казахской академии наук. Тот писал в институт о том, что в текущем году начинаются грандиозные работы в ряде больших межгорных котловин Тянь-Шаня — народная стройка целой сети крупных каналов и гидроэлектростанций. Два из этих строительств — кстати, наиболее крупные: номер два — в низовьях реки Чу и номер пять — в области Каркаринской котловины — вскроют верхнемеловые отложения, в которых известны большие скопления костей динозавров. Поэтому необходимо организовать постоянное наблюдение палеонтологов во время земляных работ. Необходимо связаться с Госпланом и после этого координировать действия непосредственно с начальниками строительств...

По мере чтения письма отступала безнадежность, заполнившая душу Давыдова. Он понял, что ему на помощь приходит редкая удача. Интересы его науки совпали с производственными интересами страны, и теперь огромная мощь труда осуществит такие раскопки, какие даже не снились ни одному ученому! Пожалуй, есть надежда проверить невероятную находку Тао Ли и, если опять повезет, подарить человечеству ясное доказательство того, что оно не одиноко во Вселенной...

Солнце, свежее и яркое, вставало над городом, облака казались полосами лиловой пены на прозрачной золотой воде. Шум просыпающегося города несся в комнату.

Давыдов встал, жадно вдохнул несколько раз свежий воздух, задернул портьеру и стал раздеваться.

Шатров смял и бросил в корзину только что законченный рисунок черепа. Потом извлек из груды книг на столе брошюру и задумался, не раскрывая книги.

Тяжелая дорога — путь новых исканий. Редкие взлеты мысли — как сказочно легкие прыжки над пропастями грубых ошибок. И все время тащишься по крутым склонам медленного восхождения под тяжким бременем фактов, задерживающих, влекущих назад, вниз... Ничего! Поставленная задача велика и важна. А те, кто был здесь семьдесят миллионов лет назад? Бесстрашная воля и ум человека не испугались даже грозных межзвездных пространств. Те, неведомые, сумели перебросить с одного корабля на другой в то время, когда они на огромных скоростях расходились друг с другом. Не испугались того, что каждая секунда времени удаляла их на сотни километров от родной планеты. И, выполнив какую-то задачу, сумели вернуться или вскоре погибли, ибо те великие изменения, которые разумный труд производит в природе, не ускользнули бы от нас, изучающих теперь, семьдесят миллионов лет спустя, свою планету.

Если мы до сих пор не нашли этих изменений, то пришельцы были на Земле очень короткое время. Неведомые гости неведомого мира!

Хорошо! Он будет размышлять дальше над своей долей задачи, искать возможные облики людей иных миров. И скоро он сообщит Давыдову... Но Давыдов... Он пишет ему регулярно о чем угодно, кроме самого инте-

ресного: как идут поиски. Полтора года прошло уже с момента памятного разговора в Москве над пробитыми костями вымерших ящеров. Видимо, ничего не удалось большому другу...

В этот самый момент машина Давыдова быстро шла по пыльной, выбитой дороге. Белесая пыль бежала под дергающийся вперед и назад свет фар, облаком взвивалась позади, застилая звезды у низкого горизонта.

Вдали перед ветровым стеклом машины вставало в ночи красноватое обширное сияние. Оттуда доносился низкий гул, прорывавшийся сквозь шум мотора...

Через полчаса Давыдов в сопровождении прораба и своего сотрудника, прикомандированного к стройке, направлялся к северному концу участка, слегка оглушенный исполинским размахом работы.

Тысячесвечные фонари на высоких столбах казались окруженными легким туманом, облако более густой пыли окутывало левую сторону участка. Там скрежет, грохот и лязг мощных экскаваторов совершенно заглушали стук сотен вагонеток, с шумом опрокидывавшихся на откаточной горке.

Толща отложений была глубоко прорезана ложем будущего канала. Двадцатиметровые стены высились по сторонам; на их ровных, точно оглаженных исполинским ножом крутых скатах выступали мощные галечники, целые нагромождения валунов, сменявшиеся желтыми песками и слоистыми песчаниками с миллионами блесток слюды и гипса.

Ночь, расстилавшаяся вокруг, в просторах пустынной степи, здесь не существовала, как не существовала и самая степь. Здесь был особый мир напряженного гигантского труда, по-своему изменивший лицо древней казахстанской пустыни.

Давыдов проходил мимо загорелых, покрытых пóтом и пылью людей, не обращавших на него никакого внимания. Отбойные молотки сотрясались в умелых руках, разрыхляя выступы твердых скал. Грузные, похожие на огромные железные скелеты машины тяжело ворочались в пыли. Грузовики стадами толклись у погрузочных конвейеров, без конца ссыпавших убираемый грунт.

— Вот это раскопки, Илья Андреевич!— прокричал сотрудник Давыдова.

Профессор весело усмехнулся и хотел что-то сказать, но в этот момент застланное пылью небо осветилось широкой дугой вспышки, тяжкий гул передался по земле.

— Взрыв на выброс,— пояснил прораб.— Выкинули разом сотни три тысяч кубометров. Там, на восьмом участке, готовят канавку для экскаваторов.

Давыдов оглядел «канавку», вдоль которой шел. Она тянулась насколько хватал глаз в рядах фонарей, прямо и неуклонно рассекая степь, на севере расширяясь в котлован чуть ли не полкилометра в поперечнике. Там было вскрыто кладбище динозавров — колоссальное нагромождение огромных окаменелых костей. Кости тянулись грядой поперек всего котлована и, по-видимому, еще далеко за его пределами. Они беспорядочно громоздились, подобные обрубкам бревен, наваленные друг на друга слоем в восемь метров толщины, смешанные с большим количеством крупной гальки. Здесь не было цельных скелетов, только обломки костей разной величины и разных пород вымерших ящеров, перемешанные как попало. Экскаваторы врезались в это скопление остатков сотен тысяч чудовищ, разгребая и расчищая площадь котлована. Разбросанные и нава-

ленные грудами кости угрюмо чернели на краю выемки в тусклом свете начинающегося утра...

Высоко поднявшееся солнце жгло уже в полную силу. Груды черных костей раскалились, как в банной печи.

— Можно считать осмотр оконченным,— сказал Давыдов, беспрерывно вытирая мокрое от пота лицо.— Здесь то же самое, что и на втором участке. Вторая гряда костей. Я исследовал двадцать лет назад к северу отсюда, в урочище Бозабы, на правом берегу Чу, еще бóльшую гряду костей — тридцать километров в длину. Подобные гигантские кладбища есть и в долине реки Или, и в Каратау, и около Ташкента. И все они такие — из беспорядочно перемешанных миллионов костей, но ни одного целого скелета или черепа. Для изучения материал почти непригоден. Это остатки размытых когда-то кладбищ динозавров, кладбищ, которые превосходят всякое воображение по своим размерам.

— У вас какие-нибудь новые соображения относительно этих «полей смерти», Илья Андреевич?— спросил помощник.— В опубликованных работах вы...

— Высказался неясно?— перебил Давыдов.— Не только неясно, но и неверно. Я тогда не представлял себе полностью масштабов явления.

— А теперь что вы думаете, Илья Андреевич?

— Не знаю... Просто не знаю и не думаю!— резко сказал Давыдов.— Ну хорошо, нужно идти. Если я через три часа уеду, то к вечеру буду на Луговой. Поезд в Москву идет в час ночи.

— А мне продолжать наблюдения?

— Разумеется. Подыщите помощников для разборки костей. В массе обломков кое-что попадается и путное. Наконец, на других участках опять могут встретиться новые скопления. Хотя если будут продолжаться галечники и конгломераты, то все будет то же самое. Я не надеюсь уже на это строительство. Вот номер пять — там другой характер отложений: пески и гравий, песчаники почти без гальки. Отложения мелких, спокойных потоков и даже частично ветровые. Но Старожилов оттуда за полгода работ не сообщил ничего интересного. Сидит безрезультатно. Захандрил, бедняга...

В большой комнате для занятий аспирантов находилось трое молодых людей. Один, взгромоздясь на стол, оживленно беседовал с девушкой, сидевшей в углу.

— Настоящий исторический момент,— говорил сидевший на столе, яростно теребя свои густые рыжеватые волосы,— определяет очень многое в будущей судьбе человечества. Атомная энергия в руках агрессоров угрожает гибелью цивилизации, всем достижениям культуры. Наши геология и палеонтология вовсе не самое важное, и это-то заставляет меня сомневаться, правильно ли я выбрал специальность. Я чувствую себя как-то в стороне от настоящей жизни. Хочется быть в рядах тех, кто создает атомную энергетику для нашей Родины. Страна социализма должна иметь самую могучую и передовую физику. Верно, Женя?

— Все это верно,— отвечала ему девушка,— но если кто не способен к математике? Я вот не люблю ее — как же я могу работать по физике?

— Не так страшно. По-моему, для некоторых разделов физики вовсе не требуется много математики... Ты что качаешь головой?— повернулся он к другому аспиранту, молчаливо прислушивавшемуся к разговору.

— А все-таки как интересна палеонтология!— вздохнула девушка.— Конечно, физика важнее. Но мне кажется, и тут можно принести много пользы... Знание...

Дверь с шумом распахнулась, и в комнату влетела худенькая, стройная девушка со свертком миллиметровки в руках.

— Ребята, приехал Илья Андреевич! Я видела его в канцелярии. Сказал — сейчас к нам зайдет. Надо приготовиться! А вы тут разговорами занимаетесь с Мишкой.

Женя оглянулась на дверь:

— Мы с Михаилом о серьезных вещах говорили.

— Знаю, о каких серьезных вещах: бросать палеонтологию, идти заниматься атомной энергией. Так тебя сразу и возьмут. Гений пропадает непризнанный! Давайте-ка спросим у Ильи Андреевича, как он к этому делу отнесется. Он, когда сердитый, говорят, мастер ругаться черными словами.

— Ты с ума сошла, Том!— заволновался Михаил.— Разве можно сказать большому ученому: мы, мол, не считаем его науку важной! Мы, его аспиранты!

— А вот возьму и спрошу!— заупрямилась Тамара.— Надо наконец поставить точку на всех ваших разговорах. Ты Женю ими замучил, да и мне надоел...

В дверь громко постучали. Михаил мгновенно спрыгнул со стола, Женя невольно поправила волосы. Вошел Давыдов, широко улыбаясь, бодрый и веселый, поздоровался, в нескольких словах рассказал о своей поездке.

— А теперь вы рассказывайте. Какие достижения и вопросы? Начнем хотя бы с вас, Тамара Николаевна.

Тамара улыбнулась слегка смущенно.

— А можно вас сначала спросить по общему вопросу, Илья Андреевич?— начала она.— Вы не торопитесь?

Михаил за спиной Давыдова в комическом ужасе закатил глаза.

— Нисколько не тороплюсь,— ответил Давыдов.— И вы знаете, я люблю, когда меня спрашивают.

— Илья Андреевич, Михаил... мы все обсуждали, правильно ли сделали выбор специальности. В такое время наши ископаемые кости... Вот Михаил говорит — надо бы заниматься физикой... И мы были на докладе Петрова — не совсем понятно, но страшно интересно!— Тамара выпалила все это одним духом, запнулась, вздохнула и поспешно закончила:— Я хотела спросить ваше мнение по этому вопросу. Что вы нам посоветуете?

Давыдов стал серьезным, нахмурился и против ожидания Тамары нисколько не рассердился. Он медленно вытащил портсигар.

— Окно открыто, значит, можно курить... Вопрос серьезный. Я вас понимаю. Во время крупных переворотов в технике те дисциплины, которые стоят в стороне, должны казаться неважными. И вы, молодежь, естественно, колеблетесь, несмотря на уже приобретенную специальность. Я бы тоже колебался... Но вот что я вам скажу...

Давыдов зажег папиросу, задумчиво посмотрел на поднимавшийся вверх дым.

— Есть люди,— медленно начал профессор,— безразличные в выборе научного пути. Случай, выгода — и они будут заниматься чем угодно. И даже с большим успехом, с хорошими результатами. Но я не считаю их настоящими учеными. Выбор науки, что там ни говори, определяется личными склонностями, способностями и вкусами. Только тогда, когда ваш ум будет требовать знания, ловить его, как задыхающийся ловит воз-

дух, тогда вы будете подлинными творцами науки, не щадящими сил в своем движении вперед, сливающими свою личность с наукой Я сам вначале колебался. По образованию я инженер, люблю технику, и все же основные мои склонности — исторические. Вот я и занимаюсь древнейшей историей Земли и жизни. Худо ли, хорошо ли, но это заполняет всю мою жизнь, целиком. Конечно, может быть, жаль, что я не физик, не творю важнейшее для настоящего момента, но тут дело в комбинации моих способностей и интересов, которые принесут наибольший эффект, если будут гармонировать с избранным путем. И не стоит преуменьшать значение нашей науки. Ее «завтрашний день» дальше, чем у других отраслей знания, она сделается необходимой позже других, но сделается, когда мы сможем вплотную взяться за человека. Наш организм — это исторически сложившаяся сложнейшая комбинация эволюционных наслоений от рыбы до высшего млекопитающего. Понять биологию человека по-настоящему без изучения всей эволюционной лестницы нельзя. А от этого целиком зависит медицина будущего, сохранение человека как вида и еще многое другое. Сейчас эти вопросы еще далеки от нас, но приближаются с каждым днем. И мы готовим для них точную основу знания. Бросить наше дело нельзя еще и потому, что человеку, строящему будущее, необходим общий подъем культуры, знания и широкий кругозор. Наука имеет свои законы развития, не всегда совпадающие с практическими требованиями сегодняшнего дня. И ученый не может быть врагом современности, но и не может быть только в современности. Он должен быть впереди, иначе он будет лишь чиновником. Без современности — фантазер, без будущего — тупица. А ведь еще Петр Великий это хорошо понимал. Вспомните его указ о непременном сборе ископаемых костей — это в те-то тяжелые времена, в бедной и бескультурной стране!

Давыдов потушил папиросу и по рассеянности бросил ее на пол. Аспиранты этого не заметили. Женя перегнулась боком через стол, глядя на Давыдова. Тамара стояла с победно поднятой головой, а Михаил хмуро опустил глаза.

— Теперь о другой стороне вашего вопроса,— продолжал Давыдов.— Тут тоже не следует преувеличивать. Говорить о гибели цивилизации и безнадежно опускать руки нельзя — так поступают многие интеллигенты на Западе, пытаясь оправдать свое бездействие. И без того сейчас там культура сильно отстает от техники. Люди приобретают все бóльшую власть над природой, забывая о необходимости воспитания и переделки самого человека, часто недалеко ушедшего от своих предков по уровню общественного сознания. А вы, советская молодежь, хотите быть бойцами за культуру, за будущее счастье человечества. Тогда верьте в могущество нашей страны и не колеблясь идите по выбранному пути! Возможно, что впереди, вряд ли очень скоро,— новая грозная война, решающая схватка старого с новым. Делая наше дело, мы будем бороться за нашу культуру. Благородная задача — отстоять ее от варварства, вооруженного последним словом техники. Потом, представляете ли вы как следует, что такое атомная энергия сейчас? Бóльшая часть элементов из числа всех девяноста двух обладает весьма и весьма устойчивыми ядрами. Чтобы разбить их, нужно приложить энергию, бóльшую, чем мы получим от их распада. И это не случайно. За миллиарды лет формирования нашей планеты, как и других планет, в процессах изменения материи произошел как бы отбор — все неустойчивое распалось, перешло в устойчивые формы. Сейчас мы подошли к использованию цепных реакций в последних элементах менделеевской таблицы, самых тяжелых по своему атомному весу. Это тоже не случайно — самые тяжелые элементы очень богаты

нейтронами и легко распадаются, осуществляя цепную нейтронную реакцию[1]— единственную, которую мы можем технически использовать в настоящий момент. И этот распад отнюдь не следует представлять как полный распад всего атома. Атом тяжелого элемента как бы раскалывается на две части, каждая из которых дает устойчивые элементы середины менделеевской таблицы. При этом частично освобождается энергия. Тут еще очень далеко до полного распада и не менее далеко до цепной реакции с устойчивыми элементами.

Пока наше овладение атомной энергией сводится к использованию цепных реакций с неустойчивыми изотопами урана и тория, а также реакция перехода изотопа водорода — трития в гелий в очень сложных условиях водородной бомбы. Можно, как вы знаете, повысить атомный вес урана и получить искусственные элементы, выходящие уже за пределы таблицы,— нептуний и плутоний, девяносто третий и девяносто четвертый искусственные элементы. Уран можно превращать и дальше, создавая элементы девяносто пятый и девяносто шестой — америций и кюрий, и так далее — до сотого и больше номера.

Все они неустойчивы, подвергаются распаду. Энергия распада плутония и составляет горючее атомных мирных машин и взрывную силу атомных бомб, так же как и энергия неустойчивых форм урана — изотопов двести тридцать пять и двести тридцать три. Несомненно, в процессах превращения материи ранее существовали элементы вроде нептуния, более тяжелые, чем уран, но впоследствии они перешли в устойчивые формы основных девяноста двух. Поэтому уран мы можем рассматривать, как остаток этих сверхтяжелых элементов, уцелевший вследствие своего рассеянного состояния, вдобавок встречающийся в верхних зонах земной коры, где он устойчив в условиях сравнительно небольших температур и давлений. Уран и, вероятно, второй близкий к нему тяжелый элемент — торий пока останутся основой атомной энергии, ибо между использованием способности урана к распаду и использованием энергии вещества других элементов лежит техническая пропасть, которую мы вряд ли очень скоро перейдем. Но уран и торий — крайне редкие элементы, запасы их в мире незначительны. Отсюда следует, что пока накопление запасов атомной энергии весьма ограниченно...

— Вас к телефону, Илья Андреевич,— вызов с междугородной!— послышался голос из-за двери.

— Сейчас, сейчас!— Давыдов с мучительным выражением наморщил лоб.— Ну, вот то, что я хотел вам рассказать об атомной энергии... Урана немного, его запасы могут быть израсходованы очень быстро. Поэтому, глядя в будущее, мы должны изыскать крупные запасы этого драгоценного вещества. И мы...— Профессор вдруг умолк, поглаживая виски и смотря остановившимся взглядом поверх голов своих собеседников.— Крупные запасы урана... огарки формирования планеты,— тихо забормотал Давыдов.— Так...

Профессор словно поперхнулся и быстро вышел из аспирантской комнаты.

— Что это случилось с Ильей Андреевичем?— воскликнула Тамара, нарушая общее недоуменное молчание.— Я могу поклясться, что он чуть было не сказал черное слово!

— Что ты выдумываешь, Тамара!— негодующе возразила Женя.—

---

[1] *Цепная нейтронная реакция* — лавинообразное нарастание процесса деления атомных ядер.

Просто его перебили с этим несчастным телефоном. И все нам испортили... Так интересно он говорил!

— Уверяю тебя, что с ним что-то произошло. Тебе из-за шкафа не было видно. Он изменился в лице, будто привидение увидел.

— Верно, верно, Том,— поддержал Михаил,— я тоже заметил. Может быть, ему пришла в голову интересная мысль?

Догадка Михаила была правильной. Давыдов шагал по коридору, и все его мысли сосредоточились вокруг внезапно возникшей догадки. Ученый перенесся на два года назад, когда под впечатлением страшной волны, разрушившей остров, он всматривался с борта парохода в глубину океана и в мозгу его формировалась еще робкая идея о силах, вызывающих движения земной коры. С тех пор он непременно подбирал факты и размышлял, постепенно переходя от этих явлений современности к гораздо более крупным во времени и пространстве горообразовательным процессам прошлого. И теперь разве не сама судьба дает ему в руки доказательство правильности его предположений?

Давыдов взял трубку. Ответа не было, но он механически продолжал прижимать трубку к уху, думая о своем. Двадцать лет мучила Давыдова загадка «полей смерти» динозавров в Средней Азии. Вдоль подножия Тянь-Шаня тянутся гигантские скопления костей огромных ящеров. Миллионы особей самого различного возраста погребены в этих скоплениях. Но раньше они были еще гораздо больше, так как мы имеем дело лишь с остаточными местонахождениями, размытыми в третичное время при дальнейшем поднятии гор. Что могло вызвать такую массовую гибель именно в этом месте? Не вымирание же вдруг от каких-то неизвестных причин? Нет, массовая гибель динозавров совпала по времени с началом великой альпийской эпохи горообразования, поднявшей хребты Тянь-Шаня, Гималаев, Кавказа и Альп. Совпала и в пространстве, территориально. Тогда, семьдесят миллионов лет назад, в конце мелового периода, эти хребты медленно вспучивались рядами параллельных складок — совсем так, как это происходит сейчас на Тихом океане. Разница была только в том, что тянь-шаньские складки мелового периода образовывались не в океане, а на суше, по окраине моря, и эта область была населена наземными животными. Кроме того, в меловую эпоху складкообразование имело гораздо больший масштаб, чем теперь. Одни и те же процессы образования гор тогда и теперь обязаны силам распада сверхтяжелых элементов в глубинах земной коры. Если это предположение верно, то нет ничего невероятного, что энергия атомных реакций в некоторых областях в какие-то моменты прорывалась наружу, хотя бы в виде мощного излучения. Образовывался обширный район, в котором гибло все живое, а также и те животные, которые передвигались сюда из других областей. Следует проверить кости динозавров на радиоактивность!

Ничто, разумеется, не могло предупредить безмозглых ящеров о неизбежной гибели. Более мелкие остатки не сохранились в процессах перемыва, а прочные, огромные кости динозавров и сейчас удивляют нас непомерным количеством. Такое совпадение не случайно!..

«А что, если не случайно и другое совпадение? Почему мы нашли следы звездных пришельцев тоже в области горных поднятий того времени? Мощное излучение, губительное для динозавров, которое, разумеется, можно уловить прибором, началось тысячелетиями раньше. Тогда, если «они» бродили там, где позже произошла массовая гибель динозавров, значит, «они» искали источники атомной энергии... Но если это так, то вот два важнейших следствия: первое — нам нужно искать следы звездных пришельцев, этих небесных гостей Земли, вдоль Тянь-Шаня и Гима-

лаев — самых молодых горообразовательных зон Земли, именно там, где мы их и ищем. Второе — если горообразовательные процессы и вулканизм возникают потому, что в земной коре время от времени создаются концентрации сверхтяжелых элементов, вступающих в цепную реакцию, то можно ожидать нахождения остатков этих концентраций на доступных нам глубинах земной коры в соответствующих географических районах... Вот если бы удалось найти еще раз следы небесных гостей в областях горообразования, у меня была бы уже уверенность в том, что...»

— Говорите!— неожиданно раздался в трубке голос.— Соединяю с Алма-Атой!

Давыдов вздрогнул, ход мыслей разом остановился, Алма-Ата могла сообщить важные новости со строительства каналов.

Далекий, но отчетливый голос назвал его имя, Давыдов узнал ученого секретаря Геологического института.

— Илья Андреевич, утром звонил Старожилов со строительства номер пять. Там обнаружены скелеты динозавров, не то поврежденные, не то неповрежденные — я не разобрал из-за плохой слышимости. Старожилов просил меня связаться с вами. Он считает ваш приезд необходимым. Что ему передать?

— Передайте, что вылечу с завтрашним самолетом!— быстро сказал Давыдов.

— У меня еще к вам два дела,— продолжал секретарь,— но, поскольку вы будете у нас, на месте поговорим. Значит, ждем. Привет!

— Преогромное спасибо!— радостно закричал в трубку Давыдов.— Привет всем... До свиданья!

Давыдов поспешил к Кольцову, попросив завхоза заказать билет в аэропорте.

Глава первая

ГЛАЗА РАЗУМА

Дорога вилась берегом узкой речки. Высокие стены ущелья перекрещивались вдали своими откосами, круто сбегавшими к руслу справа и слева.

Самый близкий откос сурово чернел в теневой полосе слева; четкие стрелы елей выстроились в ряд вдоль иззубренного скалистого ребра. Следующие вверх по долине откосы становились все светлее, дальние окутывались жемчужной дымкой и казались легкими. Немного в стороне возвышался одетый снегом зубец, вдали переходивший в могучий гребень. Снег сползал продольными белыми полосами по его серому каменистому скату, а вверху, где ослепительно чистая толща снега плавно сглаживала выступы скал, большое плотное облако медленно плыло, как белая баржа, волоча свое широкое днище по снежному полю седловины хребта.

Дорога обогнула крутой обрыв и начала подниматься к перевалу. Машина выла, разогреваясь; чистый холодный ветер бил навстречу, плотными струями врываясь в щели приоткрытых стекол.

Давыдов не заметил, как поднялись на перевал, и угадал его по затихшему мотору. Машина понеслась вниз, туда, где развертывалась обширная, ровная, как стол, долина, окруженная тройным кольцом горных уступов.

Внизу, то изрытые причудливыми промоинами, то выступающие узкими башнями и округленными куполами, протянулись красные песчаники и глины. Второй уступ массивных пород был испещрен щетинистыми лентами горных елей, казавшихся почти черными на серо-фиолетовой поверхности склонов. И выше всего, победно сияя своей недоступной белизной, тянулся пильчатый ряд снеговых вершин, словно стена исполинского замка, надежно огородившая долину.

А там, внизу, отчетливо виднелись борозда, распоровшая ровную степь насыпь огромной плотины, груды земли, глубокие котлованы, домики поселка и ряды длинных белых палаток.

Давыдов уже привык к поражавшему его вначале зрелищу большой стройки, но сейчас он с волнением смотрел на ажурные плетения каркасов бетонных конструкций. Здесь, по-видимому, и есть головная гидростанция.

В одном из котлованов обнаружены скелеты динозавров, кладбище, образовавшееся тогда, когда вокруг не громоздились эти высокие горы. Они поднялись позже — силами мощных атомных реакций, происходивших в глубинах земной коры. Но излучение могло привлечь звездных пришельцев в их поисках запасов атомной энергии...

Машина остановилась возле длинного беленого дома.

— Приехали, товарищ Давыдов,— сказал шофер, отворяя дверцу.— Задремали маленько? Дорога хорошая, можно поспать...

Давыдов очнулся, вылез из машины, увидев спешившего к нему Старожилова. Скуластое лицо научного сотрудника заросло до глаз густейшей щетиной, серый рабочий костюм весь пропитался желтой пылью. Голубые глаза его радостно сияли.

— Начальник (когда-то Старожилов, еще студентом, много ездил с Давыдовым и с тех пор упорно называл его начальником, как бы отстаивая свое право на походную дружбу), я вас, пожалуй, обрадую! Долго ждал — и дождался! Отдохните, покушайте, и поедем. Это крайний южный котлован, с километр отсюда...

— Нет уж, я не устал. Везите!— прервал Давыдов.

Старожилов еще шире улыбнулся.

— Великолепно, начальник!— вскричал он, втискиваясь в машину и стараясь не замечать недовольно косившегося на него шофера, который явно не доверял чистоте одежды Старожилова.

— Мы натолкнулись на останки динозавров сразу же, как вскрыли большой пласт эолового[1] плотного песка, вклинившийся с юга,— спешил рассказать Старожилов.— Сначала мы обнаружили несколько разрозненных костей, потом вскрыли огромный скелет моноклона[2] прекрасной сохранности. Череп его оказался пробитым — да, насквозь пробитым! Илья Андреевич, что вы думаете... Узенькая овальная дырочка!

Давыдов побледнел.

— И что дальше?— выдавил он из себя.

— Дальше на большой площади ничего не встретилось. А позавчера у самой границы котлована опять нашли кости — грудой, но не разрозненные. Впечатление такое, что лежат кучей несколько скелетов. Странно: хищники и травоядные вместе. По задней лапе я определил крупного карнозавра[3], и тут же торчат копыта какого-то цератопса[4]. Некоторые кости

---

[1] *Эоловый* — обязанный своим происхождением ветру, ветровому переносу.

[2] *Моноклон* — однорогий представитель рогатых травоядных динозавров.

[3] *Карнозавр* — хищный динозавр.

[4] *Цератопс* — собирательное название рогатых травоядных динозавров.

переломаны, точно ударом страшной силы. Я не решился раскапывать эту груду без вас. Сюда, правее, там съезд на дно,— обернулся Старожилов к шоферу.— И налево.

Через несколько минут Давыдов склонился над огромным скелетом, белые кости которого выделялись на желтом песке. Старожилов тщательно расчистил его сверху и покрыл для сохранности лаком, оставив до приезда Давыдова.

Давыдов прошел мимо вытянутого хвоста и судорожно скрюченных лап, опустился на колени над безобразной громадной головой с длинным, похожим на кинжал рогом, венчавшим клювообразную морду.

Костяные кольца для защиты глаз, сохранившиеся в пустых орбитах черепа, придавали чудовищу выражение навсегда застывшей свирепости.

Профессор скоро нашел ниже левого глаза овальное отверстие, знакомое по костям из Сикана, найденным Тао Ли. Оно пронизывало череп насквозь; выходное отверстие располагалось на темени, позади правой орбиты, еще погруженной в породу.

Да, несомненно, «они» были и здесь! Решение искать в пределах Союза было правильным. Но какие еще следы пришельцев могут быть обнаружены, да и остались ли эти следы?

Давыдов осмотрел край скопления скелетов, обнаруженный в стене котлована. На тех костях, которые были уже вскрыты, не было признаков ранений. Переломы, о которых рассказывал Старожилов, оказались посмертными. Кости были сломаны уже после захоронения в песках, вследствие осадки и уплотнения пород, как это часто бывает.

Давыдов распорядился снять породу над скоплением костей и постепенно расчищать кости сверху, сразу на всей площади скопления.

— Надо бы захватить пошире, чтобы оконтурить все вокруг,— с сомнением в голосе произнес профессор,— но у нас не хватит средств, чтобы раскопать такую громадную площадку. Здесь нужно тысяч пять кубометров съемки.

— Напрасно беспокоитесь, начальник!— широко осклабился Старожилов.— Рабочие здесь так заинтересовались находками рогатых «крокодилов», как они их зовут, что сами предложили мне помочь «развалять соответствующее» это место. Так и сказал один бригадир на моем докладе. Послезавтра воскресенье, и на раскопки выйдут девятьсот человек.

— Девятьсот?! Ехидная сила!— вскричал Давыдов.

— Нет уж, не ехидная, а просто — сила!— гордо ответил Старожилов.— Администрация предоставляет нам четырнадцать экскаваторов, транспортеры, грузовики — словом, все необходимое. Такую раскопку устроим, что в истории не слыхивали!

Профессор крякнул от восхищения. Сам труд во всем его величии шел на помощь науке, бескорыстно и могуче. Давыдов почувствовал небывалую уверенность в успехе своих поисков. Десятки тысяч тонн земли, прятавшей в себе научную тайну, теперь казались вовсе не такими страшными. Забыв о всех сомнениях, трудностях и невзгодах, Давыдов показался себе невероятно сильным. С такой поддержкой он заставит ответить эти косные массы песков, мертво пролежавшие семьдесят миллионов лет... Давыдову даже не пришло в голову, что раскопки могут оказаться безрезультатными. Он не мог сейчас представить себе этого. Особенно когда в полутораста метрах позади лежал скелет ящера, убитого человеческим оружием...

— Намечайте площадь раскопок, начальник!— раздался голос Старожилова.— Имейте в виду, что граница золотых песков идет вкось, простирается с северо-запада на юго-восток. Левее вклинивается полоса песков речного происхождения.

Профессор взобрался на склон котлована и долго смотрел, соображая и подсчитывая, на участок нетронутой степной почвы, удалявшейся к уступам гор.

— Что, если мы возьмем квадрат вон от того столба направо и сюда?

— Тогда левый угол зацепит речные пески,— возразил Старожилов.

— Прекрасно! Я именно этого и хочу, чтобы мы прошлись берегом древнего потока. Около когда-то бывшей воды... Ну, давайте обмерим да поставим вешки. Рулетка у вас с собой?

— Зачем рулетка? Шагами обмерим, не скупитесь, начальник! Съемку-то сделаем после вскрытия.

— Постараюсь не скупиться,— улыбнулся профессор энтузиазму сотрудника.— Начнем. Идите вон туда, к холмику... Мне хочется сегодня успеть телеграфировать профессору Шатрову.

...На месте, где двенадцать дней назад Давыдов с помощником мерили шагами кочковатую полынную степь, раскинулась громадная выемка в девять метров глубины. Ветер крутил в ней столбы пыли, вздымавшейся со сглаженной и подсохшей поверхности плотно слежавшихся меловых песков. Вдоль восточного края выемки желтая окраска пород изменялась, переходя в серый, стальной цвет. Старожилов расхаживал взад и вперед, распоряжаясь отрядом своих помощников, перебиравших и перекапывавших пески, расчищавших найденные скелеты. Давыдов вызвал из Москвы всех препараторов института и своих четырех аспирантов, отозвал со строительства номер два научного сотрудника, работавшего там. Тридцать рабочих под наблюдением всех десяти сотрудников перебирали толщу костеносных песков, продвигаясь все ближе к границе серых пород, где встречались только обломки костей и большие окаменелые стволы хвойных деревьев.

Знойное солнце жестоко палило сверху, песок был горяч, но это нисколько не смущало увлеченных своей работой людей.

Давыдов спустился в выемку и остановился около большого скопления, обнаруженного еще в котловане. Там оказалось шесть скелетов динозавров, перепутавшихся своими костями. В шестидесяти метрах к востоку был вскрыт скелет гигантского хищника, одиноко лежавший невдалеке от границы речных песков. Вблизи него нашли еще три скелета небольших хищных ящеров размерами с собаку. Больше на всем протяжении выемки ничего не было найдено, не находилось и костей, пробитых таинственным оружием. Давыдов с тревогой осматривал раскопанную часть выемки, как будто подсчитывал оставшиеся шансы.

— Илья Андреевич, подойдите к нам,— донесся голос Жени,— мы нашли черепаху!

Давыдов обернулся и медленно пошел на зов. Женя с Михаилом второй день обкапывали и очищали громадную голову хищного динозавра с раскрытой пастью, наполненной страшными загнутыми зубами.

Женя поднялась из ямы навстречу профессору, сморщилась от боли в затекших ногах, но сейчас же радостно улыбнулась.

Белый платок подчеркивал загар ее лица, покрытого крошечными росинками пота.

— Вот тут,— показала Женя препаровальным инструментом в глубь ямы,— черепаха. Она лежит почти под черепом. Спускайтесь к нам!— И девушка легко спрыгнула вниз.— Я расчистила сверху карапакс[1],—

[1] *Карапакс* — верхний щит черепашьего панциря.

продолжала Женя.— Он очень странный — с каким-то перламутровым отливом, и скульптура необычная.

Давыдов с трудом согнул свое массивное тело в тесной траншее, заглядывая под гигантский череп хищного динозавра. Из сыроватой и потому более темной породы выступал маленький купол около двадцати сантиметров в поперечнике. Поверхность этого купола была покрыта орнаментом из ямок и бороздок, хранивших следы радиального расположения. Цвет кости был необычный — темно-фиолетовый, почти черный, резко отделявшийся от белых костей черепа динозавра. Необычным был и перламутровый блеск этой странной кости — гладкая, точно полированная, она смутно светилась в тени на дне ямы.

У Давыдова все расплылось в глазах. Кряхтя, он приблизил лицо к странной находке, с величайшей осторожностью счищая песчинки концами пальцев. Профессор заметил шов между отдельными костями, проходивший посередине купола, и второй, пересекающий его поперек, ближе к одному краю.

— Позовите Старожилова скорее!— поднял Давыдов побагровевшее от прилива крови лицо.— И рабочих сюда!

Жене передалось волнение ученого. Звонкий голос девушки понесся над изрытыми песками. Старожилов прибежал молниеносно, как показалось Давыдову, погруженному в рассматривание странной находки.

Терпеливо, медлительно и нежно профессор и его сотрудник принялись снимать породу вокруг темно-фиолетового куполка. С боков кость не расширялась в глубину, стенки купола стали отвесными и превратились в неправильное, слегка сдавленное полушарие. Давыдов, очищавший свою сторону, вдруг почувствовал, что препаровальная игла погрузилась в податливую рыхлость песка, точно кость окончилась в этом месте. Некоторое время профессор осторожно нащупывал границы и, наконец решившись, вращательным движением иглы быстро разрыхлил породу. Песок смели мягкой кистью. Нижний край кости здесь оказался закругленным и утолщенным, он врезался в стенку полушария двумя широкими дужками.

Крик, который вырвался из широкой груди Давыдова, заставил вздрогнуть стеснившихся около него сотрудников.

— Череп, череп!— завопил профессор, уверенно расчищая породу.

Действительно, освобожденные от породы большие пустые глазницы обозначались совершенно отчетливо. Теперь ясно выступил широкий и крутой лоб. Загадочный купол был просто верхней частью черепа, подобного человеческому, немного бóльших, чем у среднего человека, размеров.

— Попался, небесный зверь или человек!— с бесконечным удовлетворением сказал профессор, с усилием разгибаясь и потирая виски.

Голова закружилась, и он тяжело привалился к стене ямы. Старожилов поспешно схватил профессора за локоть, но тот нетерпеливо отстранил его:

— Действуйте! Приготовьте большую коробку, вату, клей — череп нужно поскорее вынуть. По-видимому, он прочен. Отделяйте осторожно — дальше вглубь должны быть кости скелета, е г о скелета. Пусть рабочие снимают послойно всю породу вокруг. Скелет динозавра сразу же разобрать и удалить. Перекопайте все — каждый сантиметр этого участка. Весь песок нужно просеять...

Шатров спешил по длинному коридору института, не отзываясь на приветствия встречавшихся с ним сотрудников. Он оказался перед той

самой дверью, в которую входил с коробкой Тао Ли два с половиной года назад. Но сейчас Шатров не медлил у входа, не улыбался лукаво, перед тем как поразить друга неожиданностью приезда. Со строгим, сосредоточенным лицом он вбежал прямо в кабинет.

Давыдов немедленно отложил в сторону бумагу, на которой записывал какие-то расчеты.

— Алексей Петрович! Вы прямо дипкурьер!— загудел он, как в бочку.— Для вас такая скорость даже неприлична... Когда вы получили мое письмо с описанием всех обстоятельств находки?

— Вчера утром. Выехал в пять часов. Но, ей-ей, я на вас обижен. Будто вы не могли сообщить мне раньше! Зачем было писать уже *post factum?* То вы неистовствовали, требуя от меня предполагаемого облика небесного зверя, а когда нашли, молчали до конца раскопок!

Шатров рассерженно дернул плечом и забегал по кабинету.

— Не сердитесь, Алексей Петрович. Я тоже хотел сделать вам сюрприз. Что из того, если бы вы узнали на две недели раньше? Только волновались бы и томились, изнывая от нетерпения в своем Ленинграде.

— Я приехал бы туда, ей-ей!— сердито крикнул Шатров.

— Приехали бы?— изумился Давыдов.— На раскопки? Право, вы совсем переменились, а я не знал...

Шатров не выдержал и улыбнулся.

— Ну, вот так лучше, дорогой друг. Зато вы увидите небесную бестию сию же минуту.— Давыдов направился к шкафу, взялся за ручку, веселый и торжествующий.— Как это по-вашему — ок!— Давыдов потянул дверцу, она раскрылась...

— Стойте, Илья Андреевич!— вскричал Шатров.— Подождите! Закройте!

Удивленный Давыдов послушно закрыл шкаф.

— Я не успел вам прислать свои предположения,— пояснил Шатров,— теперь я хочу потерпеть еще несколько минут и прочесть их вам, прежде чем увижу череп небесного пришельца. Очень интересная проверка: может ли наш ум предвидеть далеко, верен ли путь аналогий, исходящих из законов нашей планеты, для других миров?

— Превосходно придумали! Давайте!

Давыдов, как бы для верности, запер шкаф на ключ и подошел к столу. Шатров извлек большие листы бумаги, исписанные его ровным, крупным, удивительно четким почерком.

— Я не буду читать всего, не терпится,— сознался он.— Просмотрим лишь общие выводы. Помните, мы согласились, что схема животной жизни, основанная на белковой молекуле и энергии кислорода, должна быть общей для всей Вселенной. Мы согласились на том, что вещества, слагающие организм, использованы не случайно, а в силу своей распространенности и своих химических свойств. Мы согласились также, что планета, наиболее пригодная для жизни в любой планетной системе, должна быть сходна с нашей Землей. Во-первых, в смысле тепловой энергии, получаемой от своего солнца; если оно больше и ярче нашего, эта планета должна быть дальше; если солнце меньше и холоднее, условия нагрева, подобные Земле, могут быть на более близкой к нему планете.

Во-вторых, эта планета должна быть достаточно велика, чтобы притяжением своей массы удержать вокруг себя достаточно мощную атмосферу, защищающую от холода мирового пространства и космических излучений. И не слишком велика, чтобы она могла потерять во время далекой стадии своего существования, еще в раскаленном виде, значительную часть газов, молекулы которых рассеялись бы в мировом пространстве, иначе вокруг планеты получится слишком густая атмосфера, непроницаемая для солнца и полная вредных газов.

В-третьих, скорость вращения вокруг своей оси также должна быть близкой к скорости вращения Земли. Если вращение очень медленное, получится убийственный для жизни перегрев одной стороны и сильное охлаждение другой; если очень быстрое — нарушатся условия равновесия планеты такой величины, она потеряет атмосферу, сплющится и в конце концов разлетится на куски.

Ergo — сила тяжести, температура и давление атмосферы на поверхность такой планеты должны быть, по существу, приблизительно одинаковыми с нашей Землей.

Таковы основные предпосылки. Следовательно, вопрос в основных путях эволюции, создающих мыслящее существо. Каково оно? Что требуется для развития большого мозга, для его независимой работы, для мышления? Прежде всего должны быть развиты мощные органы чувств, и из них наиболее — зрение, зрение двуглазое, стереоскопическое, могущее охватывать пространство, точно фиксировать находящиеся в нем предметы, составлять точное представление об их форме и расположении. Излишне говорить, что голова должна находиться на переднем конце тела, несущем органы чувств, которые опять-таки должны быть в наибольшей близости к мозгу для экономии в передаче раздражения. Далее, мыслящее существо должно хорошо передвигаться, иметь сложные конечности, способные выполнять работу, ибо только через работу, через трудовые навыки происходит осмысливание окружающего мира и превращение животного в человека. При этом размеры мыслящего существа не могут быть маленькими, потому что в маленьком организме не имеется условий для развития мощного мозга, нет нужных запасов энергии. Вдобавок маленькое животное слишком зависит от пустяковых случайностей на поверхности планеты: ветер, дождь и тому подобное — для него уже катастрофические бедствия. А для того, чтобы осмысливать мир, нужно быть в известной степени независимым от сил природы. Поэтому мыслящее животное должно иметь подвижность, достаточные размеры и силу, ergo — обладать внутренним скелетом, подобным нашим позвоночным животным. Слишком большим оно также быть не может: тогда нарушатся оптимальные условия стойкости и соразмерности организма, необходимые для несения колоссальной дополнительной нагрузки — м о з г а.

Я слишком распространился... Короче, мыслящее животное должно быть позвоночным, иметь голову и быть величиной примерно с нас. Все эти черты человека не случайны. Но ведь мозг может развиваться тогда, когда голова не является орудием, не отягощена рогами, зубами, мощными челюстями, не роет землю, не хватает добычу. Это возможно, если в природе имеется достаточно питательная растительная еда; например, для нашего человека большую роль сыграло появление плодовых растений. Это освободило его организм от бесконечного пожирания растительной массы, на что были обречены травоядные, а также от удела хищников — погони и убивания живой добычи. Хищное животное хотя и ест питательное мясо, но должно обладать орудиями нападения и убийства, мешающими развитию мозга. Когда есть плоды, тогда челюсти могут быть сравнительно слабыми, может развиться огромный купол мозгового черепа, подавляющий собой морду. Тут можно еще очень много сказать о том, каковы должны быть конечности, но это ясно и так: свобода движений и способность держать орудие, пользоваться орудием, изготовлять орудие. Без орудия нет и не может быть человека. Отсюда последнее. Назначение конечностей должно быть раздельным: одни должны выполнять функцию передвижения — ноги, другие быть органами хватания — руки. Все это связано с тем, что голова должна быть поднята от земли, иначе ослабнет способность восприятия окружающего мира.

Вывод: форма человека, его облик как мыслящего животного не случаен, он наиболее соответствует организму, обладающему огромным мыслящим мозгом. Между враждебными жизни силами Космоса есть лишь узкие коридоры, которые использует жизнь, и эти коридоры строго определяют ее облик. Поэтому всякое другое мыслящее существо должно обладать многими чертами строения, сходными с человеческими, особенно в черепе. Да, череп, безусловно, должен быть человекоподобен. Таковы вкратце мои выводы.— Шатров умолк. Сдерживаемое им нетерпение прорвалось наружу:— Теперь давайте небесного зверя, скорее!

— Сию минуту!— Давыдов остановился у шкафа.— Должен сказать, Алексей Петрович, что вы глубоко правы. Это изумительно! В такие минуты чувствуешь, как могуча наука, чудесное мышление человека...

— Ладно, сейчас увидим. Давайте его.

Давыдов извлек из шкафа широкий лоток.

Перед Шатровым оказался странный темно-фиолетовый череп, покрытый орнаментом из ямок и бороздок, углубленных в кость. Мощный костяной купол — вместилище мозга — был совершенно подобен человеческому, так же как и огромные глазные впадины, направленные прямо вперед и разделенные узким костным мостиком переносицы. Вполне человеческими были и круглый, крутой затылок и короткая, почти отвесная лицевая часть, ушедшая под огромный, надвинутый на нее лоб. Но вместо выступающих носовых костей была треугольная ямка. От основания ямки верхняя челюсть, клювообразная, слегка загнутая вниз на конце, резко выдвигалась вперед. Нижняя челюсть соответствовала верхней и также не имела ни малейшего следа зубов. Ее суставные концы упирались почти горизонтально в ямки на концах широких отростков, спускавшихся вниз впереди круглых больших отверстий по бокам черепа, под висками.

— Он прочен?— тихо спросил Шатров и после утвердительного кивка Давыдова взял череп в руки.— Вместо зубов, видимо, режущий роговой край челюсти, как у черепахи?— спросил Шатров и, не дожидаясь ответа, продолжал:— Строение челюстей, носа, слухового аппарата довольно примитивно... Эти ямки на костях, вся скульптура показывают, что кожа очень плотно прилегала к кости, без подкожного мышечного слоя. Такая кожа вряд ли могла иметь волосы. А отдельные кости... в них, конечно, нужно поразобраться, но смотрите: челюсть из двух костей: это тоже более примитивно, чем у человека...

— Значит, их эволюционный путь до мыслящего существа был короче,— вставил Давыдов.

— Именно так. Там, на их планете, могла быть несколько иная природная обстановка, другой ход геологических процессов, другие условия естественного отбора... Интересно, вы исследовали состав этой кости?

— Точно — нет. Но все же знаю, что она в основном не из фосфорнокислого кальция, как у нас, а...

— Из кремния?— быстро перебил Шатров.

— Вы правы. И это понятно: кремний по химическим свойствам во многом аналогичен углероду и вполне может быть использован в биологических процессах.

— Но скелет? Кости? Неужели ничего не нашли?

— Абсолютно ничего, кроме...— Давыдов вытащил из шкафа второй лоток,— вот этого...

Перед Шатровым оказались два небольших металлических обломка и круглый диск около двенадцати сантиметров в диаметре. Маленькие обломки имели грани одинаковых размеров; в общем, каждый обломок походил на усеченную семигранную призму.

Металл по тяжести походил на свинец, но отличался большей твердостью и желтовато-белым цветом.

— Отгадайте, что это такое,— предложил Давыдов, подбрасывая на ладони тяжелый кусочек.

— Почем я знаю? Сплав какой-нибудь...— буркнул Шатров.— Впрочем, если вы спрашиваете, наверно, что-либо не совсем обыкновенное.

— Да, это гафний, редкий металл, похожий по физическим свойствам на медь, но тяжелее ее и несравненно более тугоплавкий. И у него есть еще одно интересное свойство: большая способность испускать электроны при высоких температурах. Это кое-что значит, особенно если вы посмотрите еще это странное зеркало.

Шатров взял металлический диск, тоже оказавшийся очень тяжелым. Край диска был закруглен и имел одиннадцать глубоких насечек, располагавшихся по окружности диска на одинаковых расстояниях. С одной стороны поверхность диска была слегка углублена, отполирована и очень тверда. Это был прозрачный, как стекло, слой, под которым виднелся чистый серебристо-белый металл, с одного края разъеденный бурым налетом. Прозрачный слой охватывался кольцом твердого сине-серого металла, из которого, собственно, и состоял весь диск. На обратной стороне диска, в центре, располагался кружок такого же прозрачного вещества, покрытого матовым налетом, с выпуклой, а не с вогнутой, как на другой стороне, поверхностью. Диаметр этого кружка не превышал шести сантиметров. Вокруг него был тот же синевато-серый металл, по которому кольцом шли вырезанные или выбитые звездочки с разным числом лучей, от трех до одиннадцати. Эти звездочки располагались без видимого порядка, но были разграничены двумя спиральными линиями, вписанными одна в другую.

— Металл, из которого состоит диск,— тантал, твердый, необычайно стойкий,— продолжал Давыдов.— Прозрачная пленка сделана из неизвестного химического соединения. Простой качественный анализ не дал результатов, а более сложное исследование я еще не успел сделать. Но металл под пленкой — это индий, замечательный металл.

— Чем?— не замедлил с вопросом Шатров.

— Этот металл и в наших приборах — лучший показатель наличия нейтронного излучения. А что это индий, я знаю точно, потому что решился высверлить вот здесь для анализа...

— Ведь звездочки — это письмена, или что они такое?— взволнованно спросил Шатров.

— Может быть — письмена, может быть — цифры, а возможно, и схема прибора. Но боюсь, что этого мы никогда не узнаем.

— И это все?

— Все. Разве вам мало, жадный вы человек? И без того у вас в руках такое, что все человечество взволнуется.

— Но все ли вы там перекопали?— не унимался Шатров.— Почему же с черепом нет скелета? Не может быть, чтобы скелета не было...

— Скелет, конечно, был — ведь у бескостного существа не могло быть и черепа. Перекопано все, даже пески просеяны. Но вряд ли там сохранилось еще что-нибудь...

— Почему вы так уверены, Илья Андреевич? Что дает вам право...

— Простое рассуждение. Мы напали на остаток катастрофы, происшедшей семьдесят миллионов лет назад. Если бы не случилось катастрофы, мы никогда не нашли бы черепа и вообще каких-либо остатков, кроме этих убитых динозавров. Их-то мы, несомненно, еще будем встречать. Я уверен, что «они»,— Давыдов указал на череп, недвижно обращавший

к друзьям свои орбиты,— были у нас очень недолго... несколько лет, не больше... и снова улетели к себе. Как я пришел к этому заключению, об этом после. Посмотрите сюда,— Давыдов развернул большой лист миллиметровки,— вот план раскопок. «Он»,— профессор указал на череп,— находился примерно здесь, около берега речного потока, с каким-то своим прибором и с оружием, по-видимому использовавшим атомную энергию. «Они» знали ее и пользовались ею — это несомненно, это доказывается вообще «их» присутствием здесь. С помощью оружия «он» убил моноклона с большого расстояния. По-видимому, динозавры «им» здорово досаждали. Потом «он» занялся каким-то делом и подвергся нападению гигантского хищного ящера. Замедлил ли «он» пустить в ход оружие или оно испортилось, мы не узнаем. Ясно только одно: хищное чудовище было убито всего в нескольких шагах от этого небесного пришельца и, мертвое, рухнуло прямо на «него». «Его» оружие или сломалось, или взорвалось. Поломка прибора освободила скрытый в нем заряд энергии, и, видимо, образовалось небольшое поле смертоносного излучения. В этом поле погибло несколько случайно попавших в него динозавров — вот эта груда скелетов. На другую сторону, здесь, с юга, излучение не распространялось или было слабее. Отсюда подобрались мелкие хищники, растащившие кости скелета небесного пришельца. Череп остался то ли потому, что он был велик для них, то ли был придавлен тяжестью головы динозавра. Впрочем, и часть стервятников погибла — вот здесь три маленьких скелета. Все это происходило на дюнных прибрежных песках, и ветер очень скоро захоронил все следы происшедшей трагедии.

— А приборы, оружие?— скептически опустил углы рта Шатров.

— Обратите внимание — остались куски и части, сделанные из чрезвычайно стойких металлов. Все остальное без следа исчезло, окислилось, распалось, растворилось за десятки миллионов лет. Металлы ведь не кости, они не способны окаменевать, пропитываться минеральными веществами, цементировать вокруг себя породу. Кроме того, прибор мог быть разорван и разбросан при взрыве или порче оружия, что еще больше способствовало исчезновению металлических частей.

— Схема ваша верна, надо думать,— согласился Шатров.— Теперь вам как можно скорее нужно изучить череп, проанализировать эволюционный путь, отраженный в структуре костных элементов, и опубликовать. Ведь такая статья как гром грянет!..— Выпуклые светлые глаза Шатрова не могли оторваться от темного черепа небесного пришельца.

Давыдов обнял друга за плечи и слегка потряс:

— Я не опубликую описания этого черепа.

Шатров изумленно дернулся, но Давыдов крепко прижал его к себе и, прежде чем тот успел что-либо сказать, закончил:

— Изучите и опишете его вы! Вам по праву принадлежит эта честь... Не возражать! Или вы забыли мое упрямство?

— Но, но...— Шатров не находил слов.

— Вот вам и «но». Геологический отчет о раскопках и выводы о катастрофе, с упоминанием всех моих сотрудников, особенно той, которая обнаружила череп,— он готов, вот он. Опубликуйте его под моей фамилией вместе с вашим описанием черепа. Так будет справедливо. Верно, Алексей Петрович?— Давыдов перешел на мягкий, задушевный тон.— У меня есть другое большое дело. Помните, вы удачно сказали, как одно невероятное зацепляется за другое и становится реальностью? Реальность перед вами — череп небесной бестии. Но эта реальность, в свою очередь, вызывает другое невероятное, зацепляется за него, цепь протягивается дальше. И я хочу протянуть цепь дальше!

— Допустим, что так, хотя и не понимаю вас. Но тут попахивает, и очень заметно, самопожертвованием. Я не могу принять...

— Не нужно, Алексей Петрович! Поверьте, старый друг, я совершенно искренен. Разве мы не делились за всю нашу совместную работу интересными материалами? Позже вы поймете, что и тут произошел такой же раздел. Я не хочу забирать себе всего. Мы одинаково смотрим на науку, и для нас обоих важнее всего ее движение вперед...

Растроганный Шатров опустил голову. Он не умел выражать свои чувства, особенно глубокие переживания. И сейчас он молча стоял перед другом, весело смотревшим на него. Шатров невольно коснулся рукой притягивавшего его черепа обитателя «звездного корабля». Корабль ушел в неимоверную глубину пространства, стал недостижимым никаким силам и машинам. И все же вот его несомненный, неоспоримый след — доказательство, что жизнь проходит неизбежную эволюцию, неотвратимое усовершенствование, пусть чрезвычайно долгим и тяжким путем. В этом движении — закон жизни, необходимое условие ее существования. И если оно не прерывается какими-нибудь случайностями Космоса, то в неизбежном результате — рождение мысли, становление человека и далее — общество, техника, борьба с грозной мощью Вселенной. И эта борьба может идти далеко — пришелец из другого мира тому залогом. Если бы «они» появились на Земле не тогда, а теперь, как много нового узнали бы мы!..

Шатров обернулся к другу спокойно и открыто:

— Я принимаю ваше... предложение. Пусть будет так. Мне, конечно, придется съездить в Ленинград, устроить дела и спешно вернуться. Работать надо здесь. Возить подобную драгоценность недопустимо... Только почему, Илья Андреевич, вы зовете его небесной бестией? Как-то нехорошо звучит — непочтительно.

— Я просто не могу подобрать название. Ведь нельзя называть его человеком, если соблюдать научную терминологию. Это человек по мысли, по технике, общественности, но ведь он выработался на иной анатомической основе. Его организм явно не родствен нашему. Это другой зверь. Вот я и зову его небесным зверем — «бестия целестис» по-латыни. Можно взять греческий корень для родового названия — пусть будет «терион целестис». Пожалуй, так звучит лучше. А настоящее название — это уж ваша забота.

— Но все-таки, Илья Андреевич,— помолчав, сказал Шатров,— что же останется вам самому?

— Милый друг, я сказал, что протяну цепь дальше. Давно уже думаю я о роли атомных реакций в геологических процессах. А теперь наше необычайное открытие вывело меня из орбиты обычного, подняло на высокий уровень мысли, придало смелости в заключениях, расширило границы представления. И я хочу попытаться доказать возможность использования могучих источников атомной энергии в глубинах земной коры. Разработать глубинную геологию, чтобы приблизить ее к практической осуществимости... А вы, ваше дело — эволюция жизни и становление мысли уже не только в пределах нашей Земли, но во всей Вселенной. Показать этот процесс, дать людям картину великих возможностей, стоящих перед ними. Опрокинуть малодушных скептиков и убогих изуверов, каких еще немало в науке, этим светлым торжеством мысли!

Давыдов замолк. Шатров смотрел на друга, как будто впервые увидел его.

— Да что мы стоим?— наконец произнес Давыдов.— Сядем, успокоимся. Я устал.

Оба ученых тихо уселись, закурили и, как по команде, задумчиво уставились на череп, в пустые орбиты странного существа. В кабинете воцарилось молчание.

Давыдов смотрел на выпуклый, изрытый мелкими ямками лоб, представлял себе, что когда-то, безмерно давно, за этой костной стенкой работал большой человеческий мозг. Какие представления о мире, чувства и знания наполняли эту странную голову? Что хранила память жителя чужого мира, какие образы с его родной планеты носил он по нашей Земле? Знал ли он тоску по родному миру, жажду великих истин, любовь к прекрасному? Каковы были человеческие отношения там, у них, какой общественный строй? Достигли ли они высших его ступеней, когда вся планета стала одной трудовой семьей, без угнетения и эксплуатации, без дикой бессмысленности войн, расточающих силы человечества и энергетические запасы планеты? К какому полу принадлежал этот гость с «звездного корабля», навсегда оставшийся на чужой для него Земле?

Череп смотрел на Давыдова пусто и безответно, как символ молчания и загадки. «Ничего этого мы не узнаем,— думал профессор,— но мы, люди Земли, тоже имеем могучий мозг и можем о многом догадаться. Вы явились сюда. Но просторы нашей Земли были заселены лишь страшными чудовищами, воплощением бессмысленной силы. В тупой злобе и бесстрашии чудовища представляли грозную опасность, а вас было немного. Кучка пришельцев, скитавшихся в неведомом мире в поисках источника энергии, в поисках собратьев по мысли...»

Шатров осторожно пошевелился. Его нервная натура протестовала против продолжительного бездействия. Он искоса посмотрел на задумавшегося Давыдова, тихо взял со стола тяжелый диск и принялся рассматривать странный предмет с зоркой наблюдательностью опытного исследователя. Продвинув диск в яркий круг света специальной микроскопической лампы, профессор поворачивал остаток неведомого прибора во все стороны, пытаясь уловить еще не замеченные детали конструкции. Внезапно Шатров уловил внутри кружка на оборотной стороне диска нечто проступавшее под матовой пленкой. Ученый, затаив дыхание, пытался рассмотреть это, подставляя диск свету под разными углами. И вдруг сквозь мутную пелену, наложенную временем на прозрачное вещество кружка, Шатрову почудились глаза, взглянувшие ему прямо в лицо. Сдавленно крикнув, профессор уронил тяжелый диск, и он с грохотом упал на стол. Давыдов подскочил, как подброшенный пружиной. Но Шатров не обратил внимания на гнев друга. Он уже понял, и догадка заставила прерваться его дыхание.

— Илья Андреевич,— закричал Шатров,— есть у вас что-нибудь для полировки — мелкий карборунд или, лучше, крокус? И замша.

— Конечно, есть и то и другое. Но что это с вами стряслось, черт и трижды черт?

— Дайте мне скорее, Илья Андреевич! Не раскаетесь! Где это у вас?

Давыдову передалось волнение Шатрова. Он встал, широко шагнул и зацепился за ковер. Профессор сердито пнул завернувшийся край и скрылся за дверью. Шатров вцепился в диск, осторожно пробуя ногтем выпуклую поверхность маленького кружка...

— Вот вам.— Давыдов поставил на стол банки с порошками, чашки с водой и спиртом, положил кусок кожи.

Шатров торопливо и умело приготовил кашицу из полировального порошка, намазал на кожу и принялся тереть поверхность кружка размеренным вращательным движением. Давыдов с интересом следил за работой друга.

— Этот прозрачный, неизвестный нам состав необычайно стоек,— пояснял Шатров, не прекращая работы.— Но он, без сомнения, должен быть прозрачен, как стекло, и, следовательно, иметь полированную поверхность. А тут, видите, поверхность стала матовой — она изъедена песком за миллионы лет лежания в породе. Даже это стойкое вещество поддалось... Но если снова отполировать его, то оно опять станет прозрачным.

— Прозрачным? И что же дальше?— усомнился Давыдов.— Вот с другой стороны диска прозрачность сохранилась. Ну, виден слой индия, и все...

— А здесь есть изображение!— возбужденно воскликнул Шатров.— Я видел, видел глаза! И я уверен, что здесь скрыт портрет звездного пришельца, может быть того самого, чей череп перед нами. Зачем он тут — может быть, опознавательный знак на аппарате или таков у них обычай,— этого мы не узнаем. Впрочем, оно и неважно в сравнении с тем, что вообще нам удалось найти изображение... Посмотрите на форму поверхности — это же оптическая линза... Э, полируется хорошо!— продолжал профессор, пробуя пальцем кружок.

Давыдов, перегнувшись через плечо Шатрова, нетерпеливо глядел на диск — на нем под полосами мокрой красной кашицы проступал все более чистый стеклянный отблеск.

Наконец Шатров удовлетворенно вздохнул, стер полировочную массу, смочил кружок спиртом и несколько минут тер его сухой замшей.

— Готово! Ок!— Он поднес диск к свету, придав ему надлежащее положение, чтобы свет отражался прямо на смотревших.

Оба профессора невольно содрогнулись. Из глубины совершенно прозрачного слоя, увеличенное неведомым оптическим ухищрением до своих естественных размеров, на них взглянуло странное, но несомненно человеческое лицо. Неизвестным способом изображение было сделано рельефным, а главное — необыкновенно, невероятно живым. Казалось, живое существо смотрит, отделенное только прозрачной стенкой оптической линзы. И прежде всего, подавляя все остальные впечатления, в упор смотрели громадные выпуклые глаза. Они были как озера вечной тайны мироздания, пронизанные умом и напряженной волей, двумя мощными лучами, стремящимися вперед, через стеклянную преграду, в бесконечные дали пространства. В этих глазах был свет безмерного мужества разума, сознающего беспощадные законы Вселенной, бьющегося в муках и радости познания.

И взгляды ученых Земли, скрестившись с этим необычайным взором, глядевшим из бездны времен, не опустились в смущении. Шатрова и Давыдова пронизало радостное торжество. Мысль, пусть разбросанная на недоступно далеких друг от друга мирах, не погибла без следа во времени и пространстве. Нет, само существование жизни было залогом конечной победы мысли над Вселенной, залогом того, что в разных уголках мирового пространства идет великий процесс эволюции, становления высшей формы материи и творческая работа познания...

Преодолев первое впечатление от смотрящих глаз звездного пришельца, ученые стали рассматривать его лицо. Большеглазая круглая голова с безволосой толстой и гладкой кожей не казалась уродливой или отвратительной. Могучий, широкий и выпуклый лоб нес в себе столько интеллектуального, человеческого, равно как и удивительные глаза, что они подавляли непривычные очертания нижней части лица. Отсутствие ушей и носа, клювообразный безгубый рот сами по себе были неприятны, но не могли уничтожить ощущения, что неведомое существо было близким человеку, понятным и не чуждым. Великое братство по духу и мысли с

людьми Земли безотчетно сказывалось в облике гостя нашей планеты. Шатров и Давыдов увидели в этом залог того, что обитатели различных «звездных кораблей» поймут друг друга, когда будет побеждено разделяющее миры пространство, когда состоится наконец встреча мысли, разбросанной на далеких планетных островках во Вселенной. Ученым хотелось думать, что это случится скоро, но ум говорил о тысячелетиях познания, нужных еще для великого расширения мира.

И прежде всего нужно объединить народы собственной планеты в одну братскую семью, уничтожить неравенство, угнетение и расовые предрассудки, а потом уже уверенно идти к объединению разных миров. Иначе человечество будет не в силах совершить величайший подвиг покорения грозных межзвездных пространств, не сможет справиться с убийственными силами Космоса, грозящими живой материи, осмелившейся покинуть свою защищенную атмосферой планету. Во имя этой первой ступени нужно работать, отдавая все силы души и тела осуществлению этого необходимого условия для великого будущего людей Земли!

СЕРДЦЕ ЗМЕИ

Сквозь туман забытья, обволакивающий сознание, прорвалась музыка. «Не спи! Равнодушие — победа Энтропии черной!..» Слова известной арии пробудили привычные ассоциации памяти и повели, потащили за собой ее бесконечную цепь.

Жизнь возвращалась. Громадный корабль еще содрогался, но автоматические механизмы неуклонно продолжали свое дело. Вихри энергии вокруг каждого из трех защитных колпаков остановили невидимое вращение. Несколько секунд колпаки, похожие на большие ульи из матового зеленого металла, оставались в прежнем положении, затем внезапно и одновременно отскочили вверх и исчезли в ячеях потолка, среди сложного сплетения труб, поперечин и проводов.

Два человека остались недвижимы в глубоких креслах, окруженных кольцами — основаниями исчезнувших колпаков. Третий осторожно поднял отяжелевшую голову и вдруг легко встряхнул темными волосами. Он поднялся из глубины мягчайшей изоляции, сел и наклонился вперед, чтобы прочитать показания приборов. Они во множестве усеивали наклонную светлую доску большого пульта, протянувшегося поперек всего помещения в полуметре от кресел.

— Вышли из пульсации!— раздался уверенный голос.— Вы опять очнулись раньше всех, Кари? Идеальное здоровье для звездолетчика!

Кари Рам, электронный механик и астронавигатор звездолета «Теллур», мгновенно повернулся, встретив еще затуманенный взгляд командира.

Мут Анг, с усилием двигаясь, облегченно вздохнул и встал перед пультом.

— Двадцать четыре парсека... Мы прошли звезду. Новые приборы всегда неточны... вернее, мы плохо владеем ими... Можно выключить музыку. Тэй проснулся!

Кари Рам услышал в наступившей тишине лишь неровное дыхание очнувшегося товарища.

Центральный пост управления звездолета напоминал довольно боль-

шой круглый зал, надежно скрытый в глубине гигантского корабля. Выше пультов приборов и герметических дверей помещение обегал синеватый экран, образуя полное кольцо. Впереди, по центральной оси корабля, в экране был вырез, в котором находился прозрачный, как хрусталь, диск локатора диаметром почти в два человеческих роста. Огромный диск как бы сливался с космическим пространством и, отблескивая в огоньках приборов, походил на черный алмаз.

Мут Анг сделал неуловимое движение, и тотчас все три человека, находившиеся в посту управления, почти одинаковым жестом прикрыли глаза. Колоссальное оранжевое солнце загорелось с левой стороны на экране. Его свет, ослабленный мощными фильтрами, был едва переносим.

Мут Анг покачал головой.

— Еще немного, и мы пронеслись бы через корону звезды. Больше не буду прокладывать точный курс. Гораздо безопаснее пройти стороной.

— Тем и страшны новые пульсационные звездолеты,— ответил из глубины кресла Тэй Эрон, помощник командира и главный астрофизик.— Мы делаем расчет, а затем корабль мчится вслепую, как выстрел в темноту. И мы тоже мертвы и слепы внутри защитных вихревых полей. Мне не нравится этот способ полета в космос, хотя он и быстрее всего, что могло придумать человечество.

— Двадцать четыре парсека!— воскликнул Мут Анг.— А для нас прошел как будто миг...

— Миг сна, подобного смерти,— хмуро возразил Тэй Эрон,— а вообще на Земле...

— Лучше не думать,— выпрямился Кари Рам,— что на Земле прошло больше семидесяти восьми лет. Многие из друзей и близких мертвы, многое изменилось... Что же будет, когда...

— Это неизбежно в далеком пути с любой системой звездолета,— спокойно сказал командир.— На «Теллуре» время для нас идет особенно быстро. И, хотя мы забираемся дальше всех в космос, вернемся почти теми же...

Тэй Эрон приблизился к расчетной машине.

— Все безупречно,— сказал он несколько минут спустя.— Это Кор Серпентис, или, как его называли древние арабские астрономы, Унук аль Хай — Сердце Змеи. Потому что эта звезда в середине длинного созвездия.

— А где же ее близкий сосед?— спросил Кари Рам.

— Скрыт от нас главной звездой. Видите, спектр К — ноль. С нашей стороны — затмение,— ответил Тэй.

— Раздвиньте щиты всех приемников!— распорядился командир.

Их окружила бездонная чернота космоса. Она казалась более глубокой, потому что слева и сзади горело оранжево-золотым огнем Сердце Змеи, затмившее все звезды и Млечный Путь. Только внизу, споря с ней, сияла пламенем белая звезда.

— Эпсилон Змеи совсем близко,— громко сказал Кари Рам.

Молодой астронавигатор хотел заслужить одобрение командира. Но Мут Анг молча смотрел направо, где выделялась чистым белым светом далекая и яркая звезда.

— Туда ушел мой прежний звездолет «Солнце»,— медленно проговорил командир, почувствовав за своей спиной выжидательное молчание,— на новые планеты...

— Так это Альфекка в Северной Короне?

— Да, Рам, или, если хотите европейское название,— Гемма... Но пора за дело!

— Будить остальных?— с готовностью спросил Тэй Эрон.

— Зачем? Мы сделаем одну-две пульсации, если убедимся, что впереди пусто,— ответил Мут Анг.— Включайте оптические и радиотелескопы, проверьте настройку памятных машин. Тэй, включите ядерные моторы. Пока будем двигаться на них. Дайте ускорение!

— До шести седьмых световой?

И в ответ на молчаливый кивок командира Тэй Эрон быстро проделал необходимые манипуляции. Звездолет даже не вздрогнул, хотя ослепительное, радужное пламя полыхнуло во весь обзор экранов и совсем скрыло слабые звезды ниже сверкающего Млечного Пути. Среди тех звезд было и земное Солнце.

— У нас несколько часов, пока приборы завершат наблюдения и окончат четырехкратную проверку программы,— сказал Мут Анг.— Надо поесть, потом каждый из нас может уединиться и отдохнуть немного. Я сменю Кари.

Звездолетчики вышли из центрального поста. Кари Рам пересел во вращающееся кресло посреди пульта. Астронавигатор закрыл кормовые экраны, и пламя ракетных моторов исчезло.

Огненное Кор Серпентис продолжало мерцать дерзкими отблесками на бесстрастной полировке приборов. Диск переднего локатора оставался черным, бездонным колодцем, но это не смущало, а радовало астронавигатора. Расчеты, занявшие шесть лет труда могучих умов и исследовательских машин Земли, оказались безошибочными.

Сюда, в широкий коридор пространства, свободного от звездных скоплений и темных облаков, был направлен «Теллур» — первый пульсационный звездолет Земли. Этот тип звездолетов, передвигавшихся в нульпространстве, должен был достигнуть гораздо больших глубин Галактики, чем прежние ядерно-ракетные, анамезонные звездолеты, летавшие со скоростью пять шестых и шесть седьмых скорости света. Пульсационные корабли действовали по принципу сжатия времени и были в тысячи раз быстрее. Но их опасной стороной было то, что звездолет в момент пульсации не мог быть управляем. Люди также могли перенести пульсацию лишь в бессознательном состоянии, скрытые внутри мощного магнитного поля. «Теллур» передвигался как бы рывками, всякий раз тщательно изучая, свободен ли путь для следующей пульсации.

Мимо Змеи, в почти свободном от звезд пространстве высоких широт Галактики, «Теллур» должен был пройти в созвездие Геркулеса, к углеродной звезде.

«Теллура» послали в неимоверно далекий рейс, чтобы его экипаж изучил загадочные процессы превращения материи непосредственно на углеродной звезде, очень важные для земной энергетики. Подозревалось, что звезда была связана с темным облаком в форме вращающегося электромагнитного диска, обращенного ребром к Земле. Ученые ожидали, что они увидят повторение истории образования нашей планетной системы сравнительно недалеко от Солнца.

«Недалеко» — это сто десять парсеков, или триста пятьдесят лет пути светового луча...

Кари Рам проверил приборы-охранители Они показывали, что все связи автоматов корабля в исправности. Молодой астролетчик предался размышлениям.

Далеко-далеко, на расстоянии семидесяти восьми световых лет, осталась Земля — прекрасная, устроенная человечеством для светлой жизни и вдохновенного творческого труда. В этом обществе без классов каждый человек хорошо знал всю планету. Не только ее заводы, рудники, планта-

ции и морские промыслы, учебные и исследовательские центры, музеи и заповедники, но и милые сердцу уголки отдыха, одиночества или уединения с любимым человеком.

И от этого чудесного мира человек, предъявляя к себе высокие требования, углублялся все дальше в космические ледяные бездны в погоне за новыми знаниями, за разгадкой тайн природы, не покорявшейся без жестокого сопротивления. Все дальше шел человек от Луны, залитой убийственным рентгеновским и ультрафиолетовым излучением Солнца, от жаркой и безжизненной Венеры с ее океанами нефти, липкой смоляной почвой и вечным туманом, от холодного, засыпанного песками Марса с чуть теплящейся подземной жизнью. Едва началось изучение Юпитера, как новые корабли достигли ближайших звезд. Земные звездолеты посетили Альфу и Проксиму Центавра, звезду Барнарда, Сириус, Эту Эридана и даже Тау Кита. Конечно, не сами звезды, а их планеты или ближайшие окрестности, если это были двойные звезды, как Сириус, лишенные планетных систем.

Но межзвездные корабли Земли еще не побывали на планетах, где жизнь уже достигла своей высшей формы, где обитали мыслящие существа — люди.

Из далеких бездн космоса ультракороткие радиоволны несли вести населенных миров; иногда они приходили на Землю через тысячи лет после того, как были отправлены. Человечество только училось читать эти передачи и стало представлять, какой океан знаний, техники и искусства совершает свой круговорот между населенными мирами нашей Галактики. Мирами, еще не достижимыми. Что уж говорить про другие звездные острова — галактики, разделенные миллионами световых лет расстояния!.. Но от этого становилось только больше стремление достичь планет, населенных людьми, пусть не похожими на земных, но тоже построившими мудрое, правильно развивающееся общество, где каждый имеет свою долю счастья, наибольшего при их уровне власти над природой. Впрочем, было известно, что есть совершенно похожие на нас люди, и этих, вероятно, больше. Законы развития планетных систем и жизни на них однородны не только в нашей Галактике, но и во всей известной нам части космоса.

Пульсационный звездолет — последнее изобретение гения Земли — дает возможность прийти на призывы далеких миров. Если полет «Теллура» окажется удачным, тогда... Только, как все в жизни, новое изобретение имеет две стороны.

— А вот другая сторона...— Задумавшись, Кари Рам не заметил, что произнес последние слова вслух.

Вдруг позади раздался приятный и сильный голос Мут Анга:

Другая сторона любви —
Что глубоко и широко, как море,
То отзовется душным коридором,
И этого не избежать — оно в крови!

Кари Рам вздрогнул:

— Я не знал, что вы тоже увлекаетесь старинной музыкой,— улыбнулся командир звездолета.— Этому романсу не меньше пяти веков!

— Я вовсе ничего не знаю!— воскликнул астронавигатор.— Я думал о нашем звездолете. О том, когда мы вернемся...

Командир стал серьезным.

— Мы проделали только первую пульсацию, а вы думаете о возвращении?

— О нет! Зачем бы я старался попасть в число избранных для полета? Мне показалось... ведь мы вернемся на Землю, когда там пройдет семьсот лет и, несмотря на удвоившееся долголетие человека, даже правнуки наших сестер и братьев уже будут мертвы...

— Разве вы этого не знали?

— Знал, конечно,— упрямо продолжал Рам.— Но мне пришло в голову другое.

— Я понял. Кажущаяся бесполезность нашего полета?

— Да! Еще до изобретения и постройки «Теллура» ушли обычные ракетные звездолеты на Фольмагаут, Капеллу и Арктур. Фольмагаутская экспедиция ожидается через два года — уже прошло пятьдесят. Но с Арктура и Капеллы корабли придут еще через сорок-пятьдесят лет: до этих звезд ведь двенадцать и четырнадцать парсеков. А сейчас уже строят пульсационные корабли, которые могут оказаться на Арктуре в одну пульсацию. За то время, пока мы совершим свой полет, люди окончательно победят время или пространство, если хотите. Тогда наши земные корабли окажутся гораздо дальше нас, а мы вернемся с грузом устарелых и бесполезных сведений...

— Мы ушли с Земли, как уходят из жизни умершие,— медленно сказал Мут Анг,— и вернемся отсталыми в развитии, с пережитками прошлого.

— Об этом я и думал!

— Вы правы и глубоко не правы. Развитие знаний, накопление опыта должны быть непрерывны. Иначе нарушатся законы развития, которое всегда неравномерно и противоречиво. Представьте, что древние естествоиспытатели, кажущиеся нам наивными, стали бы ожидать, ну, скажем, изобретения современных квантовых микроскопов. Или земледельцы и строители давнего прошлого, обильно полившие нашу планету своим по́том, стали бы ждать автоматических машин и... так и не вышли бы из сырых землянок, питаясь крохами, уделяемыми природой!

Кари Рам звонко рассмеялся. Мут Анг продолжал без улыбки:

— Мы так же призваны выполнить свой долг, как и каждый член общества. За то, что мы первые прикоснемся к невиданным еще глубинам космоса, мы умерли на семьсот лет. Те, кто остался на Земле, чтобы пользоваться всей радостью земной жизни, никогда не испытают великих чувств человека, заглянувшего в тайны развития Вселенной. И так все. Но возвращение... Вы напрасно опасаетесь будущего. В каждом этапе своей истории человечество в чем-то возвращалось назад, несмотря на общее восхождение по закону спирального развития. Каждое столетие имело свои неповторимые особенности и вместе с тем общие всем черты... Кто может сказать, может быть, та крупица знания, что мы доставим на нашу планету, послужит новому взлету науки, улучшению жизни человечества. Да и мы сами вернемся из глубины прошлого, но принесем новым людям наши жизни и сердца, отданные будущему. Разве мы придем чужими? Разве может оказаться чужим тот, кто служит в полную меру сил? Ведь человек — это не только сумма знаний, но и сложнейшая архитектура чувств, а в этом мы, испытавшие всю трудность долгого пути через космос, не окажемся хуже тех, будущих...— Мут Анг помолчал и совсем другим, насмешливым тоном закончил:— Не знаю, как вам, а мне так интересно заглянуть в будущее, что ради этого одного...

— ...можно временно умереть для Земли!— воскликнул астронавигатор.

Командир «Теллура» кивнул головой.

— Идите мойтесь, ешьте, следующая пульсация уже скоро! Тэй, вы зачем вернулись?

Помощник командира пожал плечами.

— Хочется скорее узнать путь, проложенный приборами. Я готов сменить вас.

И без дальнейших слов астрофизик нажал кнопку в середине пульта. Вогнутая полированная крышка беззвучно отодвинулась, и из глубины прибора поднялась скрученная спиралью лента серебристого металла. Ее пронизывал тонкий черный стержень, означавший курс корабля. Как драгоценные камни, горели на спирали крохотные огоньки — звезды разных спектральных классов, мимо которых шел путь «Теллура». Стрелки бесчисленных циферблатов начали хоровод почти осмысленных движений. Это расчетные машины уравновешивали прямую линию следующей пульсации так, чтобы проложить ее в возможно наибольшем удалении от звезд, темных облаков и туманностей светящегося газа, которые могли скрывать еще неведомые небесные тела.

Увлеченный работой, Тэй Эрон не заметил, как прошло несколько молчаливых часов. Громадный звездолет продолжал свой бег в черную пустоту пространства. Товарищи астрофизика тихо сидели в глубине полукруглого дивана, поблизости от массивной тройной двери, изолировавшей пост управления от других помещений корабля.

Веселый звон маленьких колокольчиков сигнализировал окончание вычислений. Командир звездолета медленно подошел к пультам.

— Удачно! Вторая пульсация может быть почти втрое длиннее первой...

— Нет, тут тридцатипроцентная неопределенность!— Тэй показал на конечный отрезок черного стержня, едва заметно вибрировавшего в такт колебаниям связанных с ним стрелок.

— Да, полная определенность — пятьдесят семь парсеков. Отбросим пять на возможность скрытых ошибок — пятьдесят два. Готовьте пульсацию.

Снова проверялись все бесчисленные механизмы и связи корабля. Мут Анг соединился с каютами, где находились погруженные в сон остальные пять членов экипажа «Теллура».

Автоматы физиологического наблюдения отметили, что организмы спящих в нормальном состоянии. Тогда командир включил защитное поле вокруг жилых помещений корабля. На матовых панелях левой стены побежали красные струи — потоки газа в спрятанных позади них трубках.

— Пора? — слегка хмурясь, спросил командира Тэй Эрон.

Тот кивнул. Трое дежурных молча опустились в глубокие кресла, закрепляя себя в них воздушными подушками. Когда был застегнут последний крючок, каждый достал из ящичка в левом подлокотнике прибор для впрыскивания, готовый к употреблению.

— Итак, еще на полтораста лет земной жизни! — сказал Кари Рам, приложив аппарат к обнаженной руке.

Мут Анг зорко посмотрел на него. Глаза юноши светились легкой насмешкой, свойственной здоровому и вполне уравновешенному человеку. Командир подождал, пока его товарищи откинулись в креслах и закрыли глаза — впали в бессознательное состояние. Тогда он включил рычажки на маленькой коробке у своего колена. Бесшумно и неотвратимо, как сама судьба, спустились с потолка массивные колпаки. За минуту до этого Мут Анг включил механических роботов, управлявших пульсацией и защитным полем. Под колпаком в слабом свете голубоватого ночника командир прочитал показания контрольных приборов и только после этого усыпил себя...

* * *

Звездолет вышел из четвертой пульсации. Теперь загадочное светило — цель полета — выросло на экранах правой, «северной» стороны до размеров Солнца, видимого с Меркурия.

Колоссальная звезда из редкого класса «темных» углеродных звезд подвергалась детальному изучению. «Теллур» шел на субсветовой скорости в расстоянии меньше четырех парсеков от гигантской тусклой звезды КНТ—8008, едва видимой с Земли даже в мощные телескопы. Подобные звезды, их поперечник равнялся ста пятидесяти — ста семидесяти диаметрам нашего Солнца, отличались обилием углерода в своих атмосферах. При температуре в две-три тысячи градусов атомы углерода соединялись в особые молекулы-цепочки из трех атомов каждая. Атмосфера звезды с такими молекулами задерживала излучение фиолетовой части спектра, и свет гиганта был очень слабым сравнительно с его размерами.

Но центры углеродных гигантов, разогретые до ста миллионов градусов, были могучими генераторами нейтронов и превращали легкие элементы в тяжелые и даже зауарановые, вплоть до калифорния и россия, как был назван самый тяжелый из элементов с атомным весом 401, созданный уже четыре столетия назад. Ученые считали, что фабриками тяжелых элементов Вселенной были углеродные звезды. Они рассеивали эти элементы в пространстве после периодических взрывов. Обогащение общего химического состава нашей Галактики идет именно за счет действия темных углеродных гигантов.

Пульсационный звездолет дал наконец человечеству возможность изучить углеродную звезду с близкого расстояния, понять существо происходящих в ней процессов превращения материи. К их разъяснению физики Земли еще не подобрали всех ключей.

Экипаж звездолета проснулся, и каждый занялся теми исследованиями, ради которых он умер для Земли на семьсот лет. Движение корабля казалось теперь очень медленным, но более скорый бег и не был нужен.

«Теллур» шел, слегка отклоняясь к югу от углеродной звезды, чтобы держать экран локатора вне ее излучения. И его черное зеркало недели, месяцы и годы оставалось по-прежнему беспросветно темным. «Теллур», или, как он значился в реестре космофлота Земли, «ИФ-1 (Зет—685)», первый звездолет обращенного поля, или шестьсот восемьдесят пятый по общему списку космических кораблей, не был так велик, как субсветовые звездолеты дальнего действия. От их постройки отказались лишь недавно — с изобретением пульсационных кораблей.

Те колоссальные корабли несли экипаж до двухсот человек, и смена поколений давала возможность проникать довольно глубоко в межзвездное пространство.

С каждым возвращением дальнего звездолета на Земле появлялось несколько десятков выходцев из другого времени — представителей далекого прошлого. И хотя уровень развития этих пережитков прошлого был очень высок, все же новые времена оказывались для них чуждыми, и часто глубокая меланхолия или отрешенность становилась уделом космических скитальцев.

Теперь пульсационные звездолеты забросят людей еще дальше. Пройдет немного времени, по мерке астролетчиков, и в человеческом обществе появятся тысячелетние Мафусаилы. Те, кому выпадет на долю отправиться на другие галактики, вернутся на родную планету миллионы лет спустя. Таковой оказалась оборотная сторона дальних космических рейсов, коварная препона, поставленная природой своему неугомонному

сыну. На новых звездолетах экипажи насчитывали всего восемь человек. Этим путешественникам в безмерные дали космоса и одновременно в будущее было запрещено, в отмену прежних поощрительных постановлений, иметь детей во время путешествия.

И хотя «Теллур» был меньше своих предшественников, все же он представлял собою огромный корабль, где просторно разместился его малочисленный экипаж.

Пробуждение после продолжительного сна вызвало, как всегда, подъем жизненной энергии. Экипаж звездолета — преимущественно молодые люди — проводил свободное время в гимнастическом зале.

Они придумывали труднейшие упражнения, фантастические танцы или, надев отталкивающие пояса и кольца на руки и на ноги, совершали головоломные трюки в антигравитационном углу зала. Астролетчики любили плавать в большом бассейне с ионизированной светящейся водой, сохранившей прекрасную голубизну колыбели народов Земли — Средиземного моря.

Кари Рам сбросил рабочий костюм и устремился к бассейну, но его остановил веселый голос:

— Кари, помогите! Без вас не получается этот поворот.

Высокая девушка-химик, Тайна Дан, в короткой тунике из зеленой, в тон ее глазам, сверкающей ткани была самой веселой и молодой участницей экспедиции. Она не раз возмущала спокойного Кари своей порывистой резкостью, но танцы он любил не меньше Тайны, прирожденной плясуньи. Он с улыбкой подошел к ней.

Слева, с высоты помоста над бассейном, его приветствовала Афра Деви, биолог звездолета. Она старательно укладывала массу своих черных волос перед упражнением на трапеции. К Афре приблизился, осторожно ступая по пружинящей пластмассе, Тэй Эрон, протягивая за спиной девушки мускулистую, сильную руку. Раскачиваясь в такт движениям доски, Афра откинулась назад, на эту надежную опору. На секунду оба замерли, смуглые, сильные и уверенные, с гладкой кожей, которую дает человеку лишь здоровая жизнь на воздухе и солнце. Едва уловимым движением молодая женщина выгнулась еще сильнее, сделала полный оборот вокруг руки помощника командира, и оба полетели над залом, сплетаясь точно в танце.

— Он все забыл!— пропела Тайна Дан, прикрывая глаза механика кончиками горячих пальцев.

— Разве не красиво? — ответил тот вопросом и притянул к себе девушку в первом движении танца, войдя в полосу звукового фона.

Кари и Тайна были лучшими танцорами корабля. Только они умели отдавать себя полностью мелодии и ритму, выключая все другие думы и чувства. И Кари унесся в мир танца, не ощущая ничего, кроме наслаждения согласованными легкими движениями. Рука девушки, лежавшая у него на плече, была сильна и нежна. Зеленые глаза потемнели.

— Вы и ваше имя — одно,— шепнул Кари.— Я запомнил, что «тайна» на древнем языке — это неведомое, неразгаданное.

— Вы радуете меня,— без улыбки ответила девушка,— мне всегда казалось, что тайны остались только в космосе, а на нашей Земле их нет более. Нет их у людей — все мы просты, ясны и чисты!

— И вы жалеете об этом?

— Иногда. Мне хотелось бы встретить такого человека, как в давнем прошлом: вынужденного скрывать свои мечты, свои чувства от окружающей злобы, закалять их, выращивать неколебимыми, полными невероятной силы.

— О, я понимаю! Но я думал не о людях и жалел лишь о неразгаданных тайнах... Как в древних романах: повсюду таинственные развалины, неведомые глубины, непокоренные высоты, а еще раньше — заколдованные, проклятые и обладающие загадочными силами рощи, источники, заповедные тропы, дома.

— Да, Кари! Хорошо бы и здесь, в звездолете, найти тайные уголки, запрещенные проходы.

— И они вели бы в неведомые комнаты, где скрывалось...

— Что скрывалось?

— Не знаю,— помолчав, признался механик и остановился.

Но Тайна вошла в игру и, нахмурившись, потянула его за рукав. Кари последовал за девушкой, и они вышли из спортивного зала в тускло освещенный боковой проход. Указатели вибрации равномерно и неярко мигали, будто стены корабля боролись с надвигавшимся сном. Девушка сделала несколько быстрых, бесшумных шагов и замерла. Тень скуки мелькнула на ее лице так быстро, что Кари не мог бы поручиться, что он действительно заметил у нее этот признак душевной слабости. Незнакомое чувство больно резануло его. Механик снова взял руку Тайны.

— Пойдемте в библиотеку. Мне два часа до смены.

Она послушно направилась к центру корабля.

Библиотека, или зал общих занятий, находилась непосредственно за центральным постом управления, как на всех звездолетах. Кари и Тайна открыли герметическую дверь третьего поперечного коридора и вышли к двустворчатому эллипсу люка центрального прохода. Едва только Кари наступил на бронзовую пластинку и тяжелые створки буззвучно разошлись, как молодые люди услышали могучий вибрирующий звук. Тайна радостно сжала пальцы Кари.

— Мут Анг!

Оба скользнули в библиотеку. Рассеянный свет, казалось, вился дымкой под матовым потолком. Два человека ютились в глубоких креслах между колонками фильмотек, скрытые в тенях углублений. Тайна увидела врача Свет-Сима и квадратную фигуру Яс Тина, инженера пульсационных устройств, грезившего о чем-то, закрыв глаза. Слева, под гладкими раковинками акустических устройств, склонился над серебристым футляром ЭМСР сам командир «Теллура».

ЭМСР — электромагнитный скрипкорояль — давно уже заменил жестко звучащий темперированный рояль, сохранив его многоголосую сложность и придав ему богатство скрипичных оттенков. Усилители звука этого инструмента могли придавать ему в нужные моменты потрясающую силу.

Мут Анг не заметил вошедших. Он немного подался вперед, подняв лицо к ромбическим панелям потолка. Как и в старинном рояле, пальцы музыканта определяли все оттенки звучания, хотя производили звук не при помощи молоточка и струны, а тончайшими электронными импульсами почти мозговой тонкости.

Гармонично сплетенные темы единства Земли и космоса стали раздваиваться, отдаляться. Противоречия спокойной печали и жестокого дальнего грома накипали, усиливались, прерываясь звенящими нотами, словно криками отчаяния. И вдруг мерное, мелодическое развертывание темы замерло. Удар столкновения был сокрушителен, и все рассыпалось лавиной диссонансов, скользнув, как в темное озеро, в нестройные жалобы невозвратной утраты.

Неожиданно под пальцами Мут Анга родились ясные и чистые звуки прозрачной радости, она слилась с тихой печалью аккомпанемента.

В библиотеку беззвучно скользнула Афра Деви в белом халате. Свет Сим, врач корабля, стал делать командиру какие-то знаки. Мут Анг поднялся, и тишина согнала власть звуков, как быстрая ночь тропиков — вечернюю зарю.

Врач и командир вышли, провожаемые встревоженными взглядами слушателей. Со вторым астронавигатором на дежурстве случилась очень редкая беда — приступ гнойного аппендицита. Вероятно, он не выполнил абсолютно точно программы врачебной подготовки к космическому путешествию. И теперь Свет Сим запросил разрешение командира на срочную операцию.

Мут Анг выразил сомнение. Современная медицина, овладевшая методом импульсного нервного регулирования человеческого организма, как в электронных устройствах, могла устранять многие заболевания.

Но врач звездолета настоял на своем. Он доказал, что у больного останется залеченный очаг, который может дать новую вспышку при огромных физиологических перегрузках, переносимых звездолетчиками.

Астронавигатор лег на широкое ложе, опутанный проводами импульсных датчиков. Тридцать шесть приборов следили за состоянием организма. В затемненной комнате размеренно замигал и слабо зазвенел гипнотизирующий прибор. Свет Сим окинул взглядом аппараты и кивнул Афре Деви, помощнику врача. Каждый член экипажа «Теллура» совмещал несколько профессий.

Афра придвинула прозрачный куб. В синеватой жидкости лежал членистый металлический аппарат, похожий на крупную сколопендру. Афра извлекла из жидкости аппарат и из другого сосуда вытащила коническую втулку с присоединенными к ней тонкими проводами, или шлангами. Легкий щелчок зажима — и металлическая сколопендра зашевелилась, издавая едва слышное жужжание.

Свет Сим кивнул, и аппарат исчез в раскрытом рту астронавигатора, продолжавшего спокойно дышать. Засветился полупрозрачный экран, косо поставленный над животом больного. Мут Анг придвинулся ближе. В зеленоватом сиянии серые контуры внутренностей были совершенно отчетливы, и по ним медленно двигался членистый прибор. Легкая вспышка мелькнула, когда прибор дал импульс запирающей мышце — сфинктеру желудка, проник в двенадцатиперстную кишку и стал ползти по сложным извилинам тонких кишок. Еще немного — и тупой конец сколопендры уперся в основание червеобразного отростка.

Здесь, в области нагноения, боли были сильнее, и от давления прибора непроизвольные движения кишок так усилились, что пришлось прибегнуть к успокоительным лекарствам. Еще несколько минут, и аналитическая машина выяснила причину заболевания — случайное засорение отростка,— установила характер нагноения и рекомендовала нужную смесь антибиотиков и обеззараживающих лекарств. Членистый аппарат выпустил длинные гибкие усики, глубоко погрузившиеся в аппендикс. Гной был отсосан, попавшие в аппендикс песчинки удалены. Последовало энергичное промывание биологическими растворами, быстро заживившими слизистую оболочку отростка и слепой кишки. Больной мирно спал, пока внутри его продолжал действовать замечательный прибор, управляемый автоматами. Операция кончилась, и врачу оставалось лишь извлечь прибор.

Командир «Теллура» успокоился. Как ни велико было могущество медицины, все же нередко непредусмотренные особенности организма (ибо заранее определить их среди миллиардов индивидуальностей было немыслимо) давали неожиданные осложнения, нестрашные в огромных

лечебных институтах планеты, но опасные в небольшой экспедиции.

Ничего не случилось. Мут Анг вернулся к скрипкороялю, в обезлюдевшую библиотеку. Командиру не захотелось играть, и он погрузился в размышления.

Не раз уже командир звездолета возвращался к мысли о счастье, о будущем.

Четвертое путешествие в космос... Но еще никогда он не думал совершить такой далекий прыжок через пространство и время. Семьсот лет! При той стремительности жизни, нарастании новых достижений, открытий, при тех горизонтах знания, какие уже достигнуты на Земле! Трудно сравнивать, но семьсот лет значили мало в эпохи древних цивилизаций, когда развитие общества, не подстегнутое знаниями и необходимостью, шло лишь к дальнейшему распространению человека, заселению еще пустых пространств планеты. Тогда время было безмерным и все изменения человечества текли медленно, как некогда ледники на островах Арктики и Антарктики. Миллионы лет искали пищу, убивали зверей и друг друга.

Столетия как бы проваливались в пустоту бездействия. Что такое одна человеческая жизнь, что такое сто, тысяча лет?

Почти с ужасом Мут Анг подумал: каково было бы людям древнего мира, если бы они могли знать наперед медлительность тогдашних общественных процессов, понять, что угнетение, несправедливость и неустроенность планеты будут тянуться еще так много лет? Вернуться через семьсот лет в Древнем Египте означало бы попасть в то же рабовладельческое общество, с еще худшим угнетением; в тысячелетнем Китае — к тем же войнам и династиям императоров, или в Европе — от начала религиозной ночи средневековья попасть в разгар костров инквизиции, разгула свирепого мракобесия.

Но теперь попытка заглянуть в будущее сквозь насыщенные изменениями, улучшениями и познанием семь столетий вызывает головокружение от жадного интереса к потрясающим событиям.

И если подлинное счастье — движение, изменение, перемены, то кто же может быть счастливее его и его товарищей? И все же не так просто! Человеческая натура двойственна, как окружающий и создавший ее мир. Наряду со стремлением к вечным переменам нам всегда жаль прошлого, вернее, того хорошего в нем, что отфильтровывается памятью и что прежде вырастало в представления о минувших золотых веках.

Тогда невольно искали хорошее в прошлом, мечтали о его повторении, и только сильные души могли предвидеть, почувствовать поступь неизбежного грядущего улучшения и устройства человеческой жизни. С тех пор в душе человека глубоко лежит сожаление о минувшем, печаль о невозвратно ушедшем, чувство грусти, охватывающее нас перед руинами и памятниками прошлой истории человечества. Это сожаление о прошедшем особенно усиливалось у людей зрелых, пожилых, накапливало печаль у вдумчивого и чуткого человека.

Мут Анг поднялся из-за инструмента и потянулся сильным телом.

Да, все это так ярко и интересно описано в исторических повестях. Что же может пугать молодежь звездолета в момент, когда она совершает прыжок в будущее? Одиночество, отсутствие близких? Пресловутое одиночество человека, попавшего в будущее, столько раз обсуждалось и описывалось в старых романах. Одиночество всегда мыслилось как отсутствие близких, родных, а эти близкие составляли ничтожную кучку людей, связанных часто лишь формальными родственными узами. Но теперь, когда близок любой из людей, когда нет никаких границ или условностей, мешающих общению людей в любых уголках планеты?!

«Мы, люди «Теллура», потеряли всех своих близких на Земле. Но там, в наступающем грядущем, нас ждут не менее близкие, родные люди, которые будут знать и чувствовать еще больше, еще ярче, чем покинутые нами навсегда наши современники» — вот о чем и какими словами должен говорить командир с молодыми людьми своего экипажа.

В центральном посту управления Тэй Эрон установил излюбленный им режим вечера. Неярко горели только самые необходимые лампы, и большое круглое помещение казалось уютнее в сумеречном свете. Помощник командира мурлыкал простую песенку, занимаясь неустанной проверкой вычислений. Путь звездолета подходил к концу — сегодня надо было повернуть корабль в направлении созвездия Змееносца, чтобы пройти мимо исследованной углеродной звезды. Приближаться к ней стало опасно. Лучевое давление начинает возрастать настолько, что при субсветовой скорости корабля может нанести страшный, непоправимый удар.

Почувствовав чье-то присутствие за спиной, Тэй Эрон обернулся.

Мут Анг наклонился над плечом помощника, читая суммированные показания прибора в квадратных окошечках нижнего ряда. Тэй Эрон вопросительно посмотрел на своего командира, и тот кивнул головой. Повинуясь едва заметному движению пальцев помощника, по всему кораблю зазвучали сигналы внимания и стандартные металлические слова:

— Слушайте все!

Мут Анг придвинул к себе микрофон, зная, что во всех отделениях звездолета люди замерли, невольно обратив лица к замаскированным отверстиям звучателей: человек еще не отвык смотреть по направлению звука, когда хотел быть особенно внимательным.

— Слушайте все! — повторил Мут Анг.— Корабль начинает торможение через пятнадцать минут. Всем, кроме дежурных, лежать в своих каютах. Первая фаза торможения окончится в восемнадцать часов, вторая фаза, при шести «Ж», будет продолжаться шесть суток. Поворот корабля произойдет после сигналов УО — ударной опасности. Все!

В восемнадцать часов командир поднялся с кресла и, пересиливая обычную боль торможения в пояснице и затылке, объявил, что, пожалуй, отправится спать на все шесть суток замедления хода. Весь экипаж «Теллура» теперь не оторвать от приборов: ждут последних наблюдений углеродной звезды.

Тэй Эрон хмуро посмотрел на удалявшегося командира. С каждым усовершенствованием возрастали надежность и сила космических звездолетов. Трудно даже сравнить мощь «Теллура» с теми скорлупками, плававшими по морям Земли, которые издавна получили название кораблей. И все же его звездолет тоже не более как скорлупка в бездонных глубинах пространства... Как-то спокойнее, когда командир бодрствует во время маневра.

* * *

Кари Рам чуть не подскочил от неожиданности, услышав веселый смех Мут Анга. Несколько дней назад весь экипаж был встревожен известием о внезапной болезни командира. В его каюту допускался лишь врач, и все невольно понижали голос, проходя мимо гладкой двери, плотно закрытой, как во время аварии. Тэй Эрон вынужден был провести всю намеченную программу — поворот корабля, новый разгон его, чтобы уйти из области лучевого давления углеродной звезды и начать пульсацию назад, к Солнцу. Помощник шел рядом со своим командиром и сдержан-

но улыбался. Оказалось, командир в сговоре с врачом намеренно устранился от командования, чтобы дать возможность Тэй Эрону провести всю операцию самому, ни на кого не надеясь. Помощник ни за что не признался бы в жестоких сомнениях перед поворотом, но корил командира за причиненное всему экипажу волнение.

Мут Анг шутливо оправдывался и убеждал Тэй Эрона в полной безопасности звездолета в пустоте космического пространства. Приборы не могли ошибиться, четырехкратная проверка каждого расчета исключала возможность неточности. Пояса астероидов и метеоритов у звезды не могло быть в зоне сильного лучевого давления.

— Неужели вы более ничего не ждете? — осторожно осведомился Кари Рам.

— Неучтенная случайность, конечно, возможна. Но великий закон космоса, названный законом усреднения[1], за нас. Можно быть уверенным, что здесь, в этом пустом уголке космоса, ничего нового не встретится. Мы вернемся немного назад и войдем в пульсацию испытанным нами направлением, прямо к Солнцу, мимо Сердца Змеи... Уже несколько дней, как мы идем к Змееносцу. Теперь скоро!

— Даже странно: нет ни радости, ни ощущения хорошего дела, ничего, что бы оправдывало нашу смерть для Земли на семьсот лет,— задумчиво сказал Кари.— Да, я знаю — десятки тысяч наблюдений, миллионы вычислений, снимков, памятных записей. Новые тайны материи раскроются там, на Земле... Но как незримо и невесомо все это! Зародыш будущего, и ничего более!

— Сколько же борьбы, труда и смертей вынесло человечество, а до него триллионы поколений животных на слепом пути исторического развития из-за вот этих зародышей будущего! — с азартом возразил Тэй Эрон.

— Все так для ума. А для чувства мне важен только человек — единственная разумная сила в космосе, которая может использовать стихийное развитие материи, овладеть им. Но мы, люди, так одиноки, бесконечно одиноки! У нас есть несомненные доказательства существования множества населенных миров, но никакое другое мыслящее существо еще не скрестило своего взгляда с глазами людей Земли! Сколько мечтаний, сказок, книг, песен, картин в предчувствии такого великого события, и оно не сбылось! Не сбылась великая, смелая и светлая мечта человечества, рожденная давным-давно, едва рассеялась религиозная слепота!

— Слепота! — вмешался Мут Анг.— А знаете, как наши недавние предки уже в эпоху первого выхода в космос представляли осуществление этой великой мечты? Военное столкновение, зверское разрушение кораблей, уничтожение друг друга в первой же встрече.

— Немыслимо! — горячо воскликнули Кари Рам и Тэй Эрон.

— Наши современные писатели не любят писать о мрачном периоде конца капитализма,— возразил Мут Анг.— Вы знаете из школьной истории, что наше человечество в свое время прошло весьма критическую точку развития.

— О да! — подхватил Кари.— Когда уже открылось людям могущество овладения материей и космосом, а формы общественных отношений еще оставались прежними и развитие общественного сознания тоже отстало от успехов науки.

---

[1] *Закон усреднения* — математическое выражение, в котором конечные результаты подсчетов обозначаются неким средним числом. Крайние наибольшие и крайние наименьшие величины отбрасываются.

— Почти точная формулировка. У вас хорошая память, Кари! Но скажем иначе: космическое познание и космическое могущество пришли в противоречие с примитивной идеологией собственника-индивидуалиста. Здоровье и будущность человечества несколько лет качались на весах судьбы, пока не победило новое и человечество в бесклассовом обществе не соединилось в одну семью... Там, в капиталистической половине мира, не видели новых путей и рассматривали свое общество как незыблемое и неизменное, предвидя и в будущем неизбежность войн и самоистребления.

— Как могли они называть это мечтами?— недоброе усмехнулся Кари.

— Но они называли.

— Может быть, критические точки проходит каждая цивилизация везде, где формируется человечество на планетах иных солнц,— медленно сказал Тэй Эрон, бросая беглый взгляд на верхние циферблаты ходовых приборов.— Мы знаем уже две необитаемые планеты с водой, атмосферой, с остатками кислорода, где ветры вздымают лишь мертвые пески и волны таких же мертвых морей. Наши корабли сфотографировали...

— Нет,— покачал головой Кари Рам,— не могу поверить, чтобы люди, уже познавшие безграничность космоса и то могущество, которое им несет наука, могли...

— ... рассуждать, как звери, только овладевшие логикой? Но ведь старое общество складывалось стихийно, без заранее заданной целесообразности, которая отличает высшие формы общества, построенные людьми. И разум человека, характер его мышления тоже были еще на первичной стадии прямой или математической логики, отражавшей логику законов развития материи, природы по непосредственным наблюдениям. Как только человечество накопило исторический опыт, познало историческое развитие окружающего мира, возникла диалектическая логика как высшая стадия развития мышления. Человек понял двойственность явлений природы и собственного существования. Осознал, что, с одной стороны, он как индивидуальность очень мал и мгновенен в жизни, подобен капле в океане или маленькой искорке, гаснущей на ветру. А с другой — необъятно велик, как Вселенная, обнимаемая его рассудком и чувствами во всей бесконечности времени и пространства.

Командир звездолета умолк и в задумчивости начал ходить перед своими помощниками. На их молодые лица легла тень суровой сосредоточенности.

Мут Анг первый нарушил наступившую тишину.

— В моей коллекции исторических книг-фильмов есть одна, очень характерная для той эпохи. Этот перевод на современный язык сделан не машиной, а Санией Чен, историком, умершим в прошлом веке. Прочитаем ее!— Он улыбнулся жадному интересу молодых людей и вышел в коридор носового отсека.

— Никогда я не буду настоящим командиром!— вздохнул виновато Тэй Эрон.— Невозможно знать все, что знает наш Анг.

— А он при мне говорил, что он плохой командир из-за широкого диапазона своих интересов,— отозвался Кари, усаживаясь в кресло дежурного навигатора.

Тэй Эрон удивленно посмотрел на товарища. Они молчали, и негромкое пение приборов казалось неизменным. Громадный корабль, набрав предельную скорость, уверенно устремлялся в сторону от углеродной звезды в избранный квадрат, где в глубочайшей черноте пространства тонули, слабо мерцая, далекие галактики — четыре звездных острова. Они были на таком расстоянии, что свет, шедший оттуда, бессильно умирал в глазу человека — чудесном приборе, для которого достаточно было всего нескольких квант.

Внезапно что-то случилось. На экране большого локатора вспыхнула и заколебалась светящаяся точка. Раздался пронзительный звон, от которого у астролетчиков замерло дыхание.

Тэй Эрон, не раздумывая, дал сигнал общей тревоги — вызов командира, приказывавший всем остальным членам экипажа занимать места аварийного назначения.

Мут Анг ворвался в пост управления и двумя прыжками очутился у пульта. Черное зеркало локатора ожило. В нем, как в бездонном озере, плавал крохотный шарик света — круглый, с резкими краями. Он качался вверх и вниз, медленно сползая направо. Астролетчики удивились, что роботы, предупреждавшие столкновение корабля с метеоритами, бездействовали. Значит ли это, что на экране не их отраженный поисковый луч, а чужой?!

Звездолет продолжал идти тем же курсом, и световая точка теперь трепетала в нижнем правом квадрате. Догадка заставила содрогнуться Мут Анга, закусить губы Тэй Эрона, до боли сжать край пульта Кари Рама. Нечто небывалое летело навстречу, испуская сильный луч локатора, такой же, какой бросал далеко вперед себя «Теллур».

Так отчаянно было желание, чтобы догадка оправдалась, чтобы после безумного взлета надежды не свалиться в пучину разочарования, уже сотни раз случавшегося со звездолетчиками Земли, что командир замер, боясь произнести хотя бы одно слово. И как будто его тревога передалась тем, впереди.

Светящаяся точка на экране погасла, зажглась снова и замигала с промежутками, учащая вспышки, по четыре и две. Эта регулярность чередования могла быть порождена лишь единственной во всей Вселенной силой — человеческой мыслью.

Больше не оставалось сомнений: навстречу шел звездолет.

Здесь, в безмерной дали пространства, впервые достигнутой земным кораблем, это мог быть только звездолет другого мира, с планет другой, отдаленной звезды.

Луч главного локатора «Теллура» также стал прерывистым. Кари Рам передал несколько сигналов условного светового кода. Казалось совершенно невероятным, что там, впереди, эти простые движения кнопки вызывают на экране неведомого корабля правильные чередования вспышек.

Голос Мут Анга в репродукторах корабля выдавал его волнение:

— Слушайте все! Навстречу идет чужой корабль! Мы отклоняемся от курса и начинаем экстренное торможение. Прекратить все работы! Экстренное торможение! По местам посадочного расписания!

Нельзя было терять ни секунды. Если встречный корабль шел примерно с той же скоростью, что и «Теллур», то скорость сближения звездолетов была близка к световой, достигая двухсот девяноста пяти тысяч километров в секунду. Локатор давал в распоряжение людей несколько секунд. Тэй Эрон, пока Мут Анг говорил в микрофон, что-то шепнул Кари. Бледный от напряжения, юноша понял с полуслова и произвел какие-то манипуляции на пульте локатора.

— Блестяще! — воскликнул командир, следя, как на контрольном экране луч очертил стрелу, изогнув ее налево, назад и завился в спираль.

Прошло не больше десяти секунд. На экране промелькнул светящийся стреловидный контур, отогнулся к правой стороне черного круга и завертелся мгновенной спиралью. Вздох облегчения, почти стон, вырвался одновременно у людей на центральном посту. Те, неведомые, летевшие навстречу из таинственных глубин космического пространства, поняли! Пора!

Зазвенели тревожные звонки. Теперь уж не луч чужого локатора, а твердый корпус корабля отразился на главном экране. Тэй Эрон молниеносным движением выключил робота, пилотировавшего корабль, и сам дал «Теллуру» ничтожнейшее отклонение влево. Звон умолк, черное озеро экрана погасло. Люди едва успели заметить световую черту, промелькнувшую на обзорном локаторе правого борта. Корабли разошлись на невообразимой скорости и унеслись вдаль.

Пройдет несколько дней, прежде чем они сойдутся снова. Мгновение не упущено, оба звездолета затормозят, повернут и ходом, рассчитанным точными машинами, снова приблизятся к месту встречи.

— Слушайте все! Начинаем экстренное торможение! Дайте сигналы готовности по секциям! — говорил в микрофон Мут Анг.

Зеленые огни готовности секций выстраивались в ряд над погасшими индикаторами моторных счетчиков. Двигатели корабля замолкли. Весь звездолет замер в ожидании. Командир окинул взглядом пост управления и молча кивнул головой на кресла, включив в то же время робота, предназначенного управлять торможением. Помощники видели, как Мут Анг нахмурился над шкалой программы и повернул главную клемму на цифру «8».

Проглотить пилюлю — понизитель сердечной деятельности, броситься в кресло и нажать включатель робота было делом нескольких секунд.

Звездолет ощутимо уперся в пустоту пространства — так в древности спотыкались ездовые животные, и их всадники летели через голову на милость судьбы. И сейчас гигантский корабль как будто поднялся на дыбы. Его «всадники» полетели в глубину гидравлических кресел и в легкое беспамятство.

* * *

В библиотеке «Теллура» собрался весь экипаж. Только один дежурный остался у приборов ОЭС, охраняющих связи сложнейших электронных аппаратов корабля. «Теллур» повернул после торможения, но успел отдалиться от места встречи больше чем на десять миллиардов километров. Звездолет шел медленно, со скоростью в одну двадцатую абсолютной, в то время как все его расчетные машины непрерывно проверяли и исправляли курс. Надо было вновь найти незримую точку в необъятном космосе и в ней совсем уже ничтожную пылинку — чужой звездолет. Восемь суток должно было длиться почти невыносимое ожидание. Если все расчеты и поведение корабля не дадут отклонения более допустимого, если те, неведомые, также не ошибутся и обладают столь же совершенными приборами и послушным кораблем, тогда звездолеты сойдутся настолько близко, чтобы нащупать друг друга в непроглядной тьме лучами локаторов.

Тогда впервые за всю историю человек соприкоснется с братьями по мысли, силам и стремлениям. С теми, чье присутствие давно уже было предугадано, доказано, подтверждено бесконечно прозорливым умом человека. Чудовищные пропасти времени и пространства, разделявшие обитаемые миры, до сих пор оставались непреодолимыми. Но вот люди Земли подадут руку другим мыслящим существам космоса, а от них — еще дальше, новым братьям с других звезд. Цепь мысли и труда протянется через бездны пространства как окончательная победа над стихийными силами природы.

Миллиарды лет надо было копошиться в темных и теплых уголках морских заливов крохотным комочкам живой слизи, еще сотни миллионов лет из них формировались более сложные существа, наконец вышед-

шие на сушу. В полной зависимости от окружающих сил, в темной борьбе за жизнь, за продолжение рода прошли еще миллионы веков, пока не развился большой мозг — наисильнейший инструмент поисков пищи, борьбы за существование.

Темпы развития жизни все ускорялись, борьба за существование становилась острее, и убыстрялся естественный отбор. Жертвы, жертвы, жертвы — пожираемые травоядные, умирающие от голода хищники, погибающие слабые, заболевшие, состарившиеся животные, убитые в борьбе за самку, во время защиты потомства, погубленные стихийными катастрофами.

Так было на всем протяжении слепого пути эволюции, пока в тяжелых жизненных условиях эпохи великого оледенения дальний родич обезьяны не заменил осмысленным трудом звериный поиск пищи. Тогда он превратился в человека, познав величайшую силу в коллективном труде в осмысленном опыте.

Но и после того протекло еще много тысячелетий, наполненных войнами и страданием, голодом и угнетением, невежеством и надеждой на лучшее будущее.

Потомки не обманули своих предков: лучшее будущее наступило, человечество, объединенное в бесклассовом обществе, освобожденное от страха и гнета, поднялось к невиданным высотам знаний и искусства. Ему под силу оказалось и самое трудное — покорение космических пространств. И вот наконец вся тяжкая лестница истории жизни и человека, вся мощь накопленного знания и безмерных усилий труда завершились изобретением звездолета дальнего действия «Теллур», заброшенного в глубокую пучину Галактики. Вершина развития материи на Земле и в Солнечной системе соприкоснется через «Теллур» с другой вершиной, вероятно, не менее трудного пути, проходившего также миллиарды лет в другом уголке Вселенной.

Эти мысли в той или в другой форме тревожили каждого члена экипажа. Сознание величайшей ответственности момента заставило стать серьезной даже юную Тайну. Ничтожная горстка представителей многомиллиардного земного человечества — смогут ли они быть достойными его подвигов, труда, физического совершенства, ума и стойкости?

Как подготовить себя к предстоящей встрече? Помнить о всей кровавой и великой борьбе человечества за свободу тела и духа!

Самым важным, захватывающим и таинственным был вопрос: каковы те, что идут сейчас нам навстречу? Страшны или прекрасны они на наш, земной, взгляд?

Афра Деви, биолог, взяла слово.

Молодая женщина, ставшая еще более красивой от нервного возбуждения, часто поднимала взгляд к картине над дверью. Исполненная перспективными красками, большая панорама Лунных гор Экваториальной Африки с потрясающим контрастом угрюмых лесных склонов и светоносного скалистого гребня как бы оттеняла ее мысли.

Афра говорила, что человечество давно отрешилось от когда-то распространенных теорий, что мыслящие существа могут быть любого вида, самого разнообразного строения. Пережитки религиозных суеверий заставляли даже серьезных ученых необдуманно допускать, что мыслящий мозг может развиваться в любом теле, как прежде верили в богов, являвшихся в любом облике. На самом деле облик человека, единственного на Земле существа с мыслящим мозгом, не был, конечно, случаен и отвечал наибольшей разносторонности приспособления такого животного, его возможности нести громадную нагрузку мозга и чрезвычайной активности нервной системы.

Наше понятие человеческой красоты и красоты вообще родилось из тысячелетнего опыта — бессознательного восприятия конструктивной целесообразности и совершенства приспособленности к тому или другому действию. Вот почему красивы и могучие машины, и морские волны, и деревья, и лошади, хотя все это резко отличается от человеческого облика. А сам человек еще в животном состоянии благодаря развитию мозга избавился от необходимости узкой специализации, приспособления только к одному образу жизни, как свойственно большинству животных.

Ноги человека не годятся для беспрерывного бега на твердой, тем более на вязкой почве и, однако, могут ему обеспечить длительное и быстрое передвижение, помогают взбираться на деревья и лазить по скалам. А рука человека — наиболее универсальный орган, она может выполнять миллионы дел, и, собственно, она вывела первобытного зверя в люди.

Человек еще на ранних стадиях своего формирования развился как универсальный организм, приспособленный к разнообразным условиям. С дальнейшим переходом к общественной жизни эта многогранность человеческого организма стала еще больше, еще разнообразнее, как и его деятельность. И красота человека в сравнении со всеми другими наиболее целесообразно устроенными животными — это, кроме совершенства, еще и универсальность назначения, усиленная и отточенная умственной деятельностью, духовным воспитанием.

— Мыслящее существо из другого мира, если оно достигло космоса, также высоко совершенно, универсально, то есть прекрасно! Никаких мыслящих чудовищ, человеко-грибов, людей-осьминогов не должно быть! Не знаю, как это выглядит в действительности, встретимся ли мы со сходством формы или красотой в каком-то другом отношении, но это неизбежно! — закончила свое выступление Афра Деви.

— Мне нравится теория,— поддержал биолога Тэй Эрон,— только...

— Я поняла,— перебила Афра.— Даже ничтожные отклонения от привычного облика создают уродства, а тут вероятность отклонений слишком велика. Ведь незначительные отклонения формы: отсутствие носа, век, губ на человеческом лице, вызванные травмой, воспринимаются нами как уродство и страшны именно тем, что они на общей человеческой основе. Морда лошади или собаки очень резко отличается от человеческого лица, и тем не менее она не уродлива, даже красива. Это потому, что в ней красота целесообразности, в то время как на травмированном человеческом лице гармония нарушена...

— Следовательно, если они будут по облику очень далеки от нас, то не покажутся нам уродами? А если такие же, как мы, но с рогами и хоботами? — не сдавался Тэй.

— Рога мыслящему существу не нужны и никогда у него не будут. Нос может быть вытянут наподобие хобота (хотя хобот при наличии рук, без которых не может быть человека, тоже не нужен). Это будет частный случай, необязательное условие строения мыслящего существа. Но все, что складывается исторически, в результате естественного отбора, становится закономерностью, неким средним из множества отклонений. Тутто выступает во всей красоте всесторонняя целесообразность. И я не жду рогатых и хвостатых чудовищ во встречном звездолете — там им не быть! Только низшие формы жизни очень разнообразны; чем выше, тем они более похожи друг на друга. Палеонтология показывает нам, в какие жесткие рамки вправляло высшие организмы эволюционное развитие — вспомните о сотнях случаев полного внешнего сходства у высших позвоночных из совершенно различных подклассов — сумчатых и плацентарных.

— Вы победили! — согласился Тэй Эрон с Афрой и не без гордости за подругу оглядел присутствующих.

Неожиданно стал возражать Кари Рам, слегка покраснев от юношеского смущения. Он говорил, что чужие существа, даже обладая вполне человеческой и красивой оболочкой — телом, могут оказаться бесконечно далекими от нас по разуму, по своим представлениям о мире и жизни. И будучи столь отличными, они могут стать жестокими и ужасными врагами.

Тогда на защиту биолога стал Мут Анг.

— Только недавно я думал об этом,— сказал командир,— понял, что на высшей ступени развития никакого непонимания между мыслящими существами быть не может. Мышление человека, его рассудок отражают законы логического развития окружающего мира, всего космоса. В этом смысле человек — микрокосм. Мышление следует законам мироздания, которые едины повсюду. Мысль, где бы она ни появлялась, неизбежно будет иметь в своей основе математическую и диалектическую логику. Не может быть никаких «иных», совсем непохожих мышлений, так как не может быть человека вне общества и природы...

Радостные восклицания заглушили слова командира.

— Не слишком ли сильно? — неодобрительно сказал Мут Анг.

— Нет,— смело возразила Афра Деви,— всегда восхищаешься совпадением мыслей у целого ряда людей. В этом залог их верности и чувство товарищеской опоры... особенно если подходишь с разных сторон науки...

— Вы имеете в виду биологию и социальные дисциплины? — спросил молчавший до сих пор Яс Тин, по обыкновению устроившийся в удобном углу дивана.

— Да! Самым ярким во всей социальной истории земного человечества было неуклонное возрастание взаимопонимания с ростом культуры и широты познаний. Чем выше становилась культура, тем легче было разным народам и расам бесклассового общества понять друг друга, тем ярче светили всем общие цели устройства жизни, необходимость объединения сначала нескольких стран, а затем и всей планеты, всего человечества. Сейчас, при том уровне развития, которое достигнуто Землей и, несомненно, теми, кто идет нам навстречу...— Афра, помолчав, закончила,— готовьтесь встретить друзей.

— Это так,— согласился Мут Анг,— две разные планеты, достигшие космоса, легче сговорятся, чем два диких народа одной планеты!

— Но как же насчет неизбежности войны даже в космосе, в которой были убеждены наши предки с довольно высоким уровнем культуры? — спросил Кари Рам.

— Где она, та знаменитая книга, обещанная вами,— вспомнил Тэй Эрон,— о двух космических кораблях, которые при первой же встрече хотели уничтожить друг друга?

Командир снова направился в свою комнату. На этот раз ничто не помешало, Мут Анг вернулся с маленькой восьмилучевой звездочкой микрофильма и вставил ее в читающую машину. Фантазия древнего американского автора интересовала всех звездолетчиков.

* * *

Рассказ, называвшийся «Первый контакт», в драматических тонах описывал встречу земного звездолета с чужим в Крабовидной туманности, на расстоянии более тысячи парсеков от Солнца. Командир земного

звездолета отдал приказ приготовить все звездные карты, материалы наблюдений и вычислений курса к мгновенному уничтожению, а также направить на чужой корабль все пушки для разрушения метеоритов. Затем земные люди начали решать ответственнейшую проблему: имеют ли они право попытаться вступить в переговоры с чужим звездолетом или должны немедленно атаковать и уничтожить его? Смысл великой тревоги людей Земли заключался в опасении, что чужие разгадают путь земного корабля и как завоеватели явятся на Землю.

Дикие мысли командира принимались экипажем корабля за непреложные истины. Встреча двух независимо возникших цивилизаций, по мнению командира, должна неминуемо вести к подчинению одной и победе той, которая обладает более сильным оружием. Встреча в космосе означала либо торговлю, либо войну — ничего другого не пришло в голову автору.

Скоро выяснилось, что чужие очень сходны с земными людьми, хотя видят лишь в инфракрасном свете, а переговариваются радиоволнами; тем не менее люди сразу разгадали язык чужих и поняли их мысли. У командира чужого звездолета были такие же убогие социальные познания, как у людей Земли. Он ломал голову над задачей, как выйти из рокового положения живым и не уничтожать земного корабля.

Долгожданная великолепная случайность — первая встреча представителей разных человечеств — грозила обернуться страшной бедой. Корабли висели в пространстве на расстоянии около семисот миль друг от друга, и звездолеты уже более двух недель вели переговоры через робота — сферическую лодку.

Оба командира заверяли друг друга в миролюбии и тут же твердили, что не могут ничему верить. Положение было бы безвыходным, если бы не главный герой повести — молодой астрофизик. Спрятав под одежду бомбы страшной взрывной силы, он вместе с командиром явился в гости на чужой звездолет. Они предъявили ультиматум: поменяться кораблями. Часть экипажа черного звездолета должна была перейти на земной, а часть землян — на чужой, предварительно обезвредив все свои пушки для разрушения метеоритов, обучиться управлению разными системами, перевезти все имущество. А пока оба героя с бомбами должны были оставаться на чужом звездолете, чтобы в случае какого-либо подвоха мгновенно взорвать корабль. Командир чужого звездолета принял ультиматум. Размен кораблей и их обезвреживание произошли благополучно. Черный звездолет с людьми, а земной корабль с чужими поспешно удалились от места встречи, скрывшись в слабом свечении газа туманности.

...Гул голосов наполнил библиотеку. Еще во время чтения то один, то другой из молодых астролетчиков выказывал признаки нетерпения, несогласия, сгорая от желания возразить. Теперь они принялись говорить, едва избегая величайшей невежливости, какой считалась попытка перебить собеседника. Все обращались к командиру, будто он стал ответствен за древнюю повесть, извлеченную им из забвения.

Большинство говорило о полном несоответствии времени действия и психологии героев. Если звездолет смог удалиться от Земли на расстояние четырех тысяч световых лет всего за три месяца пути, то время действия повести должно было быть даже позднее современного. Никто еще не достиг таких глубин космоса. Но мысли и действия людей Земли в повести ничем не отличаются от принятых во времена капитализма, много веков назад! Немало и чисто технических ошибок, вроде невозможно быстрой остановки звездолетов или общения чужих мыслящих существ между собою радиоволнами. Если их планета, как указывалось в рассказе, обла-

дала атмосферой почти такой же плотности, как и земная, то неизбежным было развитие слуха, подобного человеческому. Это требовало несравненно меньшей затраты энергии, чем производство радиоволн или сообщение биотоками. Невероятна также и быстрая расшифровка языка чужих, настолько точная, что могла быть закодированной в переводную машину...

Тэй Эрон отметил убогое представление о космосе в повести, тем более удивительное, что великий древний ученый Циолковский за несколько десятков лет до того, как был написан рассказ, предупреждал человечество, что космос устроен гораздо сложнее, чем мы ожидаем. Вопреки мыслителям-диалектикам некоторые ученые считали, что они находятся почти у пределов познания.

Прошли века, множество открытий бесконечно усложнило наше представление о взаимозависимости явлений и тем самым как будто отдалило и замедлило познание космоса. Вместе с тем наука нашла огромное количество обходных путей для разрешения сложных проблем и технических задач. Примером подобных обходов было создание пульсационных космических кораблей, передвигающихся будто бы вне обычных законов движения. Именно в этом преодолении кажущихся тупиков математической логики и заключалось могущество будущего. Но автор «Первого контакта» даже не почувствовал необъятности познания, скрытой за простыми формулировками великих диалектиков его времени.

— Никто не обратил внимания еще на одно обстоятельство,— вдруг заговорил молчаливый Яс Тин,— рассказ написан на английском языке. Все имена, прозвища и юмористические выражения оставлены английскими. Это непросто! Я лингвист-любитель и изучал процесс становления первого мирового языка. Английский язык — один из наиболее распространенных в прошлом. Писатель отразил, как в зеркале, нелепую веру в незыблемость, вернее, бесконечную длительность общественных форм. Замедленное развитие античного рабовладельческого мира или эпохи феодализма, вынужденное долготерпение древних народов были ошибочно приняты за стабильность вообще всех форм общественных отношений: языков, религий и, наконец, последнего стихийного общества, капиталистического. Опасное общественное неравновесие конца капитализма считалось неизменным. Английский язык уже тогда был архаическим пережитком, потому что в нем было фактически два языка — письменный и фонетический, и он полностью непригоден для переводных машин. Удивительно, как автор не сообразил, что язык меняется тем сильнее и скорее, чем быстрее идет изменение человеческих отношений и представлений о мире! Полузабытый древний язык санскрит оказался построенным наиболее логически и потому стал основой языка — посредника для переводных машин. Прошло немного времени, и из языка-посредника сформировался первый мировой язык нашей планеты, с тех пор еще претерпевший много изменений. Западные языки оказались недолговечными. Еще меньше прожили взятые от религиозных преданий, из совсем чуждых и давно умерших языков имена людей.

— Яс Тин заметил самое главное,— вступил в разговор Мут Анг.— Страшнее, чем научное незнание или неверная методика,— косность, упорство в защите тех форм общественного устройства, которые совершенно очевидно не оправдали себя даже в глазах современников. В основе этой косности, за исключением менее частых случаев простого невежества, лежала, конечно, личная заинтересованность в сохранении того общественного строя, при котором этим защитникам жилось лучше, чем большинству людей. А если так, то что за дело было им до человечества, до судьбы всей планеты, ее энергетических запасов, здоровья ее обитателей!

Неразумное расходование запасов горючих ископаемых, лесов, истощение рек и почв, опаснейшие опыты по созданию убийственных видов атомного оружия — все это, вместе взятое, определяло действия и мировоззрение тех, кто старался во что бы то ни стало сохранить отжившее и уходящее в прошлое, причиняя страдания и внушая страх большинству людей. Именно здесь зарождалось и прорастало ядовитое семя исключительных привилегий, выдумок о превосходстве одной группы, класса или расы людей над другими, оправдание насилия и войн — все то, что получило в давние времена название фашизма. Им обычно заканчивались националистические распри.

Привилегированная группа неизбежно будет тормозить развитие, стараясь, чтобы для нее оставалось все по-прежнему, а униженная часть общества будет вести борьбу против этого торможения и за собственные привилегии. Чем сильнее было давление привилегированной группы, тем сильнее становилось сопротивление, жестче формы борьбы, и развивалась обоюдная жестокость, и, следовательно, деградировало моральное состояние людей. Перенесите это с борьбы классов в одной стране на борьбу привилегированных и угнетенных стран между собою. Вспомните из истории борьбу между странами нового, социалистического общества и старого, капиталистического, и вы поймете причину рождения военной идеологии, пропаганды неизбежности войн, их вечности и космическом распространении. Я вижу здесь сердце зла, ту змею, которая, как ее ни прячь, обязательно укусит, потому что не кусать она не может. Помните, каким недобрым красно-желтым светом горела звезда, мимо которой мы направились к нашей цели...

— Сердце Змеи! — воскликнула Тайна.

— Сердце Змеи! И сердце литературы защитников старого общества, пропагандировавшей неизбежность войны и капитализма,— это сердце ядовитого пресмыкающегося.

— Следовательно, наши опасения — тоже отголоски змеиного сердца, еще оставшиеся от древних!— серьезно и печально сказал Кари.— Но я, наверно, самый змеиный человек из всех нас, потому что у меня еще есть опасения... сомнения, как там их назвать.

— Кари! — с укором воскликнула Тайна.

Но тот упрямо продолжал:

— Командир хорошо говорил нам о смертных кризисах высших цивилизаций. Все мы знаем погибшие планеты, где жизнь уничтожена из-за того, что люди на них не успели справиться с военной атомной опасностью, создать новое общество по научным законам и навсегда положить конец жажде истребления, вырвать это змеиное сердце! Знаем, что наша планета едва успела избежать подобной участи. Не появись в России первое социалистическое государство, положившее начало великим изменениям в жизни планеты, расцвел бы фашизм, и с ним — убийственные ядерные войны! Но если они там,— молодой астронавигатор показал в сторону, с которой ожидался чужой звездолет,— если они еще не прошли опасного пика?

— Исключено, Кари,— спокойно ответил Мут Анг.— Возможна некая аналогия в становлении высших форм жизни и высших форм общества. Человек мог развиваться лишь в сравнительно стабильных, долго существующих благоприятных условиях окружающей природы. Это не значит, что изменения совсем отсутствовали, наоборот — они были даже довольно резкие, но лишь в отношении человека, а не природы в целом. Катастрофы, большие потрясения и изменения не позволили бы развиться высшему мыслящему существу. Так и высшая форма общества, которая

смогла победить космос, строить звездолеты, проникнуть в бездонные глубины пространства, смогла все это дать только после всепланетной стабилизации условий жизни человечества и, уж конечно, без катастрофических войн капитализма... Нет, те, что идут нам навстречу, тоже прошли критическую точку, тоже страдали и гибли, пока не построили настоящее, мудрое общество!

— Мне кажется, есть какая-то стихийная мудрость в историях цивилизаций разных планет,— сказал с загоревшимися глазами Тэй Эрон.— Человечество не может покорить космос, пока не достигнет высшей жизни, без войн, с высокой ответственностью каждого человека за всех своих собратьев!

— Совершив подъем на высшую ступень коммунистического общества, человечество обрело космическую силу, и оно могло обрести ее только этим путем, другого не дано! — воскликнул Кари.— И не дано никакому другому человечеству, если так называть высшие формы организованной, мыслящей жизни.

— Мы, наши корабли — руки человечества Земли, протянутые к звездам,— серьезно сказал Мут Анг,— и эти руки чисты! Но это не может быть только нашей особенностью! Скоро мы коснемся такой же чистой и могучей руки!

Молодежь не выдержала и восторженными криками встретила заключение командира. Но и старшие, достигшие мужественной сдержанности чувств, окружили Мут Анга с явным одобрением.

* * *

Где-то впереди, все еще на чудовищном расстоянии, летел навстречу корабль с планеты чужой и далекой звезды. И люди Земли впервые за миллиарды лет развития жизни на своей планете должны соприкоснуться с другими... тоже людьми. Неудивительно, что астролетчики, как ни сдерживали себя, пришли в лихорадочное возбуждение. Удалиться на отдых, остаться наедине с собой в горячем нетерпении ожидания казалось невозможным. Но Мут Анг, рассчитав время встречи звездолетов, приказал Свет Симу дать всем успокоительного лекарства.

— Мы,— твердо отвечал он на протесты,— должны встретить своих собратьев в наилучшем состоянии души и тела. Предстоит еще огромный труд: нам придется понять их и суметь рассказать о себе. Взять их знание. И отдать свое! — Мут Анг сдвинул брови.— Никогда еще я так не опасался своего неумения некомпетентности.— Тревога изменила обычно спокойное лицо командира, пальцы стиснутых рук побелели.

Астролетчики, может быть, только сейчас ощутили, какую ответственность налагала на каждого небывалая встреча. Они беспрекословно приняли пилюли и разошлись.

Мут Анг оставил только Кари, потом поколебался, окидывая взглядом могучую фигуру Тэй Эрона, и жестом пригласил его тоже в пост управления. Со вздохом усталости командир вытянулся в кресле, склонил голову и закрыл лицо руками.

Тэй и Кари молчали, опасаясь нарушить раздумья командира. Звездолет шел очень медленно, делая двести тысяч километров в час,— так называемой тангенциальной скоростью, употреблявшейся при вхождении в зону Роша какого-либо небесного тела. Роботы, управлявшие кораблем, держали его на тщательно вычисленном обратном курсе. Пора было появиться лучу локатора чужого корабля, и то, что его не было, заставляло Тэй Эрона с каждой минутой тревожиться сильнее.

Мут Анг выпрямился с веселой и немного грустной улыбкой, хорошо знакомой каждому члену экипажа.

«Приди, далекий друг, к заветному порогу...»

Тэй нахмурился, вглядываясь в беспросветную черноту переднего экрана. Песенка командира показалась ему неподходящей в такой серьезный момент. Но Кари подхватил еще более веселый припев, лукаво поглядывая на угрюмого помощника.

— Попробуйте помахать нашим лучом, Кари,— вдруг сказал Мут Анг, прерывая себя,— по два градуса в каждую сторону и наперекрест!

Тэй слегка покраснел. Не додумался до простой меры, а мысленно укорил командира!

Прошло еще два часа. Кари представлял себе, как луч их локатора там, впереди, в колоссальном удалении скользит налево, направо, вверх и вниз, пробегая с каждым взмахом сотни тысяч километров черной пустоты. Такие взмахи сигнального «платка» превосходили самую буйную фантазию старых земных сказок о великанах.

Тэй Эрон погрузился в созерцательное оцепенение. Мысли текли медленно, не вызывая эмоций. Тэй вспомнил, как после отлета с Земли его не покидало чувство странной отрешенности.

Наверно, это чувство было свойственно человеку в первобытной жизни — ощущение полной несвязанности, отсутствия каких-либо обязательств, забот о будущем. Вероятно, подобные ощущения появлялись у людей во времена больших бедствий, войн, социальных потрясений. И у Тэй Эрона прошлое, все, что было оставлено на Земле, ушло навсегда и невозвратно; неизвестное будущее отделено пропастью в сотни лет, за которой ждет только совсем новое. Поэтому никаких планов, проектов, чувств и пожеланий для того, что впереди. Только принести туда добытое из космоса, вырванное из его глубин новое познание. Вперед, только вперед! И вдруг случилось такое, что заслонило собою и ожидание новой земли, и заботы помощника командира.

Мут Анг пытался представить себе жизнь идущего навстречу корабля. Командир представлял себе корабль чужих и его обитателей сходными с земным кораблем, земными людьми, земными переживаниями. Он убедился, что легче представить чужих, выдумывая самые невероятные формы жизни, чем подчинить свою фантазию строгим рамкам законов, о которых так убедительно говорила Афра Деви.

Еще не подняв опущенной головы, по внезапному напряжению товарищей Мут Анг почувствовал появление сигнала на экране локатора. Он не увидел ее, эту световую точку,— так быстро она исчезла, черкнув по черному блестящему диску. Сигнальный звонок едва звякнул. Астролетчики вскочили и перегнулись через столы пультов, инстинктивно стараясь приблизиться к экрану. Как ни мгновенно было появление светящейся точки, оно означало очень многое. Чужой звездолет повернул им навстречу, а не скрылся в глубинах пространства. Кораблем управляют не менее искусные в космических полетах существа, они сумели рассчитать обратный курс достаточно точно и быстро и теперь нащупывают «Теллур» лучом на огромном расстоянии. Две невообразимо маленькие точки, затерявшиеся в необъятной тьме, ищут друг друга... И в то же время это два огромных мира, полных энергии и знания, касаются один другого направленными пучками световых волн. Кари повел луч главного локатора с деления «1488» на «375». Еще, еще... Световая точка вернулась, исчезла, снова мелькнула в черном зеркале,сопровождаемая мгновенно умиравшим звуковым сигналом.

Мут Анг взялся за верньеры локатора и стал описывать спираль от

периферии к центру того колоссального круга, который очерчивался лучом в районе приближавшегося звездолета.

Чужие, видимо, повторили маневр. После долгих усилий световая точка укрепилась в пределах третьего круга черного зеркала. Она металась лишь от вибрации обоих кораблей. Звонок раздавался теперь непрерывно, и его пришлось приглушить. Не было сомнения, что луч «Теллура» также уловлен приборами чужого звездолета и корабли идут навстречу, сближаясь за час не меньше чем на четыреста тысяч километров.

Тэй Эрон извлек из машины заданные ей расчеты и определил, что корабли разделяет расстояние около трех миллионов километров. До встречи звездолетов осталось семь часов. Через час можно было начинать интегральное торможение, которое отодвинет встречу еще на несколько часов, если чужой звездолет сделает то же самое и если он тормозится по сходным расчетам. Возможно, чужие смогут остановиться быстрей или же придется снова миновать друг друга, и это опять отдалит встречу, а ожидание становится почти невыносимым.

Но чужой звездолет не причинил лишних мучений. Он начал тормозиться сильнее, чем «Теллур», потом, установив темп замедления земного звездолета, повторил его. Корабли сходились ближе и ближе. Экипаж «Теллура» снова собрался в центральном посту. Звездолетчики следили, как в черном зеркале локатора световую точку заменило пятно.

Это собственный луч «Теллура», отразившись от чужого звездолета, вернулся к кораблю. Пятно стало похоже на крохотный цилиндр, опоясанный толстым валиком (форма, даже отдаленно не напоминавшая «Теллур»). Еще ближе — и на концах цилиндра появились куполовидные утолщения.

Сияющие контуры увеличивались и расплывались, пока не достигли периферии черного круга.

— Слушайте все! По местам! Окончательное торможение при восьми «g»!

Гидравлические кресла, долго вдавливались в свои подставки, в глазах у людей краснело и темнело, на лицах выступал липкий пот. «Теллур» остановился и повис в пустоте, где не было верха и низа, сторон или дна, в леденящей космической тьме, в ста двух парсеках от родной звезды — желтого Солнца.

Едва придя в себя после торможения, астролетчики включили экраны прямого обзора и гигантский осветитель, но ничего не увидели, кроме яркого светового тумана впереди и левее носа корабля. Осветитель погас, и тогда сильный голубой свет ударил в глаза всем смотревшим на экран, окончательно лишив их возможности что-либо увидеть.

— Поляризатор-сетку, тридцать пять градусов и фильтр световых волн! — распорядился Мут Анг.

— На длину волны шестьсот двадцать? — осведомился Тэй Эрон.

— Вероятно, это будет наилучшим!

Поляризатор погасил голубое сияние. Тогда могучий оранжевый поток света вонзился в черную тьму, повернул, задел край какого-то сооружения и наконец осветил весь чужой звездолет.

Корабль с другой звезды находился всего в нескольких километрах. Такое сближение делало честь как земным, так и чужим астронавигаторам. С расстояния трудно было точно определить размеры звездолета. Внезапно из чужого корабля ударил в зенит толстый луч оранжевого света, по длине волны совпадавшего с тем, который излучал «Теллур». Видимо, чужие так же, как и земляне, использовали свет для сигнализации, делая его лучи видимыми в космической пустоте. Луч появился,

исчез, возник снова и остался стоять вертикально, возносясь к незнакомым созвездиям на краю Млечного Пути.

Мут Анг потер лоб рукой, что делал всегда в минуты напряженного раздумья.

— Вероятно, сигнал,— осторожно сказал Тэй Эрон.

— Без сомнения. Я понял бы его так: неподвижный столб нашего света означает «Стойте на месте, буду подходить я». Попробуем ответить.

Земной звездолет погасил свой прожектор, переключил фильтр на волну четыреста тридцать и повел голубым лучом к своей корме. Столб оранжевого света на чужом корабле мгновенно погас.

Астролетчики ожидали чуть дыша. Чужой корабль больше всего походил на катушку: два конуса, соединенные вершинами. Основание одного из конусов, видимо переднего, прикрыто куполом, на заднем установлена широкая, открытая в пространство воронка. Середина корабля выступала толстым, слабо светившимся кольцом неопределенных очертаний. Сквозь кольцо просвечивали контуры цилиндра, соединявшего конусы. Внезапно кольцо сгустилось, сделалось непроницаемым, закрутилось вокруг середины звездолета, как колесо турбины. Чужой корабль стал вырастать на обзорных экранах: за три-четыре секунды он заполнил собою все поле видимости. Люди Земли поняли, что перед ними корабль больше «Теллура». Он превосходил земной звездолет (по величине) раза в три.

— Афра, Яс и Кари — в шлюзовую камеру, к выходу из корабля вместе со мной! Тэй останется на посту. Планетарный осветитель включить! Зажжем посадочное освещение левого борта! — отдавал распоряжения командир.

В лихорадочной спешке названные астролетчики надели легкие скафандры, применявшиеся для планетных исследований и для выхода из корабля в космическое пространство, в отдалении от смертоносного излучения звезд.

Мут Анг критически осмотрел всех, проверил работу своего скафандра и включил насосы. Они мгновенно всосали воздух из шлюзовой камеры внутрь корабля. Едва показатель раздражения достиг зеленой черты, командир повернул одну за другой три рукоятки. Беззвучно, как и все, что происходило в космосе, сдвинулись в стороны броневые плиты, изоляционный слой и коробка воздушной ячейки. Отскочила круглая крышка выходного люка, и тотчас гидравлические шланги выдавили вверх пол шлюзовой камеры. Четверо астролетчиков оказались на высоте четырех метров над передней частью «Теллура», на круглой, огражденной площадке, так называемой площадке верхнего обзора.

Чужой звездолет в поясе голубых огней оказался совершенно белым. У него была не зеркальная металлическая поверхность, отражающая все виды излучений космоса, как броня «Теллура», а матовая, светившаяся ярчайшей белизной горного снега. Только центральное кольцо продолжало испускать слабое голубое сияние.

Исполинская громада корабля заметно приближалась к «Теллуру». В космическом пространстве, далеко от любых полей тяготения, оба звездолета ощутительно притягивали друг друга, и это служило порукой тому, что корабль чужого мира не был из антиматерии. «Теллур» выставил с левого борта гигантские причальные упоры в виде телескопических пружинных труб.

Концы упоров были снабжены подушками из упругой пластмассы с

предохранительным слоем на тот случай, если бы то, к чему предстояло прикоснуться в космосе, оказалось из антиматерии. Куполовидный нос чужого звездолета прорезался наверху черным зиянием, похожим на раскрывшийся в наглой усмешке рот. Оттуда выдвинулся балкон, огражденный частыми тонкими столбиками. В черной пасти зашевелилось что-то белое. Три товарища Афры услыхали вырвавшийся у нее стон разочарования. Пять мертвенно-белых, непомерно широких фигур появились на выступающей площадке звездолета. Ростом примерно соответствуя людям Земли, они были гораздо толще, спины горбились гребневидными выступами. Вместо круглых прозрачных шлемов землян на приподнятых поперечными валиками плечах чужих помещалось нечто вроде большой известковистой раковины, обращенной выпуклостью назад. Спереди веером расходились и торчали большие шипы, образуя навес, под которым неразличимая темнота чуть отблескивала черным стеклом.

Первая появившаяся белая фигура сделала резкий жест, из которого стало ясно, что у чужих две руки и две ноги. Белый корабль повернулся носом к борту земного звездолета и выдвинул более чем на двадцать метров гармонику из пластин красного металла.

Мягкий пружинящий толчок — и оба корабля соприкоснулись. Но на концах стержней не вспыхнула ослепительная молния полного атомного распада, закапсюлированного мощным магнитным полем: материя встретившихся звездолетов была одной и той же.

Стоявшие на обзорной площадке «Теллура» услышали в своих телефонах тихий довольный смешок командира и переглянулись в недоумении.

— Я думаю утешить всех, и прежде всего Афру,— сказал Мут Анг.— Представьте себе нас с их стороны! Пузырчатые куклы с суставчатыми конечностями и огромными круглыми головами... пустыми на три четверти!

Афра звонко рассмеялась.

— Все дело в начинке скафандров, в том, что там внутри, а снаружи — дело произвольное!

— Ног и рук столько же, сколько у нас,— начал Кари.

Но тут вокруг выдвинутого белым кораблем металлического каркаса возник складчатый белый футляр, пустым рукавом протянувшись к «Теллуру». Передняя фигура на площадке, в которой Мут Анг чутьем угадал равного себе по рангу командира, стала делать не оставляющие сомнений жесты, приближая к груди вытянутые к «Теллуру» руки. Люди не заставили себя ждать и выдвинули из нижней части корпуса соединительную трубу-галерею, употреблявшуюся для сообщения между кораблями в пространстве. Галерея «Теллура» была круглого сечения, у белого звездолета — вертикально-эллиптическая. Земные техники быстро изготовили из мягкого дерева переходную раму. На космическом морозе дерево мгновенно изменило свою молекулярную систему и стало прочнее стали. За это время на выступе чужого корабля появился куб из красного металла с черной передней стенкой — экраном. Две белые фигуры склонились над ним, выпрямились и отступили. Перед взглядами землян на экране засветилось подобие человеческой фигуры, верхняя часть которой ритмически расширялась и опадала. Маленькие белые стрелки то устремлялись внутрь фигуры, то вылетали наружу.

— Гениально просто: дыхание! — воскликнула Афра.— Они покажут нам, чем дышат, состав своей атмосферы, но как?

Будто отвечая на ее вопрос, дышащая модель на экране исчезла, заменившись новой фигурой. Черная точка в сероватом кольцевидном

облачке — несомненно, ядро атома, окруженное тонкими орбитами светящихся точек — электронов. Мут Анг почувствовал, как сжалось горло, он не мог произнести ни слова. На экране были уже четыре фигуры: две в центре, одна под другой, связанные толстой белой чертой, и две боковые, соединенные черными стрелками.

Все земляне с бьющимися сердцами считали электроны. Нижний, видимо, основной элемент океана: один электрон вокруг ядра — водород. Верхний, главный элемент атмосферы и дыхания: девять электронов вокруг ядра — фтор!

— О-о! — жалобно вскрикнула Афра Деви.— Фтор!..

— Считайте,— перебил командир,— налево вверху — шесть электронов: углерод, направо — семь: азот. Вот и все ясно. Передайте, чтобы изготовили такую же таблицу нашей атмосферы и нашего обмена вещества — все будет то же, только вместо центрального верхнего, фтора, у нас кислород с его восемью электронами. Как жаль, отчаянно жаль!

Когда земляне выдвинули свою таблицу, астролетчики заметили, как пошатнулась передняя белая фигура на мостике своего корабля и поднесла руку к раковине скафандра жестом, понятным человеку Земли. Видимо, те же чувства, но еще более сильные, были у командира чужого звездолета.

Эта же белая фигура перегнулась через ограждение мостика и сделала рукой резкий взмах, как бы разрубая что-то в пустоте. Шиповидные выросты его головной раковины угрожающе наклонились к «Теллуру», который находился на несколько метров ниже белого корабля. Потом командир чужих поднял обе руки и провел ими вниз на некотором расстоянии одна от другой, как бы показывая две параллельные плоскости.

Мут Анг повторил его жест. Тогда командир чужого звездолета высоко поднял одну руку жестом безмолвного привета, повернулся и скрылся в черной пасти. За ним последовали остальные.

— Пойдемте и мы,— сказал Мут Анг, нажимая опускающий рычаг.

Афра даже не успела поглядеть на великолепное сверкание звезд в черной пустоте космоса, которое всегда приводило ее в особенный созерцательный восторг.

Люк закрылся, вспыхнуло освещение шлюзовой камеры, стало слышно легкое шипение насосов — первый признак того, что воздух достиг земной плотности. Звездолетчики стали снимать скафандры.

— Будем строить перегородки, а потом соединять галереи? — спросил Яс Тин командира, едва освободившись от шлема.

— Да. Это и хотел сказать командир их звездолета. Какое горе: у них на планете газ жизни — фтор, смертельно ядовитый для нас! А им так же смертелен наш кислород. Многие наши материалы, краски и металлы, стойкие в кислородной атмосфере, могут разрушиться при соприкосновении с их дыханием. Вместо воды у них жидкий фтористый водород — та самая плавиковая кислота, которая у нас разъедает стекло и разрушает почти все минералы, в состав которых входит кремний, легкорастворимый во фтористом водороде. Вот почему нам придется ставить прозрачную перегородку, стойкую против кислорода, а они поставят свою, из вещества, не разрушаемого фтором. Но пойдемте, надо спешить. Мы обсудим все, пока будет изготовляться переборка!

Матово-синий пол гасительной камеры, отделявшей жилые помещения от машин «Теллура», превратился в химическую мастерскую. Толстый лист хрустально-прозрачной пластмассы был отлит из заготовленных еще на Земле составов и теперь медленно цементировался, прогреваемый

отопительными коврами. Неожиданное препятствие сделало невозможным прямое общение людей Земли с чужими.

Белый корабль не проявлял никаких признаков жизни, хотя наблюдатели непрерывно следили за ним у обзорных экранов.

В библиотеке «Теллура» кипела работа. Все члены экипажа отбирали стереофильмы и магнитные фотозаписи о Земле, репродукции лучших произведений искусства. Спешно готовились диаграммы и чертежи математических функций, схемы кристаллических решеток веществ, наиболее распространенных в земной коре, на других планетах и на Солнце. Регулировали большой стереоэкран, заделывали в устойчивый к фтору чехол обертонный звучатель, точно передающий голос человека.

В короткие перерывы еды и отдыха астролетчики обсуждали необыкновенную атмосферу родины встреченных путешественников космоса.

Круговорот веществ, использующий лучистую энергию светила и позволяющий жизни существовать и накапливать энергию в борьбе с рассеянием энергии — энтропией, обязательно должен был и у чужих следовать общей схеме земных превращений. Свободный активный газ, будь то кислород, фтор или какой-нибудь еще, мог накопиться в атмосфере только в результате жизнедеятельности растений. Животная жизнь и человек в том числе расходовали кислород или фтор, связывая его с углеродом — основным элементом, из которого состояли тела и растений и животных.

На чужой планете должен был быть фтористоводородный океан. Расщепляя с помощью лучистой энергии своего светила фтористый водород, как у нас на Земле воду (кислородный водород), растения той планеты накопляли углеводы и выделяли свободный фтор, которым в смеси с азотом дышали люди и животные, получая энергию от сгорания углеводов во фторе. Животные и люди должны выдыхать фтористый углерод и фтористый водород.

Подобный обмен веществ дает в полтора раза больше энергии, чем земной с его кислородной основой. Не мудрено, что он послужил для развития высшей мыслящей жизни. Но диалектически большая активность фтора по сравнению с кислородом требует и более сильной радиации светила. Чтобы лучистая энергия была в состоянии расщепить молекулу фтористого водорода в растительном фотосинтезе, нужны не желто-зеленые лучи, как для воды, а лучи более мощных квант, голубые и фиолетовые. Очевидно, что светило чужих — голубая высокотемпературная звезда.

— Противоречие! — вмешался в разговор вернувшийся из мастерской Тэй Эрон.— Фтористый водород легко превращается в газ.

— Да, при плюс двадцати градусах,— ответил, заглядывая в справочник, Кари.

— А замерзает?

— При минус восьмидесяти.

— Следовательно, их планета должна быть холодной! Это не вяжется с голубой горячей звездой.

— Почему? — возразил Яс Тин.— Она может быть удалена от светила. Океаны могут находиться в умеренных или полярных зонах планеты. Или...

— Вероятно, может быть еще много «или», — сказал Мут Анг.— Как бы то ни было, звездолет с фторной планеты перед нами, и мы скоро узнаем все подробности их жизни. Важнее сейчас понять другое: фтор очень редок во Вселенной. Хотя последние исследования передвинули фтор с сорокового по степени распространения места на восемнадцатое,

но наш кислород занимает во Вселенной третье место по общему количеству своих атомов после водорода и гелия, а уже за ним следуют азот и углерод. По другой системе подсчета кислорода в двести тысяч раз больше, чем фтора. Это может означать только одно: планет, богатых фтором, чрезвычайно мало в космосе, а планет со фторной атмосферой, то есть таких, на которых долго существовала растительная жизнь, обогатившая атмосферу свободным фтором, и совсем ничтожное число, исключение из правила.

— Теперь мне понятен жест отчаяния у командира их звездолета,— задумчиво произнесла Афра Деви.— Они ищут себе подобных, и их разочарование было очень сильно.

— Если очень сильно, то, значит, они ищут давно и, кроме того, уже встречались с мыслящей жизнью...

— И она была обыкновенная, нашего типа, кислородная,— подхватила Афра.

— Но могут быть и другие типы атмосферы,— возразил Тэй Эрон,— хлорная, например, или серная, еще сероводородная.

— Не годятся они для высшей жизни! — торжествующе воскликнула Афра.— Все они дают в обмене веществ в три и даже в десять раз меньше энергии, чем кислород, наш могучий живительный кислород Земли!

— Только не серная,— пробурчал Яс Тин,— у нее энергия одинакова с кислородом.

— Вы подразумеваете атмосферу из сернистого ангидрида и океан из жидкой серы? — спросил Мут Анг.

Инженер согласно кивнул.

— Но ведь в этом случае сера заменяет не кислород, а водород нашей Земли,— нахмурилась Афра,— то есть самый обычный элемент космоса? Вряд ли редкая во Вселенной сера сможет быть частой заменительницей водорода. Ясно, что такая атмосфера — явление еще более редкое, чем фтор.

— И лишь для очень теплых планет,— ответил Тэй, листая справочник,— океан из серы будет жидким только выше ста и до четырехсот градусов тепла.

— Мне кажется, что Афра права! — вмешался командир.— Все эти предполагаемые атмосферы — слишком большая редкость по сравнению с нашей стандартной из наиболее распространенных в космосе элементов. Это не случайно!

— Не случайно,— согласился Яс Тин.— Но случайностей в бесконечном космосе немало. Возьмем нашу «стандартную» Землю. На ней да и на соседях ее — Луне, Марсе, Венере — много алюминия, вообще редкого во Вселенной.

— И тем не менее найти повторения этих случайностей в той же бесконечности — дело десятков, если не сотен тысячелетий,— угрюмо сказал Мут Анг.— Даже с пульсационными звездолетами. Если они ищут давно, то как я понимаю их!

— Как хорошо, что наша атмосфера из самых обычных элементов Вселенной и нас ждет встреча с великим множеством подобных же планет! — сказала Афра.

— А впервые встретились с отнюдь не подобной! — отозвался Тэй.

Афра вспыхнула и только собралась возразить, как явился химик корабля с докладом, что прозрачный щит готов.

— Но мы можем войти в их звездолет запросто в космических костюмах? — осведомился Яс Тин.

— Так же, как и они в наш. Вероятно, состоится не один обмен визитами, но первые знакомства начнем с показа,— ответил командир.

Астролетчики закрепили прозрачную стену на конце передаточного рукава, а белые фигуры чужих начали ту же работу в своей галерее. Затем земляне и чужие встретились в пустоте, помогая друг другу скреплять распоры и переходную раму. Поглаживание по рукаву скафандра или по плечу — жест нежности и дружбы был в равной мере понятен тем и другим.

Грозя рогообразными выростами головных раковин, чужие пытались рассмотреть лица землян сквозь дымчатые шлемы. Но если головы земных людей были видны сравнительно отчетливо, то слабо выпуклые передние щитки шлемов чужих, укрытые под шипастыми навесами «раковин», оставались непроницаемы для земных глаз. Только безошибочное человеческое чутье говорило, что из этой темноты следят внимательные глаза, напряженно и доброжелательно.

На приглашение войти в «Теллур» белые фигуры ответили отрицательными жестами отталкивания. Один из них коснулся своего скафандра и затем быстро развел руками, как бы разбрасывая что-то.

— Боятся за скафандр в кислородной атмосфере,— догадался Тэй.

— Они хотят, как и мы, начать со встречи в галерее,— сказал командир.

* * *

Оба звездолета — снежно-белый и металлически-зеркальный — составляли теперь одно целое, неподвижно повисшее в бесконечности космоса. «Теллур» включил мощные обогреватели, и его экипаж смог войти в соединительную трубу-галерею в обычных рабочих костюмах — плотно облегающих синих комбинезонах из искусственной шерсти.

На чужой стороне галереи вспыхнуло голубое освещение, похожее на свет горных высот Земли. На границе двух по-разному освещенных камер прозрачные перегородки казались аквамариновыми, будто из застывшей чистой воды моря.

Наступившая тишина нарушалась только учащенным дыханием взволнованных землян. Тэй Эрон коснулся локтем плеча Афры и почувствовал, что молодая женщина вся дрожит. Помощник командира крепко прижал к себе биолога, и Афра ответила ему быстрым благодарным взглядом.

В глубине соединительной галереи показалась группа из восьми чужих... Чужих ли? Люди не поверили зрению. В глубине души каждый ожидал необычайного, никогда не виданного. Полное сходство чужих с людьми Земли казалось чудом. Но то было лишь при первом взгляде. Чем дольше всматривались земляне, тем больше различий находили в том, что не было скрыто под темной одеждой — сочетанием коротких просторных курток с длинными шароварами, напоминавшими старинные одежды Земли.

Погас голубой свет — они включили земное освещение. Прозрачные перегородки потеряли свой зеленый цвет и стали белыми, почти невидимыми. За этой едва заметной стеной стояли люди. Можно ли было поверить, что они дышат ядовитейшим для Земли газом и купаются в морях всеразъедающей плавиковой кислоты! Пропорциональные очертания тел, рост, соответствующий среднему росту землян. Странный чугунно-серый цвет кожи с серебристым отливом и скрытым кроваво-красным отблеском, какой бывает на полированном красном железняке — гематите. Серый тон этого минерала был одинаков с кожей обитателей фторной планеты.

Круглые головы поросли густыми иссиня-черными волосами... Но самой замечательной особенностью их лиц были глаза. Невероятно большие и удлиненные, с резко косым разрезом, они занимали всю ширину лица, косо поднимались наружными уголками к вискам, выше уровня глаз земных людей. Белки густого бирюзового цвета казались непропорционально удлиненными по отношению к черной радужине и зрачкам.

Соответственно размерам и положению глаз прямые и четкие, очень черные брови смыкались с волосами высоко на висках и почти сходились к узкой переносице, образуя широкий тупой угол. Волосы надо лбом от середины спускались к вискам такой же четкой и прямой линией, совершенно симметричной бровям. Поэтому лоб имел очертания вытянутого горизонтального ромба. Нос, короткий и слабо выступавший, обладал, как у землян, направленными вниз ноздрями. Небольшой рот с фиолетовыми губами показывал правильный ряд зубов такого же чистого небесного цвета, как и белки глаз. Верхняя половина лица казалась очень расширенной. Ниже глаз лицо сильно суживалось к подбородку с чуть угловатыми очертаниями. Строение ушей осталось невыясненным: виски у всех пришельцев прикрывались через темя золотистыми жгутами.

Среди чужих были женщины и мужчины. Женщины угадывались по высоте стройных шей, округлости очертаний лиц и по очень пышной массе коротко остриженных волос. У мужчин был более высокий рост, большая массивность тела, более широкие подбородки — в общем, те же черты, какими различались оба пола землян.

Афре показалось, что руки чужих имеют только по четыре пальца. Соответствуя человеческим пропорциям, пальцы людей фторной планеты как будто не обладали суставами: они сгибались плавно, не образуя угловатых выступов.

Ног нельзя было разглядеть: ступни их утопали в мягком настиле пола. Одежды в свете, естественном для земных глаз, казались темно-красного, почти кирпичного цвета.

Чем дольше вглядывались астролетчики, тем менее странным казался облик пришельцев с фторной планеты. Более того, людям Земли становилась понятнее своеобразная экзотическая красота чужих. Их главным очертанием были огромные глаза, смотревшие сосредоточенно и ласково на людей, излучая тепло мудрости и дружбы.

— Какие глаза! — не удержалась Афра.— С такими легче становиться людьми, чем с нашими, хотя и наши великолепны!

— Почему так? — шепнул Тэй.

— Чем крупнее глаза, тем большее количество элементов сетчатки, тем большее число деталей из окружающего мира может усвоить такой глаз.

Тэй кивнул в знак понимания.

Один из чужих выступил вперед и сделал приглашающий жест. Тотчас же земное освещение на той стороне галереи погасло.

— Ох! — горестно воскликнул Мут Анг.— Я не предусмотрел!

— Я сделал,— спокойно отозвался Кари, выключил обычный свет и зажег две сильные лампы с фильтрами четыреста тридцать.

— Мы выглядим мертвецами,— огорченно сказала Тайна,— неважный вид у человечества в таком свете! Смотрите, какие все мы зеленые, будто из болота.

— Ваши опасения напрасны,— сказал Мут Анг.— Их спектр наилучшей видимости уходит далеко в фиолетовую сторону, может быть, и в ультрафиолетовую. Это подразумевает гораздо больше теплоты и оттенков, чем видится нам, но я не могу представить как.

— Пожалуй, мы им покажемся много желтее, чем на самом деле,— сказал, подумав, Тэй.

— И это гораздо лучше, чем синеватый трупный цвет. Только посмотрите вокруг! — не унималась Тайна.

Земляне сделали несколько снимков и вытолкнули в маленький шлюз обертонный звучатель, работающий на кристаллах осмия. Чужие подхватили его и поставили на треножник. Кари направил в чашечную антенну узкий пучок радиоволн. Во фторной атмосфере звездолета зазвучали речь и музыка Земли. Тем же путем был передан прибор для анализа воздуха, который позволил установить температуру, давление и состав атмосферы неведомой планеты. Как и следовало ожидать, внутренняя температура белого звездолета оказалась ниже земной и не превышала семи градусов. Давление атмосферы было больше земного, и почти одинаковой — сила тяжести.

— Сами они, вероятно, теплее,— сказала Афра,— как мы теплее нашей привычной двадцатиградусной температуры. Я думаю, что у них теплота тела около четырнадцати наших градусов.

Чужие передали свои приборы закрытыми в двух сетчатых ящичках, не позволявших угадать их назначение.

Из одного ящичка послышались высокие, прерывистые чистые звуки, как бы тающие вдали. Земляне поняли, что чужие слышат более высокие ноты, чем они. Если их слух по диапазону был примерно равен земному, то часть низких нот человеческой речи и музыки пропадала для обитателей фторной планеты. Чужие снова зажгли земное освещение, и земляне выключили голубой свет. К прозрачной стенке подошли двое — мужчина и женщина. Они спокойно сбросили свои темно-красные одежды и замерли, взявшись за руки, потом стали медленно поворачиваться, давая землянам рассмотреть их тела, которые оказались более сходны с земными, чем их лица. Гармоничная пропорциональность фигур фторных людей полностью отвечала понятиям красоты на Земле. Несколько более резкие переходы в очертаниях, какая-то резкость всех линий впадинок и выпуклостей создавали впечатление некоторой угловатости, вернее, более четкой скульптурности тела чужих. Вероятно, впечатление усиливалось серым цветом кожи, более темной в складках и впадинах.

Их головы красиво и гордо были посажены на высоких шеях; мужчина обладал широкими плечами человека труда и борьбы, а широкие бедра женщины — матери мыслящего существа — нисколько не противоречили ощущению интеллектуальной силы посланцев неведомой планеты.

Когда чужие отступили со знакомым приглашающим жестом и погасили желтый земной свет, земляне уже не колебались.

По просьбе командира перед прозрачной преградой встали, взявшись за руки, Тэй Эрон и Афра Деви. Несмотря на неземное освещение, придавшее телам людей холодный оттенок голубого мрамора, все астролетчики вздохнули с восхищением — настолько очевидной была нагая красота их товарищей. Это поняли и чужие. Смутно видимые в неосвещенной галерее, они стали обмениваться между собой взглядами и непонятными короткими жестами.

Афра и Тэй стояли гордо и открыто, полные того нервного подъема, который появляется в моменты исполнения трудных и рискованных задач. Наконец чужие кончили съемку и зажгли свой свет.

— Теперь я не сомневаюсь, что у них есть любовь,— сказала Тайна,— настоящая, прекрасная и великая человеческая любовь... если их мужчины и женщины так красивы и умны!

— Вы совершенно правы, Тайна, и от этого еще радостнее, потому что они поймут нас во всем,— отозвался Мут Анг.

— Да! Взгляните на Кари! Кари, не полюбите девушку с фторной планеты, это было бы катастрофой для вас.

Астронавигатор очнулся от транса и отвел глаза, прикованные к обитателям белого звездолета.

— А я мог бы! — грустно улыбнулся он.— Мог бы, невзирая на всю разницу наших тел, на чудовищную удаленность наших планет. Сейчас я понял все могущество и силу человеческой любви.

В это время чужие выдвинули вперед зеленый экран. На нем начали двигаться маленькие фигурки. Они шли процессией, поднимаясь на крутой склон, и несли на себе какие-то большие предметы. Поднявшись на плоскую вершину, каждая фигурка сбрасывала свою ношу и падала лицом вниз. Похожая на земную мультипликацию, картина свидетельствовала об утомлении, желании отдыха. Земляне тоже почувствовали, насколько утомили их напряженное многочасовое ожидание и первые впечатления встречи. Жители фторной планеты, видимо, надеялись на встречу с другими людьми и подготовились к ней, создав, например, подобные «разговорные» фильмы.

Экипаж «Теллура», не готовый к встрече, вышел из затруднения. К перегородке придвинули экран для скорых зарисовок, и художник «Теллура» Яс Тин начал набрасывать последовательные серии рисунков. Сначала он изобразил таких же утомленных человечков, затем нарисовал одну большую рожицу с таким явно вопросительным выражением, что чужие оживились, как при появлении Тэй Эрона и Афры Деви. Потом художник изобразил Землю, обходящую по орбите Солнце, разделил орбиту на двадцать четыре части и зачернил ее половину. Чужие вскоре ответили похожей схемой. С той и с другой стороны включились метрономы, которые помогли установить продолжительность малых делений времени, а затем вычислить и большие. Астролетчики узнали, что фторная планета вращается вокруг своей оси приблизительно за четырнадцать земных часов, а обегает свое голубое солнце в течение девятисот суток. Перерыв на отдых, который предложили чужие, равнялся пяти земным часам.

Ошеломленные, расходились люди из соединительной трубы. Погасли огни в галерее, потухло и наружное освещение кораблей. Оба звездолета, темные, замерли неподвижно рядом друг с другом, как будто все живое в них погибло, заледенело в чудовищном холоде и глубочайшем мраке пространства.

Но внутри кораблей жизнь, горячая, пытливая и деятельная, шла своим чередом. Бесконечно изобретательный человеческий мозг изыскивал новые способы, как передать братьям по мысли, рожденным на планетах удаленных звезд, знания и надежды, взращенные тысячелетиями безмерных трудов, опасностей и страданий. Знания, освободившие человека сначала от власти дикой природы, затем от произвола дикого общественного строя, болезней и преждевременной старости, поднявшие людей к бездонным высотам космоса.

Вторая встреча в галерее началась с показа звездных карт. И землянам и обитателям фторной планеты были совершенно незнакомы рисунки созвездий, мимо которых шли пути кораблей. (Лишь на Земле астрономам удалось установить точное положение голубого светила: в небольшом звездном облаке Млечного Пути, около Тау Змееносца.) Путь чужого звездолета шел к звездному скоплению на северной окраине Змееносца и пересекся с ходом «Теллура», когда тот достиг южных границ созвездия Геркулеса.

В галерее чужих встала какая-то решетка из пластин красного металла

высотой в рост человека. Что-то завертелось позади нее, видимое в просветах между пластинами. Внезапно все они сдвинулись, повернулись ребром и исчезли. На месте решетки показалось громадное пустое пространство с проносящимися в отдалении слепяще синими шарами спутников фторной планеты. Медленно приближалась и она сама. Широкий синий пояс непроницаемой облачности обвивал ее экватор. На полюсах и в околополярных зонах планета светилась серовато-красными отблесками, а умеренные зоны своей чистейшей белизной были похожи на оболочку чужого звездолета. Здесь, сквозь слабо насыщенную парами атмосферу, смутно угадывались контуры морей, материков и гор, чередовавшихся неправильными вертикальными полосами. Планета была больше Земли. Ее быстрое вращение возбуждало вокруг нее мощное электрическое поле. Сиреневое сияние вытягивалось длинными отростками по экватору в черноту окружающего пространства.

Затаив дыхание,час за часом сидели люди перед прозрачной стенкой, за которой неведомое устройство продолжало развертывать с потрясающей реальностью картины фторной планеты. Люди Земли увидели лиловые волны океана из фтористого водорода, омывавшие берега черных песков, красных утесов и склонов иззубренных гор, светящихся голубым лунным сиянием. Ближе к полюсам окружающий воздух синел все больше, становился глубже и чище темно-голубой свет фиолетовой звезды, вокруг которой быстро неслась фторная планета.

Горы здесь поднялись округлыми куполами, валами, плоскими вздутиями с ярким опаловым блеском. Синие сумерки лежали в глубоких долинах, направлявшихся от полярных гор к фестончатой полосе морей на юге. Большие заливы дымились опалесцирующим покровом голубых облаков. Гигантские постройки из красного металла и каких-то травяно-зеленых камней обрамляли края морей, бесконечно длинными вереницами всползали по вертикальным долинам к полюсам. Эти исполинские скопления построек, заметные с громадной высоты, разделялись широкими полосами густой растительности с зеленовато-голубой листвой или плоскими куполами гор, светившихся изнутри, будто опалы или лунные камни Земли. Круглые шапки льдов из застывшего фтористого водорода на полюсах казались драгоценными сапфирами.

Синие, голубые, лазурные, лиловые краски преобладали повсюду. Самый воздух словно был пронизан голубоватым свечением, точно слабый разряд в газовой трубке. Мир чужой планеты казался холодным и бесстрастным, будто видение в кристалле — чистое, далекое и призрачное. Мир, в котором не чувствовалось тепла, ласкающего разнообразия красных, оранжевых и желтых цветов Земли.

Цепи городов виднелись в обоих полушариях планеты, в зонах, соответствовавших полярной и умеренной зонам Земли. К экватору горы становились все острее и темнее. Зубчатые пики торчали из мутной от паров поверхности моря, ребра хребтов протягивались в широтном направлении, окаймляя тропические области фторной планеты.

Там плотными массами клубились синие пары: от нагрева голубой звезды легко испарявшийся фтористый водород насыщал атмосферу, подступал колоссальными облачными стенами к умеренным зонам, сгущался и каскадами лился обратно в теплую экваториальную зону. Плотины, достойные гигантов, обуздывали стремительность этих потоков, заключенных в арки и трубы и служивших источником энергии силовых станций планеты.

Нестерпимым блеском сверкали поля огромных кристаллов кварца — видимо, кремний играл роль нашей соли в водах фтористоводородного моря.

- Города на экране приближались. Их очертания резко обрисовывались в холодном голубом свете. Везде, куда хватает глаз, вся площадь обитаемых зон планеты, за исключением таинственной экваториальной области, тонувшей в голубом молоке паров, была устроена, изменена, улучшена руками и творческой мыслью человека. Гораздо сильнее изменена, чем наша Земля, еще сохранившая в неприкосновенности огромные площади заповедников, древних руин или заброшенных разработок.

Труд бесчисленных поколений миллиардов людей вырастал выше гор, оплетал всю поверхность фторной планеты. Жизнь властвовала над стихиями бурных вод и густой атмосферы, пронизанной убийственно сильными лучами голубой звезды и неимоверно мощными зарядами электричества.

Люди Земли смотрели не отрываясь, и сознание как бы раздваивалось: в памяти одновременно возникало видение своей родной планеты. Не так, как представляли себе родину древние предки, в зависимости от места своего рождения и жизни: то равнинами просторных полей и сыроватых лесов, то каменистыми грустными горами, то радостно сверкающими в теплом солнце берегами прозрачных морей. Вся Земля в разнообразии своих климатических зон — холодных, умеренных и жарких стран — проходила перед мысленным взором каждого астролетчика. Бесконечно прекрасными были и серебристые степи — области вольного ветра,— и могучие леса из темных елей и кедров, белых берез, крылатых пальм и гигантских голубоватых эвкалиптов. Туманные берега северных стран в стенах мшистых скал и белизна коралловых рифов в голубом сиянии тропических морей. Властно-холодное, пронизывающее сверкание снеговых хребтов и призрачная, зыбкая дымка пустынь. Реки — величавые, медленные и широкие или неистово мчащиеся табунами белых коней по крупным камням ущелистых русел. Богатство красок, разнообразие цветов, голубое земное небо с облаками, как белые птицы, солнечный зной и пасмурная, дождливая хмурь, вечные перемены времен года. И среди всего этого богатства природы — еще более великое разнообразие людей, их красоты, стремлений, дел, мечтаний и сказок, горя и радости, песен и танцев, слез и тоски...

То же могущество осмысленного труда, поражающего изобретательностью, искусством, фантазией, прекрасной формой повсюду: в строениях, заводах, машинах, кораблях.

Может быть, чужие тоже видят своими огромными раскосыми глазами гораздо больше землян в холодных голубых красках своей планеты, а в переделке своей более однообразной природы ушли дальше нас, детей Земли? Назревала догадка: мы, создания кислородной атмосферы, в сотни тысяч раз более обыкновенной в космосе, нашли и найдем еще огромное количество подходящих для жизни условий, найдем, встретимся, соединимся с братьями — людьми с других звезд. А они, порождения редкого фтора, с их необыкновенными фтористыми белками и костями, кровью с синими тельцами, впитывающими фтор, как наши красные — кислород?

Эти люди заперты в ограниченном пространстве своей планеты. Наверно, они давно уже странствуют в поисках себе подобных или хотя бы планет с подходящей им атмосферой из фтора. Но как им найти в безднах Вселенной столь редкие жемчужины, как пробиться к ним через тысячи световых лет? Так близко и понятно их отчаяние, великое разочарование при встрече с кислородными людьми, вероятно, не в первый раз.

В галерее чужих ландшафты фторной планеты заменились видом колоссальных построек. Откосы наклоненных внутрь стен походили на здания тибетской архитектуры. Нигде не было прямых углов, гори-

зонтальных плоскостей — формы плавно изгибались, переходя от вертикали к горизонтали винтообразными или спиральными поворотами. Вдали возникло темное отверстие, по очертанию похожее на скрученный овал. Когда оно выросло, приближаясь, стало видно, что нижняя часть овала представляет собой спирально изогнутую широкую дорогу, поднимающуюся и углубленную в здание размерами с целый город. Оправленные в красное большие голубые знаки, издали напоминавшие волновую рябь, виднелись над входом. Вход приближался. В глубине его становился виден слабо освещенный гигантский зал со светящимися, как флуоресцирующий плавиковый шпат, стенами.

И внезапно, без предупреждения, картина исчезла. Изумленные астролетчики, приготовившиеся увидеть нечто необычайное, почувствовали буквально удар. Галерея по ту сторону прозрачной стены осветилась обычным голубым светом. Появились чужие звездолетчики. На этот раз они двигались очень быстро, резкими движениями.

В этот момент на экране возникла череда последовательных картинок. Они замелькали в таком темпе, что экипаж едва мог уследить за изображениями. Где-то во тьме космоса двигался такой же белый звездолет, какой висел сейчас бок о бок с «Теллуром». Видно было, как крутилось, сверкало, разбрасывая во все стороны лучи, его центральное кольцо. Вдруг кольцо остановило вращение, и корабль повис в космической бездне, недалеко от маленькой голубой звезды-карлика.

Из звездолета устремились вдаль лучи, черточками мелькавшие на экране, в левом углу которого появился второй звездолет. Летящие черточки достигли его, неподвижно стоявшего рядом с земным кораблем, в котором люди узнали свой «Теллур». И белый звездолет, принявший зов своего товарища, отодвинулся от «Теллура» куда-то в черную даль.

Мут Анг вздохнул так громко, что подчиненные обернулись к своему командиру с немым вопросом.

— Да! Они скоро уйдут. Где-то очень далеко шел второй их корабль. Они каким-то способом переговаривались, хотя я не могу себе представить, как это возможно в неизмеримых безднах, разделяющих корабли. И теперь что-то случилось со вторым звездолетом, его зов достиг наших чужих, хотя правильнее будет сказать — наших друзей.

— Может быть, он не поврежден, а нашел что-нибудь важное? — тихо спросила Тайна.

— Может быть. Как бы то ни было, они уходят. Надо торопиться изо всех сил, чтобы успеть переснять, записать как можно больше сведений. И главное — карты, их курс, их встречи... Я не сомневаюсь, что у них были встречи с кислородными, как мы, людьми.

Из переговоров с чужими выяснилось, что они могут задержаться на земные сутки. Люди, подстегнутые специальными лекарствами, работали совершенно неистово и не уступали неистощимой энергии быстрых серых жителей фторной планеты.

Переснимались учебные книжки с картинками и словами, тут же записывалось звучание чужого языка. Передавались коллекции с минералами, водами и газами в стойких прозрачных ящиках. Химики обеих планет старались понять значение символов, выражавших состав живых и неживых веществ. Афра, бледная от усталости, стояла перед диаграммами физиологических процессов, генетическими схемами и формулами, схемой эмбриологических стадий развития организма обитателей фторной планеты. Бесконечные цепочки молекул фторостойких белков были в то

же время изумительно похожи на наши белковые молекулы: те же фильтры энергии, те же ее плотины, возникшие в борьбе живой материи с энтропией.

Прошло двадцать часов. В галерее появились Тэй и Кари; едва живые от усталости, они несли ленты звездных карт, отражавших весь путь «Теллура» от Солнца к месту встречи. Чужие заспешили еще больше. Фотомагнитные ленты памятных машин землян записывали расположение незнакомых звезд, изображенные неведомыми знаками расстояния, астрофизические данные, перекрещивавшиеся сложными зигзагами пути обоих белых кораблей. Все это должно было быть потом расшифровано по приготовленным заранее чужими таблицам объяснений.

И наконец люди не удержались от радостных восклицаний. Сначала у одной, потом у другой, третьей, четвертой, пятой звезды на экране появились увеличенные кружки, в которых завертелись планеты.

Изображение неуклюжего, пузатого звездолета сменилось целой стаей других, более изящных кораблей. На опущенных из-под их корпусов овальных платформах стояли в своих скафандрах существа — несомненные люди. Знак атома с восемью электронами — кислорода — увенчивал изображение планет и кораблей, но звездолеты на схеме соединялись только с двумя из изображенных планет: одной — расположенной близко к красному большому Солнцу; другой — вращавшейся вокруг яркой золотистой звезды спектрального класса Эф. По-видимому, жизнь на планетах трех других звезд, тоже кислородная, еще не достигла высокого уровня, позволявшего выход в космос, или мыслящие существа еще не успели появиться там.

Выяснить это людям Земли не удалось, но в их руках были неоценимые сведения о путях, ведущих к этим населенным мирам, отдаленным на многие сотни парсеков от места встречи звездолетов.

* * *

Пора было расставаться.

Экипажи обоих звездолетов выстроились друг перед другом за прозрачной стеной. Бледно-бронзовые люди Земли и серокожие люди фторной планеты, название которой осталось неясным землянам. Они обменивались ласковыми и грустными жестами, улыбками и обоюдно понятными взглядами умных, внимательных глаз.

Небывалая острая тоска овладела людьми «Теллура». Даже отлет с родной Земли, с тем чтобы вернуться семь веков спустя, не казался такой болезненно невозвратимой утратой. Нельзя было примириться с сознанием, что еще несколько минут — и эти красивые, странные и добрые люди навсегда исчезнут в космических безднах, в своем одиноком и безнадежном искании родной по природе мыслящей жизни.

Может быть, только теперь астролетчики полностью, всем существом поняли, что самое важное во всех поисках, стремлениях, мечтах и борьбе — это человек. Для любой цивилизации, любой звезды, целой галактики и всей бесконечной Вселенной главное — это человек, его ум, чувства, сила, красота, его жизнь!

В счастье, сохранении, развитии человека — главная задача необъятного будущего после победы над Сердцем Змеи, после безумной, невежественной и злобной расточительности жизненной энергии в низкоорганизованных человеческих обществах.

Человек — это единственная сила в космосе, могущая действовать разумно и, преодолевая самые чудовищные препятствия, идти к целесо-

образному и всестороннему переустройству мира, то есть к красоте осмысленной и могучей жизни, полной щедрых и ярких чувств.

Командир чужих сделал какой-то знак. Тотчас же молодая женщина, которая демонстрировала красоту обитателей фторной планеты, рванулась в сторону, где стояла Афра. Широко раскинув руки, она прижалась к перегородке в стремлении обнять прекрасную женщину Земли. Афра, не замечая катившихся по щекам слез, распласталась на прозрачной стене, как бьющаяся о стекло пленная птица. Свет у чужих потух, и почерневшее стекло стало пучиной, в которой потонули все порывы землян увидеть еще раз чужих, оказавшихся столь близкими.

Мут Анг приказал включить земное освещение, но галерея по ту сторону перегородки оказалась пуста.

— Наружная группа, надеть скафандры для отсоединения галереи! — властно ворвался в тоскливое молчание голос Мут Анга.— Механики — к двигателям, астронавигатор — в пост управления! Всем подготовиться к отлету!

Люди разошлись из галереи. Унесли приборы. Только Афра, освещенная тусклым светом из открытого бортового люка, стояла в неподвижности, будто скованная леденящим холодом межзвездных пространств.

— Афра, мы закрываем люк! — окликнул ее Тэй Эрон откуда-то из глубины корабля.— Хочется проследить за их отлетом.

Молодая женщина вдруг очнулась и с криком: «Стойте! Тэй, стойте!» — побежала к командиру. Удивленный помощник стоял в недоумении, но Афра вернулась очень быстро. Рядом с ней бежал Мут Анг.

— Тэй, прожектор в галерею! Вызовите техников, экран установите назад! — распоряжался на бегу командир.

Люди заторопились, как при аварии. Сильный луч пробился в глубину галереи и замигал с теми же интервалами, как луч локатора «Теллура» в первый момент встречи кораблей. Чужие, прервав работы, появились в галерее. Земляне зажгли голубой свет «430». Дрожащая Афра склонилась над рисовальной доской, отражавшей на экране торопливые наброски биолога. Двойные спиральные цепочки механизмов наследственности должны были быть, в общем, одинаковыми у земных и фторных людей. Изобразив их, Афра нарисовала диаграмму обмена веществ в человеческом организме, сводящуюся к одинаковому превращению лучистой энергии звездных светил, добытой через растения. Молодая женщина оглянулась на неподвижные серые фигуры и накрест перечеркнула атом фтора с его девятью электронами, поставив вместо него кислород.

Чужие дрогнули. Командир выступил вперед и вплотную приблизил лицо к прозрачной перегородке, вглядываясь громадными глазами в неловкие чертежи Афры. И вдруг поднял надо лбом сцепленные в пальцах руки и низко склонился перед женщиной Земли.

Они поняли то, что только намеком в последний момент расставания родилось в мозгу Афры, и, вызванное тоскою разлуки, осмелилось вырваться. Афра думала об изменении, дерзкой замене химических превращений, приводивших в действие весь величайшей сложности организм человека. Путем воздействия на механизм наследственности заменить фторный обмен веществ на кислородный! Сохранить все особенности, всю наследственность фторных людей, но заставить их тела работать на иной энергетической основе. Эта гигантская задача была еще так далека от возможности своего осуществления, что даже семь веков разлуки «Теллура» с Землей, веков непрерывного нарастания успехов науки, вряд ли намного приблизят ее решение.

Но как бесконечно много смогут сделать соединенные усилия обеих

планет! Если же к ним присоединятся и другие мыслящие собратья... фторное человечество не пройдет бесследной тенью, затерявшейся в глубинах Вселенной.

Когда люди разных планет с неисчислимых звезд и галактик неизбежно соединятся в космосе, серокожие обитатели фторной планеты, может быть, не будут отверженцами из-за редчайшей случайности строения своих тел.

И может быть, тоска неизбежной разлуки и утраты была преувеличенной? Недоступно далекие по строению своих планет и тел, фторные люди и люди Земли похожи в жизни и уже совсем близки в разуме и чувствах Афре, смотревшей в огромные раскосые глаза командира белого звездолета; казалось, что все это она прочла в них. Или это было только отражением ее собственных мыслей?

Но чужие, видимо, обладали той же верой в могущество человеческого разума, которая была свойственна людям Земли. Вот почему даже робкая искра надежды, высказанной женщиной-биологом, так много значила для них, что их приветственные жесты более не походили на знак прощания, а ясно говорили о будущих встречах.

* * *

Оба звездолета медленно расходились, опасаясь повредить друг друга силой своих вспомогательных моторов. Белый корабль на минуту раньше окутался облаком слепящего пламени, за которым, когда оно угасло, не оказалось ничего, кроме тьмы космоса.

Тогда и «Теллур», осторожно разогнавшись, вошел в пульсацию, которая служила как бы мостом, сокращавшим прежде необозримую длину межзвездных путей. Надежно укрытые в защитных футлярах люди уже не видели, как укорачивались летевшие навстречу световые кванты и далекие звезды впереди голубели и делались все более фиолетовыми. Потом звездолет погрузился в непроницаемый мрак нулевого пространства, за которым цвела и ждала горячая жизнь Земли.

ПЯТЬ КАРТИН

Крес — оператор головной антарктической станции ППВ — склонился над графиком, когда голос друга позвал его из глубины экрана. Обрадованный и немного ошеломленный внезапностью, он всматривался в лицо школьного товарища. Такой же — и не такой... Они всегда в чем-то изменяются, возвращаясь из далей космоса. Это не штрихи резца времени, неизбежно оттеняющие лица оседлых жителей Земли.

Что-то как бы оттиснутое на самой сущности человека, отчего иначе складывается улыбка и смотрят глаза.

— Не ждал тебя так скоро. Всего два дня, как показывали ваше прибытие. Почему вы сели на старинный космодром Байконур вместо Эль-Хомры?

— Расскажу после. Меня включили на четыре минуты — узнать шифр твоего гостевого канала.

Крес назвал необходимые цифры и добавил:

— Мы можем увидеться сегодня же в двадцать часов по среднепланет-

ному Восточного полушария. Подошла моя очередь посмотреть пять картин, а ты их тоже не видел. Мне откроют гостевой канал, хоть это и совпало с дежурством в направляющей башне. Кстати, увидишь еще двух старых друзей. Я пригласил нашего Алька — он так и остался художником. И еще будет Та...

— Она уже вернулась с Пяти Темных Звезд? И ты все еще продолжаешь называть ее по-школьному? А где же Не Та?

— И ее увидишь, потому что она, ее группа, нашла пять картин. Она даст объяснения на выставке в Совете звездоплавания.

Скупо отмеренные минуты истекли. Крес вернулся к графику транспортировки. Громадность задачи не смущала его, участвовавшего в затоплении пустынь Калахари и Намиб в Южной Африке. Теперь предстояло перебросить целое море пресной воды на материк Австралии. Там сотни лет назад нерасчетливое орошение пустынь подземными водами привело к массовому засолению почв, а недра материка могли дать лишь сильно минерализованный кипяток.

Опреснение морской воды не составляло проблемы, но ядовитая дистиллированная вода должна была подвергаться сложной химической обработке. Давно стало известно, как много веществ, хоть и в самых ничтожных количествах, было растворено в сложной структуре воды — минерала, когда-то считавшегося самым простым. Без этих веществ вода не могла служить жизни, а колоссальные ее количества, нужные для орошения целого материка, требовали столько труда, что не оправдывались ни земледелием, ни скотоводством Австралии.

Как всегда, выход из тупика нашелся раньше, чем думали, и в неожиданном направлении. Изобрели способ переноса водяных молекул в потоках заряженных частиц. Создавалось нечто вроде ураганного ветра, поднимавшегося исполинской дугой в стратосферу и переносившего любые количества воды. А здесь, на ледяном щите антарктического материка, небольшая термоядерная станция давала кубические километры пресной воды.

Совет экономики планеты торжествовал, что отказался в свое время от проекта растопления антарктических льдов и повышения уровня океанов. Незачем было мешать пресную воду с соленой, когда теперь стало возможным излить любое ее количество в любую точку планеты. После промывки засоленной почвы Австралии предстояло затопление Сахары, промывка Большой Соляной пустыни Ирана, создание пресноводных озер-морей в Центральной Азии.

Крес соединился со станцией, запрятанной глубоко в толще льда. Все было готово для создания заряженного потока. Непередаваемо низкое гудение излучателей затрудняло разговор даже в хорошо изолированном помещении главного пульта. Крес включил сигналы предупреждения.

Через пятнадцать минут полоса атмосферы между Антарктикой и Австралией в две тысячи километров шириной станет опасной для самолетов на высоте теплой зоны стратосферы. Западная часть Австралийского материка, и без того обезлюдевшая, была эвакуирована несколько дней назад.

Крес еще раз проверил настройку и вошел в крохотную кабинку, молниеносно взвившуюся на 1600-метровую башню наблюдения. Некогда люди старались упрятать все наиболее важное под землю — отголосок эпох опасностей и войн. Теперь большинство наблюдательных и управленческих постов находилось на высоких башнях. Считалось, что человек, вознесенный над землей, лучше чувствует себя и как бы стягивается в узел напряжения и внимания.

Комната на башне раскачивалась, но не дрожала под нескончаемым ветром Антарктики. Гасители вибраций надежно охраняли человека и его приборы. Крес удобно уселся, окинув взглядом четыре больших экрана. В двух крайних виднелись похожие на медленно качавшиеся цветы направляющие башни на островах Макуори и Принца Эдуарда. Их отделяло от Креса больше четырех тысяч километров. Кривизна земной поверхности не позволяла на таком расстоянии увидеть даже высочайшую гору мира — Джомолунгму, но сеть спутников-реле, вращавшихся синхронно с планетой, обеспечивала любую дальность телепередач.

Долгий вибрирующий сигнал — и башня все же вздрогнула. Крес всем существом почувствовал, как ураганный поток воздуха понесся над голубым озером растопленного льда, подхватывая воду и взмывая вверх с нарастающей скоростью.

Через несколько минут животворный ливень обрушится на пустыни Западной Австралии. Одна за другой башни сообщали о прохождении потока. Макуори, Тасмания, Балларат, Мосгрейв... Замыкающая башня на Гранитах докладывает о разрядке потока. Непрерывный каскад льет с неба над половиной материка. Лишь в конце дежурства можно будет снизить интенсивность наполовину, меньше нельзя. Еще не достигнута возможность работы на любом режиме.

Крес оглядел ленты графиков, медленно проползавшие в окошечках приборов. Мелодично и ритмически пели охранители-автоматы. Все хорошо! И оператор переключил боковые экраны на свой личный канал. Ровно в двадцать часов его приветствовали возникшие на экранах друзья.

Только что вернувшийся звездолетчик Ниокан, художник Альк со своей ласковой и беспомощной повадкой удивленного ребенка. Круглолицая Та с контрастом смешливо приподнятых уголков губ и тревожно сосредоточенных глаз. Едва успели они рассмотреть друг друга и обменяться несколькими словами, как на четвертом экране появилась Не Та. Она стояла в круглом помещении под сверкавшим тысячегранником многоканального приемника ТВФ. Это была запись, сделанная около двух месяцев тому назад, и Не Та, конечно, не могла увидеть своих друзей. Она не изменилась. Может быть, стали немного резче ее аскетические черты и ярче горящие глаза библейской пророчицы.

Исследовательница древнего искусства не скрывала своего счастья. Действительно, найти среди миллиардов произведений живописи, накопившихся за столетия всеобщего мира на планете, когда ничто не могло разрушить творения искусства, нужные картины было исключительной удачей.

В прошлом искусство сильно отставало от жизни. Было поразительно, с каким упорством художники на пороге выхода людей в космос продолжали писать свои ландшафты и натюрморты или забавлялись пустяковыми открытиями в перспективе или игре цветов, которые временами достигали полного отрицания содержания и формы. Годы поисков не помогли найти даже одной-единственной космической картины, написанной по канонам того времени — на холсте, прочными минеральными красками на масляной основе.

Было известно множество черно-белых графических изображений, служивших иллюстрациями древних книг о будущем, которые считались второсортной беллетристикой и печатались на самой скверной бумаге, не позволявшей давать хорошие репродукции и рассыпавшейся в прах через тридцать лет. Только обложки этих дешевых книг печатались в красках, и для них создавались цветные иллюстрации — видимо, единственный вид спроса на фантазии о далеких мирах.

Ни музеи, ни специальные художественные издания не занимались подобными картинами, очевидно, весьма низко оценивая этот круг человеческих мечтаний. Это было тем более поразительно, что как раз в этот период истории художники создали колоссальное количество нелепых произведений. Орнаментальное искусство, соответственно распространившимся психосдвигам, вдруг стало расцениваться как выражение глубочайших идей, под названием абстрактной живописи или скульптуры. В подобную же форму облекалось множество подделок под искусство, ибо в те времена жило множество людей с плохо развитым вкусом, но гнавшихся за так называемой модой, то есть массовыми увлечениями в музыке, одежде, искусстве и даже облике человека.

Не сразу было понято, что дробление и искажение формы, перспективы и цветопереходов представляют собою закономерное в шизоидной психике стремление к извращению окружающей реальности. За это время миллионы нелепейших картин и чудовищных скульптур, больше похожих на обломки утилитарных деталей, заполонили музеи, наравне с произведениями противоположных направлений — ничем не прошибаемого натуралистического плана. Среди них потонули картины и скульптуры подлинных художников, искателей новых выражений человеческого духа в наступающую новую историческую эру.

Наконец, перебирая микрофильмы старых альбомов, исследователи нашли художника, специально посвятившего себя космосу.

Эксперты разошлись во мнениях относительно его имени. Некоторые думали, что это был «сокол» — русское название хищной птицы. Другие основывали имя на другом русском слове — «сок», означавшем жидкость из растений или плодов.

Не Та упорно продолжала поиски, и так были найдены пять картин.

Находка вызвала живейший интерес — был найден единственный русский художник космоса, творивший в самом начале космической эры.

Ему дали нежное прозвище «Сокол Русский», и планета смотрела теперь на цветные электронные репродукции пяти картин.

Сопровожденные объяснениями Не Той пять картин явились на экран во всем блеске своих красок.

На первой картине белый след быстро несущегося звездолета прорезал угрожающе фиолетовое, исчерченное пурпуром небо планеты Венеры. Бледные зелено-голубые огни электрических бурь неистовствовали над фиолетовым океаном.

Вторая и третья картины изображали различные аспекты планеты двойной звезды — красного гиганта и голубого карлика.

Резкие колебания температуры делали невозможной жизнь земного типа, но она тем не менее существовала в виде кремневых кристаллов. Одна картина показывала красное солнце, другая — голубое и дисковидный звездолет с Земли, проникший в мир двойного солнца и кристаллической жизни.

Четвертая картина была посвящена первой встрече земных людей и мыслящих существ другого мира.

Художник не попытался изобразить эти существа, вероятно, потому, что тогда господствовали взгляды о множественности форм мыслящей материи. Он написал встречу с творением инопланетной цивилизации — гигантским электронным мозгом, управляющим работой автоматических устройств планеты.

Пятая, и последняя, картина изображала автоматическую станцию, заброшенную на пробу атмосферы Сатурна, на кольцо планеты среди осколков скал — остатков спутников, разорванных ее притяжением.

Медленная череда древних картин повторилась еще раз. Затем экран показал отдельные детали живописи и угас, предоставив зрителям по-своему пережить встречу с картинами русского художника.

— Что поразило меня больше всего — это буйство воображения! — воскликнула Та.— Ведь они еще ничего не могли видеть в космосе, исключая свою собственную планету, конечно, да еще Луну. Но смотрите, как многое здесь передано верно. Какое вдохновение мог получить этот землянин, который не был никогда на других планетах, и он мог написать на картине то, что реально люди увидели лишь сотни лет спустя!

— Я также удивлен,— присоединился Альк.— Особенно, когда я понял, что это было тогда, когда человек уже потерял свое первобытное чувство восприятия... И в то же время еще не достиг синтеза эмоций и интеллекта.

— Но я могу понять,— возразил Крес.— Человеческий мозг, отражая необъятные просторы космоса, инстинктивно схватывал его законы, воспроизводя их в изобразительном искусстве. Вот и вышло, что художник предугадал изумрудные оттенки дисперсного сияния ледяных просторов Сатурна, так же как лиловое небо Венеры и ее электрические бури.

— Научная фантастика того времени показала еще более поразительную способность видеть то, что еще не видели тогда,— задумчиво заметил Ниокан.

— И все же ни одна из пяти картин не передает ощущения первой высадки на неизвестную планету. Я подразумеваю восторг ожидания плюс тревогу возможной опасности, вероятность ужасного разочарования.

— Особенно если ожидаете встречу с разумной жизнью,— вмешалась Та.

— О да, когда вам мерещатся строения и мосты в горах и оврагах или каналы и поля на равнинах. И чем ближе вы подходите, тем яснее становится, что эти дела рук человеческих — иллюзия, игра перенапряженного воображения.

— Или вспомните особенные, странные планеты, на которых даже облака кажутся угрожающе нацеленными на вас копьями. Плотный туман вьется гигантским драконом и смотрит на вас упорно и слепо, скрывая под собой мрачные, зловеще выглядевшие горы.— И Та опустила голову, как бы вспомнив темные планеты, впечатления от которых еще не стерла сияющая. прекрасная Земля.

— Главное все же,— заметил Ниокан,— это общее чувство бесконечности космоса тут, рядом, за порогом нашего земного дома.

— Действительно, нет предела нашему желанию исследовать его бездны, ни границ этого исследования. Разнообразие Вселенной неисчерпаемо! — спокойно заметил Крес.

Его три друга ответили жестом согласия.

— Очевидно, наши предки в начале Космической эры еще не развили то очень реальное восприятие невероятного, которое простирается повсюду в необъятных просторах Вселенной,— начал Ниокан,— даже у нас оно подавляет слабовольных, причиняя агорафобию.

— Я не думаю,— возразила Та.— Вспомните наших пещерных предков, которые смотрели на бесконечную непознанную планету, в которой исчезали и растворялись индивидуальные жизни. Где тогда была для них граница мира? Лишь тысячелетия позднее древние греки изобрели их, заключили в них свой мир и определили тем самым его познаваемость.

Последние слова потонули в громовом эхе резкого звука.

— До свидания, друзья! — закричал Крес, выключая гостевой канал.

Башня задрожала, и на боковых экранах возникли озабоченные лица тасманского и кергуэленского операторов.

— Внезапный ураган? — поспешно предположил Крес.

— Да, на высоте около пяти километров,— ответил тасманец.

— Отлично! Это не нарушит режим операции,— удовлетворенно сказал Крес.

— Надо снять жесткость башен.— И тасманец закрепил свои предохранительные лямки.

Крес повторил его действия и нажал на большой красный рычаг. Вибрация прекратилась.

Подобно спелому колосу ржи, башня нагнулась, припадая к земле, качаясь упруго надо льдами, смутно белевшими сквозь мглу бури. Оператор приспособил свое сиденье к наклону башни. На неукрощенной ледяной шапке Антарктики такие внезапные бури продолжались недолго.

* * *

Крес усилил подачу направляющего тока и терпеливо ждал окончания бури, стараясь представить себе людей прошлого, первыми проложивших дороги в космическое пространство, и тех первых устроителей общества, которые начали предвидеть и покорять до этого неустойчивую и неопределенную судьбу человечества Земли.

ОБСЕРВАТОРИЯ НУР-И-ДЕШТ

В тормозах громко зашипел воздух, размеренный стук колес перешел в непрерывный гул. Облако снежной пыли поднялось за окном вагона.

Разговор оборвался, и подполковник выглянул в окно, порозовевшее в лучах низкого закатного солнца. Но поезд набирал скорость и безостановочно мчался, неся пассажиров навстречу новым боевым судьбам нового, 1943 года.

Один из собеседников, военный моряк, вышел в коридор и сел на откидную скамеечку, думая о неизгладимой суровости войны, на все налагавшей свой отпечаток. Обветшалые деревни мелькали за окном изношенного вагона.

Около него остановился сосед по купе, молодой высокий майор-артиллерист. Еще при первой с ним встрече моряка поразила сдержанная энергия, исходившая от всей ловкой и стройной фигуры майора. Глаза, казавшиеся особенно светлыми на сильно загорелом лице, были удивительно спокойными, но в глубине их светилась какая-то сила, которую моряк с самого начала определил как проявление упорной радости жизни, надежно прикрытой привычной выдержкой.

Майор протянул моряку руку.

— Лебедев,— сказал он.— Я слышал ваш разговор с соседями и их нападки на вас. Мне понравилось, что вы утверждаете право человека на радость. Я думаю, ваши противники правы. Но правы, разумеется, и вы. Такова жизненная диалектика. Чувство радости сейчас реже других чувств приходит к людям... Тем более что человеческая радость иной раз зависит от совершенно необъяснимых на первый взгляд причин.

Поколебавшись, он добавил:

— Я расскажу вам любопытное происшествие, одним из действующих лиц которого довелось быть мне самому, и совсем недавно.

Стемнело. Они вошли в купе и заняли свои места на верхних полках. Наглухо закрытые шторы придавали купе, едва освещенному единственной лампочкой, особенно уютный вид. Моряк лежал на верхней полке против майора и слушал рассказ, до того не подходящий к окружающей обстановке, что временами сознание как бы раздваивалось, улетая в далекую солнечную и просторную страну...

— Я был призван на третьем месяце войны,— рассказывал майор Лебедев.— Прошел тяжелый путь отступления в непрерывных боях. Семь месяцев пули и осколки снарядов врага щадили меня. Не стоит рассказывать обо всем пережитом... До войны я был геологом, поклонником непокорной нашей природы, мечтателем. Трудная для тихой души военная страда, разрушения и зверства, чинимые на моей родной земле полчищами захватчиков, едва не сломили меня. Но все же я справился и скоро стал закаленным, подобно сотням моих боевых товарищей. И моя мечтательность, казалось, навсегда покинула меня. Я сделался жестким, мрачным. В душе осталась какая-то тяжкая пустота,— пустота, которая заполнялась только в боевых схватках с врагом, только удачными налетами моих батарей.

В марте я был серьезно ранен и на несколько месяцев вышел из строя. После лечения в госпитале я получил отпуск и был направлен на отдых, на курорт в Среднюю Азию. Я протестовал, доказывал необходимость немедленной отправки меня на фронт, говорил о том, что совершенно одинок,— ничто не помогло.

Словом, в конце июля тысяча девятьсот сорок второго года я оказался в поезде, мчавшем меня по просторным казахстанским степям навстречу жаркому солнцу.

Я часто стоял по ночам у открытого окна. Ветер, пахнущий полынью, сухой и свежий; приветливо обвевал меня. Легкая степная темнота подчеркивала древнее безлюдье равнины. Но я, я был весь там — далеко на западе.

Все же извечная безмятежность природы сделала свое дело, и к концу недели своей поездки я как-то внутренне немного смягчился, а главное — стал с бóльшим вниманием смотреть на окружающий мир.

После Арыси дневная духота в раскаленном вагоне сделалась мучительной, и я с удовольствием высадился поздней ночью на небольшой станции. Автобус из санатория должен был прийти только утром. Мягкую прохладу южной ночи не хотелось менять на ночлег в станционном зале. Я уселся на чемодане у фонарного столба и, вдыхая ночную свежесть, оглядывался кругом. Поезд задерживался. Пассажиры прогуливались по хрустящему гравию в свете фонарей. Закурив папиросу, я разглядывал пассажиров.

Девушка, прошедшая несколько раз по перрону, привлекла мое внимание красивым сочетанием зеленого платья, красноватой бронзы загара и пепельных светлых волос.

В ней было что-то выделявшее ее из толпы. Я и сейчас помню свое первое впечатление: пожалуй, это была радостная свежесть, переполнявшая все ее существо.

Она, несомненно, кого-то искала. Вот она остановилась, встряхнула короткими волосами и, подняв к фонарю круглое лицо, забавно надула губы. Почувствовав мой пристальный взгляд, девушка открыто взглянула на меня, отвернулась и пошла обратно.

Поезд ушел. Красный огонь хвостового вагона затерялся среди тем-

ных бугров; фонари, за исключением двух, погасли. Я еще некоторое время посидел на своем чемодане в сумраке затихшей станции. На душе впервые после долгого времени было как-то спокойно — то ли от прохладной темноты вокруг, то ли от ощущения простора ночной степи.

Мне стало холодно, и я неохотно направился к станции. Крошечный зал был едва освещен. За низкой деревянной перегородкой, в отделении для раненых, никого не было. В открытое окно свободно врывался ветер. Я прилег на скамейку, но спать не хотелось. В полутемном зале прозвучали легкие шаги. Я обернулся и узнал встреченную на перроне девушку. Она посмотрела на занятые спящими узбеками скамьи и нерешительно подошла к перегородке моего отделения. Я поднялся ей навстречу и пригласил устроиться на свободной скамье. Девушка поблагодарила и уселась на скамью, откинув назад голову и плотно сжав колени. С ее появлением мне показалось, что эта затерявшаяся в степи станция стала менее пустой. Девушка как будто не собиралась спать. Я решился задать ей несколько обычных дорожных вопросов, на которые она ответила коротко и с неохотой. И все же постепенно мы разговорились. Татьяна Николаевна, или просто Таня, была аспиранткой Института восточных языков в Ташкенте и сопровождала в экспедиции знаменитого профессора-археолога. Профессор исследовал развалины древней астрономической обсерватории, построенной около тысячи лет назад в предгорьях хребта, в двухстах километрах от станции. В обязанности Тани входило восстанавливать и переводить арабские надписи, попадавшиеся на стенах и камнях развалин.

— Вам не кажется смешным после фронта, после этого,— она легонько притронулась к моей руке, висевшей на перевязи,— что люди занимаются сейчас такими делами?— Она смущенно взглянула на меня.

— Нет, Таня,— возразил я.— Я бывший геолог и верю в высокое значение науки. А еще: значит, мы с товарищами хорошо защищаем нашу страну, раз вы имеете возможность заниматься своим делом, далеким от войны...

— Вот как вы думаете!— улыбнулась Таня и замолчала, погрузившись в задумчивость.

— Вы говорили, что обсерватория далеко в степи. Как же вы сюда попали?— возобновил я разговор.

Таня довольно подробно рассказала мне об экспедиции на древнюю обсерваторию. Состав экспедиции был немногочислен: профессор, Таня и ее пятнадцатилетний брат, работавший в качестве съемщика планов. Рабочих достать, конечно, было очень трудно. Несмотря на желание помочь экспедиции,ближайший колхоз дал только двух стариков. Но после двух недель работы старики вернулись в свой колхоз. Другие отказались идти, и, таким образом, работа по расчистке развалин прервалась. Профессор послал письмо в свой институт с просьбой выслать одного научного работника, оставшегося в Ташкенте для подготовки диссертации, чтобы произвести несколько несложных расчисток и завершить работу. Вот Таня и выехала встречать нового товарища. Прошли уже два поезда, но никто не приехал. Таня послала телеграмму в Ташкент с запросом и ждет утром ответа.

— Вот и все,— сказала девушка, сдерживая вздох огорчения.— Как все это неудачно! Если бы вы знали, какая интересная работа и какое чудесное место Нур-и-Дешт!.. Нур-и-Дешт — это название развалин обсерватории. Означает оно «Свет пустыни».

— А если место чудесное, как вы говорите, так чего же сбежали ваши старики?

— Там бывают подземные толчки, довольно сильные и частые. Кругом

все дрожит, где-то глубоко в земле раздается сильный гул, мелкие камешки и земля сыплются со стен развалин. Наши рабочие считали эти толчки предвестниками большого землетрясения, от которого все погибнут...

Я задумался над ее словами и, когда снова хотел обратиться к ней с каким-то вопросом, увидел, что Таня тихо спит, склонив голову на плечо.

Я осторожно подсунул свернутую шинель под бок Тане, а сам перешел на соседнюю скамью, улегся и заснул...

Когда я проснулся, девушки не было. В зале прибавилось людей, заполнивших маленькое помещение своими пестрыми халатами и звуками незнакомой речи.

Я умылся и пошел узнавать насчет автобуса. Ничего утешительного я не узнал: автобус запаздывал, и его можно было ждать только после обеда. Я отправился бродить по станции, надеясь встретить где-нибудь Таню. Обошел кругом здания, вышел в степь, но начавшее сильно припекать солнце прогнало меня в тень деревьев станционного садика. Еще издали увидел я зеленое платье Тани у входа на телеграф. Девушка в раздумье сидела на каменном крыльце под акацией.

— Доброе утро. Получили телеграмму?— осведомился я.

— Получила... Семенов ушел в армию, и, значит, никто к нам не приедет. Что же я скажу Матвею Андреевичу? Он так надеялся!

— А кто это Матвей Андреевич?

— Мой начальник, профессор. О нем я вчера вам рассказывала,— с чуть заметной досадой сказала девушка.

Тут меня осенила идея, от которой мне стало сразу весело.

— Слушайте, Таня, возьмите меня в помощники!— сказал я.— Едва ли я буду хуже ваших стариков.

Таня удивленно взглянула на меня.

— Вас?.. Но ведь вы должны лечиться. И потом...— Девушка замялась, остановившись взглядом на моей висевшей на перевязи руке.

Я поймал ее взгляд, вынул из перевязи руку и сделал несколько резких движений.

— Не беспокойтесь, Таня, рука у меня действует, а на перевязи висит, чтобы не затекала. Ее нельзя долго держать опущенной вниз,— пояснил я.— Я ведь еду не лечиться, а выздоравливать. Так не все ли равно где? Вы же сами хвастались, что место хорошее этот ваш Нур-и-Дешт.

Девушка колебалась. Серые глаза ее повеселели.

— Все будет хорошо,— шутливо продолжал я,— если только он, ваш профессор, не будет меня держать на пище святого Антония...

— Ну что вы! Еды у нас много! Только как же все-таки с санаторием вашим? Потом, дорога к нам трудная...

— Чем это трудная? Ведь вы же в четвертый раз собираетесь проделать ее.

— А вы не смотрите, что я невысокая: я сильная,— отвечала Таня.— Туда знаете как ехать? Отсюда до совхоза ходят автомашины — это сто двадцать километров. От совхоза нам дают обычно лошадь до поселка Туз-Куль — маленький такой колхоз, дорога к нему прескверная: песок и камни. А от Туз-Куля приходится доставать верблюда и пробираться километров тридцать через безводные пески. Я терпеть не могу ездить на верблюде: сидишь, словно на огромной бочке, и качаешься взад и вперед, как маятник. А верблюд, вы знаете, идет ровно четыре километра в час, не меньше и не больше.

Долго убеждать Таню мне не пришлось, и еще задолго до захода солнца пустая трехтонка, мячиком подскакивая на выбоинах, понесла нас на юго-восток от голубоватой линии снежных гор, в противоположную от

санатория сторону. Мы сидели на полу у кабины, весело переглядываясь: разговаривать было невозможно — откусишь язык. Рыжее облако густейшей пыли взвивалось за кузовом машины, расползалось и скрывало холмы, за которыми осталась станция. Часа через три пути темная полоска тополей, маячившая на горизонте, раздвинулась перед нами, открыв два ряда белых домиков, разделенных широкой, как площадь, прямой улицей. Пирамидальные тополя поднимали вверх правильные ряды зеленых башен, а справа и слева к поселку сбегали пологие склоны, щетинившиеся светло-желтыми пучками чия.

Машина остановилась у журчащего арыка, недалеко от конторы совхоза. Мне и сейчас приятно вспомнить простое, душевное гостеприимство в этом далеком совхозе. Мы решили ехать как можно позже: прохладная ночь — самое хорошее время для пути. Увидев на дороге просторный тарантас, Таня тихонько засмеялась.

— Выгодный вы помощник, Иван Тимофеевич: почет какой — в тарантасе везут.

Агроном, тоже ехавший в колхоз, взял на себя обязанности ямщика; мы с Таней уселись в корзинку и двинулись навстречу слабому ветерку. Темная степь под низкими теплыми звездами окружила нас.

Вскоре я почувствовал, что плечо Тани стало часто прикасаться к моему. А затем и кудрявая головка ее мирно устроилась на моем плече. Время шло. Бархатный ветерок выпустил холодные когти. Предрассветный холод не дал нам уснуть как следует.

Туз-Куль не показался мне приятным местом. Голый бугор с редкими, недавно посаженными тополями был усеян низенькими домишками, обмазанными красно-бурой глиной. В шесть часов вечера мы двинулись в пески в сопровождении проводника с верблюдом, нагруженным продовольствием. Я решил последовать примеру Тани и пошел рядом с ней пешком. Невысокие песчаные бугры заросли какой-то колючкой голубого цвета. Идти было совсем нелегко, и я дивился выносливости моей спутницы. Ноги погружались в сыпучую массу, душный жар шел от песков,— легко можно было представить, каково идти здесь в жаркие часы дня. После короткого привала при свете высокой вечерней зари мы вошли в заросли саксаула. Светящийся циферблат моих часов показал четверть первого, когда окончились пески и ноги с облегчением ощутили твердую почву каменистой полынной степи.

На высоте, вдалеке, виднелся красный огонек, окруженный облаком золотистой световой пыли.

— Это костер на площадке у палаток,— пояснила Таня.— Что-то наши долго не спят — должно быть, меня ждут.

В темноте раздался звонкий мальчишеский голос:

— Матвей Андреевич, Таня приехала!

Мое знакомство с профессором состоялось при свете костра. Это был маленький круглый человечек с квадратным лицом. Умные глаза его прикрывали большие толстые стекла очков. Я несколько задержался, подгоняя ближе к костру упиравшегося верблюда. Профессор, поздоровавшись с Таней, крикнул в мою сторону:

— Показывайтесь, Семенов! Где вы там прячетесь? Рассказывайте, что в Ташкенте.

Я вышел в освещенный костром круг. Профессор откинулся назад, поправил очки и посмотрел на Таню.

— Кто это?.. А Семенов где?

— Семенов не приехал, Матвей Андреевич,— виновато, тонким голоском ответила Таня.

— Ничего не понимаю! Что за шутки?— начал сердиться профессор.

Я подошел к нему и, протягивая руку, назвал себя. Затем вкратце объяснил причину моего появления здесь.

— Что вы! Ну как же так? Вы майор раненый, орденоносец. Неудобно, мой друг, неудобно!— ворчал профессор, сердито поглядывая на Таню.

Та помалкивала.

— И, наконец, ваша рука... Гм-гм!.. Разве вы сможете работать?.. Вот уж не ожидал от вас, Таня, такого легкомыслия!

Я рассмеялся, схватил здоровой рукой тяжелый тюк, снятый с верблюда, и легко поднял его над головой. Таня захлопала в ладоши. Профессор как будто смягчился.

— Ну, ну... Что мне с вами делать?

— Попробуйте на работе. Не подойду — выгоните,— смиренно произнес я.

Таня фыркнула. Очки профессора блеснули, уставившись на нее.

— Ох уж эти девы! Вечно они... Все ничего, а появится душка военный — и готово. Ну ладно, пейте чай, устраивайтесь, потом увидим.

В конце концов все обошлось. Когда профессор узнал, что я геолог и, следовательно, знаком с археологией, то и совсем забыл о неожиданности моего появления.

Наутро обсерватория Нур-и-Дешт показалась мне действительно на редкость приятным местом. На каменистом высоком холме стояла полукруглая стена с выступающей на ее задней стороне приземистой башенкой. Концы стены перекрывались сверху двумя массивными сводами, подпертыми толстыми кубическими основаниями. Между кубами сохранился красивый, в арабском стиле, портик, на котором еще оставались следы буквенной золотой вязи по бирюзовому фону. Между башенкой и сводами в почве была выкопана глубокая воронка, облицованная туфом. Большую часть воронки заполняла вогнутая вниз правильная мраморная дуга астрономического квадранта, спадавшая и снова подымавшаяся двумя полосами с углублением посредине. На боковых стенках дуги были высечены какие-то знаки и деления. Параллельно дуге спускались вниз мелкие, аккуратно высеченные ступеньки.

Профессор не стал задерживаться в обсерватории.

— Здесь мы уже все изучили,— сказал он мне.— Теперь место нашей работы будет вон там.— И он махнул рукой в оконечности правого крыла стены, около которой торчали остатки осыпавшихся сводов и стояла тонкая заостренная башенка.— Здание для астрономических наблюдений, как видите, хорошо сохранилось. Ну конечно, бронзовые части дуги квадранта и другие приборы давно расхищены, еще во времена монгольского нашествия. А тут, где мы будем продолжать изучение, должно быть, было хранилище инструментов, звездных карт и книг, а может быть, и жилище астрономов. Часть здания высечена в скале. Тут есть какие-то ходы, колодцы и подземелья, в назначении которых нам еще нужно разобраться. Верхняя надстройка рухнула, кучи щебня и песка загромождают нижние ходы, и до сих пор у меня нет ясного представления об этом здании. Оно больше похоже на маленький форт, чем на обсерваторию... Ну что ж, приступим...— И с этими словами профессор нырнул под засыпанный пылью и покрытый засохшей травой свод.

Мы все трое последовали за ним.

В полумраке квадратного помещения под сводом была приятная прохлада. Я вооружился инструментом вроде широкой тяпки — кетменем — и по указаниям профессора принялся отгребать завал из земли и каменных обломков, образовавшийся от проседания следующего свода. Я ста-

рался вовсю; пот катился с меня градом, и груды отброшенной мной земли все увеличивались по обе стороны камеры. Профессор, очень довольный, велел мне отдохнуть и взялся сам за кетмень. Потом копала Таня, и снова я. Так мы рыли в поту и пыли еще долго, пока наконец не проникли в низкий просторный подвал, чуть освещенный сквозь щели в камнях под сводами, наверху. Внимание профессора и Тани сразу привлекли какие-то плитки из гладкого камня, кучкой сложенные в углу. Для меня в этом темном пустом подвале не было ничего интересного, я принялся осматривать соседние с ним другие помещения. Узкие, как щели, проходы без дверей соединяли еще три подвала с высокими, в противоположность первому, потолками. Все они были совершенно пусты, только в конце второго помещения выступала толстым цилиндром какая-то постройка из плотно сложенных серых камней. По наружной стороне цилиндра вилась наверх обрушившаяся узкая лестница, верх которой исчезал в хаосе обломков, засыпавших квадратный люк. В нижней части цилиндра чернели крохотные оконца, проникнуть в которые не могла бы даже крыса. Я заглянул в одно из них и долго всматривался в тьму, пока мне не показалось, что я вижу какой-то слабый отсвет. Я посмотрел снова и опять увидел едва заметный блеск. Я позвал профессора. Он с неохотой оторвался от разглядывания плиток и последовал за мной. Я обратил его внимание на цилиндрическую постройку, но профессор не выразил никакого интереса.

— Смотрите, Таня,— сказал он шедшей позади девушке,— это цоколь наружной башенки, той, что вроде минарета. Она одна только и уцелела: построена из крепчайшего диабаза.

На мое замечание о чем-то блестящем внутри профессор ответил:

— Ну что там может быть? Какая-нибудь изразцовая плитка завалилась. На башенку поднимались по наружной лестнице, а пустота внутри — только для экономии материала, хода внутрь нет.

Он двинулся было обратно, но вдруг остановился:

— Эге! Вот это на самом деле важно!

И профессор указал на завалившуюся стенку подвала за выступом щелеобразной двери. Из-под осыпи едва виднелась ступенька — очевидно, начало лестницы, шедшей куда-то вниз.

— Видите, Таня, я говорил вам, что должен быть еще третий этаж, самый нижний. Это первый ход вниз, который нам удалось обнаружить. Тут и будем копаться... Сколько времени, Иван Тимофеевич?— спохватился профессор.

— Скоро пять.

— Ну-ну! То-то я так хочу есть! Пойдемте скорее.

Наверху нас встретил сухой жар и ослепительный свет. После сумрака под сводами зарябило в глазах. Я пропустил вперед Таню и профессора и остановился, чтобы получше осмотреть местность с высоты бугра обсерватории. На ровной площадке слева от бугра стояли две наши палатки. И бугор и площадка находились на плоской вершине широкого куполовидного холма. Этот холм возвышался посредине группы из восьми подобных же холмов, покрытых редкой и жесткой травой, совсем не похожей на веселую зеленую траву нашего севера. Сквозь ее щетинистый покров просвечивали угловатые выступы черных камней, присыпанных крупным песком. Камни, выступавшие из-под тонкого почвенного покрова на том холме, где стояла обсерватория, были другого, более светлого цвета. Поэтому бугор обсерватории довольно резко выделялся по окраске среди остальных черных собратьев.

Девять холмиков теснились на краю бесконечной, постепенно понижающейся к югу равнины, а с запада, справа, почти у самого горизонта,

виднелась иззубренная полоса далеких снеговых гор. В той же стороне равнину пересекала узенькая, отливающая сталью извилистая лента; сбегавшая с гор речушка огибала холм обсерватории и, отклоняясь на восток, терялась в песках. Вокруг обсерватории, внизу, расстилалась желтая степь, испятнанная кустиками серебристой полыни и голубых колючек. Дальше, к северу, степь очерчивалась по краю песков темной лентой саксаульника.

Покой, простор, чистый горный воздух, синева тяжелого зноя над головой...

Как удачно сложилась судьба, приведшая меня сюда! И что еще нужно сейчас моей душе? Радостное чувство примирения с собой, с природой охватило меня.

— Иван Тимофеевич,— донесся крик Ванечки, Таниного брата,— обедать!

— Куда вы девались?— встретила меня Таня вопросом.— А я чудесно искупалась и вам хотела предложить. Сейчас будем обедать, а купание отложимте до вечера.

После обеда и небольшого отдыха мы опять отправились откапывать обнаруженную профессором лестницу. Она уходила в широкую выемку, высеченную в песчанике и доверху заваленную всяким мусором. По тому, как медленно подвигалась работа, было ясно, что понадобится несколько дней наших соединенных усилий, чтобы откопать лестницу.

Закончив намеченную на сегодня работу, я напомнил Тане о ее обещании. Она повела меня по узенькой тропинке вдоль берега речки к подножию второго холма. Я молча шел следом, прислушиваясь к ровному шуму быстрой воды, дробившей солнечный свет в быстрых струйках. У поворота речки Таня остановилась.

— Вы здесь посидите подождите меня. Мы с Вячиком сделали плотину, так что воды по пояс будет.

Таня скрылась за выступом берега, а я улегся на жесткой траве, подставив лицо прохладному слабому дуновению ветра. Журчание речки наводило дремоту.

— Уснули? Идите скорее. Как чудесно!

Свежая, веселая Таня стояла передо мной — безупречная красота юности, дружной с водой и солнцем. Я вскочил и спустился под высокий берег, где нашел маленькую запруду против крохотного песчаного пляжа. Два искривленных деревца, как часовые, охраняли эту первобытную ванну со стороны низкого правого берега. Я быстро приспособился купаться лежа, борясь с напором холодной воды. Купание замечательно освежило меня. У палатки нас уже ждали профессор и Вячик с чаем.

— Как понравилось купание?— спросил профессор.— А ну-ка испытаем геолога! Ничего в речке не заметили? Нет? Ну, дорогой мой майор, повоевали и все забыли! Древнее название этой речки, сохранившееся в летописях,— «Экик», что значит сердолик. И в гальках русла иногда попадаются красные камешки. При случае посмотрите.

Раскопки нижнего этажа оказались сложнее, чем мы ожидали. Шедшая наклонно вниз выемка постоянно заваливалась осыпавшейся землей и щебнем. Я работал уже четыре дня с утра до позднего вечера. Мускулы наливались новой силой. Словно из неведомых мне самому уголков души поднимались новые, свежие, как весенняя зелень, чувства — такие же бесконечно спокойные и светлые, как окружающая природа. Уверенная радость жизни владела мной: я почти забыл про усталость и недовольство. Тело, как это и должно быть у всякого вполне здорового человека, не существовало для меня, ничем не давая знать о себе, кроме наслаждения избытком жизненной энергии. Сейчас я разлагаю эти ощущения на

отдельные элементы, тогда же это было иначе и выражалось, собственно, в чувстве обостренного восхищения местностью, где были расположены развалины Нур-и-Дешт. Я ломал голову, стараясь понять секрет очарования пустынных каменистых холмов и печальных развалин в жарком кольце степи и песков. Я поделился своими впечатлениями с Таней и профессором. Они согласились со мной.

— Я, признаться, ничего не понимаю,— сказал Матвей Андреевич.— Знаю только, что никогда не чувствовал себя так хорошо, как здесь.

— Мало сказать — хорошо,— подхватила Таня.— Я, например, переполнена светлой радостью. Мне кажется, что эта древняя обсерватория — храм... ну, не могу этого ясно выразить... земли, неба, солнца и еще чего-то неведомого и прекрасного, неуловимо растворяющегося в свободном просторе. Я видела много гораздо более красивых мест, но ни одно из них не обладает таким могучим очарованием, как эти, казалось бы, равнодушные развалины...

Еще один трудовой день кончился затемно, но спать не хотелось.

Наступила ночь. Мы улеглись у костра. В зените черного купола над нами сияла голубая Вега; с запада, как совиный глаз, горел золотой Арктур. Звездная пыль Млечного Пути светилась раскаленным серебром.

Вот там, низко над горизонтом, светит красный Антарес, а правее едва обозначается тусклый Стрелец. Там лежит центр чудовищного звездного колеса Галактики — центральное «солнце» нашей Вселенной. Мы никогда не увидим его — гигантская завеса черного вещества скрывает ось Галактики. В этих бесчисленных мирах, наверно, тоже существует жизнь, чужая, многообразная. И там обитают подобные нам существа, владеющие могуществом мысли, там, в недоступной дали... И я здесь, ничего не подозревая, смотрю на эти миры, тоскуя, взволнованный смутным предчувствием грядущей великой судьбы человеческого рода. Великой, да, когда удастся справиться с темными звериными силами, еще властвующими на земле, тупо, по-скотски разрушающими, уничтожающими драгоценные завоевания человеческой мысли и мечты.

— Вы спите, Иван Тимофеевич?— раздался голос профессора.

— Нет, я смотрю на звезды... Они здесь какие-то особенно ясные и близкие.

— Да, обсерватория выстроена с толком: здесь необыкновенная прозрачность воздуха. Впрочем, почти во всех местах Средней Азии прозрачное и яркое небо. Недаром местные народы — хорошие наблюдатели звезд. Знаете, киргизы называют Полярную звезду Серебряным гвоздем неба. К этому гвоздю привязаны три коня. За конями вечно гонятся по кругу четыре волка и никак не могут догнать. А когда догонят, то будет конец света. Разве это не поэтическое изображение вращения Большой Медведицы?

— Очень хорошо, Матвей Андреевич! Помню, я читал где-то о небе Южного полушария. Высоко, где сияет Южный Крест, в Млечном Пути находится яркое звездное облако, а рядом с ним абсолютно черное пятно — огромное скопление темного вещества в форме груши. Первые мореплаватели назвали его Угольным мешком. Так вот, древняя австралийская легенда называет это пятно зияющей ямой — провалом в небе, а другая легенда говорит, что это воплощение зла в виде австралийского страуса эму. Эму лежит у подножия дерева из звезд Южного Креста и подстерегает опоссума, спасающегося на ветвях этого дерева. Когда опоссум будет схвачен эму, тогда наступит конец света.

— Да, похоже, только животные совсем различны,— лениво сказал профессор.

— Объясните мне, пожалуйста, Матвей Андреевич, кто и когда создал Нур-и-Дешт, эту «с толком выстроенную» обсерваторию, и почему она в таком пустынном месте?

— Работали здесь уйгурские астрономы, ученики арабских мудрецов. Ну а место-то стало пустынным после монгольского нашествия. Тут кругом развалины — следы поселений. Семьсот лет назад здесь, без сомнения, было богатое, населенное место. Чтобы построить такую обсерваторию, нужно много знать и много уметь.

Речь профессора прервалась. Что-то случилось. Я сначала не сообразил, что именно. Второй толчок дал почувствовать, как заколебалась земля под ногами,— словно по поверхности прошла каменная волна. Почти одновременно мы услышали отдаленный гул, будто исходивший из глубины под нашими ногами. Посуда в ящике дребезжала, головешки в костре развалились. Толчки следовали один за другим.

Все кончилось так же неожиданно, как и началось. В наступившей тишине было слышно, как катятся по склонам потревоженные камни и что-то сыплется в развалинах обсерватории.

Наутро, как только мы явились к месту ежедневной работы, нас встретили неожиданные изменения, вызванные ночным землетрясением. Подрытый снизу в левой стороне земляной завал осел и рухнул, обнажив в правой стенке неглубокую нишу, обведенную заостренной стрельчатой аркой. В глубине ниши из-под пыли и налипших комьев земли виднелась каменная плита с вырезанным на ней совершенно неразборчивым для непривычного взора сплетением знаков арабского куфического письма[1]. Обрадованные находкой и в то же время огорченные новым завалом лестницы, мы быстро расчистили надпись, столько веков скрывавшуюся под сухой и пыльной землей. На гладкой синеватой плите буквы были углублены и покрыты чем-то вроде глазури очень красивого оранжевого цвета с зеленым отливом. Таня и профессор принялись расшифровывать надпись, а мы с Вячиком опять взялись за расчистку лестницы.

Матвей Андреевич расправил плечи и шумно вздохнул:

— Жаль, ничего важного! Правда, подтверждение сохранившихся в истории сведений. Надпись гласит, что по указу такого-то в таком-то году, в месяце Ковус... это Стрелец по-арабски, Таня?

— Да.

— Значит, в ноябре окончена постройка в местности Нур-и-Дешт, у речки Экик на холме... как это, Таня?

— Не совсем понимаю название — что-то вроде Светящейся чаши.

— Какая поэзия! На холме Светящейся чаши, на месте прежних разработок царской краски... Ага, это по вашей части, майор. Где же след разработок и что могло здесь добываться?

— Не знаю, не заметил никаких выработок.

— Да вы были когда-нибудь геологом?— шутливо возмутился профессор.

— Погодите, Матвей Андреевич. Вот прокопаю вам лестницу, тогда отпустите несколько часов побродить. Может быть, и геолог пригодится. А то ведь мой ежедневный маршрут только один: речка — подвал, речка — палатка.

— Ага!— рассмеялся профессор.— Побывали в шкуре археолога — нос всегда в землю... А ведь вы правы: стоит объявить выходной день.

---

[1] *Куфическое письмо* — вид арабского шрифта. Отличается расширенными квадратными очертаниями тесно соединенных друг с другом букв.

Завтра не будем рыться — походите, поисследуйте. Таня, конечно, стиркой займется... Нет? А что же? Тоже побродить, геологии поучиться? Гм!..

— А что там дальше в надписи, Матвей Андреевич?— перебил я профессора.

— А дальше следует: в память великого дела сделана эта надпись и замурована древняя ваза с описанием постройки.

— Но, профессор, ведь находка вазы имела бы большое значение для изучения обсерватории?

— Конечно. Но где она замурована, не сказано. Ясно, что в фундаменте. Как ее найдешь? Лестницу прокопать — и то не можем.

* * *

Утром я попросил у Вячика дробовую бердану в надежде подстрелить какую-нибудь дичину. Сопровождаемые насмешливыми напутствиями профессора, мы с Таней отправились в обход холмов Нур-и-Дешт. Оказалось, что никто из членов маленькой экспедиции не отходил далеко от развалин — работа отнимала все время. День был на редкость зноен и тих, ни малейшее дуновение не сгоняло сухого жара, шедшего от каменистой почвы. Мы долго ходили по холмам, карабкаясь по склонам, пока не изнемогли от жажды. Тогда мы спустились к речке, напились вволю и принялись бродить босиком по руслу. Крупные камешки разъезжались под ногами. В прозрачной воде среди черных и серых галек изредка резко выделялись разноцветные, сглаженные водой кусочки опала и халцедона. Охота за красивыми камнями увлекла нас обоих, и, только когда ноги совсем окоченели, мы вышли на берег и стали греться на теплых камнях, занимаясь разборкой добычи.

— Красные кладите сюда, Таня. Это сердолик — очень ценившийся в древности камень, якобы обладавший целебной силой.

— Красных больше всего. А вот смотрите, какая прелесть!— воскликнула девушка.— Это вы нашли? Прозрачный и переливается, как жемчуг.

— Гиалит, самый ценный сорт опала. Можете сделать из него брошку.

— Я не люблю брошек, колец, серег — ничего, кроме браслетов. Но если вы мне подарите его просто так... спасибо... А зачем вы взяли эти три камня — мутные, нехорошие?

— Что вы, Таня! Разве можно так порочить самую лучшую мою находку? Смотрите.— И я погрузил невзрачную белую гальку в воду. Камень сделался прозрачным и заиграл голубоватыми переливами.

— Как красиво!— изумилась девушка.

— Ага, некрасивый камень оказался волшебным. Он и считался в древности волшебным. Это гидрофан, иначе называемый «око мира». Он сильно пористый и поэтому в сухом состоянии непрозрачен. Как только поры заполняются водой, он делается прозрачным и очень красивым. Это все разновидности кварца; их еще много сортов различных оттенков, ценности и красоты.

— Что же вам дала наша сегодняшняя экскурсия?— спросила Таня.

— Теперь я имею представление о строении всей этой местности. Правда, оно оказалось неинтересным: древние граниты и толща черных кварцитов, пронизанных жилами кварца. Холм, на котором стоит обсерватория, несколько отличается от других: он сложен какими-то очень плотными стекловидными кварцитами. Красивые камни в русле речки остались от размыва кварцитов — в жилах, в пустотах и натеках по трещинам, должно быть, довольно много халцедона и опала.

— А где же разработки, о которых говорится в надписи?

— Так и не знаю. Сами же видели — нигде ни малейших следов. Может быть, они скрыты под развалинами обсерватории.

— Плохо! Опять Матвей Андреевич будет смеяться...— заключила Таня.— Пора обратно. Смотрите, солнце садится. И так придем в темноте.

На красном огне заката круглые плечи холмов выступили резкими силуэтами. Полное отсутствие ветра подчеркивало глухое молчание окрестных песков. Когда мы добрались до холма обсерватории, с западной стороны уже погасли последние отблески зари.

Развалины, едва различимые при свете звезд, встретили нас молчанием. Только сплюшка[1] где-то вдали издавала свой мелодичный крик. Ночью здесь было неприветливо; неясное ощущение опасности овладело нами, и мы пошли крадучись и шепчась, словно боясь разбудить что-то дремавшее среди угрюмых стен.

Внезапно я почувствовал, что дневная усталость куда-то отходит, уступая место бодрости. Сухой, неподвижный воздух, несмотря на тепло, исходившее от нагретых стен, казался необычайно свежим. Приятное, едва ощутимое покалывание изредка пробегало по коже.

— Я совсем не устала,— шепнула мне Таня, придвигаясь так близко, что почти касалась меня плечом.— Здесь что-то в воздухе.

— Да, я бы сказал, воздух — точно вблизи динамо-машины. Потрогайте-ка ваши волосы, Таня: они что-то очень распушились.

Таня провела рукой по волосам, стараясь пригладить их, и множество мельчайших голубых искорок замелькало под пальцами.

— Будто перед грозой,— сказала Таня,— только небо ясное и духоты совершенно не чувствуется, наоборот...

— Странно. Вообще в этом месте много необъяснимого...— начал я и вдруг увидел слабое зеленоватое свечение, мелькнувшее где-то в проломе стены.

Мы уже подходили к главному зданию с дугой квадранта. Я присмотрелся и заметил, что чуть видимым отблеском светится несколько букв надписи на внутренней стенке портика.

— Смотрите, Таня!— Я подвел свою спутницу к обрушенной части стены.

В непроглядной тьме сводов явственно выступали извивы букв, очерченные зеленовато-желтым сиянием.

— Что это такое?— взволнованно прошептала девушка.— Тут кругом много надписей, но ведь они не светятся.

— Все те надписи сделаны золотом. Так, кажется?

— Правильно,— подтвердила Таня.

— А это... Одну минуту...

Я осторожно проскользнул в портик и зажег спичку. Загадочное свечение мгновенно исчезло. Обветшавшая стена слепо встала передо мной. Но я все же успел заметить уцелевший кусок изразцовой плитки, покрытый гладкой глазурью, с выведенными на ней оранжево-зелеными буквами.

— Это сделано не золотом, а такой же эмалью, как у лестницы в подвале.

— Пойдемте скорее посмотрим! — живо предложила девушка.

— Пойдемте,— согласился я и спросил:— Вы бывали когда-нибудь ночью на обсерватории, вы или профессор?

---

[1] Сплюшка — небольшой сыч; водится в южных районах Советского Союза.

— Нет, ни разу.

— Тогда вот что, пойдем сначала в лагерь — только не говорите пока ничего профессору,— мы поужинаем и, когда все заснут, продолжим исследование, если хотите. А если устали, я один займусь.

— Что вы! При чем тут усталость? Все так таинственно, интересно!

— Отлично. Только уговор, Таня: профессору ни слова. Я сам еще ничего не понимаю, но, если мы с вами додумаемся до какого-то объяснения, вот будет Матвею Андреевичу сюрприз наутро!

Теплая крепкая рука девушки сжала мою. Мы быстро спустились с холма к площадке, на которой по обыкновению горел небольшой костер. Поворчав на нас по поводу опоздания к ужину, профессор принялся расспрашивать меня о результатах похода. Как Таня и ожидала, добродушные насмешки профессора посыпались на мою бедную голову, едва Матвей Андреевич узнал, что я так и не нашел следов разработок красок.

— Ладно, лучше не буду спрашивать, что вы нашли в темноте вместе с Таней... Ну-ну, не сердитесь! Показывайте ваши камешки... Как много сердолика! Пожалуй, если несколько дней поработать, набрали бы целый мешок. Теперь сердолик мало ценится: еще один из многих примеров забытой с веками мудрости человеческого опыта. Раньше во всей Ближней Азии этот камень ценился наравне с лучшими драгоценностями. Из него делали браслеты, ожерелья, пряжки. И верили, что сердолик предохраняет человека от многих заболеваний. А самое любопытное — оказывается, эта вера больше, нежели простое суеверие. Я недавно узнал...— Профессор замолчал, задумчиво разглядывая красный камень при свете костра.

— Что вы узнали, Матвей Андреевич, расскажите,— попросила Таня.

— Да очень просто: медики начинают пробовать лечение сердоликом. Оказывается, он почти всегда обладает радиоактивностью, слабой, можно сказать — ничтожной, равной сумме радиоактивности человеческого организма. Но именно потому, что радия в сердолике только ничтожные следы, он действует благотворно на нервную систему, восстанавливая в ней какой-то баланс, что ли,— не знаю толком.

«Радий?» Меня пронзила неясная догадка, и в голове вихрем завертелись мысли об электрических разрядах, светящихся надписях, оранжево-зеленых красках. Я нетерпеливо вскочил, но сейчас же взял себя в руки и поспешно вытащил папиросы.

— Что это вы, словно вас кольнуло, Иван Тимофеевич?— удивленно спросил профессор.— Пожалуй, и спать время. Завтра пораньше примемся — наверно, разгребем вход. Вы как хотите, а мы с Вячиком на боковую.

Я и Таня остались вдвоем. Я нервно курил, ожидая, пока профессор заснет и можно будет взять свечи для ночного исследования тайны обсерватории Нур-и-Дешт.

Наконец Таня достала две свечи, а я вытащил из кучи инструментов тяжелый лом.

— Это зачем?— удивилась девушка.

— Пригодится. Вдруг придется отвалить камень, вывернуть, какую-нибудь плиту...

Внизу, в каменных подвалах, царил полнейший мрак. Хорошо знакомой дорогой мы пробирались ощупью, не зажигая света. Повернули направо, в щелевидный вход, добрались до лестничной ниши. Таня вскрикнула: большая доска очень слабо, но явственно светилась сплетением куфических букв. Такая же золотистая светящаяся полоска шла по выступу лестничной арки.

— Так, понимаю,— подумал я вслух,— здесь днем мало света...

— Ну и что же?— нетерпеливо спросила Таня.

— Не спрашивайте меня сейчас, пока не решу всю задачу. Пойдемте наверх, к квадранту. Наверно, мы встретим еще остатки светящихся надписей... Стоп! Дайте свечу. Заглянем сюда.

Я вспомнил загадочный отблеск внутри цоколя астрономической башни, виденный в первый день, и решил попробовать проникнуть в цоколь. Я принялся осторожно выворачивать ломом крепко спаявшийся с остальными брусок камня над узкой вентиляционной щелью. Уступая моим настойчивым усилиям, камень зашатался. Я надавил сильнее и, дернув камень к себе, извлек из кладки. Второй отделился легче. Образовалось отверстие, достаточное для того, чтобы просунуть голову и руку со свечой.

Огонь свечи озарил тесную внутренность башни, круглую, уходящую высоко в темноту. Налево, против пробитой мною дыры, находился широкий обтесанный камень, а на нем, покрытый густой пылью, стоял большой широкогорлый сосуд, мутно поблескивая запыленной глазурью. Даже на мой взгляд форма вазы была старинной.

— Ваза, Таня, ваза!— воскликнул я и уступил девушке место у пролома.

— Не пролезть. Как достанем?— спросила она, подавляя радостный вздох.

— Сейчас.

Воодушевленный находкой, я быстро справился еще с двумя камнями. Едва я проник внутрь башни, как поспешно отпрянул назад: правее и позади камня, на котором стояла ваза, зияла темнота колодца. В колодец шли узкие ступеньки, спиралью завивавшиеся до какого-то выступа внутренней части башенки. Я передал вазу девушке через пролом и сказал:

— Подождите меня, Таня. Я спущусь вниз.

— Нет, нет, я пойду за вами: кто знает, что там...— Она замолчала, смутившись.

Наши глаза встретились, и я... Ну, словом, я спустился, упираясь руками в стенки колодца, и помог следовавшей за мной Тане.

Колодец был неглубок. Впрочем, это оказался вовсе не колодец, а неровный, немного наклонный ход, высеченный в скале. Холод охватил нас сквозь легкую одежду. Но это не был холодный, застоявшийся воздух подземелья — чистый и свежий, он походил на богатый озоном воздух горных вершин. На глубине нескольких метров ход расширялся в неправильную большую пещеру с изрытыми стенами, изборожденными узкими, просеченными в разных направлениях бороздками. Я уже знал, что́ искать: кое-где в трещинах кремнистых сланцев и кварцитов, на дне бороздок оставались небольшие охристые примазки лимонно-желтого и оранжевого цветов.

— Вот и рудник красок, Таня! Только краски-то не простые.

Мы поднялись наверх. Не слушая протестов Тани, я совершил кощунство — понес вазу, не дожидаясь дня. Крепко прижав к груди тяжелую вазу, я осторожно ступал, боясь споткнуться. Около портика мы оставили дорогую находку и медленно обошли все здание. Я оказался прав: еще в нескольких местах мы обнаружили свечение каких-то знаков. Светящиеся черточки были и на дуге квадранта.

Спустившись к речке, мы осторожно сняли крышку сосуда. Внутри его не было ничего, кроме пыли. Тогда мы обмыли вазу снаружи и бесшумно принесли в палатку, поставили у изголовья профессора, заранее наслаждаясь, как он будет удивлен и потрясен утром.

— Ну а теперь рассказывайте!— шепнула мне на ухо Таня.— Я все равно спать не буду, пока не узнаю.

Отойдя от палатки, мы уселись на берегу речки, с мелодичным журчанием бежавшей в темную степь.

— Все, оказывается, очень просто, Таня: здесь имеется месторождение урановых руд, и, следовательно, присутствует радий. Эти желтые пятна — урановые охры. Они применяются в керамике для получения очень прочной глазури с яркими и чистыми цветами: оранжевым, желто-зеленым, оливковым. Урановые руды встречаются в натеках, по трещинам кварцитов и были еще в древности выработаны, но радий — радий!— помимо урана, вероятно, рассеян в ничтожном количестве в кремнистой массе светлых кварцитов. И я думаю, что весь холм обсерватории, состоящий из этих кварцитов, излучает эманацию радия. Кварциты, должно быть, слаборадиоактивны. Соли радия, смешанные с другими минералами, дают необычайно прочные светящиеся краски. Сейчас, особенно в войну, эти светящиеся составы имеют широкое применение. Оказывается, древние астрономы тоже знали этот секрет, и, может быть, само название «Нур-и-Дешт»— «Свет пустыни»— тоже связано со странными явлениями на обсерватории. Радий все еще мало изучен. Мы знаем, что он ионизирует воздух, накапливает электричество и озон, убивает микробов, обезвреживает яды. Теперь я понимаю, в чем секрет необычайно радостного воздействия этого места: огромная масса радиоактивных кварцитов, не прикрытых сверху другими породами, создает большое поле слабого радиоактивного излучения, очевидно, в дозировке наиболее благоприятной для человеческого организма. Вспомните, что профессор говорил про сердолик. А сегодня из-за отсутствия ветра получилось большее, чем обычно, накопление эманации радия. Мы с вами сразу и заметили это ночью. Какое неожиданное и интересное открытие, правда?— И я положил свою руку на руку девушки.

— Да, интересно...— отчужденно произнесла Таня и быстро поднялась.— Ну, надо идти спать, уже поздно...

Немного озадаченный внезапной холодностью Тани, я остался на берегу. Все мои мысли вертелись вокруг неожиданного открытия. Я продолжал находить новые и новые факты в доказательство своей догадки и долго еще сидел в темноте. Наконец я запутался в дебрях химии и побрел к своей постели...

Разбудили меня шумные возгласы профессора, звавшего всех нас. Ваза была извлечена на свет. Узор блестящей эмали бархатистого зеленочерного цвета шел между яркими оранжевыми, коричневыми и оливковыми полосами. Такие прекрасные тона глазури могли дать только соединения урана. Новое подтверждение ночного открытия в ослепительном свете дня!

Я рассказал профессору все свои соображения. Надо было видеть радостное возбуждение ученого! Я прибавил, что радиевые излучения, может быть, способствуют еще большей прозрачности воздуха непосредственно над обсерваторией.

— Ну, это вы, пожалуй, хватили,— возразил профессор.— А что до нашего состояния, то я совершенно с вами согласен. Это место не только место света, но и место радости. А вот почему Таня у нас сегодня грустная? Что случилось?

— Нет, Матвей Андреевич, со мной ничего...

После вторичного осмотра выработки мы вернулись к работе на лестнице. К концу дня удалось расчистить небольшое отверстие, в которое все мы поочередно пролезли. Там был подвал из нескольких камер. Я не знаю, что он дал археологу, но, на мой взгляд, подвал был так же пуст, как и все виденные мною ранее.

Закатный ветер мчался по степи; розовая пыль клубилась над стальным ковром полыни. Профессор с Вячиком шли впереди, а Таня в раз-

думье замедлила шаги, отстав от них. Я догнал девушку и взял ее за руку.

— Что с вами, Таня? Вы всегда такая веселая, оживленная, и вдруг... Мне кажется, вы изменились после вчерашнего нашего открытия.

Девушка пристально посмотрела мне в лицо...

— Не знаю, поймете вы или нет, но я скажу... Нур-и-Дешт действительно место радости. И я думала, что эта радость во мне, от меня, что я сильная, свободная, веселая. Тут появляетесь вы...— девушка запнулась,— суровый, ушедший в себя, опаленный огнем войны. И вы тоже делаетесь ясным, радостным... И вдруг оказывается, что всему причиной этот радий — и только... Значит, если бы не было радия,— голос девушки упал почти до шепота,— не было бы и дивного очарования этих дней на древней обсерватории.

Таня отвернулась, вырвала руку и побежала вниз по склону холма. Я медленно пошел следом за ней. Остановился, оглянулся на развалины Нур-и-Дешт.

«Свет пустыни» — да, несомненно, свет и для пустыни моей души. Не пройдет, навсегда останется радость дней на обсерватории Нур-и-Дешт!

...И опять, как много раз до этого, угасал костер у палаток, и около него сидели мы с Таней. А рядом излучала золотистое сияние древняя ваза, светящаяся чаша давно минувших, но не умерших человеческих надежд.

— Таня, дорогая,— говорил я,— здесь ожила моя душа, и она открылась... навстречу вам. Кто знает, может быть, в дальнейших успехах науки влияние радиоактивных веществ на нас будет понято еще более глубоко. И кто поручится, что на нас не влияют еще многие другие излучения — ну, хотя бы космические лучи. Вот там,— я встал и поднял руку к звездному небу,— может быть, есть потоки самой различной энергии, изливающейся из черных глубин пространства... частицы далеких звездных миров.

Таня поднялась и порывисто подошла ко мне. В ясных глазах девушки отразился пепельный звездный свет.

В высоте над нами, прорезая световые облака Млечного Пути, сиял распростертый Лебедь, вытянув длинную шею в вечном полете к грядущему.

ЭЛЛИНСКИЙ СЕКРЕТ

«Я очень благодарен всем вам,— тихо обратился к собравшимся профессор Израиль Абрамович Файнциммер, и огромные темные глаза его засветились.— В наши трудные дни вы не забыли о моем скромном юбилее... В благодарность я расскажу вам одну замечательную повесть недавнего времени. Мы, ученые, не очень любим раскрывать еще не подтвержденные многими фактами наблюдения,— примите это как знак моего уважения и доверия к вам.

Вы знаете, что я посвятил свою жизнь исследованию человеческого мозга и работы психики. Но не с одной стороны, не в рамках одной узкой специальности подходил я к этому интереснейшему разделу науки, а старался охватить деятельность и строение мозга во всей его сложности, как мыслительного аппарата. Был я прилежным анатомом, физиологом, психиатром и прочая, пока не основал своего направления — психофизио-

логия мозга. Последние годы я усиленно работал над выяснением природы памяти и, должен сознаться, для выяснения вопроса сделал еще мало: уж очень тяжелая это задача. Пробираясь ощупью среди хаоса необъяснимых фактов, бродя, как в потемках, в сложнейших взаимосвязях нервных клеток мозга, я собрал лишь отдельные, ставшие ясными крупицы, стараясь создать на них достоверный, опытом проверенный фундамент учения о памяти. Но не об этом я хочу говорить сейчас, а о том, что попутно натолкнулся на ряд особенных явлений, которые еще очень темны, и я даже не пытался ничего сообщать о них в печати. Эти явления я назвал памятью поколений или генной памятью. Я не буду давать вам научные доказательства, а скажу только, что по наследству передается ряд довольно сложных бессознательных, иногда вполне автоматических действий нервного механизма животного. Инстинкты и сложные рефлексы не могут, по-моему, быть только в подкорковых, низших, центрах мозга. Здесь обязательно принимает участие кора — следовательно, весь механизм гораздо сложнее, чем это предполагали до сих пор. Упрощение механизма инстинктов и есть крупнейшая ошибка современной физиологии. Но это еще не память — память стоит много выше в цепи всё усложняющихся организаций, ведающих восприятием и осмысливанием окружающего мира. Как и принято современной наукой, память не наследственна, то есть те отпечатки внешнего мира, которые хранит в себе мозг и накапливает во все время жизни индивида, навсегда исчезают со смертью его и никак не обогащают, ничего не передают возникшему от этого индивида потомству.

Суть моего открытия заключается в том, что я нашел факты, доказывающие передачу некоторых отпечатков памяти по наследству из поколения в поколение. Вы уж извините меня за длинное вступление, но вопрос настолько сложен, что я должен подвести к нему вас подготовленными, иначе мое н е о б ы ч а й н о е вы без мистики и чертовщины себе никак не объясните. Не стоит усмехаться, это общая для всех или для очень многих слабость человеческой природы. Не вы первые, не вы последние факт достоверный, но совершенно для вас необъяснимый посчитаете сверхъестественным.

Продолжаю. Все вы замечали, но ни с чем не связывали факт, что, например, красота форм, будь то архитектурных, будь то местности какой-нибудь, будь то человеческого тела и так далее, чувствуется и, в общем, одинаково оценивается всеми людьми самых различных категорий, развития и воспитания. А дайте вы проанализировать эту красоту соответствующему специалисту: здание — архитектору, ландшафт — географу, тело — анатому, тот сразу скажет, что красота есть совершенство в исполняемом назначении, совершенство целесообразности, экономии материала, прочности, силы, быстроты. Я и думаю, что опыт бесчисленных поколений дал нам бессознательное понимание совершенства, воспринимаемого в виде красоты, и это понятие отпечатывается уже в памяти — той бессознательной памяти, которая передается по наследству из поколения в поколение. Есть и другие примеры этой бессознательной памяти поколений, но о них говорить сейчас не буду. И без того проблема памяти — одна из самых еще неясных.

В представлении современной науки память гнездится как бы в ячейках, создаваемых сложнейшими переплетами отростков нервных клеток мозга в течение индивидуальной жизни, жизни одного человека. Я добавляю, что некоторые из ячеек, поскольку окружающая нас природа в течение сотен веков в основных своих чертах остается одинаковой, одинаково возникали у всех людей из поколения в поколение и, наконец, стали

передаваться по наследству. Вот эта бессознательная или подсознательная память поколений составляет общую всем нам канву нашего мышления, вне зависимости от образования и воспитания. Исследования в этом направлении очень трудны, и я еще не имею ни одного опытом доказанного факта.

Однако я иду еще дальше и допускаю, что в редких случаях комбинации ячеек памяти из особых связей нервных клеток могут передаваться по наследству, сохраняя из жизни прошлых поколений некоторые кусочки из области уже сознательной памяти — памяти, реализуемой сознательным мышлением.

Это известные, но обычно считающиеся недостоверными факты совершенно точного описания людьми тех мест, в которых они никогда не были; сны, воспроизводящие точную обстановку прошедших событий, никогда тоже не виданных и не слыханных, и многое такое же. Все подобные явления верующими мистиками и другими чудаками считаются доказательством переселения душ, а ученые только пожимают плечами, по известной пословице об обезьяне, которой нечего сказать. Вероятно, есть люди с более обостренной памятью поколений, также и, наоборот, с полным ее отсутствием.

Так вот, дорогие мои, недавно, в тяжелые дни великой войны, я неожиданно получил новые доказательства действительного существования памяти поколений, да еще сразу из области сознательной памяти. Война вынудила меня оторваться от чисто научной работы. Я не мог по своему характеру не принять непосредственного участия в медицинской работе Советской Армии и начал работать сразу в нескольких крупных госпиталях, где многочисленные контузии, шоки, психозы и другие травмы мозга требовали применения всех моих познаний.

Домой я попадал только к ночи. В своей квартире на Сретенском бульваре я обычно просиживал часа два в кресле перед письменным столом, отдыхая и в то же время размышляя о способах излечения особо трудных раненых. Иногда записывал важные факты или рылся в литературе, охотясь за описаниями сходных клинических случаев.

Такое времяпрепровождение вошло у меня в привычку. С друзьями и товарищами-учеными я виделся редко — поздние возвращения домой не оставляли совсем времени, а телефонных разговоров я очень не люблю и пользуюсь этим прибором только в самых крайних случаях. Мое н е о б ы ч а й н о е подошло ко мне совсем незаметно в такой обычный тихий вечер. В тишине, время от времени нарушаемой привычным мерзким лязгом трамвая, стройно шли одна за другой четкие мысли. Я думал о случае потери речи у одного старшего лейтенанта, контуженного миной. Когда только что начало вырисовываться будущее заключение, зазвонил телефон. Я не ждал звонка; в тишине и сосредоточенности вечера он показался мне настолько громким, что я быстро сдернул трубку, морщась от досады. Ухо врача отметило взволнованную напряженность голоса, осведомившегося, квартира ли это профессора Файнциммера. Затем произошел следующий диалог:

— Вы профессор Файнциммер?

— Я.

— Простите, пожалуйста, за поздний звонок. Я звонил пять раз днем, пока мне не сказали, что вы раньше одиннадцати не приходите.

— Ничего, я раньше часу не ложусь. Чем могу служить?

— Видите ли, меня направил к вам профессор Новгородцев. Он сказал, что вы единственный, кто может мне помочь. Он сказал еще, что я буду для вас интересным объектом. Я и подумал...

— Хорошо, кто вы?

— Я лейтенант, раненый, недавно из госпиталя, и мне нужно...

— Вам нужно повидаться со мной. Завтра в два часа в первом отделении Второй хирургической клиники спецгоспиталя. А, вы знаете адрес... Хорошо, спросите меня, и вас проведут.

Голос, застенчиво бормочущий благодарности, угас в трубке. Имя моего друга-хирурга, не раз находившего очень важные для меня случаи заболеваний, говорило об интересном больном. Я постарался догадаться, что это может быть, потом закурил и возобновил прерванный ход размышлений.

Спецгоспиталь занимал прекрасное помещение, и я часто пользовался кабинетом главного хирурга для ответственных консультаций. В два часа я шел по широкому коридору клиники, вдоль огромных окон по мягкой дорожке, прекрасно заглушавшей шаги. В конце коридора у последнего окна стоял человек с рукой на перевязи. Подойдя поближе, я разглядел красивое, измученное молодое лицо. Военная гимнастерка с отпечатками недавно снятых лейтенантских кубиков очень шла к подтянутой, стройной, атлетической фигуре. Раненый поспешно подошел ко мне и сказал:

— Вы профессор Файнциммер. Я сразу почувствовал, что это вы. А я тот, кто звонил к вам вчера.

— Очень хорошо, идемте...

Я отпер дверь и провел его в кабинет.

— Давайте познакомимся, молодой человек,— по своей обычной привычке я протянул ему руку.

Раненый лейтенант, смущаясь, подал мне левую руку — правая беспомощно висела на широкой перевязи защитного цвета — и назвал себя Виктором Филипповичем Леонтьевым.

Закурив сам, я предложил ему папиросу, но он отказался и сидел, наклонившись грудью вперед, в то время как длинные гибкие пальцы его здоровой руки нервно ощупывали резные украшения массивного стола. Я с профессиональной тщательностью внимательно изучал его внешность. Безусловно красивое, правильное лицо, с тонким носом, густыми четкими бровями и маленькими ушами. Приятный рисунок губ, темные волосы и темно-карие глаза.

«Впечатлительная и страстная натура»,— подумал я и отметил виновато-смущенное выражение его лица, характерное для очень нервных или больных людей. Пока я выжидательно смотрел на него, он взглянул раза два мне в глаза, сейчас же отвел их и сделал несколько движений горлом, как бы проглатывая что-то. «Ваготоник»,— мелькнуло в моем мозгу.

Раненый лейтенант заговорил, заметно волнуясь, тихим голосом, иногда слегка задыхаясь. Он улыбнулся, и я был очарован этой беглой, но какой-то особенно радостной и ясной улыбкой, совершенно снявшей вымученную хмурость с его очень молодого лица.

— Профессор Новгородцев сказал мне, что вы много изучали разные, трудно объяснимые мозговые заболевания. Это, знаете, очень чуткий человек,— всю жизнь буду помнить о нем с благодарностью... Я сейчас в плохом состоянии — меня преследуют галлюцинации, и нарастает какое-то дикое напряжение; кажется, что я вот-вот сойду с ума. Вдобавок бессонница и сильные боли в голове — вот тут,— и он показал на верхнюю часть затылка.— Разные врачи по-разному пробовали меня лечить — не помогло.

— Расскажите-ка мне историю вашего ранения,— потребовал я, и снова очаровательная беглая улыбка переродила его лицо.

— О, это вряд ли может иметь отношение к моей болезни. Я ранен ос-

колком мины в сустав правой руки, но контузии никакой не было. Осколок разбил кость, ее вынули, потом будут делать пересадку кости, а пока рука болтается как плеть.

— Значит, ни при ранении, ни после никаких явлений контузии у вас не замечали?

— Нет, никаких.

— А когда у вас началось такое особое психическое состояние?

— Недавно, так месяца полтора... Да, пожалуй, еще в госпитале, где я лежал, у меня вместе с выздоровлением шло все увеличивающееся ощущение беспокойства, потом прошло, а теперь вот что получилось. Из госпиталя я уже два месяца с лишним как вышел.

— А теперь расскажите, почему, как вы сами считаете, возникло ваше заболевание? Какие ощущения и галлюцинации у вас происходят?

Лейтенант боролся с нарастающим смущением. Я поспешил ему помочь, строго заявив, что, если он хочет моей помощи, он должен дать мне в руки как можно больше сведений. Я не пророк и не знахарь, а ученый, которому для решения любого вопроса нужна определенная фактическая основа. Пусть не стесняется — у меня сегодня есть время — и расскажет все подробнее. Раненый справился постепенно с застенчивостью и начал рассказывать, вначале запинаясь и с усилием подбирая выражения, но потом привык к моему спокойному вниманию и изложил всю свою историю даже, я сказал бы, с художественным вкусом.

До войны лейтенант Леонтьев был скульптором, и я действительно вспомнил, что видел некоторые его работы на одной из выставок на Кузнецком. Это были преимущественно небольшие статуэтки спортсменов, танцовщиц и детей, выполненные просто, но с таким глубоким знанием природы движения и тела, которые присущи лишь подлинному таланту.

Художник и сам был порядочным спортсменом — пловцом. На одном из состязаний по плаванию он встретился с Ириной — девушкой, поразившей художника совершенной красотой тела. Любовь была взаимной. Ирина, в противоположность многим красивым девушкам, была простой и чуткой. Глаза лейтенанта сияли глубоким внутренним восторгом в то время, как он рассказывал о своей возлюбленной, и я очень живо, даже с каким-то намеком на зависть, представил себе эту прекрасную молодую пару. Нужно иметь сердце влюбленного и душу художника, чтобы так живо, скромно и коротко рассказать о любимой девушке и передать всю ясность и силу своей любви. Короче говоря, лейтенант совсем покорил меня и заочно очаровал своей Ириной.

С этой любовью, где гармонически сочетались восторг художника и радость влюбленного, к Леонтьеву пришло властное желание работы — приобщения всех людей к тому прекрасному чувству, которое было создано Ириной и им. Он решил сделать статую своей любимой и передать в ней весь блеск ее очарования, весь огонь бьющей ключом жизни, а не только создать холодный, отточенный символ прекрасного тела, подобный классическим образцам. Это вначале смутное желание постепенно оформилось и окрепло, пока наконец художник не был всецело захвачен своей идеей.

— Вы понимаете, профессор,— сказал он, наклоняясь ко мне,— в этой статуе было бы не только служение миру, не только моя идея, но и великая благодарность Ирине.

И я понял его.

Замысел художника оформился очень скоро: его любимая не разлучалась с ним, но Леонтьев долго не мог решить, какой материал взять ему для статуи. Призрачная белизна мрамора не годилась, так же не соответ-

ствовала его идее резкая смуглость бронзы. Другие сплавы или мертвили воображение, или были недолговечны,— художник же хотел сохранить векам расцвет красоты своей Ирины.

Решение пришло, когда художник познакомился с описаниями древнегреческих авторов, в которых упоминались не дошедшие до нашего времени статуи из слоновой кости. Слоновая кость — вот нужный ему материал, плотный, позволяющий выполнить мельчайшие детали — те детали, которые волшебством искусства создают впечатление живого тела. Наконец, цвет, совершенство поверхности и долговечная прочность,— слоновая кость стоила того, чтобы ее искать.

Зная, что отдельные куски кости могут быть склеены без следов соединений, художник посвятил около года на приобретение и подбор нужных кусков слоновой кости. Нужно сказать, что это был очень упорный труд: у нас в стране слоновая кость не в ходу. Возможно, что весь материал так и не был бы собран, если бы Леонтьев не добился разрешения получить слоновую кость из-за границы. Побывав на обширном аукционе слоновой кости в Африка-Хауз в Лондоне, он быстро подобрал все нужное количество превосходного материала и вернулся в Москву, полный желания немедленно приступить к работе, однако сильная болезнь не позволила ему сразу сделать это, а затем разразилась война.

Война увела его далеко и от любимой, и от мира его чувств и идей. Он честно выполнил свой долг, храбро боролся за все дорогое ему в родной стране, но через два месяца снова очутился в Москве после тяжелого ранения. Здесь его встретила та же Ирина: ничего не изменилось в ней, только глубокая нежность к нему, раненному, еще ярче светилась в ее облике.

Прежние мечты с новой силой охватили художника, но теперь к ним примешивалась горечь сознания, что он с одной рукой не сможет создать статуи, а если и сможет, то, наверное, весь огонь его творческого порыва растворится в трудностях техники исполнения — исполнения убийственно медленного. Вместе с горечью этой беспомощности был и страх — грозная разрушающая сила современной войны только теперь по-настоящему была осознана. Страх не успеть выполнить своего замысла, не уловить, не остановить момента расцвета сияющей красоты Ирины уже в госпитале заставлял его часто беспокойно метаться по постели или не спать ночами в цепях бесконечных дум.

Мысль металась в поисках выхода, беспокойство все дальше проникало в глубину души, и росло нервное напряжение. Недели шли, и психическое возбуждение все развивалось, что-то поднималось со дна души, заставляя мозг напрягаться, и билось в поисках выхода, неосознанное, большое. Леонтьеву казалось, что он должен что-то вспомнить, и сразу откроется выход для бьющейся внутри силы,— тогда вернется прежняя ясная стройность мира. Он мало спал, мало ел, ему было трудно общаться с людьми. Сон был не настоящий — напряжение натянутой в мозгу струны и тут не покидало художника. Чаще вместо сна в полузабытьи скользили вереницы туманных мыслей-образов. Казалось, что еще немного — лопнет струна, вибрирующая в мозгу, и придет полное сумасшествие. Так после нескольких неудачных попыток с другими врачами Леонтьев пришел ко мне.

Я спросил, не было ли повторяющихся галлюцинаций, или, как он их называл, мыслеобразов. Лейтенант только покачал головой и сказал, что этот же вопрос ему задавали все другие врачи.

— Ну и что же из этого,— возразил я,— опорные точки у всех нас должны быть одинаковы, раз мы пользуемся одной наукой. Но я задам вам этот же вопрос по-другому: постарайтесь вспомнить, нет ли чего-ни-

будь во всех ваших видениях общего, какой-нибудь основной, связующей их идеи?

Леонтьев, недолго подумав, оживился и ответил коротко:

— Да, безусловно.

— Что же это?

— Мне кажется, Древняя Эллада.

— То есть вы хотите сказать, что все картины, проходящие в мыслях перед вами, как-то связаны с вашими представлениями об Элладе?

— Да, это верно, профессор.

— Хорошо, сосредоточьтесь, дайте спокойно течь вашим мыслям и расскажите мне для примера две-три из ваших галлюцинаций, постарайтесь наиболее яркие и законченные.

— Ярких много, а вот законченных нет, профессор. В том-то и дело, что любое видение для меня постепенно как бы растворяется в тумане, ускользает и обрывается.

— Это очень важно — то, что вы сказали, но об этом потом, а сейчас мне нужны примеры ваших мыслеобразов.

— Вот одно из особенно ярких: берег спокойного моря в ярком солнце. Топазовые волны медленно набегают на зеленоватый песок, и верхушки их почти достигают опушки небольшой рощицы темно-зеленых деревьев с густыми и широкими кронами. Налево низкая прибрежная равнина, расширяясь, уходит в синеватую даль, в которой смутно вырисовываются контуры множества небольших зданий. Направо от рощи круто поднимается высокий скалистый склон. На него, извиваясь, поднимается дорога, и эта же дорога чувствуется за деревьями рощи, позади нее...— Лейтенант замолк и посмотрел на меня с прежним виноватым выражением.— Видите, это все, что я могу сказать вам, профессор.

— Отлично, отлично, но, во-первых, откуда вы знаете, что это Эллада, а во-вторых, не похожи ли видения, подобные только что рассказанному, на картины художников, воспроизводящих Элладу и ее воображаемую жизнь?

— Я не могу сказать, почему я знаю, что это Эллада, но я знаю это твердо. И ни одно из этих видений не является отражением виденных мною картин на темы древнегреческой жизни. А в деталях есть и похожее, есть и не похожее на общие всем нам представления, сложившиеся по излюбленным художественным произведениям.

— Ну, сегодня не стоит больше утомлять вас. Расскажите еще какой-нибудь другой мыслеобраз ваших галлюцинаций, и довольно.

— Опять каменистый высокий склон, пышущий зноем. По нему поднимается узкая дорога, усыпанная горячей белой пылью. Ослепительный свет в мерцающей дымке нагретого воздуха. Высоко на ребре склона выделяются деревья, а за ними высится белое здание, охваченное поясом стройных колонн, как бы выпрямившихся гордо над кручей обрыва. И больше ничего.

Рассказы лейтенанта не дали мне ни одной трещины в стене неизвестного, за которую можно было бы зацепиться мыслью. Я распрощался с моим новым пациентом без чувства уверенности в том, что я действительно смогу ему помочь, и обещал дня через два, обдумав сообщенное им, позвонить ему.

Следующие два дня я был очень занят, и то ли вследствие усталости мозга, то ли потому, что заключение еще не созрело, я не имел никакого суждения о болезни Леонтьева. Однако назначенный срок кончился, и вечером я с чувством вины взялся за трубку телефона. Леонтьев был дома, и мне досадно было слышать, какая надежда сквозила в тоне его вопроса.

Я сказал, что не мог еще в куче других дел как следует подумать, а потому позвоню еще через несколько дней, и спросил, видел ли он еще что-нибудь.

— Конечно, опять многое, профессор,— ответил Леонтьев.

Я попросил передать тут же по телефону наиболее яркое видение. И вот что он рассказал:

— Высоко над морем находится большое белое здание, и кажется, что портик его с шестью высокими колоннами опасно выдвинут вперед над обрывом. В стороны от портика разбегаются белые колоннады, полускрытые яркой зеленью деревьев. К портику ведет широкая белая лестница, обрамленная парапетом из мраморных глыб, пригнанных с геометрической точностью. Верхний край парапета плавно закруглен, и под ним бегут четкие барельефы движущихся обнаженных фигур. На каждом уступе широкая площадка, обсаженная кипарисами, и на ней статуи. Я не могу разглядеть эти статуи: глаза режет блеск ослепительного солнца на мраморных ступенях, резкие тени деревьев пересекают площадку...

Кончив разговор, я откинулся в кресле, размышляя, и долго думал над странным случаем, представшим передо мной. Не нужно передавать вам всех моих попыток разрешения задачи. Они так же неинтересны, как и обычная цепь фактов нашего повседневного существования; неинтересны, пока не случится что-то яркое, вдруг изменяющее все.

Яркое и случилось. Ток мыслей замкнулся мгновенной вспышкой, в которой пришло сознание, что виденные художником в его бредовых картинах отрывки представляют собою кусочки одного целого в его постепенном развитии. А если это так, то... неужели я встретился с примером памяти поколений, сохранившейся и выступившей из веков именно в этом человеке. Весь захваченный своим предположением, я продолжал нанизывать известные мне факты на внезапно появившуюся нить. Леонтьев жаловался на боли в верхней части затылка, а именно там, по моим представлениям, в задних областях больших полушарий, гнездятся наиболее древние связи — ячейки памяти. Очевидно, под влиянием огромного душевного напряжения из недр мозга начали проступать древние отпечатки, скрытые под всем богатством памяти его личной жизни. И его навязчивое ощущение усилия вспомнить что-то, без сомнения, было отзвуком подсознательного скольжения мысли по непроявленным отпечаткам памяти. Как у художника, зрительная память у него была необыкновенно сильно развита, следовательно, проявляющиеся кусочки отражались в мышлении в виде картин.

Найдя себе точку опоры, я продолжал еще и еще подкреплять свою догадку, но прервал рассуждения и с волнением взялся снова за телефон. Если мои рассуждения верны, то я сейчас услышу от Леонтьева именно то, что и нужно услышать. Если не услышу, все неверно и снова впереди гладкая, непроницаемая стена неизвестного. Я забыл даже о позднем времени. Леонтьев, по обыкновению, не спал и сразу подошел к телефону.

— Это вы, профессор,—услышал я в трубку его по-обычному напряженный голос,— значит, вы что-то решили?

— Вот что, дорогой мой, известна ли вам ваша родословная?

— О, сколько раз меня уже спрашивали об этом! Насколько я знаю, у нас в роду нет сумасшедших и пьяниц.

— Бросьте сумасшедших, мне совсем не то требуется. Знаете ли вы, кто по национальности были ваши предки, откуда они, из какой страны? Вы, должно быть, южанин!

— Это так, профессор, но я не могу понять, как...

— Объясню потом, не перебивайте меня! Так кто же у вас в роду южанин?

— Я не знатная персона и точной генеалогии не имею. Знаю только, что родители моего деда оба были родом с острова Кипра. Но это было очень давно, а дед переселился в Грецию, а оттуда в Россию, в Крым. Я и сам крымчак по месту рождения. Но зачем это вам нужно, профессор?

— Увидите, если моя догадка верна,— не скрывая своей радости, ответил я, договорился с Леонтьевым о приеме на завтра и повесил трубку.

Лежа в постели, я еще долго размышлял. Задача была ясна, и диагноз верен, теперь нужно было усилить и продолжить проявление памяти поколений до какого-то важного для Леонтьева предела. Но, что это за предел Леонтьев, конечно, не знал, и я тоже не мог догадаться. Уже засыпая, я решил, что будущее само покажет. На следующий день в том же кабинете и в прежней позе сидел Леонтьев. Его бледное лицо уже не было хмурым, и он безотрывно следил глазами за мной, пока я расхаживал по кабинету и посвящал его в свою теорию. Кончив, я опустился в кресло за столом, а он сидел в глубокой задумчивости. Я пошевелился, и он вздрогнул, затем, упорно глядя мне в глаза, спросил:

— А не думаете ли вы, профессор, что и самая идея статуи из слоновой кости не случайно возникла именно у меня?

— Что ж, может быть,— коротко ответил я, не желая отвлекаться от пришедшего мне в голову способа дальнейшего выяснения воспоминаний Леонтьева.

— А не имеет ли то, что я должен вспомнить, отношение к моей статуе?— продолжал настаивать художник.

— О, вот это очень вероятно,— сразу отозвался я, так как слова художника как бы поставили точку в мыслях.

Загоревшиеся глаза Леонтьева показали, как сильно подействовала на него моя догадка. Может быть, он инстинктивно чувствовал правильность пути к разрешению загадки и сам уже помогал мне в поисках.

Мы условились, что художник постарается немедленно изолироваться от всех внешних воздействий. Запершись в своей квартире, он в полутьме будет стараться сосредоточиться на своих видениях, а когда картины будут исчезать, попробует их снова вызвать мыслями о своей статуе. Не бороться с ощущением необходимости что-то вспомнить, а, наоборот, усиливать его, возбуждая память некоторыми особыми приемами по моим указаниям. В усилиях вспомнить нервное возбуждение может достичь опасного предела, но на этот риск придется пойти. О видениях и о своем состоянии Леонтьев будет сообщать мне по телефону вечером.

На этот раз лейтенант заторопился домой. Провожая глазами его стройную фигуру, я еще раз подумал о редкой привлекательности этого человека, который, неведомо как, стал мне дорог. Вечером, против ожидания, звонка не последовало. Слегка беспокоясь, я собирался уже позвонить сам, но раздумал, решив не мешать одинокому сосредоточению своего пациента. Однако где-то внутри меня грызло сомнение в безопасности изобретенной мной системы лечения, и, когда на следующий вечер зазвонил телефон, я посмотрел на противный аппарат с облегчением.

— Дорогой профессор, вы, наверное, правы... Я вошел,— без предисловия сообщил мне Леонтьев, и в голосе его как будто не чувствовалось нездоровой напряженности.

— Что такое, куда вошли?— не понял я.

— Да в этот дом или дворец, ну, в то белое здание на обрыве,— торопясь, говорил художник.— Конечно, все эти запомнившиеся мне так отчетливо картины постепенно вводят одна в другую. Теперь я вижу, что внутри этого здания. Это большая комната или зал. Вместо двери широко распахнутая медная решетка. Медные же листы выстилают пол. Окон

нет, вместо них широкие аркады вверху. Через них струится ровный свет без теней. Здесь много статуй и других каких-то вещей, но я не мог их разглядеть: ясно они не видны. У стены, противоположной решетке, в центре главной оси зала — низкая широкая аркада, в которую видны густые верхушки сосен и сверкающее через них небо. У этой аркады еще белая статуя, и рядом какие-то столики и сосуды... О бог мой, сейчас понял: ведь это мастерская скульпторов! До свидания, профессор!

Трубка глухо щелкнула. Я, пожалуй, не меньше самого художника горел нетерпением узнать побольше, отчетливо сознавая необычайность встреченного мною. Но как ученый я был обучен терпению и мог по-прежнему заниматься своими делами, несмотря на то, что телефон молчал два следующих вечера. Звонок раздался рано утром, когда я только еще собирался начинать трудовой день и не ждал никакого сообщения от Леонтьева. Художник устало попросил меня сразу же приехать к нему, если смогу.

— Я, кажется, кончил свои странствования по древнему миру, ничего не могу понять, профессор, и очень боюсь..— Он не договорил.

— Хорошо, постараюсь, ждите: или приеду, или позвоню,— поспешил согласиться я.

Обеспечив себе свободное утро, я поехал на Таганку и не без труда разыскал красивый небольшой дом с башенкой, расположившийся на бугре, в садике, глубоко запрятанном в изломе улицы.

Я позвонил и сейчас же был радостно встречен самим Леонтьевым. Художник быстро ввел меня в свою комнату, весьма простую, без всякого нарочитого беспорядка во вкусах и привычках, почему-то принятого людьми искусства.

Окно, завешенное толстым ковром, не давало света. Маленькая лампочка, закрытая чем-то голубым, едва давала возможность различать предметы. Я усмехнулся, увидев, с какой точностью были выполнены все мои указания.

— Зажгите же свет, ни черта не видно.

— Если можно, то не нужно зажигать, профессор,— робко попросил мой пациент,— я боюсь, вдруг опять не то, боюсь потерять свою сосредоточенность. Сосредоточиться заново у меня уже не хватит сил.

Я, разумеется, согласился, и Леонтьев, откинув голубое покрывало с лампочки, усадил меня на широкой тахте и сел сам. Даже в скудном свете я мог увидеть, как ввалились и бледны его щеки и увеличились блестящие глаза.

— Ну, рассказывайте,— подбодрил я художника, вытаскивая папиросы и внимательно следя за его лицом.

Леонтьев медленно потянулся к столику, взял с него лист бумаги и молча подал мне. Большой лист был покрыт неровными строчками непонятных знаков. Какие-то крестики, уголки, дуги и восьмерки, не написанные, а скорее старательно зарисованные, шли группами, очевидно образуя отдельные слова. Я в общих чертах имел представление о разных алфавитах, как древних, так и современных, но никогда ничего похожего не видел. Сверху были написаны две короткие строчки, по-видимому обозначавшие заглавие.

Я долго смотрел на страницу неведомых письмен, и предчувствие необыкновенного и интересного постепенно охватывало меня, то замечательное ощущение порога неизвестности, знакомое всякому, сделавшему какое-либо большое открытие. Вскинув глаза на художника, я увидел, что он безотрывно следит за мной,— даже губы его полуоткрылись, придавая лицу ребячески внимательное выражение.

— Вы понимаете что-нибудь, профессор?— тревожно спросил Леонтьев.

— Конечно, ничего,— прямо ответил я,— но надеюсь понять после ваших разъяснений.

— О, это все та же цепь видений. Помните, я звонил вам и рассказывал о внутренности здания? Во время разговора с вами я сообразил, что это мастерская скульптора или художественная школа. Еще лишняя связь с моей мечтой поразила меня, и я поспешил снова вернуться к галлюцинациям, уже понимая в них какую-то определенную линию, какой-то смысл, который я и должен был, наверное, разгадать.

Еще и еще я поддавался своим видениям, усиливая их и сосредоточиваясь по вашим указаниям, но все остальные картины, ранее мелькавшие передо мной, или снова исчезали, или как-то стушевались, сделались невнятными. Как только наступал момент появления самых отчетливых и долгих видений, неизменно возвращался зал в белом здании, художественная мастерская. Больше ничего я не мог увидеть и начал уже приходить в отчаяние. Ощущение замкнутости воспоминания, о котором вы говорили, не приходило.

Вдруг я подметил, что одна часть комнаты постепенно, с каждым новым видением, становится все отчетливее, и понял: продолжение мысленных картин нужно было искать только внутри скульптурной мастерской — дальше мои видения уже не шли. Как я ни старался, так сказать, выйти из пределов мастерской скульптора, ничего другого не мог увидеть.

Но все отчетливее становилась правая сторона стены против решетки, там, где было широкое и низкое окно — арка. Видение гасло, снова появлялось, и с каждым разом я мог увидеть все больше подробностей.

Слева четким силуэтом на фоне сосен и неба, видимых сквозь аркаду, выделялась небольшая статуя, в половину человеческого роста, сделанная из слоновой кости. Я очень старался ее рассмотреть, но она не становилась постепенно яснее, а, наоборот, гасла. Так же угасла новая подробность, сначала ставшая более отчетливой, чем статуя,— низкая и длинная ванна из серого камня, налитая почти до краев какой-то темной жидкостью. В этой ванне смутно виднелись очертания скульптурной фигуры, как бы обнаженного тела, утопленного в темной жидкости.

Но и эта деталь стушевалась, а рядом с ванной выявился широкий стол с толстой каменной плитой сверху и длинным сиденьем вроде лавки перед ним из желтого, гладко отполированного дерева. На столе в беспорядке лежали палочки, свертки и другие предметы, в которых, я могу поручиться за это, узнал некоторые скульптурные инструменты, похожие на те, которыми сам привык пользоваться. Ближе к правому углу стола лежала квадратная плита или толстый лист из гладкой меди без всяких украшений, покрытый какими-то знаками.

Этот лист становился все отчетливее, и, наконец, все видение сосредоточилось на этом листе меди. Отчетливо стояла передо мной его позеленевшая поверхность с вырезанными на ней значками. Ничего не понимая, я все-таки чутьем, интуитивно сообразил, что в этом месте конец серии мысленных картин, замыкание цепи видений, по вашему предположению. Томимый неясной тревогой, я стал зарисовывать знаки медной плиты. Вот видите, профессор,— и гибкие его пальцы перебрали целый ворох листков,— нужно было снова и снова начинать. Видение потухло и иногда часами не возвращалось вновь, но я терпеливо ждал, пока не смог составить вот этот лист, который у вас в руках. Левая рука у меня еще не совсем приспособилась, и дело шло медленно. А сейчас я больше ничего не

вижу, усталость, стало все безразлично... Только уснуть никак не могу, боюсь смутно и упорно какой-то ошибки. Я не вижу связи с собой в этих замысловатых знаках. Раньше я чувствовал ее очень резко — скульптуры, статуя из слоновой кости,— а сейчас опять ничего не понимаю. Что же это все, профессор?

— Вот что,— отвечал я, весь дрожа от сильного волнения,— примитека дозу снотворного — я приготовил на случай, если вы переборщите с вашими видениями. Вы заснете — это вам больше всего нужно,— а я заберу лист, и к вечеру мы получим представление, что́ все это значит. Действительно, ваши галлюцинации пришли к концу. Я не понимаю еще всего, но думаю, что вы вспомнили наконец то, что вам нужно... Вот только неожиданные диковинные письмена... Еще раз спрошу: совершенно ли вы уверены, что ваши видения — Эллада или, скажем, только как-то с ней связаны?

— Я говорил вам, профессор, я не могу объяснить почему, но уверен: видел Элладу, или, правильнее сказать, кусочки ее.

— Отлично, теперь старайтесь уснуть, а потом долой все эти затворнические шторы, милый мой, вы вернетесь в жизнь! Ну, довольно, довольно!— прервал я дальнейшие вопросы художника и быстро вышел, унося таинственный лист.

Еще немного терпения, соображал я, направляясь к трамваю, и все должно решиться. Или это действительно вырванная из глубины прошлого запись чего-то важного, или... бредовая чепуха. Нет, на последнее не похоже. Одни и те же знаки часто повторяются, группы неравного количества знаков разделены промежутками, вверху, очевидно, заголовок. Нет, в бреду такой штуки не напишешь. «Итак, раз художник уверен,что это Эллада, нужно к эллинисту. Кто у нас в Москве самый крупный спец по этой части?»— продолжал я свои рассуждения, но никак не мог никого вспомнить. У себя дома с помощью справочника научных работников, календаря академии и презренного телефона я узнал нужного мне человека и немедленно позвонил ему. Повезло, он оказался дома.

Не далее как через сорок минут я раскуривал очередную папиросу в его кабинете, в то время как ученый впился взглядом в поданный мною лист с таинственными знаками.

— Где вы взяли, вернее, списали это?— воскликнул эллинист, пронизывая меня прищуренными блестящими глазами.

— Я все расскажу вам без утайки, только прежде, ради всего святого, объясните мне, что это такое?

Ученый нетерпеливо вздохнул и снова склонился над листом, говоря размеренным, без интонаций голосом:

— Принесенный вами отрывок написан так называемыми кипрскими письменами, слоговой азбукой, справа налево, как раньше писали в Элладе. Этими письменами написано на эолийском наречии древнегреческого языка. Поэтому я затрудняюсь быстро перевести весь отрывок. Вот заглавная строчка — да, это интересно!— состоит из трех слов: вверху — малактер элефантос. Под ними внизу — зитос. Первые два слова означают буквально «смягчитель слоновой кости», а в переносном значении: мастер слоновой кости. Наше название «мастер» тоже происходит от этого корня. Зитос — особая неизвестная жидкость — средство для размягчения слоновой кости. Вы знаете, что в Древней Элладе художники знали секрет делать слоновую кость мягкой, как воск, и благодаря этому лепили из нее весьма совершенные произведения, которые после затвердевали, опять становясь обычной слоновой костью. Этот секрет потом был безвозвратно утрачен, и никто до сих пор...

— О черт побери, все понял!— вскочив со стула, закричал я. Увидев испуганно-недоумевающее лицо ученого, спохватился и поспешно добавил: — Простите, бога ради, но это очень важно для меня, а главное — для моего пациента. Не можете ли вы мне сейчас же передать, хотя бы в самых общих чертах, содержание дальнейшего?

Эллинист пожал плечами и не ответил. Однако я видел, что его глаза бегают по строчкам листа, и постарался застыть в кресле, сдерживая волнение и накипавшую бешеную радость. После нескольких, казавшихся очень долгими минут ученый сказал:

— Насколько я могу разобрать без специальных справок, здесь записан химический рецепт, но названия веществ нужно будет особо истолковать. Ну, тут сказано о морской воде, затем о порошке цинны и каком-то масле Посейдона и так далее. Наверное, это и есть рецепт того средства, о котором я сейчас вам говорил. Это очень важно,— заключил эллинист.

Тон его голоса показался мне слишком сухим, при громадном значении его слов. Но так или иначе, все было ясно. На медной плите, то есть здесь, на листе, был записан рецепт средства для размягчения слоновой кости. Художник вспомнил наконец его через десятки поколений, и действительно теперь он сможет создать статую Ирины, просто вылепив ее!

Ученый выжидательно смотрел на меня. Полный торжества и волнения, я поднялся и тут же рассказал ему историю своего пациента и кое-что из своей теории. Когда я кончил, выражение недоверчивого изумления окончательно исчезло с лица эллиниста. Маленькие глазки стали совсем добрыми и, пожалуй, слишком влажными. Выходя из его кабинета, я увидел, как ученый уже рылся в книжных шкафах, быстро извлекая книгу за книгой. Спокойный, что обещанный перевод листа будет сделан так быстро, как это только будет возможно, я с ощущением праздничной радости мира отправился по своим обычным делам.

Ощущение покоя и счастья одержавшего победу разума не оставляли меня и в привычной тишине моего кабинета. Но нетерпение скорее сообщить все ставшее таким ясным художнику заставило меня сразу же позвонить ему. Он, видимо, дожидался моего звонка и на мое приглашение немедленно приехать ко мне быстро ответил:

— Сейчас еду!

Мне очень живо запомнилось в этот вечер изможденное лицо Леонтьева с резкими тенями от настольной лампы и его внимательные глаза, с пробегающими в них искрами изумления, радости и торжества.

— Так я открыл, нет, вспомнил, утраченный секрет древних мастеров?— взволнованно воскликнул художник, все еще не веря случившемуся.— Но как я мог это сделать?

Я объяснил ему, что точных данных наука еще не имеет, но, по-видимому, в предыдущих поколениях его предков были мастера, знавшие этот секрет. Долгая работа и важное значение этого рецепта обусловили то, что в памяти одного из его предков образовались какие-то очень прочные связи, закрепившиеся для передачи в механизме наследственности.

Эти связи, хранясь под спудом его личной памяти, возникли и у него, Леонтьева. Таким образом, здесь чудесно только одно — замечательное совпадение проявления древней памяти и важности эллинского секрета именно для него, тоже ставшего скульптором, как и его предки. Очень большое желание создать статую Ирины, воля и напряжение всех сил помогли ему вызвать из области подсознательного картины древней зрительной памяти. Сам того не зная, он все время чувствовал, что знает именно то, что так для него необходимо. Конец разъяснения художник слушал уже рассеянно, кивая головой и как бы стараясь дать мне понять,

что он уже все понял. Едва я кончил, как последовал быстрый вопрос:

— Значит, когда ученый сделает перевод, у меня будет рецепт этого средства, профессор? Вы вполне уверены в этом?

Мне трудно передать радость и волнение художника после моего утвердительного ответа.

— Подумайте только! Теперь я и с одной рукой выполню свою мечту, свою цель...— И его длинные пальцы зашевелились, как бы уже обрабатывая волшебный материл мягкой слоновой кости.— Теперь, завтра...— Голос его задрожал.— И это дали мне вы, профессор, ваша наука...

Художник вскочил и схватил меня за руку, потянулся ко мне, как ребенок к отцу, но устыдился своего порыва, отвернулся, сел и опустил голову на здоровую руку, на стол. Плечи его слегка вздрагивали. Я вышел в другую комнату, сам взволнованный до глубины души, и сел там, покуривая...

На следующий день я снова увиделся с художником у эллиниста, сделавшего перевод записи, содержавшей точный рецепт утерянного секрета. После этого я расстался со своим пациентом и принялся наверстывать некоторые упущенные за это время дела, стараясь вместе с тем составить полный отчет со всеми возможными объяснениями о встреченном необычайном случае.

Дни шли, весенние сменились летними, незаметно подошла осень. Я сильно устал от большой нагрузки, годы как-никак давали себя знать; немного прихворнул и отсиживался дома. Неожиданно ко мне явились двое молодых людей. Я сразу узнал Леонтьева и угадал его Ирину. Рука художника еще висела на перевязи, но это был уже совсем другой человек, и я редко встречал на чьем-либо лице столько ясности и доброты. Про Ирину я скажу только, что она стоила безумной любви художника и всех наших трудов в поисках эллинского секрета.

Ирина крепко поцеловала меня, молча глядя мне в глаза, и, право же, я был больше тронут этой безмолвной благодарностью, чем тысячей дифирамбов.

Леонтьев, волнуясь, сказал, что статуя уже готова, он посвящает ее науке и мне как дань спасенного спасителю, чувства — разуму и очень хочет показать ее мне. Ну, статую я видел. Описывать ее не берусь — это будет сделано специалистами. Как анатом, я увидел в ней то самое высшее совершенство целесообразности, что все вы назовете красотой, в которую любовь автора вложила радостное и легкое движение. Словом, от статуи не хотелось уходить. Долго еще перед глазами стояла эта изумительно прекрасная женщина как доказательство всей силы власти Формы — тонкого счастья красоты, общего для всех людей».

◆

Мысль о полете человека в космос, на иные галактики, занимала меня давно, задолго, до того, как первый советский спутник вышел на свою орбиту, показав всему миру реальность давней человеческой мечты о путешествии на другие миры и планеты. Однако более реальные очертания эта мысль обрела примерно лет десять назад. Я тогда прочел подряд десятка полтора-два романов современных западных, главным образом американских, фантастов. После этого у меня возникло отчетливое и настойчивое желание дать свою концепцию, свое художественное изображение будущего, противоположное трактовке этих книг, философски и социологически несостоятельных.

Таким образом, подтолкнули меня к осуществлению давнего замысла побуждения чисто полемические. Всей этой фантастики, проникнутой мотивами гибели человечества в результате опустошительной борьбы миров или идеями защиты капитализма, охватившего будто бы всю Галактику на сотни тысяч лет, я хотел противопоставить мысль о *дружеском контакте* между различными космическими цивилизациями. Так родилась и созрела тема «Великого Кольца» (как я намеревался вначале назвать роман). Но постепенно в процессе работы над книгой главным объектом изображения сделался человек будущего. Я почувствовал, что не могу перебросить мост к другим галактикам, пока сам не пойму, каким же станет завтрашний человек Земли, каковы будут его помыслы, стремления, идеалы. Может быть, поэтому первоначальное, слишком обязывающее заглавие как-то само собой отодвинулось и на его место явилось другое, более подходящее — «Туманность Андромеды». Оно тоже символизировало тот межгалактический контакт, мысль о котором была мне так дорога, но давало больший простор, не связывало меня.

Должен сказать, что в этом романе я впервые сосредоточил главное внимание на человеке, на характерах своих героев...

◆

Мои раздумья над характером человека будущего шли в двух планах. Надо было представить себе и его внешний и внутренний облик. С первым было легче. Я мысленно шел здесь от внешности человека наших дней,

---

Приводятся выдержки из статьи И. А. Ефремова «На пути к роману «Туманность Андромеды».

представлял себе людей нашего северного Поморья, сибиряков, скандинавов — всех тех, к кому сами жизненные условия предъявляют повышенные требования, закаляя их, воспитывая силу, смелость, решительность. Мне казалось, что человек далекого будущего, занятый напряженным общественно полезным трудом без необходимости переутомляться, сделается еще сильнее, выше, красивее.

Если же говорить о внутреннем мире, то здесь дело обстояло сложнее. Конечно, думалось мне, человек будущего должен быть волевым, смелым, решительным и в то же время свободным от малейших признаков бахвальства, грубости, разнузданности — тех качеств, которые теперь еще «почитаются» некоторыми физически сильными людьми. В коммунистическом обществе любое проявление грубости сделается явлением антисоциальным, а бесстрашие и отвага не перейдут в бесшабашность, безрассудную удаль.

Женщина будущего представлялась, разумеется, абсолютно полноправным членом общества, избавленным от любого ущемления, приниженния ее прав. Она будет совершенно вольна и в сфере своих чувств.

И конечно же, жизнь людей той эпохи окажется заполненной до краев: они все время будут увлечены интересной работой, многообразной интеллектуальной и физической деятельностью. Это избавит их от праздности, от постыднейшей необходимости как-нибудь «убить время». Наоборот — им будет чертовски не хватать времени!..

Словом, передо мной был целый комплекс сложных человеческих проблем, которые приходилось «держать в уме», размышляя над характерами героев романа.

◆

Чтобы герои не получились резонерами, надо было занять их настоящим делом, которое оказалось бы под стать людям коммунистического общества. Самым логичным казалось обратить их помыслы к далеким звездным мирам, «зажечь» их собственной мечтой о контакте с братьями по разуму на иных галактиках. Так появилась в романе и научная база для этого — «биполярная математика», послужившая своего рода «ключом» для «Тибетского опыта» Мвена Маса и Рен Боза. Они пытаются осуществить дерзкий эксперимент — добиться состояния перехода пространства в антипространство, как бы перебросить мгновенный «мост» к планете звезды Эпсилон Тукана.

Мысль о контакте между жителями Земли и обитателями других миров — идею «Великого Кольца» — я считаю здесь главной. Это то, что больше всего занимало меня в книге. Вот почему, кстати, я и не стал писать продолжение «Туманности Андромеды», хотя многие читатели просили об этом. Я уже сказал то, ради чего и была написана сама вещь. Конечно, чисто сюжетно ее можно было продолжить: рассказать, например, о дальнейшей судьбе космической экспедиции, которая покидает Землю в самом конце романа. Но для меня это было бы уже не так интересно. Я люблю в книге главную мысль, основную, ведущую ее идею. Правда, в самой «Туманности Андромеды» непосредственный контакт людей Земли с иными галактиками является еще как бы задачей будущего, весьма отдаленной целью, к которой стремятся ее герои. Но мечта об этом присутствует в романе, создает простор для устремлений героев.

Впрочем, мне все же хотелось досказать главную мысль до конца — она не давала мне успокоиться,— и я написал «не переводя дыхания» рас-

сказ «Сердце Змеи», в котором впервые встречаются звездолеты двух разных галактик...

◆

Образ Веды, юного историка, помог мне и как-то естественнее, свободнее провести в романе мысль, тоже отчасти связанную с историей, с прошлым, но которую я считал закономерной для будущего общества,— мысль, что культура его сделается более эмоциональной, чем-то напоминающей культуру эллинов. Из всех предшествующих цивилизаций, на мой взгляд, именно эллины сумели наиболее полно, законченно выразить культ красоты здорового и прекрасного человеческого тела. Поэтому мне думается, что цивилизация будущего, которая станет, несомненно, еще более эмоциональной, многое возьмет и у Древней Эллады. Герои «Туманности Андромеды» перенимают оттуда ряд традиций, давая им новое, более широкое толкование. Таковы подвиги Геркулеса, увлекательные состязания юношей в силе, ловкости, отваге; полный веселья, женской грации, красоты Праздник Пламенных Чаш и т. п.

Человек будущего — это, несомненно, человек гармонический. Размышляя над этим, я невольно столкнулся в романе с проблемами главным образом в плане общественном, социальном. Ведь от воспитания человека во многом зависит и судьба общества в целом. Поэтому здесь большую роль сыграет то разумное, здравое начало, какое внесет сюда само общество.

Мысль о воспитании связана со всем обликом человека будущего, которого я пытаюсь показать в «Туманности Андромеды». И в этом, человеческом, плане мой роман полемизирует с некоторыми вещами Уэллса, особенно с его «Машиной времени», где нарисована пессимистическая картина «затухания» и обмельчания человечества. Конечно, с Уэллсом я не только полемизировал, но и учился у него мастерству фантастики. В частности, его роман «Люди как боги» (который я ценю больше других) явился своего рода «отправной точкой» для «Туманности Андромеды»...

◆

Для создания подобного романа мне нужна была не только предварительная подготовка в смысле накопления *конкретных сведений*, не только строгая продуманность всех «частностей», мелочей, но и какая-то психофизическая настроенность, временное «отключение» от повседневности для чисто технического осуществления замысла.

Так и остался у меня в памяти период работы над «Туманностью Андромеды» как время полного уединения, тишины, время, как бы придвинувшееся, приблизившееся ко мне.

В такой обстановке мне лучше удавалось находить достоверные, емкие детали иллюзорной действительности. А эти детали помогали создать ощущение правдоподобия, реальности грядущего.

◆

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЦЫ ТВОРЧЕСТВА ИВАНА ЕФРЕМОВА *Брандис Е., Дмитревский В.*	6
Туманность Андромеды	21
Путешествие Баурджеда	223
На краю Ойкумены	289

РАССКАЗЫ

Звездные корабли	456
Сердце Змеи	500
Пять Картин	539
Обсерватория Нур-и-Дешт	544
Эллинский Секрет	559

Ефремов И. А.

Е92 Сборник научно-фантастических произведений.— Кишинев, «Штиинца», 1986, 576 с.

В романе «Туманность Андромеды» изображено коммунистическое общество грядущих времен, показаны перспективы преобразования Земли, вера в светлое будущее разумно устроенного мира. Своеобразным его прологом, символом исканий и безграничных возможностей Человека воспринимаются события в повестях «Путешествие Баурджеда» и «На краю Ойкумены».

Идеи интернационализма, истоки которого И. А. Ефремов находит в глубокой древности, делают его произведения вполне современными.

Книга рассчитана на массового читателя.

4702010200—40
Е———————170—86 84Р7-4
М755(12)—86

Оформление серии «Икар»
Ю. Пивченко

СЕРИЯ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ «ИКАР»

ИВАН АНТОНОВИЧ ЕФРЕМОВ

СБОРНИК НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Ответственный за выпуск П. М. Андриеш. Художественный редактор В. М. Шишко. Технический редактор Л. И. Жукова. Корректоры А. В. Сушкевич, Р. А. Биглер.

ИБ № 3119

Сдано в набор 09.08.85. Подписано к печати 21.02.86. Формат 60×90$^{1}/_{16}$. Бумага книжно-журнальная. Школьная гарнитура. Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,0. Усл. кр.-отт. 37,0. Уч.-изд. л. 50,93. Тираж 200 000(1 завод 1—50 000). Заказ 51423. Цена 3 р. 40 к.

Издательство «Штиинца». 277028, Кишинев, ул. Академика Я. С. Гросула, 3.

Полиграфкомбинат Государственного комитета Молдавской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Кишинев, ул. Берзарина, 35.

3 р. 40 к.

Кишинев, «Штиинца», 1986